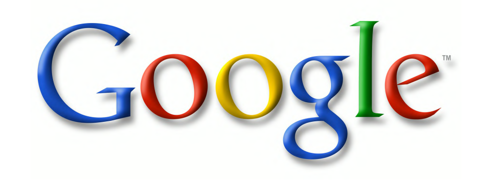
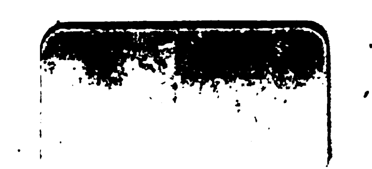
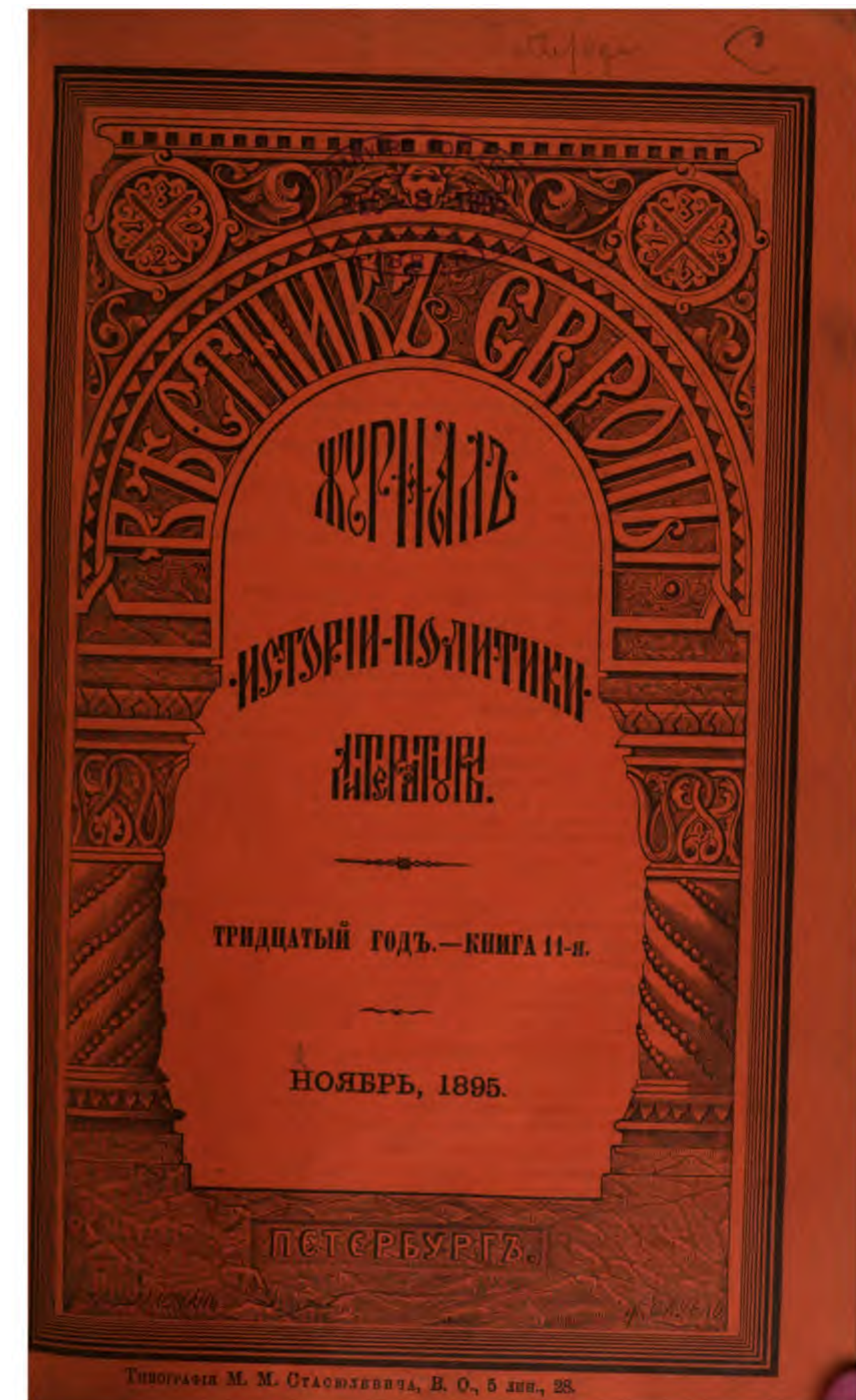

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
ET
VE
RI
TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE

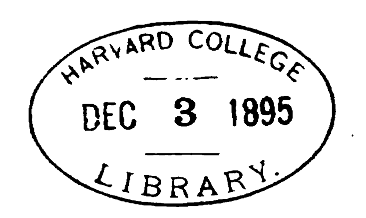
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1895.

Стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть года въ 1896 г.
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ.—ТОМЪ VI.

LIX. — ТОМЪ CCCL. — 1/13 НОЯБРЯ, 1895.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-СЕМЬДЕСЯТЪ-ШЕСТОЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1895

2868

ФРАНЦУЗСКАЯ ДЕРЕВНЯ

ЭКСКУРСІИ.

Окончаніе.

VIII [1]).

Г-нъ Ансельмъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда моего соотечественника, какъ-то вечеромъ, я возвращалась домой изъ театра маріонетокъ—единственное, пока, зрѣлище въ этотъ ранній сезонъ на здѣшнихъ модныхъ водахъ.

— Не хотите ли присѣсть къ намъ? Только 9 часовъ!—окликнула меня хозяйка, m-me N.

Она, ея старшій сынъ и еще незнакомое мнѣ лицо сидѣли на стульяхъ передъ домомъ и вели бесѣду.

Я скоро поняла, что разговоръ идетъ интересный. И не ошиблась. Гость—лѣтъ за тридцать—monsieur Anselme—оказался крестьяниномъ изъ департамента Приморскихъ-Альпъ, близь Ниццы. Этотъ крестьянинъ былъ одѣтъ вполнѣ горожаниномъ, фигурой миніатюренъ и гибокъ, какъ женщина; маленькіе глаза юрко взглядывали и быстро опускались. Лицо плоское, гладко выбритое; жестъ очень сдержанъ и интонаціи приторны. Все это такъ не вязалось съ представленіемъ объ альпійскомъ крестьянинѣ...

Изъ разговора я скоро узнала, что Ансельмъ, по своей профессіи, садовникъ. Онъ служитъ у англичанина-дачевладѣльца,

[1]) См. окт., 524 стр.

близъ Ниццы. Бесѣда направилась на интересовавшую меня тему, и этотъ крестьянинъ-садовникъ охотно сталъ разсказывать о своей деревнѣ.

Я очень сожалѣю, что дословно не могла записать его разсказъ, какъ разсказъ Шарля N., но вотъ, приблизительно, что говорилъ мнѣ Ансельмъ: его родители живутъ въ деревнѣ, въ hameau, недалеко отъ Ниццы, въ горахъ. Тамъ, конечно, поражаетъ цѣнность крохотной, обработанной земли, на которой произростаютъ розы, фиговыя, оливковыя, апельсинныя и лимонныя деревья: 15—25 фр. за квадратный метръ! Налоговъ вообще доходитъ до 4%. Удобреніе покупаютъ. Ржаной хлѣбъ стоитъ 15 сантимовъ фунтъ (т.-е. $4^1/_2$ к. за $1^1/_4$ ф.). Крестьянское жилье съ сараями—въ суммѣ 6.000 франковъ. Мулъ—600 фр., коза—80 фр., баранъ—60 фр. Уваженіе къ главѣ семейства—большое. Дѣтьми не тяготятся, предпочитаютъ дочерей, но выдавать ихъ замужъ не любятъ—своя работница. Женщина въ Альпахъ работаетъ наравнѣ съ мужчиной; но когда парень женится, то невѣста приноситъ только свое носильное платье, немного столоваго и постельнаго бѣлья,—всю же домашнюю обстановку доставляетъ онъ, женихъ. Иначе неприлично, уваженія не будетъ парню, если невѣста принесетъ въ приданое и мебель. Есть и наемные работники. Они получаютъ 15—20 фр. жалованья въ мѣсяцъ съ хозяйской ѣдой.

— Самый суровый хозяинъ—свой же, крестьянинъ,—разсказывалъ нѣжнымъ голосомъ Ансельмъ.—Ѣдятъ плохо, работаютъ и хозяинъ, и работникъ поздно—пока глазъ видитъ. Всѣ живутъ грязно и очень, очень скучно,—повторилъ нараспѣвъ разсказчикъ. — Пьянства въ нашихъ деревняхъ, Приморскихъ-Альпъ, совсѣмъ нѣтъ; развращенность не особенная, но есть „адюльтеръ“ и разводъ,—продолжалъ Ансельмъ, слегка стѣсняясь темою доклада „госпожѣ“.—По городамъ крестьянская молодежь сильно балуется, у себя же, dans son hameau — скупа и подчиняется домашнему, родительскому обиходу.

— Такъ что, я думаю, васъ послѣ городского житья въ деревню и не заманишь?

— Oh, madame!—тихо воскликнулъ Ансельмъ, какъ подобаетъ протестовать европейски-дрессированному слугѣ:—au contraire, nous avons l'amour du pays, presque tous tâchent d'y revenir... Мы стремимся возвращаться въ свое селеніе, но... пожилыми,—добавилъ Ансельмъ съ неподражаемой интонаціей слуги „тонкихъ“ господъ.

О займахъ, о ростовщичествѣ по деревнямъ и понятія не имѣютъ.

— Это въ Ниццѣ есть „жиды“,—сказалъ Ансельмъ въ тонѣ любого горожанина-юдофоба.—А по деревнямъ имъ нѣтъ заработковъ, тамъ нѣтъ никакихъ темныхъ дѣлъ.

Крестьяне охотничьимъ промысломъ не занимаются; въ этой мѣстности дичи мало. Рыболовство большое, конечно въ морѣ. И они спускаются съ горъ, а за право уженія платятъ 30 фр. въ триместръ. Динамитъ для уженія не употребляютъ. По части грамотности—есть много такихъ, которые не умѣютъ ни читать, ни писать. Даже онъ самъ—теперь только доучивается грамотѣ, платитъ 10 франковъ въ мѣсяцъ за уроки.

— Какъ же это такъ?—удивилась я.

— Времени много прежде требовалось на ученіе, не всѣ и обучались. Теперь скорѣе учатъ.

— Вы пріѣхали сюда для питья водъ?

— О, нѣтъ! Мы всѣ, горцы, очень здоровы и живемъ маѳусаиловъ вѣкъ; еслибъ вы видѣли мою мама̀, ma vieille bonne maman,—ей восемьдесятъ лѣтъ, и она шьетъ и прядетъ безъ очковъ.

— Развѣ у васъ еще прядутъ ленъ?

— Да, и наши крестьянки носятъ полотно своего издѣлья.

— Будетъ нескромностью узнать, зачѣмъ вы пріѣхали сюда: вѣдь это—путешествіе для васъ?

— И ужасно утомительное; весь день ѣхалъ и всю ночь,— жеманно отвѣтилъ Ансельмъ:—но для дѣлъ поѣдешь на край свѣта. Видите ли, моя жена, совершенно неожиданно, получила въ здѣшней мѣстности наслѣдство,—фамильярнѣе начиналъ разсказывать Ансельмъ.—Я и пріѣхалъ убѣдиться своими собственными глазами, стоитъ ли мнѣ, мужу, давать ей разрѣшеніе на полученіе этого наслѣдства.

— Давать разрѣшеніе?.. Будьте такъ любезны,—обратилась я ко всему маленькому обществу:—объясните мнѣ, послѣ этого, имущественное право французской женщины.

M-me N. засмѣялась.

— Bonnes gens!—воскликнула она:—французская женщина пока не замужемъ—совершеннолѣтняя и наслѣдство получаетъ поровну съ мужчинами; вышла замужъ—малолѣткомъ стала, вся въ зависимости отъ мужа [1]). Вотъ я вамъ разскажу исторію, мѣ-

---

[1]) Французскій почтамтъ не выдаетъ даже денежныхъ писемъ французской подданной безъ разрѣшенія ея мужа.

сяцъ назадъ случилась. Есть у насъ знакомая, une jeune dame très distinguée, прекрасная особа. Ну, силъ ей больше нѣтъ жить съ мужемъ. Она богатая, а у него ничего нѣтъ. Она и идетъ къ своему нотаріусу и говоритъ ему, что хочетъ уходить отъ мужа; но такъ какъ онъ бѣденъ, то она желаетъ подарить ему половину своего состоянія. Нотаріусъ ей отвѣчаетъ: „Надо узнать сперва, пожелаетъ ли вашъ мужъ дать вамъ разрѣшеніе на право сдѣлать ему подарокъ". Вотъ каковъ нашъ законъ—Le Code Napoléon!..

— О! Между нами съ женой ничего такого случиться не можетъ!—воскликнулъ Ансельмъ отъ души,—я даже взглянула на него. Въ потемкахъ, при слабомъ освѣщеніи фонаря, я не могла разглядѣть лица, слышала только голосъ, теперь уже безъ всякихъ интонацій. — Мы съ женой живемъ въ большомъ согласіи,—продолжалъ онъ возбужденно.—C'est une femme de tête, m-me Anselme! Недавно мы открыли кабачокъ (une buvette) близъ желѣзнодорожной станціи, въ километрѣ разстоянія отъ виллы моего господина; жена и завѣдуетъ кабачкомъ, мнѣ некогда. Такъ, повѣрите ли, она сердится, если я приду къ ней, не пообѣдавъ на виллѣ. Говоритъ: „на тебя лишній расходъ". Вотъ она какова. О, голова у нея золотая!..

Не знаю, была ли такого же мнѣнія m-me N., которая въ эту минуту запирала съ старшимъ сыномъ ставни магазина и тушила газъ на лѣстницѣ.

Мнѣ хотѣлось задать еще одинъ вопросъ Ансельму.

— Вы крестьянинъ съ Приморскихъ-Альпъ, почти на границѣ Италіи; мало ли какія бываютъ превратности судьбы...

— Вы хотите сказать,—перебилъ онъ меня,—что мы можемъ вернуться въ подданство Италіи? Этого никогда не будетъ!

Я увидѣла, какъ глаза Ансельма блеснули; онъ тревожно задвигался; зазвучали совсѣмъ иныя интонаціи... Куда дѣвалась европейская дрессировка слуги, почтительный докладъ „госпожѣ".

— Мы такъ страшно бѣдствовали въ подданствѣ Италіи... Да это опять полное разореніе наше. Кто къ намъ тогда станетъ ѣздить?!

— Ну, вотъ, въ Италію-то! Чудный климатъ, солнце,—всегда будутъ ѣздить.

— Кто? Des étrangers de pacotille, а не знатные и богатые, какъ теперь! Oh, non, non, cela n'arrivera jamais!..—воскликнулъ Ансельмъ такъ, что—хоть бы и съ трибуны.

Подошла m-me N. и ея сынъ; пожелавъ взаимно спокойной

ночи, мы разошлись спать. На прощанье г. Ансельмъ подалъ мнѣ руку.

IX.

Приготовленія къ поѣздкѣ.—Городъ Тьеръ, фабрика и кустари.

Прежде чѣмъ отправляться къ ножевщикамъ, мнѣ хотѣлось прочесть исторію городка Тьеръ или, какъ говорилъ Шарль N., l'historique de la fabrication du couteau à Thiers; но, несмотря на старанія того же Шарля, онъ не могъ мнѣ добыть книгъ по этой части. Тогда я отправилась сама въ народную школу нашихъ водъ, къ старшей учительницѣ, предполагая, что она укажетъ мнѣ, чтò именно прочесть. Тьеръ находится въ сосѣднемъ департаментѣ съ нами и настолько извѣстенъ своимъ производствомъ, что, вѣроятно, не разъ, приходится упоминать о немъ въ школьномъ преподаваніи.

Народная школа для дѣвочекъ—спеціальное зданіе, помѣщается недалеко отъ рынка, за рѣшеткой, съ дворомъ, обсаженнымъ каштанами. На дворѣ играли дѣвочки, шелъ часъ рекреаціи. Я попросила одну изъ нихъ вызвать старшую учительницу; не имѣя разрѣшенія отъ министра, я ужъ больше не пыталась входить въ школу. Дѣвочка побѣжала. Я пошла за ней и остановилась на крыльцѣ. Изъ школы, какъ изъ улья, неслось жужжанье сотни дѣтскихъ голосовъ—это прилежныя твердили уроки... Старшая учительница тотчасъ вышла ко мнѣ, держа книжку въ рукахъ: значитъ, ее перехватили во время занятій. Я въ двухъ словахъ объяснила причину моего визита. Она вспыхнула, очень смутилась и отвѣтила, что мнѣ лучше обратиться къ директору мужской школы, она же ничего не можетъ указать, рѣшительно ничего...

— Я иностранка, русская (отъ моей національности учительница мнѣ на шею, однако, не бросилась), я интересуюсь также школами, не можете ли вы мнѣ, кстати, дать и программу вашей школы?

Учительница сдѣлалась совсѣмъ пунцовой.

— Извините, у насъ печатныхъ нѣтъ для публики.

— А нельзя ли переписать? Вѣроятно, найдутся нуждающіяся ученицы, я заплачу сколько слѣдуетъ; потомъ мнѣ бы хотѣлось также записать здѣшнія дѣтскія пѣсни, игры...

— Нѣтъ, нѣтъ, этого никакъ нельзя. Извините, я занята, прощайте.

Не теряя времени, я направилась въ школу для мальчиковъ.

Это уже большое училище: двухъ-этажное зданіе съ павильономъ сбоку для привратника, котораго не было. На дворѣ, за рѣшеткой—никого: видно, занятія въ классахъ. Я прошла въ одной изъ дверей въ нижнемъ этажѣ. Нѣсколько женщинъ суетилось у плиты.

— Могу я видѣть г. директора?

— Теперь онъ занятъ.

— А кого-нибудь изъ учителей?

— Нельзя, уроки даютъ.

— Въ которомъ часу принимаетъ директоръ?

— Отъ 3 до 5 часовъ.

Я приходила два дня къ ряду и все не заставала директора. Мой докторъ В. посмѣивался надо мной.

— Знайте, что нѣтъ страны, гдѣ болѣе формальностей, чѣмъ Франція. У меня вонъ въ палисадникѣ сломалось нѣсколько столбиковъ въ рѣшеткѣ. Ихъ надо вырыть и новые поставить. Я долженъ былъ написать бумагу, просить разрѣшенія. И вотъ жду его... И раньше, какъ недѣли черезъ двѣ, оно не придетъ, потому что ему надо пройти черезъ разныя инстанціи, прежде нежели я получу право вставить нѣсколько новыхъ столбиковъ въ рѣшеткѣ моего палисадника. А вы еще захотѣли осмотрѣть мэріи, школы, фабрики такъ, мимоходомъ, en dilettante!.. Если вы корреспондентъ отъ газетъ—тогда предъявите письмо отъ редакціи; если вы членъ какого-нибудь общества—поставьте на вашей визитной карточкѣ: „членъ такого-то общества". А то просто являетесь съ вѣтру: „Madame une telle".

— Ну, еслибы къ намъ въ Россію пріѣхала француженка моихъ лѣтъ, да еще съ моимъ знаніемъ языка, и полюбопытствовала бы осмотрѣть школы, фабрики—ей бы это удалось гораздо легче.

— Здѣсь проходитъ нѣсколько тысячъ иностранцевъ; допустимъ, что они всѣ были бы такъ же любознательны и принялись бы за изученіе мѣстной этнографіи—merci! Тогда только бы у и насъ дѣлали, что все принимали знатныхъ иностранцевъ! И теперь ужъ ихъ слишкомъ много принимаютъ... Правда, все это въ нашу пользу, — прибавилъ докторъ В., съ легкой насмѣшкой надъ докторской погоней за „кліентами", какъ тамъ называютъ больныхъ.

Послѣ моей тщетной попытки получить указанія изъ школы, я отправилась въ книжныя лавки, но на этотъ разъ и въ культурной Франціи вышло то же, что и въ некультурной Россіи: я не могла достать печатной исторіи города, дающаго работу болѣе 30.000 человѣкъ. По крайней мѣрѣ не могла добыть ее на нашихъ модныхъ

водахъ; а я обращалась во всѣ книжные магазины, гдѣ зато можно получить всевозможные романы. Въ путеводителѣ водъ упоминается о Тьерѣ только какъ о живописной экскурсіи въ долину Ріона и о домахъ XIV и XV ст., „прекрасно сохранившихся". Предлагали мнѣ, вмѣсто исторіи Тьера, романъ Ж.-Зандъ „La ville noire", но я не хотѣла его читать, чтобъ не принять вымыселъ за дѣйствительность. Одна англичанка, продавщица библій, посовѣтовала мнѣ обратиться къ доктору Ш., уроженцу Тьера. Я тотчасъ жè отправилась къ нему.

Съ первыхъ моихъ словъ о желаніи посѣтить фабрики и кустарей-ножевщиковъ, докторъ Ш. остановилъ меня вопросомъ:

— Seriez-vous de la „Sociale"?

На мой отвѣтъ, что я ни къ какимъ явнымъ, ни тайнымъ соціалистическимъ обществамъ не принадлежу, а просто интересующаяся русская (опять отъ моей національности особенной радости не выказали), докторъ Ш. улыбнулся съ такой миной, которая ясно выражала:

— „Вотъ еще затѣи"!..

Докторъ Ш. все-таки далъ мнѣ нѣсколько адресовъ фабрикантовъ и сообщилъ, что въ Тьерѣ проживаетъ нѣкоторый человѣкъ, по прозванію „Le diable,"—ходившій вплоть до Нижняго, бывавшій тамъ на ярмаркахъ. Что касается исторіи самаго города—она та же, какъ и у большинства исторій основанія европейскихъ городовъ: моровыя язвы, пожары, религіозныя войны—заставляли жителей выселяться. Часть жителей Châteldun выселилась въ горы и основала городокъ Тьеръ,—откуда и названіе его, потому что изъ-за гористой мѣстности видна только *треть* домовъ. По исторіи развитія кустарнаго и фабричнаго промысла—ножа,—была напечатана статья лѣтъ тридцать назадъ, премированная парижской академіей; но прочесть ее можно только въ Клермонъ-Ферранѣ, въ національной библіотекѣ и съ массой формальностей. Народное сказаніе говоритъ, что *столовый* ножъ появился со временъ Франциска I.

Несмотря на мою охоту, поѣздка въ Клермонъ-Ферранъ мнѣ, однако, не улыбалась.

— Вы отправляйтесь прямо вотъ къ этому фабриканту, онъ болѣе обходительный,—подчеркнулъ адресъ докторъ Ш.—Другимъ вашъ визитъ по нынѣшнимъ временамъ, да еще съ вашими разспросами, покажется очень подозрительнымъ, и васъ просто не допустятъ до осмотра фабрики. На фабрикѣ г. As-Pr. вамъ укажутъ и къ какимъ поближе кустарямъ поѣхать. Кустари разсыпались на цѣлые десятки километровъ вокругъ Тьера, по

крутымъ горамъ. Да возьмите съ собой кого-нибудь изъ мѣстныхъ жителей—иначе кустари такъ же недовѣрчиво къ вамъ отнесутся, какъ и фабриканты...

Я была довольна хоть и такими скудными сообщеніями о Тьерѣ. Въ первый свободный день нашего Шарля N. отъ службы въ почтамтѣ—мы отправились съ нимъ въ Тьеръ, гдѣ онъ тоже никогда не бывалъ. Отъѣздъ нашъ обошелся не безъ затрудненій. Оказалось, что намъ съ Шарлемъ неприлично ѣхать въ одномъ вагонѣ. Даже большая разница лѣтъ не служила гарантіей во французскомъ qu'en dira-t'on. Я должна была сѣсть въ дамское отдѣленіе, а Шарль—въ курящее.

На каждой станціи высаживались крестьяне. Они возвращались съ большого рынка на нашихъ водахъ, очень довольные послѣ проливныхъ дождей. Поѣздъ не спѣшилъ; пассажиры тоже. Они здоровались, прощались, перекликались съ платформы въ вагоны. Я могла вдоволь наслушаться мѣстнаго діалекта:

— Eh, anne-z'y mon viux!..

— Bonjou los chetits, que me qu'oû allez trei tous?

— Allez tourjou bien?.. Tant miux, oué ce que faut!

— M'en vô vous dire quauque chose monei.

— Irend sou pa sou ce qu'on tuche.

— On gagnero sos chin francs par jou [1])...

Мѣстность быстро стала мѣняться; деревенскія постройки также. Изъ холмистой долины поѣздъ началъ подниматься въ горы. Почва становилась менѣе плодородной, виноградники уходили. Строенія изъ каменныхъ перешли въ глиняныя: остовъ избы, крестомъ, деревянный; а смазка сѣрая—глина съ землей. Первый этажъ весь въ дырахъ, для вентиляціи, а второй уже жилой. Типъ жителей гораздо пріятнѣе: блестящіе черные волосы и глаза, лица румяныя. Мнѣ сейчасъ вспомнились парижскіе угольщики. Они почти всѣ изъ Оверни, и по пословицѣ: ni hommes, ni femmes—tous Auvergnats!

Вдругъ поѣздъ взялъ круто въ гору и остановился. Станція значительная. Я прочла: „Thiers". Неужели мы пріѣхали? У дверцы вагона явился Шарль.

---

[1]) — Ну, ступай, старина!

— Здравствуйте, малыши. Куда ѣдете всѣ трое?

— Хорошо поживаете? Тѣмъ лучше, этого только и надо.

— Я кое-что вамъ поразскажу.

— Онъ отдаетъ копѣйка въ копѣйку, что̀ получаетъ.

— Заработаешь свои пять франковъ въ день...

— Да вы мнѣ всѣ говорили объ этой поѣздкѣ какъ о путешествіи. Сколько же времени мы ѣхали?

— Два часа,—отвѣтилъ онъ серьезно.

Мнѣ сдѣлалось еще смѣшнѣе. Такъ, въ предупрежденіяхъ доктора В. насчетъ всѣхъ возможныхъ утомленій, въ его соображеніяхъ, вообще во всѣхъ разговорахъ и приготовленіяхъ къ этой поѣздкѣ ярко сказалась французская нелюбовь къ путешествіямъ!

Сейчасъ же на площадкѣ передъ вокзаломъ—лавочка съ ножами. Но чтò насъ сразу захватило—красота мѣстности, красота долины Ріона. Только ради этого вида стоило сдѣлать два часа желѣзной дороги. Я бывала въ Швейцаріи, въ Италіи, въ Тиролѣ, восхищалась Байдарской долиной; но и здѣсь я не могла оторваться отъ панорамы, которая разстилалась передъ нами. Шарль шепталъ одно:

— Que c'est beau! Que c'est beau! Et comme on en parle peu...

Beau—это не было; но *неизъяснимо-привлекательно*! Именно такое чувство испытывала я, любуясь Байдарской долиной.

Однако пора было... *интервьюировать*, и мы двинулись по главной улицѣ, отъ которой шли спуски къ рѣкѣ; тамъ, по указанію желѣзно-дорожнаго служителя, находилась фабрика г.г. As.-Pr. Около желѣзной дороги тоже была фабрика. Она смотрѣла совершенно частнымъ домомъ; еслибы не вывѣска, никто не сказалъ бы, что это фабрика. Кругомъ все заперто, даже шума въ ней никакого не слышно. Вообще верхняя часть города тихая, безлюдная, какъ всякій французскій провинціальный городокъ. Мнѣ надо было зайти прежде всего на телеграфъ. Издали мы увидали новое, фигурное зданіе и рѣшили, что это „Postes et Télégraphes". Оказалось—школа. Телеграфъ ближе, старый домъ. Мы вошли. Что за ужасное зловоніе! Какое пренебреженіе къ здоровью злополучныхъ чиновниковъ, обязанныхъ дежурить на телеграфѣ. И это въ правительственномъ зданіи! Ни въ одномъ, самомъ неряшливомъ городишкѣ я не видала такого отчаяннаго помѣщенія для свободныхъ, ни въ чемъ не провинившихся, людей.

Пока я отправляла депешу, Шарль, „en bon camarade", обмѣнивался съ чиновниками карточками, объяснялъ имъ цѣль нашего визита въ Тьеръ. Я не знала, какъ поскорѣе выйти изъ этой клоаки нечистотъ. Телеграфная пріемная помѣщалась на отхожихъ стокахъ. Тутъ же, въ полу, и люкъ...

— Что-жъ эти несчастные чиновники не протестуютъ?—негодовала я.

Шарль кротко пожалъ плечами:

— Станутъ протестовать—имъ отвѣтятъ: „уходите". На одно вакантное мѣсто всегда сотня желающихъ.

— Да вѣдь это же государственное учрежденіе—и такая зараза!

— У насъ самыя неряшливыя помѣщенія—государственныя...

Мнѣ вспомнился монетный дворъ въ Парижѣ, правда, безъ такого ужаснаго зловонія, но также неряшливый достаточно, и отвѣтъ чиновника былъ тожественный съ отвѣтомъ Шарля.

Къ счастью на насъ налетѣлъ вихрь, настоящій горный вихрь, —мы еле на ногахъ устояли,—и онъ снесъ зловонія, которыми успѣли пропитаться наши платья.

Главная улица поворачивала террасами. Экипажей никакихъ; прохожихъ мало. Направо и налѣво безпрестанно лавочки съ ножами; за лавочкой—мастерская; хозяинъ, въ кожаномъ фартукѣ, постукиваетъ на верстакѣ. Заходить я не хотѣла, не побывавъ сперва на фабрикѣ. Много запертыхъ лавочекъ. Изъ-за угла улицы вышла группа дѣвушекъ. Онѣ держались за руки, занимая всю ширину тротуара. Молодыя, краснощекія, въ кретоновыхъ платьяхъ не съ кофтой, а съ лифомъ, старательно причесанныя и съ цвѣткомъ у корсажа. Глаза такъ и блестятъ. Мнѣ припомнилось описаніе сигарщицъ Севильи. Работницы разступились, дали намъ дорогу. Ни нахальства, ни шумливости фабричныхъ...

Нѣсколько шаговъ дальше имъ вслѣдъ глядѣла дѣвочка-подростокъ и съ такой завистью, что ея мимика заинтересовала меня. Подъ предлогомъ указанія дороги я заговорила съ ней. Она отвѣчала толково, грамотнымъ французскимъ языкомъ.

Шарль спросилъ ее:

— Много здѣсь дѣвушекъ работаетъ на фабрикахъ?

— Почти всѣ.

— Что же работаютъ?

— Онѣ полировщицы и сортировщицы.

— А сколько получаютъ?

— И меньше франка, и больше.

— А вы тоже работаете на фабрикѣ?

— Работала!—отвѣтила она со вздохомъ.—Теперь я служанка. Вонъ моя госпожа смотритъ въ окно,—метнула она глазами черезъ улицу, но сама не спѣшила уходить.

— Отчего вы оставили фабрику?

— Прискучило, глупа была!.. Я начала съ 70 сантимовъ, въ 16 лѣтъ получала 1 франкъ. Теперь, навѣрное, заработывала бы полтора франка въ день.

— А вамъ сколько лѣтъ?

— Семнадцать.

Я усомнилась: служанка смотрѣла здоровой, коренастой, четырнадцатилѣтней „трамбовкой“, но не семнадцатилѣтней дѣвушкой.

— Какихъ же лѣтъ вы стали ходить на фабрику?

— Тотчасъ послѣ окончанія школы.

— Какихъ же?

— Четырнадцати.

— Есть и моложе на фабрикѣ?

— Нѣтъ, надо сперва окончить школу; раньше не примутъ.

— У васъ есть родители?

— Нѣтъ, я сирота.

— А чѣмъ занимались ваши родители?

— Они работали на фабрикѣ.

— Отчего они умерли?

— Грудью.

— Чахоткой,—пояснилъ Шарль.

Дѣвушка вдругъ улыбнулась во весь ротъ. Глаза ея смотрѣли въ сторону дома госпожи. Та усиленно манила ее рукой.

— Подождетъ... Потерпитъ,—повторила служанка задорно; но отъ насъ все-таки отвернулась.

Надо было прекратить бесѣду.

— Бѣдняжка!—сочувственно сказалъ Шарль:—видно, не даромъ она вздыхаетъ по фабрикѣ.

Подальше передъ нами открылся новый видъ: весь городокъ точно сползалъ съ горы къ долинѣ. Въ началѣ долины вздымается холмикъ; на немъ часовня. Въ разныхъ направленіяхъ, будто ленты, скрещиваются дороги; черезъ бурливую горную рѣчку Ла-Дюроллъ перекинуты очень красивый мостъ и масса маленькихъ мостиковъ; по рѣчкѣ частыя запруды; она бѣжитъ, ниспадая высокими, пѣнистыми каскадами. Ее сжимаютъ ветхія строенія съ широкими окнами.

— Не желаете ли осмотрѣть самыя знаменитыя фабрики города Тьеръ? Къ вашимъ услугамъ!

Эту фразу произносила добродушнѣйшая физіономія пьянчуги. На мѣдномъ ободкѣ фуражки стояло: „Guide“.

Я такъ и отшатнулась.

— Guide въ Тьерѣ! Нѣтъ, нѣтъ не надо.

— Мнѣ превосходно знакомы всѣ достопримѣчательности Тьера,—продолжала фигура, не обращая вниманія на мой возгласъ.—Дома XV и XVI ст. я знаю какъ свой карманъ. Садъ

су-префектуры—куда никого не пускаютъ—а со мной пустятъ... Могу сопровождать по окрестностямъ...

— Мы завтра придемъ за вами, mon bon homme,—отстранилъ его Шарль.—Теперь мы спѣшимъ.

Раздался смѣхъ присутствующихъ.

И гидъ, и мѣсто, гдѣ онъ насъ остановилъ—все это было очень характерно: у парапета, съ котораго открывался такой живописный видъ на городъ, пріютилась лавочка газетчика; но не газеты должны были привлекать публику, а прибавленія, ярко раскрашенныя картинки. За ними не видно было печатной бумаги. Возлѣ—лотокъ съ дешевыми сластями. Публики, глазѣвшей на то и на другое, мало—дѣти, женщины; все еще какъ бы продолжалось предмѣстье; самый городъ казался тамъ, внизу, у бурливой рѣчки. Спустившись, мы опять остановились въ недоумѣніи: фабрики скрылись.

— Вамъ къ кому?—окликнулъ насъ молодой голосъ:—я тоже иду внизъ.

Услуги предлагалъ мальчикъ, лѣтъ шестнадцати, въ блузѣ. Тонкое лицо фабричнаго; тонъ безъ тѣни нахальства, вѣжливый.

Шарль завелъ разговоръ. Оказалось, что сегодня рабочіе *понедѣльничаютъ*. У кого семья—остаются дома, справляютъ хозяйственную работу; у кого нѣтъ семьи—гуляютъ, prennent le frais, какъ и онъ. Мальчикъ говорилъ понятнымъ французскимъ языкомъ горожанина. Онъ, по ремеслу, струговщикъ, обработываетъ роговые черенки къ ножамъ.

— Вонъ они лежатъ внизу, въ оврагѣ, сушатся.

Издали сотни кусочковъ бѣлесоватаго рога смотрѣли очень рѣдкими плетушками.

— Фабрика г.г. As-Pr. самая хорошая,—продолжалъ онъ, и пожалѣлъ, что не служитъ на ней;—есть богаче фабриканты, но это... настоящая фабрика [1]).

— Развѣ есть ненастоящія?—спросила я.

— Много! Есть, которыя только называются *фабриками*; на ножахъ клеймо свое ставятъ, но у себя ихъ не фабрикуютъ, все раздаютъ по рукамъ, въ горы.

— Отчего же непремѣнно въ горы?

— Потому что горные рабочіе дешевле берутъ; имъ можно—они землепашцы.

Мальчикъ говорилъ такъ толково, что я спросила его:

[1]) Въ Тьерѣ есть также государственная фабрика выдѣлки вексельной бумаги, но я не разспрашивала о ней и не посѣтила ее, желая сосредоточить свое вниманіе исключительно на ножевщикахъ, какъ параллель селу Павлову.

— А стачки, забастовки случались здѣсь?

— Старались устроивать, но никакого „профита" не было. Съ горъ сейчасъ приходили рабочіе и становились у верстаковъ.

— Конечно, фабричные били за это горныхъ?

— Нѣтъ, не били, только очень сердились и кричали. Вотъ г.г. As-Pr. никогда послѣ не сбавляютъ цѣны; другіе всегда хотятъ сбавить. Хорошо у нихъ работать... А вы къ нимъ съ визитомъ или заказъ дѣлать?

— Нѣтъ, для осмотра фабрики.

Мнѣ пріятно было попасть именно къ такимъ фабрикантамъ. Я ни на минуту не заподозрила искренности мальчика.

— Вонъ домъ г. As.-Pr.,—указалъ онъ на виллу съ башенкой;—фабрика пониже, подъ горой.

Я сунула ему монетку.

— A votre santé, madame! — весело простился съ нами мальчикъ.

„И пьютъ, и понедѣльничаютъ, какъ бы и у насъ!.."—подумала я.

Спуститься къ фабрикѣ, по очень крутому переулку, мнѣ было не по силамъ. Приходилось прямо отправляться въ домъ фабриканта.

На площадкѣ сада, сбѣгающаго по горѣ передъ виллой, разговаривали двое мужчинъ: одинъ—сѣдой, плотный; другой—молодой, плечистый.

— Одинъ изъ нихъ долженъ быть As.-Pr.; подите, скажите ему,—попросила я Шарля,—что русская дама, знакомая съ фабрикаціей ножа въ Россіи, желала бы посѣтить его фабрику.

Чугунная калитка звякнула надъ головами разговаривающихъ; Шарль сбѣжалъ по ступенькамъ; я наблюдала сверху.

Особенной радости отъ посѣщенія „русской дамы" эти господа, какъ и докторъ Ш., не выказали, но тотчасъ поднялись мнѣ на встрѣчу.

— Гг. As.-Pr. просятъ васъ,—пригласилъ меня Шарль. Оба мужчины—по-французскому обычаю—привѣтствовали и оставались передо мной безъ шляпъ.

— Messieurs, couvrez-vous, je vous prie,—начала я и поблагодарила за разрѣшеніе осмотра фабрики.—Докторъ Ш. говорилъ мнѣ, что вы будете такъ любезны, дадите и нѣкоторыя свѣдѣнія о бытѣ рабочихъ—фабричныхъ и кустарей. Я бывала въ селѣ Павловѣ, недалеко отъ Нижняго-Новгорода. Это село и окружная мѣстность занимаются производствомъ замкà и ножа. Меня интересуетъ параллель.

— A vos ordres, madame—любезно отвѣтилъ пожилой господинъ, вблизи типичнѣйшее французское лицо нотаріуса, мэра или степеннаго фабриканта.—Но я долженъ сейчасъ ѣхать (и правда: наверху застучалъ экипажъ), а вотъ мой сынъ сообщитъ все, что̀ можетъ васъ интересовать, и покажетъ вамъ фабрику.

Отецъ удалился. Сынъ—рослый, краснощекій брюнетъ, и по тону, и по манерамъ, смотрѣлъ интеллигентнымъ рабочимъ, а не „хозяйскимъ сыномъ", хотя онъ былъ въ визиткѣ. Его улыбающіеся глаза „себѣ на умѣ" высматривали меня.

— Прежде чѣмъ мы приступимъ къ осмотру фабрики, я бы попросила васъ сперва отвѣтить мнѣ на нѣкоторые вопросы,— сказала я, доставая книжку и карандашъ.

— Тогда пожалуйте ужъ прямо въ контору,—пригласилъ молодой человѣкъ.—Тамъ вамъ будетъ удобнѣе записывать.

Вмѣстѣ съ Шарлемъ свели они меня съ горы лѣсенками, которыя соединяли виллу съ фабрикой.

Контора примыкала къ фабрикѣ—широкая, низкая комната, съ широкимъ же фабричнымъ окномъ, грубо оштукатуренная, съ отсутствіемъ всякаго комфорта, но со шкапами и прилавкомъ. As.-Pr. тотчасъ сѣлъ за прилавокъ и насъ пригласилъ сѣсть, придвинувъ мнѣ перо и чернила. *Интервью* началось.

— Въ Тьерѣ занимаются только производствомъ ножа; замка̀ не знаютъ. — Кто занесъ фабрикацію ножа? — Неизвѣстно. Это теряется во мракѣ временъ: ка̀къ себя помнятъ, всѣ работаютъ столовый и перочинный ножикъ. Въ Тьерѣ 18.000 жителей. Городъ даетъ работу 36.000 окружныхъ жителей. Технической школы, музея — не имѣютъ. Обученіе происходитъ наглядное, на фабрикѣ, или отъ отца къ сыну. Работаютъ 12 часовъ въ день. Изъ нихъ 2 часа полагается на ѣду. Вся работа поштучная; заработываетъ взрослый отъ 1 фр. 50 сант. до 5 фр. въ день. Женщина—отъ 1 фр. 50 сант. до 2 фр. Есть цѣлыя семьи, работающія на фабрикѣ. Нѣкоторыя тутъ же и живутъ, въ корпусѣ квартиръ. Ни доктора, ни аптеки не полагается; но отъ города есть богадельня и, какъ вездѣ во Франціи, даровая школа.

— Мы видѣли прекрасное зданіе.

— Но,—отвѣтилъ молодой человѣкъ,—дѣти тамъ всѣ приходящія; зданіе слишкомъ уже роскошное; климатъ у насъ здоровый, никогда никакихъ эпидемій не бывало; а городу это зданіе обошлось очень дорого.

— Вѣроятно, по воскресеньмъ тамъ устроиваются для рабочихъ бесѣды съ туманными картинами?

Г. Аз.-Рг. меня не понялъ. Я должна была ему объяснить наши воскресныя бесѣды въ „Соляномъ Городкѣ" въ Петербургѣ, въ политехническомъ музеѣ въ Москвѣ...

— Такъ что для рабочихъ у васъ не устроиваютъ даровыхъ лекцій, сеансовъ съ волшебнымъ фонаремъ по географіи, исторіи? Дешевыхъ спектаклей тоже нѣтъ?

Молодой человѣкъ съ скептической улыбкой выслушалъ меня и протянулъ:

— Point!.. Отецъ хотѣлъ бы основать сберегательную кассу (caisse de retraite) для рабочихъ, да и то какъ-то не устроивается.

— Покажите мнѣ пожалуйста самый дешевый и самый дорогой ножикъ.

Г. Аз.-Рг. досталъ изъ шкапа и положилъ на прилавокъ пачку ножей съ черными черенками, извѣстные въ сельскихъ трактирахъ и въ парижскихъ „гарготкахъ".

— Вотъ этотъ стоитъ 80 сант. дюжина.

Меня такъ поразила низменность цѣны, что я сперва записала ее, а потомъ стала разсматривать ножикъ. Лезвіе тонкое, зазубренное, плохо отполированное; весь ножикъ грубый; но вѣдь двадцать съ чѣмъ-то копѣекъ дюжина, по нашему курсу!

— А вотъ эти ножи 130 фр. дюжина,—сказалъ онъ, ставя на прилавокъ сафьянный ящикъ. Внутри, на голубомъ бархатѣ, лежатъ двѣнадцать ножей, блестящіе какъ зеркало, съ перламутровыми черенками и серебряными „баланцами" (браслетъ, который отдѣляетъ лезвіе отъ ручки). Ножи богатые, но безъ французскаго изящества...

— Теперь въ моду пошелъ ножикъ съ прозрачной, темной, роговой ручкой и никелевой отдѣлкой—онъ гораздо дешевле этого, но больше нравится.

Фабрикантъ угадалъ мое впечатлѣніе.

— Вы на кого преимущественно работаете? За границей я все встрѣчаю англійскій ножъ.

— Много въ Америку отправляемъ. Вонъ стоятъ въ отправкѣ! —указалъ онъ на ящики въ углу, крупно помѣченные черной краской: „Amérique".

— Но главный покупатель— Франція,—продолжалъ г. Аз.-Рг. —На дняхъ, напр., окончили большой заказъ ножей для магазиновъ X.—Онъ назвалъ модный магазинъ, въ родѣ „Лувра", гдѣ всѣмъ торгуютъ.—Разумѣется, клеймо кладемъ—ихъ. Много домовъ заказываютъ на такихъ условіяхъ.

— У васъ на фабрикѣ работаютъ и дѣти?

— Да, струговщики.

— Какихъ лѣтъ вы принимаете ихъ?

— По закону, не раньше четырнадцати; и безъ свидѣтельства, что прошелъ элементарную школу, т.-е. умѣетъ читать, писать, считать—не принимаемъ.

— А санитарная инспекція существуетъ?—вспомнила я ужасный телеграфъ.

— Коммиссія является на фабрикахъ каждые три мѣсяца. Отецъ членъ санитарной инспекціи,—вскользь замѣтилъ молодой человѣкъ.

Вообще онъ отвѣчалъ на мое интервью безъ малѣйшихъ задержекъ, какъ бы давая понять: „У насъ все на чистоту"...

— Скажите, часто ли случается, что рабочій оставляетъ фабрику: отъ скуки или просто по неспособности, такъ какъ работа поштучная?

— Случается, но очень рѣдко: если надоѣстъ—опять вернется; неудачниковъ нѣтъ. Всѣ пропитываются, на всѣхъ хватаетъ. Вы посмотрите на нашихъ фабричныхъ: видъ у нихъ здоровый, ѣдятъ они хорошо, одѣваются хорошо; помѣщеніе тому, кто работаетъ у насъ подолгу—дается.

— Много женатыхъ?

— Да.

— Помногу имѣютъ дѣтей?

Молодой человѣкъ улыбнулся.

— Достаточно.

— Матери, работающія на фабрикахъ, отдаютъ маленькихъ дѣтей на сторону?

— Зачѣмъ ихъ отдавать?.. Или мать живетъ у насъ же, въ корпусѣ квартиръ, или нанимаетъ квартиру по близости: можетъ ходить кормить маленькаго, сколько хочетъ.

— Не забывайте,—подсказалъ мнѣ Шарль:—вся работа поштучная.

— Ну, а по части нравовъ?

— Пьяницы, — безъ запинки отвѣтилъ фабрикантъ, но такъ благодушно, что я и не ожидала...

— И женщины пьютъ?

— О, нѣтъ!

Я настаивала:

— Да вѣдь пьянство наслѣдственно. Не все же у пьяницъ родятся мальчики, родятся и дѣвочки?..

— Нѣтъ, нѣтъ, женщины у насъ не пьютъ,—почти уже съ оттѣнкомъ обиды за француженку отвѣтилъ молодой фабрикантъ.

— Это въ Англіи много женщины пьютъ,—сказалъ Шарль.—Я читалъ ужасныя сцены...

— А отношеніе здѣшнихъ рабочихъ къ парижскимъ бойбамъ?—продолжала я свое интервью.

— Не сочувствуютъ этому движенію; находятъ его звѣрскимъ.

— Стачки бываютъ на фабрикахъ?

— Устроивали!..—отвѣтилъ г. Ав.-Рг. тономъ, какимъ говорятъ о шалостяхъ дѣтей.—Но вѣдь дѣло не ждетъ; мы призовемъ съ горъ рабочихъ—фабричные и успокоятся.

— Конечно, фабричные бьютъ за это горныхъ?

— Нѣтъ, здѣшній людъ—крикуны, но не драчуны (braillards, mais point batailleurs).

— Какія же у нихъ развлеченія?

— Кафе.

Въ отвѣтѣ—ни смущенія, ни тѣни мысли, что надо было бы что-нибудь устроить, что вонъ по сосѣдству въ Англіи устроиваютъ же, думаютъ...

Въ дѣльномъ молодомъ фабрикантѣ, какъ и въ Шарлѣ, энтузіастѣ, отношеніе къ рабочему было одинаково: добивайся самъ, устроивай жизнь самъ себѣ получше. Борьба для всѣхъ...

— Правительство являлось ли когда пособникомъ рабочему?

Г. Ав.-Рг. подумалъ немного и отвѣтилъ:

— Сколько мнѣ извѣстно—нѣтъ. Желаете теперь осмотрѣть нашу фабрику?—спросилъ онъ, прибирая образцы ножей.

— Простите... еще минутку, нѣсколько вопросовъ... о кустаряхъ.

Молодой человѣкъ опять сталъ за прилавокъ.

Просить его сѣсть я стѣснялась, не зная, какъ объяснить это стояніе за прилавкомъ: не то привычкой, не то щепетильностью.

— Скажите, что именно заставляетъ здѣшняго крестьянина заниматься кустарнымъ промысломъ? Малое плодородіе почвы?

— Это—во-первыхъ; земля, на которой кромѣ гречи и дрока (genêt) ничего не ростетъ; второе—заработокъ. Французскій крестьянинъ очень трудолюбивъ; а тутъ подъ бокомъ можно получить 2 фр. въ день. Все свободное время отъ полей онъ и употребляетъ на ножъ. И работаютъ же они—14—16 часовъ въ сутки!—воскликнулъ молодой фабрикантъ.—Случалось зимой, съ товарищами отправляемся на охоту, въ горы. Глядишь, въ три часа ночи уже лампа зажжена у него, и онъ постукиваетъ!..

„А въ селѣ Павловѣ она зажжена въ два часа ночи, и заработокъ двадцать коп. въ день...“—подумала я.

— Они всѣ землевладѣльцы?

— Да, имѣютъ поля; но квартиры нѣкоторые нанимають.

— Они работають ножикъ на свой страхъ? Покупаютъ матеріалъ и вамъ продаютъ готовый товаръ?

— О, никогда! Имъ бы не справиться такъ!.. Въ извѣстные сроки кустари сходятъ къ намъ за матеріаломъ—больше кузнецы и les monteurs (т.-е. пригонщики) и опять въ извѣстные сроки приносятъ намъ свою работу.

— Сколько же они получаютъ?

— Плата считается par grosse (дюжина-дюжинъ) —пятьдесятъ су.

— За 144 ножа—250 сантимовъ,—подсказалъ Шарль.

— И вы говорите, что они заработываютъ два франка въ день.

— Да.

— Но вѣдь это такое фантастическое количество ножей...

— Видите, заработываютъ! И не бѣдняки,—et ce ne sont pas des misérables... Есть, которые имѣютъ по 50.000 франковъ состоянія.

— И они продолжаютъ работать по 16—14 ч. въ сутки?

— Для нихъ ножикъ—чистая экономія. 52 фр. въ мѣсяцъ, для крестьянина, очень большія деньги. И эти уже не понедѣльничаютъ...

— Непремѣнно поѣду смотрѣть.

— Да, любопытно.

— Ну, извините, если долго задержала васъ разспросами. Благодарю. Теперь потрудитесь показать намъ фабрику.

— Я передамъ васъ нашему contremaître (нарядчикъ), главному мастеру. Вамъ интереснѣе будетъ съ нимъ осматривать фабрику.

Мнѣ понравилась тактичная уклончивость молодого хозяина.

Г-нъ As.-Pr. отворилъ дверь въ смежное помѣщеніе.

Передъ нами открылась длинная комната, съ рядами верстаковъ.

— Г-нъ Z.!—крикнулъ хозяинъ.—Будьте любезны, покажите все производство ножа à madame et à monsieur.

Хозяинъ откланялся.

— Мы начнемъ съ самаго начала,—бойко заговорилъ нарядчикъ Z., сухой блондинъ, лѣтъ сорока, съ рѣзкими чертами лица, очень подвижной, мало симпатичный, въ синей блузѣ ниже колѣнъ, съ шапочкой на лысой головѣ.—Мы начнемъ съ кузницы,—и Z. повелъ насъ.

Конечно, не ножъ, не его производство интересовало всего сильнѣе меня, а видъ фабричныхъ, ихъ тонъ, ихъ жилье, ихъ

жизнь... И, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ бесѣды съ г. Аз.-Рт., съ отдаленными воспоминаніями о селѣ Павловѣ, мнѣ все любопытнѣе становилось видѣть французскаго фабричнаго за верстакомъ, на фабрикѣ, въ производствѣ мнѣ хоть немного знакомомъ, видѣть то, чего я еще не видывала во Франціи.

Въ Тьеръ часто пріѣзжаютъ съ разныхъ окружныхъ водъ изъ любопытства—поглядѣть выдѣлку ножа, поэтому наше посѣщеніе не удивило рабочихъ.

— Жаль, что вы пріѣхали въ понедѣльникъ: не увидите нашей фабрики въ полномъ ходу! — сказалъ Z.

— А сколько человѣкъ работаетъ у васъ?

— Сто-пятьдесятъ!—съ гордостью отвѣтилъ старшій мастеръ. —Но сегодня врядъ ли насчитаете половину.

— Что же они дѣлаютъ, бражничаютъ?—продолжалъ Шарль, не стѣсняясь.

— Не всѣ. У кого семьи—справляютъ домашнія работы,— подтвердилъ Z. слова мальчика на мосту.

— Здѣсь родится ножъ!—объявилъ нарядчикъ тономъ гида.

Въ кузницѣ, куда онъ насъ привелъ, работало нѣсколько человѣкъ. Кузница занимала конецъ фабрики и была во всю ширину строенія. Направо и налѣво, по большому фабричному окну, въ глубинѣ двѣ печки съ растопленными горнами, подлѣ— колоссальные мѣхи. Передъ печками—кузнецы, видомъ—какіе они и вездѣ: лица измазанныя, волосы встрепанные, полураскрытая грудь; обнаженныя выше локтя руки показываютъ синія, какъ веревки, жилы. Напротивъ печей—наковальни, горки золы, груды длиннаго, узкаго желѣза, и разбросанные кругомъ наковаленъ только-что выбитые молотомъ кусочки — будущіе ножи, но уже съ острымъ концомъ для черенка и съ двумя выпуклостями, отдѣляющими его отъ лезвія.

Одинъ кузнецъ сидѣлъ безъ дѣла, кажется, курилъ трубочку, другой работалъ.

— Выкуйте ножъ на глазахъ нашихъ посѣтителей!—приказалъ нарядчикъ.

Кузнецъ, маленькій, съ потнымъ темнымъ лицомъ, сунулъ длинную полосу въ жерло, выхватилъ ее раскаленной, приговаривая:

— Je le prends comme ça, je le tape ainsi.

Въ минуту ножъ былъ готовъ, и полетѣлъ въ груду другихъ. Быстрота работы поразительная.

Я оглядывалась кругомъ... А кузнецъ ковалъ новые кусочки, и будущіе ножи все прибывали къ тѣмъ дюжинамъ, которыя

уже валялись тутъ... Помѣщеніе для кузницы довольно чистое. Окна отворены, ни одного стекла не выбито; пахнетъ раскаленнымъ желѣзомъ, но дышется свободно. Кузнецы въ кожаныхъ, цѣльныхъ, не рваныхъ фартукахъ, въ клѣтчатыхъ рубашкахъ и затрапезныхъ штанахъ. Полъ земляной; рабочіе — и въ сабо, и въ башмакахъ.

— Теперь ножъ начинаетъ обдѣлываться,—приглашалъ насъ дальше Z.

Я потихоньку,—насколько возможно при шумѣ молотковъ,—спросила нарядчика: могу ли поблагодарить кузнеца, такъ какъ онъ работалъ ножъ для меня.

Z. любезно отвѣтилъ:

— Если это вамъ доставитъ удовольствіе...

Кузнецъ съ такимъ же удовольствіемъ принялъ монетку, съ какимъ я сунула ему ее въ руку.

Нарядчикъ подвелъ насъ къ сосѣдней группѣ рабочихъ. Они выравнивали лезвіе, или, по нижегородски, „лёзу". И тутъ работа идетъ еще быстрѣе, чисто машинная, но все-таки сработать двѣнадцать дюжинъ лезвій въ день — нужно простоять самому весь день надъ работой, чтобъ повѣрить...

Группа рабочихъ, къ которымъ перешли отъ кузнеца выкованные ножи, помѣщалась съ верстаками у оконъ. Эти были менѣе темны лицами, чѣмъ кузнецы, хотя работали бокъ-о-бокъ. Двое изъ нихъ постукивали на верстакахъ; остальные такъ сидѣли, разговаривали. Послѣдніе одѣты по праздничному: бѣлыя рубашки, жилеты, суконныя панталоны, *галстухи*, волосы причесаны, лица свѣже-бритыя, здоровыя и сытыя. Г. As-Pr. не преувеличивалъ.

— Послѣ осмотра фабрики,—сказала я одному изъ нихъ,— мы поѣдемъ къ кустарямъ. Не можете ли вы намъ дать адреса, къ кому поближе!

Фабричные стали перебирать, къ какимъ кустарямъ направить насъ. Contre-maître оставался тутъ же и давалъ свое мнѣніе. Изъ ихъ соображеній я могла заключить, что они всѣ—присутствующіе — горожане, фабричные de père en fils, и родныхъ въ сосѣднихъ деревняхъ не имѣютъ; второе, что кустари-крестьяне живутъ не близко.

— Мы еще справимся у другихъ.

— Теперь прослѣдимъ дальнѣйшую выработку ножа,—пригласилъ опять нарядчикъ.

Мы стали то подниматься въ верхній этажъ, то спускаться въ нижній, по обтоптаннымъ, старымъ каменнымъ лѣсенкамъ, и про-

ходить въ самомъ помѣщеніи черезъ мостки. Шумъ отъ привода воды, отъ стукотни молотовъ, отъ верченія ремней начиналъ сильно дѣйствовать на нервы: поджилки тряслись, и въ груди то же точно что гудѣло, и, какъ я ни старалась относиться ко всему внимательно, шумъ этотъ отуманивалъ меня, — только нѣкоторыя вещи сильно бросались въ глаза и надолго запечатлѣвались. Я никогда, напримѣръ, не забуду древнюю старушонку-полировщицу (павловцы говорятъ: „наводить глянцъ") съ оттопыренной, синей губой, въ капорѣ — она отполировывала великолѣпный ножъ для мясниковъ. Очень курьезно было видѣть—громадный ножъ въ маленькой, сморщенной рукѣ древней старухи... Запечатлѣлся тоже уголъ въ помѣщеніи — кажется, сборщиковъ перочинныхъ ножей—темный, закоптѣлый уголъ; по срединѣ кусокъ отбитаго зеркальца, а кругомъ расклеены каррикатуры Бисмарка, Вильгельма, Гумберта и Викторіи, вырѣзанныя изъ какихъ-то иллюстрированныхъ журналовъ. Кусочки отбитаго зеркала, слюнями приклеенныя къ стѣнѣ картинки часто попадаются среди верстаковъ фабричныхъ и больше среди мужчинъ. Видно, не напрасно газетчикъ, на углу улицы, торгуетъ картинками... Видѣла я нѣсколько женскихъ фигуръ надъ верстаками, но разговориться съ ними, разглядѣть ихъ, трудно было: онѣ въ три погибели согнулись и работали, работали... Въ этой работѣ чудилось вдовство, больныя дѣти или мужъ-забулдыга... Видѣла я подростковъ-струговщиковъ, шустрыхъ мальчиковъ,—дѣвочекъ не попадалось. Они ловко справлялись съ своимъ матеріаломъ; ремни такъ быстро вертѣлись между ихъ рукъ, что, казалось, малѣйшая оплошность — и сейчасъ оторветъ палецъ, обезобразитъ на всю жизнь. Были мы въ отдѣленіи, гдѣ врыты въ землю громадные чаны съ масломъ, куда опускаютъ ножъ, чтобы онъ не ломался.

Потомъ мы спустились въ самый нижній этажъ.

— Осторожнѣе, не оступитесь! — предупредилъ нарядчикъ.

Мы прошли по доскамъ; подъ ними бѣжала вода.

— Здѣсь обтачиваютъ ножъ, послѣ того какъ онъ побывалъ въ маслѣ, — объяснилъ Z.

Что это такое? Никогда ничего подобнаго я не видывала.

Довольно свѣтлое, въ нижнемъ этажѣ, помѣщеніе, всѣ окна выходятъ на бурливую рѣчку; передъ окнами рядъ широкихъ гладильныхъ досокъ, однимъ концомъ приподнятыхъ. На гладильныхъ доскахъ лежатъ, по одиночкѣ, рабочіе — мужчины и женщины,—свѣсившись головой за приподнятый конецъ доски. Подъ доской вертится колесо, которое смачивается притокомъ воды; рабочій, лежа, обтачиваетъ на немъ ножъ.

Мы приближались. На каждой доскѣ, подъ рабочимъ, подложены или шкурка, или стеганое тряпье. Понятно: точильщикъ работаетъ цѣлый день, лежа на животѣ и на груди. Фигуры пухлыя, лица одутловатыя, синеватыя—голова постоянно перевѣшена черезъ доску. У нѣкоторыхъ рабочихъ въ ногахъ свернулись собачонки, прибѣжавшія за ними изъ дому...

Когда мы вышли изъ этого помѣщенія, нарядчикъ первый сказалъ:

— Это самая тяжелая работа на всей фабрикѣ. И здѣсь чаще всего мрутъ. *Дальше сорока лѣтъ не выдерживаютъ.*

Мы оба съ Шарлемъ такъ были поражены видѣннымъ, что совсѣмъ примолкли. Z. самъ продолжалъ:

— Работа къ тому же капризная, случайная! Засуха, нѣтъ воды—и стопъ машина! На рѣкѣ много фабрикъ, безъ дождей она скоро высыхаетъ... Это намъ угрожало на дняхъ. Еслибъ не послѣдніе дожди...

— Да, я знаю,—перебилъ Шарль:—нѣсколько лѣтъ назадъ, во время продолжительной засухи, нѣкоторые точильщики приходили къ намъ на-воды,—и, понизивъ голосъ, онъ досказалъ:—за кускомъ хлѣба. Они ходили изъ дома въ домъ. „Я точильщикъ изъ Тьера,—говорили они:—дайте мнѣ хлѣба". Это ужасно было слышать; дѣйствительно, сердце переворачивалось...

— Неужели работа точильщика обставлена одинаково на всѣхъ здѣшнихъ фабрикахъ?

— На всѣхъ,—отвѣтилъ Z.—Воды мало, дѣлать нечего...

— Что̀ намъ еще осталось? — спросилъ Шарль.

— Полировщики и сортировщики,—отвѣтилъ нарядчикъ.

Мимо полировщиковъ мы уже проходили и видѣли ихъ вскользь, мимоходомъ. Теперь опять повернули обратно, останавливаясь подробнѣе у верстаковъ. Та же изумительная быстрота работы, и тѣ, кто работаютъ, мало отвлекаются; чувствуется, что работа въ понедѣльникъ—крайность. Ни пѣсенъ, ни громкаго смѣха; и тутъ и тамъ виднѣлись рабочіе, которые, какъ въ кузницѣ, пришли такъ посидѣть, сложа руки; они понедѣльничали на самой фабрикѣ. Внѣ фабрики имъ уже скучно... Нѣкоторые рабочіе, несмотря на теплое время, были въ шерстяныхъ, вязаныхъ курткахъ; между ними болѣзненныхъ, на видъ, исключая злосчастныхъ точильщиковъ, вовсе не замѣтно. Женщинъ, ничего не дѣлающихъ, пришедшихъ на фабрику только посидѣть, какъ мужчины, я не примѣтила *ни одной.*

— Скажите, у васъ при фабрикѣ есть квартиры для рабочихъ?—спросила я нарядчика.

— Да, въ отдѣльномъ корпусѣ.

— Мнѣ бы очень хотѣлось видѣть, какъ живутъ фабричные у себя, дома.

— Этого нельзя. Рабочіе, и ихъ жены въ особенности, не любятъ, чтобы къ нимъ приходили посторонніе.

Мы приближались къ конторѣ. Я старалась довести мое interview до конца.

— Какой годовой оборотъ фабрики г. Аз.-Рг.? На какую, приблизительно, сумму продается въ годъ ножей?

— Точно опредѣлить трудно,—отвѣтилъ Z. уклончиво.

— Ну, все же, приблизительно?

— Тысячъ на двѣсти франковъ (около 72.000 р. по курсу).

Конечно, для такой скромной суммы помѣщеніе фабрики, хотя и очень старой, сносно. Лѣтомъ даже живописно и прохладно. Но что̀ это должно быть зимой, когда свищетъ вѣтеръ, стоитъ гололедица: низкія, темныя, закоптѣлыя помѣщенія, никогда заново не выбѣленныя, прислоненныя къ горѣ, на берегу узкой рѣчонки, съ фабриками напротивъ, съ канавками бурливой воды внутри жилья, и печей, кромѣ отдѣленія кузницы—нигдѣ, никакихъ... Да, надо имѣть французскую кровь, чтобы переносить безъ топлива десятокъ часовъ работы въ зимнія, горныя стужи.

— Здѣсь ножъ получаетъ le dernier coup de main,—воскликнулъ Z.

Подлѣ, въ концѣ отдѣленія полировщиковъ, родъ тамбура; тамъ, за стеклянной перегородкой, сидѣло нѣсколько женщинъ. Онѣ вытирали ножи суконкой и клали ихъ въ пачки. Эти работницы, какъ и встрѣченныя нами въ городѣ фабричныя дѣвушки,—молоды, румяны, съ блестящими, веселыми глазами. Сталь ножей такъ и сверкала у нихъ въ рукахъ.

Мы опять вошли въ контору.

— Не можете ли хоть издали показать намъ квартиры рабочихъ?—попросила я Z.

— Корпусъ тутъ, надъ фабрикой, я васъ мимо проведу; теперь всѣ окна раскрыты; вы кое-что увидите.

— Какія же надо имѣть права, чтобы получить квартиру?

— Во-первыхъ, я, какъ contre-maître, имѣю четыре комнаты.

— Это хорошо!—не удержались мы оба.

— А сколько вы получаете жалованья?—спросилъ Шарль.— Sans indiscrétion?

— Сто-пятьдесятъ фр. въ мѣсяцъ.

— Ну, а простые рабочіе, за что имъ дается даровая квартира?

— Онѣ не даровыя,—удивленно отвѣтилъ Z:—рабочіе платятъ за нихъ.

— Да?..

— Разумѣется! И еслибъ вы знали, сколько еще желающихъ! Имѣть у насъ квартиру—это уже считается наградой. Принимаютъ только давнишнихъ рабочихъ и не скандалистовъ. У насъ есть рабочіе, которые родились на такой квартирѣ, выросли, поступили къ намъ на фабрику, поженились, состарились и все живутъ у насъ! Гг. As. Pr.—прекрасные хозяева.

— Мы это слышали... вездѣ. Какая же цѣна квартиры?

— Семьдесятъ-пять франковъ (около 30 р. по курсу) въ годъ квартира изъ одной комнаты и кухни.

— Развѣ нѣтъ общей кухни?

— О! нашъ рабочій этого не любитъ; онъ желаетъ имѣть свою комнату, *свою* кухню. Есть, которые имѣютъ двѣ комнаты; тогда и цѣна побольше.

— Даровой докторъ на фабрикѣ есть?

— Нѣтъ, но у насъ климатъ здоровый. На фабрикѣ мрутъ древніе старики.

— Исключая точильщиковъ,—напомнила я.

— Ну, ужъ это особенныя условія работы. Rien à faire!—нетерпѣливо повторилъ Z.

— Странно, у васъ здѣсь столько фабричнаго люда и никакихъ нѣтъ для нихъ развлеченій?..

— Есть кафé,—утвердительно отвѣтилъ нарядчикъ.

Ясно было, что въ его воображеніи не было даже и представленія о какихъ-либо другихъ развлеченіяхъ, кромѣ кафé.

— Фабричные религіозны?

— Довольно...

— А газеты читаютъ?

— Тѣ, кто интересуется политикой.

— Какое впечатлѣніе отъ дѣйствій анархистовъ, что говорятъ о бомбахъ?

— О, всѣ возмущены. У насъ народъ крикунъ, но добрый.

Выходило то же, что разсказывалъ и мальчикъ на мосту, и сынъ г. As.-Pr. въ конторѣ.

Я завела разговоръ, съ помощью Шарля, на тему: можетъ ли рабочій что отложить про черный день.

И нарядчикъ подтвердилъ, что работы на всѣхъ хватаетъ, неудачниковъ нѣтъ. „Добрый“ фабричный, съ женой, „доброй“ работницей и съ сыномъ, живя хорошо, питаясь очень хорошо, можетъ всегда отложить къ 40 годамъ двѣ тысячи франковъ.

Мое interview окончилось.

— Благодарю васъ. Подробно все показали и разсказали.

Мнѣ хотѣлось „дать на чай" и нарядчику, но какъ совать въ руку монету въ 2 фр. служащему, который имѣетъ четыре комнаты и получаетъ 150 фр. въ мѣсяцъ жалованья?—пожалуй, обидится. Такъ я и осталась только при желаніи.

— А что у васъ тутъ за человѣкъ, который будто бывалъ въ моемъ отечествѣ и на ярмаркахъ въ Нижнемъ, по прозвищу „Le diable"?

Нарядчикъ презрительно пожалъ плечами.

— C'est un farceur! — и дальше не сталъ распространяться о ходокѣ изъ Тьера.—Теперь я поведу васъ мимо квартиръ нашихъ рабочихъ.

Надъ фабрикой, близъ хозяйской виллы и сада, тоже довольно высоко, стоитъ двухъ-этажный каменный домъ. Съ одной стороны, изъ его оконъ долженъ открываться чудесный видъ на долину. Другой стороной онъ смотритъ на гору. Тутъ мы и прошли. Сюда же выходили крыльцо и лѣстница. Почти у всѣхъ оконъ коленкоровыя занавѣси; изъ-за нихъ внутри комнаты виднѣется французская широкая кровать подъ балдахиномъ, уголъ комода съ мраморной доской, однимъ словомъ, извѣстная обстановка парижскаго рабочаго изъ предмѣстья Saint-Antoine. Да, ни г. As.-Pr., ни его нарядчикъ, нисколько не преувеличивали благосостоянія своихъ фабричныхъ. Передъ домомъ сидѣли на вольномъ воздухѣ (prenaient le frais) мужчины и женщины; было часа четыре. Тѣ и другіе чисто одѣты, только мужчины франтоватѣе женщинъ—въ жакеткахъ или въ полной парѣ, въ мягкихъ фетровыхъ шляпахъ или въ котелкахъ; женщины въ кретоновыхъ платьяхъ, большинство въ крестьянскихъ тюлевыхъ чепчикахъ, и ни одна безъ шитья или вязанья въ рукахъ. Въ ихъ тонѣ, въ ихъ лицахъ нѣтъ ни озорства, ни замореннности фабричныхъ. Среди мужчинъ не только пьянаго, даже просто подгулявшаго не замѣчалось. Чинно, мирно, благодушно бесѣдуютъ на открытомъ воздухѣ сосѣди между собой. Тутъ же играли дѣти; но дѣти не бросались въ глаза—ихъ было мало или, можетъ быть, они въ это время спали въ комнатахъ...

Мнѣ захотѣлось ѣсть.

— По близости ничего не найдете,—отвѣтилъ нарядчикъ:— вамъ надо идти въ гостинницу, къ желѣзной дорогѣ.

— Я слишкомъ устала; еслибъ фіакръ?

— У насъ здѣсь ихъ тоже нѣтъ. Всѣ у вокзала стоятъ отъ

гостинницъ. Самая лучшая и ближайшая—надъ мостомъ. Я вамъ укажу, какъ скорѣе пройти къ ней.

И мы, отъ корпуса квартиръ, начали подниматься по крутому мощеному переулку, по которому я не рѣшалась спуститься два часа назадъ. Мы вышли на широкую улицу, куда примыкала вилла г. Аз.-Pr.

— Вотъ теперь еще возьмите этимъ переулкомъ направо, и черезъ пять минутъ вы будете у гостинницы.

Пожелавъ мнѣ добраго пути, старшій мастеръ распрощался съ нами.

Въ переулкѣ, на который указалъ намъ Z., и въ другихъ, смежныхъ съ нимъ переулкахъ, что ни шагъ, то кузница или лавочка; большинство, какъ и внутри города, и близь желѣзной дороги, заперто. Видно, кустари-горожане такъ же, какъ и фабричные, справляютъ понедѣльникъ. У тѣхъ, кто работаетъ, двери, окна—настежъ, стукъ молота, мельканіе раскаленнаго желѣза, искры, измазанныя лица кузнецовъ, но здоровыя и осмысленныя лица.

Несмотря на голодъ и усталость, мнѣ теперь, послѣ ознакомленія съ фабрикой, хотѣлось войти къ кустарямъ, разспросить бы ихъ; но это неудобно: они взглядываютъ на насъ довольно-таки недружелюбно, потому что мы останавливаемся передъ ихъ окнами, заглядываемъ къ нимъ въ двери, чѣмъ отвлекаемъ ихъ отъ работы; а второе—загораживаемъ свѣтъ, котораго и безъ того очень мало въ узкихъ переулкахъ, обстроенныхъ высокими, потемнѣлыми домами.

Шарль раздѣляетъ мое желаніе и выбираетъ самаго привѣтливаго кустаря. Въ нижнемъ этажѣ, изъ раскрытаго окна, аршина полтора отъ земли, виднѣлась маленькая кузница. Кузнецъ раздувалъ мѣхи, поглядывая на улицу; стройный, лѣтъ сорока, въ кожаномъ фартукѣ, съ засученными рукавами, вымазанный весь сажей, но черты лица такія тонкія, изящныя и выраженіе такое умное, что какъ-то странно было видѣть въ немъ простого кузнеца.

— Можно войти? — спросилъ Шарль.

Кузнецъ поглядѣлъ — и улыбнулся.

— Войдите,—разрѣшилъ онъ намъ, какъ дѣтямъ.

— Вотъ эта дама,—рекомендовалъ меня Шарль,—иностранка, въ ея отечествѣ тоже работаютъ ножи, ей интересно видѣть работу домашнюю, не фабричную.

— Вы англичанка?—освѣдомился хозяинъ,—изъ Шеффильда?

— Нѣтъ, я русская, знаю село Павлово,—нашъ Шеффильдъ.

Эффекта никакого.

— Поглядите.

Кузница именно „домашняя". Напротивъ печки—наковальня; въ углу, какъ трости, полосы желѣза; у окна—верстакъ. Вокругъ наковальни, на полу, разбросаны выкованныя лезвія; у верстака —выровненныя лезвія. Стѣны маленькой кузницы давно не бѣлены, черныя, но прибитъ яркій календарь, и въ башмачкѣ виситъ серебряные часы. Въ окнѣ, точно клѣтка, подвѣшена керосиновая лампа.

— Кто у васъ работаетъ за верстакомъ? — началъ Шарль интервью кустаря-горожанина.

— Сынъ.

— Вы на кого работаете?

Кузнецъ назвалъ фабрику.

— Можно ее будетъ осмотрѣть? — спросила я.

— Тамъ нечего осматривать: фабрика по рукамъ раздаетъ.

Я вдругъ вспомнила, что мы еще и не получили адресовъ крестьянъ-кустарей.

— Мы также хотимъ съѣздить въ деревню, гдѣ работаютъ ножъ,—не можете ли вы намъ указать, куда именно, поближе?

Кузнецъ опять улыбнулся.

— Это вы вездѣ найдете, только за городъ выѣдете.

— А вы назовите, въ какое именно селеніе поѣхать?

— Не знаю. Скажите кучеру — онъ и повезетъ васъ.

— Ну, да! И привезетъ къ показнымъ, куда все иностранцевъ возятъ.

Кузнецъ засмѣялся.

— Нѣтъ... здѣсь народъ—простакъ. А я, право, не знаю, къ кому васъ адресовать.

— Это ваша мастерская, — направилъ опять мое интервью Шарль; — а квартира гдѣ?

— Наверху.

— Сколько у васъ тамъ комнатъ?

— Двѣ комнаты и кухня.

— И вы платите вмѣстѣ съ этой мастерской?

— Сто-пятьдесятъ франковъ въ годъ?

Я взяла „лёзу".

— Правда ли, что въ день можно ихъ сработать дюжину-дюжинъ?

— Несомнѣнно.

— Такъ что вы зарабатываете два фр. въ день, и вашъ сынъ столько же?

— Да.

— Но не сегодня?

— Въ понедѣльникъ охоты нѣтъ работать.

— Будто не все равно: вторникъ, среда?

— Привычка! — отвѣтилъ кузнецъ, и сдѣлалъ неопредѣленный жестъ свободной рукой. Но онъ все-таки и въ понедѣльникъ раскалилъ желѣзо и сталъ выбивать ножи.

Мнѣ хотѣлось еще разспросить его; вопросы нахлынули; я забыла про голодъ; но кузнецъ такъ сосредоточился въ своей работѣ, что надо было уходить...

И ни одной-то булочной, колбасной—только кузницы и лавочки; въ ихъ окнахъ—ножи, ножички, даже выставлены брошки, въ формѣ маленькихъ ножей, скрещенныхъ и въ одиночку.

Но характернаго „тукъ-тукъ" села Павлова почти не слышно, не замѣтно; здѣсь преобладаетъ гулкій стукъ молота на наковальнѣ.

Наконецъ, мы добрались до гостинницы.

Это была настоящая провинціальная гостинница: съ чуланами, съ закоулками и съ можжевельникомъ, разбросаннымъ по полу „для духу". Хозяйка и ея персоналъ — женщины, одѣтыя въ черныя платья. Ѣды готовой—никакой; надо было заказывать ее, дожидаться. Экипажъ къ кустарямъ въ деревню — отъ гостинницы. Для переговоровъ призвали хозяйскаго сына. Пришелъ юноша, лѣтъ пятнадцати, такой бѣлый, розовый и толстый, что все на немъ было застегнуто на половину. Женщины обступили насъ. Пошли соображенія, куда именно везти.

— Нѣтъ ли кустарныхъ семей, напр. дѣвочка-сирота, подростокъ, сама-на́большая, съ маленькими братьями и сестрами, она работой ножа прокармливаетъ ихъ?

Именно подобное кустарное хозяйство вспомнилось мнѣ изъ села Павлова.

— Нѣтъ, этого и быть не можетъ! — хоромъ возразили. — Дѣтей сейчасъ сосѣди разберутъ, и ее пристроятъ.

— Знаю, куда ѣхать!—звучно воскликнулъ толстякъ. — Au hameau de Labique, это недалеко!

— Только, пожалуйста, дайте опытнаго кучера: здѣсь все крутые спуски и подъемы.

— Онъ кучеръ хорошій,—опять хоромъ заговорили женщины.

— Какъ? Вашъ *бамбино*?! — не удержалась я, такъ это итальянское слово подходило къ сдобному тѣлу юноши.

— Эжэнъ, — поправили меня, не понявъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я съ нимъ не поѣду: гдѣ ему справиться съ парой лошадей...

— Ему, Эжэну?! Да онъ отличный кучеръ,—разомъ возразили женщины.

Толстякъ самодовольно улыбался, безпрестанно подтягивая штаны.

— Боитесь парой — запрягу въ одиночку.

— Да, да, Гризетта свезетъ.

— А какъ ваша Гризетта опоздаетъ, не доставитъ къ послѣднему поѣзду? — усомнились мы.

— Она-то?! Такая добрая лошадь! Еще за два часа раньше пріѣдемъ, по городу васъ покатаю,—увѣренно отвѣтилъ бамбино.

— Не сомнѣвайтесь: сынъ—настоящій кучеръ. Время и мѣстность хорошо знаетъ, — подтвердила трактирщица.

— Я тоже умѣю править, — успокоивалъ меня Шарль:— поѣдемте съ нимъ, онъ забавный. Только гдѣ же это будутъ ваши кустари? — обратился онъ къ Эжэну.

— Вправо, въ горахъ, проселкомъ, километровъ семь отсюда, цѣлое hameau, разныя семьи.

— И доставите насъ къ послѣднему поѣзду? Ну, хорошо,— согласилась я, — ѣдемъ въ одну лошадь. Какая цѣна?

— Пять франковъ.

— Что такъ дорого? — замѣтилъ Шарль.

— Теперь беру пять франковъ, потому что еще не сезонъ; а въ сезонъ меньше десяти и не взялъ бы, — отвѣтилъ Эжэнъ уже совсѣмъ дѣловито.

Женщины ушли намъ готовить.

— У васъ—сезонъ?!.. Я думаю—все равно.

— О, нѣтъ! Съ половины іюля по 15-е сентября много пріѣзжаетъ „парижанъ“ съ окружныхъ водъ — тогда и катаемъ ихъ. Теперь только конецъ іюня, видите, никого нѣтъ, поэтому мы и не готовимъ стола; а въ іюлѣ есть и plats du jour, и à la carte, и разныя extra, — подробно объяснялъ толстякъ.

— Ну, хорошо, хорошо; значитъ, сейчасъ ѣдемъ... Ступайте закладывать.

— Пожалуйте въ столовую,—пригласилъ Эжэнъ.

Столовая съ длиннымъ table d'hôte'омъ, вполнѣ сервированнымъ, даже съ растеніемъ по серединѣ, имѣла жилой видъ. Шарль отъ завтрака отказался, увѣряя меня, что очень плотно поѣлъ дома. Я нашла все превкуснымъ.

Экипажъ подали—кокетливый шарабанъ съ полотнянымъ бал-

дахиномъ. Гризетта дѣйствительно смотрѣла „доброй" лошадью. Бамбино остался въ томъ же плохо застегнутомъ костюмѣ, только, кажется, подтянулся ремнемъ. Сидѣлъ онъ сгорбившись, безъ выправки французскаго кучера. Всѣ женщины вышли насъ провожать, приглашая опять посѣтить ихъ гостинницу. Цѣны счета были самыя провинціальныя.

Послѣ двухъ-трехъ крутыхъ поворотовъ мы убѣдились, какой ловкій кучеръ Эжэнъ. Онъ правилъ совершенно en maître-cocher.

— Каковъ! — одобряли мы.

— Теперь я повезу васъ одной дорогой, а вернемся другой, чтобъ вы видѣли всю долину, — говорилъ онъ, обводя бичомъ вокругъ.

И Эжэнъ безпрестанно началъ останавливать наше вниманіе на живописныхъ уголкахъ, не какъ гидъ, а изъ личнаго удовольствія. Дѣйствительно, виды были прелестны. Послѣ сильнаго вѣтра, нагнавшаго-было облака, небо прояснилось; легкія тучки еще застилали солнце; причудливыми тѣневыми пятнами отражались онѣ на долинѣ. Ихъ форма, очертанія, очень забавляли Эжэна; но мы скоро свернули съ шоссе на проселокъ, въ гору. Долина скрылась. Направо и налѣво, кромѣ высокаго кустарника, ничего не было видно. Дорога пошла по глинистой почвѣ, съ ямами и рытвинами, преизрядно-таки встряхивая насъ, что напомнило мнѣ родные проселки. Шарль сошелъ рвать цвѣты каприфоліи, которая вилась среди кустарника.

— Да развѣ у васъ тутъ не обязателенъ законъ трехдневной обработки дорогъ?—спросила я Эжэна.

— Обязателенъ, но вѣдь это проселокъ,—имъ скорѣе пріѣдемъ; обратно я повезу васъ по хорошей дорогѣ.

Мы поднимались въ гору. Широкобедрая, откормленная Гризетта безпрестанно оборачивала голову къ кучеру.

— Иди, иди!..—понукалъ ее Эжэнъ.—Не лѣнись, не сойду. Она, видите, проситъ, чтобы я сошелъ, — пояснилъ онъ.

— Вамъ часто приходится на ней ѣздить?

— Нѣтъ, я ремесломъ — поваръ.

— Поваръ?

— Да, я служу лѣтомъ у графини Парижской, въ замкѣ Монморанси, близъ Рандана.

— Но вѣдь графы Парижскіе не имѣютъ права жить во Франціи?

— Графиня — дама; это касается только претендентовъ...

— И вы служите въ зáмкѣ?.. Будто?

— Честное слово! Насъ тамъ нѣсколько поваренковъ.

— Какая же вамъ охота жить въ поваренкахъ, когда вы сами сынъ ресторатора?

— У графини Парижской шефъ—настоящій артистъ. Состоя при немъ, я обучаюсь; кончу обученіе, буду у себя готовить; у насъ кухня должна быть отличная.

— Небось поваръ бьетъ васъ, когда выпьетъ?

— Онъ не пьетъ, а подзатыльники (des tripotées) — даетъ шибкіе!..

— Почему у васъ въ гостинницѣ такъ много женщинъ и онѣ всѣ въ черномъ?

— Родственницы... Начнется сезонъ — всѣмъ дѣла по горло. Въ черное одѣваются—изъ экономіи. Свѣтлое-то вотъ оно,—указалъ онъ на себя:—сейчасъ пятна, новое покупать...

— Экономія!.. Вѣдь вы богаты.

— Да, дѣла наши идутъ хорошо. А вотъ, когда я выучусь, то-то денегъ будемъ заработывать!..

— На что вамъ ихъ?—сказалъ Шарль.

— Чѣмъ больше денегъ, тѣмъ больше почету,—отрѣзалъ бамбино, должно быть, родительской фразой.

Гризетта пріостановилась и выразительно взглянула на кучера. Толстякъ слѣзъ. Подъемъ дѣлался очень крутымъ. Я хотѣла тоже выйти изъ экипажа.

— Вы сидите; устанете!—галантно возразилъ Эжэнъ.—Она—лѣнтяйка. Иди, иди!—прикрикнулъ онъ на Гризетту.—Застоялась, избаловалась безъ работы—grosse bête!..

Но и самъ онъ сталъ красный, точно сейчасъ отъ плиты. Мы передохнули. Потомъ опять въ гору... Разговоръ не вязался...

— Вотъ hameau de Labique, ouf!..—вздохнулъ бамбино своей пышной, почти женской грудью; а вонъ и кустари, видите за крестомъ.

Мы выѣхали на полянку, съ большимъ крестомъ по серединѣ.

— Почему крестъ?—спросила я.—Несчастіе тутъ какое случилось?

— Нѣтъ, обычай; здѣсь сходится нѣсколько дорогъ.

Положеніе полянки было такое, что вида съ нея никакого—высокій кустарникъ кругомъ. Крестъ—желѣзный; отъ него шли не дороги, а скорѣе тропинки. Полянка выщипанная, выжженная; въ сторонѣ—нѣсколько двухъ-этажныхъ домиковъ изъ глины, пополамъ съ деревомъ; отдѣльно—сараи, въ дырахъ (для вентиляціи), передъ сараями телѣга, оглоблями вверхъ—точно все это *этюдъ* изъ рисовальной французской тетради.

— Вы сидите; а я пойду справлюсь сперва,—сказалъ Эжэнъ.

Онъ постучался въ окно ближайшей избы.

— Иностранцы,—кричалъ онъ въ стекло,—хотятъ посмотрѣть работу. А?.. Жалко!.. Хорошо... Налѣво, тутъ?.. Merci, merci!— Слѣзайте,—звалъ онъ насъ.

— Какъ же лошадь?—перекликались мы.

— Ничего, не двинется!

Онъ все-таки подбѣжалъ и спустилъ тормазъ.

— Тутъ,—пояснилъ онъ,—живетъ кустарь, братъ съ сестрой, вдовецъ. Онъ боленъ; хотите, взойдите, если не боитесь больныхъ; а то пойдемъ дальше, налѣво...

Немножко совѣстно стало; но все-таки пошли къ больному. Эжэнъ опять постучался въ окно.

На порогъ вышла крестьянка, съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ, кривая; другой глазъ слезился; настоящая деревенская пѣстунья.

— Войдите!—приглашала она. — Жаль, что братъ боленъ; онъ бы показалъ вамъ свою работу.

Внутри — больного не было.

— Гдѣ же вашъ братъ?

— Наверху, въ спальнѣ. Его работа—вотъ она.

На окнѣ лежали всѣ части перочиннаго ножа.

— Братъ—remonteur (пригонщикъ).

Вокругъ верстака навалено трапье; видно, больной былъ изъ зябкихъ. Самое же помѣщеніе—очень старое, закоптѣлое; глиняныя стѣны съ деревомъ, крестъ-на-крестъ. Большой каминъ-очагъ, и на его краю—синяя глиняная посуда; возлѣ камина старинные, грузные часы въ футлярѣ. Лѣстница вверхъ и вся мебель—деревянная, рѣзная; видно, не одно столѣтіе существуетъ этотъ домикъ со всей его обстановкой. Въ полу—люкъ съ рѣшетчатымъ окномъ.

— Зачѣмъ у васъ люкъ?—спросила я.

— Провизію тамъ бережемъ и вино.

— А почему у васъ городской говоръ и произношеніе хорошее?—спросилъ Шарль.

Крестьянка осклабилась.

— Съ пятнадцатилѣтняго возраста по нянькамъ ходила въ Клермонъ-Ферранѣ.

И правда, она смотрѣла добрѣйшей нянькой, въ своемъ коленкоровомъ чепчикѣ съ оборкой, который на ней былъ очень грязенъ и одна подвязушка оборвана. Маленькій ребенокъ, завернутый хотя и въ пикейное одѣяльце, тоже крайне нечистъ, но здоровъ и не плакса.

— Извините, что братъ не можетъ сойти показать вамъ, какъ онъ работаетъ. Понавѣдайтесь къ супругамъ Роберъ, отсюда налѣво; я бы охотно проводила васъ, да братъ одинъ наверху...

— Знаю, знаю, найду дорогу,—перебилъ ее Эжэнъ.—Слышите!—вдругъ поднялъ онъ палецъ.—Стучатъ!..

Крестьянка засмѣялась.

— Всѣ вы такіе, парижане, все деревенское вамъ въ диковину. Увидите корову: „корова, ахъ, корова!“ Утки въ лужѣ—вы опять: „ахъ, ахъ, утки!“ Кузнецъ стучитъ, работаетъ—вы сейчасъ: „ахъ, стучитъ!“ Точно деревенскіе, когда они на все городское дивятся... Право!..

Мы отъ души посмѣялись вѣрной характеристикѣ „парижанъ“ и пошли на стукъ. Пройдя нѣсколько саженъ по мощеному переулку съ липкой, деревенской грязью, мы вышли на площадку. Направо—двухъ-этажный домикъ; налѣво—кузница. Мы вошли въ кузницу, стукъ изъ которой заслышали еще у пѣстуньи.

— Monsieur Robert,—началъ Эжэнъ:—la vielle de chez Méchin—сказала, что вы будете такъ любезны, покажете вашу работу à Madame et à Monsieur.

— Съ удовольствіемъ!—радушно отвѣтилъ кузнецъ, молодой парень, съ прекраснымъ, розовымъ цвѣтомъ лица и великолѣпными черными глазами и волосами.

Онъ работалъ только „лёзу“. Кузница заново выбѣленная, съ окномъ.

— Пожалуйте, присядьте,—пригласилъ кустарь, подалъ мнѣ единственный стулъ и принялся выковывать лёзу, но не спѣша, съ остановкой, разспрашивая Эжэна о новостяхъ въ Тьерѣ.

— Не будете ли вы любезны показать намъ и ваше жилье?—обратился къ кустарю Шарль, когда лезвіе было готово. Бытъ рабочихъ-землепашцевъ очень интересуетъ насъ.

— Не стѣсняйтесь, я все вамъ охотно покажу.

— А у васъ что̀ здѣсь работаютъ по части ножа?—спросила я.

— Да вотъ что̀ видѣли у сосѣда Méchin—пригонщики и кузнецы.

— Вы землепашецъ?

— Да, имѣю немного земли; я только въ свободное время фабрикую ножъ.

— Вы тутъ же и живете?

— Напротивъ нанимаю квартиру. Тутъ, рядомъ съ моей кузницей, видите, коровникъ, сарайчикъ для плуга; очень удобно. Зимой тепло и здорово пахнетъ,—хвалилъ онъ свое помѣщеніе.

Черезъ улицу, въ двухъ-этажномъ домикѣ была квартира

кузнеца. Въ нижнемъ этажѣ, на порогѣ отворенной двери на улицу сидѣла m-me Robert и шила панталоны; она была тоже очень здорова, съ пѣвучимъ голосомъ и привѣтлива,—подъ пару мужу. За ней стояла молодая дѣвушка съ уснувшимъ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ, гораздо опрятнѣе того, котораго мы видѣли на рукахъ пѣстуньи.

— Ah, monsieur Eugène!—окликнула дѣвушка:—здравствуйте! Вы меня не узнаете? Я судомойкой служила прошлымъ лѣтомъ у графини Парижской.

Отъ такой встрѣчи я чуть не разсмѣялась.

— Вы... Célestine? Сразу не призналъ васъ,—отвѣтилъ холодно Эжэнъ на привѣтствіе крестьянки-судомойки, и отвѣтилъ тономъ сына содержателя гостинницы.

— Что-жъ, опять въ поваренки пойдете?—освѣдомилась Селестина.

— Еще мои родители не рѣшили.

— А я вотъ не могу, пока племянникъ не станетъ на ножки... Если опять будете служить въ зâмкѣ, поклонитесь...

И пошли перечисленія: кому поклониться. Эжэнъ съ снисходительной миной выслушивалъ порученіе судомойки.

Я заглянула внутрь жилья. Оно было чисто выбѣлено, и вся обстановка—столъ, стулья, буфетъ, посуда на каминѣ—современная, новая; обстановка „молодыхъ"; но сама молодая не отрывалась отъ шитья: рядомъ съ ней, на стулѣ, лежала груда лѣтнихъ панталонъ.

— Это у васъ заказъ?—спросилъ Шарль.

— Да, я работаю на мужской магазинъ въ Клермонъ-Ферранѣ.

— И сколько же вы заработываете въ день?

— Одинъ франкъ пятьдесятъ сантимовъ.

— Сорокъ франковъ въ мѣсяцъ, конечно, большія деньги; но вѣдь у васъ хозяйство, ребенокъ,—когда же вы успѣваете?

— Когда ребенокъ родился, она стала мнѣ помогать,—указала молодая на сестру.—И какое же хозяйство: корова одна...

— А изготовить кушанье, прибрать, помыть; вонъ у васъ все чисто, хорошо.

— Успѣваю!—отвѣтила она весело, но не отрываясь отъ пуговицъ, которыя быстро, быстро пришивала одну за другой.

Мужъ стоялъ тутъ; онъ съ большой прохладцей относился къ своимъ лёзамъ.

— Здѣсь у васъ столовая и кухня вмѣстѣ: наверху должно быть спальня,—соображала я вслухъ, смотря на помѣщеніе съ порога.—А отчего же весь домъ кажется больше?

— Онъ на двѣ квартиры; вотъ и крыльцо,—указалъ Робéръ на дверь рядомъ.

Сосѣдская квартира была заперта.

— Тамъ никто не живетъ?

— Нѣтъ, живутъ; съ поля еще не вернулись.

— И женщины?—спросила я, вспомнивъ, какъ обидѣлась молочница Бертина на мое предположеніе, что и она справляетъ полевыя работы.

— Всѣ ушли,—повторилъ кузнецъ, заглянувъ въ окно сосѣдей.

— Да вѣдь у васъ считается неприличнымъ работать женщинѣ въ полѣ, когда въ домѣ есть мужчины?

— Это гдѣ какъ... въ каждой мѣстности свои обычаи.

— Почемъ ходятъ въ годъ эти квартиры?

— За свою, съ кузницей, я плачу 100 франковъ въ годъ; а они—80; у нихъ кузницы нѣтъ, они—землепашцы, ножемъ не занимаются.

Шарль украдкой взглядывалъ на своя часы. Пора было ѣхать. Стукъ молота слышался съ разныхъ сторонъ. Интересно было бы еще походить, поразспросить. И вся мѣстность такая милая, съ ея симпатичными, привѣтливыми жителями. Но я рѣшительно повернула къ экипажу.

— Мнѣ очень непріятно, что вы изъ-за меня спѣшите,—извинялся Шарль.—Завтра въ девять часовъ я непремѣнно долженъ быть въ почтамтѣ, на дежурствѣ.

— Да здѣсь и смотрѣть-то больше нечего, — вмѣшался Эженъ,—все одно и то же: кузнецы и пригонщики, да и не всѣ такіе любезные, какъ семья Роберъ; другіе и не пустятъ.

Съ сожалѣніемъ сѣла я въ шарабанъ, гдѣ на скамейкѣ лежалъ громадный букетъ каприфолій, собранный Шарлемъ для салона m-me N. Но на душѣ такъ хорошо было, легко. Происходило ли это отъ горнаго, чистаго воздуха, или отъ удовлетвореннаго любопытства, или отъ впечатлѣнія, какое дали обѣ семьи двухъ первыхъ попавшихся кустарей въ hameau Labique?.. Конечно, и здѣсь, въ этой горной деревушкѣ, жизнь текла—житейская... съ болѣзнями, трудовая; трудъ—не покладая рукъ, каковъ онъ вездѣ во Франціи; но здѣсь не чувствовалось, не ощущалось, не замѣчалось той сухости, жесткости, скаредности, чтò такъ бросалось въ глаза и неизгладимо оставалось въ воспоминаніи отъ предъидущихъ деревень вблизи нашихъ водъ. Правда, матеріала было собрано слишкомъ мало и тутъ, и тамъ, чтобы судить вѣрно; но таково уже вышло впечатлѣніе.

— Отчего они здѣсь говорятъ по-французски понятнымъ язы-

коихъ, вотъ въ обѣихъ семьяхъ; у насъ же, на-водахъ, два шага за городъ—и уже свой языкъ?—недоумѣвала я.

— И прибавьте, чтò ни община—то свое произношеніе, свои перестановки буквъ, оттяжки слоговъ,—подтвердилъ Шарль.

— Ну, и здѣсь тоже... развѣ это французскій языкъ: les voichins ne chont pas là?—сгримасничалъ Эжэнъ, преувеличивая оверньятское произношеніе семьи Роберъ.—Настоящіе оверньяты!.. Поѣзжайте еще дальше, въ горы, километровъ за двадцать-пять—тамъ вы ни слова не поймете...

Это же говорилъ мнѣ на-водахъ и докторъ Ш.

— А что за человѣкъ живетъ у васъ въ Тьерѣ, по прозвищу „le Diable", вы знаете его?—спросила я Эжэна.

— C'est un blagueur, — кратко отвѣтилъ онъ, точно такъ, какъ выразился объ этомъ тьеровскомъ ходокѣ и нарядчикъ Z.

— А мнѣ все-таки любопытно было бы его видѣть; онъ въ городѣ теперь?

— Развѣ кто знаетъ, гдѣ онъ!.. вѣчно шляется.

— Est-ce joli, hein?! — вдругъ восхитился Эжэнъ видомъ, открывшимся передъ нами.

И было чѣмъ: солнце только-что сѣло за горы; лучи его чуднымъ, золотистымъ вѣеромъ раскинулись по небу; горы Оверни какъ бы выдвинулись; вся долина ушла въ тѣнь; одинъ западъ сіялъ.

— А тамъ, вонъ, видите полосу дыма?—указалъ Эжэнъ:—это Клермонъ-Ферранъ.

„Клермонъ-Ферранъ" — не разъ слышу я сегодня названіе этого города. Оно и понятно—самый значительный изъ ближайшихъ городовъ и дающій хорошій заработокъ всей окружной мѣстности...

Налюбовавшись на заходъ солнца, Эжэнъ стегнулъ Гризетту.

— Eh, va donc, paresseuse!..

Шоссе, по которому мы спускались, сбѣгало широкой, свѣтлой полосой въ долину; оно скрещивалось съ другими шоссейными дорогами, пролегало подъ высокими мостами, огибало холмъ съ чудотворной часовней и скрывалось въ ущельѣ, близъ Тьера. Это образцовое горное шоссе напомнило мнѣ опять Байдарскую долину съ ея не менѣе образцовой шоссейной дорогой; разумѣется, тамъ и тутъ условія совсѣмъ иныя.

Мы въѣхали въ Тьеръ съ низменной стороны. Здѣсь то же, чтò и повыше: рѣчонка, плотины, мостики, полукруглые выступы старинныхъ домовъ, закоптѣлыя стѣны фабрикъ; на одной изъ нихъ, какъ разъ надъ плотиной, намалеванъ чортъ, летящій въ

воду,—рисунокъ, малевка—дѣтскіе, но съ большимъ юморомъ. Теперь часто попадались фабричные; скромные, не разгульные. На мой взглядъ они казались молодыми техниками изъ-за границы, съ ихъ интеллигентными здоровыми лицами. Женщинъ гораздо меньше мужчинъ на улицѣ, и онѣ грубѣе, простоватѣе. Магазиновъ, ресторановъ—нѣтъ; зато на каждомъ шагу кафé съ ёлочкой—не городское, французское кафé съ зеркальными окнами и бархатными диванами,—нѣтъ, просто наша бѣлая харчевня съ засохшей ёлочкой. Но шума, галдѣнья подгулявшихъ посѣтителей не слышно—должно быть, еще не часъ. Въ перемежку съ кафé—лавки готоваго платья. Сейчасъ видно, что мѣсто фабричное: некогда дома заняться ни шитьемъ, ни штопкой.

Мнѣ захотѣлось купить на память виды города.

— Фотографія наверху, близъ желѣзной дороги,—сообщилъ Эжэнъ.

Проѣхали и мимо су-префектуры съ вѣковымъ садомъ за каменнымъ заборомъ. Садъ для публики закрытъ. Проѣхали мимо домовъ XV-го и XVI-го столѣтій, отмѣченныхъ въ гидахъ. Дѣйствительно, очень интересные. Странно, отчего французскіе и иностранные художники не пользуются Тьеромъ...

— Пожалуйте,—пригласилъ Эжэнъ:—здѣсь фотографія.

Магазина не было; приходилось подниматься въ мастерскую, въ пятый этажъ.

Я осталась въ шарабанѣ, предоставивъ Шарлю выбрать мнѣ фотографіи. За Шарлемъ побѣжалъ Эжэнъ и еще какіе-то тутъ подвернувшіеся мальчишки. Топотня ихъ ногъ вырывалась изъ всѣхъ этажей лѣстницы, пока они точно провалились куда-то, и все стихло и стало безлюдно. Одна Гризетта меланхолически отмахивалась хвостомъ да вкось поглядывала на меня. Спокойствіе, тишина провинціальнаго французскаго городка! Здѣсь, на горѣ, несмотря на фабричное населеніе въ десяткѣ тысячъ—тишина, такъ чудесно описанная Бальзакомъ въ „Vie de Province"... На горѣ солнце еще не совсѣмъ скрылось; оно косыми лучами освѣщало безлюдную улицу, поросшую травой. Рядъ домовъ, съ прикрытыми ставнями—„персьѐнь"... Нѣсколько ребятишекъ пускаютъ волчокъ.

Раздался стукъ копытъ. Проѣзжалъ молодой человѣкъ верхомъ на прелестной вороной лошадкѣ. Ближе я узнала въ немъ сына г. As.-Pr. Утромъ за прилавкомъ—интеллигентный рабочій; вечеромъ на прогулкѣ—„un monsieur chic"... И, вѣроятно, не одна мѣстная m-me Bovary, скрывшись за ставней, провожала долгимъ взглядомъ молодого всадника на ворономъ конѣ.

Шарль, Эжэнъ и маленькій комми-фотографъ принесли мнѣ альбомъ въ экипажъ. Увидавъ большой альбомъ, ребятишки побросали свои волчки, влѣзли на колеса шарабана и, запыхавшись, раскраснѣвшись, смотрѣли со мной фотографіи.

— Берите вотъ эту,—совѣтовали они мнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, эта лучше, эту берите,—тыкали они пальцами въ фотографіи, не обращая ни малѣйшаго вниманія на окрики комми и Эжэна. Всѣ фотографіи получше были по одному экземпляру: комми не могъ ихъ продать изъ альбома. Пришлось ограничиться самыми неудачными изъ всей коллекціи видовъ.

— Еще цѣлый часъ ждать вамъ отхода поѣзда,—указалъ Эжэнъ на часы, когда мы подъѣхали къ станціи.—Видите, доставилъ васъ, какъ обѣщалъ.

Да, толстякъ-поваренокъ ни въ чемъ не прихвастнулъ и, сверхъ назначенныхъ пяти франковъ, „на выпивку" тоже не попросилъ.

Въ залѣ станціи прохаживался только дежурный служитель.

Наконецъ, пришелъ поѣздъ, взялъ насъ и медленно, медленно поплелся.

Какъ бы въ заключеніе моей поѣздки, вскорѣ состоялось у меня знакомство съ продавцомъ ножей изъ Тьера. Дня черезъ два послѣ моей поѣздки, утромъ, постучалась ко мнѣ m-me N.

— У насъ тамъ внизу зашелъ commis-voyageur en couteaux; не хотите ли поговорить съ нимъ; можетъ быть, и купите что...

Я очень была рада познакомиться и съ французскимъ провинціальнымъ ходебщикомъ.

Вошелъ оверньятъ, какихъ изображаютъ на сценѣ: маленькій, плотный, румяный, лысый брюнетъ; въ рукахъ онъ держалъ большой черный кожаный сакъ.

Я пригласила его сѣсть.

— Счастливъ познакомиться съ русской дамой. Въ Бордо я видѣлъ русскихъ: si grands, si grands et couverts d'astrakan, ils m'ont fait peur.

— Это малороссы—petits russiens,—объяснила я.

Ходебщикъ разсмѣялся.

— Merci, pour des petits comme-ça!..

— Покажите лучше госпожѣ, что вы продаете,—остановила его m-me N.

Онъ сталъ-было вынимать и развертывать весь свой товаръ.

— Не трудитесь, мнѣ понадобится только перочинный ножикъ.

На разспросы наши съ m-me N. о житьѣ-бытьѣ города Тьера онъ замкнулся... О „diabl'ѣ-ходокѣ" выразился такъ:

— On ferait mieux de ne pas le connaître.

Я велѣла подать стаканъ вина.

— Oh, quant à ça, jamais de refus! A votre santé, mesdames!—провозгласилъ ходебщикъ.

О себѣ онъ охотно все разсказалъ. Онъ—пригонщикъ; зимой собираетъ ножъ; лѣтомъ, во время сезона, ходитъ, продаетъ; скопилъ 8.000 фр., купилъ домъ въ предмѣстьѣ Тьера; доходу получаетъ 150 фр. въ годъ; получалъ бы и больше, да ему самому необходимо три комнаты: подъ магазинъ, спальню и столовую. Имѣетъ друзей, ѣстъ хорошо, дѣлаетъ что ему угодно; никто не мѣшаетъ, не женатъ. А съ женой возня, капризы пошли бы: того не принимай, этого не ѣшь,—объяснялъ ходебщикъ моей хозяйкѣ на ея вопросъ, почему онъ до сихъ поръ не женится.

Ножичекъ продалъ мнѣ самый плохенькій за 1 фр. 50 сант. (47 к.), и на мое возраженіе, что дорого—онъ указалъ на свой мѣшокъ:

— Cher! Un gentil petit canif comme celui-ci?! Non, touchez mon sac, touchez-le, soulevez-le...

Тяжесть порядочная.

— Eh bien, convenez qu'il faut que j'aie mon bénéfice?

Я слушала моего гостя и мысленно представляла, рядомъ съ нимъ, commis-voyageur'а изъ села Павлова, хорошо знакомаго намъ —по ярмаркамъ ли въ Нижнемъ, въ Москвѣ ли въ Охотномъ, въ Петербургѣ ли на Сѣнной—обвѣшенный цѣпями изъ замковъ, съ плетенкой на груди и за спиной, гдѣ хранятся ножи и ножички, худой, желтый, грудь вдавилась отъ тяжелой ноши... тоже подчасъ очень скрытный насчетъ своихъ общественныхъ дѣлъ и тоже не менѣе плутоватый, чѣмъ этотъ оверньятъ...

С. Б—на.

САЗИ

РАЗСКАЗЪ.

Окончаніе.

VI *).

Рѣшеніе Мери оставаться въ Сергіевскомъ было для Григорія Сергѣевича настоящимъ благодѣяніемъ. Онъ ждалъ этого и какъ будто предчувствовалъ, что среди лучшихъ друзей „мучительныхъ“ мыслей не будетъ. Теперь задумываться ему было некогда, такъ какъ онъ никогда не оставался одинъ. Все, казалось ему, шло ровно, безъ толчковъ, и важнѣе всего было то, что такая обстановка спокойствія благопріятно дѣйствовала на Сази. Она съ каждымъ днемъ физически развивалась и хорошѣла. Вокругъ нея, по крайней мѣрѣ съ виду, была семья. Григорій Сергѣевичъ теперь не воображалъ въ ней тоскливаго, неудовлетвореннаго чувства. Онъ видѣлъ ее просто радостною и отдыхалъ съ нею.

При такихъ условіяхъ леченіе его шло лучше, чѣмъ оно могло идти гдѣ бы то ни было. Ободренный смутною надеждою отрады въ жизни, невольнымъ, безотчетнымъ чувствомъ счастья, онъ дорожилъ здоровьемъ и съ точностью исполнялъ все, что̀ ему было предписано. Рано утромъ онъ пилъ во̀ды и ходилъ, какъ было приказано, систематически мѣрно извѣстное число минутъ,—для чего онъ уже размѣрилъ широкую, тѣнистую аллею и, какъ деревенскій аббатъ, съ книжкой прохаживался отъ одного

---

[1]) См. выше: октябрь, 564 стр.

конца до другого и на каждомъ концѣ садился отдохнуть. Это длилось до пробужденія Сази, и затѣмъ онъ шелъ съ нею пить молоко; вмѣстѣ они отправлялись гулять по полямъ и лѣсамъ безъ устали и каждый день съ новой радостью. За это лѣто хозяйство пріобрѣло для Григорія Сергѣевича совершенно новое значеніе. Онъ осматривалъ свои поля и наблюдалъ за работами ровно столько же, сколько на нихъ смотрѣла Сази, и его влекло къ работѣ болѣе всего то, что онъ могъ и мужикамъ показать свою дѣвочку, и, казалось ему, вмѣстѣ съ ними радоваться ей.

Усталый, но веселый, всегда съ сознаніемъ добраго дѣла, съ впечатлѣніемъ добраго слова, Григорій Сергѣевичъ возвращался домой.

— Уфъ! хорошо!—вздыхалъ онъ, грузно опускаясь на любимую скамейку подъ большимъ старымъ каштаномъ возлѣ террасы дома.

Сази шла нѣсколько шаговъ впередъ.

— Тетя Мери! Тетя Мери, это тебѣ!..—И, закидывая головку къ окнамъ верхняго этажа, она высоко поднимала ручку и махала большою связкою полевыхъ цвѣтовъ, которую еле держала въ кулачкѣ.

Въ хорошенькомъ готическомъ окнѣ, съ котораго вверхъ и внизъ вился клематисъ, показывалась Мери и оттуда обѣими руками посылала ей поцѣлуи.

— Я сейчасъ къ тебѣ сойду.

— Нѣтъ! подождите минутку!—отзывался Григорій Сергѣевичъ!—Саша! Иди сюда скорѣе!.. полюбуйся картинкой!

Александръ, снисходительно улыбаясь и поглядывая на окошко, спускался къ нему съ террасы.

— Ну что?.. Усталъ ты?

— Ничего! Маленько согрѣлся; но зато, посмотри...—Григорій Сергѣевичъ бралъ себя за петлю или за пуговицу и, оттягивая отъ груди платье, показывалъ, какъ оно становилось широко.—Фунтиковъ пятнадцать, пожалуй, спустилъ!

Онъ, дѣйствительно, сколько-то фунтиковъ и своего горя забылъ до такой степени, что, глубоко вдыхая чистый, деревенскій воздухъ, работая охотно, всегда готовый къ радости, онъ за это лѣто нѣсколько разъ сказалъ себѣ, что онъ просто счастливый человѣкъ.

За всю жизнь его ни одно лѣто не было такимъ спокойно-счастливымъ; но зато также ни одно лѣто, казалось, не проходило такъ скоро.

Шестимѣсячный отпускъ кончился. Работы предстояло много,

и Григорію Сергѣевичу, чувствовавшему себя хорошо, совѣстно было медлить съ возвращеніемъ къ службѣ.

Сперва зашла-было рѣчь о томъ, чтобы ему ѣхать одному, а женѣ съ дочерью пробыть еще солнечный и теплый октябрь въ деревнѣ; но Катя настаивала на томъ, что хорошихъ дней оставалось, все равно, немного уже, и Григорій Сергѣевичъ, неохотно разстававшійся съ Сази, легко поддался.

Въ Петербургѣ была уже почти зима и „свѣтъ" уже почти съѣхался. До переѣзда двора движенія въ городѣ еще было не много, но много было проектовъ и предположеній, и небольшіе вечера, обѣды, журъ-фиксы и репетиціи интимныхъ, домашнихъ спектаклей уже начались.

Заслуженные актеры и хранители великосвѣтскихъ, классическихъ традицій—графъ Иванъ и князь Степанъ—уже священнодѣйствовали. У обоихъ у нихъ плечи пригибались, какъ они увѣряли, подъ тяжестью заслугъ и чиновъ, но юный пылъ не остывалъ. Друзья и соперники, за много десятковъ лѣтъ, съѣзжались теперь завтракать, дѣлали соображенія о вербовкѣ актеровъ и при этомъ пользовались всякимъ случаемъ, чтобы пускать другъ другу тонкія, безукоризненно-благовоспитанныя шпильки; каждый изъ нихъ, въ глаза и за глаза, усиленно хвалилъ другого, чтобъ ясно показать, что для себя соперничества не боится.

— Видишь ли, другъ мой,—говорилъ, бывало, графъ Иванъ:—я признаюсь откровенно, что гожусь и, быть можетъ, даже съумѣю показать себя на большой сценѣ, только pour le grand art, гдѣ развернуться можно; тогда какъ у тебя... entre deux paravents, въ французской блюэткѣ, твоя игра... c'est du Benvenuto-Cellini tout pur!

— Assez! Assez! Ты меня сглазишь!—съ смиреннымъ видомъ кричалъ князь Степанъ,—а онъ также претендовалъ на grand art.—И онъ скромно прибавлялъ:—У меня одно только достоинство, я это знаю: молодое сердце съ любовью къ искусству, и я, какъ мой другъ Маріо, съ подмостковъ никогда не сойду; но также никогда я не подумаю соперничать съ тобою въ режиссерствѣ. У тебя есть многолѣтній опытъ...

— Oh, la, la! Oh, la, la!.. — перебивалъ графъ Иванъ.— Лучше... вотъ что... будемъ толковать о дѣлѣ. Говорятъ, Стремягины пріѣхали. Я на нее имѣю виды. C'est la femme qu il nous faut. Надо бы ее уговорить... Какъ мы съ ней съиграемъ эту пьеску того... твоего пріятеля... „Doucement, s'il vous plait". Эта штучка какъ разъ для насъ съ нею написана. Какъ бы ее уговорить?

— Можно! Берусь. Я завтра къ нимъ поѣду. Такъ, рѣшено, значитъ? У графини Святоморской?

— Да; въ оранжерейкѣ... тамъ прелестная сцена.

— Ну, а Стремягины навѣрно пріѣхали?

— Навѣрно. Сейчасъ въ яхтъ-клубѣ его встрѣтилъ...

— Ну, очень радъ! Поѣду, непремѣнно поѣду...

Само собою разумѣется, Катя не отказала, и, такимъ образомъ, съ первыхъ же дней свѣтъ снова обхватилъ ее.

Григорій Сергѣевичъ на минуту было-нахмурился, узнавъ, что спектакль устроивался у графини Святоморской-Чарыкиной; но деревенскій миръ цѣлаго счастливаго лѣта значительно успокоилъ его и не прекратилъ своего умягчающаго вліянія, такъ что на первыхъ порахъ строго протестовать или просто запретить было неудобно. А затѣмъ, когда дѣло было уже въ ходу, ему ничего не оставалось, какъ ничего не подозрѣвать и не суетиться: на репетиція никто не допускался и суетиться было бы не къ чему. Къ тому же, хотя, вѣроятно, сынъ посѣщалъ салонъ своей матери, но домъ гофмейстерины графини Святоморской былъ изъ весьма смирныхъ и строгихъ, и сама графиня, присутствуя на репетиціяхъ, гдѣ необходимымъ распорядителемъ былъ ея безшабашный лейбъ-гусаръ, своимъ материнскимъ сердцемъ—онъ это зналъ—нескрываемо радовалась, видя, что Юрій бываетъ „dans un monde comme il faut“, и ни за что бы не допустила въ его поведеніи чего бы то ни было сомнительнаго.

Есть какая-то игра въ записки: „онъ, она,—что̀ дѣлаютъ? Гдѣ?—Чѣмъ все кончилось?“—и, наконецъ, „что̀ говоритъ свѣтъ?“

Такъ было и здѣсь: Юрій Святоморскій-Чарыкинъ,—la jolie Madame Strémiaguine.—Гдѣ? За кулисами.—Что̀ дѣлаютъ? Не видно.—Чѣмъ всѐ кончится? Неизвѣстно. — Что̀ говорятъ? Гофмейстерина говорила: „Décidément George se range“. А Скорбѣевъ прибавлялъ: „C'est un arrangement comme un autre... pour mieux se déranger...“

Григорій Степановичъ, между службою и тихою домашнею жизнью, ничего не слышалъ и не зналъ. Но почему-то Петербургъ сталъ казаться ему не прежнимъ. Смолоду онъ привыкъ вездѣ бывать какъ дома и ко всякому шелъ съ своею открытою рукою и съ свѣтлою улыбкой, потому что самъ былъ радъ и зналъ, что и ему были рады. Теперь эта улыбка была еще глупѣе, потому-что встрѣчалась какъ-то странно, не по-прежнему. Даже въ его домѣ теперь около него мало останавливались и проходили дальше; самыя дружественныя руки съ непріятною чувствительностью жали его руку. „Что̀, милый мой? ты что-то похудѣлъ,

сдается мнѣ"... „Вы, кажется, очень много работаете... васъ мало видно..." И готовый вистъ, отъ котораго онъ за прошлую зиму отсталъ, уже не ожидалъ его, а какой-нибудь любезный хозяинъ только справлялся: „вы, можетъ быть, тоже не откажетесь?.. Вотъ только четвертаго не подберемъ..." —и, разсѣянно оглядываясь, отходилъ искать партнера и по дорогѣ забывалъ и про вистъ, и про Григорія Сергѣевича.

На праздникахъ произошло что-то для него совершенно непонятное.

Вскорѣ послѣ домашняго спектакля у графини Святоморской, гдѣ осчастливленная высокимъ посѣщеніемъ гофмейстерина какъ будто была чѣмъ-то смущена или недовольна, Григорій Сергѣевичъ былъ удостоенъ приглашенія къ столу одинъ; съ нимъ были милостивы, но, дня черезъ два послѣ того, обычнаго приглашенія на концертный балъ не послѣдовало. Это было также не по-прежнему и даже совсѣмъ ново, такъ что Григорію Сергѣевичу было почему-то неловко. Внутренній голосъ нашептывалъ ему что-то давно знакомое, но онъ этой старой боли слушать не хотѣлъ. Онъ усиленно закрывалъ какой-то клапанъ въ головѣ, какъ онъ это давно научился дѣлать, и почти заставлялъ себя ничего не понимать. Того, что ихъ не позвали на концертный балъ, онъ самъ по себѣ, пожалуй, и не замѣтилъ бы; но у Кати всѣ эти дни была страшнѣйшая мигрень, и почему-то на слѣдующей недѣлѣ пришлось имъ дать большой вечеръ у себя, какъ бы для того, чтобы что-то показать, кому-то что-то доказать и исправить какое-то впечатлѣніе.

Само собою, никто не замѣтилъ, чтобы что-то было кому-то доказано; но Печенѣгины были на вечерѣ, а это было болѣе, чѣмъ важно, въ виду предстоявшаго у нихъ блестящаго костюмированнаго бала. Не быть тамъ было бы уже совсѣмъ неудобно.

По всему Петербургу только и рѣчи было, что объ этомъ балѣ. Толковали о какихъ-то группахъ, о какой-то процессіи, шли совѣщанія; уже списки были составлены, приглашенія разсылались, костюмы заказывались; брилліантщики, портные и портнихи работали по ночамъ; деньги сыпались, и молодежь принимала озабоченный видъ государственныхъ людей. Ей было весело уже отъ одного того, что, какъ ей казалось, цѣль жизни была найдена. Даже люди серьезные и на важныхъ должностяхъ считали какъ бы своимъ служебнымъ долгомъ принимать участіе въ костюмированныхъ группахъ до тѣхъ поръ, пока одному изъ нихъ не пришлось сконфуженно попасть на вопросъ:

— Какъ это вы всюду успѣваете?

Многозначительнымъ шопотомъ пробѣжало по Петербургу это слово: „какъ это вы всюду успѣваете“? Прибавлялись къ этому еще выраженія: „странно... удивляюсь“!.. и дѣловыхъ сановниковъ пришлось въ группахъ замѣщать молодежью.

Наконецъ, все стихло, все было готово, и насталъ великій вечеръ. Со всѣхъ краевъ Петербурга забѣгали, засуетились кареты, торопясь по одному направленію, кое-гдѣ вдалекѣ врознь, кое-гдѣ цѣлыми рядами, по набережнымъ, по Сергіевской, по Литейной, по Морской, по Невскому и Дворцовой площади, съѣзжаясь на угловыхъ поворотахъ при крикѣ кучеровъ, иногда обгоняя другія кареты, иногда задерживаясь, когда съ звонкимъ, но не громкимъ приказомъ: „Легче! Къ одной!..“ обгоняла карета съ камеръ-лакеемъ въ трехъ-угольной шляпѣ „съ поля“, т.-е. поперекъ; и тогда видно было какъ изнутри кто-то высовывался съ приказомъ кучеру: „не отставать“! Все это стремилось къ роскошно задрапированному подъѣзду на Англійской набережной, и здѣсь движеніе замедлялось; длинныя вереницы каретъ подвигались шагомъ; конные жандармы разъѣзжали вдоль и поперекъ, крича на кучеровъ; дверцы каретъ отворялись и захлопывались; шелка, бархаты и парчи показывались на минуту и исчезали въ свѣтѣ, растеніяхъ и цвѣтной толпѣ подъѣзда.

На роскошной лѣстницѣ, среди огней, пальмъ и матерій было торжественно-тихо; ни громкихъ голосовъ, ни смѣха. На верхней площадкѣ, окруженный тѣлохранителями, въ роскошной мантіи венеціанскихъ герцоговъ, залитой каменьями, ожидалъ хозяинъ съ красавицею хозяйкой-догарессой. Позади ихъ, тѣснясь въ ближайшихъ залахъ, пестрѣла толпа всякихъ столѣтій, всѣхъ міровъ: вся фантасмагорія древнихъ дворовъ, упоенныхъ роскошью, красотой и любовью, и все это въ перемежку съ свѣтилами, съ стрекозами, раззолоченными и блестящими, какъ бенгальскіе огни, жуками и букашками, рыцарями и шутами, ландскнехтами и духами съ крюковатыми крылышками и алмазами въ рожкахъ.

Чѣмъ дальше отъ лѣстницы, тѣмъ говоръ былъ громче. Знакомыя лица были неузнаваемы; красавицы стали еще красивѣе, подобравъ костюмъ по типу; уроды-мужчины становились красавцами. Слышались и смѣхъ, и похвалы: „Нѣтъ! Что̀ умно, то умно! Кто ему этотъ костюмъ выбралъ? Вѣдь онъ совсѣмъ хорошъ!“ — „А видали вы княгиню Лиду? Ахъ! и не говорите!.. совсѣмъ пропалъ... влюбленъ какъ никогда“. — „А вы гдѣ?“ — „Я въ кортежѣ Зари“. — „Это кто? Oh! Mais il est magnifique!“ — „Гдѣ? кто?“ — „Да, вотъ, Моэ нарядился паукомъ. Но вотъ кто элегантенъ! По-

смотрите эти два: Орлецовъ и Базиль Борисчиковъ en pierrots".— „Чтò?.. Чтò тамъ?„ — „Гдѣ?..." — „Кажется, пріѣхали".

Все колыхнулось, все смолкло. Музыка загремѣла, всѣ тѣснились, кланялись... чуть слышно переговаривались:

— О! милая!.. Ахъ, какая прелесть!..—Чтò онъ сказалъ? Кому?.. —Неужели?.. Quelle bonté à propos de la moindre des choses!

Потомъ все подвинулось, засуетилось; всѣ перебѣгали, искали другъ друга... „Ну, гдѣ теперь моя корзинка?"—„А мои пажи гдѣ?.. Готово?.. Tenez voilà..." И началось шествіе мимо широкаго возвышенія, устроеннаго у средины главной стѣны въ большой залѣ. Въ толпѣ сановниковъ, окружившихъ возвышеніе, сталъ и Григорій Сергѣевичъ и смотрѣлъ.

Молодецки прошли ландскнехты, молча взмахнувъ беретами предъ возвышеніемъ; гордо и весело проплыли царственное величіе и роскошь; за ними, переливаясь радугой, запестрѣли цвѣты и насѣкомыя среди легкихъ духовъ, волоча колесницу красавицы Зари съ солнцемъ, опустившимъ вѣнецъ у ея ногъ. Покуда проплывала Заря, сановники, окружавшіе возвышеніе, почтительно кланялись. Далѣе, въ сонмѣ звѣздъ, шла Вечерняя-Звѣзда—княгиня Лида, вся въ бѣломъ и вся въ брилліантахъ, съ прелестнымъ выраженіемъ чудесныхъ глазъ, смущенныхъ общимъ ропотомъ восторга, и въ ея свитѣ немного долговязый Тангейзеръ—ея мужъ, съ лютней, которую держалъ какъ-то неловко... А вотъ и Катя! Послышались голоса: „Ахъ! какъ хороша". Вся въ легкомъ тускломъ серебрѣ безъ одного брилліантика,—она была Лунный-Свѣтъ. Слышалось въ толпѣ: „Quel goût, quel tact!.. Идеальна!.." Отъ темныхъ глазъ лился точно лунный лучъ, и падалъ по плечамъ въ дымчатыхъ, роскошныхъ волосахъ, и за нею еще волочился въ длинномъ шлейфѣ, который задумчиво несли поэтъ—Кузовлевъ и композиторъ—Мирковъ. И снова звѣзды, духи добрые и злые, жуки и мотыльки и подъ-руку лягушка съ соловьемъ, пока оркестръ игралъ увертюру изъ „Зоммернахтстраумъ", и флейты заливались соловьиной трелью. Вдругъ отъ входной двери показались крошечные зеленые кузнечики, завертѣлись, замахали лапками, крыльями и усиками,—и сталъ въ дверяхъ, сверкая зловѣщими глазами, ночной кудесникъ—Святоморскій-Чарыкинъ, въ черномъ подрясникѣ надъ серебряными лаптями, въ черной мантіи, накинутой какъ схима на голову; на плечахъ двѣ совы съ брилліантовыми глазами и по всей мантіи и на головѣ кабалистическіе знаки изъ небывалыхъ фамильныхъ брилліантовъ. Онъ мрачно подошелъ къ возвышенію, гдѣ всѣ съ одобрительною улыбкою обращались къ гофмейстеринѣ, махнулъ алмазнымъ жезломъ,—

кузнечики прилегли у подножья возвышенія, и самъ онъ опустился на одно колѣно. Потомъ онъ поднялся, снова махнулъ жезломъ,—кузнечики замотали лапками и выбѣжали вонъ изъ залы, а на встрѣчу имъ, повинуясь его приказу, ворвалось и фарандолью завертѣлось ночное веселье—піеро и піеретки съ гремушками и бубнами, китайцы и желтыя бабочки съ китайскими фонарями на тонкихъ палочкахъ, саксонскія куклы съ лентами и цвѣтами,—все перепуталось, шествіе стянулось, короли и царедворцы смѣшались съ духами и козявками, и тихо, плавно все закружилось подъ томные, мечтательные звуки перваго вальса. Балъ начался.

Въ толпѣ, подвинувшейся отъ возвышенія, слышались восклицанія:—Очень хорошо... Прелестно! Какъ удачно все вышло!

Состроились кадрили, порядокъ водворился, нетанцующіе толпились въ дверяхъ и по угламъ. Спокойные люди искали гдѣ-нибудь присѣсть.

— Пройдемте въ оранжерею,—говорила маркиза поэту Кузовлеву, который велъ ее подъ-руку.

— Пойдемте...—но онъ медлилъ; разсѣянно оглядываясь и какъ бы не понявъ, что было ему сказано, онъ протѣснился къ стѣнѣ и, усадивъ маркизу, самъ сѣлъ и задумчиво сталъ глядѣть.

Невдалекѣ, въ кадрили, сидѣлъ Святоморскій съ Катей. Онъ бросилъ своихъ совъ и, скинувъ съ кудрявой головы черный капюшонъ, который ловко и граціозно мялся у него на плечахъ, съ дерзкой и немного грустной улыбкой смотрѣлъ на нее. Онъ энергически скоро говорилъ, иногда по привычкѣ вздергивая головою, какъ будто растягивая связки крѣпкой, бѣлой и сегодня нѣсколько обнаженной шеи. Въ ея глазахъ было что-то потерянное, опьянѣлое; опустивъ покорно голову, она изрѣдка рабски, исподлобья взглядывала на него, и дремлющій, какъ будто бы въ бреду, темный свѣтъ лился изъ ея глазъ.

— О чемъ вы задумались?—спросила маркиза у Кузовлева.

Въ это время проходила влюбленная хорошенькая парочка молодыхъ Напраслиныхъ, — Садко и Золотая Рыбка.

— А вотъ смотрю на вашу дочку, на маленькую графиню... Смотрю и думаю... и кажется мнѣ, что хорошо имъ вмѣстѣ... и сегодня особенно хорошо. Конечно, все это только блескъ, пустое веселье, роскошь, убитое время... Тутъ же, рядомъ съ нами, вотъ туда, пониже, по Невѣ, тамъ бѣдныя хижины, которымъ отъ одной оборочки этихъ нарядовъ, отъ одного незамѣтнаго камушка, на всю жизнь можно было бы дать хлѣба... и, все-таки, представьте себѣ, говоря серьезно, тутъ есть добро,—то добро, которое живетъ въ красотѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ: въ

веселіи для глазъ, въ музыкѣ, въ свѣтѣ... въ этомъ добромъ нервномъ раздраженіи, при которомъ я и васъ больше, чѣмъ вчера, люблю, и всѣхъ люблю, даже паука Мовэ, съ его арфою вмѣсто паутины. И вотъ они, эти молодые, хорошіе... они любятъ другъ друга съ тѣмъ же счастьемъ въ душѣ, какъ въ первый день, когда вы этого морячка вызвали изъ дальнихъ странъ своимъ благословеніемъ, котораго онъ давно просилъ. Имъ весело, просто весело, и ничего въ этомъ весельѣ, казалось бы, нѣтъ жизненно серьезнаго. А у него въ глазахъ, когда онъ на нее смотритъ, вся свѣтлая сила перваго вскрика радости, вся поэзія его телеграмки, вся ея глубина, которая на всю жизнь отразится: „je suis heureux, que Dieu vous garde“! И отъ одного этого лишняго хорошаго воспоминанія, — никогда не лишняго, — они далеко впереди, когда-нибудь, лишній день, лишній часъ, другъ друга любить будутъ съ этою же отрадой. Вотъ тамъ, смотрите, Александръ и Мери Стремягины... и они тоже влюблены, и сегодня еще больше. Они, говорятъ, много добра дѣлаютъ у себя въ деревнѣ... Это серьезнѣе, это лучше... А сегодня они здѣсь, и, повѣрьте, это на какой-нибудь ихъ Карпиловкѣ, Зубриловкѣ, отзовется новымъ добромъ. А тамъ Тангейзеръ отъ своей Вечерней-Звѣзды не отходитъ. Не будь всей этой поэзіи, онъ гдѣ-нибудь въ буфетѣ съ товарищами задержался бы лишнюю минуту, толкуя о производствѣ или о земскихъ начальникахъ, а теперь онъ съ нею, и она рада... еще разъ рада. Взгляните... это стоитъ посмотрѣть... А на ряду съ этимъ...—Кувовлевъ снова взглянулъ на Кудесника и Лунный-Свѣтъ, и задумался.

Григорій Сергѣевичъ протѣснился сквозь толпу, и съ руками за спиною, съ суровымъ выраженіемъ осматривалъ залу. Онъ увидалъ жену, промычалъ что-то себѣ подъ носъ, и снова его оттерли, затолкали, и онъ ушелъ. Потомъ видѣлъ онъ ее съ другими, и страннымъ казалось ему ея совершенно новое выраженіе лица. Но... пестрота вокругъ, ея особенный нарядъ... ничего удивительнаго не было въ томъ, что она не была такая, какъ всегда.

Однако, во время мазурки, онъ снова безпокойно протиснулся въ первый рядъ вокругъ танцующихъ.

Святоморскій былъ страшно блѣденъ, нервно крутилъ усъ, ворочая шеей, и взглядъ его былъ еще болѣе дерзокъ и зловѣщъ. Катя снова была совсѣмъ другая. На щекахъ былъ необычный румянецъ, тонкія ноздри нервно вздрагивали и глаза горѣли.

— Какіе у нея глаза... громкіе! — прошепталъ онъ. — Ему

стало жутко, и онъ подумалъ: „опять надо будетъ слѣдить и мучиться"... Онъ отвернулся.

А поэтъ Кузовлевъ, недалеко отъ него, смотрѣлъ на нихъ. Съ нимъ кто-то въ эту минуту говорилъ, но онъ не слушалъ. Въ головѣ у него слагалась поэмка. Свѣтъ и радость, любовь и добро вездѣ, гдѣ можетъ быть добро... поэзія музыки... и красоты, и вмѣстѣ съ тѣмъ... какъ близко преступленіе!.. И, вскинувъ подбородокъ съ короткой, рыжеватой бородою, какъ бы опершись на широкій затылокъ и закативъ глаза, онъ волнообразнымъ движеніемъ руки уже выглаживалъ свой стихъ:

„И ю-ности-мятеж-ный пылъ..."

Произошло какое-то движеніе, хозяинъ переговаривался съ дирижеромъ, и скоро нетанцующіе потянулись къ ужину. Стрелягина увлекло общею волною, но въ дверяхъ третьей гостиной онъ высвободился и, пробираясь уже противъ теченія, не скоро достигъ главной залы. Ему хотѣлось ѣхать домой, и онъ шелъ вызвать жену, чтобы незамѣтно исчезнуть до ужина. Хотя это было несовсѣмъ-то по этикету, но онъ надѣялся, что ихъ не замѣтятъ. Кати въ залѣ онъ не нашелъ, и отправился искать ее. Онъ прошелъ нѣсколько опустѣвшія уже гостиныя, оглядѣлъ блестящую толпу въ оранжереѣ и въ столовой, и снова вернулся въ залу. По нѣскольку разъ онъ обходилъ всѣ комнаты до дверей дамской уборной, и начиналъ уже сердиться.

— Да нѣтъ же! Вѣрно, въ оранжереѣ...

Онъ опять прошелъ туда, кое-кому глупо улыбнулся, обошелъ всѣ уголки подъ пальмами, оглядѣлъ всѣ столы, куда теперь уже и танцующіе собирались, расхватывая мѣста, подбирая себѣ компанію, обмахиваясь вѣерами и платками и снимая перчатки.

— А! Саша... Вотъ ты! Ты не видалъ Катю?

— Видѣлъ. Она впереди насъ выходила изъ залы...

— Куда?

— Да, я думалъ, сюда, или въ столовую...

Онъ сталъ суетиться. Вся эта пестрая, шумная толпа, гдѣ онъ не могъ найти ее, которая ее какъ будто заслоняла отъ него, казалось ему, душила его. Въ этой толпѣ, которой взоры были постоянно направлены къ одной сторонѣ, гдѣ каждому надо было быть поближе, Григорій Сергѣевичъ лучше, чѣмъ когда-либо, понималъ, что никому до него дѣла нѣтъ и не будетъ, что бы съ нимъ ни случилось. Онъ торопился дальше и дальше, все болѣе и болѣе суетясь, какъ пловецъ, котораго силы падаютъ,

котораго волны душатъ, и который боится не выплыть. Жутко стало ему въ совершенно опустѣвшей и смолкнувшей залѣ. Онъ опять прошелъ въ столовую; въ дверяхъ встрѣтилъ его Скарбѣевъ.

— Ты ужинать?

— Нѣтъ... Я ищу жену. Ея тутъ нѣтъ?

— Нѣтъ. Я давеча встрѣтилъ ее; она вѣрно собиралась ѣхать, потому что спрашивала о тебѣ, и какъ будто ждала шубы въ первой гостиной, надъ лѣстницей.

— А! Спасибо...

Стремягинъ заторопился. Съ верхней площадки оглядѣлъ онъ толпу лакеевъ, и прямо въ глаза кинулись ему рыжіе бакенбарды его выѣздного, Павла, который уже поднимался на встрѣчу ему съ шубою. Григорій Сергѣевичъ удивился.

— А что? Развѣ Екатерину Николаевну отвезти успѣлъ?

— Никакъ нѣтъ-съ! Онѣ изволили приказать васъ дожидаться.

— А сами уѣхали? Съ кѣмъ же?

— Точно такъ-съ, уѣхали. Я, было, уже подалъ, а онѣ, какъ изволили выйти, сказали: „ты, Павелъ, оставайся для барина, а мы съ ними, съ княгинею, поѣдемъ, въ ихней каретѣ...“

— Въ чьей?

— Съ эстой княгинею, не могу знать-съ... лакей незнакомый, а сами княгиня, что съ ними были... такъ, изволите видѣть, я не разглядѣлъ-съ, потому очень закрымши были. Такъ и признать не успѣлъ...

Григорій Сергѣевичъ, молча, пожалъ плечами, машинально спустился и сѣлъ въ карету. Тяжелое предчувствіе сдавливало ему грудь; онъ распахнулся и, снявъ шапку, утиралъ холодный потъ. Пріѣхавъ домой онъ спокойно, но несмѣлымъ голосомъ спросилъ:

— Екатерина Николаевна вернулись?

И на отвѣтъ швейцара: „никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, еще не возвращались“, онъ, какъ будто передъ кѣмъ-то извиняясь, сказалъ:

— А! Значитъ, онѣ заѣхали... гм-гм...

Онъ прошелъ въ кабинетъ и опустился на диванъ, ничего не понимая и ни о чемъ не думая.

— Спать изволите ложиться?—спросилъ вошедшій человѣкъ.

— Да... нѣтъ... вотъ что... дай мнѣ ѣсть.

Онъ почувствовалъ голодъ и, въ ожиданіи ужина, нетерпѣливо заходилъ по комнатѣ.

Покуда Сергѣй и Павелъ вносили ему лотокъ съ приборомъ, онъ внимательно ихъ разсматривалъ. Ему казалось, что они что-то

думают, и хотѣлось ему разспросить ихъ, и онъ самъ о чемъ-то думалъ и не говорилъ себѣ своихъ мыслей. Когда подали ему наскоро сервированный, холодный ужинъ, онъ съ жадностью сталъ ѣсть и пилъ стаканъ за стаканомъ. А покуда тяжелая мысль какъ будто назрѣвала.

Онъ уже поднялся, закурилъ папиросу, и вдругъ, бросивъ ее, онъ схватился за голову и, опрокидываясь на кресло, громкимъ, дрогнувшимъ голосомъ вскрикнулъ:

— Боже мой! Боже мой!.. Что̀ я скажу Сази?

VII.

Всю ночь Григорій Сергѣевичъ не ложился. Онъ иногда дремалъ въ креслѣ и безпокойно, съ ужаснымъ чувствомъ просыпался и вскакивалъ.

Люди тоже не ложились, и всю ночь у швейцара горѣло электричество. Григорій Сергѣевичъ это зналъ, ему было неловко и стыдно, но что̀ было ему дѣлать?

Оставаться въ бездѣйствіи, какъ будто все уже рѣшено и кончено, какъ будто такъ и слѣдуетъ, было несомнѣнно странно, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ еще далеко не вполнѣ понималъ, что̀ именно случилось. Съ другой стороны, поднять возню, разослать гонцовъ во всѣ стороны, сдѣлавъ видъ, что онъ тревожится о томъ, не случилось ли несчастья, не заболѣла ли, не разбили ли лошади,—было рѣшительно не къ чему. Онъ чувствовалъ—въ чемъ дѣло. Онъ видѣлъ передъ собою ея потерянное выраженіе на балѣ и зналъ, какія-такія лошади ее унесли.

„Только лишняго шума надѣлаешь... Не звонить же ночью у всѣхъ подъѣздовъ. Да и притомъ пришлось бы переговариваться, толковать съ людьми“.

Григорія Сергѣевича, который никогда не былъ собою особенно озабоченъ, теперь страшно занимала и пугала мысль: ка̀къ онъ будетъ глядѣть на своихъ слугъ...

„Исчезнуть бы куда-нибудь... Какъ бы это такъ сдѣлать, чтобы все это безъ меня произошло? — думалъ онъ:—умереть?.. Такъ вотъ же живъ... а стыдно жить. Не больно, не жалко, а просто стыдно“. Но въ эту минуту онъ чувствовалъ боль, не зналъ, гдѣ она, думалъ, что это боль отъ Кати, и не хотѣлъ признать ее. „Застрѣлиться, что-ли? —тогда меня не будетъ... тогда дѣлай, что̀ хочешь, говори, что̀ хочешь... Ахъ! Господи!.. Сази...“

Долго утромъ ходилъ онъ по кабинету, никого не звалъ. Во-

шелъ Сергѣй съ кофе, ничего не сказалъ и, какъ-то странно пригнувшись надъ подносомъ, даже не взглянулъ на него и вышелъ. Внизъ къ Сази Григорій Сергѣевичъ идти не рѣшился. Чтò бы онъ сказалъ ей?

Онъ что-то думалъ, что-то зналъ, но чтò именно, онъ не могъ бы сказать. Передъ самымъ завтракомъ пришло разъясненіе. Вошелъ Сергѣй съ страннымъ, искривленнымъ на сторону лицомъ, съ задранною вверхъ одною бровью, съ сжатыми въ какое-то безразличное выраженіе губами и на подносикѣ подалъ письмо.

— Вѣстовой принесъ и ушелъ-съ,—объяснилъ онъ и сейчасъ же самъ, не дожидаясь приказаній, вышелъ. По одному виду Сергѣя Григорій Сергѣевичъ понялъ, что письмо было отъ Кати. Оно было весьма литературно и начиналось со словъ: „Que vous dirai-je?“ Катя признавала, что она была „peut être coupable“, но что жизнью сердца управлять нельзя и что подчиняться необузданному деспотизму мужа было ей не по силамъ, тѣмъ болѣе, что когда-то, въ чемъ-то онъ убилъ какіе-то ея идеалы. Письмо кончалось выраженіемъ надежды, что онъ во всемъ поступитъ какъ честный и порядочный человѣкъ,—un galant homme,—не компрометтируя ее и охраняя какое-то будущее ея положеніе въ свѣтѣ. Послѣднею фразою было: „Когда вы нѣсколько успокоитесь, мы, надѣюсь, „paisiblement“ переговоримъ о необходимомъ общемъ дѣйствіи, т.-е. о разводѣ, который для васъ такъ же желателенъ, какъ для меня. Дурныхъ чувствъ къ вамъ я не имѣю“. Подписано было: „Catherine S.“

Все было ясно, просто, и только оставалось Григорію Сергѣевичу въ чемъ-то поступить, какъ надлежало честному и порядочному человѣку,—un galant homme.

Онъ безъ всякаго волненія прочиталъ письмо до конца, перевернулъ листокъ, какъ бы ища, нѣтъ ли еще чего дальше, наткнулся на начало, прочиталъ во второй разъ, повертѣлъ письмо и оставилъ его на столѣ.

„Ну, теперь что же? — подумалъ онъ: — рѣшено, кончено... теперь какъ же быть?“

Онъ до сихъ поръ не видалъ Сази и не зналъ, кáкъ поступить съ нею. Скрыть ли? Сказать, что уѣхала въ Москву?.. А съ людьми?.. Вѣдь видятъ... понимаютъ... отъ нихъ не скроешь...

— Фриштикъ готовъ-съ,—доложилъ вошедшій человѣкъ.

— А? Гм-гм... а тамъ уже...

— Барышня съ миссъ Бартоншею дожидаются.

— А?.. Да... нѣтъ; ты мнѣ сюда подай... я занятъ...

Сергѣй не отвѣтилъ: „слушаюсь", а сказалъ—какъ угодно будетъ...—и это прозвучало для Григорія Сергѣевича какъ-то странно. Въ этихъ словахъ было не повиновеніе приказу, а снисходительное баловство къ несчастному, больному человѣку. По лицу Сергѣя видно было, что весь домъ все уже знаетъ и что съ слугами объясняться не придется. Объяснять дѣйствительно было лишнее. Черезъ вѣстового было письмо къ горничной съ приказаніемъ выслать вещи на царскосельскій вокзалъ, и все, что нужно было знать, люди уже знали.

Подавая завтракъ, Сергѣй доложилъ, что Анна Михайловна, горничная, проситъ—нельзя ли побезпокоить.

— Пусть войдетъ...

Немолодая, но вертлявая Анна Михайловна вошла съ скромною улыбкой.

— Отъ Катерины Николаевны приказаніе есть мнѣ насчетъ вещей и бриліантовъ-съ... а такъ какъ я въ настоящее время въ сумленіи насчетъ теперь такого обстоятельства, что какъ онѣ теперь уѣхамши...

— Гм-гм...—запыхтѣлъ Григорій Сергѣевичъ и такъ сильно шевелилъ при этомъ губами, что даже плевался.—Убирайтесь къ чорту, пока я васъ въ окошко не спустилъ!—крикнулъ онъ.

— Не извольте безпокоиться...—и злобно, съ тою же вертлявостью, злорадствуя господскому несчастью, она продолжала, уходя: — Я собственно по тому обстоятельству, что никакихъ скандаловъ отъ роду не видала, всегда будучи въ хорошихъ домахъ...

Григорій Сергѣевичъ разомъ притихъ и, склонивъ голову, опустился на диванъ.

„Что-жъ?—думалъ онъ:—вѣдь она права... Скандалъ у меня или не скандалъ?.. Права совершенно... Въ хорошихъ домахъ будучи, такъ не бываетъ... Спасибо еще, что не побила меня. Вѣдь теперь что?... Плюнуть въ меня остается... и только".

Совершенно пришибленный, безъ мысли, безъ чувства, только съ сознаніемъ своего безсилія и какой-то постыдной, непоправимой вины, онъ сидѣлъ, сгорбившись и опустивъ руки рядомъ съ собою на сидѣнье. Вдругъ кто-то постучался.

— It is baby, sir. May we come in? (Это бэби. Можно намъ войти?)

Онъ поспѣшно пересѣлъ къ письменному столу, раскрылъ бюваръ, какъ будто занимался, и позвалъ. Сази вошла вмѣстѣ съ англичанкою и молча поздоровалась.

— Гм-гм,—промычалъ онъ, скоро кивая головою, поцѣло-

валъ ее, ничего не сказавъ... И было странно и совсѣмъ ужасно, какъ пятилѣтняя дѣвочка, не проронивъ ни слова, взглянула на него усталыми, немного потускнѣвшими глазами и тотчасъ же повернулась къ выходу. Онъ разсѣянно прошелъ за нею до дверей, еще разъ поцѣловалъ, погладилъ по головкѣ, и до того ясно видно было, что онъ хотѣлъ что-то сказать или спросить,—что сдержанная и всегда молчаливая англичанка, какъ бы запутавшись въ дверяхъ, отстала отъ дѣвочки и въ полголоса сказала ему:

— She is all right, sir... (Она—ничего...)

И такъ какъ въ этихъ словахъ какъ будто что-то было между ними сказано, англичанка, взявъ его за руку, отъ себя прибавила:

— Must be brave, sir... Oh! Good Heaven... (Надо быть крѣпкимъ... О! Боже милостивый!..)

Только къ вечеру вѣсть объ интересномъ происшествіи облетѣла Петербургъ. Всѣ всплеснули руками, — кто весело, кто удивленно, но, къ чести человѣчества, большинство съ соболѣзнованіемъ.

Курицу приказано къ столу зарѣзать, съѣдять ее съ аппетитомъ и разсуждать нечего,—а покуда она подъ ножемъ кудахтаетъ, ее жалко.

— Ахъ, несчастный человѣкъ! — съ искреннимъ чувствомъ вскрикнулъ Скарбѣевъ:—этого только недоставало. Бѣдный добрякъ, милый человѣкъ... Ахъ, какое горе!

И за нимъ свѣтъ повторялъ это восклицаніе съ тѣмъ же печальнымъ выраженіемъ и сейчасъ же, вмѣстѣ съ нимъ, перемѣнивъ интонацію, прибавлялъ:

— Au moins c'était crâne! Ай да барынька! Прямо съ балу! Шути съ ней!..

Узнавъ о бѣдѣ, Александръ немедленно поскакалъ къ брату. Григорій Сергѣевичъ встрѣтилъ его съ равнодушнымъ лицомъ, ничего не сказалъ, только, встряхивая головою, что-то мычалъ себѣ подъ носъ, и Александръ, не зная, какъ ему быть, тоже молчалъ.

— Садись... кури,—отозвался наконецъ Григорій Сергѣевичъ.

Тотъ закурилъ и сѣлъ въ томъ же тяжеломъ молчаніи.

— А вотъ... — Григорій Сергѣевичъ подошелъ къ столу:— можешь прочитать... интересно.—И онъ подалъ письмо отъ Кати. Александръ прочиталъ, вздохнулъ и, вставивъ папироску съ боку въ самый уголъ рта, проговорилъ:

— Чтò тебѣ сказать?!..

— Чтò мнѣ сказать!—засмѣялся Григорій Сергѣевичъ:—это уже и въ письмѣ сказано: „Que vous dirai-je?..“ А ты мнѣ вотъ чтò скажи... Какова? А?

Александръ поднялся и заходилъ по комнатѣ.

— Послушай,—началъ онъ:—совѣтовать тебѣ ничего нельзя; тутъ всякій голову потеряетъ. А я къ тебѣ пріѣхалъ на случай, если я нуженъ... тамъ... для чего бы то ни было, и... если я нуженъ, надѣюсь, что ты не поцеремонишься. У меня, правда, молодая жена... ну, да на это теперь смотрѣть нечего. Ты помни, что я тебѣ братъ, и я къ твоимъ услугамъ.

Григорій Сергѣевичъ не слушалъ.

— Какова? А?—повторялъ онъ:—и еще прямо съ балу!— Почему-то ему въ эту минуту казалось, что хуже всего было то, что она бѣжала прямо съ балу. — Вѣдь всякій день была свободна... и давно у нихъ вѣроятно эти амуры завелись. И вдругъ... и ахнуть не успѣли... прямо съ балу... Ха-ха!—И такимъ тономъ, какимъ развѣ только Скарбѣевъ сказалъ бы, Григорій Сергѣевичъ замѣтилъ:—il paraît que c'était pressé! Что? А?.. Ты говоришь: честь требуетъ!—Ничего про честь Александръ и не говорилъ, но ему казалось, что это онъ сказалъ.—Честь! Изъ-за этой гадины я еще долженъ или человѣка убить, или... такъ какъ онъ-то меня ни за что не убьетъ, я долженъ для удовольствія свѣта комедію разъиграть? Нѣтъ! Пусть поживутъ, помучаются. Онъ ей задастъ!

Въ своей мысли добрякъ мстилъ, какъ злой человѣкъ.

— Пусть посмотрятъ. Онъ ей покажетъ, какіе мужья бываютъ. Да... но только вотъ что... я не дамъ развода... Пусть помучаются... Для чего же мнѣ его убивать?... А вотъ еслибы онъ счастливъ былъ... вотъ тогда... убью... убью!—И злобно, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ какимъ-то дѣтскимъ выраженіемъ онъ прибавилъ:—Я вотъ какой!

— Другъ мой, другъ мой!—сталъ уговаривать его Александръ: —ты прежде всего успокойся. Такъ нельзя; ты о Сази подумай.

Григорій Сергѣевичъ свалился ему на плечо.

— Ахъ, Саша! Тяжело мнѣ... тяжело... — И слезы показались на его рѣсницахъ.

На другой день онъ, точно такъ же безъ дѣла и въ страшной путаницѣ мыслей, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, когда съ вчерашнимъ, многозначительно-искривленнымъ лицомъ вошелъ Сергѣй и, не глядя на него, сказалъ:

— Александръ Алексѣевичъ тутъ-съ, приказали доложить... съ ними гофмейстерина графиня Святомирская-Чарыкина...

Онъ вытаращилъ глаза.

— Проси,—сказалъ онъ тихо:—нѣтъ... подожди... ну, да... проси.

Ничего не понимая, онъ стоялъ посреди комнаты. Вошла графиня; онъ издали поклонился, неловко, торопливо; потомъ, когда Александръ подвинулъ ей кресло, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, какъ будто тоже хотѣлъ прислужиться. Графиня не сѣла, а, выпрямившись и опустивъ руки, произнесла:

— Передъ вами мать...

Онъ закивалъ головой.—Гм-гм... очень... очень пріятно...

Онъ чувствовалъ, что тутъ должно было произойти вѣроятно нѣчто весьма серьезное. Графиня заѣзжала за Сашей, или онъ для чего-то заѣхалъ за нею... его не предупредили... она уже что-то начала, а онъ никакъ не ожидалъ и не зналъ, что̀ ему тутъ надлежало дѣлать и говорить. А что-нибудь сказать въ отвѣтъ вѣроятно было необходимо, потому что положеніе было необыкновенное, и, надо полагать, въ такихъ случаяхъ что-нибудь люди дѣлаютъ или говорятъ.

— Ну-съ... ну-съ...—и разведя руками и оглядываясь на обоихъ присутствующихъ и вокругъ себя:—ну-съ,—кончилъ онъ и подумалъ про себя: „А я... а мнѣ... что̀ надо сказать?"

Графиня вздохнула и опустилась на кресло. Она тоже теперь не знала, что̀ ей говорить.

Графиня была дѣйствительно—мать; ничего не было напускного, театрально-подготовленнаго въ безотчетныхъ выраженіяхъ ея материнскаго горя; но трогательность ея положенія совершенно падала передъ полною растерянностью несчастнаго Стремягина, и все вышло какъ-то глупо. Она была, однако, слишкомъ свѣтскою женщиной; слишкомъ привыкла она къ тѣмъ пріемамъ находчивости, съ которыми прерываются неудобныя молчанья и налаживаются разговоры, чтобы сейчасъ же не поправиться.

Григорій Сергѣевичъ только разводилъ руками и молчалъ. Чтобы попасть въ тонъ, ей оставалось тоже нѣсколько разъ вздохнуть и въ это время собраться съ мыслями. Разсчитывать на поддержку возраженій было нечего, потому что очевидно отъ Стремягина нельзя было ожидать ни одной толковой мысли.

— Я знаю,—начала она,—я вижу, что вамъ очень тяжело. Онъ виноватъ передъ вами... и не я, конечно, одобрю его поступокъ. Онъ меня глубоко огорчилъ... Еслибы вы знали, какъ я несчастна! Этого никто понять не въ состояніи.

Стремягинъ уставилъ глаза. До сихъ поръ въ его неясныхъ чувствахъ было сознаніе, что надъ нимъ что-то обрушилось, что

ему сдѣлано зло, причинено ужасное страданіе, что виноваты въ этомъ они... эти злые люди, которымъ онъ никакого зла никогда не сдѣлалъ. Онъ былъ центръ этой боли, весь вопросъ былъ въ немъ; и вдругъ, она, эта старуха, мать его злодѣя, говоритъ ему о какой-то своей печали, къ нему за чѣмъ-то пришли, онъ что-то долженъ сдѣлать, снять какое-то огорченье... и долженъ еще знать, какъ она несчастна.

— Позвольте, графиня, — остановилъ онъ ее, напряженно морщась:—простите меня. Я вѣдь ничего не понимаю, со мною надо проще... я тогда, быть можетъ, и пойму. Я ни у кого ничего не прошу. Мнѣ никто не можетъ отдать того, что̀ у меня взяли. У меня... мой домъ разрушили... меня осрамили, осмѣяли... мнѣ еще худшее сдѣлали. Мнѣ мою дочку сиротою оставили... постыдной сиротою... и между ею и мною поставили горе, котораго мы дѣлить не смѣемъ. И мнѣ предъ нею стыдно, и она предо мною молчитъ... а ей больно, ей плакать хочется, но она не говоритъ... Кто мнѣ это поправитъ?.. Я ничего не прошу... Чего вы отъ меня хотите?

— Ахъ, Григорій Сергѣевичъ! конечно, эта ихъ безумная любовь!..

Онъ замахалъ руками.

— Любовь! Графиня... у насъ это не любовью называется... а иначе. Простите... надо, наконецъ, правду сказать. Вы знаете... я васъ всегда уважалъ... всегда былъ по крайней мѣрѣ вѣжливъ... но надо сказать то, что̀ есть. Это не любовью называется. У меня мой домъ разрушили, у меня ребенка обидѣли, меня избили, выпачкали... оттого только, по той простой причинѣ, что вашему сыну угодно было такъ сдѣлать, что ему было весело... отвратительно пріятно и весело; а ей, Екатеринѣ Николаевнѣ, — этой женщинѣ, которой я жизнь отдалъ, честь довѣрилъ, которой я далъ домъ, когда пора ей было выходить замужъ и когда ее никто за меня не неволилъ идти, которую я любилъ и изъ-за которой и такъ я уже плакалъ... и все ей до сихъ поръ прощалъ... ей угодно было... Чего тутъ кривить душой и слова придумывать?.. Ей угодно было не ночевать дома, потому что вашъ сынъ красавецъ и молодецъ... и этого молодца... я знаю, чего вамъ нужно, графиня... вамъ нужно, чтобы я его не убилъ?..

Она чуть замѣтно вздрогнула, вздохнула и закрыла лицо руками. Онъ скорыми шагами, взволнованно заходилъ по комнатѣ. Александръ, то покручивая усъ, то потирая лобъ, сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ съ опущенною головою.

— А я,—кончилъ, задыхаясь, Григорій Сергѣевичъ:—я... я

не знаю, что мнѣ дѣлать. Я объ этомъ, было, не подумалъ... а вы мнѣ эту мысль подаете.

Графиня вскочила.

— Я? Я, говорите вы...

Онъ молча сѣлъ къ письменному столу и, оперши подбородокъ на оба кулака, неподвижно смотрѣлъ предъ собою. Она подошла къ нему.

— Изъ васъ горе сдѣлало злого человѣка!.. Вы это матери говорите?.. Христосъ съ вами!..

— Простите,—глухо отвѣтилъ онъ:—нельзя...

— Что нельзя? Простить нельзя? Вы страдаете... Бога больше избили на крестѣ... Онъ простилъ...

— Графиня,—сердито остановилъ онъ ее:—не говорите мнѣ этого, не портите еще хуже вашего дѣла; меня это не успокаиваетъ, а только раздражаетъ. Я не праведникъ, и меня Богъ такимъ не создавалъ. Они тамъ будутъ себѣ преспокойно радоваться, а я буду праведникъ?.. Я этого не умѣю.

— Вы сами отецъ,—настаивала она:—у васъ Сази ваша...

Онъ уронилъ голову на руки и, совсѣмъ забывшись, сорвавшимся голосомъ застоналъ:

— Сази!.. маленькая моя...

— Григорій Сергѣевичъ,—она положила ему руку на плечо:—онъ тоже былъ у меня маленькій. Для меня онъ всегда мой маленькій... Грѣхъ ему предъ вами, грѣхъ ему предъ Богомъ... предо мною... а мнѣ жалко его, мнѣ больно... И еслибъ еще я ничего не могла сдѣлать, чтобъ спасти его, защитить... но я здѣсь... вы видите, я не разжалобить васъ хочу, я не плачу... я васъ, несчастнаго, печальнаго, умоляю... вамъ Богъ отдастъ... Григорій Сергѣевичъ... ради Сази!..

— Ахъ, графиня,—вздохнулъ онъ и, махнувъ рукою, отвернулся.—Я... я не убью его... Богъ съ вами!..

Она поцѣловала его въ голову.

— Я знала,—сказала она:—что вы его не убьете.

Это было неправда. Она только этого и добивалась; а теперь ей казалось, что она это знала, и теперь ей надо было бóльшаго: ей надо было совсѣмъ спасти сына, спасти отъ опасной связи, спасти его карьеру и всю будущность.

— Я знала, что вы его не убьете,—повторила она:—но этого мало.

Онъ поднялъ голову.

— Что же еще? Графиня... вотъ она уже мнѣ пишетъ... и вы тоже, можетъ быть, будете говорить о разводѣ?

Она всплеснула руками и неосторожно вскрикнула:

— Боже сохрани!

— Ха, ха! — усмѣхнулся онъ: — я, было, не хотѣлъ... но что же? Я пострадалъ... ничего не сдѣлалъ, чтобъ освободиться... а онъ меня освободилъ и самъ себѣ навязываетъ... пусть попробуетъ.

Графиня спохватилась, понявъ, что она выдаетъ свои цѣли.

— Нѣтъ... видите ли... конечно, безъ Божьей милости... какое можетъ быть счастье?..

— А? А вы еще счастья захотѣли „маленькому"-то?..

— Григорій Сергѣевичъ!..

— Ахъ, графиня, простите! — вздохнулъ онъ, смирившись: — мнѣ тяжело...

Она поспѣшила воспользоваться этимъ болѣе кроткимъ тономъ.

— Выслушайте меня, милый мой, нельзя людей заблудшихъ оставлять въ грѣхѣ, когда, какъ бы то ни было, отъ насъ зависитъ ихъ спасти. Вы христіанинъ... надо простить...

Съ первыхъ этихъ словъ онъ насторожился.

— То-есть... какъ это?

— Простить, — повторила она отчетливо, какъ бы нанося рѣшительный ударъ и глядя ему въ глаза.

Онъ привсталъ. Отходя отъ стола, онъ почти отодвинулъ ее и заходилъ по комнатѣ.

— Простить? то-есть, сказать, что ничего не было? Принять сюда, къ себѣ въ домъ, эту женщину... эту ужасную женщину?.. Такъ ли? Нѣтъ, графиня, я не христіанинъ, быть можетъ, и этого я не могу. Есть люди, которые вѣруютъ по французскимъ молитвенникамъ и на которыхъ слова дѣйствуютъ. Я же не умѣю вѣровать. Моя вѣра вся только въ томъ, что есть Богъ, что надо жить съ сознаніемъ, что Онъ все видитъ, что надо служить Ему, что Онъ проситъ любви... и я всегда любилъ... или хотѣлъ любить. Но того, чего нѣтъ во мнѣ, Богъ отъ меня не требуетъ. Я Ему не солгу... Его не обманешь... и теперь Онъ здѣсь стоитъ, и при Немъ я и вамъ не солгу. Она мнѣ теперь стала отвратительна, я ее больше не люблю и простить ее не могу.

Все время онъ ходилъ взадъ и впередъ съ руками за спиною и ломалъ пальцы.

— Хорошо! — продолжала наступать графиня, все настойчивѣе и настойчивѣе преслѣдуя свою мысль. — Хорошо. Вы въ правѣ судить ее: она отвратительна. Но вы когда-то взяли ее, чтобы любить и беречь. Вы тоже давали обѣщанья... и эти обѣщанья не были условны. Она упала въ пути, а вы стоите. Что̀ надо

дѣлать? Бросить ее или руку подать? Вѣдь не тогда ее беречь, когда она сама себя бережетъ; не тогда спасать, когда она не гибнетъ. Она была ваша... вы ее любили...

Онъ остановилъ ее.

— Графиня, это вы хорошо говорите, это все правда. Но... но...—онъ опять сѣлъ къ столу и закрылъ лицо руками.

— Ахъ, графиня,—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанья:—не мучьте, пожалѣйте же меня. За меня заступиться некому. Я... я не могу.

Онъ съ отчаяніемъ потрясъ сжатыми руками и схватился за голову.

— Какъ не грѣхъ имъ было это со мною сдѣлать! Графиня... чего вамъ отъ меня надо?

Она опять подошла къ этому страшному человѣку, у котораго нѣсколько минутъ предъ тѣмъ выпрашивала жизнь своего сына, и уже со слезами обняла его голову.

— Бѣдный мой!.. милый Григорій Сергѣевичъ...

Александръ всталъ, молча подошелъ къ окну и сталъ глядѣть на улицу. А графиня тихимъ голосомъ надъ самою головою Григорія Сергѣевича продолжала:

— Вы видите сами, что такъ нельзя оставить. Вамъ себя жаль... а маленькая Сази ваша? Вы о ней подумайте. Вспомните, какъ дѣти старыхъ слугъ любятъ и жалѣютъ, когда ихъ нѣтъ, и радуются, когда они возвращаются...

Онъ еле-замѣтно схватился за сердце, и двѣ слезы упали.

— Ваша Сази мать ищетъ... она молчитъ, она какъ будто что-то понимаетъ, но ее успокоить еще можно. Она не знаетъ и никогда не узнаетъ грѣха своей матери, она подумаетъ, почувствуетъ, что между вами было недоразумѣніе...

Григорій Сергѣевичъ, не поднимая головы и не отрывая рукъ отъ лица, какъ бы продолжалъ ея рѣчь, входя въ ея тонъ:

— И она подумаетъ, что въ этомъ недоразумѣніи я еще и виноватъ, что я обидѣлъ ея мать и она отъ меня ушла... да? этого нужно?

— А если даже и это? Минутное сомнѣніе, минутная досада на васъ... но зато... ея счастье... отрада и свѣтъ въ ея жизни... Одно изъ двухъ: ваше достоинство, ваша правота... и эта боль, страшная боль, которую и заласкать нельзя въ дѣтскомъ сердечкѣ маленькой Сази... и тогда судите преступниковъ... бросьте... или убейте... но вѣдь вы не убьете...

— Кто вамъ это сказалъ?—глухо спросилъ онъ, поднимая голову и уставляя на нее глаза.

— Кто вамъ это сказалъ?—повторилъ онъ.

— Вы сказали,—отвѣтила она спокойно:—но... пусть вы этого не говорили. Я васъ больше не боюсь; вы сказали, что Богъ тутъ стоитъ...—Она протянула къ нему дрожащую руку съ строго выдвинутымъ указательнымъ пальцемъ.—Григорій Сергѣевичъ... что̀ надо сдѣлать?

Онъ молчалъ и снова уронилъ голову на руки. А она, строго глядя на него, стояла надъ нимъ, крѣпко сжавъ скрещенные пальцы и нервно потирая ладонь о ладонь.

— Что̀ надо сдѣлать?..

Она ждала... и долго, не измѣняя положенія, они оба молчали.

Онъ тихо принялъ руки отъ лица, спокойно взялъ листокъ почтовой бумаги, что-то на немъ написалъ, не глядя на графиню, отодвинулъ къ ней листокъ и снова оперся лбомъ на обѣ руки. Графиня прочитала: „Вернитесь, я прощаю". Она чуть слышно вскрикнула, сложила листокъ и, торопливо засовывая его въ карманъ юбки, какъ нищая, которая выканючила рубль, она, въ своей нежданной радости успокоенія, въ внезапно возбужденномъ, экзальтированномъ чувствѣ, схватила его руку и поцѣловала ее.

Онъ раздраженно вскочилъ.

— Какъ это... какъ я этого не люблю!

А она, торопясь, собирала свои вещи—перчатки, платокъ—и прощалась.

— Ну, Григорій Сергѣевичъ... пусть васъ Богъ успокоитъ... вы Богу сослужили сегодня.

Она еще разъ протянула ему руку. Онъ, молча, подалъ свою, тупо опустивъ голову, мыча себѣ подъ носъ и не двигаясь съ мѣста.

— Вы остаетесь?—спросила она у Александра.

— Я васъ провожу, графиня... Прощай, Гриша.—Онъ крѣпко сдавилъ ему руку и свѣтло на него взглянулъ, а Гриша остался въ томъ же отупѣломъ раздумьѣ посреди комнаты, разставивъ ноги, глядя на коверъ, и даже не вышелъ проводить ихъ...

Въ этотъ же вечеръ Катя отвѣчала ему:

„Tzarskoe-Selo, le... Вы меня не поняли, и я васъ не понимаю. Я прошу и жду развода".

Онъ вспомнилъ слова графини: „вы Богу сослужили сегодня".

„Вотъ тебѣ разъ!—горько усмѣхнулся онъ:—а вышло, что ни Богу свѣча, ни чорту кочерга... Господи, Боже Ты мой!.. Да что же это такое?!.."

VIII.

Узнавъ все, что̀ было, свѣтъ удивился Григорію Сергѣевичу: „Ça, c'est trop fort!“

Еслибы онъ мстилъ, еслибы онъ убилъ ихъ, или хотя бы только одного изъ нихъ,—его бы похвалили. Еслибы тотъ или другой составъ присяжныхъ сослалъ его въ каторгу, ему бы свѣтъ простилъ и забылъ бы про него. Еслибы онъ съ горя спился и погибъ въ разгульной жизни,—его бы пожалѣли. Но того, что̀ онъ сдѣлалъ, свѣтъ ему не могъ простить.

— Что̀ вы тамъ ни говорите, у этого человѣка нѣтъ ни достоинства, ни даже простого приличія. Это тряпка какая-то... такъ-таки взялъ да простилъ: поцѣлуй-молъ меня, душенька. Ха, ха! Non! Et vous voyez d'ici le tableau, какъ эта добрѣйшая графиня Святоморская, съ своимъ всегдашнимъ шлейфомъ, въ допотопной мантиліи и въ перчаткахъ à deux boutons, этому дураку руку цѣлуетъ! Онъ, просто, пошлое, разжирѣвшее животное какое-то!

— Ахъ! Не говорите... онъ добрый человѣкъ, святая душа... монахъ...

— Ну, и ступай на Аѳонъ... такъ, чтобы тебя не видать было. On est homme du monde, ou on ne l'est pas.

— Ахъ, какъ можно такъ разсуждать, не зная!.. Этотъ человѣкъ всѣмъ жертвуетъ для своей дочери маленькой...

— Это-то лучше всего! Возится, няньчится съ чужимъ ребенкомъ... таетъ эта глупая рожа, восхищается, дышетъ надъ нею,—а всякій знаетъ, что она дочь Волынскаго. Кому же это не извѣстно? И онъ самъ не можетъ не знать. Да что̀ съ нимъ толковать? Его хоть по обѣимъ щекамъ хлопай... онъ только утрется и будетъ еще улыбаться во весь ротъ, выпучивъ глаза, и благодарить за что-то станетъ. Нѣтъ! Онъ совсѣмъ невозможенъ. Это... вотъ что̀: это просто безнравственно, потому что онъ до того пошлъ во всемъ этомъ, что даже тѣ въ своей выходкѣ, по сравненію съ нимъ, становятся симпатичны. Вотъ кто у насъ развратъ разводитъ,—эти голубчики, такіе, какъ онъ... сектанты... никакихъ правилъ... учить чему-то хотятъ. У него давно что-то такое замѣтно. Нельзя такъ, чтобъ по-людски. Нѣтъ, все по своему. Удивить кого-то хотятъ! Ну, признаться... удивилъ!.. А она... ей-ей молодецъ! Сказала разъ: не хочу,—ну, и не хочу. Такъ ему и слѣдуетъ. По дѣломъ! Есть извѣстные принципы, отъ которыхъ отступать нельзя.

Такъ разсуждалъ свѣтъ не потому, что люди этого свѣта и

безнравственны, и безсердечны,—нѣтъ! въ немъ много людей нравственно развитыхъ. У каждаго въ отдѣльности, въ его душевномъ мiркѣ, есть сознанiе добра и доброты, ради кругового вѣянiя порядочности, ради атавизма благовоспитанности во всемъ, или—какъ кто-то выразился—ради присутствiя утонченности, которая выводитъ этику изъ простой эстетики. Но, со всѣмъ этимъ, свѣтъ есть многочисленное собранiе свѣтскихъ людей, и о немъ можно сказать то же, чтò нѣкогда писалъ лордъ Честерфильдъ о парламентѣ: „Всякое многочисленное собранiе есть не что иное, какъ толпа; а предъ огульными чувствами, страстями и интересами толпы, каковы бы ни были отдѣльныя личности, ее составляющiя, голосъ чистаго разума безсиленъ. Собирательная единица не имѣетъ способности пониманiя"...

Къ тому же у свѣта есть свое сознанiе гармоническаго равновѣсiя, свой собственный принципъ непротивленiя злу. Послѣ удара въ правую ланиту подставленiе лѣвой ничего не поправитъ. Для равновѣсiя необходимъ отвѣтный ударъ въ правую же ланиту. Ничто такъ не противится злу, какъ добро, и поэтому, ради непротивленiя злу, добро можетъ стать неумѣстнымъ. Главный же законъ порядочности въ томъ, чтобы все было въ порядкѣ, на своемъ мѣстѣ. Всѣ эти люди большого свѣта, въ тайникѣ своемъ, поняли правду. У нихъ есть душа, которая когда-нибудь должна уйти куда-то; у нихъ есть цѣли честныя, есть боль, которую другiе могли бы утѣшить, есть радость, которую надо обнять, чтобы она стала сердечнѣе и свѣтлѣе. Но... опять-таки, у порядочныхъ людей все въ порядкѣ.

— Ахъ! Чтò вы это говорите? Такъ вы послѣдователь Толстого?

— Нѣтъ. Почему?..

— А потому, что сегодня вторникъ, и прiемъ у маленькой княгини Вѣры Дмитрiевны...

— Ахъ, да! Виноватъ... я и забылъ, что вторникъ...

А говорить это, провести намекомъ серьезную мысль, которая живетъ во всѣхъ, можно только въ бреду у графини Апполины... но и то осторожно, какъ разъ настолько, чтобы оставаться умнымъ человѣкомъ передъ умными людьми и передъ дамами, которыя все читали, и которыхъ серьезныя книги не пугаютъ, и то еще при условiи, чтобъ въ тему разговора вошли и Шопенгауэръ, и Ренанъ... а можетъ быть, и Гартманъ, и чтобы никакъ не дойти до искренности.

Вѣдь еслибы дойти до искренности и провести въ жизнь или—еще того хуже—дѣйствовать на основанiи той мысли, которая

живетъ въ тайникѣ — не большинства, а просто всѣхъ этихъ подъ-рядъ хорошихъ людей, за малыми исключеніями,—тогда что̀ бы вышло? Тогда и маленькая княгиня Вѣра Дмитріевна, которая была добра, и графиня Бетси, которая была очаровательно умна, и княгиня Лида, которая, что̀ бы ни сдѣлала, все у нея вышло бы хорошо, и графъ Иванъ, и князь Степанъ, и Мовэ, и Базя,—всѣ они должны были бы взять Катю Стремягину за руку и сказать ей: „милая моя, посидите-ка смирно; такъ-то, пожалуй, чище будетъ“.—Тогда Скарбѣевъ, вмѣсто того, чтобы острить: „c'est un arrangement comme un autre“... долженъ былъ бы посовѣтовать гофмейстеринѣ отмѣнить свой домашній спектакль, чтобъ не сводить несчастныхъ. Скарбѣевъ,—умный и честный человѣкъ, который ради честности своей пожертвовалъ карьерой, добился того, что его оттерли,—онъ лучше другого могъ сказать молодому Святоморскому, что есть отрада выше всякой сладости увлеченій,—отрада въ сознаніи, что все манило къ подлости, за которую никто бы не упрекнулъ, и даже похвалили бы, назвавъ ее иначе, —и все-таки ее не сдѣлалъ; а это даетъ человѣку право послужить людямъ когда-нибудь, когда придетъ пора...

Все это такъ... и, тѣмъ не менѣе... on est homme du monde, ou on ne l'est pas. Хороши бы они были! Это все непреложно, давно извѣстно, но всему свое время и мѣсто. А проповѣди и проповѣдникамъ не мѣсто здѣсь.

— Позвольте, однако... вѣдь въ этомъ же свѣтѣ обрѣтаются и рэдстокисты, и пашковцы?

— Еще бы! Вотъ чего захотѣли! Но разница-то какая! Тутъ, по крайней мѣрѣ, по-англійски Богу молятся. Вѣдь это одно чего стоитъ! Это своего рода „maison bien tenue“, красный фракъ съ гарденіею въ петлицѣ, — это такая религія, на которую и Волынскій согласенъ, и еще въ умные люди попадетъ, когда его административнымъ порядкомъ вышлютъ за границу. О чемъ тутъ толковать и при чемъ тутъ Стремягинъ, который жить не умѣетъ и дѣлаетъ такія вещи, которыя не дѣлаются? Неужели же свѣтъ виноватъ въ томъ, что онъ мѣшковатъ, безтактенъ и родился, чтобъ быть обманутымъ? А, наконецъ, вотъ что̀: въ свѣтѣ собираются для того, чтобы было весело; а это все вовсе не весело. Чего же болѣе?

Не весело было глядѣть на Григорія Сергѣевича, да на него никто и смотрѣть не хотѣлъ. Онъ бы и самъ былъ радъ на себя не глядѣть. Въ первую же минуту несчастья въ немъ промельк-

нула мысль: „какъ бы это такъ сдѣлать, чтобъ все это безъ меня произошло?“ А тогда онъ еще не зналъ, не успѣлъ понять, какая бѣда надъ нимъ стряслась. По природѣ мягкій и добрый во всѣмъ, онъ никогда не былъ крутъ и съ самимъ собою. Жизнь его была тяжела уже давно, а лѣнивая, сама по себѣ балованная натура не черствѣла. Теперь, кромѣ горя и стыда, его одолѣвало страшное неудобство: въ его жизни было, помимо его, принято значительное рѣшеніе. Жизнь, *его жизнь* была поломана, становилась совершенно другою, и его объ этомъ никто не спрашивалъ, а между тѣмъ жить-то приходилось ему.

„Ну, что-жъ, — думалъ онъ, — по крайней мѣрѣ, рѣшать больше нечего. Все равно, дальше такъ жить невозможно“.

Ему казалось, что онъ давно уже не любилъ Катю, и что она была ему не нужна. Но онъ не всегда думалъ о ней и не всегда страдалъ, и въ эти минуты не было боли, не было ударовъ и толчковъ, не было неудобства. Катя была у себя, онъ ее не видѣлъ, но все-таки она тамъ, гдѣ-то была. Ея жизнь, къ которой онъ привыкъ, приладился, была гдѣ-то вблизи отъ него. Тамъ, гдѣ нужны были ея распоряженія по отношенію къ хозяйству въ домѣ и въ особенности въ дѣтской, въ такихъ вопросахъ, о которыхъ онъ и понятія не имѣлъ, все шло въ порядкѣ, и его никто ни о чемъ не спрашивалъ. Около него жизнь надъ чѣмъ-то возилась, шла своимъ путемъ; ее вели желанія Катя, такъ какъ своихъ, во всѣхъ этихъ вопросахъ, у него было мало. Кромѣ того, у нихъ многіе бывали; ему казалось тогда, что свѣта онъ не любилъ, что онъ утомился имъ, но все-таки вокругъ него было движеніе. Оно смысла для него не имѣло, оно было ему ненужно, но онъ къ нему привыкъ, и безъ него уже не умѣлъ жить.

Такъ бываетъ въ долгихъ плаваніяхъ. Пароходный винтъ крутится и стучитъ безъ умолку; онъ сперва былъ несносенъ, но къ нему привыкнешь до такой степени, что его уже не слышишь; его какъ будто нѣтъ, и онъ вовсе не нуженъ. И вдругъ что-то случилось: онъ смолкнулъ, и это молчаніе страннѣе и хуже несноснаго шума. Эта тишина есть толчокъ, которымъ все потрясено, въ которомъ невольно, безсознательно чувствуется, что что-то недоброе приключилось, что-то оборвалось, испортилось. Что изъ этого выйдетъ? Не гибель ли? Этотъ внезапный покой самъ по себѣ есть не что иное, какъ тревога.

У Григорія Сергѣевича домъ опустѣлъ и смолкнулъ. Такъ недавно еще надъ Катею была тревога и мученье; жизнь съ нею была расшатана и невозможна; чѣмъ-нибудь надо было покон-

чить. А теперь, когда все было кончено, онъ еще хуже былъ сбитъ съ толку. Еслибы не было въ немъ еще боли удара и разрушенія, онъ бы просто безъ нея скучалъ.

— Что-жъ? Хоть и въ тоскѣ, но теперь бы отдохнуть...

Но и отдыхъ былъ ему невозможенъ. Было много такихъ подробностей вседневной жизни, съ которыми впервые приходилось ему ознакомиться. Еслибы онъ былъ одинъ, онъ, вѣроятно, жилъ бы какъ попало, все бы спустилъ съ рукъ, и все было бы ему безразлично. Но, кромѣ его кабинета, гдѣ онъ теперь болѣе задумывался, нежели работалъ, гдѣ онъ проводилъ и дни, и ночи, и куда часто даже требовалъ обѣдъ, была у него еще и дѣтская. Ради ея домъ стоялъ на мѣстѣ, и о немъ надо было заботиться. Англичанка вела свое дѣло на всемъ готовомъ. Она только говорила „пужальста" прислуживавшей у нея дѣвушкѣ, и если что̀ было неисправно, она звала горничную Анну Михайловну, которой передавала бѣлье и платья Сази, и которая на все получала непосредственныя приказанія Екатерины Николаевны. Весь механизмъ женской половины дома, всѣ счеты каждаго куска мыла, или синьки на прачешную, дѣтской котлетки и молока, каждой пуговки, кружевца или прошвы, все постельное и столовое бѣлье всего дома,—все было на рукахъ у Анны Михайловны, подъ привычнымъ приказомъ Кати; а теперь ни той, ни другой не было.

Первые дни, ради милосердія къ Григорію Сергѣевичу, ни Бартонъ, ни слуги не хотѣли его безпокоить, и домашній механизмъ еще двигался по инерціи; но скоро пришлось обращаться къ хозяину, и тогда для него и сама Сази стала въ новыя, непривычныя условія. До тѣхъ поръ, она жила съ нимъ и приходила къ нему, такъ сказать, вся готовенькая. Онъ и интересовался ея нарядами, и любилъ ихъ, онъ зналъ ея любимыя платьица, но откуда они были, какъ они придумывались, что̀ именно надо было носить, про то онъ ничего не зналъ. Онъ видѣлъ, что Сази не хуже, а, пожалуй, еще и лучше другихъ дѣтей одѣта,—а почему, онъ бы не могъ сказать.

Теперь предстояло ему взять на себя эту материнскую заботу. Онъ уже слышалъ въ свѣтѣ рѣчь о комъ-то: „Бѣдненькая! Какъ видно, что матери у нея нѣтъ... и одѣть-то ее не умѣютъ!.." Онъ не хотѣлъ допустить, чтобъ такъ заговорили о его дѣвочкѣ. Нѣтъ! Даже въ этомъ пустякѣ нельзя было ее дать въ обиду. И, съ болью, онъ гдѣ-то глубоко въ сердцѣ чувствовалъ, что теперь ее обидѣть не трудно. Въ мысли о ней явилось новое страданіе, а рядомъ съ нимъ воскресала и старая мука. Если Катя

была въ состояніи сдѣлать ему и ей это послѣднее зло, то ему казалось, что и прежде она съ тою же злобою, нарочно, чтобы только его терзать, ни передъ чѣмъ бы не остановилась и даже могла намѣренно такъ устроить, чтобъ Сази не была его дочь. Отъ нея всего можно было ожидать. Въ этой болѣзненно разстроенной, безразсудной мысли рождалось для него новое доказательство его безпощаднаго, ревниваго горя, и въ самомъ чувствѣ его къ Сази явилось вдругъ что-то новое, такое мучительное, что, казалось ему, она сама, всею прелестью своею, всею нѣжностью къ нему и своимъ тайнымъ, дѣтскимъ и уже большимъ горемъ и его любовью къ ней и страданіемъ надъ нею, терзала его со злостью, съ враждою, и, какъ будто, съ местью за какую-то его вину.

Ребенокъ видимо грустилъ и никогда съ нимъ о матери не заговаривалъ. Той свѣтлой отрады, съ которою онъ такъ сжился за прошлое лѣто, уже не было между ними. Въ опустѣломъ и молчаливомъ домѣ, гдѣ вечеромъ никого не бывало болѣе, гдѣ утромъ и днемъ не слышалось болѣе фортепіано, рядомъ съ спальнею матери, вблизи ея вещей,—тѣхъ шкафовъ и шифоньерокъ, которые уже не отворялись, и куда дѣвочка уже не лѣзла сама, чтобы достать для мамá какія-нибудь ленточки или цвѣты,—во всей этой обстановкѣ, не измѣнившейся, но помертвѣлой, Сази узнала тоску пустоты и молчанія. Она сама теперь уже не заливалась прежнимъ смѣхомъ, не бормотала безъ умолку, ради потребности болтать, какъ птицы поютъ, когда солнце свѣтитъ, и потому что въ дѣтской душѣ всегда солнце свѣтитъ. Она сама смолкнула, усталые глазки не искрились, а Григорію Сергѣевичу казалось, что она на него губки надула, за что-то его упрекаетъ, и ему больно было съ нею.

Онъ такъ же не хотѣлъ показать ей своего страданія, удалялся отъ нея и мучился все болѣе и болѣе. Объ отдыхѣ нечего было и думать.

Но не однѣ мысли терзали его. Люди также не хотѣли дать ему покоя. Это и не могло быть иначе. Съ одной стороны, показавъ готовность простить жену, онъ сдѣлалъ то, чтò не принято; а съ другой,—не хотѣлъ сдѣлать то, чтò отъ него требовали. Катя уже не одна настаивала на разводѣ. Святоморскимъ были недовольны. Сперва онъ было-сказался больнымъ и ожидалъ, не выѣзжая изъ Царскаго, разрѣшенія заграничнаго отпуска. Но исторія его надѣлала много шума. Сама гофмейстерина не могла затушить дѣла съ тѣхъ поръ, какъ Катя отказалась отъ прощенія. Было замѣчено, что, до поры до времени, продолжать

службу въ полку будетъ неудобно; что, конечно, женитьба могла бы многое поправить, но и то только со временемъ. Покуда же отпускъ былъ задержанъ, и одно только особое вниманіе къ заслугамъ гофмейстерины задержало также и отставку. Къ Григорію Сергѣевичу ежедневно сыпались письма отъ жены и отъ гофмейстерины, которая послѣ отказа Кати не рѣшалась ѣхать къ нему. Она, впрочемъ, хлопотала не особенно настойчиво. Женить сына при такихъ условіяхъ она вовсе не желала. Она даже была въ отчаяніи и всѣмъ своимъ друзьямъ жаловалась на свое несчастіе.

— Подумайте... онъ навѣрно къ Святой долженъ былъ получить аксельбантъ.

Екатерину Николаевну она снисходительно, ради ея любви къ ея сыну, называла: „cette pauvre folle“ — и въ душѣ ее ненавидѣла. Если же хлопотала она о разводѣ, то къ этому были вѣскія причины. Сказано было: „надо, чтобъ онъ вышелъ изъ этой исторіи честно, чего бы это ни стоило“. Это значило, что надо было жениться, хотя онъ и самъ этого никакъ не ожидалъ и вовсе не желалъ. Надо было покориться необходимости и употреблять, повидимому, всѣ усилія, чтобы уговорить Стремягина, съ послѣднею надеждою на его упорство.

Это упорство должно было быть безнадежно. Если, съ одной стороны, никогда не признавая себя безусловно правымъ въ какомъ-либо столкновеніи, никогда не считая своего мнѣнія лучшимъ, Стремягинъ по природѣ казался всегда склоннымъ къ возможной уступкѣ, то, съ другой стороны, онъ ставилъ себѣ жизненнымъ принципомъ, цѣлью всякой борьбы и возможнымъ идеаломъ совершенства—быть въ жизни сколь можно менѣе виноватымъ. Въ настоящемъ положеніи, чувствуя себя брошеннымъ всѣми и не считая другихъ неправыми, онъ думалъ, что много было его какой-то первоначальной вины въ преступленіи жены. Это у него выражалось въ словахъ: „не оберегъ себя и не съумѣлъ ее повести“. Но разъ, что за нимъ была уже эта вина, вопросъ былъ въ томъ, чтобы не впасть въ новый грѣхъ. По какой-то винѣ его Сази лишилась матери, а ей нужна была мать. Для этого онъ уже соглашался на то, чтобы въ глазахъ ребенка казаться причиною недоразумѣнія, и, дабы не уничтожить послѣдней надежды на примиреніе, онъ прощалъ жену. Это было ему не легко, но онъ совладалъ съ собою и сдѣлалъ то, что̀ считалъ должнымъ; а разъ, что это было должное, все остальное становилось ему невозможнымъ. Разводъ уничтожалъ прощеніе и разрушалъ послѣднюю надежду, послѣднюю возможность возвраще-

нія Кати. Къ тому же,—и эта мысль уже зародилась въ немъ,—что бы сказалъ онъ дочери и каковы были бы задатки ея воспитанія, еслибы ея мать, жена ея отца, стала женою другого, совершенно чужого человѣка?

Весь вопросъ былъ въ томъ, устоитъ ли онъ противъ всѣхъ нападеній, въ особенности при тѣхъ доводахъ, которые подсылала и еще готовила ему жена, рѣшившая поставить на своемъ во что бы то ни стало. Уже очень важный сановникъ, его непосредственный начальникъ, пріѣзжалъ къ нему и, среди кучи любезностей, намекалъ ему очень серьезно и настойчиво, что надо будетъ покориться, и что упорство можетъ повредить его служебному положенію. Стремягинъ, ради одной вѣжливости, повторялъ:

— Я подумаю, князь. Дайте мнѣ передохнуть.

Онъ видѣлъ, что служба и положеніе его были не прежнія. Жаль ему было и этого, но было горе посильнѣе, и онъ уже не по прежнему дорожилъ службою, которою не могъ, какъ прежде, интересоваться. Забитый, пришибленный, всегда подъ гнетомъ путаницы тяжелыхъ мыслей, онъ даже не былъ по прежнему усерденъ въ службѣ, и это уже замѣчалось. Онъ кое-какъ дотягивалъ лямку, не чувствуя себя въ силахъ принять значительное рѣшеніе, но зналъ уже, что долго тянуть не будетъ. Все рушилось, все валилось изъ рукъ; онъ усталъ, онъ былъ нравственно боленъ, тяжело боленъ, не зналъ, куда дѣваться, и еще долженъ былъ постоянно бороться, постоянно что-то защищать одинъ противъ всѣхъ.

У него были еще друзья, по крайней мѣрѣ Александръ и Мери, на которыхъ онъ могъ разсчитывать. Александръ искренно любилъ и уважалъ его, какъ никого другого. Онъ считалъ его свѣтлымъ, вѣрнымъ человѣкомъ, въ которомъ не было ни малѣйшей фальши. Но Александръ былъ все-таки человѣкъ и у него была молодая жена, которую онъ любилъ еще больше, которую хотѣлъ только радовать, оберегать отъ всякой печали и грусти. И самъ онъ былъ безконечно счастливъ, а счастье съ горемъ неохотно подъ руку ходитъ. Александръ и жена его часто бывали у Григорія Сергѣевича, ласкали Сази и играли съ нею, а ему помогали жить, какъ умѣли, насколько могли. Жаль его было имъ, больно за него; но слиться съ его печалью, изъ-за нея отложить въ сторону свое счастье, чтобы няньчиться съ этимъ несчастнымъ больнымъ, которому и помочь-то было нечѣмъ,—этого они не съумѣли бы сдѣлать. Имъ такъ же, какъ и свѣту, не весело было глядѣть на Григорія Сергѣевича, а счастье ихъ требовало, чтобъ имъ было весело. Мало-по-малу и незамѣтно они,

день за днемъ, удалялись отъ него душою. Онъ этого не видѣлъ, и оглянулся только тогда, когда почувствовалъ, что лучшій другъ его, братъ, чуть-чуть не сынъ родной, и тотъ его бросилъ. Но Александръ и самъ это замѣчалъ, и, чувствуя себя не въ силахъ стать ближе къ нему и помочь, не хотѣлъ, однако, оставить его совсѣмъ безпомощнымъ и обо всемъ подробно писалъ Азимову, котораго вызывалъ въ Петербургъ.

Оконченной и свѣтло догоравшей жизни этого старика никакія его собственныя тревоги и печали уже не могли волновать; но онъ зналъ ихъ всѣ, всѣ обдумалъ и всѣ онѣ были ему близки. Григорія Сергѣевича онъ особенно любилъ и сразу сердцемъ почуялъ, что ему надо помочь. Нѣсколько очерствѣлый въ давнемъ деревенскомъ одиночествѣ, онъ не хотѣлъ поддаться нѣжности дружбы и старался себя увѣрить, что Григорій Сергѣевичъ его только интересуетъ.

— Цѣльный человѣкъ,—говорилъ онъ себѣ:—но какъ-то выдержитъ онъ теперь всю эту передрягу?

Старикъ собрался въ путь и пріѣхалъ будто бы по какимъ-то дѣламъ. Онъ пріѣхалъ въ такую минуту, когда измученный и перепуганный Григорій Сергѣевичъ совсѣмъ растерялся. До сихъ поръ онъ не поддавался никакимъ давленіямъ, а теперь, въ новомъ и еще небываломъ ужасѣ за Сави, онъ почти былъ готовъ положить оружіе.

Отъ Кати было получено совершенно неожиданное письмо, которое Стремягину показалось хуже, чѣмъ все, что̀ до сихъ поръ было сдѣлано.

„Я признаюсь,—писала она,—что распорядилась совершенно глупо. Еслибы я увезла Сави съ собою, вы были бы гораздо податливѣе, и мы бы съ вами иначе разговаривали. Теперь, конечно, я въ вашихъ рукахъ и могу только разсчитывать на вашу порядочность, которой не вижу. Поэтому я должна предупредить васъ, что ничего непоправимаго не бываетъ, и что я съумѣю распорядиться и иначе. Вамъ такъ легко было давно меня въ чемъ-то подозрѣвать. Знайте же, что ваши мудрыя и предусмотрительныя подозрѣнія (vos soupçons pleins d'une sage prévoyance) были основательны даже до рожденія вашей дочери. (Слово: „вашей“ было подчеркнуто.) Я это докажу, если будетъ нужно“.

Прочитавъ это письмо, несчастный Григорій Сергѣевичъ поблѣднѣлъ и затрясся. Жестоко поразилъ его этотъ явный позоръ надъ его дочерью, позоръ безъ обиняковъ. При этомъ была еще угроза отнять ее. Въ ужасѣ своемъ онъ и не обратилъ внима-

нія на цинизмъ письма, который одинъ уже доказывалъ, что все это было лишь безсильною угрозою. Но самый цинизмъ уже незамѣтно на него подѣйствовалъ, и онъ понялъ, что такой матери ему для Сази не нужно. Онъ на все былъ согласенъ, лишь бы Сази не трогали.

— О чемъ я думалъ?—воскликнулъ онъ:—ее могли украсть!

И сдавивъ рукою сердце, которое перестало биться, и сдерживая глухой стонъ, онъ, на всякомъ шагу спотыкаясь, побѣжалъ въ дѣтскую и глазамъ не вѣрилъ, когда увидалъ Сази на мѣстѣ.

Сидя на коврѣ съ куклою, которой она примѣряла что-то самодѣльное изъ какого-то лоскутка, она сперва ему улыбнулась; но сейчасъ же выраженіе глазъ ея измѣнилось. Она уже привыкла къ мысли, что недоброе можетъ случиться, и, увидавъ блѣдное, растерянное лицо несчастнаго отца, она вскочила къ нему на встрѣчу съ вопросомъ:

— Папа́, что случилось?

— Ничего, душенька... мнѣ скучно стало одному.

— Ну, такъ ты тутъ всегда будь со мной.

— Да, дитя мое, всегда...

И онъ рѣшилъ, что всегда будетъ съ нею. Въ этотъ же день онъ перенесъ свою спальню и уборную въ сосѣднюю комнату и отъ себя не отпускалъ ее ни на шагъ. Онъ сталъ подозрителенъ и боязливъ, не вѣрилъ никому, даже старой, преданной Бартонъ.

„Ну, какъ ее подкупятъ!"

Когда пріѣхалъ Азимовъ, онъ и его испугался.

„Онъ не даромъ тутъ, — подумалъ онъ: — его подослали отнять ее. Нѣтъ! Богъ съ ними!.. Скверно... грѣхъ... да что жъ дѣлать? Пусть беретъ разводъ".

И первое слово, съ которымъ онъ встрѣтилъ старика, было:

— Василій Васильевичъ, я уже согласенъ... Не мучьте меня, силъ моихъ больше нѣтъ.

Трудно было Азимову его успокоить. Онъ самъ былъ встревоженъ, видя, что Григорій Сергѣевичъ, не на шутку пришибленный, совсѣмъ былъ близокъ къ умопомѣшательству.

До сихъ поръ Стремягинъ никому своей тайной муки не повѣрялъ; но тутъ терпѣть ему совсѣмъ стало не по силамъ. Если, какъ онъ воображалъ, и Азимова можно было подкупить, а также и Бартонъ, и слугъ, то ему все было безразлично, въ какую дверь ни постучаться, кого ни перетянуть на свою сторону; но надо было высказаться. И онъ дошелъ до того, что даже показалъ старику послѣднее письмо Кати.

— Ну, ну...—покачалъ головою Азимовъ:—нѣтъ! Это уже не шкодливая душа; она прямо крѣпкая! Ты ни прощать, ни наказывать ее не можешь болѣе. Прощать нельзя, потому что „не мецыте святая псомъ“, а наказывать... не твое это дѣло. Все, что ты до сихъ поръ сдѣлалъ, все это такъ, какъ слѣдуетъ, и это должно тебя поддерживать.

— Ахъ, Василій Васильевичъ, еслибы вы знали, какъ мнѣ теперь безразлично, что я дѣлаю такъ или не такъ! Усталъ я и обидно мнѣ. Почему все это на меня одного? Мнѣ тоже хотѣлось бы не страдать, я тоже люблю счастье... и у меня оно только есть одно, одно только и осталось... Сази. За что же и это портить? За что ее у меня отнимать? Вѣдь я только ею и живу...

— Эхъ! Не поймешь ты меня, если я заговорю, какъ надо!

Григорій Сергѣевичъ уже чуялъ, что старикъ, какъ онъ про него выражался, понесетъ свой мистицизмъ съ текстами. Онъ поспѣшилъ остановить его.

— Не пойму, конечно, не пойму. Ваши тексты мнѣ счастья не дадутъ. Вы скажете мнѣ словами всякихъ писаній: мужайся... Взять на себя можно много... сжать кулаки, выпрямить грудь и сказать: крѣпокъ я, не одолѣешь! Но это позировка, это не искренно, этимъ какъ разъ на полчаса себя позабавишь... а моей муки не полчаса...

— Я тебѣ безъ текстовъ скажу, что и счастью твоему не полчаса, а ты его забываешь.

— Счастье?—удивленно спросилъ Стремягинъ.

— Да, счастье... Сази...

— Ахъ! Больно мнѣ!—застоналъ Григорій Сергѣевичъ.—Вы видите... читали вы, что мнѣ про нее говорятъ? И я въ этомъ никогда не признавался, а я самъ себѣ это давно говорилъ. Гдѣ же послѣ этого счастье?

— Что пишутъ, то пустяки... не вѣрь и не слушай. Извѣстно, шальной женщинѣ дѣваться некуда, вотъ она сама на себя и клевещетъ. А счастье... повѣрь, оно и есть. Скажи мнѣ... ты любишь Сази? Сази—счастье ли твое?

Онъ тихонько положилъ руку на его плечо. Григорій Сергѣевичъ, который, сидя съ нимъ рядомъ на диванѣ, немощно согнулся, при этихъ словахъ поднялъ голову и вздохнулъ:

— Ахъ! Боже мой...

— Ну, то-то, видишь ли? А не будь она, тебѣ бы не было несчастья. Ты бы до сихъ поръ ничего не зналъ и не замѣтилъ бы. Ты только оттого узналъ свое горе, что ты надъ нею дро-

жалъ, что это горе было связано съ нею, связано съ клеветою на нее въ твоемъ сердцѣ. И будь она твое горе, ты все-таки не отдашь ее, потому что она твоя радость, какой нѣтъ ни у кого. А развѣ радовался бы ты ей, если бы ее ты такъ ужасно не любилъ? А развѣ ты бы такъ любилъ ее, еслибы не было тебѣ такъ больно?

Григорій Сергѣевичъ потянулся и глубоко вздохнулъ.

— Да,—промолвилъ онъ;—но ее отнять хотятъ...

Онъ всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ по кабинету.

— Что жъ?—заговорилъ онъ послѣ минутнаго раздумья:—мнѣ надо защищать ее... я дамъ разводъ...

— О!—отозвался Азимовъ и недовѣрчиво улыбнулся.

Стремягинъ остановился противъ него и выпучилъ на него глаза.

— Что „о"? Такъ-таки возьму и дамъ! Знаю, что грѣхъ, что Богъ не велитъ. Пусть тамъ толкуютъ и понимаютъ слова Божьи, какъ себѣ хотятъ; я такъ понимаю, значитъ, Онъ мнѣ не велитъ. Я такъ понимаю... что мы съ нею „въ плоть едину", то-есть, другими словами, она—я. А она замужъ выходитъ? То-есть, я выхожу замужъ за этого князька, какъ-бишь его?.. Вотъ гдѣ прелюбодѣйство... противузаконно, противуестественно... грѣхъ, мерзость... а все-таки я дамъ разводъ. Мнѣ больше дѣваться некуда. Что-жъ? однимъ грѣхомъ больше... у меня ихъ вѣрно не мало... Василій Васильевичъ... Вотъ что̀ мнѣ больно. Должно быть, я очень дурной человѣкъ, что меня такъ Господь Богъ побиваетъ... А?

Азимовъ усмѣхнулся.

— Бываютъ люди похуже.

— Въ томъ-то и дѣло!—вскрикнулъ Григорій Сергѣевичъ:—я неправду говорю, когда утѣшаю себя тѣмъ, что я все заслужилъ. Я не могу не знать, что никому я зла не сдѣлалъ и не желалъ; что я, по своему, не хитро, не по книжному, но я въ Бога вѣровалъ... Гдѣ же Богъ? Гдѣ правда Его? А я еще церемониться буду, какъ бы не приложить руку ко грѣху? Объясните мнѣ; я, ей-Богу, ничего не понимаю.

Онъ повалился въ кресло. Старикъ всталъ и въ свою очередь прошелся и наконецъ остановился надъ Григоріемъ Сергѣевичемъ, съ полуулыбкой глядя на него сверху внизъ. Лицо его приняло серьезное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, простое, доброе выраженіе.

— Ты одно только сказалъ правильно,—отвѣтилъ онъ:—то, что ты ничего не понимаешь. Ты не грѣшенъ и ты не правед-

никъ, но ты ничего не понимаешь. Слушай. Ты кто еси, яко реклъ еси: правъ есмь предъ Господемъ? Или речеши: что сотворю согрѣшивъ? Аще же и много беззаконовалъ еси, что можеши сотворити? Аще убо праведенъ еси, что изъ руки твоея возметъ? — Ты хочешь знать, за что?.. Постой, не перебивай меня... я теперь заговорилъ, такъ ты слушай. Это Богъ говоритъ. Гдѣ былъ еси егда основахъ землю? Возвѣсти Ми, аще вѣси разумъ. Или при тебѣ составихъ свѣтъ утренній? Разумѣлъ же ли еси союзъ Плїядъ и огражденіе Оріоново отверзлъ ли еси? Или отверзиши знаменія небесныя во время свое и вечернюю звѣзду за власы ея привлечеши ли?.. А ты на судъ съ Богомъ идти хочешь? Ты хочешь напомнить Ему справедливость, когда Онъ не при тебѣ поставилъ свѣтъ утра и ты союзъ Плїядъ никогда не уразумѣешь? Не ище же понимать. Пойми только одно: У Бога твореніе Его „подъ всякимъ древомъ спитъ, при рогозѣ и тростіи..." У него вездѣ хорошо... Мниши ли Мя инако тебе сотворша, развѣ да будеши правдивъ? Думаешь ли ты, что что-нибудь Онъ въ тебѣ создалъ иначе, какъ для правоты? Нѣтъ, родной мой, съ Нимъ нельзя сказать: мнѣ некуда дѣваться, и на Него роптать ты и не станешь. Если Онъ мысль подалъ, ты знаешь, какъ съ этою мыслью быть.

Григорій Сергѣевичъ слушалъ, но не въ силахъ былъ вникать. И все-таки мало-по-малу успокаивался.

— Такъ такъ-то, думаете вы? — тихо спрашивалъ онъ: — тамъ Богъ какъ Себѣ хочетъ, а я, по крайней мѣрѣ, не буду виноватъ.

А старикъ изъ книги Іова продолжалъ говорить ему о немъ, глядя на него, учился его понимать и, самъ того не зная, его же самого ставилъ ему въ примѣръ, уча его не стараться понимать.

— Какъ это интересно!—говорилъ старикъ о немъ Александру и Мери:—теперь я знаю, что онъ не собьется. Какъ правильно стоитъ онъ въ Божьей жизни!.. не въ этой, а въ настоящей, въ большой жизни, тамъ, гдѣ небо и земля вмѣстѣ слиты. Онъ сознательно не понимаетъ того, что вокругъ него, и какъ будто понимаетъ то, что самъ дѣлаетъ, куда идетъ; и живетъ онъ жизнью подлинной, для которой такъ трудно работать и въ которой такъ легко жить, когда поднимешь ее на себя. А это трудъ большой, безъ отдыха, безъ награды,—трудъ, на который и самъ Богъ какъ будто не смотритъ... а видитъ. Какъ въ писаніи сказано: „Безъ Себя узрю..."—и ведетъ Богъ такъ, чтобы не было неправды.

IX.

Съ тѣхъ поръ, какъ Азимовъ его поддержалъ, Григорій Сергѣевичъ уже не сомнѣвался въ томъ, что дать разводъ не слѣдовало. Никакихъ доводовъ онъ уже не опасался. Онъ отвѣтилъ графинѣ Святоморской, что говорить о разводѣ нечего, что намѣреній своихъ онъ не измѣнитъ и что это его послѣднее слово. Катѣ онъ вовсе не отвѣчалъ. Неосторожнымъ словомъ онъ боялся еще болѣе озлобить ее, а отъ нея онъ всего могъ ожидать и опасался всего.

Какъ ни успокаивалъ его Азимовъ въ томъ, что никто изъ его слугъ подкупить себя не дастъ, что Катя ничего доказывать не станетъ, чтобы не испортить тѣмъ еще хуже свое положеніе и не скомпрометтировать себя въ глазахъ Святоморскаго,—но Григорій Сергѣевичъ продолжалъ бояться, какъ бы не украли у него Сази во время прогулки или даже прямо изъ дому.

У него было противъ жены сильное оружіе въ ея неосторожномъ, безразсудномъ письмѣ. Стоило только показать это письмо графинѣ или ея сыну, и тогда все было бы кончено. О разводѣ для замужства не могло бы быть и рѣчи. Непонятно, какъ умная женщина, настойчиво преслѣдуя свои цѣли, могла написать такое письмо, которое въ одинъ мигъ могло разрушить всѣ ея надежды. Но, какъ видно, она хорошо изучила своего мужа и знала, что онъ или не пойметъ своей силы, или не захочетъ ею воспользоваться.

Это и на самомъ дѣлѣ не было въ его характерѣ; да онъ объ этомъ и не подумалъ. Страхъ за Сази былъ выше и сильнѣе всего. Иной мысли теперь у него и не было.

Первые дни онъ буквально не спускалъ глазъ съ своей дочери. Если кто приходилъ къ нему и надо было сидѣть въ кабинетѣ, онъ, сквозь разговоръ, прислушивался къ малѣйшему шуму внизу; если хлопали гдѣ двери, онъ вздрагивалъ и, подъ всякимъ предлогомъ, выходилъ въ коридоръ и ждалъ надъ лѣстницею до тѣхъ поръ, пока голосокъ Сази его не успокаивалъ. По ночамъ онъ запиралъ дѣтскія комнаты такъ, чтобъ иного хода не было, какъ чрезъ его комнату; свою кровать ставилъ у самыхъ дверей Сази, свою спальню также запиралъ изнутри и всѣ ключи клалъ подъ подушку. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока испуганные такими признаками почти умопомѣшательства и разобиженные Бартонъ и дворецкій Сергѣй не уговорили его этого

не дѣлать. Произошло объясненіе, въ которомъ доводы Сергѣя нѣсколько образумили несчастнаго.

— Помилуйте, Григорій Сергѣевичъ, еслибъ ужъ во мнѣ совѣсти не было, то на томъ свѣтѣ мои покойники отецъ съ матушкою отвѣчать должны. Грѣшно-съ такъ людей порочить. Какіе мы ни есть хамы, а все же таки понимаемъ, что и у господъ напраслинное несчастье бываетъ. Только себя безпокоить изволите и до болѣсти доведете. А намъ это, воля ваша, оскорбительно. Она, теперь,... мисъ Бартонша, хоть примѣромъ будучи и агличанка, а все же, вѣдь вамъ извѣстно-съ, царствіе небесное покойнику... съ тѣхъ поръ, какъ ослобожденіе пошло, того уже нѣтъ, что, какъ тогда говорили, что у некрещеныхъ и души-то не полагается. Она тоже человѣкъ и не обидитъ праведнаго человѣка... а вы добрые изволите быть; только вотъ что понапрасну безпокоитесь. Такой грѣхъ на душу взять! Да это не дай Богъ!

Съ своей стороны, Бартонъ выставляла практическіе аргументы. Ее тревожило то, что такая мнительность могла сдѣлаться маніею, при которой мѣры осторожности ни на чемъ бы не остановились. Важнѣе же всего было то, что этимъ можно было напугать Сази. И безъ того уже бѣдная маленькая головка несла болѣе, нежели мыслимо было въ ея года. Григорій Сергѣевичъ заперся, но все же не могъ совсѣмъ успокоиться и не хотѣлъ измѣнить новаго образа жизни, тѣмъ болѣе, что въ этой съуженной жизни около ребенка, день и ночь съ дочкой, ему было тихо и почти уютно. Когда была работа, онъ садился за нее по вечерамъ, уложивъ Сази, и въ тишинѣ своего кабинета, устроеннаго въ спальнѣ, въ двухъ шагахъ отъ Сази, слушая каждое ея дыханіе, онъ забывалъ свои тревоги; онъ чувствовалъ дочку какъ бы въ своихъ объятіяхъ и зналъ, что теперь ее никто не возьметъ.

Днемъ онъ совсѣмъ жилъ съ нею. Онъ зналъ мѣсто каждой игрушки, близко зналъ всѣхъ ея куколъ, любилъ ея любимицу, самую первую ея каучуковую (incassable) куклу „Маргаретъ". Лобъ и носъ у нея были слегка облуплены, глаза, среди правильныхъ лучей рѣсницъ, были похожи на колеса съ голубыми спицами вокругъ зрачковъ, но она, какъ для Сази, была ему по милу хороша; онъ зналъ, что она „кроткая" и „ласковая".

— She is so kind to everybody!.. (Она такъ добра ко всѣмъ!..)

Ему искренно жаль было, что хорошенькая парижанка Лили, съ желтыми буклями, съ прелестными ботинками на пуговкахъ, всякій день огорчала Сази своимъ дурнымъ поведеніемъ.

— I am very unhappy,—вздыхала Сази.—She is so pretty and clever, but... oh! so naughty (Я очень несчастна. Она такая хорошенькая и умная, но такъ дурно себя ведетъ)!

Григорій Сергѣевичъ подозрѣвалъ, что материнское сердечко Сази въ своемъ пристрастьѣ страдало оттого, что быстроглазая фарфоровая Лили была несомнѣнно красивѣе расцарапанной Маргаретъ, и онъ старался успокоить ея чувство.

— Ты попробуй взять ее лаской,—какъ-то сказалъ онъ ей:—она постарается исправиться; посмотри... ей грустно стало.

— Нѣтъ, папà; она безчувственная. Я ее знаю. Сколько разъ обѣщала, а сегодня опять поцарапала Маргаретъ и не хочетъ просить прощенья.

— Ахъ! Вотъ она какая! Такъ я ее и самъ накажу, пока не попроситъ.

Онъ посадилъ куклу въ уголъ и почувствовалъ, что разсердился. Только когда Бартонъ засмѣялась, онъ понялъ, что это игра и что на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Быть можетъ, Сази тоже хорошо знала, что все это только игра, но ее видимо радовало, что отецъ все принималъ за правду, всей душой живя ея жизнью, и она всѣмъ дѣлилась съ нимъ, все говорила ему, какъ бы не боясь слишкомъ дѣтскихъ и глупыхъ мыслей; а онъ почти жадно все выслушивалъ; все было для него серьезно и въ особенности было для него важно то, что, какъ онъ думалъ, не было у нея мыслей скрытыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не слыша отъ нея никакой печали, онъ воображалъ или старался убѣдить себя, что она отъ матери уже отвыкаетъ и начинаетъ ее забывать.

Одна только Бартонъ выслушивала дѣтскую тоску, когда Сази по утрамъ разсказывала ей свои сны, въ которыхъ неизмѣнно мать возвращалась къ ней и снова прежняя жизнь и радость были въ домѣ... and poor papa was so glad (и бѣдный папа былъ такъ радъ)! Григорій Сергѣевичъ день и ночь думалъ о своей дочкѣ, и, казалось, зналъ ее, зналъ все, чтò въ ней было рано встревоженнаго и недѣтскаго. Но доискаться до этой тяжелой тоски, которая покориться не хочетъ и все чего-то ждетъ, ему было бы не по силамъ. Ему такъ нужно было для нея одной радости, во что-бы то ни стало, что при всякомъ ничтожномъ проблескѣ ея онъ уже воображалъ, что Сази всему радуется и что ей ничего не надо.

Его уже и то утѣшало, что свѣтъ, который осудилъ и бросилъ его, не забывалъ его дѣвочку. Ее навѣщали и ласкали, при встрѣчѣ съ нимъ о ней разспрашивали, а когда на прогулкѣ ихъ видѣли вмѣстѣ, ей весело кивали головою и руками посылали по-

цѣлуи. Сперва ему давали добрые совѣты, къ кому обращаться за дѣтскими нарядами, что̀ надо было носить; но скоро всѣ увидали, что и совѣтовать ему нечего. На хорошенькой Сази и безъ того все сидѣло хорошо, а онъ такъ много души прикладывалъ къ каждому пустяку, что и помимо этого все выходило и ново, и безупречно, такъ что у него еще и поучиться можно было, и Мери, смѣясь, говорила, что когда у нея будутъ дѣти, она его будетъ посылать съ заказами къ мадамъ Фильдъ и чрезъ него будетъ выписывать, что̀ нужно, изъ Лондона и Парижа. Онъ этимъ гордился и любилъ показать свое умѣнье.

Когда въ солнечный зимній день на набережной или по усыпаннымъ пескомъ аллеямъ Лѣтняго сада Сази, съ ручками въ муфтѣ, чинно шла около него въ сѣренькой плюшевой шубкѣ, въ ловко изогнутой, широкополой плюшевой шляпѣ, обвитой большимъ бѣлымъ перомъ, всѣ прохожіе останавливались и оглядывались. Давно уже Григорій Сергѣевичъ забылъ глупо-блаженно улыбаться. Онъ только краснѣлъ, или отъ радости, или оттого, что ради ребенка замѣчали и его, и ему хотѣлось или совсѣмъ исчезнуть, чтобы, забывъ его, весь міръ преклонился предъ нею, или гордо поднять голову, въ сознаніи своей невиновности и напраслины уничиженія. Но давнишняя трудная мысль, никогда совершенно его не покидавшая, и тутъ опять заговаривала гдѣ-то глубоко, въ забытой ранѣ сердца. Когда на набережной изъ проѣзжавшей кареты сыпались Сази поцѣлуи и поклоны ему, онъ по одному выраженію лицъ, еле-замѣтному сжиманію плечъ, зналъ, какой, послѣ встрѣчи съ нимъ, шелъ разговоръ въ каретѣ.

— Бѣдный, глупый человѣкъ!.. Жена его осмѣяла, въ грязь втоптала... а онъ носится съ этимъ чужимъ ребенкомъ.

Ему было и стыдно, и больно, и досадно, что эту клевету онъ не могъ заставить замолчать; но на эту клевету въ немъ недавно сложился новый отвѣтъ:

„Врутъ! Пускай себѣ врутъ что̀ хотятъ! Выдумали этотъ вздоръ, чтобы ее отнять у меня... а я не отдамъ“.

Кто это „вретъ“, — онъ себя не спрашивалъ. Это чье-то „вранье“ и письмо Кати смѣшивались въ его мысли. Свѣтъ, казалось ему, былъ съ нею за-одно. Своимъ отвѣтомъ тѣмъ, „которые врутъ“, онъ успокаивалъ себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ снова начиналъ тревожиться: какъ бы не украли ее! Ему вдругъ стало подозрительно и то, что маленькая княгиня Вѣра Дмитріевна, которая втихомолку была почему-то особенно добра къ нему, пріѣзжала звать Сази на дѣтскій балъ. Онъ не зналъ, какъ ему быть.

„Ну, какъ они норовятъ съ балу украсть! Вѣдь Катю съ балу увезли...“

А между тѣмъ Сази такъ была рада! Только и рѣчи пошло, что объ этомъ балѣ. Больно становилось ему. Онъ вспоминалъ ея отвѣтъ Александру, который дразнилъ ее, увѣряя, что она даже не знаетъ что̀ такое балъ. Когда она отмалчивалась, Александръ присталъ къ ней:

— А ну, скажи,—что̀ такое балъ?

А она жалобно, обиженно сказала:

— А я тамъ буду танцовать...

И такъ жалобно она это сказала, что и безъ того уже у несчастнаго отца сердце сжималось; неужели же лишить ее этого праздника?

— Нѣтъ! Надо будетъ съ глазъ не спускать, но отказать невозможно.

И, озабоченный ея радостью, и платьемъ, и башмачками, и перчатками, Григорій Сергѣевичъ забылъ свой страхъ. Подробности приготовленій ее также занимали, тѣмъ болѣе, что онъ обѣщалъ ей вмѣстѣ съ нею дѣлать всѣ заказы и покупки, если только не будетъ слишкомъ холодно.

Мартовская зима стояла тихая и мягкая, съ предчувствіемъ весны. Онъ взялъ ее съ собою въ санки и поѣхалъ къ мадамъ Фильдъ. Она никогда еще въ саняхъ не ѣздила и была въ восторгѣ.

— Ахъ, какъ хорошо, папа̀! Мы совсѣмъ по настоящему... какъ куклы сидимъ въ саняхъ.

Ему было весело и онъ хохоталъ.

— По настоящему, это значитъ—какъ куклы?

Ей хотѣлось совсѣмъ по настоящему сидѣть—такъ, чтобы онъ ее не держалъ, но она немного побаивалась.

— Это ничего, папа̀, что такъ стучитъ что-то подъ санками?

— Ничего, дитя мое, это лошади снѣгъ подъ сани кидаютъ.

— А мы не опрокинемся?

— Нѣтъ, лошади смирныя...

— А помнишь? тетя Соня съ дядей Яшей въ Мошковомъ переулкѣ опрокинулись.

— Ну, такъ то въ Мошковомъ переулкѣ... а мы туда не поѣдемъ.

— Ну, тогда хорошо... Папа̀, мнѣ весело... и какъ все видно!.. не такъ, какъ въ каретѣ...

Свѣжій воздухъ и быстрое, ровное движеніе въ толпѣ экипажей возбуждали ее, и она говорила безъ умолку и смѣялась.

— Папà, мнѣ въ самый носъ снѣгъ попалъ!

— А ты муфточкой носикъ закрой... видишь? вотъ какъ большія дѣлаютъ...

Она совсѣмъ закрывала лицо и смѣялась, что ей неловко и ничего не видно.

— Нѣтъ, лучше снѣгъ въ носъ... Мнѣ не больно, а только смѣшно.

Но вдругъ, отъѣзжая отъ мадамъ Фильдъ,—они только-что выѣхали на Большую Морскую,—Сази точно привскочила и слабо вскрикнула:

— Ахъ, папà!..

— Чтò, душенька?..

— Нѣтъ... ничего...

Онъ засуетился, завертѣлся, думая, что ее ударило комомъ снѣга, и въ эту минуту онъ замѣтилъ, что глазки у нея безпокойно бѣгали и дергало ей головку, чтобы оглянуться, а изъ проѣхавшей кареты кто-то высовывался и смотрѣлъ на нихъ.

— Чтò съ тобою, душенька? тебѣ не холодно?

— Нѣтъ, ничего,—повторяла она; а лицо сдѣлалось грустное и голосокъ дрожалъ.

Въ проѣхавшей каретѣ онъ узналъ жену, и хотѣлось ему допросить Сази—въ надеждѣ убѣдиться, что она ее не видала; а прямо спросить онъ не рѣшался.

— Ты испугалась? ты кого-нибудь видѣла?

Она прижалась къ нему и заплакала. Онъ велѣлъ ѣхать домой, и всю дорогу они оба молчали. Вернувшись домой, онъ передалъ ее Бартонъ, сказавъ ей:

— Она думаетъ, что она кого-то встрѣтила въ каретѣ...

Самъ онъ ушелъ къ себѣ наверхъ, гдѣ давно уже не сидѣлъ, и ему весь день было такъ тяжело, что онъ къ Сази почти не заходилъ. Къ вечеру она разсѣялась и легла спать почти веселая, хотя на молитвѣ на минуту задумалась; но ночью она вдругъ подняла страшный крикъ. Григорій Сергѣевичъ, который еще не ложился, прибѣжалъ къ ней. Бартонъ, вся въ бѣломъ и въ какомъ-то причудливомъ колпакѣ, была уже около кроватки, въ которой Сази стояла съ совершенно потеряннымъ взглядомъ, въ судорожныхъ рыданьяхъ и въ ужасномъ возбужденіи, не то въ испугѣ, не то съ отчаяніемъ звала: „папà, папà! мамà!..“ Онъ кинулся къ ней; она вцѣпилась въ него ручками, продолжая кричать и глядя ему безумно прямо въ глаза, пока онъ самъ, донельзя перепуганный, торопливо ее допрашивалъ:

— Что, душенька? что такое? ты испугалась? во снѣ что-нибудь видѣла?

Бартонъ тихо останавливала его:

— Не спрашивайте... она заснетъ и забудетъ...

Но Сази продолжала прижиматься къ нему и жалобно, какъ бы съ болью и отчаяніемъ, только кричала: „папà, папà!..“ и ничего другого не говорила. Онъ крестилъ и ласкалъ ее и, обезумѣвъ, оглядывался на англичанку, которая, бормоча про себя, забѣгала по комнатѣ, ища воды и какихъ-то капель.

Но скоро Сази стала понемногу утихать и наконецъ заснула, слабо всхлипывая во снѣ. Утромъ ей ничего не напоминали, но она была блѣдна, скучна и какъ будто разбита цѣлый день. Григорій Сергѣевичъ, съ тѣмъ тяжелымъ давленіемъ въ груди, которое у него было при малѣйшемъ ея нездоровьѣ, не отходилъ отъ нея, но, самъ встревоженный, онъ не умѣлъ ее забавить. Когда, предъ обѣдомъ, она какъ будто немного повеселѣла и заговорила о предстоявшемъ балѣ, онъ нѣсколько успокоился и поѣхалъ въ городъ, чтобы привезти ей что-нибудь новенькое.

Подъѣзжая къ дому съ хорошенькимъ крошечнымъ вѣеромъ и новою книжкою, полный мечты о томъ, какъ она обрадуется, онъ, было, и не замѣтилъ темной женской фигуры, которая поспѣшно удалялась отъ подъѣзда. Въ передней два лакея съ швейцаромъ переглядывались, и когда онъ вошелъ, ему стало ясно, что что-то снова случилось.

— Что случилось?—крикнулъ онъ, заранѣе готовый на все недоброе.

Внимательный Сергѣй поспѣшилъ отвѣтить:

— Все благополучно... не извольте безпокоиться; а только, вотъ, позвольте, послѣ доложу...

И предоставивъ выѣздному снять шубу, Сергѣй, съ наклоненной головой, прошелъ впереди Григорія Сергѣевича, ясно показывая, что желаетъ объясниться наединѣ; и при этомъ онъ что-то мялъ въ рукѣ.

— Ну, что? что такое?

— Катерина Николаевна изволили здѣсь быть-съ. Меня не было, а Павелъ тутъ съ швейцаромъ сидѣлъ, а онѣ, какъ изволили войти, просили, чтобы барышню имъ вывели повидаться... и въ руку Павлу вотъ эти деньги дали... сумма такая-съ—триста рублей,—что ему, признаться, сумлительно стало; онъ за мною пошелъ-съ, а я тоже въ сумленіи докладываю, что такъ, что барышня не совсѣмъ здоровы, что пойду барину доложу. А онѣ мнѣ изволятъ сказать такъ, что барина дома нѣтъ, сами видѣли,

какъ выѣхали, и мнѣ тоже хотѣли деньги дать... Я не взялъ, говорю въ такомъ разѣ, что безъ васъ, Григорій Сергѣевичъ, невозможно. А онѣ тогда такъ приказали, что сами къ барышнѣ пройдутъ, а вы, говорятъ, не смѣете не пустить. А я опять докладываю, что какъ угодно, говорю, а безъ барина никакимъ случаемъ не могу; а, тѣмъ временемъ, швейцаръ догадался, вышелъ и говоритъ: „вотъ, кажется, его превосходительство изволятъ ѣхать-съ", то онѣ тогда потревожились и скоро такъ выйти изволили, только приказали, что ничего говорить не надо, что сами напишутъ...

Григорій Сергѣевичъ слушалъ и весь дрожалъ.

— Гм-гм, вотъ какъ,—повторялъ онъ:—такъ это Екатерина Николаевна были, значитъ... я, теперь помню, видѣлъ, кто-то съ крыльца шелъ. Такъ какъ же... пѣшкомъ?

— Къ подъѣзду пѣшкомъ, а швейцаръ провожалъ, говоритъ, поотдаль карета была...

Григорій Сергѣевичъ поцѣловалъ его и дрожащимъ голосомъ проговорилъ:

— Спасибо! спасибо!.. вотъ бѣда какая!.. украсть хотѣли!

— Это точно-съ... и мы такъ подумали,—отвѣтилъ Сергѣй, съ почтительно растроганнымъ выраженіемъ развернувъ бѣлый платокъ и утирая щеку послѣ мокраго поцѣлуя.—А вотъ, какъ прикажете съ деньгами?.. Павелъ не захотѣлъ взять...

— Ну, и ему скажи спасибо, и... пусть отошлетъ... поймутъ.

Онъ былъ совсѣмъ ошеломленъ этимъ происшествіемъ и долго не могъ придти въ себя. Его не успокоила и радость Сави при видѣ подарковъ. За обѣдомъ онъ ничего не могъ ѣсть; злоба и страхъ охватили его, и онъ поминутно задумывался. Только когда Сави не стерпѣла и попросила позволенья и за столъ принести вѣеръ и новую книжку, онъ на минуту просіялъ и занялся ею.

Свѣтло горѣли лампы въ ихъ двухъ большихъ комнатахъ, между которыми дверь была открыта настежъ, драпировки были спущены, было уютно, и Сави совсѣмъ повеселѣла; но Григорій Сергѣевичъ, подъ впечатлѣніемъ новаго нападенія, не могъ еще овладѣть собою. Ему было страшно, и никогда еще онъ не чувствовалъ себя до такой степени одинокимъ. Еслибы могъ онъ, еслибы это было прилично и не удивило бы ихъ самихъ, онъ сюда бы призвалъ и вѣрныхъ слугъ своихъ, Сергѣя и Павла, хоть бы у дверей поставить ихъ, чтобы всѣмъ тутъ вмѣстѣ спрятаться и никого не впускать, думалъ онъ. Мысль его была поражена, и болѣзненная темнота легла ему въ душу.

„Нѣтъ! такъ жить нельзя!"—повторялъ онъ мысленно, охва-

ченный безотчетнымъ ужасомъ. Сази онъ не смѣлъ теперь высказаться даже безмолвною лаской, а между тѣмъ хотѣлось ему, какъ ребенку, къ кому-нибудь приласкаться, чтобы оберегли его, чтобы отогнали его страхъ. „Какое горе, что Азимовъ уѣхалъ!“ И какъ только онъ это подумалъ, онъ понялъ, что ему надо было людей видѣть, и онъ послалъ за Александромъ.

Но весь вечеръ между Александромъ и Мери,—которые и послѣ того, когда совершенно успокоенная и веселая, даже разъигравшаяся Сази легла спать, остались до поздней ночи и засадили его за карты, чтобъ его разсѣять, — онъ долго оставался подъ гнетомъ необъяснимаго страха. Все казалось ему мрачно; безконечная ночь легла на всю его жизнь, и, казалось, завтрашнее утро никогда не взойдетъ. Тяжелая, безпощадная рука давила его, а такъ хотѣлось ему счастья снова! Онъ вспоминалъ отрадные дни прошлаго лѣта... Сази... фіалочки... Сази всегда веселенькая... семейная жизнь,—какая бы то ни было,—миръ, тихій миръ, въ которомъ такъ легко было жить. Счастье было встревоженное, но все-таки счастье. А теперь... Что же случилось теперь? Все прошло благополучно. Хотѣли украсть... ну, и не украли... Нѣтъ! Не въ этомъ былъ страхъ. У него въ сердцѣ звучалъ отчаянный зовъ его дѣвочки: „папà, папà!..“ и она звала еще и мать... Ей больно было... матери нѣтъ... есть какая-то злая женщина, которая хочетъ сдѣлать зло. Онъ еще видѣлъ передъ собою зловѣщую, страшную тѣнь, которая отходила отъ подъѣзда. „Папà, папà!..“ Она точно предчувствовала, точно предупреждала, что ее хотятъ у него взять. Но, слава Богу, это миновало, и... Александръ правъ, —люди вѣрные не выдали. Теперь, значитъ, можно успокоиться. „Я былъ встревоженъ,—думалъ онъ,—и я не совсѣмъ здоровъ. Утро придетъ и все разсѣетъ; снова будетъ свѣтло, и она, дастъ Богъ, забудетъ встрѣчу на Морской и, со временемъ, совсѣмъ забудетъ. Надо больше вывозить ее къ дѣтямъ, а затѣмъ скорѣе уѣхать. Спокойнѣе будетъ“.

И онъ мечталъ о Сергіевскомъ и снова возвращался къ воспоминаніямъ прошлаго лѣта; и издали солнечные дни казались еще солнечнѣе, и все было въ цвѣтахъ, все было ярко, радостно. „Саша и Мери опять у насъ будутъ,—думалъ онъ;—а не захотятъ, мы къ нимъ переѣдемъ... И Азимовъ тамъ. Да! Правъ онъ: развѣ это не счастье? Развѣ и такъ, какъ есть, нельзя жить? Что же? Катя не захотѣла этого мира... тѣмъ хуже для нея. Еслибъ пришла просить, я бы опять простилъ ее... Сази ничего бы не узнала... все было бы по прежнему...“

Тутъ же онъ вспоминалъ, что по прежнему заговоритъ и ста-

рая боль давнишнихъ сомнѣній; но теперь все казалось ему пустымъ и ничтожнымъ. Лишь бы только скорѣе свѣтъ и снова солнце, снова весна. Нѣтъ! Грѣхъ было не цѣнить. Теперь, подъ гнетомъ ужаснаго, безотчетнаго страха, было тяжелѣе.

Онъ утомился и, передъ тѣмъ, чтобы лечь спать, подошелъ къ образамъ и сталъ на молитву. Ему нужно было молиться, но онъ не зналъ, что̀ сказать. Долго стоялъ онъ, и, мотая головою и потирая лобъ, онъ только шепталъ:

— Господи!.. Вѣдь Ты же благой... и у Тебя, говорятъ, все хорошо... Ты видишь... если и виноватъ я Тебѣ... я, право, не знаю въ чемъ... хоть передохнуть дай!..

X.

Рано утромъ Бартонъ разбудила его. Сази горѣла и бредила. Надо было скорѣе послать за докторомъ.

Сердце у него совсѣмъ похолодѣло. Онъ вскочилъ и чуть-чуть тутъ же не свалился. Прежде всего онъ побѣжалъ къ ней.

— Я говорю вамъ, что ей очень нехорошо,—настаивала англичанка:—надо достать доктора скорѣе, какъ можно.

Онъ разбудилъ людей, послалъ за докторомъ и снова вернулся къ Сази. Она поднялась на ноги въ кроваткѣ и скоро-скоро что-то шептала. Онъ прислушался.

— Богородица, Дѣво, радуйся,—молилась она.

— Сази, душенька, спи.

— Да, папа̀, сплю...—и она продолжала молитву. Потомъ она что-то заговорила о тетѣ Мери и легла.

Въ безумной тревогѣ прожилъ онъ до пріѣзда доктора, уже на разсвѣтѣ. Ей стало какъ будто легче, но докторъ сказалъ, что ничего опредѣлить еще не можетъ. На всякій случай, онъ что-то прописалъ и сказалъ, что вернется чрезъ полтора часа. Это обѣщаніе скораго возвращенія Эдуарда Антоновича значительно успокоило Григорія Сергѣевича, но во мнѣніи Бартонъ оно не предвѣщало ничего добраго. Ужаснѣе всего было то, что докторъ приказалъ оставить ребенка въ совершенномъ покоѣ и даже не говорить съ нею.

Несчастный Григорій Сергѣевичъ, безъ дѣла, безъ цѣли, безъ мыслей, топтался изъ угла въ уголъ, поглядывая то на часы, то въ окно. Съ рыжевато-сѣраго неба лилъ на грязный снѣгъ рыжевато-сѣрый дождь. Послѣднія, ноздреватыя глыбы таяли или вывозились вонъ длинными вереницами фуръ. Все было темно и

тоскливо: и мокрые дома, и мокрыя улицы, и мокрые люди, все однообразно-безотраднаго цвѣта. А онъ все поглядывалъ въ окно, прислушиваясь къ далекому стуку колесъ.

Докторъ пріѣхалъ и снова ничего не сказалъ, но о чемъ-то совѣщался съ Бартонъ и черезъ часъ пріѣхалъ съ другимъ докторомъ. Лица у нихъ были недобрыя, такъ что Григорій Сергѣевичъ не смѣлъ спросить, въ чемъ дѣло, но наконецъ все-таки спросилъ.

— Да вотъ... посмотримъ...—и, какъ-то странно сдвинувъ на бокъ нижнюю челюсть и съ насилованною улыбкою, Эдуардъ Антоновичъ пожалъ ему руку и, глядя ему въ глаза, закивалъ головою:—до свиданія... я скоро пріѣду. Өедоръ Матвѣевичъ, я васъ подвезу...—И второй докторъ тоже уѣхалъ.

Бартонъ сидѣла возлѣ кроватки и ничего не говорила, а Сази безпокойно спала и что-то шептала въ бреду.

Отъ княгини Вѣры Дмитріевны, заѣзжавшей въ это утро къ Григорію Сергѣевичу, Александръ узналъ о болѣзни и прибѣжалъ навѣдаться. Онъ засталъ брата наверху въ кабинетѣ. Какъ бѣлый медвѣдь въ клѣткѣ, онъ ходилъ взадъ и впередъ, мотая головою.

А минута шла за минутою и часъ за часомъ, въ различныхъ переливахъ дневного свѣта отъ утра и къ сумеркамъ. Каждая минута была мучительно безконечна, а всѣ вмѣстѣ онѣ пролетали незамѣтно быстро въ однообразіи одного и того же впечатлѣнія страха и безпомощности. Ему невыносимо было сидѣть безъ движенія надъ кроваткой больной; каждый вздохъ ея былъ ему ужасенъ. Онъ бы позвалъ ее, чтобы убѣдиться, что она жива, что она его слышитъ; но это было строго-на-строго запрещено. Онъ уходилъ къ себѣ въ надеждѣ, по возвращеніи, найти перемѣну, старался выждать подольше и не могъ. Отъ времени до времени онъ подходилъ и приставлялъ ухо къ закрытой двери дѣтской, или тихонько пріотворялъ ее. Изъ полутьмы вѣяло на него тяжелымъ запахомъ лекарствъ, слышалось ему хриплое дыханіе или слабый стонъ во снѣ, и опять онъ уходилъ, не зная, куда дѣваться отъ тоски.

Большія комнаты наверху не были таковы, чтобы въ нихъ что-нибудь могло разогнать тяжелое впечатлѣніе. Жизнь изъ нихъ давно ушла; ни цвѣтовъ въ жардиньеркахъ, ни раскрытой, брошенной гдѣ-нибудь книги или нотной тетради; все молчало, бездушное, скучное и даже зловѣщее. Холодъ со всѣхъ сторонъ обхватывалъ его, а онъ продолжалъ сновать изъ комнаты въ комнату, какъ будто не замѣчалъ тоски, которою вѣяло отовсюду. Нигдѣ не могло ему быть хуже и нигдѣ не могло сдѣлаться лучше,

покуда тамъ, внизу, происходило что-то такое, о чемъ и спросить ему было страшно.

„А она, бѣдненькая, тамъ одна“, — думалъ онъ; и опять онъ бѣжалъ къ ней, и еще больнѣе было ему безпомощно сидѣть надъ нею, не понимать ея рѣдкихъ, безсвязныхъ словъ, тщетно стараться вникнуть въ то, что въ ней происходитъ, видѣть ее передъ собою и ничего не знать о ней. При этомъ еще одна мысль мучила его: отчего это съ нею сдѣлалось? Все это пошло съ того дня, когда онъ прокаталъ ее въ санкахъ. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?.. Какъ бы все это вернуть назадъ, отодвинуть въ сторону такъ, чтобы этого не было?.. И встрѣча на Морской... злая женщина у подъѣзда... еслибы не поѣхалъ онъ съ нею, всего бы этого не было. А она все что-то шептала съ раскрытыми глазками. Трудно было узнать ее съ этимъ страшнымъ выраженіемъ неподвижныхъ глазъ и больно было не узнавать веселенькую красавицу въ этомъ несчастномъ маленькомъ существѣ, съ налипшими на щекахъ кудрями подъ ледянымъ колпакомъ. Ему опять не сидѣлось, и надо было уйти.

Стемнѣло; лампы уже были зажжены. Въ послѣдній разъ, когда онъ входилъ въ дѣтскую, онъ видѣлъ, что въ сосѣдней, его комнатѣ сидѣла Мери, безъ шляпы, совсѣмъ по домашнему, и съ книжкой въ рукахъ; но онъ не подошелъ къ ней; ему почему-то непріятно было ее видѣть.

„Зачѣмъ она тутъ? — пробѣжала въ немъ тяжелая мысль: — Саша уже былъ, узналъ, въ чемъ дѣло... чего же еще? Ужъ не воображаетъ ли она, что опасно?“

Хлопнула подъѣздная стеклянная дверь; онъ зналъ, что докторъ пріѣхалъ; его опять потянуло внизъ, но онъ не рѣшился идти, не вѣря возможности добрыхъ вѣстей и дрожа предъ дурными. Но чрезъ четверть часа Мери пришла къ нему.

— Ну, слава Богу, Гриша: Сази проснулась и уже не бредитъ. Пойдемъ къ ней.

Онъ глухо еще отозвался, не смѣя радоваться, и, покивавъ головой и мимоходомъ поцѣловавъ руку Мери, заторопился внизъ, покуда Мери объясняла ему, что докторъ сперва боялся опасности, а теперь находитъ, что гораздо лучше.

— А? А?.. А онъ тамъ еще?

— Они оба тамъ.

Онъ безъ шума, въ туфляхъ, подошелъ къ кроваткѣ. Сази ему слабо улыбнулась, попросила пить и приподнялась.

— Что? радость моя... лучше тебѣ?

— Нѣтъ еще, папà...

Докторъ взялъ ее за руку.

— Ну, и теперь уже, слава Богу... Головка не болитъ?

— Вотъ тутъ болитъ...

— Болитъ еще?.. Это скоро пройдетъ... И онъ погладилъ ее по головкѣ.

— Да... скоро пройдетъ.

Она сѣла. Съ разрѣшенія доктора ей дали ея любимицу Маргаретъ; она уложила ее съ собою и скоро сама заснула, не дождавшись спрошеннаго бульона.

Какъ воробьи послѣ миновавшей грозы, въ сердцѣ у Григорія Сергѣевича что-то встрепенулось. Онъ уже и понять не могъ, какъ возможно было такъ страшно упасть духомъ и такъ тревожиться. Натянутые нервы заходили; онъ весело пообѣдалъ и вечеромъ былъ такъ оживленъ и разговорчивъ, что долженъ былъ притворить дверь изъ своей комнаты въ дѣтскую.

Но это продолжалось не долго. Бартонъ вошла и вызвала Мери; потомъ обѣ сказали, что она снова нехороша, что надо доктора. Опять сжалось и похолодѣло сердце у Григорія Сергѣевича, опять все стало темно, несмотря на увѣренія Александра, что Мери и Бартонъ преувеличиваютъ.

— Вѣдь вотъ же, не болѣе двухъ часовъ, какъ были доктора и сказали, что ей лучше. Не можетъ быть такъ скоро такая перемѣна.

Докторъ самъ не вѣрилъ и не хотѣлъ ѣхать, такъ что за нимъ поѣхалъ Александръ.

Началась ужасная, тревожная ночь. Григорій Сергѣевичъ снова убѣжалъ наверхъ, гдѣ, выбившись изъ силъ, несмотря на страхъ сна, онъ нѣсколько разъ засыпалъ. Сази горѣла хуже, дыханіе слабѣло; Мери совсѣмъ перепугалась, думая, что все уже кончено. Два раза Александръ ѣздилъ къ Спасу Преображенія за Эдуардомъ Антоновичемъ; она послала его еще и въ третій разъ. Зловѣще стали знакомы Александру за эту ночь темныя, пустыя и безмолвныя улицы. Въ третій разъ непривѣтливо встрѣтилъ его лакей въ передней у доктора и не сразу соглашался пойти разбудить профессора. Эдуардъ Антоновичъ просилъ подождать и сталъ систематически медленно одѣваться. Наконецъ, онъ вышелъ, сѣлъ къ столу, какъ бы для обыкновенной аудіенціи и какъ будто вовсе не замѣчая его отчаяннаго нетерпѣнія.

— Ну-те-съ,—вздохнулъ онъ спокойно:—что тамъ?

— Ждутъ васъ скорѣе, Эдуардъ Антоновичъ. Плохо, кажется.

— Плохо, плохо... но что же я подѣлаю?.. Вы у Ѳедора Матвѣича были?

— Гдѣ-жъ мнѣ къ нему? Къ вамъ ближе... я и прибѣжалъ, потому что надо поскорѣе.

— Ну-те-съ... такъ мы теперь говоримъ... чтò тамъ случилось? Какъ дѣло стоитъ?

— Да вотъ, лучше всего, поѣдемъ... сами увидите.

Профессоръ спокойно и благосклонно мягкимъ голосомъ сказалъ:

— Хорошо... можно, поѣдемъ...

Надъ бѣднымъ ребенкомъ начала производиться новая возня. Ей обжигали ножки, ставили ей горчишники и мушки и даже піявки за ушами. Въ комнатѣ была суета: готовились и горячая, и ледяная ванны... Профессоръ уже безъ церемоніи говорилъ: „попробуемъ“—сдѣлать то-то или другое.

Сперва Григорій Сергѣевичъ охалъ, ломая себѣ руки: неужели безъ этого нельзя? Ему мучительно было все, чтò дѣлалось, но теперь его точно душило сознаніе, что ничто не помогаетъ. Надо было помочь, во что бы то ни стало, и онъ уже самъ просилъ: нельзя ли еще мушку, еще горячей воды?.. И онъ утѣшалъ себя только тѣмъ, что доктора увѣряли, что больная ничего не чувствуетъ и не страдаетъ.

Наконецъ ее оставили въ покоѣ. Сази нѣсколько разъ открыла и закрыла глазки; сознаніе, казалось, возвратилось. Она повела головкой, посмотрѣла на докторовъ, на одного съ тарелкой, на другого съ стклянкой, слабо улыбнулась и сказала: „они смѣшные“... Григорій Сергѣевичъ пригнулся къ ней и, не смѣя ничего сказать, только поцѣловалъ ее въ голову.

— Ахъ, папà...—вздохнула она.

— Тебѣ чего-нибудь надо?

— Пить...

Онъ оглянулся, ему подали ложку съ питьемъ, а когда она зашевелила губками и глотнула, онъ обрадовался. Одно это движеніе было уже жизнь, не то, чтò было нѣсколько минутъ предъ тѣмъ. Онъ уже не хотѣлъ оторваться отъ нея. Видѣть эту слабую еще жизнь все-таки было ему теперь легче, чѣмъ бродить изъ угла въ уголъ и не видѣть ее. Онъ почти выбился изъ силъ, и докторъ съ полу-улыбкой, снисходительно и фамильярно разсыпаясь въ похвалахъ вѣрной и внимательной Бартонъ, уговаривалъ его довѣриться англичанкѣ и Мери и пойти отдохнуть.

Но теперь было не то, чтò прежде. Прежде бывало, при всякой болѣзни Сази, чувствуя свое безсиліе и безполезность, онъ

въ тревогѣ убѣгалъ и прятался. Теперь надо было опасности глядѣть въ глаза. Онъ сдѣлался матерью для Сази. Всѣ мельчайшія подробности ея жизни, за послѣднее время, были у него въ рукахъ; онъ не могъ уже жить безъ постоянной заботы о ней. Какъ ни больно было ее видѣть, а не видѣть было еще больнѣе.

Одно было ему совсѣмъ не по силамъ: это когда въ бреду она принималась кричать и снова звала мать. А къ ночи опять этотъ бредъ вернулся, и снова сильнѣе таялъ ледъ на головѣ и глаза вытаращивались.

— Мамà!.. Позовите мамà!—кричала дѣвочка.

Онъ въ отчаяніи метался по комнатѣ.

„Гдѣ же взять ее, мамà, когда ея нѣтъ, когда она не хочетъ идти!" Онъ уже послалъ за нею по секрету. Онъ уже догадался, что и Мери за нею посылала. Онъ видѣлъ, что она писала какія-то телеграммы, одну въ Царское, а другую, зачѣмъ-то, въ Кронштадтъ. Онъ не захотѣлъ справиться, для чего эти телеграммы. Съ ними было сопряжено какое-то невнятное чувство о чемъ-то ужасномъ. И безъ того уже, съ нѣкоторыхъ поръ,— оттого ли, что Сази сегодня пріобщали и привозили къ ней Казанскую Богоматерь,—Григорій Сергѣевичъ какъ-то иначе смотрѣлъ на Сази и какъ-то страшно иначе думалъ о ней. Когда онъ уходилъ къ себѣ, при одной мысли о ней, при одномъ воспоминаніи о ея комнатѣ, онъ сталъ чувствовать, что думаетъ какъ о чемъ-то священномъ, какъ думается о церкви или объ иконѣ. И бредить начала она послѣ причастія какъ-то иначе. Закрывъ глазки, проведя языкомъ по губамъ, она взяла его руку, стала цѣловать ее и тихо говорила:

— Звѣздочки и Богородица... а гдѣ Маргаретъ?... Бѣдная Лили!..—и потомъ вдругъ, немного громче:—до свиданія, Ветошкинъ...—и, спустя минуту, снова:—звѣздочки и Богородица...

Все это было невыразимо страшно.

„Когда это кончится?.. Ахъ! Какъ бы такъ... чтобы всего этого не было".

И снова онъ мучился, зачѣмъ онъ взялъ ее кататься въ тотъ страшный день! Онъ чувствовалъ, что, какъ бы въ вихрѣ своемъ, эти страшные дни съ этихъ поръ его ухватили, и вырваться ему было невозможно.

— Господи! Выручи... Чтò я сдѣлалъ такого?

Мери подошла къ нему.

— Гриша, ей нехорошо. Надо докторовъ. Они сказали, чтобъ послать за ними, если будетъ хуже. Саша поѣдетъ за однимъ, а вы сами ступайте за другимъ. Такъ вѣрнѣе будетъ.

Снова похолодѣло сердце. Эта ужасная боль холода въ сердцѣ уже стала близко знакома Григорію Сергѣевичу. Онъ, молча, спустился, надѣлъ глубокія калоши сверхъ туфель, накинулъ шубу и поѣхалъ. Карета всю ночь стояла запряженною.

Ему отперли. Въ передней у Эдуарда Антоновича висѣла знакомая енотовая шуба.

— Доложите поскорѣе Эдуарду Антоновичу...

— Ихъ дома нѣтъ-съ...

— Гдѣ-же?.. Куда поѣхалъ?

— Не могу знать-съ...

— Ахъ, ты, Господи!

И это такъ было невозможно, что Стремягинъ тутъ же вспомнилъ о шубѣ.

— Да нѣтъ же! Чтò вы говорите? Вотъ его шуба.

Лакей растерялся и кинулся убирать шубу въ сосѣднюю залу.

— Голубчикъ! Милый мой... вотъ видишь? Пожалуйста, пойди доложи... Зачѣмъ обманывать?

— Такъ что-жъ что дома?—отвѣтилъ тотъ грубо:—не приказано безпокоить.

— Да ты скажи, что я самъ!.. что очень нужно... ради Бога!

— Извольте видѣть... профессоръ ванну взяли и приказали не будить ихъ... даже такъ сказали, что если отъ вашего превосходительства...

— А ты упроси...

— Помилуйте-съ, никакъ нельзя...

— Ради Бога!—вскрикнулъ Григорій Сергѣевичъ и чуть не упалъ предъ лакеемъ на колѣни...

Чрезъ нѣсколько минутъ лакей вернулся.

— Сейчасъ будутъ-съ...

Скоро выскочилъ профессоръ.

— Ну-съ, поѣдемте... Чтò? Нехорошо у васъ?..

И онъ больше не разспрашивалъ. У него былъ, показалось Стремягину, виноватый видъ.

Покуда докторà были у больной, которая снова металась и кричала, зовя мать, дверь тихо отворилась и вошла Катя.

Григорій Сергѣевичъ ждалъ и желалъ ее, но боялся ее увидѣть. Послѣднее представленіе о ней было впечатлѣніе темной фигуры, которая отходила отъ подъѣзда въ тотъ страшный вечеръ. При видѣ ея онъ удивился, не испытывая никакого ужаса. Въ знакомомъ коричневомъ платьѣ съ вышивками, она была прежняя Катя, но что-то было въ ней тихое и приниженное. Она

остановилась въ дверяхъ, а онъ, спокойно подзывая ее кивкомъ головы, повернулся къ Сази.

— А вотъ и мамà...

— Мамà...—мамà!—тихо повторяла дѣвочка; и когда мать взяла ее и обняла, она, стоя въ кроваткѣ, сперва глядѣла чрезъ ея плечо куда-то вдаль, продолжая безсознательно тихо повторять:—Мамà... мамà...— А потомъ стала выбиваться и начала снова громко, съ отчаяніемъ ее звать.

— Я здѣсь, дитя мое! вотъ я... я мамà... Ты мамà не узнала?

Голосъ у нея начиналъ дрожать и срываться. Докторъ подошелъ.

— Оставьте ее; она не слышитъ, а безсознательно чувствуетъ васъ и волнуется.

Мери, съ строгимъ спокойствіемъ, которое бываетъ у женщинъ въ серьезныя минуты ухода за больными, когда для нихъ все просто и ничто не гадко, съ тѣмъ видомъ, съ которымъ онѣ пробуютъ всякое лекарство или выносятъ всякую посуду,—взяла Катю за руку и отклонила въ сторону. Сази умолкла. У дверей въ креслѣ сидѣлъ, согнувшись, Григорій Сергѣевичъ. Когда жена подошла къ нему, онъ поднялъ голову.

— Вернулась?—спросилъ онъ:—совсѣмъ вернулась?

— Вы мнѣ позволите за нею ходить?—спросила она вмѣсто отвѣта.

— Вернулась?—повторилъ онъ разбитымъ голосомъ.

Она покачала головою.

— Нѣтъ? Ну, такъ не надо. Уѣзжайте.

Стоя передъ нимъ, она закрыла лицо руками.

— Я хочу тутъ быть...

Онъ не отвѣчалъ. Совершенно разбитый, съ безсмысленнымъ взглядомъ вытаращенныхъ глазъ, онъ все сидѣлъ въ креслѣ у дверей; нѣсколько разъ онъ силился подняться и не могъ.

— Григорій Сергѣевичъ!..—несмѣло позвала она его.

Онъ только скорѣе сталъ дышать, еще болѣе согнулся и напряженно смотрѣлъ по направленію къ кроваткѣ, по временамъ пытливо взглядывая на докторовъ.

Мери тихонько, подъ локоть, отвела Катю къ двери, но она, словно вырвавшись изъ ея рукъ, подбѣжала еще разъ къ больной и, ставъ на колѣни, принялась цѣловать ея ножки.

— Перекрестите ее,—сказала Мери,—и оставьте, чтобъ она снова не заволновалась.

Невѣрнымъ шагомъ и съ рукою на глазахъ Катя вышла изъ комнаты. Мери проводила ее до подъѣзда и поспѣшила вернуться.

Въ дверяхъ коридора встрѣтила ее Бартонъ. Утомленная и нравственно измученная, она при слабомъ свѣтѣ утра показалась Мери страшно блѣдною. Тоскливо мотая головою и ломая пальцы, она съ злымъ отчаяніемъ проговорила:

— It is finished... Oh! Goodness! (Кончено! Боже мой!)

Мери слабо вскрикнула и ускорила шагъ. Сази совсѣмъ стихла. Надъ кроваткой стояли оба доктора и Александръ. Когда Мери вошла, Эдуардъ Антоновичъ посмотрѣлъ на нее и, опустивъ глаза, какъ будто молча отвѣтилъ на ея безмолвный вопросъ. Григорій Сергѣевичъ на прежнемъ мѣстѣ у дверей, испуганно разсматривалъ, одно за другимъ, лица окружающихъ. Докторъ что-то сказалъ Александру, и онъ сейчасъ же подошелъ къ нему.

— Гриша... пойдемъ къ тебѣ...

Онъ машинально и молча повиновался, оглядываясь на другихъ и какъ бы прося пощады.

— Нѣтъ... зачѣмъ?—сказала тихо Мери; и болѣзненно-ласковымъ голосомъ она прибавила:—Гриша... пойдите сюда...

Онъ, тупо озираясь на всѣхъ, съ тупою покорностью, подошелъ, опустился на колѣни и пригнулся къ Сази. Она лежала неподвижно съ закрытыми глазками и изрѣдка вздыхала.

— Чтò надо дѣлать?—слабо спросилъ онъ, съ мольбою взглянувъ на доктора.

— Тихонько, тихонько, — отвѣтила Мери,—и, взявъ ручку Сази, положила ему на плечо.

— А когда солнышко?—послышался голосъ дѣвочки.

— Скоро, душенька; скоро солнышко встанетъ... тебѣ тогда хорошо будетъ, да?

— Да... хорошо,—вздохнула она.

Доктора открыли гардины. Стало совсѣмъ уже свѣтло, и ясное утро розовѣло предъ недалекимъ восходомъ. Сази попросила пить.

— Еще пить,—жалобно простонала она; и докторъ подалъ Мери тарелку съ мелкими кусочками льда. Крѣпкими зубками она кусала его и, проглотивъ, открывала глазки, какъ будто просила еще. Вздохи ея становились рѣже; Бартонъ поддерживала ей головку. Нѣсколько разъ дыханіе совсѣмъ прекращалось, и казалось, что все было кончено. Она потягивалась и опять вздыхала, и это продолжалось томительно долго. Никто не двигался. Григорій Сергѣевичъ видимо ничего не чувствовалъ, ничего не думалъ и ничего не понималъ. Блѣдный, со стиснутыми зубами, съ натянутымъ лбомъ, онъ не спускалъ съ нея безумно уставленныхъ глазъ. На колѣняхъ около него и обнявъ его одной рукою,

Александръ безъ удержу тихо плакалъ и, не переставая, крестилъ его.

— Папà... ахъ, папà...—жалобно проговорила Сази и съ полуулыбкою остановила на немъ долгій взглядъ совершенно ясныхъ, чудесныхъ темныхъ глазокъ.

— С-с-с...-ази!..—простоналъ онъ задушеннымъ голосомъ и обнялъ ее: — С-с-с...-ази моя...

А она за нимъ повторила:

— Сази...—и, спустя минуту, еще разъ и уже совсѣмъ слабо: — Сази...

XI.

Было долгое, долгое молчанье, и никто не двигался. Свѣтлые лучи перваго весенняго утра вливались въ окна, на наружныхъ притолкахъ которыхъ ворковали голуби, а внутри комнаты царила тяжелая, удручающая тишина. Изрѣдка слышался слабый вздохъ или всхлипываніе, или еще кто-то тянулъ носомъ и сдержанно сморкался. Григорій Сергѣевичъ, въ одномъ и томъ же положеніи, смотрѣлъ въ остановившіеся съ страннымъ, невыразимымъ взглядомъ темные глазки Сази.

Эти глазки съ минуты на минуту все болѣе и болѣе тускнѣли; какъ дымка, ложилась блѣдность на дѣтскія черты, а слинявшія, слегка открытыя надъ двумя зубками, губы мало-по-малу растягивались въ успокоенную, какъ бы отдыхающую улыбку.

Первымъ отошелъ докторъ. Онъ положилъ руку на плечо Александру и кивкомъ указалъ на Григорія Сергѣевича. Александръ поднялъ его подъ-руки и вывелъ вонъ. Григорій Сергѣевичъ безмолвно повиновался. Онъ чувствовалъ, что надъ нимъ что-то дѣлается, въ чемъ онъ не властенъ, гдѣ онъ ничего не понимаетъ, ничего ни сказать, ни сдѣлать не можетъ. Ему казалось, что кто-то знаетъ что-то такое—и теперь все равно, чтò бы ни случилось. А въ чемъ собственно дѣло, онъ никакъ обдумать не могъ. Какой-то безпорядочный сонъ вокругъ него,—сонъ, гдѣ нѣтъ ни очертаній, ни словъ, ни смысла,—совершенная пустота и въ головѣ, и въ сердцѣ. Не все ли равно, что вотъ теперь онъ передвигаетъ ноги, поднимаетъ ихъ шагъ за шагомъ на лѣстницу, что Александръ ведетъ его куда-то? Не все ли равно, что вотъ прошли мимо окна его кабинета; библіотека рядомъ съ диваномъ, большой портретъ отца на стѣнѣ, письменный столъ и предъ нимъ кресло, повернутое бокомъ?.. И вотъ онъ сидитъ на диванѣ рядомъ съ Александромъ, который облокотился на свои

колѣни, закрылъ лицо руками и молчитъ; а онъ самъ развалился на подушкахъ, его клонитъ ко сну, и... онъ закурилъ папироску, и пепелъ съ нея падаетъ ему на платье, и онъ никакъ сдунуть его не можетъ. Не все ли равно, что это такъ и ничего другого въ жизни нѣтъ? Вѣдь это все только такъ кажется... А что́ будетъ дальше? Развѣ можетъ что-нибудь быть дальше?

Александръ почувствовалъ запахъ табачнаго дыма и, поднявъ голову, взглянулъ на него. Онъ сидѣлъ съ совершенно спокойнымъ, равнодушнымъ лицомъ; глаза были ясные, и въ сдавленныхъ губахъ было что-то въ родѣ злой, иронической улыбки. Казалось, что онъ вотъ-вотъ сейчасъ скажетъ:—Нечего сказать! хорошо... очень хорошо!

Это злое, безсмысленное выраженіе встревожило Александра; онъ хотѣлъ заговорить, но не зналъ, съ чего начать, всталъ и прошелся по комнатѣ. Григорій Сергѣевичъ глазами слѣдилъ за нимъ и мало-по-малу, казалось, приходилъ въ себя. Прежнее выраженіе испуга и растерянности возвращалось на его лицѣ. Александръ подошелъ. Ему хотѣлось знать, есть ли въ его мысляхъ что-нибудь живое.

— Гриша,—позвалъ онъ:—ты бы попробовалъ помолиться...

Послѣ долгаго молчанья несчастный отвѣтилъ:

— Ахъ, Саша... что́ съ нею теперь будетъ?

Александръ обнялъ его.

— Что́ будетъ?.. Другъ мой... теперь это Божье дѣло... теперь хорошо ей... взялъ ее Богъ...

Совершенно разслабленно склонивъ голову, Григорій Сергѣевичъ спросилъ:

— Взялъ?..—и самъ же отвѣтилъ:—взялъ... взялъ...—и по нѣскольку разъ онъ сталъ повторять это слово:—взялъ... взялъ...— и вдругъ, поднявшись и съ сдвинутыми трудною мыслью бровями, тупо уставившись лбомъ впередъ, онъ спросилъ:

— Кто взялъ?...—постоялъ съ минуту и съ тѣмъ же тупымъ выраженіемъ тихонько направился внизъ.

Александръ, съ тревогой поглядывая на него, прошелъ за нимъ. Они вошли въ дневную дѣтскую. Дверь въ спальню Сази была закрыта; кто-то, пріотворивъ ее, выглянулъ и сказалъ:— сюда нельзя.—Григорій Сергѣевичъ остановился посреди комнаты и озирался. Съ безумнымъ выраженіемъ, на стулѣ возлѣ шкафа съ игрушками сидѣла старая Бартонъ. Согнувшись и съ ладонями, распластанными на колѣняхъ, она тоскливо покачивалась съ боку на бокъ и тихо, почти шопотомъ повторяла:—No more!.. no more!.. (Нѣтъ болѣе!..)

По всей комнатѣ былъ безпорядокъ. Кроватка съ раскиданною постелью, въ которой только-что лежала Сази, была еще тутъ. Возлѣ нея—столъ, уставленный лекарствами, и розовая чашка съ недопитою водою... бѣлье, платьица, вынесенныя изъ спальни. Григорій Сергѣевичъ переводилъ напряженный взглядъ съ одной вещи на другую, все шире и шире раскрывая глаза и тяжело дыша.

На креслѣ были старыя ботинки, слегка смятыя, и каждая складка была на нихъ живая, каждая изъ нихъ еще какъ будто дышала движеніемъ маленькихъ ножекъ; тутъ же рядомъ, раскидавъ руки, сидѣла каучуковая Маргаретъ, съ своими глазами, похожими на голубыя колеса, и, немного навалившись на нее, „бѣдная Лили", которую Сази еще такъ недавно звала. У него колѣни начинали дрожать, и онъ все болѣе сгибался и глухо вздыхалъ, оглядывая все окружавшее.

Первое весеннее солнце веселымъ лучомъ билось въ окна, освѣщая этотъ дѣтскій мірокъ, притихшій въ страшномъ молчаніи. Все было еще живое; казалось, будто все это только минуту передъ тѣмъ двигалось и говорило, и теперь все вдругъ замерло въ невыразимомъ, ужасающемъ толчкѣ остановки. Несмотря на солнце, на весну, на воробьевъ и голубей, заглядывавшихъ снаружи, ясно было, что все это смолкло навсегда. То, что живило, то, что двигало и звучало,—дѣтскій голосокъ, дѣтскія движенія,—душа этого міра,—не было ея; и этого голоска уже не будетъ слышно никогда, никогда и никогда... Его отголоски только въ сердцѣ можно отъискать, и для этого надо сердце разорвать на куски, и само оно уже разрывается, чтобы эти отголоски еще разъ зазвучали, еще разъ жили и живили... живили хотя бы только болью одною,—хотя бы такою болью, которой и вынести нельзя.

Григорій Сергѣевичъ видимо это испытывалъ, хотя еще и не совсѣмъ сознательно. Онъ морщился, какъ будто отъ физической боли, и тяжело вздыхалъ. Ему кинулась въ глаза бѣлая собачка съ органчикомъ. Онъ видѣлъ, какъ на-дняхъ еще Сази неумѣло, неловко прижимая лѣвою рукою собачку къ груди, старательно вертѣла ручку органчика, наигрывая для своихъ куколъ. Она играла, а глазки у нея были озабоченные, бровки насуплены; что-то путалось въ механизмѣ, и лапка собачки не вертѣлась.— „Папà, почини..." А потомъ они чѣмъ-то другимъ занялись, и онъ забылъ поправить лапку. — Зачѣмъ онъ тогда не починилъ?.. Бѣдненькая дѣвочка просила...—Невыразимая боль все больше и больше сжимала его сердце; страшная печаль, какъ будто мало

было причинъ къ ней, еще искала придираться къ мелочамъ, чтобы становиться еще больнѣе.

У дверей висѣли два платьица, знакомыя, свѣжія; тутъ же у стѣны домикъ... тотъ самый домикъ... деревца... дорожки... „и стеклышки, чтобъ отворялись... да, папа?..“—А около притолоки двери ширмочка, вынесенная изъ спальни... маленькое кресельце съ круглою крышечкой на сидѣньѣ...

Григорій Сергѣевичъ опустился на полъ, глухо и все громче вздыхая; глаза бѣгали, онъ озирался, какъ будто ища помощи. Вдругъ онъ поднялъ руки къ небу, всплеснулъ ими и судорожно сдавилъ.

— Сази!.. Сази нѣту!—закричалъ онъ и, повалившись, сталъ биться головой о полъ съ хриплымъ, безумнымъ стономъ.

Александръ тихонько повторилъ за нимъ:—Сази нѣтъ!..—и также зарыдалъ; но тутъ же, взглянувъ на него, онъ подошелъ.

— Гриша, голубчикъ мой... встань! Такъ нельзя...

Григорій Сергѣевичъ еще хуже заметался, валяясь по полу, кусая себѣ руки и обрывая платье на груди. Испуганный Александръ, на колѣняхъ возлѣ него, силился поднять его.

— Barton! Will you help me... (Бартонъ, помогите...)

— Oh! Let him die!.. (Пусть умретъ!..)—проговорила она и не двинулась.

Изъ сосѣдней комнаты вышла Мери съ Сергѣемъ дворецкимъ.

— Гриша! Что это?

— Григорій Сергѣевичъ! Помилуйте, грѣхъ какой!.. Развѣ можно такъ убиваться?..

Онъ все кричалъ и, наконецъ, сталъ задыхаться отъ кашля, покуда Александръ и Сергѣй помогали ему стать на ноги.

— Дайте ему напиться... Гриша, если вы будете продолжать,—прикрикнула на него Мери,—я пошлю за докторомъ и мы васъ въ постель уложимъ.

Онъ не слушалъ, продолжая отбиваться съ неистовымъ крикомъ. Сергѣй, въ слезахъ, измѣнившимся голосомъ, сталъ его уговаривать.

— Барышня чтò скажутъ? Онѣ теперь видятъ, все видятъ... Григорій Сергѣевичъ, ихъ не надо огорчать... Нѣшто такъ можно?.. Вотъ вы успокойтесь... мы тогда къ нимъ пойдемъ.

Онъ поднялъ глаза на Сергѣя и мгновенно сталъ стихать. Мери съ Бартонъ усадили его на диванъ. Горничная подала воды и, не удерживая слезъ, цѣловала ему руку. Онъ посмотрѣлъ на нее удивленно и совсѣмъ смолкнулъ.

— Добрая...—проговорилъ онъ тихо, закрылъ глаза и какъ

будто сталъ засыпать; но, спустя минуту, онъ снова заволновался и началъ метаться съ тѣмъ же глухимъ крикомъ. Мери не хотѣлось теперь говорить съ нимъ строго. Взявъ его руку, она сама плакала и только тихо шептала ему:

— Мы сейчасъ къ ней пойдемъ... Только нельзя при ней кричать... Не будете?

Онъ виновато склонилъ голову и силился подняться.

— Не буду... не буду,—отвѣтилъ онъ кротко.

Въ сосѣднюю комнату тѣ же утренніе лучи проливались съ весеннимъ воздухомъ въ открытыя окна. Еще былъ запахъ лекарствъ и... уже пахло куреньемъ и откуда-то принесенными цвѣтами. По срединѣ комнаты было что-то бѣлое на столѣ. Испуганными, безсмысленными глазами Григорій Сергѣевичъ не могъ сразу разглядѣть. Гробикъ стоялъ изголовьемъ къ входной двери. Мало-по-малу изъ-за набросанныхъ цвѣтовъ, онъ сталъ различать волоса и очертаніе лба. Онъ заторопился; Мери подвела его; онъ увидѣлъ и остановился.

Съ спокойною, радостною улыбкой, кроткая и веселая, опрокинувъ головку немного назадъ и немного набокъ, лежала Сази, бѣленькая, блѣдненькая, съ тѣмъ выраженіемъ закрытыхъ глазъ, котораго иначе и назвать нельзя, какъ взоромъ,—взоромъ глубокимъ и свѣтлымъ, неяснымъ и упорнымъ, сознательно куда-то устремленнымъ съ небывалою еще мыслью, съ небывалымъ пониманіемъ и миромъ успокоенія, передъ только-что открытою тайною міра.

Онъ взглянулъ и кинулся на плечи Мери.

— Боже!—воскликнулъ онъ, и, разомъ оторвавшись отъ нея, бросился на колѣни передъ столомъ и сталъ биться о его край.

— Гриша... опять!

Онъ простоналъ:

— Сейчасъ... сейчасъ... не буду...—черезъ силу задержалъ рыданіе и понемногу поднялся. Набожно сложивъ руки, боязливо озираясь на Мери и какъ будто придавленный, совершенно послушный, онъ сталъ разсматривать свою дѣвочку.

— Сази!.. С...са-ази...

Впервые молчала она на этотъ призывъ. Спокойные глазки, полуоткрытыя губки улыбались ему, и ему казалось невѣроятнымъ, чтобы она не сказала: „сплю, папа́... хорошо сплю"... Онъ хотѣлъ взять ея ручку,—но холодная ручка не повиновалась. Онъ было-приподнялъ ее, она не обняла его, а снова опустилась на золотой крестикъ, котораго не хотѣла выпускать. Онъ тихо сказалъ:

— Душенька!.. принарядилась, красавица моя .. куда это ты?

И вспомнился ему дѣтскій вечеръ.

— На балъ?—шепнулъ онъ:—бѣдненькая!..

Плечи его начинали вздрагивать, но онъ, все озираясь на Мери, удерживался черезъ силу. Бартонъ была около него и вмѣстѣ съ нимъ обходила кругомъ и разсматривала спящую красавицу. Александръ и Мери, обнявшись, стояли поодаль; слуги входили и опускались на колѣни, крестясь и вздыхая; а онъ, то съ одной, то съ другой стороны, заглядывалъ въ закрытые глазки, отъ времени до времени цѣлуя это что-то новое, страшно дорогое, страшно холодное и страшно непонятное.

Вдругъ, обходя столъ, онъ пригнулся къ ножкамъ ея въ новыхъ, бѣлыхъ башмачкахъ. Одна изъ нихъ, какъ по привычкѣ, какъ живая, была слегка повернута носкомъ внутрь. Казалось, вотъ-вотъ вскочатъ онѣ и заболтаются и побѣгутъ.

— Ножки!—крикнулъ онъ. И опять бросился на полъ съ прежнимъ неистовымъ крикомъ и кашлемъ. Мери вернулась къ нему и снова должна была остановить его.

— Я васъ къ ней пускать не буду! Гриша, вы обѣщали...

Онъ испуганно съёжился, какъ будто бы ожидалъ удара, и старался удержаться; но судорожный крикъ все еще дико вырывался, и его вывели.

Едва только вышелъ онъ въ коридоръ, какъ на встрѣчу ему отворилась дверь передней, и на порогѣ, блѣдная, съ закрытыми глазами и прямо, съ безпомощно опущенными руками, вытянутая, страшная, остановилась Катя. Онъ крикнулъ:

— Не надо! Не надо... уйдите!

— Пустите меня!—глухо сказала она.

Онъ замахалъ руками.

— Не надо! Зачѣмъ!

— Вѣдь она моя дочь!—зарыдала Катя.

Онъ совсѣмъ впалъ въ изступленіе.

— Нѣтъ, теперь моя... моя... Никому не дамъ!

Сжимая кулаки, онъ сталъ подступать къ ней; она, прижавшись къ стѣнѣ, проскользнула мимо него и кинулась въ дѣтскую. А онъ, не видя ничего передъ собою, дошелъ до передней и тутъ продолжалъ кричать:

— Нѣтъ! Теперь никто не скажетъ, что не моя!.. Не дамъ, не позволю!..—И онъ залился истерическимъ хохотомъ. Его отвели наверхъ, въ кабинетъ. Сергѣй насилу совладалъ съ нимъ, снова напоминая ему, что „барышня все видятъ... нельзя барышню огорчать...“

— Посмотрите,—прибавилъ онъ, чувствуя свою власть надъ

побѣжденнымъ страдальцемъ:—посмотрите, на что вы похожи! И безъ того уже который день бриться не изволили... Барышня бы сказали: „фу! папа́ какой!“ — И онъ усадилъ его и осторожно, почтительно,—но какъ больного ребенка,—поцѣловалъ въ голову.— А вотъ вы скушать что-нибудь извольте. Нѣтъ-съ, безпремѣнно... это и не говорите мнѣ...

Ѣсть онъ не могъ, но тутъ же скоро заснулъ болѣзненнымъ сномъ и проспалъ нѣсколько часовъ, неловко пригнувшись къ ручкѣ дивана. Несмотря на неудобное положеніе, его безпокоить не хотѣли и разбудили только по необходимости, когда пришелъ священникъ.

Въ домѣ шла какая-то возня. Григорій Сергѣевичъ чувствовалъ, что гдѣ-то дѣлаютъ что-то такое, что непремѣнно нужно и въ чемъ ему ничего понимать и не надо. Онъ слышалъ шумъ и топотъ по лѣстницѣ, понялъ, что много какихъ-то людей идутъ наверхъ, и что ему тоже туда надо. Но онъ не въ силахъ былъ подняться. Послѣдній припадокъ его совершенно разбилъ. Онъ, согнувшись, покорно и равнодушно слушалъ назиданія чиннаго протоіерея, который, разгладивъ красивую бороду и оправивъ цѣпь кабинетскаго наперснаго креста, подалъ ему просфору и сѣлъ противъ него съ достоинствомъ.

— Убиваться не слѣдуетъ,—говорилъ проповѣдникъ:—покорность и смиреніе передъ неисповѣдимыми судьбами Всевышняго суть долгъ христіанина. Господь даде, Господь отъятъ... Не возмущайтеся. Мы теперь приступимъ къ молитвѣ. Съ усердіемъ и со слезами помолитесь: упокой, Господи, новопреставленную рабу Твою, младенца Александру...

Григорій Сергѣевичъ тупо-равнодушно смотрѣлъ ему въ глаза и только иногда оглядывался на Александра, какъ бы ища помощи. Онъ не могъ понять, кто такое эта новопреставленная раба Александра...

Священникъ вздохнулъ и поднялся, перекрестившись съ всепрощеніемъ. Онъ что-то началъ-было говорить, но въ эту минуту вошелъ курьеръ Ветошкинъ. Онъ подалъ конвертъ Александру и самъ отошелъ къ двери.

Григорій Сергѣевичъ взглянулъ на него.

— Ветошкинъ... а? Ветошкинъ, что ты на это скажешь?

Ветошкинъ, сердито косясь, переступилъ съ ноги на ногу и глухо произнесъ:

— Ничего я не скажу-съ...—и затѣмъ, помолчавъ, продолжалъ:—потому... потому...—голосъ его дрожалъ и, наконецъ, обо-

рвался:—Богъ, ваше превосходительство... Богъ... А теперьче... только плакать приходится... за эвто Господь не гнѣвается...

Понялъ ли Григорій Сергѣевичъ, что Господь за это не гнѣвается, но онъ въ первый разъ заплакалъ, не удерживаясь и безъ дикаго крика.

Пришли сказать, что въ залѣ начиналась служба. Александръ повелъ его подъ руку. Проходя, онъ никуда не глядѣлъ, но смутно видѣлъ, что было много народу. Его безпощадное горе всѣхъ примирило съ нимъ; ему все простили. Но ему уже этого не нужно было. Онъ опустилъ голову, какъ бы прячась отъ этихъ знакомыхъ и чуждыхъ ему лицъ.

У самаго стола Сази онъ сталъ на колѣни и взялъ поданную ему свѣчу.

Что-то чудное начало происходить. Заклубилось облако кадильнаго дыма, поднимаясь къ небу по солнечному столбу; бѣленькая и вся въ бѣломъ, съ радостною улыбкой, съ чудною рѣчью святыхъ видѣній въ глубокомъ взорѣ закрытыхъ глазъ, спокойно опрокинувъ головку немного назадъ и немного набокъ, Сази спала. Онъ стоялъ на колѣняхъ, выпрямившись, но безсильно опрокинувъ голову назадъ и опустивъ руки, такъ что свѣча, про которую онъ забылъ, таяла и капала на полъ, покуда онъ совсѣмъ ее не выронилъ. Съ каждымъ словомъ молитвы, съ каждымъ звукомъ пѣсни и каждымъ клубомъ кадильнаго дыма, онъ видѣлъ, какъ Сази становилась святѣе. Ему казалось, что локоны на ея плечахъ колыхались, что подъ звуки этой пѣсни колыбельной она поднималась выше, выше... ближе къ небу, что ангелы уносили ее... а она спокойно, все свѣтлѣе и свѣтлѣе улыбалась, а небо спускалось ей на встрѣчу и оно такъ близко показалось ему, такъ спустилось, такъ тѣсно прижалось къ землѣ, что земля и небо стало одно и то же... И онъ что-то понялъ въ эту минуту, что-то страшно большое, чего до сихъ поръ онъ никогда не понималъ и что̀ объяснить словами онъ никогда бы не съумѣлъ.

— Господи! приласкай ее... Сази мою... приласкай... она у у... ме-е-ня къ ласкамъ при... привыкла...

Мери положила голову на плечо Александра. На колѣняхъ возлѣ нихъ Скарбѣевъ заплакалъ. А Григорій Сергѣевичъ, не слушая словъ молитвы о новопреставленной рабѣ, продолжалъ рыдать:

— Господи! приласкай ее... Сази... Са-а-зи мою...

XII.

На югѣ, въ Кіевской сторонѣ уже зеленѣла весна.

Былъ теплый, праздничный день. На курскомъ вокзалѣ толпился народъ; говоръ и суета стояли въ воздухѣ передъ отходомъ поѣзда. Болѣе всѣхъ другихъ пассажировъ шумѣли горожане, выѣзжавшіе прогуляться на зеленой травкѣ окрестныхъ деревень. Тащились узелки, корзины и кузовки съ провизіею; дородныя купчихи, пыхтя и суетливо озираясь, тяжело торопились въ развалку; за ними съ пискомъ бѣжали дѣти. Слышалось съ разныхъ сторонъ:—Куда же? Ахъ, ты, Господи! Ну, и порядки! Сюда, матушка; тутъ мѣсто есть.—Кондукторъ! господинъ кондукторъ! Гдѣ тутъ второй классъ? — Туда, дальше... тамъ, гдѣ второй классъ!—И спокойно, по-начальнически и нѣсколько презрительно кондукторъ глядѣлъ на оторопѣвшую купеческую семью. —Миша! гдѣ ты запропастился? Не отставай. Зачѣмъ ты Жучку притащилъ?—Это не я... она сама...—Садитесь. Сейчасъ третій звонокъ.—Ахъ! Голубчики!.. отцы родные! Минуточку обождите... дайте влѣзть!..—Наконецъ, третій звонокъ; опять крики:—Ахъ, батюшки!..—Затѣмъ свистокъ,—поѣздъ тронулся.—Стой! Стой! Ахъ! Какъ же это теперь?..—Общій хохотъ.—Чтò? Чтò тамъ? Опоздалъ, сердечный!.. А тамъ, гляди, еще вотъ дама съ мѣшечкомъ и зонтикомъ.—Ишь когда поспѣла, голубушка! Поѣздъ отъ вокзала, а она на вокзалъ.—Это здѣшняя княгиня одна... кажинный разъ такъ...—Пассажиры въ окошки оглядывались, и видно было, какъ опоздавшая княгиня долго объяснялась съ начальникомъ станціи, который, съ рукою у козырька, съ вѣжливою, хотя нѣсколько насмѣшливою улыбкою, докладывалъ, что слѣдующій поѣздъ вечеромъ, „въ свое время будетъ“.

— Опоздали, ваше сіятельство!

— Я сама знаю, что опоздала... но отчего же сегодня поѣздъ не опоздалъ?

— Не зналъ, ваше сіятельство... повѣрьте...

А поѣздъ все ускорялъ ходъ, мѣняя тактъ постукиванія колесъ, съ двухъ четвертей на три четверти, все скорѣе, скорѣе, перешелъ на шесть-восьмыхъ, какъ бы отбивая тактъ вспышками густого, черваго дыма, и, наконецъ, плавно покатилъ между зелеными и черными полями, и дымъ уже не рвался, а ровнымъ, бѣлымъ облакомъ завился въ прозрачномъ воздухѣ, залитомъ яснымъ солнцемъ, и, разрываясь клочьями, то цѣплялся за землю, то таялъ въ голубой вышинѣ. Въ вагонахъ пассажиры устраива-

лись и успокаивались среди громкихъ разговоровъ людей, собравшихся погулять на свободѣ.

— Вы куда это, Иванъ Ивановичъ?..

— А вотъ, дачу надо высмотрѣть для лѣта...

— Дачу? Счастливый вы человѣкъ! А вотъ намъ, по нашей комерціи, все лѣто приходится въ городѣ сидѣть. Бѣда!

— Зато комерція; не то, что нашему брату, служащему. Все—свое дѣло... своя рука владыка...

— Какая тоже комерція бываетъ. Иное дѣло выгодное, а иное и лѣнивое. Нынче не знаешь, на чемъ и стать. А есть дѣла золотыя. Вотъ хоть бы теперьче директоры банковъ... или еще доктора... въ особливости, какъ уже въ большихъ чинахъ...

Вдругъ въ одномъ углу вагона второго класса раздался крикъ и отчаянный дѣтскій плачъ, а за нимъ общій смѣхъ.

— И-и! Горемычный, какъ же это ты такъ устроился?

— Вона! Ишь полетѣлъ!..

Мальчикъ держалъ у окошка красный воздушный шаръ и выпустилъ. Ребенокъ плакалъ; мать, толстая, веселая купчиха, унимала его.

— Ну! Что плакать-то? Гляди, вернемся, другой будетъ...

Пассажиры выглядывали въ окошки.

— Ишь! Поднялся-то какъ! Во-во... краснѣетъ!.. Что, малый?.. Жалко мячика?.. Все едино, завтра бы выдохся... а теперь, по крайности, гляди, какъ веселится.

— Ну, да, извѣстно, завтра бы и выдохся, — подтвердилъ кто-то изъ другого угла; а какой-то педагогъ въ очкахъ прибавилъ:

— Ничто не вѣчно подъ луною... Sic transit...

Но мальчику отъ этого всего не легче было. Онъ то выглядывалъ въ окно, слѣдя за судьбою шара, то прижимался къ матери, и снова начиналъ плакать.

— Я только хотѣлъ его втянуть... а онъ тутъ и оборвался.

И онъ вспоминалъ, что вотъ только-что нитка еще была въ рукахъ; было бы осторожнѣе тянуть, дальше только руку выдвинуть, и все было бы хорошо... — и онъ опять выглядывалъ, какъ бы ожидая, не зацѣпится ли гдѣ шаръ, и въ судорожныхъ вздохахъ поднималась маленькая грудь въ досадливой боли передъ неумолимою дѣйствительностью.

А шаръ уже высоко отставалъ вдали, и красноватою точкою исчезалъ въ свѣтлой вышинѣ, гдѣ въ еще влажной пыли весенняго воздуха играли веселые лучи, куда двѣ бабочки, кружась одна вокругъ другой, залетѣли, гдѣ жаворонокъ, распластавъ крылышки, неподвижно висѣлъ дрожащею точкою, и гдѣ исче-

зали клочья бѣлаго дыма, которые только-что бѣжали по землѣ и поднялись, и растаяли, и нѣтъ ихъ.

Не глядя ни на что и ничего не дожидаясь, поѣздъ бѣжалъ себѣ съ упрямымъ, безразличнымъ стремленіемъ къ какой-то цѣли. Отъ поры до времени онъ на минуту останавливался передохнуть, высыпалъ своихъ пассажировъ и набиралъ новыхъ. Гдѣ-то выбросилъ онъ и ту купеческую семью съ мальчикомъ и его дѣтскимъ горемъ, быть можетъ, уже забытымъ; онъ бѣжалъ дальше, и дѣла ему не было до нихъ, какъ до дыма, который отставалъ отъ него, мѣняя свои переливы, и въ притихшей къ вечеру вышинѣ остановился сѣро-розовою полосою. Поѣздъ гнался, казалось, за зарею, которая опускалась за небосклонъ, маня его къ себѣ; а сзади нагоняла его ночь и, наконецъ, нагнала и покрыла своею звѣздной пеленою.

Новое утро поднялось и разсыпалось по весенней зелени полей, по кустамъ и деревьямъ, которые уже начинали зеленѣть, дышать и пахнуть. Заблестѣла роса и запѣли, высоко дрожа подъ небомъ, жаворонки, которые какъ будто тамъ и ночевали въ далекой вышинѣ, гдѣ ночью висѣли звѣзды.

Подходя къ одной изъ маленькихъ станцій за Козельцомъ, поѣздъ сталъ замедлять ходъ. Нѣсколько пассажировъ выглянули въ окошки.

На платформѣ кого-то ожидали. Видна была полиція, какой-то важный господинъ, передъ которымъ всѣ ровнялись; на немъ была фуражка съ краснымъ околышемъ и пальто съ золотыми жгутами на плечахъ. Съ нимъ былъ старикъ въ отставной адмиральской формѣ и какія-то дамы.

Начальникъ станціи, щурясь и поднося уже руку къ козырьку, направился къ вагонамъ перваго класса. Его помощникъ прошелъ къ передней части поѣзда, на ходу у кого-то спрашивая:

— Въ которомъ?

— Въ первомъ багажномъ.

Дальше слышался вопросъ:—Который будутъ отцѣплять?

Поѣздъ сталъ. Александръ Стремягинъ вышелъ изъ вагона, подошелъ къ группѣ ожидавшихъ, поздоровался съ чиновнымъ лицомъ, обнялся съ старымъ морякомъ и прошелъ къ багажу. За нимъ тихонько двигался Григорій Сергѣевичъ, котораго подъ-руку вела Мери. Поникнувъ головой, исхудалый, онъ автоматически передвигалъ ноги, не глядя никуда. Изъ слишкомъ широкаго ворота вылѣзала тонкая, съ обвисшими связками шея, которая, казалось, не могла держать его большую голову, тупо свѣсившуюся впередъ. Онъ быстро, безъ всякой мысли въ гла-

захъ, закивалъ головою, старательно отдавая поклоны, когда къ нему подошли, подалъ руку губернатору, подставилъ щеку Авимову, и все съ тѣмъ же тупымъ выраженіемъ въ глазахъ, озираясь въ сторону багажа, заторопился.

Противъ передней части поѣзда стояло духовенство. Солнце горѣло на парчевыхъ ризахъ, діаконъ раскачивалъ кадило. Изъ багажнаго вагона вынесли бѣлый гробикъ, покрытый цвѣтами, и поставили на платформѣ.

— Вотъ она! вотъ она!..—съ полу-улыбкой пролепеталъ Григорій Сергѣевичъ, какъ будто радуясь свиданію послѣ разлуки, во время долгаго пути.

Началась литія; послышались пѣніе и слова молитвы, столь знакомыя ему за эти послѣдніе дни: „по непреложному обѣщанію Твоему, небеснаго царствія Твоего сподоби...“ Онъ уже привыкъ понимать, что новопреставленная раба, младенецъ Александра,—это значитъ Сази. На колѣняхъ и утомленно, немощно положивъ голову на гробикъ, онъ никого не видѣлъ и ни о чемъ не думалъ. Вокругъ него были друзья и мужики изъ Сергіевскаго, съ обвитыми зеленью носилками, кто-то раскладывалъ вдоль гробика новые вѣнки, пѣніе и молитва уносились легкимъ утреннимъ вѣтеркомъ... а жизнь шла своимъ чередомъ; раздался звонокъ, за нимъ свистъ паровоза, и поѣздъ тронулся.

Пассажиры столпились у окошекъ и на крылечкахъ вагоновъ, и видно было, какъ, подвигаясь мимо гробика, всѣ крестились. Добрая, печальная и тихая мысль на минуту набѣжала на всѣхъ, а поѣздъ все ускорялъ движеніе и дымъ учащалъ свое вспыхиваніе и раскинулся длиннымъ бѣлымъ перомъ, вереницею бѣлыхъ духовъ. Сдвигаясь, какъ подзорная труба, поѣздъ уносился въ даль, и дѣла не было ему до того, что оставилъ онъ позади себя; а бѣлый дымъ пробѣжалъ по зеленому выгону, проводилъ съ минуту процессію, которая потянулась куда-то съ хоругвями впереди, съ рядомъ экипажей сзади, и, разсыпавшись, взвился и растаялъ гдѣ-то тамъ, гдѣ бабочки кружились, гдѣ вчера красный мячикъ исчезъ, провожаемый дѣтскими слезами, гдѣ жаворонки пѣли, гдѣ ночью звѣзды висѣли, тамъ, гдѣ-то, между небомъ и землею, гдѣ неумолимая печаль Григорія Сергѣевича, среди весеннихъ лучей, искала бѣлокрылаго ангелка—его маленькую Сази, которую только тамъ и можно было искать, потому-что у него ея не было болѣе.

Въ этомъ исканіи теперь была вся жизнь несчастнаго человѣка, и день ото дня сознаніе напраснаго исканія становилось

хуже. Первые дни были ужасны, болѣзненно тяжелы, но тяжелы, какъ безпорядочный, лихорадочный сонъ. Онъ зналъ страшную правду, сказалъ себѣ ее, но еще не вполнѣ понялъ; она еще не легла на немъ, не обложила всю его жизнь.

Тѣ, кто, утѣшая его въ тѣ минуты, когда страданіе видимо было невыносимо, говорили ему, что время возьметъ свое, не знали, чтò говорили. Для такого горя нѣтъ времени. Оно на всю жизнь ложится; и какія бы въ ней ни были радости, оно живетъ всегда цѣльное, всегда одно и то же, иногда слитое съ радостью, иногда особнякомъ, но всегда съ первою, не онѣмѣвшею болью для тѣхъ минутъ, когда можно мыслью вернуться къ нему, для тѣхъ людей, у которыхъ есть еще другое счастье и которые должны радоваться.

Но у Стремягина не было другихъ радостей. Въ его горѣ было все его существо, все то подобіе жизни, которое оставалось на его долю. Онъ ничего въ себѣ не сохранилъ, не оборонялъ отъ обрушившейся на него печали, и эту печаль онъ взялъ на себя не ради силы духа, не ради высокой, вѣрующей мысли съ любовью къ волѣ Божьей, а взялъ, потому что не могъ сдѣлать иначе. Точно такъ же онъ не укрывался отъ горя, потому что укрыться было некуда. Конечно, были у него люди близкіе и преданные ему: Александръ и Мери, Азимовъ, слуги и мужики, Ветошкинъ, который не захотѣлъ безъ него оставаться на службѣ и вмѣстѣ съ нимъ вышелъ въ отставку; онъ одинъ чего стоилъ!

— Я къ вамъ привыкъ, ваше превосходительство,—говорилъ ему курьеръ:—ужъ мнѣ позвольте гдѣ-нибудь при васъ служить. Такъ ужъ я и останусь; а когда, дастъ Богъ, ваше превосходительство кончиться изволите, меня и Александръ Алексѣевичъ возьмутъ...

У него были всѣ эти люди, которыхъ онъ могъ бы любить; но ихъ онъ любилъ уже исключительно только для себя. Азимовъ, Александръ съ женою были ему нужны для того, чтобы кто-нибудь былъ возлѣ него, чтобъ слышны были какіе-нибудь голоса, чтобъ его домъ, его Сергіевское и все, чтò было вокругъ него, было для кого-нибудь; чтобъ для кого-нибудь въ обычный часъ накрывался столъ, чтобъ вечеромъ лампы зажигались и разливался чай; чтобъ могъ онъ съ кѣмъ-нибудь рядомъ сидѣть и молчать, чувствуя надъ собою какую-то нянькину, жалостливую заботу, которая приголубила бы несчастное существо, доживавшее однимъ тѣломъ, и гдѣ душа была уже не живая. Любить же ихъ для нихъ ему было невозможно. Въ немъ ничего не осталось,

и онъ ничего не могъ дать. Осталась въ немъ лишь привычка любви, выражавшаяся въ всегдашней кротости и добротѣ. Когда-то было въ немъ живое добро, которое онъ всѣмъ хотѣлъ дать, иной разъ не зная чѣмъ, и всѣхъ ласкалъ своими добрыми глазами. Это живое добро, и въ дѣлѣ, и въ глазахъ, было покуда съ Сази; онъ сознавалъ надъ собою живую благость, въ которой онъ какъ бы чувствовалъ Бога. Въ немъ ясно выражалась эта глубокая, опытная правда опечаленнаго поэта:

Quand elle me disait: mon père!
Tout mon coeur répondait: mon Dieu!

А теперь онъ чувствовалъ, что всѣ счеты души его съ Богомъ уже покончены, что жить безъ души ему было невозможно и что онъ только доживалъ. Это было такъ ясно и логично, что даже Ветошкинъ это понялъ, говоря ему: „когда, дастъ Богъ, ваше превосходительство кончиться изволите...“ Другой цѣли, другого исхода изъ страданія не оставалось, и надо было, чтобы исчерпалось само страданіе. Онъ это, вѣроятно, понималъ, когда твердилъ:

— Все это набрать... набрать бы въ себя и тогда умереть.

И, какъ будто набирая поскорѣе, побольше, какъ можно больше своего горя, чтобы скорѣе окончить работу печали, онъ весь отдавался ей и, не жалѣя себя, ничего другого не хотѣлъ.

Съ самаго утра въ церковной оградѣ, сидя на землѣ у зеленой могилки Сази, украшенной крестомъ изъ цвѣтовъ, онъ не возносился мыслью къ ея небесной радости, а искалъ ее около себя. Весна расцвѣтала, а онъ съ горечью плакалъ, что Сази ея не видитъ, не веселится ею.

— „Фіалочки... самыя любименькія мои“...

Онъ вспоминалъ, какъ она не умѣла назвать ихъ по-русски.

— „Ваялетки... портулакъ“...

Жалобный голосокъ ему еще слышался, и больно, больно становилось; съ головою въ сыромъ дернѣ могилки, онъ еще хуже растравлялъ свою рану, вспоминая, какъ она радовалась землѣ и какъ мало насладилась ея радостями... Дѣтскій балъ, которымъ она была такъ озабочена... Когда Саша дразнилъ ее, зачѣмъ она такъ жалобно сказала: „а я тамъ буду танцовать“? Ей такъ хотѣлось!.. Она даже не знала, что̀ это такое, а ей, можетъ быть, это казалось какимъ-то верхомъ радости, которой она еще не видала... и такъ и не увидала никогда... и больше никогда, никогда!..

И онъ съ такою болью громко повторялъ это слово и такъ

рыдалъ, что сторожъ, подметавшій дорожки церковнаго садика, устроеннаго ради Сазиной могилки, махнувъ рукою, уходилъ подметать подальше, а Ветошкинъ, карауливший своего бывшаго начальника за рѣшеткою ограды, сморщившись и стряхивая съ лица разомъ брызнувшія слезы, бормоталъ про себя:

— Ахъ! Что̀ это Ты сдѣлалъ, Господь милосердый!

Бартонъ, которая оставалась въ домѣ, въ прежнемъ помѣщеніи около Сазиныхъ комнатъ, гдѣ были сложены всѣ ея вещи, какъ-то заглянула въ дѣтскую.

Въ тоскливомъ, жуткомъ свѣтѣ большой, безмолвной комнаты, въ бѣломъ освѣщеніи тѣхъ часовъ, когда зимняго дня осталось еще много, а солнце уже перешло на другую сторону дома, Григорій Сергѣевичъ сидѣлъ на полу, окруженный Сазиными игрушками. Онъ вытащилъ домикъ, разставилъ деревянное стадо, которому даже подсыпалъ зеленой травы, набранной въ оранжереѣ, размѣстилъ пастуховъ, запрегъ колясочку и насажалъ туда куколъ. Какъ видно было, онъ хотѣлъ оживить все это, потому что въ этой жизни была Сази... Но ничто не двинулось и стало еще болѣе мертво и безмолвно, чѣмъ когда оно было безжизненно разставлено по угламъ и въ шкафахъ. Сидя на полу, прислонившись спиною къ сидѣнью дивана, безсильно раскидавъ руки, въ которыхъ были Маргаретъ и Лили, онъ пристыженными, виноватыми глазами глядѣлъ на дверь и тихонько стоналъ. Бартонъ въ невыразимомъ ужасѣ вскрикнула: „Oh! it is horrible!..“ выбѣжала вонъ и пошла сказать Мери, что не можетъ болѣе оставаться въ домѣ. Мери поспѣшила къ нему.

Она хотѣла бранить его, но, когда увидала, сама не выдержала и заплакала.

— Гриша! Что̀ вы дѣлаете!..

Онъ какъ будто понялъ, что самъ вызвалъ это слово смерти въ опустѣлости и страшномъ молчаніи игрушекъ, надъ которыми былъ дѣтскій голосокъ, и—нѣтъ его.

— Ахъ! Что̀ я сдѣлалъ! Что̀ я сдѣлалъ...—повторялъ онъ съ тоскою.

— Пойдемъ, Гриша...

Она протянула ему руки; онъ поднялся и пошелъ съ нею.

— Куда мнѣ уйти?—разслабленно стоналъ онъ.

Александръ встрѣтилъ ихъ въ гостиной и понялъ, что что-то новое случилось.

— Ты плакалъ? Бѣдный мой...

Онъ виновато отвѣтилъ:

— Плакалъ...

— Слушай, другъ мой...—и онъ усадилъ его рядомъ съ собою:—слушай... еслибъ ты не долженъ былъ жить, то ты бы и не жилъ. Понимаешь ты это? Вѣришь ты, что Богъ все дѣлаетъ?

А онъ отвѣтилъ:

— Ахъ! Я и не знаю. Я знаю только, что я грѣшный, дурной человѣкъ... а еслибъ Богъ милостивый и благой былъ на моемъ мѣстѣ, а я на Его... я бы не отнялъ у Него Сазн...

— Вотъ видишь, какія ты глупости говоришь, потому что ты всегда одинъ, и насъ знать не хочешь, и никого ты не любишь. А вотъ еслибы ты насъ не забывалъ и еслибы ты что-нибудь дѣлалъ... Вѣдь тебя и дѣла ожидаютъ...

— Куда я гожусь?—вздохнулъ онъ:—какія тамъ дѣла? Ахъ! другъ мой, кстати... я давно тебѣ хотѣлъ сказать... Возьми все у меня, избавь меня... не способенъ я и не хочется мнѣ... а все равно, когда-нибудь все мое станетъ твоимъ... Возьми все себѣ; тутъ лучше, чѣмъ у васъ въ Млинѣ; не стройся тамъ... Послѣ меня вы навѣрное тутъ будете жить...

Григорій Сергѣевичъ безпокойно оглядывался на Мери, въ страхѣ, чтобъ Александръ не отказалъ; но тотъ, даже не задумавшись, принялъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ:—изволь... но только у меня къ тебѣ просьба. Въ январѣ мнѣ ѣхать надо... ты видишь, въ какомъ положеніи Мери. Здѣсь она боится... хочетъ непремѣнно въ Петербургѣ... а ты мнѣ можешь услугу оказать. Займись тутъ моими дѣлами... въ моемъ Сергіевскомъ.

При этомъ Александръ покосился на него. Григорій Сергѣевичъ улыбнулся. Онъ хорошо видѣлъ, что Александръ все это для него придумывалъ, и это его тронуло.

— Вотъ ты какой!—сказалъ онъ, потомъ обнялъ его, тихо заплакалъ и сказалъ:

— Хорошо... я сдѣлаю.

Въ этотъ день онъ обошелъ хозяйство, заглянулъ въ контору, приказалъ вечеромъ явиться съ докладомъ и нарядомъ, былъ въ мастерскихъ и говорилъ съ людьми, а когда пришелъ на могилу съ корзиною цвѣтовъ, набранныхъ въ оранжереѣ, ему было непонятно весело.

— Смотри, какихъ я тебѣ новенькихъ цвѣточковъ принесъ!—говорилъ онъ вполголоса:—хорошіе?.. Да?.. А завтра еще зацвѣтутъ другіе... пестренькіе... хочешь?.. чудо какіе!

Улыбаясь и все время разговаривая, онъ раскладывалъ цвѣты у подножія маленькаго мраморнаго креста, на которомъ было

вырѣзано: „Сази“, и ниже, мелкими буквами: „Радость паче всякія радости“.

Вернувшись домой, онъ говорилъ Александру:

— Ты знаешь?.. Мнѣ ничего... мнѣ хорошо... и если мнѣ сейчасъ умереть... конечно, этому я былъ бы больше всего радъ, а если и жить еще, то... это ничего... тоже хорошо.

А Азимовъ про него думалъ:

„Это значитъ, что теперь онъ все испыталъ, все до этого послѣдняго слова печали, гдѣ оба конца сходятся и гдѣ печали отъ радости не отличишь“.

На другой же день Григорій Сергѣевичъ заболѣлъ. Въ это время всякую болѣзнь, которой доктора не понимали, стали называть инфлюэнцой. Предъ тѣмъ эта новая болѣзнь была у Александра; у него болѣла голова и его знобило. У Григорія Сергѣевича не было ни озноба, ни головной боли; онъ только кашлялъ и задыхался, но у него тоже оказалась инфлюэнца.

— Я, можетъ быть, умру,—говорилъ онъ спокойно.

Онъ готовъ былъ радоваться смерти, но радъ былъ и выздоровѣть скорѣе, чтобы его опять пустили къ Сази. Онъ даже много капризничалъ, когда сталъ окончательно оправляться.

— Я уже совсѣмъ здоровъ,—говорилъ онъ:—когда же меня выпустятъ?

А наканунѣ того дня, когда ему, наконецъ, обѣщано было, что онъ выйдетъ, и въ то время, когда Александръ былъ занятъ вечернимъ докладомъ управляющаго, неожиданно вошелъ Сергѣй и спокойно, почти равнодушно доложилъ:

— Пожалуйте скорѣе. Григорій Сергѣевичъ кончаются.

— Чтò ты говоришь?!

Александръ пустился бѣгомъ.

— Сюда пожалуйте!—провожалъ его Сергѣй.

Въ передней, куда онъ вышелъ, чтобы одѣться и уйти тайкомъ на могилку, Григорій Сергѣевичъ почувствовалъ себя дурно и упалъ, задыхаясь. На слабый зовъ его пришли люди. Александръ засталъ его сидящимъ въ креслѣ; около него была Мери со стклянкою спирта и Василій Васильевичъ. Его растирали, а онъ понемногу утихалъ. Суетливо вошла Бартонъ съ набожно сложенными руками; онъ взглянулъ на нее, узналъ и кивнулъ головою.

— Т-т-туда меня!..—слабо пробормоталъ онъ, дѣлая усиліе, чтобъ показать куда, и это усиліе видимо было послѣднее. Пульса почти уже не было. Склонившись къ нему, Мери успокаивала его.

— Сейчасъ хорошо будетъ... сейчасъ увидишь Сази...

Онъ поднялъ на нее глаза удивленно и радостно, какъ будто понялъ, въ чемъ дѣло; съ усиліемъ, путавшимся языкомъ и пискливымъ, разслабленнымъ голосомъ онъ спросилъ:

— Да?.. Да?..

Потомъ онъ радостно усмѣхнулся:

— Гмъ!.. вотъ какъ... хорошо... слава Богу...—перекрестился и закрылъ глаза.

Рядомъ съ Сазиной могилкой разбили мерзлыя груды земли, сложили новую могилу и засыпали ее цвѣтами сверху снѣга.

Среди лѣта пріѣхали Александръ и Мери; около нихъ новая, маленькая жизнь загоралась. Старикъ Азимовъ былъ съ ними. Старая Бартонъ ходила за новорожденнымъ. Все было новое въ старой жизни, новое и уже не тоскливое, какъ прежде. Всякій день на двѣ могилы Ветошкинъ приносилъ цвѣтовъ; онъ дѣлалъ это спокойно и не плакалъ. Онъ зналъ, что все сдѣлалось тàкъ, какъ надо, и онъ ждалъ этого давно.

Въ концѣ лѣта, во время завтрака на террасѣ, было получено письмо отъ Кати. Она выходила замужъ за Святоморскаго и писала объ этомъ Мери, прося ее помолиться о ней на могилѣ мужа и испросить его прощенья.

— Чтò? Страшно стало шкодливой душѣ?—промолвилъ Азимовъ:—небось, поплатится теперь! Его, голубчика, заставили жениться... онъ ей это припомнитъ; шутить не станетъ... и пойметъ она. Все это въ порядкѣ...

Въ это время Сергѣй пришелъ доложить, что мраморщикъ уже распаковалъ крестъ, привезенный для могилы Григорія Сергѣевича, и ожидаетъ приказаній насчетъ надписи.

— Да...—объяснилъ Александръ:—я только имя надписалъ, а текстъ хотѣлъ просить васъ выбрать для него. Это ваше дѣло.

— Это ты хорошо сдѣлалъ, спасибо,—сказалъ Азимовъ, поднимаясь, чтобы идти къ церкви:—у меня текстъ для него готовъ. Это—человѣкъ, за которымъ долговъ нѣтъ. Много было ему дано, и онъ на всемъ послужилъ; взялъ все, чтò надо было взять, какъ умѣлъ, какъ Богъ далъ. Покуда была радость, онъ ничего другого слышать не хотѣлъ; тутъ же было дано и горе, но оно радости мѣшало, мѣшало славословію, и онъ поэтому отъ него до поры отмахивался, потому что радость была главнѣе и онъ радость берегъ. А пришла печаль, онъ взялъ ее цѣликомъ, безъ остатка. Больно было ему, и онъ, какъ простой человѣкъ, кричалъ, что больно,—и такъ Богъ велѣлъ. Помнишь, какъ онъ наивно

просто выражался: „на мѣстѣ Божьемъ я бы этого не сдѣлалъ". Эго тотъ же ропотъ боли человѣческой, который былъ и на крестѣ...

Они прошли въ церковную ограду и стали у двухъ могилъ. Въ сторонѣ лежалъ приготовленный для Григорія Сергѣевича крестъ; рабочіе складывали кирпичи для цоколя, и мраморщикъ ожидалъ приказаній.

— „И вся моя Твоя и Твоя моя"!—повторилъ старикъ:—вотъ именно тотъ текстъ, который я хотѣлъ надъ нимъ надписать. Вся жизнь его въ этихъ словахъ. Онъ все отдалъ, онъ все принялъ... умѣлъ любить... и умеръ отъ любви!

— Какая это правда!—сказалъ Александръ, вздохнувъ:—но скажите... еслибы онъ зналъ, что̀ говорили про Сази?..

Азимовъ усмѣхнулся.

— Ты думаешь, онъ не зналъ? Ему сама жена это писала, и онъ мнѣ это безсовѣстное письмо показалъ. Онъ это не только зналъ, онъ самъ это думалъ... и все-таки любилъ. Она была Божья и была дана ему на это... и онъ далъ ей всю свою любовь безъ остатка... и только такою любовью человѣкъ можетъ быть прославленъ предъ Богомъ: „И Твоя моя и прославихся въ нихъ".

Старый морякъ подошелъ къ кресту, лежавшему въ сторонѣ, и карандашомъ вырисовалъ на немъ эти слова. Потомъ онъ взглянулъ на Александра.

— Такъ ли?—спросилъ онъ.

Тотъ, молча, пожалъ ему руку, и они отошли опять къ могиламъ. Всѣ трое—Азимовъ, Александръ и Мери—стояли въ глубокомъ раздумьѣ. А кругомъ косые солнечные лучи весело ходили на золотѣ осенней листвы. Съ этимъ лучистымъ золотомъ повсюду было необыкновенно свѣтло; бѣлыя паутинки висѣли въ воздухѣ, и птицы щебетали.

— Ну, пойдемъ!—сказалъ кто-то, и они вернулись въ аллею сада. Мери, опираясь на руку старика, концомъ зонтика прокалывала желтые листья на землѣ; Александръ шелъ, понуривъ голову. Сзади нихъ щелкнулъ замокъ калитки ограды.

— А здѣсь жизнь...—какъ бы въ отвѣтъ на желѣзный звукъ,—проговорилъ Азимовъ:—и надо жить,—кончилъ онъ.

— Да,—вздохнулъ Александръ:—надо-то надо... но страшно жить бываетъ. Меня вотъ что̀ смущаетъ...

Онъ взглянулъ на старика и несмѣло, виновато улыбнулся.

— Что „Твоя моя", это-то хорошо... но „вся моя Твоя"... Ахъ, какъ это страшно выговорить!

— Эхъ, милый мой!—какимъ-то особеннымъ голосомъ заговорилъ старикъ и почему-то снялъ фуражку.—Ты же самъ мнѣ передавалъ слова Ветошкина и говорилъ, что это хорошо: „отдать надо, потому взялъ"... Не бойся, другъ мой; такъ и скажи: вся моя Твоя... а Онъ-то пойметъ, чего тебѣ надо... и радостью покроетъ.

— Ахъ, какъ вы это хорошо сказали!—вскрикнула Мери и въ радости кинулась на шею старику.

— Что? Нравится, небось?.. А вотъ, поглядите тамъ!

Поперекъ аллеи старая Бартонъ провезла дѣтскую колясочку. На полянѣ, залитой солнцемъ, они всѣ остановились около ребенка.

Онъ не спалъ. Схватившись крѣпкими ручонками за стѣнки своей подвижной колыбельки, онъ напряженно таращилъ черные глазки и шевелилъ ножками. На крючкѣ занавѣсокъ, на голубой ленточкѣ висѣлъ его золотой крестикъ. Когда онъ встряхивалъ колясочку, крестикъ качался, сверкая на солнцѣ, а дѣтскіе глазки искрились, и онъ заливался и захлебывался смѣхомъ, —искреннимъ, свѣтлымъ смѣхомъ радости...

В. Ширковъ.

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА

въ

АМЕРИКАНСКОЙ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Окончаніе.

VI.

Разсказы изъ жизни одного городка на Западѣ [1]).

Октава Тане.

2.—Томми и Томасъ.

Это было, когда Гарри Лоссингъ былъ еще въ высшей школѣ, и миссисъ Карнсвудъ въ первый разъ увидѣла Томми Фитцмориса. Онъ не представлялъ изъ себя ничего особеннаго,—длинненькій шестнадцатилѣтній парень, выросшій изъ своего платья и еще далеко не выровнявшійся. Въ то время его мать исправляла должность его же цирюльника, и однажды вырѣзала такой клокъ его черныхъ курчавыхъ волосъ, что пришлось уже обкарнать его подъ гребенку, такъ что его уши особенно выдались, также какъ и квадратное устройство его челюстей. Онъ обладалъ настоящимъ нормандско-ирландскимъ лицомъ: нѣжная кожа, бѣлокурая, съ веснушками, высокія кости щекъ, прямой носъ и широкіе голубые глаза, которые, казалось, были обведены чернилами,—такъ отчетливо выдѣлялись его брови и длинныя, густыя, черныя рѣсницы. Но ротъ оказался тою частью лица, которая особенно заинтересовала миссисъ Карнсвудъ,—ротъ подвижный и изящно очерченный; его губы

[1]) См. выше, октябрь: 484 стр.

рѣдко были совершенно спокойны, хотя и двигались очень немного, когда онъ говорилъ.

„Настоящій ротъ ирландскаго оратора", подумала миссисъ Карнсвудъ.

Но Томми не отличался краснорѣчіемъ, и сама миссисъ Карнсвудъ снизошла до того, что помогла ему съ его выпускной рѣчью —и Томми произнесъ ее со сцены большого launchнаго театра, выучивъ текстъ наизусть, передъ потѣвшей, но очень добродушно настроенной аудиторіей городскихъ жителей, почтившихъ его громкими апплодисментами. Да его рѣчь, дѣйствительно, и заслуживала того: миссисъ Карнсвудъ, слышавшая ораторовъ всего міра, работала надъ ней цѣлыхъ три вечера; а у нея хорошая память. Ея участіе въ такихъ эпизодахъ всегда очень занимало ее. Она была очень богата и, будучи бездѣтной вдовой, проводила свое время въ путешествіяхъ—въ то время не наступилъ еще періодъ филантропіи и помощи женскому вопросу. Какъ она выражалась,—она разыскивала по земному шару мѣста съ совершеннѣйшимъ климатомъ. „Не то чтобы я дѣйствительно думала, что ихъ можно найти,—говорила она весело,—но мнѣ пріятно разнообразить мои разочарованія въ этомъ отношеніи; когда я очень гдѣ-нибудь промерзну, я переѣзжаю въ такое мѣсто, гдѣ я могу вымокнуть". На этотъ разъ она была на пути въ Калифорнію, съ своей англійской горничной, которая несказанно потѣшала всѣхъ домочадцевъ Лоссинга своимъ неугасимымъ страхомъ красныхъ индѣйцевъ. Она воображала, что эти дикари блуждали по преріямъ за предѣлами каждаго города на Западѣ — и чуть не упала въ обморокъ, когда дѣйствительно встрѣтила однажды на углу трехъ индѣйцевъ племени кикапу, разукрашенныхъ перьями и яркими красками. У нея были и другія предубѣжденія путешествующихъ англичанъ, и я боюсь, что они усердно поддерживались не только ея кухаркой, горничной и работникомъ, но и Гарри, и его неразлучнымъ пріятелемъ, Томми: я знаю, что она пресерьезно увѣряла, будто видала ручныхъ бизоновъ на улицахъ города: „они такъ похожи на обыкновенныхъ коровъ, что ихъ ни за что не отличить!"

Она питала большое уваженіе къ Томми, чего никакъ не могла понять ея хозяйка, пока однажды не вышло наружу, что онъ и „мастэръ Гарри тоже" сказали ей, что прапрадѣдъ Томми былъ нѣкогда лордомъ въ Ирландіи.

— Значитъ, семья эта опустилась съ тѣхъ поръ, Дерри, —коротко отвѣтила миссисъ Карнсвудъ, усмѣхаясь про себя. Когда горничная была отпущена, она взяла письмо, написанное

ею только сегодня одной изъ ея задушевныхъ друзей, и перечитала, опять усмѣхаясь, то, что̀ она писала о Гарри и Томми.

„Гарри, — писала она: — такой мальчикъ, котораго бы мнѣ ужасно хотѣлось похитить. Именно такой мальчикъ, котораго обѣимъ намъ, Сара, такъ всегда хотѣлось имѣть—откровенный, счастливый, привязчивый. Я не могу не разсказать тебѣ о немъ. Онъ обладаетъ настоящими западными дѣловыми инстинктами, и вообрази себѣ, что̀ онъ сдѣлалъ? Онъ открылъ свою собственную лавочку въ уголку двора—у нихъ удивительно прелестное мѣсто, и домъ совсѣмъ, совсѣмъ цивилизованный, съ газомъ, горячей водой, паровымъ отопленіемъ и рѣшительно всѣми удобствами—и продавалъ мальчишкамъ конфекты, пироги и всякую всячину. Онъ добылъ на этомъ такъ много денегъ, что предложилъ кухаркѣ вступить съ нимъ въ компанію и открыть балаганъ на приближавшейся ярмаркѣ графства,—это, знаешь, нѣчто въ родѣ нашихъ земледѣльческихъ выставокъ. Кухарка (знатная особа, которая беретъ читать книги у миссисъ Лоссингъ; она кажется вполнѣ приличной и превосходно жаритъ дичь,—а дичь, Сара, здѣсь несравненная) надѣлала ему сливочныхъ пироговъ, бутербродовъ, пирожныхъ, конфектъ, — и Гарри покупалъ всю провизію для этого на вырученныя изъ лавочки деньги. Тебя удивитъ, что его отецъ позволилъ ему это— но Генри Лоссингъ во многихъ отношеніяхъ настоящій житель Запада и смотритъ на все это какъ на шутку. „Это можетъ научить мальчика, какъ вести дѣла", говоритъ онъ.

„У нихъ оказался превосходный запасъ товара,—по крайней мѣрѣ въ этомъ, черезъ Дерри, увѣряютъ меня Альма, кухарка, и Вильямъ, работникъ. Тѣмъ печальнѣе оказалась его судьба, потому что—увы!—шайка уличныхъ мальчишекъ напала на Гарри, и пока онъ воевалъ съ одной половиной—онъ такъ же безстрашенъ, какъ и его дядя, генералъ—другая разграбила его чудный товаръ! Они бы совсѣмъ разорили нашего маленькаго бѣднаго купца, еслибы на сцену не прибылъ, благодаря счастливой случайности, одинъ изъ его школьныхъ товарищей, котораго опасаются всѣ буйные элементы. Онъ приколотилъ одного изъ нихъ, и закричалъ, что та же участь постигнетъ и всѣхъ остальныхъ, если они немедленно не возвратятъ похищеннаго; а такъ какъ онъ пользуется репутаціей человѣка, который всегда держитъ свое слово, несмотря ни на что, то мальчишки дѣйствительно возвратили большую часть, и наши два молодца, вычистивъ свой товаръ по возможности, продали все, что̀ было можно продать. Послѣдствіемъ этого сраженія было то, что Гарри оказался безконечно благодарнымъ этому Томми Фитцморису, и те-

перь всячески помогаетъ ему по случаю его выпуска изъ высшей школы. Фитцморисъ учился очень усердно, онъ кончаетъ курсъ первымъ, и ему ужасно хочется отличиться своей рѣчью, чтобы угодить отцу. „Видите ли,—говоритъ Гарри,—отецъ Томми всякій грошъ убиваетъ на сына, чтобы дать ему образованіе. Его помощь ему нужна въ его дѣлѣ, но онъ не желаетъ, чтобы онъ принимался за работу. Онъ содержалъ его въ школѣ, и ужасно радъ, что онъ кончилъ первымъ; а Томми работалъ по ночамъ, чтобы достичь этого". Когда я спросила Гарри, чѣмъ занимается отецъ Томми, онъ нѣсколько сконфузился. „Онъ содержитъ салонъ; „но,—поторопился онъ объяснить,—это очень приличный салонъ, въ которомъ никогда не бываетъ никакихъ столкновеній съ полиціей; Томми знаетъ каждаго полицейскаго въ городѣ, и они держатъ только хорошее вино и выливаютъ все пиво, которое остается въ стаканахъ".—„Да что же иначе они могли бы съ нимъ дѣлать?"—спросила я невинно.—„Какъ что? сберегать его въ особомъ ведрѣ,—объявилъ торжественно Гарри,—затѣмъ опускать стаканъ подъ стойку, наполнить его наполовину изъ этого ведра и затѣмъ уже подставлять его подъ кранъ, чтобы взбить пѣну—это, знаете, одна изъ уловокъ въ этомъ ремеслѣ. Томми говоритъ, что его отецъ презираетъ все это!" Какъ тебѣ все это нравится? Я, было, испугалась такого сотоварищества для Гарри, и высказала свои сомнѣнія его матери: неужели она думаетъ, что можно принимать въ домъ такого мальчика? сына содержателя салона? Она не разсмѣялась,—какъ я это наполовину ожидала,—а очень серьезно объяснила мнѣ, что они постарались разузнать все, что было нужно, о Томми, что онъ очень привязанъ къ Гарри, и что она не думаетъ, что онъ можетъ научить ея сына чему-либо дурному. Да я и сама потомъ открыла, что у него имѣются извѣстныя понятія о чести, хотя они и припахиваютъ улицей. И онъ чрезвычайно понятливъ. Разъ онъ пришелъ къ чаю. Очень потѣшно было видѣть, какъ онъ слѣдилъ за Гарри и подражалъ каждому его движенію. Онъ дѣйствовалъ вилкой вполнѣ прилично, только—такъ какъ Гарри лѣвша—Томми иногда сбивался своей правой рукой.

„Онъ такъ усердно работаетъ надъ своей рѣчью для выпуска, что я невольно предложила помочь ему. Онъ будетъ говорить о „Тріумфѣ демократіи", при чемъ очень вѣжливо объяснилъ мнѣ, что его демократія не означаетъ демократической партіи, а такое правительство, при которомъ всякій бѣднякъ имѣетъ свои права и голосъ.

„Рѣчь, какъ ты и сама можешь себѣ представить, оказалась

всеобъемлющаго свойства; я не могла не замѣтить, что Томми не даромъ слушалъ ораторовъ приличнаго салона своего отца. То, чѣмъ онъ ее комментировалъ, заинтересовало меня гораздо больше. „Само собой разумѣется, говорилъ онъ, я думаю, что это—лучшее правительство въ свѣтѣ, хотя мнѣ во всякомъ случаѣ нельзя считать его инымъ. Но мы пріѣхали изъ Ирландіи, а тамъ оно совсѣмъ другого сорта, и моя бабушка голодала не разъ. Отецъ разъ пѣшкомъ ходилъ за двадцать миль, въ замокъ Саквилей, и тамъ ему дали немного крупы, хотя онъ и не арендовалъ у нихъ земли, а тамошняя госпожа даже объяснила ему, какъ именно слѣдуетъ варить эту крупу. Я никогда въ жизни не забуду ее!"

Я замѣтила, не пожелаетъ ли Томми вставить этотъ эпизодъ въ свою рѣчь? Онъ взглянулъ на меня какъ-то странно — или мнѣ такъ показалось! „Почему бы нѣтъ?—сказалъ онъ.—Я бы сказалъ это каждому изъ нихъ въ отдѣльности,—почему же не сказать всѣмъ вмѣстѣ?" И въ самомъ дѣлѣ, почему было не разсказать? Вотъ мы и вставили это въ рѣчь; и я, я сама, Сара, наставляю молоденькаго Демосѳена, а онъ оказывается такимъ понятливымъ ученикомъ, что я нахожу мое времяпрепровожденіе очень пріятнымъ. Надо думать, что его предокъ былъ однимъ изъ креатуръ короля Іакова,—посмотри у Маколэя, во второмъ томѣ. Мнѣ сдается, что въ мальчикѣ есть нѣсколько капель хорошей крови. У него манеры джентльмена—впрочемъ, я никогда еще не встрѣчала ирландца, какъ бы низко онъ ни стоялъ на ступеняхъ общественной лѣстницы, у котораго не было бы хорошихъ манеръ".

Такимъ образомъ случилось, что выпускная рѣчь Томми оказалась успѣшной и была напечатана въ обѣихъ газетахъ города, экземпляры которыхъ мать Томми свято сохранила и по сегодняшній день; я не сомнѣваюсь, что любопытный читатель найдетъ и завернутую въ нихъ пожелтѣвшую фотографію „класса 1870 года": восемь хорошенькихъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, между пятью торжественными юношами въ черномъ, съ Томми, первымъ по выпуску, въ центрѣ картины, въ новой суконной парѣ, съ розаномъ въ петлицѣ и волосами, выстриженными по этому случаю настоящимъ цирюльникомъ.

Эпизодъ по поводу голода дѣйствительно увлекъ аудиторію— и Томми разсказалъ его отлично, прекраснымъ голосомъ и съ настоящимъ ирландскимъ жаромъ.

Въ первомъ ряду партера плакали и смѣялись попеременно маленькій старичокъ въ залежавшемся старинномъ костюмѣ, плѣшивый, съ сѣдымъ ободкомъ волосъ подъ длиннымъ подбород-

комъ, и скромная маленькая женщина въ красной шали. Они съ глубочайшимъ интересомъ слѣдили за каждымъ эпизодомъ выпускного акта. Старичокъ съ усиленной энергіей апплодировалъ своими большими руками, всунутыми въ просторныя черныя перчатки. На немъ была надѣта пара тяжелыхъ сапогъ, и толстыя ихъ подошвы стучали по полу особенно внушительно.

— Не удивительно ли это, что такіе мальчики могутъ говорить такъ красно!—Погляди-ко, Молли, погляди, сколько цвѣтовъ поднесли этой крошкѣ! Считай букеты, считай!

— Четырнадцать букетовъ и одна корзина, — говоритъ маленькая женщина:—а Мэми Оденгеймэръ получила семнадцать букетовъ, двѣ корзины и одну надпись. Она была нѣсколько смущена, хотя и улыбалась. Ну, я знаю навѣрное, что Томми получитъ не менѣе семи букетовъ. И это не считая того, что̀ для него сдѣлаетъ Гарри Лоссингъ.

— Ну, я могу сосчитать четыре для него на одномъ мѣстѣ, —сказалъ старикъ, кивая головой на цвѣточную груду на колѣняхъ женщины

Гарри Лоссингъ, который сидѣлъ позади нихъ съ своей матерью и миссисъ Карнсвудъ, захихикалъ, услыхавъ это, и шепнулъ на ухо своей теткѣ:—Это мать и отецъ Томми. Боже, какъ они взволнованы! А Томми блѣденъ какъ полотно; онъ, знаете, боится ихъ разочаровать. Онъ два раза повторялъ мнѣ свою рѣчь сегодня; все боится, что позабудетъ. Она у меня въ карманѣ. Я пойду за сцену, когда придетъ его чередъ, чтобы подсказывать ему. Видѣли вы, какъ я ему мигалъ? Это—чтобы подбодрить его.

Онъ волновался почти точно такъ же, какъ и старики Фитцморисы относительно обилія цвѣточныхъ трофеевъ для Томми. Садъ Лоссинговъ былъ ощипанъ до послѣдняго бутона, и миссисъ Лоссингъ и Альма, миссисъ Карнсвудъ и Дерри, и Сюзи Лоссингъ цѣлый день дѣлали букеты, корзины и вѣнки, а Гарри размѣстилъ ихъ съ своими пріятелями въ различныхъ частяхъ партера. (Я сказалъ: Гарри, но когда миссисъ Карнсвудъ похвалила его за эту предусмотрительность, онъ признался, что самая идея принадлежала Томми.)

— Томми думалъ, что такимъ образомъ они произведутъ большее впечатлѣніе, — объяснилъ Гарри.

Но и Гарри не зналъ ничего о наиболѣе великолѣпномъ трофеѣ своего пріятеля, пока онъ не заколыхался величественно въ проходѣ надъ головами двухъ человѣкъ, его несшихъ. Бѣлыя шолковыя ленты развѣвались въ воздухѣ, блестѣла фольга—громадная подкова изъ розъ и резеды!

Родители чуть не свернули себѣ шеи, слѣдя за тріумфальнымъ шествіемъ подковы, подвигавшейся при громѣ аплодисментовъ.

— О! это вы, тетя Маргарита, я знаю, что это вы!—закричалъ Гарри.

Какъ только дипломы были розданы, онъ сейчасъ же проводилъ своихъ дамъ къ Фитцморисамъ, а затѣмъ къ нимъ присоединился и Томми въ сопровожденіи двухъ пріятелей, нагруженныхъ его трофеями. Миссисъ О'Халлоранъ и миссисъ Макъ-Киларней, и многіе другіе друзья, мужчины и женщины, тоже присоединились къ кружку, и Томми оказался всеобщимъ центромъ. Онъ пожалъ руки дамамъ, начиная съ миссисъ Карнсвудъ, расцѣловалъ свою мать и позволилъ расцѣловать себя миссисъ Макъ-Киларней и миссисъ О'Халлоранъ, пока его отецъ пожималъ руки мужчинамъ.

Вотъ та дама, которая помогла мнѣ сказать мою рѣчь, отецъ; вотъ та дама, которая послала мнѣ эту подкову, мать. Мнѣ очень пріятно представить вамъ моихъ отца и мать. Мистеръ и миссисъ Фитцморисъ, миссисъ Карнсвудъ.

И, говоря это, Томми, возбужденный и счастливый, представилъ своихъ счастливыхъ родителей.

— Горжусь вашимъ знакомствомъ, — сказалъ Фитцморисъ, раскланиваясь, пока его жена присѣдала и утирала слезы.

Они были очень благодарны, но они были болѣе благодарны за цвѣты, чѣмъ за наставленія ораторскому искусству. Они не сомнѣвались, что ихъ Томми отличился бы во всякомъ случаѣ, а эта великолѣпная подкова была совсѣмъ другое дѣло!

Прошло десять лѣтъ, прежде чѣмъ миссисъ Карнсвудъ опять увидѣла своего ученика. Въ теченіе этого времени городъ выросъ и разбогатѣлъ; то же случилось и съ артистической мебельной фабрикой Лоссинга. Это было послѣ того, какъ Гарри Лоссингъ разочаровалъ своего отца. Это не значитъ, что онъ какимъ-либо образомъ сбился съ прямого пути — онъ просто отказался быть четвертымъ Гарри Лоссингомъ въ спискахъ Гарвардскаго университета. Вмѣсто того, онъ предпочелъ заняться дѣлами, и началъ это тѣмъ, что основательно изучилъ мебельное ремесло. Онъ былъ такъ прилеженъ, взялся за работу съ такой энергіей, что первымъ новообращеннымъ въ пользу его плана оказался его отецъ; нѣтъ, виноватъ, миссисъ Карнсвудъ была первой; миссисъ Лоссингъ нечего было обращать, потому что она слѣпо вѣрила Гарри съ самаго начала. Но все это произошло задолго до пріѣзда миссисъ Карнсвудъ.

Другой странностью Гарри было его убѣжденіе въ необхо-

димости вмѣшательства въ дѣла города, штата и націи, также какъ и мануфактурной компаніи Лоссинга. Но хотя его отецъ и склоненъ былъ цинически посмѣиваться надъ политическимъ энтузіазмомъ своего сына, считая это свойство отвлекающимъ и потому нежелательнымъ аттрибутомъ для дѣлового человѣка,—тѣмъ не менѣе онъ втихомолку гордился имъ. Ему нравилось при случаѣ выставить на показъ ловкость Гарри на политическомъ поприщѣ.

— Вообрази себѣ, Маргарита,—сказалъ онъ: — кого нынче Гарри перетащилъ на нашу сторону! Самаго ловкаго политикана въ городѣ,—ты видѣла его, когда онъ былъ еще мальчикомъ,— Томми Фитцмориса.

Тогда миссисъ Карнсвудъ вспомнила,—и спросила, что изъ него вышло, и кàкъ онъ поживаетъ.

— Томми? О, онъ поступилъ въ университетъ штата; старикъ настоялъ на этомъ, далъ ему необходимыя средства, и сынъ оказался болѣе признательнымъ, чѣмъ обыкновенно бываютъ въ такихъ случаяхъ сыновья. Онъ кончилъ курсъ съ большимъ отличіемъ, и вернулся сюда, чтобы занять готовую, обширную практику адвоката. Конечно, онъ занялся уголовными дѣлами, и успѣлъ заработать на этомъ большія деньги, а между тѣмъ сдѣлался самымъ ловкимъ,—нѣкоторые говорятъ, самымъ беззастѣнчивымъ политическимъ воротилой во всемъ графствѣ. А теперь, Гарри, тебѣ, ты говоришь, удалось перетащить его на сторону партіи принциповъ, и онъ занимается подтасовкой первоначальныхъ собраній?

— Я не вижу ничего безчестнаго въ томъ, что мы стараемся, чтобъ наши единомышленники не остались безъ голоса, сэръ.

— Конечно, нѣтъ, но онъ, можетъ быть, не сможетъ на этомъ остановиться. Я и самъ желаю, чтобы Бэйлэй былъ выбранъ, и очень радъ, что Томми работаетъ съ нашей стороны; а какова будетъ его плата?

Гарри немного покраснѣлъ.

— Мнѣ сдается, что ему бы хотѣлось сдѣлаться городскимъ адвокатомъ, сэръ,—отвѣчалъ онъ, и старикъ засмѣялся.

— Развѣ онъ не годится для этой должности? — спросила миссисъ Карнсвудъ.

— Напротивъ, едва ли возможно найти лучшаго, — отвѣчалъ Гарри съ юношескимъ жаромъ. — Да, онъ политиканъ, и тому подобное, я знаю самъ; но въ немъ есть и очень много другого, кромѣ того. И знаете ли, сэръ, что онъ и его старикъ возьмутъ

на двадцать-пять тысячъ долларовъ акцій въ нашемъ дѣлѣ, если вы рѣшитесь обратить его въ корпорацію?

— А какъ насчетъ этого новаго акцизнаго положенія о патентахъ? Не закряхтитъ ли старикъ поэтому, а? — спросилъ мистеръ Лоссингъ-отецъ, покусывая свою сигару и очевидно думая о чемъ-то.

— Это нисколько не помѣшаетъ ему исполнить свою обязанность; я увѣренъ, что старикъ будетъ гордиться тѣмъ, что онъ первый подчинится закону. Вотъ увидите!

И черезъ полгода они дѣйствительно увидѣли это, потому что, почти исключительно благодаря работѣ Фитцмориса, кандидатъ реформы былъ выбранъ, и, какъ необходимое послѣдствіе, Томми оказался городскимъ адвокатомъ и, ко всеобщему удивленію его критиковъ, вышелъ лучшимъ дѣльцомъ этого рода изъ всѣхъ, какихъ городъ имѣлъ когда-либо прежде.

Миссисъ Карнсвудъ встрѣтила его какъ разъ въ теченіе этой политической кампаніи. Ея крестная дочь, дочь пріятельницы, которой она много лѣтъ тому назадъ описывала Томми въ письмѣ, была съ нею. На этотъ разъ миссисъ Карнсвудъ только-что прибавила Флориду къ числу своихъ климатическихъ разочарованій, и пріѣхала назадъ, какъ она выразилась въ своемъ разговорѣ съ миссисъ Лоссингъ, „съ чувствомъ удовлетворенія въ томъ, что она опять въ такомъ мѣстѣ, климатъ котораго настолько нехорошъ, что оно не можетъ имѣть въ этомъ отношеніи никакихъ претензій“.

Она привезла съ собой миссъ Ванъ-Гарлемъ, чтобы показать ей фабрику. Можетъ быть, она не была бы недовольна, еслибъ Гарри Лоссингъ заинтересовался молоденькой Маргаритой. Пока Гарри былъ на Востокѣ въ школѣ, она часто его видала, и онъ продолжалъ оставаться ея любимцемъ, а Маргарита была и хорошая, и красивая дѣвушка, да и располагала полумилліономъ долларовъ своего собственнаго приданаго. Онѣ были встрѣчены Гарри у подъѣзда, и онъ показывалъ имъ различныя зданія и мастерскія, когда вошелъ человѣкъ, фамильярно съ нимъ поздоровавшійся, и котораго Гарри представилъ миссисъ Карнсвудъ. Это былъ Томми Фитцморисъ, превратившійся въ очень красиваго молодого человѣка. Онъ щелкнулъ каблуками и сдѣлалъ дамамъ торжественный поклонъ.

— Очень радъ встрѣтить васъ; какъ вамъ нравится нашъ Западъ?—сказалъ Томми.

Его уши не торчали, какъ прежде, и были скрыты красивыми черными кудрями; у него былъ красивый носъ и подвижное, чисто

выбритое лицо. Его руки были бѣлы и нѣжны, и рукавчики такъ и сверкали ослѣпительной бѣлизной. Его черный сюртукъ былъ наглухо застегнутъ и обрисовывалъ его изящную талію. Онъ обмахнулся щегольскимъ шолковымъ платкомъ, и тонкая эссенція превосходныхъ духовъ распространилась посреди запаховъ дерева и скипидара. Брилліантовая булавка сверкала въ его галстухѣ. Сказать правду, онъ зналъ о визитѣ дамъ, и соотвѣтственно прифрантился.

„Онъ смотритъ на половину актеромъ, на половину пасторомъ, но прежде всего политиканомъ, — подумала миссисъ Карнсвудъ. — Я не думаю, что онъ мнѣ понравится такъ же, какъ бывало прежде". Пока она это думала, она склонила свою красивую шею въ его направленіи, и ея прекрасные черные глаза смотрѣли на него съ выраженіемъ теплаго интереса и удовольствія.

— Намъ нравится Западъ, но *мнѣ* лично онъ нравился уже десять лѣтъ тому назадъ; это не первое мое посѣщеніе,—сказала миссисъ Карнсвудъ.

— Я имѣю основаніе радоваться этому факту. Я никогда съ тѣхъ поръ не могъ сказать ничего подобнаго той рѣчи.

Онъ очевидно помнилъ ее; она засмѣялась.

— Я думала, что вы уже позабыли объ этомъ.

— Это было бы невозможно, потому что вы ничуть не перемѣнились.

— А вы сильно перемѣнились, — сказала миссисъ Карнсвудъ, недоумѣвая—не слѣдуетъ ли указать молодому человѣку его надлежащее мѣсто.

— Конечно. Но я все-таки не выучился еще, какъ именно слѣдуетъ говорить рѣчи.

— Но Гарри мнѣ передавалъ, что вы сдѣлались совершеннымъ ораторомъ.

— Очень ему благодаренъ. Нѣтъ, Гарри—прекрасный малый, но онъ ничего не понимаетъ въ этомъ. Я знаю, что мнѣ предстоитъ еще многому поучиться, и, по всей вѣроятности, многому разъучиться; я чувствую себя, такъ сказать, совсѣмъ не по себѣ, и даже не знаю, какъ взяться за дѣло. Мнѣ тысячу разъ хотѣлось побесѣдовать съ той дамой, которая учила меня говорить въ первый разъ.

Онъ шелъ рядомъ съ нею, говоря самымъ одушевленнымъ тономъ.

— Вы и представить себѣ не можете, какъ много разъ я бы отдалъ все на свѣтѣ за возможность видѣть васъ и говорить съ

вами; я всегда помнилъ каждое слово изъ всего того, что̀ вы мнѣ преподали.

Очевидно, тысячи вопросовъ были у него на языкѣ. И нѣкоторые изъ нихъ казались миссисъ Карнсвудъ очень интересными.

— Такая масса вещей мнѣ чужда и непонятна, — продолжалъ онъ. — Я началъ подозрѣвать это въ первый разъ, когда поступилъ въ высшую школу и меня стали приглашать въ домъ Гарри; это было мое первое знакомство съ культурнымъ обществомъ. Нельзя научиться умѣнью держать себя изъ книгъ; я научился этому у Гарри. То-есть, — и онъ покраснѣлъ и засмѣялся,—научился этому только отчасти. Я знаю, что многое еще остается мнѣ узнать. Затѣмъ, я поступилъ въ университетъ. Нѣкоторые юноши тамъ были изъ семей въ родѣ Гарри, и нѣкоторые изъ профессоровъ приглашали насъ къ себѣ на домъ; я видѣлъ гравюры и картины, и слышалъ разговоры культурныхъ людей. Все это только способствовало тому, что я убѣдился, что самъ-то я все еще чуждъ всему этому. То же самое я замѣчаю и теперь, въ моей адвокатской практикѣ. И между адвокатами есть кружокъ, который разсуждаетъ о чемъ-то высшемъ и смотритъ съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ на меня и мнѣ подобныхъ. Вы, конечно, знаете, слыхали толки о томъ, что въ нашей странѣ всѣ свободны и равны. Въ сущности же все это вздоръ, все это—самая вопіющая ложь. Всюду существуютъ кружки, одинъ выше другого—мелкія сошки и крупные жуки, если вы извините меня за такое выраженіе. И вы не можете вліять на этихъ крупныхъ, до тѣхъ поръ, пока сами до нихъ не поднимитесь. Нельзя успѣшно работать въ потемкахъ, на какомъ бы поприщѣ ни было. Эти высшіе люди иногда пускаются въ политику—и только въ ней мы оказываемся въ одинаковыхъ условіяхъ, только въ ней они не имѣютъ надъ нами преимуществъ. Въ политикѣ призъ достается самому остроумному, самому находчивому, самому твердому, тому, кто обладаетъ крѣпчайшими нервами и самообладаніемъ. Намъ толкуютъ о политикѣ машины! Тѣ нѣженки, которые не любятъ вставать рано по утру и мокнуть на дождѣ, они-то и шумятъ о подтасовкѣ и развращенности методовъ! Пусть они, вмѣсто того, чтобы задирать носъ, возьмутся за работу и очистятъ и эти методы, и эту подтасовку. Я для нихъ недостаточно хорошъ, и все-таки всякій разъ я ихъ побиваю. Они поднимаютъ ужасный гвалтъ въ газетахъ, но когда подходятъ выборы, они оказываются абсолютно-безсильными!

Разсуждая въ этомъ тонѣ, съ отступленіями по поводу машинъ, мебели и постановки дѣла, указывавшими на то, что онъ

внимательно слѣдилъ за своими двадцатью-пятью тысячами, онъ шелъ подлѣ нея. Съ миссъ Ванъ-Гарлемъ онъ едва сказалъ два слова. На самомъ дѣлѣ онъ сказалъ именно только два слова: „остерегитесь, миссъ!“ —когда ея шолковыя юбки оказались въ слишкомъ близкомъ сосѣдствѣ съ лаковымъ горшкомъ, и Томми, который былъ впереди и угадалъ опасность, быстро повернулся на каблукахъ и отклонилъ ее своимъ энергическимъ вмѣшательствомъ, а затѣмъ также быстро подхватилъ оборванную этимъ восклицаніемъ фразу.

Томми сказалъ Гарри, что миссъ Ванъ-Гарлемъ была прелестна, но слишкомъ горда. Затѣмъ онъ цѣлые полчаса распространялся объ умѣ миссисъ Карнсвудъ.

„Я склонна думать, что Томми успѣетъ въ свѣтѣ“ —такъ описывала на другой день миссисъ Карнсвудъ своей кузинѣ свою встрѣчу съ нимъ. „Какъ ты думаешь, что̀ онъ спросилъ меня на прощаньѣ?—Какъ,—сказалъ онъ,—можетъ мужчина, джентльменъ,—очень патетично было его недоумѣніе относительно этого послѣдняго слова—выразить свою благодарность дамѣ, которая оказала ему огромную услугу?—Молодой или старой?—спросила я—О, замужней женщинѣ,—сказалъ онъ,—которая пользуется всеобщимъ уваженіемъ, и была повсюду.—Не было ли это очень ловко съ его стороны? Я сказала ему, что мужчина обыкновенно посылаетъ цвѣты. Ты видѣла корзину, которую онъ прислалъ сегодня, очевидно не принимая въ соображеніе расходы. И, вообрази себѣ, въ ней была карточка, карточка съ золотымъ обрѣзомъ и его именемъ“.

— Это карточка его матери. У нея теперь есть визитныя карточки, и она разъ въ годъ дѣлаетъ визиты въ наемной коляскѣ. Бѣдная миссисъ Фитцморисъ, она всегда такая перепуганная, а какая она добрая душа! Томми чрезвычайно къ ней внимателенъ.

— А что̀ подѣлываетъ его отецъ? Все еще содержитъ „приличный“ салонъ?

— Да; но онъ собирается закрыть его. У нихъ есть состояніе, и Томми—ихъ единственное дѣтище; другіе всѣ умерли. Старику не хотѣлось бы оставлять дѣла, потому что онъ привыкъ къ работѣ и еще совсѣмъ не такъ старъ, чтобы жить безъ дѣла; но разъ онъ придетъ къ тому заключенію, что его занятіе мѣшаетъ карьерѣ Томми, онъ не задумается ни на минуту.

— Бѣдные люди!—сказала миссисъ Карнсвудъ.—Знаешь ли, Грэсъ, я могу предсказать будущность Томми. Онъ разбогатѣетъ, занимаясь чисткой вашихъ улицъ, которыя никогда поэтому не будутъ

отличаться чистотой, а также оттого, что ваша полиція и ваши пожарные будутъ стоить въ дѣйствительности гораздо меньше, чѣмъ вы на нихъ будете издерживать; съ теченіемъ времени, благодарная клика сдѣлаетъ его головою, или пошлетъ его въ легислатуру, даже въ конгрессъ, гдѣ онъ и будетъ превратно представлять интересы вашего честнаго штата. Онъ расцвѣтетъ въ свѣтскомъ смыслѣ слова, женится на порядочной женщинѣ и будетъ избѣгать стариковъ, которые имъ такъ гордятся.

— Увидимъ,—сказала миссисъ Лоссингъ.—Я лучшаго мнѣнія о Томми. И Гарри тоже.

Предсказаніе это частію исполнилось очень скоро. Два года спустя, достопочтенный Томасъ Фитцморисъ былъ выбранъ головою города и выбранъ партіей реформы за особыя заслуги и потому, что онъ былъ единственнымъ человѣкомъ этой партіи, у котораго былъ хоть какой-нибудь шансъ на успѣхъ. Гарри комментировалъ это событіе слѣдующимъ образомъ: Томми подсмѣивается надъ своими новыми принципами, но это только потому, что онъ не вполнѣ ихъ понимаетъ. Онъ смѣется надъ собственной идеей реформы; но онъ точно такъ же горячо берется за всякое конкретное, практическое улучшеніе, какъ я или кто-либо другой. И онъ добьется ихъ, вотъ увидите.

Скоро всѣ въ этомъ убѣдились, потому что Томми дѣйствительно даровалъ городу превосходную администрацію безъ фаворитизма. Нѣкоторые изъ простодушныхъ все еще липли къ нему; это были люди, — объяснялъ Гарри, — въ которыхъ тлѣла искра добра, и которымъ только и нуженъ былъ подходящій случай и серьезный вожакъ. Томми не уменьшилъ своего рвенія; напротивъ, по мѣрѣ того, какъ шло время, онъ мало-помалу отдѣлался отъ своей уголовной практики и занялся обширными гражданскими дѣлами, все больше и больше поднимаясь въ мнѣніи своихъ почитателей. „Томми—писалъ о немъ въ это время мистеръ Лоссингъ-отецъ—начинаетъ относиться серьезно и къ самому себѣ. Ему говорили такъ много разъ, что онъ—юный левъ реформы, что онъ начинаетъ вѣрить въ свое призваніе. Я еще не признаюсь въ этомъ Гарри, который вѣритъ въ него безусловно и подготовляетъ его кандидатуру въ конгрессъ. Что за бѣда? Именно такой вѣрой и можно двигать горы. Кромѣ того, Томми теперь богатъ—онъ самъ стоитъ по крайней мѣрѣ сто тысячъ долларовъ, а въ нашихъ мѣстахъ это богатство. Настало время и для него быть респектабельнымъ“.

Несмотря на эту подготовку, миссисъ Карнсвудъ (которая въ то время какъ разъ отдавала предпочтеніе Вашингтону въ ея

сомнѣніяхъ относительно различныхъ климатовъ) была очень удивлена однажды, получивъ безукоризненную визитную карточку, на которой было выгравировано: „Мистеръ Томасъ Саквиль Фитцморисъ, Членъ Конгресса".

Молодая дѣвушка, которая сидѣла съ ней въ комнатѣ, подняла свои блестящіе голубые глаза и полу-улыбнулась.

— Это тотъ смѣшной человѣкъ, котораго мы встрѣтили разъ у мистера Лоссинга? Пожалуйста примите его, тетя Маргарита,— сказала миссъ Ванъ-Гарлемъ.

Миссисъ Карнсвудъ пожала плечами и отдала соотвѣтственное приказаніе слугѣ.

Въ комнату вошелъ очень представительный человѣкъ, который подалъ ей свою руку съ тѣмъ безукоризненнымъ поклономъ, который она привыкла видѣть сорокъ разъ въ день. „Онъ, конечно, относится къ самому себѣ весьма серьезно,—мелькнуло у нея въ головѣ.—Онъ смотритъ совершенно точно такъ же, какъ и всѣ другіе!" И весь ея интересъ къ нему вдругъ потухъ, именно благодаря очевидной безукоризненности Томми. Но она такъ же быстро и перемѣнила свое мнѣніе—столь свойственная ея расѣ струя очарованія сейчасъ же проявила себя. Она рѣшила, что онъ —прелестный, оригинальный молодой человѣкъ, и не прошло десяти минутъ, какъ она уже бесѣдовала съ той же самой странной откровенностью, которая всегда характеризовала ихъ сношенія.

— Какъ безукоризненно вы смотрите! Конечно, постигли теперь все, что̀ нужно?

— А, вы помните и это? Какъ вы добры! Что̀ же именно заслуживаетъ ваше одобреніе,—мой костюмъ или мои манеры?

— И то, и другое. Они безукоризненны. Гдѣ вы позаимствовались всѣмъ этимъ, Томми? Я воспользуюсь привилегіею моего возраста и буду продолжать звать васъ такъ.

— Благодарю васъ. Платье? О, я спросилъ у Гарри, что̀ именно нужно, и онъ рекомендовалъ мнѣ портного. Я думаю, что и манеры мои я занялъ у него же.

— А ваши новые принципы?—она не могла удержаться отъ этого маленькаго укола.

— И въ этомъ отношеніи я обязанъ ему очень многимъ,— отвѣчалъ онъ серьезно.

Дни саркастическихъ насмѣшекъ и пустого политиканства прошли безслѣдно.

Томми говорилъ о реформѣ гражданской службы въ такомъ

тонѣ, котораго не устыдился бы самъ Гарри. Онъ былъ просто краснорѣчивъ.

— Тетя, да это замѣчательный молодой человѣкъ!—вскричала миссъ Ванъ-Гарлемъ.—Его честность и энтузіазмъ дѣйствуютъ освѣжительно въ этомъ пессимистическомъ городѣ. Я надѣюсь, что онъ посѣтитъ насъ опять. Замѣтили ли вы, какіе у него чудные глаза?

Прошло немного времени, и миссисъ Карнсвудъ стала принимать къ себѣ Фитцмориса не потому только, что отличалась природной добротой. Онъ пользовался извѣстностью, какъ выдающійся молодой человѣкъ. Его можно было встрѣтить во всѣхъ лучшихъ домахъ; въ то же время онъ умѣлъ работать, и оставилъ свои слѣды въ комитетахъ еще прежде, чѣмъ его знаменитая рѣчь въ конгрессѣ доставила ему широкую газетную славу, или его упорная и чрезвычайно искусная борьба противъ сильныхъ противниковъ вдохновила собой артиста „Puck'“а.

Томми принесъ эту каррикатуру къ миссисъ Карнсвудъ съ такимъ блескомъ глазъ, какого она не видала въ нихъ со времени достопамятнаго акта въ зданіи Большой Оперы. Онъ послалъ листокъ своей матери, которая клялась всѣми святыми, что „картина совсѣмъ, совсѣмъ непохожа на Томми: конечно, у него никогда не было такого краснаго носа“! А старикъ отправился въ свой бывшій салонъ и сидѣлъ тамъ, торжествуя, цѣлое утро и показывая пріятелямъ смѣшной портретъ Томми.

Около этого же времени миссисъ Карнсвудъ замѣтила нѣчто совершенно ее ошеломившее: Томми Фитцморисъ имѣлъ дерзость ухаживать за ея крестной дочерью, миссъ Ванъ-Гарлемъ. Но это еще не было самымъ худшимъ: были признаки, что миссъ Ванъ-Гарлемъ, отказавшая благороднымъ именамъ и титуламъ двухъ или трехъ континентальныхъ дворянъ, одному младшему сыну англійскаго герцога и цѣлой полудюжинѣ превосходныхъ американскихъ претендентовъ на ея руку,—миссъ Ванъ-Гарлемъ ничего не имѣла противъ этого молодого человѣка.

Въ тотъ день, какъ этому ужасному удару суждено было пасть на нее, миссисъ Карнсвудъ была въ своей уборной, мирно слѣдя за тѣмъ, какъ Дерри разбирала только-что полученный изъ Парижа ящикъ въ ожиданіи званаго обѣда. И миссъ Ванъ-Гарлемъ, въ очаровательномъ пеньюарѣ, сидѣла на кушеткѣ и восхищалась содержаніемъ ящика. На эту сцену женскаго мира и счастія внезапно снизошелъ разрушитель, въ формѣ записки отъ Томми Фитцмориса: ѣдутъ ли онѣ съ экскурсіей Витуновъ въ

Александрію [1])? Если да,—онъ сдвинетъ горы, чтобы отложить засѣданіе комитета и присоединиться къ нимъ. Кстати, ему предоставлена трибуна въ палатѣ на сегодняшнее послѣобѣда. Не пріѣдетъ ли миссисъ Карнсвудъ, чтобы вдохновить его? Можетъ быть, небольшая доза не покажется скучной и миссъ Ванъ-Гарлемъ?

Это была очень осторожно и тонко составленная записка; и, читая ее, миссисъ Карнсвудъ въ первый разъ поняла, какъ совершенно Томми обжился въ свѣтскомъ обществѣ. Она вспомнила его жалобы, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и его страхъ передъ „картинами" и „культурнымъ обществомъ"—и улыбнулась полупечально, передавая записку миссъ Ванъ-Гарлемъ.

— Это, вѣроятно, та экскурсія въ Александрію, о которой такъ много говорили Витуны вчера,—сказала она томно.—Они хотятъ показать этому молодому ирландцу, что и у насъ есть слабые намеки на античныя времена. Мы осмотримъ Александрію и насъ угостятъ настоящимъ вирджинскимъ стариннымъ обѣдомъ, включая знаменитую витунскую ветчину, шато д'икемъ 1869 года и священный портвейнъ 1847. Вѣроятно, они явятся за нами въ долгушѣ четверней.

— Почему вы всегда зовете мистера Фитцмориса Томми?—этотъ перерывъ воспослѣдовалъ изъ устъ слегка покраснѣвшей молодой дѣвушки.

— Всѣ зовутъ его Томми въ его городѣ, на родинѣ; такой популярный политиканъ, какъ онъ, естественно зовется Томми или Джерри, или Вилли. Его хлопаютъ по плечу, садятся на ручку его кресла, обнявши его за шею, и такимъ образомъ изобрѣтаютъ способы управлять нами.

— Я не думаю, чтобъ кто-нибудь хлопалъ мистера Фитцмориса по плечу или звалъ его Томми теперь,—сказала Маргарита, съ легкимъ проявленіемъ уязвленнаго достоинства.

— Да, я не думаю, чтобъ его бѣдные отецъ и мать пустились въ такія фамильярности; но я хотѣла бы, чтобъ ты ихъ могла увидѣть.

— Онъ говорилъ мнѣ о нихъ,—сказала Маргарита.

Испугъ миссисъ Карнсвудъ былъ такъ силенъ, что на минуту у нея занялся духъ. Неужели дѣло зашло такъ далеко, что уже были сдѣланы и такія признанія? Томми, значитъ, былъ очень увѣренъ въ себѣ, если осмѣлился на то; это, конечно, было

[1]) Александрія—небольшой городъ на южномъ берегу рѣки Потомака, въ штатѣ Вирджиніи, какъ разъ насупротивъ Вашингтона,—городъ, знаменитый по историческимъ воспоминаніямъ.

ловко, очень ловко—предупредить такимъ образомъ неизбѣжныя откровенія со стороны миссисъ Карнсвудъ.—О, Томми не даромъ былъ политиканомъ!

— Да и кромѣ того,—продолжала Маргарита, съ тѣмъ же тономъ оскорбленнаго чувства въ голосѣ,—его семья очень хорошая, хотя они и опустились въ послѣднее время: его предокъ былъ лордомъ Фитцморисомъ во времена короля Іакова.

„И она тоже относится къ нему серьезно!—подумала съ неизобразимымъ треволненіемъ миссисъ Карнсвудъ:—что я скажу ея матери?"

Можетъ показаться страннымъ, что съ ея точки зрѣнія, съ точки зрѣнія исключительно свѣтской женщины, самымъ главнымъ препятствіемъ оказывалось не неравенство такого союза. Она незамѣтно, вмѣстѣ съ остальнымъ вашингтонскимъ свѣтомъ, привыкла вѣрить въ безусловный успѣхъ Томми въ жизни; онъ будетъ губернаторомъ, сенаторомъ—можетъ быть всѣмъ, чѣмъ угодно. И онъ былъ теперь безукоризненно представителенъ; нѣтъ, это была бы сдѣлка очень выгодная, лучше которой ничего нельзя было желать; его родители были не совсѣмъ удобны, но они были стары и не могли особенно мозолить глаза.

Миссисъ Карнсвудъ, хотя и не была бы особенно обрадована, тѣмъ не менѣе и не сокрушалась бы такимъ союзомъ съ практической точки зрѣнія, но она съ сомнѣніемъ и страхомъ относилась къ тому, что она называла нравственной неустойчивостью Томми. Онъ, конечно, ратовалъ очень добросовѣстно за свои новые принципы; но въ чемъ же заключались доказательства его искренности въ этомъ отношеніи? Маргарита и ея мать были очень возвышенно настроенныя женщины. Дѣвушка, очевидно, увлекалась безстрашнымъ рыцаремъ ея партіи, ея политическихъ убѣжденій, храброй борьбой, а не тріумфами.—Простой баловень фортуны, какъ бы блестящъ и успѣшенъ онъ ни былъ, не могъ бы завоевать ее; еслибъ Томми оказался наемникомъ, не рыцаремъ, никакая слава въ мірѣ не могла бы вознаградить ее, какъ его жену.

Послѣ непріятной четверти часа, проведенной въ размышленіяхъ на эту тему, миссисъ Карнсвудъ поѣхала въ палату, рѣшившись увезти свою крестницу куда-нибудь подальше отъ грѣха. Она не отказалась и отъ приглашенія Витуновъ, нѣтъ; пусть западный конгрессмэнъ будетъ имѣть всяческую возможность показать свои свѣтскіе недостатки въ сравненіи съ Джэкомъ Тюрнеромъ, самымъ элегантнымъ офицеромъ всей арміи; она успѣетъ получить телеграмму и завтра же немедленно уѣхать. И все-таки, въ самомъ раз-

гарѣ этихъ плановъ, чтобы уничтожить Томми, ее вдругъ обуяла какая-то странная жалость и неопредѣленныя сомнѣнія. Увлекательныя свойства Томми дѣйствовали даже на профессіональныхъ критиковъ этого человѣка; онъ былъ такъ интересенъ, такъ любезенъ, такъ довѣрчивъ, такъ полезенъ, что ея холодное любопытство сначала—успѣло развиться въ очень теплую симпатію. Она почувствовала, что ея сердце сжалось, когда она увидала, какъ поднялась его красивая темная голова и когда первые же звуки его мощнаго, повелительнаго голоса заглушили собою обычный шорохъ и шопотъ палаты.

Это былъ день, когда онъ произнесъ свою знаменитую рѣчь,—рѣчь, которая упрочила его значеніе, какъ говорили всѣ.

Когда миссисъ Карнсвудъ откинулась назадъ и этимъ движеніемъ проявила инстинктивное стремленіе подавить невольную симпатію, она замѣтила подлѣ себя пожилую пару. На старикѣ были надѣты блестящій шолковый цилиндръ и блестящая новая черная пара платья. Его обширная манишка была безукоризненно чиста, но не блестѣла и морщилась мѣстами. На его морщинистомъ, красномъ лицѣ былъ только сѣдой ободокъ подъ подбородкомъ. На его носу были большіе золотые очки, и его челюсти неустанно работали.

Женщина—была маленькое, слабенькое, морщинистое созданіе съ безпокойными голубыми глазами и бѣлоснѣжными волосами, гладко причесанными за уши подъ дорогой шляпкой. Она была нарядно одѣта, но ея шолкъ и бархатъ были не по сезону. Еслибъ миссисъ Карнсвудъ ихъ увидала гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, то вѣроятно не узнала бы ихъ; но тутъ, съ Томми передъ ними, когда оба они были лихорадочно поглощены созерцаніемъ его одного, она мгновенно узнала ихъ. Ею овладѣло сожалѣніе, когда она замѣтила, какъ ихъ лица то блѣднѣли, то краснѣли. Съ первымъ взрывомъ апплодисментовъ она видѣла, какъ старый отецъ вложилъ свою руку въ руку старухи-матери. Они сидѣли за колонной; и какъ ни было велико ихъ возбужденіе, они ни разу не забылись до того, чтобы выдвинуться изъ-за нея, какъ изъ-за щита; миссисъ Карнсвудъ замѣтила и это. Когда Томми кончилъ, старушка утирала слезы. Старикъ присоединился къ грому рукоплесканій, которыя охватили галерею; но старушка потянула его за руку, очевидно, чувствуя, что имъ не совсѣмъ прилично было апплодировать. Она сидѣла неподвижно, съ краснымъ лицомъ и блестящими глазами, тогда какъ онъ шевелился все время отъ волненія, рукоплескалъ и посмѣивался восхищеннымъ голосомъ. За это онъ увелъ ее подъ конецъ, въ

то время, какъ ей такъ хотѣлось еще поглядѣть на ея Томми, принимавшаго внизу поздравленія.

„Бѣдные люди! — подумала миссисъ Карнсвудъ.—Я думаю, что они не дали ему знать о своемъ пріѣздѣ". И она вспомнила, какъ жалѣла ихъ много лѣтъ тому назадъ по поводу возможности подобнаго униженія. Но она не воспользовалась своимъ открытіемъ, и даже какой-то темный мотивъ воспрепятствовалъ ей сообщить о немъ миссъ Ванъ-Гарлемъ.

Узналъ ли Томми о пріѣздѣ родителей? Если да, то это было совершенно незамѣтно. На слѣдующее утро онъ явился вмѣстѣ съ другими, въ прелестной бѣлой фланелевой парѣ, шолковой рубашкѣ съ краснымъ шолковымъ поясомъ, смотря красивѣе всѣхъ остальныхъ мужчинъ общества. Онъ принялъ ихъ поздравленія очень скромно. Или онъ не умѣлъ быть надутымъ своимъ успѣхомъ, или онъ умѣлъ хорошо скрывать свои ощущенія.

Они осмотрѣли весь городъ очень добросовѣстно, чтобы вполнѣ удовлетворить любопытству почетнаго гостя, который оказался скромнымъ молодымъ человѣкомъ съ большимъ носомъ, длинной верхней губой и откровенными голубыми глазами. Онъ занялся дочерью министра, съ которою сидѣлъ рядомъ на переднемъ сидѣньѣ, а въ удѣлъ Томми выпали миссъ Ванъ-Гарлемъ и блаженство.

Старинныя улицы, покривившіяся крыши, обросшія мхомъ зданія, неровная мостовая—все это очень понравилось молодежи. Они весело шутили въ древней бальной залѣ, гдѣ когда-то Джорджъ Вашингтонъ приглашалъ одну изъ прабабушекъ Витуновъ на танецъ, и были очень сдержанны, когда прошли въ старую церковь.

Это и случилось въ церкви. Миссисъ Карнсвудъ была позади другихъ; она видѣла, какъ вошли они, маленькая старая пара, которую она видѣла въ палатѣ.

Въ алтарѣ Витунъ объяснялъ что-то—и подлѣ него блестѣла кудрявая темная голова, которую миссисъ Карневудъ такъ хорошо знала.

Миссисъ Карнсвудъ сидѣла на одномъ изъ высокихъ старинныхъ сидѣній. Сквозь широкую щель она могла видѣть ближайшее отдѣленіе, и въ немъ стояли они. Она слышала, какъ старикъ сказалъ:

— Молли, намъ нужно убираться отсюда. *Онъ* здѣсь съ своими важными друзьями. Мы не должны ему мѣшать.

Голосъ старушки былъ такъ похожъ на голосъ Томми, что миссисъ Карнсвудъ невольно вздрогнула. Она шептала съ невыразимой нѣжностью:

— Мнѣ только хочется посмотрѣть на него одну минутку, Патъ, только одну минутку. Я не видала его такъ давно!

— Не дольше моего!—возразилъ ея супругъ.—Ты помнишь, что̀ ты обѣщала мнѣ, старуха, когда я согласился ѣхать и взять тебя съ собой, безъ его вѣдома. Не смотри въ ту сторону! Намъ не слѣдъ смущать его нашей деревенщиной. Въ эту самую минуту онъ бесѣдуетъ, можетъ быть, съ самимъ президентомъ. Отступи назадъ и не узнавай его, старуха!

Не узнавать его—ей, его собственной матери!

Но она отступила и отвернула свое терпѣливое лицо. Тогда Томми увидалъ ее.

Кровь бросилась ему въ голову. Онъ ступилъ два шага впередъ и схватилъ маленькую фигурку въ свои объятія.

— Ахъ, мать!—вскричалъ онъ.—Мать, откуда вы явились?

И прежде чѣмъ миссисъ Карнсвудъ успѣла вымолвить слово, она увидала, какъ Томми отступилъ назадъ, подвелъ молодого Саквиля и вскричалъ:

— Это мой отецъ; онъ еще мальчикомъ зналъ вашу бабушку.

Онъ сдѣлалъ это такъ естественно; онъ несомнѣнно не былъ вовсе смущенъ, не чувствовалъ ни малѣйшей неловкости, такъ что все сразу пошло какъ по маслу. Даже дочь министра, у которой была бабушка изъ самаго скромнаго круга, проживавшая на задворкахъ, не могла смутиться.

Нужно отдать миссисъ Карнсвудъ справедливость, что и она внесла свою долю къ достиженію этихъ счастливыхъ результатовъ. Она подвинулась впередъ при первой возможности и заявила о своемъ знакомствѣ съ Фитцморисами. Разсказъ о ихъ первой встрѣчѣ и первомъ тріумфѣ Томми на поприщѣ ораторскаго искусства, само собой разумѣется, явился на сцену; знаменитая цвѣточная подкова была вспомянута, и Томми съ большимъ юморомъ описалъ свои страхи и ужасы на сценѣ. Отъ рѣчи до самаго ея эффектнаго пассажа былъ только одинъ шагъ; и точно также естественно перешли къ бабушкѣ Томми, къ ирландскому голоду и къ благодѣяніямъ лэди Саквиль.

Всѣ были заинтересованы, и самъ Саквиль вывелъ на сцену благородныхъ предковъ Фитцморисовъ, апокрифическихъ виконтовъ Фитцморисовъ временъ короля Іакова.

Онъ былъ совершенно серьезенъ.

— Моя бабушка говорила мнѣ о вашемъ пра-прадѣдѣ, лордѣ Фитцморисѣ; она видѣла его однажды на охотѣ, когда была совсѣмъ маленькой дѣвочкой. Говорятъ, онъ былъ самымъ смѣлымъ охотникомъ во всей Ирландіи и знаменитымъ дуэлистомъ въ то же

время. Король Іаковъ пожаловалъ титулъ его дѣду, не правда ли? И титулъ этотъ сохраняется въ преданіяхъ страны и по сю пору. Я очень радъ, что вы возстановили значеніе вашего семейства, мистеръ Фитцморисъ.

Дочь министра взглянула на Томми съ уваженіемъ, а миссъ Ванъ-Гарлемъ расцвѣла какъ ангелъ.

— Все погибло! — сказала самой себѣ миссисъ Карнсвудъ, и все-таки она улыбнулась. По дорогѣ домой, она сочла нужнымъ переговорить съ Томми.

Старинный вирджинскій обѣдъ былъ необыкновенно успѣшенъ. Фитцморисы, которыхъ Витуны затащили на этотъ банкетъ почти насильно, отнюдь никого не стѣснили. Патрикъ Фитцморисъ, несмотря на свой жаргонъ, былъ настоящій ирландскій джентльменъ. Онъ нѣсколько разошелся подъ конецъ, и разсказалъ два или три комическихъ анекдота, такъ же успѣшно, какъ, бывало, разсказывалъ ихъ совершенно въ другой компаніи—но такъ какъ ихъ букетъ былъ для этого общества совершенно свѣжъ, то оно наслаждалось ими нѣсколько больше. Миссисъ Фитцморисъ казалась испуганной и почти ничего не ѣла,—а когда ѣла, дѣлала это совершенно безукоризненно, держа вилку въ лѣвой рукѣ. Но и она подъ конецъ растаяла отъ вниманія миссъ Ванъ-Гарлемъ и такта кроткой миссисъ Витунъ, и милой прелести послѣдняго ея ребенка. Она прижимала этого херувима къ своему сердцу съ такой неизъяснимой нѣжностью, что его мать всегда впослѣдствіи вспоминала ее, какъ „восхитительную смѣшную маленькую старушку“.

Оба они (Патрикъ и его жена) отлично понимали свое положеніе, и никакія убѣжденія и просьбы не могли заставить ихъ не разстаться съ обществомъ у дверей гостинницы.

— Право, Томми, твоя мать и я, мы доберемся домой и одни, —шепталъ сыну честный Патрикъ:—мы не подгуляли, хоть вина и были превосходны. Я никогда не переходилъ предѣла, слава Господу Богу!

Но онъ обнимался съ Томми на прощаньѣ такъ нѣжно, что у миссисъ Карнсвудъ зародились извѣстныя сомнѣнія. Въ дѣйствительности, однако, гораздо болѣе вѣроятно, что его мозгъ былъ нѣсколько разгоряченъ не портвейномъ и шампанскимъ Витуна, а радостью и тріумфомъ по поводу всего происшедшаго.

То, что̀ миссисъ Карнсвудъ сообщила Томми по дорогѣ домой, хотя, повидимому, и не имѣло ничего общаго съ его родителями, въ дѣйствительности же было тѣсно связано именно съ ними. Она сказала:

— Не отобѣдаете ли вы съ нами завтра, en famille, Томасъ?

— Мнѣ, я думаю, слѣдовало бы признаться вамъ, что я нахожу вашъ домъ чрезвычайно опаснымъ парадизомъ, миссисъ Карнсвудъ,—сказалъ Томми.

— А я нахожу васъ очень опаснымъ ангеломъ, Томасъ, и все-таки, видите, я васъ приглашаю.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ Томми другимъ тономъ:—вы всегда были моимъ добрымъ ангеломъ. Чѣмъ я обязанъ вамъ и Гарри Лоссингу... однако, я просто не въ состояніи говорить объ этомъ. Но послушайте, миссисъ Карнсвудъ, вы всегда звали меня Томми, а теперь зовете Томасомъ—почему такая торжественность?

— Я думаю, что вы заслужили это повышеніе, Томасъ.

Онъ казался удивленнымъ и понравился ей еще болѣе тѣмъ, что не могъ понять, почему это въ его поведеніи сегодня было нѣчто особенное, заслужившее это повышеніе; и хотя она много разъ и послѣ этого звала его Томми, но все-таки она никогда не забыла этой заслуги. На самомъ дѣлѣ, и сама миссисъ Карнсвудъ начинаетъ относиться серьезно и къ достопочтенному Томасу Фитцморису, и къ его положенію на бѣломъ свѣтѣ.

VII.

Сердце щемитъ...

Разсказъ Грэсъ Кингъ.

Жизнь—тоже, что и сахарная плантація; обѣ полны разныхъ невзгодъ! Стараго сахарнаго плантатора слѣдуетъ извинить, если онъ прибѣгаетъ къ такой избитой, доморощенной метафорѣ. Было время, когда и онъ сравнивалъ жизнь со всѣмъ величайшимъ, таинственнымъ, невѣдомымъ, не хуже любого завзятаго литератора. Но, благодаря рѣкѣ, удобреніямъ, посѣвамъ, засухамъ, дождямъ, тарифу, государственной помощи, коммиссіонерамъ, трѣстамъ, китайцамъ, итальянцамъ, неграмъ, мастеровымъ, желѣзнымъ дорогамъ, пароходамъ, муламъ, культиваторамъ, старымъ долгамъ, которые нужно платить, и новымъ, которые необходимо заключать,—не только его образъ выраженія, но и его мысли такъ переплелись съ его обыденной жизнью, что даже его воображеніе перестаетъ функціонировать обычнымъ порядкомъ и начинаетъ слѣдовать ежедневной рутинѣ здраваго смысла.

И въ самомъ дѣлѣ, на сахарной плантаціи нѣтъ времени думать о чемъ-либо другомъ, кромѣ именно этой плантаціи. Тѣмъ

не менѣе, у жизни есть такія требованія, отъ которыхъ не отдѣлаешься, каковъ бы тамъ ни былъ урожай. Случаются рожденія, случаются смерти, и между этими крайностями, между этими предѣлами, случается—или нѣтъ, но должна случаться—любовь. Любовь! О ней ли, среди торопливыхъ приготовленій къ посѣву, думать разстроенному, утомленному плантатору!

Онъ прикрылъ глаза одной рукою отъ свѣта лампы, и, казалось, былъ погруженъ въ свою сигару, но, въ сущности, наблюдалъ исподтишка за своей дочерью.

Какой толкъ пытаться описывать извѣстное лицо? Какое дѣло публикѣ до цвѣта глазъ, до волосъ, до очертаній носа и рта? Во всякомъ случаѣ, все это такъ несущественно для отца, смотрящаго на свою единственную дочь! Было бы странно писать о томъ, еслибъ даже и можно было знать навѣрное, какъ представляется глазамъ отца его единственная дочь, и что̀ онъ при этомъ чувствуетъ. Особенно, если, какъ въ данномъ случаѣ, положеніе ихъ нѣсколько натянуто.

Не то чтобы дочь это чувствовала,—о, нѣтъ! Совсѣмъ не то! Она сидѣла близко къ лампѣ, занятая своимъ вышиваньемъ. Она была прекрасной молоденькой хозяйкой и прилежно мѣтила красными крестиками новыя полотенца. Свѣтъ лампы игралъ на ея волосахъ, и сами солнечные лучи не могли бы нѣжнѣе переливаться въ нихъ—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось отцу, исподтишка любовавшемуся ею. Когда она поднимала глаза, чтобы вдѣть новую нитку, при чемъ она неизмѣнно взглядывала на отца, ему казалось, что онъ не могъ замѣтить въ ея глазахъ ничего, кромѣ вниманія къ своей работѣ и любви къ нему самому.

Она говорила съ нимъ быстро и возбужденно, потому что она всегда такъ старалась занять его, и не могла не взволноваться сама.

— И вотъ, послѣ всѣхъ этихъ прелюдій,—заговорила дочь,—наконецъ появилась и главная новость: она сообщила мнѣ о своей помолвкѣ, — помолвкѣ только недѣлю тому назадъ. Я не могла воздержаться отъ восклицанія: „Какъ? Съ нимъ?“ И хотя она мой лучшій другъ, папа̀, я не могла не почувствовать нѣкотораго неудовольствія противъ нея. Къ счастію, я имѣла возможность скрыть это подъ личиной моего изумленія... Подумай только, папа, выйти замужъ—за него!

Казалось, что никакое изумленіе не могло бы скрыть презрительности ея тона.

— Но...

— О, папа! По обыкновенію, ты станешь защищать ея выборъ. Ты всегда защищаешь выборъ молоденькихъ дѣвушекъ.

— Но...

— Отдай себѣ только отчетъ, чтò же онъ такое? Ничтожность—ничтожность, которая изумила бы даже муравья. А его лѣта! Молодъ до безобразія!

— Но...

— О! я не говорю, что она стара. Она годомъ моложе меня, а ему,—ему всего двадцать-одинъ годъ отъ роду; выйти замужъ за мужчину—за ребенка, какъ я его называю, всего двадцати-одного года...

— Но...

— Что ужъ тутъ „но", папа! Дай мнѣ кончить, прежде чѣмъ ты начнешь уничтожать меня своими резонами! И къ тому, чтò же онъ такое? (О, какое уничиженіе звучало въ ея голосѣ!) Адвокатъ!

— Но...

— О, у него есть надежды; я согласна съ этимъ; его отецъ —членъ верховнаго суда. Но, папа, выйти замужъ за адвоката, признайся самъ...

— Но...

— О, я не отрицаю, что у меня не было тѣхъ же возраженій въ прошломъ году, когда Тереза вышла за ея маленькаго доктора. Выйти замужъ за доктора! Великій Боже!

— Но...

— Онъ былъ старше, да—чѣмъ этотъ экземпляръ, за котораго выходитъ Мэри,—но такой пошлый! Такой же пошлый, какъ хлѣбъ насущный. И помнишь ли, какъ крѣпко онъ стискивалъ руку, когда здоровался? Просто ужасно. Съ тѣхъ поръ я перестала любить Терезу.

— Но...

— Пожалуйста, папа, не разыгрывай невинность и не спрашивай у меня резоновъ. Когда что-нибудь въ этомъ родѣ приключается, дѣло сдѣлано, и я не вижу, почему какіе-либо резоны могутъ пособить ему. Резоны—только увертки, вотъ и все. Какъ будто мнѣ нужны были какіе-нибудь резоны, чтобы разлюбить Терезу! Я даже не думаю теперь, чтобы я когда-либо серьезно ее любила.

— Но...

— Какъ могла я знать, пока мы были въ школѣ, за кого она выйдетъ замужъ? Мы такъ сошлись во всемъ остальномъ, что я думала, что мы сойдемся и въ этомъ. Вотъ хоть бы Жо-

зефина. Въ школѣ я ни съ кѣмъ такъ не любила болтать, какъ съ Жозефиной. Какъ и я, и она всегда выбирала Ричарда Львиное-Сердце, затѣмъ Годфрида Бульонскаго, затѣмъ Барда, Дю-Гесклена, Саладина, и все въ этомъ родѣ. И мы совершенно были согласны въ томъ, что нельзя любить Цинцинната, Брута, Альфреда Великаго, Джорджа Вашингтона.

— Но...

— О, папа! Не думаешь же ты, въ самомъ дѣлѣ, что дѣвушка можетъ полюбить Вашингтона? То-есть, послѣ того, какъ онъ сдѣлался Джорджемъ Вашингтономъ? Нѣтъ! Послѣ всякаго урока американской исторіи, мы всегда толковали съ Жозефиной и послѣ того, какъ ложились спать, подъ страхомъ, что насъ поймаютъ,—о томъ, какъ мы его ненавидѣли и какъ мы рады, что намъ никакъ не придется быть его женой. Подумай только, папа, на что онъ похожъ! И, конечно, онъ былъ совсѣмъ деревянный. Еслибъ мнѣ пришлось быть покойной миссисъ Вашингтонъ, мнѣ бы всегда хотѣлось убѣжать и спрятаться куда-нибудь за дверь отъ него. О! тоже самое, что выйти замужъ за учителя ариѳметики... къ чему было-стремилась Жозефина! Да, ее только поэтому и взяли домой, прежде чѣмъ она кончила курсъ. Послѣ того, что она любила Ричарда Львиное-Сердце, вдругъ взбредетъ же въ голову выйти замужъ за учителя ариѳметики!

— Но...

— О, онъ былъ женатъ, когда она поступила въ школу, но его жена умерла, и, конечно, они не могли уволить его немедленно. Только онъ не смотрѣлъ Джорджемъ Вашингтономъ, а скорѣе святымъ Франсуа Ксавье́; но у него было шестеро дѣтей...

— Но...

— Мнѣ всегда казалось очень страннымъ, что молодая дѣвушка рождается со всѣми этими идеями. О, эти идеи, конечно, врождены! Откуда бы имъ взяться иначе? Насъ воспитываютъ съ такой осторожностью: никогда ни одной запрещенной книги, никогда ни одной сомнительной подруги, даже ни одного развлеченія, которое не получило приза невинности... И куда дѣваются эти идеи? Вдругъ онѣ насъ оставляютъ, улетучиваются куда-то, и мы выходимъ замужъ Богъ знаетъ за кого! Только не я, папа, я вамъ обѣщаю. Мои идеи, онѣ у меня здѣсь,—и она указала на сердце.—Нѣтъ! храбрость, героизмъ, мужество, несокрушимая сила духа, твердость, рыцарство—они все еще существуютъ для меня! А ваши доктора, ваши адвокаты, ваши учителя, ваши приказчики, ваши...

— Но...

— Да, папа, я утверждаю, въ нихъ нѣтъ ничего! Почемъ вы знаете? Вы вѣдь не женщина! Для васъ это не вопросъ о... О, нѣтъ! Вы совсѣмъ не понимаете этого вопроса.

— Но...

— Одинъ Всевышній, кромѣ женщины, понимаетъ это. Поэтому-то даже самыя дурныя изъ нихъ не отрицаютъ Бога. Онѣ знаютъ своимъ сердцемъ, что разъ онѣ сами существуютъ, Онъ долженъ существовать.

— Но...

— О, ты знаешь, что я разсчитываю только на то, что̀ женщины знаютъ своимъ сердцемъ, а то, что̀ онѣ знаютъ головой, я не ставлю ни во что. То, что̀ онѣ знаютъ сердцемъ, это натуральный сокъ въ тростникѣ, сокъ живой, ростущій; то, что̀ онѣ знаютъ головой, это—сокъ выжатый, обработанный паромъ, очищенный тройнымъ процессомъ, и да, именно это—передѣланный, поддѣланный, испорченный сахаръ, и переданный въ руки этихъ разбойниковъ трёста.

— Но...

— О, да! Они, конечно, разбойники. Когда я только подумаю обо всемъ этомъ!.. И нынче это будетъ то же, что̀ и въ прошломъ году, и въ будущемъ году, какъ нынче... и..

— Но...

— Нѣтъ! У меня не осталось никакой надежды! Никакой! О, еслибъ то, что̀ я думаю, могло уничтожить враговъ сахара, они бы давно были уничтожены, могу тебя завѣрить! О чемъ же иномъ я думаю весь день и всю ночь, какъ ты полагаешь? О, да, всю ночь, пока ты спишь и храпишь, да, хоть ты и не сознаешься въ этомъ... Иногда, ночью, среди этихъ думъ, я чувствую себя Шарлоттой Кордé...

— Но...

— Нѣтъ! Она—героиня не въ моемъ вкусѣ, но я такъ хорошо ее понимаю! Когда послѣдній предѣлъ достигнутъ, и женщина не знаетъ, что̀ ей дѣлать, тогда-то она и начнетъ сознавать, что она должна предпринять что-нибудь.

— Но...

— Я не знаю, папа, что̀ бы ты назвалъ послѣднимъ предѣломъ... На самомъ дѣлѣ, я и сама не знаю, что̀ это такое. Какъ будто каждый годъ появляется новый крайній предѣлъ, хуже, чѣмъ предъидущій...

— Но...

— Въ прошломъ году мы уложили все въ новыя машины, а ныньче, такъ какъ субсидія уничтожена...

— Но...

— О, они ее уничтожатъ, будь покоенъ! Они, въ Вашингтонѣ, терпѣть насъ не могутъ... Законодательство! О, Богъ мой! Они, тамъ въ Вашингтонѣ, умѣютъ помогать тѣмъ, кого они любятъ...

— Но...

— Не говори мнѣ, что я не читаю газетъ. Я ихъ читаю каждый день. Я слишкомъ много ихъ читаю. Достаточно читать только газеты, чтобы сдѣлаться революціонеромъ, такъ какъ рѣшительно все должно бы идти совершенно иначе...

— Но...

— О, папа, ты плохой судья! Ты принимаешь въ соображеніе только свой собственный опытъ. У тебя ныньче хорошій урожай. Ты можешь перерабатывать свой тростникъ. Твоя плантація по сю сторону рѣки... Что касается меня, я должна судить по опыту другихъ. Мой собственный опытъ—что это такое? Домашнія дрязги, слуги...

— Но...

— Если ты будешь утверждать, что люди должны руководствоваться своимъ собственнымъ опытомъ, о, папа, это будетъ слишкомъ эгоистично! Въ такомъ случаѣ всякій былъ бы въ такомъ же, какъ ты, положеніи, имѣлъ бы хорошій урожай, могъ бы его перерабатывать—былъ бы по сю сторону рѣки... А вмѣсто этого... Что касается меня... Я могу жить только съ несчастными, только по ту сторону рѣки. Я не вижу ничего, кромѣ того, что происходитъ тамъ: эти прорванныя плотины; эти уничтоженныя поля; эти разрушенныя дороги; эти упавшія хижины; пошатнувшійся амбаръ; прелестный садъ, посаженный прабабушкой, въ запустѣніи; чудный старинный домъ съ слѣдами рѣчныхъ волнъ... А потомъ... закладная, огромные долги... и вся работа, работа жизни...

— Но...

— О, папа, ты самъ говорилъ, что вести эту плантацію была такая работа, такая... О, я никогда не забуду этой ночи! Плотина должна податься, плотина должна податься, говорилъ всякій... По сю или по ту сторону рѣки, но она подастся... И этотъ патруль, ѣздившій взадъ и впередъ... Эти факелы, мерцавшіе между огнями... и всякій плантаторъ со всѣми рабочими... А! мы работали въ эту ночь—какъ будто на противоположной сторонѣ рѣки были наши злѣйшіе непріятели! Каждая лопата земли,

укрѣплявшая насъ, грозила имъ. А я, я молилась и дѣлала обѣты, если будетъ пощажена наша сторона, эта сторона, и я посылала горячій кофе, чтобы подкрѣплять всѣхъ васъ, работавшихъ впереди... И я слѣдила за огнями и факелами на той сторонѣ... Вдругъ всѣ они сразу потухли... потомъ какъ будто разбѣжались... ревъ рѣки... вотъ исчезъ самый большой огонь! О, силы небесныя! Плотину прорвало на той сторонѣ... какъ разъ напротивъ насъ... на плантаціи *его*... О, Боже! Еслибъ это только выпало на нашу долю... О, папа! Оставь меня! Что я сказала? Я ничего не сказала... Папа, оставь меня! Уйди! Я ничего не сказала... Я ничего не сказала! Дай выплакаться, папа! Слезы ничего не значатъ! О, папа, папа!

И она бросилась въ его объятія, пряча свое лицо на его груди.

Примѣчаніе переводчика.—Разсказъ миссъ Грэсъ Кингъ, одной изъ самыхъ талантливыхъ молодыхъ американскихъ писательницъ, переноситъ читателя на берега нижней Миссисипи, близъ города Нью-Орлеансъ, въ штатъ Луизіану, съ ея замѣчательно сохранившимися старинными французскими нравами и обычаями и единственными въ мірѣ сахарными плантаціями. Долина рѣки, съ чрезвычайно богатой почвой, по обѣ стороны лежитъ многія мили на нѣсколько десятковъ футовъ ниже русла, сдерживаемаго въ искусственныхъ берегахъ громадными плотинами, иногда прорываемыми напоромъ весенняго разлива, несмотря на правительственную помощь и всѣ усилія жителей.

VIII.

Ихъ признанія.

Разсказъ Джорджа Хиввärда.

Они сидѣли передъ каминомъ, отблескъ котораго освѣщалъ ихъ лица, тогда какъ вся комната была погружена во мракъ. Остальные члены общества еще не вернулись, и нечего было торопиться одѣваться къ обѣду, пока всѣ не соберутся. Поэтому они сидѣли неподвижно въ ясныхъ осеннихъ сумеркахъ и смотрѣли на пылавшія съ трескомъ дрова. Оба чувствовали, что это были такіе моменты, какихъ они никогда не переживали прежде, и которые никогда не повторятся; зная взаимныя чувства другъ

друга, они довольствовались тѣмъ, что, не говоря ни слова, наслаждались этими моментами.

Во время лёнча, когда обсуждались планы насчетъ того, какимъ образомъ провести время послѣ обѣда, они рѣшили остаться дома, смѣло объявивъ, что желаютъ сдѣлать прогулку, а къ этому времени они уже успѣли завоевать себѣ исключительное положеніе: достигли того, что, когда они сидѣли вдвоемъ въ комнатѣ, никто бы не подумалъ войти къ нимъ, если возникалъ вопросъ о томъ, какъ размѣститься въ коляскѣ, никто не помышлялъ о томъ, чтобы разлучить ихъ, никто и не задавался по этому поводу никакими вопросами. Они пробродили, часъ или два, безъ всякой опредѣленной цѣли, по желтѣвшей, красивой окрестности. Какъ разъ передъ тѣмъ, какъ они вышли изъ лѣсу на открытую поляну, нѣчто было спрошено и нѣчто было отвѣчено. Теперь все это было порѣшено, и они молчали, нѣсколько устрашенные могучими порывами чувства, унесшаго ихъ такъ далеко отъ повседневной дѣйствительности и только-что начинавшаго слабѣть и возвращать ихъ къ сознанію окружающаго.

Огонь въ каминѣ перестал пылать и горѣлъ ровнымъ огнемъ. Въ домѣ царствовала тишина, и такъ какъ было еще довольно свѣтло, то и не предстояло опасности, что прислуга съ лампами ихъ потревожитъ.

Ея рука лежала на ручкѣ кресла; онъ взялъ ее въ свою, и, какъ бы пробужденная этимъ внезапнымъ прикосновеніемъ, она быстро подняла глаза.

— Это кажется невозможнымъ, не правда ли?—сказала она.

— Что̀ именно?—спросилъ онъ.

— То, что... что мы наконецъ поняли другъ друга. Еще нѣсколько дней тому назадъ я и сама ничего не знала, а затѣмъ, когда я безвозвратно постигла... тогда... тогда мнѣ казалось, что вы никогда, ни за что не узнаете. Мнѣ казалось, что я скорѣе умру, чѣмъ сознаюсь вамъ, и все-таки...—она остановилась съ короткимъ нервнымъ смѣхомъ:—я не сомнѣваюсь, что вы знали все время, можетъ быть, даже раньше, чѣмъ я и сама это узнала.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ совершенно серьезно.—Я не думаю, чтобъ я подозрѣвалъ что-либо. Я просто надѣялся. Я знаю, что я былъ возбужденъ, и сомнѣвался, и боялся все время.

— Я такъ рада,—сказала она.—Но теперь вы знаете немножко.

Это не былъ вопросъ, и она говорила какъ бы самой себѣ.

— Я знаю, что я очень счастливъ.

— Да,—сказала она нѣжно.

— А вы, счастливы ли вы, хоть немножко?—спросилъ онъ.

— Счастливѣе, — отвѣчала она, — чѣмъ я когда-либо могла себѣ представить то,—и такимъ счастьемъ, о существованіи котораго я и не подозрѣвала—полнымъ, конечнымъ счастьемъ, котораго я будто бы всегда ожидала, и наконецъ нашла; а въ то же время кажется невозможнымъ, чтобъ я всегда ждала именно *этого*, потому что я знаю васъ только одну-двѣ недѣли.

— Я ожидалъ васъ всю мою жизнь,—отвѣтилъ онъ твердо.

— Это очень странно,—сказала она:—въ сущности, я ничего о васъ не знаю.

— Вы знаете мою сестру и были у нея разъ въ гостяхъ однажды, какъ вы говорите, когда меня не было дома. Вы знаете все относительно моей семьи и моего положенія.

— Я замѣтила это совсѣмъ не въ этомъ смыслѣ. И я бы желала, чтобъ все это было нѣсколько не такъ. Я бы желала, чтобъ вы были совсѣмъ не такимъ состоятельнымъ человѣкомъ. Кажется, что то, что я люблю васъ, такъ понятно. Нѣтъ, я не то хотѣла сказать. Я хотѣла выразить, что я совсѣмъ не знаю васъ, васъ самихъ.—Она взглянула на него, чтобы показать, что она только шутитъ.—Какой вы человѣкъ—хорошій?

— Очень,—отвѣчалъ онъ, смѣясь.—Я совершенство во всѣхъ отношеніяхъ, и меня нерѣдко ставятъ въ примѣръ молодежи.

— Я спрашиваю это очень серьезно,—сказала она, улыбаясь, чтобы показать ему, что это не шутка.

— И я отвѣчаю вамъ серьезно, — отвѣчалъ онъ. — Однако, нѣтъ, это не совсѣмъ такъ.—И онъ продолжалъ инымъ, болѣе серьезнымъ тономъ.—Я въ самомъ дѣлѣ не воображаю, что я лучше другихъ, но въ то же время я не думаю, что я хуже. Меня не мучаетъ по ночамъ безсонница отъ угрызеній совѣсти, и мои дни не проходятъ исключительно въ сожалѣніяхъ за прошлое. Конечно, случается, что иногда ощущаешь и то, и другое, и если сѣсть и добросовѣстно заняться анализомъ самого себя,—нѣтъ сомнѣнія, что найдутся такія вещи, которыя... Теперь я, вѣроятно, поступилъ бы иначе.

— Понимаю,—сказала она.—Не то чтобъ я была особенно любопытна, но мнѣ пришло это на мысль. Видите ли, будучи согласны относительно нашего будущаго, мы въ то же время беремъ и прошлое другъ друга, а это очень важно.

— Для меня чрезвычайно важно, — сказалъ онъ, — что вы ввѣряете мнѣ ваше будущее; а если вы отдаете мнѣ и ваше прошлое, то, что̀ я получаю, дѣлается гораздо болѣе цѣннымъ для меня. Но,—прибавилъ онъ со смѣхомъ:—въ самомъ ли дѣлѣ это

прошлое такъ значительно? Такъ какъ вы мнѣ его отдаете, я бы желалъ узнать, въ чемъ оно заключается?

— Оно не отличается разнообразіемъ или выдающимися приключеніями,—сказала она.—То же самое, что и прошлое всѣхъ тѣхъ дѣвушекъ, которыхъ я знаю; но я жила въ свѣтѣ и встрѣчала людей, и я думаю, что они вліяли на меня, также какъ и я вліяла на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Это всегда что-нибудь да значитъ... Ужасно, какъ мало мы можемъ знать другъ о другѣ!.. Въ вашей жизни, конечно, много такого, чего я совсѣмъ не знаю и чего я никогда не узнаю, и это меня немножко безпокоитъ.

И она вздохнула, взглянувъ на него съ любовью.

— Я не думаю, чтобы въ моей жизни было что-нибудь особенное,—сказалъ онъ очень серьезно.—Конечно, очень мало такого, чего бы я не желалъ, чтобъ знали и вы.

— Вотъ именно,—сказала она:—очень мало, но въ этомъ случаѣ и очень малое имѣетъ огромное значеніе. Я хочу знать васъ цѣликомъ, всего человѣка.

— Конечно, случается, когда человѣкъ очень молодъ, неопытенъ, когда онъ только-что вырвется на свободу...

— Я не это имѣю въ виду,—перебила она.—Конечно, я и знаю, и не знаю того, что̀ вы подразумѣваете. Я ревную—да, я ревную къ тѣмъ особеннымъ случаямъ, въ которыхъ я не принимала участія, и которые, тѣмъ не менѣе, способствовали такъ много тому, что вы сдѣлались именно тѣмъ, что̀ вы есть.

— Если вы довольны результато̀мъ,—сказалъ онъ:—а я настолько тщеславенъ, что думаю, что̀ вы имъ довольны,—онъ пріостановился, потому что она пожала его руку и взглянула на него съ восхищеніемъ:—зачѣмъ вы безпокоитесь о произведшихъ его причинахъ?

— Потому что такъ унизительно думать, что мнѣ приходится брать то, что̀ какая-нибудь другая женщина оставила для меня. Развѣ вы не понимаете? Не было бы вамъ ужасно больно думать, что у меня были встрѣчи съ другими мужчинами, которые оставили слѣды въ моей душѣ?

— Да,—отвѣчалъ онъ, не задумываясь:—но вѣдь женщина совсѣмъ другое дѣло.

— Всѣ твердятъ это,—вскричала она:—женщина совсѣмъ другое дѣло! Но почему же? Мужчина требуетъ, чтобъ сердце дѣвушки было чистой страницей, тогда какъ его собственное все испещрено какъ пропускная бумага—покрыто бо̀льшимъ числомъ именъ, чѣмъ отельный реестръ или скамейка, на которой „путешествующая публика“ любуется „видами“!

— Оно, дѣйствительно, не совсѣмъ справедливо, — согласился онъ.

— Но это такъ; и вы знаете, что это такъ, — настаивала она. — Вы можете сдѣлать все, что̀ вамъ угодно, смотрѣть все на свѣтѣ, быть чѣмъ вамъ заблагоразсудится — а мы можемъ быть только самими собой и ждать. Насъ зовутъ „бутонами", когда мы выѣзжаемъ въ первый разъ; со временемъ, я полагаю, мы распускаемся и дѣлаемся цвѣткомъ; но мы всегда должны ждать, качаясь на вѣткѣ или колыхаясь на стебелькѣ, надѣясь, что вы наконецъ придете и сорвете насъ. Если кто-нибудь дотронется до насъ прежде васъ, мы или совсѣмъ утрачиваемъ всякую для васъ прелесть, или, во всякомъ случаѣ, дѣлаемся далеко не такъ интересными. Нѣтъ, вы должны собственной рукой сорвать насъ со стебелька, иначе вы не можете быть довольны.

— О, однако! — сказалъ онъ: — вѣдь и вы, конечно, не разъ флиртовали...

— Да, совсѣмъ поверхностно, такъ же безсодержательно, какъ игра ребенка съ куклой; но вы знаете, что съ вами это было не такъ. Ну, признавайтесь.

— Я не думаю, что даже я, со всѣми моими прерогативами мужчины, какъ вы ихъ описываете, уклонялся далеко отъ прямого пути...

— Не говорите того, что̀ вы хотите сказать! — остановила она его, поднявъ руку. — Развѣ вы не видите, что хотя это и не повредило вамъ, но оно повредитъ мнѣ? О, я не жалуюсь; но мы просимъ такъ мало, тогда какъ вы просите такъ много. Правду сказала на дняхъ одна изъ самыхъ прелестныхъ, самыхъ остроумныхъ дѣвушекъ, которыхъ я когда-либо встрѣчала — я не скажу вамъ ея имени, потому что это можетъ ей не понравиться — но она сказала: „Женщина всегда хочетъ быть послѣдней, а мужчина — первымъ". Мнѣ, право, не интересно знать, по скольkимъ вы вздыхали — потому что, до извѣстной степени, это косвенный комплиментъ мнѣ, что вы выбрали именно меня подъ конецъ; но мужчины не относятся къ этому такимъ образомъ, и это несправедливо — это несправедливо.

— Но, право же, я никому никогда не повредилъ, — продолжалъ онъ задумчиво. — Я, можетъ быть, былъ очень близокъ къ этому однажды.

— Да? — сказала она, какъ бы вопросительно.

— Но даже и въ этомъ не было рѣшительно ничего.

— А что̀ это было такое? — спросила она.

— О,—сказалъ онъ, покраснѣвъ слегка:—это не такой эпизодъ, который мужчина можетъ разсказать.

— Но мнѣ!—просила она:—вѣдь это не одно и то же. Я никогда не узнаю, кто это былъ. Къ тому же, я хочу васъ всего, и все, что̀ вы мнѣ скажете о вашемъ прошломъ, прибавить именно столько же къ этому обладанію вами. Разскажите мнѣ сейчасъ же. Что̀ вы сдѣлали—разбили сердце какого-нибудь бѣднаго созданія?

— Далеко не то—право же, ничего подобнаго...

— Я должна знать,—настаивала она.—Мы должны знать все относительно одинъ другого, и между нами не должно быть никакихъ тайнъ.

— Очень хорошо,—сказалъ онъ.—Я начну мою исповѣдь, если вы обѣщаете дать мнѣ отпущеніе грѣховъ. Да и, въ сущности, не было ничего особеннаго,—только то, что̀ случается съ каждымъ мужчиной. И все-таки, я не забылъ этого,—и, какъ вы говорите, я думаю, что оно повліяло на меня до извѣстной степени и сдѣлало меня болѣе осторожнымъ впослѣдствіи, и—и я самъ думаю, что, собственно говоря, мнѣ слѣдуетъ разсказать вамъ это.

Она кивнула головой, и, глядя на огонь, приготовилась слушать.

— Оно не особенно важно и не очень длинно,—продолжалъ онъ.—Видите, мужчина не всегда знаетъ, что дѣвушка не окажется послѣ суженой, потому что, знаете, суженая еще не появилась на сцену, и онъ не знаетъ, какимъ всеобъемлющимъ, быстрымъ, захватывающимъ окажется дѣйствительное чувство и какъ оно его оглушитъ, когда суженая появится на самомъ дѣлѣ. И поэтому, пока вы этого не знаете, все, кажется вамъ, идетъ какъ слѣдуетъ. Да и наконецъ, бываютъ такіе случаи, когда чувство очевидно ожидается отъ человѣка, такъ что вы оказались бы деревомъ, еслибъ не откликнулись на требованія извѣстнаго положенія. Вы не въ правѣ предполагать, что женщина непремѣнно заинтересуется вами.—Онъ остановился на минуту.—Знаете, что̀ я сдѣлаю: я не разскажу вамъ того, что̀ случилось со мною, потому что, если я это разскажу, вы, можетъ быть, догадаетесь, кто это былъ; зато я разскажу вамъ, что̀ случилось съ другимъ мужчиной, и тогда вы можете судить. Случай совершенно обыденный и типичный, и, въ сущности, аналогиченъ съ моимъ собственнымъ. Кромѣ того, о такихъ вещахъ гораздо удобнѣе говорить въ третьемъ лицѣ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказала она:—я должна буду понимать васъ въ томъ смыслѣ, что вы разсказываете нѣчто, имѣющее

характеръ общей истины, и что ваша исповѣдь имѣетъ широкое значеніе — значеніе того, чтò всякій мужчина въ вашемъ положеніи имѣлъ бы сказать дѣвушкѣ въ моемъ?

— Въ извѣстномъ смыслѣ, да; я думаю, что всякій мужчина имѣлъ что-нибудь подобное въ своей жизни, хотя настоящій случай настолько незначителенъ, что то внушительное опредѣленіе, которое вы ему придали, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ сущности дѣла.

— Я очень рада, что вы высказались по этому поводу, — сказала она.—Можетъ быть, потомъ и я скажу вамъ, чтò всякая дѣвушка, поставленная въ мое положеніе, имѣетъ сказать мужчинѣ въ вашемъ положеніи.

— Но...—началъ онъ.

— Разсказывайте то, чтò вы намѣрены были мнѣ разсказать, —распорядилась она.

— Очень хорошо,—сказалъ онъ, взглянувъ на нее, и видя, что ея глаза не встрѣтили его взгляда, продолжалъ:—Все это случилось года два тому назадъ, въ августѣ мѣсяцѣ, въ хорошенькомъ маленькомъ мѣстечкѣ внутри штата, при озерѣ, которое, кажется, зовутъ Масаква, или что-то въ этомъ индѣйскомъ родѣ. На берегу были раскиданы пять или шесть деревенскихъ домовъ, и онъ жилъ въ одномъ изъ нихъ, а дѣвушка—въ другомъ. Произошло обыкновенное, въ случаяхъ отчужденности отъ остального міра, сближеніе общества, и каждый его членъ думалъ, что это его или ея священная обязанность поддерживать общее расположеніе духа. Словомъ, это было одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ публикѣ приходится располагать на рессурсы природы больше, чѣмъ это можетъ быть пріятно, и гдѣ двадцать четыре часа являются двадцатью четырьмя камнями преткновенія, которые приходится одолѣвать съ трудомъ. Она была очень хорошенькая дѣвушка, а онъ пользовался извѣстностью. Они вращались въ одномъ томъ же кругу зимой, и когда они встрѣтились въ первый разъ на деревенскомъ обѣдѣ, они почувствовали, что говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ. Если у васъ есть хоть какая-нибудь опытность, то немного времени нужно на то, чтобъ перейти отъ разговоровъ о другихъ на разговоры о самихъ себѣ, перебраться съ неодушевленныхъ предметовъ на личности, и отъ общихъ мѣстъ на откровенности—словомъ, вырваться изъ обычныхъ разговорныхъ границъ и быстро перейти въ нѣжный тонъ... Ну-съ, очень скоро они добрались до разговоровъ о самихъ себѣ, оба обратились къ прямому, простому я—этому краегольному камню бесѣды—и немедленно пустились въ опроверженія основного положенія геометріи, что двѣ парал-

лельныя линіи, продолженныя до безконечности, никогда не встрѣтятся. Не то чтобы имъ было необходимо удлиннять ихъ до такой степени,—и абсурдъ такого предположенія былъ доказанъ ими въ тотъ же вечеръ. На ступеняхъ пристани послѣ обѣда они прошли сквозь вторую степень того, что̀ можно назвать симпатическимъ сконцентрированіемъ. Они, конечно, начали тѣмъ необходимымъ представленіемъ другъ о другѣ, котораго требуетъ свѣтская жизнь, а именно, что „вы восхитительны"—этотъ сырой матеріалъ свѣтскаго знакомства, изъ котораго вырабатывается законченный продуктъ—но подъ переливавшимся въ водномъ зеркалѣ блескомъ звѣздъ они очень рѣшительно подвигались къ интимности, и скоро достигли того пункта, когда ея глаза сказали ему такъ же ясно, какъ это могли бы сдѣлать губы: „мнѣ все равно, если вы уже знаете, что вы мнѣ нравитесь";—а послѣ этого ужъ ничего болѣе не оставалось, какъ при помощи болѣе или менѣе быстрыхъ переходовъ по той же дорогѣ дойти до полнаго признанія и съ ея стороны, когда ея глаза сказали бы: „и мнѣ все равно, если вы уже знаете, что я знаю, что я вамъ нравлюсь".

— О, перестаньте!—сказала дѣвушка.

— Но это такъ,—продолжалъ онъ.—Потому что черта опасности достигается не тогда, когда женщина даетъ понять, что мужчина ей нравится — критическій моментъ наступаетъ только тогда, когда она сознается, что знаетъ, что она ему нравится, и, позволяя ему продолжать, такъ сказать, укрѣпляетъ его въ позиціи.

— Можетъ быть,—сказала она.—Однако продолжайте.

— Всѣ говорили, что они отчаянно флиртуютъ, и, констатировавъ этотъ фактъ, ихъ обыкновенно оставляли одnихъ. Это была прелестная игра, и они занимались ею съ большимъ усердіемъ, даже, можетъ быть, нѣсколько съ бо̀льшимъ искусствомъ и ловкостью, чѣмъ это обыкновенно дѣлается; только одинъ изъ нихъ былъ неискрененъ.

— Вы подразумѣваете, что въ дѣйствительности онъ не любилъ ее,—сказала дѣвушка, поднявъ глаза.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ:—я подозрѣваю, что ей пришло въ голову влюбиться.

— Какъ это безчестно!—прошептала дѣвушка.

— Да, до извѣстной степени,—сказалъ онъ.—Она его поощряла, и едва ли было бы вполнѣ справедливо взваливать на его плечи отвѣтственность за то, что̀ она сама на себя накликала. Конечно, съ точки зрѣнія высшей этики я не могу безусловно оправдывать и его. Вѣроятно, и ему не слѣдовало бы увлекаться

этимъ поощреніемъ. Онъ могъ уѣхать, или могъ надѣлать ей умышленныхъ непріятностей, чтобы остановить ее; но это было бы, несомнѣнно, требованіемъ слишкомъ многаго отъ человѣка, такъ какъ онъ, конечно, и не воображалъ, что это кончится тѣмъ, что она его полюбитъ.

— Но какъ же онъ узналъ?

— Онъ въ первый разъ узналъ дѣйствительное положеніе вещей въ тотъ день, какъ онъ уѣзжалъ. Въ теченіе послѣдняго вечера они зашли въ оранжерею того дома, въ которомъ она жила. Былъ полный мѣсяцъ, и на дворѣ было почти такъ же свѣтло, какъ днемъ, но въ оранжереѣ стоялъ полумракъ — онъ припоминалъ всѣ подробности, когда разсказывалъ это мнѣ,—производившій ту же нѣжную, зеленую игру свѣта, какую замѣчаемъ въ акваріумѣ; и, говорилъ онъ, смѣясь, благодаря стекляннымъ стѣнамъ и длиннымъ волокнистымъ растеніямъ, ему казалось, что онъ находится именно въ акваріумѣ и что каждую минуту носъ какой-нибудь большой рыбы покажется изъ-за листьевъ пальмъ. Они не могли оставаться долго одни, потому что было уже поздно, и часъ его отъѣзда былъ недалекъ. Онъ прощался съ ней, держа ее за руку. Она не отнимала ее, и онъ почувствовалъ, какъ ея пальцы сжали его руку. До тѣхъ поръ онъ цѣловалъ ее только одинъ или два раза; онъ поцѣловалъ ее и теперь. Тогда она не выдержала, и, нервически скрестивъ руки, зарыдала и прижалась къ нему. Въ этомъ не было ни малѣйшаго притворства, потому что было очевидно, что ей было все равно, услышитъ ее кто-нибудь или нѣтъ; и онъ говорилъ, что кто-нибудь непремѣнно бы услышалъ, еслибъ все общество именно въ эту минуту не отошло отъ того мѣста, гдѣ оно до тѣхъ поръ стояло. Она ему очень нравилась, и ему было ужасно тяжело. Всего пріятнѣе было бы заключить ее въ свои объятія и успокоить ее. Но это никуда бы не годилось. Существовала масса разныхъ причинъ—и это было бы хуже и для нея, неизмѣримо хуже въ концѣ концовъ.

— А что же случилось потомъ?—спросила дѣвушка.

— Ихъ прервали; за нимъ пришли; его увели, и тѣмъ дѣло и кончилось. Долгое время онъ очень скверно себя чувствовалъ, вотъ и все.

— И это все?—повторила она послѣ нѣкоторой паузы.

— Да,—отвѣчалъ онъ.—Въ сущности, ничего и не было, съ чѣмъ, конечно, согласились и вы сами. Я даже не понимаю, зачѣмъ я и разсказывалъ все это.

— И нѣчто въ этомъ родѣ случилось и съ вами? — спросила она.

— Да,—отвѣчалъ онъ не совсѣмъ охотно.—Мужчины и женщины всегда играютъ съ огнемъ, и, по временамъ, тотъ или другая обжигаетъ себѣ пальцы. И моя были слегка опалены при одной изъ такихъ оказій. Но рискъ для всѣхъ одинаковъ, и, въ концѣ концовъ, шансы, въ сущности, равны.

— Такъ ли это?—усомнилась она.—Именно объ этомъ-то я васъ и спрашивала, и въ этомъ-то и заключается сущность дѣла.

— Да почему же нѣтъ?

— Я вамъ объясню.—Но что же сдѣлалось съ дѣвушкой?

— Съ которой?

— Съ той, которая обожгла ваши пальцы?

— О,—засмѣялся онъ:—ея сердце не было разбито. Она недавно вышла замужъ за отличнаго малаго и богача въ придачу, и, я не сомнѣваюсь, и теперь, и всегда впослѣдствіи будетъ счастлива. Я встрѣтилъ ее на дняхъ; она просто оскорбила меня своимъ очевиднымъ счастьемъ. Вѣдь, въ сущности, ничего же между нами и не было, и это просто случайность, что и та, другая, о которой я разсказывалъ вамъ, еще не вышла замужъ.

— Такъ она еще не замужемъ? — сказала дѣвушка, взглянувъ на него.

— Она не была еще замужемъ, когда онъ мнѣ это разсказывалъ, всего мѣсяцъ тому назадъ.

— И вы не знаете ее?

— Конечно, нѣтъ. Само собой разумѣется, онъ не назвалъ мнѣ ея имени.

— И вы думаете, что онъ правъ?

— Нѣтъ, я не думаю этого,—признался онъ.—Что-то, гдѣ-то, было неладно, хоть я и не знаю, что именно. „Настоящій рыцарь“ поступилъ бы иначе, но, въ то же время, я увѣренъ, что Ланселотъ сдѣлалъ бы то же самое, а мнѣ сдается, что оба они — несомнѣнные джентльмены.

— Знаю, знаю,—сказала она.—Но онъ не былъ правъ, и, вѣроятно, и насъ, женщинъ, нельзя оправдывать, потому что намъ нравятся Ланселоты, но онъ не былъ правъ.

— Да вѣдь никто не пострадалъ?

— Почемъ мы знаемъ, что никто не пострадалъ? — сказала она, вставая и становясь передъ нимъ. Дѣвушка вѣроятно справилась съ собой.

— Въ такомъ случаѣ, конечно, все окончилось ничѣмъ,—настаивалъ онъ.

— Такъ ли это?—возразила она.—Это не столько касается

насъ, какъ я уже говорила вамъ, сколько васъ, мужчинъ; все равно, конечно, скольвихъ вы любили, но предполагается, что съ нашей стороны это должна быть первая любовь. Вы, конечно, ожидаете этого отъ насъ, даже требуете этого отъ насъ. Если вы любили женщину, которая только кокетничала съ вами и бросила васъ, намъ, которыя дѣйствительно любятъ васъ, это все равно. Но вы — для васъ была бы великая разница, еслибъ вы думали, что женщина, которую вы любите, любила другого, измѣнившаго ей. Ея цѣна въ вашихъ глазахъ ужасно бы уменьшилась. И мы это знаемъ. Развѣ вы не сознаете, что та бѣдная дѣвушка, о которой вы говорили, чувствовала весь стыдъ всего происшедшаго? Развѣ вы не сознаете, что, надѣясь, какъ вѣ мы надѣемся, любить и быть любимой когда-нибудь, она ужъ не могла ожидать взамѣнъ своей любви всего того, что̀ она имѣла право ожидать, еслибъ этого не случилось? Отъ этого нѣтъ спасенія: вы, мужчины, установили эти требованія, какъ они ни несправедливы, и намъ приходится покоряться имъ. Развѣ вы не сознаете, что бѣдняжка понимала, что ужъ ни одинъ мужчина не будетъ любить ее, послѣ того, какъ узнаетъ, что̀ съ ней случилось?

— Да зачѣмъ ему знать объ этомъ?

— Затѣмъ,—отвѣчала она,—затѣмъ, что, если она дѣйствительно хорошая дѣвушка, она будетъ сознавать, что ей слѣдуетъ сказать ему объ этомъ,—зная, что это не будетъ для него безразлично.

— Вы преувеличиваете,—сказалъ онъ.—Такіе пустяки—просто мимолетное ничто, мужчина и не подумаетъ объ этомъ.

— О, да, подумаетъ!—вскричала она.—Да для васъ самихъ, для васъ, которые сами были причиной именно такого же случая, это не было бы безразлично.

— Никогда,—отвѣчалъ онъ.

— Увѣрены ли вы въ этомъ?—спросила она, глядя ему прямо въ глаза.

— Совершенно увѣренъ!

— Предположите, въ такомъ случаѣ...—начала она.

— Что̀?—спросилъ онъ, видя ея колебаніе.

— Я была въ Масаквѣ два года тому назадъ, — сообщила она, съ разстановкой.

— Вы были тамъ?—спросилъ онъ, быстро взглянувъ на нее.

— Да, — отвѣчала она твердо.—Я была тамъ—въ августѣ мѣсяцѣ.

— Вы!

— Предположите, что я была той дѣвушкой, о которой разсказывалъ вамъ вашъ пріятель,—продолжала она серьезно.

— Это невозможно! — вскричалъ онъ, вскакивая съ мѣста и упорно глядя на нее.—Я не вѣрю вамъ.

— Почему?—спросила она.

— Вы!—повторилъ онъ.

— Почему же нѣтъ?—допытывалась она.

— Этого не могло быть! — вскричалъ онъ, впиваясь въ нее глазами.

— Отчего же?—спросила она, твердо встрѣчая его взглядъ и съ упрямствомъ въ голосѣ.

— Это неправда,—сказалъ онъ тихо.

— Но вѣдь это пустяки,—сказала она.—Зачѣмъ вамъ хочется знать?

Онъ схватилъ ее за руки и смотрѣлъ ей въ глаза.

— Скажите мнѣ, — сказалъ онъ, и то, что̀ сначала звучало просьбой, теперь выходило приказаніемъ.

— Но вѣдь вы сказали,—настаивала она:—что это вамъ будетъ безразлично.

— Скажите мнѣ!—повторилъ онъ.—Вы знаете, какъ я васъ люблю, и мнѣ невыносимо думать.—Онъ остановился, выпустилъ ея руки и отступилъ назадъ.—Я вамъ не вѣрю.

— Очень хорошо,—сказала она.—Но вы сознаете теперь, что я была права, когда говорила, что дѣвушкѣ будетъ тяжело, если она дѣйствительно любитъ человѣка и знаетъ, что ея признаніе уменьшитъ ея цѣну въ его глазахъ.

— Я,—сказалъ онъ, опять подвигаясь къ ней.—Я долженъ знать правду. Мнѣ это невыносимо.

— Вамъ невыносимо думать, что другой держалъ меня въ своихъ объятіяхъ, цѣловалъ меня, видѣлъ слезы, которыя я проливала изъ-за него.

— Не мучьте меня!—сказалъ онъ.—Скажите мнѣ правду.

— И все-таки,—продолжала она безжалостно:—развѣ это не именно то же самое, что̀, согласно вашему собственному признанію, вы называли „пустяками“, когда вы сами были предметомъ? Развѣ вы, съ необдуманнымъ себялюбіемъ, не поступили точно такъ же съ той дѣвушкой и не измѣнили ей всю ея будущую жизнь? Вы говорите, что она была хорошая дѣвушка и что она вышла замужъ. Развѣ вы не сознаете, что если она разсказала все, что̀ случилось, тому человѣку, за котораго она вышла, это не было ему безразлично, какъ не безразлично для васъ самихъ то, что̀ я вамъ говорю теперь? Развѣ вы не сознаете,

что если она утаила это, ей никогда не отдѣлаться отъ горькой мысли о томъ, что существуетъ нѣчто, чего она или не смѣетъ, или не хочетъ сказать человѣку, котораго она любитъ—можетъ быть, очень горячо,—очень вѣроятно, гораздо больше, чѣмъ она когда-либо любила васъ,—и развѣ вы не понимаете, что для нея останется вѣчнымъ испытаніемъ то, что эти „пустяки" стоятъ между ними? Развѣ вы не постигаете, что всякій разъ, какъ онъ дѣлаетъ или говоритъ что-нибудь, доказывающее его безусловную вѣру въ нее, она вспоминаетъ это, и ей хочется закричать:—Я не совсѣмъ то, за что ты меня принимаешь?.. Развѣ вы не постигаете, что до извѣстной степени вся ея жизнь отравлена „этими пустяками", которые „ничего не значатъ"?

— Скажите мнѣ,—молилъ онъ, какъ будто бы она не ему говорила:—были ли вы это? Вы знаете, что я васъ люблю—во всякомъ случаѣ.

— Да,—сказала она тихо.

Онъ молча, въ смущеніи, стоялъ передъ нею.

— Вы видите теперь сами,—сказала она.—Нѣтъ, не спрашивайте меня больше.

Шумъ колесъ на улицѣ рѣзко прервалъ царившую тишину.

— Вотъ и они!—вскричалъ онъ второпяхъ.—Черезъ минуту они будутъ здѣсь, и, можетъ быть, у насъ во весь вечеръ не будетъ другого случая остаться наединѣ. Ради Бога, скажите мнѣ правду.

— Неужели васъ и въ самомъ дѣлѣ это такъ интересуетъ? —спросила она, глядя на него и съ любопытствомъ, и какъ будто съ легкимъ страхомъ.

— Да,—сказалъ онъ, крѣпко сжавъ губы и блеснувъ глазами.

Но прежде чѣмъ она успѣла отвѣтить, все общество уже было въ комнатѣ, задавая вопросы, и не ожидая на нихъ отвѣтовъ, и давая отвѣты, которыхъ, казалось, никто не слушалъ.

Онъ еще и не начиналъ одѣваться, хотя уже наступилъ часъ обѣда, когда кто-то постучался въ дверь. Отойдя отъ окна, у котораго онъ стоялъ все время съ того момента, какъ вошелъ въ комнату, безсознательно глядя на окутанную мракомъ окрестность, онъ отперъ дверь, взялъ записку, которую подалъ ему слуга, и быстро вернулся къ окну.

Это были только нѣсколько строкъ, второпяхъ набросанныхъ на маленькомъ клочкѣ бумаги, и онъ понялъ ихъ смыслъ почти однимъ взглядомъ.

„Дорогой мой, — простите меня. Я не могла не сдѣлать этого. Мнѣ было такъ жаль это бѣдное созданіе, которое должно

было много страдать, если оно любило васъ хоть бы десятую долю того, какъ я васъ люблю,—и вотъ мнѣ казалось несправедливымъ, если вы сами ничѣмъ не поплатитесь. Я взялась быть ея мстительницей. Я знаю, что это было глупо, но я не могла удержаться. Вѣроятно мнѣ бы слѣдовало быть возмущенной тѣмъ, что вы усомнились во мнѣ, но мнѣ все равно: если любишь дѣйствительно,—все остальное ничего не значитъ. Я не хотѣла говорить вамъ такъ скоро, но мнѣ невыносимо думать, что вы можете меня подозрѣвать, хотя бы на одинъ только часъ. Эта дѣвушка—не я. Я была тамъ, и знала все объ этомъ—она сама разсказала мнѣ кое-что—но это не была я, и со мной никогда ничего не случалось; вы—единственный человѣкъ, котораго я когда-либо любила, или когда-либо буду любить, и поэтому, дорогой мой, пожалуйста простите меня"...

П. А. Тверской.

ПИСЬМА
ГР. А. К. ТОЛСТОГО
КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

XXI [1]).

Красный-Рогъ.—9 мая 1869.

Мнѣ кажется, что въ моемъ предпослѣднемъ письмѣ я вамъ нагрубилъ. Чтобы изгладить впечатлѣніе, я хочу написать вамъ сегодня *идиллическое письмо.*

Помните ли вы, какъ разъ весенней ночью мы вернулись съ прогулки въ Пустынькѣ, вы и я, и вмѣсто того, чтобы лечь въ постель, мы стали читать „Die Götter Griechenlands"; . . . . И знаете, эта Пустыньская ночь была ничто въ сравненіи съ той, которая теперь дышетъ вокругъ меня.

Чтобы вернуться къ идилліи, я вамъ скажу, что сегодня ночь теплая, черная и чрезвычайно звѣздная и съ луннымъ свѣтомъ, похожимъ на серебряныя вышивки по черному бархату. Ночь тепла до духоты и сырая,—хочется раздѣться до-гола; соловьи поютъ до хрипоты, точно они хотятъ что-то доказать лягушкамъ, которыя не хотятъ ихъ понять.

И въ сосѣднемъ болотѣ издаетъ звуки, подобные мычанью быка, птица называемая (butor) выпь; а подъ моими окнами звучатъ короткія и металлическія ноты козодоя (caprimulgur),—точно кто-то щелкаетъ въ серебряный колокольчикъ.

---

[1]) См. выше: окт., стр. 628.

Солнце только-что зашло. Я возвращался вдоль рѣки съ охоты на вальдшнеповъ и не узналъ края... Густой, плотный туманъ, точно рядъ облаковъ, подымался съ водъ и серебристой скатертью разстилался по лугамъ вплоть до ближайшей рощи, превращая этимъ рѣку и луга въ красивое неожиданное озеро. Но потомъ быстро, очень быстро наступила темнота; озеро засверкало подъ лучами мѣсяца, словно настоящая вода, и я вернулся домой весь мокрый, будто изъ-подъ дождя. Долго мы еще сидѣли на террасѣ, глядя на эту благословенную ночь и слушая лягушекъ, выпь, соловья.

Наконецъ, всѣ легли, а я не могу: я потѣю и восхищаюсь. Все поетъ, все трепещетъ, все звучитъ, а то, что̀ не можетъ пѣть: нарциссы, сирень, простыя березки,—все это наполняетъ ночь самымъ краснорѣчивымъ благоуханіемъ.

А сквозь звуки дикой природы долетаетъ до меня шумъ деревни,—не голоса людей, хочу я сказать, а пѣнье пѣтуховъ, лай собакъ, которыя чувствуютъ близость волковъ, блуждающихъ вокругъ стадъ на ночевкахъ въ лугахъ, а потомъ кашель Мамона, столь многозначущій и ехидный. Мамонъ—старый Hosentrompeter, который дѣлаетъ видъ, что охраняетъ домъ, пока у меня горитъ свѣтъ. Только-что я тушу свѣчку, онъ ложится и оставляетъ все на попеченіе Господа, Котораго служба — „не синекура", какъ говорилъ Тютчевъ... Но когда же эти господа—я хочу сказать: соловьи, лягушки и другое звѣрье—спятъ, такъ какъ при восходѣ солнца шумъ не умолкаетъ; только одна выпь замолчитъ и скроется, точно щепка гнилого дерева, въ какую-нибудь дыру, пока кто-нибудь на нее не наступитъ. Совы и филины—все запрячется въ какія-нибудь щели или дупла старыхъ дубовъ; но соловьи будутъ продолжать, а жаворонки и скворцы и всякая всячина присоединится къ нимъ и будетъ сплетничать на всевозможные лады.

Одно слово на ухо: между 12-ю и 1 час. дня деревенскія барышни гуляютъ... въ тростникахъ возлѣ рѣки, чтобы рвать ирисы и изъ нихъ плести себѣ вѣнки. Пріѣзжайте смотрѣть на нихъ, но не говорите никому.

Вотъ идиллія!

Маленькое прибавленіе къ идилліи.

Я, было, легъ въ кровать, написавши вамъ, какъ вдругъ, безъ всякаго предисловія, разразилась страшная гроза. Громъ и молнія, потоки дождя и вѣтеръ достаточно сильный, чтобы вырвать съ корнемъ даже убѣжденія К—ва, и все это набѣжало въ одинъ

мигъ, какъ выстрѣлъ—не изъ пистолета, а изъ трехсотъ пушекъ... и все это продолжалось только пять минутъ, послѣ чего вѣтеръ, дождь, громъ, все убѣжало галопомъ въ сторону Почепа, гдѣ процвѣтаютъ эпигоны К—ва.

Тишина опять возстановилась, и соловей опять запѣлъ. Это было совершенно какъ увертюра изъ „Вильгельма Теля"... Итакъ, тишина возстановилась, и новый пѣвецъ присоединился къ оркестру, а именно дергачъ.

Послѣ ночи явился день, что̀ меня не удивляетъ; но, услыхавъ соловья и жаворонка въ одно время, я припомнилъ маленькую семейную ссору между Ромео и Джульеттой. . . . . . .

Ко всему привыкаешь, даже къ обычаямъ почты: когда-то я возмущался, а теперь мнѣ кажется совершенно натуральнымъ, что „Вѣстникъ Европы" приходитъ сюда на 18-й день, а письма—на 10-й день.

XXII.

Красный-Рогъ.—12 мая 1869.

Едва я отправилъ мою идиллію, какъ почувствовалъ неодолимое желаніе продолжать; вы—сосудъ, куда я изливаю всѣ эстетическія чувства, какія нисходятъ на меня.

Вообразите себѣ, что въ эту минуту луна настолько блестяща и у нея такъ много рельефа, что, кажется, можно видѣть глубину неба темносиняго цвѣта, не только вокругъ нея, но и за ней. Точно видишь ее въ стереоскопъ, и отблески ея такъ сильны, что освѣщенная зеленая трава и деревья не теряютъ цвѣта. Все это не имѣетъ смысла въ петербургскихъ лепрозныхъ ночахъ, но здѣсь, гдѣ все черно,—это что-то невыразимое, въ родѣ имени Адонай, которое я предпочитаю Іеговѣ...

Днемъ я ѣздилъ съ нашимъ докторомъ на лодкѣ по нашей узкой, но очень глубокой рѣкѣ. Мы гребли въ продолженіе нѣсколькихъ верстъ сперва между деревьями, вѣтви которыхъ низко спускались надъ лодкой и переплетались въ тростникахъ, гдѣ на дняхъ ходили нимфы...

О, Сиринксъ! О, Дафна!

Я понимаю сатировъ, но не извиняю ихъ!.. Нѣтъ, я ихъ извиняю!

Потомъ мы гребли между полями, цвѣтущіе края которыхъ окаймляли рѣку; потомъ мы вошли въ тѣнь дубовъ и березъ; потомъ рѣка становилась у̀же и у̀же, и мы запутывались въ вѣт-

кахъ, выскочили на землю и пошли къ оврагамъ, чтобы передать нашу лодку на попеченіе полевого сторожа Семена, бывшаго солдата Его Величества.

Соловьи поютъ, Мамонъ кашляетъ съ хитростью. Сегодня нѣтъ лягушекъ, онѣ сосредоточиваются, потому что завтра справляютъ свадьбу передъ г. мэромъ. Это очень противно,—не знаю, видѣли ли вы это когда-нибудь?

Душа полна чувствъ,
Не знаю, кому передать...

XXIII.

Красный-Рогъ.—19-го мая 1869.

Я послалъ маленькое стихотвореніе, посвященное вамъ,—не только А. Толстой, но и Ѳ., который жалуется всегда, что я вамъ посылаю стихотворенія, которыя его касаются.

Кажется, это называется охранять равновѣсіе Европы, — и видите, насколько мало я—„Поза"; я—чистый Макіавель, Меттернихъ, я скажу болѣе, я Ч....

Въ эту минуту я весь въ поту, такъ какъ у насъ опять бархатная ночь,—безъ луны, но вся испещренная молніями и теплая до духоты.

С. принялъ моего „Владиміра" съ удовольствіемъ, даже находитъ его слишкомъ хорошимъ для лѣтнихъ мѣсяцевъ и предлагаетъ мнѣ напечатать его осенью.

Уфъ!.. Я такъ потѣю, что все снялъ, кромѣ самаго необходимаго, и понимаю древнихъ людей, носившихъ на себѣ такъ мало, что эта мода поощряла ваяніе. Я понимаю всякія древнія празднества—сатурналіи, вакханаліи, праздникъ Bona-Dea и т. д. Я понимаю сатировъ и прощаю имъ, потому что въ такую погоду я чувствую себя христіаниномъ... Если это будетъ продолжаться, я почувствую себя кармелитомъ и капуциномъ.

Я понимаю шутливаго аббата, который, чтобы сыграть штуку съ св. Бенедиктомъ, послалъ мимо монастыря, подъ самыя окна келій, толпу молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ вакханками, поющихъ гимны Низійскому богу и размахивающихъ тирсами.

Монахи не устояли, послѣдовали за процессіей и пѣли свои литіи на напѣвъ—тра-ла-лà!

Но св. Бенедиктъ обидѣлся и перемѣнилъ резиденцію: онъ пошелъ въ Субіако и катался въ колючихъ кустахъ, чтобы умерт-

вить плоть. Я хочу написать на это балладу. Прощайте, до свиданья. Эвое!

Heus Evoë! Vivat Evander!

Я понимаю, что богъ природы, который и есть господинъ всего міра,—назывался *Панъ*; я увѣренъ, что онъ былъ хохолъ родомъ.

XXIV.

Красный-Рогъ.—24-го мая 1869.

Amice dulcissime, такъ какъ положительно рѣшено, что мы не будемъ говорить о политикѣ, то полезно резюмироваться, прежде чѣмъ замолчать.

Вы желаете единства Россіи—я тоже. Вамъ было бы пріятно, чтобы разныя національности, которыя вы отрицаете, но которыя тѣмъ не менѣе существуютъ и которыя составляютъ русское государство, всѣ бы слились въ русскую націю — мнѣ тоже. Но вы хотите дойти до этого принудительными мѣрами и даже одобряете систему М... и Ч...—Вотъ здѣсь наши пути раздѣляются и даже расходятся въ совершенно противоположныя стороны. Вы можете сомнѣваться въ фактахъ, вы можете утверждать, что они преувеличены или извращены, но разъ у васъ въ рукахъ будутъ доказательства и вы будете все-таки продолжать одобрять эту систему—я вамъ скажу то, что тѣнь Брута говоритъ Цезарю: „Ступай налѣво,—я хочу идти направо!"

Итогъ: мы того же мнѣнія по отношенію къ цѣли, но мы не сходимся насчетъ способовъ.

Ваше мнѣніе можно выразить слѣдующими словами: навязать русскую національность всѣми средствами. А моя мысль сводится къ слѣдующему: сдѣлать такъ, чтобы эта національность была *желательна*.—Вы говорите: уравняемъ все, *понижая* уровень чужихъ народностей. Я же говорю: *уравняемъ все, возвышая русскій уровень*.—Вы мнѣ на это скажете: но это не сдѣлается въ одинъ день! Я вамъ отвѣчу: очень жаль,—вотъ и все! Мнѣ кажется, что при дѣйствіи во всемірной исторіи закона аналогіи—моя система единственная настоящая, единственная достигающая цѣли. Мнѣ кажется, что ваша система никуда не годится,—не оттого, что она безнравственна, но оттого, что она дѣйствуетъ діаметрально противоположно своей цѣли. Я вамъ уступаю безнравственность мѣръ въ политикѣ—видите, я великодушенъ.

Екатерина была совершенно права, когда она покупала голоса польскихъ магнатовъ за большія деньги, чтобы достичь раз-

дѣла Польши; но я не одобряю ничтожныхъ и постыдныхъ мѣръ, повѣрочныхъ коммиссій, посредниковъ и т. п. въ нашихъ губерніяхъ волынской и подольской, потому что, съ одной стороны, онѣ служатъ только для того, чтобы утолить злобу чиновника ко всѣмъ, которые моютъ руки, а съ другой стороны, для того, чтобы возмущать (и совершенно правильно) волынскихъ помѣщиковъ, *не пріобрѣтая привязанности народа.* Это не только безнравственно, но и *глупо.* Я думаю, что я обозначилъ настоящій пунктъ нашихъ преній, и мы можемъ теперь на этомъ успокоиться.

Если я вамъ не пишу сегодня идиллій, это оттого, что погода перемѣнилась. Вдругъ задулъ такой сѣверный вѣтеръ, что могъ бы вырвать рога у самого N., и вмѣсто 35 гр. тепла въ тѣни сегодня ночью у насъ былъ 0!

Во время послѣдней бури много скота было убито; на дорогѣ нашли убитую лошадь и телѣгу въ кускахъ. Весь хлѣбъ нашей границы до Брянска побитъ градомъ. Наши поля были пощажены. Насъ это миновало, и ничто не можетъ равняться съ красотой нашихъ полей. Всѣ орхидеи Европы находятся здѣсь въ изобиліи, и кромѣ этого особенный сортъ, свойственный только Кр.-Рогу, и за которымъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ присылали изъ петербургскаго ботаническаго сада для разсылки образчиковъ по разнымъ другимъ ботаническимъ садамъ.

Развѣ вамъ не стыдно, что вы никогда не были здѣсь? Черезъ нѣсколько дней мы ждемъ маіора Фета.

Dicere mutatam Borissi formam fert animus.

Съ Божьей помощью я скоро примусь за него, а то эти превосходные и славные норманны, эти доблестные балтійскіе дворяне (еслибы я только допустилъ это) увлекутъ меня слишкомъ далеко.

XXV.

Красный-Рогъ.—26-го мая 1869.

...Нападеніе на непріятеля внѣ назначеннаго для борьбы мѣста не признается благороднымъ.

Вамъ достаточно было доказать, что человѣкъ — *не правъ.* Причины, которыя привели его къ этому, находятся внѣ вопроса и могутъ дать вопросу оттѣнокъ сплетней, тѣмъ болѣе, что вы только намекаете на эти причины и тѣмъ даете вашимъ намекамъ видъ *инсинуацій.*

Я могу находить, что какая-нибудь картина дурна, но я не долженъ въ своемъ отчетѣ о ней говорить, что она дурна потому,

что живописцу мѣшали работать его частые визиты къ Мальвинѣ Карловнѣ, которой онъ недавно подарилъ браслетъ, купленный въ англійскомъ магазинѣ за 158 рублей,—деньги, полученныя имъ отъ жены, чтобы уплатить долгъ ея брата, г-на Щевелева, который сдѣлалъ этотъ долгъ тому лѣтъ шесть, чтобы съѣздить въ Старую-Русу.

Всѣ наши полемисты и неблагородное стадо фельетонистовъ не умѣютъ полемизировать,—они не разсуждаютъ, а ругаются...

X. называетъ всякое мнѣніе, противное его собственному—*доносомъ*, а У.—*измѣной*. Еслибы я былъ (жалѣю, что этого нѣтъ) призванъ оправдывать мой *тостъ* за всѣхъ подданныхъ государя, К—овъ назвалъ бы меня измѣнникомъ, и тутъ-то я его и поджидалъ...

Одоакръ былъ совершенно правъ: когда на парадѣ Ромулъ Августулъ выбранилъ его за то, что онъ слишкомъ выдвинулъ лѣвую ногу, онъ сказалъ, обращаясь къ центуріону Шульцу—германскаго легіона: „Caesar schimpft, also Caesar hat unrecht" (Цезарь бранится, значитъ Цезарь не правъ). Вы знаете, какъ кончился этотъ маленькій инцидентъ.

Я видѣлъ въ Равеннѣ остатки брони Одоакра, котораго Теодорихъ (Тейторихъ) велѣлъ похоронить въ своемъ саду, послѣ того, какъ отрубилъ ему голову (учтивость, которая меня всегда трогала). Броня должна была быть очень красива—чернь и серебро—*тульской работы*.

Поѣзжайте въ Равенну—хорошій городъ, куда никто не ѣздитъ, такъ что въ ней существуетъ только одна гостинница—„Золотой Мечъ", гдѣ кельнеры служатъ дамамъ вмѣсто дѣвушекъ, если дамы имъ это позволяютъ. Равеньянки замѣчательно красивы и необыкновенно хорошо сложены.

Послѣ захода солнца я пошелъ гулять и дошелъ до дворца Теодориха, у двери котораго я нашелъ молодую дѣвушку; съ ней мнѣ захотѣлось поговорить, и, чтобы вступить въ разговоръ, я спросилъ ее, не боится ли она привидѣній? — Совсѣмъ нѣтъ, сказала она.—Но вы живете въ этой руинѣ?—Ужъ не такая руина, какъ вы думаете!—сказала она.—Я бы очень хотѣлъ ее осмотрѣть... — Пойдемте со мной, и я васъ всюду проведу...

Такъ хорошо меня она вела и такъ хорошо мы шли, что всюду пролѣзли вмѣстѣ по византійскимъ лѣстницамъ, и ночь наступила прежде, чѣмъ мы дошли до верха дворца. Ночь наступаетъ очень скоро въ Равеннѣ, и тогда *лучіолы* сверкаютъ по улицамъ, которыя всѣ покрыты травой, кустами и красными маками.

Я не могъ уже ничего разглядѣть, и она должна была дать мнѣ руку. И тогда мнѣ пришла мысль испугать ее, и я сказалъ ей, что я—*Одоакръ*, погребенный въ саду. Она стала дрожать, и мнѣ стоило большого труда доказать ей, что я не привидѣніе, а человѣкъ съ плотью и кровью. Сегодня я не язычникъ, но византіецъ, такъ какъ воспоминаніе о Равеннѣ меня преслѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что холодъ прошелъ, и ночь опять теплая и черная. Меня это наводитъ на мысль, что вы могли бы быть византійскимъ діакономъ времени Юстиніана. Эти діаконы служили прототипами аббатовъ времени Людовика XV. Они присутствовали при туалетѣ константинопольскихъ дамъ. Вмѣсто мадригаловъ они читали имъ диссертаціи о двойственности природы во Христѣ и объ обязанностяхъ грамматиковъ, пока эти дамы завивали себѣ волосы и надѣвали прозрачныя туники, на краяхъ которыхъ было вышито поклоненіе волхвовъ. Въ циркѣ же элегантные діаконы апплодировали зеленымъ и голубымъ, а иногда даже сами управляли колесницами. Потомъ всѣ вмѣстѣ отправлялись въ соборы стиля Тона! Въ общемъ было недурно.

Величаръ, въ просторѣчіи называемый Велизаріемъ, родомъ иллиріецъ,—какъ и *Управда*, въ просторѣчіи называемый *Юстиніаномъ*,—всякое утро приходилъ на поклонъ къ Ѳеодорѣ, и императрица при немъ шесть разъ переодѣвалась. Это очень сердило Нарзеса, но Ѳеодора любила его дразнить. Все это происходило во дворцѣ, сверкающемъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, по серединѣ города, наполненнаго діаконами въ небесно-голубыхъ или въ желто-шафраннаго цвѣта одеждахъ, бряцающими колесницами, славянами съ дубинами въ рукахъ и германцами съ оленьими рогами на головахъ. Все это, я вамъ скажу, было недурно. Послѣ чего приходили и совали вамъ въ глаза раскаленное желѣзо. Это было менѣе красиво.

Между тѣмъ, Равенна—городъ, окруженный непроходимыми болотами и сосновымъ лѣсомъ.

Я вамъ совѣтую поѣхать туда, пока вы еще не стали Нарзесомъ. Для Т. уже поздно ѣхать туда; не знаю даже, имѣлъ ли онъ когда-*нибудь* причину ѣхать туда, судя по его предисловію къ роману А... Я открылъ, что онъ принадлежитъ къ семейству криптогамовъ, какъ П. принадлежитъ къ семейству madrés-porcs...

XXVI.

...Я Катковецъ съ ногъ до головы, когда дѣло касается классицизма. Я дѣлаюсь непріятелемъ Каткова, когда онъ проповѣдуетъ или извиняетъ *повѣрочныя коммиссіи*, или когда онъ подымаетъ знамя крестоваго похода противъ балтійскихъ провинцій.

— Читали ли вы критику на „Обрывъ" въ „Зарѣ"? Я немного раздѣляю мнѣніе покойнаго (В. П.) Боткина насчетъ этого романа, но такъ чернить Гончарова—это уже слишкомъ сильно. Странный фактъ, — вся наша критика находится въ рукахъ одной *клики*, за рѣдкими и робкими исключеніями. Девизъ этой клики— *война искусству*. Будемъ обходиться и безъ ихъ мнѣнія...

XXVII.

Красный-Рогъ.—23-го іюня 1869 (канунъ Ивана Купалы).

Дорогой другъ, что̀ съ вами? Сто лѣтъ не имѣю отъ васъ извѣстій.

Папоротникъ зацвѣтетъ въ эту ночь, и я съ Александромъ Гагаринымъ готовлюсь захватить этотъ расцвѣтъ въ лѣсу,—расцвѣтъ, окруженный страхами и чарами, которые стараются помѣшать намъ сорвать этотъ лучезарный цвѣтокъ, подобный звѣздѣ; онъ далъ бы намъ обладаніе кладами, зарытыми въ Пашицкомъ урочищѣ, гдѣ разбойникъ *Худояръ* спряталъ боченки, наполненные золотомъ, во времена Алексѣя Михайловича. Это — несомнѣнно: курганы существуютъ, я ихъ разрывалъ приблизительно лѣтъ тридцать тому назадъ и нашелъ только скелеты и разбитые горшки, но я тогда не принялъ мѣръ, чтобы эти изысканія произошли наканунѣ Иванова дня. Въ 1850 году, тому назадъ 19 лѣтъ, я поѣхалъ въ окрестности Калуги (во время моего изгнанія съ Клементіемъ Россети) въ лѣсъ, присутствовать при расцвѣтѣ папоротника, но Россети такъ испугался какой-то бѣлой тѣни, которая перешла намъ дорогу, что не захотѣлъ продолжать операцію.

Это было въ то время, когда его сестра произвела на меня такое сильное впечатлѣніе, что разъ какъ-то, когда я купался и увидѣлъ ее, появившуюся на ослѣ, я чуть было не потонулъ... Давнишняя исторія...

Вы свѣтъ, а я похожъ на тьму;
Вы веселы, а я печаленъ;

Вы параллельны ко всему,
А я, напротивъ, вертикаленъ!

...Теперь шесть час. утра, и я только-что вышелъ снова на балконъ, или, лучше сказать, на террасу.

Пѣтухи поютъ, точно у нихъ контрактъ съ *неустойкой*. Поваръ Денисъ и кухарка Авдотья только-что затопили печку въ кухнѣ, чтобы печь хлѣбъ. Нѣсколько огней загорѣлось на той сторонѣ озера. Все это хорошо,—это то, что̀ я люблю, я могъ бы такъ прожить всю жизнь,—но я сдѣлаю все возможное, чтобы повезти мою жену въ Венецію или въ Пустыньку. Она хотѣла бы навѣрное знать, есть ли Наполеонъ III или нѣтъ? Мнѣ это все равно! Что̀ мнѣ за дѣло! Я знаю, что есть Денисъ и Авдотья, и мнѣ этого достаточно. Вы мнѣ скажете, что это настроеніе неблагородно, но что̀ мнѣ за дѣло? Этого настроенія для меня достаточно! Чортъ возьми Наполеона III и даже Наполеона I! Если „Парижъ сто̀итъ обѣдни“, то Красный-Рогъ съ своими лѣсами и медвѣдями сто̀итъ всѣхъ Наполеоновъ,—всѣхъ, какіе бы ни были счетомъ.

Вотъ видите, мнѣ жаль было бы отказаться отъ возможности когда-либо васъ увидѣть, но я охотно отказался бы знать, что происходитъ въ seculum.

Я знаю, что я буду посрамляемъ передовыми людьми, но мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ...

Еслибы я видѣлъ полезное дѣло передъ собой, что-нибудь такое, что̀ въ предѣлахъ *моихъ дарованій*,—я бы не отказался, но мои дарованія слишкомъ діаметрально противоположны дарованіямъ *передовыхъ людей*... и я могу только махнуть рукой... Остается *истинное*, *вѣчное*, *абсолютное*, что̀ не зависитъ ни отъ вѣка, ни отъ моды, ни отъ вѣянія, ни отъ какой-нибудь fashion, *и этому я отдаюсь всецѣло*. Да здравствуетъ абсолютное, т.-е. человѣчество и поэзія!

XXVIII.

Берлинъ.—26 (14) сентября 1869.

Чортъ знаетъ, гдѣ вы? Но, возвращаясь въ Красный-Рогъ, я не могу не передать вамъ блестящей мысли, которую я только что передалъ письменно Т... А именно, дать г-ну В... эпитетъ „le Postillon de Longjumeau. Не такъ ли?

Ah, qu'il est beau,
Ah, qu'il est beau,
Le postillon de Longjumeau!..

Я возвращаюсь изъ Веймара и Вартбурга, мѣстопребыванія Тангейзера, Вальтера Фогельвейде и великаго герцога Карла-Александра.

Этотъ послѣдній заставилъ прочесть себѣ и самъ прочелъ одно дѣйствіе „Θедора Ивановича" въ нѣмецкомъ переводѣ Каролины (Павловой). Онъ въ восторгѣ и хочетъ поставить его на сценѣ въ Веймарѣ. Чтеніе происходило, въ одинъ сеансъ, въ комнатѣ св. Елизаветы Венгерской.

XXIX.

Красный-Рогъ.—3-го ноября 1869.

Третьяго дня я вернулся изъ Ливадіи и нашелъ на столѣ ваше письмо, почеркъ котораго произвелъ на меня благопріятное впечатлѣніе, какъ и всегда.

Очень глупы люди, которые думаютъ, что если пишешь куплеты на друзей, значитъ—сѣтуешь на нихъ за что-нибудь. А это именно оттого, что считаешь ихъ друзьями, — оттого и пишешь на нихъ куплеты и имъ же самимъ посылаешь...

Никакъ ужъ не такой обожатель Гомера, какъ я, найдетъ что-нибудь возразить противъ классическаго характера лицея.

Но что касается до понятій Каткова о единствѣ государства и объ обрусѣніи провинцій—мое мнѣніе совершенно расходится съ его мнѣніемъ. У меня нѣтъ партійныхъ чувствъ:

Союза полнаго не будетъ между нами:
Не купленный никѣмъ, подъ чье-бъ ни сталъ я знамя,
Пристрастной ревности друзей не въ силахъ снесть,
Я знамени врага отстаивалъ бы честь!

Хотя я не въ Петербургѣ, но смерть (В. П.) Боткина оставила во мнѣ чувство пустоты, и я горюю, что нельзя мнѣ будетъ прочесть ему моего „Царя Бориса".

Кстати,—онъ уже оконченъ, и осталось только его подчистить и подправить! Я чуть было не потонулъ съ нимъ въ Черномъ морѣ, и уже готовился взять его въ зубы и поплыть съ нимъ, какъ Камоэнсъ съ своей „Луизіадой", когда наконецъ мы вошли въ севастопольскій портъ, подбитые и попорченные настолько, что мнѣ пришлось ѣхать сухимъ путемъ до Ливадіи. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ описаніе нашего путешествія.

Я предполагалъ, не знаю почему, что императрица проведетъ ноябрь въ Крыму. Въ Одессѣ я узналъ, что пароходъ („Арго-

навтъ", также и другой пароходъ, „Казбекъ") уходитъ 23-го, тогда какъ императрица возвращается 28-го. Я тотчасъ же телеграфировалъ Александрѣ Т., чтобы узнать, долженъ ли я ѣхать, и получилъ милостивое приглашеніе отъ императрицы. Только-что мы вышли изъ одесскаго порта, насъ подхватила страшная буря, самая сильная, какую я когда-либо испытывалъ. Ночью кухня и все, что въ ней находилось, было угнано волнами; нѣсколько каютъ попорчено, кожухи колесъ разбиты, палуба смыта. Вода въ машинѣ, вода въ каютахъ, вода вездѣ, а волны продолжаютъ вливаться,—однимъ словомъ, всякіе ужасы! Я избавляю васъ отъ описанія другихъ несчастій, которыя меня постигли въ эти последніе 15 дней путешествія. Мои вещи потеряны, и я возвращаюсь въ Красный-Рогъ, какъ Одиссей въ Итаку, богатый единственно своими собственными достоинствами. Зато „Царь Борисъ" имѣлъ въ Ливадіи большой успѣхъ, подробности котораго вы можете узнать отъ А. Т. Другой, ушедшій изъ Одессы, пароходъ, „Казбекъ", тоже потерпѣлъ и укрылся въ Севастопольскую бухту. Я по этому случаю узналъ, что оба парохода, „Казбекъ" и „Аргонавтъ",—одинъ французскаго происхожденія, другой нѣмецкаго, и что они прежде назывались: Casse-bec и Arge-Noth. Въ Одессу я вернулся съ императрицей на „Тигрѣ". Всѣ болѣе или менѣе страдали отъ морской болѣзни, но мнѣ, только-что испытавшему бурю, казалось, что я мягко качаюсь въ дѣтской люлькѣ, такъ что когда императрица выразила мнѣ свое желаніе, чтобы я написалъ стихи въ честь г-жи М—вой и ея дочери, которыхъ были именины, я могъ тогда же написать слѣдующее:

Пью-ль мадеру, пью ли квасъ я,
Пью ли сливки я коровьи,
За твое всегда, Настасья,
Выпиваю я здоровье.
Нынѣ „Тигра" пассажиры
Мнѣ вручили полномочье,
Чтобы пилъ при звонѣ лиры
За твою младую дочь я.
Лиры нѣтъ у капитана,
Лишь бутылки да графины,—
И при шумѣ урагана,
И при грохотѣ машины,
Пью изъ этого стакана
За обѣихъ именины.

Къ несчастью, тостъ не могъ быть провозглашенъ, такъ какъ г-жа М—ва и ея дочь стонали отъ боли въ своихъ каютахъ, пока А. Т. стонала на палубѣ, а рядомъ съ ней рвало какого-то капельмейстера.

До общей суматохи императрица пожелала, чтобы я ей прочелъ мои три послѣднія баллады, затѣмъ „Былину", и затѣмъ „Исторію Россіи". Каждая вещь въ своемъ родѣ была одобрена Ея Величествомъ, и какое удовольствіе имѣть ее слушательницей! Изъ всѣхъ моихъ слушателей, настоящихъ и прошедшихъ, я ей читаю съ наибольшимъ удовольствіемъ. Ничто отъ нея не ускользаетъ, она все понимаетъ, все отгадываетъ, и ея подвижное лицо отражаетъ всѣ оттѣнки и подбодряетъ чтеца вносить выраженіе въ свой „Vortrag".

Возвращаюсь къ „Борису",—мнѣ кажется, что онъ удался. Это не въ духѣ „Іоанна" и не въ духѣ „Өедора Ивановича". Тутъ нѣтъ происшествій; дѣйствіе одно—нераздѣльно: борьба Бориса съ призракомъ Дмитрія, рядъ сценъ различныхъ цвѣтовъ, черезъ которыя безостановочно проходитъ характеръ Бориса до его смерти. Императрица предпочитаетъ эту трагедію двумъ предъидущимъ, я же предпочитаю „Өедора", въ которомъ архитектура гораздо болѣе „künstlich" (художественна), и характеръ котораго мнѣ больше по сердцу. Но, какъ орнаментація, „Борисъ" болѣе богатъ и даже, можетъ быть, болѣе сцениченъ. Императрица мнѣ сказала: „Мнѣ будетъ очень жаль, если эту пьесу не будутъ давать".

Она тоже хочетъ, чтобы ей еще разъ прочли „Өедора". Постарайтесь, чтобы чтецомъ были вы. Я не читалъ въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" статьи, въ которой совѣтуютъ Стасюлевичу не печатать меня. Мнѣ было бы очень любопытно ее прочесть. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе найти ее и мнѣ прислать. Я слушаю хулу всѣхъ, но слѣдую одному принципу:

Wie du auch dein Leben lenkst,
Stets dich selbst gewahre:
Was du fühlst und was du denkst
Ist allein das Wahre.
Und vor allem dieses merk:
Du wirst Herr der Erde
Und die Schöpfung wird dein Werk,
Wenn du sagest: werde!..

какъ могъ бы сказать Гёте въ своемъ „West-Östlicher Diwan" одномъ изъ самыхъ неудобоваримыхъ произведеній, какія я знаю. На этомъ, я поднимаю съ граціей ногу и прижимаю васъ къ моему животу. Salut et fraternité!

XXX.

Красный-Рогъ.—7 ноября 1869.

Я только-что перечелъ ваше письмо отъ 18 октября и немножко возмущенъ тѣмъ, что вы сомнѣваетесь въ вѣчномъ пребываніи *прекраснаго*. Какъ бы всякіе скоты ни комментировали великолѣпные стихи Пушкина:

Несчастный другъ! Средь новыхъ поколѣній
Докучный гость, и лишній, и чужой...

комментаторы останутся скотами, а Пушкинъ останется *поэтомъ навсегда*. Поэзія, красота, любовь къ прекрасному, милый другъ, не есть дѣло моды или условности. Оно *органически присуще человѣческой природѣ*, также какъ и религіозное чувство, которое никакой Бюхнеръ не съумѣетъ—wegsophisteln. Нѣтъ, мой другъ, моя вѣра сильнѣе этого:

Genossen! ihr Drohen ist eitle Bethörung:
Strebt weiter! Wir werden das Ufer erreichen,
Bezwingend der grollenden Wogen Empörung.
Dem Ewigen wird das Vergängliche weichen;
Lasst treu unsrer heil'gen Berufung uns bleiben;
Es wird das Vertraun, das wir, Gläubige, hegen,
Die Macht uns verleich'n eine Strömung zu treiben.
Der Strömung entgegen!

Я вамъ цитирую переводъ Каролины (Павловой), потому что, безъ всякой фальшивой скромности,—я забылъ оригиналъ. Есть еще одна ода Жана Батиста (Руссо), гдѣ находится строфа, кажется, въ родѣ этого. Дѣло идетъ о солнцѣ:

Il verse des torrents de lumière
Sur les infâmes et noirs derrières
De ses obscurs blasphémateurs.

Чортъ возьми! Надо о себѣ лучше думать!.. Вы, вѣроятно, хоть одинъ разъ видѣли „Бориса Годунова"—Пушкина. Говорятъ, это дурно идетъ! Скажите мнѣ, отчего? Конечно, зная хорошо дирекцію, я догадываюсь о причинѣ. Они такъ глупы и такъ нехудожественны, что мнѣ стоило большого труда помѣшать имъ играть музыку (и какую музыку!) между перемѣнами декорацій въ „Смерти Іоанна Грознаго", и то они воспользовались моимъ отсутствіемъ, чтобы начать опять свою поганую музыку.—Если они сдѣлали то же самое въ пьесѣ Пушкина—должно быть, было смертельно скучно! Они, идіоты, не пони-

маютъ, что перемѣна декорацій въ серединѣ акта должна бы быть сдѣлана почти мгновенно. Нигдѣ въ Германіи это не беретъ болѣе двухъ минутъ, по часамъ. Оттого драматическій авторъ никогда не сопоставитъ двухъ сценъ, которыя требуютъ хлопотни: всегда одна изъ двухъ, первая или вторая, происходитъ въ узкомъ пространствѣ—zwischen Vorhang. Было бы мило, еслибы стали играть музыку при всякой перемѣнѣ въ *Шекспирѣ* или *Гетцъ-фонъ-Берлихингенѣ*. А потомъ, я не вижу, кто могъ играть роль Бориса? Если X., то онъ долженъ былъ быть ужасенъ, У.—idem. Когда я предложилъ своего „Бориса" (предложеніе между прочимъ не было принято),—я разсчитывалъ на Нильскаго, который, какъ хотите, а все-таки самый подходящій. Кстати, всѣ мои три трагедіи переведены на польскій языкъ. Я купилъ двѣ первыя въ Карлсбадѣ; третья еще не появлялась, но переводчикъ написалъ мнѣ изъ Кракова, что онъ мнѣ ее посылаетъ. Вѣроятно, оттого я ея не получилъ. Изданіе первыхъ двухъ великолѣпно: веленевая бумага, большой сicero, заглавіе красными буквами.

Не видѣть васъ уланомъ—большая потеря для меня и для всѣхъ, которые васъ любятъ. Но правду сказать, взвѣшивая все, —лучше это, чѣмъ война. На этомъ я васъ скромно обнимаю; моя жена посылаетъ вамъ тысячу дружескихъ привѣтовъ—и вашей также, я же ей цѣлую руки.

Скажите моему крестнику, чтобы онъ не восторгался Шекспиромъ гуртомъ, но хорошенько бы разбиралъ то, что̀ великолѣпно, и то, что̀ отвратительно. Иначе это все равно, что ѣсть супъ съ мухами и съ волосами изъ бакенбардъ повара и думать, что именно волосы и мухи придаютъ всѣ достоинства произведенію.

XXXI.

Красный-Рогъ.—28 ноября 1869.

„Oh, die süsse Gewohnheit des Daseins", говорилъ кто-то, гдѣ-то. Я же говорю: Die süsse Gewohnheit des Schreiben's an Dich... и продолжаю:

Шесть часовъ утра. Я только-что выходилъ на балконъ, но ничего не могъ разсмотрѣть. Такой туманъ, что онъ даже помѣшалъ бы Ромео разсмотрѣть Джульетту на полъ-аршина разстоянія. Пѣтухи на селѣ продолжаютъ орать вдалекѣ, но они ничего этимъ не доказываютъ.

Точно конецъ свѣта, или Нифельгеймъ скандинавовъ! Ни дерева, ни повара въ кухнѣ! Ничего!

Это идеалъ нигилистовъ; къ тому же, что-то сырое падаетъ вамъ на голову. Какое ваше мнѣніе насчетъ сырости? Думаете ли вы, что она зачатокъ міра?—Я же думаю, что она зачатокъ только однихъ ревматизмовъ...

XXXII.

Красный-Рогъ.—15 декабря 1869.

Мой юный пріятель, я только-что перечелъ „Гамлета" по-англійски и нахожу, что Марвелъ и Бернардъ — оба очень хорошіе характеры, также какъ и Гильденштернъ и Розенкранцъ. —Не того ли же и вы мнѣнія?—Помимо этого, я только-что гулялъ по балкону; почти три часа утра, и я нахожу, что Юпитеръ и Венера—очень красивыя звѣзды... Неполный дискъ луны довольно плохо освѣщаетъ тающій снѣгъ, точно весна стоитъ у дверей. Пѣтухи поютъ до хрипоты... и еще что-то другое—не знаю что!.. развѣ не соловьи ли? или вѣдьмы? Но все это хорошо и въ желанномъ тонѣ. Главное—необходимо надо быть въ надлежащемъ тонѣ, т.-е. въ гармоніи со всѣмъ окружающимъ. Я въ гармоніи, т.-е. по отношенію къ природѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, но не по отношенію къ людямъ...

Моя бѣдная жена спрашиваетъ меня время отъ времени, вернется ли весна? И я отвѣчаю ей: „Юнкеръ Шмидтъ, честнòе слово, лѣто возвратится!"—Все-таки все, что я только-что видѣлъ съ балкона, мнѣ нравится.

Хотите другой переводъ Гёте? вотъ онъ:

Какъ мѣсяца неполный, алый кругъ,
Всходя такъ поздно, дурно освѣщаетъ
Нашъ трудный путь...

Хотите другой переводъ Гёте? вотъ онъ:

То древній лѣсъ. Дубъ мощный своенравно
Надъ сукомъ сукъ кривитъ въ кудряхъ вѣтвей;
Кленъ, сока полнъ, восходитъ къ небу плавно
И, чистъ, играетъ ношею своей.

Хотите мое собственное нѣмецкое стихотвореніе? вотъ оно:

Ja, ich fühl' mich frisch und munter
Munter fühl' ich mich und frisch,
Denn ich steige auf und unter,
Auf und unter wie ein Fisch;

In dem feuchten Elemente,
Das man Dichtersphäre nennt,
Wo so mancher Pinsel flehnte
Ruf' ich aus: Potz Element!
Theure Frau so thut dasselbe
Aus dem Sinne shlagt euch kühn
All' das leid'ge Schwarz-roth-gelbe
Und bekranzet euch mit Grün..

Хотите хорошій переводъ по-нѣмецки моей баллады „Три побоища"? Вотъ вамъ отрывки:

Und wie man der Fürstin berichtet der Traum,
Der Fürst aber alles erwogen,
Da kommt auch die Githa gerannt in den Raum
Gar liederlich angezogen.
Sie ist decoltirt in weitestem Sinn
Und nicht zu reden sie säumet:
Herr Schwager! so ruft sie, Frau Schwägerin!
Ich hab' von was Schlechtem geträumet, и т. д..

XXXIII.

Красный-Рогъ.—28 декабря 1869.

...Теперь я долженъ опровергнуть нѣкоторыя изъ вашихъ предложеній (въ смыслѣ синтаксическомъ).

1-е. Я не презираю славянъ, напротивъ, я имъ симпатизирую, но только тогда, когда они заявляютъ свою свободу и автономію, или когда они дѣлаютъ разныя историческія изысканія или археологическія раскопки. Но я объявляю себя ихъ непріятелемъ, какъ только они нападаютъ на европеизмъ и когда они сопоставляютъ свою проклятую общину—принципу индивидуальности,—единственному принципу, въ лонѣ котораго можетъ развиться цивилизація вообще и *искусство* въ особенности. Общину я ненавижу менѣе, чѣмъ эгалитарность, глупую выдумку 93-го года, которая никогда не существовала, даже ни въ какой республикѣ, —въ новгородской менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, такъ какъ Новгородъ былъ республикой, главнымъ образомъ, *аристократической*. Флоренція выгнала одно благородное сословіе и тотчасъ же создала другое.—Итакъ, я становлюсь врагомъ славизма, когда онъ дѣлается проводникомъ соціализма и эгалитарности. *Я западникъ съ ногъ до головы, и настоящій славизмъ—западный, а не восточный.*

XXXIV.

Красный Рогъ.—11-го января 1870 г.

Не знаю отчего, но я всегда къ вамъ обращаюсь, когда обсуждается вопросъ искусства (который для меня равняется жизненному вопросу: — *быть или не быть*). — Впрочемъ, я знаю, отчего это такъ: — изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ и друзей — вы единственный, кто не полинялъ *въ этой области* (Farbe gehalten), которая для меня—единственный настоящій элементъ. Вскорѣ я вамъ адресую письмо въ надеждѣ, что вы его напечатаете; въ немъ я выскажу мой образъ мыслей насчетъ искусства вообще и драмы въ особенности.

Это ужасно, какъ у насъ и въ Германіи въ послѣднее время отдалились отъ настоящей единой цѣли искусства, до какой степени его унизили, употребляя его, какъ простое орудіе, чтобы доказать то или другое. Я, наконецъ, скажу, что то, что хотятъ доказать, доказывается съ успѣхомъ лишь тогда, *когда отказываются отъ желанія доказывать*, что художественное произведеніе, прекрасное само по себѣ, ненамѣренно доказываетъ всѣ истины гораздо лучше, нежели это могутъ сдѣлать тѣ, что садятся за письменный столъ съ намѣреніемъ ихъ доказать посредствомъ художественнаго произведенія. Я утверждаю, что искусство не должно быть *средствомъ*, но оно въ себѣ содержитъ всѣ результаты, къ которымъ тщетно стремятся всѣ утилитаристы, именующіе себя романистами, живописцами или скульпторами.—Между живописцами, которые *желаютъ что-то доказать, и ничего не доказываютъ*, первое мѣсто принадлежитъ *Каульбаху*. Насколько онъ хорошъ въ *Битвѣ гунновъ*, настолько онъ плохъ въ своихъ символическихъ картинахъ, которыя онъ написалъ съ тѣхъ поръ. Если вы не забудете,—напомните мнѣ разсказать вамъ смѣшной анекдотъ, который случился со мной въ Мюнхенѣ относительно Каульбаха. Эти анекдоты случаются только со мной, и сколько ихъ было! Я все надѣюсь, что вы мнѣ что-нибудь скажете насчетъ „Бориса", но почты приходятъ и ничего не приносятъ.

Я прочелъ въ газетахъ, что Леонидовъ взялъ роль *Ивана* въ свой бенефисъ, и что Самойловъ долженъ былъ играть *Схимника*. Я увѣренъ, что онъ былъ очень хорошъ. Еслибы это былъ человѣкъ, съ которымъ можно столковаться,—я далъ бы ему роль Клешнина въ „Царѣ Борисѣ".

Найдите мнѣ сюжетъ для драмы, который не былъ бы историческій, но который я могъ бы уставить въ русскій міръ въ неопредѣленной эпохѣ.

Я вамъ повторяю то, что̀ я сказалъ недавно Каролинѣ (Павловой): легче творить на сюжетъ, данный извнѣ, чѣмъ на такой, который самъ выдумаешь! Избавляешься отъ нѣкоторой отвѣтственности и скрываешься за легендой или за исторіей, которую можно измѣнить по своему усмотрѣнію.

Если Шекспиръ бралъ свои сюжеты въ хроникахъ и повѣстяхъ, — это не оттого, что у него было мало воображенія, но вѣроятно по вышеупомянутой причинѣ.

Я вамъ говорю, что я не попалъ на свое призваніе: русскіе меня ругаютъ, нѣмцы говорятъ мнѣ комплименты. Многіе мнѣ говорили: „но отчего вы не пишете ваши драмы прямо по-нѣмецки?" —Скажите, долженъ ли я сдѣлаться нѣмецкимъ поэтомъ?

ЭЛЕГІЯ.

Гдѣ Майковъ, Мей, и Минъ, и Марковъ, и Минаевъ?
И Фетъ, что дѣвамъ любъ?
Полонскій сладостный, невидящій Ширяевъ
И грѣшный Соллогубъ?
Передо мной стоятъ лишь голыя березы
И пожелтѣвшій дубъ,
Но нѣтъ, съ кѣмъ раздѣлить въ бору холодномъ слезы
И насморкъ дать кому-бъ.

XXXV.

Красный-Рогъ.—21-го декабря 1870.

Нейнъ, нейнъ, мейнъ либеръ... я не презираю славянъ,—къ несчастью, я не имѣю на это права.

Но я нахожу, что побольше смиренія было бы имъ къ лицу, —не такого, какое мы уже слишкомъ показывали, и которое состоитъ въ томъ, чтобы, скрестивъ на животѣ десять пальцевъ, вздыхать и, поднявъ глаза къ небу, говорить. „Божья воля! Подѣломъ намъ! За грѣхи наши!.." Но надо бы другого смиренія, хорошаго, которое состоитъ въ признаніи своей недостаточности съ тѣмъ, чтобы отъ нея избавиться. Это смиреніе — противоположность самодовольствія, которое говоритъ: „я горжусь просторомъ русской земли и широтой русской натуры, которая не можетъ и не хочетъ ничѣмъ стѣсняться. Всякое ограниченіе про-

тивно русской природѣ (ограниченіе противно?!!..); намъ не нужно ни заборовъ, ни классовъ! Гуляй, душа"!..—Отъ славянофильства Хомякова меня тошнитъ, когда онъ ставитъ насъ выше Запада ради нашего православія.

Я теперь ищу—и не нахожу—сюжетъ для драмы въ нашей исторіи до татаръ.

Паденіе Новгорода (не думайте, что я считаю его до татаръ - это только saltus mentis) меня увлекло, но, пошаря въ немъ, я нашелъ, что новгородцы того времени были порядочныя свиньи, которыя ничего лучшаго не заслуживали, какъ упасть въ московскую пасть, какъ Римъ—въ пасть Цезаря.

Андрей Боголюбскій (другой saltus mentis) былъ убитъ пьяницами и трусами. Мнѣ надо что-нибудь другое.

Я хотѣлъ взять легенду. „Садко" меня очень притягивалъ, но это сюжетъ болѣе для балета, чѣмъ для драмы. — Путь къ „Димитрію Самозванцу" подготовленъ моими первыми драмами, но имъ слишкомъ злоупотребляли, и онъ мнѣ напоминаетъ Марія, сидящаго на каминныхъ часа́хъ. — Кстати! Знаете ли вы, отчего онъ туда сѣлъ?.. т.-е. не на каминные часы, а на развалины Кареагена? И что̀ тутъ интереснаго въ этой манерѣ сидѣть? Должно быть, было жестко, и больше ничего!

XXXVI.

Кр.-Рогъ.—18 ноября 1870.

Дайте мнѣ съ вами поболтать, чтобы избѣжать всѣхъ реальностей, болѣе или менѣе непріятныхъ, которыя меня окружаютъ.

Прежде всего скажите мнѣ, какъ вы поживаете? Ваша жена и сынъ? И потомъ, дайте мнѣ одно политическое извѣстіе, какъ бы вы ни были удивлены, услышавъ этотъ вопросъ отъ меня.— На какихъ гарантіяхъ, явныхъ или скрытыхъ, основывается увѣренность Россіи, что ей не придется воевать для поддержанія ноты Горчакова, такъ какъ я предполагаю, что разъ нота пущена, ее поддержать. Я тоже не могу предположить, что нота была пущена безъ предварительнаго и тщательнаго изслѣдованія почвы. Вотъ именно объ этомъ-то изслѣдованіи почвы и хотѣлъ бы я узнать. Если мы пріобрѣли увѣренность въ Пруссіи, — что̀ мы поставимъ противъ Англіи, если она придетъ въ Кронштадтъ? Или, можетъ быть, новая военная организація должна служить пугаломъ для Европы? Разъясните мнѣ это, такъ какъ я ничего не знаю. А что касается послѣдней реформы—въ данное время

я признаю въ ней лишь одну интересную сторону,—а именно: видѣть васъ въ уланскомъ мундирѣ, который къ вамъ долженъ очень идти, особенно сзади. Я сдѣлаюсь саперомъ, чтобы не брить бороду, и... Европа, держись! воображаю ея страхъ... Я провелъ хорошій мѣсяцъ въ Дрезденѣ, не имѣя управляющихъ вокругъ себя. Я написалъ три дѣйствія драмы, которая будетъ называться „Посадникъ", и она не историческая.

Покажите намъ признакъ жизни.

XXXVII.

Красный-Рогъ.—25 декабря 1870.

Какъ бы я желалъ, чтобы вы мнѣ высказали какую-нибудь ересь—артистическую или литературную, чтобы я имѣлъ удовольствіе ее опровергать. Мой творческій умъ не дѣйствуетъ, но полемическая страсть не застыла, и между свинствами, которыми я окруженъ, это единственное умственное упражненіе, которому предаться я чувствую себя въ силахъ. Я даже способенъ довести мое тщеславіе до того, что готовъ просить васъ писать мнѣ *объ искусствѣ по-русски*, чтобы я вамъ отвѣчалъ на томъ же языкѣ, и чтобы наши письма перешли въ вѣчность черезъ каналъ газетъ.

Но вы слишкомъ увлечены вашей политической перепиской, чтобы думать объ Ding an sich, вы слишкомъ *объективировали* себя, чтобы думать ради одного *объекта* безъ отношенія къ субъекту.

Мнѣ остается только дѣлать предположенія на этотъ разъ. Если вы мнѣ скажете, что... я вамъ отвѣчу, что... Я знаю, что вы думаете, что... но я вамъ докажу, что это абсурдъ...

Кромѣ того, что этотъ способъ разсуждать не любезенъ, онъ скученъ и напоминаетъ слишкомъ проповѣди какого-то испанскаго капуцина, который начиналъ иногда такъ: „Вы думаете, братія, что апостолы принадлежали къ братству св. Доминика, а я вамъ скажу, что вы всѣ ослы,—такъ какъ они были францисканцы..."

Въ отчаяньѣ, что я не могу ни доказывать вамъ, ни спорить, такъ какъ вы молчите,—я вамъ скажу стихотвореніе, написанное по предваренію (par anticipation).

„Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо..." [1])

PS. Только что было 25^0 морозу...

---

[1]) Напечатано въ Собраніи Сочиненій.

XXXVIII.

Красный-Рогъ.—9 мая 1871.

. . . .

Моя большая работа „Посадникъ“ остается нетронутой.

С. отбила у меня охоту, сказавъ, что это плохо.

Откровенно говоря, я съ ней не согласенъ, но охота пропала. Я было-написалъ два акта прозой, но у меня явилась мысль написать все стихами, и я переложилъ въ стихи первый актъ. Дѣлая это, я нашелъ, что въ стихахъ становишься менѣе словоохотливъ, чѣмъ въ прозѣ, и это выходитъ лучше.

У насъ, несмотря на весну, собачій холодъ, если я смѣю такъ выразиться.—Соловьи поютъ, но надо быть соловьемъ, чтобы этимъ заниматься. А я пріобрѣлъ себѣ катарръ на вальдшнеповой охотѣ, и такъ боюсь опять заболѣть, какъ въ Одессѣ, что сижу въ комнатѣ.

Безъ преувеличенія, я не желаю самому большому подлецу изъ моихъ знакомыхъ болѣть, какъ я болѣлъ въ Одессѣ, а именно: кашель и неимѣнье силъ откашляться, и задыхаешься въ теченіе 15 дней по крайней мѣрѣ. Собачья болѣзнь! Я только могъ дышать, стоя на четверенькахъ, и въ этомъ положеніи, къ большому страху присутствующихъ, я пропѣлъ: „О, Матильда, идолъ моей жизни!“ Я шутливъ отъ природы, но не скрою отъ васъ,—я думалъ, что легко могу умереть (и доктора то же думали), но мнѣ это было довольно безразлично; одного было жаль, что не оконченъ „Посадникъ“. Вообще мнѣ кажется, что я не долженъ умереть, прежде чѣмъ напишу что-нибудь хорошее, очень хорошее, а послѣ этого, какъ говоритъ польскій священникъ Дюпьи: „Да будетъ воля твоя!“

Вы можете смотрѣть на это, какъ хотите, мой дорогой пріятель, но для меня ваша будущая жизнь совсѣмъ не страшна. Развѣ вы очень увѣрены въ существованіи индивидуума?—Я—нѣтъ.

Но что̀ дѣлается съ различными полами, если индивидуализмъ—одна иллюзія? Есть такія насѣкомыя (утверждаетъ самъ Дарвинъ, а онъ знаетъ, что̀ говоритъ), которыя, если ихъ разрѣзать на двѣ части, то начинаютъ драться между собой обѣ разрѣзанныя части. Не правда ли, отвратительно?

Для себя я нашелъ объясненіе первороднаго грѣха, или, лучше сказать, справедливости нашего наказанія за извѣстное яблоко,—въ слѣдующемъ сравненіи: предположимъ, что земляной червь

совершаетъ преступленіе. Разрѣжьте его на-двое—будетъ два червяка; разрѣжьте еще—будетъ четыре червяка, и такъ до безконечности. Тысячный червякъ, предупрежденный объ операціи, сдѣланной надъ первымъ, не имѣлъ бы основанія жаловаться на наказаніе, такъ какъ въ сущности онъ самъ совершилъ преступленіе! И вотъ за это объясненіе я претендую на премію изъ папской казны...

Чтò такое соединеніе церквей?—Сліяніе двухъ христіанскихъ церквей въ одну единую; которую?—все равно. Filioque—только развитіе, но не противорѣчіе; а теперь... покойной ночи, я хочу спать.

XXXIX.

Красный-Рогъ.—20-го мая 1871.

Мой юный и дорогой другъ!

Я считаю васъ сотоварищемъ и какъ бы человѣкомъ того же ремесла, которому показываются работы на станкѣ, прежде чѣмъ ихъ поправляютъ и пересматриваютъ.

И въ этомъ видѣ я послалъ вамъ мое маленькое стихотвореніе подъ заглавіемъ „На тягѣ".

Конечно, я съ тѣхъ поръ его гладилъ и переглаживалъ, какъ совѣтуетъ это дѣлать г. Депрео.

Слѣдуя моей системѣ довѣрчивости, я посылаю вамъ маленькую пастораль до ея полированія и исправленія:

То было раннею весной [1]...

Меня это увлекло лишь только потому, что это гармонируетъ съ окружающей меня природой, которая, надо признаться, тяжела на подъемъ, чтобы выйти изъ зимы, но все-таки лучше поздно, чѣмъ никогда.

Что касается до васъ, вы—драгоцѣнный сосудъ, который мнѣ хочется назвать этрусскимъ, и въ него я выливаю излишекъ моихъ художественныхъ чувствъ. Вы — струна родственная, звучащая при всякой вибраціи струнъ моей духовной арфы.

Чтò ни говори,—вы не *тайный совѣтникъ*, вы художникъ подъ маской совѣтника,—съ какою цѣлью, не знаю.

Весна плохая,—я слишкомъ джентльменъ, чтобы въ этомъ не сознаться, и я убилъ только семь вальдшнеповъ; видите мою

---

[1]) См. въ Собраніи Сочиненій.

скромность—я, было, написалъ: пять. И вотъ случай, чтобы скромно похвалиться; охотникъ вообще лжецъ,—я составляю исключеніе, я никогда не лгу, и Андрей, племянникъ моей жены, тоже никогда не лжетъ. Онъ мой воспитанникъ, и я имъ горжусь. Безъ шутокъ, я счастливъ, удостовѣряя, насколько онъ честный и отличный малый. Я питаю къ нему отеческія чувства; вы его мало знаете. Это будущій морякъ, ему 18 лѣтъ, и его характерная черта—почти-что суровая честность и тонкость чувствъ, согрѣвающая сердце. Онъ въ настоящее время мой товарищъ и по охотѣ, и по шахматамъ. Въ апрѣлѣ надѣюсь послать его вокругъ свѣта.

Помните, какъ вы сердились за шахматною игрой?—Дурная привычка, отъ которой вамъ надо отдѣлаться.

XL.

Красный-Рогъ.—3-го октября 1871.

...Итакъ, вы находите, что „Сватовство" плохо? Можетъ быть, но вообще оно имѣетъ большой успѣхъ, и всѣ, кому я его читалъ въ Россіи, какъ и въ Германіи, находятъ въ немъ большую удаль и откровенную веселость, такъ что Каролина (Павлова) начала переводить его по-нѣмецки и обѣщаетъ ему отличный пріемъ. Она тоже перевела „Илью" и „Поповича", и послѣдній вызвалъ слезы у нѣкоторыхъ дамъ и барышенъ. Другія же нашли—dass es an's Frivole gränzt, и когда ихъ спрашивали, почему?—онѣ сказали: „Aber die Mamselle?"

Одна барышня, которую вы знаете, даже очень покраснѣла и вскрикнула: „Schweinerei!"

Если не полѣнюсь, я вамъ вышлю переводъ, который въ самомъ дѣлѣ очень хорошъ.

XLI.

Красный-Рогъ.—9-го октября 1871.

Сейчасъ получилъ ваше письмо, отъ 30-го сентября, въ которомъ вы пишете о нравственныхъ сомнѣніяхъ Каткова. Если совѣсть въ негативномъ состояніи производитъ на меня впечатлѣніе отвращенія, то совѣсть въ положительномъ состояніи—всегда предметъ моего уваженія, какого бы она ни была цвѣта или формы. Итакъ, я уважаю сомнѣнія Каткова, не раздѣляя и даже не понимая ихъ,—не знаю положительно, въ чемъ мои

„Поповичъ" безнравственнѣе „Peter und Bender" Гейне, „Коринеской невѣсты", нѣсколькихъ стихотвореній Полонскаго и почти всѣхъ стихотвореній Щербины.

Другое дѣло ваше замѣчаніе, очень справедливое, что тенденціозныя строфы не идутъ къ общему тону.

Но я могу васъ увѣрить, получивъ общія удостовѣренія насчетъ этой авантюры, что „Поповичъ" и барышня, послѣ плаванія, которое продолжалось 25 минутъ, причалили къ деревнѣ подъ названіемъ *Папсуевка*, *Авсъевы-Лозы* тожъ, гдѣ нѣкій добрый священникъ, отецъ Герасимъ Помпадурскій, обвѣнчалъ ихъ съ помощью благочиннаго Сократа Борисовича Гермафродитова, который находился тамъ случайно...

Во всякомъ случаѣ, я считаю, что баллада о „Поповичѣ" вернулась въ мой мѣшокъ и опять стала моею собственностью.

XLII.

Берлинъ.—23-го ноября (н. с.) 1871.

Солнце моей жизни, фонтанъ юности, лучъ Каткова, пупъ большого свѣта, повѣренный моихъ печалей, бездна нечистоты!

Гопъ! Гопъ! Тралала!

Эти маленькія восклицанія могутъ дать вамъ мысль, что я нахожусь въ шутливомъ настроеніи.

Ошибка!.. Мое настроеніе черно!

...Благодарю за статью въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ"; благоволите передать то же г. Николаевскому отъ меня. Просматривая фельетоны „С.-Петерб. Вѣдомостей", я нашелъ только два ругательства на меня. Первое, въ которомъ увѣряютъ, что, по примѣру Хвостова, я ношу мои стихотворенія въ карманѣ, чтобы ихъ читать на блистательныхъ великосвѣтскихъ раутахъ; второе же, въ которомъ надо мной издѣваются за то, что я заставляю „Царя Ивана" ползать на карачкахъ передъ суфлерской будкой. Но относительно „Потока"—ничего; развѣ только то, что меня называютъ постоянно авторомъ „Потока" и „Пантелея".

XLIII.

Берлинъ.—29-го ноября (н. с.) 1871.

Вы славный и прекрасный человѣкъ, и вы меня тронули вашимъ заботливымъ сочувствіемъ къ моему здоровью, которое, въ сравненіи со многимъ другимъ, — послѣдняя изъ моихъ заботъ.

...Вы не знаете моего отвращенія говорить о себѣ, когда существуютъ страданія гораздо больше моихъ...

...Итакъ, я перехожу къ другимъ двумъ пунктамъ вашего добраго письма. Скажите мнѣ, какое впечатлѣніе произвела моя „баллада съ тенденціей“ и всѣ ругательства, которыми я ей обязанъ.

Я теперь въ Берлинѣ пишу другую балладу безъ тенденціи, которая называется: „Садко“. Это только картина, картина дѣйствія, съ новгородскимъ колоритомъ и нѣкоторой распущенностью выраженій, всунутой въ очень строгія рамки. Контрастъ этотъ мнѣ нравится, и мнѣ кажется, что будетъ хорошо; но въ концѣ концовъ я ничего не знаю.

Относительно распущенности выраженій (которая есть и въ „Походѣ Владиміра“, и въ „Ильѣ“), мнѣ кажется, что до меня никто этимъ не пользовался, хотя это даетъ возможность затрогивать нѣкоторыя поэтическія стороны вещей, которыя недосягаемы для поэтическаго языка въ полномъ смыслѣ слова.

Не знаю, ясно ли я выражаюсь? Если нѣтъ—это потому, что я чувствую подергиванье въ лѣвой рукѣ, и уже два дня у меня лихорадка послѣ привитой оспы.

XLIV.

Дрезденъ.—7-го декабря (н. с.) 1871.

Весеннее благоуханье, аѳинское испареніе...

...Вчера вечеромъ я пріѣхалъ сюда одинъ на пару дней. Вотъ все, что̀ я могъ сдѣлать для моей жены, которая хотѣла заставить меня ѣхать въ Италію безъ нея. Но я не хочу отдаляться отъ нея болѣе, чѣмъ на $3^1/_2$ часа. Я оставилъ ее подъ покровительствомъ Фредро, и я увѣренъ, что они будутъ безъ меня вагнеризировать, войдя въ заговоръ съ г-жею Шлейницъ [1]), которая для Берлина есть то же, что у насъ г-жа Муханова. То, что̀ я говорю, не есть кощунство насчетъ Вагнера: у меня самого глаза полны слезъ *всегда*, когда я слушаю первый финалъ „Лоэнгрина“, также при его послѣднемъ разсказѣ; но я всякій разъ ухожу изъ залы, когда злодѣй и злодѣйка начинаютъ ругаться въ темнотѣ, и утверждаю, что это смертельно скучно.

Знаете, что̀ я сейчасъ слышалъ? Старую оперу Маршнера—„Вампиръ“.

---

[1]) Впослѣдствіи графиня Волькенштейнъ-Тростбургъ, жена бывшаго австрійскаго посла въ Петербургѣ.

Не дурно; есть красивыя фразы и цѣлые хоры изъ „Донъ-Жуана“ Моцарта.

Въ Дрезденѣ то хорошо, что можно услышать музыку, какой нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не услышишь. Послѣ завтра даютъ „Альцесту“ Глука, и, конечно, я пойду.

XLV.

Дрезденъ.—20-го декабря (н. с.) 1871.

Любезная поддержка моей старости! Я сейчасъ получилъ ваше письмо со вложеніемъ... статьи обо мнѣ того, кого вы причисляете къ сапожникамъ, который, по-моему, долженъ быть знатный шотландецъ по имени *Скотъ*, а можетъ быть, генуэзецъ—*Дураио*, или французъ *Гавинье*, или чехъ *Пупъ*, или грекъ *Папа-Кокино*... такъ какъ, по высказанному имъ громадному невѣжеству относительно положенія дѣлъ у насъ, нельзя предположить, что онъ—русскій. Между прочимъ, Л. продолжаетъ метать громы противъ ужасной тенденціи „Смерти Іоанна“, которой онъ приписываетъ самое разрушительное вліяніе на наше общество.

Вотъ я и попался между двухъ огней, обвиняемый Л... и Т... въ революціонныхъ мысляхъ, а сапожниками-фельетонистами—въ ретроградныхъ.

Оба противоположныя мнѣнія согласны въ томъ, что я виновенъ! Я?! который пахну фіалками!?...

Вы требуете, чтобы я публично отрекся отъ нѣкоторыхъ стихотвореній, приписываемыхъ мнѣ! Неужто же это все „Ѳедорушка“, которую мнѣ прислали съ вопросомъ—моя ли она, или нѣтъ? Нѣтъ, не моя; я никогда ничего не писалъ безъ подписи. Авторъ... пишетъ дурные стихи и сваливаетъ ихъ мнѣ на плечи. Но зачѣмъ вы хотите, чтобы я публично защищался? Достаточно того, что я говорю, что я ихъ не писалъ. Я лучше буду протестовать противъ вашего заявленія, будто я не вѣрю въ безсмертіе души. Неправда, я вѣрю, т.-е. въ безсмертіе моей души, но не всѣхъ.

Я не очень увѣренъ въ индивидуальности, т.-е. я признаю возможность слiянія однородныхъ. То, что во всякомъ изъ насъ есть честнаго, можетъ въ другомъ образѣ жизни обратиться въ одно цѣлое, а все нечестное осталось бы на днѣ, какъ гуща, изъ которой выработалось бы что-нибудь другое.

Вы видите, что у фельетонистовъ съ ихъ манерой мало шансовъ. Они съ нашей гущей сольются въ одну общую клоаку,

чтобы переработаться дальше, т.-е. чтобы имъ возможно было,— если они довольно глупы для этого,—снова воплощаться, но опять-таки въ фельетонистовъ, до тѣхъ поръ, пока они напишутъ что-нибудь добросовѣстное. До тѣхъ поръ вѣчная сансара между фельетономъ и клоакой, чтò есть одно и то же и одинаково исключаетъ настоящее безсмертіе, Нирвану, не ту, о которой говоритъ отецъ Дюбюкъ, но ту, о которой говорятъ Гёте и Упанишады.

Ахъ, да,—чтò это вы мнѣ говорите про какіе-то дурные стихи, которые я перемѣшиваю съ хорошими? Цитируйте мнѣ нѣкоторые, чтобы я могъ ихъ исправить. Разъ вы согласны въ этомъ случаѣ съ вышеупомянутыми фельетонистами—должно быть справедливо.

XLVI.

Дрезденъ по прежнему.—(8-го) 20-го декабря, н. с. 1871.

Часъ тому назадъ я отправилъ вамъ часть моихъ изліяній, но мнѣ не хочется спать, не хочется писать дѣловыхъ писемъ: чтò же я могу сдѣлать лучшаго, какъ не продолжать изліяній въ ваше алебастровое лоно всего, чтò приходитъ мнѣ въ голову. Такъ же я дѣлалъ это въ Красномъ-Рогѣ, въ лучшія времена, когда пѣла кукушка при лунномъ свѣтѣ въ моемъ краю, который я люблю больше, чѣмъ заграницу (хотя это незамѣтно), и когда я лучше дышалъ, а главное, когда у моей жены не было сломанной руки, и когда она могла читать.

...Итакъ, я начинаю: давайте говорить объ искусствѣ. Вы утверждаетете, что я ставлю дурные стихи рядомъ съ хорошими. Nego majorem et minorem. Я иногда пишу дурныя риѳмы, но не дурные стихи. Дурныя риѳмы я пишу сознательно въ тѣхъ стихотвореніяхъ, гдѣ я считаю себя въ правѣ быть неряшливымъ, но только по отношенію къ риѳмѣ. Никогда я не считаю себя въ правѣ написать дурной стихъ, и если я сдѣлалъ это—mea culpa!— но гдѣ и когда, чортъ возьми!

Видите ли, насчетъ риѳмы я сдѣлаю вамъ сравненіе, вмѣсто диссертаціи. Есть нѣкая живопись, которая требуетъ неуклонной точности линійэ—то въ историческихъ картинахъ. Умбрійская школа, флорентійская, даже венеціанская. Есть другой родъ живописи, гдѣ *краски*—главная вещь, а съ линіями не церемонятся. Это Рубенсъ, Рембрандтъ, Рюздаль и другіе фламандцы или голландцы. И вотъ, horribile dictu, эти послѣднія картины

потеряли бы, еслибы линія въ нихъ была неумолимо правильною. Такъ, если я пишу картину большихъ размѣровъ и съ претензіей на серьезность, я съ вами согласенъ, что я долженъ строго относиться къ риѳмѣ; но если я пишу балладу или другое стихотвореніе, въ которомъ впечатлѣніе, т.-е. цвѣтъ, краска—главное, то я могу небрежно отнестись къ риѳмѣ, но, конечно, не пересаливать и не риѳмовать *середа* съ *саранча*.

Пересаливать плохо какъ въ поэзіи, такъ и въ живописи. Рембрандтъ часто пересаливалъ, Рубенсъ иногда, Рюздаль никогда.

Остановимся на *Рюздалѣ* и сравнимъ его съ его внучатнымъ племянникомъ—*Каламой*. Каламъ точенъ и исправенъ, его риѳма всегда хороша. Рюздаль часто неряшливъ (нарочно), и я, конечно, предпочитаю Рюздаля Каламѣ. Я не хотѣлъ бы потерять его небрежности такъ же, какъ не хотѣлъ бы потерять небрежности Гоголя.

А если вы не хотите пейзажистовъ, возьмемъ Мурильо. Его линіи очень небрежны и всегда пожертвованы краскамъ, и еслибы его линія была вездѣ точна и правильна, онъ производилъ бы другое впечатлѣніе и не былъ бы Мурильо; его прелесть *пострадала бы*, и впечатлѣніе было бы холоднѣе. Хотите, возьмите примѣръ въ поэзіи. Возьмите Гёте въ сценѣ Гретхенъ передъ иконой:

Ach neige,
Du, schmerzenreiche...

Есть ли что-нибудь хуже риѳмъ въ этой великолѣпной молитвѣ? Это—единственная вещь въ смыслѣ наивности и правды! Но попробуйте исправить фактуру, придать ей болѣе правильности, болѣе изящества, и все будетъ испорчено. Вы думаете, что Гёте не могъ писать лучшихъ стиховъ?—Онъ *не хотѣлъ*, и тутъ-то онъ доказалъ свое удивительное поэтическое чутье. Есть нѣкоторыя вещи, которыя должны быть выточены; есть другія, которыя имѣютъ право и даже обязаны *не* быть отдѣланными *подъ страхомъ казаться холодными*. Въ языкахъ нѣмецкомъ и англійскомъ дозволяется неправильность риѳмы, какъ и стиха; въ русскомъ же языкѣ дозволяется только неправильность риѳмы. Это его единственная возможность въ поэзіи показываться въ négligé. Само собой разумѣется, что я ставлю внѣ вопроса поэзію чисто-народную, былины. Эти имѣютъ другія правила и другія права. Онѣ стоятъ на другой почвѣ.

Въ заключеніе скажу: я думаю поступить въ духѣ русскаго языка, оставаясь непоколебимымъ относительно стиха и *позволяя себѣ иногда* нѣкоторыя свободныя отношенія къ риѳмѣ. Дѣло

чутья и такта. Или ихъ у меня не хватало? Можетъ быть; но я все-таки стою за принципъ.

Чтобы перейти отъ отвлеченнаго къ конкретному, я вамъ скажу, что я воспользовался 15 днями въ Дрезденѣ, чтобы *вытачивать* первый актъ „Посадника", и я не думаю, что въ немъ найдется хоть одинъ дурной стихъ, также какъ и въ „Ѳедорѣ", и въ „Борисѣ". А если вы ихъ найдете, назовите ихъ мнѣ, и они будутъ сейчасъ же *казнены*, тутъ же, на мѣстѣ безъ всякаго милосердія. Посадникъ — главное лицо, и, вытачивая стихи, я вытачивалъ его характеръ, который, мнѣ кажется, съ самаго начала поставленъ очень категорично. Я къ этому стремился, такъ какъ въ самомъ началѣ необходимо *не* сомнѣваться насчетъ характеровъ. Экспозиція должна содержать въ себѣ не только сѣмя обстоятельствъ дѣйствія, но и всякаго характера, и читатель долженъ ясно и точно видѣть передъ собой, какого рода зерно находится передъ нимъ, чтобы онъ не имѣлъ *сюрпризовъ* впослѣдствіи. Сюрпризы годятся для комедій, а не для драмы, интересъ которой не долженъ быть основанъ на любопытствѣ зрителя, потому что, еслибы это было такъ,—онъ пошелъ бы смотрѣть на нее одинъ только разъ. Въ виду того, что у меня только *фонъ* картины историческій, я могъ свободнѣе дѣйствовать, чѣмъ въ моихъ предшествующихъ трехъ драмахъ, и сдѣлать изъ всего одно органическое цѣлое, въ которомъ части болѣе туго сплетены. Если, Богъ дастъ, еще проживу, я надѣюсь въ Парижѣ или въ Пизѣ окончить мое предпріатіе, только бы мнѣ хватило времени, и я не страдалъ бы отъ „*бизы*".

XLVII.

Дрезденъ.—13 (25) 1871.

Примѣръ дурныхъ стиховъ и дурныхъ риѳмъ.—Но!...

Чьей это ты кровью свой мечъ обагрилъ [1]...

Мой переводъ не можетъ быть хорошъ; у меня нѣтъ староанглійскаго оригинала, и я долженъ былъ переводить съ нѣмецкаго, что̀ я и сдѣлалъ, насколько возможно вѣрно. Знаете ли вы въ какой-либо литературѣ что-нибудь столь драматичное въ такой упрощенной формѣ? Я былъ совсѣмъ *подавленъ*, когда прочелъ это. Если во время чтенія вы вложите нѣкоторый *драматизмъ* и

[1]) Баллада Эдвардъ, см. Собраніе Сочиненій.

сомнамбулизмъ... я не повѣрю, чтобы кто-нибудь могъ не быть потрясенъ съ ногъ до головы.

Я это чувствую до сихъ поръ всякій разъ, какъ я это перечитываю, и могу это сопоставить только со сценой *Лэди Макбетъ*.

XLVIII.

Висбаденъ, наканунѣ нашего новаго года—1871.

Любезный человѣкъ, я получилъ ваше письмо насчетъ англійской баллады и тотчасъ же послѣ этого фельетонъ „Русскаго Міра", въ которомъ говорится нѣсколько хвалебныхъ словъ насчетъ двухъ моихъ стихотвореній.

Вы не повѣрите, насколько я доволенъ, что вы оцѣнили балладу; я нашелъ оригиналъ въ сборникѣ старыхъ англійскихъ стихотвореній. Написано на какомъ-то шотландскомъ идіомѣ, почти-что непонятномъ, и начинается такъ: Guhy dois zour brand sae drop wi blood, Edward, Edward!—чтò я и перевожу такъ: Why does your sword so drop with blood. Въ концѣ баллады находится слѣдующее примѣчаніе: „Эта любопытная пѣсня передана издателю сэръ-Дэвидомъ Далримплемъ, баронетомъ, покойнымъ лордомъ Гэльсъ". Я не знаю, какого она вѣка, но мнѣ кажется, по разнымъ причинамъ, что она времени до-нормандскаго покоренія, между прочимъ потому, чтò говорится не о *замкахъ*, а о *башняхъ* и о *домахъ* (zour towers and zour ha', чтò по моему значитъ—your tours and your hall). Нѣмецкій переводъ говоритъ —Halle und Thurm, чтò я и перевелъ: домъ и башня.

Переводъ, которымъ я воспользовался—нѣкоего *Фонтана*.

Есть другой переводъ—*Шлегеля*.

Я счастливъ, что и другіе цѣнятъ это стихотвореніе—столько же, какъ и я.

Какъ красива и непосредственна *наивность* замѣчаній: какъ напр., что кровь ястреба не такъ красна, какъ та, которая покрываетъ мечъ Эдварда!

Или еще, напр., это: конь былъ слишкомъ старъ, чтобы его кровь могла быть такой темной! И объяснительный отвѣтъ Эдварда: „это конь былъ *темно-гнѣдой*".

Какъ вы хотите, чтобы это было произведеніе одного пѣвца? *Это произведеніе всего міра*!

Событіе несомнѣнно историческое. Оно въ свое время вѣроятно надѣлало много шума, кто-нибудь переложилъ въ стихи, а другіе стали передавать съ измѣненіями и прибавленіями, и

плачъ вышелъ само собой, съ тѣмъ *органическимъ* инстинктомъ, который всегда находится въ основѣ всѣхъ произведеній такого рода,—и характерныя черты котораго—*сила, правда и простота*.

Нельзя сѣсть къ столу и написать такую вещь съ предвзятыми намѣреніями...

Мы провели три дня въ Веймарѣ, гдѣ мы видѣли баронессу Мейендорфъ и вел. герцогиню.

Веймаръ прелестный городъ. Пріѣзжайте туда весной,—я думаю что мы тамъ будемъ, и будутъ также, я думаю, Листъ, Вагнеръ, Рубинштейнъ...

Санъ-Ремо.—27 (15) іюля 1875.

Мой дорогой другъ, вотъ уже восемь дней, какъ я здѣсь задержанъ добротой и любезностью нашей императрицы.

Я очень гордъ, что могу вамъ сказать, что уже много лѣтъ, какъ я себя не чувствовалъ такъ хорошо, такимъ свѣжимъ, такимъ бодрымъ... [1])

XLIX.

Изъ письма къ другому лицу (1863 г.) *.

Въ настоящую минуту, когда въ Россіи кипятъ жизненные интересы, когда завязывается и разрѣшается столько общественныхъ вопросовъ, весьма немногихъ занимаютъ предметы мышленія, находящіеся внѣ жизни гражданской.

Чистое искусство уступило мѣсто административной полемикѣ, и художникъ, не желающій подвергнуться порицанію, долженъ нарядиться публицистомъ, подобно тому, какъ во время политическихъ переворотовъ выходящіе изъ домовъ надѣваютъ кокарду торжествующей партіи, чтобы пройти по улицѣ безопасно.

Отдавая полную справедливость непосредственнымъ двигателямъ отечественнаго преобразованія, ставя гражданскую дѣятельность весьма высоко, я не могу однако не упрекнуть враговъ искусства въ нѣкоторой близорукости и односторонности. Они какъ будто забыли, что броженіе вопросовъ, которые такъ сильно и такъ справедливо ихъ занимаютъ, есть не что̀ иное какъ примѣненіе къ жизни общихъ теоретическихъ истинъ, не принадлежащихъ исключительно той или другой странѣ, тому или другому вѣку,

[1]) Написано за два мѣсяца до смерти.

но составляющихъ достояніе всего человѣчества, въ какія бы то ни было времена.

Уясненіе этихъ истинъ и приведеніе ихъ къ общему закону есть задача философіи, а облеченіе въ художественную форму—задача искусства.

Отвергать искусство или философію во имя непосредственной *пользы*—все равно что не хотѣть заниматься механикой, чтобы имѣть болѣе времени строить мельницы.

Diese Herren,—какъ выражаются нѣмцы,—„sehen vor lauter Bäume den Wald nicht“.

А по-русски это называется: „слона-то я и не замѣтилъ“.

Велика заслуга гражданина, который путемъ разумныхъ учрежденій возводитъ гоударство на высшую степень законности и свободы. Но законность и свобода, чтобы быть прочными, должны опираться на внутреннее сознаніе народа, а оно зависитъ не отъ административныхъ мѣръ, но отъ развитія всѣхъ стремленій, которыя внѣ всякихъ матеріальныхъ побужденій, и которыхъ удовлетвореніе столько же важно для духовной стороны человѣка (безъ нея же никакое общество немыслимо), сколько важны для его физической стороны—воздухъ, пища, одежда и пр., и пр....

Эти духовныя стремленія заключаются въ чувствѣ красоты, которое нераздѣльно съ любовью къ искусству для искусства.—Чувство прекраснаго врождено всякому народу и хотя можетъ быть задушено и подавлено въ немъ обстоятельствами, но не иначе, какъ въ ущербъ его нравственному совершенству.

Оно такъ нѣжно и тонко, что легко улетучивается; оно проявляется только въ народѣ, достигшемъ извѣстной степени нравственной развитости, но это и есть признакъ его превосходства надъ матеріальной стороной человѣка. Тотъ народъ, въ комъ оно развито сильно и полно, въ комъ оно составляетъ потребность жизни, не можетъ не имѣть вмѣстѣ съ нимъ и чувства законности, и чувства свободы. Онъ уже готовъ къ жизни гражданской, и законодательству остается только освятить и облечь въ форму уже существующіе элементы гражданства.

Вотъ однако къ чему клонится въ своемъ развитіи мнѣніе о безполезности искусства, которое въ послѣднее время, къ сожалѣнію, дѣйствовало довольно успѣшно.

Въ самомъ дѣлѣ, наше общество уже перестало сочувствовать чистому искусству.

Въ литературѣ оно требуетъ, чтобы были затронуты тѣ вопросы, которые непосредственно касаются его настоящей жизни

въ настоящую минуту, и не интересуется вопросами общечеловѣческими. При такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ всякій писатель, посвятившій себя искусству для искусства, долженъ опасаться отъ большинства публики холодной или непріязненной встрѣчи.

Таково было и мое положеніе, когда я рѣшился выступить передъ нею съ поэмою „Донъ-Жуанъ", напечатанной въ апрѣльской книжкѣ „Русскаго Вѣстника".

Оставляя совершенно въ сторонѣ литературное достоинство поэмы, которая, быть можетъ, мнѣ не удалась, и которой я ни въ какомъ случаѣ не судья, скажу только, что смыслъ ея былъ общечеловѣческій, а содержаніе не только не относилось къ современнымъ вопросамъ, но заключалось именно въ любви къ прекрасному, безъ всякаго примѣненія къ практической пользѣ.

Это былъ случайный и невольный протестъ противъ практическаго направленія нашей беллетристики. Не знаю, какъ вообще она была принята публикой, но слышалъ я, что въ одномъ кругу ее даже почли съ моей стороны за неучтивость,—что, молъ, когда дѣло идетъ о мировыхъ посредникахъ, онъ пришелъ толковать намъ о какомъ-то испанцѣ, который, можетъ быть, никогда и не существовалъ.

У тѣхъ, которые это говорятъ, я прошу прощенія и становлюсь подъ покровительство тѣхъ немногихъ, которые еще сочувствуютъ искусству для искусства.

Если „Донъ-Жуанъ" доставилъ имъ хоть малую долю художественнаго удовольствія,—это послужитъ для меня большимъ утѣшеніемъ...

ВЪ ЛѢТНІЯ НОЧИ

I.

За рѣкой блестятъ зарницы—
Бури трепетныя очи,—
Тучъ мохнатыхъ вереницы
Стелютъ пологъ темной ночи.

Душно! На сердцѣ тоскливо...
Чуткій лѣсъ таитъ дыханье;
Надъ рѣкой склоняясь, ива
Тщетно вѣтра ждетъ лобзанья.

Душно... Скука и истома!
Изнываетъ грудь, страдая,—
Только все не слышно грома,
И безмолвна тьма ночная!

II.

Ночь, волшебница съ безсонными очами!
Снова ты стоишь передо мной,
Шелестишь таинственно листами,
Что-то шепчешь сонною волной...
Ночь, волшебница въ одеждѣ звѣздотканной!
Блѣдная, сошла ты съ высоты,
Полонъ ликъ твой горести нежданной
И печаленъ, какъ мои мечты.

На челѣ—задумчивость царицы,
Грусть улыбки—на нѣмыхъ устахъ,—
И блестятъ зловѣщія зарницы
Въ голубыхъ загадочныхъ очахъ...
Разгадать боюсь твое молчанье,
Страшно мнѣ понять твой грустный взоръ,
Точно въ немъ—грядущія страданья
И любви конечный приговоръ.

III.

Несетъ мнѣ ночь привѣтъ съ Востока,
Привѣтъ изъ сказочной страны,
Гдѣ въ глубь небесъ ушли далеко
Вершинъ Кашмирскихъ крутизны;
Гдѣ въ этотъ часъ отрадной лѣни,
Гдѣ въ этотъ часъ любовныхъ грёзъ,
Одинъ лишь лотосъ ищетъ тѣни,
Чтобъ отъ луны скрыть капли слезъ...

Пускай, какъ лотосъ одинокій,
Я оболью слезами грудь,—
Лишь обо мнѣ ты, другъ далекій,
О другѣ скорбномъ не забудь!
Промчится ночь, быстрѣе грёзы,—
Блеснетъ съ Востока новый день,
Осушитъ онъ ночныя слезы,
Съ чела ночную сгонитъ тѣнь;
Клубясь, подымутся туманы,
Проснутся робкіе цвѣты,—
Лишь сердце не залечитъ раны,
Когда меня забудешь ты!..

IV.

Бурная ночь пронеслась надъ усталой землею:
Смяты цвѣты, золотистая рожь полегла подъ грозою,
Слезы сверкаютъ въ травѣ, мимолетныя слезы земли,
И, какъ рыданья, раскаты смолкаютъ вдали.

Вотъ ужъ и солнышко землю ласкаетъ привѣтомъ,
Птички щебечутъ и носятся въ воздухѣ нѣжно пригрѣтомъ,
Тихо дымятся поля, и вдали затуманился лѣсъ...
Сонъ безпокойный умчался, спугнутый лазурью небесъ.

Бурная ночь пронеслась надъ моею душою:
Черныя думы, какъ тучи, тѣснились нестройной толпою,
Жгучія слезы текли изъ усталыхъ очей
Жгучія слезы кропили могилу надежды моей.

Утро пришло—и растаяли мрачные призраки ночи,
Съ новою вѣрой впередъ устремляются очи,—
Только въ груди, въ глубинѣ, еще тихо гнѣздится печаль,
Словно пролитыхъ мнѣ слезъ, словно мукъ пережитыхъ мнѣ жаль...

В. Саводникъ.

Іюнь, 1895.

РАДИ СЛАВЫ

Съ итальянскаго.

— Pe' belli occhi della gloria. Scene quasi vere, Salvatore Farina.

Окончаніе.

X *).

И въ самомъ дѣлѣ, небольшого труда стоило старику-Маттіи догадаться, къ кому Софи питаетъ тайное и горячее чувство, котораго она стыдится и которое всѣми силами старается подавить въ себѣ. Собственно говоря, это чувство могло только сдѣлать ей честь, потому что въ основѣ его лежала жалость, какую не могло не испытывать ея доброе сердце къ бѣднягѣ-Тоніо, влюбленному въ ея сестру. Что же мудренаго или постыднаго въ томъ, что она полюбила его?

Такъ думалъ слѣпой, сидя въ саду или тихо прохаживаясь по его дорожкамъ ранней весною, подъ солнечнымъ, теплымъ небомъ. Онъ непремѣнно настоялъ на томъ, чтобы гулять ежедневно одному, ощупывая передъ собой дорогу съ помощью палки; увѣрялъ даже, что и по лѣстницѣ ходить онъ ничуть не боится и не ошибется ни на одну ступеньку. Въ это время дня Тито обыкновенно работалъ, и отцу не хотѣлось отрывать его отъ станка; онъ говорилъ, что самъ, и безъ его помощи, найдетъ

*) См. выше: октябрь, 662 стр.

дорогу. Впрочемъ, Томазіо, строго выдержанный молодымъ хозяиномъ, незамѣтно для него, не спускалъ глазъ со старика.

Долго-долго, пока усталость его не одолѣвала, бродилъ Маттіа по тѣнистымъ дорожкамъ и садился отдыхать на каменной скамьѣ, весь превращаясь въ слухъ. Какъ щебетали пташки! Какъ грустно разливался голосокъ дрозда по зеленымъ вѣтвямъ старыхъ тополей! Маттіа умилялся духомъ, прислушиваясь къ его тихимъ переливамъ... А тамъ подходилъ къ нему и Тито, и оба подъ руку шли походить немножко, въ ожиданіи завтрака.

Между ними больше не было уже разговоровъ о быломъ. Чтò было, тò прошло: къ чему же поминать про увядшую любовь? И Тито говорилъ чистосердечно, что нѣтъ выше любви, какъ любовь къ искусству; она одна спасаетъ насъ отъ всякихъ другихъ увлеченій. Маттіа несовсѣмъ въ этомъ былъ увѣренъ, но и не возражалъ сыну: онъ просто выжидалъ. А вечеромъ, когда приходила Софи, старикъ протягивалъ ей обѣ руки и, словно еще молодой и влюбленный, возбужденно и радостно ждалъ, пока она подбѣжитъ и пожметъ ихъ.

Однажды вечеромъ они были одни, вдвоемъ. Тито ушелъ на сходку „Семьи художниковъ", и старикъ воспользовался случаемъ, чтобы поговорить съ молодой дѣвушкой по душѣ. Софи, тихо и покорно согласившись, разговорилась, послѣ нѣкотораго колебанія, о своихъ сердечныхъ дѣлахъ. Вѣдь ея откровенность никому, кромѣ ея самой, не могла повредить.

Такимъ образомъ, Маттіа узналъ, что Тоніо—прекрасный малый, съ добрымъ любящимъ сердцемъ и сильною волей; что Юдиѳь—очень разсудительная дѣвушка и что она навѣрное въ концѣ концовъ добьется своего... но чего именно она хочетъ добиться, Софи не пожелала сказать; что папá-Сальви одаренъ замѣчательнымъ и рѣдкимъ свойствомъ—умѣньемъ гордиться своей судьбою и своимъ поклоненіемъ искусству...

— Онъ счастливъ и не боится смерти...—заключила она:— потому что она сулитъ ему въ будущемъ...

— Полное успокоеніе?—подсказалъ слѣпой.

— Ну, нѣтъ: этого ему было бы слишкомъ мало! Онъ скорѣе предпочелъ бы еще борьбу... но, въ сущности, онъ вѣритъ, что смерть дастъ ему иную жизнь,—и эта вѣра вполнѣ его удовлетворяетъ.

Старикъ сталъ разспрашивать ее подробнѣе, и зная, что это собственно невинное признаніе, Софи разсказала о преданности своего отца спиритизму. Сальви былъ убѣжденъ, что при посредствѣ стола съ нимъ зá-просто бесѣдуетъ духъ великаго Нерона!..

— Какъ? И вы тоже вѣрите въ этого духа?..—воскликнулъ Маттіа. Но Софи, улыбаясь, возразила, что ни въ этого, ни въ какихъ другихъ духовъ она не вѣритъ... по той простой причинѣ, что не можетъ видѣть ихъ и осязать; однако, твердо вѣритъ въ искренность тѣхъ, которые видѣли и осязали, и потому убѣждена, что есть за гробомъ лучшій міръ, который ожидаетъ насъ по смерти.

Тихая, серьезная рѣчь молодой дѣвушки поразила старика. Онъ внимательно выслушалъ ее и смиренно признался, что если и подымалъ когда свои взоры къ небесамъ, то лишь затѣмъ, чтобы не потерять изъ виду свой идеалъ въ искусствѣ... И послѣ долгаго молчанія прибавилъ:

— Что-жъ? Можетъ быть, и у меня была своего рода вѣра, которой я и самъ не подозрѣвалъ. И мнѣ бы такъ хотѣлось думать, что вы раздѣляете ее.

Софи увѣрила его, что и она всегда преклонялась передъ идеаломъ.—Ну, а развѣ идеалъ—не даръ небесъ?

— Идеалъ—даръ небесъ... — нѣсколько разъ повторилъ тихонько Маттіа, и въ голосѣ его слышалось какъ бы сомнѣніе.

Въ эту минуту возвратился Тито и объявилъ Софи, что Тоніо уже поджидаетъ ее.

— Мнѣ такъ хотѣлось попросить его зайти,—прибавилъ онъ:—но, завидя меня, вашъ кузенъ отошелъ подальше. Пожалуйста, скажите это ему вы сами.

— Хорошо; я скажу!—отвѣтила Софи.—Бѣдняга Тоніо!..

Молча, напрягая слухъ, старался слѣпой уловить въ ихъ разговорѣ нотку тревоги или досады, но это ему не удалось, и онъ снова задумался надъ выраженіемъ Софи:

— Идеалъ—даръ небесъ...

Между тѣмъ, Тоніо въ самомъ дѣлѣ поджидалъ кузину у подъѣзда. Съ той самой минуты, когда Юдиѳь наотрѣзъ отказала ему, Тоніо, въ надеждѣ смягчить ея жестокое сердце, старался пріучить себя мало-по-малу смотрѣть на свои собственныя страданія безъ оховъ и вздоховъ; и если онъ всю зиму аккуратно являлся провожать, вмѣсто красавицы, ея сестру-дурнушку, то единственно съ цѣлью хоть немного поговорить о Юдиѳи, но поговорить уже не съ такой горячностью, какъ прежде, а скорѣе съ тихой грустью и даже не называя ее по имени. Софи думала, что теперь, когда онъ уже успокоился, ему можно бы и прекратить свои проводы, въ которыхъ она, впрочемъ, и не нужда-

лась; но Тоніо былъ вѣренъ своей привычкѣ, и, наконецъ, Софи прямо сказала ему:

— Послушай, Тоніо! Ты вѣдь, слава Богу, совсѣмъ избавился отъ своей злой болѣзни? Весна уже на дворѣ, и дни становятся свѣтлѣе, длиннѣе... Я могу и одна дойти домой, а ты найдешь, на что употребить свое время съ бо̀льшею пользой.

— Ну что-жъ, по твоему, я долженъ дѣлать? Скажи сама!

— Ка́къ что?.. Да что угодно: навѣщать друзей и веселиться... Мало ли что найдется...

— Ну, если ты не хочешь... если я тебѣ надоѣлъ...

— О, Тоніо! Пожалуйста, не думай...

— А если я тебѣ не надоѣлъ, оставь меня по-прежнему приходить за тобою.... Мнѣ съ тобой такъ отрадно! Я и самъ знаю, что со мною скучно; что я молчу, вмѣсто того, чтобы хоть немножко говорить... Но вѣдь съ тобой можно и помолчать... Не такъ ли?

И Софи подтвердила, что съ нею можно и помолчать.

Такимъ образомъ, въ молчаніи, они дошли до знакомаго крыльца.

— Ну, Тоніо, прощай!

— Прощай!.. А завтра я приду опять... А? Какъ ты хочешь?

— Пожалуй, приходи, если тебѣ угодно!

На другой день Тоніо, по обыкновенію, пришелъ провожать кузину, и все вошло опять въ свою колею, съ тою только разницей, что онъ, повидимому, вовсе пересталъ теперь думать о Юдиѳи. Онъ мало говорилъ и почти всю дорогу молчалъ; что же касается завѣтнаго огонька въ окошечкѣ „невѣрной", онъ уже больше не разжигалъ страсти Тоніо, который лишь съ любопытствомъ и спокойно проговорилъ въ одинъ прекрасный вечеръ:

— Осуществилась ли *ея* мечта?

Но Софи промолчала и Тоніо не настаивалъ на отвѣтѣ; а то ей бы пришлось, пожалуй, признаться, что Юдиѳь, кажется, уже ее осуществила. Мечта ея воплотилась въ богача-банкира, уставшаго жить и желавшаго отдохнуть отъ своихъ плодотворныхъ трудовъ на лонѣ семьи, у своего очага. Дѣло еще было не совсѣмъ рѣшено, но самое главное уже было сдѣлано: банкиръ былъ влюбленъ—и какъ разъ въ мѣру.

Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ Тоніо ежедневно провожалъ Софи, а папа̀-Сальви частенько заглядывалъ къ своему „славному" собрату и, въ отвѣтъ на его разспросы, посвящалъ его въ тайны спиритизма.

— А что-жъ? Попробуемъ!—предложилъ самъ Маттіа, и они

усѣлись вдвоемъ за небольшой столикъ, по концамъ его. Въ комнатѣ было тихо, и Сальви поспѣшилъ любезно пригласить на бесѣду своего пріятеля — Нерона, прося его заявить о своемъ присутствіи стукомъ. И Неронъ стукнулъ, но слегка; на просьбу же повторить ударъ трижды,—если согласенъ говорить,—отвѣчалъ молчаніемъ, какъ ни манили его присутствующіе.

— Мы недостаточно сильные медіумы, — увѣрялъ старика папá-Сальви, но это увѣреніе мало дѣйствовало на слѣпого, который чему-то лукаво улыбался.

Его улыбка и упрямство духа могли бы смутить и болѣе убѣжденнаго спирита, чѣмъ Сальви; поэтому немудрено, что онъ скрѣпя сердце и противъ своей совѣсти рѣшился на отчаянный поступокъ, лишь бы не упустить случая пріобрѣсти себѣ товарища по убѣжденію. Сальви самъ стукнулъ трижды и разсыпался въ любезностяхъ по адресу своего „добраго друга" — Нерона. Но на одно ухо великій духъ, повидимому, плохо слышалъ, потому что бесѣда не вязалась, да и только! Спириту оставалось лишь сознаться, что они оба плохіе медіумы, неугодные обитателямъ загробнаго міра.

— А скажите пожалуйста,—проговорилъ слѣпой:—дѣйствительно ли столъ *самъ* стукнулъ трижды? Кромѣ насъ нѣтъ здѣсь въ комнатѣ никого?

— Конечно, нѣтъ!

— Такъ, значитъ, это не вы сами стукнули сейчасъ?

— Ну, вотъ еще!—возразилъ Сальви и предложилъ попробовать счастья когда-нибудь въ другой разъ.

— Нѣтъ, нѣтъ: довольно! Чтò бы я ни слышалъ, а все-таки не буду увѣренъ въ томъ, что этотъ стукъ настоящій. Что-жъ дѣлать? Видно, такова участь слѣпцовъ!

Когда въ умѣ старика возникала эта грустная мысль, Маттіа чувствовалъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ и пускался въ самыя безотрадныя разсужденія о своей „ненужности" въ кругу зрячихъ.

— Къ чему я нуженъ въ этомъ мірѣ?—не разъ говаривалъ онъ сыну.

Но, въ сущности, изъ этого еще не слѣдовало, чтобы Маттіа не умѣлъ пользоваться той незначительной ролью, которая теперь выпала ему на долю въ обществѣ сына и милой, неглупой дѣвушки, которая играла и читала ему великія произведенія музыки и литературы. И въ тѣ дни, когда онъ бывалъ въ духѣ, старикъ въ этомъ охотно сознавался, прибавляя, однако (на всякій слу-

чай), что для полноты его счастья не хватаетъ лишь одного... все одного и того же.

Когда же Тоніо оставался вдвоемъ съ Софіей и сидѣлъ поближе къ ней, слѣпой дѣлалъ видъ, что задремалъ, чтобы не мѣшать своимъ дѣтямъ, но въ то же время онъ напрягалъ слухъ, тщетно стремясь услышать давно желанныя слова.

— Въ какомъ вы платьѣ сегодня?—спрашивалъ ее иногда слѣпой, отъ души сожалѣя, что не имѣетъ права посовѣтовать молодой и красивой дѣвушкѣ бросить свое сѣрое старческое платье и небрежную прическу. Имѣй онъ это право, онъ смѣло сказалъ бы ей.

— Синьорина! Волосы ваши черны, какъ смоль, а лицо блѣдно. Сѣрый цвѣтъ для васъ не годится: къ вамъ пойдетъ или желтый, или же черный. Прическу вашу надо бы приподнять повыше, чтобы открыть вашъ красивый лобъ, а по плечамъ пусть лягутъ ваши густые волосы... Если вы только начнете такъ одѣваться ежедневно, никто не въ состояніи будетъ долго противиться вашей красотѣ.

Впрочемъ, въ сердцѣ старика еще теплилась нѣкоторая надежда. Онъ замѣтилъ, что Тито сталъ рѣже посѣщать свою „Семью художниковъ", предпочитая сидѣть дома съ отцомъ и съ его юнымъ другомъ—Софи.

XI.

Пришелъ май мѣсяцъ, а вмѣстѣ съ нимъ и конецъ ихъ тихой, счастливой жизни.

Однажды вечеромъ, во время обѣда, Томазіо подалъ молодому хозяину письмо, которое заставило Тито поблѣднѣть какъ полотно. Онъ взглянулъ на Софи, которая тоже на него смотрѣла.

Маттіа, еще продолжавшій улыбаться своимъ прерваннымъ объясненіямъ въ области искусства, также умолкъ; замѣтивъ, однако, что молчаніе что-то слишкомъ длится, онъ тревожно спросилъ:

— Чтò тамъ такое? Чтò это за письмо, о чемъ?

— Я еще не читалъ,—отвѣтилъ Тито съ нервнымъ движеніемъ:—но ты и представить себѣ не можешь, кто это пишетъ...

— Чезира!—пролепеталъ старикъ.—Чего ей нужно?

— А вотъ увидимъ!—проговорилъ молодой художникъ, но только молча посмотрѣлъ на запечатанный конвертъ.

— Послушайте! — прервала его Софи: — подождите читать теперь,—когда вы будете одни...

Но Тито рѣшительно надорвалъ конвертъ и принялся читать нетвердымъ, немного дрожащимъ голосомъ:

„Другъ мой! Ты мнѣ сказалъ когда-то: „Что бы съ тобою ни случилось, помни, что тебя и дочь твою ждетъ здѣсь всегда радушный пріемъ"... Ну, такъ вотъ: я здѣсь, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тебя, и такъ несчастна, какъ только то можно себѣ представить. Я лишилась всего, за что ты меня полюбилъ и что такъ мучило тебя. Бьянка тоже не очень здорова: она кашляетъ, ей нуженъ теплый климатъ, и я подумала, что только самъ отецъ можетъ ей помочь. Мать можетъ развѣ только отдать за нее свою жизнь... Дорогой другъ мой, Тито! Будь великодушенъ, постарайся преодолѣть свою обиду изъ жалости къ бѣдной, ни въ чемъ неповинной малюткѣ! Она одинока: мать ея ничего отъ тебя не хочетъ и вѣчно будетъ *тебя* благословлять, если ты даже не будешь стараться увидать ее. Отвѣчай poste-restante твоей несчастной Чезирѣ..."

Водворилось долгое молчаніе.

Тито опустилъ голову на грудь; Софи смотрѣла куда-то въ пространство, сдерживая волненіе, и только старикъ-Маттіа горько улыбнулся, прервавъ свои думы просьбой:

— Перечитай еще разъ! Надѣюсь, это принесетъ тебѣ скорѣе пользу, нежели вредъ.

Тито началъ-было читать, но волненіе душило его, и Маттіа обратился къ Софи:

— Пожалуйста, синьорина, прочитайте!

Софи спросила взглядомъ согласія Тито, который протянулъ ей письмо. Софи начала читать, не спѣша, просто и безъ оттѣнковъ въ голосѣ, который заглушали сдерживаемыя слезы. Тито, принимая отъ нея письмо обратно, замѣтилъ, что она прослезилась, и тихо прошепталъ:

— Благодарю!

— По-моему, дѣло ясно,—заговорилъ опять Маттіа:—ну, а по-вашему?..

Отвѣтъ замедлилъ.

— Если она дѣйствительно ничего у тебя не проситъ, и только хочетъ дать своей малюткѣ въ защитники порядочнаго человѣка...—продолжалъ старикъ.

— Нѣтъ, *отца*!—съ горечью возразилъ Тито.

— Ну, да: отца... но этимъ отцомъ будешь не ты, а... я!— спокойно сказалъ Маттіа. — Чтобы защитить тебя отъ твоего прошлаго, отъ тебя самого, я говорю тебѣ: я буду ей отцомъ, этой малюткѣ... я!

Тито и Софи молча глядѣли другъ на друга, въ то время, какъ старикъ полушопотомъ словно думалъ вслухъ:

— О, еслибъ это было такъ!.. Но будемъ надѣяться, что ей, какъ комедіанткѣ, доступны всѣ роли, даже искренность; если же это письмо только ловушка... берегись, Тито, не попадайся!

— Будь покоенъ, отецъ!.. А пока, лучше отложимъ разговоры до завтра... А? Что̀ вы скажете, синьорина?

Софи кивнула головой въ знакъ согласія, но въ душѣ ей было не по себѣ; ее смущалъ глубокій взглядъ Тито, рѣчь старика и жалобный тонъ посланья. Съ минуту, она почувствовала словно какое-то недовольство, не зная даже—чѣмъ или кѣмъ: другими ли, или собою?

И, наконецъ, она попросила разрѣшенія уйти домой.

— Я провожу васъ до подъѣзда,—проговорилъ Тито и, выйдя съ нею на лѣстницу, прибавилъ:

— До вашего подъѣзда... Вы позволите?

Софи не отвѣчала.

— Мнѣ надо бы вамъ кое-что сказать...—настаивалъ Тито.

— Кому? Мнѣ?—пробормотала молодая дѣвушка и, какъ бы для защиты отъ овладѣвшаго ею чувства, тихо прибавила:—Тоніо! —Но тотчасъ же, стараясь поправиться, договорила:—Тоніо всегда меня провожаетъ, но сегодня я ушла раньше обыкновеннаго. Посмотримъ, тутъ ли онъ?

Тито выглянулъ на улицу.

— Никого нѣтъ; значитъ, сегодня я васъ провожаю.

Но Софи подумала, что бѣдному кузену, пожалуй, придется долго прождать ее понапрасну, и предложила лучше постоять здѣсь, пока онъ подойдетъ.

Они остановились въ полутьмѣ навѣса, и рука Тито завладѣла рукою Софи, но слова не шли ему на языкъ, пока не раздался звукъ приближающихся шаговъ.

— А! Тоніо!—воскликнула молодая дѣвушка и высвободила свою руку.

Тогда, подъ вліяніемъ неизбѣжнаго разставанья, Тито договорилъ ей тихо, на ухо, свое признанье.

— Софи, послушайте! Мнѣ просто надо было вамъ сказать вотъ что̀: я васъ люблю, и горячо люблю, и теперь только убѣдился, что всегда васъ любилъ...

Тоніо былъ уже близко.

— Покойной ночи!—пролепетала Софи и побѣжала на встрѣчу кузену.

— Уже?—удивился тотъ.

— Да: мнѣ надо бы лечь сегодня пораньше. Синьоръ Тито хотѣлъ меня проводить, но я увидала тебя...

— Но чтò съ тобой? Ты себя плохо чувствуешь?

— Нѣтъ, очень хорошо, напротивъ! — и Софи пошла впередъ скорыми шагами. Тоніо чувствовалъ, что ему не совсѣмъ по себѣ.

— Софи! скажи мнѣ: ты въ самомъ дѣлѣ совершенно здорова? Разувѣрь меня!

— Да полно же, не тревожься. Я просто думаю, не будетъ ли у меня лихорадки, и нѣсколько возбуждена... Нà, вотъ, попробуй самъ... — и Софи протянула кузену руку, чтобы тотъ самъ пощупалъ ей пульсъ.

Тоніо сказалъ, что ничего въ этомъ не смыслитъ, но что... въ сущности и ему тоже кажется...

Онъ не договорилъ, и они молча прошли нѣсколько шаговъ.

— Послушай, Тоніо! — начала вдругъ Софи: — лучше ужъ ты совсѣмъ не заходи за мною; мнѣ и въ умъ не приходило прежде, какъ долго тебѣ, иной разъ, приходится дожидаться.

— Велика важность!

— Конечно, велика. Да, наконецъ, я и сама не знаю, буду ли я еще продолжать бывать у Маттіа Бонди; когда же мнѣ случится не ходить къ нему, тебѣ придется ждать меня понапрасну. Благодарю тебя за все, чтò ты для меня сдѣлалъ до сихъ поръ, но только больше уже не надо... Я такъ хочу!

— Ты такъ хочешь? — пробормоталъ Тоніо, смущенный.

— Ну, да, больше не приходи!

Бѣдный Тоніо въ недоумѣніи оглянулся туда и сюда, будто ища словъ, чтобы выразить свои мысли, и проговорилъ тихимъ голосомъ:

— А завтра я, все-таки, приду узнать, какъ твое здоровье...

— Да оно уже лучше; лихорадки вѣрно не будетъ. Посмотри самъ!

И снова Тоніо пощупалъ ея пульсъ.

— Все равно, я завтра приду...

— Ну, приходи! Прощай, покойной ночи!

Софи знала, что дома нѣтъ никого. Отецъ и Юдиѳь были въ концертѣ какой-то знаменитой піанистки, и она рада была остаться одной, наединѣ сама съ собою обсудить и провѣрить новыя, обуревавшія ее мысли и чувства и остановиться на одной изъ нихъ, наилучшей и наиболѣе полезной цѣли, главное — полезной для „него“. Бѣгомъ поднялась она по лѣстницѣ, и съ бью-

щимся сердцемъ, тяжело переводя духъ, вошла къ себѣ въ комнатку. Она не чувствовала потребности въ свѣтѣ, пока еще не пришли въ ясность ея мысли: онѣ лучше, спокойнѣе улягутся въ потемкахъ.

Софи сѣла къ столу и, облокотившись, стала смотрѣть на мрачную стѣну, на которой блестѣла въ полутьмѣ золоченая рама портрета ея покойной матери. Подъ нимъ неопредѣленно бѣлѣли постели дочерей, какъ бы уходя, удлинняясь, въ темноту.

„Неужели?.. Неужели?!..“—мысленно повторяла Софи и машинально прислушивалась, не нарушитъ ли какой-либо звукъ томительной вечерней тишины. Ей казалось, что вотъ-вотъ проявится незримая, таинственная связь, соединяющая мертвецовъ съ живыми... Но нѣтъ, все было тихо. Только громко, до боли громко и стремительно билось ея сердце.

Да полно, чего бы ему болѣть? О чемъ страдать и ныть неутомимо? Софи только теперь узнала, что это страданье причиняетъ ей душевная тревога,—тревога совѣсти, ищущей исхода изъ тягостнаго, неопредѣленнаго положенія.

Передъ Софи, словно видѣнья, проносились образы живыхъ людей, и она внимательно слѣдила за ними. Вотъ незнакомая ей красивая актриса; вотъ ея малютка, бѣдная больная Бланшъ; слѣпой старикъ съ волнистыми прядями густыхъ бѣлоснѣжныхъ волосъ, обрамляющихъ его величавыя черты; и молодой художникъ, сынъ его, до сихъ поръ бывшій для нея только другомъ...

Вотъ и бѣдняга Тоніо, котораго она когда-то втайнѣ любила своей юной, дѣвичьей, полу-дѣтской любовью, въ то время, какъ онъ самъ былъ безъ ума отъ ея сестры—Юдиѳи. Онъ промелькнулъ предъ нею сначала грустный, но потомъ спокойный, равнодушный ко всему на свѣтѣ. Совѣсть Софи словно укоряла его за то, что она перестала думать о немъ, и все сердце, всѣ помыслы отдала тому, который еще такъ недавно былъ для нея добрымъ другомъ и товарищемъ... Да, не болѣе того! Но постепенно, когда миръ сошелъ на ея встревоженную душу, когда она ужъ убѣдилась, что для нея Тито—ея единственная, безграничная и ни съ чѣмъ несравнимая любовь,—въ сердцѣ ея еще осталось какое-то странное ощущеніе—какъ бы отъ униженія, что ея чувство, которое она ставила такъ высоко въ своихъ собственныхъ глазахъ, упало такъ низко.

Чтобы рѣшить свое сомнѣніе, ей захотѣлось осязательно провѣрить свои думы, и она поспѣшила зажечь свѣчу, раскрыла свой дневникъ и принялась читать, стараясь вникать въ каждое слово.

Именъ не было на лицо; но Софи знала хорошо, о комъ и

когда шла рѣчь. На страницахъ дневника часто намекалось на какую-то недосягаемую, чудную мечту, въ основаніи которой лежало состраданіе, но о ней говорилось какъ вообще о чемъ-нибудь прекрасномъ и заманчивомъ, чему никогда не бывать и о чемъ необходимо позабыть какъ можно скорѣе. Читая теперь вновь свои собственныя строки, Софи вмѣсто „Тоніо" видѣла вездѣ имя Тито, и ей казалось, что отнынѣ и уже навсегда для нея вездѣ и во всемъ будетъ существовать только онъ,—онъ одинъ, отъ котораго она впервые услыхала слово любви и взаимнаго счастья. Волненіе, тревога не оставляли ее, и ей неудержимо захотѣлось подѣлиться ими со своими отшедшими,—побыть съ ними хоть въ мысляхъ въ то время, какъ перо ея будетъ заполнять чистую, новую страницу.

Она быстро написала: „1-е мая"... и только. Думы ея уже неслись дальше, дальше и ужъ больше не просились на бумагу. А тѣни и образы, какъ живые, опять замелькали передъ нею нескончаемой вереницей.

XII.

Послѣ одиннадцати часовъ вернулись домой папá-Сальви и Юдиѳь, которая была на этотъ разъ какъ-то особенно въ духѣ.

— Какая жалость, что тебя съ нами не было!—воскликнула она:—ты бы тамъ кое-что узнала.

— А чтò? Развѣ она и въ самомъ дѣлѣ такая знаменитость?...

— Піанистка-то? Ну, тамъ было кое-что получше нея! Тамъ былъ цѣлый банкиръ... вотъ чтò, милый другъ! Этотъ старичокъ усѣлся рядомъ со мною и потребовалъ, чтобы я познакомила его съ папá. Ну, чтò-жъ, разъ что онъ самъ этого пожелалъ, я и познакомила ихъ. Папá—надо отдать ему справедливость—велъ себя прекрасно, какъ по писанному. А между тѣмъ онъ и знать ничего не зналъ; я его ни о чемъ не предупреждала.

— Но теперь-то онъ уже знаетъ?

— Конечно. По дорогѣ домой, я спросила его: „ну, какъ тебѣ показался нашъ новый знакомый?" — „Онъ не очень молодъ, но хорошо сохранился", былъ отвѣтъ папá.—„Ну, такъ вотъ чтò я тебѣ скажу",—продолжала я:—этотъ хорошо сохранившійся немолодой господинъ—банкиръ, человѣкъ богатый. У него есть хорошее состояніе, но нѣтъ жены, и онъ влюбленъ въ меня...

— И чтò же папá?—спросила Софи.

— Папá сказалъ, что все это хорошо и прекрасно, но что

объ этомъ надо отложить всякое попеченіе; намъ всегда не везло, и такое счастье для насъ невозможно.

— А! Онъ такъ и сказалъ?

— Да! Такъ прямо и сказалъ. А я обѣщала, что какъ только сдѣлаюсь женой банкира (пойми: „бан-ки-ра!“—шутка сказать!) конецъ нашей нуждѣ—моей, его и всей семьи вообще.

— Ну, а папа́?

— Папа́ отвѣтилъ: „дай-то Богъ!“—но, поднимаясь по лѣстницѣ, все время распространялся на тему, что у него все есть; что ему лично ничего не надо; что онъ былъ бы радъ за насъ обѣихъ... Слова у него такъ и лились неудержимымъ потокомъ. Надѣюсь, что ты будешь искреннѣе.

Софи отвѣчала не сразу, потрясенная всѣмъ только-что услышаннымъ, и, чтобы не кривить душою, прямо высказала свое мнѣніе:

— Если тебѣ удастся выйти за него, это будетъ чудесно!.. Я знаю, что ты меня не забудешь!

— Еще бы! Тѣмъ болѣе, что, какъ тебѣ извѣстно, сердце у меня доброе; я не скупая и не эгоистка...

— Да, это правда, ты не эгоистка... Счастье твое, что ты это знаешь!

Для Софи эта ночь прошла тревожно, и подъ утро она еще крѣпко спала, когда къ ней вбѣжала сестра и принялась нарочно шумѣть въ комнатѣ, чтобы ее разбудить. Едва Софи открыла глаза, какъ Юдиѳь уже кричала ей возбужденно:

— Ну, что̀ такое случилось вчера, что они оба заходили провѣдать тебя?

— Оба? Но кто же?

— Тоніо, идя на урокъ, а старикъ Бонди, „славный“, „маститый“ художникъ Маттіа, присылалъ узнать о твоемъ здоровьѣ и просить непремѣнно сегодня же утромъ зайти къ нему. Папа́ самъ выходилъ къ нимъ, я не вышла.

Софи пробормотала что-то неясное, въ родѣ: „хорошо“, или „благодарю“, и тихо встала, чтобы выйти.

За ночь она сдѣлалась спокойнѣе, мысли прояснились, и она знала теперь, что̀ дѣлать и какъ ей дѣйствовать для блага старика-слѣпого и его сына. Но Юдиѳь ждала отъ нея отвѣта и нетерпѣливо напомнила ей объ этомъ:

— Что же ты молчишь?

— Ахъ, извини, о чемъ ты спрашивала?

— Что̀ съ тобой случилось?

— Да ничего! И Тоніо, и синьоръ Маттіа, встревожились

понапрасну: у меня просто разболѣлась голова, и я ушла домой раньше чѣмъ обыкновенно.

— А!..—протянула Юдиѳь, все еще плохо понимая, въ чемъ дѣло:—но когда мы вернулись въ двѣнадцатомъ часу ночи, ты еще не ложилась.

— Можно къ вамъ, дѣтки?—спросилъ въ эту минуту отецъ, отворяя дверь

— Можно, войди!—отвѣчала Софи и подбѣжала поцѣловать отца. Не дожидаясь разспросовъ, она поспѣшила объяснить ему, что съ вечера у нея болѣла голова, но что за ночь все прошло, и она здорова.

— А ты не знаешь, чего отъ тебя хочетъ Маттіа, съ самаго утра?

— Вѣроятно, что-нибудь насчетъ письма, которое мнѣ пришлось читать ему вчера.—И видя, что отецъ хочетъ разспрашивать подробно, прибавила равнодушно:—я что-то плохо поняла, въ чемъ дѣло. Но, впрочемъ, всэ равно: это не моя тайна...

Затѣмъ, спокойно подошла къ своимъ шляпамъ, старой и новой, недавно купленной отцомъ, надѣла старую и ушла.

Какъ только они остались вдвоемъ, Юдиѳь сказала отцу:

— А эта скромница, должно быть, на хорошей дорогѣ.

— Какъ такъ? Я что-то не пойму.

— А вотъ постой, поймешь!..—возразила красавица и, окинувъ отца насмѣшливымъ взглядомъ, договорила спокойно:—я же, наоборотъ, давно все поняла!

Папá-Сальви еще разъ повторилъ, что ничего не понялъ, но, не будучи любопытнаго десятка, такъ и не сталъ допытываться отъ нея, въ чемъ дѣло.

Спѣша откликнуться на зовъ слѣпого, Софи повиновалась чувству долга, которое было въ ней сильнѣе остальныхъ; но въ то же время ей порой начинало казаться, что она спѣшитъ не столько къ нему, сколько на встрѣчу своему счастью. И тогда она вдругъ замедляла шагъ, потому что это счастье—такое неожиданное, необъятное!—пугало ее, наполняло ей душу безотчетнымъ страхомъ и тревогой. Какъ замерло, какъ забилось ея безхитростное, любящее сердце, когда она проходила подъ навѣсомъ, гдѣ наканунѣ Тито шепнулъ ей свое признанье!..

Не видя никого, даже привратника, она медленно поднялась вверхъ по лѣстницѣ и остановилась въ недоумѣніи, куда идти. Вдругъ передъ нею очутился самъ Тито, какой-то унылый, встревоженный, и тихо проговорилъ, пожимая ей руку:

— Благодарю, благодарю! Вы, какъ всегда, добры и снисходительны, и, надѣюсь, простите мнѣ вчерашнюю вольность?..— и, въ нетерпѣніи услышать отъ нея отвѣтъ, твердо и настоятельно потребовалъ:—скажите же, что да!.. что вы мнѣ простили...

— Да, все простила!—отвѣчала Софи.—Но гдѣ же *онъ?*

Обыкновенно, она говорила просто: *папà*, но на этотъ разъ не рѣшилась.

— Онъ тамъ, въ гостиной!—сказалъ Тито и проводилъ глазами молодую дѣвушку, пока она не скрылась за дверью.

— Я зналъ, что вы сейчасъ же придете,—проговорилъ слѣпой, остановившись посреди комнаты съ протянутою на встрѣчу Софи рукою, въ знакъ привѣта; въ другой у него была палочка, которой онъ распознавалъ дорогу между мебелью гостиной.

— Садитесь скорѣе! Вы и представить себѣ не можете, до какой степени можетъ дойти нескромность старика слѣпого, который, какъ зрячій, видитъ вашу чистую душу! Но видите ли, мнѣ предстоитъ сдѣлать доброе дѣло, и мнѣ кажется, что только вы одна въ состояніи мнѣ въ этомъ помочь.

Такое вступленіе значительно успокоило Софи, и она, еще не зная, въ чемъ дѣло, тихо проговорила:

— Очень рада!

— Вы вѣдь вчера читали письмо актрисы, которой хочется навязать сыну моему отцовскія обязанности, хотя его отцовскія права—дѣло сомнительное. Я долго убѣждалъ Тито, что ему не слѣдуетъ быть жертвой мнимаго чувства долга. Мнѣ хочется, чтобы онъ, въ свое время, былъ мужемъ и счастливымъ отцомъ семейства... чтобы онъ былъ счастливъ... Но чего не слѣдуетъ дѣлать ему, то могу сдѣлать я: я замѣню отца малюткѣ!

— Вы?.. Вы?

— Да, я! Весьма возможно, что эта женщина увидитъ, что ошиблась въ разсчетѣ, и съ досады, что ея притворство не удалось, откажется оставить намъ свою дочь. Но если она дѣйствительно рѣшается ее отдать, я возьму ребенка къ себѣ... вѣрно вамъ говорю!

— О!—только и могла вымолвить взволнованная Софи.

— Не хвалите меня, право не за чтò! Великодушія съ моей стороны нѣтъ нисколько, а скорѣе даже нѣкоторый эгоизмъ. Вамъ я могу признаться, что боюсь, какъ бы она не раздумала, когда узнаетъ, какимъ условіемъ я отвѣчу на ея предложеніе... Ну, а тогда... тогда конецъ моимъ мечтамъ о счастливомъ будущемъ!.. Но если она согласится отдать мнѣ свою дочь, для меня еще есть *будущее*.

Софи только молча пожала руку старику. Маттіа продолжалъ:

— Вы спросите меня, конечно, что мнѣ отъ васъ нужно? Извольте, сейчасъ скажу. Придите къ намъ жить и воспитывать малютку; замѣните ей мать! Не отвѣчайте сразу; обдумайте хорошенько.

Но Софи не стала обдумывать; она знала, что долгія обсужденія ни въ чемъ не измѣнятъ того рѣшенья, которое ей уже подсказало состраданіе.

— Я готова,—просто сказала она.

Какъ бы желая помѣшать ей взвѣсить свои слова болѣе хладнокровно и разносторонне, старикъ Маттіа поспѣшно и взволнованно повторилъ трижды:

— О, спасибо вамъ, спасибо!.. Спасибо!.. Я снова оживаю, снова вижу! Свѣтъ осіялъ меня, какъ зрячаго и молодого!.. Ну, слушайте же, на чемъ я порѣшилъ. Пусть лучше Тито на это время уѣдетъ въ горы или на берегъ моря... куда ему угодно, лишь бы не встрѣтился онъ съ *той* и не поддался искушенію съ ней повидаться. Счастье еще, что онъ увѣренъ, будто забылъ ее; но почемъ знать? Все можетъ случиться!.. Когда онъ уѣдетъ, я напишу этой комедіанткѣ то, что мысленно уже рѣшилъ... Хотите, я вамъ повторю?

— Ну, хорошо: скажите!

— Нѣтъ! Лучше ужъ я прямо буду диктовать, а вы—пишите. Я не могу поручить это сыну; она вѣдь знаетъ его почеркъ. Ну, подойдемъ къ конторкѣ...

Софи взяла слѣпого подъ-руку и подвела его.

— Можно мнѣ начинать?—спросилъ онъ.

— Начинайте!

„Синьора!—диктовалъ старикъ.—Письмо, которое вы написали къ Тито, онъ самъ передалъ своему слѣпому отцу, и отецъ вамъ теперь отвѣчаетъ. Я знаю, въ какихъ выраженіяхъ писалъ вамъ мой сынъ; знаю также, какъ и на какомъ основаніи онъ васъ умолялъ сдѣлать его счастливымъ. Но теперь, когда сердечныя раны его исцѣлились, я могу смѣло сказать ему: я не хочу, чтобы ты налагалъ на себя какія-то воображаемыя обязанности. Твой долгъ пользоваться той долей свѣта и счастія, которая тебѣ суждена на землѣ. Будущее сулитъ тебѣ славу и извѣстность, но, какъ глава семьи, ты можешь испытать счастье лишь какъ отецъ дѣтей, которыми тебя подаритъ женщина, давшая тебѣ счастье, неразлучное съ искренней и взаимной любовью.

„Если вы дѣйствительно такъ несчастны, какъ говорите; если вы дѣйствительно всего лишились и для вашего ребенка нѣтъ

иного спасенья, какъ искать помощи и участія у порядочнаго и сердечнаго человѣка,—я буду этимъ человѣкомъ, я приму малютку! Во мнѣ она найдетъ и наставника, и горячаго защитника, если только она сама ласкова и привязчива (какъ мнѣ бы того хотѣлось)—и друга, вѣрнаго и разсудительнаго. А такой другъ стоитъ иной разъ отца родного!..

„Приведите ребенка въ двѣнадцать часовъ дня, я буду ждать".

— Прошу васъ, прочитайте: что вы написали?—проговорилъ Маттіа, и Софи исполнила желаніе слѣпого.

— Ну, кажется, этого довольно; не надо прибавлять. Какъ вамъ кажется?

— Если она писала чистосердечно, то она не придетъ сама, не захочетъ придти, и опять вамъ напишетъ. Вѣдь сама же она говоритъ: „я лишилась всего, за что вы меня полюбили".

О, еслибъ видѣлъ Маттіа, какъ запылало личико Софи!..

— Я тоже думаю, что она могла сказать правду: она могла вѣдь заболѣть и обратиться чуть не въ урода. Все это весьма возможно, но возможно и то, что это лишь сценическій эффектъ. Въ такомъ случаѣ, узнавъ отъ меня, что ея хитрость не удалась и что Тито въ отъѣздѣ, она на этомъ не остановится; она будетъ стараться увидаться съ нимъ еще и еще разъ, и, наконецъ, добьется своего. Но мы-то обязаны, насколько возможно, предотвратить такое несчастіе.

— Да, да... конечно!—тихо приговаривала Софи, но въ ея голосѣ старику послышалась нерѣшимость.

— Вы какъ будто не совсѣмъ увѣрены, что она такъ ужасно подурнѣла, какъ сама говоритъ?

— Да... Нѣтъ... не знаю...

— Значитъ, вы полагали бы лучше прибавить въ письмѣ, что Тито въ отъѣздѣ?

Софи задумалась, и, прежде чѣмъ успѣла что-нибудь отвѣтить, Маттіа сказалъ:

— Ну, припишите: „Я слѣпъ, а сынъ мой въ отъѣздѣ по дѣламъ. Итакъ, вы смѣло можете придти: никто васъ не увидитъ". Такъ? Хорошо?

— О, да! прекрасно —отвѣтила Софи.

— Ну, а теперь посмотримъ, не разъучился ли я писать?— продолжалъ слѣпой.—Я не размазываю, не задѣваю? Нѣтъ? Ну, посмотрите!

— „Маттіа Бонди"!—прочла Софи.—Чудесно!

— И четко? Не криво? Или, можетъ быть, немножко...

— Да нѣтъ же, нѣтъ! Развѣ чуть-чуть, совсѣмъ незамѣтно —

отвѣтила молодая дѣвушка, и старикъ-слѣпой обрадовался искренно, какъ дитя, что умѣетъ четко написать свое имя.

Уходя отъ него, Софи въ прихожей увидала Тито, который горячо проговорилъ:

— Благодарю! Я знаю, чтò вы отвѣтили отцу... Благодарю!..

— Но какъ же вы узнали?

— Да у васъ по лицу. Я ужъ давно привыкъ читать на немъ ваши мысли и чувства... Ну, значитъ, вы согласны?

— Я прежде разскажу все моему папà, спрошу его и тотчасъ же вернусь съ отвѣтомъ,—сказала Софи, чтобъ только чѣмъ-нибудь прикрыть свое волненіе.

— И папà-Сальви дастъ свое согласіе. А? какъ вамъ кажется?

— Надѣюсь!

И Софи поспѣшно спустилась по лѣстницѣ, ни разу не оглянувшись на молодого художника, который долго еще стоялъ на площадкѣ, глядя ей въ слѣдъ.

XIII.

Софи уже давно была на мѣстѣ, назначенномъ для пріема ребенка. Все было готово; и въ то время, какъ здѣсь поджидали его, отецъ дѣвочки, по всей вѣроятности, былъ гдѣ-нибудь далеко, въ живописныхъ горныхъ тѣснинахъ Лекко, Гриньи, Барро или Сенъ-Мартена.

Молодая дѣвушка прохаживалась по комнатѣ, залитой свѣтомъ и совершенно готовой для ея будущей хозяйки, а Маттіа порой поглядывалъ на часы, слѣдя по стуку маятника за мѣрнымъ движеніемъ минутной стрѣлки.

Не разъ уже заставала его Софи въ напряженной позѣ передъ часами и наконецъ сказала ему долгожданное:

— Сейчасъ пробьетъ двѣнадцать!

Но у Маттіа не хватило терпѣнія прослушать всѣ двѣнадцать ударовъ, и послѣ перваго же онъ проговорилъ огорченно:

— Я такъ и зналъ, что она не придетъ!

Въ эту минуту Томазіо подалъ письмо.

— Вотъ и письмо!—воскликнула Софи и, стоя передъ нимъ, прочитала вслухъ: „Великодушный покровитель! Простите несчастной, которая не рѣшается явиться къ вамъ среди бѣла дня, въ назначенный часъ: она приведетъ свое дитя, какъ только стемнѣетъ. Если садовая калитка будетъ открыта, Бланшъ войдетъ, а ея злополучная мать... О! съ какимъ благоговѣніемъ она об-

14*

лобызала бы щедрую руку, осѣняющую ея безпомощное дитя! Но я сгараю со стыда явиться къ нему... Благодарю, благодарю!

„Чезира".

— Ну, хорошо: мы подождемъ. А? Чтò вы скажете, Софи?

— Я такъ и ожидала. Въ сумерки ее никто не увидитъ: вѣдь слѣпота „великодушнаго покровителя" не помѣшала бы зрячимъ разглядѣть ея лицо.

— Ну, что-жъ, пожалуй... весьма вѣроятно...—тихо бормоталъ Маттіа.

Скоротать свѣтлый майскій день помогли ему чтеніе и музыка; но все-таки, не дождавшись настоящихъ сумерокъ, слѣпой уже сошелъ въ садъ и, погулявъ немного, началъ осыпать свою молодую спутницу нетерпѣливыми разспросами и замѣчаніями:

— Скоро ли солнце сядетъ? Боже! Какъ несносно чирикаютъ воробьи въ индѣйскихъ каштанахъ! Какъ отвратительно кричитъ дроздъ!..—Все ему мѣшало; все раздражало старика. Но вотъ пронесся въ воздухѣ послѣдній протяжный крикъ дрозда, и гамъ писвливыхъ пташекъ, суетившихся на сонъ грядущій, умолкъ словно по волшебству.

Тогда слѣпой взялъ за руку Софи и пошелъ съ нею къ калиткѣ, прося ее отодвинуть тяжелую задвижку. Но это ей оказалось не подъ силу, и старикъ-Маттіа, съ довольной усмѣшкой, сдѣлалъ это самъ.

— Вотъ видите, я все-таки сильнѣе васъ!—проговорилъ онъ, но въ голосѣ его словно дрогнули грустныя нотки.

Взглянувъ за калитку, Софи сказала:

— Никого не видно!—и они снова, вернувшись, усѣлись на скамейкѣ поближе ко входу.

Солнце, наконецъ, закатилось. Тѣни кустовъ и скамеекъ стали расплываться, исчезать. Тишина вечерняго воздуха прерывалась только изрѣдка робкими, сонными криками дрозда.

Но вотъ въ отверстіи полуотворенной калитки показалась маленькая дѣтская фигурка. Дѣвочка оглянулась вокругъ и, какъ бы приплясывая, колыхнулась на своихъ слабыхъ ножкахъ.

По тому, какъ дрогнула рука Софи въ его рукѣ, Маттіа понялъ, чтò передъ нимъ происходитъ, и, вставъ на ноги, повернулся лицомъ къ калиткѣ.

— Бьянка! Бланшъ!—раздался его привѣтливый голосъ.

Услыша свое имя, дѣвочка раздумала бѣжать прочь и вернулась. Тогда Маттіа окликнулъ и ея мать:

— Чезира!

Бѣдная женщина также показалась вслѣдъ за дочерью на дорожкѣ. Голова ея была опущена на грудь; густой вуаль закрывалъ лицо. Она обѣими руками держала за плечи ребенка, который съ любопытствомъ оглядывался на нее, закидывая головку назадъ.

— Чезира!..—повторилъ слѣпой.—Дайте мнѣ руку: я тогда буду думать, что я васъ вижу.

Чезира вздрогнула и, увидя Софи, хотѣла-было убѣжать, но ограничилась тѣмъ, что плотнѣе прижала къ груди свой черный вуаль, и протянула одну руку старику, а другою обхватила дочь, какъ будто ей или себѣ въ защиту.

Молодая дѣвушка замѣтила, что движенія матери театральны и что дѣвочка съ удивленіемъ озирается вокругъ.

Слѣпой старикъ почувствовалъ волненіе, пожимая руку женщинѣ, которая не пожелала дать ему счастье на старости лѣтъ, и проговорилъ мягко:

— Вы мнѣ писали о своемъ несчастіи, но не сказали: какого оно рода? Еслибы я могъ помочь.

Маттіа остановился и прислушался. Отвѣта не было.

— Вы не хотите мнѣ сказать?—Онъ подождалъ еще и тихо выпустилъ изъ своей руки руку Чезиры, ища слухомъ малютку, дыханіе которой чувствовалъ у себя на щекѣ.

— Итакъ, мы понимаемъ другъ друга?—обратился онъ къ Чезирѣ совсѣмъ другимъ тономъ:—я беру ее къ себѣ!

И съ этими словами старикъ тихонько притянулъ къ себѣ малютку, пока не почувствовалъ, что прижалъ ее къ своей груди. Мать глубоко вздохнула, а дочь пытливо посмотрѣла на сѣдовласаго, сѣдобородаго старика и перевела свой вопросительный взглядъ на свою маму, всю въ черномъ, словно въ траурѣ.

— О, какъ я несчастна!—шептала Чезира.

— Да!—согласился въ умиленіи Маттіа:—нѣтъ въ мірѣ несчастія ужаснѣе необходимости разстаться со своимъ ребенкомъ!

— Разстаться... да; но не совсѣмъ! — возразила Чезира съ оттѣнкомъ драматизма. Моя дочь, моя плоть и кровь, все-таки, мнѣ принадлежитъ по духу! Надѣюсь, вы мнѣ позволите когда-нибудь увидаться съ нею и будете внушать этому чистому младенцу не забывать своей мамы, любить и поджидать ее?...

Послѣднія слова вышли у нея едва слышно. Обуреваемая волненьемъ, актриса заплакала и на этотъ разъ искренними слезами. Малютка, ничего не понимая, что̀ передъ ней творится, поглядывала на всѣхъ и улыбалась.

Маттіа не нашелся, что̀ сказать. Помимо своей воли, онъ

поддался чувству, которое говорило ему, что огорченіе Чезиры непритворно; слова не шли ему на языкъ.

— Помните, что ваша дочь въ рукахъ человѣка съ добрымъ сердцемъ,—началъ онъ кротко, когда нѣсколько собрался съ духомъ.—А если можно сдѣлать что-нибудь и для васъ, скажите: я сдѣлаю съ удовольствіемъ.

Вмѣсто отвѣта, Чезира поклонилась и горячо поцѣловала ему руку; потомъ порывисто обняла дочь и крѣпко прижала ее къ себѣ.

— Ты всегда будешь помнить свою маму... да, всегда?— лепетала она громкимъ шопотомъ.—Скажи, ты никогда меня не забудешь? Будешь ждать свою мамочку? Мама скоро вернется. Да, скоро, скоро! Мама напишетъ этому доброму дядѣ, и тебѣ напишетъ...

— Мнѣ? Письмо? Настоящее письмо, съ марками, въ конвертѣ!—приказывала дѣвочка.

— Да, да... Да, непремѣнно! — повторила Чезира и посмотрѣла вокругъ, словно желая запомнить хорошенько всю окружающую обстановку. Замѣтивъ, что Софи стоитъ въ сторонкѣ, она обратилась къ ней:

— И вамъ тоже поручаю я мое дитя!

Затѣмъ, стремительно бросившись къ выходу, она остановилась на мигъ у калитки, еще разъ крикнула: „прощай!" и послала воздушный поцѣлуй своей дочери.

— Она ушла?—спросилъ старикъ, дрожащей рукой проводя по кудрямъ малютки.

— Да, ушла,—отвѣтила Софи, и рука слѣпого нѣжно коснулась личика Бьянки, чтобы удостовѣриться, не плачетъ ли она. Но Бьянки и не думала плакать.

— Крошка моя! — заговорилъ старикъ:—мама вѣдь пошутила, да? Она вернется, она опять придетъ къ тебѣ, понимаешь?

— Да, понимаю!

— Ну, такъ вотъ: не надо больше плакать.

Бьянка повернула къ нему свое сіяющее личико:

— Я и не плачу; я больше никогда не плачу!—возразила она.—Мнѣ столько приходилось плакать тамъ, въ театрѣ, что даже надоѣло! Какъ крикнетъ черный человѣкъ на маму, она сейчасъ падаетъ на колѣни и теребитъ меня, и шепчетъ:—„Помни же! помни, чтобы плакать хорошенько!"—Вотъ-то чудесно было. Публика хлопаетъ въ ладоши, а я кланяюсь, еще... и еще!

Старикъ Маттіа прислушивался къ чистымъ звукамъ голоса малютки, и ему казалось, что его переливы ужъ ему знакомы

какъ музыка, такая же милая и свѣтлая,—музыка Чимарозы и Россини.

Положивъ руку на голову ребенка, Маттіа всталъ и собрался уходить домой.

— Софи!—позвалъ онъ.

— Я здѣсь!..

— Пойдемте домой; пожалуй ужъ пора?

— Калитку такъ оставить?

— Нѣтъ, пожалуйста, закройте! Я вѣдь и не подумалъ...

Дѣвочка увидала, что калитку затворяютъ, и пожелала узнать, какъ же вернется ея мама?

— Она пройдетъ въ другую,—успокоила ее Софи.

Какъ ни коротка была дорога домой, но Бьянка успѣла подмѣтить, что старичокъ, который ее не отпускалъ отъ себя, протягивалъ впередъ руку съ палочкой и тихо будто постукивалъ ею по дорожкѣ.

— Зачѣмъ онъ это?—спросила она Софи.

— Онъ ничего не видитъ,—тихо отвѣтила та, ласково взявъ ее за подбородокъ.

— Я слѣпъ, дитя,—сказалъ старикъ, и Бланшъ подняла къ своему новому другу свое смышленое личико, на которомъ отразилось любопытство съ оттѣнкомъ печали.

И Маттіа, въ свою очередь, замѣтилъ въ походкѣ ребенка нѣчто такое, что̀ его опечалило: Бьянка ступала нетвердо и какъ будто хромая.

— Постой, постой!—остановилъ онъ ее.—Я хочу тебя разглядѣть хорошенько. Стань вотъ тутъ, передо мной... поближе. Ну, хорошо: вотъ такъ! — и, осязавъ руками ея худенькія плечики, грудь и спинку, Маттіа еще разъ настоятельно повторилъ, что хочетъ *видѣть* свою богоданную дочку.

— Начнемъ отсюда!—со смѣхомъ объявилъ онъ, и малютка, видя, что ее берутъ за носъ, залилась также звонкимъ хохотомъ.

Это былъ не осмотръ, не осязаніе: это была одна сплошная ласка. Нѣжная рука слѣпого проводила по лицу, по ушамъ, по шейкѣ ребенка, пряталась въ шелковистыхъ волнахъ ея золотистыхъ волосъ и, наконецъ, привлекла ея милую головку къ себѣ на грудь.

Малютку все это забавляло. Она смѣялась, а Софи грустно на нее смотрѣла.

— Ну, а теперь, когда я тебя уже разглядѣлъ прекрасно, я хочу, чтобы и ты узнала, кто я такой. Я твой папа!

— Мой папа?—недовѣрчиво спросила крошка.

— Да. Развѣ тебѣ никто и никогда не говорилъ о папà?

— Нѣтъ, мама говорила, что онъ красавецъ.

— А я, значитъ, на твой взглядъ некрасивъ?

— И ты красивъ; но только ты старый, а папá молодой.

— Кто это? Я-то старый?.. Да я такой же молодой, какъ ты! Смотри: у меня столько же волосъ на головѣ, какъ у тебя...

— Да... но они сѣдые!.. И кожа у тебя на лицѣ не такая... Она жесткая!

Маттіа немножко призадумался и наконецъ признался, что она права. Бланшъ ликовала и побѣдоносно покрикивала:

— Ну, вотъ видишь, видишь!

— Ну, хорошо ужъ, такъ и быть, пускай я буду твоимъ *старымъ* папой... А? Но вѣдь и стараго ты любишь, дитя?

Малютка разсѣянно отвѣтила:

— О, да: очень люблю! — и тотчасъ же, глядя на Софи, спросила:

— А тебя какъ зовутъ?

— Меня зовутъ Софи, и я очень тебя люблю!

Тогда и ей, въ свою очередь, Бланшъ спокойно подтвердила, что „очень" ее любитъ.

— Ну, говори же, крошка; говори дальше!

— Что тебѣ еще говорить?

— Да все: гдѣ ты жила; что̀ дѣлала въ театрѣ...

И дѣвочка охотно разсказала про театръ, про свою милую маму и про то, какъ онѣ вмѣстѣ играли... Роскошь, какъ было хорошо! Потомъ, когда у нея разболѣлась ножка, играть было ужъ невозможно: куда же дѣвать хроменькую на сценѣ? Развѣ онъ самъ, Маттіа, не замѣтилъ? Ахъ да: онъ вѣдь слѣпъ; не видитъ ничего! Ну, а Софи, та зрячая, она замѣтила, конечно, что у нея, у Бланшъ, на правомъ сапожкѣ вотъ какой каблукъ, чтобы удобнѣе было ходить... Но все равно, это не помогаетъ, и приходится неловко ковылять... А когда она играла на сценѣ, ей такъ хлопали и кричали! Такъ осыпали конфектами!.. Разъ даже подарили большую-пребольшую куклу...

— Ну, что̀ еще? Кажется, все сказала?.. Ахъ, да: ты хочешь послушать про маму? — и Бьянка тотчасъ же принялась усердно, безъ запинокъ, говорить про мать: какъ она любила свою дочку, никогда не бранила, не наказывала ее; какъ она много работала, разучивая роли, ѣздила на репетиціи и представленія...

За послѣднее время мама такая сердитая, не въ духѣ. Можетъ быть, потому, что кашляетъ...

— Развѣ у нея, а не у тебя кашель?

— У меня былъ; но ужъ давно прошелъ...

Маттіа не настаивалъ на дальнѣйшихъ разъясненіяхъ, чтобы не смущать чистую совѣсть ребенка, и далъ ей наговориться вволю, пока малютка не начала зѣвать.

— Ты хочешь спать?—спросила ее Софи.

— Немножечко, чуть-чуть!..

— Хочешь, я пойду уложу тебя?

— Нѣтъ; я подожду маму. Она обѣщала, что скоро вернется.

— Мама въ театрѣ и вернется поздно. Вѣдь и она тебя укладывала спать пораньше, а потомъ ужъ ѣхала въ театръ?

Бьянка это подтвердила и продолжала еще болтать до той минуты, пока сонъ не застигъ ее среди разговора. Она задремала на колѣняхъ у дѣда.

XIV.

Тихое дыханіе ребенка не нарушало тишины, которую Маттіа невольно прервалъ.

— Бѣдняжка!.. Ангелъ Божій!..—прошепталъ художникъ и тихо принялся разспрашивать Софи: красива ли малютка?

— Очень красива;—чистый ангелъ!

— Курчавая?.. Съ бѣлокурыми волосами?..—допытывался слѣпой и на все получалъ самые желанные отвѣты.

— Носикъ у нея своевольный, торчитъ кверху; лобъ широкій; ямочки на щекахъ; маленькія ушки... Да, да: я это и самъ знаю, но мнѣ хотѣлось бы узнать навѣрно...

— Похожа ли она?.. Да, вылитый *его* портретъ!

— Старикъ ничего не отвѣтилъ и только дрожащею рукой нѣжнѣе прежняго провелъ по головѣ ребенка. Это была его первая ласка, какъ родного дѣда.

— Ему бы слѣдовало быть теперь здѣсь, съ нами, а между тѣмъ я самъ отправилъ его въ горы, подальше отсюда!..—вслухъ подумалъ онъ.

Софи промолчала и дала ему самому высказать мысль, которая все время была у нея на умѣ.

— А онъ не долженъ былъ мнѣ подчиняться: его настоящее мѣсто здѣсь, а не на берегахъ озера Лекко...

— Она шевелится. Лучше ее снести въ постель!—проговорила Софи и осторожно взяла на руки малютку.

— Мама! Гдѣ моя мама? — лепетала Бьянка спросонья и, пока ее переносили въ дѣтскую, опять крѣпко уснула.

Но во время раздѣванья она опять проснулась и защебетала:

— А здѣсь отлично! Ты будешь спать со мной?... А ты, —обратилась она къ Маттіа:—отчего ты не уходишь?

— А, такъ ты меня гонишь?—шутилъ старикъ.—Ты не хочешь раздѣваться при мужчинѣ? Но я вѣдь слѣпъ совсѣмъ.

— Какъ это такъ: *совсѣмъ*, — значитъ, ничего, ничего не видишь?

— Ровно ничего!

Бьянка вспомнила, что еще не молилась. Она стала на колѣнки и вслухъ проговорила:

„Отецъ мой небесный! Научи меня добру, чтобы я нашла путь къ Тебѣ. Благослови и помилуй маму, папу и всѣхъ родныхъ!"

Здѣсь она дала безпрекословно раздѣть и уложить себя, и покрѣпче завернулась въ одѣяло.

— Ну, поцѣлуй меня!—попросила она Софи.

— А я?.. Хочешь, я тоже тебя поцѣлую?—спросилъ дѣдъ.

— Ну да: и ты, за-одно! А когда мамочка вернется, не забудь сказать, что я вела себя хорошо... Смотри!

Еще минута, другая... и малютка уже спала крѣпкимъ сномъ.

Маттіа еще разъ мысленно укорилъ себя за то, что заставилъ сына уѣхать, и тихо сказалъ Софи:

— Пожалуйста, сдѣлайте мнѣ большое одолженіе: завтра же утромъ напишите ему, что я его жду, что его ждетъ дочь. Можете ли вы сдѣлать мнѣ это удовольствіе?

— Какая жалость! — продолжалъ онъ, не ожидая отвѣта.— Бѣдная дѣвочка! Вы видѣли: что̀ съ ея ножкой?

Софи объяснила ему, что правая ножка ребенка была совершенно нормально сложена, но казалась лишь слабѣе лѣвой; поэтому-то она и прихрамывала на ходьбѣ.

Тихо посидѣли они еще у ея изголовья, и наконецъ Маттіа сказалъ:

— Мнѣ тоже спать пора; да и вамъ бы не мѣшало отдохнуть! Покойной ночи!

— Позвольте, я васъ провожу, — предложила Софи и взяла за руку слѣпого.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не безпокойтесь: я знаю дорогу, а... Бланшъ можетъ проснуться! Покойной ночи!

Софи подошла къ дверямъ и стала на порогѣ, чтобы посвѣтить ему, но вдругъ въ углу коридора увидала... Тито, стоявшаго тихо, безъ движенія. Она не успѣла крикнуть: онъ сдѣлалъ ей знакъ, чтобы она молчала, и старикъ Маттіа, ничего не подозрѣ-

вая, прошелъ близко-близко мимо сына, касаясь палочкой стѣнъ коридора, чтобы на нихъ не наткнуться.

Какъ только отецъ его скрылся за дверью мастерской, Тито бросился къ Софи:

— Ну, покажите мнѣ ее!—проговорилъ онъ въ нетерпѣніи.

— А гдѣ же моя мамочка?—спросила малютка, проснувшись поутру. И съ тѣхъ поръ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, она часто задавала этотъ вопросъ, который прерывалъ на минуту ея милый лепетъ; но въ немъ не было ни грусти, ни тревоги.

Софи каждый разъ спѣшила что-нибудь отвѣтить, чтобъ только Бланшъ не замѣтила подозрительнаго молчанья старика слѣпого и его сына. Но крошка и не думала ничего замѣчать. Она беззаботно болтала:

— Мамочка скоро вернется! Она прислала сказать, что здорова и счастлива, и весела...

— Ну, а ты? Чтò ты ей отвѣчала?

— Что и я тоже весела и довольна, что мнѣ такъ хорошо тутъ съ вами! Что онъ вотъ папа; а ты тетя; а этотъ—дѣдъ... и что я такая пай-дѣвочка!

— Да, да; ты „пай" и есть!—говорили они всѣ и поочередно, нѣжно лаская малютку, прижимали къ сердцу ея умную головку.

Она была права: имъ легко было войти въ свою новую роль, и даже Софи могла только признаться въ глубинѣ души, что она счастлива среди своихъ новыхъ заботъ и обязанностей, которыя не даютъ ей слишкомъ задумываться надъ своими сердечными тревогами.

Несмотря на свою слѣпоту и старость, Маттіа могъ бы любого молодого зà-поясъ заткнуть своими шутками и прибаутками,—до того охотно онъ вошелъ въ свою роль добряка-дѣда. Онъ одинъ способенъ былъ шутить неутомимо и набивать голову ребенка такими неслыханными небылицами, что даже она сама съ недоумѣніемъ и любопытствомъ смотрѣла на него, пока Тито не объяснялъ ей, наконецъ, въ чемъ дѣло, и притомъ въ такомъ смыслѣ, чтобы болѣе здраво повліять на ея сужденіе. Воспитательное значеніе, по части душевныхъ стремленій ребенка, имѣла для нея Софи, которой, казалось, самой судьбою заповѣдано было любить несчастныхъ и немощныхъ.

Однажды Тито высказалъ это отцу въ то время, какъ тотъ держалъ малютку на колѣняхъ и шутя распространялся насчетъ

того, какъ они чудно заживутъ вдвоемъ, когда ей будетъ шестнадцать лѣтъ, а къ нему вернется зрѣніе.

Софи слышала слова молодого художника, какъ ни тихо они были сказаны, и взглядъ ея, который встрѣтился съ его глазами, былъ полонъ ясной, но твердой рѣшимости... но какой и на что именно?.. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, онъ прежде всего оглянулся на свое прошлое и впервые усмотрѣлъ,—какъ ни горько ему было это сознаніе,—что дочь Чезиры налагала на него нѣкоторыя обязательства, не давая ему ничего взамѣнъ.

— Да, вамъ обоимъ не трудно любить эту милую крошку, —обратился онъ къ отцу, у котораго на плечѣ задремала Бланшъ: Она не ваше дитя и вами управляетъ только жалость, но для меня это не такъ легко! Когда меня томитъ желанье страстно привязаться къ ней, я сдерживаю себя, и въ этомъ помогаетъ мнѣ (ну, отгадайте: что?) мысль, что она дѣйствительно моя родная дочь!

— Но вѣдь она твоя и есть! — горячо вступился за нее старикъ.—Говорю тебѣ: она—*твоя* дочь. Софи, скажите вы ему!..

— Да, это его живой портретъ!—въ смущеніи, краснѣя, повторила Софи.—Это его лобъ, его взглядъ и его улыбка, точь-въ-точь такая, ну, какъ въ настоящую минуту...

Въ ея словахъ Тито старался подмѣтить хоть малѣйшій оттѣнокъ чувства, но напрасно! Всѣ смолкли, и каждый подумалъ про себя о будущемъ... но только про себя, втихомолку.

— А все-таки, не надо слишкомъ ее любить, — докончилъ вслухъ свою мысль Маттіа.

— Но почему же?

— Боюсь я ея матери! Какъ знать, куда мѣтитъ эта женщина? Можно ли поручиться, что она не явится въ одинъ прекрасный день и не потребуетъ дочь свою обратно?.. Вотъ потому-то и не слѣдуетъ слишкомъ привязываться къ ней.

Эта мысль поразила Софи; она грустно и полу-вопросительно взглянула на Тито, который одинъ только могъ бы на нее возразить. Но Тито не возразилъ ни слова или, по крайней мѣрѣ, если и возразилъ, то не сразу, и не въ прямомъ смыслѣ. Однако, словно отвѣчая на нѣмой вопросъ молодой дѣвушки, онъ обратился къ отцу:

— Я еще не во всемъ тебѣ признался, папà! Въ тотъ день, когда ты думалъ, что я брожу по берегамъ Лекко и когда я остался дома, чтобы увидать малютку, я также хотѣлъ увидать и Чезиру.

— Чезиру!..

— Да. Я потому именно и хотѣлъ провѣрить себя, чтобы убѣдиться, до какой степени чувство мое къ ней дѣйствительно охладѣло. Мнѣ даже хотѣлось, чтобы она была въ полной силѣ своей красоты, чтобы съ увѣренностью сказать самому себѣ, что и эта красота для меня теперь безразлична.

Тито говорилъ не громко, не спѣша, но не оборачиваясь лицомъ къ Софи.

— Ты, значитъ, ее видѣлъ?—спросилъ его отецъ.

— Да: я видѣлъ даму, всю въ черномъ и съ густымъ вуалемъ на лицѣ, и съ нею дѣвочку, которая шла въ припрыжку, словно прихрамывая. Сначала вошла въ калитку дѣвочка, потомъ мать, и назадъ вышла она уже одна... Но вуаль мѣшалъ мнѣ разглядѣть ея черты. Скажите мнѣ: она еще красива?

Только Софи могла бы на это отвѣтить, но она боялась, что голосъ выдастъ ея волненье, и потому молчала. Слѣпой отвѣтилъ за нее:

— Софи не могла разглядѣть ея лица; но мнѣ хотѣлось узнать сущую правду, и я разспрашивалъ малютку. Бланшъ говоритъ, что да; ея мать очень, очень красива!

— И мнѣ она не разъ это говорила; но вѣдь въ глазахъ ребенка мать всегда хороша собою,—невольно вырвалось у Софи, и она такъ смутилась, что до самаго конца вечера не проронила ужъ больше ни слова.

Но, уложивъ малютку и проводивъ въ его комнату старика Маттіа, Софи безъ малѣйшаго смущенія сама заговорила съ молодымъ человѣкомъ.

— Послушайте, синьоръ Тито, что̀ я вамъ скажу! Вы напрасно не поддаетесь доброму чувству, которое побуждаетъ васъ полюбить невинное дитя, и, мнѣ кажется, вашъ отецъ не правъ, что совѣтуетъ остерегаться полюбить ее. Пусть онъ самъ попробуетъ—вотъ тогда и увидитъ, каково легко этого избѣжать!

Не спуская глазъ съ миніатюрной дѣвичьей фигурки и зардѣвшагося личика, Тито только повторялъ:

— Ну, дальше, дальше!

— Мнѣ кажется, всю вашу грусть какъ рукой бы сняло, еслибы вы рѣшились полюбить ее, какъ я уже люблю ее сама или какъ ея дѣдъ... Будемъ любить ее всѣ вмѣстѣ, безъ боязни!

Тито взялъ Софи за руку и сказалъ тихо, какъ бы боясь пробудить въ ней враждебное къ себѣ чувство:

— Ну, такъ помогите же мнѣ полюбить ее! Будьте моей женой, моей подругой, моимъ счастьемъ!

Онъ не ошибся. Враждебное ему чувство шевельнулось у нея

въ душѣ, но оно не находило словъ, чтобъ вылиться наружу. Софи съ наслажденіемъ слушала его и въ звукахъ его голоса ей чудилось словно продолженіе дивныхъ отголосковъ, которыми полна была его рѣчь тогда... подъ сѣнью знакомаго крыльца, гдѣ она впервые услышала его признаніе.

Осторожно высвободивъ свою руку, она прошептала:

— Я вамъ благодарна!

Но Тито настаивалъ, чтобы она дала рѣшительный отвѣтъ.

— Простите, но я такъ взволнована, — возразила Софи, не подымая на него глазъ.—Дайте мнѣ подумать... Не сочтите это за что-нибудь дурное съ моей стороны; я горжусь вашимъ вниманіемъ...

— Но за чѣмъ дѣло стало? Или вы не надѣетесь никогда меня полюбить?—допытывался Тито съ грустью въ голосѣ.

Софи взглянула на него, и въ этомъ взглядѣ ясно отразилась нѣжность и состраданіе къ нему, но только не къ себѣ самой.

— Прошу васъ, не огорчайтесь; дайте мнѣ все обдумать...

— Хорошо, я буду ждать, но только скажите, что вы ко мнѣ не питаете полнаго равнодушія...

— Равнодушія!—повторила Софи, и въ этомъ одномъ словѣ вылилась вся тайна ея любви и борьбы съ нею.

Молодой художникъ не захотѣлъ больше настаивать, но въ тотъ же вечеръ, передъ сномъ, еще долго говорилъ по этому поводу съ отцомъ.

XV.

— Будемъ любить ее безъ боязни!—говорила Софи.

И Тито, не дожидаясь, пока она согласится замѣнить его малюткѣ родную мать, смѣло принялся выполнять свою роль отца.

Онъ началъ съ того, что объявилъ „семьѣ художниковъ" о своемъ рѣшеніи взять къ себѣ въ домъ, а впослѣдствіи, пожалуй, и усыновить сиротку, прекрасную какъ ангелъ. Эта новость (про которую, впрочемъ, уже ходили кой-какіе слухи) никого не удивила: среди художниковъ слишкомъ былъ распространенъ культъ изящнаго, и сверхъ того нерѣдки были случаи, что кто-либо изъ нихъ, по добротѣ сердечной, призрѣвалъ кого-нибудь, несмотря на свою собственную бѣдность. Одного только не сказалъ Тито пріятелямъ:—какъ звали мать сиротки.

Относительно же Софи они съ отцомъ оба рѣшили не торопить ее отвѣтомъ, чтобы отвѣтъ пришелъ естественно и добровольно,

и для этого имъ приходилось избѣгать всякаго намека на эту скользкую тему. На дѣлѣ, однако, это оказалось далеко не легко.

Маттіа напряженно слѣдилъ за собою, чтобы не обмолвиться; напряженно прислушивался къ шагамъ Софи, и рука его, нѣжно ласкавшая ребенка, застывала въ воздухѣ, если ему слышался шорохъ ея платья по близости къ Тито; или самъ Тито, если „тетя Софи" говорила потихоньку съ „дѣдомъ", принимался нетерпѣливо допрашивать отца, какъ только они оставались вдвоемъ:

— Чтò ты ей говорилъ?

Такъ прошелъ первый день, а на второй они оба были вынуждены признаться, что такъ продолжать немыслимо.

— Я поговорю съ нею откровенно!..—волновался Маттіа.— Боже мой! Неужели ты, зрячій, не съумѣешь прочитать у нея на лицѣ, когда удобнѣе всего заговорить съ нею? Можетъ быть она сама только того и ждетъ, чтобы съ ней заговорили?..

Но, какъ ни присматривался къ ней украдкою Тито, онъ могъ только прочесть у нея на лицѣ, что было бы опасно начинать съ нею подобный разговоръ. Повидимому, всѣ эти дни она и сама страдала. Еслибы не малютка, всѣ остальные не знали бы, о чемъ и говорить за столомъ. Какъ бы согласившись между собою, всѣ предпочли посвятить вечеръ исключительно музыкѣ, и не разъ печальные и порывистые звуки сонаты „Appassionat'ы" говорили слушателямъ о борьбѣ, которая кипѣла въ груди молодой піанистки.

Бьянка пытливо слѣдила за пальцами тети, чтобы понять, какъ это она узнаетъ, которую клавишу надо ударить: черную или бѣлую? Вдругъ, она подняла на нее свои умные, ясные глазки и побѣжала къ дѣду, сказать ему тихонько, на ушко:

— Дѣдушка! она плачетъ!

Слѣпой всталъ, подошелъ къ роялю и сѣлъ рядомъ съ молодой музыкантшей. Тѣмъ временемъ Бьянка уже успѣла сообщить свое открытіе и отцу, который, вмѣсто отвѣта, посадилъ ее къ себѣ на спину и вышелъ съ нею въ другую комнату.

Старикъ и Софи остались одни.

Софи замѣтила, что Тито съ дочерью ушелъ, но проиграла до конца, и только тогда старикъ Маттіа взялъ ее за руку и усадилъ рядомъ съ собою, на диванѣ, глядя ей прямо въ лицо своими потухшими глазами, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ видѣлъ.

— Ну, а теперь скажите мнѣ, отчего эта соната довела васъ до слезъ?

Софи была немного озадачена, но солгать она бы не съумѣла.

— Хорошо, я скажу... Я даже считаю какъ бы своей обя-

занностью признаться въ этомъ вамъ, потому что вы всегда ко мнѣ такъ добры и участливы... Синьоръ Тито сказалъ мнѣ нѣчто такое, что̀ меня взволновало, но я еще не могла придти ни къ какому рѣшенію. Вы, пожалуй, сочтете меня вспыльчивой и глупой.

— Да нѣтъ же! Только Тито, который такъ васъ любитъ, огорчается, воображая, что вы не любите его...

— О, я его горячо люблю!—воскликнула бѣдняжка:—но только вы ему не говорите... Мнѣ надо все это обдумать... Не возражайте мнѣ, я знаю все, что̀ можно возразить, и ужъ сама себя не разъ убѣждала... Но только совѣсть моя тоже возражаетъ. А надо, чтобы она мнѣ разрѣшила быть счастливой!..

— Что̀ за странная дѣвушка!—говорилъ потомъ Маттіа сыну, когда Софи и Бьянка ушли къ себѣ.—Ее мучаютъ какія-то сомнѣнья, а между тѣмъ она горячо тебя любитъ.

Но Тито сомнѣвался въ этомъ.

— Говорю тебѣ вѣрно, она искренно тебя любитъ, она влюблена въ тебя! Подождемъ еще до завтра, и если она прямо не выскажется, тогда... тогда увидимъ!

На слѣдующій день, однако, также не выяснилось ничего. Софи была грустна, какъ и всегда, но Бьянкѣ почему-то вздумалось написать матери письмо, которое, прежде чѣмъ запечатать, всѣ прочитали вслухъ. Вотъ оно.

„Милая мамочка!

„Мнѣ здѣсь хорошо. Всѣ меня любятъ, и я всѣхъ люблю. Ты меня научила писать буквы, а тетя-Софи слова, и первое письмо пишу я тебѣ, мамочка моя! Я уже умѣю считать до ста и назадъ—все меньше, и меньше; это очень трудно. Я жду тебя каждый день, а тебя все нѣтъ! Я больше не кашляю, только вчера кашляла опять немножко. Посылаю тебѣ кучу поцѣлуевъ, а кланяются тебѣ тетя-Софи, папа̀-Тито и дѣдушка-слѣпой. Понимаешь? Онъ ничего, ничего не видитъ! Пиши скорѣе.

„Твоя крошка Бланшъ“.

Это письмо многое уяснило старику Маттіи.

— Да развѣ ты сама его написала?—спросилъ онъ, лаская ребенка.

— Да, сама! Мнѣ тетя помогала.

— Она давно уже хотѣла писать своей мамѣ, вотъ я и помогла ей!—сказала Софи.

— Адресъ! Надо адресъ!—прыгая и хлопая въ ладоши, кричала Бланшъ.

Тито взялъ конвертъ и спокойно вложилъ въ него письмо.

— Ну, а тетя потомъ надпишетъ адресъ,—пояснилъ онъ.— Мамы нѣтъ въ Миланѣ: она уѣхала далеко-далеко...

Софи надписала имя и фамилію и спросила, куда адресовать?

— Ну, въ Барцелону,—былъ отвѣтъ, и минуту спустя Тито уже ушелъ съ письмомъ, говоря, что идетъ на почту.

Софи терялась въ догадкахъ, но скоро убѣдилась, что онъ и самъ не знаетъ, куда уѣхала Чезира: Тито вернулся и сказалъ, что поручилъ Томазіо опустить письмо въ ящикъ.

— Видишь ли, она все еще не увѣрена, что Чезира не вернется въ одинъ прекрасный день; ты, конечно, понялъ это изъ сегодняшняго письма Софи? Она боится, что Чезира опять завладѣетъ твоимъ сердцемъ. Чертовская выдумка съ ея стороны уѣхать, не показавшись среди бѣла дня съ открытымъ лицомъ!..

Тито также думалъ, что она сдѣлала это нарочно.

Но оба ошибались.

На слѣдующее утро, повинуясь желанію снова побывать въ знакомой, родной обстановкѣ, увидать своего слабаго духомъ старика-отца и сильную духомъ сестру, Софи пошла домой. Тамъ оказалась одна только Юдиѳь.

— Ахъ, ты пришла очень кстати!—проговорила она.—Я, кажется, начну вѣрить въ спиритизмъ. Ужъ вѣрно не кто другой, какъ духъ великаго Нерона могъ внушить тебѣ придти сегодня! Ну, радуйся: онъ женится на мнѣ!

И, не давая Софи времени опомниться или хотя бы удивиться, Юдиѳь продолжала пространно объяснять, какими ухищреніями женскаго ума и кокетства она добилась того, что ея банкиръ сдѣлалъ ей предложеніе.

— Старики,—говорила молодая плутовка:—сплошь да рядомъ дураки, но мой будущій мужъ умнѣе, чѣмъ я ожидала. Побѣда надъ нимъ далась мнѣ не легко: пришлось-таки потрудиться! Да что же ты молчишь? Отвѣчай мнѣ хоть что-нибудь, погляди мнѣ въ лицо! Ты, кажется, недовольна? Плутовка! Ты, кажется, себѣ на умѣ: твои дѣлишки тоже на хорошей дорогѣ...

И въ самомъ дѣлѣ, Софи имѣла основаніе быть недовольной. Глядя на нихъ обѣихъ, естественнымъ образомъ люди скажутъ:

„Однако, и эта тоже не глупаго десятка! Но та сестра хоть красотой взяла, а эта ровно-таки ничѣмъ!“

Но Юдиѳи ничего подобнаго и въ голову не приходило; ей просто казалось, что всѣ должны только радоваться ея удачѣ.

— Значитъ, ужъ дѣло кончено?—спросила Софи, и тотчасъ

же ей въ отвѣтъ ликующимъ потокомъ полилась рѣчь счастливой невѣсты.

— Еще бы не кончено! Моему старику надо теперь только поторопиться дѣлать оглашеніе и хлопотать о самой свадьбѣ. Я вѣдь говорю: „старикъ“, а онъ на самомъ дѣлѣ вовсе ужъ не такъ старъ: ему нѣтъ еще и пяти десятковъ,—по крайней мѣрѣ, онъ самъ такъ говоритъ, бѣдняга, изъ боязни, какъ бы я не раздумала выйти за него.

Все это было такъ наивно, что Софи чистосердечно разсмѣялась, и сестра вторила ей.

— Ну, а ты какъ? Все то же? Я часто подумывала о тебѣ. Знаю, что ты порядочная притворщица... Ну, ну, не обижайся: я вѣдь давно все знаю.

— Да что же это все?

— Ну, хоть бы то, что твой Тито совсѣмъ „готовъ“, и дѣло стало только за тобою. Имѣй терпѣнье, не хмурься, выслушай меня. Мнѣ разсказалъ папà, что синьоръ Тито, когда ему было тяжело молчать, сказалъ ему все откровенно, только просилъ не говорить тебѣ. Вотъ почему папà не заходитъ къ тебѣ уже дней пять, а каждый день, утромъ, повторяетъ: „Если она сегодня не рѣшитъ, я завтра же пойду къ ней самъ“.

— Можно войти?—раздался чей-то голосъ.

— А, Тоніо! Войди. Какими судьбами?

— Мнѣ сказалъ папà-Сальви вашу новость. Поздравляю!—проговорилъ Тоніо довольно небрежно.

— Благодарю. Ты еще не видался съ моимъ женихомъ? Нѣтъ?.. Онъ некрасивъ и уже немолодъ, но вѣдь нельзя же требовать всего заразъ.

— Какая важность въ красотѣ! Она сведетъ съума, но счастія не дастъ,—возразилъ онъ и вдругъ замѣтилъ, что это могло обидѣть кузину, но не прервалъ свою рѣчь на полу-словѣ, а только мягче договорилъ ее.

Юдиѳь поняла его мысль и безъ малѣйшей досады на холодность кузена сказала добродушно:

— Я очень рада, что ты такъ думаешь. А ты, Софи, развѣ уже уходишь? Но вѣдь теперь еще рано.

— Мнѣ надо идти. Прощай, Юдиѳь! Прощай, Тоніо!

— Я тоже ухожу,—отвѣтилъ онъ, и они вышли вмѣстѣ.

Сначала, по обыкновенію, Тоніо шелъ молча, насупившись, но затѣмъ грустно проговорилъ:

— А ты замѣтила, что у меня особый даръ все дѣлать не-

впопадъ; всегда опаздывать туда, гдѣ ждетъ меня счастье? Нѣтъ? Не замѣтила?

— Я не понимаю,—пробормотала Софи смущенно.

— Да я и самъ плохо себя понимаю, и совсѣмъ бы не кстати мнѣ заговаривать объ этомъ теперь, когда ужъ поздно...

Софи молчала.

— Я знаю, что синьоръ Тито тебя любитъ, и что ты также его любишь; знаю, что вы будете счастливы и что никто не будетъ больше моего радоваться вашему счастью. Вѣдь и я тоже искренно любилъ тебя, самъ того не подозрѣвая, любилъ тебя даже и тогда, когда мнѣ казалось, что я жить не могу безъ Юдиѳи! Ты имѣла бы полное право смѣяться надо мною, но я не смѣлъ и заикнуться отъ стыда, что могъ полюбить другую, и что эта другая—твоя сестра.

Трудно было Софи найти подходящій отвѣтъ, но молчаніе было бы для Тоніо слишкомъ обидно, и потому она сказала ему откровенно:

— Да, синьоръ Тито дѣйствительно любитъ меня и я его тоже, но я еще не приняла его предложенія...

— Но примешь!.. Должна принять, если его любишь,—грустно и твердо проговорилъ бѣдняга-кузенъ.

— Ты, конечно, не знаешь, въ чемъ дѣло, но на моемъ мѣстѣ ты поступилъ бы такъ же точно, какъ я. Это вѣрно... какъ вѣрно то, что ты—самый великодушный, самый надежный изъ друзей.

— Да? Ты такъ думаешь?—радостно подхватилъ Тоніо.

— Да. Я даже думаю, что я не создана для счастья и что...

Между тѣмъ они уже подошли къ крыльцу художника.

— Такъ, значитъ... еслибы случилось, что ты ему отказала?..

— Я бы осталась старой дѣвой!

Софи протянула Тоніо руку на прощанье и посмотрѣла ему прямо въ лицо. Тоніо задержалъ ея руку на минуту дольше обыкновеннаго и сказалъ:

— Дѣвушка, которая можетъ дать счастье человѣку, обязана поступиться своимъ личнымъ убѣжденіемъ. Не бойся и сама извѣдать счастія!.. Прощай!

— Прощай!—отвѣчала Софи, и Тоніо пошелъ прочь, высоко поднявъ голову, какъ побѣдитель.—Прохожіе оглядывались на его горделивую осанку и печально улыбавшееся лицо. Онъ и не чувствовалъ, что двѣ крупныя слезы катились у него по щекамъ.

XVI.

— Чтò новаго?—спросила Софи у Томазіо.

— Синьоръ Сальви здѣсь и ожидаютъ васъ въ гостиной.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ вдоль и поперекъ шагалъ по комнатѣ.

— Ты здѣсь одинъ?

— Да, пока одинъ, но со мной уже проказничала твоя шалунья Бланшъ и посидѣлъ немного синьоръ Тито. Онъ ушелъ по дѣламъ.

— Ты хочешь мнѣ что-то сказать, я вижу?—замѣтила Софи, догадавшись, что отецъ ждалъ ее для объясненій, которыхъ, все равно, ей не избѣгнуть.

Давно уже обдумывалъ папà-Сальви, чтò онъ скажетъ дочери и чтò она ему отвѣтитъ, представлялъ себѣ ту или другую сцену изъ ихъ разговора и даже мысленно самъ за нее отвѣчалъ себѣ. Но теперь, какъ ни просто и естественно было ея замѣчаніе, онъ не могъ не смутиться.

Не зная, чтò сказать, онъ подошелъ къ дочери, которая сидѣла передъ нимъ, и съ тихою лаской провелъ рукой по ея волосамъ, по ея грустному лицу.

— Нѣтъ, мнѣ нечего тебѣ говорить,—нѣжно отвѣчалъ онъ,—но, мнѣ кажется, ты много чего могла бы сказать своему отцу?

— Можетъ быть, я была и неправа, скрытничая съ тобою,—тихо проговорила дочь:—но я только потому и молчала, что мнѣ хотѣлось одной выдержать борьбу...

— И ты выдержала ее?

— Нѣтъ еще, но надѣюсь! Мнѣ кажется, я слишкомъ привязана къ счастью,—смиренно возразила она.

Ея грусть тронула отца, и онъ сѣлъ съ нею рядомъ, въ свою очередь давая ей приласкать свои сѣдыя кудри, а затѣмъ вообразилъ, что у него хватитъ духу высказать ей все, чтò накопилось тревожнаго въ его родительскомъ сердцѣ.

— Я не хочу принуждать тебя,—началъ онъ съ разстановкой:—но говорю тебѣ откровенно: твоя собственная совѣсть—плохая для тебя совѣтчица! Повѣрь мнѣ: не она въ тебѣ говоритъ, а ложная сдержанность, ложный стыдъ...

Онъ пріостановился, чтобы дать ей время обдумать его слова.

— Видишь ли, я даже не сержусь, что ты не подумала о томъ, какъ было бы пріятно твоему отцу на старости лѣтъ знать, что вы обѣ живете въ довольствѣ, и что онъ можетъ хоть умереть на покоѣ.

— О, папà, чтò ты говоришь? Ты этого не думаешь, напротивъ!

— Нѣтъ, думаю и даже мечталъ такъ устроить свою жизнь, чтобы одну недѣльку гостить у Юдиѳи, а двѣ у тебя, попеременно. Юдиѳь на это бы не сердилась: у ея мужа-банкира кружокъ вѣдь не артистическій, не то, что у моего зятя-художника...

— Папà, голубчикъ, да чтò съ тобою? Полно, полно! Ты до сихъ поръ былъ бѣденъ и не стыдился бѣдности, всю жизнь гордостью своею побѣждая бѣдность, и теперь... Неужели ты хочешь меня увѣрить, что богатство дочерей можетъ уничтожить въ тебѣ эту прекрасную добродѣтель или... просто отличительную черту, если тебѣ не нравится такое громкое слово... И въ этой чертѣ твоя сила, помогавшая тебѣ любить искусство, ростить и воспитать твоихъ дѣтей. Дочери твои видѣли, чего ты себя лишаешь ради нихъ, и еслибы Юдиѳь была тутъ, на лицо, она бы подтвердила, кàкъ мы тебѣ за все глубоко благодарны!

Въ глазахъ Сальви уже не было прежней твердости, ихъ какъ будто заволакивало стремленіе проникнуть въ глубь души человѣческой, прочесть тамъ что-то смутное, доселѣ ему незнакомое.

— А! Теперь я узнаю тебя, мой голубчикъ-папа!—продолжала Софи:—ты и самъ бы скоро сталъ раскаяваться въ томъ, въ чемъ только-что хотѣлъ меня увѣрить, но только потому, что думалъ, будто богатство необходимо для полнаго счастія дѣвушки, которой полагается выйти замужъ.

— Но я такъ и думаю...

— О замужствѣ? Да, но не обо всемъ остальномъ!.. Наконецъ, мнѣ и самой кажется, что богатыя партіи, которыя представляются твоимъ дочерямъ, скорѣе повредятъ тебѣ въ глазахъ общества...

— Потому что... А, понимаю! Тогда скажутъ: папà-Сальви въ жизни своей еще не съумѣлъ окончить ни одной картины; зато съумѣлъ превосно пристроить своихъ двухъ дочерей. Великій мастеръ этотъ Сальви!..—Ну, чтò же? Вѣдь такъ и скажутъ досужія кумушки?

Софи промолчала; очевидно, отецъ угадалъ.

— Но стоитъ ли обращать вниманіе на сплетни?—продолжалъ онъ.—Отъ нихъ не убережешься, и, наконецъ, чтò намъ за дѣло?.. Нѣтъ, у тебя есть какая-нибудь задняя мысль, которая тебя тревожитъ...

— И не одна, а много! Эта одна—прошла, а другія—остались...

— Какія же остались? Говори! Надо сомнѣнія встрѣчать лицомъ къ лицу.

— Ну, хорошо, — тихо и покорно согласилась Софи. — Во-первыхъ, гордость моя мѣшала мнѣ подражать Юдиѳи: если она успѣла найти себѣ богатаго жениха, изъ этого не слѣдовало, чтобы я брала съ нея примѣръ.

— И совершенно напрасно! Въ сущности, общество равнодушно ко всему вообще, хоть иной разъ и мечетъ громъ и молніи.

— Потомъ, я боялась, что о тебѣ будутъ дурно говорить... Но это было лишь непродолжительное чувство, которое скоро улеглось, надо отдать ему справедливость... Смущалъ меня еще Тоніо, котораго я любила, когда онъ боготворилъ Юдиѳь, а я еще и не думала ни о комъ другомъ...

— Ну, а еще какія сомнѣнія мучили тебя? Хочешь, я самъ тебѣ ихъ подскажу. Ты боялась, чтобы Тито не оставилъ гдѣ-нибудь, въ самой глубинѣ своего сердца, мѣстечко для той женщины, которую онъ когда-то любилъ. Тебѣ не совсѣмъ вѣрится, что она такъ страшно подурнѣла, и ты боишься, что, увидавъ ее опять молодою и красивою, онъ снова попадетъ въ ея сѣти...

Всѣ эти велерѣчивыя разсужденія у него были ужъ давно на-готовѣ, но теперь преднамѣренной шутливости въ нихъ какъ не бывало: его слова звучали скорѣе сочувственно и грустно.

— Ну, говори: тебя это пугаетъ?.. Такъ знай же, мнѣ самъ Тито подсказалъ мою мысль, усматривая въ ней ревность... или самолюбіе... или хоть, скажемъ, простое чувство самосохраненія любящей супруги...

Старикъ запнулся, не находя подходящаго выраженія, и отрывисто закончилъ:

— Ну, все равно, хоть ничего не скажемъ! А только я вѣрно тебѣ говорю: Тито навѣки разлюбилъ эту женщину... Ты, кажется, не вѣришь?

— Нѣтъ, вѣрю.

— Ну, такъ за чѣмъ же дѣло стало?

— Ахъ, да вы, значитъ, ничего не понимаете...—воскликнула Софи.

Папà-Сальви призвалъ на помощь всѣ свои умственныя силы, чтобы догадаться, и... догадался.

— Малютка... Бланшъ... Да? Но при чемъ же тутъ она? Чѣмъ она мѣшаетъ твоему счастью и счастью ея отца? Если ты любишь ее, тебѣ не трудно будетъ войти въ роль матери...

Софи долгимъ взглядомъ отвѣтила старику и прибавила:

— Да, мнѣ бы хотѣлось быть матерью Бланшъ и я бы исполняла обязанности материнства насколько возможно охотнѣе и горячѣе... Но для меня немыслимо стать между ребенкомъ и... его родителями.

— Но вѣдь этого же и не предвидится?

— Какъ знать? Можетъ быть, когда-нибудь въ нихъ обоихъ явится потребность вмѣстѣ любить бѣдняжку-дѣвочку, которую они произвели на свѣтъ... И въ такомъ случаѣ я не хотѣла бы имъ быть помѣхой... въ исполненіи долга. Малютка имѣетъ право носить фамилію отца... Не правда ли, папà?

Старикъ задумчиво склонилъ голову на грудь и, погодя немного, подошелъ и поцѣловалъ дочь въ ея ясный, открытый лобъ.

— Спасибо, дочка! Я какъ будто опять вижу чистую душу моей дорогой покойницы!—проговорилъ онъ, уходя въ гостиную.

Прощаясь съ художниками—старымъ и молодымъ,—Сальви смиренно признался, что ничего не могъ сдѣлать.

— Она просто уничтожила меня!—замѣтилъ онъ, передавая имъ всѣ подробности своей хитроумной бесѣды, и въ заключеніе полу-небрежно произнесъ:

— Да и не мудрено! Моя дѣвочка побила меня тѣмъ самымъ оружіемъ, которое нѣкогда служило и намъ съ женою въ житейской борьбѣ.

Маттіа и Тито, оба поглощенные своими личными думами, не стали допытываться, чтò это за всемогущее оружіе, и лишили Сальви удобнаго случая объяснить имъ, что имя ему двоякое: гордость и искренность, которыя общество, по неумѣнію своему съ ними обращаться, давно ужъ притупило.

Въ одно прекрасное утро Тито объявилъ своему отцу и его другу Сальви, что онъ пойдетъ подать заявленіе о своемъ желаніи усыновить Бьянку.

— Кажется, при этомъ необходимы свидѣтели? — замѣтилъ онъ.—Не хотите ли мнѣ въ этомъ помочь, синьоръ Сальви?

— Еще бы!—Сальви былъ готовъ съ радостью на доброе дѣло; онъ только выразилъ сомнѣніе относительно быстроты судебной процедуры.

Едва за ними затворилась дверь, какъ старикъ Маттіа пошелъ къ своимъ „дочерямъ“, какъ онъ ихъ называлъ и крикнулъ:

— Софи!.. Бьянка!..

— Мнѣ некогда: сижу за чистописаніемъ!—дѣловито откликну-

лась малютка; но Софи поспѣшила на зовъ слѣпого и тихонько спросила:

— Чтò вы хотите?

— Вы плакали, я это знаю... Пойдите со мною сюда, въ мой кабинетъ, и помогите мнѣ найти маленькую книжонку, которая должна быть тутъ, въ шкафу... Вы знаете, куда пошелъ Тито? Онъ рѣшилъ узаконить дочь свою.

— Да? Но развѣ это можно безъ...

— Не могу вамъ сказать; я въ этомъ ничего не понимаю. Если хотите, постараемся понять вмѣстѣ. А для этого нужна мнѣ книжонка въ зеленомъ переплетѣ, съ надписью на корешкѣ: „Кодексъ гражданскихъ законовъ". Не поможете ли вы мнѣ открыть, куда она дѣвалась?

Молодая дѣвушка встала на табуретку, пересмотрѣла всѣ полки, но книги не нашла.

— А между тѣмъ она должна быть тутъ,—разсуждалъ слѣпой.—Сколько разъ мнѣ случалось наводить по ней справки, и я хорошо помню, гдѣ она лежала. Но Тито скоро вернется и скажетъ намъ что-нибудь повѣрнѣе. А пока присядьте тутъ и скажите мнѣ, довольны ли вы?

— Кѣмъ? Вашимъ сыномъ?.. Да, довольна... но только не собою. Я бы хотѣла, чтобы эта женщина вернулась; тогда совѣсть моя была бы спокойна. Это, положимъ, глупо съ моей стороны... но чтò же дѣлать?.. Пожалѣйте меня!

Старикъ умѣлъ жалѣть, умѣлъ сочувствовать всѣмъ, страдающимъ отъ препятствій къ ихъ счастью. Онъ хорошо зналъ, что въ сердцѣ человѣка всегда найдутся кой-какія слабости, съ которыми его сила воли ведетъ непрерывную борьбу. Онъ все это понималъ, какъ и многое другое, и такъ ласково, такъ участливо высказалъ Софи свое мнѣніе, что почти выигралъ дѣло. Тито вскорѣ вернулся изъ присутственнаго мѣста и сообщилъ, что процедура усыновленія оказывается цѣлой исторіей и притомъ чуть ли не безконечной. Хорошо еще, если не будетъ задержки со стороны заинтересованныхъ лицъ.

— Но въ чемъ же можетъ она быть, эта задержка?

— А хоть бы въ томъ, чтò говоритъ статья 188-я: „Усыновленію можетъ воспротивиться сынъ или вообще какое-либо заинтересованное лицо".

— А! У тебя есть кодексъ?

— Да; онъ и сейчасъ еще лежитъ у меня на ночномъ столѣ. Я взялъ его у тебя изъ шкафа... Тамъ говорится именно, что мать имѣетъ право помѣшать мнѣ усыновить ея ребенка.

— Но, конечно, она не захочетъ помѣшать...

— А все-таки судъ потребуетъ ея оффиціальное согласіе, а мы... мы даже не знаемъ, гдѣ она теперь?

Огорченный старикъ мимоходомъ постучался въ дверь и окликнулъ Софи, чтобы узнать, что̀ подѣлываетъ шалунья-Бланшъ.

— Она прилегла на постельку: вѣрно, устала сидѣть за чистописаніемъ. Впрочемъ, ей уже легче стало.

— Гораздо легче,—пролепетала дѣвочка, которую трясла лихорадка.

Но дѣдушка потрогалъ ея лобикъ, ручки и горячія щечки, и хоть проговорилъ спокойно:—Ну, пустяки; пройдетъ!—а самъ про себя промолвилъ, уходя:

— Ахъ, бѣдный, бѣдный Тито! Только этого недоставало!.. Тито!—окликнулъ онъ громко.—Да гдѣ же онъ?

— Онъ тамъ, въ гостиной.

— Не пойдете ли вы къ нему?.. Пожалуйста!

Бѣгомъ пробѣжала Софи по коридору, ища мягкихъ выраженій, чтобы осторожнѣе сообщить ему о болѣзни Бланшъ, но все казалось ей безчеловѣчно грубымъ.

— Значитъ, вы...—началъ Тито, беря ее за обѣ руки и пристально глядя въ глаза Софи, полные слезъ.

— Согласна во всемъ и со всѣми, — покорно проговорила она.—Нѣтъ у меня больше своей воли!

— Напротивъ, теперь-то она вамъ нужнѣе всего, чтобы вы меня полюбили... Вы вѣдь еще не любите меня.

— О, ради Бога, не говорите этого!.. Но обѣщайте мнѣ, что напротивъ, если *вы* когда-нибудь... ну, хоть черезъ мѣсяцъ, или позже, раздумаете, то скажете откровенно. Если жъ нѣтъ,—я готова черезъ мѣсяцъ быть... вашей женой. А пока, будемъ по прежнему добрыми друзьями.

Тито отвѣчалъ робкимъ поцѣлуемъ, которымъ слегка коснулся ея лба.

— Ну, теперь пойдемъ посмотрѣть нашу малютку: у нея маленькая лихорадка... Но это пустяки, пройдетъ!..

— А докторъ?..

— Скоро будетъ; я уже послала.

Бѣдный Маттіа! Прислушиваясь къ нѣжному голосу, которымъ сынъ его говорилъ съ больною дочкой, онъ все-таки не могъ убѣдиться, сказала ли ему Софи рѣшительное слово. Слѣпой не могъ замѣтить отблеска душевной радости, сквозившей на лицѣ Тито, которое отражало тревогу о здоровьѣ ребенка.

Софи молчала, и въ эту минуту ея молчанье показалось старику неестественнымъ.

— Софи!—въ нетерпѣніи подозвалъ онъ ее къ себѣ.—Милая моя, дорогая дочка! Я вамъ сказалъ, что теперь совѣсть ваша можетъ быть спокойна... Ну, словомъ... вы можете дать *ему* желанный отвѣтъ. Дадите вы его?

Вмѣсто всякихъ словъ Софи спрятала свое лицо на плечѣ старика.

— Или... ужъ дали?—тихо, на ухо, прошепталъ ей слѣпой. —Ну, слава Богу! Слава Богу!.. Теперь надо только стараться, чтобы поправилась наша дорогая крошка!

XVII.

Они всѣ сошлись у постельки больной, надъ которой внимательно, пытливо склонился докторъ.

— Пока ничего!—проговорилъ онъ наконецъ, поглаживая ея пылающій лобикъ.

— Ну? Значитъ?...—допытывался слѣпой.

— Пока еще не предвидится большой опасности... Я зайду еще вечеромъ.

— У меня ничего не болитъ,—дрожащимъ отъ озноба голоскомъ лепетала дѣвочка.

— Слышите? Она и сама вамъ говоритъ то же самое. Но я еще разъ забѣгу къ тебѣ, моя душечка. Хочешь?

— Да, забѣгите!

Тито глазъ не спускалъ съ ребенка, который, можетъ быть, былъ его плоть и кровь...

— Папа! Приди ко мнѣ! Дай руку!.. — попросила она и обожгла его холодные пальцы своей горячей ручкой.

Софи пошла проводить доктора, и онъ самъ, безъ разспросовъ, сказалъ ей:

— У нея такое нѣжное, хрупкое тѣльце!

Молодая дѣвушка собрала все свое мужество, чтобы спросить:

— Она... опасна?

— Пока еще ничего нельзя сказать навѣрное: это можетъ быть и корь, и злокачественная лихорадка, и тифъ... Подождемъ, чтò скажетъ вечеръ... Будемъ надѣяться, что это просто корь!— уклончиво отвѣчалъ врачъ.

— Будемъ надѣяться! — тихо повторила Софи; но въ душѣ у нея уже не было надежды.

Она не могла бы сказать опредѣленно, откуда у нея явилось такое убѣжденіе; но смутное предчувствіе чего-то рокового, неизбѣжнаго, томило ее, я казалось ей даже естественнымъ, какъ рѣшеніе житейскихъ вопросовъ волею всесильной владычицы и высшаго судіи—судьбы. Какъ Софи ни старалась, она не могла понять ея неумолимаго, жестокаго закона, и что-то въ глубинѣ души говорило ей: „Ты сама осудила малютку, хоть и не желая ей смерти. Ты, вопреки справедливости, хотѣла, чтобы она жила только для тебя и для ея отца!“ Между тѣмъ ея смерть уничтожила бы единственную преграду, которую совѣсть Софи ставила между нею и ея счастіемъ нераздѣльно съ отцомъ Бьянки...

Софи вернулась къ малюткѣ и просидѣла у ея изголовья, осыпая ее ласками, до тѣхъ поръ, пока та не уснула спокойно. Только тогда молодая дѣвушка тихонько встала и пошла къ ея отцу и дѣду.

Они оба были озабочены розысками Чезиры, о которой удалось разузнать только то, что она уѣхала сначала въ Ниццу, а оттуда... неизвѣстно куда. Чиновникъ, къ которому обратился за справками Тито, обѣщалъ ему сдѣлать возможно скорѣйшее дознаніе и тотчасъ же сообщить о результатѣ.

Новости папа̀-Сальви, забѣжавшаго на минуту, были болѣе радостнаго свойства: пригласительные билеты на свадьбу Юдиѳи уже печатаются; оглашеніе сдѣлано и скоро будетъ пропечатано въ газетахъ. Онъ говорилъ объ этомъ безъ хвастовства, и скорѣе даже съ оттѣнкомъ грусти, а на замѣчаніе Софи, что она „рада за Юдиѳь“, только молча кивнулъ головой въ знакъ согласія.

Тито, а вслѣдъ за нимъ и Софи, ушли къ больной поджидать доктора. Старики остались одни.

— Послушайте, Сальви!—началъ Маттіа.—Надо бы намъ предупредить бѣдную мать, что ея дочь больна, и подготовить ее къ тому, что отъ злокачественной лихорадки можно умереть; но мы не знаемъ, гдѣ ее искать? Не знаете ли вы, нѣтъ ли въ Миланѣ хоть одной газеты, исключительно посвященной театру и артистамъ?

— Есть, даже двѣ, — перебилъ его Сальви.

— Чезира была на виду въ Буэносъ-Айресѣ, и мнѣ кажется...

— Что за нею газеты должны бы слѣдить?.. Конечно! Хотите, я пойду, узнаю?—предложилъ старикъ, и, едва выслушавъ согласіе Маттіа, поспѣшно вышелъ.

Слѣпой остался одинъ и, шаря впереди палочкой, добрался потихоньку до дверей дѣтской. Бьянка говорила громко и словоохотливо.

— Хорошо! Да поможетъ тебѣ Господь!.. Говорятъ, сова была когда-то дочерью булочника... Мы знаемъ, что̀ съ нами сегодня, но не знаемъ, во что̀ насъ обратитъ грядущій день... Богъ пошлетъ тебѣ пищу...

— Молодецъ-дѣвочка!—весело крикнулъ ей дѣдъ.—Значитъ, тебѣ лучше. Но что̀ это за вздоръ ты болтаешь?

— Надѣюсь, все кончится хорошо. Надо имѣть терпѣнье; но я не могу удержаться отъ слезъ, какъ подумаю, что его хотѣли зарыть въ землю, въ холодную землю!..

Тито взялъ отца за руку, и тихо сказалъ:

— У нея лихорадка; она бредитъ и повторяетъ, что̀ слышала отъ матери, когда она разучивала роли.

Софи, между тѣмъ, сидѣла около больной, мѣняя мѣшокъ со льдомъ и отвѣчая взглядомъ, полнымъ любви и бодрости на взглядъ дѣвочки, который на мгновеніе становился яснѣе. Но въ глубинѣ души Софи не переставала ощущать неизбѣжность горя, которое готовилось всѣмъ домашнимъ. Докторъ, при видѣ воспаленнаго лица малютки, тотчасъ же пришелъ къ убѣжденію, что надежды мало, и только приказалъ всю ночь мѣнять ей ледъ на головѣ, не переставая, и не оставлять ее ни на минуту.

— Я и не оставлю, — сказала Софи.

— Вотъ увидите, увидите: мы ее спасемъ!—обратилась она возбужденно къ старику Маттіи, нѣжно обнимая его, какъ только за докторомъ захлопнулась дверь.

— Дай-то Богъ!—искренно вздыхалъ слѣпой, и, подходя къ малюткѣ, то-и-дѣло спрашивалъ ее:—Ну, тебѣ лучше... лучше?

— О, да! „Сова, какъ говорятъ, была когда-то дочерью мельника...“ — бредила дѣвочка, почти не умолкая.

Наконецъ, вернулся Сальви. Онъ прямо подошелъ къ своему другу и собрату — Маттіи и тихонько толкнулъ его локтемъ, чтобы незамѣтно вызвать въ сосѣднюю комнату; затѣмъ, въ пространныхъ и не лишенныхъ юмора словахъ, сообщилъ ему все, что̀ узналъ. А именно,—что труппа изъ Буэносъ-Айреса теперь пребываетъ въ Барцелонѣ, но что Чезиры нѣтъ въ ея составѣ.

— Все равно, напишемъ директору: онъ долженъ знать о ней,—замѣтилъ Маттіа, и вскорѣ Томазіо ужъ бѣжалъ въ главный почтамтъ съ запечатаннымъ конвертомъ, въ которомъ лежало письмо, написанное подъ диктовку слѣпого: надо было, чтобы оно пошло съ ближайшею же почтой.

На утро лихорадка ослабла, но докторъ, повидимому, не раздѣлялъ надеждъ на лучшій исходъ, который видѣли въ этомъ

Софи, Маттіа и Тито. Особенно ликовалъ старикъ, увѣрявшій, что „всѣ доктора ослы, ничего не смыслятъ, и нарочно пугаютъ людей, чтобы похвастать, отъ какихъ „ужасовъ“ они спасаютъ больныхъ“. Однако, мнѣнію доктора, что необходимо пригласить сидѣлку, все-таки подчинились, и въ тотъ же день, въ то время, когда лихорадка возобновилась, сидѣлка водворилась въ комнатѣ больной. Съ нею вмѣстѣ, казалось, повѣяло на всѣхъ безнадежностью, до которой до сихъ поръ ещё никто не доходилъ, несмотря на свое горе. Но лицо у сестры было молодое и довольно красивое, несмотря на страдальческое выраженіе, которое еще усугублялъ ея мрачный нарядъ. Ея ласковый голосъ привлекъ вниманіе малютки, и она спросила, смотря на нее съ удивленіемъ, но безъ отвращенья:

— Ты кто?.. Какъ тебя зовутъ?

— Я сестра Анна.

И сестра Анна всю ночь ухаживала за больной, но бредъ и жаръ не поддавались никакимъ лекарствамъ. Малютка говорила безъ умолку; звала свою мамочку, собиралась ей писать письмо „хоть лежа, на подушкѣ“... Въ то время какъ о Чезирѣ ожидали отвѣта изъ Барцелоны, отъ нея самой пришло извѣстіе изъ Ниццы. Она жаловалась, что дочь не отвѣчала ей на письмо изъ Марсели; умоляла разсѣять ея тревогу: сердцемъ, своимъ материнскимъ сердцемъ, чуяла она, что съ ея дѣтищемъ что-то неладно...

Это всѣмъ показалось притворствомъ и кривляньемъ, повидимому, вкоренившимся въ душѣ комедіантки; но никто не рѣшился вслухъ высказать свое мнѣніе. Только папà-Сальви предложилъ, что онъ отвѣтитъ Чезирѣ, чтобы она торопилась пріѣхать, если хочетъ застать дочь и обнять ее, пока еще не поздно. Такая грубая форма выраженій никому не показалась рѣзкой, до того всѣ были убѣждены въ неспособности Чезиры испытывать искреннее чувство и въ ея привычкѣ играть комедію.

Между тѣмъ болѣзнь колебалась настолько упорно, что когда вполнѣ опредѣлился желудочный тифъ, докторъ началъ питать слабую надежду, что организмъ слабенькой малютки еще способенъ бороться. И въ самомъ дѣлѣ, лихорадка оставила ее; она начала по прежнему мило болтать съ окружающими, утѣшая ихъ своими шутками и ласками. Плотно закутанная въ простыни и въ одѣяло, Бланшъ чувствовала, какъ все ея тѣльце постепенно оживаетъ, и становилась почти шаловливой.

— Мнѣ бы хотѣлось поласкать васъ; вы обѣ такія милыя! — говорила она.—Но я такъ туго затянута, что не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Какъ-то разъ ей захотѣлось имѣть портретъ матери, но его не оказалось.

— А жаль! Дома-то ихъ сколько было!—болтала малютка.— На одномъ мамочка была вся въ бѣломъ, съ распущенными волосами. Его называли „Офелія"... и, Боже мой, какъ онъ былъ хорошъ!

Тито не сказалъ, что онъ часто писалъ ея матери, а Софи хотѣла сказать, но не посмѣла, и только проговорила:

— Но мамочка вернется...

— Нѣтъ, не можетъ быть! Она все только обѣщаетъ...— возразила дѣвочка.

Тито переждалъ, пока этотъ предметъ разговора иссякнетъ, а затѣмъ взялъ палитру и кисти, и вмѣстѣ съ небольшимъ полотномъ, натянутымъ на раму, принесъ въ комнату больной.

— Что̀ это будетъ? — спросила она.

— А то самое, что̀ было бы уже давнымъ давно готово, еслибы ты умѣла просидѣть хоть часокъ на мѣстѣ. Это будетъ портретъ маленькой больной.

Въ этихъ словахъ чуялось волненье, скрытое подъ личиною шутки.

— Зачѣмъ писать съ меня портретъ, когда я больна и вѣрно страшно похудѣла!—говорила дѣвочка, но все-таки не мѣшала отцу дѣлать свое дѣло.

Всѣ примолкли. Только рука художника, повинуясь движеніямъ души любящаго отца, водила кистью, стараясь передать на полотнѣ черты больной малютки. Но, несмотря на всѣ его старанія, кисть не слушалась его.

— Нѣтъ, не могу!—признался Тито.—Надо опять попробовать завтра!

Онъ сложилъ кисти и палитру, и, нагнувшись надъ малюткой, поцѣловалъ ее нѣжнымъ и долгимъ поцѣлуемъ.

XVIII.

Однажды утромъ къ сестрѣ забѣжала Юдиѳь.

— Вотъ я и пришла къ тебѣ, какъ только услыхала отъ папа̀, что твое дѣло рѣшено... Какъ? Нѣтъ еще? Ну, все равно, ужъ скоро будетъ самое главное сдѣлано, а все остальное придетъ по порядку. И, наконецъ, если ты сама объ этомъ не заботишься, то знаешь, кто позаботится объ этомъ за тебя?.. Да, Провидѣніе, въ которое вы всѣ такъ вѣрите.

— Я право тебя не понимаю, — замѣтила Софи.

— Ну, это все равно, потомъ поймешь. А какъ сегодня дѣвочка?

Софи вдругъ поняла тайную мысль сестры и отвѣчала не сразу, а лишь послѣ того какъ Юдиѳь еще разъ повторила вопросъ:

— Ей не хуже?

— Если чувство мое не обманываетъ меня, мнѣ кажется, что наша крошка поправится. Мы всѣ такъ ее любимъ!.. Еще сегодня ея отецъ сказалъ, что и на его взглядъ она бодрѣе. Скоро докторъ придетъ... Мы еще надѣемся...

— И будемъ надѣяться,—подхватила Юдиѳь.

Софи обрадовалась этой нравственной поддержкѣ: ей все-таки не очень вѣрилось въ выздоровленіе малютки, какъ она сама себя ни ободряла. Но Юдиѳь, подчиняясь своей врожденной прямотѣ, уже возразила сама, что на надежду все-таки не слѣдуетъ особенно полагаться, и что совершенно въ разрѣзъ съ нею идутъ главныя основы жизни и... смерти.

— Видишь, какъ я умѣю выражаться? Еслибы такія цвѣтистыя выраженія исходили изъ устъ нашего профессора реторики, они произвели бы впечатлѣніе. Но тебѣ, кажется, отъ нихъ грустно стало? Прости, пожалуйста! Я, видно, такъ ужъ создана на свѣтѣ... Впрочемъ, поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Знаешь ли, что̀ папа̀ затѣялъ? Онъ не хочетъ ни за что (подъ впечатлѣніемъ твоего разговора съ нимъ) промѣнять жизнь „въ гордости и въ бѣдности" на обезпеченную жизнь у меня въ домѣ. Онъ говоритъ, что будетъ по прежнему жить у себя на чердакѣ, подъ небесами и, чтобы не оставаться въ одиночествѣ, какъ собакѣ, будетъ сдавать нашу комнату какому-нибудь художнику,—такому же бѣдняку, какъ и онъ самъ. Ты не помнишь, какъ это случилось, но это ты вбила ему въ голову подобную нелѣпость.

— Не знаю;—я, кажется, не говорила.

— Ну, а онъ въ этомъ увѣренъ, и даже самъ мнѣ сказалъ: „Я знаю, что Софи одобритъ мое рѣшеніе".—Но скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, что ты этого не одобряешь, чтобы я могла повторить ему твои слова! Подумай, на что это будетъ похоже, если мы обѣ выйдемъ за богатыхъ, а нашъ отецъ останется гнѣздиться гдѣ-то на чердакѣ! И каково это покажется нашимъ мужьямъ! Мой уже взбѣсился, какъ только я ему объ этомъ сказала. Положимъ, и гнѣвъ-то у него—гнѣвъ „банкирскій"...

— Тише! Кто-то идетъ...—перебила ее Софи.

Вошелъ докторъ и, наскоро поклонившись, прошелъ въ комнату больной. Юдиѳь простилась съ сестрою, замѣтивъ ей:

— Ну, пока до свиданія! Мы поняли другъ друга, а ты ужъ постарайся разубѣдить папá: ты вѣдь умѣешь его вразумлять!

— Будь покойна. Прощай!—и Юдиѳь ушла.

Въ тотъ день Бьянка проснулась еще до зари, подозвала къ себѣ сестру-Анну и, посмотрѣвъ внимательно на ея доброе, блѣдное лицо, какъ рамкой окруженное накрахмаленными краями бѣлоснѣжнаго чепца, снова уснула, объявивъ, что очень хочетъ спать. Съ тѣхъ поръ она еще спала, не просыпаясь.

— Ей, кажется, лучше,—сказала Софи, но докторъ ничего не отвѣтилъ, а сестра-Анна поспѣшила пойти велѣть приготовить мазь, которую онъ прописалъ, чтобы только утѣшить немного огорченныхъ родныхъ.

— Опредѣлилось воспаленіе мозговой оболочки,—тихо проговорилъ онъ.—Надежды мало!—и видя, какое впечатлѣніе произвели его слова, прибавилъ:—впрочемъ, въ человѣческомъ организмѣ столько неизвѣданныхъ силъ...

Ночь наступала... томительная, нескончаемая для больныхъ, темная ночь; еще болѣе темная и страшная для тѣхъ, кто не смыкаетъ глазъ надъ ними. Обыкновенно, съ наступленіемъ сумерокъ, Софи приказывала зажечь лампу; но теперь, поглощенная мыслью о бѣдномъ крохотномъ созданьѣ, которое готовилось отлетѣть на небо, она осталась сидѣть въ темнотѣ и закрыла глаза, отдаваясь своимъ грустнымъ думамъ.

— Мама!..—пролепетала малютка, и Софи, вздрогнувъ, открыла глаза. У постельки больной, на колѣняхъ, сестра-Анна читала молитву, а на порогѣ смутно виднѣлись двѣ человѣческія фигуры. Одна изъ нихъ—старикъ Маттіа—подошла къ Софи, но другая стояла неподвижно. Одинъ взглядъ на нее—и Софи поняла, кто она.

— Софи! Подите къ сыну... И... нельзя ли зажечь лампу: такъ темно!

Софи молча зажгла ее и тихо вышла. На порогѣ, проходя мимо Чезиры, она почувствовала, что ея руку схватили и хотятъ поцѣловать. Лицо у бѣдной женщины было разстроенное, а глаза словно смотрѣли куда-то, въ невидимую даль, но не на блѣдную, умирающую малютку, не на ту удручающую картину, которая была передъ ней, а на то неизбѣжное, ужасное, чтò ожидало ее въ будущемъ, чтò отдалить она была не въ силахъ.

— Благодарю!—прошептала она Софи, и молодая дѣвушка поспѣшила къ Тито.

Онъ вопросительно заглянулъ ей въ глаза и спросилъ, держа ее за руку:

— Она еще... красива?

— Очень.

Молча прижавъ къ себѣ свою невѣсту, Тито пошелъ въ комнату больной и только у ея изголовья сталъ рядомъ со своей будущей женою.

Чезира склонилась надъ дочерью и шептала ей слова любви и безграничной ласки. Оглянувшись на вошедшихъ, она разомъ поняла, въ чемъ дѣло, и не выказала ни малѣйшей досады.

— Она даже ласкъ моихъ не узнала!—жалобно проговорила бѣдная мать, обративъ къ Тито свои большіе глаза, нѣкогда стоившіе ему столькихъ слезъ.

У него въ душѣ поднялась вся горечь упрековъ, но онъ сдержалъ себя и улыбнулся ей блѣдной улыбкой, а Чезира опять нагнулась и поцѣловала свою крошку.

— Мама? Она сказала: мама! Слышите, она меня узнала!— шептала несчастная женщина окружающимъ.—Да, моя радость, да! Мама тутъ, мама тебя не оставитъ. Ни до кого на свѣтѣ ей дѣла нѣтъ, только бы не разставаться со своей дѣвочкой.

— А вотъ теперь,—зашептала она минуту спустя:—теперь она сказала: папа! такъ тихо, тихо, словно вздохнула...

Но голосокъ дѣвочки повторилъ тверже и громче:

— Папа!..—и Тито мигомъ очутился у изголовья малютки; женщина, давшая ей жизнь, упала лицомъ въ подушки.

Софи оставалась въ глубинѣ комнаты и тихо пожимала руку бѣдному Маттіи.

— Что ты? Твоя рука дрожитъ... Что̀ случилось?—тревожно говорилъ онъ.

— Ничего; право ничего!—Я не боюсь... будемъ всѣ бодрѣе...

— Она... умираетъ?

— Нѣтъ, она не можетъ, не должна умереть! Будемъ молить Бога, чтобы Онъ пощадилъ ее!

— Да, помолимся!—тихо сказала сестра-Анна, но въ то же время покачала головой, чтобы Софи поняла, насколько это безполезно. Софи, напротивъ, собрала всѣ силы своей безграничной, чистой и сострадательной любви, чтобы умолить Бога сотворить чудо—оставить въ живыхъ малютку на утѣшеніе ея отца и матери, а ей самой удѣлить лишь одиночество и страданія.

— Она дышетъ тише; вѣдь это добрый знакъ? — спрашивалъ доктора Маттіа, осторожно касаясь ея головки. И у доктора не хватило духу возразить ему.

— Да, да...—проговорилъ онъ, хоть и не особенно увѣренно.

Настало временное затишье, какъ будто судьба желала дать хоть минутное успокоеніе наболѣвшимъ душамъ.

По знаку Тито, молодая дѣвушка оставила комнату больной, и онъ окликнулъ несчастную мать:

— Чезира!.. Бланшъ не умретъ, Богъ не попуститъ ее умереть... но мы всѣ дадимъ обѣщаніе измѣниться къ лучшему, если Онъ насъ услышитъ... Вѣдь такъ... Чезира?—твердо и спокойно началъ онъ.

— Я хотѣлъ усыновить малютку, но безъ вашего согласія этого нельзя... И вы... согласны?

— Но... неужели?!.. А она?..

— Софи? Она даже сама мнѣ подала эту мысль.

— Милая дѣвушка! Съ нею вы будете счастливы...

— Теперь вопросъ въ томъ, что̀ вы сдѣлаете, если дочь ваша останется жива?—перебилъ ее Тито.—Говорите, говорите скорѣе: помните, что ваши слова будутъ услышаны свыше.

Голосъ его звучалъ смѣло, вдохновенно. Теперь онъ былъ сильнѣе духомъ, чѣмъ гордая красавица, которой онъ нѣкогда подчинялся.

— Я готова на все, что̀ вы найдете лучшимъ,—смиренно сказала она.

— Ну, такъ вотъ. Обѣщайте мнѣ, что вы не возьмете ее къ себѣ... И чему можете вы научить своего ребенка, шатаясь съ нимъ по бѣлу-свѣту? Вы...

— Дочь мою... бросить? Ни за что и никогда!

— Но вы все-таки останетесь ея матерью и, какъ мать, можете, когда хотите, пріѣхать навѣстить ее... И она тоже, когда захочетъ, пріѣдетъ къ вамъ.

— Никогда она этого не захочетъ!—вспылила Чезира.—Вы научите ее любить больше васъ всѣхъ, чѣмъ родную мать. Дитя мое! Дочь дорогая!..

Бѣдная женщина припала губами къ личику малютки... и вдругъ ужасный крикъ раздался надъ нею:

— Боже! Она не чувствуетъ меня! Она еще смотритъ... да... смотритъ... но не видитъ! Дитя мое родное!.. Скажи, что ты меня слышишь! Скажи, что сердце твое еще бьется... Скажи твоей мамѣ... Скажи же!..

Всѣ прибѣжали на крикъ несчастной, но не могли оторвать ее отъ постели успокоившейся на вѣки малютки. Тито нагнулся послушать, дышетъ ли дѣвочка, и молча, съ неподвижнымъ лицомъ, тихо вышелъ изъ комнаты.

— Пойдите, пойдите успокоить его!—сказала сидѣлка старику и Софи.—Я здѣсь побуду.

Софи пошла вслѣдъ за Тито и горячо, безъ словъ, обняла его. Маттіа остался стоять въ ногахъ маленькой покойницы и, простирая руки впередъ, говорилъ голосомъ, полнымъ жалости:

— Чезира!.. Чезира!..

Но бѣдная мать не слушала его, рыдала и билась головой объ кровать, такъ что сестра-Анна съ трудомъ могла обхватить ее своими сильными руками. Каждый разъ, что голова красавицы толкала желѣзную кроватку ребенка, желѣзо издавало своеобразный, зловѣщій звукъ, и каждый разъ слѣпой еще убѣдительнѣе и нѣжнѣе окликалъ несчастную:—Чезира!..

Потомъ, когда необузданность горя утолила ее, отняла у нея послѣднія силы, она ужъ не могла сопротивляться и покорно дала себя отвести въ сторону, въ уголокъ. Тогда Маттіа дрожащими руками провелъ по личику малютки и долго-долго прислушивался, приникая ухомъ къ самой грудкѣ ребенка,—не ошиблись ли всѣ, что сердечко ея уже не бьется. Но оно дѣйствительно не билось.

Маттіа нѣжно погладилъ ее по личику, по головкѣ и поцѣловалъ свою маленькую шалунью-Бланшъ.

— Чезира!—позвалъ онъ опять, но на его зовъ пришла лишь сестра-Анна.

— Она успокоилась,—тихо сказала она.—Вамъ бы всѣмъ слѣдовало отдохнуть. Я буду здѣсь; я все приготовлю.

— Ну, такъ скажите ей... скажите ей...—бормоталъ Маттіа: —чтобы она разсчитывала на меня...

Чезира услыхала его голосъ и отозвалась однимъ только словомъ:

— Благодарю!

XIX.

Сестра-Анна принялась приводить въ порядокъ дѣтскую; сложила въ сторону бѣлье и полотенца, которыми освѣжали лобикъ Бьянки; отставила лекарства и мазь, облегчившую на минуту страданія и мысли покойной малютки. Но когда она коснулась ребенка, Чезира бросилась къ ней.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не троньте... не хочу!

Однако, понявши, что сидѣлка только хотѣла расправить на ней покрывало, мать сама принялась ей помогать, безъ слезъ, безъ криковъ и жалобъ.

— Ну, хорошо. Завтра сдѣлаемъ остальное,—проговорила сестра.—А теперь пойдите лягте и постарайтесь уснуть. Что? Не уснете?.. Не можете уснуть? Ну, такъ помолимся надъ нею вмѣстѣ. Хотите?—и, не дождавшись отвѣта, начала читать по-латыни молитвы надъ усопшими.

Чезира упала на колѣни, потрясенная до глубины души, когда сидѣлка дошла до воззванія, которое она прочла на своемъ родномъ языкѣ:

— О, Боже! Богъ любви и милосердія, прими душу младенца Твоего, презрѣвшую міръ Тебя ради!..

— О, Боже, прими ее!..—повторила Чезира, и въ каждой молитвѣ, въ которую она теперь вникала, она непремѣнно находила хоть одно выраженіе, одно слово, пробуждавшее въ душѣ ея отголосокъ чего-то такого, чего она ужъ больше не боялась, какъ бывало прежде.

— Сестра-Анна!—прервала она ее:—какъ вы думаете, услышитъ ли Господь, если я Ему тутъ же, сейчасъ принесу свою исповѣдь, Ему и... моей крошкѣ покойницѣ?

Сестра подумала немного и потомъ сказала:

— Господь приметъ исповѣдь, обращенную только къ Нему.

— Господи! Я прегрѣшила предъ Тобою!—начала тотчасъ же бѣдная женщина; но сестра-Анна остановила ее.

— Только не вслухъ! Я не имѣю права исповѣдовать.

Чезира умолкла; однако, минуту спустя, она пожелала узнать, къ какой общинѣ принадлежитъ сестра. Та отвѣчала, что къ общинѣ „Маріи Милующей"; но этимъ не удовлетворилась Чезира. Она спросила, можетъ ли кто угодно поступить къ нимъ въ общину, т.-е... не явится ли прошлая жизнь препятствіемъ въ этомъ случаѣ?

— У каждой изъ насъ есть свои грѣхи; каждой есть въ чемъ просить у Бога прощенія и милости. Но небесная обитель велика... въ ней всѣмъ найдется мѣсто...—сказала сестра.

На зарѣ, подчиняясь ея настоянію, Чезира прислонилась къ уголку дивана и забылась тяжелымъ, тревожнымъ сномъ до тѣхъ поръ, пока не проснулась вдругъ, такъ же тревожно, какъ и заснула, и снова очутилась лицомъ къ лицу со своимъ ужаснымъ горемъ.

Лучи утренняго солнца врывались въ открытое окно. Вмѣстѣ съ ними въ воздухѣ разливалось веселое щебетаніе пташекъ и въ ихъ разнообразныхъ голосахъ звучалъ несмолкаемый вопросъ, на который, казалось бы, довольно яснымъ отвѣтомъ была минувшая ночь.

—

Несчастная мать обнимала и цѣловала свою дорогую дѣвочку, и ея слезы и рыданья лились неудержимо.

— Ты была такъ хороша, моя крошка!—говорила она.—И во что теперь обратилась!

Въ эту минуту вошелъ Маттіа.

— Вы, кажется, совсѣмъ не спали?—спросила его сестра-Анна.

— Да я и самъ не знаю: спалъ я, или нѣтъ?—тихонько отвѣчалъ старикъ.—Чезира!—позвалъ онъ.

Чезира подошла къ нему и молча поднесла къ губамъ его руку.

— Вотъ вамъ письмо. Оно пришло вмѣстѣ съ другими въ такое время, когда всѣмъ было не до писемъ.

Она спокойно посмотрѣла на адресъ и положила письмо въ карманъ.

— Это отъ *него*. Я даже знаю, что̀ тамъ: оно было готово еще до моего отъѣзда.

Сестра-Анна сказала, что она чувствуетъ себя очень утомленной, и пойдетъ въ кухню, выпить чашку бульона. Старикъ и Чезира остались одни.

— Ну, скажите же мнѣ, что̀ вы думаете теперь дѣлать?—началъ слѣпой.—Не могу ли я вамъ въ чемъ-нибудь помочь?

— Благодарю, у меня еще есть силы нести мое горе; лучше всего, если никто мнѣ въ этомъ не помѣшаетъ.

— Но,—настаивалъ на своемъ старикъ:—тѣ, которые страдали вмѣстѣ съ вами и... за васъ, не ищутъ возмездія, не желаютъ вамъ зла. Они ищутъ единственно покоя, и, можетъ быть, это съ ихъ стороны лишь эгоистическое чувство,—они считаютъ себя въ правѣ быть счастливыми только тогда, если будутъ увѣрены, что...

— Что Провидѣніе меня не оставитъ? О, Господь такъ великъ и милосердъ! Онъ взялъ у меня дочь, потому, что я отторгла ее отъ себя, чтобы вполнѣ отдаться человѣку, которому ея присутствіе было въ тягость. Да! оттого Богъ и отнялъ ее отъ меня, что я недостаточно ее любила.

Чезира говорила твердо, безъ слезъ, опустивъ глаза въ землю.

— Да; я любила *его* больше, чѣмъ дочь мою. Я горячо, слишкомъ горячо его любила! Мнѣ впервые случилось такъ полюбить, и въ моемъ сердцѣ теперь мало мѣста для любви. Прежде, пока я не встрѣтилась съ нимъ, я хвастала, что я сильнѣе, независимѣе другихъ женщинъ, потому что не слушала мужчинъ, которые говорили со мною нѣжно и ласково... а такихъ было много,

очень много!—Всѣ они домогались, чтобы я отдала имъ свое сердце, но я отдала его единственному, который былъ ко мнѣ грубъ и не просилъ, а приказывалъ мнѣ любить его...

Маттіа слушалъ молча. Среди тяжелой тишины, Чезира продолжала:

— Но Богъ милосердъ: Онъ далъ мнѣ снова полюбить мое дитя, и я ужъ больше никогда не разлюблю ее, я въ этомъ увѣрена. Позволите вы мнѣ прочесть это письмо?—и, не дожидая отвѣта, она распечатала его:

„Дорогая Чезира!..“

— Нѣтъ, нѣтъ: не надо!—перебилъ старикъ; но она не слушала его.

„Дорогая Чезира!

„Мы ужъ давно любимъ другъ друга не такъ, какъ прежде. Заблужденія въ этомъ нѣтъ и быть не можетъ: ты уѣзжаешь, и я, словно читая въ твоемъ сердцѣ, знаю, что будетъ дальше. Когда твоя дѣвочка поправится, ты мнѣ напишешь, что хочешь стряхнуть съ себя иго, которое тебя тяготитъ. Я хочу избавить тебя отъ подобнаго безпокойства, и потому первый пишу тебѣ объ этомъ. Возьми назадъ свою свободу. Все, что тебѣ принадлежитъ, ты получишь въ цѣлости обратно. Я же дня черезъ два уѣзжаю изъ Ниццы и уношу съ собою память о тѣхъ дняхъ любви и счастья, которыми ты меня подарила!“

Сестра Анна вернулась; за нею слѣдомъ шла Барбара съ большими свѣчами, которыя надо было зажечь вокругъ покойницы.

— А что вы отвѣтите ему?—спросилъ слѣпой Чезиру.

— Одно только слово, да и то по телеграфу: „Благодарю!..“

— А сестра-Анна здѣсь? Что она дѣлаетъ?

— Зажигаетъ свѣчи вокругъ моей дѣвочки.

Старикъ прислушался, подождалъ, пока, по его мнѣнію, все было готово, и настоятельно повторилъ:

— Я бы хотѣлъ вамъ еще кое-что сказать, Чезира... Вы слушаете меня?

— Да. Говорите!..

— Сегодня утромъ сынъ мой пойдетъ подать объявленіе о смерти Бланшъ. Если онъ назоветъ по имени отца нашей дорогой малютки, вы не оскорбитесь?

Сначала Чезира не совсѣмъ поняла, въ чемъ дѣло; но затѣмъ съ громкимъ и радостнымъ крикомъ упала на колѣни передъ тѣломъ своего ребенка. Потомъ, подойдя къ слѣпому, сказала:

— Скажите этой милой дѣвушкѣ и вашему сыну, что Чезира...

хочетъ быть достойной, чтобы молиться... и будетъ молиться о ихъ взаимномъ счастьѣ.

Заглянувъ въ лицо слѣпому, она замѣтила на немъ какое-то безпокойство и смиренно спросила:

— А теперь... теперь мнѣ надо уходить?

Маттіа утвердительно кивнулъ головою. Тогда она нагнулась къ помертвѣлому личику Бланшъ и долгимъ, нѣжнымъ поцѣлуемъ коснулась ея холоднаго лобика. Затѣмъ она тихонько вышла въ сосѣднюю комнату.

Старикъ пошелъ предупредить сына и Софи, и вскорѣ они оба подошли къ изголовью покойницы.

Долго, долго стояли они молча, въ тяжеломъ раздумьѣ. Софи стала на колѣни, а отецъ малютки поцѣловалъ ее въ губы, какъ ему хотѣлось, чтобы еще при жизни дѣвочка цѣловала его.

На другой же день все было кончено.

Малютка-Бланшъ крѣпко спала въ своей глубокой могилкѣ, и вмѣстѣ съ нею—цвѣты, которыми на прощанье осыпали ее дѣти.

Тихо, безъ шума и стоновъ ушла Чезира изъ дома, который пріютилъ ее въ горькія для нея минуты, и больше въ немъ уже не появлялась.

XX.

Двѣ недѣли спустя, при торжественной обстановкѣ Юдиѳь дала клятву „слѣдовать за своимъ мужемъ повсюду, куда ему будетъ угодно"; а такъ какъ ему тотчасъ же послѣ свадьбы оказалось угоднымъ отправиться въ Парижъ, то она и послѣдовала за нимъ весьма охотно. Отъ природы практичная и разсудительная, она тоже въ своихъ дѣвичьихъ грёзахъ иногда видѣла себя въ парижскихъ театрахъ, гдѣ изображались тѣ самыя повседневныя сцены, которыя воспѣлъ въ своихъ романахъ... Поль-де-Кокъ. И эта мечта осуществилась; но она была ея послѣдней мечтою; собственно говоря, практичной красавицѣ достаточно было нѣсколькихъ дней для того, чтобы водворить жизнь свою въ строго-разсчитанныя, трезвыя рамки. Супруга банкира,—какъ ей и подобало,—вполнѣ вошла въ колею повседневныхъ катаній, визитовъ, прогулокъ, ходьбы по магазинамъ, въ которыхъ и состоитъ вся жизнь безпечныхъ и лѣнивыхъ женщинъ; онѣ еще чего-то ждутъ отъ жизни, но есть и такія, которыя ужъ больше ничего не ждутъ.

Къ послѣднимъ, безспорно, принадлежала красавица-Юдиѳь.

Она съумѣла согласовать свои желанія и удовольствія съ дѣйствительной жизнью; а такъ какъ ея супругъ-банкиръ дѣйствительно былъ очень богатъ и очень въ нее влюбленъ, то супруга его и могла по чистой совѣсти признавать себя счастливой. Она и считала бы себя вполнѣ счастливой, еслибы не упрямство старика-отца, который утверждалъ, что ему лучше всего жить на чердакѣ, по-прежнему скудно и нелюдимо.

Какъ и въ былое время, папà-Сальви гордился своей бѣдностью и не стыдился ея, подъ предлогомъ, что ему отрадно чувствовать себя никому не обязаннымъ, сознавать свое превосходство, и т. п. А для того, чтобы оградить себя отъ искушенія, онъ даже пригласилъ въ квартиранты добряка Тоніо, который охотно на это согласился.

Они рѣшили вести свое хозяйство сообща, и учитель поспѣшилъ перевезти свое бѣлье и папки съ рисунками на свое новое пепелище.

Въ первый же день, какъ онъ тамъ водворился, его обуяли воспоминанія, стоившія ему когда-то немалыхъ сердечныхъ волненій.

Чемоданъ свой онъ поставилъ на полъ, въ ногахъ у постельки Софи, а папки прислонилъ къ кровати Юдиѳи, и долго-долго просидѣлъ передъ ними, какъ одурѣлый, воображая, что онъ думаетъ о чемъ-то, но самъ не зная, собственно, о чемъ? Думы его прервалъ папà-Сальви, заглянувшій къ нему въ комнату, посмотрѣть, устроился ли онъ.

Старикъ весело спросилъ, рѣшенъ ли у него вопросъ, на которой изъ кроватей онъ будетъ спать; и Тоніо такъ же весело отвѣтилъ ему, что это для него совершенно безразлично.

Однако, онъ выбралъ кроватку Софи и почувствовалъ себя почти счастливымъ, что могъ передъ сномъ, лежа, при свѣтѣ лампочки Юдиѳи, пробѣгать страницы романа, который когда-то она сама читала. Затѣмъ ему вдругъ показалось, что его клонитъ ко сну. Онъ потушилъ лампу; но ему не спалось, и круглыя стекла знакомаго окна, какъ большой глазъ, блестѣли передъ нимъ въ темнотѣ. Долго смотрѣлъ Тоніо неподвижно, и въ сердцѣ его пробуждалось покорность судьбѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, стоило ли теперь томиться душой о Юдиѳи... а тѣмъ болѣе о Софи, которая любитъ Тито и должна вскорѣ выйти за него?..

Свадьба ихъ состоялась въ сентябрѣ.

Торжество это прошло безъ всякаго шума и блеска; единственными поручителями жениха и невѣсты были: зять-банкиръ

и кузенъ-учитель, пожелавшій хоть въ чемъ-нибудь способствовать счастію кузины.

Вмѣсто поѣздки въ Парижъ, все маленькое общество сопровождало новобрачныхъ за̀-городъ, въ Ваприо. Слѣпой, больше чѣмъ кто-либо, радовался этой выдумкѣ, въ которой также принялъ участіе и злополучный кузенъ. Бѣдняга не могъ противиться роковому влеченію судьбы, которой угодно было сдѣлать его свидѣтелемъ счастья другихъ,—счастья, еще болѣе увеличившаго тоску его собственнаго одиночества.

Ему казалось, что мужья его кузинъ знаютъ о его разбитыхъ надеждахъ; что даже новобрачныя обѣ должны были, первымъ дѣломъ, откровенно признаться своимъ мужьямъ въ той страсти, которую онъ, Тоніо, нѣкогда къ нимъ питалъ. Такъ думалъ бѣдняга по свой природной наивности; но, глядя прямо въ глаза банкиру и художнику, онъ пришелъ къ убѣжденію, что Софи сочла за лучшее умолчать о тайнѣ, которая, собственно, и не была ея тайной, а Юдиѳь, повидимому, все разсказала, но безъ хвастовства передъ мужемъ, а лишь для того, чтобы отдать долгъ искренности... что̀ тоже, пожалуй, можно отнести къ своего рода эгоизму.

За столомъ каждому хотѣлось произнести тостъ, и самымъ веселымъ оказался произнесенный старикомъ Сальви, который просто-на̀-просто предложилъ выпить за здоровье „дѣтей". Другой, болѣе витіеватый, стоилъ не мало труда банкиру, который перефразировалъ слова своего тестя и предложилъ выпить за здоровье своихъ „будущихъ" дѣтей.

Тоніо первый захлопалъ въ ладоши, когда пришла его очередь говорить и, протянувшись черезъ столъ, лицомъ къ лицу съ молодыми, сказалъ имъ тихонько:

— Я тостовъ сочинять не умѣю и скажу вамъ только: будьте счастливы! — и на его открытомъ, привѣтливомъ лицѣ молодые прочли искреннее доброжелательство.

Самой длинной рѣчью оказалась рѣчь Маттіи.

Слѣпой художникъ началъ говорить негромко, не спѣша, при полной тишинѣ всей залы, благоговѣйно относившейся къ его сѣдымъ кудрямъ и навѣки потухшимъ взорамъ. Онъ говорилъ, какъ настоящій патріархъ, о своихъ скромныхъ надеждахъ, которыя въ юности казались ему такъ велики, потому что въ то время онъ самъ былъ нетребовательнѣе, скромнѣе; говорилъ и о своихъ блестящихъ успѣхахъ, которыми онъ никогда вполнѣ не удовлетворялся, и о супружеской любви, которая была ему поддержкой въ его борьбѣ на поприщѣ искусства, и въ заключеніе сказалъ:

— Люби жену свою; люби свое искусство. Люби его пре-

данно и горячо, какъ я любилъ; но и не помышляй о славѣ, которая весьма рѣдко значитъ что-нибудь для живыхъ, а что̀ она для мертвыхъ—мы того и не знаемъ!

По окончаніи своего тоста, старикъ Маттіа пожелалъ, чтобы дѣти его поцѣловали, и папа̀-Сальви попросилъ того же.

Въ Миланъ почти все общество вернулось пѣшкомъ, уже когда смеркалось. Сентябрьскій теплый вечеръ вѣялъ своимъ ласкающимъ вѣтеркомъ, и новобрачнымъ показалось, что это ихъ будущая жизнь шлетъ имъ на встрѣчу свой неосязаемый привѣтъ.

Подъ конецъ всѣ размѣстились въ трехъ экипажахъ, при чемъ старики и Тоніо поѣхали вмѣстѣ. Маттіа былъ особенно разговорчивъ и старался перекричать стукотню колесъ.

— Послушайте!—обратился онъ къ Сальви:—прежде мы съ Тито работали вмѣстѣ, теперь онъ работаетъ одинъ, а я только мечтаю о тѣхъ полотнахъ, которыя я могъ бы еще написать... еслибъ остался зрячимъ. Но вы, зрячій, почему вы не продолжаете борьбу? Каждый изъ насъ обязанъ дать искусству все, что̀ у него есть лучшаго. Ну, приходите же къ намъ: вы будете вмѣсто меня бороться.

Папа̀-Сальви попробовалъ-было отнѣкиваться, разъигрывать изъ себя скромника и смиренника; увѣрялъ, что онъ ужъ далъ искусству все, что̀ могъ дать лучшаго; что не его вина, если онъ не можетъ идти дальше, и, наконецъ... „еслибъ его кто поправилъ, далъ ему возможность развить своѐ дарованіе"...

Всѣ эти возраженія были прерваны крѣпкимъ рукопожатіемъ, и было рѣшено, что Сальви будетъ работать въ мастерской Бонди, за его станкомъ, кистью „великаго мастера", покрытою славой.

Въ другой каретѣ помѣстились обѣ сестры, а въ третьей ихъ мужья.

— Потерпи немножко, если я лишу тебя на время общества твоего мужа,—полу-шутливо говорила Юдиѳь новобрачной.—Но, я думаю, ты и сама не прочь побыть сегодня съ сестрою?—и она принялась перечислять всѣ радости и тревоги, къ которымъ должна приготовиться молодая въ супружеской жизни. Она сказала, что знаетъ о появленіи у нихъ матери маленькой покойницы-Бланшъ; знаетъ и то, что она еще хороша собою... Такъ ужъ всегда бываетъ, что сестры, напримѣръ, скрытничаютъ между собою, а стоустая молва подхватитъ все, что̀ только можетъ долетѣть до ея всегда отверстыхъ ушей. Положимъ, вода течетъ впередъ и уже не вернется вспять снова вертѣть мельничныя колеса, но, все-таки, Софи не мѣшаетъ быть осторожнѣе...

— И, наконецъ, есть разные способы привязать къ себѣ мужа,

—продолжала Юдиеь.—Какой изъ нихъ ты избрала, чтобы вліять на своего?

— Я буду его любить.... любить искренно и горячо!

Юдиеь не захотѣла разочаровывать ее: это было бы жестоко и притомъ же въ такой день! Она ограничилась только тѣмъ, что замѣтила:—Что-жъ, и этотъ способъ не хуже другихъ.

Но тогда и Софи, въ свою очередь, рискнула просить у сестры откровеннаго признанія: счастлива ли она?

— Счастлива?!.. Да не только я, а и онъ тоже совершенно счастливъ! Я честная женщина, и мнѣ ничего не будетъ стоить остаться ему вѣрной: порядочность—моя стихія!

Въ этотъ день и Софи, и Тито, и Маттіи не разъ приходила мысль о Чезирѣ, но каждый удержалъ ее про себя. Вернувшись же домой, они нашли письмо отъ нея.

Она писала изъ Женевы, что поздравляетъ молодыхъ супруговъ, шлетъ имъ свои пожеланія всего лучшаго, а сама идетъ въ монастырь.

— Она такъ и сказала, еще тогда, сестрѣ-Аннѣ,—замѣтила Софи.

Слѣпой не возразилъ на это ничего, но Тито высказалъ и тутъ недовѣріе:

— Ея слова—не болѣе какъ намекъ на мысль пойти въ монахини; но она еще такъ хороша собой... Красавицы думаютъ о Богѣ гораздо позднѣе.

Для всѣхъ началась новая жизнь.

Папа́-Сальви, какъ будто въ жилахъ его потекла обновленная, молодая кровь, цѣлыми днями простаивалъ передъ станкомъ, на которомъ было натянуто его полотно: *Иллюзія*. Его натурщикъ, Маттіа, былъ дѣйствительно, достоинъ вниманія художника. Голова статнаго, красиваго старика сіяла, обрамленная густыми волнами бѣлоснѣжныхъ волосъ, а лицо его даже сохранило слегка розоватый, моложавый оттѣнокъ. Его старческіе глаза, казалось, не отрываясь смотрѣли на невидимый, вѣчно-прекрасный идеалъ, и вся его осанка способна была вдохновить художника.

Но и Тито не сидѣлъ безъ дѣла. Ему не трудно было найти себѣ модель. Онъ писалъ портретъ своей жены и послѣ каждаго сеанса, цѣлуя ее, говорилъ:

— Скажи мнѣ, почему это: чѣмъ больше я на тебя смотрю, тѣмъ ты мнѣ кажешься прекраснѣе? Еслибъ я всегда видѣлъ

тебя такъ, какъ вижу теперь, ты заставила бы меня еще больше страдать.

— Я заставляла тебя страдать... я?

— Еще бы! Но, себѣ въ наказанье, ты должна будешь теперь меня любить много... много!

— Да я и безъ того люблю тебя, но и не думаю страдать.

— А вотъ увидишь: полюбишь еще больше!

Эта самоувѣренность была новой ноткой въ его новомъ счастьѣ.

И Сальви тоже счастье вздумало улыбнуться: первый разъ въ жизни онъ вполнѣ окончилъ картину... Наконецъ-то!.. Радость его не знала предѣловъ.

Но его собратья-художники, приглашенные посмотрѣть на его новое полотно, не высказывали откровенно своего мнѣнія и, напротивъ, хвалили его прежнія, недодѣланныя картины.

Въ одно прекрасное утро, проснувшись не въ духѣ, Сальви подбѣжалъ къ станку и безжалостно замазалъ свою „Иллюзію".

А тогда нашлись и такіе, что, узнавъ о томъ, сочувственно отозвались:—Какая жалость!..

А. Б—г—.

ПУШКИНЪ

Историческое его значение.—Его сверстники.

II *).

Первыя стихотворенія Пушкина произвели уже сильное впечатлѣніе въ тогдашнемъ литературномъ кругу, и молодомъ, и старшемъ: молодое поколѣніе съ восторгомъ встрѣчало эти стихи, въ которыхъ видѣло сочувственный ему духъ юношескаго веселья и юношескаго задора; старшее поколѣніе почувствовало восходящую поэтическую силу, которая дѣйствительно поставила Пушкина, только-что покинувшаго школу, рядомъ съ авторитетами, засѣдавшими въ „Арзамасѣ". Такъ было, когда за Пушкинымъ не было еще ни одного крупнаго произведенія. Съ появленія „Руслана и Людмилы" и скоро послѣдовавшихъ новыхъ поэмъ, Пушкинъ сталъ тотчасъ центральнымъ лицомъ русской литературы: онъ отсутствовалъ въ литературныхъ центрахъ, какими были Петербургъ и Москва, и лишь изъ своего далека присылалъ все новыя произведенія, которыя каждый разъ становились событіями въ литературѣ, правда, очень бѣдной. Онъ былъ уже гордостію своего ближайшаго круга, предметомъ поклоненія тѣхъ любителей, въ которыхъ была инстинктивная потребность къ болѣе свѣжему содержанію литературы, было пониманіе къ новой изящной формѣ; но съ другой стороны на него обрушивались антипатіи и раздраженіе тѣхъ приверженцевъ литературной старины, какихъ въ то время были еще цѣлыя толпы. Пушкинъ сталъ знаменемъ,

*) См. выше: октябрь, стр. 722.

около котораго въ особенности завязался упорный бой классицизма и романтизма. Мы уже видѣли отчасти, что самъ Пушкинъ относился нѣсколько недовѣрчиво къ этой терминологіи, не находилъ у насъ ни настоящихъ классиковъ, заслуживающихъ этого имени, ни истинныхъ романтиковъ съ сознательнымъ пониманіемъ новаго поэтическаго откровенія,—такъ или иначе, но была на лицо борьба чего-то новаго противъ литературной старины, утомлявшей и надоѣдавшей своимъ сухимъ реторическимъ формализмомъ и заставлявшей сочувствовать новымъ явленіямъ поэзіи, которыя обѣщали литературное освобожденіе. Въ западной литературѣ давно уже поднятъ былъ этотъ вопросъ о романтизмѣ, возбужденный цѣлымъ рядомъ поэтическихъ произведеній, которыя дѣйствительно отмѣчены были совершенно новымъ характеромъ содержанія и формы, и которыя въ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе случайныхъ, переводахъ проникали и въ нашу литературу: въ западной литературѣ въ нихъ видѣли новую эру,—слабые отголоски этого направленія заставили предположить и у насъ наступленіе новаго литературнаго періода. Съ Пушкина стали считать полное утвержденіе русскаго романтизма, предисловіе къ которому далъ Жуковскій... Послѣдующая дѣятельность Пушкина прошла гораздо дальше этихъ предположеній; самъ онъ былъ романтикомъ только въ мѣру или въ иномъ смыслѣ, чѣмъ тогдашніе поклонники новой манеры, а впослѣдствіи совсѣмъ пересталъ думать о романтизмѣ,—но, какъ извѣстно, весь объемъ его поэтической дѣятельности, между прочимъ съ наиболѣе зрѣлыми его произведеніями, сталъ извѣстенъ уже только послѣ его смерти, въ посмертномъ изданіи его сочиненій.

Пушкинъ до такой степени стоялъ выше писателей своего кружка, что безъ сомнѣнія и позднѣе, еслибы судьба насильственно не прервала его жизни, онъ сохранилъ бы это превосходство; но такъ не случилось. И если въ литературныхъ и общественныхъ понятіяхъ самъ Пушкинъ уступалъ давленіямъ „жестокаго вѣка“, то его дружескій кругъ тѣмъ больше не выступилъ изъ установленныхъ рамокъ жизни и обычнаго теченія литературы... Литературная судьба сверстниковъ, его переживщихъ, можетъ въ значительной мѣрѣ служить указателемъ теченія литературы въ обычныхъ условіяхъ того времени: правда, Пушкинъ оказалъ на свой кружокъ могущественное дѣйствіе, какъ прямымъ вліяніемъ своей личности, въ которой поэтическая сила соединялась съ блестящимъ оригинальнымъ умомъ, такъ и вліяніемъ произведеній, которыя были выраженіемъ и подтвержденіемъ литературныхъ идей, вступавшихъ съ нимъ въ господство, и это

вліяніе оставило на нихъ едва-ли не навсегда свой отпечатокъ,— тѣмъ не менѣе внѣ этого личнаго воздѣйствія они все-таки были предоставлены самимъ себѣ. Они могли хранить Пушкинское преданіе, но лишь въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ сами его принимали: предоставленные самимъ себѣ, они (за рѣдкими исключеніями) не въ состояніи были понять того литературнаго движенія, которое наступило уже вскорѣ по смерти Пушкина, въ сороковыхъ годахъ.

Ближайшія литературныя связи Пушкина основались главнымъ образомъ въ тотъ короткій промежутокъ времени, какой Пушкинъ прожилъ въ Петербургѣ отъ выхода изъ лицея до его ссылки весной 1820. Эти связи поддерживались потомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ только перепиской и обмѣномъ сочиненій; очень рѣдко въ письмахъ не было рѣчи о литературѣ, но почти всегда въ нихъ находили мѣсто критическія замѣтки о литературныхъ фактахъ данной минуты, о новыхъ произведеніяхъ его друзей, и замѣтки о его собственныхъ произведеніяхъ; то же бывало и въ письмахъ, какія получалъ онъ отъ своихъ друзей. Этотъ постоянный обмѣнъ мыслей и литературныхъ впечатлѣній въ концѣ концовъ создавалъ въ дружескомъ кругу тѣсную солидарность кружка, и она утвердилась потомъ еще болѣе, когда Пушкинъ вернулся въ литературное общество Москвы и Петербурга. Къ этимъ литературнымъ друзьямъ Пушкинъ былъ очень привязанъ и даже пристрастенъ. Какъ увидимъ дальше, друзья Пушкина составили, наконецъ, весьма исключительный кружокъ; по его смерти кружокъ сталъ въ литературѣ особнякомъ и вслѣдствіе этой исключительности утратилъ вліяніе, какое было бы для него возможно.

Ближайшимъ изъ друзей Пушкина былъ баронъ Дельвигъ, въ которомъ онъ цѣнилъ не только качества его характера, но и поэтическія достоинства: „никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига,—писалъ Пушкинъ по его смерти:—около него собиралась наша бѣдная кучка; безъ него мы точно осиротѣли“. Дельвигъ умеръ, не успѣвши сдѣлать что-либо крупное; его поэзія раздвоялась между наклонностью къ антологическому стилю—даже послѣ считалось возможнымъ видѣть въ немъ истаго „эллина“— и между любовью къ русской народной пѣснѣ, которую онъ удачно воспроизводилъ: то и другое было приблизительно. Дельвигъ не былъ эллиномъ, и извѣстное замѣчаніе, сдѣланное Кирѣевскимъ еще въ 1830, что его древняя муза покрывается иногда „душегрѣйкою новѣшаго унынія“: надъ этой душегрѣйкой долго потомъ подшучивали, но она вѣрно обозначила тотъ новѣйшій оттѣнокъ, какой придавалъ Дельвигъ своимъ эллинскимъ сюжетамъ. Какъ

здѣсь романтическая чувствительность нарушала настоящій тонъ античной поэзіи, такъ въ стихотвореніяхъ Дельвига была прикрашена и русская народная пѣсня; но друзья высоко цѣнили его произведенія и находили въ нихъ „одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ русской поэзіи текущаго столѣтія": „они дышатъ свѣжестью картинъ; въ нихъ кипятъ чувства; отъ нихъ раздается музыка величественной простоты; они, какъ времена года, блестятъ собственными каждое красотами: кто, прочитавъ ихъ, не почувствуетъ наслажденія, тотъ или отжилъ, или не начиналъ еще жить для восторговъ къ изящному" [1]). Въ немъ цѣнили, кромѣ того, большое литературное образованіе, и основанная имъ „Литературная Газета" была первымъ отдѣльнымъ органомъ Пушкинскаго кружка.

Въ первые годы жизни въ Петербургѣ Пушкинъ познакомился съ Рылѣевымъ и только послѣ, заочно, они сошлись на дружеское „ты" [2]). Біографія Рылѣева до сихъ поръ недостаточно изслѣдована. Ревностный дѣятель тайнаго общества, онъ старался и въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ дать выраженіе наполнявшему его гражданскому чувству. Его настроеніе было типическимъ для либеральнаго молодого поколѣнія тѣхъ годовъ, въ которомъ, съ одной стороны, отражались политическія возбужденія западно-европейскихъ событій, съ другой—было усиленное стремленіе пересадить ихъ въ русскую жизнь въ нашей національной окраскѣ: совершенно рядомъ съ западнымъ либерализмомъ ставились воспоминанія о древней новгородской свободѣ (отъ которой, разумѣется, не было въ жизни ни малѣйшаго слѣда), о гражданскихъ доблестяхъ предковъ (которыя только-что узнавались изъ Карамзина и другихъ немногихъ пособій), и въ этихъ воспоминаніяхъ указывался примѣръ для подражанія. Мы говорили въ другомъ мѣстѣ объ общественно-политическихъ отношеніяхъ Рылѣева [3]), и упомянемъ здѣсь только о его положеніи литературномъ. Разумѣется само собой, что онъ былъ романтикъ, но далеко не въ томъ смыслѣ, какъ романтикомъ считался Жуковскій; Рылѣеву казалось даже, что поэзія Жуковскаго приноситъ вредъ нашей литературѣ, распространяя мистическое настроеніе,—онъ думалъ, что это настроеніе отвлекаетъ умы отъ дѣятельнаго интереса къ задачамъ общественной жизни. Рылѣевъ понималъ романтизмъ, какъ свободу и поэтическую, и граждан-

---

[1]) Плетневъ въ некрологѣ барона Дельвига, 1831. См. „Сочиненія и переписку" Плетнева. Спб. 1885, I, стр. 216.

[2]) Письмо Пушкина отъ 25 января 1825 года изъ Михайловскаго.

[3]) Общественное движеніе при Александрѣ I. 2-е изд., Спб. 1885.

скую вмѣстѣ: содержаніе своихъ произведеній онъ бралъ, какъ мы упоминали, изъ внутренней политической жизни русскаго народа, а манера была навѣяна, съ одной стороны, общими пріемами тогдашней романтической поэзіи, а съ другой—въ частности примѣромъ „Историческихъ Пѣсенъ" Нѣмцевича, на которыя онъ самъ указываетъ въ предисловіи къ своимъ „Думамъ". Эти „Думы", форма которыхъ казалась Рылѣеву совершенно національной, по существу не вызывали тогда сомнѣній; кромѣ Рылѣева, и другіе тогдашніе поэты обращались иногда къ этой формѣ; она сказалась и въ „Вѣщемъ Олегѣ" Пушкина; но Рылѣевъ спеціально разработывалъ этотъ поэтическій родъ и далъ длинный рядъ стихотвореній, собирая сюжеты почти на всемъ пространствѣ русской исторіи. Въ свое время „Думы", повидимому, нравились: трагическая смерть поэта вскорѣ послѣ того, какъ онъ собралъ свои произведенія въ отдѣльныя изданія, удалила ихъ изъ литературнаго обращенія, но онѣ еще долго ходили въ рукописяхъ, привлекая читателей своимъ патріотическимъ одушевленіемъ и проблесками дѣйствительной поэзіи... Развитіе нашего романтизма въ рукахъ могущественныхъ талантовъ, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, и, съ другой стороны, превращеніе его въ сильный и здоровый реализмъ, сами собой устранили тотъ романтическій стиль, которому служили Рылѣевъ и другіе его современники, и „Думы" отошли въ исторію безъ всякаго участія критики. Въ свое время онѣ еще не могли встрѣтить слишкомъ строгихъ требованій: онѣ нравились иногда самому Пушкину, который вскорѣ потомъ восхищался, между прочимъ, и первымъ романомъ Загоскина. Рылѣевъ производилъ впечатлѣніе своимъ патріотическимъ возбужденіемъ, искренность котораго чувствовалась; романтическая высокопарность была въ духѣ времени; наконецъ, нашъ романтизмъ въ то время былъ именно занятъ исканіемъ тѣхъ путей, которыми онъ могъ утвердиться на русской почвѣ. Отношеніе Пушкина къ Рылѣеву было очень неровное: онъ то одобрялъ, то строго осуждалъ его, между прочимъ, въ письмахъ къ нему самому. Приводимъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1823 Пушкинъ шутливо и насмѣшливо говоритъ о „знаменитомъ" Рылѣевѣ. Въ письмѣ къ нему самому въ апрѣлѣ 1825 онъ пишетъ о „Войнаровскомъ" и о „Думахъ": „Думаю, ты уже получилъ замѣчанія мои на Войнаровскаго. Прибавлю одно: вездѣ, гдѣ я ничего не сказалъ, должно подразумѣвать: знаки восхищенія, прекрасно, и пр. Полагая, что хорошее писано съ умыслу—не счелъ за нужное отмѣчать для тебя. Что̀ сказать тебѣ о „Думахъ"? Во всѣхъ встрѣчаются стихи живые; окончательныя строфы Петра въ

Острогожскѣ чрезвычайно оригинальны. Но вообще всѣ онѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на одинъ покрой, составлены изъ общихъ мѣстъ (loci topici): описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и нравоученіе. Національнаго русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ именъ (исключая Ивана Сусанина—первую думу, по которой началъ я подозрѣвать въ тебѣ истинный талантъ)". Мы привели слегка насмѣшливый отзывъ 1823 года; но въ черновомъ письмѣ къ князю Вяземскому около того же времени, онъ пишетъ о думахъ Рылѣева: „послѣднія прочелъ я недавно и еще не опомнился: такъ онъ вдругъ выросъ!" Въ письмѣ къ Рылѣеву отъ января 1825, онъ говоритъ, что ждетъ съ нетерпѣніемъ „Полярной Звѣзды": „знаешь для чего? для Войнаровскаго. Эта поэма нужна была для нашей словесности". Разбирая сочиненія своихъ пріятелей, Пушкинъ не пропускалъ ихъ ошибокъ и неловкостей; такія замѣтки онъ дѣлалъ и о стихотвореніяхъ Рылѣева,—между прочимъ онъ указывалъ ему самому, что въ думѣ объ Олегѣ надо было исправить стихъ, гдѣ Рылѣевъ говорилъ, что Олегъ прибилъ къ цареградскимъ воротамъ свой щитъ „съ гербомъ Россіи", когда этого герба вовсе не было; онъ замѣчалъ, что въ думѣ о Хмѣльницкомъ „лучъ денницы проникалъ въ полдень въ темницу Хмѣльницкаго. Это не Хвостовъ написалъ—вотъ что меня огорчило!—Что дѣлаетъ Дельвигъ? чего онъ смотритъ!" Рылѣевъ послѣ исправилъ эти стихи. „Войнаровскій" Пушкину нравился. Въ январѣ 1824 онъ писалъ Бестужеву: „Рылѣева Войнаровскій несравненно лучше всѣхъ его Думъ: слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти еще нѣтъ". То же онъ повторялъ въ письмѣ къ брату въ апрѣлѣ 1825, а передъ тѣмъ писалъ ему же: „Присовѣтуй Рылѣеву въ новой его поэмѣ помѣстить въ свитѣ Петра I нашего дѣдушку. Его арапская рожа произведетъ странное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы". Въ письмѣ къ Бестужеву отъ марта 1825 встрѣчаемъ опять сочувственный отзывъ: „Откуда ты взялъ, что я льщу Рылѣеву? Мнѣніе свое о его „Думахъ" я сказалъ вслухъ и ясно; о поэмахъ его также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своей дорогой. Онъ въ душѣ поэтъ; я опасаюсь его не на шутку и жалѣю очень, что его не застрѣлилъ, когда имѣлъ къ тому случай; да чортъ его зналъ! Жду съ нетерпѣніемъ Войнаровскаго и перешлю ему всѣ мои замѣчанія.—Ради Христа, чтобъ онъ писалъ, да болѣе, болѣе!" Но затѣмъ опять отзывы очень суровые. Въ маѣ того же 1825 года онъ пишетъ кн. Вяземскому по поводу „Чернеца" Козлова: „Эта поэма, конечно, полна чувства и умнѣе

Войнаровскаго, но въ Рылѣевѣ есть болѣе замашки или размашки въ слогѣ. У него есть какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ. Зато *Думы* дрянь, и названіе сіе происходитъ отъ нѣмецкаго *dumm*, а не отъ польскаго, какъ казалось бы съ перваго взгляда". Мы приводили раньше замѣчаніе Пушкина о цѣляхъ поэзіи: „думы Рылѣева и цѣлятъ, а все не впопадъ". Въ другой разъ въ письмѣ къ Бестужеву отъ ноября 1825 онъ подшучиваетъ надъ манерой Рылѣева составлять предварительные планы для своихъ Думъ: „Я болѣе люблю стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ".

Рылѣевъ, съ своей стороны, преклонялся передъ Пушкинымъ. Кончая свои письма къ нему, Рылѣевъ пишетъ напримѣръ: „прощай, поэтъ"; или: „прощай, чародѣй"; или: „прощай, милая сирена". Послѣднее извѣстное письмо къ Пушкину кончается словами: „...Еслибъ ты зналъ, какъ я люблю, какъ я цѣню твое дарованіе! Прощай, чудотворецъ". Въ этихъ шутливо-нѣжныхъ словахъ говорила очевидно глубокая привязанность; но въ своихъ литературныхъ мнѣніяхъ Рылѣевъ оставался независимъ и иногда спорилъ съ Пушкинымъ и укорялъ его. Мы упоминали выше, какъ они не сошлись во взглядѣ на Жуковскаго; Пушкинъ вообще защищалъ Жуковскаго отъ новѣйшихъ рьяныхъ романтиковъ, и около этого времени писалъ своимъ пріятелямъ (въ апрѣлѣ 1825): „Зачѣмъ кусать намъ груди кормилицы нашей? Потому что зубки прорѣзались?"

Въ другой разъ Рылѣевъ возсталъ противъ аристократическихъ наклонностей Пушкина: „Ты сдѣлался аристократомъ; это меня разсмѣшило. Тебѣ ли чваниться пятисотлѣтнимъ дворянствомъ? И тутъ вижу маленькое подражаніе Байрону. Будь, ради Бога, Пушкинымъ! Ты самъ по себѣ молодецъ". Въ другомъ письмѣ [1]) онъ настойчиво говоритъ противъ этого аристократизма: „Ты мастерски оправдываешь свое чванство шестисотлѣтнимъ дворянствомъ, но несправедливо. Справедливость должна быть основаніемъ и дѣйствій, и самыхъ желаній нашихъ. Преимуществъ гражданскихъ не должно существовать, да они для поэта Пушкина ни къ чему и не служатъ ни въ залѣ невѣжды, ни въ залѣ знатнаго подлеца, не умѣющаго цѣнить твоего таланта. Глупая фраза журналиста Булгарина также не оправдываетъ тебя, точно такъ, какъ она не въ состояніи уронить достоинства литератора и поставить его на одну доску съ камердинеромъ знатнаго барина. Чванство

---

[1]) Намъ не совсѣмъ ясенъ порядокъ писемъ Рылѣева, 3-го и 4-го (въ изданіи 1872, стр. 235—237).

дворянствомъ непростительно, особенно тебѣ. На тебя устремлены глаза Россіи; тебя любятъ, тебѣ вѣрятъ, тебѣ подражаютъ. Будь поэтъ и гражданинъ".

Толки о поэзіи и гражданствѣ начались съ посвященія „Войнаровскаго", гдѣ Рылѣевъ, вручая Бестужеву свою поэму, „плоды безпечнаго досуга", говорилъ:

Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
Ты не увидишь въ нихъ искусства;
Зато найдешь живыя чувства—
Я не поэтъ, а гражданинъ.

Пушкинъ говоритъ въ письмѣ къ князю Вяземскому (отъ августа 1825), что Дельвигъ „уморительно сердится" на это посвященіе „Войнаровскаго", а самъ онъ восхищался эпиграммой кн. Вяземскаго, который, изобличая низкопоклонство извѣстнаго Свиньина передъ Аракчеевымъ, оканчивалъ эпиграмму очевидной пародіей стиховъ Рылѣева [1]. Самъ Пушкинъ подшучивалъ надъ ними и говорилъ, что кто пишетъ стихи, тотъ прежде всего долженъ быть поэтомъ, а кто хочетъ просто „гражданствовать", пусть пишетъ прозою. Но въ прежнее время и самъ онъ гражданствовалъ въ стихахъ...

Рылѣевъ не соглашался съ Пушкинымъ и въ вопросѣ о покровительствѣ талантовъ,—о чемъ тогда Пушкинъ писалъ Бестужеву (въ мартѣ 1825). „Главная ошибка твоя, — писалъ Рылѣевъ Пушкину,—состоитъ въ томъ, что ты и ободреніе, и покровительство принимаешь за одно и то же. Что ободреніе необходимо не только для таланта, но даже для генія, я твердилъ Бестужеву еще до полученія твоего письма; но какое ободреніе... Можетъ быть, Гомеръ сочинялъ свои рапсодіи изъ куска хлѣба; ...покровительство въ состояніи оперить, но думаю, что оно скорѣй можетъ дѣйствовать отрицательно. Сила душевная слабѣетъ при дворахъ и геній чахнетъ; все дѣло добрыхъ правительствъ состоитъ въ томъ, чтобы не стѣснять генія. Пусть онъ произво-

[1]) Что пользы, говоритъ разсчетливый Свиньинъ,
Намъ кланяться развалинамъ безплоднымъ
Пальмиры древней, иль Аѳинъ?
Нѣтъ, лучше въ Грузино пойду путемъ доходнымъ:
Тамъ кланяясь, могу я выкланяться въ чинъ.
Оставимъ славы дымъ поэтамъ сумасброднымъ:
Я не поэтъ, а дворянинъ.

Этой эпиграммы нѣтъ въ полномъ собраніи сочиненій кн. Вяземскаго: она издана въ „Русскомъ Архивѣ", 1866, и приведена въ Сочиненіяхъ Пушкина, изд. Литературнаго Фонда, VII, стр. 145—146.

дить свободно все, что внушаетъ ему вдохновеніе. Тогда не надобно ни пенсій, ни орденовъ, ни ключей камергерскихъ"... Пушкинъ отвѣчалъ на это въ письмѣ къ Бестужеву (въ декабрѣ 1825): „Мнѣ досадно, что Рылѣевъ меня не понимаетъ. Въ чемъ дѣло? Что у насъ не покровительствуютъ въ литературѣ и что—слава Богу! Зачѣмъ же объ этомъ говорить? Напрасно! Равнодушію правительства и притѣсненію цензуры обязаны мы духомъ нашей словесности. Чего жъ тебѣ болѣе?... Всякій знаетъ, что хоть онъ расподличайся — никто ему спасибо не скажетъ и не дастъ ни 5 рублей: такъ ужъ лучше даромъ быть благороднымъ человѣкомъ. Ты сердишься за то, что я хвалюсь 600-лѣтнимъ дворянствомъ (NB. мое дворянство старѣе). Какъ же ты не видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ сословія писателей. Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненій вельможамъ, ибо по своему рожденію почитаемъ себя равными имъ. Отселѣ гордость etc. Не должно русскихъ писателей судить какъ иноземныхъ". Вопросъ остался нерѣшеннымъ.

Наконецъ Рылѣевъ предостерегалъ Пушкина отъ подражанія Байрону. Мы видѣли, что однажды онъ подозрѣвалъ уже маленькое подражаніе Байрону въ аристократизмѣ Пушкина. Въ письмѣ отъ мая 1825, восхищаясь „Донъ-Жуаномъ", онъ пишетъ: „Тутъ Байронъ вознесся до невѣроятной степени: онъ сталъ тутъ и выше пороковъ, и выше добродѣтелей. Пушкинъ! Ты пріобрѣлъ уже въ Россіи пальму первенства: одинъ Державинъ только еще борется съ тобою, но еще два, много три года усилій, и ты опередишь его. Тебя ждетъ завидное поприще: ты можешь быть нашимъ Байрономъ, но, ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета, не подражай ему. Твое огромное дарованіе, твоя пылкая душа могутъ вознести тебя до Байрона, оставивъ Пушкинымъ". Совѣтъ на ту минуту былъ нѣсколько запоздалый (чего Рылѣевъ могъ не знать), но во всякомъ случаѣ свидѣтельствовалъ о вѣрномъ чутьѣ.

Пушкинъ считалъ Рылѣева своимъ ученикомъ въ стихѣ; это подтверждалъ и самъ Рылѣевъ. Размѣръ его дарованія не былъ обширенъ, но извѣстную поэтическую оригинальность находилъ въ немъ и самъ Пушкинъ. „Думы" Пушкину не нравились, но, какъ мы видѣли, онъ былъ очень заинтересованъ „Войнаровскимъ". Оригинальность Рылѣева была двоякая. Во-первыхъ, это было стремленіе искать поэтическаго матеріала въ историческомъ прошломъ, воспроизведеніе котораго могло справедливо представляться задачей для русскаго поэта: задача была трудная, и неудивительно, что Рылѣевъ недостаточно справлялся съ нею, если

мы видимъ, что наша историческая старина и до сихъ поръ мало поддается такому воспроизведенію, несмотря на то, что новѣйшіе поэты могли бы быть несравненно больше подготовлены къ ея пониманію. Другой оригинальностью Рылѣева былъ его общественный патріотизмъ. Такія стихотворенія, какъ оды „Видѣніе", „Гражданское мужество", какъ стихотвореніе „къ Рубеллію", отрывокъ „Гражданинъ", не лишены настоящаго поэтическаго одушевленія, которое онъ старался внести и въ свои „Думы". Онъ самъ сознавался, что нѣкоторыя изъ нихъ очень слабы, „но зато, — говорилъ онъ, — убѣжденъ душевно, что Ермакъ, Матвѣевъ, Волынской, Годуновъ и имъ подобное—хороши и могутъ быть полезны не для однихъ дѣтей". Тогдашнее слабое знаніе старины не давало средствъ для достиженія по крайней мѣрѣ исторической живописности; настроеніе поэта и вообще либеральнаго круга, къ которому онъ принадлежалъ, побуждало переносить въ старину тѣ идеи свободы, какія почерпались, съ одной стороны, изъ политическихъ движеній на Западѣ, съ другой изъ классическихъ воспоминаній: понятно, что примѣненіе этихъ идей свободы, напримѣръ, къ старому русскому Новгороду, — о которомъ всякое живое преданіе исчезло уже нѣсколько вѣковъ назадъ,— становилось натянутымъ, такъ сказать, школьно-поэтическимъ, и взамѣнъ недостававшаго естественнаго тона являлась та романтическая выспренность, которая вообще господствовала въ тогдашней поэзіи, и отъ которой не былъ свободенъ самъ Пушкинъ.

Никто изъ писателей того круга не прославился этой романтической выспренностью въ такой степени, какъ ближайшій другъ Рылѣева, Бестужевъ-Марлинскій. Его первые шаги въ литературѣ начала двадцатыхъ годовъ были заслонены его послѣдующей дѣятельностью повѣствователя, когда онъ сталъ настоящимъ идоломъ многочисленныхъ почитателей, съ именемъ Марлинскаго. Бестужевъ былъ съ Пушкинымъ ближе, чѣмъ Рылѣевъ, и письма къ нему Пушкина, гораздо болѣе многочисленныя, вводятъ насъ въ ихъ общіе литературные интересы; вѣроятно сближала ихъ и необычайная живость характера у того и другого...

Мы имѣли случай указывать на оригинальную связь преданія, которая соединяла дѣятелей литературы начала вѣка съ лучшими представителями прошлаго столѣтія. Мы видѣли примѣръ такой связи на Карамзинѣ, Жуковскомъ, Батюшковѣ, самомъ Пушкинѣ: старое поколѣніе не налагало на новую силу какихъ-нибудь обязательныхъ понятій, но сообщало поколѣнію молодому преданіе любви къ просвѣщенію и служенія общему благу. Въ

этомъ они соединялись, но затѣмъ пути бывали совершенно различны: Карамзинъ отдалился отъ школы Новикова; Жуковскій преобразовалъ піэтистическое нравоученіе въ возвышенный мистическій романтизмъ; Батюшковъ отъ указанныхъ ему классиковъ перешелъ къ самостоятельному культу поэтической красоты; Пушкинъ начиналъ отъ старомодныхъ французскихъ образцовъ и, быстро прошедши вліянія романтики, Байрона и Шекспира, достигъ до неподозрѣваемыхъ ранѣе поэтическихъ богатствъ... Въ семьѣ Бестужева была такая же традиція лучшихъ сторонъ XVIII вѣка, которая опять развилась своеобразно. Бестужевъ-отецъ, артиллеристъ и морякъ по спеціальности и службѣ, прошелъ тяжелую военную карьеру, затѣмъ несъ службу техника и инженера, но кромѣ того былъ по своему времени широко образованный человѣкъ: въ 1798 году онъ издавалъ вмѣстѣ съ Пнинымъ „С.-Петербургскій Журналъ", замѣчательный по своему общественному направленію, а позднѣе былъ авторомъ любопытной книги: „Опытъ военнаго воспитанія относительно благороднаго юношества" (1803), передѣланной потомъ въ „Правила военнаго воспитанія" и пр. (1807), гдѣ просвѣтительныя идеи западной литературы по вопросу общественнаго воспитанія были примѣнены къ условіямъ русскаго общества. Въ духѣ широкой любви къ просвѣщенію шло воспитаніе его сыновей; трое изъ нихъ оставили свое имя въ литературѣ, и въ особенности Александръ (1797—1837). Домъ Бестужевыхъ, какъ говорятъ, представлялъ собою цѣлый богатый музей въ миніатюрѣ, гдѣ были прекрасныя коллекціи по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ. Это была уже богатая пища для юной любознательности: старшій изъ братьевъ, Николай, впослѣдствіи декабристъ, въ своей сибирской ссылкѣ имѣлъ случай примѣнить свои разнообразныя познанія и изобрѣтательность; второй, Александръ, очень рано заявилъ другую сторону своихъ дарованій—очень дѣятельную фантазію; онъ читалъ съ величайшею жадностью книги изъ отцовской библіотеки. На десятомъ году отданный въ горный корпусъ, онъ началъ вести обстоятельный дневникъ, гдѣ, по свидѣтельству его брата Михаила, „можно было уже замѣтить зародыши будущихъ талантовъ и недостатковъ его на литературномъ поприщѣ; въ немъ, какъ бы въ зеркалѣ, увидѣли бы миніатюрнаго Марлинскаго, съ его складомъ ума и сердца, съ его оригинальною, саркастическою рѣчью, наблюдательнымъ взоромъ и пылкимъ воображеніемъ". Вскорѣ была написана даже романтическая драма... Свое литературное поприще онъ началъ очень рано. Это былъ юноша съ возбужденной фантазіей, пылкимъ темпераментомъ, большой начитан-

ностью, съ литературной бойкостью, когда въ 1819 онъ становится сотрудникомъ тогдашнихъ журналовъ, членомъ петербургскаго общества россійской словесности, вступаетъ въ дружескія отношенія съ Грибоѣдовымъ, Рылѣевымъ, Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ, но также съ Гречемъ и Булгаринымъ, которые въ то время были еще большими либералами и начинали свою литературную промышленность. Когда въ 1823 Бестужевъ и Рылѣевъ задумали изданіе „Полярной Звѣзды", они могли соединить въ ней лучшія имена тогдашней литературы, и альманахъ имѣлъ небывалый успѣхъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвели въ литературномъ кругу его „Взглядъ на русскую словесность" за 1823 годъ, какъ въ слѣдующемъ выпускѣ „Полярной Звѣзды" такое же обозрѣніе литературы, за 1824 и начало 1825 года, и общее обозрѣніе русской литературы въ статьѣ: „Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи" (въ „Полярной Звѣздѣ" 1823). Это были первыя попытки разобраться въ томъ смутномъ состояніи русской литературы, когда начиналось въ ней романтическое броженіе и нужно было выяснить отношенія ея старыхъ и новыхъ элементовъ. Эти статьи вызвали тотчасъ цѣлый рядъ одобреній и осужденій и на нѣкоторое время ввели въ моду подобныя обозрѣнія, которыя были первой пробой систематической критики и исторіи литературы.—Первые „Взгляды" Бестужева остались надолго памятны. Въ 1840 году Бѣлинскій [1]) ставилъ вообще тогдашнія критическія статьи Бестужева очень высоко, находилъ ихъ „крайне интересными, какъ факты интереснѣйшаго времени нашей литературы, времени, въ которое началась война покойника классицизма съ теперешнимъ покойникомъ романтизмомъ". Бѣлинскій видѣлъ въ этомъ важную заслугу для русской литературы.

Бестужевъ былъ въ это время блестящій гвардейскій офицеръ, красавецъ собою, живой и остроумный и, по его собственному выраженію, съ „перечнымъ" темпераментомъ. „Всю свою жизнь,—говоритъ его біографъ,—онъ былъ настоящимъ сердцеѣдомъ и всегда былъ окруженъ женскою ласкою. Въ Петербургѣ, въ Якутскѣ, на Кавказѣ одна интрига смѣнялась другою. Все это, нельзя отрицать, дѣлало его порядочнымъ фатомъ". Среди общественнаго возбужденія двадцатыхъ годовъ и особенно въ кругу военной молодежи, Бестужевъ вступилъ въ тайное общество, гдѣ, между прочимъ, однимъ изъ самыхъ ревностныхъ дѣятелей былъ

---

[1]) Въ разборѣ „Полнаго собранія сочиненій" Марлинскаго, „Сочиненія", т. III, стр. 434 и далѣе.

его другъ Рылѣевъ. Это вступленіе въ заговоръ Гречъ въ своихъ запискахъ объясняетъ несчастной любовью къ дочери его начальника Бетанкура: получивъ отказъ, онъ впалъ въ уныніе, искалъ развлеченія и, „познакомившись съ Рылѣевымъ, который былъ несравненно ниже его и умомъ, и дарованіями, и образованіемъ, заразился его нелѣпыми идеями, вдался въ омутъ, и потомъ не могъ или совѣстился выпутаться, руководствуясь правилами худо понимаемаго благородства; находилъ, вѣроятно, удовольствіе въ хвастовствѣ и разглагольствіяхъ, и погибъ!“ Новѣйшій біографъ объясняетъ это проще. Въ тогдашнемъ настроеніи общества трудно было миновать вліянія либеральныхъ идей, къ которымъ были тогда прикосновенны даже Гречъ и Булгаринъ; вмѣстѣ съ Рылѣевымъ Бестужевъ прожилъ цѣлые послѣдніе годы, до конца 1825; особенное и, можетъ быть, наибольшее вліяніе оказалъ на Бестужева его старшій братъ Николай, человѣкъ менѣе талантливый, но гораздо болѣе серьезный. Справедливымъ представляется только то, что хотя Бестужевъ имѣлъ дѣятельную роль въ происшествіяхъ 14 декабря, его участіе въ заговорѣ не было серьезно: онъ вовсе не былъ политикомъ, занятъ былъ всего больше своими литературными интересами, свѣтскою жизнью, любовными похожденіями, и когда заговоръ потерпѣлъ полную неудачу, онъ, какъ извѣстно, самъ явился на гауптвахту Зимняго дворца и принесъ повинную императору Николаю. Въ сущности онъ долженъ былъ искренно сознать свое заблужденіе: ни раньше, ни позже въ его литературной дѣятельности не было стремленія быть „гражданиномъ“, какъ оно было у его друга Рылѣева. Участь его была нелегкая: болѣе полутора года онъ провелъ въ крѣпостномъ заключеніи, затѣмъ до половины 1829 года на поселеніи въ Якутскѣ, потомъ, по его просьбѣ, ему разрѣшено было перейти солдатомъ на Кавказъ, гдѣ въ разгарѣ тогдашнихъ войнъ съ горцами онъ, кромѣ тяжелой строевой службы подъ непріязненнымъ начальствомъ, принималъ участіе въ боевыхъ дѣлахъ, въ которыхъ, по его собственнымъ признаніямъ, сразу пріобрѣлъ привычку къ сценамъ убійства,—наконецъ, заслужилъ усиленно желаемый офицерскій чинъ, но вскорѣ послѣ того въ одной весьма нелѣпо веденной экспедиціи былъ убитъ, и тѣло его не было отыскано.

Пушкинъ зналъ Бестужева не долго, до своей ссылки; вернувшись въ Петербургъ, онъ уже не засталъ кружка молодыхъ вольнодумцевъ. Лѣтъ десять тому назадъ напечатанъ былъ неизданный отрывокъ изъ „Путешествія въ Арзрумъ“, заключающій въ себѣ разсказъ о встрѣчѣ Пушкина съ Бестужевымъ на Кавказѣ [1]);

---

[1]) См. въ изданіи Литературнаго Фонда, IV, стр. 454.

подлинность этого отрывка не была достаточно удостовѣрена; но если это былъ дѣйствительно разсказъ Пушкина, встрѣча была случайная, короткая, радостная и вмѣстѣ глубоко печальная... Удивительно, что послѣ 1825 года ни въ сочиненіяхъ, ни въ перепискѣ Пушкина не встрѣчается уже никакихъ упоминаній о Бестужевѣ.

Мы упоминали раньше, какъ въ понятіяхъ того времени, между прочимъ у самого Пушкина, представлялась романтическая натура: это было нѣчто выходящее изъ ряда, натура талантливая, бурная, не покоряющаяся условіямъ свѣта, героическая, даже немного дикая,—въ такой разрядъ могъ идти Бестужевъ. Онъ и былъ у насъ едва ли не самымъ яркимъ представителемъ романтизма, какъ онъ понимался въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ знаменитыхъ повѣстяхъ, которыя приводили въ такой восторгъ тогдашнихъ читателей, и стиль которыхъ вошелъ потомъ въ пословицу по своей вычурной высокопарности, что въ этихъ повѣстяхъ герои съ неистовыми страстями, съ огненною кровью въ жилахъ были въ значительной мѣрѣ отраженіемъ собственной личности писателя; форма выраженія дана была тогдашней литературой и самимъ Бестужевымъ доведена до ея исключительныхъ крайностей... Письма Пушкина къ Бестужеву свидѣтельствуютъ, что онъ высоко цѣнилъ и его дарованіе, и особенно, быть можетъ, его широкую по тогдашнему литературную образованность; однажды Пушкинъ прямо говорилъ, что въ кругу тогдашнихъ писателей Бестужевъ одинъ изъ немногихъ, которые работаютъ. Дѣйствительно, его литературныя обозрѣнія двадцатыхъ годовъ свидѣтельствуютъ о большой начитанности, хотя также и о большой смѣлости въ обращеніи съ вычитаннымъ. Для того времени это было и ново, и интересно, и этимъ объясняется успѣхъ его „Взглядовъ". Бѣлинскій признавалъ за нимъ эту заслугу, но видѣлъ уже и то, сколько было поверхностнаго въ его литературныхъ сужденіяхъ. „Марлинскій,—говоритъ онъ,—не отличается глубокимъ взглядомъ на искусство, не представляетъ о немъ ни одной глубокой идеи, но почти вездѣ обнаруживаетъ эстетическое чувство и вѣрный вкусъ человѣка умнаго и образованнаго". Его статьи „отличаются языкомъ по тому времени совершенно новымъ, чуждымъ большею частью изысканности и вычурности, полнымъ жизни, движенія, выразительности, оборотами новыми и смѣлыми, игривыми, живописными, образными. Конечно, въ этихъ „обозрѣніяхъ" часто встрѣчаются похвалы такимъ сочиненіямъ и такимъ „сочинителямъ", имена которыхъ теперь сдѣлались допотопными, ископаемыми рѣдкостями; но, вмѣстѣ съ тѣмъ,

въ нихъ встрѣчаются и чистыя отставки заржавѣвшимъ и заплеснѣвѣвшимъ знаменитостямъ того времени, и истинныя оцѣнки старыхъ и новыхъ талантовъ, особенно Державина, Жуковскаго и Пушкина. Надо знать и помнить критику того времени, чтобы оцѣнить подобныя характеристики, въ которыхъ Марлинскій изобразилъ этихъ мощныхъ представителей нашей поэзіи".

Ссылка прервала на нѣсколько лѣтъ литературную дѣятельность Бестужева, и она возобновилась уже на Кавказѣ, въ 1830 году, въ „Сынѣ Отечества", а потомъ въ „Московскомъ Телеграфѣ" Полевого. Біографъ Бестужева, разсказывая тѣ необычайныя, бурныя и дикія впечатлѣнія, какія приходилось Бестужеву переживать въ его боевой службѣ на Кавказѣ, замѣчаетъ: „Удивительно ли послѣ этого, что подъ вліяніемъ такихъ необыденныхъ факторовъ, подъ вліяніемъ всей суммы причудливыхъ, исключительныхъ условій кавказской жизни Бестужева, въ немъ самомъ произошло романтическое, если можно такъ выразиться, перерожденіе". Въ эти годы онъ писалъ однажды братьямъ, заканчивая одну изъ самыхъ знаменитыхъ своихъ повѣстей: „Вторая половина *Фрегата Надежды* должна вамъ понравиться, ибо я чувствую, что моей чернильницей было сердце. Мало-по-малу я самъ начинаю признавать свое призваніе, я чувствую, что въ головѣ моей *совершается міръ*". Въ дѣйствительности, перерожденія не было, но въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ какихъ привелось ему жить, внѣ литературнаго общенія, въ умственномъ одиночествѣ, его богатая фантазія разъигрывалась сильнѣе, вовсе, однако, не измѣняя своего прежняго направленія. Она разъигрывалась и въ поэтическихъ сюжетахъ его повѣстей, и въ его историческихъ построеніяхъ, и въ романтическихъ замыслахъ. Еще во времена „Полярной Звѣзды" у него была наклонность къ широкимъ обобщеніямъ; теперь онѣ стали еще смѣлѣе. Такова была, напримѣръ, статья, которая вызвала сожалѣніе и вмѣстѣ негодованіе Бѣлинскаго, а именно, статья о романѣ Полевого: „Клятва при Гробѣ Господнемъ". Нѣкогда (1825) Бестужевъ относился къ Полевому критически; теперь отношеніе было иное. „Эта статья,—говоритъ Бѣлинскій,—была написана въ 1833 году, а въ восемь лѣтъ много воды утекло: удивительно ли, что два автора, критиковавшіе сочиненія одинъ другого, поняли другъ друга, къ обоюдной пользѣ, по пословицѣ: „рука руку моетъ—обѣ чисты"?... Во всякомъ случаѣ, эта статья весьма примѣчательна. Критикъ начинаетъ съ яицъ Леды, уцѣпляется за неизбѣжный въ то время классицизмъ и романтизмъ, садится на пароходъ Джонъ-Буль и везетъ своихъ читателей въ Индію, оттуда (сухимъ путемъ) въ Персію, заѣзжаетъ мимоходомъ

въ Аравію и Египетъ, оттуда ѣдетъ (моремъ) въ Грецію, которую онъ понимаетъ поверхностно—съ телеграфской точки зрѣнія; изъ Греціи отправляется въ Римъ, и изъ Рима—прямо въ средніе вѣка. Тутъ идутъ толки о баронахъ и вассалахъ, о крестовыхъ походахъ, менестреляхъ, наконецъ о Шекспирѣ, о Вальтеръ-Скоттѣ, Куперѣ, Байронѣ, Викторѣ Гюго, который, по мнѣнію критика, знаетъ человѣческую природу не хуже Шекспира (!!...) и гораздо лучше Эсхила и Софокла (...!!); далѣе толкуетъ о XVIII и XIX вѣкахъ, и о Наполеонѣ, а изъ всего этого выходитъ, что мы—романтики, и что Полевой—великій романтикъ и еще большій романистъ (!!!...). Ложная идея ложнаго романтизма до того овладѣла нашимъ романтическимъ критикомъ, что у него и Державинъ—романтикъ, и Карамзинъ, и Вельтманъ, словомъ, все талантливое, даровитое, все—романтики. Романтизмъ въ глазахъ Марлинскаго есть альфа и омега истины, краеугольный камень міра, ключъ ко всякой мудрости, рѣшеніе всего и на землѣ, и подъ землею, причина всѣхъ причинъ, начало всѣхъ началъ, разгадка всевозможныхъ загадокъ... Вслѣдствіе всего этого, въ статьѣ довольно софизмовъ и произвольныхъ, ни на чемъ не основанныхъ мнѣній. Въ слогѣ мѣстами колетъ глаза читателю вычурность. Особенно замѣтно желаніе шутить, которое проявляется иногда тамъ, гдѣ, кромѣ журналовъ, издающихся только для шутки, никто еще не шутилъ". Бѣлинскій замѣчаетъ, что часто это была вовсе не острая шутливость, и дѣйствительно, изъ усиленнаго желанія быть остроумнымъ Бестужевъ въ послѣдніе годы нерѣдко впадалъ въ очень грубое и въ концѣ концовъ скучное балагурство. Рядомъ съ этимъ шла высокопарность, переходившая наконецъ всѣ предѣлы здраваго смысла и вкуса. Въ примѣръ того, какъ „міръ совершался" въ головѣ автора, приводимъ отрывокъ изъ „Журнала Вадимова" (1834). Вадимовъ заразился чумой въ Ахалцыхѣ. Онъ долженъ умереть, но хочетъ воспользоваться послѣдними минутами, чтобы высказать передъ смертью свои мысли и чувства, и успѣваетъ написать довольно много. Въ началѣ онъ говоритъ: „Дайте мнѣ писать собственною кровью,—это облегчитъ меня, это, быть можетъ, спасетъ меня!" Онъ испытываетъ ужасныя страданія, которыя успѣваетъ описывать весьма цвѣтисто, но у него бываютъ и минуты облегченія и онъ передаетъ свои мечты, говоритъ о томъ, что̀ онъ хотѣлъ бы сдѣлать. Онъ проситъ дать ему еще годъ, хоть полгода, чтобы онъ могъ „перевести себя на языкъ, понятный людямъ".

„Полгода... дерзкій! Полвѣка бы не стало на высказъ того, что̀ крутится вихрями въ моемъ воображеніи, на перепись буквами думъ, насыпанныхъ въ сокровищницу ума, на разработку рудниковъ, таящихся въ лонѣ души!"

А именно онъ хотѣлъ сдѣлать слѣдующее:

„Да, огромную, необъятную поэму замышлялъ начертать я: „Человѣчество“ было бы имя ея, человѣчество во всѣхъ его возрастахъ, во всѣхъ кризисахъ. Я бы сплавилъ въ этой поэмѣ небо съ землей, поднялъ бы изъ праха вѣка, допытался бы отъ судьбы неразгаданныхъ доселѣ приговоровъ ея; зажегъ бы надъ мертвецомъ минувшаго погасшіе лучи жизни, озарилъ бы молніями будущее, и въ облака, въ океанъ, въ землю полными руками посѣялъ бы сѣмена неиспытанныхъ, незнаемыхъ звуковъ, мыслей, ощущеній,— зерна столь же сладостныя, какъ райская роса, какъ улыбка неба!.. Засѣялъ бы полными руками землю звѣздами неба, засѣялъ бы небо мыслями земли и сплавилъ бы радугой въ одно: небо съ землей. О время, время! дай мнѣ жизни; за каждую песчинку я воздамъ тебѣ неоцѣнимою жемчужиной!

„Какъ Данте, я бы взоромъ своимъ разбилъ адскія ворота; какъ Мильтонъ, я взлетѣлъ бы къ престолу Всевышняго и проникъ въ заповѣдные сады рая; какъ Шекспиръ, розънялъ, разгадалъ бы я сердце человѣческое и показалъ его на ладони своей—кровавое, трепещущее!.. Я, все, что было, что совершилось на дѣлѣ, на письмѣ, въ душѣ и въ волѣ, въ мѣди и въ мраморѣ, въ звукахъ и взорахъ, исторію и басню, романъ, драму, ученость и заблужденіе, вѣру, суевѣріе—все, все это стопилъ бы я въ необъятномъ горнилѣ труда, все поглотилъ, всосалъ бы какъ море, и послалъ къ небу въ чистыхъ испареніяхъ или, переработанное, очищенное, сокрылъ бы въ лонѣ своемъ яркими кристаллами“.

Пусть не думаетъ читатель, что Марлинскій дѣйствительно хотѣлъ передать здѣсь бредъ горячки; это просто мечты романтика. Очевидно, прозаикъ Марлинскій былъ учителемъ и образцомъ стихотворца Бенедиктова...

Говоря о Марлинскомъ, какъ критикѣ, Бѣлинскій видѣлъ его недостатки, которые отчасти объяснялись временемъ, но отдавалъ всю справедливость его достоинствамъ: „многія свѣтлыя мысли, часто обнаруживающееся вѣрное чувство изящнаго, и все это, высказанное живо, пламенно, увлекательно, оригинально и остроумно,—составляютъ неотъемлемую и важную заслугу Марлинскаго русской литературѣ и литературному образованію русскаго общества“. Но Бѣлинскій былъ очень строгъ къ повѣстямъ Марлинскаго: въ нихъ нѣтъ настоящей художественности, нѣтъ дѣйствительнаго изображенія жизни; при всей эффектности онѣ крайне однообразны. „Во всѣхъ герояхъ и героиняхъ этого плодовитаго нувеллиста только резонёрство и чувственность, но ни малѣйшей тѣни чувства. Женщины его совершенно чужды того, что должно составлять идею, сущность, ореолъ, кроткое сіяніе ихъ пола... Всѣ мужчины его—какія-то отвлеченныя и безличныя олицетворенія бѣшеныхъ страстей фосфорической натуры, чуждой всякой глубокости, неспособной возвыситься ни до какого чувства“... Сдѣлавъ одну выписку изъ „Фрегата Надежды“, одной изъ самыхъ

знаменитыхъ повѣстей Марлинскаго,—выписку съ обычными у него невѣроятными гиперболами языка, Бѣлинскій спрашиваетъ: „Скажите, ради самого Бога: неужели эти красивыя, щегольскія фразы, эта блестящая реторическая мишура есть отголосокъ чувства, изліяніе страсти, а не выраженіе затаеннаго желанія рисоваться, кокетничать своимъ чувствомъ, или своею страстью? И добро бы всѣ эти фразы были въ письмѣ, а то въ разговорѣ, въ монологѣ!“ Все въ этихъ повѣстяхъ произвольно, и отсюда „происходитъ, въ подобныхъ произведеніяхъ, такое множество отступленій, вставокъ, разглагольствованій и ораторскихъ рѣчей: авторъ говоритъ за свою повѣсть, а не повѣсть говоритъ сама за себя... Вообще, если вы зажмурите глаза, слушая „рѣчи“ дѣйствующихъ лицъ во всѣхъ повѣстяхъ Марлинскаго, то, право, никакъ не разгадаете, кто говоритъ—морской офицеръ, дикій черкесъ, лифляндскій рыцарь, русскій князь временъ междоусобія, русскій бояринъ XV или XVI вѣка, мужчина или женщина, старикъ или юноша, Аммалатъ-Бекъ или будочникъ-ораторъ“... Новѣйшій біографъ Марлинскаго считаетъ эти и подобные отзывы Бѣлинскаго односторонними и ошибочными: достаточно вникнуть въ личный характеръ Бестужева, какъ онъ сталъ извѣстенъ теперь по его жизнеописанію и письмамъ, чтобы видѣть, что прототипомъ героевъ Марлинскаго, Греминыхъ, Лидиныхъ, Правиныхъ и проч. былъ самъ Бестужевъ съ его дѣйствительно пламенными чувствами и „кровью истинно азіатской“, какъ онъ выражался однажды въ письмѣ къ брату, и что поэтому въ его изображеніяхъ вовсе не было „фальсификаціи чувства“, какую находилъ Бѣлинскій... Но это возраженіе вовсе не устраняетъ взгляда Бѣлинскаго, который, между прочимъ, говорилъ: „Поэтъ можетъ изображать и страсть, потому что она есть явленіе дѣйствительности; но, изображая страсть, поэтъ не долженъ быть въ страсти: страсть должна быть предметомъ его поэтическаго созерцанія въ минуту творчества, но не имъ самимъ“. Біографъ дѣлаетъ одну уступку: онъ признаетъ у Марлинскаго „экстравагантность языка, — что въ концѣ концовъ вещь второстепенная“ (?); Бѣлинскій думалъ иначе, и, выписавши одну тираду изъ „Фрегата Надежды“ (гдѣ, между прочимъ, герой, „сверкая и вращая очами, какъ опьянѣлый“, въ разговорѣ съ дамой сердца, выражалъ готовность за каждый ея поцѣлуй „сорить головами людей“ и платить жизнью сотни людей и даже бросать на вѣтеръ жизнь любимыхъ товарищей, друзей и братьевъ, хотя бы въ другое время готовъ былъ за нихъ „источить кровь по каплѣ, изрѣзать сердце въ лоскутки“), онъ спрашивалъ: „И это поэзія, а

не реторика?“ И конечно это была реторика, и главное, какъ указывалъ Бѣлинскій, эта реторика одинаково повторялась у русскаго моряка, у древняго ливонскаго рыцаря, у современнаго кавказскаго горца, и т. д.

Но тамъ, гдѣ Марлинскій не выходилъ за предѣлы вѣроятія, онъ былъ прекрасный живой разсказчикъ, и въ исторіи русской повѣсти его сочиненія займутъ свое важное историческое мѣсто. Съ другой стороны, романтизмъ тридцатыхъ годовъ, котораго онъ былъ столь ревностнымъ представителемъ, самъ готовилъ себѣ историческое осужденіе: та искусственность, которая становилась его природой, въ концѣ концовъ притупляла естественное поэтическое чувство. Поклонники романтизма были не въ состояніи понять того новаго поэтическаго содержанія, того правдиваго изображенія жизни, какія приносилъ Гоголь: кромѣ невѣжественныхъ обскурантовъ, другими злѣйшими противниками Гоголя были именно романтики, и когда новое теченіе литературы взяло верхъ въ силу своего здороваго поэтическаго и общественнаго содержанія, романтизмъ кончилъ свое существованіе.

Только въ 1836 Бестужевъ получилъ, наконецъ, офицерскій чинъ, который принесъ ему величайшую радость: безъ сомнѣнія, онъ видѣлъ въ немъ начало освобожденія; но напрасно самъ могущественный Воронцовъ хлопоталъ о перечисленіи больного тогда Бестужева въ гражданскую службу,—только рана въ сраженіи могла дать ему право искать отставки. Въ томъ несчастномъ сраженіи при мысѣ Адлерѣ, которое стоило ему жизни, Бестужевъ самъ вызвался въ охотники, несмотря на явную невозможность удачи и несмотря на то, что генералъ Вальховскій его усиленно отговаривалъ,—думаютъ, что онъ искалъ въ смерти выхода изъ тяготившей его, наконецъ, судьбы. Въ февралѣ 1837 онъ получилъ извѣстіе о смерти Пушкина, которое страшно его поразило: осталось глубоко трогательное письмо его къ брату (по-французски), гдѣ между прочимъ есть предчувствіе своей близкой смерти. Онъ заказалъ въ соборѣ св. Давида панихиду о Пушкинѣ и Грибоѣдовѣ, „et quand le prêtre chanta: „за убіенныхъ бояръ Александра и Александра“—je sanglotai au point de me suffoquer—elle m'a paru, cette phrase, non seulement un souvenir, mais une prédiction. Oui, je sens, moi, que ma mort aussi sera violente, et extraordinaire, et peu éloignée“... Послѣднимъ трудомъ Бестужева, за нѣсколько дней до его смерти, былъ переводъ на русскій языкъ татарской поэмы на смерть Пушкина [1]).

---

[1]) „Полное собраніе сочиненій“ Бестужева не было повторено съ сороковыхъ

Однимъ изъ ближайшихъ друзей Пушкина и тѣхъ писателей, съ которыми онъ любилъ дѣлиться своими мыслями по литературнымъ вопросамъ, былъ кн. П. А. Вяземскій (1792—1878). Значительно старше Пушкина лѣтами, выросшій въ аристократическомъ образованномъ кругу, отчасти еще полномъ воспоминаніями XVIII вѣка, въ близкихъ отношеніяхъ съ Карамзинымъ, давно связанный съ кружкомъ Арзамаса, кн. Вяземскій не былъ настоящимъ сверстникомъ Пушкина, но все-таки былъ еще молодъ, когда Пушкинъ окончилъ курсъ лицея и вступилъ на общественное и литературное поприще. Между ними скоро нашлось много общаго: оба вращались въ томъ же литературномъ кругу Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова; оба сходились на ту минуту въ общемъ вкусѣ къ легкой поэзіи и въ стремленіи къ новизнѣ, которое у Пушкина было органическимъ стремленіемъ высокаго дарованія къ литературной реформѣ и по крайней мѣрѣ было понятно Вяземскому, какъ оригинальность бойкая и блестящая; до значительной степени они сходились и въ своихъ понятіяхъ общественныхъ, такъ какъ и кн. Вяземскій былъ въ тѣ годы „либералистомъ"—отчасти по вліянію времени, которому отдалъ дань самъ императоръ Александръ, отчасти по антипатіи образованнаго человѣка къ невѣжеству и обскурантизму. Для кн. Вяземскаго съ его литературными вкусами, образованіемъ, съ его остроуміемъ, всегда готовымъ на шутку и эпиграмму, иногда веселую, иногда и ядовитую, всего болѣе сочувственна должна была быть именно та область тогдашней литературы, которая уже вскорѣ была отвоевана Пушкинымъ и его сверстниками: Вяземскій дѣлитъ ихъ литературные интересы, даетъ свои стихотворенія въ ихъ сборники и альманахи, воюетъ съ тѣми же врагами. Съ 1825 года, когда начался „Телеграфъ" Полевого, кн. Вяземскій принялъ въ немъ дѣятельное участіе: журналъ обѣщалъ живое вниманіе къ вопросамъ русской литературы, интересъ къ современному движенію европейской образованности,—то и другое было близко и кн. Вяземскому, но затѣмъ послѣдній оставилъ „Телеграфъ", который, наконецъ, возбудилъ къ себѣ весьма недружелюбное отношеніе въ кружкѣ Пушкина. Кн. Вяземскій

годовъ; но и оно не было полнымъ, и еще Бѣлинскій жалѣлъ, что въ него не вошли раннія критическія и полемическія статьи Бестужева, любопытныя для исторіи первой борьбы романтизма и классицизма; самые „Взгляды на русскую словесность" переданы не сполна.

Біографіи Бестужева отца и троихъ сыновей обстоятельно изложены въ „Критико-біографическомъ словарѣ" Венгерова, т. III, Спб. 1892. Въ біографіи Бестужева-Марлинскаго приведены, между прочимъ, обширныя библіографическія данныя, но обзоръ его литературной дѣятельности отложенъ до конца тома.

былъ не только поэтъ, но и литературный критикъ: его интересовала не только современная, но и прошедшая русская литература. Первымъ трудомъ его въ этомъ направленіи была біографія Озерова; позднѣе онъ написалъ обширную статью о жизни и сочиненіяхъ Ив. Ив. Дмитріева, по поводу которой дѣлалъ ему сильныя возраженія Пушкинъ, какъ мы выше о томъ упоминали. Кн. Вяземскій думалъ составить цѣлый рядъ біографій старыхъ русскихъ писателей, которыя были бы своего рода исторіей русской литературы; этотъ трудъ не состоялся, и результатомъ плана осталась только книга о Фонъ-Визинѣ, начатая еще въ двадцатыхъ годахъ и доконченная только въ 1848. Извѣстно, что этотъ трудъ, весьма замѣчательный для своего времени, былъ однимъ изъ первыхъ опытовъ изученія нашей литературы въ связи съ исторіей общества... Кн. Вяземскій пережилъ всѣхъ своихъ сверстниковъ даже того Пушкинскаго круга, гдѣ и въ свое время онъ былъ старшимъ: передъ нимъ прошло нѣсколько литературныхъ поколѣній, нѣсколько періодовъ въ развитіи самой литературы, и если въ ближайшей смѣнѣ поколѣній сплошь и рядомъ не понимаютъ другъ друга отцы и дѣти, то тѣмъ болѣе естественно, что не понимаютъ другъ друга дѣды и внуки. Такъ случилось и съ кн. Вяземскимъ. Одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей во время своей молодости, онъ всегда—въ общемъ принципѣ—оставался другомъ просвѣщенія и отстаивалъ свободу литературнаго развитія, право общественнаго мнѣнія; но со второго десятилѣтія нашего вѣка, когда онъ началъ свое поприще, произошло слишкомъ много переворотовъ въ самой жизни, чтобы не оказалось нужнымъ расширить примѣненіе этого принципа. Самое обыкновенное явленіе въ исторической смѣнѣ поколѣній, если онѣ не остаются въ полномъ застоѣ, бываетъ то, что каждая послѣдующая ступень развитія отрицаетъ предъидущую, т.-е. такъ подвигаетъ ее впередъ, что прежніе выводы оказываются въ той или другой степени неполными, или даже совсѣмъ невѣрными. Кн. Вяземскій началъ свою дѣятельность въ то время, когда романтизмъ долженъ былъ защищать право существованія противъ классицизма; онъ присутствовалъ при побѣдѣ; но побѣда была весьма непродолжительна, потому что самый романтизмъ къ 40-мъ годамъ успѣлъ окончательно устарѣть и русская литература со временъ Гоголя вступила на путь реализма, который былъ понятенъ лишь немногимъ сверстникамъ Пушкина, а другіе его уже совсѣмъ не понимали, какъ мы замѣтили это относительно Полевого и Марлинскаго; рядомъ съ этимъ реальнымъ направленіемъ литературы возникали новыя эстетическія теоріи,

невѣдомыя въ Пушкинское время, и на той же подкладкѣ утверждались новыя понятія общественныя, которыя были еще менѣе понятны сверстникамъ Пушкина. Еще позднѣе, въ концѣ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ осуществлялись въ жизни тѣ начала, которыя во времена Александра I считались дѣломъ „либеральнаго бреда", и вмѣстѣ съ тѣмъ общественная мысль была возбуждена къ гораздо болѣе широкимъ запросамъ и стремленіямъ,—самая литература создавала произведенія почти невѣдомаго прежде общественнаго характера и невѣдомой прежде поэтической красоты, каковы были, напримѣръ, произведенія Тургенева, Льва Толстого, Достоевскаго, Островскаго. Кн. Вяземскій, какъ мы упоминали, былъ едва-ли не единственнымъ русскимъ писателемъ, которому случилось быть свидѣтелемъ такой многозначительной смѣны историческихъ явленій, и требовались бы особенныя силы, чтобы человѣкъ могъ пережить всѣ эти историческіе періоды съ неизмѣнной свѣжестью сочувствія къ стремленіямъ нароставшихъ поколѣній. И то было уже много, что кн. Вяземскій сохранилъ въ принципѣ представленіе о необходимости извѣстнаго простора для литературныхъ мнѣній (какъ напр. въ позднѣйшей запискѣ о цензурѣ); но первые опыты литературы выйти изъ круга привычныхъ идей его молодости (въ 30-хъ годахъ) были уже встрѣчены имъ враждебно. Онъ воспитался въ преклоненіи передъ Карамзинымъ: „Исторія Государства Россійскаго" казалась ему неприкосновенной святыней, и мы упоминали раньше о той странной запискѣ его къ Уварову (которую, за немногими исключеніями, одобрилъ и Пушкинъ), гдѣ кн. Вяземскій указывалъ ему на „черную шайку разрушителей" (!), которая осмѣливалась усумниться въ авторитетѣ Карамзина. Пушкинъ замѣтилъ: „не лишнее ли?" только противъ одного мѣста этой записки, гдѣ кн. Вяземскій говорилъ: „И самое 14 декабря не было ли впослѣдствіи времени, такъ сказать, критика вооруженною рукою на мнѣніе, исповѣдуемое Карамзинымъ, то-есть Исторіею Государства Россійскаго, хотя, конечно, участвующіе въ немъ тогда не думали ни о Карамзинѣ, ни о трудѣ его" [1]). Если сказать, что въ „черной шайкѣ" былъ названъ достопамятный Н. Г. Устряловъ, понятна будетъ вся степень нетерпимости автора записки. Не меньше оказалось ея и впослѣдствіи. Въ новой литературѣ кн. Вяземскій признавалъ только то, что̀ казалось ему согласнымъ съ добрыми старыми нравами, и находилъ одно осужденіе для всего, что̀ не подходило къ его привычнымъ вкусамъ и что̀, однако, создавалъ не одинъ вкусъ новыхъ писа-

---

[1]) Полное собраніе сочиненій кн. Вяземскаго. Спб. 1879, т. II, стр. 211—226.

телей, притомъ не всегда дурной, а цѣлое движеніе жизни, и здѣсь были между прочимъ произведенія, составляющія гордость русской литературы и отголоски самыхъ жизненныхъ требованій общественной мысли.

Если уже въ тридцатыхъ годахъ кн. Вяземскій дошелъ до упомянутой крайности, то едва-ли не болѣе развилась его нетерпимость въ сороковыхъ годахъ, когда общій характеръ литературы окончательно отдалился отъ стараго содержанія двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ это новая литература высказалась и противъ самого писателя. Позднѣе онъ еще болѣе отдалился отъ текущихъ интересовъ литературы, и о немъ начинали забывать. Въ своей автобіографіи онъ говоритъ, что противъ него образовался „заговоръ молчанія“ [1]), но заговоръ былъ только въ воображеніи кн. Вяземскаго: онъ самъ признаетъ, что въ послѣднее время появлялся въ литературѣ только изрѣдка и случайно, и дѣйствительно это бывали стихотворенія, эпиграммы, замѣтки и особливо анекдотическія воспоминанія изъ старой записной книжки: это, и особливо послѣднее, могло быть и бывало очень любопытно, но это не было такимъ участіемъ въ литературѣ, которое заставляло бы о себѣ говорить. Кромѣ книги о Фонъ-Визинѣ, кн. Вяземскій не далъ никакого обширнаго цѣльнаго труда ни въ поэзіи, ни въ критикѣ, ни въ исторіи, труда, который сталъ бы событіемъ, привлекающимъ вниманіе,—и это была единственная причина молчанія, на которое онъ жаловался [2]). Но книга о Фонъ-Визинѣ, которая была такимъ крупнымъ трудомъ, напротивъ, вызывала всегда самые сочувственные отзывы, какъ одинъ изъ первыхъ замѣчательныхъ опытовъ литературно-общественной исторіи: съ 1848 года этотъ трудъ не потерялъ интереса и цитируется донынѣ [3]).

[1]) Полное собраніе сочиненій, Спб. 1878, т. I, стр. III. Повидимому кн. Вяземскій примѣнилъ къ себѣ то, о чемъ онъ говорилъ нѣкогда по поводу И. И. Дмитріева (тамъ же, стр. 143).

[2]) Эта жалоба была повторена даже однимъ изъ его біографовъ. См. Сборникъ Русскаго Отдѣленія Академіи Наукъ. Спб. 1880, т. XX, въ приложеніяхъ къ отчету за 1878 г., стр. 49.

[3]) Для изученія біографіи и литературной дѣятельности кн. Вяземскаго важнѣйшій матеріалъ и пособіе представляетъ, во-первыхъ, упомянутое собраніе сочиненій, начатое еще при жизни писателя и составившее съ 1878 года одиннадцать томовъ. Далѣе, чрезвычайно обстоятельная работа С. И. Пономарева, гдѣ заключаются: хронологическій указатель сочиненій кн. Вяземскаго въ стихахъ и въ прозѣ; алфавитный списокъ этихъ сочиненій; алфавитный списокъ лицъ, упоминаемыхъ въ его произведеніяхъ; указаніе изданныхъ его писемъ; указаніе посланій къ нему русскихъ поэтовъ, посвященій, сатиръ, пародій и эпиграммъ на него; указаніе писемъ къ нему; матеріалы для біографіи: критическія статьи и отзывы о его сочиненіяхъ;

Мы замѣтили, что это разногласіе писателя, воспитаннаго давнимъ литературнымъ періодомъ, съ позднѣйшими поколѣніями, не представляетъ ничего удивительнаго, напротивъ, было весьма естественно; въ немъ есть даже своя привлекательная сторона: это—ревнивое обереганіе старыхъ привязанностей, старыхъ понятій и идеаловъ, въ истинности которыхъ писатель былъ, конечно, искренно убѣжденъ. Но эта слишкомъ исключительная привязанность къ старинѣ была источникомъ ошибокъ и главною было несправедливое осужденіе законныхъ требованій жизни и даже крупныхъ явленій литературы въ угоду только личнаго предубѣжденія. Съ другой стороны, это разногласіе любопытно исторически, потому что въ немъ наглядно рисуется передъ нами разнорѣчіе двухъ историческихъ эпохъ: мы увидимъ, что и другіе сверстники Пушкина, которымъ привелось быть свидѣтелями дальнѣйшаго развитія литературы, относились къ нему такъ же съ бо̀льшимъ или мѐньшимъ недовѣріемъ.

Кн. Вяземскій является такимъ образомъ хранителемъ преданій Пушкинскаго времени. Но если мы вспомнимъ, что самъ Пушкинъ не всегда былъ согласенъ съ его литературными взглядами и спорилъ съ нимъ, напримѣръ, по поводу Озерова или Дмитріева; если собрать въ сочиненіяхъ кн. Вяземскаго тѣ положительныя требованія, какія примѣнялъ онъ къ литературѣ, мы согласимся съ выводомъ новѣйшаго критика, который говорилъ: „Причины полнаго отъ него отчужденія молодыхъ литераторовъ лежали глубже, чѣмъ ему самому казалось, и заключались въ томъ, что кн. Вяземскій не былъ собственно сверстникъ ни Пушкину, ни его поэтической плеядѣ, что всю свою жизнь, вплоть до гробовой доски, былъ онъ полный *классикъ* стараго покроя, между тѣмъ какъ кругомъ его умственная атмосфера общества радикальнѣйшимъ образомъ измѣнилась вслѣдствіе новыхъ вѣяній, вслѣдствіе теченія, извѣстнаго подъ именемъ *романтизма*“ [1]). Эта мысль можетъ казаться парадоксомъ, потому что самъ Вяземскій признавалъ себя романтикомъ, и вмѣстѣ съ „романтическою вольницей“ поклонялся Байрону, былъ ревностнымъ партизаномъ Пушкина, перевелъ и посвятилъ Пушкину знаменитый въ тѣ годы романъ Бенжамена Констана: „Адольфъ“ и т. д.; но новѣйшій критикъ считаетъ, и безъ сомнѣнія спра-

---

его псевдонимы и подписи; музыка къ его стихотвореніямъ; переводы на другіе языки и сочиненія на французскомъ языкѣ; его портреты; наконецъ некрологи и посмертные стихи,—въ томъ же Сборникѣ, русск. Отд. Акад., т. XX, стр. 59—178.

[1]) Спасовичъ, „Кн. П. А. Вяземскій и его польскія отношенія и знакомства“ („Русская Мысль“).

ведливо, эти романтическіе порывы напускными и поверхностными, потому что въ самой основѣ міровоззрѣнія кн. Вяземскаго лежало безусловное поклоненіе Карамзину, какъ законодателю литературы въ „Письмахъ русскаго путешественника" и въ „Исторіи". И съ этимъ поклоненіемъ въ самой глубинѣ взглядовъ кн. Вяземскаго господствовалъ именно классицизмъ и консерватизмъ, несмотря на его либеральныя увлеченія, несмотря на защиту романтизма. „Всякій классицизмъ,—говоритъ тотъ же критикъ, —а въ томъ числѣ и тотъ, который былъ въ Россіи самымъ послѣднимъ и самымъ утонченнымъ, — классицизмъ карамзинскій, былъ строгъ по отношеніямъ къ формамъ, держался обѣими руками авторитета, вносилъ въ литературу дисциплину, начало государственности и нѣкоторыя, такъ сказать, полицейскія привычки, которыя непріятно поражаютъ насъ и въ самомъ князѣ Вяземскомъ". Послѣ нападенія на Полевого и Устрялова въ тридцатыхъ годахъ,—нападенія, которое вызвано было раздражившимъ его нарушеніемъ авторитета Карамзина, кн. Вяземскій и въ 1847 писалъ: „Что ни говори,—а въ республикѣ письменъ (république des lettres) нужна глава, нуженъ президентъ" [1]). Еще въ 1830 году, до записки къ Уварову, онъ писалъ объ „Исторіи русскаго народа" Полевого, между прочимъ, въ такомъ тонѣ, что если въ политическомъ мірѣ анархія ведетъ къ деспотизму смѣлаго хищника (указаніе на французскую революцію и Наполеона), то и въ мірѣ литературномъ анархія будетъ обозначать ниспроверженіе законовъ ума и вкуса, и „возмущенія анархическаго своевольства противъ нравственныхъ и умственныхъ властей бываютъ также введеніемъ къ лжецарствію невѣжества" [2]). Кн. Вяземскій, конечно, сильно заблуждался относительно возможности такого единодержавія въ области литературы: весь смыслъ историческихъ успѣховъ литературы заключается въ свободномъ развитіи ея силъ, т.-е. ума, знанія и поэтическаго творчества; подчиненіе ихъ впередъ какому-либо авторитету прежде всего связало бы эти силы; никакой талантъ не можетъ развиться вполнѣ, дѣйствуя только по указкѣ. Съ другой стороны, онъ заблуждался и фактически: Карамзинъ во второй половинѣ своей дѣятельности пользовался великимъ уваженіемъ какъ историкъ, но былъ уже далекъ отъ движенія литературы поэтической и въ сущности не имѣлъ на нее никакого вліянія; даже какъ историкъ, онъ встрѣтился съ тѣмъ, что̀ кн. Вяземскій называлъ анархиче-

---

[1]) Полное собраніе сочиненій, II, стр. 366.
[2]) Тамъ же, стр. 147.

скимъ своевольствомъ и что̀ было только критикой. Позднѣе, литературный авторитетъ Пушкина былъ неизмѣримо выше авторитета Карамзина, но и онъ не достигъ единодержавія,—и это было вовсе не бѣдой, а счастіемъ для литературы, потому что свидѣтельствовало о появленіи самостоятельной мысли... Въ стихотвореніи 1861 года [1]) кн. Вяземскій вспоминаетъ старый Арзамасъ:

Не рѣдко намъ—кто жъ не слыхалъ?—пеняли,
Что мы кружкомъ, средь Арзамасскихъ стѣнъ,
Олигархически себя держали,
Какъ говорятъ: въ республикѣ письменъ...

Въ этомъ Арзамасѣ дѣйствительно былъ и корень его представленій о литературномъ главенствѣ.

Другимъ свидѣтелемъ и дѣятелемъ Пушкинской эпохи, видѣвшимъ дальнѣйшее развитіе литературы, хотя и не на такомъ обширномъ пространствѣ времени, какъ Вяземскій, былъ Плетневъ (1792—1865). Это былъ человѣкъ другого круга и другой школы, чѣмъ арзамасцы и ближайшіе товарищи Пушкина; но горячо преданный интересамъ литературы и въ началѣ своей дѣятельности также поэтъ, наконецъ человѣкъ съ высокими нравственными достоинствами, онъ вошелъ въ литературный кругъ Пушкина и тѣсно съ нимъ сблизился на всю жизнь. Отъ поэтическаго поприща онъ самъ скоро отказался, но несомнѣнно онъ обладалъ большимъ чувствомъ изящнаго и сталъ въ своемъ кругу литературнымъ критикомъ, мнѣнія котораго цѣнились и, какъ увидимъ, бывали иногда весьма замѣчательны для своего времени; вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ вѣрный и заботливый другъ, къ которому обращались и Жуковскій, и Пушкинъ, и Гоголь, и который немало послужилъ имъ всѣмъ и дѣломъ, и совѣтомъ. Какъ мы сказали, школа Плетнева (семинарія, потомъ педагогическій институтъ) была иная, чѣмъ у остальныхъ сверстниковъ Пушкина, менѣе блестящая, но во многихъ случаяхъ болѣе основательная. Правда, и эта школа (все-таки одна изъ лучшихъ въ то время) была весьма недостаточна въ томъ отношеніи, что не давала настоящаго знакомства съ современнымъ положеніемъ даже той науки, которая ближайшимъ образомъ касалась вопросовъ искусства,—теоріи и исторіи литературы,—но если недоставало теоретически выработаннаго ученія, то по крайней мѣрѣ Плетневъ твердо установилъ себѣ нѣкоторыя общія положенія о значеніи искусства: онѣ стали руководствомъ его критики и могли

[1]) Тамъ же, т. XI, стр. 373.

быть достаточны на первое время, и сильной опорой послужила ему здѣсь, кромѣ знакомства съ главными писателями европейской литературы, особливо съ Шекспиромъ, поэтическая дѣятельность Пушкина, какъ живой образецъ высокаго творчества. Плетневъ сталъ выразителемъ теоретическаго міровоззрѣнія кружка.

Въ концѣ концовъ этотъ кружокъ, сосредоточіемъ котораго, если не практическимъ, то идеальнымъ, былъ Пушкинъ, занялъ въ литературѣ особое, довольно исключительное положеніе. Это было дѣйствительно нѣчто въ родѣ той олигархіи, о которой говорилъ Вяземскій... Одинъ изъ историковъ той литературной эпохи такъ характеризуетъ этотъ кружокъ, въ которомъ были такіе корифеи нашей литературы, какъ Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Гоголь: „кружокъ этотъ, составлявшій литературныя вершины эпохи, считаемой золотымъ вѣкомъ нашей литературы, былъ весьма замкнутый; онъ чуждался всѣхъ прочихъ литераторовъ, не принадлежащихъ къ нему, и хотя прислушивался къ голосу другихъ критиковъ, но не считалъ приговоры ихъ для себя обязательными"... „Въ настоящее время литераторы, независимо отъ того, къ какому слою общества принадлежатъ они и какъ великъ ихъ талантъ, раздѣляются на особые лагери, группируясь по большей части вокругъ тѣхъ или другихъ органовъ печати. Ничего подобнаго не было въ 20-хъ и 30-хъ годахъ. Общество до такой степени было еще проникнуто патріархальными понятіями, что тѣ самые іерархическіе порядки, которые господствовали въ немъ, проникали и въ литературу. Въ ней была своя табель о рангахъ, свой плебсъ внизу и своя аристократія, не имѣвшая съ этимъ плебсомъ ничего общаго. Журналистика разсматривалась, какъ нѣчто стоящее на самомъ низу іерархической лѣстницы, какъ своего рода базаръ... Литературную же аристократію составляли нѣсколько первоклассныхъ свѣтилъ. Это былъ своего рода Олимпъ, недоступный для непосвященныхъ. Писатели, имѣвшіе счастіе принадлежать къ Олимпу, были обыкновенно люди настолько обезпеченные, что имѣли возможность вращаться въ большомъ свѣтѣ, а нѣкоторые изъ нихъ имѣли доступъ и ко двору... Это была своего рода литературная академія, имѣвшая свою исторію, свои традиціи и свой авторитетъ, которымъ она пользовалась во всемъ образованномъ обществѣ. Чтобы попасть въ число первоклассныхъ писателей, необходимо было быть принятымъ въ члены этой академіи, а этого нельзя было достигнуть никакими журнальными захваливаніями и панегириками; необходимо было, чтобы олимпійцы сами замѣтили писателя, приблизили къ себѣ. Но кто разъ вступалъ въ союзъ

избранныхъ, тотъ, во-первыхъ, сейчасъ же отдѣлялся отъ литературнаго плебса, а во-вторыхъ, дѣлался не только сочленомъ по отношенію къ прочимъ свѣтиламъ Олимпа, но немедленно вступалъ съ ними въ самыя дружескія и интимныя отношенія". Это былъ культъ чистаго искусства, замѣчаетъ историкъ, но безъ той тенденціозной примѣси, съ какою онъ сталъ являться впослѣдствіи. Состояніе литературы побуждало работать для формальнаго развитія литературы, для установленія различныхъ формъ поэтическаго творчества, для устраненія той реторической напыщенности, какая господствовала прежде, для выработки языка и стиха, на которую они тогда обращали особенное вниманіе. На все это требовалось много труда и таланта: „во всемъ этомъ была своя новаторская отвага: это былъ рядъ подвиговъ, въ своемъ родѣ гражданскихъ, и подвиговъ этихъ было вполнѣ достаточно для бойцовъ того времени", и это не были, однако, „безцѣльные эстетики и эпикурейцы",—они совершали труженическую работу, которая „созидала литературу для того, чтобы передать намъ ее выработанною и пригодною для достиженія какихъ угодно высокихъ цѣлей".

Наконецъ, замѣчаетъ историкъ, въ нравахъ этого круга была еще почтенная и характерная черта, именно, уклоненіе отъ полемики. Въ то время какъ въ тогдашней журналистикѣ шла ожесточенная борьба между классиками, романтиками, натуральной школой и т. д., „олимпійцы съ презрѣніемъ смотрѣли на весь этотъ шумъ и гамъ журнальнаго плебса, считая полемику порожденіемъ грубой нетерпимости и признакомъ дурного тона. Въ то же время въ ихъ средѣ мирно и незлобиво уживались другъ съ другомъ писатели самыхъ разнородныхъ школъ и направленій. Свято и нерушимо чтилась здѣсь по установившейся традиціи память закатившихся свѣтилъ прошлаго столѣтія—Ломоносова, Державина, Фонъ-Визина, Дмитріева и др. Карамзину, какъ создателю литературнаго языка, молились здѣсь, какъ учителю и пророку. Изъ современныхъ же свѣтилъ неоклассикъ Батюшковъ не мѣшалъ Жуковскому вводить въ нашу литературу мечтательный нѣмецкій романтизмъ; Жуковскій, въ свою очередь, крѣпко жалъ руку Гоголю, несмотря на его крайній натурализмъ. Однимъ словомъ, въ олимпійскую среду съ одинаковымъ почетомъ и привѣтомъ принимался каждый писатель, какимъ бы новаторомъ онъ ни являлся, если только видѣли въ немъ сильный талантъ, а въ произведеніяхъ его находили полное удовлетвореніе всѣмъ эстетическимъ требованіямъ".

Историкъ находитъ, что начало этой литературной академіи

трудно опредѣлить: оно теряется въ глубинѣ XVIII столѣтія, а концомъ ея можно считать появленіе статей Бѣлинскаго въ половинѣ тридцатыхъ годовъ [1]).

Эта характеристика кружка можетъ быть нѣсколько исправлена и дополнена. Дѣйствительно, начало подобныхъ кружковъ восходитъ къ XVIII вѣку, когда число литературныхъ дѣятелей было очень невелико и они собирались въ небольшія общества, гдѣ только и могли встрѣтить помощь опытности и обмѣняться мыслями; такіе кружки бывали также въ той или другой степени средствомъ самообразованія. Восемнадцатый вѣкъ представилъ замѣчательный примѣръ этого рода въ Дружескомъ Обществѣ Новикова и его сотоварищей; какъ чисто литературное общество, составилась „Бесѣда" Державина и Шишкова; въ началѣ столѣтія образовалось нѣсколько литературныхъ обществъ, существовавшихъ оффиціально; въ противовѣсъ Бесѣдѣ явился Арзамасъ, который и послужилъ главнымъ зерномъ „Олимпа". Какъ въ XIX столѣтіе переходила эта традиція литературныхъ союзовъ, мы указывали на примѣръ Жуковскаго и даже на примѣръ литературнаго кружка въ первомъ курсѣ Царскосельскаго лицея. Біографъ Пушкина именно указываетъ, какъ въ его кругу, еще до половины двадцатыхъ годовъ, держалось преданіе Арзамаса, которое въ особенности поддерживалъ кн. Вяземскій (послѣдній, какъ мы видѣли, гордился этимъ преданіемъ еще въ 1861 году). „Такъ важно было вліяніе Арзамаса на литературу нашу, — говорилъ Анненковъ,—и надо прибавить къ этому, что Пушкинъ уже сохранилъ навсегда уваженіе, какъ къ лицамъ, признаннымъ авторитетами въ средѣ его, такъ и къ самому способу дѣйствованія во имя идей, обсуженныхъ цѣлымъ обществомъ. Онъ сильно порицалъ у друзей своихъ попытки разъединенія, проявившіяся одно время въ видѣ нападокъ на произведенія Жуковскаго, и вообще всѣ такого же рода попытки, да и къ одному личному мнѣнію, становившемуся наперекоръ мнѣнію общему, уже никогда не имѣлъ уваженія" [2])... Позднѣе, тотъ же біографъ Пушкина находилъ, что Арзамасъ, какъ опредѣленный кружокъ, далеко не исполнилъ ожиданій, какія можно было бы имѣть относительно такого соединенія силъ ума, образованія и таланта: уже вскорѣ Арзамасъ распался и столь основательно, что нѣкоторые изъ его прежнихъ членовъ не только стали весьма равнодушны къ успѣ-

[1]) „П. А. Плетневъ, біографическій очеркъ", г. Скабичевскаго, „Вѣстн. Европы", 1885, ноябрь.

[2]) Матеріалы для біографіи Пушкина, въ первомъ томѣ „Сочиненій". Спб. 1855, стр. 53.

хамъ литературы, но оказались прямыми ея гонителями... И тѣ, кто могъ быть потомъ зачисленъ въ кружокъ Пушкина, не всѣ совершали тотъ труженическій подвигъ, о которомъ упомянуто выше: если былъ здѣсь Жуковскій, Пушкинъ и еще немногіе, которымъ дѣйствительно принадлежала заслуга великаго подвига въ созиданіи нашей литературы, то были также и люди, похожіе на „безцѣльныхъ эстетиковъ и эпикурейцевъ", были дилетанты съ ихъ обычнымъ недостаткомъ — случайнымъ вмѣшательствомъ въ литературу и съ поверхностнымъ отношеніемъ къ ея истиннымъ интересамъ... Нельзя также сказать чтобы кружокъ чуждался полемики: когда жилъ еще Пушкинъ, онъ самъ и кн. Вяземскій очень часто, и Пушкинъ съ большимъ искусствомъ, вступали въ жаркія схватки съ противниками, боролись съ мнѣніями и дѣйствіями, которыя считали ложными и вредными для литературы. Правда, другіе отъ полемики воздерживались, особливо когда многіе изъ членовъ кружка заняли высокое общественное или служебное положеніе: если они не хотѣли смѣшиваться съ литературнымъ „плебсомъ", въ этомъ была извѣстная доля высокомѣрія, не имѣвшаго достаточныхъ литературныхъ основаній, а также и доля отчужденія отъ литературнаго движенія. Въ концѣ концовъ члены кружка переставали понимать происходившія передъ ними явленія: извѣстно, напримѣръ, какъ переставалъ понимать ихъ Гоголь; примѣръ кн. Вяземскаго мы указывали; дальше увидимъ примѣръ Баратынскаго.

По этимъ литературнымъ отношеніямъ, въ кружкѣ, осиротѣвшемъ по смерти Пушкина, Плетневъ занималъ положеніе, способное возбуждать наиболѣе сочувствія. И во времена Пушкина, и послѣ, это былъ мирный эстетикъ, который дорожилъ успѣхами литературы, внимательно изучалъ ея явленія, старался установить основанія критики, заботливо разсматривалъ вопросы формы и языка. Ходъ его ранняго развитія извѣстенъ мало. Его біографъ не безъ основанія искалъ указаній на это въ словахъ самого Плетнева, когда онъ разсказывалъ біографію одного молодого, рано умершаго, писателя (Георгіевскаго), который былъ его товарищемъ и другомъ [1]). Это былъ первый литературный трудъ Плетнева (1818) и вѣроятно онъ передавалъ и свои собственные литературные вкусы, когда говорилъ о своемъ другѣ: „...Къ познаніямъ въ древней словесности онъ присоединилъ познанія въ языкахъ нѣмецкомъ и французскомъ. Шиллеръ и Ж.-Ж. Руссо—двѣ точки соединенія чувствительныхъ сердецъ, по выра-

[1]) „Вѣстн. Европы", 1885, ноябрь, стр. 66.

женію одного нашего стихотворца, сдѣлались любимыми его собесѣдниками. Тогда мечтательный міръ превратился для него въ отечество: тамъ только былъ онъ совершенно счастливымъ"... Въ этихъ мысляхъ и словахъ чувствуется еще близкое вліяніе Карамзина. Плетневъ считаетъ себя въ правѣ „посадить свѣжій цвѣтокъ на могилѣ своего Агатона" и продолжаетъ: „если истинная чувствительность, чистая нравственность и твердыя правила заставляютъ уважать людей въ зрѣлыхъ лѣтахъ, то можно ли отказать юношѣ въ любви за сіи качества, особенно, смѣю сказать, въ нынѣшнее время, когда разсѣянность сдѣлалась стихіей юношей, когда такъ рѣдко встрѣчаются молодые Сократы?" [1]) Безъ сомнѣнія, таково было настроеніе и идеалъ самого молодого біографа... Его жизнь сложилась иначе, чѣмъ у „баловней музъ и грацій", которые стали потомъ его друзьями: ему некогда было предаваться поэтической „лѣни", которую они считали необходимой принадлежностью порядочнаго поэта; ему предстояла трудовая жизнь преподавателя, которая дала ему разнородный опытъ. Педагогическая работа постоянно привязывала его къ вопросамъ языка и словесности; преподаваніе въ аристократическихъ домахъ, наконецъ, при дворѣ, указывало ему степень тогдашнихъ гражданскихъ правъ литературы и въ то же время побуждало придавать цѣну ея формальному изяществу, которое могло дать ей художественный авторитетъ, — а вмѣстѣ научало житейской мудрости. Съ перваго вступленія въ литературный кругъ, художественные интересы сближаютъ его съ Пушкинымъ, который находитъ въ немъ также преданнаго, практически опытнаго друга, и для самого Плетнева эта дружба, безъ сомнѣнія, получила великое образовательное значеніе: она окончательно опредѣлила его трудъ на пользу русской литературы, и произведенія Пушкина стали для него образцомъ художественнаго совершенства... Покинувъ окончательно стихотворство, Плетневъ остался только критикомъ и былъ именно критикомъ олимпійскаго кружка, въ сущности единственнымъ, потому что другой членъ кружка, кн. Вяземскій, послѣ участія въ „Телеграфѣ", рѣдко отзывался на явленія литературы иначе какъ отдѣльными замѣтками и раздражительными эпиграммами. Эта критическая дѣятельность Плетнева началась съ 1822 года статьею о стихотвореніяхъ Милонова въ „Соревнователѣ", который былъ ѳрганомъ литературнаго общества, гдѣ Плетневъ игралъ тогда дѣятельную роль. Біографъ его замѣчаетъ, что заслугой Плетнева было то, что задолго до

---

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева. Спб. 1885, т. I, стр. 1.

Бѣлинскаго и еще въ то время, когда не появлялось критическихъ статей Веневитинова, Кирѣевскаго, Надеждина, Полевого, онъ дѣлалъ уже опыты характеристики нашихъ поэтовъ по ихъ внутреннему характеру. Таковы были еще въ 1822 его опредѣленія Жуковскаго и Батюшкова. Вмѣстѣ съ тѣмъ уже тогда онъ предвидѣлъ, что русской литературѣ предстоитъ, не ограничиваясь усвоеніемъ чужихъ формъ, стать, наконецъ, на народную почву. Онъ уже дѣлитъ поэзію на „всеобщую" или „неопредѣленную" и „народную". Въ статьѣ по поводу идилліи Гнѣдича „Рыбаки" (1822), которая навела его на эти мысли о народномъ направленіи искусства, онъ именно утверждаетъ, что *народная поэзія* предпочтительнѣе неопредѣленной или всеобщей поэзіи. „Любовь къ отечеству есть первая добродѣтель въ гражданинѣ—и она столь естественна каждому, что мы не умѣемъ вообразить такого *космополита*, который бы не чувствовалъ внутренняго удовольствія, услышавъ звуки природнаго языка въ чужой землѣ, или приближаясь къ отечеству изъ дальняго путешествія. Ежели ее назвать предразсудкомъ, тогда будетъ предразсудокъ и то чувство, которое привязываетъ дѣтей къ родителямъ. По любви къ отечеству всѣ произведенія народной поэзіи становятся для насъ особенно драгоцѣнными. Они возвышаютъ нравственное бытіе народа, и потому дѣлаются предметомъ всеобщаго наслажденія. Произведеніе поэзіи, заимствованное по предмету изъ другой страны, ограничивается тѣснымъ кругомъ знатоковъ и любителей искусствъ; но народное мало-по-малу переходитъ отъ высшаго класса къ среднему, а наконецъ и къ низшему. Знакомыя имена, знакомыя происшествія, знакомыя мѣста возбуждаютъ любопытство въ самомъ необразованномъ человѣкѣ. Удивительно ли, что въ Аѳинахъ почти каждый гражданинъ могъ быть судьею поэта или другого художника? Въ театрѣ, на площади, въ храмахъ, въ домахъ—онъ слышалъ, видѣлъ все греческое". Мы не можемъ отказать Озерову въ „дани слезъ", когда онъ изображаетъ намъ Эдипа,—но „такъ ли жарки эти слезы, какія проливали мы въ несчастный и славный для Россіи годъ, когда представляли *Димитрія Донского*, когда вдохновенная Семенова произносила стихи сіи:

О милосердый Богъ! Ты нашъ услышалъ гласъ;
Не до конца еще прогнѣвался на насъ,
И Русскихъ осѣнилъ Ты силою своею!

когда незабвенный *Кутузовъ*, въ набожномъ умиленіи, всталъ въ своей ложѣ и, обливаясь слезами, крестился въ виду всѣхъ вос-

торженныхъ зрителей? Вотъ истинное торжество народной поэзіи! Только подобныя явленія берутъ всю власть надъ душою нашею". Такимъ образомъ „народная поэзія (чтобы сказать короткими словами) преимущественнѣе неопредѣленной потому, что она вѣрнѣе достигаетъ своей цѣли: она живѣйшее въ насъ рождаетъ удовольствіе, и чувствованія, ею возбуждаемыя, глубже и продолжительнѣе бываютъ въ нашемъ сердцѣ. Это преимущество касается произведеній поэзіи. Но съ нею соединены выгоды для самихъ поэтовъ. Изображая свою природу, свои нравы и проч., они не будутъ принуждены мучить свое воображеніе, чтобы хорошо описать то, чего они не видали своими глазами. Имъ надобно будетъ только вглядываться во всѣ окружающіе ихъ предметы—и критика не укоритъ ихъ ни въ ложныхъ картинахъ, ни въ смѣси чувствованій древнихъ съ новѣйшими, ни въ другихъ подобныхъ симъ ошибкахъ, почти безпрестанно встрѣчающихся у нашихъ поэтовъ. Правда, что наше небо не такъ ясно и чисто, какъ небо Греціи, или Италіи; наши луга не такъ роскошны, какъ долины Эвфрата: но истинно прекрасное и въ самой дикости своей прекрасно" [1]). Въ идилліи Гнѣдича ему нравится то, что она „облагораживаетъ нечувствительно въ глазахъ нашихъ такихъ людей, на которыхъ мы часто, по странной привычкѣ, смотрѣли съ пренебреженіемъ", и въ концѣ своего разбора онъ по обыкновенію занимается формой: удачно ли выбранъ размѣръ, умѣстны ли тѣ или другіе обороты и т. д. Правда, вопросъ о „народной" поэзіи поставленъ еще робко: она отвѣчаетъ нашему патріотическому чувству, облегчаетъ художественное наслажденіе, рисуя знакомыя картины,—и нѣтъ еще представленія о жизненной ея обязательности для того, чтобы литература была достойна своего истиннаго назначенія и не была только эстетическимъ развлеченіемъ для немногихъ любителей. Слишкомъ реальное изображеніе, цѣликомъ взятое народное слово еще пугаютъ его; конечно, было бы смѣшно одѣть пастуха въ модный фракъ, но „грубыя, низкія выраженія столь же противны въ идилліи, какъ и высокопарныя; на картинѣ, гдѣ изображенъ сельскій видъ, не должны встрѣчаться *низкія* явленія". По поводу употребленнаго Гнѣдичемъ слова: „встрѣлся" вмѣсто: „встрѣтился", онъ замѣчаетъ: „хотя въ просторѣчіи говорятъ такимъ образомъ, но стихотворецъ, для изображенія простонародныхъ разговоровъ, не долженъ придерживаться и ошибокъ ихъ въ языкѣ, который у него долженъ быть только простъ, а не испорченъ. Въ послѣднемъ случаѣ безчислен-

[1]) Сочиненія и переписка, т. I, стр. 31—34.

ное множество испорченныхъ словъ получило бы право гражданства въ нашей литературѣ". Онъ не предвидѣлъ тогда, сколько „ошибокъ" и „испорченныхъ словъ" войдетъ уже вскорѣ въ литературу.

Впослѣдствіи, 1833, Плетневъ посвятилъ цѣлую рѣчь этому предмету [1]). Рѣчь вызвана была извѣстнымъ заявленіемъ Уварова о началахъ православія, самодержавія и народности: Плетневъ привѣтствовалъ это заявленіе какъ призывъ въ „обѣтованную землю истинной образованности", и старался выяснить понятіе народности, которую онъ представлялъ какъ стихію народной жизни, важную для литературы съ точки зрѣнія патріотизма и художественной выразительности. „Въ числѣ главныхъ принадлежностей, которыхъ современники наши требуютъ отъ произведеній словесности, — говоритъ онъ, — господствуетъ идея народности. Она представляетъ собою особенность, необходимо соединяющуюся съ идеею каждаго народа. Сколько же предметовъ должно войти въ ея совокупность! Черты, составляющія физіономію души нашей, предварительно были какъ стихіи въ томъ обществѣ, которое воспитало наши страсти, въ той природѣ, которая упоевала наши чувства, въ той религіи, которая возвысила наши помыслы, въ тѣхъ обычаяхъ, которые освящены для насъ давностію, въ тѣхъ предразсудкахъ, отъ которыхъ не спасаетъ насъ никакая философія. Еще болѣе: одинъ и тотъ же народъ, въ разные періоды своей исторіи, при содѣйствіи разныхъ причинъ, скрывающихся то въ политикѣ, то въ морали, то въ ученыхъ мнѣніяхъ какого-нибудь времени, является съ безчисленнымъ множествомъ оттѣнковъ, которые всѣ принадлежатъ разсматриваемой идеѣ... Въ звукахъ слова *народность* есть еще для слуха нашего что-то свѣжее и, такъ сказать, не обносившееся; есть что-то, къ чему не успѣли мы столько привыкнуть, какъ вообще къ терминамъ среднихъ вѣковъ". Но новѣйшей литературѣ принадлежитъ только это выраженіе, а самое понятіе современно древнѣйшимъ писателямъ. „Гдѣ больше народности какъ въ произведеніяхъ греческой словесности?" И Плетневъ объясняетъ, какъ древняя греческая литература вся проникнута чертами національнаго греческаго духа, переходитъ затѣмъ къ Риму, наконецъ къ среднимъ вѣкамъ и временамъ новѣйшимъ... Но задача этого историческаго обозрѣнія превышала его средства: изображеніе средневѣковаго состоянія литературы и перехода къ новѣйшему времени крайне смутно и невѣрно по всему существу: эта область

[1]) О народности въ литературѣ, „Сочиненія" I, стр. 217 и далѣе.

была еще загадкой для нашей науки и литературы. Объясненіе народности въ примѣненіи къ самой русской литературѣ оставалось, какъ прежде, очень тѣсно,—такъ было, впрочемъ, въ то время не у одного Плетнева; но по крайней мѣрѣ толки о народности подготовляли вниманіе къ вопросу, который уже вскорѣ долженъ былъ явиться въ болѣе полной постановкѣ.

Плетневъ не могъ не коснуться и байронизма. Какъ большинство русскихъ критиковъ того времени и самихъ поэтовъ, затронутыхъ вліяніемъ Байрона, онъ не съумѣлъ увидѣть широкаго общественно-историческаго и психологическаго значенія поэзіи Байрона; онъ признаетъ въ ней печать генія, но упрекаетъ Байрона за „прихоть“ его скептицизма. „Одного нельзя извинить въ немъ,—писалъ Плетневъ въ 1822, по поводу „Шильонскаго узника“, —что онъ, по какой-то странной мизантропіи, какъ бы не признаетъ въ человѣкѣ истинно-благородныхъ чувствованій, когда изображаетъ его въ счастливомъ гражданскомъ состояніи. Онъ скорѣе открываетъ ихъ въ какомъ-нибудь страдальцѣ, или злодѣѣ. Вѣроятно, такая прихоть воображенія происходитъ изъ частныхъ обстоятельствъ жизни поэта; но онъ долженъ помнить, что носитъ на себѣ священную обязанность—говорить языкомъ истины не для одного вѣка, а для потомства“ [1]). Байронъ, конечно, всего меньше думалъ о псевдо-классическихъ законахъ эпопеи, когда писалъ свои поэмы, но Плетневъ еще помнитъ старомодное ученіе и задаетъ вопросъ: „Трудно еще рѣшить: выиграетъ ли что-нибудь поэзія эпическая отъ такихъ новостей или потеряетъ?“ Онъ готовъ, однако, признать законность такихъ новостей. „По крайней мѣрѣ,—говоритъ онъ, можно согласиться, что мы находимся почти въ необходимости отказаться въ эпическомъ родѣ отъ прелестныхъ вымысловъ *чудеснаго*. Высокая степень просвѣщенія и чистота истинной религіи не позволяютъ намъ принимать участія въ дѣйствіяхъ волшебниковъ и волшебницъ, того искренне-младенческаго участія, какое принимали греки и римляне въ дѣйствіяхъ своихъ боговъ и своихъ богинь. Еще будетъ страннѣе, если мы въ забавы поэтическаго воображенія будемъ вводить вымышляемыя дѣйствія истиннаго Бога. Тогда нѣжное чувство нравственности и строгій голосъ разсудка возстанутъ противъ поэзіи. Итакъ, можетъ быть, родъ поэмъ лорда Байрона, или подобный оному, остался одинъ изъ приличнѣйшихъ нашему образованному времени. Такова участь поэзіи: подобно красотѣ, она прелестнѣе бываетъ въ возрастѣ дѣтскаго легкомыслія—и теряетъ силу своего

[1]) Тамъ же, стр. 63.

очарованія въ зрѣлости. Впрочемъ, это одни предположенія критики: явится геній—и она съ удовольствіемъ покорится высокимъ его внушеніямъ".

Важно было и то, что Плетневъ все-таки предчувствовалъ и признавалъ, что естественность должна занять въ поэзіи мѣсто прежней реторической искусственности, которая, наконецъ, теряла смыслъ, и вообще признавалъ право новыхъ литературныхъ формъ, когда онѣ будутъ введены геніемъ, т.-е. требованіями самой жизни... Его объясненія устарѣлости прежней эпической поэмы были пока довольно неопредѣленны: тогдашній литературный кругъ,—гдѣ старый классицизмъ имѣлъ еще авторитетнаго теоретика въ Мерзляковѣ,—былъ слишкомъ небогатъ теоретическимъ и историческимъ опытомъ, но изъ этого скромнаго опыта Плетневъ умѣлъ извлекать поученія, которыя потомъ помогли ему понимать новыя литературныя явленія. Современная литература европейская была тогда извѣстна мало, но важно было то, что Плетневъ старательно изучалъ Шекспира и Шиллера. Къ концу 1830-хъ годовъ онъ уже составилъ себѣ замѣчательное для того времени представленіе о національныхъ особенностяхъ литературы, объ ея связи съ жизнью общества, объ индивидуальныхъ способностяхъ писателя, о необходимости „красокъ и жизни", безъ которыхъ литература сдѣлалась бы „сухимъ изложеніемъ отвлеченностей". Правда, и у него можно замѣтить впослѣдствіи тотъ разладъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ литературы, какой мы указывали у сверстниковъ Пушкина,—разладъ, въ которомъ онъ не всегда былъ правъ; но его большой заслугой остается то, что онъ вполнѣ умѣлъ понять Гоголя—съ его сильными и слабыми сторонами: Плетневу принадлежитъ одна изъ лучшихъ оцѣнокъ „Мертвыхъ Душъ", при первомъ ихъ появленіи...

Мы не будемъ останавливаться на тѣхъ меньшихъ поэтахъ-современникахъ Пушкина, которые причисляются къ его плеядѣ и въ большей или меньшей степени испытали его вліяніе, какъ Козловъ, Языковъ, Подолинскій, кн. А. И. Одоевскій и др.: они внесли мало оригинальнаго въ то поэтическое содержаніе, какое развилъ Пушкинъ. Наиболѣе самостоятельнымъ и наиболѣе талантливымъ изъ нихъ былъ Баратынскій (1800—1844). Его біографія была немногосложна. Онъ вышелъ изъ богатой дворянской семьи, учился въ пажескомъ корпусѣ, на 15-мъ году былъ исключенъ изъ корпуса за ребяческую шалость съ лишеніемъ права поступать на службу, прожилъ потомъ нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ и затѣмъ въ 1818 могъ поступить на единственную службу, кото-

рая ему была открыта и могла возстановить его общественное положеніе: онъ вступилъ простымъ солдатомъ въ егерскій полкъ въ Петербургѣ. Здѣсь, однако, этотъ солдатъ вскорѣ познакомился съ Дельвигомъ, Плетневымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, и съ этой поры началось его литературное поприще: новые друзья высоко оцѣнили его дарованіе, и хотя пребываніе его въ Петербургѣ было недолговременно (съ 1820 года онъ лѣтъ пять исполнялъ свою службу въ Финляндіи), эти связи остались навсегда прочны. Получивъ, наконецъ, офицерскій чинъ, Баратынскій вышелъ въ отставку, поселился въ Москвѣ, женился, нѣкоторое время состоялъ въ гражданской службѣ, потомъ оставилъ ее, жилъ въ Москвѣ и въ деревнѣ; въ 1843 году отправился за границу, жилъ въ Парижѣ и скоропостижно умеръ въ Неаполѣ.

Поэзія Баратынскаго вся носитъ меланхолическій характеръ: онъ объясняется и его врожденнымъ настроеніемъ,—почти страннымъ образомъ оно высказывается въ его письмахъ къ матери, которыя онъ писалъ еще мальчикомъ (конечно по-французски),— и тяжелымъ испытаніемъ, какое пришлось перенести ему въ самой ранней юности, и наконецъ размышленіемъ, которое и независимо отъ его личныхъ условій ставило ему вопросы, одолѣвающіе меланхоликовъ и пессимистовъ. Послѣ первой встрѣчи въ Петербургѣ онъ потомъ только случайно видался съ Пушкинымъ въ Москвѣ и въ Казани, гдѣ одно время жилъ; тѣмъ не менѣе Пушкинъ считалъ его между своими ближайшими друзьями. По смерти Дельвига Пушкинъ писалъ, напр., Плетневу (въ январѣ 1831): „безъ него мы точно осиротѣли. Считай по пальцамъ, сколько насъ? Ты, я, Баратынскій—вотъ и все". Едва-ли сомнительно, что эта привязанность объяснялась именно достоинствами поэзіи Баратынскаго, которая нѣкогда совпадала съ любимыми темами поэтическаго круга Пушкина, потомъ создавала такія произведенія, какъ „Эда", которую Пушкинъ очень любилъ, наконецъ, въ минуты меланхоліи и рефлексіи, затрогивала тревожные вопросы жизни и искусства. По своему настроенію Баратынскій былъ самый серьезный изъ поэтовъ плеяды, но и самый мрачный: тяжелыя думы о безцѣльности бытія, которая только на время забывалась въ поэтическомъ творчествѣ, о непостоянствѣ или даже невозможности счастія, нравственное одиночество наполняли его поэзію печальными мотивами, и послѣднимъ выраженіемъ ея былъ извѣстный небольшой сборникъ его стихотвореній: „Сумерки" (1842). Это небольшое собраніе было и концомъ его литературной дѣятельности, какъ будто финаломъ, завершившимъ поэтическую дѣятельность кружка. То непонима-

ніе новой литературной эпохи, какое мы видѣли у сверстниковъ Пушкина, выразилось здѣсь еще разъ какъ будто поэтическимъ прощаніемъ съ прежними идеалами,—по мнѣнію Баратынскаго, приходилъ конецъ и всей поэзіи. Историческое значеніе этихъ мрачныхъ изліяній, которыми завершалъ свою дѣятельность одинъ изъ даровитѣйшихъ сверстниковъ Пушкина, ярко обозначается отзывомъ Бѣлинскаго, который по этому поводу посвятилъ Баратынскому обширную статью [1]). Бѣлинскій началъ издалека, съ общихъ замѣчаній о формахъ развитія, о смѣнѣ эпохъ и поколѣній, о послѣдовательныхъ періодахъ въ ходѣ русской литературы, и въ данномъ положеніи ея указываетъ тотъ же споръ не понимающихъ другъ друга поколѣній и вражду стараго къ новому; но жизненность общественнаго развитія стоитъ выше этой борьбы. „По большей части, людямъ трудно отрываться отъ того, чтò разъ наполнило ихъ, разъ овладѣло ими, и они враждебно, какъ на ересь, смотрятъ на то, чтò наполняетъ и владѣетъ уже чуждыми имъ поколѣніями"... „Отсталые могутъ возбуждать сожалѣніе и состраданіе, какъ люди, заживо умершіе, какъ дряхлый старецъ, окруженный однѣми могилами милыхъ ему существъ, живущій одними воспоминаніями о невозвратно прошедшей порѣ счастія, чуждый и холодный для всѣхъ надеждъ и обольщеній, которыми кипятъ неродныя ему новыя поколѣнія; но едва-ли справедливо было бы презирать этихъ отсталыхъ, а тѣмъ болѣе обвинять ихъ. Благо тому, кто, „отличенный Зевеса любовію", неугасимо носитъ въ сердцѣ своемъ Прометеевъ огонь юности, всегда живо сочувствуя свободной идеѣ и никогда не покоряясь оцѣпеняющему времени или мертвящему факту,—благо ему: ибо эта божественная способность нравственной подвижности есть столько же рѣдкій, сколько и драгоцѣнный даръ неба, и не многимъ избраннымъ ниспосылается онъ!"

Эти разсужденія вызваны именно „Сумерками" Баратынскаго: ему не былъ ниспосланъ тотъ даръ неба, о которомъ говорилъ Бѣлинскій. Послѣднія произведенія Баратынскаго поразили критика новаго поколѣнія полнымъ непониманіемъ тѣхъ стремленій, которыя это поколѣніе считало своимъ самымъ священнымъ достояніемъ и долгомъ. Изслѣдуя „паѳосъ" послѣднихъ произведеній Баратынскаго, т.-е. ихъ основную мысль и настроеніе, Бѣлинскій приходилъ въ ужасъ: поэтъ, въ которомъ онъ цѣнилъ большое дарованіе, оказался именно чуждымъ и холоднымъ для тѣхъ идей, которыми жили новыя поколѣнія. Въ стихотвореніи

[1]) Сочиненія, ч. VI, 2-е изд., стр. 280—324.

„Послѣдній поэтъ“, которое Бѣлинскій счелъ нужнымъ разобрать „отъ слова до слова“, онъ нашелъ мысль, что поэзіи грозитъ гибель, и именно отъ корысти и особливо отъ науки. Пьеса начинается такъ:

Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ,
Въ сердцахъ корысть, и общая мечта
Часъ отъ часу насущнымъ и полезнымъ
Отчетливѣй, безстыднѣй занята.
Исчезнули при свѣтѣ просвѣщенья
Поэзіи ребяческіе сны,
И не о ней хлопочутъ поколѣнья,
Промышленнымъ заботамъ преданы.

„Какая страшная картина!—говоритъ Бѣлинскій.—Какъ безотрадно будущее! Поэзіи болѣе нѣтъ. Куда же дѣвалась она?—„изчезла при свѣтѣ просвѣщенія“... Итакъ, поэзія и просвѣщеніе—враги между собою? Итакъ, только невѣжество благопріятно поэзіи? Неужели это правда?“ Можетъ быть, однако, поэтъ говоритъ только о „ребяческихъ снахъ поэзіи“? Но нѣтъ: истинный поэтъ—

Воспѣваетъ простодушный
Онъ любовь и красоту,
И науки, имъ ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетныя страданья
Легкомысліемъ цѣля,
Лучше, смертный, въ дни незнанья,
Радость чувствуетъ земля!

Итакъ,—продолжаетъ Бѣлинскій,—„наука ослушна (т.-е. непокорна) любви и красотѣ; наука пуста и суетна! Нѣтъ страданій глубокихъ и страшныхъ, какъ основного, первосущнаго звука въ аккордѣ бытія; страданіе мимолетно—его должно исцѣлять легкомысліемъ; въ дни незнанія (т.-е. невѣжества) земля лучше чувствуетъ радость!“... И Бѣлинскій изумлялся, что это написано въ 1835 году по Р. Х. Онъ тѣмъ болѣе сокрушался этимъ извращеніемъ понятій, что нерѣдко въ этихъ пьесахъ Баратынскаго онъ находилъ „дивные“, „чудные“, „гармоническіе“ стихи, которыми можно было бы по истинѣ восхищаться, еслибы они не служили для совершенно ложной мысли. Онъ приводитъ еще стихотвореніе, и повторяетъ: „Коротко и ясно: все наука виновата! Безъ нея, мы жили бы не хуже Ирокезовъ“...

Понятія критика совершенно противоположны съ понятіями поэта. Бѣлинскій признаетъ законность сомнѣнія, но оно движетъ человѣческую мысль, и „благо тому, кто сомнѣвался въ из-

вѣстныхъ истинахъ, не сомнѣваясь въ существованіи истины, ибо истины преходящи, но истина вѣчна!" Но бываетъ другое: „люди имѣютъ слабость смѣшивать свою личность съ истиною: усомнившись въ своихъ истинахъ, они часто перестаютъ вѣрить существованію истины на землѣ", и такъ случилось съ Баратынскимъ. „Этотъ несчастный раздоръ мысли съ чувствомъ, истины съ вѣрованіемъ составляетъ основу поэзіи г. Баратынскаго, и почти всѣ лучшія его стихотворенія проникнуты имъ". „Жизнь какъ добыча смерти, разумъ какъ врагъ чувства, истина какъ губитель счастія,—вотъ откуда проистекаетъ элегическій тонъ поэзіи г. Баратынскаго, и вотъ въ чемъ ея величайшій недостатокъ".

Бѣлинскій останавливается еще на стихотвореніи „Послѣдняя смерть", которое считаетъ апоѳеозой всей поэзіи Баратынскаго; это „великолѣпная фантазія, но не болѣе, какъ фантазія!"

Такимъ образомъ, сомнѣнія поэта кажутся критику или поверхностными, или фантастическими, или прямо ложными. Такъ же ложно и его пониманіе поэзіи, которую онъ хочетъ противополагать разуму и знанію. Но „что такое искусство безъ мысли? —то же самое, что человѣкъ безъ души,—трупъ" [1])...

Сопоставляя произведенія писателя, которому, по мнѣнію Бѣлинскаго, изъ всѣхъ поэтовъ, появившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ, безспорно принадлежитъ первое мѣсто, и мнѣнія критика послѣдующей эпохи, мы можемъ наглядно представить себѣ, какъ далеко разошлось пониманіе двухъ поколѣній въ существенномъ вопросѣ художественной литературы, въ вопросѣ объ отношеніи поэзіи и дѣйствительности, поэзіи и научнаго знанія или просвѣщенія. Баратынскій не былъ бы въ этомъ отношеніи такъ рѣшительно отвергнутъ своими сверстниками, потому что для нихъ поэзія все еще казалась чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ жизни, отъ „сухого разсудка", отъ „черни", казалась спеціальнымъ внушеніемъ музы ея избранникамъ; съ вопросами науки эта поэзія не встрѣчалась и самую науку считала совсѣмъ иною областью, съ которой нѣтъ у нея ничего общаго; Баратынскому казалось наконецъ, что отъ прикосновенія науки изсякнутъ источники поэтическаго вдохновенія... Нѣтъ сомнѣнія, что самъ Пушкинъ, еслибы пришлось ему встрѣтиться съ этимъ новымъ оборотомъ эстетическаго и общественнаго сознанія, не пришелъ бы къ такому безнадежному выводу, какъ Баратынскій, и дѣйствительно, посмерт-

[1]) Сочиненія Евгенія Абрамовича Баратынскаго. Съ портретомъ автора, его письмами и біографическими о немъ свѣдѣніями. Казань, 1885; біографическія и библіографическія указанія въ „Словарѣ" г. Венгерова, т. II; весьма обстоятельная характеристика: „Памяти Е. А. Баратынскаго", въ „Вѣстн. Европы", 1895, іюль.

ное изданіе его сочиненій, законченное почти одновременно съ послѣднимъ сборникомъ Баратынскаго, было вовсе не отходной его поэзіи, а напротивъ, новымъ богатствомъ художественныхъ произведеній, которому предстояло еще совершать свое благотворное дѣйствіе въ литературѣ. Но Пушкинъ дѣйствовалъ непосредственной силой геніальнаго творчества; его сверстникамъ недоставало повидимому даже пониманія того, къ чему призывала и обязывала эта сила, и для того, чтобы въ общемъ теченіи литературы могъ быть осуществленъ самый завѣтъ Пушкина, нужно было прочно установить самыя понятія о значеніи и объемѣ поэзіи.

Работа въ этомъ направленіи началась еще на глазахъ Пушкина: возникало новое движеніе, первоначально совершенно независимое отъ круга дѣятельности Пушкина, исходившее изъ источниковъ чуждыхъ или совсѣмъ неизвѣстныхъ Пушкинскому кругу и направлявшееся именно къ установленію общихъ философскихъ началъ искусства. Средоточіемъ новаго движенія былъ тѣсный кружокъ приверженцевъ и любителей философіи Шеллинга и Окена, образовавшійся въ Москвѣ въ началѣ двадцатыхъ годовъ... По старому обычаю нашей умственной жизни, новое направленіе оказывалось именно въ тѣсномъ кружкѣ и запаздывая противъ развитія этой философіи на самой ея родинѣ. Въ Москвѣ ревностнымъ проповѣдникомъ ученій Шеллинга и Окена былъ извѣстный профессоръ физики и *сельскаго хозяйства* М. Г. Павловъ; еще раньше послѣдователемъ этой философіи былъ въ Петербургѣ Велланскій, который не имѣлъ, однако, большого вліянія, какъ потому, что его каѳедра въ спеціальномъ учрежденіи (онъ былъ профессоромъ анатоміи и физіологіи въ медико-хирургической академіи) не давала возможности широкаго философскаго вліянія, такъ и потому, что его сочиненія, довольно тяжело написанныя, не затрогивали близко тѣхъ вопросовъ, которые были бы особенно привлекательны для молодого литературнаго круга. Если, какъ мы сказали, новое ученіе нашло прозелитовъ лишь въ небольшомъ кружкѣ, это указывало вообще на скудость образовательныхъ средствъ, какими издавна ограничена была русская литература, а съ другой стороны образованіе кружковъ всегда указывало на присутствіе сильныхъ инстинктовъ умственной самодѣятельности: кружокъ составлялся именно изъ энтузіастовъ, почти всегда юныхъ, для которыхъ новое ученіе являлось желаннымъ откровеніемъ. Въ данномъ случаѣ центромъ кружка является привлекательная личность юноши Вене-

витинова (1805—1827). Онъ происходилъ изъ богатой дворянской семьи, имѣлъ всѣ средства прекраснаго домашняго образованія, гдѣ руководителемъ его занятій былъ очень образованный французъ, и гдѣ обученіе не ограничивалось обыкновеннымъ свѣтскимъ обиходомъ, но было, напротивъ, обставлено весьма серьезно и, между прочимъ, заключало оба классическіе языка; затѣмъ Веневитиновъ года два былъ слушателемъ въ московскомъ университетѣ и выдержалъ должный экзаменъ. Это была очень даровитая натура, молодой поэтъ и философъ, съ серьезнымъ и любезнымъ характеромъ, и все это вмѣстѣ сдѣлало его средоточіемъ дружескаго кружка, гдѣ были, между прочимъ, И. В. Кирѣевскій, Кошелевъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, В. П. Титовъ, Шевыревъ и также Погодинъ. Это было предвареніе того кружка тридцатыхъ годовъ, изъ котораго образовались потомъ знаменитыя группы, ставшія во главѣ двухъ противоположныхъ литературно-общественныхъ направленій сороковыхъ годовъ. Веневитиновъ развился рано: серьезный интересъ къ классикамъ соединялся съ начитанностью въ новѣйшей литературѣ и въ особенности съ увлеченіемъ философскими вопросами, въ которые вводилъ это молодое поколѣніе упомянутый Павловъ. Можно сказать, что эти философскія изученія Веневитинова были въ нашей литературѣ первымъ примѣромъ своего рода: до тѣхъ поръ знакомство съ новой европейской философіей бывало или одѣто въ старую схоластику, или ограничивалось единичными исключеніями, не имѣвшими широкаго отраженія въ литературѣ. Здѣсь философскій интересъ впервые глубоко проникаетъ въ тотъ кругъ, въ которомъ совершалось тогда основное литературное движеніе, и становится источникомъ теоретическихъ представленій, которыя расширили самое пониманіе литературы и этимъ способствовали прочному ея утвержденію въ жизни общества. Этою чертою своего характера кружокъ Веневитинова рѣзко отдѣлялся отъ дружескаго круга Пушкина: въ этомъ послѣднемъ кругу господствовали исключительно поэтическіе и литературные интересы, главной опорой которыхъ было самое творчество; ни самъ Пушкинъ и никто изъ его друзей не имѣлъ никакой наклонности къ философіи; инымъ казалось даже, что она только мѣшаетъ поэтическому творчеству и была бы однимъ педантствомъ; у Веневитинова и его друзей было, напротивъ, глубокое убѣжденіе, что только философія, сообщая человѣку понятіе о законѣ явленій и законѣ собственной его мысли, можетъ раскрыть всю полноту его силъ, что поэзія и философія не только не мѣшаютъ одна другой, но, напротивъ, необходимо дополняютъ другъ друга и вмѣстѣ при-

водятъ къ одной цѣли—сознанію; что, наконецъ, „философія есть высшая поэзія", —какъ мы читаемъ въ „Бесѣдѣ Платона съ Анаксагоромъ". Словомъ, съ появленіемъ Веневитинова и его кружка въ объемъ литературы вступаетъ новая стихія, независимая отъ того великаго явленія, какимъ была поэзія Пушкина, и глубоко необходимая для полноты развитія литературной жизни... Веневитиновъ встрѣтился съ Пушкинымъ въ 1826, когда Пушкинъ впервые появился въ литературныхъ кругахъ Москвы и принятъ былъ въ нихъ съ распростертыми объятіями. Понятно, что Веневитиновъ видѣлъ въ Пушкинѣ великую силу русской литературы; самъ Пушкинъ отнесся къ нему съ большимъ сочувствіемъ, съумѣвши оцѣнить и дарованіе, и независимую мысль. Веневитиновъ мечталъ объ основаніи журнала, который былъ бы органомъ поэзіи и новой философіи, служилъ бы этимъ высшимъ интересамъ литературы и сталъ бы вмѣстѣ противовѣсомъ той „трехглавой гидрѣ", подъ которой подразумѣвались тогдашнія петербургскія изданія Греча и Булгарина. Журналъ осуществился въ 1827: это былъ „Московскій Вѣстникъ", который издавался всѣмъ кружкомъ друзей и которому пріобрѣтено было участіе Пушкина. Но въ мартѣ того же года Веневитиновъ, переѣхавши между тѣмъ въ Петербургъ на службу, скоропостижно умеръ. „Какъ допустили вы его умереть?"—писалъ глубоко огорченный Пушкинъ его друзьямъ. Смерть Веневитинова поразила его друзей. Чѣмъ онъ былъ для нихъ, можно видѣть изъ словъ И. В. Кирѣевскаго [1]: „Среди молодыхъ русскихъ поэтовъ, напитанныхъ великими идеями германскихъ писателей, болѣе всѣхъ блестѣлъ и отличался покойный Д. В. Веневитиновъ, котораго стихотворенія вышли въ 1828 г. Его желаніе исполнилось: прочтя немногое, что осталось намъ послѣ него, кто не скажетъ съ чувствомъ восторга и печали:

Какъ я люблю его созданья!..

„Веневитиновъ созданъ былъ дѣйствовать сильно на просвѣщеніе своего отечества, быть украшеніемъ его поэзіи и, можетъ быть, создателемъ его философіи. Кто вдумается съ любовью въ сочиненія Веневитинова, кто въ этихъ разнородныхъ отрывкахъ найдетъ слѣды общаго имъ происхожденія, кто постигнетъ глубину его мыслей, связанныхъ стройной жизнью души поэтической— тотъ узнаетъ философа, проникнутаго откровеніемъ своего вѣка, тотъ узнаетъ поэта глубокаго и самобытнаго, котораго каждое слово освящено мыслью, каждая мысль согрѣта сердцемъ".

---

[1]) Обозрѣніе словесности за 1829 г., въ „Денницѣ", 1830.

Мы приводили показаніе Шевырева, что Пушкинъ высказывалъ тогда сочувствіе къ молодому московскому кружку, который исповѣдовалъ эстетическую теорію Шеллинга, и что подъ вліяніемъ этой теоріи, провозглашавшей освобожденіе искусства, было написано стихотвореніе „Чернь". Вѣроятнѣе, однако, что здѣсь больше сказалось прежнее исключительное представленіе о служеніи Аполлону, чѣмъ вліяніе новой философіи [1]): поэзія была святыней для юнаго философа, но другой святыней былъ разумъ и сознаніе. Онъ отдавался поэтическимъ мечтамъ, но основное достоинство человѣка онъ полагалъ въ этой работѣ мысли. „Самопознаніе,—говорилъ онъ,—вотъ идея, одна только могущая одушевить вселенную; вотъ цѣль и вѣнецъ человѣка. Науки, искусства, вѣчные памятники усилій ума, единственные признаки его существованія, представляютъ не что иное, какъ развитіе сей начальной и слѣдственно неограниченной мысли" [2]). Въ посланіи къ Пушкину, онъ призываетъ поэта, который воспѣвалъ „смѣлаго пророка свободы" и „у музъ похищеннаго галла", т.-е. Байрона и Шенье, прибавить къ хваламъ оплаканныхъ могилъ и веселыя хваленія, которыхъ ждетъ еще одинъ пѣвецъ—„наставникъ нашъ, наставникъ твой": онъ разумѣетъ Гёте, именно поэта, соединявшаго поэтическое вдохновеніе съ глубокимъ научнымъ мышленіемъ. Въ упомянутой статьѣ онъ говоритъ: „новѣйшая философія въ Германіи есть зрѣлый плодъ *того же энтузіазма*, который одушевляетъ истинныхъ ея поэтовъ, того же стремленія къ высокой цѣли, которое направляло полетъ Шиллера и Гёте". Если въ „дивныхъ" стихахъ Баратынскаго высказывалась грубая и малодушная мысль о противорѣчіи поэзіи и науки, въ представленіяхъ Веневитинова онѣ сливались въ одно. Онъ считаетъ блаженнымъ того,—

---

[1]) Объ этомъ показаніи Шевырева ср. замѣчанія г. Майкова, „Историко-литер. очерки". Спб. 1895, стр. 165, 178 и дал. Относительно самаго стихотворенія, едва ли можно считать доказаннымъ, что „въ желаніи толпы услышать *смѣлые уроки* звучитъ голосъ лицемѣрія": лучшіе люди изъ толпы (не вся же она сплошь была коварна, зла, глупа и т. д.,—и при томъ будто бы по ея собственнымъ словамъ) могли совершенно искренно желать такихъ уроковъ, и существованіе общественной поэзіи доказывается всемірной литературой. Впечатлѣнія Бѣлинскаго двоились: онъ признавалъ царственное значеніе великаго художника и не сочувствовалъ отчужденію отъ жизни. Ср. „Сочиненія", VIII, изд. 2-е, стр. 402—404; „Жизнь и переписка Бѣл.", II, стр. 196, 201—202. Рѣчь поэта остается недостаточно мотивированной.

[2]) „Нѣсколько мыслей въ планъ журнала". См. Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневитинова, изд. подъ ред. А. П. Пятковскаго. Спб. 1862, стр. 161.

Кому небесное—родное,
Кто сочетаетъ съ сѣдиной
Воображенье молодое
И разумъ съ пламенной душой.

Въ волшебной чашѣ наслажденья
Онъ дна пустова не найдётъ,
И всклинетъ, въ чувствахъ упоенья:
„*Прекрасному предѣловъ нѣтъ!*"

Недостатокъ мысли онъ именно считалъ бѣдствіемъ русской литературы. Разбирая разсужденіе своего недавняго профессора Мерзлякова о началѣ и духѣ древней трагедіи, кореннымъ недостаткомъ этого разсужденія онъ считаетъ отсутствіе теоріи, основного взгляда и систематическаго развитія. Разбирая статью Полевого объ „Евгеніи Онѣгинѣ", онъ точно также упрекаетъ его за недостатокъ какого-либо систематическаго представленія о предметѣ. „Началомъ и причиной медленности нашихъ успѣховъ въ просвѣщеніи была та самая быстрота, съ которою Россія приняла наружную форму образованности и воздвигла мнимое зданіе литературы безъ всякаго основанія, безъ всякаго напряженія внутренней силы"... „Мы получили форму литературы прежде самой ея сущности". Упомянувъ о томъ, какъ, наконецъ, были покинуты у насъ „сбивчивыя сужденія французовъ о философіи и искусствахъ", онъ продолжаетъ: „Такое освобожденіе Россіи отъ условныхъ оковъ и отъ невѣжественной самоувѣренности французовъ было бы торжествомъ ея, еслибы оно было дѣломъ свободнаго разсудка; но, къ несчастію, оно не произвело значительной пользы: ибо причина нашей слабости въ литературномъ отношеніи заключалась не столько въ образѣ мыслей, сколько въ *бездѣйствіи мысли*. Мы отбросили французскія правила, не отъ того, чтобы мы могли ихъ опровергнуть какою-либо положительною системою; но потому только, что не могли примѣнить ихъ къ нѣкоторымъ произведеніямъ новѣйшихъ писателей, которыми невольно наслаждаемся. Такимъ образомъ правила невѣрныя замѣнились у насъ отсутствіемъ всякихъ правилъ". Тогдашніе многочисленные стихотворцы остались, вѣроятно, недовольны дальнѣйшимъ замѣчаніемъ Веневитинова: „Однимъ изъ пагубныхъ послѣдствій сего недостатка нравственной дѣятельности была всеобщая страсть выражаться въ стихахъ. Многочисленность стихотворцевъ во всякомъ народѣ есть вѣрнѣйшій признакъ его *легкомыслія*". „Истинные поэты всѣхъ народовъ, всѣхъ вѣковъ,—говоритъ далѣе Веневитиновъ,—были глубокими мыслителями, были философами и, такъ сказать, вѣнцомъ просвѣщенія. У насъ языкъ поэзіи превращается въ

механизмъ; онъ дѣлается орудіемъ безсилія, которое не можетъ себѣ дать отчета въ своихъ чувствахъ и потому чуждается опредѣлительнаго языка разсудка. Скажу болѣе: у насъ чувство, нѣкоторымъ образомъ, освобождаетъ отъ обязанности мыслить и, прельщая легкостію безотчетнаго наслажденія, отвлекаетъ отъ высокой цѣли усовершенствованія". Къ самому Пушкину Веневитиновъ относился съ горячею любовью, какъ къ великому поэту, но вмѣстѣ съ тѣмъ и независимо: таковъ былъ, напримѣръ, его отзывъ объ „Евгеніи Онѣгинѣ". Пушкину онъ понравился именно этой независимостью и оригинальностью.

Въ то же время или еще нѣсколько раньше новое направленіе литературныхъ идей, подъ вліяніемъ той же философіи Шеллинга, сказалось въ первыхъ опытахъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго (1803—1869). Это былъ опять москвичъ, питомецъ Благороднаго пансіона, гдѣ онъ кончилъ курсъ въ 1821. Здѣсь еще продолжались литературныя преданія временъ Жуковскаго; но прибавилась новая черта умственной жизни, которую внесла философія Шеллинга въ преподаваніи Павлова. Общія понятія и вкусы сблизили кн. Одоевскаго съ Веневитиновымъ; тѣ же интересы къ поэзіи и наравнѣ съ нею къ наукѣ выдѣляли ихъ въ тогдашнемъ литературномъ кругу и рано возбудили въ обоихъ стремленіе вмѣшаться въ литературную жизнь, которой, по ихъ мнѣнію, недоставало самаго существеннаго—философскаго мышленія.

Позднѣе, въ „Русскихъ Ночахъ" кн. Одоевскій такъ изображалъ тогдашнее вліяніе философіи Шеллинга: „Вы не можете себѣ представить,—говорилъ онъ,—какое дѣйствіе произвела въ свое время Шеллингова философія, какой толчокъ дала она людямъ, заснувшимъ подъ монотонный напѣвъ Локковыхъ рапсодій. Въ началѣ XIX вѣка Шеллингъ былъ тѣмъ же, чѣмъ Христофоръ Коломбъ въ XV-мъ: онъ открылъ человѣку неизвѣстную часть его міра, о которой существовали только какія-то баснословныя преданія — его душу. Какъ Христофоръ Коломбъ, онъ нашелъ не то, чего искалъ; какъ Христофоръ Коломбъ, онъ возбуждалъ надежды неисполнимыя—но, какъ Коломбъ, далъ новое направленіе дѣятельности человѣка! Всѣ бросились въ эту чудную, роскошную страну: кто ради науки, кто изъ любопытства, кто для поживы" [1]). Еще позднѣе, когда Одоевскій хотѣлъ вновь издать свои сочиненія, онъ набросалъ автобіографическія замѣтки для будущаго предисловія и такъ говорилъ здѣсь о первой порѣ своихъ научныхъ интересовъ:

---

[1]) Сочиненія кн. В. Ѳ. Одоевскаго. Спб. 1844, I, стр. 15.

Моя юность протекла въ ту эпоху, когда метафизика была такою же общею атмосферою, какъ нынѣ политическія науки. Мы вѣрили въ возможность такой абсолютной теоріи, посредствомъ которой возможно было бы построить всѣ явленія, точно такъ, какъ теперь вѣрятъ въ возможность такой соціальной жизни, которая бы вполнѣ удовлетворяла всѣмъ потребностямъ человѣка. Можетъ быть, дѣйствительно, и такая теорія, и такая форма будутъ когда-нибудь найдены, но ab posse ad esse consequentia non valet. Какъ бы то ни было, но тогда вся природа, вся жизнь человѣка казалась намъ довольно ясною, и мы немножко свысока посматривали на физиковъ, на химиковъ, на утилитаристовъ, которые рылись въ грубой матеріи. Изъ естественныхъ наукъ лишь одна казалась намъ достойною вниманія любомудра—анатомія, какъ наука человѣка, и въ особенности анатомія мозга. Мы принялись за анатомію практически, подъ руководствомъ знаменитаго Лодера, у котораго многіе изъ насъ были любимыми учениками. Не одинъ кадаверъ мы искрошили; но анатомія естественно натолкнула насъ на физіологію, — науку, тогда только-что начинавшуюся и которой первый зародышъ появился, должно признаться, у Шеллинга, впослѣдствіи у Окена и Каруса. Но въ физіологіи естественно встрѣтились намъ на каждомъ шагу вопросы, необъяснимые безъ физики и химіи, да и многія мѣста въ Шеллингѣ (особенно въ его „Weltseele") были темны безъ естественныхъ знаній. Вотъ какимъ образомъ гордые метафизики, даже для того, чтобы остаться вѣрными своему званію, были приведены къ необходимости запастись колбами, реципіентами и тому подобными снадобьями, нужными для грубой матеріи. Въ собственномъ смыслѣ, именно Шеллингъ, — можетъ быть, неожиданно для него самого,—былъ истиннымъ творцомъ положительнаго направленія въ нашемъ вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, въ Германіи и въ Россіи. Въ этихъ земляхъ, лишь по милости Шеллинга и Гёте, сдѣлались поснисходительнѣе къ французской и англійской наукѣ, о которой прежде, какъ о грубомъ эмпиризмѣ, мы и слышать не хотѣли [1]).

Подобныя мысли увлекали и Веневитинова, который также былъ слушателемъ Лодера... Какъ бы ни пошли дальше изученія молодыхъ философовъ, во всякомъ случаѣ такое начало направляло ихъ интересы совершенно иначе, чѣмъ бывало до сихъ поръ въ литературныхъ кругахъ и между прочимъ въ кругу Пушкина. Веневитиновъ былъ поэтъ, но мы видѣли, что его поэтическія мечты складывались очень не похоже на то, что̀ бывало у поклонниковъ Вакха и Киприды и любителей поэтической „лѣни". Кн. Одоевскій, въ противорѣчіе почти обязательному обычаю, не началъ своего литературнаго поприща стихами. Въ кружкахъ, гдѣ собирались эти новые нарождавшіеся дѣятели русской литературы, живѣйшимъ интересомъ была именно философія: кн. Одоевскій читалъ здѣсь свои переводы изъ Окена и вскорѣ задумалъ изданіе небольшого журнала или періодическаго альманаха, въ которомъ могли бы найти мѣсто и эти интересы къ философіи. Въ 1824—1825 вмѣстѣ съ Кюхельбекеромъ онъ издавалъ „Мне-

---

[1]) „Русскій Архивъ", 1874, № 2.

мозину". Одинъ изъ біографовъ Одоевскаго замѣчаетъ, что это изданіе должно было превратиться, не встрѣтивъ сочувствія къ своему направленію ни въ журналистикѣ, ни въ публикѣ; но должно сказать, что въ сущности „Мнемозина" представила новыя направленія очень недостаточно, хотя и съ юношескимъ задоромъ. На заглавной виньеткѣ журнала изображены были символы поэзіи и мудрости: лира, змѣя и сова, но наибольшая часть изданія наполнена была обычнымъ содержаніемъ тогдашнихъ альманаховъ. Скудость литературы была такова, что и то немногое, въ чемъ выразились особенные взгляды издателей „Мнемозины", стало предметомъ толковъ въ тогдашнихъ журналахъ. Кн. Одоевскій еще раньше своего журнала высказывался противъ пустоты „благородной черни", т.-е. свѣтскаго общества; онъ повторяетъ эту тему и теперь, изображая въ аллегорической сказкѣ „старцевъ-младенцевъ", подсмѣиваясь надъ легкомысленнымъ поклоненіемъ французскимъ писателямъ; онъ задѣваетъ современную русскую поэзію, которая кажется ему безсодержательной, и негодуетъ на отсутствіе интереса къ философіи, который долженъ быть основою всякой серьезной литературы. Приводимъ нѣсколько отрывковъ, такъ какъ статьи Одоевскаго въ „Мнемозинѣ" не вошли потомъ въ собраніе его сочиненій.

Въ одномъ изъ своихъ апологовъ онъ рисуетъ фантастическое существо, которое оказалось олицетвореніемъ лѣни. Въ первый разъ онъ увидѣлъ это существо за столомъ своей тетушки, когда она раскладывала гранъ-пасьянсъ, и очень его испугался.

Между грудами книгъ, за которыми я прятался, находились и творенія нѣкоторыхъ нашихъ модныхъ поэтовъ. Чтб ни разверну — все вижу изображеніе *непонятнаго существа*, котораго я такъ испугался; вездѣ его хвалили, превозносили, утѣшались имъ, какъ игрушкою; вездѣ явственно изображался отпечатокъ моего пугалища.

Я сперва удивлялся, потомъ мало-по-малу пересталъ дивиться, а наконецъ непонятное существо не казалось мнѣ болѣе страшнымъ.

Однажды, когда я не могъ довольно налюбоваться мною читанными описаніями *златой безпечности, милой нѣги* и проч., игралъ въ *cache-cache* съ нашими поэтами, т.-е. отыскивалъ мысли между словами, и не успѣвая въ семъ предпріятіи, восхищался ихъ піитическою хитростію, — дверь настежь, и непонятное существо ввалилося въ комнату... Это была женщина, одѣтая въ мужское платье, вѣроятно для большей увертливости, — свойство, которое какъ я послѣ узналъ, по странному противорѣчію, было отличительнѣйшимъ въ сей богинѣ...

Она себя назвала: это была *Лѣнь*, „богиня, не одними русскими поэтами обожаемая". Конечно, она разстроила всѣ его работы, и эти строки авторъ могъ написать только въ ея отсут-

ствіе: „она отправилась въ гости къ знатному барину, которому недавно поручена судьба милліоновъ“ [1]).

Въ отрывкѣ изъ романа Одоевскій рисуетъ три класса московскаго общества, въ какіе попадалъ его герой:

1-й классъ состоитъ изъ тѣхъ, кои осмѣлились покинуть *унытіе и сладострастіе*, разогнать густые *туманы*, забыть о *лунѣ* и заниматься своимъ совершенствованіемъ, въ полномъ смыслѣ этого слова (само собою разумѣется, что этотъ классъ самый маленькій); 2-й—изъ тѣхъ, которые глазъ не сводятъ съ *туманной дамы*, читали Парни и Мильвуа—и почитаютъ ихъ величайшими поэтами,—не читали Баттё—и называютъ его величайшимъ философомъ... но этотъ классъ все-таки красное солнышко передъ третьимъ и къ несчастію многочисленнѣйшимъ: составляющіе оный, покинувъ простоту прежнихъ нравовъ и не достигнувши европейской образованности, остановились на какой-то безобразной срединѣ... Эти люди до сихъ поръ не подозрѣваютъ, что есть на Руси литераторы, спрашиваютъ кто сочинялъ Руслана и Людмилу и читаютъ—Дамскій Журналъ [2]).

Вотъ изображеніе литературнаго вечера, какіе бывали въ свѣтскомъ кругу.

...Хозяинъ приготовился прочесть своимъ пріятелямъ переводъ, надъ которымъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ трудился — переводъ двухъ водяныхъ писемъ Севинье и одного плаксиваго, Графиньи.

Какъ сіе засѣданіе было приватное, то ему надлежало происходить въ кабинетѣ; тутъ уже все было приготовлено для литературнаго маскарада: шкафчикъ съ книгами какъ бы ненарочно растворенъ; изъ него выглядывали сочиненія Жанлисъ, Дюкре-Дюминиля и неисчислимое множество Notices, Remarques, Apperçues, Resumés, Quelques mots и другихъ книгъ въ родѣ: Philosophie, enseignée en deux leçons и l'Art de penser reduit à trois mots и проч. и проч.; на большомъ письменномъ столѣ, между дюжинами стклянокъ, баночъ, зрительныхъ трубокъ, лорнетовъ, щетокъ, щеточекъ и другихъ бездѣлушекъ, коими обыкновенно покрываются дамскіе столики, смиренно лежали шесть или семь крошечныхъ томиковъ нѣкоторыхъ французскихъ писателей, коихъ достоинство не превосходило величины формата;... нѣсколько ближе къ портфейлю, гдѣ скрывались творенія самого хозяина, было раскидано въ искусственномъ безпорядкѣ богатое изданіе Лагарпа, съ премножествомъ отмѣтокъ, будто бы показывавшихъ необыкновенное вниманіе читателя...

На литературномъ вечерѣ былъ, между прочимъ, французскій профессоръ, который „за дорогую цѣну читалъ приватныя лекціи французской словесности; умѣлъ нравиться дамамъ; быть товарищемъ молодыхъ людей въ ихъ шалостяхъ; умѣлъ поддѣлываться къ знатнымъ“. Къ французской литературѣ — той, которою восхищалось свѣтское общество,—кн. Одоевскій относится

---

[1]) „Мнемозина“, IV, стр. 42—48.

[2]) „Франкфуртскій“. Прим. Одоевскаго. „Мнемозина“, III, стр. 128—130.

крайне враждебно (предпочитая ей серьезную нѣмецкую литературу):

Ничего не можетъ быть смѣшнѣе и жалче французовъ нашего вѣка, которые думаютъ, что еще не прошло то счастливое время, когда они пользовались литературною славою, столь неправедно ими пріобрѣтенною; когда Вольтеръ кружилъ всѣмъ головы, а Буало и Лагарпъ почитались верховными самодержавцами Парнасса; впрочемъ они не виноваты въ томъ: еще многіе поддерживаютъ ихъ въ семъ заблужденіи, которое тогда только совершенно уничтожится, когда умствованія глубокія, освѣщаемыя пламенникомъ истины, восторжествуютъ надъ обветшалыми предразсудками.

На лекціяхъ Видефьера не было и помину объ этомъ; тамъ толковали о дѣлахъ гораздо важнѣйшихъ: тамъ съ почтеніемъ внимали слушатели глубокія разсужденія о причинахъ, почему Буало въ своей наукѣ стихотворства не упомянулъ о Лафонтенѣ; отчего Расинъ не имѣлъ счастія нравиться госпожѣ Севинье; отчего Академія не согласилась послушаться Вольтера и писать ai—вмѣсто oi; отчего существовала вражда между Аруетомъ и Пирономъ; тамъ еще повторялись съ восторгомъ неблагопристойныя шутки любимицъ Людовика XIV; тамъ еще изумлялись смѣлости Лабрюйера, дерзнувшаго хвалить живыхъ академистовъ" [1]).

Только въ двухъ статьяхъ, и только самымъ общимъ образомъ, кн. Одоевскій особо остановился на вопросѣ о важности философскихъ изученій для нашей литературы. Онъ задумалъ составить словарь по исторіи философіи, помѣстилъ въ „Мнемозинѣ" одну статью изъ этого словаря (между прочимъ снабженную множествомъ ученыхъ цитатъ) и въ предисловіи съ сокрушеніемъ говорилъ о бѣдности нашей философскими сочиненіями и о необходимости философскаго знанія, которымъ только и можно бороться „противъ закоренѣлыхъ предразсудковъ и слабоумія". „Еслибы, — говорилъ онъ, — кто захотѣлъ внимательнѣе посмотрѣть на отношенія, связующія явленія съ ихъ началами, то нашелъ бы, что единственная причина тому, что мы до сихъ поръ и въ искусствахъ и наукахъ—только подражатели, есть презрѣніе къ любомудрію" [2]). Въ другой разъ онъ говорилъ объ этомъ предметѣ въ полемической статьѣ, гдѣ указывалъ крайнюю пустоту и отсталость нашихъ журналовъ, которая могла быть устранена лишь серьезными изученіями, особливо философскими [3]).

---

[1]) Тамъ же III, стр. 132—137. Ср. замѣчаніе французскаго профессора о „карбонаріяхъ въ литературѣ" (стр. 144): оно страннымъ образомъ совпадаетъ съ позднѣйшимъ негодованіемъ кн. Вяземскаго на „анархическое своевольство" противъ литературныхъ „властей".

[2]) Тамъ же, IV, стр. 160 и далѣе; какъ видимъ, это совершенно сходно съ приведенными выше мыслями Веневитинова.

[3]) Тамъ же, III, стр. 178 и далѣе.

Кромѣ отдѣльныхъ замѣчаній это было все, что говорилъ кн. Одоевскій о философскихъ предметахъ въ своемъ журналѣ; но оказывается, что и это немногое стало уже событіемъ въ тогдашней журналистикѣ. Въ послѣсловіи, которымъ законченъ былъ журналъ, кн. Одоевскій могъ сказать: „Издатели Мнемозины могутъ похвалиться, что нѣкоторымъ образомъ достигли своей цѣли; Литературные Листки, Сынъ Отеч., Сѣв. Архивъ, нападая на Мнемозину, списывали и теперь еще списываютъ изъ нея сужденія о французской словесности, о необходимости народной поэзіи; даже въ Литературныхъ Листкахъ Мнемозина заставила толковать о Шеллингѣ и Окенѣ, хотя и на изворотъ, заставила журналистовъ говорить о нѣмецкихъ мыслителяхъ такъ, что иногда подумаешь, будто бы наши критики въ самомъ дѣлѣ читали сихъ послѣднихъ". — „Знакъ добрый! — продолжаетъ онъ. — Можетъ быть, недалеко уже то время когда сужденія, основанныя на законахъ непремѣняемыхъ, произведенія, блистающія порядкомъ и свѣтлостію мыслей, займутъ мѣсто нашихъ обыкновенныхъ, пустыхъ, сбивчивыхъ, журнальныхъ теорій и литературныхъ уродовъ; когда истина восторжествуетъ надъ заблужденіями и умолкнутъ наши ничтожные судіи въ наукахъ" [1])...

Въ дѣятельности Веневитинова и кн. Одоевскаго, какъ и въ первомъ появленіи у насъ философіи Шеллинга, къ которой они примыкали, мы видимъ опять повтореніе той случайности заимствованій изъ европейскаго движенія, какую указывали на цѣломъ рядѣ литературныхъ поколѣній. Случайность доказывается уже самою уединенностью этого явленія: его прозелитовъ было лишь очень немного; значеніе въ литературѣ дано было этому новому вліянію писателями, едва выходившими изъ первой юности: кн. Одоевскому былъ 21 годъ, когда онъ началъ изданіе „Мнемозины"; Веневитиновъ кончилъ жизнь 22 лѣтъ. Но при всей внѣшней случайности этого появленія философіи Шеллинга, новое движеніе и здѣсь становилось органическимъ: оно встрѣтило готовую почву въ тѣхъ трудно наблюдаемыхъ процессахъ внутренняго развитія, которые обнаруживаются въ исторіи какъ будто неожи-

[1]) Біографія и литературная дѣятельность кн. Одоевскаго до сихъ поръ были изложены только въ краткихъ очеркахъ:

— Князь В. Ѳ. Одоевскій. Литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями. (Съ портретомъ кн. Одоевскаго). А. П. Пятковскаго. Спб. 1880. Повторено въ книгѣ того же автора. „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія". Второе дополненное изданіе. Спб. 1888.

— Князь В. Ѳ. Одоевскій. Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ 1884.

См. также обширную статью Бѣлинскаго, „Сочиненія", т. IX.

данностями. Эта органическая жизненность бываетъ очевидна на дальнѣйшей судьбѣ подобныхъ фактовъ: философскіе интересы кружка́ Веневитинова уже вскорѣ нашли болѣе глубокое продолженіе въ кружкѣ Станкевича, съ которымъ связаны знаменательныя литературныя явленія сороковыхъ годовъ.

Кн. В. Ѳ. Одоевскій не сдѣлался философомъ; но глубокій интересъ къ философіи, овладѣвшій имъ съ юности, остался навсегда особенностью его литературной дѣятельности. Извѣстныя „Русскія Ночи", написанныя подъ вліяніемъ Гофмана, которое отвѣчало собственному складу его ума и воображенія, остались донынѣ единственнымъ въ своемъ родѣ произведеніемъ; у него сохранилась и послѣ давняя наклонность къ иносказанію, которымъ онъ привлекалъ вниманіе къ высшимъ вопросамъ человѣческаго бытія; въ повѣстяхъ изъ свѣтской жизни высшаго круга, которыя нравились Пушкину, онъ опять продолжалъ тему, затронутую въ самыхъ первыхъ его произведеніяхъ. Его философія соединялась въ теоріи и въ практической общественной жизни съ глубокимъ гуманнымъ настроеніемъ, рѣдкимъ по своей чистотѣ и задушевности. Его давнею мыслію была забота о народной школѣ и народной книгѣ, какъ освобожденіе крестьянъ являлось для него исполненіемъ давнихъ мечтаній его поколѣнія. Въ послѣдніе годы жизни, по поводу „Довольно!" Тургенева, кн. Одоевскій въ статьѣ „Недовольно" нашелъ краснорѣчивыя и глубокомысленныя слова, чтобы указать нравственный долгъ писателя—и особливо русскаго писателя—въ такую пору, когда „съ 19 февраля 1861 г. Россія пережила по крайней мѣрѣ два вѣка" и когда ея лучшія умственныя и нравственныя силы обязаны, не поддаваясь малодушнымъ сомнѣніямъ, служить великому дѣлу общественнаго блага.

А. Пыпинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ПОСЛѢДНІЕ ЦВѢТЫ.

Какъ мнѣ печально ваше увяданье,
Цвѣты осенніе, печальные цвѣты:
Поблекнувшей земли прощальныя мечтанья,
Послѣдніе дары весенней красоты!

Не провожаетъ васъ ни соловья рыданье,
Ни слезы алыхъ зорь, ни вздохи вѣтерка,
Ни солнца яркаго палящее лобзанье,—
А съ нимъ и смерть сама отрадна и легка.

Вы погибаете—забыты, одиноки,
Какъ страстнаго письма отвергнутыя строки,
Какъ слезы позднія воскреснувшей любви.

Но, гордо встрѣтивъ мракъ и холодъ на прощаньѣ,
Ни вздохомъ сумрачнымъ, ни болью содроганья
Не вѣдаете вы страданія свои!

II.

ОСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

Багрянымъ золотомъ на западѣ горя,
Въ оранжевой листвѣ огнемъ переливаясь,
Царицей вечера красуется заря...

Вокругъ еще свѣтло. Но ужъ звѣзда, купаясь
Въ румяномъ заревѣ, затеплилась свѣчой...
Близка глухая ночь, безмолвье и покой.

Отъ поля сжатаго, отъ скошеннаго луга
Пахнуло холодомъ... Недвижимый туманъ
Повисъ надъ озеромъ. Къ теплу и нѣгѣ юга
Высоко журавлей пронесся караванъ.

На вѣткѣ близъ меня раздался свистъ несмѣлый:
Вспорхнулъ пугливый дроздъ. Сорвался листъ, шурша...
И замеръ старый лѣсъ, какъ зáмокъ опустѣлый,
И грустью странною наполнилась душа.

Весна моей любви! Весна моихъ мечтаній!
Изъ пепла сѣраго былыхъ воспоминаній
Зачѣмъ такъ ярко вы мелькнули въ этотъ часъ,
Что слезы хлынули изъ глазъ
И сердце горестно заныло отъ страданій!

III.

ОСЕНЬ.

Золотисто-румяные дни,
Разливныя, морозныя зори...
Ярче звѣздъ полуночныхъ огни;

Краше рощи въ багряномъ уборѣ.
Воздухъ звонокъ и чистъ, какъ хрусталь,
И вездѣ тишина, точно въ храмѣ...

Нѣтъ, мнѣ дней миновавшихъ не жаль!
Сердцу ближе вся эта печаль,
Чѣмъ восторги весны съ соловьями.

А. М. Ѳедоровъ.

НОВАЯ ПОПЫТКА

ВЪ

ОБЛАСТИ НАУЧНОЙ ИСТОРІИ

— De l'histoire considérée comme science, par *P. Lacombe*, inspecteur général des bibliothèques et des archives. Paris, 1894.—Соціологическія основы исторія, П. Лакомба. Переводъ съ французскаго подъ ред. Р. И. Сементковскаго. Спб., 1895.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ намъ пришлось разбирать книгу Луи Бурдо, начинающуюся словами: „Исторія должна быть вся передѣлана за-ново. Самыя основы науки должны быть еще установлены. Постройка ждетъ своего архитектора. Едва можно сказать, что прошлое оставило намъ нужные для этого матеріалы" [1]. Въ книгѣ Лакомба вновь ставится тотъ же вопросъ о несостоятельности существующей исторической науки и о необходимости передѣлать ее за-ново. Лакомбъ, какъ и Бурдо, убѣжденъ, что исторія не имѣетъ еще научнаго фундамента, и что постройка ждетъ своего архитектора. Лакомбъ пожелалъ быть этимъ архитекторомъ, вслѣдъ за Бурдо и за многими другими. Но странное дѣло: Лакомбъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о попыткѣ Бурдо и приступаетъ къ своей задачѣ съ такимъ видомъ, какъ будто никто до него не задавался цѣлью реформировать исторію съ научной точки зрѣнія. Это тѣмъ болѣе удивительно, что Лакомбъ во многихъ отношеніяхъ повторяетъ идеи Бурдо, и что

[1] См. „Вѣстникъ Европы", 1888, декабрь, стр. 781 и слѣд.

трудъ послѣдняго, по замыслу и исполненію, несравненно серьезнѣе и содержательнѣе книги Лакомба.

Можно ли говорить о научности, когда каждый изслѣдователь создаетъ свою собственную науку, не обращая вниманія на работы даже ближайшихъ предшественниковъ? Лакомбъ игнорируетъ не только Бурдо, но и всю вообще новѣйшую литературу по философіи исторіи; онъ въ нѣсколькихъ ироническихъ словахъ отдѣлываетъ Тэна, не входя вовсе въ разборъ его взглядовъ и его метода; онъ мимоходомъ высмѣиваетъ Ренана, едва затрогиваетъ Бокля, ссылается иногда на Спенсера и Милля, не обсуждая подробно ихъ доктринъ, и совершенно не признаетъ существованія многочисленныхъ нѣмецкихъ и англійскихъ авторовъ, спеціально занимавшихся философско-историческими вопросами. Лакомбъ не обнаруживаетъ не только учености, но и простой начитанности, обязательной для писателя, берущагося перестраивать науку; онъ много говоритъ о предметахъ, относящихся до исторіи культуры, имѣя о нихъ, очевидно, лишь самыя общія и поверхностныя свѣденія, и вдается въ пространныя разсужденія о политической экономіи, съ которою знакомъ какъ будто только по наслышкѣ. Никакого анализа или обобщенія историческихъ фактовъ, никакихъ интересныхъ сопоставленій и выводовъ, никакого вообще фактическаго матеріала мы не находимъ въ книгѣ Лакомба; авторъ все время говоритъ отъ себя, или развивая съ необыкновеннымъ многословіемъ какія-то азбучныя истины, или высказывая съ необыкновенною развязностью крайне сомнительныя и рискованныя quasi-научныя положенія. Съ этими особенностями книги можно бы еще помириться, еслибы въ ней были по крайней мѣрѣ литературныя достоинства, которыми такъ щеголяютъ французскіе писатели; но въ сочиненіи Лакомба нѣтъ ни краснорѣчія, ни остроумія, а несомнѣнная ясность и простота изложенія только сильнѣе оттѣняютъ слабость и безцвѣтность содержанія. Тѣмъ не менѣе въ книгѣ есть много отдѣльныхъ замѣчаній, вполнѣ справедливыхъ и разумныхъ, на которыхъ стоитъ остановиться. Логическія ошибки и увлеченія автора тоже поучительны, какъ характерные образчики распространенныхъ нынѣ мнимо-научныхъ понятій и теорій. Лакомбъ имѣетъ только одну безспорную заслугу: онъ старается не отступать отъ почвы здраваго смысла и не претендуетъ на философскую глубину, и эта безъискусственность его идей невольно подкупаетъ читателя.

Бурдо, какъ мы указывали въ свое время, грѣшитъ непослѣдовательностью своихъ разсужденій и произвольностью выводовъ; но онъ освѣщаетъ свои мысли огромною массою любопытныхъ

примѣровъ, цитатъ и фактовъ, и уже этотъ литературно-историческій матеріалъ самъ по себѣ придаетъ книгѣ большой интересъ. Сочиненіе Бурдо не было, однако, переведено на русскій языкъ и не удостоилось сочувственныхъ отзывовъ въ нашей печати; оно было только вкратцѣ разобрано—и притомъ въ неодобрительномъ тонѣ—въ одномъ изъ трактатовъ проф. Н. И. Карѣева по философіи исторіи [1]). Книга Лакомба имѣла болѣе счастливую судьбу; она вызвала пространную сочувственную статью г. Карѣева и появилась затѣмъ въ очень хорошемъ русскомъ переводѣ г. Р. Сементковскаго. Г. Карѣеву понравилось стремленіе Лакомба „понять историческій процессъ самъ по себѣ, взятый совершенно отвлеченно"; понравилось также почтенному профессору то обстоятельство, что онъ встрѣтилъ въ разбираемой книгѣ „многія понятія и положенія, въ которыхъ узнавалъ свои собственныя мысли". Правда, г. Карѣевъ нашелъ и не мало такого, что̀ подлежитъ критикѣ и опроверженію; но въ общемъ онъ отнесся къ труду Лакомба, какъ къ чему-то серьезному и важному, могущему имѣть значеніе въ историко-философской литературѣ [2]).

Извѣстно, что проф. Карѣевъ больше кого-либо другого работалъ въ послѣдніе годы надъ вопросами о научныхъ основахъ и методахъ исторіи; онъ очень много писалъ объ „историческомъ процессѣ, взятомъ совершенно отвлеченно", и намъ кажется, что если избранный имъ способъ изслѣдованія не можетъ привести ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, то именно вслѣдствіе его отвлеченности. Чтобы выяснить, напримѣръ, роль личности въ исторіи, г. Карѣевъ не дѣлаетъ анализа дѣйствительныхъ историческихъ событій и перемѣнъ, въ которыхъ руководящую роль играли отдѣльныя лица, а разсуждаетъ вообще, на основаніи извѣстныхъ общихъ понятій и опредѣленій, въ связи съ обстоятельнымъ разборомъ множества различныхъ теорій и взглядовъ по данному предмету. Что̀ же получилось у автора въ результатѣ? Въ своихъ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи" онъ высказывалъ мнѣніе, что споръ о герояхъ и толпѣ не имѣетъ научнаго значенія, что мысль о руководящей роли личности въ исторіи есть „трюизмъ, который не стоитъ доказывать", и что весь вопросъ былъ достаточно уже выясненъ въ нашей литературѣ (т. II, стр. 268 и слѣд.). Позднѣе, посвятивъ новый обширный томъ этому выясненному уже вопросу, авторъ въ заключеніе

---

[1]) „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи". Спб., 1890, стр. 108—122 и 604—610.

[2]) См. „Историческое Обозрѣніе", т. VIII, Спб., 1895: „Новый трудъ по теоріи исторіи", стр. 50—86.

указываетъ на необходимость дальнѣйшей его разработки, которою и думаетъ заняться еще въ новомъ отдѣльномъ сочиненіи, такъ какъ „самая роль личности въ исторіи можетъ быть понята наилучшимъ образомъ именно при изслѣдованіи вопроса о томъ, какъ создается „духъ времени" и отчего происходятъ переломы въ общихъ теченіяхъ исторической жизни". Изслѣдованіе можетъ продолжаться такимъ образомъ до безконечности, если предметомъ его будетъ не фактическій матеріалъ, доставляемый исторіею, а неопредѣленная область всевозможныхъ мыслей и соображеній, высказываемыхъ a priori. Въ своей „Исторіи западной Европы" авторъ въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что разногласія относительно историческаго значенія Наполеона происходили отчасти вслѣдствіе того, что все еще не рѣшенъ вопросъ о роли личности въ исторіи. Мы думаемъ наоборотъ, что общій вопросъ о роли личности въ исторіи не можетъ быть рѣшенъ заранѣе, безъ предварительнаго анализа дѣйствительной роли отдѣльныхъ историческихъ личностей, въ родѣ Наполеона. Только подобный анализъ даетъ необходимый матеріалъ для правильнаго разрѣшенія спорнаго вопроса. Прежде устанавливать теорію, а потомъ прилаживать къ нимъ факты,— это методъ совсѣмъ не научный и даже прямо анти-научный, хотя и часто практикуемый въ общественныхъ наукахъ. Можно ставить извѣстныя гипотезы и затѣмъ провѣрять ихъ разборомъ фактическихъ данныхъ, но безполезно искать обобщеній и выводовъ помимо того матеріала, изъ котораго они должны быть извлечены.

Такъ же точно ничего положительнаго нельзя достигнуть въ области философіи исторіи, если имѣть въ виду „историческій процессъ самъ по себѣ, взятый совершенно отвлеченно". Отвлеченнаго историческаго процесса вообще не существуетъ, и нельзя поэтому заниматься его изученіемъ; оттого и разсужденія г. Карѣева о сущности историческаго процесса кажутся отчасти безпредметными, схоластическими. Г. Карѣевъ отличаетъ исторію прагматическую и культурную, понимая подъ первою повѣствованіе о дѣйствіяхъ и событіяхъ, а подъ второю—описаніе внѣшняго быта, образованности и гражданственности народовъ; факты перваго рода связываются между собою, какъ причины и слѣдствія, а факты второй категоріи разсматриваются какъ измѣняющіяся формы однихъ и тѣхъ же явленій, какъ фазисы и моменты ихъ развитія или эволюціи. Постоянное взаимодѣйствіе прагматизма и культуры, личной дѣятельности и культурныхъ формъ (или „надъ-органической среды", по терминологіи, усвоенной г. Карѣевымъ) составляетъ, по автору, сущность человѣческой

исторіи. Высказавъ эти общія положенія въ началѣ упомянутаго выше трактата, авторъ въ концѣ повторяетъ ихъ съ разными оговорками, такъ что 600 страницъ текста употреблено на разъясненіе и истолкованіе идеи, которая сама по себѣ не заключаетъ въ себѣ ничего опредѣленнаго. Уже съ самаго начала остается неяснымъ, почему культурнымъ фактамъ противопоставлены прагматическіе, а не политическіе факты, подъ которыми именно и разумѣются „дѣянія и событія" повѣствовательной исторіи прежняго типа. Трудно понять, на какомъ основаніи элементъ причинной связи предполагается болѣе свойственнымъ политической исторіи, нежели культурной, обнимающей умственную, нравственно-соціальную, экономическую и бытовую стороны человѣческой жизни. Авторъ, конечно, не отрицаетъ, что культурные факты, какъ, напр., появленіе новой религіи, открытіе Америки, изобрѣтеніе пороха и книгопечатанія,—суть также „дѣянія и событія" и въ такой же мѣрѣ связаны цѣпью причинъ и слѣдствій, какъ и военно-политическія предпріятія и приключенія, почти исключительно занимавшія историковъ въ прежнее время. Г. Карѣеву приходится пускать въ ходъ очень сложную діалектику, чтобы замаскировать неточность и безплодность дѣлаемаго имъ противопоставленія фактовъ прагматическихъ и культурныхъ. Онъ никакъ не можетъ провести границу между обоими разрядами фактовѣ; онъ вынужденъ признать, что обѣ смежныя сферы переплетаются между собою до того, что получается уже не взаимодѣйствіе, а простое совпаденіе или смѣшеніе. Съ одной стороны, „всѣ поступки людей (слѣдовательно относящіеся и къ области культуры?) суть факты прагматическіе, будутъ ли эти поступки громкіе и необычные, или, наоборотъ, самые заурядные и постоянные"; съ другой—„культурные факты немыслимы безъ человѣческихъ дѣятельностей, которыми они и держатся и измѣняются, ибо они суть и ихъ результаты, и формы, въ коихъ они совершаются, а каждый актъ всякой человѣческой дѣятельности есть событіе, которое или поддерживаетъ извѣстную культурную форму, или ее видоизмѣняетъ". Культура, по словамъ г. Карѣева, „обусловливаетъ собою поступки (событія) и сама отъ нихъ зависитъ", при чемъ „поступки, вызываясь поступками же и поступки же вызывая, кромѣ этихъ динамическихъ причинъ и слѣдствій, имѣютъ причины и слѣдствія статическія въ извѣстныхъ состояніяхъ, каковыми являются культурные факты". Такъ какъ состоянія бываютъ не только культурныя, но и политическія, а дѣйствія и событія, въ свою очередь, могутъ имѣть чисто-культурное значеніе, то дѣло запутывается и усложняется все болѣе и

болѣе. Фразеологія становится крайне сбивчивою и туманною, какъ можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго образчика: „События бываютъ въ двоякомъ отношеніи къ событіямъ помимо причинной связи, возможной между ними: или событіе подчинено состоянію, какъ совокупности повторяющихся фактовъ, т.-е. само принадлежитъ къ числу этихъ фактовъ, или же оно само подчиняетъ себѣ состояніе, если, будучи исключеніемъ, превращается въ правило, начиная новый рядъ повторяющихся фактовъ, благодаря подражанію, которое находитъ. Въ первомъ случаѣ событія сохраняютъ состоянія, не внося въ нихъ ничего новаго; во второмъ они измѣняютъ состоянія: событіе, коимъ намѣчается нѣчто новое, есть личная иниціатива, высшее проявленіе личности,—какъ отсутствіе иниціативы, наоборотъ, низводитъ личность на степень простого элемента надъ-органической среды, простой носительницы извѣстныхъ культурныхъ формъ, простой клѣточки „общественнаго организма" и т. д. Въ концѣ концовъ объявляется доказаннымъ положеніе, которое признавалось безспорнымъ въ началѣ книги,—именно, что культурно-историческій процессъ не есть безличная эволюція: „разъ событія, вызывающія перемѣны въ культурныхъ состояніяхъ суть поступки, дѣйствія, то настоящими агентами исторіи являются поступающіе, дѣйствующіе". Оказывается далѣе, что „прагматическій и культурный процессы не суть процессы параллельные, а суть процессы переплетающіеся, взаимно другъ на друга вліяющіе, при чемъ въ первомъ дѣйствуютъ личности (измѣняя и культуру?), а во второмъ—развиваются культурныя формы (и тоже дѣйствуютъ личности?)" [1]; но и эта истина ничего не прибавила къ тому, что извѣстно было и раньше. Правильное пониманіе исторіи, какъ науки, едва-ли подвигается впередъ отъ установленія такихъ и подобныхъ имъ истинъ относительно „историческаго процесса, взятаго совершенно отвлеченно".

Сочиненіе Лакомба въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаетъ историко-философскіе труды проф. Карѣева, но и значительно отличается отъ нихъ, къ выгодѣ послѣдняго. Нашъ почтенный историкъ все-таки даетъ читателю много полезныхъ литературно-критическихъ свѣденій и указаній, какихъ нѣтъ и въ поминѣ у французскаго автора. Лакомбъ не только не позаботился обставить свои разсужденія извѣстнымъ аппаратомъ учености, но обнаруживаетъ какъ бы намѣренную небрежность въ цитированіи нѣкоторыхъ книгъ безъ обозначенія ихъ заглавія и предмета. Сход-

[1] „Сущность историческаго процесса", стр. 609—611, а также 2—7.

ство съ г. Карѣевымъ касается лишь основного взгляда на способъ реформированія науки при помощи такъ называемыхъ соціологическихъ обобщеній. И въ книгѣ Лакомба нѣтъ никакого историческаго матеріала, подвергнутаго анализу, а есть только рядъ общихъ замѣчаній по разнымъ вопросамъ, имѣющимъ прямую или косвенную связь съ обычнымъ содержаніемъ исторіи. И Лакомбъ дѣлаетъ свои обобщенія a priori, не справляясь съ фактами, и понятія его о задачахъ и методѣ исторической науки еще болѣе смѣлы и такъ же оригинальны, какъ у г. Карѣева. Если г. Карѣевъ считаетъ возможнымъ создать особую „теорію исторіи" для установленія общихъ историческихъ истинъ помимо самой исторіи, то Лакомбъ идетъ гораздо далѣе: онъ предполагаетъ просто выбросить за бортъ обычное содержаніе исторической науки и замѣнить ее какою-то смѣсью соціологіи, психологіи и исторіи культуры. Подобно тому, какъ Бурдо̀ устраняетъ изученіе случайныхъ и индивидуальныхъ фактовъ или событій и ограничиваетъ задачу историка изслѣдованіемъ постоянныхъ явленій или „функцій", такъ и Лакомбъ ставитъ предметомъ науки только исторію учрежденій, и въ этомъ онъ существенно расходится съ г. Карѣевымъ.

Лакомбъ не вдается въ отвлеченности, не прибѣгаетъ къ діалектическимъ тонкостямъ, а съ первыхъ же страницъ ясно и безцеремонно формулируетъ свои реформаторскіе планы. Эрудиція, устанавливающая и разъясняющая факты прошлаго, не заслуживаетъ названія исторіи, по мнѣнію Лакомба; только мыслители, отыскивающіе общія черты сходства и постоянства въ массѣ историческихъ фактовъ, могутъ быть названы историками въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Научная исторія есть, по Лакомбу, не что̀ иное, какъ философія исторіи или соціологія; фактическій же матеріалъ исторіи, какъ ее понимаютъ обыкновенно, есть предметъ эрудиціи и не имѣетъ самъ по себѣ научнаго значенія. „Такъ какъ въ нашихъ глазахъ,—говоритъ авторъ,—существуютъ только два разряда трудовъ, посвященныхъ или изслѣдованію (исторической) дѣйствительности, или отысканію (исторической) истины,—эрудиція съ одной стороны, исторія или соціологія съ другой,—то мы могли бы повсюду, вмѣсто „исторіи", употреблять слово „соціологія", тѣмъ болѣе, что оно, повидимому, предназначено войти въ общее употребленіе. Мы рѣшились, однако, сохранить названіе исторіи. По причинамъ, которыхъ безполезно касаться здѣсь, соціологи до настоящаго времени съ особеннымъ пристрастіемъ изучали дикіе и варварскіе народы. Относительно этихъ народовъ они обладаютъ богатою и, насколько возможно,

точною эрудиціею. Но когда они доходятъ до цивилизованныхъ народовъ, до историческихъ націй, ихъ свѣденія оказываются явно недостаточными. Подъ титуломъ соціологіи моя книга рисковала бы прежде всего оттолкнуть людей, занимающихся эрудиціею или исторіею въ обычномъ смыслѣ этого слова. Между тѣмъ это сочиненіе, какъ мнѣ кажется, должно оказать услугу скорѣе историкамъ, чѣмъ соціологамъ". Въ самомъ дѣлѣ русскій переводчикъ вѣрнѣе озаглавилъ книгу, чѣмъ самъ авторъ: это въ дѣйствительности этюдъ не объ „исторіи, какъ наукѣ", а скорѣе о „соціологическихъ основахъ исторіи" [1]).

Въ сущности, какъ мы видимъ, Лакомбъ вовсе устраняетъ исторію, какъ особую науку, и прямо отождествляетъ ее съ соціологіею. Какимъ же образомъ можно смѣшать воедино обѣ эти науки, если каждая изъ нихъ имѣетъ свой особый предметъ и свое самостоятельное содержаніе? Напримѣръ, свѣденія о бытѣ дикарей не входятъ въ область исторіи, но должны занимать свое опредѣленное мѣсто въ соціологическихъ трактатахъ; и наоборотъ, для историка очень важны многіе факты, о которыхъ нѣтъ повода говорить въ соціологіи. Кто будетъ научно объяснять значеніе такихъ событій, какъ великое переселеніе народовъ или крестовые походы, если ихъ не будутъ касаться ученые спеціалисты по исторіи? Одни, „эрудиты", изучаютъ и излагаютъ фактическую сторону событій; другіе, историки-повѣствователи или художники, описываютъ ихъ въ рядѣ общихъ картинъ, дѣйствующихъ на чувство и настроеніе читателя; а объяснять внутреннюю связь и смыслъ этихъ событій будетъ уже некому, ибо, по мнѣнію Лакомба, научная исторія должна превратиться въ соціологію и отыскивать только общія соціологическія истины. Кромѣ исторіи-эрудиціи и исторіи художественной, авторъ допускаетъ только исторію-соціологію: никакихъ уступокъ онъ въ этомъ отношеніи не дѣлаетъ. Путь, который привелъ его къ этому категорическому выводу, очень простъ самъ по себѣ. Истинная наука, какъ физика или химія, имѣетъ дѣло только съ обобщеніями фактовъ, а не съ отдѣльными фактами въ ихъ индивидуальной и случайной обстановкѣ; поэтому и исторія, чтобы сдѣлаться наукою, должна отбросить все случайное и индивидуальное и заняться лишь исканіемъ обобщеній. Общія, повторяющіяся явленія, причины которыхъ установлены, получаютъ характеръ науч-

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что при переводѣ иностранныхъ книгъ на русскій языкъ необходимо было бы всегда приводить подлинныя ихъ заглавія, для избѣжанія недоразумѣній; тѣмъ болѣе это было обязательно въ данномъ случаѣ, когда переводчикъ измѣнилъ—хотя и вполнѣ удачно—французское заглавіе книги.

ныхъ положеній; единичные же факты не могутъ быть предметомъ знанія.

Еслибъ авторъ взялъ за образецъ не физику или химію, а геологію или даже астрономію, то онъ легко убѣдился бы въ неосновательности тѣхъ требованій, которыя онъ предъявляетъ къ исторіи, какъ наукѣ. Солнечныя пятна въ ихъ конкретной индивидуальности свойственны въ такомъ видѣ только солнцу, и они изучаются астрономомъ сами по себѣ, независимо отъ тѣхъ обобщеній, для которыхъ они могутъ послужить матеріаломъ; подробныя карты луны составляются не для того, чтобы обобщать добытыя свѣденія; геологическое строеніе Альпъ изслѣдуется наукою, несмотря на то, что Альпы имѣютъ свои индивидуальныя очертанія и особенности, которыя нигдѣ не повторяются. Нѣтъ повода изучать всевозможные случаи паденія тѣлъ въ разныхъ мѣстахъ земного шара; но если случаются обвалы, разрушающіе цѣлые города, то наука не можетъ оставить эти частные единичные факты безъ надлежащаго изученія и разъясненія. Наукѣ нечего дѣлать съ отдѣльными случаями переселенія людей или цѣлыхъ человѣческихъ группъ съ мѣста на мѣсто; но переселеніе народовъ, положившее начало новой исторической эпохѣ, въ Европѣ, несомнѣнно заслуживаетъ научнаго изслѣдованія во всей своей конкретной обстановкѣ. Исторія, хотя бы самая научная, можетъ давать только матеріалъ для научныхъ выводовъ и обобщеній; эти выводы и обобщенія составляютъ уже задачу соціологіи, какъ науки теоретической. Лакомбъ приложилъ къ исторіи мѣрку, пригодную только для абстрактныхъ наукъ, и эта грубая логическая ошибка побудила его смѣшать такія разнородныя отрасли знанія, какъ научная исторія и соціологія. Историки поступаютъ ненаучно, когда слишкомъ углубляются въ фактическія подробности событій, теряя изъ виду ихъ общую связь, или когда возводятъ извѣстные факты на степень законовъ; но еще болѣе ненаучно поступаетъ Лакомбъ, возлагая на историковъ обязанность отыскивать общія научныя истины, вмѣсто изученія историческихъ фактовъ.

Принявъ за исходную точку идею объ отвлеченной наукѣ, изучающей законы явленій, Лакомбъ совѣтуетъ ученымъ историкамъ пренебречь единичными фактами или „событіями" и обратить все вниманіе на „учрежденія", существующія у разныхъ народовъ и въ разное время. „Событіе, разсматриваемое какъ единичный фактъ,—говоритъ онъ,—не поддается дѣйствію науки, такъ какъ послѣдняя устанавливаетъ только сходныя и повторяющіяся явленія. Но съ другой стороны всякое учрежденіе имѣетъ

своимъ исходнымъ пунктомъ событіе, хотя не всѣ событія имѣютъ эту судьбу. Событіе, дающее начало какому-нибудь установленію, получаетъ на этомъ основаніи очевидное право войти въ исторію". Затѣмъ разрѣшается включать въ науку и такія событія, которыя только свидѣтельствуютъ о силѣ установленій, господствующихъ въ данное время. Дѣятелями исторіи являются люди, но каждый человѣкъ дѣйствуетъ троякимъ образомъ—какъ личность, какъ представитель своего времени и народа, и какъ человѣкъ вообще. Отдѣльныя личности, какъ Цезарь и Наполеонъ, не входятъ въ научную исторію; только человѣкъ вообще и человѣкъ временно-историческій могутъ быть причинами въ научномъ смыслѣ. „Только дѣйствія, совершаемыя въ необыкновенномъ порядкѣ большимъ количествомъ людей, имѣютъ научную причину. Эта истина упускалась изъ виду всѣми писателями по философіи исторіи, ибо они недостаточно отличали дѣйствія обычныя, т.-е. установленія, отъ событій". Почему же личный элементъ не можетъ быть предметомъ изслѣдованія? Потому что о случившемся или сдѣланномъ одинъ разъ нельзя сказать, что оно всегда влечетъ за собою одни и тѣ же послѣдствія, а въ наукѣ называется причиною лишь то, что̀ всегда предшествуетъ данному явленію; если же факты не обобщаются и не приводятся въ связь съ своими причинами, то они не имѣютъ никакого научнаго значенія. Между тѣмъ тотъ же личный элементъ, какъ источникъ извѣстныхъ установленій, пріобрѣтаетъ право гражданства въ научной исторіи; самыя установленія, составляющія истинный предметъ науки, суть только удавшіяся событія, по опредѣленію автора, т.-е. они порождаются и видоизмѣняются случайными и индивидуальными фактами, не поддающимися научному объясненію. Среди такихъ противорѣчій и недоразумѣній вращается вся аргументація Лакомба.

Утверждая вполнѣ справедливо, что для исторіи имѣетъ большое значеніе психологія, авторъ тутъ же дѣлаетъ бѣглый набросокъ общихъ психологическихъ истинъ, при чемъ руководствуется не столько научными данными, сколько внушеніями своего собственнаго здраваго смысла; онъ сочиняетъ на̀скоро свою особую психологію „человѣка вообще", какъ потомъ устанавливаетъ свою особую экономику и свою исторію культуры. „Человѣку вообще" присущи, по его словамъ, слѣдующія всеобщія и постоянныя побужденія и потребности: экономическія, половыя, симпатическія, честолюбивыя, артистическія и научныя. Въ числѣ потребностей, входящихъ въ группу экономическихъ, онъ упоминаетъ даже о „потребности дыханія" (!), о потребностяхъ физическаго упраж-

ненія, тѣлесной теплоты и сухости; эти потребности вызываютъ промышленную дѣятельность и создаютъ область „экономики". Подъ именемъ симпатическихъ чувствъ указывается и стремленіе человѣка „ненавидѣть и испытывать антипатію и борьбу". Человѣку свойственно еще „органическое сознаніе": „бываютъ часы, напримѣръ, послѣ хорошаго обѣда, когда чувство жизни дѣлается особенно интенсивнымъ; при этомъ проявляется какая-то горделивая радость, иногда довольно грубая. Нѣкоторые чувствуютъ тогда сильное удовольствіе въ томъ, чтобы перепрыгнуть черезъ ровъ, обуздать животное, разрушить какой-нибудь предметъ, выражая этимъ свою власть надъ природою". Въ связи съ этимъ желаніемъ чувствовать жизнь какъ можно сильнѣе находится еще одна „потребность, господствующая надъ всѣми другими,—потребность въ перемѣнѣ". Легко замѣтить, что изображаемый Лакомбомъ „человѣкъ вообще" незамѣтно принимаетъ видъ француза,—какъ это и естественно при первобытномъ методѣ французскаго автора.

Покончивъ съ психологіею, Лакомбъ распредѣляетъ потребности по степени ихъ крайности и объясняетъ значеніе неотложной нужды въ исторіи (слово „urgence" передано переводчикомъ не совсѣмъ удачно словомъ „безотлагательность"). На первомъ планѣ стоитъ потребность въ пищѣ и въ обезпеченіи тѣла отъ вредныхъ вліяній климата; отсюда первенствующая роль интереса экономическаго, матеріальнаго. Чувства симпатіи и чести постоянно побѣждаются этимъ могучимъ факторомъ жизни. „Повсюду, гдѣ люди не брезгаютъ мясомъ себѣ подобныхъ, родители часто съѣдаютъ своихъ дѣтей (?). Ребенка часто убиваютъ за причиненный ущербъ,—убиваютъ также ради экономіи, продаютъ, мѣняютъ на предметы необходимости или роскоши" и т. п. Нечего и говорить, что родъ человѣческій давно бы прекратился, еслибъ такое отношеніе къ дѣтямъ дѣйствительно преобладало въ первобытныя эпохи. Люди прежде всего стремятся къ обладанію имуществомъ; „созданіе богатства непремѣнно предшествуетъ какой бы то ни было культурѣ". Въ подтвержденіе этой истины Лакомбъ ссылается на „правило, признаваемое экономистами безспорнымъ" (а въ самомъ дѣлѣ давно подвергнутое спору),—что количество собраннаго богатства или капитала, существующее въ обществѣ, опредѣляетъ количество труда, которое будетъ сдѣлано. Когда экономическій интересъ сталкивается съ другими побужденіями, онъ всегда беретъ надъ ними верхъ, и религія, по мнѣнію Лакомба, не составляетъ исключенія въ этомъ случаѣ, вопреки распространенному взгляду многихъ идеалистовъ; такъ,

напр., люди вѣрили, что мертвые продолжаютъ жить и нуждаются въ пищѣ, и еслибы вѣрованія имѣли силу, которую имъ приписываютъ, то живущіе давали бы умершимъ ежедневно столько же яствъ, сколько употребляютъ сами, и давали бы не только отцу и дѣду, но всѣмъ вообще предкамъ, память которыхъ у нихъ сохранилась; но религіозныя требованія тотчасъ встрѣтили противодѣйствіе экономическихъ побужденій и безусловно уступили имъ, вслѣдствіе чего близкимъ умершимъ стали предлагать пищу только разъ или два раза въ годъ. Этотъ примѣръ доказываетъ впрочемъ совсѣмъ не то, что имѣлъ въ виду авторъ: отношеніе къ старикамъ могло быть вполнѣ равнодушное или черствое даже при жизни ихъ, и самая сильная вѣра въ ихъ загробное существованіе не создавала еще обязанности заботиться объ ихъ пищѣ. Если на стариковъ вообще смотрѣли какъ на лишнее бремя, то почему обычныя чувства къ нимъ должны были измѣниться послѣ ихъ смерти? На дѣлѣ попеченіе о предкахъ не только не сдерживалось, но напротивъ поощрялось эгоистическимъ разсчетомъ: духъ предка могъ помогать или вредить потомкамъ, и эта вѣра въ могущество умершихъ заставляла покупать ихъ расположеніе дарами и жертвами, ради собственной выгоды живущихъ. Лакомбъ невѣрно понялъ значеніе культа предковъ, и приведенный имъ доводъ вѣроятно только по недосмотру повторенъ г. Карѣевымъ безъ комментаріевъ въ отчетѣ о разбираемой книгѣ.

Обзоръ учрежденій или установленій сдѣланъ Лакомбомъ съ поразительнымъ легкомысліемъ: самые сложные и трудные вопросы рѣшаются имъ мимоходомъ въ нѣсколькихъ строчкахъ. Говоря прежде всего объ экономическихъ установленіяхъ, онъ предполагаетъ, что нынѣшнія понятія о трудѣ и капиталѣ, о собственности, о наймѣ земли и орудій производства, свойственны были человѣчеству во всѣ времена его существованія. „Къ несчастію,—говоритъ онъ далѣе,—человѣкъ для удовлетворенія своихъ потребностей прибѣгалъ не къ одному лишь труду; онъ вздумалъ (!) употреблять и силу. Появились воровство и убійство ради грабежа. Совершаемое между отдѣльными лицами, воровство представляетъ довольно важное явленіе, но для историка гораздо важнѣе употребленіе силы между народами: это милитаризмъ и война. На ряду съ пріобрѣтеніемъ имущества трудомъ, почти всѣ человѣческія группы пытались примѣнять противъ своихъ сосѣдей систему пріобрѣтенія насиліемъ, и съ своей стороны, по роковой необходимости, должны были отражать силу“. Въ военныхъ установленіяхъ есть также элементъ честолюбія,

но экономическій мотивъ—желаніе отнять у другихъ имущество —остается господствующимъ; поэтому,—заключаетъ авторъ,—милитаризмъ принадлежитъ къ области экономической, какъ способъ распредѣленія богатствъ. Подобное объясненіе милитаризма не заслуживаетъ даже разбора. Маленькое обстоятельство забыто Лакомбомъ,—что организація военныхъ силъ была всегда и вездѣ главнѣйшимъ орудіемъ политическаго владычества. Самъ же авторъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что воинственные инстинкты, сохранившіеся у цивилизованныхъ народовъ, совершенно чужды экономической основы. „Простой народъ (всякій вообще или главнымъ образомъ французскій?) еще любитъ войну; онъ похожъ въ этомъ отношеніи на дѣтей, всегда воинственныхъ; онъ любитъ войну, какъ поприще, на которомъ развиваются и выказываются основныя достоинства человѣка; ибо между цивилизованными націями побѣда не приноситъ выгодъ ни простому солдату, ни людямъ изъ народа; она уже не обогащаетъ ихъ. Идея-польза вполнѣ при этомъ отсутствуетъ". Не было поэтому и повода включать современный милитаризмъ и войну въ разрядъ экономическихъ установленій, по отдѣлу распредѣленія имуществъ. Столь же быстро оцѣниваетъ авторъ и другія области интересовъ—учрежденія семейныя, нравственныя и юридическія, установленія сословныя и общественныя, свѣтскія (!), политическія, художественно-литературныя и религіозныя. Уже въ этой классификаціи „установленій", какъ и во многихъ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ и обобщеніяхъ, явственно обрисовываются характерныя черты не „человѣка вообще", а современнаго французскаго и даже только парижскаго общества. Между прочимъ, стремленіе къ равенству и къ демократизму присуще будто бы отъ природы всѣмъ племенамъ и народамъ безъ изъятія; но природа, очевидно, плохо дѣйствуетъ, такъ какъ принципъ легальнаго равенства людей очень туго пробиваетъ себѣ дорогу въ культурномъ человѣчествѣ, съ конца прошлаго вѣка.

„Временно-историческій человѣкъ" служитъ, по Лакомбу, обязательнымъ предметомъ изученія для историковъ, тогда какъ „человѣкъ вообще" есть предметъ психологіи. По какимъ же признакамъ можно судить о людяхъ данной эпохи и народности? По степени цивилизаціи, т.-е. по состоянію богатства, нравственности и умственныхъ силъ, и по особымъ формамъ установленій. Что касается богатства, то авторъ предлагаетъ сравнивать различные историческіе періоды по большей или меньшей доступности и легкости удовлетворенія нашихъ потребностей. Напримѣръ, прежде зажечь огонь ночью было трудно и хлопотливо, а теперь у насъ

есть спички и лампы; нѣкогда путешествіе изъ Парижа въ Марсель было цѣлымъ предпріятіемъ и требовало около весьми дней, а теперь оно продолжается меньше сутокъ; поэтому мы несравненно богаче нашихъ предковъ. Богатѣйшій человѣкъ временъ Людовика XIV, Бернаръ, былъ ли онъ менѣе или болѣе богатъ, чѣмъ такой-то банкиръ нашихъ дней? Лакомбъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ безъ всякаго затрудненія: Бернаръ не могъ бы даже цѣною всего своего достоянія устроить переѣздъ изъ Парижа въ Марсель въ двадцать четыре часа, читать ежедневно нѣмецкую газету, не испытывать боли при хирургической операціи и т. п.; съ другой стороны, слѣдовало бы указать, было ли доступно Бернару что-нибудь такое, чего не могъ бы достигнуть современный банкиръ. Но авторъ упустилъ изъ виду, что при такомъ методѣ сравненія богачъ Бернаръ оказывается бѣднѣе не только нынѣшняго банкира, но и послѣдняго рабочаго нашей эпохи, ибо и пролетаріи пользуются теперь желѣзными дорогами, спичками, лампами, газетами, которыхъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи Бернаръ. Лакомбъ не принялъ во вниманіе относительности понятія о богатствѣ и перемѣнчивости самыхъ потребностей; многое, къ чему мы всѣ теперь привыкли и безъ чего обойтись не можемъ, было когда-то неизвѣстно и царямъ, а неизвѣстное не могло быть предметомъ желаній. Быстрота переѣздовъ не была потребностью, когда не существовало для нея способовъ, подобно тому какъ въ настоящее время мы не чувствуемъ потребности летать на воздушномъ шарѣ. Сознаніе богатства и связанной съ нимъ власти было вѣроятно сильнѣе у Бернара, чѣмъ у новѣйшихъ дѣльцовъ; тогда не было еще лихорадочной промышленной конкурренціи, не было нынѣшняго обилія капиталовъ и капиталистовъ, не было биржевыхъ колебаній и кризисовъ, не было также того чувства законности и отвѣтственности, которое мѣшаетъ теперь свободной практикѣ продажности. Краткія соображенія Лакомба о нравственныхъ и умственныхъ успѣхахъ такъ же слабы и поверхностны, какъ и разсужденія экономическія; для оцѣнки нравственности берутся предполагаемыя данныя о числѣ убійствъ, а для доказательства нашего умственнаго превосходства предъ древними проводится параллель между софизмами Аристотеля и логикою Милля,—хотя имѣть хорошіе учебники логики не значитъ еще обладать силою и искусствомъ логической мысли. Въ послѣднемъ убѣждаетъ отчасти и книга самого Лакомба.

Отъ „временно-историческаго человѣка“ Лакомбъ переходитъ почему-то къ дикарямъ, перечисляетъ важнѣйшія изобрѣтенія и ихъ результаты, говоритъ о языкѣ, употребленіи огня, о домаш-

нихъ животныхъ, о письменности, книгопечатаніи и машинахъ. Послѣ этой малосодержательной экскурсіи въ сферу исторіи культуры, авторъ возвращается къ вопросу о случайномъ и индивидуальномъ въ исторіи; наконецъ, въ заключительной части трактата онъ весьма пространно излагаетъ свои идеи о прогрессѣ, объ его причинахъ и условіяхъ. Каковы его аргументы, можно видѣть изъ двухъ примѣровъ, выбранныхъ нами на удачу. Бѣдствія рабочаго класса, по его мнѣнію, происходятъ отъ неразумнаго размноженія; появляется слишкомъ много существъ, для которыхъ не приготовлено средствъ къ жизни. „Размноженіе почти вполнѣ уничтожило огромныя преимущества и выгоды, достигнутыя массою изобрѣтеній во всѣхъ практическихъ искусствахъ и промыслахъ". Трудящіеся должны отказываться отъ удовольствія имѣть дѣтей; другого способа нѣтъ для облегченія судьбы рабочихъ, потому что не хватаетъ пищи для лишнихъ ртовъ. „Возьмите, напр., мясо. Опредѣлите количество продуктовъ, раздѣлите его на число потребителей, и вы получите величину, ничтожную до смѣшного. Доказательство ясно и рѣшительно". Никакихъ цифръ и фактовъ при этомъ не приводится, такъ что въ видѣ доказательства фигурируетъ голословное утвержденіе, неизвѣстно на чемъ основанное. Въ другомъ мѣстѣ авторъ принимаетъ теорію полнаго невмѣшательства за господствующую между экономистами; они предлагаютъ будто бы не мѣшать естественному ходу дѣлъ, который самъ собою приведетъ къ желанной гармоніи. Старая, столько разъ осмѣянная доктрина „laissez faire, laissez passer" кажется еще Лакомбу общепринятымъ положеніемъ и требованіемъ политической экономіи. И при подобномъ запасѣ экономическихъ свѣденій онъ проявляетъ наибольшее пристрастіе къ обсужденію именно экономическихъ вопросовъ, которымъ и удѣлено въ книгѣ гораздо больше мѣста, чѣмъ задачамъ исторіи и соціологіи.

Повторяемъ, — въ сочиненіи Лакомба нѣтъ матеріала для серьезной постановки вопроса о реформѣ исторической науки, и историку рѣшительно нечего дѣлать съ его бѣглыми очерками и обобщеніями, иногда не лишенными интереса, но большею частью крайне поверхностными и претенціозными. То, что есть полезнаго въ этой книгѣ, можно найти въ несравненно лучшей обработкѣ въ упомянутомъ выше трудѣ Бурдо и въ обстоятельныхъ этюдахъ нашего спеціалиста по философіи исторіи, г. Карѣева.

Л. Слонимскій.

СТИХОТВОРЕНІЕ

* * *

Вчера еще солнце улыбкою нѣжной
Поблекшую зелень ласкало,
Въ природѣ струился покой безмятежный,
И кротко въ ней жизнь угасала.

И клёнъ, наклоняясь, шептался съ березой,
Къ ногамъ ея листья роняя,
И грусть увяданья сливалася съ грёзой
О счастьѣ грядущаго мая...

А нынѣ, прощаясь, надъ мрачной землею
Печальное небо склонилось;
И вѣетъ могилой,—и траурной мглою
Недвижная роща покрылась.

Не шепчутся клёны, поникли березы
Подъ бременемъ думъ безотрадныхъ;
И капли по вѣткамъ стекаютъ какъ слезы,
Какъ слезы о дняхъ невозвратныхъ...

А. Колтоновскій.

НРАВСТВЕННОСТЬ

и

ПРАВО

I.

Въ курсѣ уголовнаго права проф. Н. С. Таганцева приводится между прочимъ слѣдующій прусскій эдиктъ 1739 г.:

„Ежели адвокатъ, или прокураторъ, или нѣчто тому подобное, осмѣлится самъ, или будетъ просить другого подать ихъ королевскому величеству какую-нибудь докладную записку, то ихъ королевскому величеству благоугодно, чтобы такое лицо было повѣшено безъ всякаго милосердія и чтобы рядомъ съ нимъ была повѣшена собака“.

Правомѣрность или законность такого эдикта не можетъ подлежать сомнѣнію, и столь же несомнѣнно его несогласіе съ основнымъ нравственнымъ требованіемъ справедливости, — несогласіе какъ бы намѣренно подчеркнутое распространеніемъ уголовной отвѣтственности адвоката или прокуратора на ни въ чемъ уже неповинную собаку. Подобные, хотя и не столь яркіе случаи несоотвѣтствія между нравственностью и положительнымъ правомъ, между справедливостью и закономъ, составляютъ явленіе обычное въ исторіи. Какъ же къ этому отнестись, на какую сторону стать въ этомъ столкновеніи двухъ главныхъ началъ практической жизни? Повидимому отвѣтъ ясенъ: нравственныя требованія имѣютъ въ себѣ ту безусловную внутреннюю обязательность, которая на первый взглядъ совершенно отсутствуетъ въ постановленіяхъ права поло-

жительнаго. Отсюда многіе заключали и заключаютъ, что вопросъ объ отношеніи между нравственностью и правомъ разрѣшается простымъ отрицаніемъ права какъ должнаго или обязательнаго начала нашихъ дѣйствій; всѣ человѣческія отношенія, согласно этому мнѣнію, должны быть сведены къ взаимодѣйствіямъ чисто-нравственнымъ, а область правовыхъ или законныхъ отношеній и опредѣленій должна быть отвергнута всецѣло.

Такое заключеніе чрезвычайно легко, но зато и совершенно легкомысленно. Этотъ „антиномизмъ" (противозаконничество), исходя изъ безусловнаго противоположенія нравственности и права, никогда не подвергалъ и не подвергаетъ самое это свое основное предположеніе сколько-нибудь послѣдовательной и углубленной критикѣ.

Противорѣчіе нравственнымъ требованіямъ въ такихъ формально-правомѣрныхъ явленіяхъ, какъ вышеприведенный эдиктъ прусскаго короля,—слишкомъ очевидно. Но нѣтъ ли въ нихъ противорѣчія и требованіямъ самого права? Возможность такого противорѣчія между формальною правомѣрностью извѣстныхъ дѣйствій и сущностью права станетъ понятнѣе для читателей, если я укажу на дѣйствительномъ примѣрѣ аналогическое противорѣчіе между формально-нравственнымъ характеромъ дѣйствія и существомъ нравственности.

Недавно,—какъ сообщали газеты,—среди Москвы, на Никольской улицѣ, около часовни св. Пантелеймона толпа народа чуть не до смерти избила и искалѣчила женщину, заподозрѣнную въ наведеніи болѣзни на мальчика посредствомъ заколдованнаго яблока. Эти люди дѣйствовали безъ всякихъ корыстныхъ цѣлей и внѣшнихъ соображеній, у нихъ не было никакой личной вражды къ этой женщинѣ и никакого личнаго интереса въ ея избіеніи; единственнымъ ихъ побужденіемъ было сознаніе, что такое вопіющее злодѣяніе, какъ отравленіе посредствомъ колдовства, должно получить справедливое возмездіе. Такимъ образомъ нельзя отнять у этого дѣла характеръ формально-нравственный, хотя всякій согласится, что по существу оно было совершенно безнравственнымъ. Но если тотъ фактъ, что возмутительныя злодѣянія могутъ совершаться по чисто-нравственнымъ побужденіямъ, не приводитъ насъ къ отрицанію самой нравственности, то на какомъ же основаніи такія, по существу неправыя, хотя и правомѣрныя, постановленія, какъ прусскій эдиктъ 1739 г., кажутся намъ достаточными для отверженія права? Если въ злодѣяніи на Никольской улицѣ виноватъ не самый нравственный принципъ, а только недостаточная степень развитія нравственнаго сознанія у полу-

дикой толпы, то и въ нелѣпомъ прусскомъ законѣ виновата никакъ не сама идея права или закона, а только слабая степень правового сознанія у короля Фридриха-Вильгельма.

Дѣйствительное противорѣчіе и несовмѣстимость существуютъ не между правомъ и нравственностью, а между различными состояніями какъ правового, такъ и нравственнаго сознанія. А что независимо отъ этихъ состояній и ихъ фактическихъ проявленій существуютъ и въ правовой области, какъ и въ области нравственной, существенныя и незыблемыя нормы,—въ этомъ невольно сознается даже духъ лжи, легкомысленно и софистически нападающій на правовѣденіе:

Законы и права̀, наслѣдственнымъ недугомъ,
По человѣчеству идутъ,
Ихъ повсемѣстно, другъ за другомъ,
Всѣ поколѣнія несутъ.
Въ нелѣпость разумъ превратился,
И милость стала вдругъ бѣдой.
Страдай, коль внукомъ ты явился!
О правѣ томъ, съ которымъ всякъ родился,
О немъ нѣтъ рѣчи никакой.

И Мефистофель признаетъ это естественное право, жалуясь только, что о немъ нѣтъ рѣчи. Но на самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ именно о немъ каждый разъ, когда вообще говорится о какихъ бы то ни было правовыхъ отношеніяхъ. Нельзя судить или оцѣнивать какой-нибудь фактъ изъ правовой области, какое-нибудь проявленіе права, если не имѣть общей идеи права или его нормы. Этою идеею, или нормой, пользуется самъ Мефистофель, когда говоритъ, что извѣстные права и законы изъ разумныхъ стали безсмысленными, изъ благодѣтельныхъ—вредными. Онъ указываетъ при этомъ только на одну сторону дѣла, именно на такъ-называемый консерватизмъ въ правѣ. И это явленіе имѣетъ свои разумныя основанія, а проистекающія изъ него неудобства, на которыя исключительно указываетъ Мефистофель, устраняются другимъ явленіемъ, о которомъ духъ лжи не упоминаетъ, имѣя на то свои основанія,—именно явленіемъ постепеннаго возвышенія правового сознанія и дѣйствительнаго улучшенія правовыхъ установленій. Этотъ несомнѣнный прогрессъ въ правѣ можетъ быть показанъ даже на томъ примѣрѣ, съ котораго я началъ,—и не въ томъ только смыслѣ, что такія узаконенія, какъ прусскій эдиктъ 1739 г., сдѣлались совершенно невозможными во всякой европейской странѣ,—и смертная казнь даже за несомнѣнныя и величайшія злодѣянія давно осуждена правовымъ

сознаніемъ,—но еще и въ томъ, что этотъ эдиктъ представлялъ, съ другой стороны, безспорный прогрессъ сравнительно съ тѣми порядками, которые господствовали раньше въ томъ же Бранденбургѣ или въ той же Помераніи, какъ и въ прочей Европѣ, когда всякій сильный баронъ могъ спокойно умерщвлять мирныхъ людей изъ личной мести или ради завладѣнія ихъ имуществомъ; тогда какъ при отцѣ Фридриха Великаго во всей странѣ лишить жизни человѣка могла только власть одного короля, не имѣвшаго притомъ никакихъ личныхъ или своекорыстныхъ цѣлей; ясно въ самомъ дѣлѣ, что при сочиненіи своего эдикта Фридрихъ-Вильгельмъ былъ заинтересованъ только въ подавленіи ябедничества и кляузничества чрезъ угрозу казни, а никакъ не въ дѣйствительномъ отнятіи жизни у адвокатовъ, прокураторовъ и собакъ. Тѣ бароны въ своихъ насиліяхъ были несомнѣнно убійцами и грабителями, тогда какъ онъ и въ этомъ возмутительномъ эдиктѣ дѣйствовалъ все-таки какъ блюститель правосудія, хотя и на довольно низкой ступени правового сознанія.

Но уже это различіе степеней, этотъ дѣйствительный прогрессъ въ правѣ, неуклонное тяготѣніе правовыхъ положеній къ правовымъ нормамъ, сообразнымъ, хотя и не тождественнымъ, съ нравственными требованіями, достаточно показываетъ, что между этими двумя началами существуетъ не одно только отрицательное отношеніе, и что отдѣлываться отъ всей области юридическихъ явленій и задачъ легкимъ способомъ простого и пустого отрицанія непозволительно даже съ точки зрѣнія самой нравственности.

II.

Взаимное отношеніе между нравственною областью и правовою есть одинъ изъ коренныхъ вопросовъ практической философіи. Это есть въ сущности вопросъ о связи между идеальнымъ нравственнымъ сознаніемъ и дѣйствительною жизнью; отъ положительнаго пониманія этой связи зависитъ жизненность и плодотворность самого нравственнаго сознанія. Правомъ и его воплощеніемъ—государствомъ—обусловлена реальная организація нравственной жизни въ цѣломъ человѣчествѣ, и при отрицательномъ отношеніи къ праву какъ такому, при полномъ отдѣленіи правовыхъ понятій и учрежденій отъ этической области, нравственная проповѣдь остается въ лучшемъ случаѣ только невиннымъ пустословіемъ.

Впрочемъ, для вполнѣ послѣдовательнаго разобщенія между правомъ и нравственностью, нужно было бы отказаться даже отъ самаго слова человѣческаго, которое на всѣхъ языкахъ непреложно свидѣтельствуетъ о коренной внутренней связи этихъ двухъ идей. Понятіе права и соотносительное съ нимъ понятіе обязанности настолько входятъ въ область идей нравственныхъ, что прямо могутъ служить для ихъ выраженія. Всякому понятны и никѣмъ не будутъ оспариваться такія этическія утвержденія: я сознаю свою *обязанность* воздерживаться отъ всего постыднаго, или, чтò тоже, признаю за человѣческимъ достоинствомъ (въ моемъ лицѣ) *право* на мое уваженіе; я *обязанъ* по мѣрѣ силъ помогать своимъ ближнимъ и служить общему благу, т.-е. мои ближніе и цѣлое общество имѣютъ *право* на мою помощь и службу; наконецъ, я *обязанъ* согласовать свою волю съ тѣмъ, чтò считаю безусловно-высшимъ, или—другими словами—это безусловно-высшее имѣетъ *право* на религіозное отношеніе съ моей стороны (на чемъ первоначально и основано всякое богопочитаніе).

Нѣтъ такого нравственнаго отношенія, которое не могло бы быть правильно и общепонятно выражено въ терминахъ правовыхъ. Чтò можетъ быть дальше, повидимому, отъ всего юридическаго, какъ любовь къ врагамъ? И однако если высшій *законъ обязываетъ* меня любить враговъ, то ясно, что мои враги имѣютъ *право* на мою любовь. Если я имъ отказываю въ любви, то я поступаю несправедливо, нарушаю *правду*. Вотъ терминъ, въ которомъ одномъ воплощается существенное единство юридическаго и нравственнаго принциповъ [1]). Ибо чтò такое право, какъ не выраженіе правды, а съ другой стороны, къ той же правдѣ или справедливости, т.-е. къ тому, чтò должно или правильно въ смыслѣ этическомъ, сводятся и всѣ добродѣтели [2]). Тутъ дѣло идетъ не о случайной одинаковости терминовъ, а о существенной однородности самыхъ понятій.

Изо всего этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы сферы права и нравственности совпадали одна съ другою, и чтобы можно было смѣшивать этическія и юридическія понятія. Неоспоримо только

---

[1]) На всѣхъ языкахъ нравственныя и юридическія понятія выражаются словами, или одинаковыми, или производимыми отъ одного корня. Русское „долгъ“, также какъ лат. debitum (откуда франц. devoir), равно и нѣм. Schuld, имѣютъ и нравственное, и правовое значеніе; δίκη и δικαιοσύνη, jus и justitia, какъ „русское право“ и „правда“, нѣм. Recht и Gerechtigkeit, англ. right и righteousness различаютъ эти два значенія только приставками; ср. также еврейское цѐдек и цедакá.

[2]) См. статью „О добродѣтеляхъ“ въ майской кн. „Вопр. филос. и психол.“ за 1895 г.

то, что между этими двумя областями есть положительная и тѣсная внутренняя связь, не позволяющая отрицать одну изъ нихъ во имя другой. Спрашивается только, въ чемъ именно состоитъ эта связь и въ чемъ различіе этихъ двухъ областей.

III.

Когда мы говоримъ о нравственномъ правѣ и нравственной обязанности, то тѣмъ самымъ устраняется, съ одной стороны, всякая мысль о коренной противоположности или несовмѣстимости нравственнаго и юридическаго начала, а съ другой стороны, указывается и на существенное различіе между ними, такъ какъ, обозначая данное право (напр., право моего врага на мою любовь) какъ *нравственное*, мы подразумѣваемъ, что есть кромѣ нравственнаго еще другое право, которому нравственный характеръ не принадлежитъ какъ его прямое и ближайшее опредѣленіе. И въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ, съ одной стороны, мою обязанность любить враговъ съ ихъ соотвѣтствующимъ нравственнымъ правомъ на мою любовь, а съ другой стороны, возьмемъ мою обязанность платить въ срокъ по векселю, или мою обязанность не убивать и не грабить своихъ ближнихъ при ихъ соотвѣтствующемъ правѣ не быть убитыми, ограбленными или обманутыми мною, то между этими двумя родами отношеній очевидна существенная разница, и только второй изъ нихъ принадлежитъ къ праву въ собственномъ или тѣсномъ смыслѣ.

Различіе сводится здѣсь къ тремъ главнымъ пунктамъ.

1) Чисто-нравственное требованіе, какъ, напр., любовь къ врагамъ, есть по существу неограниченное или всеобъемлющее; оно предполагаетъ нравственное совершенство или по крайней мѣрѣ неограниченное стремленіе къ совершенству. Всякое ограниченіе, принципіально допущенное, противно природѣ нравственной заповѣди и подрываетъ ея достоинство и значеніе: кто отказывается отъ безусловнаго идеала, тотъ отказывается отъ самой нравственности, покидаетъ нравственную почву. Напротивъ того, законъ собственно-правовой по существу ограниченъ; вмѣсто совершенства онъ требуетъ низшей, минимальной степени нравственнаго состоянія, лишь фактической задержки извѣстныхъ проявленій безнравственной воли. Ясно, однако, что эта противоположность не есть противорѣчіе, ведущее къ реальному столкновенію. Съ нравственной стороны нельзя отрицать, что требованіе добросовѣстнаго исполненія долговыхъ обязательствъ, воздержанія

отъ убійствъ, грабежей и т. п., есть требованіе хотя и элементарнаго, но все-таки добра, а не зла, и что если мы должны любить враговъ, то и подавно должны уважать жизнь и имущество всѣхъ нашихъ ближнихъ, и безъ исполненія этихъ низшихъ требованій нельзя исполнить высшихъ заповѣдей; а со стороны правовой хотя законъ гражданскій или уголовный не требуетъ высшаго нравственнаго совершенства, но и не отрицаетъ его, и, запрещая кому бы то ни было убивать и обманывать, онъ не можетъ, да и не хочетъ мѣшать кому угодно любить своихъ враговъ. Такимъ образомъ, по этому первому пункту отношеніе между двумя началами практической жизни можетъ быть выражено только такъ, что *право есть низшій предѣлъ или опредѣленный минимумъ нравственности.*

2) Изъ неограниченной природы чисто-нравственныхъ требованій вытекаетъ и второе отличіе, именно то, что исполненіе ихъ не обусловливается непремѣнно, а также и не исчерпывается никакими опредѣленными внѣшними проявленіями или матеріальными дѣйствіями. Заповѣдь о любви къ врагамъ не указываетъ, что̀ именно должно дѣлать въ силу этой любви, и ее можно исполнять даже ничего совсѣмъ не дѣлая (т.-е. ничего внѣшняго), если, напримѣръ, нѣтъ случая встрѣтиться съ врагомъ или вступить съ нимъ въ какія-нибудь реальныя отношенія,—а вмѣстѣ съ тѣмъ если и приходится выражать свою любовь опредѣленными дѣйствіями, то нравственная заповѣдь не можетъ считаться уже исполненною этими дѣйствіями и не требующею уже ничего больше,—исполненіе этой заповѣди, какъ выраженія абсолютнаго совершенства, остается безконечнымъ. Напротивъ того юридическимъ закономъ предписываются или запрещаются вполнѣ опредѣленныя внѣшнія дѣйствія, совершеніемъ или несовершеніемъ которыхъ этотъ законъ удовлетворяется, не требуя ничего дальше: если я досталъ въ срокъ должныя деньги и передалъ ихъ кредитору, если я никого физически не убилъ и не ограбилъ и т. д., то законъ удовлетворенъ мною, и ему ничего больше отъ меня не нужно. И въ этой противоположности между нравственнымъ и юридическимъ закономъ нѣтъ никакого противорѣчія: требованіе нравственнаго настроенія не исключаетъ внѣшнихъ поступковъ, также какъ и предписаніе опредѣленныхъ дѣйствій нисколько не отрицаетъ соотвѣтствующихъ имъ внутреннихъ состояній. И нравственный, и юридическій законъ—относится собственно къ внутреннему существу человѣка, къ его волѣ, но первый беретъ эту волю въ ея общности и всецѣлости, а второй—лишь въ ея частичной реализаціи по отношенію къ

извѣстнымъ внѣшнимъ фактамъ, составляющимъ собственный интересъ права, каковы неприкосновенность жизни и имущества всякаго человѣка и т. д. Съ точки зрѣнія юридической важно именно объективное выраженіе моей воли въ совершеніи или недопущеніи извѣстныхъ дѣяній. Это есть другой существенный признакъ права, и если оно первоначально опредѣлилось какъ извѣстный минимумъ нравственности, то, дополняя это опредѣленіе, мы можемъ сказать, что право есть требованіе *реализаціи* этого минимума, т.-е. *осуществленія опредѣленнаго минимальнаго добра*, или, что̀ то же, дѣйствительнаго устраненія извѣстной доли зла,—тогда какъ интересъ собственно-нравственный относится непосредственно не къ внѣшней реализаціи добра, а къ его внутреннему существованію въ сердцѣ человѣческомъ.

3) Черезъ это второе различіе проистекаетъ и третье. Требованіе нравственнаго совершенства какъ внутренняго состоянія предполагаетъ свободное или добровольное исполненіе,—всякое принужденіе не только физическое, но и психологическое здѣсь по существу дѣла и нежелательно, и невозможно; напротивъ, внѣшнее осуществленіе извѣстнаго закономѣрнаго порядка допускаетъ прямое или косвенное *принужденіе*, и поскольку здѣсь прямою и ближайшею цѣлью признается именно реализація, внѣшнее осуществленіе извѣстнаго блага,—напримѣръ, общественной безопасности,—постольку принудительный характеръ закона становится необходимостью; ибо никакой искренній человѣкъ не станетъ серьезно увѣрять, что однимъ словеснымъ убѣжденіемъ можно сразу прекратить всѣ убійства, мошенничества и т. д.

IV.

Соединяя вмѣстѣ указанные три признака, мы получаемъ слѣдующее опредѣленіе права въ его отношеніи къ нравственности: *право есть принудительное требованіе реализаціи опредѣленнаго минимальнаго добра, или порядка, не допускающаго извѣстныхъ проявленій зла.*

Теперь спрашивается: на чемъ основано такое требованіе, и совмѣстимъ ли этотъ принудительный порядокъ съ порядкомъ чисто-нравственнымъ, который повидимому самымъ существомъ своимъ исключаетъ всякое принужденіе? Разъ совершенное добро̀ утверждается въ сознаніи какъ идеалъ, то не слѣдуетъ ли предоставить каждому свободно реализовать его въ мѣру своихъ возможностей? Зачѣмъ возводить въ законъ принудительный мини-

мумъ нравственности, когда требуется свободно исполнять ея максимумъ? Зачѣмъ съ угрозою объявлять: не убей,—когда слѣдуетъ кротко внушать: не гнѣвайся?

Все это было бы справедливо, еслибы совершенное добро состояло въ эгоистическомъ безстрастіи, или равнодушіи къ страданіямъ ближнихъ. Но такъ какъ въ истинное понятіе добра непремѣнно входитъ альтруистическое начало, т.-е. состраданіе къ бѣдствіямъ другихъ и обязанность дѣятельно избавлять ихъ отъ зла, или помогать имъ, то нравственная задача никакъ не можетъ ограничиваться однимъ сознаніемъ и возвѣщеніемъ совершеннаго идеала. Пока одни стали бы добровольно стремиться къ этому идеалу и совершенствоваться въ безстрастіи, другіе безпрепятственно упражнялись бы въ совершеніи всевозможныхъ злодѣйствъ и, конечно, истребили бы первыхъ прежде, чѣмъ тѣ могли бы достигнуть высокой степени нравственнаго совершенства. Дѣйствительное нравственное сознаніе, какъ и простой инстинктъ самосохраненія въ человѣчествѣ, не могутъ допустить такого хаотическаго состоянія.

Нравственный интересъ требуетъ личной свободы, какъ условія, безъ котораго невозможно высшее нравственное развитіе. Но человѣкъ не можетъ существовать, а слѣдовательно и развивать свою свободу и нравственность, иначе, какъ въ обществѣ. Итакъ, нравственный интересъ требуетъ, чтобы личная свобода не противорѣчила условіямъ существованія общества. Этой цѣли не можетъ служить идеалъ нравственнаго совершенства, поставленный для свободнаго личнаго достиженія, ибо онъ съ одной стороны даетъ слишкомъ много, а съ другой стороны слишкомъ мало,—слишкомъ много въ смыслѣ требованія и слишкомъ мало въ смыслѣ исполненія. Этотъ идеалъ требуетъ отъ признающаго его любви къ врагамъ, но онъ не можетъ заставить *непризнающаго* его требованій воздерживаться хотя бы только отъ убійствъ и грабежей. Но существованіе общества зависитъ не отъ совершенства нѣкоторыхъ, а отъ безопасности всѣхъ. Эта безопасность, не обезпеченная закономъ нравственнымъ, который не существуетъ для людей съ преобладающими противообщественными инстинктами, ограждается закономъ принудительнымъ, который имѣетъ дѣйствительную силу и для нихъ.

Нравственный принципъ требуетъ, чтобы люди свободно совершенствовались; но для этого необходимо существованіе общества; но общество не можетъ существовать, если всякому желающему предоставляется безпрепятственно убивать и грабить своихъ ближнихъ; слѣдовательно принудительный законъ, дѣйствительно

не допускающій злую волю до такихъ крайнихъ проявленій, разрушающихъ общество, есть необходимое условіе нравственнаго совершенствованія и, какъ такое, требуется самимъ нравственнымъ принципомъ, хотя и не есть его прямое выраженіе.

Положимъ, высшая нравственность (съ аскетической своей стороны) требуетъ, чтобы я былъ равнодушенъ къ тому, что меня убьютъ, искалѣчатъ или ограбятъ. Но та же высшая нравственность (съ альтруистической стороны) не позволяетъ мнѣ быть равнодушнымъ къ тому, чтобы мои ближніе безпрепятственно становились убійцами и убіенными, грабителями и ограбленными, и чтобы общество, безъ котораго и единичный человѣкъ не можетъ жить и совершенствоваться, подвергалось опасности разрушенія. Такое равнодушіе было бы явнымъ признакомъ нравственной смерти.

Требованіе личной свободы, для собственнаго своего осуществленія, предполагаетъ стѣсненіе этой свободы, поскольку она въ данномъ состояніи человѣчества несовмѣстима съ существованіемъ общества, или общимъ благомъ. Эти два интереса, противоположные для отвлеченной мысли, но одинаково обязательные нравственно, въ дѣйствительности сходятся между собою. Изъ ихъ встрѣчи рождается право.

V.

Принципъ права можетъ разсматриваться отвлеченно, и тогда онъ есть лишь прямое выраженіе справедливости: я утверждаю мою свободу какъ право, поскольку признаю свободу другихъ, какъ ихъ право. Но въ понятіи права непремѣнно заключается, какъ мы видѣли, элементъ объективный, или требованіе реализаціи: необходимо, чтобы право имѣло силу всегда осуществляться, т.-е., чтобы свобода другихъ, независимо отъ моего субъективнаго ея признанія или отъ моей личной справедливости, всегда могла на дѣлѣ ограничивать мою свободу въ равныхъ предѣлахъ со всѣми. Это требованіе справедливости принудительной привносится изъ идеи общаго блага или общественнаго интереса, для котораго непремѣнно нужно, чтобы справедливость была реальнымъ фактомъ, а не идеей только. Степень и способы этой реализаціи зависятъ, конечно, отъ состоянія нравственнаго сознанія въ данномъ обществѣ и отъ другихъ историческихъ условій. Такимъ образомъ, право естественное становится правомъ положительнымъ и опредѣляется съ этой точки зрѣнія такъ: *право есть исторически-подвижный предѣлъ принудительнаго равновѣсія двухъ нравственныхъ интересовъ—личной свободы и общаго блага.*

Было бы пагубнымъ смѣшеніемъ понятій думать, что право имѣетъ въ виду равновѣсіе частныхъ интересовъ, или то, что называется распредѣлительною справедливостью. Праву до этого нѣтъ никакого дѣла. Когда богатый кредиторъ отбираетъ послѣднее достояніе у бѣднаго должника, то ясно, что частные интересы этихъ людей не находятся въ равновѣсіи,—оно нарушено въ одну сторону. Но для права вопросъ о степени матеріальнаго благосостоянія тѣхъ или другихъ лицъ вовсе не существуетъ, оно заинтересовано только двумя главными концами человѣческой жизни—свободою лица и благомъ общества, и, ограничиваясь этимъ, не внося своего принудительнаго элемента въ частныя отношенія, оно лучше всего служитъ самой нравственности. Ибо человѣкъ долженъ быть нравственнымъ свободно, а для этого нужно, чтобы ему была предоставлена и нѣкоторая *свобода быть безнравственнымъ*. Право обезпечиваетъ за нимъ эту свободу, нисколько, впрочемъ, не склоняя пользоваться ею. Еслибы кредиторъ не имѣлъ принудительнаго права взыскивать свои деньги съ должника, то онъ не имѣлъ бы и возможности свободнымъ нравственнымъ актомъ отказаться отъ этого права и простить бѣдному человѣку его долгъ. Съ другой стороны, только гарантія принудительнаго исполненія свободно принятаго обязательства сохраняетъ для должника свободу и равноправность по отношенію къ кредитору: онъ зависитъ не отъ его воли, а отъ своего рѣшенія и отъ общаго закона. Интересъ личной свободы совпадаетъ здѣсь съ интересомъ общаго блага, такъ какъ безъ обезпеченности свободныхъ договоровъ не можетъ существовать правильная общественная жизнь.

Еще яснѣе совпаденіе обоихъ нравственныхъ интересовъ въ области права уголовнаго. Ясно, что свобода каждаго человѣка или его естественное право жить и совершенствоваться было бы пустымъ словомъ, еслибы они зависѣли отъ произвола всякаго другого человѣка, которому захочется убить или искалѣчить своего ближняго, или отнять у него средства къ существованію. И если я имѣю нравственное право отстаивать свою свободу и безопасность отъ покушеній чужой злой воли, то отстаивать противъ нея другихъ есть моя нравственная обязанность; эта общая всѣмъ обязанность и исполняется закономъ уголовнымъ.

Но, ограждая свободу мирныхъ гражданъ, уголовное право оставляетъ достаточный просторъ и для дѣйствія злыхъ страстей и не принуждаетъ никого быть добродѣтельнымъ. Злобный человѣкъ можетъ, если хочетъ, проявлять свою злобу въ злословіи, интригахъ, клеветахъ, ссорахъ и т. д. Только тогда, когда злая

воля, покушаясь на объективныя, такъ сказать, публичныя права ближнихъ, грозитъ безопасности самого общества, тогда только интересъ общаго блага, совпадающій съ интересомъ свободы мирныхъ людей, долженъ ограничить свободу злодѣя. Право въ интересѣ свободы не мѣшаетъ людямъ быть злыми, не вмѣшивается въ ихъ свободный выборъ между добромъ и зломъ; оно только въ интересѣ общаго блага препятствуетъ злому человѣку стать *злодѣемъ*, опаснымъ для самаго существованія общества. Задача права вовсе не въ томъ, чтобы лежащій во злѣ міръ обратился въ Царствіе Божіе, а только въ томъ, чтобы онъ—до времени не превратился въ адъ.

VI.

Въ области уголовнаго (какъ и гражданскаго) права, свобода одного лица ограничивается не частнымъ или субъективнымъ интересомъ другого лица, а общимъ благомъ. Многіе чувствительные и самолюбивые люди согласились бы лучше быть ограбленными или даже искалѣченными, нежели подвергаться тайному злословію, клеветѣ и безсердечнымъ осужденіямъ. А потому еслибы право имѣло въ виду огражденіе частнаго интереса, какъ такого, то оно должно бы въ этихъ случаяхъ ограничивать свободу клеветниковъ и ругателей еще болѣе, нежели свободу грабителей и членовредителей. Но оно этого не дѣлаетъ, такъ какъ для безопасности общества словесныя злодѣянія не такъ важны и не показываютъ такую угрожающую степень злой воли, какъ злодѣянія противъ тѣлесной и имущественной неприкосновенности. Еслибы даже было желаніе, то не было бы возможности для закона принимать во вниманіе всѣ формы и оттѣнки индивидуальной чувствительности къ обидамъ. Да это было бы и несправедливо, ибо никакъ нельзя доказать, что обидчикъ имѣлъ въ виду причинить именно ту высокую степень страданія, которая оказалась на дѣлѣ. *Общее* право можетъ руководствоваться только опредѣленными намѣреніями и объективными дѣяніями, допускающими общедоступную провѣрку. Къ тому же обиженный (въ случаяхъ, не подлежащихъ уголовной отвѣтственности) можетъ, если хочетъ, мстить обидчику тѣми же частными средствами,—его свобода уважается здѣсь такъ же, какъ и свобода его противника; а если онъ нравственно выше его и не считаетъ мщеніе для себя позволительнымъ, то онъ все равно не обратился бы къ внѣшнему закону, несмотря на всю свою чувствительность къ обидѣ;

и если онъ отказывается отъ личнаго мщенія, то тѣмъ лучше для него, да и для общества, которому предоставляется свободно высказывать свое нравственное сужденіе. Для юридической оцѣнки важна не злая воля сама по себѣ и не результатъ дѣянія самъ по себѣ, который можетъ быть и случайнымъ, а только связь намѣренія съ результатомъ или степень реализаціи злой воли въ дѣяніи, такъ какъ эта степень реализаціи и соотвѣтствующая степень опасности для общества подлежатъ объективному опредѣленію; такъ въ случаѣ преднамѣреннаго убійства, совершившагося, или же хотя и остановленнаго, но по независящимъ отъ преступника обстоятельствамъ, ясно, что въ этомъ человѣкѣ злая воля способна къ своей реализаціи, несовмѣстимой съ общественною безопасностью и съ личною свободою.

VII.

Такъ какъ сущность права состоитъ въ равновѣсіи нравственнаго интереса личной свободы и нравственнаго интереса общаго блага, то ясно, что этотъ послѣдній интересъ можетъ только ограничивать первый, но ни въ какомъ случаѣ не упразднять его, ибо тогда очевидно равновѣсіе было бы нарушено. Поэтому мѣры противъ преступника никакъ не могутъ доходить до лишенія его жизни или до отнятія у него свободы навсегда. Слѣдовательно, законы, допускающіе смертную казнь, безсрочную каторгу или безсрочное одиночное заключеніе, не могутъ быть оправданы съ точки зрѣнія юридической,—они противорѣчатъ самому существу права. Притомъ утвержденіе, что общее благо требуетъ въ извѣстныхъ случаяхъ окончательнаго упраздненія даннаго лица, представляетъ и внутреннее логическое противорѣчіе. Общее благо потому и есть общее, что оно въ извѣстномъ смыслѣ содержитъ въ себѣ благо всѣхъ отдѣльныхъ лицъ безъ исключенія, — иначе оно было бы только благомъ большинства. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы оно состояло изъ простой суммы частныхъ интересовъ или заключало въ себѣ сферу свободы каждаго лица во всей ея безпредѣльности, —это было бы другое противорѣчіе, такъ какъ эти сферы личной свободы могутъ отрицать другъ друга и дѣйствительно отрицаютъ. Но изъ понятія *общаго* блага съ логическою необходимостью слѣдуетъ, что, ограничивая именно какъ общее (общими предѣлами) частные интересы и стремленія, оно никакъ не можетъ упразднять хотя бы одного изъ носителей этихъ интересовъ и стремленій, отнимая у него жизнь и возможность свободныхъ дѣйствій;

ибо это общее благо должно быть такъ или иначе благомъ и этого человѣка; но, отнимая у него существованіе и возможность свободныхъ дѣйствій, слѣдовательно возможность какого бы то ни было блага, — общее благо перестаетъ быть таковымъ для него, слѣдовательно само изъ общаго блага становится лишь частнымъ, и потому теряетъ свое право ограничивать личную свободу.

И въ этомъ пунктѣ мы видимъ, что требованія нравственности вполнѣ совпадаютъ съ сущностью права. Вообще право въ своемъ элементѣ принужденія къ минимальному добру хотя и различается отъ нравственности въ собственномъ смыслѣ, но и въ этомъ своемъ принудительномъ характерѣ отвѣчая требованіямъ той же нравственности, ни въ какомъ случаѣ не можетъ ей противорѣчить. Поэтому если какой-нибудь положительный законъ идетъ въ разрѣзъ съ нравственнымъ сознаніемъ добра, то мы можемъ быть увѣрены, что онъ не отвѣчаетъ и существеннымъ требованіямъ права, и правовой интересъ относительно такихъ законовъ можетъ состоять никакъ не въ ихъ сохраненіи, а только въ ихъ *правомѣрной* отмѣнѣ.

Владиміръ Соловьевъ.

БИРЖА и ПУБЛИКА

I.

Въ послѣднее время, не только у насъ, но и во всѣхъ другихъ государствахъ Европы, очень много говорятъ объ усиливающемся биржевомъ ажіотажѣ и все болѣе и болѣе широкомъ участіи, которое принимаетъ въ биржевой игрѣ такъ называемая публика. Подъ послѣднимъ терминомъ разумѣются всѣ лица, не принадлежащія къ числу биржевиковъ по профессіи, но имѣющія нѣкоторый запасъ свободныхъ денегъ, чтобы попробовать счастія увеличить свой капиталъ или доходъ съ него путемъ игры на биржѣ. Надо сказать, что, помимо своего отрицательнаго значенія съ точки зрѣнія общественной нравственности, фактъ усиливающагося притока „публики" на биржу имѣетъ и весьма неблагопріятное вліяніе на самую дѣятельность этого учрежденія. Недостатки и злоупотребленія, съ которыми всегда соединялась такая дѣятельность, приняли болѣе острыя формы и чрезвычайно широкіе размѣры. Въ кругъ ея вошла масса новыхъ операцій и пріемовъ, при которыхъ объектомъ наживы являются уже не обращающіяся на биржѣ цѣнности, а именно сама публика, благодаря неопытности которой создалась чрезвычайно благопріятная почва для введенія въ биржевую игру всевозможныхъ видовъ шулерства. Теперь иные биржевые дѣятели сплошь и рядомъ играютъ не на бумагахъ, а на „публикѣ". Продать ей ничего нестоющія бумаги, вырвать другія по низкой цѣнѣ, чтобы опять размѣстить ихъ по высокой— вотъ къ чему сводится значительная часть „биржевыхъ операцій", противъ которыхъ нѣкоторыя правительства сочли нужнымъ уже выступить на борьбу.

Въ виду творящихся на биржѣ злоупотребленій и самаго характера дѣятельности ея, многіе склонны совершенно отрицать полезное

значеніе этого учрежденія, признавая его чѣмъ-то въ родѣ игорнаго дома, гдѣ одни играютъ болѣе, а другіе менѣе счастливо и умѣло, гдѣ одни наживаются, а другіе разоряются. Естественно, что подобное опредѣленіе является крайне поверхностнымъ и одностороннимъ. Въ сущности всякая отрасль предпріимчивости преслѣдуетъ въ своемъ основаніи наживу и, обогащая однихъ, разоряетъ другихъ. Съ этой точки зрѣнія, торговля цѣнными бумагами представляется ремесломъ нисколько не болѣе позорнымъ, чѣмъ торговля хлѣбомъ и всякимъ другимъ товаромъ. Конечное стремленіе всякаго торговца—купить по возможно низшей цѣнѣ, а продать по возможно высшей и положить себѣ въ карманъ „разницу". Ради той же разницы между стоимостью производства и продажною цѣной продукта работаетъ земледѣлецъ, ремесленникъ, крупный фабрикантъ и заводчикъ. Такъ же поступаетъ и биржевикъ при операціяхъ съ цѣнными бумагами. Но могутъ сказать, что операція торговли цѣнными бумагами является, сама по себѣ, въ родѣ игры въ карты, излишней и непроизводительной. Это далеко не такъ. Въ современномъ строѣ государственно-экономической жизни биржа является необходимымъ и весьма важнымъ звеномъ, не менѣе важнымъ, чѣмъ торговецъ хлѣбомъ для земледѣльца.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, государственно-экономическая жизнь въ значительной мѣрѣ покоится на кредитѣ и соединеніи мелкихъ капиталовъ для веденія крупныхъ предпріятій. Посредникомъ же между нуждающимися въ капиталахъ и располагающихъ ими является биржа. При содѣйствіи биржъ реализируются займы какъ государственныхъ, такъ и частныхъ предпріятій; онѣ же размѣщаютъ акціи новыхъ предпріятій и т. д. Какъ земледѣлецъ увѣренъ, что торговецъ купитъ у него хлѣбъ для перепродажи его потребителю, такъ ищущій капиталовъ знаетъ, что биржевой дѣятель купитъ у него выпускаемыя обязательства для размѣщенія среди обладающихъ свободными денежными средствами капиталистовъ. Затѣмъ совершенно очевидно, что и торговецъ хлѣбомъ, и торговецъ цѣнными бумагами, желаютъ получить за свои услуги извѣстную мзду. Надо сказать, что самое развитіе кредита и участіе капиталовъ въ различныхъ предпріятіяхъ въ столь широкихъ размѣрахъ, какіе наблюдаются теперь, возможны лишь при существованіи биржъ, въ качествѣ центровъ, гдѣ сосредоточена купля-продажа всякаго рода цѣнныхъ бумагъ. Въ настоящее время лицо, обладающее свободными средствами, покупаетъ на нихъ ту или другую бумагу въ полной увѣренности, что при первой надобности въ деньгахъ на нее всегда найдется покупатель, и такого покупателя не придется искать посредствомъ газетныхъ публикацій. Вслѣдствіе этого въ торгово-промышленный оборотъ страны поступаетъ огромная масса капиталовъ,

свободныхъ лишь на короткіе промежутки, но которые, безпрерывно притекая, составляютъ въ своей совокупности весьма почтенныхъ размѣровъ постоянный фондъ, на счетъ котораго существуетъ множество предпріятій и являющійся источникомъ для оказанія кредита. Сегодня *А*, по роду своего предпріятія, обладаетъ свободными средствами и покупаетъ на нихъ акціи или процентныя бумаги; черезъ мѣсяцъ онъ уже, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, ихъ продаетъ, а покупщикомъ на временно же освободившіяся средства является *Б* и т. д. Если А и Б сами не дѣлаютъ этого, то за нихъ сдѣлаетъ то кредитное учрежденіе, въ которое они помѣщаютъ временно освобождающіеся денежные рессурсы. Но во всякомъ случаѣ въ основаніи такой безпрерывной утилизаціи временно свободныхъ капиталовъ лежитъ увѣренность въ существующей всегда возможности продать на биржѣ пріобрѣтенныя цѣнныя бумаги. Если ихъ не купитъ въ данный моментъ капиталистъ, то купитъ профессіональный торговецъ бумагами для перепродажи. На лондонской биржѣ, напримѣръ, имѣются такіе торговцы (dealers) въ точномъ значеніи этого слова. Они и покупаютъ и продаютъ одну и ту же бумагу съ разницей въ цѣнахъ, размѣръ которой зависитъ, конечно, отъ положенія денежнаго рынка, отъ переживаемаго биржей момента и отъ характера самой бумаги.

Вторая великая роль биржи заключается въ оцѣнкѣ кредитоспособности своихъ кліентовъ, обращающихся при ея посредничествѣ къ услугамъ общественнаго безличнаго кредита. Въ данномъ случаѣ мы разумѣемъ не только кредитъ въ узкомъ смыслѣ, но и выпускъ акцій тѣми же предпринимателями, который при настоящихъ условіяхъ въ большинствѣ случаевъ является замаскированнымъ кредитомъ, съ перенесеніемъ на кредитора участія въ рискѣ и прибыляхъ предпріятія. Фактически эта оцѣнка кредитоспособности кліентовъ биржи переносится на выпускаемыя за ихъ счетъ бумаги, какъ товаръ, являющійся предметомъ биржевой купли-продажи. Здѣсь биржевой дѣятель поступаетъ также во имя своихъ интересовъ, какъ и торговецъ всякимъ другимъ товаромъ. Если торговецъ видитъ, что въ извѣстномъ пунктѣ хлѣбъ продается ниже общей рыночной цѣны, то онъ устремляется туда за покупкой, не имѣя въ виду ни облагодѣтельствовать производителя, ни причинить непріятности потребителю, а руководствуясь исключительно желаніемъ положить себѣ разницу въ карманъ. Съ другой стороны, тотъ же торговецъ реагируетъ пониженіемъ цѣнъ на благопріятныя извѣстія о предстоящемъ урожаѣ или повышеніемъ цѣнъ—въ обратномъ случаѣ. Во всякомъ видѣ торговли необходимо присутствуетъ элементъ спекуляціи, такъ какъ при куплѣ-продажѣ торговцемъ учитывается не только настоящее поло-

женіе рынка, но и вѣроятное ближайшее будущее этого положенія. Отсутствіе спекулятивнаго элемента представляетъ собою скорѣе недостатокъ постановки торговли, чѣмъ ея преимущества. Еслибы переоцѣнка хлѣба, какъ товара, производилась только послѣ поступленія въ продажу новаго урожая, то рынокъ испытывалъ бы гораздо болѣе сильныя пертурбаціи, чѣмъ при условіи, когда постепенно учитываются самые виды на урожай.

Аналогичнымъ образомъ поступаетъ и торговецъ цѣнными бумагами въ лицѣ профессіональнаго биржевика. Если онъ видитъ, что та или другая бумага оцѣнена рынкомъ неправильно въ отношеніи къ настоящему моменту или ближайшему будущему, то посредствомъ соотвѣтствующихъ операцій, о которыхъ скажемъ ниже, онъ стремится воспользоваться разницей, имѣя въ виду, конечно, что на данную бумагу скоро установится настоящая цѣна. Въ общемъ, какъ и всякій торговецъ, биржевикъ разсчитываетъ при этомъ продать дороже, чѣмъ купилъ, или купить дешевле, чѣмъ продалъ. Само собою разумѣется, что для успѣшнаго производства подобныхъ операцій необходимы широкія спеціальныя познанія и постоянная тщательная оцѣнка тѣхъ условій жизни, которыя, видоизмѣняясь, способны отразиться на кредитоспособности кліентовъ биржи, доходности разныхъ предпріятій и т. д., и, стало быть, и на рыночной стоимости бумагъ. Въ виду же сложности этой задачи, биржевики подраздѣляются на группы по спеціальностямъ. Одни „занимаются" исключительно процентными бумагами восточныхъ государствъ; другіе — западныхъ; третьи избираютъ для себя акціи металлургическихъ предпріятій; четвертые—желѣзныя дороги и т. д. Искусство каждаго биржевика и его интересъ заключаются въ томъ, чтобы оцѣнить бумагу данной категоріи возможно правильнѣе и возможно ранѣе другихъ. Въ результатѣ биржа первая даетъ сигналъ къ повышенію или пониженію рыночной цѣнности разныхъ бумагъ, въ однихъ случаяхъ предлагая публикѣ товаръ по низшимъ цѣнамъ, а въ другихъ—покупая по высшимъ. Отсюда очень долго державшееся даже среди государственныхъ людей убѣжденіе, что курсъ дѣлаетъ биржа ради своихъ собственныхъ интересовъ. Заслуживаетъ вниманія, напримѣръ, что биржа испытывала на себѣ гоненія правительствъ преимущественно въ трудныя минуты, переживавшіяся государственными финансами. Такъ какъ биржѣ принадлежатъ оцѣнка момента и инціатива въ дѣлѣ измѣненія рыночныхъ цѣнъ на разныя бумаги, а въ томъ числѣ и на государственныя, то отсюда въ неблагопріятные моменты раздаются постоянныя нареканія на то, что биржа наноситъ ущербъ государственному кредиту. Но въ благопріятные моменты биржевые дѣятели съ одинаковымъ усердіемъ и ради тѣхъ же личныхъ интересовъ

укрѣпляютъ государственный кредитъ, скупая государственныя бумаги по цѣнамъ повышеннымъ, въ надеждѣ продать ихъ по еще болѣе высокимъ.

Такимъ образомъ, дѣятельность биржевиковъ въ концѣ концовъ направлена къ тому, чтобы бумаги обращались на рынкѣ соотвѣтственно дѣйствительной ихъ цѣнности въ данный моментъ. При всякомъ же несоотвѣтствіи въ этомъ отношеніи, профессіональные торговцы стремятся извлечь для себя барышъ, покупая или продавая за свой страхъ различныя цѣнности. Естественно, что подобная дѣятельность имѣетъ свои хорошія стороны, такъ какъ этимъ путемъ съ возможною точностью устанавливается правильная цѣна каждой бумаги, обращающейся на рынкѣ, чѣмъ, въ свою очередь, предупреждается возможность сколько-нибудь продолжительнаго обращенія разныхъ сомнительныхъ обязательствъ или акцій дутыхъ предпріятій. Кромѣ того, какъ извѣстно, самое допущеніе цѣнныхъ бумагъ къ обращенію на биржѣ обставлено соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ, долженствующихъ гарантировать ихъ солидность.

Таковы въ общемъ функціи биржи въ современномъ складѣ государственно-промышленной жизни. Никто, конечно, не станетъ отрицать важнаго ихъ значенія. Если же затѣмъ въ дѣятельности биржи получилъ черезчуръ широкое развитіе спекулятивный элементъ, выражающійся въ такъ называемой биржевой игрѣ, то обстоятельство это объясняется чрезвычайною сложностью подобной дѣятельности, отсутствіемъ для нея достаточно твердыхъ основаній и постоянно измѣняющимися условіями промышленной и политической жизни, вліяющими на цѣнность тѣхъ или другихъ бумагъ. Дѣлаемая оцѣнка даннаго момента для извѣстной категоріи бумагъ почти всегда является спорной, допускающей возможность множества аргументовъ „за" и „противъ". Въ большинствѣ случаевъ здѣсь можно лишь съ большею или меньшею проницательностію предполагать, а не знать. Все это дѣлаетъ торговлю цѣнными бумагами промысломъ въ высшей степени труднымъ и рискованнымъ, постоянно угрожающимъ крупными убытками или даже разореніемъ. Съ другой стороны, отсутствіе твердыхъ основаній для вполнѣ правильной оцѣнки бумагъ порождаетъ и биржевую игру, служащую собственно отраженіемъ борьбы на этотъ счетъ разныхъ мнѣній. Лица, скептически относящіяся къ какой-нибудь бумагѣ, предлагаютъ ее, оптимисты покупаютъ и только въ результатѣ, на почвѣ соотношенія между спросомъ и предложеніемъ, въ каждый данный моментъ получается оцѣнка, наиболѣе отвѣчающая истинному положенію дѣла. Естественно, что подобная игра сопровождается значительными злоупотребленіями съ обѣихъ сторонъ. Какъ „повышатели", такъ и „понижатели", одина-

ково склонны къ измышленію фактовъ, говорящихъ въ пользу справедливости именно ихъ мнѣнія. Но пока торговлей цѣнными бумагами занимались исключительно спеціалисты своего дѣла, примѣненіе подобныхъ пріемовъ требовало большой изобрѣтательности и, сравнительно, въ рѣдкихъ случаяхъ производило надлежащее дѣйствіе. Особенно широкое распространеніе она получила поэтому съ вступленіемъ въ ряды спекуляціи „публики“, не обладающей ни требуемыми свѣдѣніями, ни достаточными капиталами. При новыхъ обстоятельствахъ, биржевая игра получила характеръ совсѣмъ анекдотическій. Тысячи лицъ дѣлаются акціонерами предпріятій, совершенно имъ невѣдомыхъ, всѣ свѣденія о которыхъ ограничиваются биржевою ихъ кличкою и слухами изъ десятыхъ рукъ о предстоящемъ повышеніи ихъ биржевой цѣнности. Въ результатѣ, повторяемъ, профессіональные биржевики начали принимать во вниманіе участіе публики въ биржевой игрѣ, какъ новаго фактора воздѣйствія на пониженіе или повышеніе бумагъ и какъ самостоятельный источникъ для извлеченія барышей.

II.

Операціи, посредствомъ которыхъ производится на биржѣ безпрерывная переоцѣнка обращающихся на ней цѣнныхъ бумагъ, получившая себѣ выраженіе въ биржевой игрѣ, чрезвычайно разнообразны. Въ общемъ же онѣ одинаково приспособлены къ разсчетамъ, основаннымъ какъ на ожидаемомъ повышеніи цѣнности данной бумаги, такъ и на ея пониженія. Въ первомъ случаѣ операція заключается въ покупкѣ, съ цѣлью перепродажи по болѣе высокой цѣнѣ, если разсчеты оправдаются. Гораздо полнѣе та операція, путемъ которой биржевой дѣятель желаетъ извлечь выгоду изъ ожидаемаго имъ пониженія данной цѣнной бумаги. При продажѣ имѣющагося у него на лицо товара такой биржевой игрокъ лишь избавляетъ себя отъ вѣроятныхъ убытковъ. Между тѣмъ, ему хочется и вознаградить еще свою проницательность крупнымъ барышомъ. Для этого онъ продаетъ товаръ на извѣстный срокъ, не имѣя его на лицо, но въ надеждѣ пріобрѣсти по болѣе дешевой цѣнѣ противъ стоящей въ моментъ продажи. Эти срочныя, такъ называемыя „бланковыя“ (in blanco) запродажи неимѣющагося на лицо у продавца товара являются самымъ могущественнымъ орудіемъ для воздѣйствія на пониженіе. Это своего рода фиктивное предложеніе, совпадающее съ усиленнымъ предложеніемъ наличнаго товара, въ значительной мѣрѣ способствуетъ обостренію кризиса. Съ другой стороны, для предложенія, выражаю-

щагося въ бланковыхъ запродажахъ, какъ бы нѣтъ никакого предѣла. Оно можетъ быть безграничнымъ и даже совершенно независимымъ отъ самаго количества бумагъ данной категоріи, обращающихся на рынкѣ. Единственнымъ сдерживающимъ элементомъ въ данномъ случаѣ является лишь собственный интересъ бланкиста, который всегда можетъ опасаться, что принятое имъ на себя обязательство въ поставкѣ извѣстнаго товара на извѣстный срокъ и по извѣстной цѣнѣ придется, пожалуй, выполнить съ убыткомъ.

Такимъ образомъ, путемъ бланковыхъ запродажъ, дѣятели биржи имѣютъ возможность вліять на переоцѣнку даже тѣхъ бумагъ, которыхъ у нихъ въ данный моментъ на лицо нѣтъ. Подобные продавцы разсчитываютъ лишь, что ихъ соображенія о предстоящемъ пониженіи цѣны какой-нибудь бумаги окажутся вѣрными, и они будутъ въ состояніи ее купить къ требуемому сроку дешевле, чѣмъ продали. Естественно, что лица, заинтересованныя въ поддержаніи цѣнъ извѣстныхъ бумагъ, всегда относятся съ чрезвычайнымъ раздраженіемъ къ этой биржевой операціи, вызывающей ихъ пониженіе. Они какъ бы полагаютъ, что безъ бланковыхъ запродажъ то или другое неблагопріятное для извѣстной бумаги обстоятельство, быть можетъ, прошло бы совершенно незамѣченнымъ со стороны ея держателей и покупателей. Поэтому почти всѣ правительства въ разные моменты дѣлали попытки изъять бланковыя запродажи изъ числа дозволенныхъ биржевыхъ операцій. Само собою разумѣется, что эти попытки совпадали съ моментами, когда бланковыя запродажи были направляемы противъ государственныхъ бумагъ. Во Франціи декретъ о воспрещеніи сдѣлокъ на срокъ былъ изданъ еще въ 1724 г. Затѣмъ въ 1785 г. вновь подтверждается, что „признаются ничтожными всѣ сдѣлки съ правительственными и всякими другими цѣнностями, совершенныя на срокъ, безъ сдачи этихъ цѣнностей или безъ фактической передачи ихъ“. Окончательно отмѣнены были всѣ эти законы лишь въ 1885 г. Въ Англіи законы, ограничивающіе сдѣлки на срокъ, не отмѣнены и до сихъ поръ, но фактически всѣ разновидности этихъ сдѣлокъ давно уже считаются вполнѣ легальными. У насъ срочныя сдѣлки съ акціями были воспрещены до 1893 г., по ст. 2167 X т. 1 ч.: „всякія условія между частными лицами, какъ на биржѣ, такъ и внѣ оной, о покупкѣ и продажѣ акцій или росписокъ, не за наличныя деньги, а съ поставкою къ извѣстному сроку по извѣстной цѣнѣ, рѣшительно воспрещаются съ тѣмъ, чтобы условія таковыя, если будутъ предъявлены къ суду, считать недѣйствительными, а обличенныхъ въ подобныхъ сдѣлкахъ подвергать наказаніямъ, за азартныя игры установленнымъ; маклеровъ же и нотаріусовъ, которые отважатся совершать сего рода усло-

вія, отрѣшать отъ должностей". Но, несмотря за суровость этого закона, сдѣлки на срокъ у насъ, какъ и въ другихъ государствахъ при существованіи аналогичныхъ воспрещеній, практиковались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и почти оффиціально, т.-е. записывались въ маклерскія книги и фигурировали въ биржевыхъ отчетахъ газетъ. Надо замѣтить, что разрѣшеніе совершать срочныя сдѣлки съ акціями явилось у насъ какъ бы возмѣщеніемъ за послѣдовавшее одновременно воспрещеніе срочныхъ сдѣлокъ на разность съ цѣнностями въ металлической валютѣ. Распоряженіе это имѣло въ виду устранить всѣ разновидности биржевой игры съ курсомъ кредитнаго рубля. Рядомъ съ этимъ преслѣдуется и косвенное участіе въ подобной игрѣ иностранныхъ биржъ, главнымъ образомъ путемъ доставки имъ товара для разсчета по срочнымъ сдѣлкамъ. Но такъ какъ доказать спекулятивный характеръ такихъ сдѣлокъ очень трудно, то онѣ преслѣдуются не столько судомъ, сколько административно-репрессивными мѣрами. У нашего же финансоваго вѣдомства въ данномъ случаѣ имѣется, по отношенію къ частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, весьма дѣйствительное орудіе воздѣйствія въ видѣ закрытія кредита въ государственномъ банкѣ.

Хотя огромное большинство законодательствъ теперь сняло свое veto со срочныхъ сдѣлокъ, но въ глазахъ публики и даже отчасти ученой литературы онѣ и до сихъ поръ остаются какъ бы не столько разрѣшенными, сколько терпимыми наравнѣ со всѣми прочими азартными играми, искорененіе которыхъ для государственной власти представляется дѣломъ непосильнымъ. Многіе думаютъ, напримѣръ, что по сравненію съ карточной игрой биржевая представляетъ лишь болѣе риска, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ проигрышъ не ограничивается заранѣе назначенной суммой, а можетъ быть безпредѣльнымъ въ зависимости отъ измѣненія въ цѣнѣ бумаги, которое послѣдуетъ къ сроку сдачи или пріема ея. Въ дѣйствительности это далеко не такъ. Въ обыкновенныхъ азартныхъ играхъ рѣшающее значеніе имѣетъ случай; въ биржевыхъ же сдѣлкахъ оно принадлежитъ разсчету, основанному на весьма вѣскихъ соображеніяхъ и свѣдѣніяхъ о вѣроятной въ ближайшемъ будущемъ рыночной цѣнѣ той или другой бумаги (если не говорить, конечно, о публикѣ, играющей въ большинствѣ случаевъ въ слѣпую). Такимъ образомъ срочныя сдѣлки являются весьма совершеннымъ орудіемъ для постепенной переоцѣнки обращающихся на биржѣ бумагъ, соотвѣтственно ихъ дѣйствительной стоимости. Если на биржѣ преобладаетъ оптимистическій взглядъ на положеніе какого-либо предпріятія, то акціи его, путемъ заключенія срочныхъ сдѣлокъ или покупокъ на наличныя, постепенно повышаются въ цѣнѣ. Въ обратномъ случаѣ усиливаются бланковыя запро-

дажи, предложеніе господствуетъ надъ спросомъ, и въ результатѣ происходитъ пониженіе биржевой цѣны бумагъ. Естественно, что при измѣнчивости подобныхъ взглядовъ пониженіе или повышеніе происходитъ съ большими колебаніями, но зато этимъ путемъ устраняются тѣ скачки, которые явились бы необходимымъ результатомъ переоцѣнки бумагъ лишь post factum, т.-е. послѣ окончательнаго выясненія положенія предпріятія въ данный моментъ. Съ другой стороны, нѣкоторое пониженіе бумагъ данной категоріи, явившееся послѣдствіемъ банковыхъ запродажъ, служитъ для держателей ихъ предостереженіемъ. Оно побуждаетъ этихъ держателей навести справки о причинахъ пониженія и, соотвѣтственно добытымъ свѣденіямъ, либо продать бумаги, во избѣжаніе убытковъ, либо игнорировать подобное обстоятельство. Само собою разумѣется, что такая отзывчивость биржи многимъ очень не нравится.

Одинаково ошибочно и мнѣніе, будто срочныя сдѣлки въ массѣ никогда не выполняются, а реализируются лишь въ видѣ уплаты или полученія разницы между цѣнами въ моментъ запродажи и сдачи. Такъ, проф. Цитовичъ на первый взглядъ какъ бы совершенно логично доказываетъ, что для лица, оказавшагося въ выигрышѣ, вполнѣ безразлично, получить ли бумагу и выручить выигрышъ путемъ ея продажи, или получить лишь самую разницу. Въ результатѣ огромные обороты, якобы совершаемые на биржѣ съ разными бумагами, являются въ сущности фиктивными, имѣющими характеръ обыкновенныхъ пари. Мнѣніе это [1]) прежде всего представляется апріорнымъ, т.-е. основаннымъ не на какихъ-либо положительныхъ данныхъ, а на томъ предположеніи, что срочныя сдѣлки вообще совершенно тождественны съ азартными играми въ цѣломъ примитивномъ значеніи этого понятія. Если же понятіе объ игрѣ расширить до понятія о спекуляціи, то игрой можно назвать всякій видъ торгово-промышленной дѣятельности, гдѣ стимуломъ также служитъ полученіе разницы между продажной цѣной и цѣной покупной или издержками производства. Чѣмъ болѣе усложняются условія торгово-промышленной жизни, по мѣрѣ того какъ отдѣльные рынки сливаются въ одинъ общій международный рынокъ, тѣмъ по необходимости усиливается и въ этой области элементъ спекуляціи, а самая торгово-промышленная дѣятельность соединяется все съ большимъ и большимъ рискомъ. Параллельно же расширяется и объемъ сдѣлокъ на срокъ, которыя, учитывая ближайшее будущее, имѣютъ вліяніе и на измѣненіе цѣнъ въ настоящемъ. Такъ, возникновеніе какого-нибудь обширнаго производства, находящагося въ особо благопріятныхъ условіяхъ,

---

[1]) „Очерки основн. понятій торгов. права". Кіевъ, 1886.

можетъ побудить спекулянта продавать извѣстный продуктъ на срокъ, такъ какъ несомнѣнно, что усиленіе предложенія вызоветъ и пониженіе цѣнъ.

Но нельзя себѣ вообразить даже такого положенія, при которомъ сдѣлки на срокъ въ области торговли цѣнными бумагами или всякимъ другимъ товаромъ производились бы безъ дѣйствительнаго ихъ выполненія. Представьте себѣ, что на основаніи повсемѣстныхъ хорошихъ видовъ на урожай бланкисты начали въ Петербургѣ предлагать будущую пшеницу на извѣстный срокъ огромными партіями, и въ результатѣ они запродали 100 милл. пудовъ и понизили цѣну съ 1 р. до 50 к. за пудъ. Покупателямъ, повидимому, оставалось бы только уплатить своимъ счастливымъ контрагентамъ по 50 к. съ каждаго пуда разницу. Вмѣсто этого они требуютъ дѣйствительной поставки 100 милл. пудовъ пшеницы, соглашаясь уплатить по 1 р. за пудъ. Здѣсь уже картина можетъ совершенно измѣниться. Окажется, напримѣръ, что ни въ Петербургѣ, ни на ближайшихъ рынкахъ нѣтъ такого количества свободной пшеницы, или она находится въ крѣпкихъ рукахъ, не желающихъ продавать по столь пониженнымъ цѣнамъ и предпочитающихъ выждать ихъ улучшенія. Естественно, что необходимость поставить огромное количество товара вызоветъ усиленный спросъ по цѣнамъ уже значительно повышеннымъ. Весьма вѣроятно затѣмъ, что цѣны повысятся даже далеко за предѣлы 1 р., и временно торжествовавшіе понижатели окажутся въ концѣ концовъ съ крупнымъ убыткомъ. То же происходитъ и въ области торговли цѣнными бумагами. Еслибы срочныя сдѣлки не выполнялись въ дѣйствительности, то для совершенія ихъ отсутствовалъ бы всякій регуляторъ. Понижатели могли бы до безконечности предлагать, а повышатели до безконечности принимать. Въ результатѣ же не получилось бы ничего, кромѣ общаго сумбура. Несправедливость предположенія о фиктивности срочныхъ сдѣлокъ подтверждается и множествомъ примѣровъ ихъ биржевой практики. Достаточно напомнить про случай съ берлинской биржей въ октябрѣ 1894 г., когда она играла на пониженіе рубля и когда ко дню ликвидаціи наше министерство финансовъ, путемъ воспрещенія доставки рублей въ Берлинъ, заставило понижателей заплатить за нихъ чуть ли не по курсу 240 пф. за рубль, вмѣсто 220 пф. Очевидно, что еслибы срочныя сдѣлки заканчивались уплатой разницы, то берлинская биржа вовсе не ощущала бы надобности въ наличномъ товарѣ. Точно такъ же оказались бы лишенными смысла и всѣ мѣры нашего финансоваго вѣдомства, стремящіяся отнять у иностранныхъ биржъ матеріалъ для игры съ курсомъ кредитнаго рубля. Благодаря дѣйствительному осуществленію сдѣлокъ на срокъ, понижатели могутъ вести свою игру

лишь въ предѣлахъ, позволяющихъ имъ разсчитывать найти на рынкѣ достаточное количество товара по низшей цѣнѣ противъ существующей. Одинаково и повышатели не станутъ платить за товаръ такихъ цѣнъ, по которымъ они впослѣдствіи могутъ не найти покупателей на него.

Самый процессъ выполненія срочныхъ сдѣлокъ основанъ на ихъ дѣйствительномъ осуществленіи. Приравнивая биржевыя сдѣлки къ пари, многіе думаютъ, что для биржевыхъ дѣятелей имѣютъ рѣшающее значеніе цѣны на бумаги, которыя предлагаются въ день ликвидаціи, т.-е. въ срокъ, назначенный для полученія и сдачи. Точно также, по этой теоріи, изъ двухъ участниковъ въ сдѣлкѣ одинъ непремѣнно окажется въ выигрышѣ, а другой въ проигрышѣ. Но и это—большое заблужденіе, основанное на поверхностномъ знакомствѣ съ характеромъ биржевыхъ операцій. Мы уже не говоримъ о частыхъ случаяхъ безпрерывнаго повышенія извѣстной бумаги въ теченіе довольно продолжительнаго періода. Въ подобныхъ случаяхъ лицо, купившее бумагу на срокъ, дождавшись нѣкотораго повышенія цѣны, перепродаетъ ее, т.-е. уступаетъ сдѣлку другому на тотъ же срокъ; послѣ новаго повышенія, другой уступаетъ третьему и т. д. Этимъ путемъ разница въ цѣнахъ въ пользу повышенія распредѣляется лишь между нѣсколькими лицами. Не въ проигрышѣ и первоначальный продавецъ, такъ какъ онъ, быть можетъ, заплатилъ за бумагу еще дешевле. Не обязательна наличность проигравшей стороны даже и при такихъ срочныхъ сдѣлкахъ, когда продается не существующій товаръ, а имѣется въ виду купить его по болѣе дешевой цѣнѣ противъ настоящей. Допустимъ, что въ моментъ запродажи бумага стоила 100 р., а въ моментъ назначеннаго срока сдачи—105 р. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, что продавецъ непремѣнно потерялъ 5 р. на каждой бумагѣ. Очень вѣроятно, что въ промежутокъ между заключеніемъ сдѣлки и ея осуществленіемъ разсчетъ его на пониженіе дѣйствительно оправдался, и былъ моментъ, когда цѣна бумаги упала до 95 р. Продавецъ и воспользовался этимъ моментомъ, чтобы „покрыться“, т.-е. купить товаръ, который онъ обязался поставить къ извѣстному сроку и по цѣнѣ высшей. Въ приведенномъ примѣрѣ контрагенты, несмотря на видимую противоположность разсчетовъ, положенныхъ въ основаніе сдѣлки, все-таки оба оказались въ выигрышѣ. Такъ какъ на биржѣ происходятъ постоянныя колебанія цѣнъ всѣхъ бумагъ, то очевидно, что при реализаціи срочныхъ сдѣлокъ путемъ простой уплаты разницы продавецъ самъ себя лишалъ бы благопріятныхъ шансовъ для безубыточнаго выполненія своего обязательства. Съ другой стороны, при подобномъ способѣ реализаціи для обѣихъ сторонъ имѣли бы рѣшающее значеніе цѣны на бумаги,

устанавливающіяся въ сроки выполненія договоровъ, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Какъ покупатель, такъ и продавецъ одинаково пользуются возможностью реализировать свою сдѣлку въ любой моментъ въ теченіе всего періода, назначеннаго для ея выполненія. Запродавъ товаръ со сдачею черезъ три мѣсяца, бланкистъ-продавецъ можетъ покрыться даже черезъ недѣлю, если онъ признаетъ этотъ моментъ для себя благопріятнымъ. Точно такъ же и покупатель ищетъ благопріятнаго момента для перепродажи купленнаго товара въ другія руки и по высшей цѣнѣ. Такимъ образомъ, срочныя сдѣлки имѣютъ очень мало общаго съ „пари“, при которыхъ обѣ договаривающіяся стороны никогда не могутъ быть въ выигрышѣ. Срочныя сдѣлки съ реализаціей ихъ путемъ простой уплаты разницы составляютъ лишь достояніе мелкой биржевой спекуляціи, у которой нѣтъ достаточныхъ рессурсовъ для того, чтобы дѣйствительно купить или принять товаръ, являющійся объектомъ договора.

Затѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что срочныя сдѣлки довольно часто обусловливаются реальною потребностью въ нихъ и часто не только не служатъ для биржевой игры, но являются средствомъ избѣжать ея. Такъ, владѣлецъ какого-нибудь предпріятія, располагая временно свободными денежными средствами, помѣщаетъ ихъ въ процентныя бумаги. Но чтобы избѣжать потерь при ихъ продажѣ вслѣдствіе вѣроятнаго паденія цѣны, онъ заранѣе продаетъ купленныя бумаги на тотъ срокъ, къ которому, по сдѣланному разсчету, для предпріятія вновь понадобятся деньги. Особенно же широкое распространеніе получили у насъ, во избѣжаніе возможныхъ потерь, срочныя сдѣлки съ цѣнностями, служащими платежнымъ средствомъ по заграничной торговлѣ, т.-е. иностранными векселями и траттами. Причиной подобнаго явленія служатъ колебанія курса нашего рубля по отношенію къ иностранной денежной единицѣ. Допустимъ, что торговецъ покупаетъ иностранный товаръ и для продажи его дѣлаетъ разсчетъ, сколько придется уплатить иностранной фирмѣ русскими деньгами. Разсчетъ этотъ можетъ оказаться совершенно ошибочнымъ, если къ моменту уплаты курсъ измѣнится въ неблагопріятную сторону, и для погашенія обязательства въ 1.000 франковъ потребуется не 400 р., а 450, 500 р. и т. д. Очевидно, что для устраненія возможныхъ потерь отъ колебаній курса торговецъ долженъ заранѣе купить платежное средство, и только тогда разсчетъ его явится вполнѣ обоснованнымъ. То же бываетъ и съ поставщикомъ русскихъ товаровъ на заграничные рынки. Ему предлагаютъ, напримѣръ, получить къ извѣстному сроку 100 т. фр., но онъ не знаетъ, что̀ эта сумма будетъ обозначать собою въ переводѣ на русскія деньги—можетъ быть 45 т. р., а можетъ быть и 35 т. р. Между тѣмъ,

если самъ торговецъ заплатилъ за товаръ 40 т. р., то очевидно, что во второмъ случаѣ онъ окажется въ убыткѣ единственно лишь вслѣдствіе невыгодно измѣнившагося курса рубля. Чтобы избѣжать такого сюрприза, торговецъ и стремится заранѣе продать по извѣстной безобидной для себя цѣнѣ то или иное обязательство въ иностранной валютѣ, посредствомъ котораго ему будетъ произведенъ платежъ. Поэтому еще въ недалекомъ прошломъ торговля платежными средствами въ иностранной валютѣ составляла весьма обширную отрасль дѣятельности профессіональныхъ биржевиковъ. Но въ настоящее время размѣры ея все болѣе и болѣе сокращаются, такъ какъ операцію эту сосредоточилъ теперь въ своихъ рукахъ государственный банкъ. Для правительства же эта операція явилась какъ бы средствомъ для осуществленія частичной девальваціи или, по крайней мѣрѣ, фиксаціи курса нашего кредитнаго рубля, такъ какъ покупка-продажа обязательствъ въ металлической валютѣ по извѣстной опредѣленной цѣнѣ равносильна частичному возстановленію размѣна по данному курсу. Государственный банкъ, конечно, не объявилъ, что бумаги эти будутъ всегда покупаться по данному курсу, но фактически онъ стремится именно къ этому. Дѣйствительно, мы видимъ, что результатомъ этой мѣры явилось достиженіе почти полной устойчивости курса кредитнаго рубля.

Мы нѣсколько болѣе подробно остановились на срочныхъ сдѣлкахъ въ виду того, что онѣ составляютъ душу биржевыхъ операцій, главный рычагъ для воздѣйствія на переоцѣнку бумагъ, что ближайшимъ образомъ затрогиваетъ интересы публики, какъ помѣщающей въ нихъ свои сбереженія, такъ и пытающейся принять участіе въ биржевой игрѣ. Съ другой стороны, въ нашей литературѣ, въ общемъ весьма бѣдной изслѣдованіями о биржахъ, болѣе описываются этого рода сдѣлки, чѣмъ разъясняется ихъ внутреннее значеніе съ точки зрѣнія выполняемыхъ биржами общественныхъ функцій. Что касается многочисленныхъ разновидностей сдѣлокъ на срокъ (сдѣлки съ преміями, стеллажъ, сдѣлки кратныя, депортъ, репортъ и т. д.), то о нихъ мы говорить не будемъ, такъ какъ всѣ подобныя сдѣлки имѣютъ цѣлью собственно уравновѣсить шансы договаривающихся сторонъ и не играютъ никакой самостоятельной роли въ дѣлѣ торговли цѣнными бумагами, извѣстной подъ именемъ биржевой игры.

III.

Года три тому назадъ г. М. Студентскій о петербургской биржѣ писалъ: „Мы готовы даже сказать, что неразлучныя для ажіотажа громкія слова, въ видѣ: безумная игра, бѣшеная горячка, разыгравшіяся страсти и т. п., представляются по отношенію къ операціямъ на нашей биржѣ просто смѣхотворными, ибо ничего подобнаго у насъ въ дѣйствительности не происходитъ (здѣшній биржевой рынокъ отличается вообще неподвижностью, затишьемъ и мелочнымъ характеромъ), и нашу биржу можно скорѣе упрекнуть въ спячкѣ, нежели въ горячкѣ" [1]). Г. Студентскій могъ написать эти строки лишь потому, что не считалъ нужнымъ познакомиться съ прошедшимъ петербургской биржи. Въ этомъ же прошедшемъ онъ нашелъ бы моменты, по отношенію къ которымъ выраженія: „безумная игра", „бѣшеная горячка" и проч., вполнѣ примѣнимы. Аналогичный же моментъ „безумной игры" переживаетъ петербургская биржа и въ настоящее время. Всѣ подобные моменты „оживленія" въ исторіи петербургской биржи совпадаютъ съ увлеченіемъ биржевой игрой, охватывающимъ болѣе или менѣе значительный контингентъ публики. Подъ вліяніемъ подобныхъ періодическихъ увлеченій, обыкновенно, какъ расширяются самые биржевые обороты, такъ и усиливается ихъ спекулятивный характеръ. Въ эти моменты дѣятельность петербургской биржи дѣйствительно соединяется съ ажіотажемъ въ видѣ распространенія разныхъ ложныхъ слуховъ и другихъ спеціальныхъ пріемовъ, примѣняемыхъ въ цѣляхъ колебанія цѣнъ обращающихся на биржѣ бумагъ.

Совершенно справедливо, что по сравненію съ операціями лондонской, берлинской, парижской и даже вѣнской биржи дѣятельность единственной сколько-нибудь вліятельной въ Россіи петербургской фондовой биржи можно назвать мизерною. Это обстоятельство находится въ прямой зависимости отъ бѣдности Россіи свободными капиталами. Въ то время какъ перечисленныя нами иностранныя биржи снабжаютъ капиталами массу другихъ странъ, у насъ ихъ не хватаетъ для своего собственнаго домашняго обихода. У насъ даже воспрещено обращеніе иностранныхъ бумагъ на отечественныхъ биржахъ. Многіе считаютъ подобный фактъ одною изъ причинъ слабой вліятельности петербургской биржи на международномъ денежномъ рынкѣ. Но мы думаемъ, что и безъ такого воспрещенія обращеніе иностранныхъ бумагъ въ Россіи едва ли могло бы получить

---

[1]) „Биржа, спекуляція и игра". М. С. Студентскій. Спб. 1892.

сколько-нибудь широкіе размѣры. Кромѣ отсутствія свободныхъ капиталовъ для покупки иностранныхъ цѣнностей, дающихъ сравнительно очень низкій доходъ, изолированность русскаго денежнаго рынка въ значительной мѣрѣ способствуетъ и особенности нашей денежной валюты, съ постоянными наблюдавшимися до сихъ поръ колебаніями курса, благодаря чему и для иностраннаго капиталиста пріобрѣтеніе нашихъ бумагъ въ кредитной валютѣ является дѣломъ чрезвычайно рискованнымъ. Въ результатѣ въ котировочныхъ листахъ главнѣйшихъ иностранныхъ биржъ вы видите чуть не до 2.000 наименованій разныхъ цѣнныхъ бумагъ, тогда какъ на петербургской биржѣ и до сихъ поръ число ихъ не достигаетъ 400.

Хотя такимъ образомъ пертурбаціи, переживаемыя петербургской биржей, относительно говоря, напоминаютъ бурю въ стаканѣ воды, но для участвующихъ въ биржевомъ круговоротѣ онѣ имѣютъ, конечно, не менѣе важное значеніе, чѣмъ и тѣ бури въ открытомъ морѣ, которыя представляютъ собою иностранныя биржи, оперирующія съ цѣнностями всего міра и являющіяся учрежденіями вполнѣ международными. На всѣхъ биржахъ одинаково дѣятели ея часто выбираютъ объектомъ игры, главнымъ образомъ, спекулирующую публику, если не всегда разоряемую, то, во всякомъ случаѣ, служащую источникомъ самаго широкаго дохода. Разница и здѣсь только въ размѣрахъ.

Обыкновенно оживленное участіе публики въ биржевой игрѣ совпадаетъ съ массовымъ подъемомъ цѣнъ бумагъ по тѣмъ или другимъ причинамъ. При видѣ безпрерывнаго повышенія этихъ цѣнъ, публику, располагающую свободными денежными средствами, начинаетъ соблазнять возможность легкой наживы. Для этого можно купить лишь какую-нибудь бумагу и черезъ нѣкоторое время продать ее, положивъ себѣ въ карманъ разницу. Совершаются первоначально подобныя операціи робко и въ скромныхъ размѣрахъ. Но два-три удачные опыта придаютъ игроку смѣлость, развиваютъ алчность и побуждаютъ расширить обороты до возможныхъ максимальныхъ размѣровъ, обѣщающихъ и соотвѣтственно большій оборотъ. Въ послѣднемъ отношеніи на помощь къ нему приходятъ банки и многочисленныя банкирскія конторы. Они охотно выдаютъ ссуды подъ всѣ спекулятивныя бумаги, благодаря чему оборотные рессурсы играющихъ далеко превосходятъ ихъ наличныя средства. Самый размѣръ ссудъ отличается большимъ разнообразіемъ. Здѣсь все зависитъ отъ характера кредитнаго учрежденія, качества бумаги, состоянія денежнаго рынка, переживаемаго биржей момента и т. д. Крупныя кредитныя учрежденія дѣйствуютъ въ данномъ случаѣ сравнительно очень осторожно. Размѣръ выдаваемыхъ ими ссудъ колеблется при-

близительно отъ 50 до 75 проц. биржевой цѣны бумаги. Гораздо менѣе требовательны банкирскія конторы. Здѣсь даже ссуда въ 90 проц. считается умѣренной. Естественно, что, въ видахъ расширенія своихъ операцій и соотвѣтствующаго увеличенія своихъ барышей, огромное большинство играющихъ на биржѣ предпочитаетъ имѣть дѣло съ банкирскими конторами, хотя онѣ и взимаютъ значительно высшій процентъ. Этого вида кредитъ извѣстенъ въ банковской практикѣ подъ именемъ спеціальнаго текущаго счета подъ процентныя бумаги (on call). Особенности его заключаются въ томъ, что кредитное учрежденіе имѣетъ право во всякое время потребовать отъ своего кліента возвращенія ссуды или же увеличенія обезпеченія, въ случаѣ паденія биржевой цѣны заложенныхъ бумагъ. Если, напримѣръ, подъ бумагу въ 400 р. выдана ссуда въ 350 р., то, при паденіи ея цѣнности до 375 р. или ниже, кредитное учрежденіе уже требуетъ взноса дополнительнаго обезпеченія. Наступленіе этого момента зависитъ опять-таки отъ многихъ условій и, главнымъ образомъ, отъ состоянія биржи. При сильныхъ колебаніяхъ, въ моменты биржевыхъ кризисовъ, когда цѣна бумаги въ одинъ день можетъ упасть на нѣсколько десятковъ рублей, кредитныя учрежденія естественно дѣлаются требовательнѣе и, даже изъ чувства самосохраненія, понуждаютъ кліентовъ ко взносу дополнительныхъ обезпеченій, а въ противномъ случаѣ продаютъ за его счетъ заложенныя бумаги.

Такимъ образомъ, благодаря услугамъ кредитныхъ учрежденій, играющіе на биржѣ получаютъ возможность совершать биржевые обороты въ крупныхъ размѣрахъ, даже при сравнительно ничтожныхъ собственныхъ средствахъ. Здѣсь можно „вступить въ дѣло“, имѣя лишь нѣсколько сотъ рублей. Располагающій тысячей рублей получаетъ уже возможность купить бумагъ на 10 тысячъ р. и т. д. Кредитныя учрежденія, въ свою очередь, всячески поощряютъ развитіе подобной операціи, такъ какъ, помимо косвенныхъ доходовъ, она даетъ имъ возможность выгодно помѣщать свою свободную наличность, помѣщаемую кліентами также лишь до востребованія. Въ прежнее время бывали періоды, когда банки несли весьма крупные убытки отъ притока свободныхъ денежныхъ средствъ и отсутствія для нихъ выгоднаго помѣщенія. Спекуляція освободила банки отъ подобнаго затрудненія, и въ настоящее время операція текущихъ счетовъ подъ процентныя бумаги съ каждымъ годомъ расширяется на счетъ другихъ операцій. Такъ, съ 1892 по 1894 г. во всѣхъ петербургскихъ учрежденіяхъ краткосрочнаго векселя, согласно отчетамъ „Вѣстн. Фин.“, годовой оборотъ ихъ по учету векселей сократился на 7 милл. р., а взамѣнъ того на 26 милл. возросъ оборотъ по текущимъ счетамъ подъ цѣнныя бумаги. Въ 1894 г. уже всѣми петербургскими бан-

ками было учтено векселей менѣе чѣмъ на 40 милл. р. и выдано ссудъ послѣдней категоріи на 106 милл. р. Для отдѣльныхъ петербургскихъ банковъ односторонній характеръ ихъ дѣятельности представляется въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ. Въ учетномъ и ссудномъ банкѣ, напримѣръ, въ 1894 г. всего было учтено векселей на 5 милл. р. и выдано ссудъ по спеціальнымъ счетамъ подъ процентныя бумаги на 23 милл.; въ международномъ коммерческомъ банкѣ оборотъ по первой операціи составлялъ 6 милл., по второй—21 милл.; въ русскомъ для внѣшней торговли банкѣ—3 милл. р. и 16 милл. р. и т. д. Несомнѣнно, стало быть, что важнѣйшей операціей петербургскихъ банковъ является снабженіе средствами представителей биржевой спекуляціи, такъ какъ торговыя и промышленныя предпріятія пользуются подобнымъ кредитомъ въ сравнительно ничтожныхъ размѣрахъ.

Самая покупка и продажа биржевыхъ цѣнностей производится спекулирующей публикой въ большинствѣ случаевъ при посредствѣ тѣхъ кредитныхъ учрежденій, у которыхъ каждое лицо пользуется кредитомъ, такъ какъ на нашей фондовой биржѣ совершать сдѣлки могутъ только купцы первой гильдіи. Эта операція, въ свою очередь, является для кредитныхъ учрежденій источникомъ весьма крупнаго дохода. Дѣло въ томъ, что цѣна каждой бумаги даже въ теченіе одной биржи подвергается болѣе или менѣе значительнымъ колебаніямъ. Беремъ хотя бы котировочный листъ за 28 августа. Изъ него видно, что акціи „Русск. для вн. торг. банка" сдѣланы—530, 535 и 533 р.; „Сормово"—335, 375 и 365 р. Мы выбрали двѣ бумаги, изъ которыхъ цѣна одной въ данный день была наиболѣе устойчивою, а другой—наиболѣе колеблющеюся. Очевидно, что если кредитному учрежденію поручено купить или продать ту или другую бумагу по такъ называемой „биржевой цѣнѣ", какъ это обыкновенно дѣлается, то выборъ подобной цѣны въ сущности вполнѣ предоставленъ на великодушное усмотрѣніе посредника. Дѣйствительно, кліентъ не имѣетъ права и требовать, чтобы банкиръ или его представитель на биржѣ угадали наиболѣе выгодную цѣну. Поэтому на практикѣ публикѣ почти всегда приходится пріобрѣтать бумаги по наивысшей котировочной цѣнѣ дня, а продавать—по наинизшей. Вообще надо сказать, что при настоящемъ способѣ составленія наши котировки не даютъ сколько-нибудь точнаго представленія о настроеніи биржи. Такъ, если какая-нибудь бумага сдѣлана по 100 и 105 р., то вы не знаете, куплено ли по первой цѣнѣ 1.000 штукъ, а по второй лишь 25, или было наоборотъ. Очень можетъ быть, затѣмъ, что нѣкоторыя цѣны, чрезмѣрно высокія или низкія, вносятся въ котировку съ спеціальною цѣлью разсчитать по нимъ публику. Достигается это путемъ дѣйствительнаго заключенія мелкихъ сдѣлокъ, или

посредствомъ фиктивныхъ „дружескихъ" покупокъ, какъ бываютъ фиктивные дружескіе векселя, которыми обмѣниваются коммерсанты для учета въ банкахъ. Помѣщеніе въ котировкахъ завѣдомо ложныхъ свѣденій получило на нашей биржѣ, повидимому, очень широкое распространеніе: на это очень часто указываютъ биржевые хроникеры газетъ, которые менѣе всего могутъ быть заподозрѣны въ пристрастномъ отношеніи къ дѣлу. Въ результатѣ же, повторяемъ, посредничество банкировъ по куплѣ-продажѣ бумагъ для публики доставляетъ имъ весьма изрядный доходъ. Неудивительно, что для банкирскихъ конторъ эта операція отодвинула даже на задній планъ знаменитую нѣкогда продажу въ разсрочку выигрышныхъ билетовъ.

Если принять во вниманіе колоссальный подъемъ цѣнъ на всѣ биржевыя бумаги, послѣдовавшій за два года, съ осени 1893 г. по осень 1895 г., то можно придти къ заключенію, что спекулирующая публика нажила цѣлыя состоянія. Просматривая котировочный листъ, вы почти не найдете ни одной бумаги, на которой можно было бы понести убытокъ, и повышеніе цѣны, на которую не превосходили бы значительно уплачиваемые за ссуду подъ нее проценты. Мы ограничимся указаніемъ на нѣкоторыя бумаги. Такъ, акціи брянскаго завода въ августѣ 1893 г. продавались по 120 р., въ 1895 г.—575 р.; путиловскаго завода—60 и 175 р. (не считая преміи за право на новыя акціи); русск. для вн. торг. банка—260 и 550 р.; частнаго банка—400 и 600 р. (и премія на новыя акціи); русск. торгов. кр. банка—230 и 450 р.; учетнаго и ссудн. банка—500 и 875 р.; рыбинско-бологовской ж. д.—70 и 180 р.; спб. международнаго банка —500 и 700 р. (плюсъ премія) и т. д. Мы перечислили почти всѣ бумаги, служащія, главнымъ образомъ, предметомъ спекулятивныхъ оборотовъ. Оказывается, такимъ образомъ, что лицо, купившее въ 1893 г. 100 акцій брянскаго завода и заплатившее за нихъ 12 т. р. (изъ нихъ около 1.000 р. собственныхъ и 11 т. полученныхъ въ видѣ ссуды), заработало на этой операціи 47.500 р. или, за вычетомъ всѣхъ расходовъ, около 45 т. р., т.-е. сдѣлало съ 1.000 рублями почти состояніе. Какого рода „предпріимчивость" способна дать подобный доходъ?!

Очень можетъ быть, что между спекулирующей публикой и имѣются счастливцы, разбогатѣвшіе при помощи удачныхъ биржевыхъ операцій. Но несомнѣнно, что имѣется и масса разорившихся, потерявшихъ послѣднія свои крохи. Во всякомъ же случаѣ, барыши спекулирующей публики вовсе не такъ грандіозны, какъ можно было судить по приведенному вышеп римѣру и вообще на основаніи послѣдовавшаго измѣненія въ цѣнахъ биржевыхъ бумагъ,—цѣнахъ, которыя благопріятны для спекулировавшихъ на повышеніе. Дѣло въ томъ,

что повышеніе бумагъ происходило далеко не съ правильною безпрерывностью, а скачками и съ моментами крупныхъ пониженій, которыя наша публика не умѣетъ, а иногда и не можетъ „выдерживать“. Эти кризисы всегда затѣмъ усиливаются маневрами со стороны профессіональныхъ биржевиковъ, направленныхъ къ тому, чтобы всучить бумаги спекулирующей публикѣ по чрезмѣрно повышенной цѣнѣ и взять ихъ обратно по цѣнамъ значительно низшимъ. Въ этомъ отношеніи профессіональная спекуляція играетъ съ любительской какъ кошка съ мышкой.

Всѣ маневры профессіональной спекуляціи, направленные къ эксплуатаціи спекулирующей публики, зиждутся на темнотѣ, неосвѣдомленности и слабой матеріальной состоятельности послѣдней. Обыкновенно спекулянтъ-любитель, при увеличеніи средствъ на счетъ выигрыша, тотчасъ пускаетъ этотъ выигрышъ въ оборотъ, для расширенія своихъ операцій, оставляя свой текущій счетъ при томъ же минимальномъ обезпеченіи. Вслѣдствіе этого при сколько-нибудь остромъ кризисѣ онъ теряетъ не только заработокъ, но сплошь и рядомъ и часть своихъ собственныхъ средствъ. Возьмемъ такой случай. Спекулянтъ купилъ 100 какихъ-либо акцій по 100 р. за каждую. Затѣмъ цѣна ихъ подымается до 150 р. и на выигранные 5.000 р. онъ покупаетъ вновь тѣхъ же акцій, въ разсчетѣ на дальнѣйшее повышеніе ихъ цѣнъ. Между тѣмъ происходитъ пониженіе, и цѣна данныхъ акцій падаетъ до 125 р. Банкиръ требуетъ дополнительнаго обезпеченія, и, за невзносомъ его, бумаги продаются по еще болѣе упавшей цѣнѣ, хотя бы по 115 р. Въ результатѣ спекулянтъ на первой своей покупкѣ пріобрѣтетъ 1.500 р., а на второй потеряетъ 3.500 р., или общій результатъ составитъ потерю въ 2.000 р. Профессіональные биржевики прекрасно знаютъ шаткое положеніе мелкой спекуляціи, получившее названіе „слабыхъ рукъ“, а потому и устроиваютъ на нее періодически нѣчто въ родѣ спеціальныхъ облавъ, извѣстныхъ на биржевомъ языкѣ подъ именемъ „кровопусканій“, „очищенія желудковъ“ и т. д. Прежде всего биржевики стараются, при помощи разныхъ слуховъ и ложныхъ котировокъ, передать публикѣ болѣе или менѣе значительное количество бумагъ по цѣнамъ повышеннымъ противъ дѣйствительной ихъ цѣнности. Затѣмъ уже, отчасти въ видѣ естественной реакціи, а отчасти подъ вліяніемъ маневровъ профессіональныхъ биржевиковъ, начинается періодъ пониженія. Сигналомъ къ этому служитъ чаще всего какой-нибудь дѣйствительно неблагопріятный для повышенія факторъ, въ родѣ политическихъ осложненій, стѣсненія денежнаго рынка и т. д. Но дѣйствіе его усиливается предварительнымъ чрезмѣрнымъ повышеніемъ на всѣ бумаги и неправильными пріемами при помощи

бланковыхъ запродажъ, а также ложныхъ свѣденій, помѣщаемыхъ въ оффиціальныхъ котировкахъ. Когда пониженіе достигаетъ предѣла, при которомъ обезпеченіе подъ выданныя спекулянтамъ крупныя ссуды оказывается недостаточнымъ, то начинаются подневольныя или экзекуціонныя продажи, усиливающія предложеніе при отсутствіи соотвѣтствующихъ размѣровъ спроса, и дѣло принимаетъ характеръ остраго биржевого кризиса, производящаго настоящія опустошенія въ рядахъ спекулирующей публики. Для характеристики современнаго состоянія петербургской биржи достаточно сказать, что пониженіе цѣны бумаги въ теченіе нѣсколькихъ дней на 10 проц. биржевой ея стоимости сдѣлалось теперь явленіемъ совершенно обыкновеннымъ и никого не поражающимъ. Съ отдѣльными же бумагами, такъ называемыми биржевыми фаворитами, т.-е. являющимися преимущественнымъ объектомъ игры въ данный моментъ, бываютъ скачки по истинѣ изумительныя. Такъ акціи нѣкоего „Росс. золотопр. общ." повысились къ началу августа до 500 руб., въ половинѣ августа онѣ уже были 495 р., къ 20-му августа всего 470 р., къ 25-му—425 р. и къ 28-му—450 р. При такихъ колебаніяхъ биржевые скачки могутъ выдерживать только люди, располагающіе значительными запасными средствами, мелкая же спекуляція почти всегда въ большей или меньшей мѣрѣ дѣлается ихъ жертвами, часто теряя въ одинъ кризисъ все ранѣе „заработанное" путемъ цѣлаго ряда удачныхъ операцій.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что спекулирующая публика—народъ въ большинствѣ случаевъ до болѣзненности впечатлительный, народъ съ расшатанными нервами, вслѣдствіе безпрерывныхъ тревогъ въ ожиданіи повышенія или пониженія, и легко поддающійся притомъ всякаго рода „внушеніямъ". Если же принять во вниманіе, что большинство подобныхъ игроковъ не располагали никакимъ твердымъ базисомъ для своихъ операцій, что, дѣлаясь акціонеромъ того или другого предпріятія, спекулирующій не только не имѣетъ о немъ точнаго представленія, но даже не знаетъ, въ какой губерніи оно находится, то станетъ понятнымъ вѣчно ажитированное его состояніе. Естественно, что въ періоды повышеній, подъ вліяніемъ общаго радужнаго настроенія и постоянно циркулирующихъ на „малыхъ биржахъ" слуховъ о грандіозныхъ кушахъ, перепадающихъ неустрашимымъ людямъ, любитель-спекулянтъ легко утрачиваетъ всякую осторожность, съ своей стороны стремится ловить моментъ и выдвигаетъ въ бой всѣ свои наличныя силы, не оставляя ничего въ видѣ резерва. Въ дни пониженія картина радикально и быстро мѣняется. Начинается такая же массовая распродажа товара, какъ подъ вліяніемъ овладѣвающей спекулянтовъ паники, такъ и вслѣдствіе необхо-

димости при незначительномъ обезпеченіи выданныхъ подъ разныя цѣнности ссудъ. Очень часто случается, что всѣ операціи спекулирующей публики показываются только въ ихъ разсчетныхъ книжкахъ, но на дѣлѣ вовсе не выполняются. Если, напримѣръ, банкиръ знаетъ, что цѣна на ту или другую бумагу искусственно повышена, то онъ исполняетъ приказъ на покупку путемъ простой записи: „куплено за вашъ счетъ" и т. д., предпочитая купить ее при наступленіи реакціи. При разсмотрѣніи, напримѣръ, книгъ одной банкирской конторы послѣ ея несостоятельности обнаружилось, что этой конторѣ сдѣлана была масса приказовъ на покупку акцій новоторжской дороги въ виду слуховъ о выкупѣ ихъ въ казну по номинальной цѣнѣ, но такихъ покупокъ въ дѣйствительности не производилось. Когда же слухи не оправдались и цѣна акцій понизилась, то контора разсчиталась съ кліентами, взявши съ нихъ разницу. Хотя особенная канцелярія по кредитной части и предупреждала кредитныя учрежденія особымъ циркуляромъ, что она будетъ дѣлать ревизіи для провѣрки наличности находящихся у нихъ въ залогѣ бумагъ, но приведенный фактъ (случившійся уже послѣ изданія циркуляра) несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что подобнаго контроля вовсе не существуетъ. На дѣлѣ банкирскія конторы имѣютъ полную возможность производить всевозможныя операціи съ бумагами, принадлежащими ихъ кліентамъ. Если, напримѣръ, нужно произвести пониженіе, то часть этихъ бумагъ предлагается для продажи; а когда должное дѣйствіе произведено, то онѣ вновь скупаются по пониженнымъ цѣнамъ, иногда у тѣхъ же собственныхъ кліентовъ, которые ранѣе покупали ихъ по цѣнамъ высокимъ.

IV.

Несомнѣнно, такимъ образомъ, что широкое участіе, которое принимаетъ въ послѣднее время публика въ операціяхъ биржи, оказываетъ прежде всего чрезвычайно неблагопріятное вліяніе на дѣятельность этого учрежденія. Въ силу неопытности подобной публики и слабой ея денежной состоятельности, естественныя безпрерывныя колебанія въ цѣнахъ биржевыхъ бумагъ значительно усиливаются и принимаютъ характеръ рѣзкихъ скачковъ въ видѣ неосновательныхъ чрезмѣрныхъ повышеній и такихъ же неосновательныхъ чрезмѣрныхъ пониженій, испытываемыхъ то всѣми цѣнностями вмѣстѣ, то какой-нибудь одной изъ нихъ въ отдѣльности. Съ другой стороны, и профессіональные биржевики видятъ въ этомъ участіи публики чрезвычайно благодарную почву для извлеченія выгодъ изъ подобныхъ рѣзкихъ колебаній, изъ легкой возможности повести спекулирующую

массу въ желательную для себя сторону. При незначительномъ же числѣ у насъ крупныхъ биржевыхъ дѣятелей по профессіи, въ средѣ ихъ очень легко возникаютъ всякаго рода синдикаты, консорціумы и разныхъ наименованій соглашенія для эксплуатаціи публики соединенными силами. Затѣмъ они пользуются оптимистическимъ настроеніемъ спекуляціи для выпуска на рынокъ разнаго рода сомнительныхъ и даже ничего нестоющихъ цѣнностей, которыя между тѣмъ находятъ себѣ весьма легкое помѣщеніе и даже съ чудовищными преміями въ пользу „учредителей" или дѣльцовъ, взявшихъ на себя роль воспріемниковъ при появленіи ихъ на биржѣ. Теперь премія въ 100 или 200 руб. на акцію предпріятія, еще не существующаго, а лишь задуманнаго, вовсе не представляетъ собою рѣдкаго исключенія.

Помимо крупныхъ потерь, которыя несетъ спекулирующая публика во время процесса игры, благодаря описаннымъ выше пріемамъ профессіональныхъ спекулянтовъ, биржевое оживленіе, основанное на широкомъ участіи въ немъ публики, всегда заканчивается крахомъ. Въ пользу неизбѣжности такого финала говорятъ какъ простыя соображенія, такъ и цѣлый рядъ уроковъ прошлаго. Играя исключительно въ одну сторону, именно на повышеніе, публика вовсе не желаетъ знать, что даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для такого повышенія существуютъ извѣстные предѣлы. Такъ какъ въ общемъ всѣ бумаги повышаются въ цѣнѣ,—разсуждаетъ она,—то, стало быть, нужно ихъ покупать. А такъ какъ всѣ вѣрятъ въ повышеніе и покупаютъ, то повышеніе происходитъ и въ дѣйствительности. Выбитые изъ строя временными кризисами спекулянты замѣняются новыми силами, затѣмъ оказавшіеся въ нѣкоторомъ выигрышѣ расширяютъ свои обороты, и повышательное движеніе пріобрѣтаетъ все большую и большую интенсивность. Еще годъ тому назадъ повышеніе цѣны какой-нибудь бумаги въ теченіе одной биржи исчислялось рублями, теперь же подобное колебаніе въ какую-нибудь сторону отмѣчается: „почти безъ перемѣнъ". Подъемъ цѣнъ на сотню рублей въ сравнительно очень короткій промежутокъ никого уже не удивляетъ. Въ концѣ же концовъ при видѣ этой повышательной вакханаліи серьезные капиталисты стараются вовсе уклоняться отъ помѣщенія своихъ свободныхъ средствъ въ акціи столь быстро развивающихся предпріятій. Напротивъ—они сбываютъ купленный ранѣе подобный товаръ, соблазняясь высокими цѣнами. При такихъ условіяхъ на рукахъ у спекуляціи оказывается масса какъ старыхъ, такъ и вновь выпущенныхъ цѣнностей, пріобрѣтенныхъ по чрезмѣрно повышеннымъ цѣнамъ и притомъ не на наличныя деньги, а исключительно въ кредитъ. Въ силу послѣдняго обстоятельства кредитныя учрежденія начинаютъ мало-по-малу чувствовать „стѣсненіе въ деньгахъ", такъ

какъ въ сущности вся эта масса цѣнностей пріобрѣтена спекулирующей публикой не на свои, а на ихъ средства. Истощеніе свободныхъ денежныхъ средствъ банковъ и кладетъ естественный предѣлъ дальнѣйшему повышательному движенію. Желающіе „купить" спекулянты начинаютъ получать отказы въ ссудахъ и приглашаются даже выкупать часть цѣнностей, заложенныхъ ранѣе. Въ такіе моменты всѣ воочію убѣждаются, что зарвались, и приступаютъ къ реализаціямъ. Между тѣмъ среди серьезныхъ капиталистовъ не находится охотниковъ платить за бумаги чрезмѣрно повышенныя цѣны,—приходится шагъ за шагомъ уступать. Дѣло принимаетъ уже характеръ остраго понижательнаго кризиса, а иногда и полнаго краха, въ результатѣ котораго цѣны на бумаги опускаются даже ниже своего нормальнаго уровня. Здѣсь съ спекулянтами изъ публики повторяется приключеніе рыбака, выведшаго изъ терпѣнія золотую рыбку своею неумѣренною требовательностью и оставшагося вслѣдствіе этого при разбитомъ корытѣ.

Повышательныя вакханаліи съ неизбѣжными затѣмъ крахами періодически повторяются на всѣхъ биржахъ. Ареною ихъ поочередно являются Лондонъ, Парижъ, Берлинъ, Вѣна и менѣе крупные торгово-промышленные центры. Въ исторіи петербургской биржи наиболѣе поучительнымъ въ этомъ отношеніи является повышательное движеніе, развившееся въ концѣ шестидесятыхъ годовъ и закончившееся крахомъ въ 1869 г. Толчокъ этому движенію дало происходившее тогда „оживленіе производительныхъ силъ страны" и въ частности желѣзнодорожно-строительная горячка, при которой публика желала воспользоваться хотя бы крупицей благъ, выпавшихъ на долю счастливыхъ концессіонеровъ и разныхъ другихъ препринимателей. И вотъ начинается энергичная погоня за акціями всевозможныхъ предпріятій, достигшая своего апогея къ лѣту 1869 года. 5-го іюля этого года биржевой хроникеръ „Петерб. Вѣдом." въ своемъ недѣльномъ отчетѣ писалъ: „На фондовой биржѣ былъ въ теченіе всей прошлой недѣли пиръ-горой и биржевая игра достигла тѣхъ поразительныхъ размѣровъ, которыхъ она не достигала съ самаго основанія биржи. Доигрались до такихъ цѣнъ, какихъ еще не существовало ни на одну бумагу". Рядомъ съ этимъ хроникеръ предусматривалъ и вѣроятность близкой реакціи. „Грозная туча,—говоритъ онъ далѣе,—виситъ надъ биржей, и какъ она разразится—неизвѣстно" [1]). Предсказанія

[1]) Надо сказать, что въ это время главной ареной биржевыхъ операцій являлась не оффиціальная биржа, а такъ называвшаяся „демутовская", орудовавшая въ гостиницѣ Демута. Здѣсь котировка записывалась по-просту на доскѣ, которая висѣла на стѣнѣ. Въ составъ этой „вольной" биржи входили люди самаго разнообразнаго общественнаго положенія, начиная отъ завѣдомыхъ проходимцевъ и кончая представителями высшаго петербургскаго общества.

биржевого хроникера начали сбываться очень скоро. Уже черезъ недѣлю онъ отмѣчалъ: „Предчувствія, выраженныя нами въ прошлой биржевой хроникѣ, начинаютъ оправдываться. Всѣ спекулятивныя бумаги, за исключеніемъ акцій балтійской дороги, начинаютъ колебаться и даже совсѣмъ не находятъ покупателей". Еще черезъ недѣлю мы читаемъ: „На фондовой биржѣ дѣло въ теченіе всей недѣли шло вяло, и всеобщее паденіе цѣнъ акцій и облигацій принимаетъ, наконецъ, тѣ угрожающіе размѣры, за которые мы опасались". Къ осени кризисъ уже получилъ характеръ настоящаго биржевого погрома. Ближайшей причиной его и послужило стѣсненіе въ деньгахъ, явившееся, въ свою очередь, результатомъ чрезмѣрно развившейся операціи по выдачѣ ссудъ подъ спекулятивныя цѣнности. Въ концѣ концовъ биржевой хроникеръ „Петерб. Вѣд." уже начинаетъ проникаться состраданіемъ къ представителямъ легкомысленной спекуляціи, уносимымъ волнами разразившагося биржевого кризиса, и требуетъ экстренныхъ мѣръ, для спасенія ихъ, со стороны государственнаго банка. Въ хроникѣ отъ 25-го октября онъ сообщаетъ, что всѣ напряженно ждутъ разъясненія „о тѣхъ средствахъ, какія приметъ банкъ для оказанія помощи *бѣдствующимъ*". Дѣло шло, конечно, о выдачѣ ссудъ подъ спекулятивныя цѣнности. „Замѣтивъ, —пишетъ хроникеръ далѣе,—въ вышедшихъ во вторникъ газетахъ новое объявленіе государственнаго банка, публика съ жадностью бросилась читать, но жестоко разочаровалась: вмѣсто помощи, объявленіе повторило лишь старое, весьма стѣснительное правило"... Въ итогѣ, въ теченіе кризиса 1869 г., спекулирующая публика понесла огромные убытки. Большинство бумагъ потеряло до 25 проц. и свыше своей биржевой цѣнности. По разсчету „Бирж. Вѣд.", только на двухъ выигрышныхъ займахъ потери публики составили около 160 милл. руб. Здѣсь же была похоронена и масса легко нажитыхъ состояній. Фельетонистъ „Петерб. Вѣд." того времени, г. Незнакомецъ, разсказываетъ, напримѣръ, про одного мелкаго чиновника, который началъ производить биржевыя операціи съ „капиталомъ" въ 350 р. и скоро затѣмъ нажилъ 100 т. р., которые и погибли во время кризиса. Биржевой хроникеръ той же газеты приводитъ другой случай, когда та же судьба постигла лицо изъ „высшаго общества", бросившаго ради биржевой игры службу и обзаведшагося-было для себя каменнымъ домомъ. Въ общемъ же, по его словамъ, спекулирующая публика либо вовсе потеряла все нажитое во время повышательной горячки, либо сохранила жалкіе его остатки.

Нынѣшнее наше биржевое оживленіе чрезвычайно напоминаетъ пережитое въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, какъ и всѣ они, впрочемъ, напоминаютъ другъ друга. Но естественно, что размѣры оно

приняло гораздо болѣе широкіе. Теперь въ оживленіи, кромѣ обѣихъ столицъ, участвуютъ почти всѣ крупные города и даже самые глухіе медвѣжьи углы. Харьковъ, Варшава, Кіевъ отчасти оперируютъ на своихъ собственныхъ биржахъ, а отчасти поддерживаютъ безпрерывныя телеграфныя сношенія съ петербургской биржей. Въ „малыя биржи" превратились, въ сущности, всѣ банки съ ихъ провинціальными отдѣленіями и банкирскія конторы. На нихъ въ теченіе цѣлаго дня орудуютъ представители такъ называемой кулиссы, не имѣющіе доступа на оффиціальную биржу. Теперь въ отчетахъ хроникеровъ уже говорится о цѣнахъ на бумаги, которыя были „до биржи", во время биржи и „послѣ биржи".

Съ другой стороны, и причина настоящаго биржевого оживленія та же, что была въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Это—желѣзнодорожно-строительная горячка. Нѣкоторая разница существуетъ лишь въ постановкѣ дѣла. Въ прежнее время источникомъ грандіозной наживы для предпринимателей служила самая, передававшаяся въ ихъ руки, постройка дорогъ. Теперь большинство ихъ строитъ казна, а счастіе выпало на долю акціонерныхъ обществъ и отдѣльныхъ предпринимателей, занятыхъ приготовленіемъ рельсовъ, подвижного состава и другихъ желѣзно-дорожныхъ принадлежностей. Поэтому героями нынѣшняго биржевого оживленія и центромъ его явились акціи желѣзодѣлательныхъ заводовъ — старыхъ (брянскихъ, путиловскихъ, Сормово и т.д.) и вновь возникающихъ подъ вліяніемъ щедро оплачиваемыхъ казенныхъ заказовъ. Говорятъ, что первоначальнымъ стимуломъ къ повышательному движенію настоящаго времени явилась конверсія государственнаго долга, съ пониженіемъ процента по немъ. Подобная операція, конечно, должна была вызвать переоцѣнку всѣхъ частныхъ бумагъ въ направленіи капитализаціи доставляемаго ими дохода по соотвѣтственно пониженному проценту. Если прежде капиталистъ отъ частныхъ бумагъ требовалъ минимумъ 6 проц., то теперь онъ довольствуется 5-ью. Такимъ образомъ, бумага, оцѣнивавшаяся ранѣе въ 500 р., должна была повыситься до 600 р. Но вліяніе конверсіи давно уже прошло, а грандіозное повышательное шествіе все еще продолжается. Во главѣ же его, въ самомъ уже началѣ кампаніи, еще до конверсіи, стали акціи желѣзодѣлательныхъ заводовъ.

У насъ въ постройкѣ теперь находится до 13 тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, что составитъ около трети всей существующей сѣти. Естественно, что удовлетвореніе столь внезапно почувствовавшейся потребности въ новой обширной сѣти желѣзно-дорожныхъ путей сообщенія, вызвало усиленный спросъ на всякія желѣзно-дорожныя принадлежности. Между тѣмъ наша экономическая политика осталась прямо-

линейно вѣрной традиціямъ прежняго покровительства отечественной обработывающей промышленности и уклоненія отъ услугъ иностранной промышленности. Въ результатѣ незначительное число нашихъ заводовъ оказалось въ положеніи монополистовъ и, на почвѣ взаимнаго соглашенія, получило возможность предписывать, при выполненіи заказовъ, какія угодно условія [1]). Къ этому присоединяются еще отдѣльныя злоупотребленія—въ родѣ оглашенныхъ въ печати условій передачи кн. Мещерскому заготовленія бланковъ для казенныхъ желѣзныхъ дорогъ по цѣнамъ завѣдомо высшимъ противъ обыкновенныхъ. Неудивительно, что полученіе новаго казеннаго заказа какимъ-нибудь заводомъ биржа тотчасъ привѣтствуетъ повышеніемъ его акцій. Казенные же заказы являются и источникомъ тѣхъ премій, съ которыми выпускаются на биржу акціи новыхъ заводовъ. Затѣмъ, достаточно появленія на биржѣ какого-нибудь слуха о намѣреніи казны воспользоваться болѣе дешевыми цѣнами иностранныхъ заводовъ, чтобы вся наша промышленно-патріотическая печать пришла въ чрезвычайное негодованіе. Здѣсь по обыкновенію фигурируютъ прежде всего интересы населенія, отъ котораго ускользаетъ крупный заработокъ. По логикѣ этой печати оказывается, что взять съ населенія на постройку дорогъ лишнихъ 100 милл. р., изъ которыхъ 20 проц. пойдетъ на увеличеніе заработка, а 80 проц.—на увеличеніе дивидендовъ акціонерамъ, представляетъ собою операцію, для населенія необыкновенно выгодную и остроумную. Но не лучше ли тогда всѣ 100 милл. р. оставить въ рукахъ населенія, хотя бы уменьшивъ на эту сумму размѣръ взимаемыхъ налоговъ? Точно также эта печать не задумывается надъ тѣмъ, что̀ выгоднѣе для страны—построить ли 13 тыс. верстъ дорогъ при помощи дорогихъ отечественныхъ матеріаловъ, или 20 тыс. верстъ, пользуясь болѣе дешевыми иностранными матеріалами. Она прямо разсматриваетъ уплачиваемыя иностраннымъ заводчикамъ деньги какъ совершенно непроизводительно выбрасываемыя въ форточку. А что отъ такого покровительства отечественной промышленности выигрываютъ главнымъ образомъ владѣльцы заводовъ, наглядное представленіе о томъ даетъ грандіозное повышеніе цѣнъ ихъ акцій до предѣловъ, которые ранѣе казались почти невѣроятными. Оно-то и служитъ матеріаломъ, насчетъ котораго разгарается биржевой азартъ публики. Естественно, что косвеннымъ образомъ необыкновенное благополучіе, выпавшее на долю желѣзодѣлательной промышленности, создаетъ и благополучіе кредитныхъ учрежденій, принимающихъ широкое участіе въ бирже-

---

[1]) Большинство частныхъ дорогъ у насъ также лишено права производить заказы на заграничныхъ заводахъ.

вой игрѣ и получающихъ солидный заработокъ отъ участія въ выпускѣ акцій новыхъ предпріятій съ чудовищными преміями.

Когда вся экономическая политика создаетъ атмосферу, благопріятствующую легкому обогащенію отдѣльныхъ классовъ на счетъ остального населенія, то укоры по адресу публики, которую охватила жажда легкой наживы, кажутся нѣсколько странными и не совсѣмъ логичными. Вѣдь публика, набрасывающаяся на акціи разнаго рода предпріятій, желаетъ лишь перенести на себя хоть частицу описываемаго ими „покровительства" и сопряженныхъ съ ними земныхъ благъ. Нѣкоторая часть публики всегда принимала и будетъ принимать участіе въ биржевой игрѣ; но чтобы бороться съ ея настоящими размѣрами и тѣмъ растлѣвающимъ вліяніемъ, которое она производитъ въ качествѣ какой-то эпидеміи, слѣдуетъ прежде всего обратить вниманія на первый источникъ подобнаго явленія въ видѣ нынѣшней безгранично-покровительственной политики. Это уже не покровительство, а простое взиманіе съ населенія колоссальныхъ контрибуцій въ пользу разныхъ предпринимателей, въ ряды которыхъ желаетъ стать и „публика", имѣющая хотя малѣйшую къ тому возможность. Она смѣшиваетъ въ одну кучу акціи и „брянскія", „путиловскія", „сормовскія", „буэ", „глѣбовскія", „фениксъ", „мальцевскія", „русско-бельгійскія" и всякія прочія, усердно ихъ покупая, въ справедливомъ пока предположеніи, что покровительства на всѣхъ хватитъ.

Само собою разумѣется, что и на этотъ разъ кончится пиръ ихъ бѣдою. Прежде всего, поклонники покровительственной политики совершенно ошибаются, полагая, что при помощи щедро оплачиваемыхъ казенныхъ заказовъ можно создать прочную промышленность, которая затѣмъ станетъ на собственныя ноги. Самые, выростающіе какъ грибы, заводы имѣютъ чисто спекулятивный характеръ и устроиваются на скорую руку съ цѣлью временно воспользоваться благопріятной полосой. Опять напомнимъ, что мы еще недавно пережили одно совершенно аналогичное промышленное оживленіе, которое быстро улеглось вмѣстѣ съ прекращеніемъ главныхъ его казенныхъ заказовъ. Всѣ эти брянскія, сормово-путиловскія, мальцевскія акціи въ свое время процвѣтали, затѣмъ были заброшены и теперь опять выдвинуты спекуляціей и возобновленіемъ эры оживленія, чтобы, вѣроятно, быть вновь заброшенными до „перваго востребованія". Если же нѣкоторыя изъ нихъ и будутъ продолжать свое существованіе, то во всякомъ случаѣ, по окончаніи желѣзно-дорожной строительной горячки, имъ придется распрощаться съ нынѣшними громадныхъ размѣровъ доходами, а въ результатѣ произойдетъ и соотвѣтственное пониженіе акцій. Пятнадцать процентовъ на капи-

талъ—тоже очень порядочный доходъ, но онъ—не то, что 30 проц., изъ капитализаціи которыхъ теперь котируются на биржѣ хотя бы акціи брянскаго завода. Съ другой стороны, несомнѣнно, что, въ силу естественнаго опасенія, спекулирующая публика раньше или позже перейдетъ (а можетъ быть, уже и перешла) предѣлъ въ оцѣнкѣ нынѣшняго благопріятнаго момента для такихъ предпріятій,—неизбѣжнымъ послѣдствіемъ чего и явится реакція, гораздо болѣе стремительная, чѣмъ самое, переживаемое теперь, повышеніе.

Едва-ли, такимъ образомъ, при настоящихъ условіяхъ можно серьезно говорить о борьбѣ съ охватившею значительную часть общества страстью къ биржевой игрѣ. Нельзя одной рукой доставлять матеріалъ для легкой наживы, а другой—бороться съ логическими послѣдствіями такой политики. По минованіи подобныхъ условій, биржевая игра и безъ всякихъ особыхъ мѣръ войдетъ въ свои нормальные предѣлы. Но, разумѣется, этотъ переходъ не обойдется безъ крупнаго потрясенія и значительнаго числа искупительныхъ жертвъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожелать и скорѣйшаго измѣненія тѣхъ порядковъ, которые водворились на нашей биржѣ и въ акціонерныхъ обществахъ и которые облегчаютъ дѣло вовлеченія публики въ биржевую игру и извлеченія изъ нея профессіональными биржевиками крупной наживы. О пріемахъ, практикующихся съ подобными цѣлями, мы уже говорили. Большинство изъ нихъ зиждется на отсутствіи всякаго контроля надъ составленіемъ биржевыхъ котировокъ, надъ употребленіемъ банками цѣнныхъ бумагъ, поступающихъ къ нимъ въ залогъ отъ публики, и т. д. Въ этомъ отношеніи наше законодательство усвоило не совсѣмъ правильный взглядъ на биржу, какъ на учрежденіе, необходимое лишь для небольшой корпораціи въ видѣ профессіональныхъ биржевыхъ дѣятелей. Отсюда—надежда, что эта корпорація, пользуясь дарованнымъ ей самоуправленіемъ, установитъ распорядокъ, устраняющій всякія злоупотребленія. На самомъ дѣлѣ биржа должна служить рынкомъ, гдѣ сосредоточивается торговля извѣстнымъ товаромъ, какъ и всѣ другіе рынки, съ которыми въ качествѣ покупателей и продавцовъ приходится имѣть дѣло значительной части населенія. Было бы наивностью ожидать, что торговцы на такихъ рынкахъ по своей собственной иниціативѣ будутъ вести борьбу съ разными злоупотребленіями въ родѣ обмѣра и обвѣса, продажи недоброкачественыхъ продуктовъ, фальсификаціи и т. д. Одинаково наивно думать, что профессіональные торговцы цѣнными бумагами, составляющіе биржу, устранятъ злоупотребленія, практикующіяся въ видахъ извлеченія выгодъ при сношеніяхъ своихъ съ публикой. Очевидно, что въ данной области, какъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ торговли, необходимъ

и контроль, представляющій собою интересы публики. Вѣдь по существу ложная котировка совершенно аналогична съ фальшивыми вѣсами. Разница лишь та, что пользованіе послѣдними представляетъ собою злоупотребленіе отдѣльныхъ торговцевъ, а ложная котировка есть мошенничество, возведенное въ систему и примѣняемое безнаказанно цѣлою корпораціей.

То же самое отчасти можно сказать и про распорядки въ акціонерныхъ обществахъ. Чѣмъ болѣе участіе въ нихъ капиталами, такъ сказать, демократизируется, тѣмъ съ большею рельефностью выступаютъ и недостатки нашего акціонернаго устава. Онъ до крайняго предѣла стѣсняетъ и обставляетъ безчисленными затрудненіями возникновеніе всякихъ акціонерныхъ предпріятій, но рядомъ съ этимъ почти не даетъ никакихъ гарантій противъ появленія въ нихъ самыхъ разнообразныхъ злоупотребленій, преслѣдующихъ неправильное показаніе о состояніи предпріятія. У насъ, напримѣръ, до сихъ поръ все веденіе предпріятія отдается въ руки крупнѣйшихъ акціонеровъ, такъ что одинъ владѣлецъ 75-ти акцій располагаетъ на собраніи тремя голосами, а 100 человѣкъ, располагающіе въ совокупности 1000 акцій, не имѣютъ ни одного голоса. Затѣмъ, у насъ не установлено никакой отвѣтственности, ни матеріальной, ни уголовной, за разные весьма ловкіе пріемы (если, конечно, въ нихъ нѣтъ прямо элемента общихъ уголовныхъ дѣяній), могущіе практиковаться цѣлыми учрежденіями и лицами при выпускѣ новыхъ биржевыхъ цѣнностей. Между тѣмъ по французскому закону 1893 г. учредители какого-нибудь акціонернаго предпріятія лишаются права продажи своихъ акцій въ теченіе двухъ лѣтъ. Германское законодательство въ этомъ отношеніи пошло еще далѣе, устанавливая какъ матеріальную, такъ и уголовную отвѣтственность за сообщеніе невѣрныхъ свѣденій или утайку какихъ-либо обстоятельствъ при выпускѣ новыхъ цѣнностей. Вообще же несовершенства нашихъ биржевого и акціонернаго уставовъ въ значительной мѣрѣ способствуютъ развитію биржевой игры и создаютъ чрезвычайно благопріятную почву для извлеченія изъ нея разными дѣльцами весьма крупныхъ выгодъ, что́, въ свою очередь, заставляетъ ихъ возможно облегчать публикѣ участіе въ биржевыхъ операціяхъ, какъ нѣкоторые „невскіе“ банкиры облегчаютъ ей возможность разбогатѣть путемъ продажи выигрышныхъ билетовъ въ разсрочку...

Вл. Бирюковичъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1895

Перемѣна въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.—Рѣчь г. министра юстиціи въ Ревелѣ и газетные къ ней комментаріи.—Новыя ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.—„Записка", направленная противъ свѣтской начальной школы. — Предполагаемое распредѣленіе суммъ, ассигнованныхъ на церковно-приходскія школы.—Отвѣтъ „Новому Времени".

Высочайшимъ указомъ 15-го октября министръ внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново призванъ на постъ предсѣдателя комитета министровъ, остававшійся вакантнымъ со времени смерти Н. Х. Бунге, а управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ ввѣрено И. Л. Горемыкину, бывшему съ весны нынѣшняго года товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Поставленный во главѣ министерства въ маѣ 1889 г., И. Н. Дурново явился исполнителемъ трехъ существенно-важныхъ преобразованій, задуманныхъ и подготовленныхъ еще гр. Д. А. Толстымъ: судебно-административнаго, земскаго и городского. Продолжателемъ своего предшественника онъ былъ, бо́льшею частью, и въ тѣхъ мѣрахъ, которыя касались хозяйственнаго быта крестьянъ: вопросы о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ, о регламентаціи передѣловъ, объ общемъ пересмотрѣ положеній 19-го февраля 1861 г., были подняты еще въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. Обо всемъ этомъ, равно какъ и о дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ въ годину неурожаевъ и эпидемій (1891-92), о лечебномъ уставѣ 1893 г., о проектахъ реорганизаціи продовольственнаго дѣла мы говорили часто и много—и можемъ ограничиться теперь короткими указаніями на положеніе дѣлъ, созданное „контръ-реформами" 1889, 1890 и 1892 г. Всего менѣе подлежитъ сомнѣнію неуспѣхъ городской реформы, о причинахъ котораго, судя по газетнымъ свѣденіямъ, собираются самимъ министерствомъ отзывы губернскихъ властей. Невозможность довести до конца городскіе выборы въ Петербургѣ и Москвѣ; обусловленная этимъ малочисленность столичныхъ городскихъ думъ;

вынужденное пополненіе петербургской думы гласными прежняго состава, хотя бы противъ нихъ и высказались избиратели, тщетныя попытки достигнуть соглашенія гласныхъ относительно выбора кандидатовъ въ петербургскіе городскіе головы,—все это слишкомъ рѣзко бросается въ глаза, чтобы можно было отрицать несостоятельность избирательныхъ порядковъ, созданныхъ городовымъ положеніемъ 1892 г. Въ сравненіи съ ними выигрываетъ даже трехразрядная система положенія 1870 г., сама по себѣ не выдерживающая критики. Монополизація избирательнаго права въ рукахъ небольшой группы, далеко не всегда и не во всемъ солидарной съ интересами массы городского населенія, не достигла своей цѣли даже въ смыслѣ простого упорядоченія городского хозяйства. Въ земскомъ положеніи 1890 г. нѣтъ столь очевидно-больного мѣста, какимъ является въ городовомъ положеніи 1892 г. избирательная система; но въ признакахъ неудачи и здѣсь нѣтъ недостатка. Самый знаменательный изъ нихъ—это та наклонная плоскость, на которую вступило, въ послѣдніе годы, земское дѣло. Положеніе 1890 г., сильно ограничивъ самостоятельность земства и существенно измѣнивъ его составъ, оставило почти неприкосновенными его функціи—но при дѣйствіи новаго закона онѣ стали постепенно уменьшаться, и имъ угрожаетъ цѣлый рядъ новыхъ, еще болѣе существенныхъ урѣзокъ. Законъ 8-го іюня 1893 г. низводитъ земство на второй планъ въ вопросахъ земскаго обложенія; лечебный уставъ того же года изъемлетъ, de facto, изъ его вѣденія больницы и пріемные покои; новый проектъ продовольственнаго устава совершенно вытѣсняетъ его изъ этой области; предлагаемая, съ разныхъ сторонъ, передача всѣхъ начальныхъ школъ въ духовное вѣдомство была бы равносильна прекращенію земской дѣятельности на пользу народнаго образованія; слышатся голоса, устраняющіе земство изъ сферы общественнаго призрѣнія. Еще немного шаговъ по проторенному пути—и земство потеряло бы всякую raison d'être, земскіе дѣятели обратились бы въ административныхъ агентовъ по завѣдыванію дорогами, подводами и другими натуральными повинностями. Къ тому же результату привело бы, въ концѣ концовъ, все чаще и чаще повторяющееся неутвержденіе избираемыхъ земствомъ должностныхъ лицъ, кое-гдѣ доходящее уже теперь до *назначенія* цѣлаго состава управы. Тѣмъ же путемъ неутвержденія можетъ быть сведена къ нулю самостоятельность земскихъ членовъ губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія и училищныхъ совѣтовъ. Совершенно очевидна, такимъ образомъ, невозможность остаться при положеніи 1890 г., одинаково не удовлетворяющемъ какъ противниковъ, такъ и приверженцевъ земства; неизбѣженъ, въ близкомъ будущемъ, выборъ между упраздненіемъ земства и возвра-

щеніемъ его къ условіямъ, болѣе соотвѣтствующимъ его призванію... Едва ли, наконецъ можетъ остаться неприкосновеннымъ положеніе 12-го іюля 1889 г., въ виду предпринятаго пересмотра судебныхъ уставовъ и общаго положенія о крестьянахъ. Съ каждымъ днемъ становится яснѣе ненормальная постановка волостной юстиціи; ненормально и разнообразное примѣненіе дискреціонной власти земскихъ начальниковъ; все болѣе и болѣе сознается потребность въ мелкой хозяйственной единицѣ, которую никакъ нельзя механически вставить въ существующія административныя рамки... Итакъ, ни въ одной изъ трехъ областей, затронутыхъ „контръ-реформами“, преобразованіе не можетъ считаться удавшимся и, слѣдовательно, законченнымъ; вездѣ предстоятъ къ разрѣшенію важныя задачи, требующія, прежде всего, безпристрастнаго отношенія ко всему сдѣланному въ послѣдніе годы. Понятно, что сравнительно-легкимъ безпристрастіе является для лица, не принимавшаго участія ни въ подготовкѣ, ни въ исполненіи законовъ 1889, 1890 и 1892 гг. Именно таково положеніе И. Л. Горемыкина, послѣднія тринадцать лѣтъ, до начала 1895 г., служившаго въ вѣдомствѣ министерства юстиціи. Бо́льшую часть этого времени (1884—91) онъ занималъ должность оберъ-прокурора 2-го департамента сената, ставившую его лицомъ къ лицу съ крестьянскимъ дѣломъ—т.-е. именно съ наиболѣе важною изъ тѣхъ задачъ, съ которыми онъ встрѣтится при исполненіи своихъ новыхъ обязанностей. Изучить, на мѣстѣ, положеніе крестьянъ И. Л. Горемыкинъ имѣлъ возможность и раньше, въ качествѣ коммиссара по крестьянскимъ дѣламъ въ царствѣ польскомъ, члена центральной коммиссіи по тѣмъ же дѣламъ и старшаго чиновника при сенаторѣ И. И. Шамшинѣ, ревизовавшемъ, въ 1880-81 г., губерніи саратовскую и самарскую. Во время этой ревизіи на И. Л. Горемыкинѣ лежало именно изслѣдованіе экономическаго быта и юридическаго положенія крестьянъ, результаты котораго изложены въ пространной запискѣ, и теперь представляющей много интереснаго. Хорошо знакомо И. Л. Горемыкину и земское дѣло: онъ былъ нѣсколько трехлѣтій (и, если мы не ошибаемся, состоитъ и теперь) гласнымъ боровичскаго (новгород. губ.) уѣзднаго земскаго собранія.

Большое и заслуженное вниманіе обратила на себя, въ началѣ истекшаго мѣсяца, рѣчь, произнесенная г. министромъ юстиціи въ Ревелѣ, во время ревизіонной его поѣздки по остзейскому краю. Выдѣляются въ ней, прежде всего, тѣ мѣста, гдѣ ораторъ признаетъ великую важность сочувствія и поддержки—другими словами, великое значеніе свободнаго общественнаго мнѣнія. „Среди холодности и равнодушія работать тяжко, и всякій *неподдѣльный* знакъ одоб-

ренія придаетъ энергіи и бодрости". Печать неподдѣльности знаки одобренія носятъ на себѣ, несомнѣнно и неопровержимо, только тогда, когда рядомъ съ ними возможны и выраженія неодобренія. Не даромъ же при до-реформенныхъ порядкахъ хвалебный отзывъ газеты о должностномъ лицѣ или административной мѣрѣ разсматривался какъ дерзость; въ немъ видѣли, и не безъ причины, лицевую сторону медали, за которою всегда скрывается другая, оборотная. Положеніе дѣлъ съ тѣхъ поръ существенно измѣнилось; критика правительственныхъ дѣйствій, а слѣдовательно и государственныхъ дѣятелей, перестала быть безусловно невозможной—но права гражданства она пріобрѣла еще далеко не вполнѣ; высокомѣрное, небрежное или прямо враждебное отношеніе къ ней еще не вышло изъ моды, и заявленія въ родѣ того, которое сдѣлалъ министръ юстиціи, имѣютъ, поэтому, безспорную цѣнность. Не въ томъ, однако, заключается главный интересъ ревельской рѣчи Н. В. Муравьева: она касается весьма серьезныхъ политическихъ вопросовъ и даетъ на нихъ болѣе или менѣе обстоятельные отвѣты. „Русское дѣло,—говоритъ г. министръ, —на русской, хотя бы окраинной почвѣ, съ разновѣрнымъ и разноплеменнымъ населеніемъ — какое странное сопоставленіе и вмѣстѣ раздѣленіе въ сущности единыхъ и тожественныхъ понятій! Не будетъ ли это своего рода тавтологія — доказательство несомнѣннаго, разъясненіе очевиднаго, нѣчто похожее на стукъ въ открытую дверь здраваго смысла? Россія—вездѣ Россія, и всѣ дѣла, всѣ нужды подданныхъ ея державы могутъ быть только русскими. А между тѣмъ, какъ часто, къ сожалѣнію, приходится напоминать и подтверждать въ дѣйствительности ту непреложную истину, что на всемъ необъятномъ пространствѣ нашего отечества, какъ бы ни назывались и ни молились, откуда бы ни пришли его сыны—все государственное, правительственное, властное можетъ и должно быть только одно: царское, русское, единымъ велѣніямъ повинующееся, однимъ духомъ проникнутое, къ одинаковымъ цѣлямъ стремящееся. Въ этой истинѣ—наша крѣпость, въ ея колебаніи—наша слабость, въ ея утвержденіи —наше славное прошлое и наше свѣтлое будущее! И нужно ли говорить, что эта истина отнюдь не знаменуетъ собою ни угнетенія, ни нетерпимости? Напротивъ, въ широкихъ рамкахъ отечественнаго блага она оставляетъ просторъ и личной совѣсти, и бытовымъ особенностямъ, и законнымъ мѣстнымъ надобностямъ. Еще никто не дѣлалъ русскому народу основательнаго упрека въ недостаткѣ великодушія и шири. Только компромиссовъ и притворства не допускаетъ безусловное начало самодержавной русской государственности; кто не другъ ему, тотъ врагъ, съ которымъ она съумѣетъ справиться... Трудно себѣ представить идею болѣе величественную и жизненную,

начало болѣе могучее и благородное. Всѣмъ хватитъ воздуха и свѣта въ обширномъ русскомъ царствѣ, всѣ вѣрноподданные его найдутъ защиту подъ мощной сѣнью Русскаго Орла... Мы ждемъ, мы вѣримъ—русское дѣло на окраинѣ да принесетъ съ собою миръ между разрозненными или враждующими интересами, да прекратитъ владычество сильнаго надъ слабымъ, да водворитъ господство справедливости повсюду, гдѣ былъ или могъ быть гнётъ и произволъ, а затѣмъ—не все же рознь, борьба или противодѣйствіе; вѣдь не пройдутъ безслѣдно ревностныя усилія благомыслящихъ людей, здѣсь столько поработавшихъ, и, наконецъ, настанетъ, — если уже не настало,—для многоразличныхъ мѣстныхъ элементовъ время благоразумной, сознательной покорности и примиренія. Мнѣ думается, что именно въ этомъ направленіи новый русскій судъ призванъ быть однимъ изъ главныхъ проводниковъ русскаго дѣла на окраинѣ. Чуждый какихъ-либо тенденцій — религіозныхъ, политическихъ, партійныхъ, — во всеоружіи одной лишь правды и милости, онъ можетъ быть страшенъ или ненавистенъ только ихъ тайнымъ и явнымъ недругамъ. Пока этихъ послѣднихъ много — и дѣятельность суда, никогда не измѣняющаяся въ качествѣ, въ количествѣ и напряженіи, носитъ какъ бы боевой характеръ. Но то бой особенный, бой мирный, добра со зломъ, права съ безправіемъ, закона съ беззаконіемъ. И тутъ, въ этомъ бою, въ строжайшемъ равенствѣ правосудія, въ неуклонномъ и полнѣйшемъ безпристрастіи суда—вся его задача, вся мощь и весь успѣхъ его воздѣйствія. Ничто такъ не смиряетъ мятущіяся вожделѣнія и страсти, какъ внушаемое судомъ сознаніе, что у него *нѣсть Еллинъ, нѣсть Іудей*, что для него нѣтъ различія въ вѣрѣ, языкѣ, происхожденіи, сословіи, достаткѣ, а есть лишь правые и виноватые, обиженные и обидчики,—лица, заслужившія кару или принужденіе закона, и лица, нуждающіяся въ его заступничествѣ. Передъ такимъ судомъ всѣ преклоняются, къ нему всѣ подходятъ съ довѣріемъ и уваженіемъ"...

Итакъ, на русской окраинѣ, какъ и вездѣ въ Россіи, возможно только *русское дѣло*: это признается яснымъ до очевидности, не требующимъ доказательствъ. Подхватывая и подчеркивая этотъ тезисъ, „Московскія Вѣдомости" считаютъ нужнымъ прибавить, что самая его постановка свидѣтельствуетъ о „несомнѣнной и долго господствовавшей аберраціи нашей политической жизни. Какое же дѣло, кромѣ русскаго, можетъ быть на русской почвѣ? Вѣдь не французское же и не нѣмецкое? А между тѣмъ сколько усилій цѣлой плеяды дѣятелей нужно было для того, чтобы доказать этотъ труизмъ, эту азбучную политическую истину"... *Азбучная политическая истина* должна удовлетворять, прежде всего, одному условію: она должна быть на-

столько точна и опредѣленна, чтобы не оставалось мѣста для противоположныхъ толкованій. Въ данномъ случаѣ это условіе едва-ли имѣется на лицо. Чтó понимается подъ именемъ русскаго дѣла на русской окраинѣ—одно ли только дѣло *государственное*, общее, идущее изъ центра и къ центру, или также дѣла *частныя*, касающіяся одного лишь мѣстнаго населенія? Слова г. министра: „все правительственное, властное можетъ и должно быть только одно: царское, русское", какъ бы указываютъ на первое—но нѣсколько раньше встрѣчается утвержденіе, что „всѣ дѣла, *всѣ нужды русскихъ подданныхъ* могутъ быть только русскими". Недоумѣніе, и недоумѣніе весьма крупное, такъ и остается неразрѣшеннымъ. Возьмемъ, для примѣра, интересы лютеранской церкви въ остзейскомъ краѣ. Подъ понятіе о русскомъ дѣлѣ въ смыслѣ правительственнаго, властнаго, они, очевидно, не подходятъ—но могутъ ли они считаться русскимъ дѣломъ въ другомъ значеніи слова, какъ *нужды населенія*? Если могутъ, то пред ставленіе о русскомъ дѣлѣ теряетъ свою кажущуюся ясность; если не могутъ, то какая же должна быть ихъ дальнѣйшая судьба? Признать ихъ какъ бы несуществующими — было бы уже слишкомъ просто; признать ихъ достойными вниманія и попеченія—значило бы оказать государственное покровительство „не-русскому" дѣлу. „Азбучная истина" оказывается, такимъ образомъ, довольно смутной формулой, требующей поправокъ, дополненій или, по меньшей мѣрѣ, комментаріевъ. Конечно, можно провозгласить *русскимъ* всякое дѣло, направленное къ пользѣ государства и его подданныхъ; но вѣдь понятіе о *пользѣ* весьма относительно и условно, а примѣненіе его къ отдѣльнымъ случаямъ усложняется, сплошь и рядомъ, столкновеніемъ интересовъ общихъ (или признаваемыхъ общими) и мѣстныхъ, интересовъ цѣлаго и той или другой его части... Или, быть можетъ, ключъ къ занимающей насъ дилеммѣ находится въ томъ мѣстѣ рѣчи, гдѣ ораторъ высказывается противъ „угнетенія" и „нетерпимости", отводитъ полный просторъ „личной совѣсти, бытовымъ особенностямъ, законнымъ мѣстнымъ надобностямъ"? Мы хотѣли бы остановиться на этой мысли, несмотря на эластичную оговорку о „широкихъ рамкахъ отечественнаго блага"—но насъ смущаютъ слова: „кто не другъ безусловному началу самодержавной русской государственности, тотъ врагъ, съ которымъ она съумѣетъ справиться". Какъ узнать, другъ ли ктонибудь извѣстному „началу"?—По его словамъ?—Но вѣдь громко выражать свои взгляды и чувства никто не обязанъ, да и самое выраженіе ихъ, особенно если оно не вполнѣ добровольно, можетъ быть неискреннимъ.—По его дѣйствіямъ?—Но вѣдь они сплошь и рядомъ являются политически-безразличными, безцвѣтными, т.-е. не свидѣтельствующими ни о расположеніи, ни о нерасположеніи къ данному на-

чалу. Если въ маленькой греческой республикѣ можно было требовать отъ каждаго гражданина открытой и рѣшительной profession de foi, если нѣмецкими поэтами сороковыхъ годовъ могъ быть провозглашенъ, хотя и не безъ натяжки, девизъ: Entweder—Oder; Für oder Wider, то въ такомъ государствѣ, какъ Россія, вполнѣ допустима и дозволительна, если можно такъ выразиться, политическая „нейтральность". Чтобы признать кого-либо врагомъ, съ которымъ слѣдуетъ „справиться", недостаточно предполагаемаго или даже доказаннаго *отсутствія дружбы*: нужны признаки вражды—не отрицательные, а положительные. Только при этомъ условіи можно избѣжать конфликтовъ между „личною совѣстью" и „началомъ государственности", между мѣстными „бытовыми особенностями" и „русскимъ властнымъ дѣломъ"—конфликтовъ, исходъ которыхъ предрѣшенъ заранѣе.

Весьма симпатичны взгляды Н. В. Муравьева на задачи суда вообще и въ остзейскихъ губерніяхъ въ особенности. „Неуклонное и полнѣйшее безпристрастіе", „отсутствіе тенденцій религіозныхъ и политическихъ", „строжайшее равенство правосудія" — все это, безспорно, не можетъ остаться безъ вліянія на дальнѣйшее развитіе края. Важно не то, что судебная реформа 1889 г. ассимилировала прибалтійскую окраину, въ области суда, съ центральной Россіей— важно то, что эта ассимиляція была шагомъ впередъ, перемѣной къ лучшему. Въ первый разъ всѣ слои остзейскаго населенія убѣдились наглядно, что русскіе порядки кое въ чемъ превосходятъ мѣстную провинціальную старину. Новый судебный персоналъ, по общему отзыву, былъ подобранъ удачно и способствовалъ, наравнѣ съ самымъ закономъ, обузданію „гнёта и произвола", уменьшенію владычества „сильнаго надъ слабымъ". Во многомъ, какъ извѣстно, остзейскому краю могутъ позавидовать теперь коренныя русскія губерніи: тамъ нѣтъ смѣшенія функцій судебныхъ и административныхъ, волостные суды не отдѣлены китайскою стѣною отъ общихъ и не поставлены въ зависимость отъ дискреціонной власти одного лица... Для того, однако, чтобы судъ могъ исполнить всецѣло свое высокое призваніе, мало хорошихъ процессуальныхъ правилъ, хорошаго личнаго состава судей; необходимо еще такое *матеріальное право*, на почвѣ котораго было бы возможно *истинное*, а не только *формальное* правосудіе. Съ этой точки зрѣнія совершенно правъ г. Александровъ, когда онъ говоритъ въ письмѣ, напечатанномъ нами въ предъидущемъ обозрѣніи: „какъ прежде по приговору орднунгсгерихта выселяли крестьянина-арендатора изъ усадьбы, такъ теперь это же самое дѣлается по приговору мирового или окружного суда". Судебная реформа въ остзейскомъ краѣ останется неполной, пока за нею не послѣдуетъ аграрная, крестьянская; судебная охрана дѣйствительна только тогда,

когда есть на лицо подлежащее охранѣ право. Другая категорія дѣлъ, рѣшеніе которыхъ, при нынѣ дѣйствующихъ законахъ, не можетъ не быть крайне тягостнымъ для остзейскихъ судебныхъ учрежденій—это такъ называемыя дѣла пасторскія. „Водвореніе справедливости", въ которомъ г. министръ юстиціи столь правильно видитъ одну изъ задачъ „русскаго дѣла" на окраинѣ Россіи, немыслимо безъ пересмотра постановленій, точное соблюденіе которыхъ чрезвычайно тяжело для судейской совѣсти.

Комментируя слова г. министра юстиціи о важности искренняго одобренія, одна изъ петербургскихъ газетъ указываетъ на тотъ безспорный фактъ, что „съ достаточною активностью сочувственная поддержка правительственной дѣятельности" можетъ выражаться лишь подъ условіемъ „тѣхъ или другихъ оказательствъ вниманія къ обществу". Если въ обществѣ сложится убѣжденіе, что никому (въ правительственныхъ сферахъ) „нѣтъ дѣла до его мнѣній, симпатій, упованій и стремленій", оно „способно придти въ состояніе холодной пассивности", граничащей съ равнодушіемъ. „Взаимная нравственная отчужденность" приводитъ къ тому, что общество все видитъ „въ мрачной окраскѣ", а государственные люди подозрительно смотрятъ на общество... Еслибы газета не пошла дальше, намъ оставалось бы только признать полную справедливость ея замѣчаній; но она спѣшитъ присоединить къ нимъ двѣ неожиданныя оговорки. Первая заключается въ томъ, что такого „крайняго положенія", какое изображено выше, „Россія, слава Богу, давно уже не знаетъ", и оно упомянуто лишь „для бо́льшей ясности мысли". Вторая оговорка имѣетъ цѣлью разъяснить, о какомъ „вниманіи къ обществу" говоритъ газета: „чтобы общество живо чувствовало это вниманіе, требуется очень немногое; достаточно, если о всѣхъ серьезныхъ и крупныхъ начинаніяхъ общество узнавало бы заблаговременно, съ возможностью высказаться о нихъ въ печати и другими установленными и дозволенными путями". Эти оговорки, прежде всего, противорѣчатъ одна другой. Первая предполагаетъ, что невниманіе къ обществу — дѣло давно прошедшаго времени, а изъ второй усматривается, что оно существуетъ и понынѣ: о минимальной дозѣ вниманія здѣсь идетъ рѣчь какъ о чемъ-то желаемомъ, т.-е. еще недостигнутомъ. И дѣйствительно, обнародованіе *законопроектовъ* продолжаетъ быть у насъ исключеніемъ, сравнительно рѣдкимъ; разборъ ихъ въ печати далеко не всегда возможенъ и всегда рискованъ; еще труднѣе обсужденіе ихъ „другими путями", на которыхъ ему часто противопоставляются разныя fins de non recevoir. Самая свобода обсужденія, еслибы она и существовала, не имѣла бы особенно большой цѣны, развѣ что допущеніемъ ея исчерпывалось бы все „вниманіе" къ общественному

мнѣнію. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Въ послѣднее время со всѣхъ сторонъ слышатся голоса, безусловно отрицающіе тѣлесное наказаніе. Безпрепятственно высказываются за ихъ отмѣну газеты и журналы; не безъ препятствій, но все-таки возбуждаются ходатайства о томъ же со стороны земскихъ собраній и ученыхъ обществъ. Если все это движеніе, искреннее и глубокое, пройдетъ безслѣдно,—будетъ ли предоставленный ему сравнительный просторъ служить доказательствомъ „вниманія" ко взглядамъ и чувствамъ общества?...

Кстати о тѣлесномъ наказаніи. Какъ только открылась осенняя сессія земскихъ собраній, съ разныхъ концовъ Россіи стали доходить вѣсти о новыхъ земскихъ ходатайствахъ, направленныхъ къ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, всецѣло или, по меньшей мѣрѣ, для окончившихъ курсъ въ начальной школѣ [1]). Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, напр. полтавскомъ, возбужденіе ходатайства пытается предупредить, доводами формальнаго свойства, предсѣдатель собранія, т.-е. уѣздный предводитель дворянства,—но въ другихъ онъ прямо высказывается за его законность или даже беретъ на себя его иниціативу. Послѣднее мы видимъ, напримѣръ, въ тамбовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи (см. „Новости", № 282), предсѣдатель котораго, г. Петрово-Соловово, и раньше уже принадлежалъ къ числу немногихъ предводителей дворянства, рѣшающихся плыть противъ теченія. Только въ полтавскомъ дворянскомъ собраніи произошло нѣчто небывалое: предсѣдатель его, губернскій предводитель дворянства С. Е. Бразоль, считалъ вполнѣ возможнымъ возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія—но дворяне, по большинству голосовъ, признали себя для этого некомпетентными... Непоколебимой въ своемъ сочувствіи къ розгамъ остается только реакціонная печать. До крайности характеристично озлобленіе, съ которымъ она отнеслась къ вольному экономическому обществу, также постановившему ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. „Гражданинъ" поспѣшилъ провозгласить это ходатайство несовмѣстнымъ съ „интересами правительства и порядка" и выразилъ желаніе, чтобы „каждому сверчку былъ указанъ твердо и точно свой (sic!) шестокъ". „Нѣтъ ничего хорошаго,—изрекаютъ, съ своей стороны, „Московскія Вѣдомости",—когда спеціальныя общества начинаютъ *играть роль какихъ-то политическихъ клубовъ*". Возражая „Новому Времени", замѣтившему, что о нѣкоторыхъ вещахъ (въ томъ числѣ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній) „каждый въ правѣ говорить во всю силу своего

---

[1]) Въ старооскольскомъ (курской губ.) уѣздн. зем. собраніи ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній возбуждено по иниціативѣ даже всѣхъ пяти земскихъ начальниковъ этого уѣзда.

голоса, гдѣ только есть люди, могущіе его слышать", московская газета продолжаетъ: „нехорошій признакъ—этотъ *призывъ къ крикамъ*. Если даже отдѣльные члены вольно-экономическаго общества и имѣютъ право кричать, то никакъ не само общество. Это очень *нехорошій прецедентъ*. Не къ добру поведутъ насъ такіе *варшавскіе нравы*. Это зло хуже всякой розги". Значеніе подчеркнутыхъ нами словъ—или, лучше сказать, *намѣреніе*, съ которымъ они произнесены—не требуетъ комментаріевъ. „Привычки рабства", въ „страшной вѣрности" которымъ Некрасовъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, упрекалъ русское общество, до сихъ поръ, очевидно, уцѣлѣли въ одной его части. Синонимомъ *крика* громкая рѣчь—рѣчь „во всю силу голоса"—можетъ казаться только слугѣ, не осмѣливающемуся говорить въ господскихъ комнатахъ иначе какъ шопотомъ; для всякаго другого она означаетъ просто желаніе быть услышаннымъ, особенно сильное при сознаніи правоты защищаемаго дѣла. Только съ рабской точки зрѣнія свободное выраженіе взгляда ученаго общества, по политически-нейтральному вопросу, можетъ представляться *зломъ, худшимъ всякой розги*. Или, быть можетъ, въ глазахъ „Московскихъ Вѣдомостей" розга—не зло, а добро, какимъ столько разъ выставлялъ ее ихъ петербургскій союзникъ, „Гражданинъ"?.. Ходатайствуя объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, вольное экономическое общество, безъ сомнѣнія, съумѣетъ объяснить, почему оно нашло себя въ правѣ возбудить это ходатайство. Оно съумѣетъ показать, что общество, съ самаго начала своей дѣятельности заботившееся не только о матеріальномъ, но и объ умственномъ развитіи народа, не могло не подать голосъ за устраненіе одной изъ главныхъ помѣхъ, задерживающихъ поднятіе нравственнаго уровня крестьянской массы.

Въ горячей и весьма симпатичной статьѣ, посвященной „Новымъ Временемъ" ходатайству Вольнаго Экономическаго Общества,—той самой статьѣ, которая вызвала „благородное негодованіе" „Московскихъ Вѣдомостей",—затрогивается, между прочимъ, вопросъ о томъ, чѣмъ объяснить устойчивость розги въ нашемъ законодательствѣ. Находя, и совершенно справедливо, что „не крестьянинъ виноватъ въ сохраненіи для него позорной привилегіи быть сѣченнымъ наравнѣ съ каторжниками и острожниками" [1]), газета видитъ опору этой „привилегіи" въ томъ, что „сами-то мы, такъ называемое образованное и привилегированное общество, еще не сознаемъ живо стыда и позора розги, еще не понимаемъ, что изъ всѣхъ человѣческихъ

---

[1]) Вѣрность этого замѣчанія доказывается еще разъ сообщеніемъ тамбовскаго корреспондента „Новостей": мы узнаемъ изъ него, что предложеніе тамбовскаго уѣзднаго предводителя дворянства, упомянутое нами выше, возбудило особое сочувствіе именно среди гласныхъ отъ крестьянъ.

правъ драгоцѣннѣйшее есть право тѣлесной неприкосновенности. Да, вотъ гдѣ опора розги, сохраняемой для лицъ крестьянскаго званія: только въ дикости и грубости такъ называемаго образованнаго общества, въ которомъ рабовладѣльческая отрава заложила въ теченіе крѣпостного столѣтія (одного только столѣтія?) слишкомъ глубокую порчу". Еслибы наше „такъ называемое образованное общество" было солидарно съ редакторами, сотрудниками и почитателями „Московскихъ Вѣдомостей" и „Гражданина", мы согласились бы, конечно, съ приговоромъ „Новаго Времени"; но вѣдь ни о чемъ подобномъ въ настоящую минуту не можетъ быть и рѣчи. Длинный рядъ фактовъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ „обществѣ" совершенно созрѣла мысль о необходимости отмѣны тѣлесныхъ наказаній. Гдѣ бы ни заявлялась эта мысль, она почти не встрѣчаетъ оппонентовъ; ее рѣшаются оспаривать только немногіе отдѣльные голоса, и то—аргументами чисто-формальнаго характера. Въ этомъ отношеніи замѣтна перемѣна къ лучшему даже сравнительно съ предъидущимъ десятилѣтіемъ. Когда, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, земскія собранія, обсуждая вопросъ о реформѣ крестьянскаго управленія, затрогивали вопросъ о тѣлесномъ наказаніи, оно еще находило принципіальныхъ защитниковъ, хотя и весьма малочисленныхъ (въ петербургскомъ губ. земскомъ собраніи, напримѣръ, за него высказалось *трое* гласныхъ, противъ него—29); теперь о нихъ что-то совсѣмъ не слышно. Быть можетъ, за ссылкою на некомпетентность земства или дворянства скрывается иногда желаніе сохранить розгу; но характеристично уже и то, что это желаніе не рѣшается выступать открыто, безъ благовидной маски... Какъ бы то ни было, „общество", въ лицѣ значительнаго числа земскихъ и другихъ собраній, а также черезъ посредство громаднаго большинства органовъ печати, не только „либеральныхъ", но и „консервативныхъ" (назовемъ, для примѣра, „Свѣтъ" и „Церковный Вѣстникъ"), высказалось противъ тѣлесныхъ наказаній настолько ясно, что видѣть въ немъ ихъ „опору"—болѣе чѣмъ странно. Прибавимъ къ этому, что его протестъ направленъ—иногда прямо, иногда косвенно—не только противъ тѣлесныхъ наказаній по приговорамъ волостныхъ судовъ, но и противъ тѣлесныхъ наказаній, единичныхъ и массовыхъ, по распоряженіямъ административныхъ властей.

До какихъ колоссальныхъ размѣровъ доходитъ извращеніе понятій, проповѣдуемое реакціонной печатью—объ этомъ можно судить по слѣдующей выходкѣ „Московскихъ Вѣдомостей". Въ статьѣ г. Путилова о волостномъ судѣ, напечатанной недавно въ „Журналѣ Юридическаго Общества", высказана мысль, что, вслѣдствіе зависимости волостныхъ судей отъ усмотрѣнія земскаго начальника, волост-

ной судъ не удовлетворяетъ одному изъ самыхъ существенныхъ условій правильно-организованнаго правосудія. Въ подтвержденіе этой мысли авторъ сослался на слова г. министра юстиціи, сказанныя при открытіи коммиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ: „судъ долженъ быть независимъ отъ постороннихъ вліяній и давленій, такъ чтобы судья могъ исполнять свои обязанности ничего не опасаясь и не руководствуясь и не стѣсняясь ничѣмъ инымъ, кромѣ закона, совѣсти и фактовъ". Что же дѣлаютъ „Московскія Вѣдомости"? Признавая слова Н. В. Муравьева „азбучною истиной", онѣ объявляютъ ихъ непримѣнимыми къ данному вопросу, такъ какъ земскій начальникъ — лицо для подвѣдомственнаго ему волостного суда не постороннее: постороннимъ вліяніемъ можетъ считаться только вліяніе не предусмотрѣнное и не регулируемое закономъ. Итакъ, еслибы состоялся законъ, въ силу котораго губернаторъ пересталъ бы быть лицомъ „постороннимъ", напримѣръ, по отношенію къ окружному суду и получилъ бы дискреціонную власть надъ его членами, съ правомъ штрафовать ихъ и сажать подъ арестъ, то окружной судъ все-таки остался бы независимымъ и самостоятельнымъ, потому что его зависимость была бы санкціонирована закономъ? Итакъ, независимыми были и наши до-реформенные суды, потому что смѣняемость судей и подчиненіе ихъ въ низшихъ инстанціяхъ —губернатору, въ высшихъ—министру юстиціи, были основаны на законѣ? Итакъ, можно рѣшать дѣло вопреки убѣжденію, изъ страха отвѣтственности передъ начальствомъ, не отклоняясь отъ „азбучной истины", выраженной въ вышеприведенныхъ словахъ г. министра юстиціи?.. Это—геркулесовы столпы безцеремоннаго обращенія съ правдой и здравымъ смысломъ.

Со времени изданія, въ 1884 г., новыхъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты, въ печати — и, повидимому, не только въ печати — возникаетъ періодически, въ разныхъ формахъ и по разнымъ поводамъ, вопросъ о совершенномъ упраздненіи свѣтской начальной школы. Судя по изобилію газетныхъ и журнальныхъ статей, затрогивающихъ, съ нѣкоторыхъ поръ, эту тему, она опять поставлена на очередь; ей посвящена, по выраженію „Московскихъ Вѣдомостей", „важная записка, циркулирующая въ компетентныхъ сферахъ". Аргументація противниковъ свѣтской школы не столько убѣдительна, сколько разнообразна. Они прибѣгаютъ, между прочимъ, къ такъ называемой reductio ad absurdum, не замѣчая, въ пылу усердія, что она всецѣло обрушивается на ихъ же голову. „Представьте себѣ, читатель," — восклицаютъ „Московскія

Вѣдомости" (№ 260)—„такой примѣръ: въ силу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, желѣзно-дорожная линія, имѣющая не какое-либо исключительное и спеціальное, а лишь обыкновенное, общее значеніе, оказалась въ завѣдываніи военнаго министерства. Возбуждается вопросъ о томъ, что эту линію слѣдовало бы передать въ вѣдомство, въ которомъ всякому рельсовому пути быть надлежитъ, то-есть въ вѣдомство путей сообщенія. Но здѣсь возникаетъ оппозиція: дорога, говорятъ намъ, эксплуатируется въ военномъ вѣдомствѣ прекрасно и дешево, даже лучше и дешевле дорогъ министерства путей сообщенія, а потому нѣтъ-де основанія измѣнять ея подвѣдомственность. Конечно, въ силу тѣхъ или другихъ соображеній и въ видѣ исключенія, можно примириться съ такимъ положеніемъ. Но разъ только государственная власть задумала бы привести въ полный порядокъ свои пути сообщенія, не можетъ быть и вопроса о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ оставлять отдѣльныя линіи разбросанными по разнымъ вѣдомствамъ. Если эти вѣдомства въ состояніи завѣдывать отдѣльными линіями лучше чѣмъ само министерство путей сообщенія, значитъ въ организаціи этого министерства есть какіе-либо недочеты, значитъ служба его нуждается въ улучшеніяхъ — вотъ единственные выводы, къ которымъ склонится всякій; но едва-ли кому придетъ въ голову утверждать, что порядокъ завѣдыванія желѣзными дорогами военнымъ министерствомъ можетъ быть признанъ нормальнымъ. Всякому свое, и желать противнаго значитъ сознательно идти къ разрушенію элементарныхъ основъ управленія"... Забудемъ, на минуту, *гдѣ* напечатана эта аллегорія, и удержимъ въ памяти только одно—что она имѣетъ цѣлью доказать необходимость объединенія въ одномъ вѣдомствѣ начальныхъ школъ всѣхъ типовъ и всѣхъ наименованій. Не ясно ли, что на вопросъ о томъ, какое же вѣдомство должно принять на себя завѣдываніе *всѣми* начальными школами,—логическій отвѣтъ можетъ быть только одинъ: министерство *народнаго* просвѣщенія! Всѣ отрасли, всѣ виды образованія тѣсно связаны между собою; правильно организованная начальная школа—первая ступень лѣстницы, заканчивающейся университетомъ. Единство управленія обусловливается и оправдывается общностью задачъ, обнимающихъ собою всю обширную область школьнаго дѣла. Чтобы быть послѣдовательными, враги начальной свѣтской школы должны были бы высказаться противъ свѣтскаго образованія вообще и предложить передачу въ вѣденіе духовенства не только низшихъ, но и среднихъ, и высшихъ учебныхъ заведеній, за исключеніемъ развѣ спеціальныхъ, техническихъ, подлежащихъ распредѣленію между соотвѣтствующими министерствами (военнымъ, морскимъ, финансовъ и т. п.). Ничего не осталось бы только для министерства народнаго

просвѣщенія, которое и подлежало бы немедленному закрытію. Примѣромъ единовластія и полновластія духовенства въ сферѣ образованія юношества могли бы послужить средніе вѣка, а образцы управляемыхъ церковью гимназій и университетовъ можно было бы найти и въ современной Европѣ... Пока никто изъ нашихъ газетныхъ клерикаловъ не рѣшается выступить съ такимъ проектомъ, до тѣхъ поръ имъ слѣдовало бы воздержаться отъ параллелей въ родѣ вышеприведенной, оказывающей ихъ дѣлу по истинѣ медвѣжью услугу. Отрицая компетентность министерства народнаго просвѣщенія въ области начальной школы, они прямо наводятъ на мысль, что въ сущности оно одно въ ней компетентно... Прямолинейности и исключительности нашихъ противниковъ мы вовсе, впрочемъ, не намѣрены противопоставлять столь же прямолинейнаго рѣшенія вопроса въ обратномъ смыслѣ. Повторяемъ еще разъ: при настоящемъ положеніи вещей быстрое и успѣшное развитіе начальныхъ школъ требуетъ совмѣстной, одновременной работы всѣхъ вѣдомствъ, всѣхъ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ силъ. Соперничество можетъ быть здѣсь какъ нельзя болѣе полезно, лишь бы только оно выражалось не въ стремленіи къ захвату всего дѣла, а въ возможно лучшей организаціи каждой отдѣльной его части.

Возражая на наше замѣчаніе, что забота о нравственности учащихся не должна быть провозглашаема монополіей одного вѣдомства, „Московскія Вѣдомости" указываютъ на религіозную основу нравственности, насажденіе которой составляетъ задачу начальной школы, и выводятъ отсюда, что заботу о религіозной нравственности въ школахъ „естественнѣе всего ввѣрить церкви и духовенству". „Говорить въ этомъ случаѣ о *монополіи*", по ихъ мнѣнію, „такъ же странно, какъ странно было бы говорить о *монополіи* министерства финансовъ... въ завѣдываніи государственными доходами". Но развѣ кто-нибудь предлагалъ изъять изъ вѣдѣнія духовенства преподаваніе закона Божія въ начальной школѣ [1])—и развѣ это преподаваніе, правильно поставленное, т.-е. не мертвенное и педантическое, а проникнутое истинно евангельскимъ духомъ, недостаточно для укрѣпленія въ ученикахъ началъ религіозной нравственности? Развѣ священникъ, горячо относящійся къ своимъ обязанностямъ, не имѣетъ, и помимо

[1]) Изъ отчетовъ петербургской городской училищной коммиссіи видно, что законоучители въ городскихъ школахъ, не неся никакихъ хозяйственныхъ заботъ, находя для себя все готовымъ, затрудняются исполненіемъ даже прямой своей обязанности: такъ какъ плата за преподаваніе поурочная, то коммиссія вынуждена дѣлать большую и печальную экономію отъ преподаванія закона Божія, ежегодно въ нѣсколько тысячъ рублей, остающихся отъ уроковъ, пропущенныхъ законоучителями за недосугомъ!!...

законоучительства, множества средствъ вліянія на учениковъ, входящихъ въ составъ его прихожанъ? Неужели единственнымъ источникомъ такого вліянія можетъ быть *власть* священника надъ школой, *начальственное* отношеніе его къ учителю и ученикамъ? Во всякой школѣ, какъ бы она ни называлась и кому бы ни была подчинена, рядомъ съ воспитательнымъ воздѣйствіемъ священника неизбѣжно такое же воздѣйствіе учителя, часто еще болѣе сильное, потому что учитель ближе стоитъ къ ученикамъ, лучше ихъ знаетъ, соприкасается съ ними ежечасно и ежеминутно. Это послѣднее воздѣйствіе мы и имѣли въ виду, когда возражали противъ взгляда на нравственное воспитаніе, какъ на монополію духовенства. Чтобы быть плодотворнымъ, вліяніе учителя должно быть свободнымъ (хотя, конечно, не безконтрольнымъ); нисколько не идя въ разрѣзъ съ наставленіями священника, оно должно дополнять ихъ, развивая въ ученикахъ сознательное отношеніе къ запросамъ и требованіямъ практической жизни... Въ ту же ошибку, какъ и Московскія Вѣдомости", впадаетъ, повидимому, и „записка", съ содержаніемъ которой онѣ знакомятъ своихъ читателей. По мнѣнію составителя или составителей „записки", „законъ отдалъ религіозно-нравственное направленіе начальной народной школы и воспитательную ея часть въ руки уѣздныхъ и губернскихъ предводителей дворянства, изъявъ ее изъ рукъ приходскихъ священниковъ, которымъ оставилъ только *возможность*—не обязанность, не право, а лишь возможность—сообщать своимъ юнымъ прихожанамъ религіозныя и нравственныя понятія, но не навыки, не обычаи жизни. Правда, высшее наблюденіе за преподаваніемъ закона Божія и религіозно-нравственнымъ направленіемъ обученія, но не воспитанія, предоставлено мѣстному епархіальному архіерею; но кто же не знаетъ, что фактически это наблюденіе касается и можетъ касаться только такихъ выдающихся случаевъ, какъ инспекція школъ поднадзорною еврейкой (что̀ случалось, напримѣръ, въ полтавской губерніи) [1]); кто же не знаетъ, что за этимъ слѣдуетъ только переписка, почти всегда оканчивающаяся взаимнымъ успокоеніемъ переписывающихся?" Въ этихъ словахъ бросается въ глаза, прежде всего, совершенно невѣрное толкованіе закона. Ст. 16 положенія 25-го мая 1874 г., на которую ссылается „записка", изложена такъ: „законъ Божій *можетъ* быть преподаваемъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ или приходскимъ священникомъ, или особымъ законоучителемъ, съ утвержденія епархіальнаго начальства, по представленію инспектора народныхъ училищъ". Подчеркнутое нами слово имѣетъ

---

[1]) Любопытно было бы знать, въ какомъ качествѣ „поднадзорная еврейка" *инспектировала* начальныя школы? Должности инспектрисъ надъ начальными школами у насъ, какъ извѣстно, не существуетъ.

здѣсь, очевидно, не тотъ смыслъ, что законъ Божій можетъ быть преподаваемъ или не преподаваемъ въ начальной школѣ (обязательность его преподаванія вытекаетъ съ полною ясностью изъ ст. 3 положенія); оно означаетъ, что кромѣ приходскаго священника или особаго законоучителя, утвержденнаго епархіальнымъ начальствомъ, никто *не въ правѣ* быть преподавателемъ закона Божія. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ выборъ епархіальнаго начальства упадаетъ на приходскаго священника, уже по той простой причинѣ, что больше некому поручить преподаваніе; „особые законоучителя“ назначаются почти исключительно въ городскихъ начальныхъ училищахъ. Отъ высшей духовной власти зависитъ, такимъ образомъ, предоставить приходскому священнику *право* и возложить на него этимъ самымъ *обязанность* преподаванія закона Божія. Ничто не заставляетъ священника ограничиваться однимъ *преподаваніемъ*, въ тѣсномъ значеніи слова; ничто не мѣшаетъ ему заботиться, какъ во время уроковъ, такъ и помимо ихъ, о сообщеніи ученикамъ религіозныхъ „навыковъ и обычаевъ жизни“. Странно было бы думать, что эта послѣдняя задача можетъ быть осуществлена только путемъ властныхъ *приказаній*; напротивъ того, чѣмъ меньше здѣсь принужденія и понужденія, тѣмъ прочнѣе достигаемые результаты... Столь же ошибочно мнѣніе „записки“ о недостаточности правъ, предоставленныхъ епархіальному архіерею по надзору надъ начальными школами. Если въ законѣ говорится только о наблюденіи за религіозно-нравственнымъ направленіемъ *обученія* въ начальныхъ школахъ, безъ прямого упоминанія о *воспитаніи*, то это объясняется тѣмъ, что въ открытомъ учебномъ заведеніи, съ непродолжительнымъ курсомъ и короткимъ учебнымъ временемъ, главнымъ орудіемъ „воспитанія“ служитъ именно „обученіе“. Уполномочивая архіерея обозрѣвать начальныя школы, лично или черезъ особо для того назначенныхъ духовныхъ лицъ, и сообщать свои замѣчанія непосредственно министру народнаго просвѣщенія, законъ обезпечилъ за нимъ полную возможность слѣдить какъ за учебной, такъ и за воспитательной стороной начальной школы. Что наблюденіе преосвященныхъ *касается*, на самомъ дѣлѣ, только „выдающихся случаевъ въ школахъ“—этого мы не отрицаемъ; но что оно *можетъ касаться* только такихъ случаевъ—съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Періодическія и чрезвычайныя ревизіи министерскихъ и земскихъ начальныхъ школъ довѣренными лицами изъ среды духовенства вполнѣ осуществимы, особенно теперь, когда въ каждомъ уѣздѣ существуютъ наблюдатели за церковно-приходскими школами—а ближайшими поводами къ ревизіи могутъ служить сообщенія приходскихъ священниковъ, которые, въ качествѣ законоучителей, всегда знакомы съ положеніемъ школы... „Цирку-

ляры министра народнаго просвѣщенія"—продолжаетъ „записка"—„о воспитаніи учащихся въ начальныхъ народныхъ школахъ въ духѣ церковности,—для чего, между прочимъ, учители сихъ школъ обязуются съ учениками неопустительно бывать на богослуженіяхъ, устраивать церковные хоры и т. п.,—не могутъ поправить дѣла: нужно, чтобъ эти распоряженія исполнялись, а могутъ ли инспекторъ и предводитель дворянства наблюсти за исполненіемъ подобныхъ циркуляровъ, если не поставятъ священника наблюдателемъ надъ учителемъ?" Но развѣ въ настоящее время священники никогда не доводятъ до свѣденія инспектора или предводителя о несоблюденіи учителемъ данныхъ ему предписаній? Развѣ они не обращаются, въ подобныхъ случаяхъ, къ своему непосредственному начальству? Если видѣть залогъ успѣшнаго развитія начальной школы въ надзорѣ и понужденіи, то въ этомъ отношеніи и теперь уже сдѣлано и дѣлается болѣе чѣмъ достаточно.

Весьма характеристично, въ разбираемой нами „запискѣ", недовѣріе къ предводителямъ дворянства и инспекторамъ народныхъ училищъ. Мотивировано оно только тѣмъ, что эти должностныя лица могутъ быть неправославными; но мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что неправославныхъ инспекторовъ нѣтъ вовсе или почти вовсе, неправославныхъ предводителей—очень немного. На инспекторовъ возлагается, притомъ, завѣдываніе учебною частью, а на предводителей—попеченіе о „надлежащемъ нравственномъ направленіи начальнаго образованія"; ни тѣ, ни другіе не призваны охранять „религіозно-нравственное направленіе" обученія и воспитанія, именно потому, что такая охрана ввѣрена духовенству. Если должностныя лица, соединяющія въ себѣ всѣ возможныя гарантіи благонамѣренности и благонадежности, признаются неспособными руководить начальной школой, то это нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ именно стремленіемъ къ монополизаціи начальнаго обученія, менѣе всего совмѣстной съ успѣшнымъ и быстрымъ его развитіемъ. То же стремленіе чувствуется и въ попыткѣ изобразить главные типы начальной школы какъ двѣ враждебныя или, по меньшей мѣрѣ, прямо противоположныя силы. „За церковно-нравственное направленіе взрослыхъ и стариковъ въ приходѣ"—говорится въ „запискѣ"—„отвѣчаетъ священникъ и его начальство, а за церковно-нравственное направленіе дѣтей прихожанъ и ихъ учителя отвѣчаютъ предводитель дворянства и инспекторъ. Учителю, не понимающему и нерѣдко неспособному понять ни историческаго, ни церковно-просвѣтительнаго значенія священника въ приходѣ, легко можетъ показаться, что онъ, земскій учитель, и призванъ, подъ водительствомъ предводителя дворянства, къ перевоспитанію народа, къ просвѣщенію его на новыхъ началахъ

и новыми способами. Въ приходѣ, такимъ образомъ, получается два учителя и двѣ культуры: одинъ старается укрѣпить древне-русскую православную культуру, другой — насадить и возрастить новую. Нынѣшнее положеніе перваго въ такихъ приходахъ крайне невыгодно, а будущее печально; на его попеченіи остаются взрослые и старики; что же будетъ, когда эти его прихожане перемрутъ? Ихъ мѣсто заступятъ ихъ дѣти, культивированныя земскимъ учителемъ на другихъ началахъ, отличныхъ отъ тѣхъ началъ православія, на которыхъ духовенство искони воспитывало народъ. Переворотъ органическій, незамѣтный, медленный, но радикальный". Еслибы наше духовенство раздѣляло такой взглядъ на дѣло, то это было бы съ его стороны сознаніемъ полнѣйшаго своего безсилія. Какъ! трехлѣтнія занятія учителя съ дѣтьми, въ возрастѣ отъ 8 до 11—13 лѣтъ, оставляютъ въ нихъ болѣе глубокій и неизгладимый слѣдъ, чѣмъ непрерывное вліяніе священника, сначала въ качествѣ законоучителя, потомъ въ качествѣ проповѣдника, духовнаго отца, совѣтника въ важнѣйшіе моменты жизни?! На чемъ же, въ такомъ случаѣ, основана надежда, что сосредоточеніе школьнаго дѣла въ рукахъ священника обезпечитъ за нимъ господствующее значеніе въ приходѣ? Какимъ образомъ онъ достигнетъ на одномъ, сравнительно ограниченномъ поприщѣ, той цѣли, которая остается для него недоступной на всѣхъ другихъ?.. Безусловно неправильнымъ кажется намъ, дальше, самое противопоставленіе двухъ культуръ—поддерживаемой духовенствомъ и насаждаемой учителями свѣтской школы. Если и признавать послѣднихъ носителями какой-то *особой* культуры, то она не упраздняетъ, а дополняетъ прежнюю. Школа, съ этой точки зрѣнія—только одинъ изъ проводниковъ движенія, неудержимо проникающаго все дальше и дальше. Нельзя запереть деревню на замокъ, нельзя посадить ее подъ стеклянный колпакъ. Она живетъ одною жизнью съ великимъ цѣлымъ, слышитъ, хотя и смутно, біеніе общественнаго пульса, чувствуетъ, хотя и поздно, перемѣны вѣяній и настроеній. Новыя формы экономическаго быта, новыя потребности, новые взгляды —все это отражается, такъ или иначе, на самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Россіи, и задача состоитъ не въ томъ, чтобы уберечь крестьянина отъ соприкосновенія съ набѣгающей волной новизны, а въ томъ, чтобы подготовить его къ ея напору. Школа, имѣя дѣло только съ дѣтьми, можетъ выполнить лишь весьма небольшую часть обширной и трудной задачи—но всякій шагъ ея въ этомъ направленіи долженъ быть вмѣняемъ ей не въ вину, а въ заслугу. Чѣмъ сильнѣе ея культурное воздѣйствіе на учениковъ, тѣмъ больше шансовъ, что они, вступивъ въ жизнь, не станутъ убивать врачей и фельдшеровъ, какъ распространителей болѣзни, поймутъ необходимость истребленія

зараженныхъ животныхъ и дезинфекціи зараженныхъ жилищъ, постараются улучшить санитарныя условія деревни, воздержатся отъ жестокаго обращенія съ женами и дѣтьми. Само собою разумѣется, что такое воздѣйствіе *можетъ* исходить какъ отъ свѣтской, такъ и отъ церковной школы; но *на самомъ дѣлѣ* первая оказывала его, покамѣстъ, въ гораздо бо́льшей степени, чѣмъ вторая. Хорошій примѣръ не остается, впрочемъ, безъ подражанія; культурное вліяніе церковной школы будетъ, по всей вѣроятности, рости все больше и больше, если только существующее разнообразіе школьныхъ типовъ не уступитъ мѣста искусственному единству и неразрывно связанному съ нимъ застою.

Что церковная школа можетъ, если захочетъ, почерпнуть много полезнаго изъ опыта свѣтской и, въ особенности, земской школы, это видно, между прочимъ, изъ газетныхъ свѣденій о распредѣленіи суммы въ 3.279.145 руб., назначенной недавно на церковно-приходскія школы. Почти половина этой суммы—1.629.000 руб.—пойдетъ на устройство и содержаніе двухклассныхъ школъ (по двѣ въ уѣздѣ—одной мужской и одной женской), главнымъ назначеніемъ которыхъ служитъ приготовленіе учителей и учительницъ для школъ грамоты. Обращеніе правильно организованной начальной школы въ разсадникъ преподавателей для школокъ низшаго типа—это мысль, выросшая на земской почвѣ. Первыя попытки ея осуществленія сдѣланы были вслѣдъ за разрѣшеніемъ школъ грамотности, ознаменовавшимъ собою кратковременное министерство барона Николаи [1]). Стремиться къ цѣли путемъ основанія двухклассныхъ школъ земство не могло, потому что свѣтскія двухклассныя училища состояли и состоятъ въ непосредственномъ вѣденіи министерства народнаго просвѣщенія; но оно старалось, во многихъ мѣстахъ, снабжать школы грамоты учителями и учительницами, окончившими курсъ въ земской школѣ и продолжавшими работать подъ ея наблюденіемъ, пользоваться ея руководствомъ. Этимъ попыткамъ почти вездѣ положили конецъ правила 13-го іюня 1884 г., разорвавшія связь между земствомъ и школами грамоты—и только теперь, по прошествіи десяти слишкомъ лѣтъ, возобновляется, въ бо́льшихъ размѣрахъ и новыхъ формахъ, прерванная работа. Будущее покажетъ, что̀ лучше—приготовленіе преподавателей для школъ грамоты въ особыхъ, ad hoc учрежденныхъ двухклассныхъ училищахъ, или избраніе ихъ изъ числа лучшихъ учениковъ одноклассныхъ школъ. Первый способъ даетъ возможность лучшей подготовки учителей, но при второмъ легче установить и поддержать живое общеніе между школой-матерью и

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 8 „Вѣстн. Европы“ за 1886 г.

школами-дочерьми, столь сильно способствующее успѣшной дѣятельности школъ грамоты. Всего правильнѣе было бы открыть и въ этомъ отношеніи просторъ для свободной конкурренціи различныхъ школьныхъ типовъ, т.-е. разрѣшить земству, согласно ходатайству многихъ земскихъ собраній, открывать школы грамоты и завѣдывать ими на равныхъ правахъ съ духовнымъ вѣдомствомъ.

Остальная половина суммы, вновь ассигнованной на церковныя школы, предназначается отчасти (1.170.625 руб.) на открытіе и содержаніе одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, отчасти (479.520 руб.) на содержаніе епархіальныхъ наблюдателей, а также уѣздной, окружной и областной инспекціи церковной школы. Цѣлесообразность послѣдняго назначенія горячо восхваляютъ „Московскія Вѣдомости", находя, что „именно надзора инспекціи, контроля и руководительства недоставало церковно-приходскимъ школамъ и школамъ грамоты". Итакъ, съ одной стороны насъ хотятъ увѣрить, что приходскій священникъ—лучшій, единственный, незамѣнимый народный учитель, а съ другой стороны, этого лучшаго учителя считаютъ нужнымъ подчинить самому тщательному наблюденію! Противорѣчіе болѣе чѣмъ странное и тѣмъ труднѣе объяснимое, что меньше всего современное устройство церковно-приходскихъ школъ страдало недостаткомъ надзора. Въ то время, какъ одинъ инспекторъ народныхъ училищъ приходится, бо́льшею частью, на два, на три уѣзда, въ каждомъ уѣздѣ есть по нѣскольку наблюдателей надъ церковно-приходскими школами, не считая благочинныхъ, которые въ правѣ контролировать всю вообще дѣятельность священника. А между тѣмъ учительскій персоналъ мѣняется гораздо быстрѣе священническаго, такъ что инспектору народныхъ училищъ гораздо чаще, чѣмъ наблюдателю изъ среды духовенства, приходится имѣть дѣло съ преподавателями начинающими и мало-опытными. Коллегіальный надзоръ надъ церковной школой организованъ точно такъ же, какъ и надъ свѣтской: училищнымъ совѣтамъ, губернскому и уѣзднымъ, соотвѣтствуютъ епархіальный совѣтъ и его уѣздныя отдѣленія. Одно изъ двухъ, слѣдовательно: или московская газета мало знакома съ дѣломъ, о которомъ берется судить, или въ области церковно-приходской школы далеко не все обстоитъ благополучно... „Инспекція—читаемъ мы дальше въ той же статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей"—не только будетъ способствовать лучшей постановкѣ образовательнаго и воспитательнаго дѣла въ школахъ, но и будетъ естественною защитницей школъ отъ наплыва представителей нашей *интеллигенціи*, стремящихся захватить народное образованіе въ свои руки". Едва-ли церковная школа нуждается въ такой защитѣ. „Представители интеллигенціи" могутъ приходить въ соприкосновеніе съ

церковной школой только въ качествѣ ея попечителей, т.-е. въ качествѣ помощниковъ, съ которыми нужно не бороться, а идти рука объ руку. Заранѣе ставить духовной инспекціи какія-то боевыя задачи—по меньшей мѣрѣ безтактно.

Боевымъ характеромъ дѣятельность инспекціи, съ точки зрѣнія московской газеты, должна отличаться, повидимому, не только по отношенію къ интеллигенціи, но и по отношенію къ самимъ священникамъ. По мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", священникъ, у котораго нѣтъ охоты заниматься обученіемъ дѣтей своихъ прихожанъ, „точно также не имѣетъ права на мѣсто въ приходѣ, какъ учитель, лишенный призванія къ педагогическимъ занятіямъ—на мѣсто въ школѣ". Другими словами, обязанностью инспекціи—особенно въ случаѣ обращенія *всѣхъ* начальныхъ школъ въ церковно-приходскія—должно быть *удаленіе* священниковъ, не желающихъ или неспособныхъ исполнять учительскія функціи. Не трудно замѣтить, однако, что аналогія между священниками и учителями лишена всякаго основанія. Учитель имѣетъ только одно дѣло, только одну задачу; если онъ не можетъ или не хочетъ исполнять ее какъ слѣдуетъ, онъ долженъ удалиться изъ школы или быть изъ нея удаленнымъ. Дѣятельность священника гораздо болѣе широка и разнообразна; будучи плохимъ педагогомъ, онъ можетъ быть очень полезенъ на другихъ поприщахъ, передъ нимъ открытыхъ, и удаленіе его изъ прихода, вызванное исключительно недостаткомъ заботливости его о школѣ, часто было бы не только несправедливостью по отношенію къ нему лично, но и большой потерей для прихожанъ. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что учителю, удаленному изъ школы, гораздо легче найти другую профессію, чѣмъ священнику, удаленному изъ прихода. Вмѣсто того, чтобы *требовать* отъ священника непосильной или непривлекательной для него работы въ школѣ и надъ школой, гораздо проще воздержаться отъ всякихъ понудительныхъ мѣръ къ открытію церковно-приходскихъ школъ. *Добровольный* характеръ учительской дѣятельности священника—гораздо лучшая гарантія процвѣтанія церковно-приходскихъ школъ, чѣмъ самая строгая инспекція [1]).

Заключимъ эти замѣтки по школьному вопросу напоминаніемъ о трехъ существенно-важныхъ фактахъ, говорящихъ противъ подчи-

---

[1]) Въ елисаветградскомъ уѣздѣ (херсонской губ.) земство ассигновало на церковно-приходскія школы 3.000 р., но эти деньги остались неразобранными; на слѣдующій годъ ассигновка была уменьшена до 1.500 р., но и изъ нихъ было взято священниками только 900 руб. (см. „Недѣля", № 42). Это—очень краснорѣчивая иллюстрація къ увѣреніямъ, что церковно-приходскія школы страдаютъ только отъ недостатка средствъ.

ненія *всѣхъ* начальныхъ школъ вѣденію духовенства. 1) Немного найдется приходовъ, гдѣ было бы достаточно одной правильно-организованной школы; при всеобщемъ обученіи такихъ приходовъ не будетъ вовсе. Отсюда ясно, что священникъ, въ случаѣ исключительнаго господства церковно-приходской школы, сдѣлается не чѣмъ инымъ, какъ *начальникомъ* школъ своего прихода, и о хорошихъ результатахъ, ожидаемыхъ отъ *непосредственнаго* участія священника въ обученіи дѣтей, не будетъ болѣе и рѣчи. 2) Во всѣхъ частяхъ имперіи живутъ иновѣрцы и раскольники, для которыхъ существованіе однѣхъ только церковно-приходскихъ школъ часто будетъ равносильно совершенному отсутствію школы [1]. 3) Если въ настоящее время Россія обладаетъ немалымъ, хотя все еще далеко недостаточнымъ числомъ правильно организованныхъ начальныхъ училищъ, то она обязана этимъ всего болѣе свѣтской школѣ, быстрое развитіе которой, послѣ открытія земскихъ учрежденій, послужило толчкомъ къ преобразованію и обновленію школы церковно-приходской. Въ половинѣ 60-хъ годовъ послѣдняя существовала почти одна, но это существованіе было, бо̀льшею частью, только номинальное [2]; русскій народъ былъ почти поголовно безграмотенъ и не сознавалъ пользы грамотности. Двадцать лѣтъ спустя положеніе дѣлъ радикально измѣнилось—и эта перемѣна составляетъ историческую заслугу свѣтской школы, забыть которую было бы не только неблагодарно, но и неблагоразумно.

Вмѣсто того, чтобы признать, что мы съ самаго начала стояли за аграрную реформу въ прибалтійскомъ краѣ, „Новое Время", (№ 7039) старается увѣрить своихъ читателей, что оно убѣдило насъ въ невозможности приступить къ преобразованію „феодальнаго земства" безъ предварительнаго переустройства остзейскихъ поземельныхъ отношеній. Что оно насъ въ этомъ *не* убѣдило—видно уже изъ того, что мы и теперь считаемъ одновременное разрѣшеніе обоихъ вопросовъ только желательнымъ, очень желательнымъ, но не безусловно необходимымъ. Вотъ буквальное повтореніе словъ, сказанныхъ нами въ послѣднемъ обозрѣніи (томъ самомъ, на которое отвѣчаетъ „Новое

[1] Припомнимъ отзывъ попечителя кіевскаго учебнаго округа, приведенный нами въ сентябрьской обществ. хроникѣ.

[2] Въ сообщеніи, которымъ Д. Д. Семеновъ почтилъ на дняхъ память бар. Н. А. Корфа, приведенъ, напримѣръ, такой фактъ: въ александровскомъ уѣздѣ (екатеринославской губ.) числилось, до начала дѣятельности Корфа, 40 церк.-прих. школъ, но изъ нихъ дѣйствительно существовали только *двѣ*; на нихъ было затрачено 4,000 руб., а выучились читать, и то кое-какъ, только *пять* человѣкъ.

Время"): „всего лучше было бы, конечно, произвести обѣ реформы, аграрную и земскую, одновременно или одну вслѣдъ за другою; но еслибы это оказалось невозможнымъ, еслибы къ земской реформѣ, въ смыслѣ уничтоженія обветшалыхъ земско-дворянскихъ учрежденій, рѣшено было приступить теперь же, а аграрную отложить, то все-таки введеніе въ остзейскомъ краѣ земства по обще-русскому образцу (и тѣмъ болѣе—земства усовершенствованнаго и обновленнаго) было бы, въ нашихъ глазахъ, гораздо болѣе желательно, чѣмъ сосредоточеніе всѣхъ земскихъ дѣлъ въ рукахъ администраціи". Дальше идетъ мотивировка этого положенія, показывающаго съ полною ясностью, что мы ни на шагъ не отступили отъ сказаннаго нами въ сентябрьскомъ обозрѣніи.

Другая часть отвѣта „Новаго Времени" посвящена нашему отзыву о М. Н. Муравьевѣ. „Сказать",—восклицаетъ газета,—„будто Муравьевъ въ своихъ крестьянскихъ реформахъ или Безакъ, вводя свои знаменитые крестьянскіе инвентари, были только *исполнителями чужихъ рѣшеній*, значитъ лишь преднамѣренно искажать истину и лгать на мертвыхъ. Чьихъ же это *чужихъ рѣшеній* были исполнители Муравьевъ и Безакъ? Ужъ не Валуева ли, Тимашева, кн. Суворова-Рымникскаго и другихъ министровъ, совѣтовавшихъ императору Александру II искать опоры въ окраинномъ дворянствѣ, покровительствовавшихъ остзейскимъ баронамъ и польскимъ аристократамъ?" Прежде чѣмъ обвинять другихъ въ искаженіи истины, да еще *преднамѣренномъ*, нужно, по меньшей мѣрѣ, ознакомиться съ элементарными историческими данными. Полнѣйшее ихъ невѣдѣніе со стороны возражающей намъ газеты видно уже изъ того, что она называетъ въ числѣ министровъ, современныхъ дѣятельности Муравьева въ сѣверо-западномъ краѣ, кн. Суворова, который никогда не былъ министромъ, и Тимашева, который былъ назначенъ министромъ въ 1868 г., полтора года спустя послѣ смерти Муравьева. Не знаетъ или не хочетъ знать „Новое Время" и того существенно-важнаго факта, что направленіе крестьянскаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ было предопредѣлено указомъ *1 марта* 1863 г. о прекращеніи, съ 1 мая того же года, обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ губ. виленской, гродненской, ковенской, минской и въ лифляндскихъ уѣздахъ витебской губерніи, *состоявшимся за два мѣсяца до назначенія Муравьева* въ Вильно; при немъ та же мѣра была только распространена, указомъ 2 ноября 1863 г., на могилевскую губернію и остальные уѣзды витебской. Что касается до юго-западнаго края, то здѣсь прекращеніе обязательныхъ отношеній, съ 1 сентября 1863 г., было произведено въ силу указа 30 іюля того же года, состоявшагося за полтора года до назначенія Безака гене-

ралъ-губернаторомъ края. Въ виду этихъ цифръ, наше право назвать Муравьева и Безака, въ организаціонной ихъ работѣ по крестьянскому дѣлу, *исполнителями чужихъ рѣшеній* не можетъ подлежать никакому сомнѣнію [1]). Все существенное было сдѣлано указами 1 марта и 30 іюля; оставалось только провести ихъ въ жизнь. Энергію, обнаруженную при этомъ Муравьевымъ и Безакомъ, мы не отрицали и не отрицаемъ; мы только не можемъ забыть, что со стороны Муравьева эта энергія шла въ разрѣзъ со всѣмъ его прошлымъ, съ упорно-враждебнымъ отношеніемъ его къ освобожденію крестьянъ, и зависѣла, очевидно, отъ практическаго оппортунизма, за которымъ нельзя признать высокой цѣны... Кому принадлежала иниціатива рѣшеній, исполнителями которыхъ были Муравьевъ и Безакъ—это покажетъ исторія; но мы едва ли ошибемся, если припишемъ значительную ея долю обоимъ братьямъ Милютинымъ—какъ Дмитрію Алексѣевичу, бывшему тогда военнымъ министромъ, такъ и Николаю Алексѣевичу, въ томъ же 1863 г. подготовлявшему крестьянскую реформу въ царствѣ польскомъ.

---

[1]) Желательно было бы знать, о какихъ „крестьянскихъ инвентаряхъ" Безака говоритъ „Новое Время"? Не смѣшиваетъ ли оно здѣсь Безака съ Д. Г. Бибиковымъ, авторомъ дѣйствительно „знаменитыхъ" кіевскихъ инвентарей?

ЗАМѢТКА

По вопросу о „трёстахъ".

За самое послѣднее время, благодаря, съ одной стороны, книгѣ профессора И. И. Янжула и другимъ изданіямъ, а съ другой—сахарнымъ, водочнымъ и другимъ комбинаціямъ, появившимся въ печати, вопросъ о „трёстахъ", или промышленныхъ и торговыхъ синдикатахъ, надобно думать, сталъ занимать и русскую публику. Насколько мнѣ извѣстно, Америка была колыбелью „трёстовъ"—по крайней мѣрѣ въ той ихъ формѣ, которая оказалась живучей и практичной до такой степени, что даже всѣ усилія законодательства оказались въ борьбѣ съ нею безсильными и не достигающими цѣли. „They have come to stay"—„они явились и останутся навсегда", говорятъ о нихъ многіе изъ самыхъ ярыхъ ихъ противниковъ прошлаго десятилѣтія. Дѣйствительно, еще только пять лѣтъ тому назадъ, самая свирѣпая борьба шла противъ нихъ по всему Союзу. Законы почти всѣхъ безъ исключенія штатовъ постоянно воевали противъ консолидаціи желѣзно-дорожныхъ системъ; законы штата Нью-Іорка свирѣпо боролись съ сахарнымъ трёстомъ, а законы штатовъ Охайо и Пенсильваніи—съ Standard Oil Co., маслянымъ и нефтянымъ, съ теченіемъ времени превратившимся изъ штатнаго въ національный, а теперь съ успѣхомъ подвизающагося и на международномъ поприщѣ. На эту борьбу ушло много времени и еще больше усилій и средствъ, а въ результатѣ оказалось безусловное пораженіе олицетворявшейся законами народной воли. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ трёсты, располагавшіе цвѣтомъ легальнаго таланта страны, чрезвычайно искусно обошли разставленныя противъ нихъ, казалось, со всѣхъ сторонъ, законодательныя сѣти, посредствомъ легальной техники и ухищреній; въ нѣкоторыхъ они обратились къ существующимъ уже законамъ и утопили направленныя противъ нихъ мѣры въ оказавшихся въ нихъ противорѣчіяхъ и несообразностяхъ, а въ нѣкоторыхъ имъ удалось признать авторитетомъ высшей судебной власти отдѣльныхъ штатовъ и всей націи самый принципъ ихъ преслѣдованія противоконституціоннымъ. Американскій народъ привыкъ прибѣгать къ защитѣ своей безсмертной конституціи; всякій окружной судья, по требованію одной изъ сторонъ, обязанъ рѣшить въ принципѣ конституціонность всякаго законодательнаго акта; рабочія организаціи и ремесленные

союзы, еще во времена принципіальной борьбы какъ за легальность своего существованія, такъ и за свои права комбинація и стачки, нерѣдко обращались къ покровительству судовъ въ формѣ признанія противоконституціонными направленныя противъ нихъ мѣры; и послѣ, во время принципіальной борьбы народа противъ трёстовъ, эти послѣдніе иногда выигрывали рѣшительную побѣду, именно благодаря судебнымъ рѣшеніямъ того же рода. Конституція Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ извѣстно, документъ чрезвычайно сжатый, точный и ясный, обезпечивающій каждому гражданину страны широкія права, — и ограничительныя законоположенія, особенно вторгающіяся въ политико-экономическую сферу народной жизни, будучи подвергнуты техническому анализу безпристрастнаго законовѣда, очень часто оказываются противоконституціонными, и безповоротно отмѣняются судами. Такъ только недавно былъ признанъ верховнымъ судомъ Союза противоконституціоннымъ знаменитый законъ о прогрессивномъ подоходномъ налогѣ, введенный послѣднимъ демократическимъ конгрессомъ, съ цѣлью заткнуть образованный новымъ таможеннымъ тарифомъ въ бюджетѣ націи дефицитъ —и исчисленный-было въ пятьдесятъ милліоновъ долларовъ новый доходъ государства былъ вычеркнутъ изъ этого бюджета рѣшеніемъ одного человѣка. Знаменитый ирригаціонный актъ Райта (Wright irrigation Act), признававшійся безспорнымъ закономъ уже нѣсколько лѣтъ, вызвавшій къ жизни обширныя пустыни Запада, и на основаніи котораго были заняты и издержаны общинами многіе десятки милліоновъ долларовъ, также былъ на дняхъ признанъ судомъ противоконституціоннымъ по жалобѣ мелкаго фермера, нежелавшаго присоединиться къ вновь образуемому ирригаціонному дистрикту. Достаточно, чтобъ ,одинъ какой-нибудь пунктъ или параграфъ закона оказался почему-либо противнымъ правамъ, обезпечиваемымъ конституціей всякому отдѣльному гражданину,—и весь законъ оказывался недѣйствительнымъ—а само собой разумѣется, что именно такіе-то пункты и прокрадываются весьма нерѣдко въ сложныя законоположенія, какими неизбѣжно являются мѣры противъ такихъ сложныхъ учрежденій, какъ трёсты, особенно, когда страсти законодательныхъ собраній возбуждены, и оно стремится къ искорененію того, что въ данную минуту представляется и злобой дня, и великимъ зломъ по существу.

Понятно, что главнымъ мотивомъ въ этой борьбѣ законовъ съ трёстами былъ страхъ народа попасть въ лапы бездушныхъ, безпринципныхъ корпорацій, уничтожавшихъ всякую конкурренцію и учреждавшихъ гигантскія монополіи на всѣ предметы необходимости въ жизни. Еще только пять лѣтъ тому назадъ страхъ этотъ дохо-

дилъ до паники, до самыхъ безтактныхъ, иногда рѣшительно нелѣпыхъ выходокъ законодательныхъ и даже исполнительныхъ властей. Относительно трёстовъ практиковались даже явныя превышенія власти, отчасти поддержанныя общественнымъ мнѣніемъ,—преступленіе, чрезвычайно рѣдкое въ Америкѣ вообще и въ сферѣ экономической жизни народа въ особенности. Газеты страны были полны трёстами, перипетіями борьбы съ ними и самыми страстными предостереженіями и воззваніями къ народу. Вопросъ о трёстахъ и представляемыхъ ими для народнаго благосостоянія опасностяхъ, казалось, заслонилъ собою всё остальное; онъ являлся какимъ-то громаднымъ паукомъ, висѣвшимъ на тонкой паутинкѣ надъ всей страной-мухой, съ трепетомъ ожидавшей того момента, когда паукъ этотъ на нее опустится и засосетъ ее до смерти. Но, несмотря на этотъ шумъ, несмотря на этотъ смертельный страхъ и ожесточенную борьбу, вліяніе трёстовъ въ дѣйствительности совсѣмъ не ощущалось—цѣны не поднимались, общее благосостояніе народа никогда не было такъ высоко, какъ именно въ періодъ самыхъ сильныхъ страховъ—1890—1892 года, хотя трёсты несомнѣнно развертывались все шире и шире, развивались неудержимо и захватывали одну за другой всѣ важнѣйшія отрасли промышленности и торговли. Очевидно, существовали и работали какія-то сильныя, хотя и невидимыя противоядія, какія то необъяснимыя силы, удерживавшія воротилъ не только отъ крутыхъ мѣръ, но и отъ попытокъ къ искусственному поднятію цѣнъ. Мало того—было замѣчено, что какъ только организовались и начинали дѣйствовать успѣшныя комбинаціи по какому бы то ни было предмету—цѣны на этотъ предметъ неизмѣнно начинали понижаться. Сахаръ, водка, керосинъ, стекло, бѣлила, гвозди и десятки другихъ предметовъ первой необходимости, всѣ охваченные и находящіеся въ рукахъ могучихъ трёстовъ, всѣ подешевѣли и дешевѣютъ съ каждымъ годомъ. Покупная способность доллара за послѣднія десять лѣтъ, за періодъ сильнѣйшаго процвѣтанія трёстовъ, безусловно удвоилась, въ чемъ каждый гражданинъ можетъ безъ малѣйшаго затрудненія лично убѣдиться, зайдя въ любую бакалейную лавку. Само собой разумѣется, что только ярые защитники трёстовъ (впрочемъ, число ихъ ростетъ у насъ не по днямъ, а по часамъ) могутъ увлекаться до того, чтобъ приписывать это паденіе цѣнъ исключительно ихъ благодѣтельному вліянію на народную жизнь; тѣмъ не менѣе, несомнѣненъ и тотъ фактъ, что мрачные пророки остраго періода борьбы съ трёстами были неправы, и что, въ дѣйствительности, вліяніе трёстовъ на всемірный рынокъ во всякомъ случаѣ оказалось, по меньшей мѣрѣ, далеко не такъ существеннымъ и опаснымъ, какъ они это когда-то пророчили. Край-

ности, какъ извѣстно, всегда чрезвычайно вредны, а въ данномъ случаѣ онѣ сослужили трёстамъ огромную службу, такъ какъ мыслящая часть американскаго народа, скоро убѣдившись воочію, что черныя предсказанія ярыхъ противниковъ трёстовъ были во всякомъ случаѣ крайне преувеличены, перестала придавать имъ и то значеніе, которое они дѣйствительно заслуживаютъ, перестала ими заниматься и, чего добраго, скоро дойдетъ до совершеннаго индифферентизма въ этомъ отношеніи. Самымъ нагляднымъ, самымъ безспорнымъ доказательствомъ неосновательности большей части опасеній относительно опасностей консолидаціи капитала оказалось именно то, съ чего началась агитація, и въ чемъ десять лѣтъ тому назадъ видѣли наибольшую опасность и зло, а именно—консолидація желѣзно-дорожныхъ линій страны. Несмотря на то, что консолидація эта, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, идетъ впередъ все быстрѣе и быстрѣе, и съ каждымъ годомъ охватываетъ все большее и большее количество миль желѣзно-дорожныхъ путей,—послѣднія безспорныя статистическія данныя относительно положенія этихъ дорогъ даютъ изумительные результаты, совершенно противоположные тѣмъ, которые предсказывались такъ положительно только десять лѣтъ тому назадъ. „Poor's Mannal of Railroads" за 1894 годъ, этотъ безспорный авторитетъ по американскому желѣзно-дорожному дѣлу, только-что появившійся, даетъ сравнительныя данныя за послѣднія 13 лѣтъ, при чемъ оказывается, что только одна треть желѣзныхъ дорогъ страны даетъ какой-либо дивидендъ; что дивиденды эти постоянно уменьшаются съ каждымъ годомъ, и что цѣна на провозъ миле-тонны товара и миле-пассажира неудержимо падаетъ съ каждымъ годомъ, и за періодъ въ 13 лѣтъ упала на товаръ на 100%, а на пассажировъ на 25%, и что хотя на эти результаты вліяли и другія причины, главною все-таки является экономія отъ консолидаціи линій.

Консолидація и организація капитала въ формѣ трёстовъ, промышленныхъ и торговыхъ синдикатовъ, повидимому, идетъ аналогичными путями съ консолидаціей и организаціей труда въ формѣ ремесленныхъ союзовъ и рабочихъ федерацій. Несмотря на кажущуюся абсолютную противоположность ихъ основныхъ элементовъ,—ихъ методы, системы, цѣли, и даже, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, результаты, совершенно одинаковы. И тѣ, и другіе вызвали одни и тѣ же симптомы въ народной жизни страны—сначала страхъ, опасенія, почти панику, законодательную борьбу, затѣмъ періоды выжиданія и изученія, и, наконецъ, примиренія съ ними общественнаго мнѣнія. Наконецъ, какъ и во многихъ другихъ новыхъ теченіяхъ человѣческой мысли, они привели къ такимъ выводамъ и соображеніямъ, которые въ теченіе процессовъ ихъ возникновенія и развитія

совсѣмъ не имѣлись въ виду. Всесильный процессъ эволюціи съ теченіемъ времени вывелъ на сцену гораздо болѣе существенные новые вопросы и указалъ на возможность результатовъ въ совершенно другихъ, неожиданныхъ направленіяхъ.

Ни безуспѣшность законодательной борьбы съ трёстами, ни оказавшаяся на практикѣ неосновательность опасеній относительно искусственнаго поднятія цѣнъ, ни оба эти фактора вмѣстѣ, вѣроятно, не имѣли того значенія въ быстрой перемѣнѣ фронта общественнаго мнѣнія, какъ одно вновь появившееся соображеніе, что консолидація капитала есть только естественный и, можетъ быть, желательный путь къ переходу къ новымъ понятіямъ о собственности и къ наиболѣе легкому осуществленію экспропріаціи государствомъ извѣстныхъ отраслей народнаго хозяйства. Что установленныя вѣковыми традиціями понятія о собственности начинаютъ серьезно отставать въ общемъ прогрессѣ, кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію; безпристрастный историкъ современной цивилизаціи, современныхъ человѣческихъ идеаловъ не можетъ не остановиться на этомъ фактѣ; онъ неизбѣжно встрѣтитъ на своемъ пути многое множество разнообразныхъ симптомовъ, на него указывающихъ и къ нему ведущихъ. Мысль о томъ, что современная консолидація труда съ одной стороны, а капитала съ другой, консолидація все усиливающаяся и распространяющаяся, несмотря ни на какія препятствія, по всей вѣроятности является одной изъ серьезныхъ, можетъ быть, существенныхъ ступеней въ этомъ переходномъ положеніи, однимъ изъ началъ, если не началомъ конца,—становится съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе естественной. Когда консолидація эта дойдетъ до своихъ возможныхъ предѣловъ, и на жизненномъ полѣ битвы останется только одна единица противъ другой, самыя понятія о трудѣ и капиталѣ, а съ ними и о собственности, должны будутъ исчезнуть и замѣниться чѣмъ-нибудь новымъ, совершенно отличнымъ отъ того, что̀ наше время привыкло принимать за истину.

Извѣстно, что „популистская“ партія, эта новая третья политическая партія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, поставила главнымъ пунктомъ своей политической программы отчужденіе въ пользу государства всѣхъ желѣзно-дорожныхъ, телеграфныхъ и телефонныхъ линій страны; что проектъ отчужденія далеко не ограничивается этимъ, и что предполагается отчужденіе каменноугольныхъ копей, пароходныхъ линій и многихъ другихъ необходимостей въ жизни народа. За партію эту, въ президентскую кампанію 1892 года, было подано 1.122.045 голосовъ, несмотря на невозможнаго, случайнаго кандидата и на самую примитивную, безобразную организацію и партіи, и кампаніи; кромѣ того, извѣстно было, что мно-

гія сотни тысячъ, можетъ-быть милліоны республиканцевъ и демократовъ готовы были вотировать за этотъ пунктъ програмы „популистовъ", и что только неумѣнье и непрактичность вожаковъ оттолкнули ихъ. Съ тѣхъ поръ идея эта ростетъ въ союзѣ не по днямъ, а по часамъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что въ самомъ ближайшемъ будущемъ всѣ политическія партіи страны, старыя и новыя, должны будутъ высказаться по этому предмету такъ или иначе. Рабочая агитація и выводы великой желѣзно-дорожной стачки лѣта 1894 года дѣлаютъ свое дѣло быстро и неудержимо; и вожаки всѣхъ этихъ новыхъ элементовъ, пять лѣтъ тому назадъ составлявшіе ядро противниковъ трёстовъ, въ настоящій моментъ совершенно перемѣнили фронтъ. Всякій понимаетъ, какую страшную трудность въ практическомъ примѣненіи представитъ собою отчужденіе нѣсколькихъ тысячъ отдѣльныхъ желѣзно-дорожныхъ линій, какія затрудненія возникнутъ при ихъ относительной оцѣнкѣ, и какія, можетъ быть, непреодолимыя препятствія встанутъ на пути успѣшности великой реформы. Несмотря на ограниченное, сравнительно, протяженіе русскихъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, финансовые недочеты при ихъ отчужденіи, такъ дорого обошедшіеся въ концѣ концовъ,—у всѣхъ еще на памяти. Чѣмъ больше добровольныхъ, естественныхъ консолидацій произойдетъ до тѣхъ поръ, чѣмъ меньше будетъ отдѣльныхъ единицъ для экспропріаціи, чѣмъ меньше отдѣльныхъ интересовъ, тѣмъ легче и скорѣе окажется осуществленіе реформы, и тѣмъ меньше будетъ активнаго ей противодѣйствія. Консолидируя свои линіи, свои заводы и рудники, частные владѣльцы пользуются всестороннимъ знаніемъ дѣйствительной, спекулятивной и подоходной цѣнности своихъ имуществъ, и имъ гораздо легче придти къ соглашенію между собою по поводу ихъ относительной стоимости, чѣмъ оцѣнщикамъ государства, людямъ, можетъ быть, и добросовѣстнымъ, но не спеціалистамъ и не обладающимъ необходимыми мѣстными свѣдѣніями.

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ наиболѣе распространена и, насколько мнѣ извѣстно, единственно успѣшна та форма трёстовъ, которая требуетъ отдѣльной оцѣнки всѣхъ поступающихъ въ составъ трёста отдѣльныхъ собственностей и затѣмъ выпуска владѣльцу соотвѣтственнаго числа паевъ во всемъ трёстѣ. Для того, чтобы достичь этого, прежде всего необходима, слѣдовательно, добровольная оцѣнка всѣми соучастниками принадлежащаго имъ имущества. Это соглашеніе составляетъ основаніе трёста, и обыкновенно достигается только съ большимъ трудомъ, послѣ долгихъ переговоровъ, торговли и компромиссовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ рѣшительно заводы извѣстнаго рода во всей странѣ примыкаютъ

къ трёсту, какъ напр. въ дѣлахъ стеклянномъ, сахарномъ, гвоздяномъ, стѣнныхъ обоевъ, и т. д.,—капиталъ трёста, очевидно, представляетъ собою всю стоимость этого производства въ странѣ, и, въ случаѣ отчужденія въ пользу государства, дѣло оцѣнки и вознагражденія владѣльцевъ является весьма несложнымъ, такъ какъ всѣ трудности относительной оцѣнки собственности, лежащей въ разныхъ мѣстностяхъ и зависящей отъ различныхъ мѣстныхъ условій уже устранены, и остается только оцѣнить цѣнность и доходность всего предпріятія, всей этой отрасли промышленности цѣликомъ, разъ до нихъ дойдетъ очередь. Современные вожаки движенія въ пользу отчужденія этихъ отраслей за счетъ государства и ожидаютъ, что трёсты произведутъ за нихъ эту чрезвычайно трудную работу и, такимъ образомъ, сдѣлаютъ самую реформу гораздо болѣе доступной и возможной.

Опытъ послѣдняго десятилѣтія доказалъ, что не только далеко не всѣ трёсты успѣшны, но что, напротивъ, большая ихъ часть оказывается несостоятельной. Такъ, крахъ National Cordage Co., національнаго веревочнаго трёста, вызвалъ финансовую и промышленную панику 1893 года; національный водочный трёстъ также находится въ рукахъ назначенныхъ судами пріемщиковъ, и дѣла сахарнаго треста въ послѣднее время находятся далеко не въ блестящемъ положеніи. Особенно разорительной оказалась консолидація желѣзныхъ дорогъ; вышеприведенныя данныя доказываютъ безусловно, что, насколько отъ нея выиграла страна, настолько проиграли собственники. Въ настоящій моментъ только одна треть желѣзныхъ дорогъ приноситъ какой-либо доходъ; одна треть работаетъ на-нѣтъ, а одна даетъ чистый убытокъ. Нѣкоторыя линіи работаютъ въ убытокъ со времени постройки цѣлые десятки лѣтъ. Многіе милліарды долларовъ капитала не только лежатъ безъ всякихъ процентовъ, но и требуютъ ежегодно значительныхъ доплатъ отъ собственниковъ. Кромѣ того, отношеніе бездоходныхъ дорогъ къ доходнымъ постоянно возрастаетъ, ко вреду послѣднихъ. Частные люди оказываются несостоятельными въ ихъ управленіи, и отчужденіе ихъ государствомъ является единственнымъ спасеніемъ для ихъ владѣльцевъ. Очевидно, что программа „популистовъ" не можетъ не быть привлекательной и для значительнаго числа капиталистовъ-консолидаторовъ.

Заслуживаетъ вниманіе и то обстоятельство, что консолидаціонныя тенденціи съ теченіемъ времени сдѣлались такъ сильны, такъ могущественны, что консолидація идетъ своимъ путемъ даже тогда, когда владѣльцы желѣзно-дорожныхъ линій и другихъ родовъ собственности противятся ей въ принципѣ и опасаются ея послѣдствій. Современныя условія промышленности и торговли, очевидно, таковы,

что гонятъ капиталъ по извѣстному пути, какимъ въ данномъ случаѣ является консолидація, помимо личныхъ желаній самихъ владѣльцевъ. Многозначительность этого факта очевидна, и дѣйствительное значеніе консолидацій капитала и труда на почвѣ будущей организаціи человѣческаго общества начинаетъ обрисовываться все яснѣе и яснѣе.

Въ настоящей замѣткѣ я хотѣлъ только указать на тѣ новыя стороны вопроса о трёстахъ въ Америкѣ, которые почему-либо были упущены или недостаточно оттѣнены ихъ изслѣдователями, и на тѣ новыя соображенія, которыя были ими вызваны въ самое послѣднее время въ вліятельныхъ средахъ американскаго народа. Безуспѣшность законодательной борьбы вызвала болѣе безпристрастное изученіе вопроса—а это послѣднее привело къ совсѣмъ неожиданнымъ выводамъ и указало на значеніе трёстовъ совсѣмъ въ другихъ направленіяхъ,—казалось бы, совершенно имъ чуждыхъ и враждебныхъ.

П. А. Тверской.

Jomosa, San Bernardo County.
California.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1895.

Особенности мадагаскарской экспедиціи и французскій бюрократизмъ. — Внѣшніе успѣхи и внутреннія неудачи министерства Рибо.—Защитники рабочаго класса въ парламентѣ.—Министерскій кризисъ во Франціи и его причины.—Перемѣна министерства въ Австріи.—Событія въ Константинополѣ и на дальнемъ Востокѣ.

Незадолго до открытія парламентской сессіи во Франціи, министерство Рибо успѣло освѣжить свою популярность—если она когда-либо существовала — благополучнымъ окончаніемъ мадагаскарской экспедиціи. Главный городъ Мадагаскара, Тананарива, былъ занятъ 30-го (18) сентября войсками генерала Дюшена, послѣ цѣлаго ряда стычекъ и битвъ съ мало-дисциплинированными отрядами говасовъ; на слѣдующій же день, 1-го октября (нов. ст.), подписаны были условія мира, въ силу которыхъ окончательно водворяется на островѣ французское владычество, въ видѣ протектората. Королева Ранавало, несмотря на всѣ убѣжденія своего перваго министра и супруга, Райнилаяривони, выразила геройскую рѣшимость остаться въ городѣ и погибнуть подъ ударами побѣдителей; но,—вѣроятно, къ ея крайнему удивленію,—французы не только не умертвили ее, но сохранили за нею оффиціальное положеніе королевы, тогда какъ бѣжавшій супругъ и первый министръ признанъ низложеннымъ и подвергнутъ изгнанію. Для французовъ было большою удачею то обстоятельство, что королева Ранавало пожелала быть героинею и не покинула своей резиденціи; это дало имъ возможность немедленно заключить миръ съ законнымъ правительствомъ страны и сразу достигнуть, такимъ образомъ, цѣли своихъ усилій. Экспедиція и безъ того тянулась слишкомъ долго, и французамъ грозила еще опасность впутаться въ безконечную партизанскую войну, которая могла бы имѣть для нихъ печальныя послѣдствія. Мадагаскаръ едва не сдѣлался уже вторымъ Тонкиномъ: онъ стоилъ очень многихъ жертвъ и давалъ благодарную пищу нападкамъ оппозиціи. Кампанія съ самаго начала обнаружила нѣкоторые существенные недостатки военно-административной организаціи. Правительство вынуждено было нанимать транспортныя суда для перевозки войскъ; свѣденія о мѣстахъ, удобныхъ для высадки, оказались невѣрными, и вмѣсто предположеннаго передвиженія по рѣкѣ внутрь страны, войскамъ пришлось пробираться сухимъ путемъ по болотистымъ пространствамъ, безъ дорогъ, подвергаясь убійствен-

ному дѣйствію жаркаго климата. Запасы провіанта скоро портились подъ открытымъ небомъ; не было хорошей воды для питья, такъ какъ привезенные фильтры не дѣйствовали, или плохо дѣйствовали; болѣзни развивались между солдатами въ ужасающей прогрессіи, и санитарная часть была крайне неудовлетворительна. Больные перевозились во Францію, и можно себѣ представить, какъ отражалось на нихъ тридцатидневное морское путешествіе, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, при разслабляющей теплой погодѣ; многіе умирали въ пути, другіе доставлялись на родину въ безнадежномъ видѣ. Легко было устроить больныхъ недалеко отъ Мадагаскара, на одномъ изъ острововъ, принадлежащихъ къ французскимъ владѣніямъ; здоровый воздухъ и правильный уходъ обезпечили бы выздоровленіе большинства, а возможность имѣть удобную стоянку на островѣ Reunion, близъ театра военныхъ дѣйствій, значительно облегчила бы положеніе экспедиціоннаго отряда. Какъ сообщали еще лѣтомъ парижскія газеты, военному министерству было сдѣлано предложеніе въ этомъ смыслѣ нѣкоторыми частными фирмами, но предложеніе было отклонено по весьма странной причинѣ, которая на первый взглядъ кажется даже маловѣроятною.

Въ печати и въ парламентѣ не разъ указывалось на недоброжелательное соперничество между тремя вѣдомствами, участвующими въ веденіи подобныхъ предпріятій,—между министерствами военнымъ, морскимъ и колоній. Въ данномъ случаѣ требовалось соглашеніе военнаго вѣдомства съ колоніальнымъ, а военные устроители экспедиціи знали по опыту, что̀ значитъ канцелярская переписка съ учрежденіями, отъ которыхъ требуется какое-нибудь содѣйствіе. Министры безсильны противъ рутины своихъ подчиненныхъ, и самое ясное дѣло, рѣшенное въ принципѣ, встрѣчаетъ тысячи препятствій, промедленій и оговорокъ при попыткахъ осуществить принятое рѣшеніе на практикѣ, если дѣло касается „чужого“ вѣдомства. Во время дагомейской экспедиціи, французы терпѣли на первыхъ порахъ серьезныя неудачи только потому, что командиры кораблей смотрѣли на армейскихъ начальниковъ какъ на представителей посторонняго вѣдомства, и не дѣлали ни одного шага безъ спеціальныхъ распоряженій морского министерства изъ Парижа; тогда приняты были особыя законодательныя мѣры, чтобы установить необходимое единство командованія, которое и позволило генералу Доддсу довести предпріятіе до успѣшнаго конца. Въ Мадагаскарѣ морскія силы, дѣйствовавшія у Таматавы и Маюнги, были уже подчинены главному начальнику экспедиціоннаго отряда, генералу Дюшену, такъ что недоразумѣній на мѣстѣ не могло возникнуть; тѣмъ не менѣе газеты указывали на факты, свидѣтельствовавшіе о старомъ антагонизмѣ между канцеля-

ріями управленій морского и военнаго. Что касается министерства колоній, то чины его оставались въ этомъ дѣлѣ посторонними для обоихъ вѣдомствъ, и трудно было разсчитывать на скорое соглашеніе относительно пользованія удобствами острова Réunion для цѣлей экспедиціи, которою завѣдывало военное министерство. Какъ ни удивительны эти указанія и намеки французской печати, они вполнѣ соотвѣтствуютъ духу французскаго чиновничества, съ его консервативною обособленностью и неизмѣнными канцелярскими традиціями. Искусство отписываться, придумывать разныя проволочки и сложныя формальности, нигдѣ не достигло такого совершенства, какъ въ средѣ французской администраціи; каждое вѣдомство составляетъ тамъ особый мірокъ, ревниво оберегающій свои интересы и свою компетенцію отъ вмѣшательства другихъ вѣдомствъ и канцелярій. Чиновники разныхъ управленій всего меньше расположены способствовать успѣху дѣла, находящагося въ рукахъ чужого министерства, и эта особенность бюрократическихъ порядковъ давала себя сильно чувствовать въ ходѣ мадагаскарской кампаніи. Раскрылись и другіе недочеты въ устройствѣ и веденіи предпріятія; отвѣтственность за нихъ возлагалась нѣкоторыми на бывшаго военнаго министра генерала Мерсье, который въ свою очередь имѣлъ основаніе ссылаться на бывшаго морского министра, Феликса Фора, нынѣшняго президента республики, такъ какъ оба они участвовали въ составленіи плана экспедиціи. Въ дѣйствительности личныя качества и ошибки министровъ не играли тутъ значительной роли, ибо самыя лучшія намѣренія остаются безплодными, когда проходятъ черезъ горнило тѣсно сплоченной и рутинной бюрократіи.

Извѣстіе о занятіи Тананаривы успокоило общественное мнѣніе и возбудило обычныя патріотическія чувства относительно арміи, которая безспорно составляетъ популярнѣйшій элементъ французскаго общества при республикѣ. Армія не служитъ уже орудіемъ своекорыстныхъ и честолюбивыхъ стремленій правителей, какъ это было при второй имперіи; она стала дѣйствительно національнымъ учрежденіемъ, одинаково близкимъ и дорогимъ для всѣхъ французскихъ партій. Милитаризмъ на службѣ демократіи—явленіе новое и въ высшей степени интересное; это явленіе возможно только въ странѣ, гдѣ преданія военной славы укоренились прочно и связаны неразрывно съ общимъ историческимъ сознаніемъ народа. Восторженныя поздравленія, посланныя правительствомъ генералу Дюшену и его сотрудникамъ, передавали лишь господствующее настроеніе, которое одинаково выражалось и въ печати, и въ парламентскихъ кружкахъ. Старый республиканецъ Бриссонъ, принадлежащій къ числу радикаловъ, открывая 22 (10) октября первое послѣ каникулъ засѣданіе палаты

депутатовъ, въ качествѣ ея президента, произнесъ краснорѣчивое привѣтствіе по адресу французскихъ солдатъ, сражавшихся въ отдаленной странѣ за интересы Франціи; такъ же точно въ сенатѣ первымъ словомъ предсѣдательствовавшаго вице-президента Шаламé было выраженіе чувствъ благодарности храбрымъ войскамъ, побѣдившимъ Мадагаскаръ. Министерство было вдвойнѣ довольно, такъ какъ достигнутый успѣхъ долженъ былъ упрочить положеніе кабинета и усилить довѣріе къ нему палатъ.

Внѣшняя политика правительства была вообще удачна, и министръ иностранныхъ дѣлъ Ганотò пріобрѣлъ почетное имя и авторитетъ своими твердыми и осторожными дѣйствіями на дальнемъ Востокѣ, въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ. Сближеніе съ Россіею проявлялось сильнѣе и нагляднѣе, чѣмъ когда-либо; пребываніе нашего министра иностранныхъ дѣлъ во Франціи и частыя свиданія его съ руководящими дѣятелями французскаго правительства показывали всѣмъ и каждому, что союзъ фактически существуетъ, хотя бы и не въ формѣ письменнаго трактата. Обѣ державы получили возможность слѣдовать болѣе активной и самостоятельной политикѣ, благодаря установившемуся между ними соглашенію, и эта солидарность Франціи и Россіи въ области международной дипломатіи сдѣлалась однимъ изъ могущественныхъ факторовъ общаго политическаго положенія въ Европѣ. Всѣ привыкли уже къ тому, что Франція и Россія дѣйствуютъ заодно по текущимъ внѣшнимъ вопросамъ, и окончательному укрѣпленію этого взгляда много способствовало министерство Рибò.

Но прошли во Франціи тѣ времена, когда внѣшніе политическіе успѣхи отвлекали вниманіе общества отъ внутреннихъ задачъ и обрекали оппозицію на безмолвіе. Тамъ внутреннія дѣла страны не зависятъ отъ того, занята ли французами столица Мадагаскара и достигнуты ли новыя выгоды въ Китаѣ при помощи русскаго союза. Французскіе солдаты могутъ одерживать свои побѣды при всякомъ министерствѣ, и союзъ съ Россіею, если онъ выгоденъ, будетъ соблюдаться независимо отъ состава французскаго кабинета въ данное время. Оппортунистское управленіе Рибо оставалось совершенно безцвѣтнымъ въ дѣлахъ внутреннихъ. Рибо—хорошій ораторъ или, вѣрнѣе, декламаторъ въ старомъ французскомъ вкусѣ; онъ умѣетъ красиво говорить, и его звучныя фразы часто нравятся публикѣ. Какъ убѣжденный представитель умѣренно-либеральной буржуазіи, онъ не видитъ спасенія внѣ усвоенныхъ разъ навсегда шаблонныхъ принциповъ и, при всемъ своемъ желаніи отнестись внимательно къ новымъ требованіямъ жизни, онъ не можетъ отрѣшиться отъ привычки смотрѣть на рабочій классъ съ точки зрѣнія нанимателя-капиталиста. Между

тѣмъ французскіе рабочіе давно уже чувствуютъ себя полноправными гражданами, и систематическое пренебреженіе къ ихъ законнымъ правамъ и интересамъ всего менѣе входитъ въ разсчеты республиканскихъ политическихъ дѣятелей. Рабочій вопросъ занимаетъ центральное мѣсто во внутренней политикѣ Франціи, и до сихъ поръ онъ остается камнемъ преткновенія для умѣренно-либеральной партіи. Единомышленники Рибо до сихъ поръ обходили его съ большею или меньшею ловкостью, уклоняясь отъ прямого и яснаго его обсужденія, довольствуясь временными и случайными компромиссами и неизмѣнно заявляя о своемъ сочувствіи къ рабочему классу. Но при возникающемъ фактическомъ спорѣ между рабочими и хозяевами оппортунисты невольно принимаютъ сторону послѣднихъ; имъ кажется неправильнымъ и ненормальнымъ настойчивое стремленіе рабочихъ добиться равноправности съ капиталистами не только въ политическихъ, но и въ гражданскихъ и экономическихъ отношеніяхъ. Капиталисты свободно устроиваютъ промышленные синдикаты, которые большею частью имѣютъ характеръ стачекъ противъ потребителей и рабочихъ; а когда рабочіе, въ свою очередь, образуютъ синдикаты для защиты своихъ правъ и интересовъ, то это вызываетъ энергическое противодѣйствіе со стороны хозяевъ и даетъ поводъ къ серьезнымъ столкновеніямъ и кризисамъ. Французскіе капиталисты не отличаются тѣмъ духомъ соглашенія и уступчивости, который придаетъ такую жизненную силу и оригинальность англійскому промышленному быту; рабочіе союзы, издавна процвѣтающіе въ Англіи, все еще представляются многимъ французамъ чѣмъ-то незаконнымъ и даже революціоннымъ. Рибо и его товарищи по министерству высказали всю односторонность своихъ взглядовъ и симпатій въ дѣлѣ стачки рабочихъ въ Кармо̀. Стачка эта возникла еще въ августѣ по слѣдующему поводу: директоръ стеклянныхъ заводовъ въ Кармо̀, Рессегье́, уволилъ двухъ рабочихъ за то, что они безъ его согласія участвовали въ рабочемъ конгрессѣ, въ качествѣ выборныхъ делегатовъ мѣстнаго синдиката рабочихъ. Уволенные рабочіе ссылались на обычную практику, дозволяющую рабочимъ являться на съѣзды и собранія безъ предварительнаго разрѣшенія хозяевъ. Не добившись ничего отъ Рессегье, рабочіе созвали свой синдикатъ, и послѣдній рѣшилъ прекратить работы, пока оба уволенные не будутъ приняты вновь. Стачка продолжалась уже нѣсколько дней, когда соціалистическій депутатъ Жоре́съ прибылъ въ Кармо̀ и разъяснилъ синдикату, что предлогъ для остановки работъ выбранъ неудачно, такъ какъ оба делегата нарушили условіе съ хозяиномъ, отправившись на конгрессъ безъ надлежащаго отпуска. Рабочіе склонны были возобновить работы и охотно согласились на предложеніе мѣстнаго мирового судьи

разрѣшить дѣло третейскимъ судомъ. Рессегье категорически отклонилъ это предложеніе. Депутатъ Жоресъ совѣтовалъ тогда синдикату удовлетвориться сознаніемъ несправедливости этого ничѣмъ не мотивированнаго отказа и не предъявлять дальнѣйшихъ требованій; рѣшено было возобновить работы по прежнему. Но, явившись на работу, люди нашли всѣ входы запертыми и узнали отъ Рессегье, что онъ несогласенъ принять рабочихъ и долженъ еще поставить свои условія. Черезъ недѣлю объявлено было, что всѣ рабочіе уволены и изъ нихъ будутъ вновь приняты только тѣ, которыхъ одобритъ Рессегье. Съ тѣхъ поръ движеніе приняло характеръ настоящей борьбы, и дѣло рабочихъ въ Кармо́ стало общимъ дѣломъ французскаго рабочаго класса. Мѣстная администрація не усмотрѣла въ этомъ сложномъ конфликтѣ ничего другого, кромѣ безпорядка, и пыталась прежде всего противопоставить рабочимъ обычныя административно-полицейскія мѣры, которыя въ то же время должны были охранять свободу дѣйствій Рессегье при наймѣ посторонних и главнымъ образомъ иностранныхъ рабочихъ. Въ Кармо съѣхались наиболѣе видные ораторы соціалистической партіи въ парламентѣ; они произносили рѣчи, устроивали совѣщанія, собирали деньги для поддержки стачниковъ и вообще взяли все дѣло въ свои руки. Газеты приняли горячее участіе въ борьбѣ; болѣе двухсотъ тысячъ франковъ собрано было по подпискѣ въ пользу рабочихъ, а директоръ Рессегье упорно стоялъ на своемъ правѣ, не допуская съ своей стороны никакой уступки. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Лейгъ, раздѣлялъ, повидимому, точку зрѣнія Рессегье, хотя и убѣждалъ его дѣйствовать примирительно; министръ находилъ, что директоръ имѣетъ безспорное право мѣнять своихъ рабочихъ, и что правительство должно ограждать это законное право хозяевъ отъ какихъ бы то ни было посягательствъ и насилій. Этотъ чисто-формальный взглядъ казался неполитичнымъ даже Рибо, который по своей природной мягкости не могъ сочувствовать суровому упорству Рессегье. Вѣроятно, самъ Рессегье руководствовался только искреннимъ сознаніемъ своей формальной правоты, и онъ не уступаетъ только изъ-за принципа, ибо споръ не касается вовсе матеріальныхъ интересовъ и долженъ былъ причинить ему огромные убытки, безъ всякой реальной пользы въ будущемъ. Рессегье могъ считать поведеніе рабочихъ возмутительнымъ: они первые нарушили условіе контракта и бросили работу безъ законной причины, а потомъ протестуютъ, когда хозяинъ хочетъ замѣнить ихъ другими, болѣе покорными и спокойными работниками. Формальное право было на сторонѣ Рессегье, и этого въ самомъ началѣ не отрицалъ Жоресъ; но отношенія между трудомъ и капиталомъ въ крупной промышленности не могутъ быть съ пользою регулируемы по

формальному частному праву. Тысячи и десятки тысячъ рабочихъ, населяющихъ фабрично-заводскіе центры и связанныхъ иногда по наслѣдству съ извѣстными промышленными предпріятіями, не могутъ быть приравнены къ случайнымъ наемникамъ, которыхъ хозяинъ вправѣ разсчитать когда ему угодно, по своему усмотрѣнію. Съ требованіями и мнѣніями многочисленныхъ рабочихъ группъ приходится по неволѣ считаться даже тамъ, гдѣ нѣтъ демократическаго режима; взволнованную массу людей, отстаивающихъ свое право на существованіе противъ неумолимыхъ Рессегьѐ, нельзя успокоить увѣреніемъ, что добрая воля хозяевъ должна быть уважаема и охраняема закономъ. Принципъ посредничества, примѣняемый въ подобныхъ случаяхъ въ Англіи, основанъ именно на ясномъ сознаніи того факта, что отношенія между рабочими и хозяевами въ крупной промышленности составляютъ предметъ не частнаго права, а общественнаго интереса. Во Франціи это сознаніе считается именно принадлежностью соціализма. Взгляды министровъ и мѣстной администраціи раздражали рабочее населеніе и косвенно поощряли рѣшимость Рессегьѐ бороться противъ рабочихъ до послѣдней крайности. Конфликтъ становился все болѣе острымъ и тяжелымъ; директоръ стеклянныхъ заводовъ въ Кармо сдѣлался предметомъ ненависти и долженъ былъ бояться за свою личную безопасность. Кончилось тѣмъ, что на него произведено было покушеніе—кто-то стрѣлялъ въ него, но не попалъ, и по этому поводу арестованы были нѣкоторые изъ дѣятелей и ораторовъ рабочихъ сходокъ, въ томъ числѣ и депутатъ Жоресъ. Положеніе, занятое министерствомъ Рибо, было весьма опредѣленное, и надо было ожидать горячихъ стычекъ въ парламентѣ.

Параллельно съ волненіями рабочихъ въ Кармо, выступало на первый планъ другое непріятное дѣло, касавшееся уже капиталистовъ и сановниковъ третьей республики. Раскрылись новые случаи продажности политическихъ дѣятелей и журналистовъ: сенаторъ Маньѐ, бывшій предсѣдатель генеральнаго совѣта въ варскомъ департаментѣ, обвинялся въ полученіи крупной денежной суммы отъ общества южныхъ желѣзныхъ дорогъ за содѣйствіе въ разныхъ предпріятіяхъ этого общества въ предѣлахъ названнаго департамента; онъ продавалъ свое вліяніе и голосъ въ генеральномъ совѣтѣ, при посредствѣ знаменитаго барона Рейнака, игравшаго такую печальную и выдающуюся роль въ панамской исторіи. Манье утверждалъ, что полученные имъ сто тысячъ франковъ представляли вознагражденіе за публикаціи и рекламы въ его газетѣ „Evénement“; но это объясненіе было легко опровергнуто, тѣмъ болѣе что для мало распространенной газеты немыслима была подобная цифра уплаты за „publicité“. Злоупотребленія въ обществѣ южныхъ желѣзныхъ дорогъ привели

къ отдачѣ подъ судъ сенатора Манье; другіе члены парламента, имена которыхъ значились въ расходныхъ книгахъ общества, были оставлены въ покоѣ, такъ какъ въ ихъ дѣйствіяхъ судебная власть не нашла признаковъ преступленія. Самые документы предварительнаго слѣдствія не были обнародованы, и это обстоятельство порождало толки и подозрѣнія, для которыхъ въ дѣйствительности не было, вѣроятно, никакихъ данныхъ. Говорили, что въ дѣло замѣшаны нѣкоторые друзья правительства и что Манье принесенъ въ жертву только для удовлетворенія общественнаго мнѣнія; министры хотѣли будто бы замять дѣло, но не могли, и потому стараются, по крайней мѣрѣ, скрыть имена другихъ участниковъ. Этимъ объяснялась и та снисходительность, съ какою смотрѣли власти на разъѣзды Манье уже послѣ приказа объ его арестѣ; правительство желало будто бы дать ему возможность удалиться за границу, чтобы избѣгнуть его разоблаченій во время судебнаго процесса. Обвинители министерства въ сущности заподозривали не министровъ, а судебную магистратуру, ибо прекращеніе слѣдствія о южныхъ желѣзныхъ дорогахъ и отдача подъ судъ одного лишь Манье зависѣли всецѣло отъ судебной власти, а не отъ административной; судебная же власть во Франціи, какъ въ другихъ культурныхъ государствахъ, руководствуется точными и положительными законами, а не соображеніями и намѣреніями министерства, тѣмъ болѣе что въ данномъ случаѣ дѣло само по себѣ было чуждо политическаго характера. Судъ не имѣлъ основанія обнародовать слѣдственные акты по дѣлу, которое рѣшено было прекратить въ виду отсутствія состава преступленія или проступка; судъ не могъ также напечатать имена лицъ, о которыхъ содержатся компрометтирующія свѣденія въ этихъ актахъ, если эти свѣденія признаны недостаточными для преданія виновныхъ суду. Однако процессъ Манье былъ непріятенъ для министерства Рибо и давалъ удобное оружіе его противникамъ.

Тотчасъ по возобновленіи парламентской сессіи, внесены были въ палату запросы о стачкѣ въ Кармо и о дѣлѣ южныхъ желѣзныхъ дорогъ. Рибо предложилъ начать съ обсужденія перваго запроса, предъявленнаго Жоресомъ, и затѣмъ перейти къ интерпелляціи Руанне́. Предметы обоихъ запросовъ были разнородны, но ихъ соединяла тѣсная внутренняя связь: это была двойная аттака противъ министерства со стороны наиболѣе враждебной ему партіи въ парламентѣ. Если по поводу дѣла Кармо́ нельзя было разсчитывать на оппозиціонное настроеніе большинства, то въ дѣлѣ о продажности нѣкоторыхъ республиканскихъ дѣятелей и журналистовъ можно было смѣло надѣяться на сочувствіе и поддержку не только радикальной группы, но и всѣхъ консерваторовъ и значительной части умѣрен-

ныхъ. Пренія о дѣйствіяхъ правительства относительно стачки въ Кармо были мало интересны: депутатъ Жоресъ, также какъ и противникъ его, министръ внутреннихъ дѣлъ Лейгъ, увлеклись фактическими подробностями въ ущербъ принципіальной сторонѣ вопроса. Министра упрекали за одностороннюю защиту интересовъ капиталистовъ и въ частности Рессегье́; онъ въ свою очередь обвинялъ депутатовъ-соціалистовъ въ искусственномъ возбужденіи агитаціи и безпорядковъ среди рабочаго класса ради политическихъ цѣлей. Почему собственно защитники рабочихъ синдикатовъ причисляются къ соціалистамъ и какія соціалистическія идеи проводилъ Жоресъ— осталось невыясненнымъ; насколько можно судить по фактамъ, въ требованіяхъ рабочихъ не было и рѣчи объ отрицаніи права собственности капиталистовъ, о притязаніяхъ на какую-либо долю дохода въ промышленныхъ предпріятіяхъ, а дѣло шло лишь объ ограниченіи произвола хозяевъ по отношенію къ постояннымъ рабочимъ. Волненія въ Кармо давно бы прекратились, еслибы Рессегье́ въ свое время согласился на третейскій судъ; однако оппозиція не предлагала отъ себя даже такого скромнаго проекта, какъ признаніе обязательности посредничества или третейскаго суда при возникновеніи открытой распри между фабрично-заводскими хозяевами и рабочими. Депутатъ Жоресъ предложилъ только частную мѣру для даннаго случая;—онъ выразилъ пожеланіе, чтобы третейскимъ судьею для разрѣшенія спора назначенъ былъ президентъ палаты Бриссонъ. Было довольно странно предлагать такую роль Бриссону или кому-либо другому, когда одна изъ сторонъ вовсе не думаетъ подчиняться третейскому суду. Выработать же цѣлесообразный общій проектъ, могущій способствовать мирному разрѣшенію конфликтовъ между хозяевами и рабочими, не пришло на умъ такъ называемымъ соціалистамъ французскаго парламента. Какъ ни слабы были доводы министра Лейга, они все-таки имѣли за себя существующіе законы и порядки; оппозиція же напрасно тратила порохъ, нападая на министра лично, а не на порядки и законы, уполномочившіе его дѣйствовать именно такъ, а не иначе.

Впрочемъ пренія достигли предположенной цѣли,—они подготовили почву для рѣшительнаго удара, который предстояло нанести десять дней спустя. Въ засѣданіи 28 (16) октября обсуждался запросъ Руанне́, формулированный очень ловко. Названный депутатъ, тоже причисляемый къ соціалистамъ, потребовалъ оглашенія фактовъ, раскрытыхъ слѣдствіемъ по дѣлу южныхъ желѣзныхъ дорогъ, чтобы разсѣять подозрѣнія, падающія на отдѣльныхъ членовъ парламента. Возражать противъ гласности въ такомъ дѣлѣ было въ высшей степени неудобно для правительства; однако министры возра-

жали и этимъ возстановили противъ себя палату. Сами оппортунисты отреклись отъ Рибо и единогласно, 518 голосами, осудили министра юстиціи Трарье, который имѣлъ неосторожность заявить, что депутаты и сенаторы имѣютъ право участвовать въ эмиссіонныхъ синдикатахъ, т.-е. въ фиктивныхъ, полу-мошенническихъ сдѣлкахъ, направленныхъ къ обману довѣрчивой публики. Радикалы немедленно воспользовались обмолвкою министра юстиціи и предложили формально запретить членамъ парламента участвóвать въ финансовыхъ синдикатахъ. Предложеніе, внесенное Гюббаромъ въ видѣ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, было принято единогласно,—фактъ довольно рѣдкій въ лѣтописяхъ французской палаты депутатовъ. Затѣмъ было принято значительнымъ большинствомъ и предложеніе Руанне́, несмотря на ссылки Рибо на авторитетъ и безпристрастіе судебной власти. Желаніе обнародовать документы по дѣлу общества южныхъ желѣзныхъ дорогъ нисколько не затрогивало авторитета судебной власти; оно выражало лишь естественную любознательность публики и парламента относительно предметовъ общественнаго интереса, такъ что доводы Рибо ни для кого не могли быть убѣдительны. Истинная физіономія министерства получаетъ оригинальное освѣщеніе, если сопоставить суровыя фразы о синдикатахъ рабочихъ съ снисходительными отзывами объ участіи членовъ парламента въ обманныхъ биржевыхъ синдикатахъ, составляющихъ лишь замаскированную форму подкупа политическихъ дѣятелей. Къ профессіональнымъ союзамъ и съѣздамъ рабочихъ прилагается особая мѣрка, которая тотчасъ исчезаетъ при переходѣ къ союзамъ предпринимателей-монополистовъ и биржевыхъ дѣльцовъ. Министры съ столь неясными и противорѣчивыми понятіями о важнѣйшемъ изъ внутреннихъ вопросовъ современной Франціи не могли претендовать на прочность своего министерскаго положенія; они должны были удалиться со сцены, и никто не оплакивалъ ихъ отставки.

Успѣхъ мадагаскарской экспедиціи не помогъ кабинету Рибо, и министерскій кризисъ открылся ранѣе, чѣмъ можно было думать. Преемники, кто бы они ни были, встрѣтятся съ тѣми же сложными задачами, около которыхъ безплодно лавировали прежніе министры разныхъ направленій и оттѣнковъ. На практикѣ французскіе радикалы оказываются похожими на либераловъ и оппортунистовъ; только рѣчи у нихъ болѣе яркія, принципы болѣе смѣлые и передовые, а дѣйствія остаются почти безразличными для реальныхъ интересовъ населенія. Бюрократическій механизмъ одинаково господствуетъ надъ страною и при умѣренныхъ и при радикальныхъ министрахъ, и до сихъ поръ даже не поднятъ еще серьезно вопросъ о реформѣ административной системы, унаслѣдованной республикою отъ имперіи

Оттого и министерскія перемѣны имѣютъ такъ мало значенія во Франціи; смѣняющіеся кабинеты скользятъ по поверхности политической жизни, не задѣвая ея внутреннихъ пружинъ и давая лишь обычную пищу газетной полемикѣ. Новыхъ крупныхъ талантовъ и характеровъ не появляется со времени смерти Гамбетты, и по необходимости министры вербуются изъ одного и того же круга лицъ; почти одни и тѣ же имена повторяются въ разныхъ сочетаніяхъ при каждомъ кабинетномъ кризисѣ. Это обстоятельство представляетъ одинъ изъ элементовъ устойчивости политическаго положенія въ нынѣшней французской республикѣ.

Перемѣны министровъ во Франціи могутъ по крайней мѣрѣ въ принципѣ означать поворотъ въ общемъ ходѣ внутренней и внѣшней политики; но министерскія перемѣны, напр., въ Австріи не имѣютъ даже такого теоретическаго значенія: министры мелькаютъ здѣсь какъ тѣни, не вызывая ни особенныхъ надеждъ, ни особенныхъ разочарованій. Со времени отставки графа Таафе, который въ теченіе четырнадцати лѣтъ заботился лишь о томъ, чтобы какъ можно меньше заставлять говорить о себѣ и своей дѣятельности,—смѣнились въ Австріи два министерства, и едва ли многіе замѣтили ихъ появленіе и исчезновеніе. Князь Виндишгрецъ уступилъ мѣсто графу Кильмансеггу, а теперь вмѣсто графа Кильмансегга назначенъ министромъ-президентомъ графъ Казиміръ Бадени, бывшій намѣстникъ Галиціи, польскій аристократъ, умѣренно-либеральный клерикалъ и ловкій царедворецъ. Такъ какъ и обще-имперскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Голуховскій—тоже полякъ, то польскій элементъ получаетъ замѣтное преобладаніе въ высшемъ австрійскомъ управленіи; но это обстоятельство едва ли измѣнитъ характеръ австрійской политики, сдержанной и уклончивой какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ. Больше ничего не могутъ сказать о министерской перемѣнѣ въ Австріи даже нѣмецкія газеты, спеціально интересующіяся ходомъ дѣлъ въ сосѣдней имперіи.

Перемѣна кабинета произошла и въ Константинополѣ, гдѣ Кіамиль-паша смѣнилъ Саида-пашу въ должности великаго визиря, подъ вліяніемъ кровавыхъ армянско-турецкихъ безпорядковъ, разыгравшихся на улицахъ Стамбула 30-го (18-го) сентября. Въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ тянулись переговоры о необходимыхъ реформахъ въ турецкой Арменіи; въ началѣ мая послы трехъ великихъ державъ, Англіи, Франціи и Россіи, представили Портѣ программу желательныхъ преобразованій и улучшеній, для обезпеченія безопасности малоазіатскихъ христіанъ. Новое англійское министерство съ

особенною энергіею добивалось опредѣленнаго отвѣта отъ турецкихъ правителей; оно хлопотало за армянъ такъ усердно, что возбудило противъ себя подозрѣнія и нападки даже въ западно-европейской печати. Вопросъ разрѣшился наконецъ въ чисто-турецкомъ вкусѣ: съ одной стороны, приняты мѣры для искорененія армянъ, проникнутыхъ революціоннымъ или оппозиціоннымъ духомъ, а съ другой—обнародованъ широковѣщательный указъ, способный обезоружить иностранныхъ дипломатовъ краснорѣчивымъ перечисленіемъ благихъ намѣреній и мѣропріятій султана. Корреспонденты свѣдущихъ газетъ, какъ, напр. „Times", сообщаютъ ужасныя подробности турецкой расправы съ сотнями и тысячами армянъ въ разныхъ мѣстахъ Малой Азіи, напр. въ Требизондѣ; многіе были убиты и тяжело ранены въ Константинополѣ, во время неудачной попытки армянъ коллективно напомнить Портѣ о своихъ нуждахъ и желаніяхъ; многіе арестованные подверглись пыткамъ и тѣлеснымъ наказаніямъ, другіе пропали безъ вѣсти и, быть можетъ, погибли въ водахъ Босфора подъ покровомъ ночи. По всей вѣроятности, въ этихъ описаніяхъ есть значительная доля фантазіи; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что армяне не только защищались, но и нападали, и что пострадавшихъ было не мало и между турками. Представители европейской дипломатіи въ Константинополѣ дѣлали, что̀ могли, для предупрежденія дальнѣйшихъ волненій; они считали большимъ для себя успѣхомъ сообщенный имъ 20 (8) октября текстъ манифеста, возвѣщающій о великодушномъ желаніи султана привести въ исполненіе благодѣтельныя, никогда не исполнявшіяся обѣщанія знаменитыхъ реформаторскихъ актовъ 1839 и 1856 годовъ, вмѣстѣ съ предпринятыми и неосуществленными преобразованіями 1871 и 1877 годовъ. Этотъ торжественный турецкій отвѣтъ Европѣ изложенъ вполнѣ серьезно, но содержаніе его имѣетъ оттѣнокъ какой-то ядовитой ироніи.

Своеобразный правительственный кризисъ произошелъ и въ столицѣ Кореи, Сеулѣ: королева, сторонница союза и сближенія съ Китаемъ, убита приверженцами своего тестя, ворвавшимися во дворецъ подъ непосредственнымъ его предводительствомъ, при пассивномъ бездѣйствіи японскихъ караульныхъ офицеровъ и солдатъ. Отецъ безхарактернаго короля, захватившій такимъ образомъ власть въ свои руки, тоже считается сторонникомъ какихъ-то реформъ; вмѣстѣ съ тѣмъ его узурпація признается побѣдою японскаго вліянія, которое раньше будто бы было непрочно благодаря королевѣ. Насколько это справедливо—судить пока трудно.

ОТЪ ФРИДРИХА-ВИЛЬГЕЛЬМА IV ДО ВИЛЬГЕЛЬМА II.

1795—1895 гг.

Письма изъ Германіи.

II *).

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, 15-го октября нов. ст., исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія того прусскаго короля, чья судьба принадлежитъ къ самымъ трагическимъ въ новой исторіи. Германская печать, почти безъ исключеній, напомнила обществу, что правленіе романтика на тронѣ Гогенцоллерновъ ознаменовано было не только конфликтомъ между правительствомъ и народомъ, но и чрезвычайнымъ развитіемъ общественной мысли. Послѣдняя была необходимымъ условіемъ для будущаго политическаго объединенія страны и поднятія ея внѣшняго авторитета.

Безъ горечи и ненависти, съ безпристрастіемъ, столь рѣдкимъ въ оцѣнкѣ противника, потомки людей 48-го года отдаютъ теперь дань справедливости дарованіямъ и намѣреніямъ несчастнаго короля. Самый суровый отзывъ заканчивается признаніемъ, что если Фридрихъ-Вильгельмъ IV глубоко заблуждался, то онъ страданіями души искупилъ свои ошибки. Во многихъ статьяхъ, однако, бросается въ глаза одна характерная особенность: прощая давно сошедшему со сцены, современники предупреждаютъ его близкаго потомка отъ ошибокъ и увлеченій, основывающихся на наслѣдственности характера. И не въ первый разъ въ Германіи замѣчаютъ, что у Вильгельма II есть черты, сходныя съ личностью Фридриха-Вильгельма IV. Параллель невольно напрашивается даже при чтеніи исторіи Трейчке, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прусскій исторіографъ, конечно, безъ всякаго коварства, характеризуетъ стараго короля-оратора, увлекавшагося собственнымъ краснорѣчіемъ, или когда Трейчке говоритъ о любви Фридриха-Вильгельма IV къ пышной внѣшности, объ его художественныхъ вкусахъ, страсти къ постройкамъ и „безпокойной жаждѣ къ перемѣнѣ мѣста, выра-

*) См. выше: іюль, 374 стр.

жавшейся въ частыхъ поѣздкахъ, насколько ихъ допускало несовершенство путей сообщенія того времени" [1]).

Безъ сомнѣнія, въ такихъ параллеляхъ много заманчиваго, но мы впали бы въ большую ошибку, еслибы не замѣтили за внѣшнимъ сходствомъ и очень крупнаго различія. Это лучше всего можно выразить, если напомнить въ главныхъ чертахъ исторію Фридриха-Вильгельма и первыхъ лѣтъ его царствованія.

Рѣдкому наслѣднику судьба посылала тронъ при столь благопріятныхъ условіяхъ, при такомъ расположеніи народа, какъ то было съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV. Не зная еще его, общество надѣляло молодого короля всѣми добродѣтелями, которыхъ не было у его предшественника. Страшнымъ, „оловяннымъ", какъ выражаются нѣмцы, гнетомъ давила Пруссію рука ограниченнаго Фридриха-Вильгельма III, къ которому больше, чѣмъ къ кому-либо изъ Гогенцоллерновъ, подходила жестокая, несправедливая въ своемъ обобщеніи, характеристика Гейне:

Das Brutale in der Rede;
Das Gelächter ein Gewieh'r;
Stallgedanken und das öde
Fressen—jeder Zoll ein Thier!

Надъ германскимъ союзомъ царилъ Меттернихъ, и нигдѣ его распоряженія не исполнялись съ большей готовностью, чѣмъ въ Пруссіи. На науку наложена была узда; печать находилась въ такомъ униженіи, что даже передовыя статьи распространеннѣйшей тогда въ Берлинѣ газеты, „Spener'sche Zeitung", посвященныя вопросамъ о мостовыхъ и фонаряхъ, возбуждали подозрѣніе цензуры. Не только патріотическое мечтаніе буршей, но и физическія упражненія гимнастическихъ обществъ признаны были опасными и возмутительными. Контрастъ съ недавнимъ прошлымъ, когда униженная Наполеономъ Пруссія искала выхода изъ государственнаго бѣдствія въ либеральныхъ реформахъ Штейна, былъ поразительный. На Рейнѣ, гдѣ еще жило воспоминаніе о французскомъ завоеваніи, съ чѣмъ связано было знакомство съ новыми идеями Франціи, протестъ не прекращался; но въ остальной Пруссіи тюрьмы переполнены были „демагогами". Идеалъ германскаго единства сочетался въ просвѣщенной части населенія съ требованіями свободы, опиравшимися на соб-

---

[1]) Heinrich Treitschke, Deutsche Geschichte im XIX Jahrhundert. Bd. V (1894), p. 168. Чтобы не испещрять статьи цитатами, замѣтимъ, что главными ея источниками были: „Исторія" Трейчке, и D. Friedemann: „Friedrich-Wilhelm IV".

ственныхъ обѣщаніяхъ короля. Въ рескриптѣ, отъ 22-го мая 1815 г., Фридрихъ-Вильгельмъ III торжественно обѣщалъ своему народу конституцію. „Дабы,—сказано въ рескриптѣ,—благодѣтельное состояніе гражданской свободы покоилось на прочныхъ основаніяхъ, Мы постановили образовать представительство народа, которое должно обсуждать всѣ предметы законодательства, включая и податные“. Когда опасность для Пруссіи миновала, король забылъ о своемъ обѣщаніи, но „демагоги“ не переставали о немъ напоминать.

Королева Луиза, умственно и нравственно стоявшая неизмѣримо выше своего мужа, такъ характеризуетъ въ письмахъ своихъ сыновей: „Нашъ сынъ Вильгельмъ (впослѣдствіи императоръ Вильгельмъ I) простъ, честенъ и благоразуменъ... Кронпринцъ же (Фридрихъ-Вильгельмъ IV) полонъ жизни и ума. У него выдающіеся таланты, развиваемые счастливымъ воспитаніемъ. Во всѣхъ его чувствахъ и словахъ нѣтъ лжи, и его живость не допускаетъ притворства. Онъ охотно изучаетъ исторію, въ которой все благородное и великое привлекаетъ его идеальную душу. При этомъ у него много остроумія“. Матери, конечно, не безпристрастные судьи, но послушаемъ отзывъ учителя кронпринца, знаменитаго Нибура: „Я никогда не видалъ,—пишетъ онъ—болѣе благородной юношеской натуры. Давать ему уроки — наслажденіе; онъ внимателенъ, пытливъ, полонъ интереса; глубокая серьезность не мѣшаетъ жизнерадостности; сердце воспріимчиво, фантазія широкаго полета; ища поученія, онъ никогда слѣпо не подчиняется авторитету“. Десять лѣтъ спустя, когда Фридрихъ-Вильгельмъ уже былъ вполнѣ взрослымъ человѣкомъ, Нибуръ ожидаетъ отъ него „исправленія того, что̀ еще не удовлетворительно (въ государствѣ). Все въ немъ чисто и благородно,—такъ что Пруссія и Германія могутъ ожидать великихъ дѣяній“. Благопріятное мнѣніе о кронпринцѣ распространено было и внѣ Пруссіи, такъ что Гёте въ разговорахъ съ Экерманомъ замѣчаетъ: „я возлагаю большія надежды на прусскаго наслѣдника. Это должно быть очень выдающійся человѣкъ, а (въ его будущемъ положеніи) нужно быть выдающимся человѣкомъ, чтобы выбрать себѣ талантливыхъ и честныхъ помощниковъ“.

Мистическія наклонности будущаго короля, правда, еще задолго до его вступленія на престолъ внушали сомнѣнія болѣе дальновиднымъ наблюдателямъ, но до публики они доходили въ слабыхъ откликахъ, смѣшивавшихся съ другими, въ которыхъ выражалось искреннее уваженіе кронпринца къ наукѣ, его терпимость, художественные вкусы. Казалось, что въ этомъ талантливомъ человѣкѣ заключалось нѣчто болѣе глубокое, чѣмъ обычный „либерализмъ наслѣдниковъ“.

Гробовое молчаніе толпы, стоявшей Подъ-Липами въ ночь на

11 іюня 1840 г., когда изъ замка перевозили въ Шарлоттенбургскій мавзолей прахъ Фридриха-Вильгельма III, на слѣдующій день смѣнилось всенароднымъ ликованіемъ. Наступаетъ давно жданная весна для Германіи, кончилась суровая зима. Король обнародовалъ завѣщаніе отца, которое только ярче освѣщало въ глазахъ современниковъ контрастъ между только-что пережитымъ и грядущимъ. „На тебя, мой любезный Фрицъ, переходитъ бремя правленія со всею тяжестью его отвѣтственности. Берегись распространеннаго теперь новаторства, берегись непрактичныхъ теорій, которыхъ столько въ оборотѣ!" Граждане видѣли въ этихъ словахъ тщетное желаніе стараго короля и за гробомъ еще распространить свой гнетъ на подчиненную страну. Тѣнь не была опасна, тѣмъ болѣе, что поступки новаго короля очевидно противорѣчили всему, что̀ происходило до сихъ поръ. Депутаціи, являвшіяся въ дворецъ, выносили впечатлѣніе, что нѣтъ ничего свѣтлаго и просвѣщеннаго, что̀ не было бы близко королю. Генералъ Бойенъ, попавшій въ опалу за свой либерализмъ, назначенъ былъ военнымъ министромъ. Одинъ изъ первыхъ истинныхъ и мужественныхъ голосовъ, раздавшихся при дворѣ, былъ голосъ этого стараго солдата, говорившаго королю: „мы стоимъ предъ Рубикономъ, но переходъ не имѣетъ цѣлью разрушеніе, какъ у Цезаря, нѣтъ: цѣль состоитъ въ развитіи учрежденій въ духѣ новаго времени, это задача — указанная промысломъ вашему величеству! Вмѣсто того, чтобы дать себя толкать, пусть правительство само лучше возьметъ на себя иниціативу".

Не прошло двухъ мѣсяцевъ послѣ смерти стараго короля, какъ изъ тюремъ выпущены были всѣ политическіе узники; эмигрантамъ, желающимъ вернуться на родину, дано было обѣщаніе, что ихъ не станутъ преслѣдовать; братьямъ Гриммъ открылись двери академіи; Эрнсту Морицу Арендту возвращена профессура въ Боннѣ; университетъ встрѣтилъ пѣвца освобожденія съ распростертыми объятіями и тотчасъ же выбралъ его своимъ ректоромъ. Съ возвращеніемъ къ свободѣ научнаго изслѣдованія, по идеямъ Фридриха-Вильгельма, должно было сочетаться и освобожденіе печати отъ гнета цензуры. На поляхъ одного изъ представленныхъ ему докладовъ король написалъ: высшая задача печати состоитъ въ раскрытіи злоупотребленій, о которыхъ я другимъ путемъ не могу быть освѣдомленъ; но для этого печать должна быть свободна". Если уже въ первый годъ новаго царствованія не послѣдовало полной отмѣны цензуры, то современники объясняли это политическими соображеніями по отношенію къ союзному законодательству и карлсбадскимъ постановленіямъ въ особенности.

Для насъ, обозрѣвающихъ теперь эти событія на разстояніи болѣе 50

лѣтъ, вполнѣ очевидно, что какъ относительно отмѣны цензуры, такъ и всѣхъ другихъ благихъ начинаній, король былъ связанъ не только Меттернихомъ, но и внутренней прусской кликой, благополучіе которой зависѣло отъ сохраненія стараго режима. Леопольдъ Герлахъ записалъ въ своихъ мемуарахъ: „король желаетъ полной свободы печати, представительства сословій, конституціи; исполненію его идей мѣшаетъ только механическое противодѣйствіе министерства". Когда Фридрихъ-Вильгельмъ IV замѣтилъ, что пора по крайней мѣрѣ освободить отъ цензуры писанія профессоровъ, Тиле (Thile) возразилъ: „среди ученыхъ именно всего больше атеистовъ и радикаловъ". И съ свойственной людямъ слабой воли манерой король обдумывалъ, соображалъ и откладывалъ свои намѣренія. Серьезнѣе еще, чѣмъ „frommer, Höflingstross, der Stolberg, Gerlach, Thile, der Radonitz und Voss", была оппозиція его брата, принца Вильгельма (I). Въ его глазахъ, поступокъ оберъ-президента Шёна (Schön) въ Кенигсбергѣ, воспользовавшагося коронаціей, чтобы отъ имени сословнаго ландтага напомнить королю объ обѣщаніяхъ отца, былъ „верхомъ иллойальности". Съ чувствомъ истиннаго патріота несоединимо—требовать гарантіи. Покойный король замѣтилъ, что вездѣ „за границей подобныя репрезентативныя учрежденія создаютъ только смуту и раздраженіе".

Общество думало, однако, иначе, какъ это характернѣе всего выражало постановленіе восточно-прусскаго провинціальнаго собранія. Большинствомъ 89 голосовъ противъ 5 принято было постановленіе просить короля при коронаціи въ Кенигсбергѣ о „довершеніи дѣла отца установленіемъ представительнаго порядка". Нужно замѣтить, что преобладающее большинство, принявшее резолюцію купца Гейнриха (фамилія), было „юнкерское", но „юнкеры", какъ братья Ауэрсвальдъ или Заукенъ-Тарнученъ, имѣли мало сходства съ своими потомками. Кантіанецъ Шёнъ, одинъ изъ довѣренныхъ лицъ новаго короля, стоялъ во главѣ либеральнаго движенія. Будучи оберъ-президентомъ, онъ не стѣснялся высказывать свое рѣшительное сочувствіе новымъ идеямъ. Когда стала надвигаться туча реакціи, Шёнъ не побоялся выразить свои взгляды въ знаменитой брошюрѣ: „Woher und Wohin?", и теперь еще принадлежащей къ интереснѣйшимъ историческимъ документамъ. Шёнъ доказывалъ королю (которому онъ прислалъ свой трудъ), что Фридрихъ Великій исполнилъ свое назначеніе, состоявшее въ томъ, чтобы воспитать народъ, едва еще начинавшій мыслить по-человѣчески. „Прислуга", черезъ которую Фридриху приходилось дѣйствовать, постепенно, однако, превратилась въ бюрократическую касту, потерявшую всякую культурную миссію и тяжело давящую всѣ сословія своимъ хищничествомъ, надменностью и произволомъ. Единственный выводъ изъ несноснаго положенія представляетъ обра-

щеніе короля къ довѣреннымъ лицамъ народа и назначеніе контроля постояннаго представительства надъ дѣйствіями прислуги. Послѣдняя не только задерживаетъ прогрессъ, но и обманываетъ своего господина, скрывая отъ него все то, что не въ ея интересахъ".

Слабая, колеблющаяся личность Фридриха-Вильгельма IV уже начинаетъ выясняться въ шатаніяхъ между этими идеями и нашептываніями придворной камарильи. Во время коронаціи въ Кенигсбергѣ онъ возмущается, что отъ него требуютъ гарантіи, когда онъ хочетъ довѣрія. Шёнъ его убѣждаетъ, что народъ ему довѣряетъ и требуетъ гарантій только отъ произвола „лакеевъ". Король успокоивается и увѣряетъ, что хочетъ того же, начинаетъ даже излагать свои планы относительно соединеннаго ландтага, такъ что Шёнъ, выходя отъ него, радостно говоритъ Александру Гумбольдту: „der König ist noch liberaler als wir". Является его братъ, принцъ Вильгельмъ, съ Роховымъ и начинаетъ доказывать, что исполненіе желаній либерализма было бы измѣною традиціямъ отца, и только-что выраженныя королемъ намѣренія поколеблены. На слѣдующій день онъ уже отвѣчаетъ депутаціи, что намѣренъ не отступать отъ предначертаній Фридриха-Вильгельма III, не поддаваясь иллюзіямъ „такъ называемыхъ представительствъ".

Исторія царствованія Фридриха-Вильгельма IV до 48-го года ознаменована постепеннымъ паденіемъ довѣрія народа къ королю; мѣсяцъ за мѣсяцемъ проходятъ въ ожиданіяхъ, что наконецъ наступятъ рѣшительныя реформы, и параллельно съ этимъ распространяется и обостряется оппозиція правительству. Отдѣльныя мѣры возбуждаютъ угасающую надежду, но за ними тотчасъ же слѣдуютъ столь противорѣчивыя, что довѣріе исчезаетъ въ самыхъ преданныхъ кругахъ. Король краснорѣчиво говоритъ, путешествуетъ, вездѣ изливаетъ свои благородныя чувства, но въ обществѣ убѣждаются, что „Camarilla" сильнѣе слабаго монарха. Прежніе друзья мистическихъ собесѣдованій въ Шарлоттенгофѣ превращаются въ ловкихъ временщиковъ, пользующихся неустойчивостью властелина, чтобы внушить ему подозрѣніе къ новымъ идеямъ. Въ мистическихъ и художественныхъ представленіяхъ Фридриха-Вильгельма, когда онъ еще былъ кронпринцемъ, грубо прозаическая государственная теорія Галлера превратилась, по выраженію Трейчке, въ картину, полную красокъ и національныхъ костюмовъ, исключавшую даже идею государственнаго единства и ставившую на ея мѣсто историческое раздѣленіе сословій: представительство только тогда законно, когда оно основывается на старинномъ совѣщаніи властелина съ вассалами. Отклики мистицизма подъ руками временщиковъ сгущаются въ піети-

стическія убѣжденія, становящіяся уже не выраженіемъ мнѣнія, а мотивомъ притѣсненій. Кронпринцъ не любилъ новыхъ философовъ, о которыхъ при его дворѣ говорили, что они „die Bibel hegelten und den Hegel bibelten". Реакціонная камарилья теперь старалась убѣдить короля, что злой духъ Гегеля и французской революціи лежитъ во всѣхъ практическихъ требованіяхъ либерализма. Чѣмъ радикальнѣе становилась оппозиція, тѣмъ больше клика забирала въ руки власть. Процессъ Іоганна Якоби, оправданнаго верховнымъ судомъ за брошюру: „Die vier Fragen", послужилъ поводомъ къ стѣсненію печати. Ученому, какъ Дальманъ, давали выговоръ за близость со студентами; начиналось вмѣшательство въ независимость суда, клерикализація школы.

Александръ фонъ-Гумбольдтъ, къ которому Фридрихъ-Вильгельмъ IV питалъ глубокое уваженіе, какъ къ величайшему представителю человѣческаго генія, у постели котораго онъ могъ сидѣть часами, читая ему вслухъ и ловя его замѣчанія, писалъ въ 1844 г.: „Въ Сансуси, гдѣ я къ сожалѣнію встрѣчалъ свой 75-й годъ,—говорю: къ сожалѣнію, потому что въ 1789 г. я думалъ, что міръ разрѣшитъ еще нѣсколько вопросовъ,—я многое видѣлъ, но слишкомъ оно мало отвѣчало моимъ требованіямъ". Узнавъ о запрещеніи Бруно Бауэру читать лекціи, Гумбольдтъ замѣчаетъ: „мы возвращаемся къ до-адамовскимъ временамъ! Въ моей молодости такъ, какъ мыслитъ Бруно, думали даже придворные проповѣдники".—„Ваше превосходительство теперь часто посѣщаете церковь"?—спросилъ однажды во дворцѣ Герлахъ этого великаго ученаго.—„Съ вашей стороны,—отвѣтилъ Гумбольдтъ,—это очень мило: вы указываете мнѣ путь, на которомъ теперь можно сдѣлать карьеру".

Вновь стѣсненная и измученная цензурой, печать пользовалась небольшимъ вліяніемъ въ обществѣ, но, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сплетня, эпиграмма и каррикатура, въ которыхъ фигурировала личность короля, переходили изъ рукъ въ руки и изъ устъ въ уста. Наиболѣе характерная каррикатура изображала Фридриха-Вильгельма въ одной рукѣ державшимъ ordre, въ другой — contre-ordre; на лицѣ написано было: Désordre.

Когда, наконецъ, послѣ долгихъ потугъ, Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшился обнародовать декретъ о созывѣ „соединеннаго ландтага", представлявшаго комбинацію провинціальнаго самоуправленія съ общегосударственнымъ представительствомъ, но безъ самостоятельной законодательной иниціативы и рѣшающаго голоса, въ обществѣ, вмѣсто благодарности, только усилилось негодованіе. Отвѣтомъ умѣренной оппозиціи была книга судьи Генриха Симона (Simon): „Annehmen oder Ablehnen?", имѣвшая колоссальный успѣхъ. Смыслъ ея заклю-

чался въ словахъ: „мы просимъ у тебя хлѣба, а ты даешь намъ камень". Болѣе радикальные критики выражались еще рѣзче и прямо ставили вопросъ о необходимости коренной перемѣны уже вовсе не въ монархическомъ смыслѣ. Всѣ надежды были обмануты, всѣ иллюзіи исчезли, но единственный человѣкъ, который ничего не видѣлъ и не терялъ иллюзіи, былъ король. При открытіи союзнаго ландтага въ бѣлой залѣ дворца, происходившемъ съ чрезвычайной пышностью, король, окруженный всѣми принцами, произнесъ историческія слова: „Никакой силѣ на землѣ никогда не удастся побудить меня замѣнить естественное, столь сильное своею очевидной правдою, отношеніе между княземъ и народомъ, условнымъ, конституціоннымъ, дѣланнымъ. Никогда не допущу, чтобы между нашимъ Создателемъ на небѣ и этой страной сталъ листъ исписанной бумаги, чтобы старая вѣрность замѣнена была параграфомъ договора". Увлекаясь собственнымъ краснорѣчіемъ, ораторъ взывалъ къ своему народу, который пусть судитъ, заслужилъ ли онъ всѣ низкія оскорбленія, которымъ онъ и его нравственность подвергаются уже въ теченіе семи лѣтъ".

Не прошло и года послѣ этихъ словъ, какъ мартовскіе дни опрокинули все. Принцъ Вильгельмъ, на котораго обрушилась народная ненависть, считавшая его злымъ демономъ слабохарактернаго брата, долженъ былъ бѣжать переодѣтымъ, подъ именемъ купца Лемана, въ Англію; король же не только подчинился и созвалъ національное собраніе, но съ непокрытой головой вышелъ къ народу, внесшему во дворецъ трупы убитыхъ на баррикадѣ.

Насъ завлекло бы слишкомъ далеко, еслибы мы захотѣли набросать здѣсь исторію 48-го года и реакціи, наступившей послѣ пораженія демократіи. Къ характеристикѣ личности Фридриха-Вильгельма IV они ничего больше не прибавляютъ. Для него „infâme Revolte", какъ онъ выражался, было болѣзнью, „противъ которой есть только одно средство: знаменіе животворящаго креста". Но его правительство думало иначе и предпочитало бороться съ болѣзнью гоненіями, наказаніями, стѣсненіемъ науки, преслѣдованіемъ независимыхъ судей. Несчастный король въ душѣ одинаково перестрадалъ и свое малодушіе въ отношеніи къ побѣдителю-народу, и свою роль куклы въ рукахъ торжествующихъ реакціонеровъ, которымъ не было дѣла ни до науки, ни до мистическихъ идеаловъ короля. Порою онъ находилъ утѣшеніе въ надеждѣ на осуществленіе христіанско-германскаго государства, составлявшаго мечту его юности, но люди новаго времени отталкивали его своею суровостью и нетерпимостью. Баварскій еврей, профессоръ Шталь, ставшій проповѣдникомъ консерватизма и лютеранскаго піе-

тизма и до сихъ поръ еще считающійся духовнымъ отцомъ консервативной партіи въ Германіи, таготѣлъ надъ помрачившимся умомъ, но ничего не говорилъ сердцу короля. Тщетно старый другъ Бунзенъ еще старался поднять Фридриха-Вильгельма на высоту, указывая ему на возможность плодотворной дѣятельности: „Ваше величество—писалъ ему Бунзенъ изъ Лондона—были призваны стать посредникомъ между старой и новой эпохой. Старое исчезло, такъ какъ въ его формахъ не было содержанія, а для новаго содержанія нужны другія формы. Слезы и жалобы не вернутъ прошлаго. Новое вино требуетъ новыхъ мѣховъ; что̀ въ старомъ было хорошаго, останется и въ новыхъ формахъ. Ваше величество, берегитесь, чтобы на васъ не смотрѣли какъ на художественнаго любителя старины, тогда какъ ваша задача—быть законодателемъ, понимающимъ идеи и языкъ своего столѣтія"...

Но Бунзенъ тогда взывалъ уже къ угасавшему духу. Окружающіе еще въ 1848 г. стали замѣчать, что король теряетъ представленіе о дѣйствительности, впадаетъ въ безпамятство и порою страдаетъ маніей преслѣдованія. Чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе становилось его понимать; онъ сталъ проявлять жестокость, которая прежде вовсе чужда была его натурѣ; вездѣ ему видѣлись враги, отъ малѣйшаго шороха онъ въ состояніи былъ упасть въ обморокъ. Послѣ удара, случившагося съ нимъ въ Дрезденѣ, состояніе короля нельзя было скрыть отъ народа. Въ свѣтлые проблески Фридрихъ-Вильгельмъ цѣпко хватался за корону; мысль о регентствѣ брата, принца Вильгельма, приводила его въ ужасъ и заставляла проливать горькія слезы. Тѣмъ не менѣе регентство стало необходимо. Больной впадалъ въ полный идіотизмъ. „Armer, armer Mann!!"—говорилъ онъ самъ про себя въ очень рѣдкіе проблески яснаго сознанія.

Когда 2-го января 1861 г. колокольный звонъ далъ знать жителямъ Берлина, что скончался король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, населеніе отнеслось къ этой вѣсти безъ всякаго участія. Преемникъ уже давно былъ регентомъ, и если его формальное восшествіе на престолъ и не вызывало восторга, то и не возбуждало опасеній. Опытъ жизни уже успѣлъ убѣдить принца, считавшагося сильнымъ, крѣпкимъ оплотомъ реакціи, что тщетно, безумно бороться съ идеями времени, являющимися могущественнымъ двигателемъ политической силы и матеріальнаго развитія. Одинъ изъ интереснѣйшихъ уроковъ исторіи заключается въ этомъ превращеніи Вильгельма I изъ поклонника патріархальнаго строя въ конституціоннаго короля.

Выраженіе: „романтикъ на тронѣ Гогенцоллерновъ", которое мы привели въ началѣ статьи, какъ извѣстно, принадлежитъ Давиду-Фридриху Штрауссу. При общественныхъ условіяхъ Германіи въ 40-хъ годахъ было вполнѣ естественно, что великому мыслителю,

желавшему высказаться въ щекотливыхъ вопросахъ современности, стоялъ открытымъ не прямой путь критики, не честный языкъ трибуна, а эзоповская манера басни или историческая параллель, не выраженная expressis verbis, хотя и сама напрашивавшаяся на мысль читателю. Въ публичной лекціи Штраусса объ Юліанѣ Отступникѣ, или „Романтикѣ на тронѣ Цезарей", общество поняло истинный смыслъ характеристики римскаго императора и смѣлое намѣреніе философа.

Пусть характеристика прошлаго—одностороння, но не въ исторической правдѣ лежитъ достоинство такихъ параллелей. Личность Юліана можетъ быть иначе понята; въ ней скорѣе преобладаетъ желѣзная воля, пытавшаяся остановить колесо человѣчества, сила воли, которой было такъ мало у Фридриха-Вильгельма, что даже преданный Герлахъ съ горечью говорилъ: „мы никогда не знаемъ въ засѣданіи кабинета,—не будетъ ли король защищать то, чтó онъ только-что опровергалъ? Чтò однако гораздо болѣе цѣнно и оправдываетъ такія параллели,—это вѣрное освѣщеніе эпохи и противопоставленіе личности задачамъ ея времени. Нашумѣвшая въ прошломъ году брошюра проф. Квидде была подражаніемъ „Юліану" Штраусса, но оригиналъ отличается отъ копіи не столько черезчуръ уже лубочною густотой красокъ, сколько отсутствіемъ перспективы и философской мысли. Вслѣдствіе этого въ новомъ памфлетѣ не столько выясняется смыслъ эпохи, сколько недостатки личности, тогда какъ въ лекціи Штраусса еще теперь находятся идеи, освѣщающія болѣе продолжительный періодъ, чѣмъ время Фридриха-Вильгельма IV.

„Историческія эпохи, благопріятныя для появленія романтизма и романтиковъ,—писалъ Штрауссъ,—это тѣ, въ которыхъ на смѣну дряхлѣющей цивилизаціи идетъ новая, но послѣдняя еще не готова и не вполнѣ выражена, а потому въ сравненіи съ развитыми положеніями своей предшественницы она кажется только отрицаніемъ. Въ такіе поворотные пункты исторіи, люди, у которыхъ чувство и фантазія преобладаютъ надъ яснымъ мышленіемъ,—Seelen von mehr Wärme als Helle,—всегда обращаются назадъ къ старому. Не находя удовлетворенія въ окружающей прозѣ, они тоскуютъ по старинѣ, рвутся къ старымъ традиціямъ, къ міру, полному образовъ и мягкихъ чувствъ, пытаясь возстановить его для себя и для другихъ. Такъ какъ они, однако, все же дѣти своего времени и больше проникнуты новыми принципами, чѣмъ сами они сознаютъ, то старое въ ихъ представленіи въ сущности уже не чистая старина, а смѣсь стараго съ духомъ новаго, и вслѣдствіе этого дѣлается вѣрнѣе побѣда новаго принципа, которому они сами выдаютъ себя головою. Заключающееся въ такихъ натурахъ противорѣчіе обыкновенно закутано

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1895.

— Отразительное писаніе о новоизобрѣтенномъ пути самоубійственныхъ смертей. Вновь найденный старообрядческій трактатъ противъ самосожженія, 1691 года. Сообщеніе Хрусанеа Лопарева. Спб. 1895. (Памятники древней письменности. CVIII).

Въ такъ называемую большую публику почти не проникаютъ изданія Общества любителей древней письменности, которое съ конца 1870-хъ годовъ ревностно работаетъ надъ изданіемъ памятниковъ старой русской литературы. Съ тѣхъ поръ было имъ напечатано множество произведеній, относящихся къ различнымъ отдѣламъ письменности, отъ древнихъ книгъ священнаго писанія и твореній отцовъ церкви до народныхъ сказокъ, и къ различнымъ предметамъ бытовой и литературной археологіи, какъ, напримѣръ, изслѣдованія о происхожденіи пятиглавыхъ церквей, о типѣ деревянныхъ построекъ и рѣзьбы, иконописные подлинники, памятники древняго церковнаго знаменнаго пѣнія, образцы письма и рукописныхъ украшеній и т. д. Изданія Общества дѣлятся на два разряда: однѣ выдавались только дѣйствительнымъ членамъ Общества, которыхъ взносъ простирается до двухсотъ рублей; другія прямо поступали въ продажу. Наиболѣе цѣнныя изданія принадлежали къ первому разряду и были такимъ образомъ почти недоступны для литературнаго обращенія; только въ послѣднее время Общество нашло возможнымъ пустить въ продажу изданія этой категоріи, оказавшіяся въ наличности послѣ раздачи членамъ Общества. Вслѣдствіе своего особаго устройства и вслѣдствіе ревностной преданности этому дѣлу перваго предсѣдателя этого Общества, кн. П. П. Вяземскаго, и его преемника, гр. С. Д. Шереметева, Общество, во-первыхъ, обладаетъ замѣчательною библіотекою книгъ и рукописей и любопытнымъ археологическимъ музеемъ, и во-вторыхъ, имѣло возможность предпринимать изданія, которыя превышали средства обыкновенныхъ ученыхъ обществъ, изданія очень

сложныя и дорогія: въ этихъ изданіяхъ особливо цѣнно бывало то, что онѣ представляли не только печатные тексты, но и полные факсимиле рукописей, нерѣдко съ многочисленными рисунками. Въ открытой теперь продажѣ изданій этого рода мы находимъ, напримѣръ, „Изборникъ великаго князя Святослава" 1073 года—цѣною въ 100 рублей, „Сводъ изображеній изъ лицевыхъ Апокалипсисовъ" съ обширнымъ изслѣдованіемъ Ѳ. И. Буслаева—80 рублей, Космографія 1670 года—20 рублей, „Житіе св. Николая Чудотворца"—150 рублей, „Житіе св. Ѳеодора Едесскаго"—30 рублей, „Александрія"—20 рублей и т. д. Множество цѣннаго матеріала древней письменности явилось также въ изданіяхъ второй категоріи. Всего, число изданій того и другого разряда въ настоящее время простирается свыше двухсотъ нумеровъ.

Между изданіями второй категоріи находится и названная нами книга, представляющая величайшій интересъ для исторіи раскола, именно для исторіи самосожигателей XVII вѣка. Появленіе самосожженія совпадаетъ съ первымъ фанатическимъ распространеніемъ раскола при Никонѣ и тотчасъ послѣ него. Въ литературѣ о расколѣ, самосожженія упоминаются и осуждаются уже въ „Розыскѣ" Димитрія Ростовскаго; точныя свѣденія о всѣхъ (приблизительно) случаяхъ самосожженій собраны въ „Старообрядческомъ Синодикѣ", сводное изданіе котораго сдѣлано было Обществомъ въ 1883; кромѣ частныхъ извѣстій объ отдѣльныхъ фактахъ этой исторіи, подробное изслѣдованіе о самосожигателяхъ составлено было, между прочимъ по неизданнымъ архивнымъ документамъ, г. Сапожниковымъ въ 1891. Изданное теперь „Отразительное писаніе" важно особенно тѣмъ, что это—современный памятникъ, вышедшій изъ самой среды раскола: это—обличеніе самосожженій, которыя возмущали наконецъ самихъ старообрядцевъ безсмысленной жестокостью факта и ложью мнимыхъ доказательствъ изъ писанія, какими пользовались руководители для убѣжденія несчастныхъ жертвъ,—сами обыкновенно старательно избѣгая принимать участіе въ душеспасительномъ самосожженіи.

„Отразительное писаніе" найдено было пока въ единственной рукописи, недавно пріобрѣтенной Обществомъ любителей древней письменности. Сочиненіе не имѣетъ заглавія (оно взято изъ самаго текста, гдѣ авторъ говорилъ такими словами о своемъ трудѣ). Авторомъ его былъ одинъ изъ расколоучителей XVII вѣка, нѣкто Евфросинъ, знавшій близко факты, знавшій самихъ руководителей, какіе дѣйствовали въ его время: онъ разсказываетъ событія, называетъ имена, и такимъ образомъ сообщаетъ вполнѣ достовѣрныя данныя и, между прочимъ, ужасающія подробности этихъ самосожженій. Евфросинъ знаетъ и

всѣ тѣ аргументы, какими пользовались зажигатели, и съ негодованіемъ ихъ опровергаетъ.

Сочиненіе Евфросина сопровождено въ настоящемъ изданіи обширнымъ комментаріемъ г. Лопарева, который, кромѣ изслѣдованія самаго памятника, ставитъ и цѣлый вопросъ о возникновеніи самосожженій, а также ихъ количествѣ до 1691 года.

Нѣсколько правильное научное изслѣдованіе раскола начинается у насъ, какъ извѣстно, не далѣе конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, когда, напримѣръ, впервые стало возможно изданіе старыхъ и болѣе новыхъ сочиненій, вышедшихъ изъ среды раскола и очень важныхъ для его исторіи. Какъ видимъ, только въ самое послѣднее время приводятся въ извѣстность и такіе первостепенные источники для исторіи самосожигательства, какъ архивные правительственные документы, какъ упомянутый Синодикъ, какъ книга Евфросина. Немудрено, что самое явленіе не вдругъ нашло себѣ объясненіе. Думали прежде, на основаніи показаній въ самыхъ раскольничьихъ сочиненіяхъ, что самосожигательства были вынужденнымъ фанатическимъ самоуничтоженіемъ, когда грозили захватомъ „мучители", т.-е. правительственные военные отряды,—фанатики сожигались, чтобы не попасть въ руки посланныхъ солдатъ, конечно „никоніанъ", а Никонъ считался за антихриста. Такія самосожженія въ виду „мучителей" дѣйствительно бывали. Дальнѣйшіе факты указали, однако, что самосожженія происходили и сами собой, безъ всякихъ мучителей.

„*Самосожженіе*,—говоритъ г. Лопаревъ,—наиболѣе распространенный родъ самоубійственныхъ смертей, въ широкихъ размѣрахъ охватило преимущественно сѣверъ Россіи и Сибири. Изумляешься фактамъ и нѣмѣешь при ихъ объясненіи; не понимаешь, какъ это цѣлыя сотни и тысячи народу, увлекаемыя двумя-тремя проповѣдниками, вообще говоря, добровольно запирались въ зданіяхъ и приносили себя въ жертву огню. Страшное, безпримѣрное въ лѣтописяхъ человѣчества зрѣлище!" (пред., стр. 33). Авторъ не беретъ на себя объяснять причины, породившія такое странное явленіе въ жизни истаго русскаго народа: дѣйствительно, это странное явленіе требуетъ еще особаго историко-психологическаго изслѣдованія.

Въ началѣ своего комментарія авторъ дѣлаетъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній о происхожденіи самаго раскола. Въ прежнее время былъ только одинъ способъ объясненія, выставленный еще во времена Никона, повторенный въ полемической литературѣ, начиная, напримѣръ, съ „Розыска о Брынской вѣрѣ", и дошедшій почти до нашихъ дней: расколъ объяснялся невѣжествомъ народной массы, не понявшей исправленія церковныхъ книгъ. Новѣйшія изслѣдованія по-

казали, что корни „старой вѣры“ лежали дальше Никона и что протестъ старообрядства простирался не на однѣ книжныя исправленія, но и на многія черты церковнаго быта; въ новѣйшее время стали находить, что глубокая основа раскола лежала въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ. А именно — „изучая великой важности вопросъ о расколѣ, изслѣдователи пришли къ мысли, что коренную причину этого явленія слѣдуетъ искать не въ слѣпой консервативности стараго русскаго человѣка къ ошибкамъ своихъ отцовъ, а въ общихъ условіяхъ политико-экономическаго строя, что децентрализація сѣвера и крайняго востока, то-есть расколъ, однородна по своему образованію съ децентрализаціею юга, то-есть съ казачествомъ. Съ одной стороны, церковная власть и самодержавный строй московскаго государства росли и крѣпли, области, администрація тянулись къ центру, къ Москвѣ; съ другой стороны, населеніе, подавленное налогами и тяжестью своего экономическаго положенія, оказывало протестъ правительству, обособлялось и не хотѣло признавать центральной власти. Казачество бѣжало на югъ и въ Запорожской Сѣчи создало себѣ особое военное царство. Раскольники собрались на сѣверѣ и въ Сибири, прокляли правительство, образовали тѣсную общину и при попыткѣ ихъ усмиренія отвѣчали возмущеніемъ и самопожертвованіемъ“. По мнѣнію автора, и это не исчерпываетъ всѣхъ причинъ возникновенія раскола, и онъ полагаетъ, что здѣсь участвовало еще одно, болѣе широкое условіе великихъ національныхъ движеній, именно, борьба національныхъ элементовъ; онъ думаетъ, что здѣсь долженъ быть примѣненъ тотъ историческій принципъ, который былъ нѣкогда выставленъ Огюстеномъ Тьерри. „Въ этомъ случаѣ впрочемъ, — говоритъ г. Лопаревъ, — исторію раскола слѣдовало бы изучать съ основанія русскаго государства или, точнѣе, со времени разселенія различныхъ народностей на сѣверѣ Россіи. Тамъ поселились особыя племена, упорныя въ язычествѣ, къ которымъ христіанство могло проникнуть только путемъ огня и меча; свободолюбіе—отличительная черта этихъ племенъ, сказавшаяся позже особенно въ Новгородѣ и обширной новгородской области. Сѣверъ не зналъ варварскаго гнета и не могъ спокойно перенести перемѣны своего политическаго строя, какъ не могъ спокойно перенести и перемѣны въ церковной обрядности“ (стр. 3; пред.). Въ соотвѣтствіе этому давно замѣчено было, что расколъ не находилъ никакого отголоска у малоруссовъ; на сѣверѣ онъ въ особенности былъ упоренъ тамъ, гдѣ хранилось новгородское преданіе.

Расколъ уже вскорѣ сталъ распадаться на разные толки и всего чаще съ крайними воззрѣніями. Въ одномъ изъ главныхъ толковъ, именно въ безпоповщинѣ, развилось, между прочимъ, и ученіе о томъ

новомъ пути спасенія, который заключается въ самоуничтоженіи. Авторъ дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе, что это дикое ученіе возникло не сразу при первомъ появленіи раскола и что, напротивъ, должны были существовать промежуточныя ступени, подготовлявшія къ ученію о самоубійствахъ. Таковы могли быть, по его мнѣнію, ученія о близости кончины міра, и потому о ненужности священства, и о необходимости поста, какъ приготовленія къ вѣчной жизни; такія ученія дѣйствительно рано появлялись среди раскола. Отсюда и развились первые примѣры самоуничтоженія: прежде всего —самоуморенія, т.-е. смерти отъ голода, потомъ самозакланія, самоутопленія и наконецъ, и всего больше, самосожженія.

Обращаясь къ изученію самосожженій, авторъ исчисляетъ источники, изъ которыхъ можно почерпнуть данныя о самосожженіяхъ, хотя эти источники все еще недостаточны, чтобы дать полную картину этого страшнаго явленія. Въ числѣ ихъ „отразительное писаніе" должно занять особенно важное мѣсто, по близости автора его, Евфросина, къ самымъ событіямъ, по многимъ подробностямъ о проповѣди и проповѣдникахъ самосожженія, наконецъ по изображенію самыхъ самосожженій. Среди самихъ фанатиковъ раскола находились благоразумные люди, которые возставали противъ ужаснаго ученія, обличали зажигателей и между прочимъ раскрывали ложность доказательствъ, какія приводили зажигатели въ подкрѣпленіе своей проповѣди, прибѣгая иногда даже къ подлогу (напр., они поддѣлывали мнимыя посланія протопопа Аввакума, которыхъ онъ не писалъ, хотя впрочемъ похвалялъ благочестивую ревность самосожигателей). Разные роды самоубійства прежде всего явились между послѣдователями расколоучителя Капитона, дѣйствовавшаго въ ярославской области. Въ числѣ ближайшихъ его учениковъ былъ нѣкто Василій Волосатый, въ муромскомъ и вязниковскомъ краѣ, по словамъ Евфросина, „едва сицевымъ смертемъ и не первой законодавецъ". Другимъ законодавцемъ былъ новгородскій проповѣдникъ, Иванъ Коломенскій, который написалъ даже сочиненіе въ защиту самосожженій, ссылаясь уже на примѣры въ житіяхъ святыхъ. На первый разъ примѣры были выбраны не совсѣмъ подходящіе, но впослѣдствіи ревнители самосожженія подобрали до тридцати свидѣтельствъ „отъ писанія". На первое время самосожженія происходили вполнѣ добровольно, безъ всякаго вмѣшательства какихъ-либо „мучителей", только вслѣдствіе заботы о своемъ душевномъ спасеніи; но когда правительство стало принимать мѣры противъ самосожженій, то появленіе „мучителей" только усилило ревность самосожигателей, и наконецъ самосожженія стали совершаться въ размѣрахъ по истинѣ ужасающихъ... Относительно побужденій къ самосожженію можно замѣтить, напримѣръ, слѣ-

дующее: въ 1684 году раскольники высчитывали, что „житья нашего всемірнаго только пять лѣтъ"—преставленіе свѣта полагалось въ 1689 году; на Москвѣ царствуетъ титинъ (изъ Слова Ипполита о второмъ пришествіи: „злый вождь, агнецъ неправедный, древле завистникъ, потрясетъ велми, титинъ, еже преисподній бѣсъ"); зажигатели истолковывали, что при второмъ пришествіи апостолы и святые „не уйдутъ отъ искуса", что они также должны пройти чрезъ всеочищающій огонь, и только одни самосожженцы избавятся отъ огненнаго испытанія при свѣтопреставленіи.

Книга Евфросина разсказываетъ, какъ распространялось самосожженіе. Духовные и свѣтскіе люди, руководимые двумя-тремя предводителями, отправлялись съ тетрадками и книгами по селамъ и деревнямъ, проповѣдуя ученіе о самоубійственныхъ смертяхъ; одинъ изъ предводителей посылалъ метать самоубійственныя „письма" (воззванія) съ колокольни Ивана Великаго; но очень немногіе изъ нихъ сами жертвовали собой въ массовомъ самоубійствѣ. Евфросинъ разсказываетъ, какъ они поощряли другъ друга: „станемъ добрѣ и не ослабѣемъ до смерти, возвысимъ проповѣдь, умножимъ слово, да не устанетъ наша ревность, дондеже наши вси погорятъ; не больно витъ намъ и не жарокъ огонь, не нашему тѣлу и не намъ въ немъ кипѣть... иныхъ терпѣніе, а наши вѣнцы; иныхъ тѣлеса страждутъ, а намъ похвала; пусть онѣ сгорятъ, а намъ нѣтъ той нужды, мы еще побудемъ на бѣломъ семъ свѣтѣ; было бъ кому ихъ покойниковъ за упокой поминати". Они думали, что лучше этимъ людямъ самимъ себя огнемъ осудить, нежели какимъ небреженіемъ послужить антихристу; пусть они сожгутся, чѣмъ грѣшить, живя на этомъ свѣтѣ; пусть не брачатся и не родятся, пусть и младенцы сгорятъ, чтобы выросши не согрѣшать и не уклониться во всякую погибель. Кромѣ „писанія" зажигатели приводили аргументы и „отъ разума",—между прочимъ, оправдывая развратъ передъ сожженіемъ.

Евфросинъ говоритъ о впечатлѣніи, какое производили проповѣди: „старецъ слезы ронитъ, откровица сердце крушитъ; ревнители не щадятъ себе, но сами во огнь ввергаются; селстіи народи, все слышавъ, располагаются любовію и тако же себе сожечь радѣютъ". Многіе мужественно встрѣчали страшную смерть и ободряли нерѣшительныхъ,—„да не поклонимся антихристу, но да соблюдемъ цѣло благочестіе", но нерѣдко употреблялся обманъ и насиліе; дома и дворы крѣпко запирались, чтобы отнять всякую возможность бѣгства. Мы видѣли, что зажигатели обыкновенно старались избѣжать участія въ подвигѣ самосожженія, чтобы набрать новыхъ жертвъ и снискать себѣ больше „похвалы"; но общество, рѣшавшееся умереть, никого

уже не выпускало изъ своего „гроба"; такъ двое главныхъ проповѣдниковъ, желавшіе уйти отъ огня, были задержаны и сгорѣли сами.

Евфросинъ передаетъ страшныя сцены самосожженій, между прочимъ, по разсказамъ очевидцевъ. Около 1685 года была „гарь" близъ Пошехонья. Раскольничій попъ довелъ до того свою паству, что она рѣшила идти въ огонь и въ ту же ночь „жариво (зарево) до свѣту стояло верстъ съ тритцать отъ города—во единомъ дому на холмѣ сотъ шесть въ ту нощь сгорѣли". По словамъ очевидцевъ Евфросинъ описываетъ такое зрѣлище: „тѣлеса сгорѣвшихъ лежать, въ толстоту велику раздулись, а огнемъ упеклися, жаренымъ мясомъ пахнуть; иные же лежать цѣлы, а за что потянешь, то и оторвется; пси же ту ходять, рыла зачернѣвши, печеныхъ тѣхъ мясъ ядуще окаянніи; едина лежить дѣва, зѣло растолстѣла; столько умерла, а плоть вся цѣла, повержена огнемь взнакъ; вспять поворотили—и обрѣтоша подъ спиною коса вся цѣла". Въ другой „гари" къ воротамъ дома, накрѣпко запертымъ, пришла одна беременная женщина и отъ ужаса и испуга разрѣшилась ребенкомъ; псаломщикъ Кириллъ сейчасъ же окрестилъ ребенка и вмѣстѣ съ матерью бросилъ въ пламя. Одинъ старикъ уже пламенемъ затлѣлъ, вскочилъ на заборъ и хотѣлъ уйти черезъ ограду, но родные сыновья отрубили ему руки бердышемъ, и онъ упалъ въ огонь. Евфросинъ замѣчаетъ: „все то я Семену и Поликарпу (изъ числа главныхъ зажигателей) говорилъ,—во всемъ томъ запираются и не любять сихъ басень: всѣ де тѣ страдальцы съ радостію горѣли и яко де на пиръ, веселяся, пришли"... Евфросинъ описываетъ опять, по словамъ очевидцевъ, еще болѣе ужасныя картины самосожженія, какъ, напримѣръ, въ мѣстечкѣ Дорахъ, каргопольскаго уѣзда (стр. 77—78).

Когда готовилось сожженіе, то, между прочимъ, кругомъ разставлялся караулъ, во-первыхъ, чтобы предупреждать о приходѣ „мучителей", которые могли бы помѣшать хорошему дѣлу, а, во-вторыхъ, чтобы задерживать бѣглецовъ. Имущество сожженныхъ зажигатели отдавали въ раскольничьи скиты, раздавали неимущимъ, а иногда просто грабили себѣ и потомъ гуляли на награбленное: тѣ, кто видѣлъ это, и особенно „молодежь", замѣчаетъ Евфросинъ, теряли охоту сожигаться... Мы упоминали, что рѣшившіеся на самосожженіе иногда не отпускали своихъ наставниковъ, говорившихъ имъ о святости такого дѣла, и заставляли ихъ горѣть вмѣстѣ съ собою.

Евфросинъ разсказываетъ также примѣры страшнаго фанатизма зажигателей, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ свидѣтельствуетъ, что лишь немногіе изъ раскольниковъ зажигателей были людьми образованными, „гораздными грамотѣ", которые могли, напримѣръ, написать хорошее сочиненіе; большинство же проповѣдниковъ и почти всѣ само-

сожженцы были въ полномъ смыслѣ невѣжественные люди, „глубоко безсловесные“, чѣмъ отчасти и объясняется фактъ массовыхъ самоубійствъ (пред., стр. 62).

Собирая всѣ данныя, какія сохранились относительно „гарей“ за ихъ первый періодъ, съ половины 1670-хъ годовъ до 1691, приблизительно за 16 лѣтъ, г. Лопаревъ приходитъ къ слѣдующимъ цифрамъ: всего за этотъ періодъ онъ насчиталъ четыре случая самоуморенія, нѣсколько случаевъ самоутопленія и самозакланія, и 37 случаевъ самосожженія; всего погибло, такимъ образомъ, и особливо самосожженіемъ, болѣе 20.000 человѣкъ. Эти цифры даются достовѣрными историческими показаніями; но очень можетъ быть, что въ дѣйствительности цифры были еще значительнѣе, такъ какъ могли быть записаны не всѣ случаи этихъ самоубійствъ.

Изданіе „Отразительнаго писанія“ исполнено г. Лопаревымъ чрезвычайно обстоятельно. Текстъ переданъ со всею точностью; обширный комментарій вводитъ читателя въ современное положеніе вопроса въ исторической литературѣ; въ примѣчаніяхъ объясняются различныя подробности особливо по церковной исторіи, упомянутыя въ разсказѣ Евфросина; наконецъ, кромѣ именного указателя прибавленъ указатель словъ, такъ какъ писаніе Евфросина очень замѣчательно и по языку: въ обычный книжный складъ XVII вѣка онъ вноситъ множество народныхъ словъ и оборотовъ, нерѣдко, если не ошибаемся, единственныхъ въ своемъ родѣ.

Сочиненіе Евфросина есть одна изъ самыхъ страшныхъ книгъ въ русской литературѣ. Есть тяжелыя картины человѣческихъ заблужденій, бѣдствій и жестокостей всякаго рода—картины военныхъ опустошеній, политическихъ гоненій, религіозныхъ преслѣдованій, моровыхъ повѣтрій, голода и т. п., словомъ, бѣдствій стихійныхъ или бѣдствій историческихъ; здѣсь мы видимъ зрѣлище добровольнаго самоистребленія, съ его мотивами и фактами, одинаково ужасными. Если можно различнымъ образомъ объяснять происхожденіе раскола, находить его почву въ церковныхъ разнорѣчіяхъ, въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ, въ полусознательной борьбѣ племенныхъ особенностей, то въ этомъ послѣднемъ финалѣ сказывается только одно бѣдственное явленіе, которымъ многіе вѣка страдалъ и, къ сожалѣнію, еще до сихъ поръ страдаетъ русскій народъ —ужасающая власть тьмы.—А. П.

— Програмы домашняго чтенія на 1-й годъ систематическаго курса. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. [Коммиссія по организаціи домашняго чтенія, состоящая при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній]. М. 1895. (Ц. 25 к., съ пересылкой—35 к.).

Мы имѣли случай упомянуть объ этой московской коммиссіи, говоря о книжкѣ г. Ледерле. „Програмы", изданныя коммиссіей въ первый разъ въ прошломъ году, выходятъ теперь уже третьимъ изданіемъ: это свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени сильна та потребность, удовлетворенію которой коммиссія намѣревается служить. „Цѣль коммиссіи,—читаемъ мы въ предисловіи,—придти на помощь лицамъ, желающимъ посредствомъ домашняго чтенія пополнить пробѣлы своего образованія. Едва ли нужно говорить о томъ, какъ велика потребность въ самообразованіи среди нашей интеллигентной публики. Какъ безпорядочно и несистематично удовлетворяется эта потребность,—также извѣстно всякому. Не многимъ удается встрѣтить во время опытнаго руководителя; огромное большинство предоставлено въ выборѣ чтенія слѣпому случаю и не можетъ произвести этого выбора сознательно. Даже въ крупныхъ интеллигентныхъ центрахъ, каковы наши столицы, большинство лицъ, стремящихся къ самообразованію, остается безъ компетентнаго совѣта и руководства. Тѣмъ труднѣе найти такихъ руководителей жителямъ провинціи". Имъ коммиссія и предлагаетъ главнымъ образомъ свою помощь, а именно предлагаетъ руководить домашнимъ чтеніемъ по опредѣленнымъ програмамъ и по разнымъ отраслямъ знанія, кромѣ знаній прикладныхъ, требующихъ практическаго упражненія. Но коммиссія ставитъ въ особенности условіе, что предлагаетъ свою помощь такимъ лицамъ, которыя желаютъ заниматься серьезно и основательно: кромѣ своихъ програмъ она даетъ провѣрочныя указанія по занятіямъ своихъ корреспондентовъ, наконецъ на особыхъ условіяхъ посылаетъ имъ даже книги.

Относительно степени подготовки тѣхъ лицъ, которыя могли бы къ ней обращаться, коммиссія замѣчаетъ, что имѣетъ вообще въ виду лица трехъ категорій: „1) лица, вовсе не имѣвшія возможности пріобрѣсти правильнаго средняго образованія, но болѣе или менѣе привыкшія читать серьезныя книги популярно-научнаго содержанія; 2) лица, окончившія курсъ средней школы, но не получившія высшаго образованія, и 3) лица, окончившія высшую школу, которыя пожелали бы съ помощію коммиссіи освѣжить забытыя знанія, пополнить пробѣлы или пріобрѣсти новыя свѣденія въ незнакомыхъ имъ отдѣлахъ науки". При составленіи програмъ коммиссія имѣла въ виду средній уровень образованія, который она опре-

дѣляетъ не количествомъ свѣденій, а способностію къ серьезному чтенію.

Настоящее изданіе программъ, какъ мы сказали, есть уже третье. Первое изданіе, вышедшее въ свѣтъ въ декабрѣ 1894 года, разошлось въ теченіе одного мѣсяца, а напечатано было въ количествѣ 4.800 экземпляровъ; второе изданіе, въ 10.000 экземпляровъ, разошлось въ первые мѣсяцы 1895 года; вышедшее теперь третье изданіе является исправленнымъ и дополненнымъ. Въ составѣ коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ В. Ѳ. Лугинина, находятся слѣдующія лица въ качествѣ руководителей отдѣловъ: математическаго—Б. К. Млодзѣевскій; физико-химическаго—М. И. Коноваловъ, біологическаго—В. Д. Соколовъ; философскаго—Н. Я. Гротъ и А. С. Бѣлкинъ; общественно-юридическаго—А. И. Чупровъ; историческаго—П. Г. Виноградовъ; литературнаго—Н. И. Стороженко. Думаемъ, что излишне объяснять, какое почтенное и разумное дѣло предприняла московская коммиссія. Названныя имена указываютъ, что этому предпріятію посвящаютъ свои силы между прочимъ лица съ большимъ именемъ въ наукѣ. Успѣхъ изданія программъ, который надо признать необычайнымъ въ нашихъ условіяхъ, свидѣтельствуетъ о той горячей потребности образованія, какая существуетъ въ нашемъ обществѣ, но свидѣтельствуетъ также о прискорбномъ положеніи нашихъ средствъ къ образованію. Коммиссія, программы которой встрѣчены съ такимъ сочувствіемъ, очевидно, восполняетъ недостатокъ другихъ образовательныхъ средствъ, которыя могли бы дѣйствовать шире и непосредственнѣе,—недостатокъ школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ, недостатокъ чтеній для народа (нынѣшнія чтенія этого рода имѣютъ весьма жалкую по размѣрамъ программу), публичныхъ лекцій и т. д. Когда расширятся эти средства, неизвѣстно, а пока остается пожелать всякаго успѣха прекрасному начинанію московскаго Общества.—Т.

Въ теченіе октября мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

А., народн. учит. — О положительномъ воспитаніи. Спб. 95. Стр. 63. Ц. 65 коп.

Андреевская, В. П.—Похожденіе Пѣти-Пѣтушка Золотого Гребешка. Съ 6 раскраш. карт. Изд. Ф. А. Битепажа. Спб. 96. Стр. 34 in 4°.

——— Звѣздочка. Разсказы для дѣтей. Спб. 95. Стр. 157, съ 5 раскраш. рис.

Анненковъ, К.—Система русскаго гражданскаго права. Т. II: Права вещныя. Спб. 95. Стр. 670. Ц. 4 р.

Аффольтеръ, А.—Основныя черты общаго государственнаго права. Перев. съ нѣм. В. Ивановскаго. Каз. 95. Стр. 80.

Батюфъ, Эд. — Карта россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Составлено по но-

вѣйшимъ оффиціальнымъ свѣденіямъ, съ приложеніемъ списка названій городовъ и населенныхъ мѣстностей, находящихся на этой картѣ. Спб. 95. Ц. 70 к., на холстѣ въ папкѣ 1 р. 10 к., съ перес. 1 р. 40 к.

Барсовъ, проф. Н. И.—Очерки изъ исторіи христіанской проповѣди. Вып. 3: Представители ораторски-практическаго типа проповѣди въ IV в. на Востокѣ Харьк. 95. Стр. 110.

Б—вичъ, Д. К. — Сказки и преданія народовъ Кавказа. М. 95. Стр. 52. Ц. 50 к.

Беркевичъ, Л. Ѳ. — Коммерческая ариѳметика. Изд. 2-е. Спб. 96. Стр. 410 и 75. Ц. 1 р. 50. Одобр. Учен. Комит. мин. нар. просвѣщенія.

Бѣлозоръ, Антонина. — Бабушкинъ сюрпризъ. Разсказы для дѣтей. Съ 6 раскраш. рис. Спб. 96. Стр. 94.

Величко, В. Л.—Записки духа.—Нежданчикъ.—Первая муха. Спб. 95. Стр. 244. Ц. 1 р.

Версиловъ, С.—Рѣчи Лисія. Вып. 1. Спб. 95. Стр. 53. Ц. 50 к.

В. С. и *Н. У.*—Стихотворенія. Каз. 95. Стр. 146.

Вучетичъ, Н. Г.—Злой человѣкъ. Разсказъ для дѣтей. Од. 95. Стр. 23. Ц. 20 коп.

Гарейсъ, Карлъ.—Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торгов., вексельнаго и морского права. Перев. съ 4-го изд. Н. И. Ржондковскій, п. р. А. Г. Гусакова. Вып. 2. М. 95. Стр. 325—525. Ц. 1 р.

Гильти, К. — Счастье, популярные очерки по нравственной философіи. Перев. съ 5-го нѣм. изд., съ предисл. А. Острогорскаго. Спб. 96. Стр. 140. Ц. 50 коп.

Гренъ, А. Н. — Краткій очеркъ исторіи Кавказскаго перешейка. Вып. 1: Языческій періодъ. Кіевъ, 95. Стр. 123. Ц. 1 р. 20 к.

Гроссъ, Г. — Экономическая система Карла Маркса съ научной стороны. Популярный очеркъ Г. Гросса, доктора правъ при (?) вѣнскомъ университетѣ. Переводъ и предисловіе И. С. Рашковскаго. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1895. Стр. 52 + III. Ц. 20 к.

Гумпловичъ, Л. — Соціологія и политика. Перев. съ нѣм. С. Прокоповича. М. 95. Стр. 122. Ц. 50 к.

Гюго, В.—Собраніе стихотвореній, въ переводахъ русскихъ писателей, п. р. И. Ф. Тхоржевскаго. Вып. VI, стр. 137—164. Тифл. 95. Ц. по 20 к.

Динеръ, д-ръ Карлъ. — Тріасовыя фауны Цефалоподъ Приморской области въ Восточной Сибири. Съ 5 табл. Спб. 95. Стр. 95.

Дитятинъ, И. И. — Статьи по исторіи русскаго права. Спб. 96. Стр. 629. Ц. 2 р. 50 к.

Де Барре, д-ръ.—О сенъ-рафаэльскомъ винѣ. Валансъ, 95. Стр. 24.

Джаншіевъ, Гр.—Судъ надъ судомъ присяжныхъ. По поводу статьи г. Дейтриха. М. 95. Стр. 102.

Длусскій, К. М.—Разсказы. Цвѣтокъ олеандра. Спб. 95. Стр. 275.

Долгоруковъ, В. А. — Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи, съ подробнымъ дорожникомъ. Томскъ, 95. Стр. 352. Ц. 75 коп.

Драгомировъ, М.—Сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ статей. 14 лѣтъ (1881—1894). Спб. 95. Стр. 365.

Дредера, А., изданіе.—Гансъ Заксъ. Башмачникъ-поэтъ. 1494—1894. Харьк. 95. Стр.

Дьяконовъ, М. — Половники Поморскихъ уѣздовъ въ XVI и XVII вв. Спб. 95. Стр. 63.

Исаевъ, А. А. — Начала политической экономіи. Изд. 3-е, дополн. Спб. 96. Стр. 728. Ц. 3 р. 50 к.

Каменскій, Г. П.—Государственное хозяйство Англіи за 6 лѣтъ управленія министерства тори, 1887—1893 г. Спб. 95. Стр. 371. Ц. 1 р. 50 к.

Карѣевъ, Н.—Введеніе въ курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. Романо-германскій міръ. Спб. 95. Стр. 70. Ц. 50 к.

——— Мысли о сущности общественной дѣятельности. Спб. 95. Стр. 154. Ц. 50 к.

Ковалевскій, Максимъ.—Происхожденіе современной демократіи. Т. II. М. 95. Стр. 570. Ц. 2 р. 50 к.

Коппе, Р.—Алкогольная хилость и недолговѣчность современнаго человѣчества. М. 94. Стр. 48.

Корелинъ, М. С.—Паденіе античнаго міросозерцанія. Культурный кризисъ въ римской имперіи. Лекціи, чит. въ Москов. Политехнич. Музеѣ, въ 1891—92 гг. Спб. 95. Стр. 161. Ц. 75 к.

Коровинъ, врачъ А. — Общественная борьба съ пьянствомъ въ связи съ устройствомъ лечебницъ для алкоголиковъ въ Англіи, Швейцаріи и Германіи. М. 95. Стр. 31. Ц. 20 к.

Костомаровъ, Н. И.—Кудеяръ. Историч. хроника въ трехъ книгахъ. Спб. 96. Стр. 406. Ц. 1 р. 50 к.

Котъ-Мурлыка. — Повѣсти, сказки и разсказы. Т. VI. Спб. 96. Стр. 352. Ц. 1 р. 75 к.

Крыловъ, Ив. Андр. — Басни. Въ 4-хъ книжкахъ, для младшаго, средняго, старшаго и врѣлаго возраста. Изд. И. Жиркова. М. 95. Ц. по 5 к.

Листъ, Ф. — Наказаніе и его цѣли. Перев. съ нѣм. Спб. 95. Стр. 72. Ц. 25 коп.

Лампрехтъ, К. — Исторія германскаго народа. Т. II, ч. 1 и 2. Перев. съ нѣм. П. Николаева. М. 95. Стр. 656. Ц. 4 р.

Лависсъ, Е., и *Рамбо*, А.—Культура и цивилизація западной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ (1095—1270). Перев. съ франц., съ предисл. В. Михайловскаго, пр.-доц. Москов. унив. М. 95. Стр. 335. Ц. 1 р. 50 к.

Лакомбъ, П. — Соціологическія основы исторіи. Переводъ съ франц. подъ редакціею Р. И. Сементковскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1895. Стр. 354. Ц. 1 р. 50 к.

Ланге, Фридрихъ Альбертъ.—Рабочій вопросъ, его значеніе въ настоящемъ и будущемъ. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія А. Б. Блека, съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго. 2-ое изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1895. Стр. 326. Ц. 1 р. 25 к.

Лапинъ, В.—„Пѣсни горя". Хабаровскъ. 95. Стр. 13.

Ленцъ, Э.—Опись собранія оружія графа С. Д. Шереметева. Спб. 95. Стр. 197 in. 4°, съ приложеніемъ 26 фототипическихъ таблицъ.

Летурно, Ш. — Соціологія, основанная на этнографіи. Перев. съ послѣдн. франц. изд. Вып. 1, съ 53 рис. Спб. 95. Стр. 141. Ц. 60 к.

Ливингстонъ-Мооди, М.—Маленькій милліонеръ. Съ англ. М. Гранстремъ. Съ 15-ю тоновыми рисунками. Спб. 96. Стр. 256.

Липпертъ, Ю.—Исторія культуры. Въ трехъ отдѣлахъ. Съ 83 рисунками въ текстѣ. Перевели съ нѣмецкаго А. Острогорскій и П. Струве. 2-е изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1895. Стр. 396. Ц. 1 р. 60 к.

Майковъ, Л. — Батюшковъ, его жизнь и сочиненія. Изд. 2-е, вновь пересмотр. Съ портретомъ К. М. Батюшкова. Спб. 96. Стр. 286. Ц. 3 р. 50 к.

Мережковскій, Д. С. — Отверженный. Ром. въ 2 ч. Спб. 96. Стр. 272. Ц. 1 р. 50 к.

Миллеръ, В. — Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго этнографическаго музея. Вып. IV. М. 95. Стр. 108.

Минто, В. — Дедуктивная и индуктивная логика, перев. С. А. Котляревскаго, п. р. В. Н. Ивановскаго. М. 96. Стр. 539. Ц. 2 р.

Мюссе, Альфредъ де.—Ночи. Перев. А. Д. Облеухова. М. 95. Стр. 55. Ц. 60 коп.

Нотнагель, Г., и *Россбахъ*, М.—Руководство къ фармакологіи. Перев. съ 7-го нѣмецк. изд., п. р. д-ра мед. Н. П. Иванова. Ч. I и II. Второе изданіе. Спб. 95. Стр. 489 и 523. Ц. 4 р.

П., Д.—Нѣкоторыя черты народнаго образованія въ Соед.-Штатахъ: Спб. 95. Стр. 211. Ц. 1 р. 25 к.

Пелиссье, Ж.—Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, увѣнчанное Француз. Академіей. Перев. Ю. В. Доппельмайеръ. М. 95. Стр. 410.

Петерсонъ, О.—Семейство Бронтё (Керреръ, Эллисъ и Актонъ Белль). Съ портретомъ Шарлотты Бронтё. Въ пользу общ. вспомож. окончившимъ курсъ на Спб. высшихъ женскихъ курсахъ. Спб. 95. Стр. 232. Ц. 1 р.

Пѣвцовъ, М. В.—Труды Тибетской экспедиціи 1889—90 гг., снаряженной на средства, Высочайше дарованныя Имп. Русск. Географ. Обществу. Ч. I. Спб. 95. Стр. 423 in 4°.

Радолинскій, М. А.—Путеводитель по желѣзнымъ дорогамъ и курортамъ. Лѣтній выпускъ. Съ прилож. карты желѣзныхъ дорогъ и курортовъ. Кіевъ, 95. Стр. 66. Ц. 35 к.

Рихтеръ Е. — Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 95. Стр. 341. Ц. 1 р. 40 к.

Розовое Домино.—Тайны двухъ клубовъ. Ром. въ двухъ частяхъ съ эпилогомъ. Спб. 95. Стр. 383. Ц. 2 р.

Ростовцева, М. И. — Практическое руководство къ пчеловодству, составленное по лекціямъ, читаннымъ на курсахъ для народныхъ учителей въ 1894 г. Оренб. 95. Стр. 69. Ц. 25 к.

Рудневъ, Л.—О духовныхъ завѣщаніяхъ по русскому гражданскому праву въ историческомъ развитіи. Кіевъ, 95. Стр. 182.

Салтыковъ, М. Е.—Т. XII: Пошехонская старина.—Брусинъ. Третье изданіе. Спб. 95. Стр. 588. Ц. 1 р. 75 к.

Сумцовъ, Н. Ѳ., проф.—Основы поэтики. Харьк. 95. Стр. 23. Ц. 20 к.

——— Пособіе для устройства общедоступныхъ научныхъ и литерат. чтеній. Христоматія для семьи и школы. Харьк. 95. Стр. 264. Ц. 1 р.

Тильманнсъ, д-ръ Герм.—Руководство къ общей хирургіи. М. 95. Стр. 297—676. Вып. II. Ц. за оба вып. 7 р.

Трубниковъ, Ив.—Общій и простѣйшій рамочный улей. Съ 20-ю рис. и съ чертежомъ улья. М. 95. Стр. 32. Ц. 9 к.

Утинъ, Е. И.—Изъ литературы и жизни. Журнальныя статьи, этюды, замѣтки. Съ портретомъ автора. Въ двухъ томахъ. Спб. 96. Стр. 447 и 421. Ц. 3 руб.

Фирсовъ, В.—Разсказы и легенды. Спб. 96. Стр. 206. Ц. 1 р.

Ф—тъ, Гр.—Спортъ во всѣ времена года. Съ 60-ю рис. Спб. 95. Стр. 196. Ц. 50 к.

Четихинъ, Всев. — Жуковскій, какъ переводчикъ Шиллера. Критическій этюдъ, увѣнч. Имп. Акад. Наукъ преміей за сочиненіе о В. А. Жуковскомъ. Рига, 95. Стр. 172. Ц. 60 к.

Чермакъ, Н.—О. построеніи живого вещества. Спб. 95. Стр. 66. Ц. 50 к.

Чертокъ, Я. В. — Рабби Іохананъ-бенъ-Заккай, его жизнь и дѣятельность. Наша старина. Од. 95. Стр. 48. Ц. 15 к.

Шайкевичъ, Антоній.—Протекціонизмъ. М. 95. Стр. 60.

Шерръ, Г. — Всеобщая исторія литературы. Вып. II и III. Спб. 95. Стр. 49—144. Перев. п. р. П. И. Вейнберга. Въ 2-хъ томахъ, всего 20 вып., около 1.000 стран. Ц. съ доставкою и пересылкою 8 р.

Шмидтъ, П. Ю. — Біологическіе этюды. I. Развитіе при искусственныхъ условіяхъ. Съ табл. и 10 рис. Спб. 95. Стр. 45. Ц. 30 к.

Штевенъ, А. А.—Изъ записокъ сельской учительницы. Спб. 95. Стр. 168. Ц. 75 к.

Штейнгауеръ, И. О.—Земля и небо. Общедоступныя бесѣды о мірозданіи для грамотнаго народа и публичныхъ чтеній. Изд. 2-е. Спб. 95. Стр. 39. Ц. 10 коп.

Шумаковъ, С.—Губныя и земскія грамоты Московскаго государства. М. 95. Стр. 245. Ц. 2 р.

Юдицкій, І.—Горючія ископаемыя, ихъ происхожденіе, образованіе, поиски и основы раціональной геологіи. 2-е изд. Спб. 95. Стр. 100. Ц. 1 р. 50 к.

Эрисманъ, проф. Θ. Θ.—Третій годовой отчетъ московской городской санитарной станціи, устр. при Гигіен. Инстит. Имп. Моск. Унив. М. 95. Стр. 279.

——— Научная оцѣнка вегетаріанизма. М. 95. Стр. 22.

Bełza, Stan.—W kraju tysiąca jezior. Z podróży i przechadzek po Finlandyi. Warsz. 96. Стр. 233.

— Mouvement commercial de la Bulgarie avec les pays étrangers. Mouvement de la navigation par ports. Prix moyens dans les principales villes pendant le mois de juillet 1895. Sophia, 95. Стр. 109 in 4°.

Notowitch, Nicolas.—Livre d'or à la mémoire d'Alexandre III. Illustré. Par. 95. Стр. 202.

— Библіотека для всѣхъ. — № 1: Противъ разврата, д-ра Гафеля. № 2—5: Исторія культуры, Фр. Штрайслера. Од. 96. Стр. 28 и 159. Ц. 10 и 40 к.

— Изданія Кн. Склада П. К. Прянишниковой. — № 31: Бабушка Анна, разск. Купреяновой. № 37: Добрые люди, разск. П. Добротворскаго. М. 95.

— Любимыя волшебныя сказки для дѣтей младшаго возраста. Перев. съ нѣмец. В. П. Андреевской. Изд. 2-е, съ 6-ю раскраш. картин. Спб. 95. Стр. 96.

— Матеріалы для исторіи Имп. Академіи Наукъ. Т. VII и VIII (1744—1747 гг). Спб. 95. Стр. 818 и 789.

— Международная Библіотека. № 35: Ш. Летурно, Прошедше и будущее литературы. Од. 95. Стр. 56. Ц. 20 к.

— Моя Библіотека. № 183 и 184: Лессажъ, Тюркаре, комедія. № 185—187: Свѣтило Азіи, поэма Арнольда. № 190—191: Шелли, Ченчи, трагедія. Спб. 95.

— Народный календарь на 1896 г. Изд. П. Прянишникова. П. р. В. Бончъ-Бруевича. М. 95. Стр. 96. Ц. 20 к.

— Отчетъ-Ежегодникъ коллегіи П. Галагана. 1894—95 г. Кіевъ, 95. Стр. 108.

— Отчетъ о дѣятельности харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности за 1894 г. Харьк., 95. Стр. 261.

— Отчетъ по лѣсному управленію Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ за 1894 г. Спб. 95. Стр. 93, съ прилож. вѣдомостей.

— Полезная Библіотека. — Чудеса растительнаго міра. Состав. Ѳ. Медвѣдевъ. Съ 30 рис. Спб. 95. Стр. 147.

— Программа домашняго чтенія на 1-й годъ систематическаго курса. 1895 г. Изд. 3-е. М. 95. Стр. 189. Ц. 25 к.

— Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Вып. 7. Изд. п. р. Н. Дубровина. Спб. 95. Стр. 481.

— Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Труды Юридическаго Общества, при имп. Москов. унив. и его Статистическаго Отдѣленія. Т. V. Спб. 95. Стр. 190. Ц. 2 р. 50 к.

— Сказочный мірокъ. Собраніе новѣйшихъ и лучшихъ сказокъ для дѣтей младшаго возраста. Изд. 2-е. Спб. 95. Стр. 158.

— Читальня народной школы. Журналъ съ картинками. Вып. VIII и IX: 1) Ледяной домъ, Е. Свѣшниковой, по ром. Лажечникова. 2) Паукъ, съ 17 рис., М. С. Спб. 95. Стр. 172 и 75. Ц. въ годъ 3 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

— *The Green Carnation.* London. W. Heinemann. Стр. 183.

Вышедшій въ изданіи „The Pioneer Series" романъ: „The Green Carnation" (Зеленая гвоздика) хотя и не носитъ на обложкѣ имени автора, но выдаетъ съ первыхъ строчекъ оригинальную манеру самаго блестящаго изъ современныхъ англійскихъ „эстетовъ"; къ тому же постоянныя цитаты изъ прежнихъ книгъ автора и широкое развитіе идеаловъ „эстетизма" вполнѣ выдаютъ писателя, излагающаго свое profession de foi въ этомъ новѣйшемъ и увлекающемъ своими парадоксами произведеніи. „Green Carnation" въ сущности не романъ, а рядъ остроумныхъ, тонкихъ и подчасъ глубокихъ разговоровъ о жизни и искусствѣ, о современности и ея идеалахъ, о людяхъ, созданныхъ новыми требованіями отъ жизни. Книга эта является такимъ образомъ чѣмъ-то въ родѣ проповѣди „эстетизма", и на ней можно изучить сущность этого своеобразнаго явленія въ умственной жизни Англіи—и не одной только Англіи.

Англійскій „эстетизмъ" является прямымъ наслѣдіемъ прерафаэлитизма. Росетти, Берне-Джонсъ и ихъ послѣдователи создали въ трезвой Англіи культъ безкорыстной красоты, исходившей у нихъ изъ глубокихъ религіозныхъ настроеній и изъ общаго идеалистическаго міросозерцанія. Ихъ оригинальное творчество произвело переворотъ не только въ искусствѣ и литературѣ, но и въ жизни; практическая натура англичанъ сказалась и въ этомъ случаѣ, и проповѣдь красоты, начатая идеалистами, чуждыми жизненныхъ цѣлей, проникла въ ненавистный служителямъ истиннаго искусства промышленный „средній классъ", сдѣлалась лозунгомъ фабричнаго производства и модой въ буржуазныхъ гостиныхъ. Отчасти реакціею противъ этого низведенія прерафаэлитскихъ идеаловъ до интеллектуальной и артистической моды, но отчасти и порожденіемъ этого искаженнаго культа красоты является „эстетизмъ", о которомъ такъ много толкуютъ въ послѣднее время. Эстетизмъ близокъ къ своему первоисточнику — прерафаэлитизму, по двумъ своимъ основнымъ чертамъ: стремленію уйти отъ всего пошлаго, условнаго, отъ предразсудковъ,

уродующихъ жизнь, отъ мнимой красоты и буржуазной морали, и создать искусство, не повторяющее жизнь, а открывающее ей новые идеалы, творящее новый, болѣе прекрасный и своеобразный міръ. Но, исходя изъ этихъ стремленій, эстетизмъ оказался слишкомъ слабымъ для положительнаго творчества. Новой красоты онъ создать не съумѣлъ, но зато въ отрицаніи старыхъ началъ въ жизни и искусствѣ онъ выказалъ большую силу и блескъ. Представители эстетизма отличаются въ своей борьбѣ противъ условностей жизни откровенностью, нисходящею до цинизма, и смѣлостью, доходящею до парадоксальности. Свой собственный идеалъ жизни они составили путемъ прямого противопоставленія его всему существующему, и какъ бы отраженная въ обратномъ видѣ дѣйствительность является въ изображеніи эстетовъ безпощадно развѣнчанною.

Такимъ образомъ, положительнымъ результатомъ эстетизма является протестъ противъ шаблонности въ жизни; въ самомъ дѣлѣ, послѣ „артистичности", которою проникнутъ каждый моментъ жизни эстетовъ, обычная монотонная, условная жизнь общества кажется грубой и безцвѣтной; послѣ ихъ артистической рѣчи, обычная проза романовъ и прессы кажется сѣрой. Но, въ сущности, этой критикой условной и сѣрой дѣйствительности ограничивается роль эстетизма; то, что они вкладываютъ въ придуманныя ими рамки обособленной, презирающей все общепринятое, жизни, отличается скорѣе оригинальничаньемъ, чѣмъ оригинальностью, и носитъ такой же внѣшній характеръ, какъ возмущающія ихъ буржуазныя моды. Заимствовавъ у прерафаэлитовъ ихъ пониманіе красоты и усвоивъ себѣ ихъ художественные идеалы, эстеты далеки отъ вдумчиваго глубокаго настроенія, составляющаго сущность прерафаэлитизма. Для нихъ нѣтъ ничего святого, ничего даже серьезнаго,—есть только стремленіе быть вплоть до мельчайшихъ подробностей жизни „артистичными", т. е. жить для эстетической стороны явленій и ежеминутно сознавать себя властелиномъ жизни, а не ея рабомъ. Искренность чувствъ кажется эстету уродливою такъ же, какъ все естественное въ природѣ человѣка; онъ искусственenъ по принципу и возводитъ искусственность въ идеалъ, видя въ ней красоту творчества. Его жизнь проходитъ въ выдумываніи „артистичныхъ подробностей" существованія, и такъ какъ нѣтъ для этого „побѣдителя естественности" ничего великаго и малаго въ жизни, такъ какъ превосходство духа надъ матеріей ему кажется величайшимъ предразсудкомъ, то онъ употребляетъ всѣ силы души, всѣ свои помыслы на чисто внѣшнюю красоту жизни, и еще болѣе—на самообожаніе, составляющее одно изъ основныхъ положеній кодекса эстетизма. Очевидно, эти современные англійскіе эстеты имѣютъ много общаго съ прежними „дэнди" временъ Брюмеля и Бодлэра. Они при-

даютъ громадное значеніе внѣшности и создали въ Англіи моду на все искусственное, проповѣдуя оригинальность въ одеждѣ вплоть до употребленія косметикъ, какъ „протеста противъ природы"; устройство домовъ и образъ жизни „эстетовъ" носятъ такой же отпечатокъ оригинальности, какъ ихъ высмѣиваніе общепринятыхъ условій и принциповъ жизни. У нихъ свой каталогъ признанныхъ писателей и художниковъ, свой музыкальный репертуаръ, и все внѣ этого составляетъ матеріалъ для остроумныхъ насмѣшекъ.

Конечно, какъ жизненное явленіе, англійскій эстетизмъ составляетъ нѣчто преходящее и скоро, вѣроятно, уступитъ мѣсто другой интеллектуальной модѣ. Но интересъ этого оригинальнаго явленія въ томъ, что онъ нашелъ талантливыхъ представителей въ литературѣ и искусствѣ. Отсутствіе глубины и блескъ, направленный на внѣшнее и мимолетное, также характеризуютъ литературу эстетизма, какъ и типъ эстетовъ въ жизни. Самымъ блестящимъ и талантливымъ представителемъ эстетизма является парадоксальный авторъ романа „Green Carnation" и нѣсколькихъ другихъ произведеній въ томъ же родѣ.

Основная черта автора—его дерзновеніе. Онъ спокойнымъ тономъ ставитъ вверхъ дномъ всѣ признаваемыя до сихъ поръ истины и изъ этой морали „à rebours" составляетъ свои идеалы въ жизни и искусствѣ. До сихъ поръ признавали, что искусство подчинено жизни и должно воспроизводить ее; онъ доказываетъ, что искусство выше природы и создаетъ красоту, предоставляя природѣ подражательную роль. Росетти и Берне-Джонсъ создали новый типъ красоты, и теперь этотъ типъ часто встрѣчается въ Англіи. Красота закатовъ солнца впервые сознана была Тёрнеромъ, до котораго никто не обращалъ вниманія на вечернее небо,—созидательная роль въ этомъ случаѣ принадлежитъ художнику, для котораго природа послужила лишь матеріаломъ. Красота грустной души не вложена въ человѣка природой, а создана Шекспиромъ въ „Гамлетѣ", точно такъ же какъ XIX-й вѣкъ, какимъ мы его знаемъ, созданъ Бальзакомъ. Литература всегда идетъ впереди жизни и направляетъ ея путь. Этотъ афоризмъ, блестяще доказываемый авторомъ,—конечно, крайне парадоксаленъ. Но отбросьте его крайніе выводы, и получится нѣчто весьма вѣрное—пониманіе созидательной роли искусства и свободы истиннаго идеалистическаго искусства отъ жизни и отъ преходящихъ жизненныхъ задачъ. Еще болѣе оригинальные взгляды высказываетъ онъ въ очеркѣ „The Critic as artist". Тамъ онъ развиваетъ взглядъ на критику какъ на самостоятельное художественное творчество, для котораго разбираемое литературное произведеніе служитъ лишь матеріаломъ или, вѣрнѣе, предлогомъ для развитія своихъ идей; какъ художникъ заимствуетъ матеріалъ изъ жизни и пользуется

имъ для созданія чего-то совершенно отличнаго (и, по мнѣнію автора, болѣе высокаго) отъ жизни, такъ и критикъ находитъ въ произведеніи искусства лишь объектъ для выраженія своей собственной души. Подобное пониманіе критики, какъ художественнаго творчества, исповѣдуется всей новѣйшей эстетической критикой въ Англіи; въ особенности характеренъ этотъ взглядъ для Вальтера Пэтера, создавшаго новый видъ художественной прозы въ своихъ очеркахъ „Ренессанса". Но формулировка этого пониманія критики принадлежитъ нашему автору, и, какъ все остальное, онъ доводитъ ее до парадокса въ блестящемъ діалогѣ двухъ друзей, разговаривающихъ о красотѣ и искусствѣ, о музыкѣ и поэзіи въ то время, какъ блѣдный сѣверный вечеръ приноситъ нѣжній весенній ароматъ въ раскрытыя окна лондонской гостиной; раскрытый рояль звучитъ отъ времени до времени подъ пальцами одного изъ друзей, когда онъ устаетъ говорить словами и хочетъ перелить свои изысканныя настроенія въ чистые звуки; необычайность словъ, сопоставленій, описаній, сливается съ странной красотой, окружающей друзей, и въ общемъ получается впечатлѣніе чего-то, быть можетъ, искусственнаго и чуждаго жизни, но прекраснаго и интимно-поэтичнаго, убивающаго интересъ къ обыденному искусству, которое отживаетъ свой вѣкъ въ популярныхъ романахъ и картинахъ, нравящихся толпѣ.

Изложивъ такимъ образомъ свое эстетическое и этическое міросозерцаніе, авторъ проводитъ его во всѣхъ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, романахъ и драмахъ. Эти обычныя названія не подходятъ въ сущности къ произведеніямъ автора,—фабула играетъ въ нихъ очень малую роль и служитъ лишь предлогомъ для отраженія его душевной жизни и для развитія его оригинальныхъ идей въ рядѣ афоризмовъ, парадоксальныхъ проповѣдей и т. п. Героемъ его произведеній является всегда тотъ же авторъ подъ той или другой маской. Его можно узнать подъ чертами красавца Доріана Грэ, проповѣдующаго красоту грѣховности, если она порождена эстетическими потребностями души, и ведущаго странный образъ жизни, отъ котораго гибнетъ его душа, но расцвѣтаютъ интеллектуальныя силы, что̀ и дѣлаетъ его властелиномъ людей, увлекаемыхъ красотой его холодной, безстрастной и гордой души. Но несмотря на то, что Доріанъ Грэ, герой романа, порочень и возводитъ въ идеалъ свое презрѣніе къ „предразсудкамъ нравственности", идущимъ въ разрѣзъ съ красотой, самый романъ не можетъ быть названъ проповѣдью порочности. Напротивъ, самъ герой погибаетъ жертвой своего отношенія къ требованіямъ совѣсти. Увидѣвъ картину своей души на отражающемъ ее портретѣ (фантастическая фабула романа заключается въ томъ, что герой остается вѣчно моло-

дымъ, между тѣмъ какъ его образъ жизни, его преступленія и его годы отражаются лишь на портретѣ, написанномъ съ него въ молодые годы), Доріанъ Грэ приходитъ въ такое отчаяніе, что убиваетъ себя въ сознаніи своего внутренняго уродства.

Въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ автора все болѣе беретъ вверхъ стремленіе изображать души почти наивныя въ своемъ непониманіи добра и прекраснаго по тому чувству внутренней свободы, которое замѣняетъ у нихъ нравственные принципы. Самымъ блестящимъ произведеніемъ въ этомъ родѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лучшимъ изъ всѣхъ произведеній автора является его драма „Salomé", написанная первоначально по-французски для Сары Бернаръ и изданная затѣмъ по-англійски съ оригинальными иллюстраціями Бирдслея (Beardsley), главы эстетизма въ живописи. Фабула „Salomé" значительно измѣнена противъ евангельскаго эпизода, изъ котораго она заимствована. Героиней является дочь Иродіады, Саломея, которая, увидѣвъ „пророка Іоганаана", влюбляется въ него и съ восточной страстностью говоритъ ему о ней; когда же суровый аскетъ проклинаетъ ее и велитъ ей, „покрывши главу, пепломъ идти въ пустыню, къ Сыну Человѣческому", она задумываетъ месть: она пляшетъ передъ влюбленнымъ въ нее Иродомъ и требуетъ себѣ въ награду отсѣченную голову „Іоганаана". Когда палачъ приноситъ ее на серебряномъ блюдѣ, она цѣлуетъ уста казненнаго апостола и произноситъ пламенную рѣчь, въ которой восточная страсть и языческое кощунство сливаются въ нѣчто необычайное по дерзновенію и трагизму. Свобода чувства доведена въ „Salomé" до крайности, и наряду съ этимъ художникъ рисуетъ нѣжное, грустное чувство сирійскаго пажа, умирающаго отъ любви къ жестокой принцессѣ. Во всей пьесѣ разлита какая-то особая поэзія луннаго свѣта и таинственной скорби, прекрасныхъ чувствъ и еще болѣе красивыхъ словъ; они рисуютъ природу какъ отраженіе душевныхъ настроеній человѣка, изображаютъ луну проникнутою трагизмомъ приближающихся роковыхъ событій, похожей на мертвую женщину, вышедшую изъ гроба и высматривающую, что есть мертваго среди живыхъ и т. п.

Послѣдній романъ автора „Green Carnation" излагаетъ цѣлую систему эстетизма въ разговорахъ нѣсколькихъ праздныхъ людей съ тонкими нервами и артистическими наклонностями; они проводятъ недѣлю въ деревнѣ въ комфортабельномъ англійскомъ „home"'ѣ, наслаждаясь деревенскимъ отдыхомъ и, главнымъ образомъ, наслаждаясь сами собой, своимъ умомъ, изысканностью, „особенностью" и составляющей для нихъ высшій идеалъ жизни „артистичностью". Всѣми этими качествами они, въ сущности, имѣютъ полное право наслаждаться, такъ какъ и читатель находитъ удовольствіе въ этомъ

непрерывномъ фейерверкѣ остроумія. Конечно, все, что̀ они говорятъ о добрѣ и злѣ, о правдѣ и лжи, о жизни и искусствѣ—чистѣйшіе парадоксы и представляетъ прямое противопоставленіе обычной морали, систематическое признаніе бѣлымъ того, что́ до сихъ поръ считалось чернымъ. Но въ этой перелицовкѣ нравственности есть что-то дерзновенное, и въ искренности эстетовъ, убѣжденныхъ, что нѣтъ ничего по существу своему серьезнаго въ жизни, и откровенно признающихъ это, есть нѣчто необычайное. Къ тому же, особенность романа и одно изъ его качествъ заключается въ томъ, что авторъ не навязываетъ читателю своего эстетизма, не выставляетъ своихъ героевъ „солью земли", а рисуетъ всѣ ихъ смѣшныя и мелкія стороны, влагая разумную критику ихъ въ уста симпатичной представительницы здраваго смысла. Изобразивъ себя въ блестящемъ „causeur"'ѣ, Эсмэ Амаринтѣ, доводящемъ разговорное искусство до полнаго совершенства, авторъ тутъ же высмѣиваетъ внѣшній характеръ эстетизма въ другѣ Амаринта, блѣднолицемъ красавцѣ, представляющемъ лишь эхо своего оригинальнаго и сознающаго свою геніальность друга. Авторъ „Green Carnation" ничего не хочетъ доказать своимъ романомъ; онъ готовъ показать все фатовство и несерьезность носителей „зеленой гвоздики", этой эмблемы искусственнаго характера всего этого теченія. Но все-таки, въ сферѣ этой искусственности, парадоксы Амаринта и окружающихъ его подражателей столь блестящи, его опредѣленія жизненной пошлости такъ мѣтки, его интеллектуальность столь художественна, что читатель начинаетъ усматривать за этими парадоксами нѣчто болѣе глубокое, чѣмъ простое оригинальничанье,—острый умъ, освободившійся отъ всякихъ иллюзій, и тоскующую душу, скрывающую свое безплодное тяготѣніе къ великому подъ маской цинизма, не находящаго ничего серьезнаго въ жизни и въ самомъ себѣ.

„Green Carnation" заканчивается чѣмъ-то въ родѣ проповѣди, произносимой Амаринтомъ предъ собраніемъ маленькихъ школьниковъ. Мы приводимъ эту рѣчь въ извлеченіи, какъ самую яркую формулировку эстетизма, бросающаго вызовъ жизни и природѣ. „Я художникъ въ области абсурдовъ, человѣкъ, осмѣливающійся быть смѣшнымъ,—говоритъ Амаринтъ:—я служитель искусства безразсудности,—искусства, которое въ будущемъ займетъ такое же мѣсто, какъ живопись, музыка, литература. Я родился для безразсудства, проводилъ его въ жизнь и умру безсмысленно, потому-что нѣтъ ничего безсмысленнѣе смерти человѣка, который жилъ для грѣха, вмѣсто того, чтобы жить для страданій... Всѣ мы нелѣпы, но не всѣ художники, потому что не всѣ относимся сознательно къ самимъ себѣ. Художникъ долженъ относиться къ себѣ сознательно... Я художникъ, потому что я сознательно нелѣпъ. Со-

вершайте безразсудства, но не думайте при этомъ, что вы поступаете разумно—въ противномъ случаѣ вы будете принадлежать къ тѣмъ разумнымъ людямъ, которые безнадежно и навсегда прониклись буржуазностью... Помните, что нужно сознавать свою силу, устранять все нормальное, быть всегда молодымъ и вѣчно безразсуднымъ. Не принимайте ничего въ серьезъ, за исключеніемъ, если возможно, самихъ себя... Нѣтъ добра и нѣтъ зла. Есть только искусство... Стремитесь къ ненормальному. Бѣгите отъ холоднаго, леденящаго прикосновенія природы. Одно прикосновеніе природы налагаетъ отпечатокъ пошлости... Помните слова Флобера и Вальтера Пэтера. Не забывайте главнымъ образомъ, что безразсудство сознательныхъ безумцевъ—единственная истинная мудрость", и т. д. въ томъ же родѣ.

II.

— *Léon Daudet*. Les „Kamtchatka". Moeurs Contemporaines. Paris. 1895. Стр. 315.

Додэ-сынъ начинаетъ серьезно идти по слѣдамъ своего отца. Его первый романъ: „Les Morticoles" имѣлъ нѣсколько случайный характеръ: это была сатира на парижскихъ врачей, написанная молодымъ медикомъ, близко знакомымъ съ госпитальными порядками. Но съ тѣхъ поръ Леонъ Додэ оставилъ свою медицинскую дѣятельность и всецѣло предался литературѣ. Нѣсколько изданныхъ имъ книгъ пользуются успѣхомъ, а къ послѣднему роману приложенъ довольно внушительный списокъ романовъ „en préparation". Если молодой романистъ будетъ продолжать идти по намѣченному имъ пути, то Додэ-отецъ и Додэ-сынъ составятъ pendant къ знаменитымъ именамъ Дюма-отца и Дюма-сына.

По вышедшимъ до сихъ поръ въ свѣтъ романамъ Леона Додэ можно заключить, что онъ унаслѣдовалъ отъ отца одну черту его таланта — склонность къ общественной сатирѣ и даже къ сатирѣ, направленной противъ отдѣльныхъ личностей. Альфонсъ Додэ написалъ сатирическій портретъ Гамбетты въ „Nouma Roumestan", высмѣялъ академію въ „Immortel" и наполнялъ всѣ свои романы изображеніемъ—и не всегда доброжелательнымъ—извѣстныхъ всему Парижу личностей. Его сынъ началъ съ сатиры противъ врачей и изобразилъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ медицинскихъ свѣтилъ Парижа. Въ новомъ же своемъ романѣ „Les Kamtchatka" онъ обратилъ свою тонкую наблюдательность и свой юморъ на литературные и салонные нравы и направилъ сатиру противъ господствующихъ въ парижскомъ обществѣ умственныхъ и эстетическихъ модъ.

Кличкой „Kamtchatka“ Л. Додэ замѣняетъ общепринятое названіе декадентовъ. Онъ высмѣиваетъ, конечно, не самыя литературныя теченія, заключающія въ себѣ серьезные элементы, и не людей, создавшихъ изысканное искусство для утонченныхъ вкусовъ и не мирящихся съ суетливостью и пошлостью будничной жизни. Но то, чтò для нѣсколькихъ избранныхъ натуръ поэтовъ и художниковъ было истинной душевной потребностью, превратилось мало-по-малу въ общественную моду. Въ періодъ романтизма юноши и молодыя дѣвицы рисовались „роковыми страстями“, проливали слезы и воображали себя героями и героинями; теперь мода измѣнилась. Эстетизмъ, увлеченіе всѣмъ искусственнымъ, преклоненіе только передъ непонятнымъ и болѣзненнымъ, сдѣлались лозунгомъ людей, которые по своей природѣ исповѣдовали бы самые здоровые жизненные вкусы, но считаютъ своимъ долгомъ носить маску чуждой имъ изысканности. Додэ называетъ ихъ „les Kamtchatka“, т.-е. людьми, которые дошли въ утрировкѣ эстетической моды до крайнихъ предѣловъ—„до Камчатки“, и онъ вышучиваетъ ихъ, потому что подъ искусственнымъ культомъ новой красоты скрываются самыя ординарныя буржуазныя натуры. Героемъ романа выставленъ художникъ Лерми, единственный представитель здраваго смысла и искреннихъ чувствъ среди общества, свихнувшагося на ложно понятыхъ эстетическихъ идеяхъ. Онъ и его невѣста, красавица Клара, держатся вдали отъ комедіи, которая разыгрывается на ихъ глазахъ, и въ ихъ уста Додэ влагаетъ свои мѣткія сатирическія характеристики общества. „Les Kamtchatka,—таково было прозвище, которымъ Поль Лерми окрестилъ этихъ людей, утрировавшихъ моду и слѣдовавшихъ предразсудкамъ новаго рода,—буржуа, утратившихъ душевное равновѣсіе обитателей туманныхъ безплодныхъ сферъ. Повѣривъ на слово нѣсколькимъ шутникамъ, они слѣдуютъ цѣлому установленному кодексу вкуса, преклоняются предъ извѣстными вещами и только передъ ними признаютъ лишь извѣстныхъ, навязанныхъ имъ модой геніевъ, придерживаются установленныхъ вкусовъ въ обстановкѣ домовъ, въ слѣдованіи тѣмъ или другимъ вѣрованіямъ, говорятъ всѣ въ одномъ тонѣ, употребляя общія клишé въ похвалахъ и осужденіяхъ, и безпощадно нападаютъ на все, чтò не считается съ принципами ихъ комическаго полуострова, на все, чтò не подчиняется ихъ заимствованнымъ и фальшивымъ эстетическимъ идеямъ“.

Нравы этой артистической Камчатки съ большимъ юморомъ обрисованы въ книгѣ Додэ, которую даже нельзя назвать романомъ, потому что дѣйствіе едва намѣчено и служитъ лишь связью между отдѣльными картинками нравовъ. Авторъ вводитъ насъ въ эстетическій салонъ m-me Toupin des Mares, жены крупнаго фабриканта сала,

но вмѣстѣ съ тѣмъ законодательницы „камчатскихъ модъ"; она даетъ своимъ дѣтямъ имена Вагнеровскихъ героевъ, заводитъ безъ всякаго внутренняго побужденія любовную интригу съ романистомъ Гревейлемъ, для того, чтобы онъ, описывая ея тонкія ощущенія въ своихъ психологическихъ этюдахъ, выражалъ свои симпатіи анархизму, сидя въ салонѣ Louis XVI. Она окружена блѣднолицыми эстетами, выражающими хоромъ свой энтузіазмъ предъ картинами „своихъ" геніевъ и свое презрѣніе передъ общепринятыми классическими мастерами. Гости, собирающіеся въ салонѣ m-me Des Mares, всѣ истинные Kamtchatka: всеобщимъ поклоненіемъ пользуется Rose Coindart, морфинистка по модѣ, жующая мѣлъ безъ всякой надобности, разыгрывающая комедію порока вопреки своей семейственной, добродѣтельной натурѣ; оракуломъ общества считается Жакъ Сивраръ, сынъ добрыхъ буржуа, поглощенный отчаянными усиліями усложнить свою душу и создающій въ своей газетѣ „Curare" условный кодексъ идей и понятій для своего кружка. „Камчатка" имѣетъ своего философа, ненавидящаго женщинъ подобно Стринбергу и написавшаго цѣлый трактатъ противъ нихъ подъ заглавіемъ: „Акула"; есть тамъ также свой аббатъ съ эстетическими жестами, живущій въ комнатахъ, обитыхъ бѣлымъ шолкомъ, утонченный духовникъ, требующій, чтобы у его духовныхъ дочерей была такая же обстановка, какъ у него самого: „все окружающее насъ—говоритъ онъ—должно быть таковымъ, чтобы оно почти не существовало и только окружало наши души особымъ тонкимъ ароматомъ. Богъ, живущій въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, болѣе доступенъ имъ при этомъ условіи: онъ не встрѣчаетъ никакого препятствія на своемъ пути". Царица этого мірка—актриса, princesse de Fourvaudières, стоящая выше другихъ хотя бы потому, что ея изысканная красота представляетъ нѣчто своеобразное среди каррикатурныхъ фигуръ умственной „Камчатки". Princesse de Fourvaudières, или Сюзю, какъ ее называютъ въ театрѣ и внѣ его, сама вычисляетъ свои вкусы новому знакомому, котораго она хочетъ увлечь: „Я люблю, во-первыхъ, аббата Сербà,—говоритъ она, указывая на аббата съ эстетическими жестами;—во-вторыхъ, художника Трогэна (геній Камчатки) и затѣмъ черную, бархатистую орхидею, и духи, которые я приготовляю сама, и которые пахнутъ эфиромъ и перцемъ. Мнѣ нравится третій актъ „Парсиваля", вторая часть „Фауста", „Генрихъ VIII" Шекспира: другія его драмы слишкомъ обыденны; люблю нѣкоторыхъ мистиковъ, въ особенности Іоанна евангелиста... Что же еще? не все еще высчитала — гравюры Кардона, „Зоратустру" Ницше, свѣтло-сиреневый атласъ и кэнгуру, когда онѣ совсѣмъ маленькія и похожи на мышей. Вотъ и все! А затѣмъ все остальное мнѣ ненавистно, раздражаетъ меня".

Интересы этихъ поверхностныхъ рабовъ моды прекрасно переданы Додэ въ описаніи театральнаго представленія, въ театрѣ „Ame Ardente". Репертуаръ театра—удачная карикатура на модныя увлеченія въ области драмы. Въ описываемый Додэ вечеръ дается: „Les Entrailles", brutalité sanglante en un acle, „Avenaga Korsör", norderie en deux glaçons, и „Les beaux jours d'une essence", abstraction rimée.—И публика восторгается несуществующими красотами, толкуетъ непонятныя слова. А подъ внѣшнимъ покровомъ этихъ искусственныхъ увлеченій Додэ показываетъ истинную натуру неисправимыхъ буржуа съ ихъ мелкими эгоистическими заботами, и въ тѣ моменты, когда сквозь условную эстетичность проглядываетъ психологическая правда, легкая сатира Додэ пріобрѣтаетъ сразу большой внутренній интересъ. Такова смѣло написанная полу-комическая сцена въ домѣ Сюзю, которая прогоняетъ увлеченнаго ею свѣтскаго фата, потому что онъ не даетъ требуемыхъ ею большихъ денегъ. Въ описываемой Додэ обстановкѣ сцена столкновенія между двумя представителями „Камчатки" превращается въ эпическую картину борьбы двухъ инстинктовъ: холодной и разсчетливой жадности женщины и безпомощной, жалкой и презрѣнной страсти мужчины. Сцена эта написана съ большимъ талантомъ и сдѣлала бы честь хотя бы Мопассану. Отмѣтимъ еще въ числѣ удачныхъ сатирическихъ мѣстъ въ „Les Kamtchatka" опредѣленіе той роли, которую играютъ въ напускномъ эстетизмѣ кружка Флоренція и ея искусство, быть можетъ, непонятное для этихъ внѣшнихъ людей, но священное для нихъ во имя моды. „Флоренція представляетъ изъ себя—говоритъ Додэ—въ одно и то же время рай, Мекку и оправданіе для всякаго въ Камчаткѣ".—„Я ѣду во Флоренцію",—это значитъ: „я становлюсь выше другихъ людей, я отдѣляю себя отъ толпы". Кто не былъ во Флоренціи—не имѣетъ правъ на почтительное уваженіе къ себѣ. Это человѣкъ безъ имени, не прошедшій чрезъ таинство крещенія. Если онъ не видѣлъ Боттичелли и не провелъ въ „Уффиціяхъ" долгіе часы религіознаго экстаза, онъ не заслуживаетъ имени человѣка, ему нечего дѣлать на землѣ. Флоренція — это итальянскій Бейрутъ. Тотъ, кто возвращается изъ Флоренціи, отмѣченъ таинственнымъ знакомъ, какъ тотъ, кто слышалъ „Парсиваля". У него новый видъ, отъ него вѣетъ особымъ ароматомъ. Каковы бы ни были потомъ его заблужденія, онъ сдѣлался „Kamtchatka" и останется „Kamtchatka". Это посвященіе нерушимо".

III.

— *Jules Bois*. Les petites religions de Paris. Paris, 1895. Стр. 215.

За послѣдніе годы во Франціи все болѣе развивается особый родъ литературы (да и литература ли это?) — „интервьюэрство". Самые сложные вопросы современности, требующіе несомнѣнно серьезнаго изученія для того, чтобы быть понятыми и объясненными, рѣшаются въ Парижѣ крайне просто. Расторопный репортеръ „Figaro" или другой бульварной газеты обходитъ всѣхъ, имѣющихъ отношеніе къ данному вопросу, собираетъ ихъ мнѣнія и, собравъ всѣ эти вынужденныя, разнородныя и неполныя показанія подъ одну обложку, издаетъ ихъ за своей подписью и подъ громкимъ заглавіемъ: „Enquête". Такъ почти составилась знаменитая книга Юрэ о современной литературѣ, такъ составляются до сихъ поръ множество книгъ по вопросамъ искусства и жизни, политики и общественныхъ интересовъ.

Къ этому разряду бѣглыхъ свѣденій о предметахъ, требующихъ обстоятельнаго изложенія, принадлежитъ и книга Жюля Буа, сотрудника „Фигаро", о ютящихся въ разныхъ уголкахъ Парижа религіозныхъ культахъ. Въ книгѣ идетъ рѣчь объ очень глубокихъ, старинныхъ и возродившихся вѣрованіяхъ, толкованіемъ которыхъ заняты были цѣлыя поколѣнія ученыхъ. Буддизмъ, культъ Изиды, гностицизмъ, теософія, ученіе Сведенборга и всякіе оккультистскія ученія излагаются смѣлымъ журналистомъ на нѣсколькихъ страницахъ каждое, и, конечно, въ результатѣ получается нѣчто весьма несерьезное, но не лишенное интереса. Жюль Буа едва-ли сознавалъ, озаглавивъ свою книгу: „Petites religions de Paris", сколько въ этомъ заглавіи кроется ироніи. Въ самомъ дѣлѣ, французы утратили способность къ вѣрѣ глубокой, озаряющей жизнь, къ нравственному идеализму, возвышающему культуру Англіи и другихъ странъ. Во Франціи невозможны серьезныя религіозныя движенія, которыя преобразили бы внутреннюю жизнь націи. Но такъ какъ общее теченіе современной мысли клонится въ сторону религіи и мистицизма, то французское общество, шедшее всегда впереди всякихъ идейныхъ движеній, переживаетъ и это новое теченіе. Если французамъ недоступна искренняя и глубокая религіозность настроеній, то взамѣнъ этого они создаютъ много различныхъ культовъ, стараясь обставить ихъ какъ можно болѣе оригинально. При отсутствіи вѣры, въ Парижѣ есть множество религій, насчитывающихъ каждая извѣстное количество „fidèles" среди истеричныхъ дамъ и скучающихъ „boulevardiers".

Но все это носитъ дилеттантскій характеръ, все это „petites religions", мелкіе, жалкіе отголоски высокихъ вѣрованій.

Въ книгѣ Жюля Буа очень колоритно выступаетъ внѣшняя сторона этихъ разнообразныхъ культовъ, обнаруживая вмѣстѣ съ тѣмъ поверхностный характеръ модныхъ вѣрованій. Первое, что̀ поражаетъ въ его перечнѣ парижскихъ алтарей и ихъ служителей,—это ихъ число. Жюль Буа насчитываетъ одиннадцать экзотическихъ религій, имѣющихъ въ Парижѣ своихъ жрецовъ и пророковъ—въ особенности, впрочемъ, пророчицъ. Кромѣ общеизвѣстныхъ восточныхъ ученій—буддизма и теософіи, — онъ даетъ свѣдѣнія еще о другихъ, менѣе извѣстныхъ вѣрованіяхъ: о культѣ свѣта, о сатанизмѣ и его пророкахъ, Винтрасѣ и Бульянѣ, о люциферіанцахъ, объ эссеніанизмѣ и, наконецъ, о гностикахъ и возсоздателяхъ культа Изиды. Въ дополненіе къ этимъ служителямъ забытыхъ боговъ добросовѣстный репортеръ открылъ еще въ Парижѣ „послѣднихъ язычниковъ"; съ представителемъ ихъ, ученымъ Луи Менаромъ, онъ ведетъ оригинальную бесѣду о богахъ Олимпа, и при этомъ остается не совсѣмъ понятнымъ, кто надъ кѣмъ смѣется,—репортеръ ли надъ своимъ отсталымъ на много вѣковъ собесѣдникомъ, или тонко иронизирующій профессоръ надъ легковѣрностью журналиста, серьезно отмѣчающаго его показанія. Говоря о странныхъ культахъ Изиды, о сатанизмѣ и служителяхъ Люцифера, Жюль Буа перестаетъ быть безпристрастнымъ хроникеромъ и впадаетъ нѣсколько въ мистическій тонъ, прославляетъ Изиду, „единственную спасительницу міра, богиню всемірнаго искупленія" и т. д.

Любопытны его свѣденія о служителяхъ „падшаго архангела". „Существованіе культа антихриста, — говоритъ Жюль Буа, — несомнѣнный фактъ, не скрываемый отъ церкви". Оказывается даже, что оффиціальный о̀рганъ католичества, „Semaine religieuse de Paris", призналъ существованіе анти-папы Лемми, которому въ прошломъ году вручена была тіара Люцифера. Этотъ культъ имѣетъ организованную іерархію, множество служителей и миссіонеровъ, въ числѣ которыхъ находятся двѣ женщины, Софья Вальдеръ и Діана Воганъ. Приверженцы этой странной секты, имѣющей свой ритуалъ, свои „messes blanches" и т. д., отрекаются отъ всякаго сообщничества съ оккультистами и съ послѣдователями сатанизма; они поклоняются Люциферу, видя въ немъ „добраго бога", въ противоположность Іеговѣ, „богу злому".

Въ сравненіи съ этими и другими столь же странными для здравомыслящихъ людей сектами, какъ „сатанизмъ" Гюисманса, буддизмъ Рони, „ученіе свѣта" Люси Гранжъ и т. д., религіозныя вѣрованія сведенборгіанцевъ и „культъ человѣчества", исповѣдуемый послѣдо-

вателями Огюста Конта, кажутся совершенно ортодоксальными, простыми. Жюль Буа очень живо описываетъ богослуженіе въ сведенборгской часовнѣ, съ немногочисленными послѣдователями творца „Новаго Іерусалима", и указываетъ на то сочетаніе искренности съ комизмомъ, которое чувствуется и въ наивныхъ чудесахъ шведскаго апостола и въ его простодушныхъ послѣдователяхъ. Жюль Буа очень вѣрно отмѣчаетъ характерную черту ученія Сведенборга—отсутствіе въ немъ мистицизма. Сведенборгъ остался ученымъ математикомъ и послѣ своего обращенія, происшедшаго столь прозаично. Сведенборгъ самъ разсказывалъ, что первое „ангельское видѣніе" посѣтило его во время обильной трапезы, и первыя слова, произнесенныя посланникомъ небесъ, были: „не ѣшь такъ много". Послѣ этого Сведенборгъ сдѣлался аскетомъ и создалъ новую религію; но, сохранивъ систематичность ученаго, онъ построилъ свой „Новый Іерусалимъ" съ точностью и опредѣленностью созидателя реальнаго храма. Его протестантская трезвость отразилась и на его послѣдователяхъ, и Жюль Буа отмѣчаетъ этотъ сѣверный отпечатокъ на парижской паствѣ Сведенборга.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1895.

„Поощреніе"—худшее, чѣмъ „оборваніе". — Шестидесятые годы; ихъ обвинитель — г. Рачинскій; ихъ лѣтописецъ—В. П. Острогорскій; ихъ представительница — Н. В. Стасова.—В. Г. Короленко о „мультанскомъ" убійствѣ.—Полицейскія злоупотребленія.— Нѣсколько газетныхъ отзывовъ.—Юрьевскій университетъ.

Въ своихъ „Литературныхъ Воспоминаніяхъ" Тургеневъ далъ характеристику сороковыхъ годовъ, которая навсегда останется точно клеймомъ, наложеннымъ на это время. Написанная полу-шутливо, полу-серьезно, она воспроизводитъ, въ яркихъ, рѣзкихъ чертахъ, весь ужасъ мрака и гнета, переполнявшихъ тогдашнюю политическую атмосферу. Въ перечнѣ неприглядныхъ впечатлѣній, которыя приходилось переживать не мирившимся съ „торжествующею дѣйствительностью", попадается, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: „на улицѣ тебѣ попалась фигура господина Булгарина или друга его, господина Греча; генералъ и даже не начальникъ, а такъ просто генералъ, обо-

рвалъ *или, что еще хуже, поощрилъ тебя*". Эти слова припоминаются намъ всякій разъ, когда современнымъ преемникамъ Булгариныхъ и Гречей случится обмолвиться хвалебнымъ отзывомъ о комъ-нибудь изъ „людей сороковыхъ годовъ" (извѣстно, что съ „сороковыми годами" люди, обозначаемые ихъ именемъ, связаны только хронологически: отношеніе этихъ людей къ своей эпохѣ было чисто отрицательное). „Поощреніе", идущее изъ такого источника, хуже всякаго „оборванія". Когда въ Москвѣ, въ началѣ истекшаго мѣсяца, чествовалась память Грановскаго, по поводу сорокалѣтней годовщины его смерти, „Московскія Вѣдомости" ограничились сначала „краткой репортерской замѣткой" объ этомъ фактѣ, какъ объ одномъ изъ заурядныхъ „городскихъ происшествій". Это было, если хотите, своего рода „оборваніемъ"; но ничего другого нельзя было и ожидать отъ газеты, считающей себя продолжательницей Каткова — не того Каткова, который оплакивалъ, въ 1855 г., кончину Грановскаго, а того, который безповоротно и рѣшительно порвалъ со всѣми его традиціями и дѣйствовалъ прямо наперекоръ его завѣтамъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторымъ петербургскимъ газетамъ пришло на мысль упрекнуть „Московскія Вѣдомости" за ихъ безмолвіе—и вотъ, онѣ нарушили его нѣсколькими словами, похожими на „поощреніе". „Времена сильно поизмѣнились"—такъ отвѣчаютъ онѣ на обращенный къ нимъ упрекъ: „то были Грановскіе, нынче пошли Градовскіе. Прославлять память Грановскаго стали гг. Роки (такъ подписывается московскій хроникеръ „Новостей"), объясняя, какъ благотворно подѣйствовалъ на нихъ Т. Н. Грановскій. Не знаемъ, насколько бы гордился покойный гуманистъ такими славными учениками. Но мы, во всякомъ случаѣ, въ такихъ концертахъ не участвуемъ". Сквозь напускное презрѣніе (напускное потому, что гг. Градовскій и Рокъ стоятъ во всякомъ случаѣ не ниже своихъ противниковъ) просвѣчиваетъ здѣсь какъ бы желаніе отдать должное Грановскому, объяснить или оправдать свое молчаніе въ день поминальной тризны. Совершенно напрасно: для памяти великаго *гуманиста* — именно потому, что онъ былъ гуманистъ—все похожее на похвалу со стороны „Московскихъ Вѣдомостей" оскорбительно отнюдь не меньше, чѣмъ „поощреніе" генерала было обидно для молодого Тургенева. Пускай московская газета продолжаетъ „обрывать" или замалчивать всѣхъ тѣхъ, чье имя дорого друзьямъ гуманности и свободы: это ея настоящая роль, вполнѣ согласная съ образцами, завѣщанными ей ея вдохновителемъ. Еще недавно мы читали на ея страницахъ слѣдующіе отзывы о Бѣлинскомъ: „Знаменитое (его) письмо къ Гоголю представляетъ собою *школьническую выходку*, вполнѣ характеризующую личность Бѣлинскаго, его всегда *поверхностный*, всегда *только нервозный* энтузіазмъ... Къ

линскому совершенно примѣнимы извѣстные стихи Майкова: вы на колоколъ похожи,—въ который можетъ зазвонить на площади прохожій... Бѣлинскій никогда не имѣлъ опредѣленнаго міровнія, а чужія настроенія какъ бы скользили по немъ, не оставля никакого слѣда въ душѣ его... *Онъ не былъ критикомъ*: онъ только передавалъ свои впечатлѣнія въ свѣтѣ *чужихъ* настроеній... Если въ русскомъ обществѣ и была нѣкоторая любовь къ литературѣ, то именно Бѣлинскій, послѣднимъ періодомъ своей дѣятельности, первый поколебалъ въ немъ эту любовь". Вотъ именно такъ должны говорить „Московскія Вѣдомости", развѣнчивая Бѣлинскаго—въ честь А. Григорьева и г. Страхова [1]), Тургенева — въ честь Маркевича, Кавелина — въ честь Каткова, Грановскаго — въ честь Кояловича, и т. д. Это, по крайней мѣрѣ, послѣдовательно и откровенно...

Счастливѣе сороковыхъ годовъ оказываются шестидесятые: ихъ не коснулось до сихъ поръ „поощреніе" реакціонной печати. Больше чѣмъ когда-либо, наоборотъ, они служатъ предметомъ ея нападеній, поддерживаемыхъ даже такими сравнительно-умѣренными писателями, какъ г. С. Рачинскій. Въ статьѣ о церковной школѣ, напечатанной въ октябрьской книжкѣ „Русскаго Обозрѣнія", онъ изображаетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ „духовную атмосферу, которою *тридцать лѣтъ* дышала наша сельская школа". Цифра: *тридцать лѣтъ* переноситъ насъ въ самый центръ шестидесятыхъ годовъ, на которые и упадаетъ, слѣдовательно, главная отвѣтственность за все „ближайшее прошлое". „Яркая сигнатура" этого прошлаго, по словамъ г. Рачинскаго, „въ сферѣ умственной—вялый скептицизмъ, терпящій неслыханныя глумленія надъ всѣми идеалами, въ томъ числѣ и религіозными, и забавляющійся этими глупостями; въ сферѣ нравственной— торжество похоти и въ области семейной, и въ области имущества и власти". Вліяніе этихъ пагубныхъ теченій отражается и на учителяхъ, и на священникахъ. Крестьянскія дѣти „приносятъ съ собою въ школу нѣкоторый запасъ, весьма неясный и неполный, но вполнѣ цѣнный. Если и видѣли они дома примѣры нравовъ весьма недобрыхъ, они никогда не слыхали ихъ восхваленія или оправданія; напротивъ того, слышали безпощадное ихъ осужденіе". Въ школѣ вниманіе учениковъ сосредоточивается прежде всего на учителѣ, „одѣтомъ какъ баринъ, говорящемъ какъ баринъ. По бо̀льшей части онъ

[1]) Въ той самой статьѣ, откуда мы заимствовали отзывы о Бѣлинскомъ, сказано en toutes lettres: „истинный начинатель нашей самостоятельной литературной критики есть А. Григорьевъ... Прямымъ продолжателемъ А. Григорьева является Н. Н. Страховъ".

человѣкъ добродушный, и ребята скоро привязываются къ нему. Говоритъ онъ и о Богѣ, но неохотно и мало, постовъ не соблюдаетъ, въ церковь ходитъ, но пользуется всякимъ предлогомъ, чтобы не ходить; чтó въ какой день въ церкви поется, не знаетъ. Мало-по-малу оказывается, что все это — не его личныя странности, но что, какъ онъ, живутъ всѣ господа"... Дѣти, мало-по-малу, убѣждаются, что „все божественное, все церковное—это только для нихъ, пашущихъ землю, учащихся на мѣдные гроши. Люди ученые, господа, безъ всего этого обходятся. А заповѣди Божіи? Развѣ чтутъ ихъ господа? Развѣ помнятъ они день субботній? Развѣ чтутъ отца и мать болѣе, чѣмъ крестьяне? Конечно, и въ деревняхъ грѣшатъ противъ седьмой заповѣди; но крестьянинъ въ церкви не станетъ проталкиваться впередъ подъ руку съ расфранченною блудницей. И въ деревняхъ крадутъ, но воры не въ почетѣ. А развѣ господа не обманываютъ и крестьянъ, и другъ друга, на каждомъ шагу, и развѣ они того стыдятся? Конечно, все это, при нѣкоторомъ вниманіи, видно и изъ деревни, но изъ школы это виднѣе"... „Училищемъ благочестія и добрыхъ нравовъ" наша сельская школа до сихъ поръ не была потому, что „жизнь образованныхъ классовъ учила распущенности и безбожію". Этой же причинѣ авторъ приписываетъ и упадокъ творчества во всѣхъ сферахъ духовной жизни, и увеличеніе числа самоубійствъ, даже между дѣтьми, и „безплодное слабосиліе молодежи", неспособной къ „доброму и бодрому дѣланію" въ какой бы то ни было области, духовной, общественной или практической.

Когда передъ судомъ идетъ рѣчь о поврежденіи здоровья, причиненномъ тѣми или другими дѣйствіями обвиняемаго, въ основаніи обвиненія всегда лежитъ предположеніе, прямо высказанное или подразумѣваемое, что до этихъ дѣйствій потерпѣвшій былъ здоровъ или, по крайней мѣрѣ, свободенъ отъ недуга или увѣчья, которымъ онъ страдаетъ въ данную минуту. Отъ аналогичныхъ предположеній отправляются, въ сущности, и обвиненія не-судебныя, направленныя противъ „духа времени", противъ „вредныхъ" тенденцій и ученій. Чтобы осудить, вслѣдъ за г. Рачинскимъ, вѣянія шестидесятыхъ и послѣдующихъ годовъ, нужно признать, прежде всего, что раньше ихъ появленія не было и зла, имъ приписываемаго. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Какой примѣръ подавали народу *господа*—господа, въ то время, не въ условномъ, а въ буквальномъ смыслѣ слова—до шестидесятыхъ годовъ, т.-е. до отмѣны крѣпостного права? Воспитывали ли они въ крестьянахъ уваженіе къ воскресному дѣлу, когда заставляли ихъ работать въ праздники, какъ въ будни? Способствовало ли соблюденію пятой заповѣди безпрестанно повторявшееся отрываніе дѣтей отъ родителей, а также высокомѣрное отношеніе дворни къ

заурядным земледѣльцамъ? Согласовался ли съ восьмою заповѣдью взглядъ на крестьянское имущество какъ на достояніе помѣщика? А седьмая заповѣдь? Когда противъ нея грѣшили болѣе систематически, болѣе безцеремонно, съ бо̀льшимъ пренебреженіемъ къ самымъ элементарнымъ требованіямъ нравственности? Не забывалась ли помѣщиками, довольно часто, и шестая заповѣдь, въ нарушеніи которой современныхъ „господъ" не обвиняетъ даже г. Рачинскій?... Не споримъ, *формальное* исполненіе церковныхъ правилъ было распространено тогда между „господами" нѣсколько больше, чѣмъ впослѣдствіи; но едва ли оно могло поучительно дѣйствовать на крестьянъ, разъ что въ шедшей рука объ руку съ нимъ жизни не было, сплошь и рядомъ, ровно ничего христіанскаго. Самыя худшія злоупотребленія помѣщичьей власти не встрѣчали со стороны духовенства,—да и не могли встрѣчать, по тогдашнимъ условіямъ,—ни осужденія, ни противодѣйствія. Намъ скажутъ, быть можетъ, что крѣпостная нравственная порча касалась крестьянской массы только какъ пассивной жертвы, и именно потому не проникала въ глубь народа; но кто же не знаетъ, что рабство развращаетъ и раба, и рабовладѣльца?.. Итакъ, *торжество похоти* съ гораздо бо̀льшимъ правомъ можетъ быть названо „сигнатурой" до-реформенной эпохи, чѣмъ послѣдующаго тридцатилѣтія. Если въ тѣ времена и не было еще у насъ слышно о *теоретическомъ* оправданіи чувственности, то на *практикѣ*, подъ покровомъ безгласности и патріархальной тишины, она достигала пышнаго расцвѣта, и это закулисное ея господство было тѣмъ болѣе опасно, что ни въ чемъ и нигдѣ не находило отпора,—отпора, тотчасъ же встрѣченнаго открытою проповѣдью житейскаго матеріализма. Если въ до-реформенномъ обществѣ не было распространено *глумленіе надъ идеалами*, то въ значительной степени это объясняется тѣмъ, что для громаднаго большинства и не существовало тогда никакихъ идеаловъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, говорить серьезно объ идеалахъ крѣпостническихъ—о „добродѣтельномъ помѣщикѣ", о „счастливыхъ поселянамъ". Идилліи, если онѣ кое-гдѣ и попадались, были продуктомъ случайно сложившихся благопріятныхъ обстоятельствъ, а отнюдь не сознательнаго стремленія къ добру. Къ немногимъ искреннимъ и истиннымъ идеалистамъ до-реформеннаго времени окружавшая ихъ масса относилась насмѣшливо или враждебно. Совершенно правъ былъ авторъ стихотворенія, ходившаго по рукамъ въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ („Къ русскому народу"), когда восклицалъ: „А если кто—средь общей летаргіи, мечтою увлеченъ,—насъ призывалъ на брань за правду, за Россію,—какъ былъ бѣднякъ смѣшонъ!—Какъ злобно надъ его безумствомъ издѣвался—чиновный фарисей! Какъ быстро отъ него, блѣднѣя, отрекался—вчерашній кругъ друзей!.."

Принявъ тяжелое наслѣдство обычаевъ и нравовъ, выработанныхъ крѣпостничествомъ, шестидесятые годы не могли удержаться на высотѣ, казавшейся достигнутою въ моментъ наибольшаго напряженія ихъ жизненной силы. Многое изъ стараго уцѣлѣло, хотя и въ измѣнившихся формахъ—измѣнившихся иногда почти до неузнаваемости; многое изъ новаго не привилось, застыло, закоченѣло,—„отцвѣло, не успѣвши расцвѣсть". Послѣдующія десятилѣтія были временемъ дальнѣйшаго регресса—и мы вовсе не намѣрены противополагать мрачной картинѣ, приведенной нами выше, другую, сіяющую и радостную. Намъ хотѣлось бы только распредѣлить краски болѣе равномѣрно и напомнить, что проблески свѣта идутъ не изъ одного только источника, указываемаго г. Рачинскимъ. Справедливо ли, во-первыхъ, что крестьянскія дѣти, до вступленія въ школу, никогда не слышатъ восхваленія или оправданія „недобрыхъ нравовъ", а встрѣчаютъ одно лишь „безпощадное осужденіе" ихъ? Къ чему такая идеализація среды, слишкомъ часто снисходительной къ пороку, а иногда по-неволѣ даже завидующей ему? Развѣ извѣстная поговорка о сѣтяхъ, разрываемыхъ крупною рыбой и задерживающихъ мелкую, примѣнима къ одному лишь „образованному обществу"? Если въ средѣ „общества" иногда благоденствуетъ ловкій дѣлецъ, грабитель на законномъ основаніи, то развѣ такъ ужъ рѣдки случаи преклоненія деревни передъ міроѣдомъ, нажившимся цѣною разоренія односельцевъ? *Воры*, въ буквальномъ смыслѣ слова, не пользуются „почетомъ" ни въ городѣ, ни въ селѣ—а болѣе тонкимъ эксплуататорамъ чужого кармана и тамъ, и тутъ оказывается почетъ немалый... Школа ли, во-вторыхъ, знакомитъ крестьянскихъ дѣтей съ отрицательными сторонами „господскаго" быта? Въ деревнѣ рано пріобрѣтается нѣкоторый житейскій опытъ; что̀ знаютъ здѣсь родители, то знаютъ, бо̀льшею частью, и дѣти. Тайны „господскаго" дома были извѣстны крестьянамъ и при крѣпостномъ правѣ, когда о школѣ не было и рѣчи; извѣстны онѣ имъ и теперь, безъ помощи учителя, какъ посредствующаго звена между „господами" и народомъ... Неужели, наконецъ, соприкосновеніе крестьянскихъ дѣтей съ учителемъ всегда приноситъ тѣ результаты, о которыхъ говоритъ г. Рачинскій, и только ихъ и приноситъ? Какъ и г. Рачинскій, мы беремъ учителя *средняго*, т.-е. не идеальнаго, но и не порочнаго; такихъ, безъ сомнѣнія, значительное большинство, по крайней мѣрѣ въ правильно организованныхъ начальныхъ школахъ. Говоря словами г. Рачинскаго, учитель—„человѣкъ добродушный", „ребята скоро привязываются къ нему". Развѣ это бездѣлица? Развѣ таковъ былъ, обыкновенно, учитель старой школы, грубый, часто нетрезвый, тяжелый на руку, чуждый всякой мысли о сближеніи съ

учениками? Развѣ не велика заслуга учителей, внесшихъ въ школу духъ гуманности и кротости—и развѣ эта заслуга не состоитъ въ самой тѣсной связи съ характеромъ эпохи, создавшей новый типъ начальнаго обученія?.. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ побои и всякіе иные виды физической расправы были точно такъ же à l'ordre du jour въ сельской школѣ, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ народной жизни. Они начинались въ семьѣ и преслѣдовали крестьянина въ училищѣ, у мастера или хозяина, въ войскѣ, въ полиціи, въ судѣ, способствуя господству тѣхъ „жестокихъ нравовъ", на которые именно въ это время жаловался одинъ изъ нашихъ великихъ писателей. Чтобы поколебать вѣковой обычай, недостаточно было однихъ законодательныхъ опредѣленій; нужна была еще работа общества надъ самимъ собою—и вотъ, значительную часть этой работы взяла на себя начальная школа, подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ литературы. Крестьянскія дѣти убѣждались во-очію, что возможенъ порядокъ безъ помощи палки, возможно повиновеніе, основанное не на страхѣ. Съ ними обращались какъ съ людьми—и они начинали сознавать свое человѣческое достоинство. Впечатлѣніямъ, вынесеннымъ со школьной скамьи, часто и рѣзко противорѣчитъ внѣ-школьная дѣйствительность—и въ этомъ, вмѣстѣ съ недостаточнымъ числомъ училищъ, слѣдуетъ искать объясненіе тому, что такъ слабо еще чувствуется просвѣтительное вліяніе школы; но оно несомнѣнно существуетъ, и нужны совсѣмъ особые очки, чтобы видѣть только одну оборотную сторону медали.

До крайности односторонни разсужденія г. Рачинскаго о симптомахъ и источникахъ болѣзни, которою страдаетъ наше „образованное общество". Рѣшая сплеча спорные и сложные вопросы о причинахъ упадка творчества, распространенія самоубійствъ, „безплоднаго слабосилія" молодежи, г. Рачинскій не замѣчаетъ, что „доброе и бодрое дѣланіе" не оскудѣло и въ наши дни, что оно проявляется всюду, гдѣ это необходимо—и *возможно*. Можно ли вообразить себѣ что-нибудь болѣе „доброе" и „бодрое", чѣмъ „дѣланіе" людей, большею частью молодыхъ, бросившихся, не щадя себя и не смущаясь даже „неблагодарностью" народа, на борьбу съ голодомъ и холерой? Такіе подвиги, только единичные и потому менѣе замѣтные, совершаются и теперь ежедневно во всѣхъ уголкахъ Россіи—и совершаются, между прочимъ, сотнями, тысячами учительницъ и учителей, серьезно и до самоотверженія горячо относящихся къ своему скромному призванію. Побужденія, заставляющія молодежь устремляться на служеніе народу, не всегда одинаковы, но весьма часто они коренятся именно въ томъ умственномъ движеніи, которое ознаменовало собою шестидесятые годы... Намъ придется еще, можетъ быть, возвратиться къ

мнѣніямъ г. Рачинскаго, насколько они касаются прямо и непосредственно церковной школы; но мы считали бы несправедливымъ разстаться теперь съ его статьею, не сдѣлавъ одной существенно-важной оговорки. Въ противоположность другимъ заурядным защитникамъ дѣла, которому онъ служитъ, г. Рачинскій не только не сводитъ его къ вопросу вѣдомства и управленія, но не замалчиваетъ слабыхъ его сторонъ, не скрываетъ затрудненій, съ которыми оно должно считаться. Особенно замѣчательны, съ этой точки зрѣнія, слѣдующія слова г. Рачинскаго: „Civitas Dei скрыта отъ взоровъ нашихъ подростающихъ поколѣній *непроглядною узостію современнаго умственнаго строя еще болѣе, чѣмъ всякими ложными ученіями и школьными недосмотрами*". Недостаточно опредѣленная и ясная, эта формула, тѣмъ не менѣе, переноситъ споръ на такую почву, гдѣ его нельзя рѣшить однимъ почеркомъ пера. Чтобы устранить „узость жизненнаго строя", нужно, очевидно, нѣчто гораздо бо́льшее, чѣмъ обязательное сосредоточеніе начальныхъ школъ въ вѣденіи духовенства...

Чѣмъ были, на самомъ дѣлѣ, шестидесятые годы въ исторіи нашего общества, объ этомъ весьма кстати напомнила недавно книга В. П. Острогорскаго: „Изъ исторіи моего учительства". Въ простомъ, безъискусственномъ разсказѣ автора, вступившаго въ жизнь именно на рубежѣ памятной эпохи, рельефно обрисовываются ея характеристическія черты—горячая вѣра въ лучшее будущее, сознаніе долга передъ народомъ, стремленіе работать ему на пользу. Не случайно это стремленіе вылилось, прежде всего, въ устройствѣ воскресныхъ и другихъ безплатныхъ школъ: здѣсь учащейся или только-что окончившей ученіе молодежи всего легче было стать лицомъ къ лицу съ народной массой и сослужить ей хотя бы скромную службу. Отблескъ энтузіазма, которымъ тогда были переполнены сердца, съ особенною силой падаетъ на страницы, посвященныя г. Острогорскимъ Василеостровской безплатной школѣ—одной изъ первыхъ, открытыхъ въ Петербургѣ. Въ памяти тѣхъ, кто самъ переживалъ это время, онѣ возстановляютъ лучшія минуты молодости; другимъ онѣ показываютъ наглядно настоящій смыслъ движенія, возбудившаго и возбуждающаго до сихъ поръ столько вольныхъ и невольныхъ недоразумѣній. Особенно ярко освѣщена г. Острогорскимъ фигура Ѳ. Ѳ. Резенера, одного изъ самыхъ типичныхъ педагоговъ новой формаціи, любящаго и твердаго, требовательнаго къ другимъ и еще болѣе къ самому себѣ. Очень интересно очерченъ также Ф. Г. Толль, вмѣстѣ съ Резенеромъ (и многими другими) составлявшій какъ бы соединительное звено между людьми сороковыхъ годовъ и ихъ молодыми преемниками,

начинающими шестидесятниками... Чѣмъ симпатичнѣе „бодрое и доброе дѣланіе", благодаря которому создалась и просуществовала болѣе шести лѣтъ Василеостровская безплатная школа, тѣмъ печальнѣе впечатлѣніе, производимое ея безвременнымъ концомъ. „Затѣянное въ студенческой комнатѣ нѣсколькими юношами"—говоритъ г. Острогорскій,—„скромное дѣло незамѣтно расросталось въ большое и серьезное. Уже довольно значительное количество мальчиковъ было обучено въ школѣ разумно грамотѣ и получило элементарное образованіе; нѣсколькихъ, болѣе способныхъ, приготовили мы и помѣстили на казенный счетъ, кого въ академію художествъ, кого—въ гимназію; нѣсколькихъ устроили въ мастерства, не оставляя никого своими заботами и за стѣнами школы. Но, несмотря на всѣ наши успѣхи, на все расположеніе къ намъ самого министерства народнаго просвѣщенія, дни школы были сочтены. Въ 1866 г., подобно всѣмъ воскреснымъ и другимъ безплатнымъ училищамъ, она была закрыта по распоряженію администраціи, не нашедшей возможности—хотя за насъ и просило министерство—сдѣлать для нея исключеніе... Отъ Василеостровской безплатной школы осталась только вѣчная память въ сердцахъ тѣхъ, кто въ ней учился, или кто, теперь уже старикъ, ее основывалъ и училъ въ ней въ годы далекой юности". Кто сосчитаетъ „бодрыя и добрыя дѣланія", постигнутыя, въ послѣднее тридцатилѣтіе, такою же судьбою—и кто опредѣлитъ, на сколько, вслѣдствіе этого, съуживалась самая область, ограничивалась самая возможность подобныхъ „дѣланій"?..

Рядомъ съ Резенеромъ, Гердомъ, Толлемъ, Косинскимъ, Павловымъ, Кавелинымъ [1])—мы называемъ только умершихъ—въ исторіи шестидесятыхъ годовъ займетъ мѣсто скончавшаяся недавно Надежда Васильевна Стасова и, подобно имъ, послужитъ живымъ отвѣтомъ на клеветы, направляемыя противъ этой эпохи. По своему возрасту и по первымъ впечатлѣніямъ, такъ часто предопредѣляющимъ всю дальнѣйшую жизнь человѣка, Н. В. Стасова принадлежала къ „людямъ сороковыхъ годовъ"; но ея дѣятельность началась вмѣстѣ съ шестидесятыми годами и носитъ на себѣ несомнѣнный ихъ отпечатокъ. Она была усердной преподавательницей въ одной изъ первыхъ, по времени, воскресныхъ школъ (на Инженерной улицѣ), руководила своими молодыми сотрудниками и сотрудницами и, не ограничиваясь учебными занятіями, старалась сблизиться съ ученицами (школа была

[1]) Само собою разумѣется, что о Павловѣ и Кавелинѣ мы говоримъ здѣсь только какъ объ участникахъ движенія, выразившагося, между прочимъ, въ открытіи воскресныхъ школъ. О дѣятельности Кавелина въ этомъ направленіи г. Острогорскій сообщаетъ нѣсколько новыхъ данныхъ, столь же симпатичныхъ, какъ и вся жизнь Константина Дмитріевича.

исключительно для дѣвочекъ), навѣщать ихъ на дому, облегчать ихъ иногда до крайности тяжелое существованіе. Почти въ то же самое время Н. В. сдѣлалась одною изъ главныхъ работницъ въ обществѣ дешевыхъ квартиръ, тогда только-что учрежденномъ. Не было такой трущобы, передъ посѣщеніемъ которой она бы отступала,—и всюду она приносила не только матеріальную помощь, но и нравственную поддержку. Убѣдясь во-очію, какъ нелегко для женщинъ находить сносно оплачиваемый умственный трудъ, она основала, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами, товарищество переводчицъ и издательницъ, доставившее заработокъ многимъ нуждавшимся и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обогатившее нашу литературу нѣсколькими хорошими книгами („Сказки" Андерсена, „Разсказы о временахъ Меровинговъ", Ог. Тьерри, „Путешествіе по Амазонской рѣкѣ", Бетса, „Изъ природы", Вагнера и др.). Въ шестидесятыхъ годахъ было положено начало и тому дѣлу, которому больше всего послужила Н. В. Стасова—дѣлу высшаго женскаго образованія. Она принимала самое дѣятельное участіе въ учрежденіи „аларчинскихъ" и „владимірскихъ" курсовъ, изъ которыхъ создались, наконецъ (въ 1878 г.), высшіе женскіе курсы. Въ продолженіе десяти слишкомъ лѣтъ (до 1889 г.) Н. В., какъ распорядительница курсовъ, несла на себѣ (конечно, безвозмездно) всѣ тѣ обязанности, которыя возложены теперь, въ силу новаго устава высшихъ курсовъ, на цѣлый персоналъ служащихъ (инспектрису и ея помощницъ). Съ какою любовью она относилась и къ дѣлу, и къ лицамъ—объ этомъ шла рѣчь во всѣхъ газетныхъ ея некрологахъ; но только черезъ много лѣтъ, когда появятся въ печати воспоминанія и записки первыхъ слушательницъ курсовъ и будетъ написана исторія ихъ внутренней жизни, выяснится вполнѣ, чѣмъ была для нихъ Надежда Васильевна. Живую связь съ курсами она сохранила до самой смерти, работая въ комитетѣ общества, отъ котораго они получаютъ свои средства, и стоя во главѣ общества вспомоществованія бывшимъ слушательницамъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Н. В. была избрана предсѣдательницей вновь основаннаго женскаго общества взаимнопомощи. Трудно представить себѣ жизнь болѣе отрѣшенную отъ всякихъ личныхъ заботъ и интересовъ, болѣе посвященную общему дѣлу. Конечно, объясненіе ея нужно искать не въ одной только атмосферѣ шестидесятыхъ годовъ, среди которой закипѣла самоотверженная работа Н. В. Стасовой; но вліяніе этой атмосферы, и вліяніе глубокое, сильное, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Талантъ, пробужденный счастливымъ сочетаніемъ обстоятельствъ, Н. В. Стасова не закопала въ землю, когда эти обстоятельства миновали, и осталась вѣрна самой себѣ до конца, несмотря на всѣ колебанія политическаго и общественнаго баро-

нетра. Такимъ же послѣдовательнымъ шестидесятникомъ былъ и умершій на дняхъ Е. А. Покровскій, извѣстный московскій врачъ и редакторъ одного изъ лучшихъ педагогическихъ журналовъ, „Вѣстника Воспитанія“, оставившій по себѣ самую добрую память.

Чрезвычайно сильное впечатлѣніе производитъ статья В. Г. Короленко („Русскія Вѣдомости“, № 288), посвященная такъ называемому мультанскому убійству. Сначала въ гор. Малмыжѣ, потомъ (вслѣдствіе отмѣны сенатомъ перваго приговора сарапульскаго окружного суда) въ гор. Елабугѣ разсматривалось недавно дѣло объ убійствѣ, въ с. Мультанѣ, крестьянина Матюнина, будто бы съ цѣлью принесенія его въ жертву языческимъ богамъ. Обвиняемые (православные вотяки) оба раза признаны виновными; установленъ, такимъ образомъ, фактъ существованія у насъ, среди христіанскаго, по имени, населенія, человѣческихъ жертвоприношеній! Если усомниться въ дѣйствительности этого факта—а для сомнѣнія представляется не мало основаній,—то приходится признать дважды повторенную судебную ошибку, происшедшую отчасти по винѣ слѣдственной и судебной власти, не обезпечившей за подсудимыми всѣхъ средствъ къ оправданію, отчасти по винѣ полиціи, вымогавшей показанія и у подсудимыхъ, и у свидѣтелей. Дилемма до крайности печальная и во всякомъ случаѣ настоятельно требующая разъясненія. „Еще недавно, — говоритъ В. Г. Короленко, — отдѣленіе казанской судебной палаты въ гор. Вяткѣ постановило обвинительный приговоръ, которымъ установлено, что полицейскіе служители слободской команды производили тяжкія истязанія надъ арестованнымъ татариномъ. Это происходило въ той же вятской губерніи. Мѣстная пресса съ чрезвычайнымъ сочувствіемъ слѣдитъ за борьбой, которую теперешнему вятскому губернатору, г. Трепову, приходится вести съ нравами, долгіе годы укоренявшимися въ средѣ вятской полиціи, имѣющей дѣло съ инородческимъ населеніемъ... Не только обвиняемые по мультанскому дѣлу, но и одинъ изъ главныхъ свидѣтелей обвиненія два раза повторяли на судѣ, что показанія у нихъ вынуждались самыми незаконными средствами. Объ этомъ даже предсѣдатель суда счелъ нужнымъ сказать въ своемъ заключеніи, отмѣчая, что главный свидѣтель обвиненія мотивировалъ этимъ свой отказъ отъ вынужденныхъ показаній. И замѣчательно, что подробности, приводимыя вотяками, довольно точно совпадаютъ съ пріемами, за которые осуждены слободскіе полицейскіе“ (въ слободскомъ уѣздѣ арестованный Дюнишевъ былъ подвѣшенъ на жерди, и въ такомъ положеніи у него требовали сознанія; о подвѣшиваніи же говорили и вотяки-мультанцы). Всего

поразительнѣе въ сообщеніяхъ В. Г. Короленко то, что жестокія дѣйствія полиціи являются не случайностью, а какъ бы частью установившейся системы, съ которою долженъ бороться новый губернаторъ... Злоупотребленія властью со стороны полиціи встрѣчаются, впрочемъ, не только въ области дознаній; еще чаще, быть можетъ, подаетъ къ нимъ поводъ взысканіе или, лучше сказать, вымучиванье недоимокъ. Дѣло инсарскаго (пензенской губ.) исправника Иванова и его сообщниковъ (урядника и полицейскаго разсыльнаго), разсматривавшееся недавно саратовскою судебною палатою и окончившееся обвинительнымъ приговоромъ, обнаружило особый „порядокъ" собиранія недоимокъ: подъ предлогомъ обыска недоимщиковъ, ихъ уводили въ отдѣльную комнату и тамъ жестоко били по шеѣ и по животу; училъ этому самъ исправникъ, совѣтуя не бить по груди и ребрамъ, такъ какъ это опасно—опасно не для избиваемаго, а для избивателей (легче открыть слѣды избіенія). Продолжалось это до тѣхъ поръ, пока усердіе исполнителей не хватило черезъ край: одинъ изъ недоимщиковъ умеръ отъ нанесенныхъ ему побоевъ... Повтореніе такихъ случаевъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи свидѣтельствуетъ о томъ, что не все благополучно въ нашихъ административныхъ порядкахъ. Такія дѣла, какъ инсарское и слободское, перестанутъ быть возможными только тогда, когда прекратятся превышенія власти и отступленія отъ закона, проходящія безслѣдно—безъ наказанія, безъ преслѣдованія, часто даже безъ огласки. Пока существуетъ, de facto, административная расправа, распространяющаяся иногда на цѣлыя массы, ничѣмъ не регулируемая, не допускающая ни соразмѣрности между виною и наказаніемъ, ни констатированія самаго факта вины, ни какихъ бы то ни было средствъ защиты или обжалованія, до тѣхъ поръ нельзя ожидать измѣненія административныхъ нравовъ, крайнимъ выраженіемъ которыхъ служитъ „подвѣшиванье" обвиняемаго или „смертный бой" за недоимку. То, что̀ говорилось въ послѣднее время о дикой расправѣ, которой, будто бы, подверглись за Кавказомъ духоборцы, представляется невѣроятнымъ, и до сихъ поръ намъ не хотѣлось бы допустить достовѣрность этихъ сообщеній; но насъ смущаютъ слова Я. П. Полонскаго, только-что прочитанныя нами, случайно, въ іюньской книжкѣ „Русскаго Обозрѣнія" (стр. 649). Разбирая одно заграничное изданіе („Царство Божіе внутри васъ", гр. Л. Н. Толстого), почтенный поэтъ касается помѣщеннаго въ этомъ изданіи разсказа о томъ, какъ орловскій губернаторъ (бывшій) „сѣкъ взбунтовавшихся крестьянъ, и каковъ былъ помѣщикъ, богачъ, который не захотѣлъ этимъ крестьянамъ уступить ими выращенной рощи, стоющей всего только 3.000 руб.". „Удивительное дѣло! — восклицаетъ при этомъ

Я. П. Полонскій: — я прожилъ на свѣтѣ слишкомъ 75 лѣтъ, всю свою молодость блуждалъ по деревнямъ, много встрѣчалъ дурныхъ и злыхъ помѣщиковъ и помѣщицъ, но такихъ сѣченій, при помощи военной силы и въ присутствіи властей, не видалъ ни разу". Если экзекуція, съ которою человѣкъ, близко знавшій русскую деревню въ самый разгаръ крѣпостного права, не можетъ сравнить ни одного изъ тогдашнихъ звѣрствъ, происходила недавно въ центрѣ Россіи и не привела къ судебному преслѣдованію виновнаго или виновныхъ, то какъ ручаться за то, что ничего подобнаго не случилось и въ глуши закавказскаго края? А между тѣмъ всякая расправа этого рода, совершающаяся открыто и какъ бы оффиціально, неминуемо влечетъ за собою цѣлый рядъ закулисныхъ, келейныхъ жестокостей, финалъ которыхъ далеко не всегда разыгрывается на скамьѣ подсудимыхъ... Повторяемъ еще разъ: законъ долженъ быть одинаково обязателенъ для всѣхъ, не исключая администраціи, какъ низшей, такъ и высшей. Точное соблюденіе закона—конечно не единственная, но весьма существенная гарантія уваженія къ требованіямъ гуманности и человѣческаго достоинства.

Изъ числа отзывовъ, которыми наши газеты встрѣтили перемѣну въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, мы приведемъ здѣсь лишь немногіе, показавшіеся намъ особенно интересными. По словамъ „Новаго Времени", „министерство внутреннихъ дѣлъ въ управленіе И. Н. Дурново вообще проявляло свою власть *въ формахъ мягкихъ и умѣренныхъ*. Съ точки зрѣнія внутренняго мира эта черта управленія И. Н. Дурново въ высшей степени симпатична, и нельзя не прибавить, что источникъ ея былъ главнѣйше въ личномъ характерѣ самого министра... „И. Н. Дурново умѣлъ смягчать непріятныя для общества перемѣны въ мѣстномъ управленіи, и вообще лично *не былъ сторонникомъ крутой ломки* въ мѣстномъ быту"... Довольно близко къ „Новому Времени" подходитъ и „Недѣля", видящая главную разницу между гр. Д. А. Толстымъ и И. Н. Дурново въ той „сдержанности и умѣренности, которыя отличаютъ управленіе послѣдняго... И. Н. Дурново старался избѣгать всякихъ крутыхъ ломокъ и слишкомъ рѣзкой односторонности. При другомъ министрѣ въ ту эпоху, въ какую И. Н. Дурново пришлось руководить нашей внутренней политикой, на этой политикѣ могли бы отразиться гораздо болѣе крайнія воззрѣнія, чѣмъ это случилось въ дѣйствительности"... Объ И. Л. Горемыкинѣ „Недѣля" говоритъ, что область предшествующей его дѣятельности позволяетъ ожидать отъ него разрѣшенія крестьянскаго дѣла „на той почвѣ строгой закон-

ности, въ которой теперь наиболѣе нуждается наше отечество". Съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ мы вполнѣ согласны, равно какъ и съ слѣдующими словами „Русскихъ Вѣдомостей": „министерство внутреннихъ дѣлъ можетъ успѣшно выполнить свою задачу, если поставитъ себѣ цѣлью неуклонное проведеніе строгой законности во всемъ строѣ внутренняго управленія и будетъ содѣйствовать развитію общественной самодѣятельности".

Во всѣхъ газетныхъ статьяхъ, вызванныхъ смертью Н. А. Манасеина, а также недавней поѣздкой его преемника по остзейскому краю, признавалось, съ рѣдкимъ единогласіемъ, что примѣненіе судебной реформы къ прибалтійскимъ губерніямъ можетъ, вообще, быть названо удачнымъ. То же самое подтверждается и частными сообщеніями, идущими иногда отъ лицъ, вовсе не расположенныхъ къ одобренію во что бы то ни стало. Можно считать доказаннымъ, что не только новые остзейскіе судебные порядки значительно лучше старыхъ, но и новые судебные дѣятели отнюдь не уступаютъ прежнимъ. Гораздо менѣе благопріятенъ, повидимому, результатъ преобразованій, которымъ, одновременно съ судами, подверглось въ остзейскомъ краѣ учебное дѣло: особенно бросается въ глаза упадокъ юрьевскаго (дерптскаго) университета. Въ 1888-91 г. число студентовъ въ Дерптѣ колебалось между 1588 и 1664 (не считая фармацевтовъ); осенью 1893 г. оно понизилось до 1348, осенью 1894 г.—до 1247, осенью нынѣшняго года—до 1067. Это послѣднее пониженіе, какъ мы слышали, падаетъ всецѣло на медицинскій факультетъ; на юридическомъ факультетѣ главный скачокъ внизъ совершился уже раньше, въ 1894 г. (въ 1891 г. на этомъ факультетѣ было 158 студентовъ, въ 1892 г.—148, въ 1893 г.—142, въ 1894 г., какъ и въ 1895-мъ—99). Столь неутѣшительное явленіе не могло не обратить на себя вниманіе начальства юрьевскаго университета. Ректоръ его, проф. Будиловичъ помѣстилъ недавно въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія" статью, въ которой уменьшеніе числа студентовъ объясняется, съ одной стороны, недостаточностью средствъ университета (меньшихъ на 140 тысячъ рублей, чѣмъ средства университетовъ кіевскаго, харьковскаго или казанскаго) и числа профессорскихъ каѳедръ (40, вмѣсто 72), съ другой стороны—отмѣной льготныхъ испытаній на степень доктора медицины [1]) и прекращеніемъ наплыва иностран-

---

[1]) По удостовѣренію русской медицинской газеты „Врачъ", эта льгота нисколько не понижала уровня преподаванія; до-реформенный медицинскій факультетъ въ Дерптѣ пользовался, несмотря на недостаточное число каѳедръ, обще-европейской извѣстностью и блестѣлъ цѣлымъ рядомъ знаменитыхъ именъ.

цевъ, не знающихъ русскаго языка. Первыя двѣ причины—скудость средствъ и ограниченность числа каѳедръ—очевидно должны быть скинуты со счетовъ, такъ какъ онѣ существовали, въ той же силѣ, и до 1892 г.; что касается до двухъ послѣднихъ, то значеніе ихъ безспорно, но онѣ парализуются, до извѣстной степени, другими обстоятельствами, дѣйствующими въ противоположномъ направленіи—льготнымъ пріемомъ евреевъ (составлявшихъ, въ прошломъ учебномъ году, около 30% общаго числа юрьевскихъ студентовъ) и разрѣшеніемъ студентамъ, недавно исключеннымъ изъ варшавскаго университета, продолжать курсъ именно въ юрьевскомъ университетѣ. Все это заставляетъ думать, что паденію числа студентовъ способствуютъ не одни только внѣшнія условія. По поводу медицинскаго факультета здѣсь невольно приходитъ на память извѣстная исторія съ рѣчью его декана, проф. Васильева [1]), такъ и оставшаяся неразъясненною, вслѣдствіе невозбужденія г. Васильевымъ процесса о клеветѣ, казавшагося необходимымъ даже „Московскимъ Вѣдомостямъ". По поводу юридическаго факультета вспоминается характерный эпизодъ, связанный съ юбилейнымъ чествованіемъ проф. Энгельмана (см. „Русскія Вѣдомости", № 161). Въ этомъ чествованіи, имѣвшемъ совершенно частный характеръ, приняли участіе трое изъ числа новыхъ русскихъ профессоровъ юридическаго факультета (гг. Нечаевъ, Дьяконовъ и Дерюжинскій), при чемъ въ мѣстной нѣмецкой газетѣ они были названы представителями (Vertreter) факультета. Деканъ факультета, проф. Пустораслевъ, послалъ въ редакцію газеты, для напечатанія, письмо, въ которомъ объяснилъ, что выраженіе: *представители* „можетъ внушить мысль, будто юридическій факультетъ Императорскаго юрьевскаго университета отрядилъ особыхъ представителей для принесенія поздравленій господину юбиляру". Чтобы „предупредить могущія вслѣдствіе этого возникнуть недоразумѣнія", г. деканъ счелъ своею обязанностью заявить, „что юридическій факультетъ никого не уполномочилъ быть его представителемъ на юбилейномъ торжествѣ и никакого участія въ послѣднемъ, равно какъ въ поднесеніи юбиляру адреса, не принималъ". Оффиціальныя опроверженія появляются въ печати, обыкновенно, только по поводу такихъ „недоразумѣній", которыя, оставаясь неразъясненными, могли бы бросить тѣнь на дѣятельность должностного лица или присутственнаго мѣста. Ничѣмъ подобнымъ „недоразумѣніе" о томъ, въ какомъ качествѣ явились на чествованіе проф. Энгельмана трое изъ числа его русскихъ коллегъ, юрьевскому юридическому факуль-

---

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 12 „Вѣстн. Европы" за 1893 г. и въ № 6 за 1894 г.

тету, очевидно, не угрожало. Если и допустить, что со стороны высшей власти могъ воспослѣдовать запросъ, на какомъ основаніи факультетъ принялъ участіе въ празднованіи *тридцатилѣтняго* юбилея (разрѣшены, какъ извѣстно, только юбилеи двадцатипятилѣтніе), то съ извѣщеніемъ, имѣвшимъ цѣлью предупредить такой запросъ, слѣдовало, безъ сомнѣнія, обратиться по начальству, а не къ газетѣ. Оглашенное въ печати, письмо г. Пустороелева неизбѣжно получало характеръ протеста противъ самаго чествованія проф. Энгельмана—а такъ какъ научныя заслуги послѣдняго велики и неоспоримы, то этотъ протестъ не могъ не быть приписанъ національной розни въ средѣ факультета. Болѣе чѣмъ когда-либо такая рознь нежелательна именно въ эпоху преобразованія, переживаемаго университетомъ; болѣе чѣмъ когда-либо неумѣстны, во всякомъ случаѣ, ея публичныя оказательства. Поднять *русскій* юрьевскій университетъ на надлежащую высоту можно не подчеркиваніемъ, при каждомъ удобномъ и неудобномъ поводѣ, разрыва между его настоящимъ и прошедшимъ, даже не увеличеніемъ его матеріальныхъ средствъ, а только такимъ составомъ профессоровъ, который отвѣчалъ бы самымъ строгимъ требованіямъ и смѣло выдерживалъ бы всякое сравненіе, даже въ глазахъ тѣхъ, которые являются какъ laudatores temporis acti. По справедливому замѣчанію „Врача", именно этимъ путемъ было обезпечено значеніе *нѣмецкаго* университета, замѣнившаго въ Страсбургѣ высшую *французскую* школу.

ПОПРАВКА.

Въ октябрьской книгѣ слѣдуетъ исправить:

		Напечатано:	*Вмѣсто:*
Стр. 775:	4 строч. св.	вокругъ	нигдѣ
„ —	12 „ „	цѣпь	степь

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Изъ литературы и жизни. Журнальныя статьи, этюды, замѣтки Е. И. Утина. Въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора. Спб. 1895. Стр. 447 и 421. Ц. 3 р.

Настоящій посмертный сборникъ содержитъ въ себѣ избранные труды автора почти за 30 лѣтъ, начиная съ 1866 г., и тѣмъ дополняетъ то, что онъ успѣлъ издать особо при жизни: „Письма изъ Болгаріи въ 1877 г.“ и историческіе очерки подъ заглавіемъ: „Вильгельмъ I и Бисмаркъ“. Составъ сборника далеко не полнъ, такъ какъ въ него вошло, за небольшими исключеніями, только то, что не утратило своего значенія, какъ по избранной авторомъ темѣ, такъ и по обстоятельной ея разработкѣ; къ числу такихъ трудовъ относится, напримѣръ, „Политическая литература въ Германіи, посвященная главнымъ образомъ Людвигу Бёрне; она занимаетъ собою болѣе половины перваго тома; или: „Практическая философія XIX-го вѣка“, обнимающая болѣе половины второго тома. Изъ другихъ статей обращаютъ на себя вниманіе: „Сатира Щедрина“, съ письмомъ М. Е. Салтыкова къ автору, не бывшимъ въ печати; „Интимная литература“, съ характеристикою французскихъ писателей братьевъ Гонкуровъ; „Первое десятилѣтіе французской республики“, гдѣ главное мѣсто принадлежитъ Гамбеттѣ.

Нѣкоторыя черты народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ, Д. П. Спб. 1895.

Въ настоящее время, когда вопросъ о возможно большемъ распространеніи начальнаго обученія выступаетъ у насъ на первый планъ, книга г. Д. П. появляется весьма кстати. Соединенные Штаты принадлежатъ вообще къ числу странъ, всего больше заботящихся о народномъ образованіи; но эта забота достигаетъ весьма различныхъ размѣровъ и облекается въ весьма различныя формы, такъ какъ она считается дѣломъ отдѣльныхъ штатовъ, а не федеральнаго управленія. Авторъ сообщаетъ множество интересныхъ данныхъ о внѣшнемъ и внутреннемъ устройствѣ америк. школъ, объ учительскомъ персоналѣ, о программахъ и методахъ преподаванія, о расходахъ на народное образованіе; послѣдніе, составляя около 270 милл. руб., превышаютъ въ девять разъ расходы на тотъ же предметъ въ Россіи.

М. Ливингстонъ-Мооди. Маленькій милліонеръ. Съ англійскаго М. Гранстремъ. Съ 15 тоновыми рисунками. Спб. 1895. 256 стр. Ц. 2 р. (въ роскош. пер. съ золот. обрѣз.).

Новый трудъ г-жи Гранстремъ отличается тѣми же достоинствами, какія мы имѣли случай указывать въ прежнихъ ея книгахъ. Разсказъ предназначенъ для юныхъ читателей; онъ занимателенъ по сюжету, въ которомъ жизнь богатаго мальчика сопоставлена съ жизнью заброшенныхъ сиротъ и бѣдняковъ, и у послѣднихъ для перваго находится полезное поученіе. Внѣшность изданія очень изящна.

Жуковскій, какъ переводчикъ Шиллера. Критическій этюдъ, увѣнчанный Академіею наукъ преміей за сочиненіе о В. А. Жуковскомъ, Всев. Чешихина. Рига. 1895. Стр. 172. Ц. 60 к.

Въ поэтической дѣятельности Жуковскаго переводы занимаютъ весьма крупное мѣсто; точно также какъ и въ переводной литературѣ, они должны быть поставлены на самое видное мѣсто. Критикъ разсматриваетъ эту сторону въ твореніяхъ Жуковскаго по всемъ ея пространствѣ, начиная съ 1805 г. и до 1833 г., но ограничивается однимъ Шиллеромъ, и въ центрѣ всего ставитъ переводъ „Орлеанской Дѣвы“ 1821 года. При этомъ вездѣ сопоставляется переводный текстъ съ текстомъ подлинника; такое близкое сравненіе подлинника съ переводомъ послужило для критика вѣрнымъ масштабомъ для опредѣленія поэтической индивидуальности самого Жуковскаго.

Мысли о сущности общественной дѣятельности. —Н. Карѣева. Спб. 95. Стр. 154.

Давъ объясненіе на заявленія, вызванныя въ печати статьями автора объ общемъ значеніи историческаго образованія, онъ обращается къ новой темѣ, состоящей въ связи съ вышеуказанной. Задача новаго этюда состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать по отношенію къ общественной дѣятельности то же, что уже сдѣлано имъ по отношенію къ нравственности въ другой книжкѣ; но въ этой послѣдней говорилось объ индивидуумѣ какъ о нравственной личности, а въ настоящемъ выпускѣ дѣло идетъ о немъ же, но какъ объ общественномъ дѣятелѣ.

Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Томъ II. Москва, 1895. Стр. 570. Ц. 2 р. 50 к.

Новый обширный трудъ М. М. Ковалевскаго имѣетъ цѣлью объяснить послѣдовательное развитіе и примѣненіе той демократической доктрины, которая легла въ основу государственной жизни и дѣятельности во Франціи съ конца прошлаго вѣка. Соціальныя и политическія условія революціи 1789 года изображены съ большимъ мастерствомъ въ первомъ томѣ, вышедшемъ въ началѣ текущаго года; второй томъ заключаетъ въ себѣ изложеніе и разборъ важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ учредительнаго собранія, въ связи съ экономическими и политическими обстоятельствами перваго періода революціонной эпохи. Этотъ первый періодъ характеризуется неудавшимся стремленіемъ примирить монархическое начало съ принципами демократіи и водворить во Франціи ту систему „народной монархіи“, которая многимъ казалась тогда несбыточною мечтою, и которая въ новѣйшее время достигла почти повсемѣстнаго торжества на Западѣ. „Принципы 1789 года, удачныя и неудачныя рѣшенія, какія даны были „конституантой“ большинству соціальныхъ и политическихъ задачъ,—говоритъ авторъ,—пріобрѣли снова характеръ современности. Въ концѣ XIX столѣтія мы ждемъ еще отвѣта на вопросъ, что было жизненнаго въ тѣхъ новыхъ порядкахъ, какими подарила Францію революція; въ какой мѣрѣ ошибки „учредителей“, ихъ сознательное или безсознательное служеніе частному интересу буржуазіи въ ущербъ общему, и „депутатскому самодержавію“ въ ущербъ королю и народу, отсрочили мирное торжество народной монархіи“. Огромная масса фактическаго и литературнаго матеріала, разработаннаго авторомъ, придаетъ его труду большую научную цѣнность, нисколько не мѣшая общедоступности и легкости изложенія.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1895.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть года въ 1896 г.
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВЪ БЕОТІИ

I.

Увѣнчанный плющомъ съ кистями винограда,
Я, помню, нѣкогда въ Беотіи бродилъ
И пѣсней звучною окрестности будилъ.

Была въ тѣни лѣсовъ и нѣга, и прохлада,
Студеные ручьи журчали по камнямъ,
И эхо вторило плескавшимся струямъ.

Подъ мѣрный этотъ плескъ уста мои слагали
Свободный мѣрный стихъ. И звонкая свирѣль
Лила въ тиши лѣсной недремлющую трель.

Среди густыхъ вѣтвей невольно умолкали
Пернатые пѣвцы, внимая чутко мнѣ;
Стихали вѣтерки въ древесной вышинѣ....

Я помню... Но зачѣмъ туманами одѣта
Былая даль временъ? Изъ памяти скользитъ
И мглою кроется зеленый свѣтлый видъ...

Въ груди моей испугъ... Дрожитъ рука поэта...
Видѣнье ль дней былыхъ? иль просто дивный сонъ?
отчего же мнѣ такъ живъ, такъ близокъ онъ?!

нѣтъ! не просто сонъ... Живетъ воспоминанье
душѣ трепещущей о пережитыхъ дняхъ:
вижу солнца лучъ, играющій въ вѣтвяхъ,

Я слышу ручейковъ студеное журчанье,
Я чую: это я слагалъ размѣрный стихъ,
А полдень дремлющій такъ зноенъ былъ и тихъ...

II.

Свѣтлѣе и свѣтлѣй!..
Изъ сумрака незнанья
Картины выплыли, и живы, и ясны:
И пѣна бѣлая играющей волны,
И солнца южнаго горячее сіянье.

На берегу песковъ желтѣющій коверъ,
А тамъ, въ нѣмой дали, въ синѣющемъ просторѣ,
Какъ чайки, паруса слетѣлися на морѣ,
И надо всѣмъ небесъ сверкающій шатеръ.

Изъ рощи миртовой, изъ рощи благовонной,
Прохладою даря, струится ароматъ;
Тамъ гроздья сочные развѣсилъ виноградъ;
Тамъ мхи зеленые для нѣги полусонной.

Ласкаетъ свѣжестью тамъ трепетная тѣнь;
Тамъ нимфа юная желаніемъ сгараетъ,
И съ моря плескъ волны сонливой долетаетъ,—
Баюкая, поетъ про сладостную лѣнь.

III.

Въ горахъ Киѳерона, гдѣ солнце ласкаетъ
Потоковъ струистыя воды,
Васъ Бромій великій къ себѣ ожидаетъ,
Сзывая свои хороводы.

Въ горахъ Киѳерона, въ тѣнистомъ ущельѣ,
Сбирайтесь же, юныя дѣвы!
И, славя, слагайте въ священномъ весельѣ
Достойные бога напѣвы!

Небридой прикройте горячее тѣло,
Увейтесь плющомъ винограда,
Ликуйте и славьте безумно и смѣло
Того, кто намъ жизнь и отрада.

Въ тимпаны ударьте искусной рукою,
Увѣнчанный тирсъ потрясайте
И мѣрно подъ пѣсню разутой ногою
По травамъ зеленымъ ступайте.

Вкругъ чашъ, переполненныхъ влагой янтарной,
Пляшите священную пляску,
Иль, въ лунную рощу скрываясь попарно,
Вкусите запретную ласку.

Здѣсь ждемъ мы, собравшись толпою влюбленной,
Цвѣтъ юношей свѣтлой Эллады,
Въ тѣни подъ луною мы ждемъ благосклонной
Усталой отъ пляски Менады!

IV.

Однажды я заснулъ, прилегши на ступени
У храма мирнаго средь рощи молодой...
И дѣва милая склонилась на колѣни,
Зеленой вѣткою махая надо мной.

Счастливецъ! я уснулъ, рукой своей лаская
Хитона бѣлаго трепещущую ткань,
И видѣлъ, какъ вдали мелькнула, пробѣгая
Подъ солнцемъ радостнымъ, испуганная лань...

Потомъ... Померкнулъ свѣтъ, и небеса, темнѣя,
Вдругъ дымно-сѣрою покрылись пеленой.
Я шелъ пустынею. Холодный вѣтеръ, вѣя,
Снѣга пушистые разсыпалъ надъ страной.

Фебъ-Аполлонъ погасъ, на западѣ угрюмомъ
Кровавой краскою окутавъ небосклонъ.
И было страшно мнѣ... Но вдругъ внезапнымъ шумомъ
Я былъ отъ грезъ и думъ тяжелыхъ пробужденъ.

На встрѣчу каменной громадой подымался
Какой-то чуждый городъ. Сквозь туманъ снѣговъ,
Сквозь мракъ по городу цѣпями разливался
Бездушный бѣлый свѣтъ холодныхъ огоньковъ.

И вдругъ, съ земли подхваченъ силою незримой,
По длиннымъ улицамъ на крыльяхъ я летѣлъ.
Вокругъ меня народъ уму непостижимый,
Въ мѣха закутанный, стремился и шумѣлъ...

Мелькали чуждыя для ока колесницы,
Мелькали факеловъ недвижные ряды,
Высокихъ темныхъ стѣнъ нѣмыя вереницы,
Подъ снѣжной пеленой замерзшіе сады.

Лечу. Клубится снѣгъ. На площади широкой
На каменной скалѣ могучій конь. На немъ
Изъ мѣди чудный всадникъ. Онъ поднялъ высоко
Чело, горящее божественнымъ огнемъ.

Рукою властною впередъ онъ указуетъ
Туда, гдѣ подо льдомъ окована вода
И царство сѣвера побѣду торжествуетъ!....
И, ужасомъ объятъ, проснулся я тогда.

День гасъ. Склонилась ночь, и блѣдная Діана
Съ улыбкой кроткою горѣла въ вышинѣ...
Я живъ!... разсѣянъ мракъ гнетущаго обмана,
Видѣнье Тартара, ниспосланное мнѣ!

* * *

О, послушай, что̀ ночь мнѣ сегодня шептала,
Когда плакали травы душистой росою,
Когда бѣлая лилія кротко дышала,
Неподвижна надъ темной, глубокой водою...
Ночь прокралась незримой и тайной дорогой
Въ мое сердце съ тяжелымъ своимъ ароматомъ
И вселилась съ печалью холодной и строгой
Въ этомъ сердцѣ, любовью и лаской богатомъ.

И шептала мнѣ ночь, когда плакали травы,
Когда бѣлая лилія кротко дышала...
Были рѣчи исполнены горькой отравы
И текли какъ съ змѣинаго остраго жала.
И я помню, какъ тяжко и страшно мнѣ было,
Какъ мнѣ плакать хотѣлось—и не было силы,
Какъ душа трепетала и сердце молило
Новой жизни—хотя бы во мракѣ могилы!
И шептала мнѣ ночь, когда травы рыдали,
Когда бѣлая лилія кротко дышала...
И не зналъ я, откуда такъ много печали,
И о чемъ эта ночь мнѣ шептала!..

* * *

Вечерняя заря на небѣ догораетъ,
Ночь звѣздная нависла надъ землей,
И пѣсня тихая съ деревни долетаетъ
И тихо гаснетъ слѣдомъ за зарей.

Привѣтствую тебя, о, тишина родная,
И твой, о, ночь, медлительный полетъ,
Когда во тьмѣ небесъ, мигая и мерцая,
Сіяетъ ярко звѣздный хороводъ!

Пусть сердце отдохнетъ въ тиши благословенной,
Пусть думы вѣщія живутъ и зрѣютъ въ немъ,
Чтобъ съ утренней зарей блеснуть красой нетлѣнной,
Какъ солнце золотымъ и радужнымъ огнемъ!

Б. Беръ.

КОПТСКІЙ РЕФОРМАТОРЪ

XII-го ВѢКА.

Въ парижской національной библіотекѣ хранится арабская рукопись, пріобрѣтенная въ XVII столѣтіи въ Египтѣ и содержащая описаніе египетскихъ церквей и монастырей XII вѣка [1]). Къ сожалѣнію рукопись въ двоякомъ отношеніи не полна. Помимо того, что въ ней недостаетъ первыхъ двадцати листовъ, вся она есть только сокращеніе, сдѣланное къ тому же неумѣлою рукою, обширнаго сочиненія, авторомъ котораго, судя по заглавію, былъ армянинъ Абу-Салехъ, жившій или только путешествовавшій въ Египтѣ въ исходѣ XII и въ началѣ XIII столѣтія. Изъ текста сочиненія явствуетъ, что авторъ многое видѣлъ самъ, о другомъ разспрашивалъ очевидцевъ, былъ начитанъ въ современной ему литературѣ и имѣлъ знакомыхъ среди выдающихся людей его времени. Хотя онъ принадлежалъ къ армянскому вѣроисповѣданію, но къ церкви коптской, сходственной по вѣроученію съ армянской, относился съ величайшей симпатіей.

Описывая египетскіе монастыри и церкви, Абу-Салехъ попутно сообщаетъ разныя свѣденія объ Египтѣ и, между прочимъ,

[1]) Переводъ этой рукописи на англійскій языкъ со многими примѣчаніями и съ приложеніемъ карты Египта изданъ въ 1895 г. двумя знатоками коптской церковной археологіи: Эветсомъ и Бутлеромъ: „The churches and monasteries of Egypt and some neighbouring countries attributed to Abû Sâlih the armenian. Oxford at the Clarendon press. 1895". Изъ этого изданія почерпнуто большинство приводимыхъ здѣсь свѣденій. Кромѣ того пособіями служили: „Renaudot—Historia patriarcharum alexandrinorum jacobitarum. Parisiis, MDCCXIII"; „Macrizi's Geschichte der Copten. Wüstenfeld. Göttingen 1845"; „The ancient coptic churches of Egypt. A. J. Butler. Oxford, 1884"; и друг.

разсказываетъ исторію одного коптскаго священника Марка, личность и дѣятельность котораго надѣлали въ то время много шума. Зналъ ли онъ лично этого Марка-ибнъ-аль-Канбара [1])—такъ звали по имени и отчеству этого священника—изъ текста не видно, но Абу-Салехъ настолько интересовался имъ, что тщательно собиралъ о немъ свѣденія. Между прочимъ, онъ приводитъ дословно записку о Маркѣ, составленную для него митрополитомъ даміэтскимъ Михаиломъ, извѣстнымъ въ то время писателемъ, защитникомъ коптскаго вѣроученія и церковныхъ обычаевъ.

Разсказъ Абу-Салеха о Маркѣ-ибнъ-аль-Канбарѣ очень кратокъ; быть можетъ, и этотъ разсказъ, подобно другимъ частямъ сочиненія, дошелъ до насъ въ неполномъ видѣ. Но и тѣ скудныя свѣденія, которыми мы обладаемъ, даютъ возможность обрисовать, хотя бы крупными штрихами, личность этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго человѣка, проникнуть въ мотивы его поступковъ, понять его бурную, исполненную превратностей, жизнь и вполнѣ оцѣнить значеніе его дѣятельности.

I.

О происхожденіи Марка-ибнъ-аль-Канбара, о днѣ его рожденія, о жизни его до вступленія въ духовное званіе, о томъ, гдѣ и отъ кого пріобрѣлъ онъ ту ученость, которую не отрицали впослѣдствіи даже его враги,—ничего не извѣстно. Мы знаемъ, что въ критическія минуты его жизни онъ встрѣчалъ поддержку со стороны именитыхъ людей его народа; но были ли эти связи сдѣланы имъ самимъ, когда онъ уже достигъ извѣстности, или же унаслѣдованы имъ отъ родителей—это тоже неизвѣстно. Достовѣрно лишь то, что духовный санъ онъ получилъ въ патріаршество Аввы Іоанна, 72-го коптскаго патріарха (по порядку преемства отъ св. Марка [2]), занимавшаго каѳедру отъ 1147 до 1167 года.

Даміэтскій митрополитъ Михаилъ, въ запискѣ, приводимой Абу-Салехомъ, разсказываетъ, что Маркъ-ибнъ-аль-Канбаръ былъ уже нѣкоторое время женатъ, когда вдругъ у него явилось желаніе постричься. Но такъ какъ жена его не соглашалась на безбрачіе, то онъ составилъ планъ тайно повѣнчать ее съ

[1]) Т.-е. Марка, сына Канбара.

[2]) По преданію, александрійская епископская каѳедра основана евангелистомъ Маркомъ.

другимъ. Явившись затѣмъ къ епископу дамсискому [1]) Іонѣ, онъ увѣрилъ епископа, что жена его сдѣлалась монахиней и живетъ въ женскомъ монастырѣ. Тогда епископъ допустилъ его произнести монашескіе обѣты и рукоположилъ въ священники. Вскорѣ, однако, дѣло это обнаружилось. Патріархъ, которому было донесено о поступкѣ Марка, лишилъ его сана и отлучилъ, а равно отлучилъ и рукоположившаго его епископа за то, что тотъ недостаточно тщательно изслѣдовалъ показанія Ибнъ-аль-Канбара и, допустивъ его до монашества и священства, сталъ какъ бы „соучастникомъ Марка въ его грѣхѣ и презрѣніи къ апостольскимъ канонамъ“.

Уже это первое извѣстіе, которое мы имѣемъ о Маркѣ изъ устъ его враговъ, представляется не вполнѣ правдоподобнымъ. Безбрачіе бѣлаго духовенства не было безусловнымъ правиломъ коптской церкви. Поэтому, если Маркъ желалъ священства, ему не зачѣмъ было разводиться съ своею женою. Если же дѣйствительно онъ искалъ монашества, то почему онъ не отправился тотчасъ же по постриженіи въ монастырь, а жилъ и дѣйствовалъ въ міру? Кромѣ того, какимъ образомъ могъ изверженный изъ священнаго сана и отлученный не только проповѣдовать, но и совершать таинства?

Между тѣмъ, какъ по свѣденіямъ Абу-Салеха, такъ и по разсказу митрополита Михаила, Маркъ-ибнъ-аль-Канбаръ былъ отлученъ патріархомъ Іоанномъ, который успѣлъ умереть, „пока этотъ несчастный (т.-е. Маркъ) былъ все еще связанъ его анаѳемами“. Изъ всей этой исторіи можно вывести лишь то, что на первыхъ же порахъ своей дѣятельности Ибнъ-аль-Канбаръ имѣлъ очень крупное столкновеніе со своими духовными властями.

Вскорѣ отношенія его къ этимъ властямъ еще болѣе обострились, и на этотъ разъ по причинамъ, имѣвшимъ съ точки зрѣнія того времени громадную важность. Чтобы уяснить себѣ эту точку зрѣнія, нужно отойти далеко назадъ и припомнить событія, непосредственно предшествовавшія отпаденію египетской церкви отъ вселенскаго единства.

Въ 451 г. въ городѣ Халкидонѣ Виѳинскомъ собрался вселенскій соборъ изъ шестисотъ тридцати отцовъ для прекращенія церковной смуты, вызванной ересью константинопольскаго архимандрита Евтиха и дѣяніями собора, состоявшагося въ 449 г. подъ предсѣдательствомъ александрійскаго епископа Діоскора и получив-

---

[1]) Существующій донынѣ городъ Дамсисъ находится въ сѣверной части нильской дельты, въ нынѣшней провинціи Гарбіэ.

шаго названіе „ефесскаго разбоя". Нѣтъ надобности излагать здѣсь подробности и перипетіи этой смуты; достаточно замѣтить, что по ученію Евтиха Іисусъ Христосъ не имѣлъ человѣческой природы въ собственномъ смыслѣ слова. Отсюда вытекало одно изъ двухъ: или предположеніе, будто Божество испытывало голодъ, жажду, утомленіе, страдало и наконецъ умерло; или же другое предположеніе, что всѣ эти проявленія человѣческой природы Христа были призрачны. Послѣднимъ предположеніемъ подрывалось основное начало христіанства—ученіе о воплощеніи Божества. Ученіе Евтиха, такъ называемое монофизитство, было раскрыто и опровергнуто папою Львомъ Великимъ въ догматическомъ посланіи, послужившемъ исходною точкою для богословскихъ разсужденій халкидонскаго собора. Послѣ тщательнаго изслѣдованія дѣла соборъ закончилъ наконецъ существенную часть своихъ занятій, извергъ Діоскора изъ священнаго сана, осудилъ ересь Евтиха и опредѣлилъ догматъ о соединеніи въ единомъ лицѣ Богочеловѣка двухъ природъ, божеской и человѣческой „неслитно, неизмѣнно, нераздѣльно, неразлучно". Оставалось подписать догматическое опредѣленіе, какъ вдругъ возникло затрудненіе: изъ числа прибывшихъ на соборъ вмѣстѣ съ Діоскоромъ девятнадцати египетскихъ епископовъ, тринадцать отказались дать свою подпись.

Протоколъ соборнаго засѣданія живо передаетъ вызванное этимъ отказомъ негодованіе отцовъ собора. „Они хотятъ насмѣяться надъ нами и уйти!"—восклицали всѣ присутствовавшіе въ засѣданіи. Въ свое оправданіе египетскіе епископы привели церковный канонъ, по которому никто изъ епископовъ египетскаго округа не имѣетъ права ничего дѣлать безъ старшаго въ округѣ александрійскаго архіепископа. „Они лгутъ", сказалъ на это Евсевій Дорилейскій. Въ дѣйствительности они не лгали, но они толковали существовавшій церковный канонъ въ такомъ смыслѣ, съ которымъ не могли согласиться отцы собора. „Неумѣстно — такъ говорилъ Акакій Аріараѳійскій — пренебрегать вселенскимъ соборомъ и оказывать вниманіе одному лицу, имѣющему получить (ибо Діоскоръ уже былъ лишенъ каѳедры) епископство города Александріи"... „Столько лѣтъ они епископами въ церквахъ,—замѣчали папскіе легаты Пасхазинъ, Луценцій и Бонифацій,—состарѣлись, и неужели до сего времени не знаютъ православной каѳолической вѣры и все еще намѣрены зависѣть отъ чужого мнѣнія?"—„Они представители всѣхъ египтянъ,—продолжалъ Евсевій Дорилейскій,—и должны согласиться съ вселенскимъ соборомъ".

Но, какъ видно, большинство египтянъ иначе смотрѣло на

дѣло. Вслѣдствіе настояній собора согласившись воскликнуть: „анаѳема Евтиху и послѣдующимъ ему!"—тринадцать епископовъ продолжали отказывать въ своей подписи, то ссылаясь на свою малочисленность, то униженно умоляя пощадить ихъ сѣдины и не дать имъ умереть на чужбинѣ, ибо если они, нарушивъ египетскій обычай, вернутся въ отечество, то будутъ тамъ убиты. Добросовѣстный нотарій, записывавшій дѣянія собора, передалъ всѣ восклицанія египетскихъ епископовъ, и потому не остается сомнѣнія, что увѣренія ихъ не были пустыми словами. Какъ ни претила халкидонскимъ отцамъ эта уступка вселенскаго собора односторроннимъ притязаніямъ помѣстной церкви, но они согласились наконецъ на предложеніе присутствовавшихъ на соборѣ свѣтскихъ сановниковъ и „по человѣколюбію" разрѣшили египетскимъ епископамъ отсрочить свою подпись подъ соборнымъ опредѣленіемъ до рукоположенія новаго александрійскаго архіепископа.

Въ этомъ любопытномъ эпизодѣ обращаетъ на себя вниманіе принципіальное различіе между взглядами большинства халкидонскихъ отцовъ, съ одной стороны, и египетскихъ епископовъ—съ другой—на функціи вселенскаго собора. Большинство отцовъ собора не допускало, чтобы вселенское значеніе соборныхъ дѣйствій и опредѣленій могло зависѣть отъ согласія или несогласія ихъ съ обычаями и порядками отдѣльныхъ помѣстныхъ церквей; для египетскихъ епископовъ эти-то именно мѣстные обычаи и порядки и стояли на первомъ планѣ. Большинство собора требовало, чтобы мнѣніе вселенской церкви было принято помѣстными церквами, потому что оно православно; египетскіе епископы готовы были признать это мнѣніе православнымъ, если оно окажется согласнымъ съ мнѣніемъ ихъ церкви. Словомъ, большинство отцовъ халкидонскаго собора стояло на сторонѣ вселенскаго начала въ церкви, а епископы египетскіе—на сторонѣ начала помѣстнаго. Но эти два начала составляютъ лишь приложеніе или, вѣрнѣе, обнаруженіе въ вопросахъ религіозныхъ и церковныхъ началъ общечеловѣческаго и національнаго. Послѣднее, развиваясь односторонне въ ущербъ первому, приводило къ враждебной обособленности народовъ и къ ихъ культурной односторонности; въ церкви же порождало старовѣріе и, какъ слѣдствіе того, обрядовый формализмъ — два обстоятельства, которыя вносятъ застой въ церковную жизнь.

Слѣдовавшія за халкидонскимъ соборомъ событія показали, насколько сильно было въ египетской церкви націоналистическое начало. На мѣсто низложеннаго халкидонскимъ соборомъ Діоскора былъ поставленъ александрійскій архипресвитеръ Протерій. Встрѣ-

ченный враждебно многочисленными сторонниками Діоскора, онъ шесть лѣтъ провелъ въ постоянной опасности и наконецъ былъ злодѣйскимъ образомъ убитъ въ соборной крещальнѣ. Главный виновникъ этого жестоваго убійства Тимоѳей Элуръ, былъ рукоположенъ двумя епископами, отлученными халкидонскимъ соборомъ, и при содѣйствіи александрійской черни и матросовъ возведенъ на каѳедру св. Марка. Вѣрная православію часть египетскаго духовенства обратилась къ императору Льву съ письмомъ, прося защиты и прекращенія смуты. Написалъ къ императору и Тимоѳей со своими приспѣшниками. Конецъ этого письма весьма любопытенъ, ибо имъ устанавливается связь между старовѣріемъ и національными притязаніями. Письмо оканчивается заявленіемъ, что александрійская церковь имѣетъ общеніе съ соборами, бывшими въ Ефесѣ, собора же ста-пятидесяти (константинопольскаго перваго) не знаетъ, а халкидонскаго не принимаетъ. Чтобы понять значеніе этого заявленія, слѣдуетъ припомнить, что соборы никейскій (325 г.), противъ Арія, и Ефесскій (431 г.), противъ Несторія, были въ полномъ смыслѣ слова тріумфомъ церкви александрійской, и что ефесскій („разбойничій") соборъ 449 г. былъ созданіемъ Діоскора александрійскаго, тогда какъ на константинопольскомъ соборѣ (381 г.) было установлено первенство константинопольскаго патріарха передъ александрійскимъ, а на халкидонскомъ соборѣ, осудившемъ Діоскора, видное мѣсто занималъ издревле ненавистный Египту Римъ. Итакъ, истинная внутренняя причина, почему отвергался египтянами халкидонскій соборъ, состояла въ томъ, что для египтянъ халкидонская вѣра была новая и чужая. Для египтянъ было несомнѣнно, что вѣра 318 отцовъ никейскихъ, вѣра отцовъ ефесскихъ, осудившихъ Несторія, была православна и каѳолична; египтяне и хранили эту вѣру, и стояли за нее, это была вѣра ихъ отцовъ, ихъ излюбленныхъ людей, сыновъ ихъ народа.

Враждебные вселенскому началу, національнымъ и старовѣріе свили себѣ прочное гнѣздо въ египетской церкви. Со времени халкидонскаго собора она распалась на двѣ части: противниковъ этого собора и его сторонниковъ. Первые, получившіе названіе яковитовъ [1]), держались монофизитскаго ученія о единой природѣ Богочеловѣка и именовали себя православными; вторые, дѣйствительно православные, т.-е. исповѣдовавшіе догматъ о двухъ природахъ, опредѣленный халкидонскимъ соборомъ, были про-

[1]) Происхожденіе этого названія спорно. Макризи приводитъ разныя мнѣнія. Обыкновенно считаютъ, что названіе „яковита" происходитъ отъ имени антіохійскаго монофизитскаго лжепатріарха Якова Барадея, жившаго въ половинѣ VI вѣка.

званы своими противниками „мелькиты", что̀ значитъ „сторонники царя", потому что держались оффиціальнаго, такъ сказать, царскаго вѣроисповѣданія. Яковитская партія, къ которой принадлежало подавляющее большинство коптовъ, коренныхъ жителей Египта, и образовала въ собственномъ смыслѣ слова египетскую національную церковь. Насколько велика была вражда коптовъ къ мелькитамъ, олицетворявшимъ въ ихъ глазахъ ненавистное для національнаго чувства византійское правительство, видно изъ того, что копты если не прямо призвали арабовъ въ Египетъ, то во всякомъ случаѣ содѣйствовали арабскому завоеванію. Вмѣстѣ со старовѣріемъ созрѣлъ въ египетской церкви и другой плодъ національзма—слѣпая приверженность къ отечественнымъ обрядамъ на этой почвѣ, и такъ началась борьба Ибнъ-аль-Канбара съ духовными его властями.

II.

Все, что̀ извѣстно о Маркѣ, показываетъ, что онъ былъ одаренъ недюжиннымъ умомъ и любовью къ богословскимъ изслѣдованіямъ. Вполнѣ естественно, что, достигнувъ священнаго сана, онъ не могъ безсознательно повторять затверженнаго ученія и исполнять привычные обряды, не вникая во внутренній смыслъ того и другого. Абу-Салехъ свидѣтельствуетъ, что послѣ поставленія въ священники „Ибнъ-аль-Канбаръ положилъ въ мысляхъ своихъ составить толкованіе на книги церковныя и иныя, сообразно изобрѣтеніямъ собственнаго ума своего и учености, коею обладалъ". Митрополитъ даміэтскій тоже замѣчаетъ, что Маркъ „щеголялъ своею ученостью и своимъ изложеніемъ священныхъ книгъ и переводилъ ихъ съ коптскаго на арабскій языкъ".

По всей вѣроятности эти-то ученыя занятія и побудили Марка приступить къ исправленію тѣхъ обрядовъ его церкви, которые казались ему или безсмысленными, или же прямо противорѣчащими духу христіанскаго и церковнаго ученія.

Первыми, повидимому, обычаями, противъ которыхъ онъ возсталъ, были: бритье головъ и обрѣзаніе младенцевъ прежде ихъ крещенія. Изъ имѣющихся на лицо данныхъ нельзя вывести, порицалъ ли Маркъ бритье головъ однимъ только духовенствомъ, или же и мірянами, а также—почему онъ допускалъ небольшую тонзуру на темени; но дѣло въ томъ, что оба эти обычая, т.-е. бритье головъ и обрѣзаніе, составляли необходимую часть

мусульманской обрядности. Они могли представляться Ибнъ-аль-Канбару не иначе какъ погаными и недостойными христіанъ. Воспрещая обрѣзаніе, Маркъ приводилъ въ защиту своего мнѣнія два аргумента. Во-первыхъ, онъ говорилъ, что „обрѣзаніе принадлежитъ іудеямъ и ханифамъ [1]), а что для христіанъ было бы противозаконно уподобляться іудеямъ и ханифамъ въ какомъ-либо преданіи, которое въ ходу у нихъ"; во-вторыхъ, онъ утверждалъ, что такъ какъ Богъ создалъ Адама совершеннымъ и свободнымъ отъ недостатковъ, а слѣдовательно образъ Адама весьма хорошъ, то и не слѣдуетъ искажать его посредствомъ обрѣзанія. Казалось бы, что этихъ аргументовъ могло быть достаточно для людей той эпохи, чтобы оправдать требуемую Маркомъ реформу. Но современное ему коптское духовенство смотрѣло на дѣло съ другой точки зрѣнія. Не совершали обрѣзанія и отращивали волосы на головѣ—мелькиты. Этого было достаточно, чтобы коптское духовенство желало, сбривая волосы на головѣ и обрѣзывая младенцевъ, лучше походить на невѣрныхъ, чѣмъ сколько-нибудь уподобиться ненавистнымъ противникамъ національнаго старовѣрія.

Но если даже невинныя попытки Ибнъ-аль-Канбара очистить родную церковь отъ одинаковыхъ съ іудеями и мусульманами обычаевъ встрѣтила отпоръ со стороны коптскаго духовенства, то каково же должно было быть негодованіе этого духовенства, когда Маркъ коснулся не только церковныхъ обрядовъ въ собственномъ смыслѣ слова, но даже самихъ таинствъ.

Въ коптской, какъ и въ абиссинской, церкви существовалъ обычай воскурять въ храмахъ не одинъ ладанъ, а въ смѣси его съ другими душистыми веществами, какъ-то: сандаракомъ, алоэ, мастикой и т. под. Маркъ требовалъ, чтобы воскуряли одинъ чистый ладанъ на томъ основаніи, что „только ладанъ былъ принесенъ въ даръ Господу вмѣстѣ со златомъ и смирной".

Но главное, противъ чего ополчился Ибнъ-аль-Канбаръ, было искаженіе таинства покаянія.

Обычай устной исповѣди постепенно выходилъ изъ употребленія коптской церкви. Надо думать, что народъ уклонялся отъ исповѣди главнымъ образомъ изъ-за страха тяжелыхъ эпитимій. Бывали случаи, когда изъ-за подобныхъ эпитимій люди совсѣмъ покидали церковь, но такъ какъ пріобщенію св. таинъ должно

---

[1]) Слово „ханифъ" есть насмѣшливое прозвище, означающее еретикъ или безбожникъ. Арабы называли такъ христіанъ, зараженныхъ гностицизмомъ. Впрочемъ, Мухаммедъ называлъ Авраама, исконную вѣру котораго онъ будто бы возстановлялъ, —ханифомъ, въ отличіе отъ идолопоклонниковъ.

было во всякомъ случаѣ предшествовать покаяніе, то и было придумано замѣнить исповѣданіе передъ священникомъ отдѣльныхъ грѣховъ краткою молитвой: „Господи Боже, воззри на меня презрѣннаго грѣшника. Я скорблю, что согрѣшилъ передъ тобою и смиренно молю твоего божественнаго прощенія". Слова эти произносились надъ курящимся кадиломъ, которое священникъ держалъ передъ лицомъ кающагося. Этотъ обрядъ породилъ суевѣріе. Люди невѣжественные воображали, что собственно дымъ отъ ладана и разсѣеваетъ грѣхи; отсюда возникъ обычай бросать и у себя дома въ жаровню кусочки ладана для отпущенія совершённаго въ ту минуту грѣха.

Маркъ повелъ энергичную борьбу противъ этого злоупотребленія путемъ проповѣди.

„Кто не исповѣдуетъ грѣховъ своихъ духовнику и не понесетъ эпитиміи за грѣхи свои, — училъ онъ, — тотъ не можетъ законно принять евхаристію; если же человѣкъ умретъ не исповѣдавшись передъ священникомъ, онъ умретъ въ грѣхахъ своихъ и душа его пойдетъ въ адъ".—„Я понесу часть грѣховъ вашихъ за васъ,—прибавлялъ онъ тѣмъ, кто у него исповѣдовался,—а другую часть проститъ вамъ Богъ за вашу эпитимію; ибо кто получитъ наказаніе за грѣхи на семъ свѣтѣ, того Богъ не присудитъ къ вторичному наказанію въ будущей жизни".

Сквозь непріязненные отзывы Абу-Салеха можно видѣть, какіе результаты имѣла проповѣдь Марка. Обычай устной исповѣди возстановился, народъ стекался къ Марку, и многочисленные послѣдователи его называли его не иначе, какъ „нашъ отецъ наставникъ". Стоило придти ему въ церковь—и толпы жаждущихъ назиданія собирались, чтобы слушать его слово. Надо думать, что проповѣди его были убѣдительны и краснорѣчивы, если, по словамъ самихъ враговъ его, онъ „уловлялъ своими изукрашенными рѣчами" и „кралъ умы" тѣхъ именно православныхъ міранъ, которые были движимы страхомъ божіимъ и желаніемъ спасти свою душу. Обнаружилъ онъ также и миссіонерское дарованіе. Не одни христіане, но и евреи приходили его слушать; онъ вступалъ въ собесѣдованія съ ними, „доказывалъ, что чаемый ими Мессія уже пришелъ" и, по свидѣтельству Абу-Салеха, многихъ обратилъ въ христіанство. Весьма вѣроятно, что въ проповѣдяхъ своихъ Маркъ касался не однихъ нравственныхъ вопросовъ, но излагалъ и тѣ свои ученія, которыя заслужили ему репутацію еретика. „Онъ возбуждалъ, — говоритъ Абу-Салехъ, — многія разногласія, какія и не были извѣстны въ церкви". Въ этихъ словахъ ясно сказывается слѣпая ненависть ко всякому свободному изслѣдованію,

къ мысли, которая рвется за предѣлы освященной стариною рутины.

Успѣхъ проповѣдей Марка въ дамсиской церкви, гдѣ онъ началъ свое служеніе, разъ навсегда опредѣлилъ его дѣятельность. Живая проповѣдь сдѣлалась его стихіею, и узкія рамки ритуализма стали тѣснить его. Механически совершать богослуженіе, къ тому же на коптскомъ языкѣ, который выходилъ уже изъ употребленія въ жизни, должно было казаться ему дѣломъ столь же тягостнымъ, сколь и малополезнымъ. Вѣроятно поэтому и предпринялъ онъ переводъ церковныхъ книгъ съ коптскаго на арабскій. Этимъ же объясняется и тотъ его поступокъ, за который особенно порицаетъ его митрополитъ даміэтскій. Маркъ скрылъ, будто бы, уставъ, который указываетъ, какія части евангелій и церковныхъ книгъ должны быть прочитываемы каждый день, и самъ составилъ свой уставъ. По словамъ митрополита даміэтскаго, Маркъ „говорилъ то, чтѣ выбиралъ по своему усмотрѣнію“, и дѣлалъ это для того, „чтобы поддержать свою ересь и утвердить свое ложное вѣроисповѣданіе“. Если нельзя безусловно принимать на вѣру свидѣтельства митрополита, то и отрицать вполнѣ справедливость его разсказа нѣтъ основаній. Скорѣе всего слѣдуетъ думать, что, не искажая въ главныхъ чертахъ установленнаго церковнаго чина, Маркъ давалъ волю своему вдохновенію въ выборѣ назидательныхъ чтеній и молитвословій и старался тѣсно связать уставное богослуженіе со своею проповѣдью. Для народа, по натурѣ благочестиваго и склоннаго къ мистикѣ, какими всегда были и остались египтяне, богослуженіе Марка должно было быть особенно привлекательно. Трудно найти слушателей болѣе благодарныхъ, чѣмъ египтяне. Они съ такою живостью воспринимаютъ впечатлѣнія, что нужно самое небольшое усиліе со стороны разсказчика, чтобы отъ неудержимаго смѣха перевести свою аудиторію на печальный строй чувствъ и вызвать самыя искреннія слезы. Каково же должно было быть впечатлѣніе, производимое краснорѣчивыми проповѣдями, въ которыхъ затрогивались вопросы мистическаго богословія, раскрывался таинственный смыслъ священнодѣйствій, къ которымъ подготовляло только-что выслушанное уставное богослуженіе. Знакомыя слова молитвъ, объясненныя вдохновенною рѣчью проповѣдника, глубже западали въ душу, между пастыремъ и паствою устанавливалось живое личное общеніе, церковь тѣснѣе связывалась съ жизнью.

III.

Слава Марка вышла наконецъ за предѣлы его города и распространилась по всему сѣверному Египту. Случилось это уже послѣ смерти патріарха Іоанна, въ патріаршество Аввы Марка, 73-го по порядку преемства (1167—1189). Это былъ человѣкъ безукоризненной жизни, строгій аскетъ. Арабскій историкъ Макризи отзывается о немъ съ почтеніемъ, свидѣтельствуя, что онъ обладалъ твердою волей и рѣшительностью; Абу-Салехъ замѣчаетъ, что онъ искоренялъ симонію — зло, которое въ египетской церкви принимало иногда громадные размѣры. Епископы сѣвернаго Египта не замедлили донести патріарху о дѣятельности проповѣдника и реформатора.

По разсказу Абу-Салеха, патріархъ началъ съ того, что попытался подѣйствовать на Марка увѣщаніями. Онъ писалъ къ Марку „письма, въ которыхъ предостерегалъ его и запрещалъ ему и увѣщевалъ его увѣщаніями утѣшенія, но Маркъ не слушалъ патріарха". Нужно думать, что переписка Марка съ патріархомъ длилась нѣкоторое время, и что Маркъ прямымъ и откровеннымъ изложеніемъ своего образа мыслей самъ далъ противъ себя оружіе своимъ врагамъ. Въ концѣ концовъ, патріархъ потребовалъ, чтобы Маркъ явился къ нему лично.

Патріархъ находился тогда въ своемъ архіерейскомъ домѣ, или, по тогдашнему выраженію, въ своей кельѣ, при церкви пр. Богородицы въ Фостатѣ [1]). Церковь эта, сохранившаяся понынѣ, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ христіанскихъ храмовъ. Нѣкоторыя ея части относятся къ VI вѣку, о другихъ же есть основаніе думать, что древность ихъ восходитъ до IV и даже III вѣка христіанской эры. Находится она внутри римской крѣпости Вавилона, разрушенной покорителемъ Египта Амръ-ибнъ-аль-Асомъ, между двумя бастіонами крѣпости, къ которымъ непосредственно примкнута. Основаніе ея покоится на аркадахъ, чѣмъ и объясняется ея названіе Аль-Муаллака, что̀ значитъ „висящая". Издревле пользовалась она особымъ почтеніемъ и благоговѣніемъ народа. Здѣсь, по преданію, пресвятая Дѣва во время бѣгства въ Египетъ въ первый разъ вкусила пищу—плодъ финиковой пальмы —и воскликнула: „Боже, какъ это хорошо!" Вслѣдствіе этого на концѣ финика всегда есть зазубринка, въ которой набожный и

---

[1]) Это слово значитъ—шатеръ. Такъ назвалъ покоритель Египта, Амръ-ибнъ-аль-Асъ, основанный имъ городъ, называемый нынѣ Масръ-эль-Атика—старый Каиръ.

внимательный человѣкъ явственно различитъ арабское восклицаніе „я!“ (о!). Въ этой церкви, по стародавнему обычаю, на одно лишь время вышедшему изъ употребленія, совершалась каждымъ вновь избраннымъ коптскимъ патріархомъ первая въ Каирѣ торжественная литургія. Богатство церкви должно было быть весьма велико. Во время жестокаго гоненія, воздвигнутаго на христіанъ полоумнымъ халифомъ аль-Хакимомъ (996—1021) [1], церковь аль-Муаллака была разграблена и, по словамъ Макризи, въ ней найдено необыкновенно большое количество золотыхъ предметовъ и шолковыхъ одѣяній. О красотѣ ея внутренней отдѣлки свидѣтельствуютъ сохранившіяся и въ недавнее время реставрированныя инкрустаціи на иконостасѣ и на части ея стѣнъ. Искусное сочетаніе кедроваго, чернаго и розоваго дерева со слоновой костью, а кое-гдѣ и съ перламутромъ, производитъ художественное впечатлѣніе игрою линій рисунка и мягкостью общаго тона.

Быть можетъ, въ прилегающихъ къ церкви жилыхъ строеніяхъ сохранилась и та „келья“, въ которую для разсмотрѣнія дѣла Марка патріархъ созвалъ соборъ изъ епископовъ, священниковъ и именитыхъ людей коптскаго народа. „Знай, — сказалъ патріархъ, обращаясь къ Марку,—что тотъ, кто нарушаетъ одну изъ заповѣдей церковныхъ и побуждаетъ народъ дѣйствовать въ противность ей, подлежитъ карѣ закона. Почему же ты не возвращаешься съ путей своихъ?“ Такой приступъ къ дѣлу не обѣщалъ ничего хорошаго для Марка. Въ словахъ патріарха уже слышалось безповоротное осужденіе, ибо не могъ отрицать обвиняемый, что имъ дѣйствительно было нарушено то, чтò въ глазахъ всѣхъ являлось церковною заповѣдью. Передъ собраніемъ людей, которые бритью головъ придавали вѣроисповѣдное значеніе и не видѣли, что обрядъ исповѣди надъ кадиломъ искажаетъ смыслъ таинства покаянія, было бы напраснымъ трудомъ говорить о важности проповѣди, о духовномъ вліяніи пастыря на паству, о необходимости бороться съ тѣмъ, чтò заглушаетъ здоровое религіозное чувство и ведетъ къ суевѣрію. Но едва-ли

[1]) Фатимидскій халифъ „Ибнъ-Азизъ-Абу-Али аль-Мансуръ аль-Хакимъ Біамбрилла“ принадлежитъ къ числу самыхъ загадочныхъ личностей во всемірной исторіи. Своею кровожадностью онъ походитъ на Іоанна Грознаго. Онъ былъ проникнутъ своеобразнымъ мистицизмомъ и принадлежалъ, повидимому, къ союзу измаилитовъ, во многомъ напоминающему масонство. Въ одинъ прекрасный день онъ таинственно исчезъ. Если вѣрить недавно опубликованной коптской легендѣ, онъ принялъ христіанство и скрылся въ пустынномъ монастырѣ. Секта друзовъ, основанная мистикомъ персомъ Даразіемъ, которому Хакимъ покровительствовалъ, считаетъ Хакима воплощеніемъ божества и ожидаетъ пришествія его въ день судный.

Маркъ сдался легко и скоро. Абу-Салехъ не передаетъ подробностей собора и замѣчаетъ только, что по поводу Марка „многое было сдѣлано". Этимъ краткимъ, но выразительнымъ словомъ онъ даетъ почувствовать, что дѣло не обошлось безъ борьбы. Убѣдить Марка патріарху и собору не удалось. Пришлось прибѣгнуть къ мѣрамъ насильственнымъ. Въ концѣ января или въ февралѣ 1174 г. Маркъ подъ конвоемъ патріаршихъ слугъ былъ отправленъ въ заточеніе въ монастырь св. Антонія у Краснаго моря. Кромѣ того, ему и его послѣдователямъ было приказано сбрить волосы на головѣ.

Монастырь св. Антонія, основанный „Звѣздой пустыни", „отцомъ иноковъ", Антоніемъ Великимъ, который, по преданію, получилъ отъ ангела правила монашескаго житія, былъ самымъ знаменитымъ монастыремъ въ Египтѣ. Онъ существуетъ и теперь, и нѣкоторыя части его строеній принадлежатъ несомнѣнно глубочайшей древности. Расположенъ онъ на склонѣ горы, надъ гигантскою пропастью. Крѣпкая, неприступная стѣна окружаетъ его, при чемъ въ ней нѣтъ двери, какъ въ монастыряхъ Нитрійской пустыни, а людей и животныхъ подымаютъ на блокахъ. Внутри монастырской стѣны разведены сады, на которые выходятъ окна монашескихъ келій. Сады эти, до сихъ поръ знаменитые своимъ плодородіемъ, орошаются ключами чистой, прозрачной, какъ хрусталь, воды. Во времена Марка, болѣе полъ-десятины было занято виноградниками; число однихъ пальмовыхъ деревъ доходило до тысячи стволовъ; кромѣ того, были яблоки, груши, гранаты и другія деревья, а также огородные овощи. Монастырь владѣлъ также садами и другой недвижимой собственностью въ Итфи и въ Каирѣ. Главною святынею монастыря была пещера святого Антонія, въ которой покоились его мощи. Находилась она высоко надъ монастыремъ на горѣ, съ которой открывался величественный видъ на Красное море и гору Синай.

Но не легко должно было уживаться Марку въ этомъ святомъ мѣстѣ. Помимо того, что его живая натура не могла примириться съ навязанной ему бездѣятельностью,—въ глазахъ настоятеля и братіи онъ являлся преступникомъ, для котораго единственнымъ справедливымъ удѣломъ должно было быть непрестанное суровое покаяніе. Проповѣднику покаянія, боровшемуся противъ искаженія этого понятія въ свѣтскомъ обществѣ, пришлось теперь на собственномъ опытѣ узнать, ка́къ понималось покаяніе монахами.

Аскетическій писатель VI-го вѣка, синайскій игуменъ Іоаннъ Лѣствичникъ [1]), описываетъ видѣнное имъ при одномъ монастырѣ

[1]) Названный такъ по заглавію составленнаго имъ сочиненія: „Лѣствица, возводящая на небо".

особое учрежденіе, которое онъ называетъ темницею, гдѣ проводили жизнь свою монахи, нуждавшіеся въ усиленномъ покаяніи. Іоаннъ Лѣствичникъ наблюдалъ жизнь этихъ „осужденниковъ" въ теченіе тридцати дней и дольше былъ не въ силахъ оставаться. Все видѣнное такъ поразило его, что онъ вернулся въ монастырь „весь измѣнившійся" и „едва не отчаялся". И было съ чего. Чисто дантовскіе образы возникаютъ при чтеніи разсказа Лѣствичника.

Въ мѣстѣ, исполненномъ мрака, отовсюду окруженномъ смрадомъ, нечистотою и зловоніемъ, проводили осужденные жизнь свою въ непрерывныхъ страданіяхъ тѣлесныхъ, въ плачѣ и сокрушеніи душевномъ. „Видѣлъ я тамъ,—говоритъ Лѣствичникъ,—дѣянія и глаголы, самого Бога тронуть и убѣдить могущіе, видѣлъ ухищренія и образы дѣяній, человѣколюбіе Его скоро преклоняющіе". Одни цѣлые ночи напролетъ простаивали голые, съ неподвижными ногами, „горестно борясь со сномъ и естествомъ". Другіе, „мракомъ печали покровенные и тонкаго нѣкоего отчаянія исполненные", стояли на молитвѣ, преклонивъ долу печальныя лица. Иные сидѣли на землѣ во вретищѣ и пеплѣ, закрывая лицо свое колѣнами и ударяя челомъ о землю. Нѣкоторые были въ такомъ положеніи, что, какъ будто, сами изъ себя выступили и отъ великой печали и сѣтованія были какъ бы безгласны и помраченны и ко всѣмъ житейскимъ попеченіямъ сдѣлались нечувствительны. Другіе сидѣли въ задумчивости, поникши на землю, непрестанно помавая головою и на подобіе львовъ сердцемъ и утробою рыкая. Были и такіе, у которыхъ виднѣлись пламенѣющіе и какъ у псовъ изъ устъ исторгнувшіеся языки. Кто зноемъ себя изнурялъ, кто мучилъ холодомъ. У нѣкоторыхъ ноги были забиты въ колодки, а на шеѣ и рукахъ лежали цѣпи и узы. Вообще, отъ многихъ и частыхъ поклоновъ колѣни ихъ были оцепенѣвшія, очи потусклыя, рѣсницъ лишенныя, ланиты уязвленныя и горячностью многихъ слезъ опаленныя, лица сухія и блѣдныя, не разнствующія нимало отъ мертвецовъ, перси отъ ручныхъ ударенiй болящія, такъ что отъ крѣпкихъ по онымъ біеній извергались чрезъ уста кровавыя мокроты. Гдѣ было у нихъ устроеніе постели, гдѣ чистая или крѣпкая одежда,—но одѣяніе ихъ было все раздранное, нечистое и вшами покровенное". Вопли, рыданія, самоукоренія, молитвы оглашали воздухъ! „Страшное и сожалительное зрѣлище" представляла кончина этихъ осужденныхъ. Братія окружали умирающаго и „съ великимъ желаніемъ и плачемъ, и нетерпѣливостію, прискорбнѣйшимъ лицомъ и печальнѣйшими словами, съ помаваніемъ главы", допрашивали его,

что онъ чувствуетъ, надѣется ли, достигъ ли цѣли, получилъ ли свободу, или еще сомнѣвается и колеблется! Каждый, ожидая своей очереди, жаждалъ проникнуть въ тайну смертнаго часа. И когда смежались на вѣки уста и очи осужденнаго, изможденное страданіями тѣло его не находило покоя въ могилѣ. Безъ псалмопѣнія и погребальной чести его бросали въ рѣку или повергали въ поле на съѣденіе звѣрамъ.

Конечно, нѣтъ основанія утверждать, что Маркъ былъ подвергнутъ именно подобнымъ пыткамъ. Шесть вѣковъ отдѣляли его отъ эпохи, въ которую жилъ Іоаннъ Лѣствичникъ. Кромѣ того, если не всѣ видѣнные Лѣствичникомъ осужденные, то громадное большинство подвергало себя покаяннымъ истязаніямъ добровольно, только съ соизволенія своего настоятеля. Но всѣмъ извѣстный консерватизмъ монаховъ, строгость египетскаго подвижничества вообще, крайняя суровость эпитимій [1]) — все это даетъ право думать, что современники Марка не имѣли бы принципіальныхъ возраженій противъ учрежденія въ родѣ темницы иноковъ и вообще противъ физическихъ страданій, какъ средства покаянія. Во всякомъ случаѣ условія жизни Марка въ монастырѣ св. Антонія были соразмѣрны тяжести его вины. Недаромъ патріархъ предупреждалъ его о карѣ закона. Маркъ долженъ былъ испытать, что слова эти не были пустою угрозой. Абу-Салехъ говоритъ, что Маркъ „скоро началъ страдать отъ обстоятельствъ, въ которыя былъ поставленъ“, и рѣшился просить помилованія.

Но смягчить суроваго патріарха было дѣломъ не легкимъ. Мать, дядя и братья Марка „не переставали лобзать руки и ноги патріарха“; къ этимъ униженнымъ мольбамъ присоединили свои ходатайства именитые люди, и только тогда патріархъ уступилъ просьбамъ. Онъ предписалъ настоятелю монастыря, гдѣ былъ заточенъ Маркъ, привести его въ мѣсто, гдѣ покоятся мощи св. Антонія, и потребовать, чтобы на этихъ святыхъ мощахъ и на Евангеліи отъ Іоанна Маркъ поклялся, что не будетъ повторять своихъ прежнихъ поступковъ. Подъ условіемъ подобной клятвы могла быть возвращена ему свобода. И Маркъ поклялся.

---

[1]) Извѣстенъ случай, когда подлежавшій эпитимьѣ былъ посаженъ въ темное помѣщеніе на 40 дней, въ теченіе которыхъ ему всего десять разъ было дано по кусочку хлѣба и глотку воды.

IV.

Съ какими чувствами вышелъ Маркъ за ограду монастыря св. Антонія? Какая борьба происходила въ его душѣ, пока онъ возвращался на родину? Быть можетъ, то, что̀ онъ передумалъ и перечувствовалъ въ монастырѣ, привело его къ мысли, что не общественная дѣятельность, хотя бы и полезная, а забота о собственномъ спасеніи есть истинная задача христіанина; что не общими мѣрами, а личнымъ хорошимъ примѣромъ исправляются люди и обычаи. Не даромъ великій Антоній, на мощахъ котораго онъ теперь приносилъ свою клятву, отказывался вступать въ споры съ еретиками и философами и предпочиталъ обращать ихъ къ свѣту истины сіяніемъ своихъ добрыхъ дѣлъ. А можетъ быть, какъ Галилей передъ судомъ инквизиціи, какъ императоръ Генрихъ IV въ Каноссѣ, Маркъ считалъ недѣйствительной вынужденную клятву и ненавидѣлъ свое насильственное покаяніе.

Отправляясь въ заточеніе, Маркъ оставлялъ на родинѣ своихъ послѣдователей; встрѣча съ ними рѣшила его судьбу.

Лишь только разнесся слухъ о его возвращеніи, какъ толпы народа стали снова къ нему стекаться, и онъ снова сдѣлался центромъ многочисленной общины. Абу-Салехъ съ нескрываемою досадою говоритъ: „собралось къ нему весьма большое скопище невѣждъ отъ береговъ рѣки (т.-е. Нила) изъ деревень и городовъ—около пяти тысячъ человѣкъ. Среди этихъ людей были и такіе, которые повиновались ему и прилѣпились къ нему, и обязали себя дѣлать то, что̀ онъ назначалъ и приказывалъ каждому изъ нихъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ обязали себя приносить ему часть своихъ денегъ и плоды изъ своихъ садовъ и виноградниковъ и десятину своего дохода, такъ что богатство его возросло выше прежняго. Но Маркъ не пользовался этимъ богатствомъ и раздавалъ его нищимъ.

Отъ Абу-Салеха нельзя ожидать преувеличенія въ благопріятную для Марка сторону. Мы уже видѣли, что у Марка были друзья среди именитыхъ людей. Если остальные его послѣдователи и представляли изъ себя „скопище невѣждъ“, то во всякомъ случаѣ скопище это было весьма внушительныхъ размѣровъ. Очевидно, энтузіазмъ народа былъ громадный и происходилъ онъ изъ чистаго источника: не страсти земныя влекли къ проповѣднику покаянія и не мірскихъ выгодъ можно было ожидать отъ опальнаго священника. Могъ ли Маркъ, возбудившій своими проповѣдями такой сильный подъемъ религіознаго чувства въ на-

родѣ, отказаться теперь отъ продолженія своего дѣла. Если онъ прежде обѣщалъ своимъ духовнымъ дѣтямъ понести часть грѣховъ ихъ, то теперь ему оставалось одно—сверхъ этого бремени понести еще и собственный тяжкій грѣхъ клятвопреступленія. Такъ онъ и сдѣлалъ, и, по выраженію Абу-Салеха, „вернулся на прежніе пути свои".

Поведеніе Марка вызвало сильнѣйшее негодованіе патріарха, но любопытно, что и на этотъ разъ дисциплинарнымъ мѣрамъ предшествовали увѣщанія. Патріархъ написалъ Марку нѣсколько писемъ, обращая его вниманіе главнымъ образомъ на нарушеніе имъ клятвы и предостерегая его отъ послѣдствій его грѣха, „а именно, что послѣдствіе вещей сихъ есть погибель". Увѣщанія не подѣйствовали. Мало того, здѣсь мы въ первый разъ встрѣчаемся съ указаніемъ, что Маркъ „держалъ себя дерзко".

Тогда патріархъ рѣшилъ отлучить Марка отъ церкви, но теперь онъ считалъ недостаточнымъ созваніе собора. Ему приходилось имѣть дѣло уже не съ начинающимъ проповѣдникомъ, а съ человѣкомъ, прогремѣвшимъ на весь сѣверный Египетъ, популярнымъ въ народѣ, обнаружившимъ стойкость, доходившую до упорства. Прежде чѣмъ отлучить такого человѣка, нужно было удостовѣриться, что у него нѣтъ сторонниковъ среди духовенства, что отлученіе его не произведетъ раскола. Поэтому патріархъ потребовалъ, чтобы епископы сѣвернаго Египта письменно изложили ему, что̀ каждому изъ нихъ извѣстно о Маркѣ и какому подлежитъ онъ наказанію. Разумѣется, при этомъ патріархъ сообщилъ епископамъ свои собственныя свѣденія о Маркѣ, а также привелъ перечень каноновъ, въ силу которыхъ человѣкъ, подобный Марку, подлежитъ осужденію, „если онъ коснѣетъ въ своей гордынѣ и упорно держится заблужденій своего нечестія".

„И каждый епископъ,—говоритъ Абу-Салехъ,—представилъ письменно свое мнѣніе о противленіи Марка закону его церкви и прибавилъ, что онъ не въ правѣ былъ дѣлать то, что̀ онъ дѣлалъ, и что ему не могло быть позволено слѣдовать измышленіямъ ума своего, а это именно онъ и дѣлалъ, въ противность закону; и каждый епископъ подтвердилъ приговоръ объ его отлученіи". Въ этихъ отзывахъ весьма любопытно умолчаніе о клятвопреступленіи. Не можетъ быть, чтобы въ недошедшей до насъ перепискѣ патріарха съ епископами сѣвернаго Египта, не упоминалось объ этой винѣ Марка, въ которой патріархъ укорялъ его самого. Абу-Салехъ лично осуждалъ Марка за этотъ несомнѣнный его грѣхъ, но въ отзывахъ епископовъ онъ обратилъ вниманіе на то, что̀ въ ихъ глазахъ представлялось самымъ суще-

ственнымъ, а именно, что Маркъ „слѣдовалъ измышленіямъ ума своего“, т.-е. дерзалъ судить о религіи не съ точки зрѣнія старой вѣры, и позволилъ себѣ исправлять церковные обряды.

Итакъ, у Марка не оказалось сторонниковъ среди духовенства его народа. Онъ извергнутъ изъ священнаго сана и отлученъ. Каковы бы ни были его чувства, съ новымъ его положеніемъ отлученнаго отъ церкви связывались весьма серьезныя для него гражданскія послѣдствія. Дѣло въ томъ, что области, завоеванныя мусульманами, имѣли вѣроисповѣдную организацію. Человѣкъ, не принадлежавшій ни къ какому вѣроисповѣданію, не могъ ни исполнить своей главнѣйшей обязанности по отношенію къ правительству—заплатить подать, ни оградить своихъ правъ, ибо ему не у кого было судиться. Въ этотъ моментъ передъ Маркомъ возникало страшное искушеніе. Его обвиняли въ томъ, что онъ слѣдуетъ обрядамъ мелькитовъ. А что̀, если истина, не только обрядовая, но вся полная церковная истина тамъ, у этихъ ненавистныхъ Египту сторонниковъ чужеземнаго царя? Не перейти ли ему открыто и безповоротно на ихъ сторону? Его, конечно, примутъ съ почетомъ, ему вернутъ священный санъ; съ его ученостью и краснорѣчіемъ ему предстоитъ блестящее поприще; наконецъ, онъ выйдетъ изъ того нелегальнаго положенія, въ которомъ находится нынѣ, и которое долго продолжаться не можетъ. Но если перемѣна личныхъ убѣденій сопряжена для человѣка съ тяжелыми усиліями и борьбою, то отреченіе отъ національныхъ предразсудковъ, всосанныхъ съ молокомъ матери, унаслѣдованныхъ отъ отдаленнѣйшихъ предковъ, требуетъ еще большихъ усилій, еще труднѣйшей борьбы. Этотъ шагъ былъ еще не подъ силу Марку. Сверхъ того онъ считалъ свое отлученіе незаконнымъ и полагалъ, что дѣло о немъ можетъ быть рѣшено только церковнымъ соборомъ и не иначе какъ въ его присутствіи. Полагая, что ходатайство его передъ патріархомъ ни къ чему не приведетъ, онъ обратился за защитою къ свѣтскому правительству. Абу-Салехъ сильно упрекаетъ его за это и даетъ понять, что въ просьбѣ своей султану Маркъ представилъ обстоятельства дѣла въ ложномъ свѣтѣ, „разукрасилъ описаніе того, что̀ произошло“.

Въ отвѣтъ на эту просьбу Маркъ получилъ отъ верховнаго судьи слѣдующее письмо: „Ты человѣкъ большихъ достоинствъ. Но патріархъ христіанъ разсказываетъ о человѣкѣ, виновномъ въ отступленіи отъ истины своей вѣры, будто онъ отступилъ отъ нея и ввелъ странное ученіе, которымъ искажается смыслъ вѣры его народа и нарушаются преданія, содержимыя его единовѣрцами. Ты

былъ однажды сосланъ и вернулся изъ ссылки безъ разрѣшенія. Поэтому веди себя какъ частное лицо, не имѣющее сана или юрисдикціи, и не присвоивай себѣ какого-либо преимущества предъ христіанами или юрисдикціи въ средѣ ихъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ созванъ законный соборъ, который выслушаетъ тебя и рѣшитъ, будешь ли ты принадлежать къ нимъ, въ какомъ случаѣ ты не станешь имъ противиться, или же ты будешь отлученъ отъ нихъ и въ такомъ случаѣ ты выйдешь изъ среды вѣрныхъ и послѣдователей Библіи и тебѣ будетъ необходимо стать мусульманиномъ, ибо ты не будешь ни іудеемъ, ни христіаниномъ".

Какія послѣдствія имѣло это письмо, Абу-Салехъ умалчиваетъ, но изъ текста его можно прежде всего заключить, что предварительно отвѣта на просьбу Марка судья сносился съ патріархомъ и убѣдился, что между его отзывомъ и показаніями Марка есть разногласіе. Затѣмъ, категорическое указаніе на имѣющій быть созваннымъ законный соборъ, а также тотъ фактъ, что Абу-Салехъ имѣлъ возможность привести точную копію съ письма, даютъ основаніе думать, что потребованный Маркомъ судъ состоялся. Такъ или иначе, но Маркъ опять являлся къ патріарху въ церковь аль-Муаллака, покаялся въ грѣхахъ своихъ и былъ прощенъ. Абу-Салехъ разсказываетъ, что при этомъ случаѣ было совершено молитвословіе и отслужена литургія, и когда Маркъ приближался, чтобы пріобщиться св. таинъ, патріархъ заставилъ его поклясться среди сонма епископовъ, священниковъ, діаконовъ и въ присутствіи именитыхъ людей и общины мірянъ, что онъ не будетъ болѣе дѣлать того, что̀ ему было запрещено. „Итакъ, онъ поклялся связывающею клятвою и далъ твердое обѣщаніе, прежде чѣмъ принять св. таинъ". Но, по словамъ Абу-Салеха, лишь только Маркъ явился въ свою область, то не прошло и единаго дня, какъ онъ обратился на прежніе свои пути.

Переходъ къ мелькитамъ, иначе—возвращеніе къ православію, представлявшійся Марку искушеніемъ, былъ тогда единственнымъ правильнымъ и достойнымъ его выходомъ изъ тяжелаго положенія. Единодушіе, съ которымъ онъ былъ осужденъ, должно было открыть ему глаза, если у него до тѣхъ поръ еще оставались иллюзіи насчетъ возможности преобразовать коптскую церковь. Единственное, что̀ могло его удерживать, было опасеніе потерять свою паству. Но она уже доказала ему свою вѣрность.

V.

Съ этого момента начинается самый интересный періодъ жизни Марка, для возсозданія котораго находимъ у Абу-Салеха лишь отрывочные намеки.

Дѣятельность Марка не сосредоточивается болѣе въ одномъ мѣстѣ; онъ обращается въ странствующаго проповѣдника и въ сопровожденіи толпы своихъ послѣдователей обходитъ нильскую дельту.

Прозрачнымъ куполомъ опрокинулось ярко синее небо надъ обширною плодоносною равниной, перерѣзанной во всѣхъ направленіяхъ естественными рукавами „благословеннаго Нила" [1]) и соединяющими ихъ каналами. Порою это синее небо скроется подъ тучами, прольется теплый дождь или прошумитъ короткая ослѣпительная гроза, бѣлыя молніи изборождятъ тучи затѣйливыми изгибами, а затѣмъ снова засіяетъ небо, снова солнце обольетъ своими жаркими лучами привыкшую къ сладостной нѣгѣ нильскую землю. На мягкомъ, всевозможныхъ оттѣнковъ, зеленомъ фонѣ полей рѣзко чернѣютъ линіи плотинъ и группы деревенскихъ хижинъ. Кое-гдѣ отдѣльныя пальмы и пальмовыя рощи подымаютъ въ высь свои пышныя верхушки, да отчетливо вырисовываются на небѣ мелкоузорчатые листья древовидныхъ акацій. Здѣсь природа не знаетъ зимней спячки. Ея вынужденный отдыхъ похожъ не на сонъ, а на удушливый знойный кошмаръ; изсушенная жгучею жаждой земля грезитъ о животворной водѣ, которую въ урочный часъ принесетъ ей таинственная рѣка съ дальнихъ горныхъ высей, изъ глубины невѣдомыхъ озеръ. Несложна и не прихотлива трудовая жизнь обитателей этой благополучной страны. Вотъ они чистятъ каналы и крѣпятъ плотины, готовясь къ нетерпѣливо ожидаемому наводненію. Оно пришло, и съ нимъ новая работа. Здѣсь подгоняютъ пару буйволовъ, которые на топчакѣ вертятъ неуклюжее, скрипучее водоподъемное колесо; тамъ длинной бадьей черпаютъ воду и переливаютъ изъ канавки въ канавку. Посѣвъ, жатва, новый посѣвъ, новая жатва зовутъ земледѣльца въ поле, круглый день удерживаютъ его подъ палящими лучами солнца. Когда же наступитъ вечерній часъ и послѣ мгновенныхъ сумерекъ спустится на землю темная звѣздная ночь, усталый труженикъ вернется въ свое убогое жилище, сложенное изъ чернаго необожженнаго кирпича и затянетъ пѣсню,

---

[1]) Выраженіе, часто встрѣчающееся у Абу-Салеха.

грустную, безконечную какъ темное ночное небо, дрожащую какъ мерцающіе лучи отъ разсыпанныхъ по небу безчисленныхъ звѣздъ.

Такова нильская дельта теперь; такова же была она и въ эпоху Марка. Въ то время правилъ Египтомъ знаменитый Салахеддинъ-Юсуфъ-ибнъ-Эйюбъ—Саладинъ крестоносцевъ. Въ его правленіе во всемъ Египтѣ царило спокойствіе, года были плодородные, подати уменьшены, нѣкоторыя совсѣмъ отмѣнены; христіане вздохнули свободно; стѣснительныя и унизительныя для нихъ мѣры болѣе не примѣнялись; личная и имущественная ихъ безопасность была ограждена, имъ дозволено занимать правительственныя должности.

Такимъ образомъ, всѣ условія складывались какъ нельзя болѣе благопріятно для странствій Марка. Отъ города къ городу, отъ деревни къ деревнѣ перекочевывалъ его караванъ, то ночуя подъ открытымъ небомъ, то пользуясь гостепріимствомъ жителей. Вездѣ находились у него друзья и приверженцы, которые считали за честь принять его; попрежнему толпы народа сбѣгались его слушать; болѣе чѣмъ когда-либо имѣлъ онъ возможность привлекать сердца краснорѣчіемъ и силою своей проповѣди. Что-то внушительное было въ этихъ странствіяхъ, если Абу-Салехъ говоритъ, что Маркъ „путешествовалъ словно какой-нибудь вали [1]), и пиршества приготовлялись для него и для его спутниковъ".

Воззрѣнія Марка въ этотъ періодъ его жизни все болѣе и болѣе приближались къ вѣроученію мелькитовъ. Между прочимъ, онъ отмѣнилъ нѣкоторые посты, существовавшіе только у яковитовъ, допускалъ пріобщеніе запасными дарами, что̀ строго воспрещалось и донынѣ воспрещается коптскою церковью, и, наконецъ, приказалъ своимъ послѣдователямъ творить крестное знаменіе не однимъ, а двумя перстами [2]). Отсюда былъ одинъ шагъ до признанія двухъ природъ, и Маркъ, наконецъ, на него рѣшился.

„Кончилось все это тѣмъ,—говоритъ Абу-Салехъ,—что онъ перешелъ въ секту мелькитовъ и исповѣдалъ двѣ природы и двѣ воли, и мелькиты его приняли. Такъ онъ оставилъ вѣру Севера и Діоскора, нашихъ отцовъ патріарховъ, которые въ дѣлахъ религіи противостояли императорамъ и знатнымъ людямъ и не пожертвовали вѣрою 318 древнихъ отцовъ [3]) (противоставшихъ

---

[1]) Губернаторъ.

[2]) Любопытное указаніе на древность и смыслъ такъ-называемаго „двуперстія". Сирійскій писатель VIII вѣка Петръ Дамаскинъ свидѣтельствуетъ, что двуперстное сложеніе существовало въ антіохійскомъ патріархатѣ и символизировало двѣ природы Іисуса Христа въ единой ипостаси.

[3]) Никейскаго собора 325 г.

Діоклетіану невѣрному и перенесшихъ всяческія мученія и отсѣченія частей тѣла ради защиты истинной вѣры, установленной патріархами и епископами по внушенію св. Духа), но осудили и отлучили всякаго, кто отступилъ бы отъ этой вѣры и сталъ вѣрить иначе".

Абу-Салехъ не жалѣетъ словъ, чтобы выразить свое негодованіе на отступничество Марка. Онъ сравниваетъ его и съ Іудой Искаріотскимъ, и съ сатаною, низверженнымъ съ неба за гордыню, называетъ его „слѣпотствующимъ очами и сердцемъ", „склоннымъ къ словопренію еретикомъ", перечисляетъ всѣ анаѳемы, которымъ подвергся „этотъ несчастный Маркъ ибнъ-аль-Канбаръ". Этотъ переходъ является собственно доказательствомъ послѣдовательности мышленія Марка и твердости его убѣжденій. Правда, ему помогли и внѣшнія обстоятельства, но на человѣка другого закала эти же обстоятельства могли оказать прямо противоположное дѣйствіе, разъ навсегда убить въ немъ желаніе вырваться изъ прежней рутины. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что египетское яковитство означало застой и невѣжество, византійское же православіе было въ то время синонимомъ культуры. Тяготѣть къ мелькитамъ значило быть человѣкомъ просвѣщеннымъ. Такимъ и представляется намъ Маркъ.

Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ объ ученой его дѣятельности. Свѣденія объ ней сообщаетъ митрополитъ даміэтскій Михаилъ въ составленной для Абу-Салеха запискѣ. Мы упоминали уже о переводахъ Марка съ коптскаго на арабскій языкъ и о толкованіи священныхъ книгъ. Кромѣ того онъ написалъ книгу подъ заглавіемъ: „Десять главъ"; другую, озаглавленную „Учитель и ученикъ", состоявшую изъ восьми частей; книгу „Собраніе основныхъ началъ" и еще какія-то другія, именъ которыхъ митрополитъ Михаилъ не приводитъ. Сочиненія эти до насъ не дошли, но по выдержкамъ, которыя приводитъ авторъ записки, видно, что въ нихъ разбирались глубокіе богословскіе и метафизическіе вопросы. Но по этимъ выдержкамъ можно заключить только одно, что у митрополита даміэтскаго была большая путаница понятій. Онъ считаетъ еретическими такія положенія Марка, которыя лежатъ въ основѣ всякой церковно-христіанской догмы, напр., что Сынъ вѣчно рождается отъ Отца, также какъ и Духъ вѣчно исходитъ отъ Отца, или что тѣло одного лишь Богочеловѣка непричастно первородному грѣху и т. под. Повидимому, Марка всего болѣе интересовали вопросы объ искупленіи, о грѣхѣ и покаяніи, о загробной участи чело-

вѣка. Есть намеки, по которымъ позволительно заключить, что Маркъ обладалъ порядочной богословской эрудиціей.

Вмѣстѣ съ Маркомъ обратились въ православіе и многіе его послѣдователи, которыхъ Абу-Салехъ не преминулъ назвать „невѣжественными и простыми людьми изъ среды коптовъ". Къ нимъ присоединились многіе мелькиты, несомнѣнно увлеченные личностью и проповѣдью Марка. Съ этою новою своею паствой Маркъ предпринялъ путешествіе изъ сѣверной части дельты на югъ, въ городъ Каліубъ. Здѣсь ожидала его крупная непріятность.

Съ тѣхъ поръ, какъ Маркъ окончательно разорвалъ съ коптскою церковью, число его враговъ естественно должно было увеличиться. Тѣ, которые до сихъ поръ равнодушно смотрѣли на его пререканія съ духовными властями, а быть можетъ даже видѣли въ немъ жертву клерикальныхъ интригъ и раздраженныхъ самолюбій, отнеслись къ нему теперь какъ къ измѣннику національному дѣлу. Прибытіе Марка въ окрестности Каліуба было отличнымъ предлогомъ, чтобы дать ему почувствовать послѣдствія его антипатріотическаго поступка. Яковитская партія Каліуба зорко слѣдила за Маркомъ и его спутниками, и когда они были уже подъ самымъ Каліубомъ, письмоводитель этого города и сборщикъ податей не допустили ихъ войти въ городъ подъ предлогомъ, будто они не заплатили подушной подати. Подобное огражденіе казеннаго интереса могло быть только пріятно городскому вали, которому кстати доложили, что „это скопище людей дѣйствуетъ противно своимъ собственнымъ законамъ и находится подъ отлученіемъ патріарха, и что народъ каждой области, гдѣ бы они ни поселились, будетъ страдать отъ нихъ". Фискальная сторона отнимала у дѣла характеръ запрещеннаго Саладиномъ религіознаго преслѣдованія,—поэтому вали весьма охотно согласился на представленія письмоводителя и сборщика, лично отправился на мѣсто, арестовалъ и посадилъ въ тюрьму, въ качествѣ заложниковъ, нѣсколько человѣкъ изъ числа спутниковъ Марка, остальныхъ же обязалъ не отлучаться, пока они не заплатятъ 17 динаріевъ подушной подати. Когда же требованіе это было исполнено, имъ было выдано свидѣтельство въ уплатѣ подушной подати, но подъ обязательствомъ не посѣщать Каліуба, иначе какъ въ качествѣ путешественниковъ на пути въ столицу или въ какой-нибудь другой городъ и никогда не поселяться въ Каліубѣ. Абу-Салехъ не безъ злорадства присовокупляетъ: „такъ они отправились изъ Каліуба въ самомъ скверномъ положеніи". Этотъ случай положилъ предѣлъ миссіонерскимъ странствованіямъ Марка, и онъ видимо сталъ подумывать о томъ, чтобы устроиться

гдѣ-либо на постоянное жительство. Но это удалось ему не сразу и не безъ тяжелыхъ испытаній.

VI.

Вскорѣ послѣ калiубскаго приключенія Маркъ имѣлъ случай видѣться съ мелькитскимъ, т.-е. православнымъ патріархомъ, котораго Маркъ хотѣлъ привѣтствовать и пожелать ему добраго здравія. Произошло это свиданіе, по всей вѣроятности, въ г. Самбатѣ, въ сѣверной части дельты. Патріархъ былъ въ своей пріемной комнатѣ, въ обществѣ какихъ-то „митрополитовъ страны", когда явился къ нему Маркъ „въ сопровожденіи толпы послѣдователей, готовыхъ оправдать слова своего предводителя, еслибы на него было сдѣлано нападеніе". Эти митрополиты были видимо недружелюбно настроены по отношенію къ Марку, ибо предупредили патріарха о безпокойствѣ, причиненномъ имъ, и сказали: „этотъ человѣкъ коптъ и поступаетъ противно обычаямъ". Тогда Маркъ отвѣчалъ: „да проклянетъ Богъ тотъ часъ, когда я сталъ однимъ изъ вашихъ". Патріархъ же сказалъ ему: „добродѣтель и миръ могутъ быть найдены только въ нашемъ сообществѣ".

Вслѣдъ за симъ Маркъ ходатайствовалъ, чтобы ему была дана церковь въ Самбатѣ, но мѣстный митрополитъ настолько энергично возсталъ противъ этого, что рѣшился сказать патріарху: „Уволь меня отъ должности митрополита и прикажи ему взять себѣ церковь, если ты назначилъ ему одну изъ нихъ". Патріархъ не далъ отвѣта, но между митрополитомъ и Маркомъ произошло столкновеніе, которое кончилось тѣмъ, что митрополитъ вышелъ изъ себя, бросился на Марка, нанесъ ему болѣзненный ударъ и, въ присутствіи цѣлаго собранія, сбилъ съ него головной уборъ. Абу-Салехъ точно опредѣляетъ время этого событія, которое произошло въ мѣсяцѣ абибѣ въ 901 церковномъ году [1]), т.-е., по нашему лѣтосчисленію, въ іюлѣ 1185 г.

Оба эти эпизода переданы съ очевиднымъ намѣреніемъ выставить Марка въ невыгодномъ для него свѣтѣ. Особенно странною кажется сцена у мелькитскаго патріарха. Маркъ является его привѣтствовать, но на всякій случай беретъ съ собою охрану. Встрѣченный недружелюбно митрополитами, онъ

[1]) Копты ведутъ свое церковное лѣтосчисленіе съ 284 года, со вступленія на престолъ императора Діоклетіана, въ царствованіе котораго было одно изъ самыхъ жестокихъ гоненій на христіанъ, и называютъ свою эру годомъ „праведныхъ мучениковъ".

позволяетъ себѣ дерзкую выходку, къ которой патріархъ относится съ необыкновенной снисходительностью. Весьма возможно, что здѣсь соединены въ одну сцену нѣсколько различныхъ эпизодовъ изъ далекаго періода жизни Марка. Но внутренній смыслъ переданнаго разсказа достаточно ясенъ. Очевидно, что среди мелькитовъ не всѣ одинаково отнеслись къ обращенію Марка въ православіе. Во всѣ времена и вездѣ перемѣна вѣроисповѣданія встрѣчается съ большимъ и нескрываемымъ подозрѣніемъ. Религія есть самое дорогое достояніе человѣка; мѣняютъ ее или ничтожные въ нравственномъ отношеніи люди, или же люди, стоящіе на такой духовной высотѣ, которая недоступна пониманію человѣка средняго уровня. Такой человѣкъ не постигаетъ, какъ можно, ради какихъ-то отвлеченныхъ соображеній, разорвать съ понятіями, обычаями, образомъ жизни своего времени и общества. Въ глазахъ многихъ мелькитовъ Маркъ являлся просто неуживчивымъ человѣкомъ, безпокойнымъ честолюбцемъ, отъ котораго можно было ожидать всякихъ выходокъ. Не слѣдуетъ забывать, что хотя истина церковная была на сторонѣ мелькитовъ, тѣмъ не менѣе ихъ церковные люди стояли не на большей высотѣ, чѣмъ современные имъ яковиты. Поступокъ митрополита самбатскаго служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Наконецъ, весьма возможно, что не всѣ мелькиты были убѣждены въ православіи Марка и опасались, какъ бы этотъ пылкій проповѣдникъ не внесъ въ народъ какихъ-нибудь яковитскихъ заблужденій.

Мѣсяца не прошло со времени столкновенія Марка съ митрополитомъ самбатскимъ, какъ онъ подвергся новому оскорбленію. Недружелюбное отношеніе къ нему высшаго мелькитскаго духовенства сильно подѣйствовало на Марка. Съ горечью въ душѣ онъ поддался естественной въ его положеніи слабости—сожалѣнію о сдѣланномъ безповоротномъ шагѣ. Въ послѣдній разъ овладѣло имъ сильное желаніе вернуться въ свою прежнюю церковь. Нѣкто Ибнъ-Абдунъ, видимо, человѣкъ вліятельный, и какой-то еще выдающійся другъ коптскаго патріарха взяли на себя устроить примиреніе и привели Марка въ келью патріарха при церкви аль-Муаллака. Это было въ пріемные часы, когда въ кельѣ патріарха толпились многочисленные посѣтители. Быть можетъ, публичность свиданія была потребована патріархомъ какъ необходимое условіе; это вполнѣ соотвѣтствовало извѣстному характеру Аввы Марка. Патріархъ считалъ своимъ первымъ долгомъ „смирить“ Марка и лишь послѣ этого обнаружить отеческую кротость къ блудному сыну.

„Зачѣмъ ваше превосходительство вернулись ко мнѣ,—сказалъ патріархъ, съ ироніей употребляя этотъ почетный титулъ: ты, отлученный отъ церкви,—продолжалъ онъ,—и въ этой одеждѣ, столь отличной отъ нашего покроя?“ И прежде чѣмъ Маркъ успѣлъ что-нибудь отвѣтить, патріархъ „протянулъ руку свою къ головѣ Марка и сбилъ съ него клобукъ, такъ что онъ остался съ непокрытой головою“. Но въ эту минуту произошло нѣчто, испортившее весь эффектъ придуманной патріархомъ сцены. Одинъ изъ „учениковъ патріарха“ поднялъ клобукъ и надѣлъ его на голову Марка. Патріархъ былъ до-нельзя раздосадованъ и страшно разгнѣвался на своего ученика за то, что онъ такъ некстати и безъ позволенія вмѣшался не въ свое дѣло.

Какъ объяснить себѣ этотъ поступокъ патріаршаго приближеннаго? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы должны искать въ личности Марка. Прежде всего, Марка любилъ народъ, любилъ его въ счастьѣ и въ горѣ, въ славѣ и въ безчестіи, любилъ трогательно, какъ народъ умѣетъ это дѣлать, величалъ его своимъ отцомъ и наставникомъ, жертвовалъ для него своимъ достояніемъ. Такая любовь достается не легко и никогда не бываетъ удѣломъ личности посредственной. Есть два крайнихъ типа народныхъ героевъ: разбойникъ, безстрашный представитель борьбы съ ненавистными народу земными порядками, и святой, носитель прозрѣваемой народомъ небесной правды. Въ Маркѣ были именно симпатичныя народу черты святого, вдохновленнаго Богомъ, милостиваго къ ближнему, преслѣдуемаго за правду; отсюда его громадная популярность въ народѣ. Отъ массы народной намъ приходится сдѣлать теперь переходъ на вершины тогдашняго общества, къ именитымъ людямъ, къ извѣстному намъ лишь по имени Ибнъ-Абдуну и другимъ выдающимся друзьямъ коптскаго патріарха. Трудно представить себѣ, чтобы этихъ людей подкупала одна только безспорная ученость Марка. Скорѣе всего они сознавали, что Маркъ правильно понялъ духовныя нужды своего времени и народа; они въ принципѣ сочувствовали предпринятому имъ дѣлу реформы, любили и цѣнили въ немъ идеалиста и являлись къ нему на выручку, когда практика жизни разбивала его иллюзіи и мечты. Далѣе, нельзя не подмѣтить извѣстной симпатіи къ Марку и со стороны обоихъ патріарховъ, какъ мелькитскаго, такъ и коптскаго. Мы уже видѣли, что суровый Авва Маркъ былъ склоненъ щадить своего непокорнаго тезку, прибѣгалъ къ крайнимъ мѣрамъ только послѣ многихъ увѣщаній и даже въ послѣднюю минуту готовъ былъ помириться. И онъ, и его мелькитскій коллега, видѣли въ ученомъ богословѣ, блестящемъ проповѣдникѣ и искусномъ пастырѣ человѣка, полезнаго

церкви, котораго жаль было утратить и выгодно привлечь на свою сторону. Наконецъ, даже мусульманинъ, судья, считалъ Марка „человѣкомъ большихъ достоинствъ" и находилъ неунизительнымъ для себя принять участіе въ его дѣлѣ и помочь ему добиться справедливости. Кто же дурно относился къ Марку? Если не всѣ, то несомнѣнно часть коптскихъ епископовъ сѣвернаго Египта, нѣкоторые мелькитскіе митрополиты, каліубскій письмоводитель и сборщикъ податей. Духовныя лица этого типа не терпятъ рядомъ съ собою никого, кто не смотритъ на религію съ точки зрѣнія интереса клерикальной корпораціи, кто выдается силою своей проповѣди, пламенностью своей молитвы, безкорыстіемъ безсребренника или ревностью пастыря. Въ глазахъ ихъ такой человѣкъ есть выскочка или ханжа. Нужна сильная поддержка высшей духовной власти или заступничество весьма вліятельныхъ людей, чтобы охранить такого человѣка отъ мелкихъ и крупныхъ интригъ, оскорбленій и даже преслѣдованій со стороны собратьевъ по сану. Слѣдуетъ думать, что враждебные Марку представители коптскаго и мелькитскаго духовенства принадлежали именно къ этому типу. Иначе какъ ненавистнымъ не могъ быть для нихъ этотъ безпокойный Маркъ. Но зато Марка любили лучшіе люди. Симпатію этихъ лучшихъ людей и выразилъ смѣлый ученикъ патріарха, но было поздно. Примиреніе Марка съ коптскою церковью не состоялось. По словамъ Абу-Салеха, послѣ сцены съ клобукомъ „Ибнъ-аль-Канбаръ удалился и вышелъ покрытый стыдомъ, и не зналъ, какъ ему и показываться". Ему дѣйствительно должно было быть стыдно, стыдно за то, что, посвятивъ себя трудному подвигу борьбы за истину, онъ не могъ понести уколовъ терній, которыми долженъ былъ быть усыпанъ его путь. Тѣ его уступки человѣческой слабости, которыя можно простить ему, въ его собственныхъ глазахъ являлись измѣною высшему призванію и возбуждали въ немъ жгучее раскаяніе.

„Слухъ объ этомъ происшествіи,—говоритъ Абу-Салехъ,—достигъ патріарха мелькитовъ, который послалъ за Маркомъ и упрекалъ его, говоря: „ты навѣщаешь патріарха, противъ вѣры котораго возстаешь. Какъ онъ устроитъ твои дѣла?" Патріархъ мелькитовъ былъ правъ. Духовныя связи Марка съ коптскою церковью разорвались съ того момента, когда онъ созналъ, что истина церковная—не въ національномъ старовѣріи, узкомъ и неподвижномъ, а въ широкомъ идеалѣ вселенскаго православія. Теперь же возвращеніе его къ коптамъ стало немыслимо и съ житейской точки зрѣнія.

Но патріархъ мелькитовъ понималъ въ то же время, что Марку

будетъ трудно ужиться въ новой для него средѣ мелькитскаго бѣлаго духовенства. Оцѣнивъ и полюбивъ Марка, патріархъ пришелъ къ рѣшенію ввѣрить ему управленіе монастыремъ и назначилъ его настоятелемъ монастыря св. Іоанна Колова (малорослаго), извѣстнаго подъ арабскимъ названіемъ аль-Кусаиръ. За нимъ послѣдовали многіе изъ его учениковъ и приверженцевъ.

VII.

Монастырь аль-Кусаиръ, прекрасно отстроенный, снабженный ключевою водою и весьма многолюдный (говорятъ, что число монаховъ доходило иногда до 6.000 чел.), находился на одной изъ вершинъ горнаго хребта, окаймляющаго нильскую долину съ восточной стороны. Доступъ къ нему съ сѣвера отъ Каира былъ почти невозможенъ, съ юга же подъемъ въ гору не представлялъ затрудненій. Великолѣпный видъ, открывавшійся изъ монастыря на цвѣтущіе берега Нила, на Каиръ и его окрестности, привлекалъ сюда многочисленныхъ посѣтителей. Вообще, въ спокойныя эпохи, въ эпохи вѣротерпимости, многіе египетскіе монастыри служили любимымъ мѣстомъ отдыха для знатныхъ и богатыхъ мусульманъ. Сохранились стихотворенія арабскихъ поэтовъ, въ которыхъ восхваляется красота монастырскихъ садовъ и прелесть монастырскихъ винъ. Но не эти свѣтскія достоинства составляли славу монастыря аль-Кусаиръ. Преданіе связало его съ именемъ знаменитаго подвижника, св. Арсенія, учителя императора Аркадія, сына Θеодосія Великаго. Мощи святого покоились подъ алтаремъ церкви, сооруженной во имя его. Вблизи монастыря показывали высѣченную въ скалѣ пещеру его и камень, который служилъ ему подушкой. Другое преданіе указывало на лежащее напротивъ монастыря, на берегу Нила, селеніе, какъ на мѣсто рожденія Моисея. Говорили, что здѣсь именно былъ положенъ онъ въ осмоленную корзину и съ надеждой на Провидѣніе ввѣренъ нильскимъ струямъ. Изъ числа украшавшихъ монастырь десяти церквей двѣ были особенно замѣчательны. Близъ одной изъ нихъ былъ погребенъ Іоаннъ монахъ, строитель каирскихъ стѣнъ и воротъ; мраморная доска указывала его могилу. Другая церковь, во имя св. апостоловъ, была знаменита иконою Богородицы съ младенцемъ на рукахъ, съ ангелами по правую и лѣвую сторону и съ изображеніями двѣнадцати апостоловъ. „Все это,—говоритъ Абу-Салехъ,—было составлено изъ кусочковъ стекла; изъ нихъ нѣкоторые были позолочены, другіе раскрашены; испол-

нено было это художественно, точь-въ-точь какъ въ Виѳлеемѣ". Одинъ изъ самыхъ богатыхъ и блестящихъ властителей Египта, Хамарауайхи, такъ восхищался этой иконой, что проводилъ часы передъ нею въ безмолвномъ созерцаніи. Онъ часто посѣщалъ монастырь и даже выстроилъ для себя на самомъ возвышенномъ мѣстѣ монастыря особый павильонъ съ окнами на всѣ четыре стороны.

Но во второй половинѣ XII вѣка монастырь аль-Кусаиръ пришелъ въ упадокъ; многія зданія, между прочимъ павильонъ Хамарауайхи, разрушились, и въ монастырѣ жило всего пять монаховъ. Сюда-то былъ настоятелемъ назначенъ Маркъ и управлялъ монастыремъ послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни.

Трудно сказать, нашелъ ли Маркъ душевный миръ и спокойствіе въ стѣнахъ обители. Враждебный ему Абу-Салехъ, говоря, что онъ управлялъ дѣлами монастыря, замѣчаетъ: „ни къ чему не прилежалъ онъ, кромѣ какъ къ спорамъ со всѣми общинами". Сопоставляя это замѣчаніе съ указаніемъ на то, что послѣ смерти Марка число монаховъ въ монастырѣ Іоанна Колова было значительно, но они находились въ бѣдности, можно, кажется, сдѣлать выводъ, что Маркъ не особенно заботился о матеріальномъ благосостояніи своего монастыря. Существуетъ особый типъ настоятеля—игуменъ-хозяинъ, типъ весьма популярный и среди мірянъ, и у многихъ монаховъ. О Маркѣ можно съ увѣренностью сказать, что онъ не принадлежалъ къ этому типу; но едва ли былъ онъ также сторонникомъ суровыхъ аскетическихъ подвиговъ, съ которыми познакомился во время заточенія въ монастырѣ св. Антонія. Скорѣе всего Маркъ приложилъ заботы къ тому, чтобы во ввѣренномъ ему монастырѣ существовало издревле извѣстное въ Египтѣ такъ-называемое „старчество". Это было какъ нельзя болѣе кстати въ монастырѣ св. Іоанна Колова, который всегда выставлялся примѣромъ беззавѣтнаго послушанія „старцу". Легенда говоритъ, что нѣкогда этотъ старецъ, воткнувъ въ землю сухой жезлъ, приказалъ Іоанну поливать его какъ живое растеніе. Проходили года, и послушный ученикъ съ ангельскимъ терпѣніемъ, утромъ и вечеромъ, исполнялъ свою неблагодарную работу, пока, наконецъ, сухой жезлъ не расцвѣлъ, какъ бы въ награду за смиреніе святого и въ назиданіе тѣмъ, кто думаетъ, что можно своимъ разумомъ и не отсѣкая своей воли достигнуть совершенства.

Сущность „старчества" состояла въ томъ, что вступавшій въ монастырь ввѣрялся всецѣло и безусловно духовному руководителю, „старцу". Каждый свой помыселъ, каждое ничтожнѣйшее движеніе своей души онъ долженъ былъ открывать своему старцу.

Онъ настолько подчинялъ ему свою волю, что ни пищи, ни питья, ни трудовъ физическихъ или умственныхъ, ниже самой молитвы, онъ не могъ избрать или предпринять безъ благословенія старца. Это постоянное отсѣченіе своей воли не должно было, однако, вести къ ея ослабленію или умерщвленію—напротивъ того, закаленная въ борьбѣ сама съ собою, она должна была пріобрѣтать высшую энергію. Проходившему черезъ старческій искусъ давалась надежда пріобрѣсти безграничную власть надъ самимъ собою, надъ своею низменной природой, пріобрѣсти безстрастіе и духовную свободу. Въ этомъ состояніи, предполагалось, физическіе подвиги переставали быть нужны, ибо тѣло, подчиненное всецѣло духу, не обуревалось уже стихіями міра; рутинное обрядовое благочестіе уступало мѣсто внутренней или, какъ ее называли, „умной“ молитвѣ; разумъ становился способенъ постигать глубочайшія тайны, наконецъ, на высшихъ ступеняхъ созерцанія, человѣкъ внутренно отрѣшался отъ послѣднихъ узъ земныхъ—отъ пространства и времени.

Неизвѣстно, когда и гдѣ написалъ Маркъ свои сочиненія. Возможно, что нѣкоторыя изъ нихъ вышли изъ стѣнъ Аль-Кусаира. Одно изъ нихъ носитъ именно названіе: „Учитель и ученикъ“, какъ бы намекая на вопросъ о руководствѣ старцевъ.

Но при характерѣ Марка трудно предположить, чтобы онъ былъ способенъ замкнуться въ кругъ исключительно монастырскихъ интересовъ. Не слѣдуетъ ли „въ спорахъ со всѣми общинами“, за которые упрекаетъ его Абу-Салехъ, видѣть именно попытки къ вмѣшательству въ церковныя дѣла, даже изъ аль-кусаирскаго уединенія.

Маркъ умеръ „въ понедѣльникъ, въ началѣ бѣлой недѣли, на второй недѣлѣ поста, 23 амшира въ 924 г. отъ праведныхъ мучениковъ“, т.-е., по нашему лѣтосчисленію, 17-го февраля 1208 года. Абу-Салехъ, вѣрный себѣ, говоритъ: „онъ умеръ, погубивъ свою душу и души тѣхъ, которыхъ онъ соблазнилъ своимъ обманомъ“.

Продолжительность жизни Марка можно опредѣлить только приблизительно. Если принять, что онъ былъ посвященъ даже въ послѣдній годъ патріаршества Аввы Іоанна, т.-е. въ 1167 г., и что ему было тогда около 30 лѣтъ [1]), то надо придти къ заключенію, что онъ прожилъ не менѣе семидесяти лѣтъ, но весьма возможно, что онъ достигъ и болѣе глубокой старости.

[1]) Въ настоящее время каноническій возрастъ для посвященія въ іереи—въ коптской церкви—тридцать-три года.

Во всякомъ случаѣ онъ жилъ въ эпоху третьяго и четвертаго крестоваго походовъ; еще при его жизни создалась константинопольская латинская имперія, а на папскомъ престолѣ возсѣдалъ Иннокентій III. Весьма вѣроятно, что онъ зналъ о совершавшихся въ его время міровыхъ событіяхъ, что до него доходили слухи и о богословскихъ спорахъ, волновавшихъ константинопольскую церковь, и о многократныхъ попыткахъ къ соединенію восточной и западной церкви. Но едва ли онъ зналъ, едва ли слыхалъ, что одновременно съ нимъ жили и дѣйствовали такія личности, какъ Абеляръ († 1142), Бернардъ Клервоскій († 1153), Гуго С.-Викторъ († 1141), Петръ Ломбардскій († 1164). Между тѣмъ, родись Маркъ не въ глуши нильской дельты, вдали отъ общаго культурнаго движенія человѣчества, кто знаетъ, не было ли бы его имя записано исторіей на ряду съ только-что названными громкими именами?

Въ основѣ дѣятельности Марка лежало то же стремленіе къ реформѣ, которое одушевляло знаменитыхъ современныхъ ему представителей западной духовной жизни. Подобно имъ, Маркъ понималъ задачи религіозной реформы въ смыслѣ философскаго обоснованія вѣроученія, популяризаціи церковнаго знанія, очищенія церкви отъ злоупотребленій, воздѣйствія на народъ живою проповѣдью. Такое тождество стремленій и задачъ свидѣтельствуетъ о единствѣ человѣческаго духа, о существованіи общаго всему человѣчеству сознанія. Сперва въ отдѣльныхъ проблескахъ, потомъ въ широкихъ массовыхъ порывахъ, это общее человѣчеству сознаніе вело его тогда къ тому возрожденію, съ котораго начинается наша современная исторія и наша культура. Одинокой, затерявшейся среди общаго мрака, искоркой этого сознанія былъ и Маркъ-ибнъ-аль-Канбаръ. Поэтому и не забылось совсѣмъ его имя, и сквозь густой туманъ возникаетъ теперь передъ нами въ блѣдныхъ, но достаточно ясныхъ очертаніяхъ личность ревностнаго, хотя и неудавшагося реформатора.

Ал. Саломонъ.

НЕУДАЧНЫЙ ДРАМАТУРГЪ

РАЗСКАЗЪ.

Когда я возвратился домой, меня ожидала записка такого содержанія: „Сегодня я васъ жду въ 8 часовъ вечера и заранѣе извиняюсь, что придется немного поскучать. Очень прошу не отказываться. Вашъ—Ивановъ“.

Дѣло было въ Москвѣ, гдѣ обыкновенно такія приглашенія сопровождаются легкимъ ужиномъ и небольшой выпивкой, послѣ которой придется скучать... Да и почему человѣкъ приглашаетъ скучать?!.. Я сначала разсердился, потомъ мнѣ стало самому скучно, и я пошелъ скучать вмѣстѣ.

Ивановъ былъ писатель, полу-беллетристъ, полу-публицистъ, работалъ обыкновенно въ изданіяхъ приличныхъ и чистенькихъ, былъ не безъ дарованія и ко всему этому въ высшей степени искренній человѣкъ.

Въ уютной квартиркѣ Иванова я засталъ небольшое общество. Бывшій редакторъ газеты, писатель-народникъ и просто писатель, два молодыхъ врача — всѣ эти люди были болѣе или менѣе знакомые.

Ивановъ былъ, видимо, взволнованъ и, очевидно, поджидалъ еще кого-то. Онъ безпрестанно подходилъ къ окнамъ и прислушивался къ каждому шуму на дворѣ.

„Кого онъ ждетъ?“ подумалъ я—и спросилъ:—А гдѣ же Александра Петровна? я давно ея не видалъ!..

— Жены не будетъ,—быстро отвѣчалъ Ивановъ, исчезая изъ комнаты.

Нѣкоторые гости посмотрѣли на меня съ недоумѣніемъ, но я не обратилъ тогда на это вниманія.

Пили чай; разговоръ состоялъ изъ благородныхъ сплетенъ, и я дѣйствительно начиналъ скучать.

Раздался звонокъ, и Ивановъ поспѣшилъ на встрѣчу. Вошли двое, которыхъ хозяинъ намъ тотчасъ представилъ: одинъ былъ актеръ съ именемъ, другой тоже актеръ, изъ второстепенныхъ, съ глупымъ и нахальнымъ видомъ.

„Чтò за таинственность такая?!—подумалъ я. — Зачѣмъ онъ насъ созвалъ и къ чему эти актеры?“—Я хотѣлъ-было спросить, но Ивановъ предупредилъ меня.

— Господа!—началъ онъ виноватымъ голосомъ:—я васъ попросилъ придти, чтобы выслушать и... высказать ваше мнѣніе... мнѣніе рѣшительное... Я прошу васъ не щадить меня, потому что я... я, господа, написалъ драму, написалъ ее почти нечаянно; я никогда не работалъ на поприщѣ драматической литературы, я въ этомъ дѣлѣ совершенно новичокъ, сдѣлалъ первый опытъ и, быть можетъ, послѣдній... Прошу васъ сказать мнѣ прямо и откровенно... Я могу бросить, уничтожить свой трудъ.

Мы молча выслушали его и переглянулись. Страннымъ намъ показался его тонъ. Ивановъ обыкновенно говорилъ о себѣ и своихъ литературныхъ трудахъ нельзя сказать, чтобы очень скромно, но, по крайней мѣрѣ, съ достоинствомъ, и вдругъ почти извиняется, что онъ написалъ драму! Чтò это значитъ?

Признаюсь, я началъ интересоваться и драмой, и Ивановымъ.

„Непремѣнно съ нимъ что-нибудь случилось“!—шепталъ мнѣ внутренній голосъ.

Мы попросили его приступить къ чтенію. Ивановъ заволновался еще болѣе, когда сѣлъ и развернулъ тетрадку. Мы приготовились слушать. Актеры смотрѣли мрачными и свирѣпыми, какъ слѣдуетъ быть настоящимъ и строгимъ судьямъ.

По мѣрѣ чтенія перваго дѣйствія, мой интересъ возросталъ; я начиналъ мало-по-малу понимать, что дѣйствительно разъигралась драма, настоящая, жизненная драма, въ которой однимъ изъ главныхъ героевъ былъ не кто иной, какъ самъ авторъ Ивановъ.

„Вотъ оно чтò!—подумалъ я.—Теперь понятно его смущеніе и застѣнчивость!“

Въ искренности написаннаго я не сомнѣвался и слѣдилъ, слѣдилъ со вниманіемъ за всѣми тонкостями развитія семейнаго разлада. Кто бы могъ подумать, что Ивановъ и его жена, привѣтливая, деликатная Александра Петровна, не только не представляли собой счастливой семьи, какъ это намъ всѣмъ казалось, но страдали и мучили другъ друга ежеминутно, ежечасно. Весь

драматизмъ ихъ положенія заключался не въ томъ, что они не любили другъ друга, но въ томъ, что любовь съ теченіемъ времени приняла иныя формы, измѣнившись главнымъ образомъ со стороны Александры Петровны. Какъ это странно!.. Ивановъ былъ фантазёръ и мечтатель, а Александра Петровна—практическая и холодная женщина. Да вѣрно ли это? Можетъ быть, Ивановъ увлекался и не понималъ жены, у которой чувство глубже, опредѣленнѣе?..

Чтеніе драмы продолжалось и подходило уже къ концу 1-го дѣйствія. Душевное состояніе обрисовывалось яснѣе, ярче. Нѣкоторыя сцены вызывали во мнѣ воспоминанія о вечерахъ, проведенныхъ въ семьѣ Иванова. Вдругъ я вспомнилъ постоянно серьезный и холодный взглядъ Александры Петровны, когда она обращалась къ мужу. Всегда ли было такъ? или это была случайность? Нѣтъ, съ гостями, съ посторонними она была любезна, ровна, а съ мужемъ раздражительна и холодна. И какъ всего этого не замѣчалъ я прежде, а теперь вся обстановка и отношенія супруговъ обрисовываются въ совершенно иномъ свѣтѣ!

Я продолжалъ слушать все съ большимъ интересомъ и, по правдѣ сказать, не замѣчалъ ни литературныхъ достоинствъ этюда, ни его сценичности.

Отлично помню только тонъ, немного возвышенный, но искренній и трогающій прямо за сердце.

Нѣкоторыя мѣста были очень сильныя и полныя драматическаго эффекта. Душевное настроеніе героевъ развертывалось во всѣхъ деталяхъ, и, несмотря на выдуманную обстановку и сочиненныя имена, я точно былъ свидѣтелемъ недавно пережитой именно здѣсь, на этой квартирѣ, драмы. Сколько страданія, сколько борьбы вынесъ Ивановъ за то, что лучшія свои идеалистическія стремленія хотѣлъ привить семьѣ, своему семейному очагу. Матеріальные интересы, борьба за существованіе не должны касаться чистой семейной жизни. Семья—это отдыхъ отъ борьбы, отъ дѣлъ практическихъ и денежныхъ. Семья—это любовь и совѣтъ.

Вотъ какую идиллію рисовалъ и къ которой стремился герой. А она? его подруга жизни? Она желала жить какъ всѣ. Ей надоѣло, опротивѣло всегда дрожать за свое существованіе, бояться разныхъ случайностей и не видѣть въ перспективѣ приличной обстановки и средствъ. Ивановъ, напротивъ, рискуя удобствами личной жизни, требованія души и душевнаго спокойствія ставилъ на первомъ планѣ. Александра Петровна признавала его „грёзы и мечтанія“ за роскошь, совсѣмъ ненужную и даже скучную.

Это ли не борьба? не столкновеніе интересовъ личности? это ли не драма?

Повторяю, я не слѣдилъ за внѣшней стороной пьесы, я весь былъ поглощенъ вниманіемъ ея внутренняго содержанія. Пьеса дышала правдой, болью измученнаго сердца и вѣрой въ идеалы юношескихъ лѣтъ.

Послѣ третьяго дѣйствія, когда супруги, покончивъ счеты, расходятся, Ивановъ остановился и просилъ позволенія немного отдохнуть.

Наступило молчаніе. Никому не хотѣлось говорить, или каждый не зналъ, что̀ сказать. Актеры многозначительно покашливали. Ивановъ робко обратился къ нимъ:

— Монологи, длинны монологи,—заговорилъ актеръ съ именемъ:—трудно на своихъ плечахъ вынести роль!.. тяжело! сократите монологи, и языкъ бы попроще...

— Длинны монологи?—переспросилъ авторъ.

— Да. Но пьеса хороша и оригинальна. Она мнѣ напоминаетъ „Блуждающіе огни"... Знаете такую пьесу?..

Кто-то недовольно пробурчалъ, что знаетъ, но сходства онъ не замѣтилъ. Актеръ не возражалъ, но ядовито усмѣхнулся.

— Однако, интересно, чѣмъ все это кончится?..—проговорилъ бывшій редакторъ.

— Сейчасъ, сейчасъ!—поспѣшилъ Ивановъ, докуривая папиросу.

Послѣдній актъ заключался въ томъ, что герой, подъ впечатлѣніями всевозможнаго рода тяжелыхъ компромиссовъ, извѣрившись въ чистое, хорошее дѣло, бѣжитъ въ деревню, разрывая съ культурнымъ міромъ всѣ свои связи.

Конецъ былъ эффектенъ и, повидимому, очень понравился актерамъ, но для меня онъ былъ неожиданъ и мало опредѣленъ.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ редакторъ: — вы посылаете вашего героя въ деревню? Прекрасно. Но что̀ онъ тамъ будетъ дѣлать, вы этого не говорите?!.

— Дѣло найдется,—уклончиво отвѣчалъ Ивановъ.

— Такъ нельзя... Вѣдь вашъ герой къ чему-то стремится, хочетъ жить не такъ, какъ другіе, у него идеалъ...

— Мнѣ кажется, не въ этомъ дѣло, какъ онъ устроится въ деревнѣ...

— Именно въ этомъ,—горячился редакторъ:—можетъ быть, въ деревнѣ онъ сопьется и вообще пропадетъ, такъ какъ онъ все-таки культурный человѣкъ... По моему мнѣнію, вы лучше бы его убили или услали, ну хоть въ Америку, но не въ деревню.

— Съ этимъ и я согласенъ,—вмѣшался я и, смотря на Иванова, прибавилъ:—деревню вы придѣлали для пущаго эффекта, и это не совсѣмъ вѣрно... Что̀ это въ самомъ дѣлѣ,—потерялъ жену и бѣжать въ деревню!?.. Подумайте, какая это чепуха!.. Зачѣмъ? Что̀ герой будетъ тамъ дѣлать?!..

— Дѣло найдется,—тихо не соглашался Ивановъ.

— Это натяжка,—продолжалъ я:—вашъ герой не уйдетъ въ деревню... т.-е., я хотѣлъ сказать—не долженъ этого дѣлать, тѣмъ болѣе безъ толку...

Ивановъ молчалъ. Онъ былъ очень серьезенъ.

— Отчего же не уйти въ деревню?—замѣтилъ актеръ.—Его можно сдѣлать помѣщикомъ... очень сценичное окончаніе, и декорацію эффектную сдѣлать нужно...

Мы переглянулись.

— Господа!.. оставимъ это! оставимъ деревню!—заговорилъ Ивановъ.—Скажите мнѣ откровенно, ка̀къ вы находите пьесу?.. поставленная на сценѣ, дастъ ли она что̀ зрителю?!.. правдива ли она? стоитъ ли ею заняться, или бросить?...

Мы всѣ, не исключая актеровъ, въ одинъ голосъ заявили автору, что пьеса интересна, искренна и вполнѣ литературна... Если длинны монологи, несценичны нѣкоторыя мѣста, то можно сократить, кое-что совсѣмъ опустить—это ужъ дѣло артистовъ. Но въ общемъ пьеса рѣшительно заслуживаетъ быть поставленной и непремѣнно на столичной сценѣ.

Актеры съ нѣкоторыми оговорками тоже соглашались съ нашимъ мнѣніемъ.

Ивановъ просіялъ.

— Такъ я поработаю надъ ней,—проговорилъ онъ.

— Только вашъ герой въ деревню не попадетъ,—смѣясь, посмотрѣлъ я на Иванова.

— Напрасно такъ думаете,—отвѣчалъ онъ мнѣ, смотря куда-то вдаль.

Ивановъ дѣйствительно разошелся съ женой. Я встрѣтилъ вскорѣ Александру Петровну. Она по-прежнему была мила, ровна и въ разговорѣ относилась къ Иванову безъ злобы и весьма равнодушно.

— Столько лѣтъ прожили, Александра Петровна, и вдругъ такъ въ разныя стороны?.. Вѣдь Ивановъ—человѣкъ не злой, искренній и даже покладистый...

— Это только кажется!.. Семейная жизнь требуетъ жертвъ: нельзя все о самомъ себѣ думать,—холодно возразила Александра

Петровна.—Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до его фантазій; не женился бы, если не можетъ создать семейной обстановки. Довольно я помучилась съ нимъ!..

Все это было сказано рѣшительно и надъ прошлымъ поставленъ крестъ, поставленъ безповоротно и совершенно обдуманно.

— Да что же собственно, Александра Петровна?!—спросилъ я, и мнѣ стало какъ-то жутко въ обществѣ этой красивой, умной женщины

— Оставимте этотъ разговоръ, мнѣ кажется, онъ мало интересенъ. Вы не были на бенефисѣ Ермоловой!?

Не знаю, что̀ я отвѣтилъ, но очень хорошо помню, что подумалъ о драматическомъ этюдѣ Иванова и о немъ самомъ. Я его не видѣлъ съ того вечера, когда онъ читалъ свое произведеніе.

— А вы часто бываете въ театрѣ, Александра Петровна?..

— Это мое единственное удовольствіе. Къ сожалѣнію, пьесы большею частью такія бездарныя, фальшивыя...

— А я вотъ недавно слушалъ только-что написанную драму, очень интересную по замыслу и положеніямъ.

— Кто авторъ,—это, надѣюсь, не секретъ?

— Именно секретъ, Александра Петровна. Могу сказать только, что онъ еще начинающій.

— А, это дѣло другое!..

— Что̀ вы этимъ хотите сказать?..

— А то, что если авторъ не имѣетъ въ театральномъ мірѣ связей, то онъ можетъ свою прекрасную пьесу читать пріятелямъ, а на сцену она едва-ли попадетъ. Я говорю о столичныхъ театрахъ... можетъ быть, въ провинціи...

— Что̀ вы говорите, Александра Петровна! у насъ это дѣло организовано, существуютъ даже спеціально литературно-театральные комитеты, которые разсматриваютъ, одобряютъ. Люди, т.-е. члены—почтенные, образованные литературно...

— Однако, какой дрянью насъ пичкаютъ; посмотрите на новыя пьесы,—отъ нихъ, извините, тошнитъ. Впрочемъ, это ни для кого не тайна.

— Что̀ не тайна?

— Кумовство, протекція—вотъ что̀!

— Вотъ не ожидалъ! Скажите, пожалуйста, откуда вамъ все это извѣстно?

Александра Петровна усмѣхнулась и, прищуривъ на меня глаза, хитро проговорила:

— Ужъ не вы ли сами написали пьесу... признавайтесь!.. я вамъ, можетъ быть, и протекцію устрою...

— Нѣтъ, нѣтъ, меня Богъ миловалъ. Какія, однако, странныя вещи вы мнѣ разсказываете! Много будетъ хлопотъ моему пріятелю.

— Даже очень, если онъ человѣкъ безъ большого имени. Вы знаете драматурга N?..

— Не знаю, но пьесы его я видѣлъ. Ничего себѣ!..

— Все-таки онъ лучшій изъ многихъ, а чтò стоило ему попасть на сцену, да и не попалъ бы, еслибы не помогла...—и Александра Петровна назвала фамилію извѣстной драматической артистки, съ которой жена писателя была подругой по театральной школѣ. „Знаменитость" помогла ему пройти, желая сдѣлать одолженіе товаркѣ и помочь ей въ матеріальномъ отношеніи... Въ самомъ дѣлѣ, жили на 50 р. въ мѣсяцъ, притомъ дѣти...

— Странныя вещи вы разсказываете, Александра Петровна!..

— Ничего нѣтъ страннаго,—перебила меня основательная женщина:—въ нынѣшнее время вездѣ, рѣшительно вездѣ, нужно имѣть связи, протекцію... Этого только не признаетъ мой прекрасный супругъ—и чтò же выходитъ!? Въ концѣ концовъ совершенно останется безъ всякой работы... Кому нужны его способности, когда онъ нетерпимъ, вѣчно ссорится, никому не хочетъ уступать... Такъ жить нельзя!.. А, скажите, пожалуйста, вашъ... ну, авторъ драмы—покладистый человѣкъ? я могла бы его познакомить, если драма...

— Чтò вы!.. чтò вы!.. Александра Петровна! онъ еще хуже Иванова, еще самолюбивѣе: чтобы поклониться, попросить... и говорить нечего...

— Вотъ чтò!.. Ну, такъ помяните мое слово, что пьеса его не пройдетъ... Развѣ ужъ что-нибудь изъ ряда выходящее...

— Чтò вы, помилуйте!..

— Вотъ увидите!.. давайте пари,—при этомъ дайте мнѣ слово, что у него нѣтъ въ театральномъ мірѣ „руки".

— Слово даю, но отъ пари отказываюсь; думаю, что проиграете.

— Напрасно. Вы не знаете, чтò такое театральный міръ и изъ кого собственно онъ состоитъ!.. любопытный, я вамъ доложу, этотъ міръ! Вы, вотъ, гордитесь вашими литературными нравами, вы люди традицій, а, посмотрите, иной разъ по знакомству съ редакторомъ или солиднымъ сотрудникомъ—нѣтъ, нѣтъ, да и помѣстите какую-нибудь дрянь, которую совѣстно и читать. Я не стану разбирать почему,—можетъ быть, это умно и такъ надо... Но вѣдь бываетъ, сознайтесь, что бываетъ.

Я улыбнулся и сказалъ, что бываетъ—рѣдко, но бываетъ.

— А въ театральномъ дѣлѣ часто и даже почти всегда. Вотъ почему посовѣтуйте вашему пріятелю или смириться и найти покровителя, или бросить занятіе по драматической части... У насъ драматурги свои, присяжные, монополисты...

— Все-таки, знаете, странно!..

Александра Петровна вздохнула и задумчиво произнесла:

— Странно!? Да, страннаго много на свѣтѣ и къ этому странному нужно приспособляться!

— Какая, однако, вы практичная, Александра Петровна!..— не утерпѣлъ я прибавить на прощанье.

— Что̀-жъ дѣлать!.. жить надо, а люди не ангелы!..

„Однако характерецъ, нечего сказать!.. а мы и не замѣчали... Ивановъ дѣйствительно передъ ней мальчикъ, да еще идеалистъ"!..—думалъ я, простившись съ любезной хозяйкой, и рѣшилъ непремѣнно сегодня же справиться о судьбѣ пьесы Иванова. Я еще болѣе сталъ интересоваться его драматическимъ этюдомъ, и мнѣ очень хотѣлось видѣть его на сценѣ. Какъ жаль, что у меня не было „руки"!

Въ этотъ вечеръ я не засталъ Иванова дома. Прислуга мнѣ сказала, что его не бываетъ дома цѣлыми днями.

— Утречкомъ если—застать можете, а то никакъ невозможно: ни обѣдать, ни чай пить,—доносилось до меня, когда я спускался съ лѣстницы. Ивановъ перемѣнилъ квартиру, но прислугу оставилъ прежнюю.

„Что̀ онъ дѣлаетъ и гдѣ пропадаетъ"? — думалъ я, направляясь въ одну изъ редакцій.

Когда я вошелъ въ кабинетъ секретаря, тамъ шелъ оживленный разговоръ, предметомъ котораго былъ только-что ушедшій Ивановъ. Изъ разговоровъ съ присутствующими я узналъ, что Иванову возвратили статью, которую по ея рѣзкости редакція нашла неудобнымъ печатать.

— Помилуйте,—говорилъ секретарь, еще не пришедшій въ себя отъ волненія:—мало ли кому, даже извѣстнымъ писателямъ, возвращаютъ матеріалъ; нельзя же все печатать, что̀ придетъ каждому въ голову... а онъ цѣлый скандалъ затѣялъ, говоритъ, что у насъ литературная лавочка, что я приказчикъ, довѣренный молодецъ отъ хозяина и еще чортъ знаетъ что̀ такое...

— О чемъ статья?—поинтересовался я съ своей стороны.

— О театрѣ, о паденіи драматическаго искусства, о необходимости вернуться къ романтизму... Это бы еще туда-сюда... но

какъ изругалъ онъ нынѣшнихъ представителей, я вамъ и сказать не могу: и фарисеи-то, и балаганщики, и чинари, и... всего не припомню... А потомъ всѣхъ насъ облаялъ...

— Но вѣдь, дѣйствительно, драматическое искусство хромаетъ...

— Почему?—возразилъ секретарь.—Актеры у насъ превосходные, можно сказать, на всю Россію, и пьесы ничего себѣ... Островскіе вѣдь столѣтіями рождаются...

— Я не знаю, право, но мнѣ говорили, что очень ужъ безсодержательны нынѣшніе драматурги...

— Пожалуй и правда,—согласился секретарь,—но намъ неловко выступать противъ нынѣшняго театра: у насъ свои причины...

Я промолчалъ.

— Ивановъ совсѣмъ ошалѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ самъ написалъ пьесу,—вмѣшался въ разговоръ одинъ изъ сотрудниковъ:—воображаю, какая чепуха...

— Вы не читали,—обратился я къ нему,—и не слыхали, что̀ за пьеса?..

— Читать не читалъ, а слыхалъ, что нелѣпая, нѣчто въ родѣ Шиллера наизнанку... Впрочемъ, цензура, кажется, не пропускаетъ, да и лучше!.. и такъ всякой чепухи наплодилось...

— Цензура, говорите,—отчего?..

— Право, не знаю... Говорилъ намъ здѣсь, что завтра ѣдетъ въ Петербургъ объясняться лично...

— Онъ совсѣмъ сталъ съумасшедшій, какъ написалъ пьесу; только и говоритъ о своей драмѣ, другихъ разговоровъ нѣтъ,— замѣтилъ другой сотрудникъ.

— Ну, въ самомъ дѣлѣ, не чудакъ ли! — снова заговорилъ секретарь:—написалъ пьесу, которую желаетъ и надѣется поставить, и вмѣсто того, чтобы хлопотать, заводить связи съ театральными, онъ на нихъ же напустился, какъ цѣпная собака! Благодарить меня долженъ, что я не пропустилъ статьи.

— Объясните мнѣ, пожалуйста,—вы, повидимому, знакомы съ этимъ дѣломъ,—въ чемъ собственно состоитъ трудность постановки пьесы на сцену,—конечно, если пьеса удовлетворительная... Ну, первое дѣло—цензура.

— Совершенно вѣрно, драматическая цензура, которая находится въ Петербургѣ, и куда пьесу нужно послать въ двухъ экземплярахъ, съ приложеніемъ на прошеніи двухъ гербовыхъ марокъ.

— Ну, марки что̀!..

— Какъ чтò?.. позвольте, я вамъ объясню ужъ подробно. Это цѣлая исторія... Да еще дѣло не столько въ формальностяхъ, сколько вообще въ хлопотахъ всевозможныхъ, но объ этомъ послѣ. Когда пьеса одобрена цензурой, тогда — тоже въ двухъ экземплярахъ съ двумя марками—пьесу представляють въ литературно-драматическій комитетъ, для разрѣшенія постановки на императорскихъ театрахъ. Разрѣшитъ комитетъ, состоящій изъ любителей или просто самихъ присяжныхъ драматурговъ, тогда нужно хлопотать черезъ начальство театральное или черезъ имѣющаго силу артиста о постановкѣ... На все это уйдетъ годъ, два, а можетъ быть и три... Вашъ цензурованный экземпляръ хранится въ комитетѣ, одобренъ онъ или не одобренъ—все равно... Вы должны съѣздить въ Петербургъ, выхлопотать себѣ еще экземпляръ въ цензурѣ. На все это, конечно, нужно и время, и свободныя деньги.

— Однако, какая сложная процедура!.. я и не зналъ...

— Повòзитесь вотъ этакъ годикъ или два, пьеска-то не пройдетъ, такъ заклитесь на всю жизнь драматической литературой заниматься. Конечно, если протекція есть, или особыя по части хлопотъ способности, тогда...

— Чтò тогда?

— Тогда и дрянная пьеса проскользнетъ...

— А хорошая можетъ не пройти?..

— Можетъ. Найдутъ несценичной... Артисты откажутся играть...

— Артисты развѣ тоже имѣютъ вліяніе на постановку?

— Имѣютъ. Много, очень много условій и обстоятельствъ, сопровождающихъ появленіе на сценѣ той или другой новой пьесы.

— А члены комитета кѣмъ выбираются?

— Просто приглашаются дирекціей за опредѣленную плату.

— Вотъ какъ!

— Теперь позвольте предложить и вамъ вопросъ, — обратился ко мнѣ секретарь:—не написали ли, или не пишете ли вы сами пьесу?..

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я:—просто интересно. А чтò вы скажете объ Ивановѣ и его пьесѣ?

— Скажу, что можетъ быть его пьеса и недурная, но не то что сомнѣваюсь, а увѣренъ, что у насъ въ Москвѣ она не пойдетъ... Напрасно и хлопотать будетъ... Лучше бы обратился къ коммиссіонерамъ.

— Это чтò же такое?

— Разные опытные люди по театральной части, берутъ на себя хлопоты, по постановкѣ пьесъ, конечно, за извѣстные проценты и по нотаріальной довѣренности... Издатели разныхъ артистическихъ журналовъ, актеры...

— Весьма вамъ благодаренъ за сообщенное,—простился я съ любезнымъ секретаремъ.—А я, право, думалъ, что все это такъ просто, а выходитъ мудрено и даже весьма.

— Н-да-съ,—проводилъ онъ меня до двери:—зато большія деньги получаютъ драматурги, не то что нашъ братъ...

Прошелъ годъ. Пьеса Иванова не появлялась на сценѣ, и я, признаться, сталъ забывать о ней. Я не принадлежу къ особеннымъ любителямъ театровъ, посѣщаю ихъ рѣдко, и потому не могу сказать, какія пьесы изъ новыхъ появлялись на сценѣ и насколько онѣ были талантливы. Новыя пьесы я зналъ только по названіямъ, да по тѣмъ газетнымъ замѣткамъ и рецензіямъ, которыя появлялись тотчасъ послѣ ихъ первой постановки. Эти отзывы были вообще неблагопріятны, а нѣкоторые прямо указывали на отсутствіе всякаго содержанія въ драматическихъ новинкахъ. Однимъ словомъ, пьесы „проваливались“.

— Только на „старинѣ“, старыхъ пьесахъ, и отдыхаешь, молодымъ артистамъ надъ новымъ нечего и работать,—сказалъ мнѣ однажды извѣстный артистъ.

— Чтò же это значитъ?

— Время такое... безсодержательное!.. требованія понизились,—хоть дрянь, да новое давай...

— А вѣдь и хорошія пьесы... Многіе пишутъ теперь. Вотъ одинъ мой пріятель написалъ идейную вещь...

— Напрасно,—перебилъ меня артистъ:—не пройдетъ! Скучно, скажутъ... Теперь, батюшка, сценичный вздоръ нуженъ!.. а не идеи и чувства!..

На другой или на третій день послѣ этого разговора ко мнѣ пришелъ Ивановъ. Я его давно не видалъ, и онъ замѣтно перемѣнился. Мнѣ показалось, что онъ осунулся и постарѣлъ. Одѣтъ онъ былъ довольно небрежно: рубаха помята, на пиджакѣ недоставало пуговицы, и вообще внѣшній видъ его былъ далеко не презентабельный. У меня стоялъ самоваръ, и я предложилъ ему чаю. Онъ молча выпилъ стаканъ, попросилъ другой и съ натянутой улыбкой проговорилъ, даже не глядя на меня:

— Пьесу-то мою, знаете, забраковали!

— Въ самомъ дѣлѣ!—вскричалъ я, и невольно прибавилъ:—впрочемъ, это я ожидалъ!..

— Ожидали! — вскочилъ Ивановъ:—а почему!?—и онъ посмотрѣлъ на меня изумленнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ недобрымъ взглядомъ.—Вы вѣдь, помнится, интересовались пьесой, или изъ деликатности тогда...

Я опомнился.

— Позвольте, Ивановъ, вы меня не поняли. Я все время справлялся, и мнѣ сказали, что очень трудно безъ протекціи...

— Протекціи?!—дико захохоталъ мой гость.

— Вообще хлопоты,—поправился я:—ну, можетъ быть, измѣненія, нѣкоторыя сокращенія въ пьесѣ. Вы, вѣроятно, съ театральными людьми не совѣтовались?..

— Это вы про театральныхъ чиновниковъ, что-ли?—злобно спросилъ меня Ивановъ.

— Не про чиновниковъ, но про тѣхъ, кто ближе тамъ къ сценѣ, къ постановкѣ,—говорилъ я, чувствуя, что говорю вздоръ.

— Ну, да. Это чиновники. Вы слушайте, не чиновники, а комитетъ, спеціалисты не одобрили и написали, что это вздоръ, фантазерство и никуда негодная вещь...

— Не можетъ быть! Пьеса очень искренняя и правдивая... —подтвердилъ я.

— Еще бы не правдивая, когда я самъ все это пережилъ и самого себя изобразилъ.

— Я догадывался еще тогда, помните...

— Помню, когда сказали, что герой не уйдетъ въ деревню!

— При этихъ словахъ Ивановъ посмотрѣлъ на меня и язвительно улыбнулся.

Вообще онъ былъ страшно возбужденъ. Видно было, что неудача съ пьесой повліяла на него сильно. Этотъ рѣзкій тонъ, воспаленный взглядъ производили тяжелое впечатлѣніе.

— Я сдѣлалъ большую ошибку,—продолжалъ, вставъ съ своего мѣста, Ивановъ:—даже двѣ ошибки. Первое, что написалъ драму, а второе, что пригласилъ васъ, всѣхъ васъ слушать и цѣнить ее...

— Мы... мнѣ показалось,—возразилъ я,—по крайней мѣрѣ я лично говорилъ правду и теперь повторяю, что пьеса мнѣ понравилась, произвела на меня впечатлѣніе и возбудила весьма многіе вопросы, освѣтила, такъ сказать, семейную жизнь съ новой стороны!.. Послушайте, Ивановъ, вѣдь и „Крейцерову Сонату“ бранили, да еще какъ...

— А вы находите развѣ сходство?—оживился Ивановъ.

— Да, нахожу и сходство, замѣтьте, по существу, по отсут-

ствію единаго духа въ семьѣ, по отсутствію идеализма, который бы связывалъ, тѣсно, безраздѣльно, два человѣческихъ существа.

Ивановъ молча пожалъ мою руку и задумался. Волненіе его видимо проходило, и онъ становился спокойнѣе.

— Знаете что,—заговорилъ онъ тихо:—вы первый поняли мою мысль... Именно я это и хотѣлъ выразить. Я не думалъ рисовать героя, непонятаго идеалиста, а напротивъ, обыкновеннаго человѣка, имѣющаго человѣческое сердце и не удовлетворяющагося одной только животной стороной жизни, въ которой нѣтъ ни смысла, ни счастія.

— Именно я такъ и понялъ...

— Да, это вы!—съ горечью перебилъ онъ меня:—а другіе?.. они, цѣнители и судьи?!.. Они признали за пьесой ложное положеніе и даже посмѣялись надъ моимъ языкомъ! Какъ жаль, что я не могу прочесть вамъ этой критики!.. очень жаль!..

— Языкъ, можетъ быть, неудобный для сцены, но его можно бы было измѣнить; онъ нѣсколько возвышенный, впрочемъ прекрасной формы, вполнѣ литературный,—сказалъ я.

— Что языкъ?! это внѣшность и ничего болѣе! Да что впрочемъ объ этомъ толковать... Довольно!.. больше года я былъ, находился въ какомъ-то самообманѣ, совсѣмъ потерялъ подъ ногами и ту почву, которая была прежде... Ха! ха!.. вообразилъ себя и совершенно искренно драматургомъ, поставилъ высокія задачи, залѣзъ въ своихъ мечтахъ чортъ знаетъ куда... а на самомъ дѣлѣ что, кто я?.. простой чернорабочій, человѣкъ строчки и пятачка!.. Съ суконнымъ-то рыломъ да въ драматическій рядъ!.. Эхъ, Ивановъ, пора, давно пора тебѣ смириться!..

— Полно, что вы! къ чему такое самобичеваніе!.. Не удалась эта пьеса... попробуйте другую...

— Что-нибудь въ родѣ знаменитыхъ комедій... какъ бишь его!! Нѣтъ ужъ, Богъ съ ними, пускай дѣйствуютъ безъ моей конкурренціи!

— Очень жаль, очень жаль, что такъ случилось!

— Теперь, — продолжалъ Ивановъ,—я уже не жалѣю объ этомъ, но злость, досада—вотъ что не даетъ мнѣ покоя!.. Пускай моя пьеса не годится, пусть она слаба, но это злорадство, что она провалилась...

— Да вѣдь она на сценѣ не была... А вы говорите—провалилась!..—перебилъ я.

— Все равно, она больше для меня не существуетъ... Понимаете, пьесы больше нѣтъ...

Я постарался успокоить гостя и перевелъ разговоръ на его

супругу. Ивановъ заговорилъ о ней тепло и хорошо, не было и тѣни раздражительности. Время сдѣлало свое дѣло. Все пережитое, вся острота семейнаго кризиса съ его послѣдствіями, все то, что̀ порой заставляетъ пустить пулю въ лобъ, вся совокупность „случая", съ его тогда возбужденнымъ душевнымъ состояніемъ,— все ушло на работу, передачу этихъ чувствъ бумагѣ. Подъ впечатлѣніемъ семейнаго разлада, когда разошелся съ женой, Ивановъ написалъ драму и, можетъ быть, этимъ спасся отъ многаго. Онъ не былъ человѣкъ сильнаго характера, и кто знаетъ, что̀ было бы съ нимъ, когда онъ остался одинокимъ?!

Но онъ не былъ одинъ. Онъ почти цѣлыхъ полтора года жилъ своей пьесой. Онъ мечталъ, онъ не разставался съ ней своими мыслями, своими чувствами. Помимо пьесы, все для него было постороннее, чужое. Въ эти полтора года онъ пережилъ свой нравственный кризисъ.

Такія мысли быстро пришли мнѣ въ голову, когда передо мной сидѣлъ Ивановъ, спокойный и хладнокровный, даже не тотъ прежній Ивановъ, нервный и горячій, а напротивъ, сдержанный.

Онъ говорилъ умно и совершенно безъ задора о литературѣ; я съ удовольствіемъ его слушалъ и невольно соглашался съ нимъ.

— Потребность хорошей и понятной для народа книги сказалась... Запросъ и требованія явились огромные. Но кто пошелъ имъ на встрѣчу? Кто?! Очень и очень немногіе изъ литераторовъ, да и то какъ-то неумѣло, непрактично!.. Левъ Толстой написалъ нѣсколько разсказовъ, другіе даже этого не сдѣлали, т.-е. не написали спеціально, а дали право издать кое-что изъ стараго, по ихъ мнѣнію, подходящаго для народа... Вотъ!..

— Положимъ, правда, небогата наша народная литература...

— И вы со мной согласны,—продолжалъ Ивановъ.—Очень радъ! Но посмотрите, какая масса издателей появилась въ послѣднее время... И какихъ издателей!.. Купецъ, батюшка, въ это дѣло пошелъ! Значитъ, почуялъ наживу, если свою ковровую фабрику на книжное дѣло промѣнялъ!.. Что̀ вы объ этомъ думаете?!.. По фабричному оптомъ, гуртомъ торгуетъ. Дѣло выгодное, наживное, коммерція настоящая!.. Нижегородская ярмарка— главное мѣсто сбыта, хотя вообще мѣстами сбыта, какъ опытный торговецъ, онъ обезпеченъ. Но Нижній все-таки главный. Туда направляется книжный товаръ во множествѣ и идетъ валовая торговля... Въ сентябрѣ купецъ-издатель сводитъ счеты—

балансъ—и въ октябрѣ приступаетъ къ покупкѣ и фабриковкѣ новыхъ изданій. Этотъ „чумазый" полу-грамотный персонажъ „оцѣниваетъ", понимаете... оцѣниваетъ!.. Чумазое толстое рыло говоритъ вамъ: „нѣтъ, господинъ, такая цѣна не подойдетъ, мы самому „Патапенкѣ" менѣе платимъ, несходная ваша цѣна, господинъ. Любую половину возьмите!.. тридцать тыщъ выпустимъ, по малости мы не займаемся... Согласны, господинъ?.. Намъ неколи разговаривать!.. Хфедоръ, пойди-ко-сь!.. Надоть разобрать ефтотъ товарецъ...—пхаетъ ногой купецъ-издатель въ дешевое изданіе Лермонтова... Какова картиночка!—смѣялся Ивановъ; смѣялся за нимъ невольно и я.

— А литераторъ стоитъ да раздумываетъ: „за квартиру хозяинъ требуетъ, ребенокъ боленъ, а до гонорара въ журнальчикѣ, гдѣ онъ работаетъ, еще двѣ недѣли", а денегъ нѣтъ... Какъ тутъ не продать свои труды и не продать за гроши, лишь бы хотя немного перебиться. „Пожалте, господинъ, условьице сдѣлать!"—манитъ писателя своимъ толстымъ пальцемъ Разуваевъ. Повѣрьте, что при составленіи росписки нѣсколько рублей выторгуетъ, да когда деньги вынетъ—и тутъ обманетъ, а послѣ еще въ слѣдъ горемычному бѣдняку скажетъ, смѣясь себѣ въ бороду: „эхъ, кургузый!" —зѣвнетъ и ротъ перекреститъ.

— Ужъ это что!.. издавать бы самимъ надо,—подумалъ я вслухъ.

— Тоже печаль одна,—перебилъ Ивановъ.—Издать можно и въ кредитъ, пожалуй, а распространить, распродать какъ? вотъ въ чемъ дѣло!.. Вѣдь къ тому же посреднику, къ коммиссіонеру обратитесь, и этотъ коммиссіонеръ опять книжникъ, прямо безсовѣстный эксплуататоръ. 20% теперь ужъ не берутъ за продажу и 30% мало, а подай имъ сорокъ и даже пятьдесятъ!.. Недавно одинъ мой знакомый, съ именемъ литераторъ, за наличныя деньги продалъ со скидкой 60%. Какъ вамъ нравится?!.. Цѣна книги 1 р., стоила она ему тридцать, кажется, семь копѣекъ экземпляръ, и вотъ... проходимецъ „заработаетъ" по 60 к. за проданную книгу, а онъ, который дѣйствительно работалъ и, можетъ быть, создавалъ, получитъ по 3 к. серебромъ!.. ха! ха!.. ловко!.. И все это шито и крыто! Литератору самому-то совѣстно сказать, по какой цѣнѣ пошла его книжка... тоже самолюбіе!.. „Хищники" отлично умѣютъ эксплуатировать это самолюбіе... Наживаютъ деньги, строятъ дома, живутъ во всю эти проходимцы, а какъ умретъ честный литературный труженикъ, сочиненія котораго выдержали не одно, а полдюжины изданій, смотришь, ли-

тературный фондъ и хоронитъ, и пенсію семьѣ назначаетъ... Какова судьба!.. Однако, до свиданья, мнѣ и пора!..

Ивановъ началъ нервно торопиться.

— Вы попрежнему работаете въ газетахъ? Тяжелый трудъ!..

— Н-да-съ!.. Трудъ, который столько портитъ крови, такъ сушитъ мозгъ, что подальше отъ такой дѣятельности—много лучше... Думаю бросить свою спеціальность...

— Что же, на службу поступите?—поинтересовался я.

— Да, на службу.—Ивановъ хитро посмотрѣлъ на меня и засмѣялся.

— Что это значитъ?! Вы меня интригуете... Куда же, на желѣзную дорогу? въ банкъ?

— Не угадаете.

— Отчего не сказать? почему это секретъ?..

— Скоро узнаете!—Ивановъ пожалъ мою руку и быстро вышелъ изъ комнаты.

„Ну, гдѣ онъ можетъ служить?—продолжалъ я о немъ думать:—какой дисциплинѣ подчинится этотъ безпокойный человѣкъ!?"

Время шло, и я съ Ивановымъ встрѣчался часто. Онъ былъ вообще очень оживленъ, разговорчивъ, но о своемъ драматическомъ этюдѣ и о театрѣ не говорилъ и видимо избѣгалъ этихъ разговоровъ. Впрочемъ, это было понятно для меня, и Иванова нельзя было не назвать самолюбивымъ.

Помню, былъ конецъ августа. Моросилъ мелкій дождь, когда, по просьбѣ Иванова, я шелъ къ нему провести прощальный вечеръ. Ивановъ покидалъ Москву, но мы не знали, куда именно онъ уѣзжалъ.

На углу одного переулка я встрѣтилъ мрачнаго редактора, который тоже направлялся къ Иванову. Мы пошли вмѣстѣ.

— Не знаете, куда онъ уѣзжаетъ?—спросилъ меня знакомый.

— Нѣтъ; и вы не знаете?..

Редакторъ промолчалъ, а я подумалъ: стало-быть, не знаетъ, если меня спрашиваетъ. Мы шагали молча.

— Опять какая-нибудь глупость!..—проворчалъ редакторъ.

— Отчего вы думаете?.. Вѣрно, нашелъ мѣсто!.. можетъ, выгодное!..

— Не повѣрю... Бросить пора все это!..

— Что бросить?.. я васъ не понимаю.

— Сантиментальности!.. Время теперь не такое!.. Что имѣло смыслъ двадцать лѣтъ назадъ—теперь вздоръ!.. Теперь деньги!..

— Положимъ, не однѣ деньги...—возразилъ я.

— А что же, напримѣръ?..

— Какъ что?!—я смотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Э, полноте!—перебилъ меня редакторъ.—Отчего Ивановъ пересталъ писать пьесы? вѣдь онъ способенъ...

— Позвольте,—перебилъ я его, изумленный:—вы развѣ не знаете, что его драму, которую онъ намъ читалъ, забраковали!.. а вы говорите: писать!..

— Другую бы написалъ, надо привыкнуть, приспособиться... Сразу нельзя потрафить...

— Что вы говорите!—отвѣчалъ я съ досадой:—Ивановъ не такой человѣкъ, чтобы потрафлять... Онъ написалъ все-таки литературную вещь...

— Да вѣдь на сцену не приняли... Значитъ, нужно было писать не литературную, а... театральную...

— Странно, очень странно!..

— Чего странно!.. Хорошія деньги даютъ... жить можно!..

Я хотѣлъ ему отвѣчать, но мы стояли у дверей квартиры Иванова. У него собралось довольно большое общество. Были всѣ тѣ, которые присутствовали при чтеніи его драмы, за исключеніемъ двухъ актеровъ, взамѣнъ которыхъ, впрочемъ, было еще нѣсколько человѣкъ изъ московской интеллигенціи.

На этотъ разъ былъ и дамскій персоналъ. Въ небольшихъ двухъ комнатахъ Иванова хотя и было тѣсновато, но оживленно и весело. У самовара тѣснился народъ, каминъ трещалъ, ярко вспыхивая. Въ углу стоялъ почти наполненный чемоданъ. На письменномъ столѣ не было ни портретовъ, ни бумагъ, ни письменнаго прибора. „Собрался въ серьёзъ, — думалъ я, — но куда онъ ѣдетъ?“

— Итакъ, въ путь-дорогу, Ивановъ,—далеко ли и надолго?—спрашивалъ я, здороваясь.

Ивановъ улыбался.

— Представьте себѣ,—заговорили кругомъ:—не говоритъ, въ секретѣ держитъ. Ну, Ивановъ, въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ вы насъ покидаете?.. на кого?.. Говорите же, куда ѣдете?

— Господа, — проговорилъ Ивановъ: — потерпите и скоро узнаете... да это, впрочемъ, и не такъ интересно...

— Почему же не сказать, я не понимаю!—воскликнула, надувъ свои губы, интересная блондинка.

— Узнаете, господа, скоро,—повторилъ Ивановъ:—а теперь позвольте васъ поблагодарить, что не отказали придти проститься. Мы проведемъ вечеръ по-товарищески, какъ прежде, въ старину.

Сейчасъ уберутъ самоваръ и подадутъ выпить и закусить... Прошу, господа, не скучать!.. Читать драмы не буду... Не бойтесь!..

— Иванъ Семеновичъ!—толкнула меня подъ локоть знакомая Марья Сергѣевна, особа довольно нервная и впечатлительная:— Иванъ Семеновичъ! я боюсь... послушайте...

— Чтò вы, Марья Сергѣевна?.. чего боитесь?—удивлялся я.

— Подите сюда!

Она отвела меня въ сторону и, взявши за руку, быстро проговорила:

— Онъ застрѣлится!.. у насъ на глазахъ!.. я боюсь!.. предупредите!.. Господи!..

Я сталъ успокоивать нервную женщину, но ея предположеніе меня очень поразило, и я помню, что у меня защемило сердце. Въ самомъ дѣлѣ, почему онъ себя такъ странно ведетъ, держитъ въ упорномъ секретѣ, куда онъ ѣдетъ?!.. куда?.. родныхъ у него никого нѣтъ. Въ деревню?! да вѣдь теперь осень на дворѣ!.. съ дачъ, изъ деревень, всѣ съѣзжаются въ городъ... Ничего, что онъ веселъ... возбужденіе бываетъ разное!.. Я сталъ слѣдить за Ивановымъ, съ котораго барыня не спускала, какъ мнѣ показалось, испуганныхъ глазъ. Не одному же мнѣ Марья Сергѣевна сообщила, чтò ей пришло въ голову. При каждомъ трескѣ сухихъ дровъ въ каминѣ, женщины испуганно вздрагивали и посматривали по сторонамъ.

Мнѣ самому казалось, что должно произойти нѣчто странное и неожиданное.

„Почему же эти дамы не уйдутъ, если онѣ увѣрены, что...— думалъ я:—или любопытство сильнѣе ужаса смерти!!"

Ивановъ, между тѣмъ, хлопоталъ съ посудой, бутылками, и все это продѣлывалъ такъ охотно и такъ весело, какъ человѣкъ, у котораго на душѣ совершенно спокойно, и которому предстоитъ ужинъ въ пріятной дружеской компаніи. „Бываетъ нервная возбужденность... веселая!"—мелькало въ моей головѣ.

— Какой вы, Ивановъ, сегодня милый и... веселый!..—подошелъ я къ нему.

— Имѣю на это право... въ послѣдній разъ, передъ отъѣздомъ...

— Почему въ послѣдній разъ?.. странно довольно-таки...

— Думаю, что послѣдній,—невозмутимо посмотрѣлъ на меня хозяинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... я не могу!.. — волновалась Марья Сергѣевна. Лица другихъ дамъ были блѣдны и встревожены.

Ивановъ подошелъ къ нимъ и началъ любезно угощать. Тѣ

смотрѣли на него съ ужасомъ, а Марья Сергѣевна шопотомъ проговорила:

— Ивановъ, что вы задумали!.. не скрывайте... я поняла... какъ не стыдно... такое малодушіе... и еще пригласить насъ... Я сейчасъ уѣзжаю... не могу, не могу!..—чуть не плакала нервная барыня.

— Что съ вами?..—удивлялся Ивановъ.—Я васъ не пущу; вы должны со мной проститься и выслушать...

— Не могу, не могу,—плакала Марья Сергѣевна.—Я знаю, что вы хотите сдѣлать...

— Что?..—спросилъ Ивановъ. Мы всѣ молчали.

— Застрѣлиться... при насъ... вотъ что!.. я знаю... пустите меня!..

Гости вытаращили глаза. Ивановъ посмотрѣлъ кругомъ, и вдругъ какъ захохочетъ, да такимъ заразительнымъ смѣхомъ, что многіе начали ему вторить, еще хорошенько не понимая, въ чемъ дѣло.

Марья Сергѣевна посмотрѣла на насъ полными слезъ глазами и, продолжая плакать, говорила:

— Зачѣмъ же такъ шутить!.. зачѣмъ пугать?!..

— Вотъ вы что надѣлали вашими секретами, Ивановъ?!.. Ну, можно ли!..—досадовалъ я, думая, между прочимъ: „повѣрилъ и я, дуракъ, этому!"

Тѣмъ не менѣе, происшедшій инцидентъ способствовалъ большему еще оживленію. Сыпались остроты, чокались стаканами и весело закусывали.

— За отъѣзжающаго!.. За благополучную дорогу!..—предлагался тостъ.

— Куда! какая дорога?

— Все равно!..

— Ну, Ивановъ, начинайте, повѣдайте намъ вашу секретную поѣздку!

Ивановъ наполнилъ вновь стаканы виномъ, поднялъ одинъ изъ нихъ и, оглядѣвъ всѣхъ, задумался и серьезно заговорилъ. По мѣрѣ того, какъ онъ продолжалъ свою рѣчь, тишина увеличивалась, и всѣ внимательно и серьезно слушали хозяина. Ивановъ говорилъ совершенно спокойно, нисколько не волнуясь: видно было, что онъ все обдумалъ и ко всему приготовился.

— Господа!.. благодарю васъ за теплое ко мнѣ отношеніе, которое останется для меня пріятнымъ воспоминаніемъ. Я покидаю васъ, и вѣроятно навсегда. Я не могу больше жить въ городѣ и приспособляться. Мнѣ тяжело и трудно!.. Я, наконецъ, усталъ, усталъ не физически, а душевно... Меня тянетъ туда,

гдѣ просто, къ простымъ, понятнымъ съ перваго раза отношеніямъ и... къ простому труду. Я не въ силахъ ежедневно входить въ сдѣлки со своей совѣстью и... лгать... да!.. лгать! Скрывать тутъ нечего!.. Не лгать, не приспособляться—значитъ умереть съ голоду, а я хочу жить и жить не одними только нервами и воспаленнымъ мозгомъ, а всѣмъ своимъ существомъ, и тѣломъ, и душою... Вы думаете, можетъ быть, что это моя новая фантазія, въ родѣ моей романтической драмы, съ которой еще не покончены счеты... Нѣтъ, повѣрьте, нѣтъ, я испыталъ уже это, когда работалъ и жилъ совершенно просто, и теперь не только понимаю, но и чувствую, что̀ мнѣ надо и какъ надо!..

— Попалъ въ „толстовскую“ вѣру! рѣшилъ я про себя, слушая Иванова.

— То, что̀ до сихъ поръ я дѣлалъ, никому, я убѣжденъ, ни пользы, ни вреда не приносило... Что̀ мои газетныя замѣтки и статьи! интересъ ихъ такой ничтожный и такой временной, что я объ этомъ не буду распространяться... Вы сами это хорошо знаете... Я не упалъ духомъ, нѣтъ, но моя работа истрепала мою душу, и во мнѣ вмѣсто спокойствія живетъ болѣзненный и постоянный анализъ. Со многими вещами я не могу примириться, потому что не могу ихъ разобрать во всей сложности. А засушить себя, не чувствовать жизни и только смотрѣть на нее и соображать—я тоже не могу. И вотъ, наконецъ, я понялъ, что мнѣ нужна такая жизнь и такія ея условія, которыя бы я совершенно понималъ и любилъ...

— Позвольте, Ивановъ...—перебилъ кто-то.

— Дайте договорить,—поспѣшилъ хозяинъ:—я сейчасъ кончу, не перебивайте; спорить я не буду, и это будутъ мои послѣднія слова. Полюбить жизнь—значитъ сознавать себя вполнѣ солидарнымъ съ окружающимъ міромъ, и сознавать не однимъ умомъ, но сердцемъ и душою,—вѣрнѣе, чувствовать это сознаніе. По моему мнѣнію, въ каждомъ дѣлѣ человѣка и въ его отношеніяхъ долженъ быть хоть „кусочекъ“ его чувства,—конечно, не эгоистическаго, а хорошаго, того, котораго я ищу и къ которому стремлюсь... Я иду туда, гдѣ это чувство нужно и гдѣ оно не смѣшно, какъ бы ни выразилось... Когда я писалъ свою драму, то я чувствовалъ, много чувствовалъ, но, вѣроятно, не такъ выразилъ, не гожусь въ драматурги. Я—плохой сочинитель!.. Тѣмъ не менѣе, когда я писалъ, я переживалъ не только свою жизнь, но и другого лица, и думалъ, что читателя или зрителя тронетъ та правда, которую я разсказалъ, и...

Ивановъ всталъ, подошелъ къ столу, открылъ ящикъ и вынулъ изъ него знакомую мнѣ синюю тетрадь.

— Вотъ моя драма; съ ней я провелъ много и мучительныхъ, и счастливыхъ дней. Въ ней мое прошлое, съ которымъ я хочу разстаться и разстаюсь навсегда...

Съ этими словами Ивановъ обернулся и бросилъ свою тетрадь въ каминъ. Огонь вспыхнулъ, быстро охвативъ развернувшіеся листы. Мы молча посмотрѣли другъ на друга, а Марья Сергѣевна сдѣлала движеніе по направленію къ камину, но Ивановъ остановилъ ее строгимъ, почти суровымъ взглядомъ.

Онъ вынулъ изъ кармана письмо и прочелъ намъ слѣдующее: „Мѣсто учителя для тебя готово, и, какъ мнѣ думается, подходящее: село земледѣльческое, въ сторонѣ отъ желѣзной дороги. Пріѣзжай скорѣй и захвати всѣ нужные документы. Ты, конечно, знаешь"... но здѣсь читать больше нечего... Это мнѣ пишетъ одинъ пріятель, земецъ, и завтра, господа, я уѣзжаю... а теперь прошу поздравить меня съ новою дѣятельностью... Выпьемъ, господа!..

Всѣ оживились, пошли тосты. Ивановъ, взявъ меня за руку, проговорилъ:

— Помните, вы сказали, что герой драмы не уйдетъ въ деревню! не думали ли и вы то же, что̀ и Марья Сергѣевна?

Не знаю отчего, но мнѣ стало необыкновенно грустно, въ особенности когда я замѣтилъ, что Ивановъ, тихо подойдя къ камину, какъ-то бережно перевернулъ догоравшую тетрадь. Когда онъ обернулся, мнѣ показалось, что на его глазахъ были слезы...

С. Васюковъ.

НЕПОЧАТЫЙ КРАЙ

ОЧЕРКЪ.

I.

Возникшій еще лѣтъ семь назадъ вопросъ о введеніи въ туркестанскомъ краѣ органа министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, кажется, близится къ осуществленію и скоро получитъ окончательное разрѣшеніе. Съ будущаго года предполагается введеніе этого органа, а потому, можетъ быть, не будетъ лишнимъ сдѣлать общій очеркъ этой отдаленной окраины съ точки зрѣнія его почти нетронутыхъ богатствъ и его производительныхъ силъ.

Несмотря на то, что въ послѣдніе годы пишется и говорится сравнительно много о Туркестанѣ, а съ проведеніемъ желѣзной дороги до Самарканда и доступъ къ нему значительно облегчился,—нельзя не признать, что эта отдаленная окраина, по прежнему, остается мало извѣстной не только въ деталяхъ, но и въ отношеніи цѣлаго своего состава. Ходячія въ обществѣ, не то легенды, не то сказки о баснословныхъ урожаяхъ, необычайныхъ жарахъ, изобиліи тигровъ и сыпучихъ песковъ—все еще остаются неразъясненными и, конечно, мало освѣщаютъ дѣло, запутывая представленіе объ истинномъ положеніи края. Даже изъ сферъ административныхъ все еще слышатся голоса, что въ Туркестанѣ обитаетъ будто бы какое-то особое населеніе, требующее особаго управленія, особыхъ законовъ и мѣръ, и что такъ называемыя мѣстныя особенности представляются тамъ до такой степени исключительными, что обыкновенныя административныя мѣрки къ этому населенію неприло-

жимы, и управлять имъ, какъ управляютъ всякимъ другимъ народомъ—нельзя, а нужно управлять имъ особеннымъ образомъ и на основаніи особыхъ законовъ.

Когда разсѣются всѣ эти легенды объ особенностяхъ туркестанскаго края, когда будетъ признано, что управлять Туркестаномъ слѣдуетъ на тѣхъ же началахъ, какъ управляютъ всѣми другими народами, входящими въ составъ нашей необъятной имперіи, когда объединеніе управленій признается неизбѣжнымъ и такъ называемыя мѣстныя изъятія будутъ или совершенно отвергнуты, или сокращены до минимума—обо всемъ этомъ позволено только гадать и надѣяться, что когда-нибудь это осуществится; но когда это дѣйствительно случится, объ этомъ не вѣдаетъ никто. Пока можно лишь удостовѣрить съ положительною точностью лишь тотъ фактъ, что страны этой никто, кромѣ немногихъ добровольцевъ и нѣсколькихъ спеціалистовъ-ученыхъ, не изучалъ, и этимъ недостаткомъ изученія, конечно, болѣе всего объясняется, что о Туркестанѣ до сихъ поръ циркулируютъ все болѣе полулегендарныя сказанія, и такъ твердо укоренилось мнѣніе о необходимости особыхъ мѣропріятій для этого давно совершенно умиротвореннаго края, остающагося, однако, въ вѣденіи военнаго министерства.

Пусть читатель только броситъ взглядъ на карту Туркестана, и громадныя бѣлыя мѣста, съ проведенными на нихъ гадательными линіями, изображающими пути сообщенія въ степяхъ, убѣдятъ его, что даже въ географическомъ отношеніи Туркестанъ остается страной развѣ чуть-чуть болѣе извѣстной, чѣмъ дебри Индостана или внутренняя Африка.

Правда и то, что до послѣдняго времени Туркестаномъ болѣе интересовались съ военной, нежели съ какихъ-либо другихъ точекъ зрѣнія, а потому такъ называемые Памиры изучены гораздо болѣе, нежели принадлежащіе намъ безъ малаго полстолѣтіе казалинскій, перовскій, чимкентскій и ауліэатинскій уѣзды. Что̀ дѣлается, напр., на границахъ сыръ-дарьинской и акмолинской областей, гдѣ и сама граница представляется только умозрительной линіей и фактически не существуетъ, объ этомъ также никому неизвѣстно; о Памирахъ же мы знаемъ довольно много и прежде всего знаемъ, что оттуда мы гранемъ-молъ на Индію наказывать англичанина за всѣ его безчисленныя и разнообразныя коварства.

Извѣстно, что у насъ уже изстари заведенъ такой порядокъ, что на правительствѣ лежитъ все, начиная съ изученія кустарныхъ промысловъ и устройства маленькихъ и большихъ выста-

вокъ и до поддержки оскудѣвшихъ дворянскихъ родовъ и осиротѣлыхъ семействъ чиновниковъ. Конечно, и изученіе Туркестана могло сдѣлать только правительство. И въ самомъ дѣлѣ, при условіяхъ нашей стѣсненной и всесторонне опекаемой жизни, откуда у насъ возьмутся предпріимчивые люди, и кто добровольно поѣдетъ въ такія невѣдомыя и отдаленныя страны, какъ туркестанскій край, когда еще притомъ такъ много говорятъ о сыпучихъ пескахъ, о неизбѣжной будто бы ѣздѣ на верблюдахъ и о тиграхъ, живущихъ при большихъ дорогахъ. Кто безвозмездно пожертвуетъ на изученіе такой страны свой трудъ, свое время и, можетъ быть, свое здоровье?! Какія ученыя общества имѣютъ средства и возможность посылать туда своихъ представителей? Гдѣ тѣ мѣстные патріоты à la Сибиряковъ, которые примутъ на свой счетъ снаряженіе экспедицій для изслѣдованія Туркестана, послѣ того, какъ единственная въ своемъ родѣ торговая экспедиція пришлаго купца Хлудова подверглась разграбленію?! Все, слѣдовательно, остается на попеченіи правительства, и, слѣдовательно, отъ него и только отъ него можно ожидать, что оно приведетъ въ извѣстность эту невѣдомую страну, разсѣетъ ходячія о ней легендарныя сказанія и соберетъ нужныя свѣденія для нашихъ лежебоковъ-капиталистовъ и такихъ же лежебоковъ-коммерсантовъ.

Почти пять лѣтъ тому назадъ туркестанскій край посѣтилъ одинъ изъ нашихъ министровъ. Это былъ первый министръ, побывавшій въ краѣ со времени включенія его въ составъ имперіи, и уже спустя недѣлю послѣ своего прибытія въ край министръ въ оффиціальной рѣчи назвалъ Туркестанъ лучшей жемчужиной въ коронѣ русскаго царя. Тогда же министръ пообѣщалъ кое-что сдѣлать для этой жемчужины. Говорилось о желѣзныхъ дорогахъ, объ учебныхъ заведеніяхъ, о расширеніи ирригаціи, о выясненіи свободныхъ государственныхъ земель, о поощреніи хлопководства и о разъясненіи разнаго рода поземельно-податныхъ недоразумѣній, принявшихъ къ тому времени уже нѣсколько острую форму. Но послѣ того прошло пять лѣтъ, и о жемчужинѣ какъ будто позабыли. Только недавно, не далѣе какъ съ половины прошлаго года, о ней снова вспомнили и прежде всего вспомнили, что туркестанскій край все еще остается неизвѣстнымъ, что его нужно изучать, что нужно создать какой-нибудь органъ для приведенія въ извѣстность его земельныхъ, лѣсныхъ, водныхъ и всякихъ другихъ богатствъ, и что уже нѣсколько лѣтъ какъ поднятъ вопросъ объ устройствѣ въ этомъ краѣ всего того, что̀ относится къ вѣдомству министерства госу-

дарственныхъ имуществъ. Такимъ образомъ, была окончательно признана необходимость учрежденія органа этого министерства, а поѣздка въ Туркестанъ министра земледѣлія А. С. Ермолова дала послѣдній толчокъ этому дѣлу. Ради исторической точности слѣдуетъ впрочемъ упомянуть, что, прежде чѣмъ придти къ окончательному убѣжденію въ этой необходимости, потребовались доказательства, что эта необходимость дѣйствительно существуетъ, потребовались „основанія“ необходимости этого учрежденія, каковыя основанія, конечно, представлены безъ всякихъ затрудненій, и были приняты, подвергшись сначала, по установившемуся обычаю, легкой критикѣ петербургскихъ департаментовъ.

Ниже будутъ приведены достаточныя данныя, доказывающія, что будущему управленію государственными имуществами Туркестана предстоитъ много, даже очень много, дѣла; что въ Туркестанѣ есть уже и теперь чѣмъ управлять (чтò оспаривается нѣкоторыми), но еще болѣе есть чтò изучать, изслѣдовать, приводить въ извѣстность; а теперь отмѣтимъ только то обстоятельство, что, въ силу установившихся традицій о необходимости для окраинъ разныхъ изъятій, однимъ изъ основаній учрежденій органа управленія государственными имуществами въ Туркестанѣ является значительное подчиненіе этого органа военному министерству, въ лицѣ мѣстнаго генералъ-губернатора, и это подчиненіе является, конечно, тою, по нашему мнѣнію, ненужною, данью, которая неизмѣнно платится во имя мѣстныхъ *особенностей* нашихъ окраинъ; хотя нужно сказать, что если всякаго рода изъятія во имя этихъ особенностей признаются необходимыми не только для Кавказа, для инородцевъ Сибири и проч., но и для Крыма, Волыни, Литвы, Финляндіи и т. д., то уже, конечно, подобныя изъятія находятъ полное оправданіе относительно Туркестана. Такое подчиненіе органа министерства земледѣлія военному министерству ставится, однако, первѣйшимъ условіемъ возможности успѣшнаго функціонированія учреждаемаго управленія, и нельзя не согласиться, что если придавать значеніе мѣстнымъ особенностямъ въ управленіи окраинами,—а не придавать имъ значенія нельзя,—то такое подчиненіе должно быть установлено безъ всякихъ разсужденій и колебаній. Примѣръ Кавказа въ этомъ отношеніи представляется особенно поучительнымъ, хотя есть прецеденты въ этомъ родѣ и въ самомъ Туркестанѣ (напримѣръ, подчиненіе генералъ-губернатору учебной части), и потому остается примириться съ этимъ, памятуя, что до сихъ поръ военное министерство, несмотря на свои совершенно спеціальныя задачи не только не забывало всей важности вопроса объ изслѣдованіи страны, отданной въ его

управленіе, и не только выдѣлило многихъ лицъ, посвятившихъ свое время и труды спеціальнымъ и общимъ изслѣдованіямъ (Соболевъ, Каульбарсъ, Хорошхинъ, Глуховской, Маевъ и др.), но по преимуществу давало средства на изученіе края, и что этому министерству мы обязаны появленіемъ въ печати такихъ капитальныхъ трудовъ, какъ труды Миддендорфа, Романовскаго, Мушкетова, Куна и друг.

Нужно ли, однако, приводить какія-либо основанія въ доказательство того, что въ туркестанскомъ краѣ необходимо создать органъ управленія государственными имуществами? Прежде всего, казалось бы, достаточно уже одного того основанія, что государственныя имущества повсемѣстно управляются отдѣльными органами и, слѣдовательно, нѣтъ причинъ, почему бы не быть такому же органу и въ Туркестанѣ. А затѣмъ нѣтъ недостатка и въ разныхъ другихъ основаніяхъ, и, напримѣръ, какія же могутъ быть болѣе солидныя основанія для учрежденія подобнаго органа, какъ слѣдующія: 1) эксплуатація всѣхъ государственныхъ имуществъ въ Туркестанѣ или вовсе не существуетъ, или только-что начата и потому, до послѣдней крайности, неудовлетворительна и плоха; 2) надзоръ за государственными имуществами или вовсе не существуетъ, или до чрезвычайности слабъ; 3) самыя государственныя земли донынѣ совсѣмъ еще не приведены въ извѣстность, совсѣмъ не выяснены, и остается неизвѣстнымъ, какія изъ нихъ слѣдуетъ считать свободными и состоящими въ дѣйствительномъ распоряженіи государства; 4) производство хлопка, благодаря главнѣйшимъ образомъ этой невыясненности, гораздо менѣе, нежели можетъ и должно быть; 5) благодаря отсутствію всякаго руководительства въ сельскомъ хозяйствѣ, хозяйство это не обнаруживаетъ вообще никакого прогресса въ Туркестанѣ, и въ частности, напр., культура риса поставлена крайне нераціонально, и во многихъ мѣстностяхъ края поддерживается рисовое хозяйство совсѣмъ не того вида и сорта, какъ должно быть по мѣстнымъ условіямъ, при чемъ традиціонная приверженность населенія къ „мокрому“ рисовому хозяйству вмѣсто культуры „сухого“ китайскаго риса, требующаго воды почти въ десять разъ менѣе, нежели мокрый рисъ, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ отвлеченіе непроизводительнымъ образомъ массы оросительной воды; 6) за отсутствіемъ всякихъ изслѣдованій мѣстнаго рыбнаго промысла, громадныя рыбныя богатства страны эксплуатируются самымъ незначительнымъ и притомъ совершенно неправильнымъ способомъ; 7) по тѣмъ же причинамъ не менѣе громадныя мине-

ральныя богатства Туркестана пропадаютъ совершенно втунѣ и не даютъ почти никакого дохода казнѣ.

Добавимъ къ этому, что виноградарство развивается весьма медленно, также какъ винодѣліе и садоводство; культуры разныхъ прядильныхъ растеній (рами, кендырь, ленъ) совсѣмъ не существуютъ; шелководство очень пало по сравненіи даже съ недавнимъ прошлымъ; правильнаго скотоводства, коневодства, овцеводства вовсе нѣтъ и т. д. При всемъ этомъ въ населеніи нѣтъ никакихъ сельскохозяйственныхъ знаній; нѣтъ капиталовъ, усовершенствованныхъ орудій и нѣтъ свѣдущихъ техниковъ; почва почти не изслѣдована, кредита не существуетъ; никакой статистики, а тѣмъ болѣе сельскохозяйственной, нѣтъ; перепись населенія еще не произведена; за осѣданіемъ кочевниковъ и превращеніемъ ихъ въ полухлѣбопашцевъ никакихъ наблюденій не производится; русская колонизація совершается безъ всякаго плана, и земель для будущихъ колонистовъ не подготовляется; объ организаціи „богарнаго хозяйства“ (посѣвы безъ орошенія) и поземельномъ обложеніи богары идутъ только многолѣтніе разговоры, въ явный ущербъ интересамъ государственнаго казначейства, и проч., и проч. Скажемъ еще, что вопросъ о поземельно-податномъ устройствѣ все еще остается не только не рѣшеннымъ, но даже запутаннымъ; что просвѣщеніе въ краѣ держится на началахъ мусульманской косности и отчуждается отъ европейской науки, и, въ довершеніе всего, въ краѣ, гдѣ земельныя имущества составляютъ по преимуществу государственную собственность, гдѣ девять-десятыхъ земной поверхности принадлежатъ казнѣ уже болѣе тридцати лѣтъ, нѣтъ спеціальнаго представителя этихъ имуществъ, и интересы этихъ имуществъ поддерживаются и охраняются все тѣми же административными чиновниками, по необходимости энциклопедистами на всѣ руки, которые, помимо своихъ прямыхъ обязанностей, вѣдаютъ и лѣсами, и водами, и статистикой, и путями сообщенія, и колонизаціей и чѣмъ угодно.

Вотъ, кажется, достаточно вѣскія основанія для учрежденія того спеціальнаго органа, который долженъ придти на смѣну чиновниковъ-энциклопедистовъ, вѣдающихъ все или, вѣрнѣе сказать, не имѣющихъ возможности вѣдать ничего, и которые не въ состояніи справляться съ непосильнымъ грузомъ многочисленныхъ и разнообразныхъ обязанностей.

При всемъ томъ, что необходимость устройства государственныхъ имуществъ въ Туркестанѣ сознана, какъ кажется, и давно, и окончательно,—необходимо отмѣтить, что вопросъ о подробностяхъ этого устройства еще недостаточно опредѣлился, и если

никто не доходитъ до утвержденія, что можно въ Туркестанѣ все оставить по прежнему, на дальнѣйшія заботы и попеченія чиновниковъ-энциклопедистовъ, то высказываются разныя мнѣнія о размѣрахъ организаціи управленія и средствахъ на первоначальное обзаведеніе органа управленія государственными имуществами. Всѣ, конечно, согласны, что для этой организаціи нужны люди и средства; но сколько нужно людей и какія средства будутъ достаточны—является уже предметомъ не только разговоровъ, но и споровъ. Одни говорятъ, что нужно сначала изслѣдовать страну и потомъ уже заводить управленіе, такъ какъ пока не изслѣдованы и не выяснены богатства страны, то нечѣмъ и управлять, а потому не нужно и никакого органа управленія; другіе же высказываются такъ, что нужно вступить немедленно въ управленіе тѣмъ, что̀ есть, и приступить къ эксплуатаціи наличнаго казеннаго имущества, и что заниматься одними изслѣдованіями уже потому неудобно, что самыя изслѣдованія требуютъ мѣстнаго руководительства, и чѣмъ менѣе будетъ персоналъ изслѣдователей, тѣмъ долѣе изслѣдованія эти будутъ производиться, а слѣдовательно, тѣмъ болѣе пройдетъ времени до того момента, когда наступитъ, наконецъ, возможность приняться за эксплуатацію мѣстныхъ богатствъ и за управленіе хозяйствомъ государственныхъ имуществъ.

Извѣстно, что на всякое хозяйственное предпріятіе можно составить и маленькую, и большую смѣту. Также извѣстно, что смѣты бываютъ составлены или по правиламъ науки, или просто, такъ сказать, хозяйственно; и, наконецъ, извѣстно также, что экономія только тогда хороша, когда она благоразумна. Маленькая смѣта хотя, какъ будто, и лучше, да не всегда годится; большая—хотя иногда и производитъ устрашающее впечатлѣніе, но безъ нея нельзя обойтись; и, наконецъ, извѣстно, что на маленькую смѣту не сдѣлаешь всего, что̀ нужно, а большую могутъ и не разрѣшить, тѣмъ болѣе, что разрѣшеніе это почти всегда ставится въ зависимость отъ взглядовъ финансоваго управленія. Но какъ бы то ни было, вопросъ о людяхъ и средствахъ, необходимыхъ для будущаго управленія государственными имуществами туркестанскаго края, долженъ быть все-таки разрѣшенъ, и остается надѣяться, что вопросъ этотъ будетъ разрѣшенъ и въ интересахъ скорѣйшаго и всесторонняго изслѣдованія края, которое ожидается уже тридцать лѣтъ, и въ интересахъ немедленнаго введенія надлежащаго управленія, и что все это будетъ сдѣлано на основаніи благоразумной финансовой поли-

тики, т.-е., что и люди, и средства, будутъ даны въ нужномъ количествѣ, а люди, сверхъ того, еще и надлежащаго качества.

Войдемъ, однако, въ нѣкоторыя детали будущей дѣятельности органа управленія обширными и многоцѣнными богатствами этого, такъ сказать, еще непочатаго края нашего отечества.

II.

Кажется, нельзя оспаривать, что первѣйшій изъ всѣхъ вопросовъ, отъ правильнаго разрѣшенія котораго болѣе всего зависитъ не только будущее благополучіе и процвѣтаніе Туркестана, но и въ особенности вопросъ объ его колонизаціи, объ осѣданіи кочевниковъ и наиболѣе прочномъ закрѣпленіи этой окраины за Россіей, есть вопросъ объ орошеніи. Нужно ли создать какой-либо законъ о водѣ; достаточно ли ввести какую-либо инструкцію и правила въ пользованіи водой, или пока можно удовольствоваться и тѣмъ „обычнымъ порядкомъ", который дѣйствовалъ цѣлыя тысячелѣтія, и который дѣйствуетъ или, по крайней мѣрѣ, предполагается, что дѣйствуетъ и нынѣ,—всѣ эти вопросы не входятъ, въ настоящее время, въ программу нашего разсужденія о деталяхъ устройства будущаго управленія государственными имуществами. Но уже если возникъ вопросъ о необходимости развитія и расширенія туркестанской ирригаціи,—а что этотъ вопросъ не только возникъ, но даже обострился, въ томъ сомнѣваться нельзя,—то тутъ же рядомъ возникаетъ вопросъ не столько о пріисканіи необходимыхъ людей, которымъ это дѣло будетъ поручено, и не столько о числѣ лицъ, заинтересованныхъ въ этомъ орошеніи, ибо количество этихъ лицъ достаточно велико, и правильнѣе всего слѣдуетъ считать заинтересованнымъ въ этомъ все населеніе края,—сколько вопросъ о средствахъ, которыя могутъ быть отпущены на это громадное дѣло. Не говоря уже про расширеніе существующихъ оросительныхъ системъ (потребность въ чемъ, можно сказать безъ колебанія, чувствуется повсемѣстно), достаточно указать,—чтобы имѣть возможность судить о размѣрахъ суммъ, потребныхъ на орошеніе,—что на одну только извѣстную „Голодную степь", орошеніе которой, къ слову сказать, дастъ Россіи весь нужный для нея хлопокъ, потребуется, по соображеніямъ мѣстнаго инженера Петрова, около 50 милліоновъ рублей; въ дѣйствительности же это орошеніе навѣрное обойдется гораздо дешевле, такъ какъ въ туркестанскомъ краѣ уже случалось не разъ, что смѣтныя соображенія во многіе десятки тысячъ

рублей осуществлялись за малыя сотни. Но во всякомъ случаѣ весь вопросъ о расширеніи туркестанскаго орошенія сводится къ вопросу о деньгахъ,—и въ этомъ всѣ согласны. Другой вопросъ—кто именно будетъ заниматься расширеніемъ уже существующихъ оросительныхъ системъ и устройствомъ новыхъ?—и надъ этимъ вопросомъ стоитъ весьма и весьма подумать. Хотя профессіональные техники, пока весьма малочисленные въ Туркестанѣ, высказываются—и притомъ весьма рѣшительно—въ пользу передачи въ ихъ руки всего ирригаціоннаго хозяйства страны и обѣщаютъ справиться съ этимъ хозяйствомъ какъ нельзя лучше, ожидая, кажется, отъ такой передачи даже гораздо болѣе благополучія для края, нежели отъ отпуска надлежащихъ денежныхъ средствъ, но мы, съ своей стороны, можемъ только высказать твердую увѣренность, что это не что иное, какъ профессіональное увлеченіе, и что милліонъ рублей, отданный въ непосредственное распоряженіе истинныхъ хозяевъ орошенія, т.-е. мѣстнаго населенія, принесетъ больше пользы, нежели десятокъ такихъ милліоновъ, отпущенныхъ въ распоряженіе профессіональныхъ техниковъ. Есть въ подтвержденіе этого и достаточное количество практическихъ примѣровъ,—и да простятъ господа профессіональные техники намъ эту ересь, но мы имѣемъ много данныхъ исповѣдовать ее и предпочитать, вообще говоря, обывательскую технику профессіональной, хотя и оговариваемся, что это отнюдь не означаетъ, что мы отрицаемъ примѣненіе науки, и что грандіозныя сооруженія въ родѣ того, напр., которое было затѣяно въ семидесятыхъ годахъ въ Голодной степи, было предоставлено на страхъ и рискъ самихъ обывателей; къ такимъ сооруженіямъ мы считаемъ безусловно необходимымъ примѣнять научные пріемы и приспособленія, но столь же безусловно необходимымъ и полезнымъ считаемъ избѣгать примѣненія такъ называемаго урочнаго положенія къ мелкимъ ирригаціоннымъ работамъ, и особенно къ работамъ ремонтнымъ и хозяйственнымъ на существующихъ уже оросительныхъ системахъ, чего профессіональные техники особенно желаютъ.

Второй вопросъ, отъ правильнаго разрѣшенія котораго также много зависитъ благоденствіе и дальнѣйшее процвѣтаніе туркестанскаго края—это вопросъ о лѣсахъ. Туркестанскіе лѣса, прежде всего, имѣютъ совершенно особое значеніе, какъ лѣса защитные и какъ хранители и собиратели той необходимой для культурной жизни влаги, безъ которой Туркестанъ просто опустѣетъ, обезлюдѣетъ и погибнетъ, какъ погибли уже многія обезлѣсенныя страны, и, сверхъ того, лѣса эти важны сами по себѣ, т.-е. какъ пред-

мет для обширной эксплуатаціи. Кажется, что при такомъ, такъ сказать, трояковъ значеніи туркестанскихъ лѣсовъ не можетъ быть вопроса о томъ, нужно ли ихъ охранять, нужно ли ихъ правильно эксплуатировать и нужно ли заботиться о расширеніи ихъ площади. На дѣлѣ, однако, оказывается, что вопросъ такой существуетъ, и взгляды на значеніе и будущность туркестанскихъ лѣсовъ далеко не одинаковы. Мѣстные знатоки края, достаточно потрудившіеся надъ изученіемъ туркестанскихъ лѣсовъ, рекомендуютъ, напримѣръ, обратить особенное вниманіе и заняться эксплуатаціей драгоцѣнныхъ орѣховыхъ наплывовъ, и не только рекомендуютъ, но дѣлаютъ довольно точный подсчетъ тѣхъ доходовъ, которыхъ можно ожидать отъ этой эксплуатаціи; а нѣкоторые спеціалисты-техники, на основаніи мимолетнаго обозрѣнія туркестанскихъ лѣсовъ, считаютъ себя компетентными, чтобы сомнѣваться въ такомъ значеніи этихъ лѣсовъ и возражаютъ противъ возможности такой эксплуатаціи орѣховыхъ наплывовъ. Другіе спеціалисты-техники, никогда даже не бывавшіе въ Туркестанѣ, сомнѣваются, что тамошніе лѣса нужно охранять именно тѣми способами, какіе предлагаютъ лица, дѣйствующія на мѣстѣ, и всѣ эти сомнѣнія и вообще разнаго рода разномыслія между спеціалистами и практиками служатъ лишь доказательствомъ того, что источникомъ ихъ является одно невѣдѣніе истиннаго положенія дѣла, которое и слѣдуетъ скорѣе устранить путемъ основательнаго изслѣдованія и изученія на мѣстѣ. Какъ бы то ни было, но вопросъ объ охранѣ, объ эксплуатаціи и разведеніи лѣсовъ въ туркестанскомъ краѣ сводится все-таки къ вопросу о людяхъ и средствахъ, и нужно ли пояснять, что для благоденствія и процвѣтанія края вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ возможно скорѣе и возможно шире.

Третій вопросъ, скорѣйшее разрѣшеніе котораго желательно тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ онъ оставался не только неразрѣшеннымъ, но и почти невыясненнымъ,—это вопросъ объ эксплуатаціи горныхъ и минеральныхъ богатствъ края. Если еще о туркестанскомъ орошеніи и туркестанскихъ лѣсахъ, при отсутствіи въ краѣ тѣхъ спеціальныхъ органовъ, которымъ подобаетъ вездѣ заниматься этими отраслями управленія, нѣсколько заботилась мѣстная администрація, то о горныхъ и минеральныхъ богатствахъ Туркестана не заботился уже почти никто, если не считать единственнаго спеціалиста на весь край, который въ теченіе 25 лѣтъ былъ обреченъ на бездѣйствіе, за неотпускомъ ему почти никакихъ средствъ на разслѣдованія и развѣдки. Хотя при такихъ условіяхъ этотъ спеціалистъ могъ только платонически смотрѣть на гибнущіе

втунѣ разнообразные и многочисленные минералы, въ томъ числѣ и драгоцѣнные, разбросанные по обширному туркестанскому краю, —тѣмъ не менѣе, за много лѣтъ своего пребыванія въ краѣ, этотъ единственный спеціалистъ горнаго дѣла успѣлъ, однако, собрать кое-какія свѣденія о мѣстахъ нахожденія разныхъ драгоцѣнныхъ и просто цѣнныхъ рудъ и разнообразныхъ минеральныхъ залежей и намѣтить пункты, гдѣ въ нѣдрахъ земли скрываются большія богатства; и въ этомъ случаѣ опять оказались сомнѣвающіеся спеціалисты, полагавшіе, что эксплуатировать туркестанскія минеральныя и горныя богатства еще не настало время; что управлять тамъ въ Туркестанѣ пока нечѣмъ, и что нужно заняться выясненіемъ этихъ богатствъ, подождавъ съ ихъ разработкой до болѣе полнаго изученія и изслѣдованія. Какъ бы то ни было, но и этотъ вопросъ сводится все къ тому же вопросу о людяхъ и средствахъ, и если вопросъ этотъ не рѣшался въ теченіе четверти столѣтія, то настала пора его рѣшить и, конечно, чѣмъ скорѣе, шире и основательнѣе, тѣмъ лучше.

Ниже будутъ приведены болѣе подробныя свѣденія и о другихъ самыхъ разнообразныхъ статьяхъ, которыя могутъ сдѣлаться источникомъ государственныхъ доходовъ туркестанскаго края, а также будутъ приведены свѣденія о томъ, что̀ до сихъ поръ сдѣлала мѣстная администрація по эксплуатаціи всѣхъ этихъ статей, занимаясь ими, такъ сказать, между прочимъ, помимо своихъ прямыхъ и непосредственныхъ обязанностей. Впослѣдствіи также будутъ приведены цифровыя данныя тѣхъ расходовъ, которые разныя министерства понесли для туркестанскаго края въ теченіе первой четверти вѣка по его завоеваніи; при чемъ нужно отмѣтить тотъ примѣчательный фактъ, что изъ всѣхъ министерствъ самый меньшій расходъ понесло именно то министерство, которое было и есть наиболѣе заинтересованное въ широкой и правильной эксплуатаціи мѣстныхъ богатствъ, т.-е. министерство земледѣлія; а теперь повторимъ еще разъ, что благополучное разрѣшеніе вопроса объ извлеченіи изъ Туркестана государственныхъ доходовъ и превращеніе этой по настоящее время хронически дефицитной окраины въ источникъ обильныхъ рессурсовъ для государственнаго казначейства, сводится къ вопросу о людяхъ и средствахъ, которыя будутъ отпущены на эксплуатацію мѣстныхъ богатствъ и на управленіе государственными имуществами. Какіе именно требуются для этого люди и какъ велики должны быть отпускаемыя впредь средства, этого мы здѣсь рѣшать не беремся, но само собою разумѣется, что охотниковъ ѣхать въ Ташкентъ нужно набирать не изъ числа столь извѣстныхъ „ташкентцевъ приготови-

тельнаго класса", готовыхъ за хорошіе прогоны и воспособленіе отъ казны ѣхать куда и когда угодно, а придется заинтересовать въ поѣздкѣ въ дикую, отдаленную и мало культурную страну людей съ надлежащимъ образовательнымъ цензомъ, т.-е. людей вообще стоющихъ довольно дорого, а при отпускѣ средствъ на изученіе и на эксплуатацію мѣстныхъ богатствъ не практиковать неумѣстной и неблагоразумной экономіи.

Въ доказательство того, что не слѣдуетъ скупиться на приглашеніе нужныхъ людей и на отпускъ средствъ—будетъ ли то для изученія, или для эксплуатаціи этой богатѣйшей страны—подсчитаемъ, въ краткихъ словахъ и цифрахъ, то, что̀ уже теперь есть въ туркестанскомъ краѣ, къ чему придется приложить тамъ разнообразныя познанія многихъ спеціалистовъ и на что̀ требуется отпустить средства. Изъ этихъ цифръ и свѣденій, извлеченныхъ изъ вполнѣ достовѣрнаго источника, мы увидимъ, стоитъ ли заниматься изученіемъ и эксплуатаціей богатствъ туркестанскаго края, а вмѣстѣ съ тѣмъ попутно убѣдимся, что тридцатилѣтнее наше владычество въ этомъ краѣ могло бы принести намъ уже многіе милліоны рублей и окупить сторатъ понесенные на край расходы даже при самомъ умѣренномъ пользованіи тѣми богатствами, которыя намъ достались съ завоеваніемъ нашихъ средне-азіатскихъ владѣній.

III.

Начнемъ хотя бы съ государственныхъ земель и лѣсовъ. Сколько земли, сколько воды и сколько лѣсовъ въ туркестанскомъ краѣ? На всѣ эти вопросы можно было бы съ спокойною совѣстью отвѣчать, что въ точности, даже приблизительной, неизвѣстны ни земли, ни лѣса, ни воды, и что это даже и не можетъ быть извѣстно, потому что хозяйственныхъ съемокъ въ большинствѣ мѣстностей еще не произведено, лѣса не изслѣдованы, площади ихъ опредѣлены только приблизительно, и всему количеству такъ называемой свободной ирригаціонной воды также измѣренія еще не производилось. При помощи, однако, разныхъ предположеній, соображеній и умозаключеній, особая коммиссія, разработывавшая проектъ объ устройствѣ управленія государственными имуществами въ туркестанскомъ краѣ, пришла къ заключенію, что всѣ земельныя имущества нашего Туркестана составляютъ—56.500.000 десятинъ, и изъ этого числа принадлежитъ собственно государству 53.745.309 дес., изъ коихъ на

сыръ-дарьинскую область приходится 39.026.000, на ферганскую— 8.146.309 и на самаркандскую—6.573.000. Правда, что изъ этого громаднаго количества земель болѣе двухъ третей (свыше 32.000.000 дес.) находится подъ степями, песками, ошибочно признаваемыми всегда безплодными, солончаками, также находящимися въ не всегда справедливомъ пренебреженіи, и пустырями; но зато въ числѣ этихъ же земель насчитывается около 10 милл. десятинъ такъ называемаго защитнаго и охраннаго значенія, съ лѣсными, болѣе или менѣе густыми насажденіями и порослями, и изъ нихъ болѣе полутора милліона десятинъ орѣховыхъ лѣсовъ съ извѣстными, по своей высокой цѣнѣ, драгоцѣнными наплывами. Кромѣ того, въ составъ этихъ же государственныхъ земель входитъ болѣе 2 милліоновъ десятинъ богарныхъ (т.-е. воздѣлываемыхъ безъ орошенія) земель, эксплуатація которыхъ, единственно вслѣдствіе мѣстнаго поземельнаго неустройства, до сихъ поръ находится внѣ всякаго контроля власти. Во всякомъ случаѣ, только-что приведенныя, достаточно внушительныя цифры уже ясно говорятъ, что казнѣ есть надъ чѣмъ похлопотать въ странѣ, гдѣ, можно сказать, находится еще не только непочатый, въ смыслѣ эксплуатаціи, уголъ чисто земельныхъ богатствъ, но гдѣ эти богатства даже не приведены въ извѣстность; дальше же мы увидимъ, сколько всякаго рода иныхъ драгоцѣнностей, также не приведенныхъ въ извѣстность, кроется въ нѣдрахъ этихъ государственныхъ земель, и все это прежде всего нужно привести въ ясность, все нужно подсчитать и установить, все описать и зарегистровать, такъ какъ изъ всѣхъ этихъ милліоновъ десятинъ выяснена, по настоящее время, принадлежность разнымъ общественнымъ единицамъ и частнымъ лицамъ всего 2.754.691 дес., и изъ числа этихъ послѣднихъ съ особенною опредѣленностью выяснена принадлежность русскимъ сельскимъ обывателямъ почти ста тысячъ десятинъ (99.280 дес.).

Въ такихъ мѣстами полутропическихъ странахъ, какъ наши средне-азіатскія владѣнія, земля большею частью,—но вовсе не исключительно, какъ это принято думать,—представляетъ цѣнность не столько сама по себѣ, сколько въ зависимости отъ того, можетъ или не можетъ она быть орошена, и хотя одно изъ ходячихъ относительно Туркестана заблужденій заключается въ томъ, что будто бы неорошенная земля не имѣетъ тамъ никакой цѣнности, но достовѣрно, что земля орошенная и даже только способная къ орошенію цѣнится выше земель неорошенныхъ, считаемыхъ даже, въ силу того же ходячаго заблужденія, „мертвыми", хотя такая кличка этихъ земель является сущей напраслиной, такъ

какъ отсутствіе растительности, и притомъ растительности извѣстнаго рода, не представляетъ еще ни мертвенности, ни отсутствія жизни, какъ это заведено считать больше со словъ беллетристовъ. И пустыни, и пески, и солончаки, какъ и голые скалы и утесы, живутъ точно такъ же, какъ живутъ зеленые оазисы; но человѣкъ, не съумѣвъ эксплуатировать эту жизнь въ свою пользу, призналъ за лучшее обозвать такія мѣста „мертвыми", и самъ же обрекъ ихъ, такимъ образомъ, на безплодное для себя существованіе.

Итакъ, прежде всего предстоитъ выяснить государственныя земли вообще и, въ частности, казенные лѣса и тѣ, принадлежащія казнѣ же, минеральныя и горныя богатства, которыя покоятся въ нѣдрахъ земель. Чтò дѣлать съ тѣми свободными, т.-е. никѣмъ не занятыми государственными землями, которыя когда-нибудь да будутъ выяснены — этого вопроса мы здѣсь касаться не будемъ. Достовѣрно лишь, что и дальнѣйшій успѣхъ заселенія этой окраины русскими переселенцами, и успѣхъ осѣданія и перехода кочевниковъ на земледѣльческое хозяйство, и, наконецъ, судьба будущихъ крупныхъ оросительныхъ предпріятій—все это одинаково зависитъ отъ скорѣйшаго выясненія, гдѣ и сколько находится этихъ свободныхъ земель, и нужно лишь желать, чтобы выясненіемъ этимъ не медлили.

Сколько въ туркестанскомъ краѣ свободной воды—этого мы точно также не знаемъ, какъ не знаемъ, сколько свободной земли, и не только не знаемъ, сколько свободной воды, но—чтò довольно странно и печально,—даже не знаемъ длины существующихъ каналовъ, несущихъ уже взятую и кому-нибудь принадлежащую воду; а уже изъ этого явствуетъ, что и въ этой области государству предстоитъ большая работа также прежде всего по приведенію въ извѣстность водныхъ богатствъ края, дабы знать, какимъ количествомъ свободной воды казна можетъ впредь распорядиться.

Необходимо при этомъ отмѣтить, что пока на Кавказѣ и въ Крыму разсуждали—не объявить ли оросительныя воды государственною собственностью,—не въ тѣхъ, конечно, видахъ, чтобы эксплуатировать эту воду въ интересахъ полученія государственныхъ доходовъ, а только для установленія надзора за орошеніемъ,—вопросъ этотъ уже давно и безъ всякихъ колебаній разрѣшенъ въ туркестанскомъ краѣ, и всѣ водные источники, какъ необходимое средство для искусственной культуры, на которой зиждется жизнь и благосостояніе страны, на первыхъ же порахъ по занятіи края сдѣлались фактически объектомъ распоряженія мѣстной власти, чтò, впрочемъ, было согласно съ установивши-

мися обычаями края и коренными мусульманскими законами. Вода, такимъ образомъ, была объявлена въ Туркестанѣ государственною собственностью, что̀ и было выражено съ совершенною ясностью въ инструкціи, утвержденной генераломъ Кауфманомъ 19 іюня 1877 г., гдѣ было сказано прямо, что вся вода „въ арыкахъ, каналахъ и рѣчкахъ принадлежитъ казнѣ". Инструкція эта, по силѣ правъ и полномочій, предоставленныхъ въ свое время Высочайшею властью первому туркестанскому генералъ-губернатору, имѣвшая силу закона, никогда впослѣдствіи отмѣняема не была и не была замѣнена какимъ-либо другимъ позднѣйшимъ закономъ; и дѣйствительно, туркестанская администрація фактически завѣдуетъ оросительнымъ дѣломъ, давая ему общее направленіе и поддерживая порядокъ въ сложномъ вопросѣ водопользованія.

Такимъ образомъ, и по водному вопросу первая задача правительства въ Туркестанѣ будетъ заключаться въ изученіи ирригаціи края, въ изслѣдованіи причинъ ея далеко не совершеннаго во многихъ мѣстностяхъ устройства, въ выясненіи дѣйствующаго обычая и подготовкѣ матеріала для положительнаго закона, въ установленіи надзора за существующимъ орошеніемъ и, наконецъ, въ развитіи ирригаціи путемъ сооруженія новыхъ ирригаціонныхъ системъ и улучшенія старыхъ.

Для правильнаго рѣшенія двухъ послѣднихъ задачъ, касающихся самаго существеннаго вопроса,—вопроса о расширеніи оросительныхъ райновъ, потребуется прежде всего рѣшить вопросъ—сколько имѣется свободной воды въ туркестанскомъ краѣ, и какъ наилучшимъ образомъ распорядиться этой свободной водой.

Свободною водой признается, по мѣстнымъ воззрѣніямъ, такая вода, которая еще не отведена въ чьи-либо канавы или на поля, а течетъ по своему естественному руслу, до впаденія въ море или въ какой-либо другой бассейнъ, или же—что̀ встрѣчается довольно часто—до потери и исчезновенія въ пескахъ или солонцахъ. Что въ туркестанскомъ краѣ много, даже очень много свободной земли—объ этомъ было сказано ранѣе; но что тамъ также очень много и свободной, т.-е. никому въ частности не принадлежащей воды,—въ этомъ также сомнѣваться нельзя, и убѣдиться въ этомъ легко даже, такъ сказать, простымъ глазомъ, не обращаясь даже ни къ какимъ научнымъ исчисленіямъ. Достаточно взглянуть хотя бы только на тѣ два громадныхъ водныхъ потока, которые вливаются въ Аральское море, чтобы убѣдиться въ изобиліи этой свободной воды только въ двухъ главныхъ рѣкахъ туркестанскаго края; а если принять въ соображеніе такія же свободныя воды въ другихъ, менѣе значительныхъ источни-

кахъ, то можно съ увѣренностью сказать, что такими свободными водами можно оросить площадь не вдвое, а вѣрнѣе втрое болѣе существующей, и слѣдовательно весь вопросъ сводится только къ умѣнью эксплуатировать эти свободныя воды. Приблизительная цифра, выражающая количество этихъ свободныхъ водъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Рѣка Сыръ-Дарья, по принятіи всѣхъ притоковъ, можетъ расходовать въ среднемъ 150 куб. саженей въ секунду, т.-е. оросить, принявъ модуль [1]) мѣстнаго инженера Петрова — одинъ милліонъ пятьсотъ тысячъ десятинъ, а р. Аму-Дарья, если принять въ ней среднее количество воды въ 980 куб. саж. [2]) и подѣлить эту воду между Авганистаномъ и закаспійскою областью, т.-е. взять только 490 куб. саж.,—можетъ оросить 4 милліона 900 тыс. десятинъ, и, слѣдовательно, изъ обѣихъ этихъ рѣкъ можно оросить 6 милл. 400 тыс. дес., считая, какъ сказано выше, одну куб. саж. достаточной для орошенія только 10.000 дес. Такъ какъ, по послѣднимъ оффиціальнымъ свѣденіямъ пространство земель, на которомъ уже нынѣ раскинулась сѣть ирригаціонныхъ каналовъ, простирается до 1.798.000 дес., то если эту послѣднюю цифру вычесть изъ 6.400.000 показанныхъ выше, то останется еще свободной для орошенія воды собственно изъ двухъ только рѣкъ на 4.602.000 дес., при томъ еще разсчетѣ, что на поливку 10 тыс. десятинъ требуется не менѣе одной куб. сажени, съ чѣмъ можно не согласиться на основаніи многочисленныхъ опытныхъ данныхъ, добытыхъ въ Туркестанѣ и ясно свидѣтельствующихъ, что одной куб. саженью воды можетъ быть орошено вдвое и втрое большее пространство, чѣмъ исчисляетъ инженеръ Петровъ.

Не входя здѣсь въ дальнѣйшія подробности вопроса о томъ, сколько тысячъ или милліоновъ десятинъ можно оросить всѣми свободными водами Туркестана, можно, однако, безъ всякихъ колебаній цифру эту опредѣлить приблизительно въ 5 милліоновъ десятинъ и скорѣе болѣе, чѣмъ менѣе этой цифры.

Оросить всѣ эти 5 милл. десятинъ, конечно, весьма желательно; но желаніе это должно быть отнесено въ значительной степени

---

[1]) Модулемъ называется единица мѣры воды, потребной для каждаго рода посѣвовъ, каковая мѣра опредѣляется путемъ опытовъ. Модулемъ у итальянцевъ также называется приспособленіе для измѣренія количества выпускаемой на поле оросительной воды. Инженеръ Петровъ считаетъ, что одна кубическая сажень воды достаточна для орошенія не болѣе десяти тысячъ десятинъ земли.

[2]) По отчетамъ о постройкѣ закаспійской жел. дор., среднее количество воды въ Аму-Дарьѣ—980 куб. с. (75 минимумъ—1987 максимумъ: 2=980). По наблюденіямъ Шмидта и Дорандта, среднее количество воды въ Аму-Дарьѣ—857 куб. с. По расчетамъ инженера Свіягина—700 куб. с.

въ области несбыточныхъ мечтаній не потому, конечно, что это невозможно, а главнымъ образомъ по недостатку средствъ, изобиліемъ которыхъ мы вообще гордиться не можемъ, а также по недостатку знаній и, наконецъ, по малолюдности населенія, но, само собою разумѣется, главное—по недостатку средствъ. Но если нельзя разсчитывать на орошеніе этихъ пяти милліоновъ десятинъ даже въ отдаленномъ, а не только ближайшемъ будущемъ, то оживить болѣе или менѣе значительную часть этихъ земель не только возможно, но даже сравнительно нетрудно, и приводимый вслѣдъ за симъ разсчетъ стоимости орошенія одной десятины указываетъ, что это оживленіе даже въ отношеніи нужныхъ на это денежныхъ средствъ представляется вовсе не такъ трудно осуществимымъ.

Въ своемъ оффиціальномъ изданіи—„Объ ирригаціи туркестанскаго края"—инженеръ Петровъ, подводя общій итогъ возможной для орошенія земли,—итогъ, не достигающій, по его мнѣнію, и до милліона дес. (970.000), принимаетъ среднюю стоимость орошенія десятины въ 50 рублей и на этомъ основаніи исчисляетъ всѣ работы по расширенію орошенія въ Туркестанѣ, въ 50 милліоновъ рублей. Хотя при отсутствіи изысканій и вообще какихъ-либо точныхъ данныхъ трудно судить о средней стоимости орошенія одной десятины для цѣлаго края, но нельзя не признать, что цифра г. Петрова, взятая какъ средняя, должна быть признана непомѣрно высокой. Изъ свѣденій объ оросительныхъ работахъ въ одиннадцати штатахъ такъ называемой „безводной области" Сѣверной Америки видно, что средняя цѣнность проведенной для одного акра воды равняется 26 долларамъ, т.-е. 30 руб. (долларъ принимается не по курсовой, а по номинальной стоимости), при чемъ цифра эта варьируетъ въ различныхъ штатахъ отъ 8 до 39 долларовъ (т.-е. отъ 12 до 50 рублей). Въ Калифорніи эта цѣна равняется 39 долл. и 28 центамъ на акръ, а въ штатѣ Уайюмингъ она составляетъ только 8 долл. 69 центовъ. Но не говоря про то, что сѣверо-американскіе оросительные каналы имѣютъ, въ особенности въ Калифорніи, множество сложныхъ гидротехническихъ сооруженій и вообще ведутся на иныхъ, болѣе дорогихъ началахъ (акведуки, желѣзныя или деревянныя трубы и пр.), нежели арыки въ Средней Азіи, нельзя не замѣтить, что въ указанныхъ одиннадцати штатахъ имѣется не только крайнее рѣдкое населеніе, но, какъ извѣстно, рабочая плата въ Америкѣ превосходитъ таковую въ Средней Азіи въ пять и даже десять разъ, и если при такихъ условіяхъ средняя стоимость орошенія десятины (35 руб. съ акра) дости-

гаетъ въ Америкѣ лишь до ста рублей, то можно утвердительно сказать, что въ Туркестанѣ она будетъ гораздо ниже, въ зависимости, разумѣется, отъ мѣстности. Это относится въ особенности до такихъ, такъ сказать, плоскихъ мѣстностей, какъ, напр., Голодная степь, долина р. Арысь, низовья р. Аму-Дарьи, степи перовскаго или казалинскаго уѣздовъ и т. п., гдѣ не требуется почти никакихъ гидротехническихъ сооруженій и тѣмъ болѣе такихъ, которыя употребляются въ Сѣверной Америкѣ. И дѣйствительно, по собраннымъ въ 1890 г. свѣденіямъ относительно перовскаго уѣзда, тамъ уже намѣчено для орошенія около 10 т. десятинъ, съ приблизительнымъ исчисленіемъ всего расхода въ 32.000 рублей, т.-е. по 3 руб. 20 коп. на десятину. Это, конечно, крайне низкая цѣна, но вовсе не невѣроятная, при дешевизнѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ рабочихъ рукъ, и если ее увеличить даже втрое, то и тогда средняя стоимость орошенной десятины опредѣлится для нашихъ средне-азіатскихъ владѣній лишь въ десять рублей, хотя само собою разумѣется, что въ отдѣльныхъ случаяхъ цифра расходовъ на десятину будетъ значительно выше, доходя до 50, 100 и, можетъ быть, болѣе ста рублей на десятину.

Но все это, конечно, приблизительныя цифры, дающія лишь общее представленіе о положеніи дѣла будущей эксплуатаціи свободныхъ туркестанскихъ водъ, и потому не будемъ долѣе останавливаться на нихъ, а пойдемъ дальше въ перечисленіи богатствъ Туркестана. Правда, что благодаря отсутствію изслѣдованій, размѣры этихъ богатствъ и всѣ прочія свѣденія о нихъ такъ же неточны и приблизительны, какъ приблизительны приведенныя цифры, и эта неточность, естественнымъ образомъ, вызываетъ сомнѣнія, хотя, къ слову сказать, сомнѣнія эти никакъ не должны переходить должныхъ предѣловъ и превращаться въ совершенное недовѣріе, съ чѣмъ, къ сожалѣнію, приходится встрѣчаться даже въ оффиціальныхъ сферахъ.

Сколько, напр., въ Туркестанѣ лѣсовъ вообще и спеціально лѣсовъ, дающихъ орѣховый наплывъ, объ этомъ никто въ точности не знаетъ, но это нисколько не мѣшаетъ сдѣлать, и притомъ на основаніи опытныхъ данныхъ, довольно точныя исчисленія тѣхъ доходовъ, которые могутъ получиться отъ правильной эксплуатаціи этихъ лѣсовъ и въ особенности орѣховаго наплыва. Изъ всѣхъ предметовъ, вывозимыхъ нынѣ изъ туркестанскаго края, развѣ только по отношенію къ хлопку да къ шолку ведется правильная регистрація, и цифра ихъ вывоза показывается довольно точно, хотя и тутъ никому не возбраняется сомнѣваться,

а все остальное, какъ-то: виноградъ, овощи, лошади, бараны и пр., до сихъ поръ не попадали ни въ какую регистрацію, и показываемыя цифры вывоза имѣютъ значеніе только какъ приблизительныя. Однако, чтобы надежды на доходы отъ орѣховыхъ лѣсовъ и наплывовъ не казались безпочвенными, дадимъ нѣкоторыя точныя цифры.

До сихъ поръ орѣховыя насажденія собственно относительно наплывовъ были изслѣдованы только въ двухъ уѣздахъ ферганской области—андижанскомъ и наманганскомъ. Только въ одной дачѣ (Кугартской, андижанскаго уѣзда) работала устроительная партія, а въ прочихъ мѣстахъ изслѣдованія производились средствами уѣздной администраціи. Этою администраціей было взято, въ общей сложности, двадцать десятинъ пробныхъ площадей. Всѣхъ наплывовъ, крупныхъ и мелкихъ, насчитано на двадцати десятинахъ 1.237 штукъ; изъ этого числа крупныхъ было 355 шт., въ томъ числѣ въ андижанскомъ уѣздѣ 160, а въ наманганскомъ —186 штукъ. Самые большіе по вѣсу наплывы равнялись, въ среднемъ, 40 пудамъ, а наименьшіе—18 фунтамъ. Вѣсъ этихъ наплывовъ на 10 десятинахъ пробныхъ площадей андижанскаго уѣзда оказался равнымъ 1.456 пудамъ. Предѣльный возрастъ орѣха опредѣленъ въ Кугартской дачѣ—120 лѣтъ, а начальный, для сбыта — 60 лѣтъ. Предполагая, что насажденія, гдѣ были взяты пробные наплывы съ вѣсовыми опредѣленіями, относились къ этимъ возрастамъ, средній изъ нихъ опредѣляется въ 90 лѣтъ, а средній приростъ наплывовъ—въ 1,63 пуд. на десятину. Принимая цѣну наплыва ниже 20 руб. (эта цѣна была дана на послѣднихъ торгахъ) и даже ниже 12 рублей (за эту цѣну наплывы продавались въ 1892 году), а равную лишь восьми рублямъ, т.-е. вдвое дешевле противъ средней изъ приведенныхъ цифръ, средній приростъ съ десятины долженъ оцѣниваться въ 13 руб. 4 коп. Присчитывая къ этому 7 руб. 50 коп. дохода съ десятины отъ фруктовъ, да отъ подѣлочной десятины древесины всего 60 копѣекъ съ десятины, получится, что наплывы, фрукты и древесина орѣховыхъ лѣсовъ въ Туркестанѣ дадутъ 21 руб. 14 к. съ десятины, а 180 тыс. десятинъ могутъ, слѣдовательно, принести свыше 300 тыс. руб. ежегоднаго дохода. Доходъ отъ прочихъ (не-орѣховыхъ) лѣсовъ здѣсь не исчисляется. Таковъ довольно точный разсчетъ доходовъ съ орѣховыхъ наплывовъ.

IV.

Послѣ приведеннаго краткаго перечня земельныхъ, водныхъ и лѣсныхъ богатствъ туркестанскаго края, изъ которыхъ, какъ видно, эксплуатируется лишь самая ничтожная доля, перейдемъ къ тремъ культурамъ, особенно свойственнымъ этой окраинѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, особенно обѣщающимъ поднять благосостояніе страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ поднять и доходъ какъ населенія, такъ и государства, при условіи, конечно, нѣкоторой заботливости о такомъ повышеніи дохода. Эти три культуры—хлопокъ, виноградъ и шолкъ.

По имѣющимся свѣденіямъ, за періодъ съ 1877 по 1893 годъ посѣвы хлопка въ Средней Азіи увеличились на 125 процентовъ. Собственно въ русскомъ Туркестанѣ площадь посѣвовъ хлопка увеличилась за это время съ 61 тыс. десятинъ до 136 тыс. дес., т.-е. на 222 процента, а урожай хлопка сырца за этотъ періодъ возросъ съ 2 милл. 900 тыс. пудовъ до 6 милл. 500 тыс. пудовъ, т.-е. также на 222 процента. Особенно быстрое развитіе хлопковой культуры произошло, какъ извѣстно, въ управленіе туркестанскимъ краемъ генералъ-адъютанта Розенбаха, благодаря всякимъ мѣрамъ поощренія этой культуры, начиная съ раздачи хорошихъ сѣмянъ и кончая изданіемъ печатнаго руководства для хлопководовъ и устройствомъ ежегодныхъ съѣздовъ производителей хлопка; но затѣмъ, и въ особенности въ самое послѣднее время, замѣчается пріостановка въ дальнѣйшемъ развитіи этой крупнѣйшей промышленности края, и пріостановка эта болѣе всего объясняется обнаружившимся недостаткомъ поливныхъ земель и значительнымъ вздорожаніемъ хлѣба вслѣдствіе обращенія многихъ полей подъ посѣвы хлопка. Уже подъ вліяніемъ только одного этого вздорожанія хлѣба, весьма понятное увлеченіе столь выгоднымъ дѣломъ, какъ производство хлопка, смѣнилось болѣе спокойнымъ и разумнымъ отношеніемъ къ расширенію хлопковыхъ плантацій, и можно думать, что до появленія новыхъ ирригаціонныхъ площадей дальнѣйшее развитіе этой культуры должно пріостановиться. Остается только пожелать, чтобы эта пріостановка продолжалась по возможности недолго. Если къ этому добавить, что тѣ 11—12 милліоновъ пудовъ хлопка, которые составляютъ ежегодную потребность всѣхъ нашихъ фабрикъ, могутъ быть доставлены однимъ туркестанскимъ краемъ, то понятно, насколько желательно скорѣйшее расширеніе туркестанской ирригаціонной сѣти и особенно въ

хлопководныхъ его районахъ, т.-е. преимущественно въ ферганской области.

Подъ виноградниками въ туркестанскомъ краѣ находится въ настоящее время, по самому широкому счету, не болѣе 15 тыс. десятинъ, т.-е. только втрое болѣе, чѣмъ въ маленькомъ Крыму; винодѣліе же ограничивается выработкой всего 50 тыс. ведеръ вина, и затѣмъ весь виноградъ идетъ преимущественно на кишмишъ. Но теперь уже выяснились и необыкновенно высокія качества туркестанскаго винограда, и такая необычайная его урожайность, которая не встрѣчается нигдѣ, а потому будущность мѣстнаго винодѣлія, находящагося, благодаря запрету послѣдователямъ Магомета заниматься этой промышленностью, исключительно въ рукахъ русскихъ предпринимателей, можетъ считаться обезпеченной вообще, а съ установленіемъ путей сообщенія на Сибирь, которая явится потребительницей туркестанскихъ винъ, найдется этому вину и широкій сбытъ [1]).

Наконецъ третья культура, особенно свойственная Туркестану, но относящаяся къ области животноводства, выдѣлка шолка, переживаетъ теперь критическій періодъ своего существованія и вступаетъ, такъ сказать, на путь обновленія и новой жизни. Двадцать слишкомъ лѣтъ всевозможныя болѣзни шелковичнаго червя и особенно пебрина низвели туркестанское шелководство на такую низкую степень, что эта область промышленности, перешедшая въ край съ древнѣйшихъ временъ изъ Китая и процвѣтавшая цѣлыя тысячелѣтія, пришла въ полный упадокъ и дошла почти до безнадежнаго состоянія. Въ управленіе краемъ генераломъ Розенбахомъ, было окончательно установлено, путемъ микроскопированія, что въ Туркестанѣ рѣшительно нѣтъ незараженной какою-либо болѣзнью шелковичной грены, что шелководная отрасль обречена на вымираніе, если не принять какихъ-либо рѣшительныхъ мѣръ, и потому пришлось прибѣгнуть къ допущенію ввоза иностранной грены, преимущественно итальянской, которую, къ слову сказать, прежде старались всемѣрно не допускать въ край въ виду ея повальной зараженности. Теперь, слава Богу, съ этимъ дѣломъ нѣсколько налажено. Путемъ микроскопированія отпускаемой въ продажу грены и наблюденія за распространеніемъ только здоровой грены разведена уже раса

[1]) По произведеннымъ изслѣдованіямъ въ двухъ волостяхъ самаркандской области (Сіобской и Махалинской), средній урожай винограда на одну десятину оказался въ 1.125 пудовъ (высшій же оказался въ 2.251 пудъ на дес.). Урожай винограда въ другихъ виноградныхъ районахъ не превышаетъ 300—400 пудовъ съ десятины, какъ, напримѣръ, на Дону, въ Закавказьѣ (Кахетіи).

здоровыхъ шелкопрядовъ иностранныхъ породъ, но, кромѣ того, добыты также, послѣ долгихъ усилій, здоровыя и незараженныя породы мѣстныхъ шелкопрядовъ, и этому результату нужно особенно радоваться, такъ какъ коренной туркестанскій шелкопрядъ отличается многими прекрасными свойствами, и получаемый отъ него шолкъ занимаетъ не только совершенно опредѣленное, но и весьма видное мѣсто на европейскомъ шелковомъ рынкѣ. Кстати сказать, что возстановленіе породы мѣстнаго шелкопряда должно быть отнесено прямо къ заслугамъ русскихъ людей, проживающихъ въ краѣ, показавшихъ много настойчивости и терпѣнія въ стремленіи къ возрожденію едва совершенно не погибшаго мѣстнаго шелководства. О финансовой выгодности этого дѣла можно судить хотя бы по тому, что въ 1887 г., когда шелководство уже было въ упадкѣ, вывезено изъ одной ферганской области 8.480 пудовъ шолку на 2.053.160 рублей и „сарнаку" (низшій сортъ шолка, получаемый изъ расщипанныхъ остатковъ коконовъ) 9.754 п., на сумму 340.790 руб., всего, слѣдовательно, болѣе чѣмъ на два съ четвертью милліона рублей.

Эти немногія цифры, касающіяся только трехъ главныхъ культуръ, свойственныхъ краю Туркестана, уже показываютъ, какъ велики производительныя силы края, какую могущественную экономическую роль призвана играть эта страна въ судьбахъ нашей обширной имперіи и какъ будутъ плодотворны тѣ затраты, которыя будутъ сдѣланы на дальнѣйшее развитіе этихъ трехъ культуръ.

Но кромѣ хлопка, винограда и шолка, въ Туркестанѣ насчитывается еще не менѣе десятка отраслей культуры, относящихся къ области или растеніеводства, или животноводства, обѣщающихъ, при надлежащей организаціи и развитіи, принести и странѣ, и государству значительные доходы, а также весьма поднять и производительность края, и благосостояніе населенія. Устройство хорошихъ путей сообщенія, необременительные тарифы, установленіе правильныхъ сношеній съ внутренними рынками, организація кредита и хорошаго транспорта и, прибавимъ кстати, обезпеченіе потребителей отъ всякаго рода фальсификаціи,—будетъ ли то хлопокъ, виноградъ, шолкъ или какія-либо другія мѣстныя произведенія—обезпечатъ Туркестану громадный вывозъ мѣстныхъ произведеній и, слѣдовательно, обезпечатъ его экономическое преуспѣяніе. Объ устраненіи фальсификаціи, къ слову сказать, уже порядочно подорвавшей вѣру въ хорошія качества туркестанскаго хлопка, нужно позаботиться особенно серьезно, и едва ли въ этомъ

случаѣ будетъ возможно обойтись одними призывами къ добросовѣстности экспортеровъ, безъ воздѣйствія уголовнаго закона.

V.

Вопросъ, что̀ можетъ вывозить Туркестанъ на внутренніе рынки и за границу, не требуетъ никакихъ головоломныхъ соображеній. Если мы даже отнесемъ къ области мечтаній вывозъ собственнаго чая, собственныхъ маслинъ и проч.; если даже мы не будемъ очень разсчитывать на добычу собственнаго золота и разныхъ драгоцѣнныхъ металловъ и минераловъ, а также свинцовыхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ рудъ; если мы даже и впредь предоставимъ первенствовать въ Туркестанѣ закавказской нефти, какъ она первенствуетъ теперь, несмотря на то, что въ краѣ уже обнаружено двѣнадцать нефтяныхъ мѣсторожденій,—то для экспорта все еще остаются чрезвычайно изобильные продукты садовой и огородной культуры, продукты коневодства, скотоводства, верблюдоводства, овцеводства и свиноводства. На долю того же экспорта остается еще превосходный табакъ, разныя прядильныя растенія, которыхъ нигдѣ, кромѣ Туркестана, нѣтъ, какъ напр. кендырь, превосходящій своими достоинствами всѣ доселѣ извѣстныя прядильныя растенія. Не забудемъ, наконецъ, о рыбныхъ богатствахъ Аральскаго моря, признаваемыхъ свѣдущими людьми баснословными.

Довольно, кажется, и этого перечня, чтобы не сомнѣваться, что предметовъ для экспорта найдется въ Туркестанѣ совершенно достаточное количество, а чтобы наше удостовѣреніе не показалось голословнымъ, что всѣ эти предметы для вывоза дѣйствительно существуютъ и представляютъ большое изобиліе даже при нынѣшнемъ экономическомъ неустройствѣ этой окраины, приведемъ нѣсколько пояснительныхъ цифръ. По свѣденіямъ вполнѣ точнымъ, въ туркестанскомъ краѣ насчитывается въ настоящее время девять золотыхъ розсыпей, пять мѣсторожденій желѣзныхъ, девять свинцовыхъ и пятнадцать мѣдныхъ рудъ, семнадцать каменноугольныхъ залежей, семь мѣсторожденій каменной соли и цѣлыя сотни соленыхъ озеръ (въ казалинскомъ и перовскомъ уѣздахъ въ особенности). Бардымкульская каменная соль, напримѣръ (въ 45 верстахъ отъ г. Ходжента), поступившая въ Петербургѣ въ продажу подъ именемъ „царской соли", представляетъ запасъ болѣе двухсотъ милліоновъ пудовъ и по анализу оказалась химически чистымъ хлористымъ натромъ, т.-е. по своимъ качествамъ превосходитъ всѣ донынѣ извѣстныя залежи каменной соли, не

исключая и англійскихъ. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстностяхъ края обнаружены: цинкъ, сюрьма, марганецъ, мышьякъ, графитъ, асфальтъ, озокеритъ, глауберова соль, селитра, квасцы, мраморъ, гипсъ, огнеупорныя глины, сланецъ, дающій водоупорный цементъ, и наконецъ залежи литографскаго камня. Наконецъ въ нѣдрахъ туркестанскаго края оказались также: ляписъ-лазуль, сердоликъ, агатъ, халцедонъ, опалъ, хризолитъ, аметистъ, яшма, дымчатый топазъ и хрусталь, рубины всѣхъ оттѣнковъ и прозрачности, бирюза и др. камни. Всѣ эти богатства минеральнаго царства почти не эксплуатируются; всѣ эти минералы добываются только случайными искателями, точно также какъ и всѣ прочіе дары туркестанской природы или вовсе не эксплуатируются, или же сбываются и вывозятся въ такомъ ничтожномъ количествѣ, которое не даетъ никакого представленія объ истинныхъ размѣрахъ мѣстныхъ минеральныхъ и всякихъ другихъ богатствъ. Напримѣръ, рыба приноситъ совершенно ничтожный доходъ (въ 1888 г.— 2.844 руб., въ 1892 г. — 5.694 руб.), между тѣмъ если къ Туркестану примѣнить тотъ способъ разсчета дохода казны, который практикуется на каспійскихъ рыбныхъ и тюленьихъ промыслахъ (шесть процентовъ со стоимости всего количества добываемыхъ продуктовъ), то туркестанскіе рыбные промыслы должны были бы приносить ежегодно 18.300 руб., такъ какъ добыча рыбы въ Туркестанѣ оцѣнивается въ 305.000 руб. ежегодно, а не 5.694 руб. Отъ другихъ такъ называемыхъ оброчныхъ статей, число которыхъ насчитывается въ туркестанскомъ краѣ до 700, получается всего до 100 тыс. руб. ежегоднаго дохода (за 1894 г.— 105.943 руб.), и изъ нихъ, съ самаго завоеванія страны и до настоящаго времени крупнѣйшей статьею оказываются, къ немалому удивленію, паромныя и другія переправы, числомъ 55, на рр. Сыръ и Аму-Дарьѣ, которыя приносятъ около половины всѣхъ доходовъ, получаемыхъ отъ оброчныхъ статей. Богарныя земли, пока еще не захваченныя жителями, пространствомъ около 2 милліоновъ десятинъ, также не приносятъ казнѣ никакого дохода, между тѣмъ какъ эти земли могли бы легко приносить отъ 200 до 300 тыс. рублей ежегодно и т. д. Понятно, что такая бездоходность или незначительная доходность государственныхъ имуществъ и оброчныхъ статей туркестанскаго края объясняется прежде всего ихъ неустройствомъ и несуществованіемъ за ними почти никакого надзора, не считая, конечно, за надзоръ то, болѣе чѣмъ поверхностное, наблюденіе со стороны общей администраціи, которое нынѣ удѣляется этимъ имуществамъ, и ясно, что организація управленія этими имуществами должна вести къ повышенію

ихъ доходности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ обогащенію казны и населенія. Въ этомъ устройствѣ государственнаго достоянія и цѣлесообразной его эксплуатаціи и заключается, существеннымъ образомъ, задача будущаго органа министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

VI.

Здѣсь, можетъ быть, будетъ не лишнимъ привести нѣсколько интересныхъ цифръ, показывающихъ, что министерство, наиболѣе заинтересованное въ процвѣтаніи хозяйства въ предѣлахъ своихъ владѣній, съ самаго начала несло ничтожные расходы на управленіе этимъ хозяйствомъ, и хотя, въ сравнительно недавнее время, расходы эти нѣсколько и увеличились, но все еще остаются ничтожными и сами по себѣ, и по сравненію съ тѣми расходами, которые несутъ другія министерства, гораздо менѣе заинтересованныя въ процвѣтаніи хозяйства на государственныхъ земляхъ. За 12 лѣтъ (съ 1868 по 1879) всѣ казенныя имущества туркестанскаго края принесли всего доходу 506.735 руб. 51 к., т.-е. по 42.227 руб. въ годъ, и изъ этой суммы свыше 400 тыс. руб. принесли переправы, а 118.473 руб. 69 к. доставили лѣса. Въ 1879 г., т.-е. 16 лѣтъ назадъ, министерство государственныхъ имуществъ отпускало на туркестанскій край только 8.425 руб., значительно менѣе всѣхъ другихъ министерствъ (мин. внутр. дѣлъ—971 тыс., мин. фин.—267.598 руб., мин. нар. просв.—90.953 руб., госу. контр.—36.120 руб., мин. пут. сообщ.—25.358 руб., свят. синодъ—19.231 руб.). Правда, что въ 1892 г. министерство госуд. имущ. даетъ уже 69.570 руб. и по размѣрамъ своихъ расходовъ опережаетъ государственный контроль (57.663 руб.) и пути сообщенія (27.750 руб.), но далеко еще отстаетъ отъ мин. внутреннихъ дѣлъ (998.964 руб.), мин. финансовъ (705.070 руб.), мин. просвѣщенія (197.002 руб.), мин. юстиціи (104.114 руб.). И въ настоящее время министерство земледѣлія расходуетъ всего 90.759 руб., т.-е. гораздо менѣе прочихъ министерствъ, но и при такихъ незначительныхъ расходахъ на управленіе излишекъ доходовъ предъ расходами достигаетъ по этому министерству все-таки свыше 85.000 руб. (85.485 руб.).

На устройство будущаго управленія государственными имуществами туркестанскаго края испрашивается около 375 тыс. руб., и изъ нихъ около 275 тыс. руб.—на содержаніе учрежденій и надзора; но какъ ни значительна эта сумма, она едва ли можетъ

казаться особенно крупной, если принять въ соображеніе, во-первыхъ, громадность протяженія государственныхъ земель въ Туркестанѣ и цѣнность казеннаго имущества, а во-вторыхъ, всѣ тѣ благія послѣдствія, которыхъ можно ожидать отъ правильнаго устройства казенныхъ земель и правильной ихъ эксплуатаціи. Не будемъ широко загадывать насчетъ тѣхъ будущихъ доходовъ казны, которыхъ, съ полнымъ основаніемъ, можно ожидать съ устройствомъ управленія государственными имуществами и выясненіемъ всего того, что нынѣ эксплуатируется въ свою пользу частными лицами, невѣдомо для казны, какъ напр. нефть, свинецъ, мѣдь, уголь, соль и проч.; но если къ прежнимъ доходамъ прибавить только: 1) доходъ отъ богары, хотя бы въ указанномъ выше минимальномъ размѣрѣ—200 тыс. руб., 2) доходъ отъ оживленія новыхъ земель въ количествѣ 15—20 тыс. десятинъ, считая по четыре рубля арендной платы за десятину, что составитъ 70 тыс. руб. 3) доходъ отъ рыбныхъ промысловъ, хотя бы 15 тыс. руб., вмѣсто исчисленныхъ ранѣе 18 тысячъ, и 4) доходъ отъ эксплуатаціи лѣсовъ и орѣховыхъ наплывовъ въ 360 тыс. руб.,—то, принявъ даже во вниманіе, что на устройство органа управленія государственными имуществами въ Туркестанѣ, вмѣстѣ съ учрежденіемъ опытныхъ станцій (14 тыс. руб.), музея (4.000 р.), съ отпускомъ особыхъ средствъ на описаніе и устройство земель (8.000 руб.), расходами на лѣсоустройство и лѣсоразведеніе (49.140 руб.), на опыты хозяйственныхъ заготовокъ (1.000 руб.), на печатныя изданія (2.000 руб.), на командировки чиновниковъ, на непредвидѣнные расходы и пр. и пр. потребуется почти 375 тыс. руб. (374.990 руб.), то окажется, что ожидаемый доходъ (всего—болѣе 800 тыс. руб.) все-таки значительно превыситъ расходъ, и вмѣсто получаемыхъ въ настоящее время излишковъ дохода надъ расходами, въ суммѣ 85.485 руб., эти излишки выразятся въ суммѣ 339.003 руб. Кажется, эта цифра, предполагая даже, что она не поступитъ въ первый же годъ по введеніи этого управленія, убѣдительно доказываетъ, что останавливаться предъ необходимыми затратами не слѣдуетъ. И нужно при этомъ замѣтить, что въ приведенномъ, приблизительномъ разсчетѣ не только взяты минимальныя цифры, но еще совершенно не приняты во вниманіе доходы отъ минеральныхъ и рыбныхъ богатствъ края, доходы отъ государственныхъ земель за пастьбу, доходы отъ винодѣлія, табаководства и пр. и пр.

Этотъ далеко не полный перечень пропадающихъ пока втунѣ естественныхъ богатствъ туркестанскаго края необходимо заключить хотя бы краткимъ указаніемъ нашихъ главныхъ задачъ по

эксплуатаціи этого непочатаго края. Кажется, ясно, что прежде всего нужна соотвѣтственная этимъ богатствамъ и обширности края организація личнаго состава будущихъ дѣятелей по извлеченію доходовъ изъ государственныхъ земель, водъ, лѣсовъ и проч. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что ранѣе всего предстоитъ не столько управлять всѣми этими государственными имуществами, сколько изучать ихъ, изслѣдовать и приводить въ извѣстность. Хотя ни минералы, ни рыбы, ни богара, ни другія многочисленныя доходныя статьи никакого или почти никакого дохода государству не приносятъ, но всѣмъ извѣстно, что туземное населеніе, и осѣдлое, и кочевое, по мѣрѣ своихъ силъ и знаній, занимается, разумѣется, въ свою пользу, эксплуатаціей никѣмъ не охраняемаго государственнаго достоянія и совершаетъ это совершенно безнаказанно. Ловится рыба, обработываются руды, добывается понемножку золото, мѣдь, свинецъ, желѣзо, извлекаются минералы, вычерпывается нефть, очищаются камыши, эксплуатируются тугаи (низменныя мѣстности по берегамъ рѣкъ съ древесными порослями), солончаковыя пустыни и соленыя озера, выбирается каменная соль и ежегодно захватываются казенныя земли то путемъ осушенія казенныхъ болотъ, примыкающихъ къ культурнымъ землямъ для расширенія площадей посѣвовъ, то путемъ распространенія болотъ для расширенія культуры риса. Медленность въ поземельно-податныхъ работахъ, какъ уже сказано ранѣе, весьма способствуетъ и безнаказанности этихъ захватовъ, и этой даровой эксплуатаціи казенныхъ земель, и положить имъ рѣшительный конецъ было бы весьма желательно, какъ желательно положить конецъ всѣмъ прочимъ поземельно-податнымъ недоразумѣніямъ, слишкомъ уже затянувшимся. Было бы, затѣмъ, также крайне желательно, чтобы правительство взяло на себя, хотя бы до извѣстной степени, руководительство чрезвычайно коснымъ туземнымъ населеніемъ въ сельско-хозяйственномъ дѣлѣ, попытка къ чему уже выразилась въ предполагаемомъ устройствѣ музея и опытныхъ станцій. Мусульманинъ, какъ извѣстно, вообще весьма неподвиженъ и физически, и умственно. Онъ не только по традиціямъ, но и въ силу прямого запрещенія корана, не ѣздитъ въ болѣе просвѣщенныя страны, сплошь населенныя невѣрными—онъ ничего не видитъ и не знаетъ, что совершается въ цивилизованномъ мірѣ, и можно сказать, что нѣтъ рѣшительно никакихъ надеждъ, чтобы онъ вступилъ на путь какихъ-либо сельско-хозяйственныхъ усовершенствованій самъ, по собственному побужденію и иниціативѣ. На него можно воздѣйствовать только или опытами и наглядными примѣрами, или путемъ администра-

тивнаго давленія и понужденія, которымъ онъ весьма легко поддается. Благодаря, напримѣръ, послѣднему способу дѣйствія разведено въ сыръ-дарьинской области около 5 тысячъ десятинъ строевого таловаго (ивоваго) лѣса, и потому понятно, какое значеніе въ этомъ краѣ можетъ имѣть устройство опытныхъ станцій, со всякаго рода опытами наглядныхъ культуръ, а также устройство образцовыхъ фермъ, сельско-хозяйственныхъ музеевъ и проч. Въ числѣ многихъ другихъ улучшеній и усовершенствованій особенно, напримѣръ, желательно, чтобы туземецъ нагляднымъ примѣромъ убѣдился въ преимуществахъ такъ называемаго „китайскаго" (суходольнаго) риса предъ обыкновенно культивируемымъ „мокрымъ" рисовымъ хозяйствомъ, что дастъ громадное сбереженіе оросительной воды (не менѣе какъ девять-десятыхъ потребляемаго количества), а сбереженіе это можетъ быть обращено на орошеніе земель, или нуждающихся въ водѣ, или и вовсе ея не имѣющихъ; но убѣдиться въ этомъ преимуществѣ сухого предъ мокрымъ рисомъ туземецъ можетъ только если увидитъ опыты въ болѣе или менѣе крупныхъ размѣрахъ.

Изъ многихъ другихъ задачъ по устройству государственныхъ имуществъ въ туркестанскомъ краѣ упомянемъ еще о необходимости организаціи государственнаго кредита подъ сельско-хозяйственные продукты и необходимости образованія капитала на разнаго рода хозяйственные улучшенія (меліораціи).

Ограничиваясь этой, далеко не полной, картиной непочатыхъ богатствъ туркестанскаго края и не касаясь здѣсь такихъ крупныхъ вопросовъ, какъ вопросъ переселенческій и вопросъ о развитіи мѣстной кустарной промышленности, мы можемъ лишь съ истиннымъ удовольствіемъ сказать, что вопросъ объ устройствѣ государственныхъ имуществъ въ туркестанскомъ краѣ поставленъ уже на практическую почву, и на такую его постановку рѣшительное вліяніе оказала поѣздка туда, въ октябрѣ прошлаго года, министра земледѣлія А. С. Ермолова. Поѣздка эта выяснила и характеръ будущаго управленія, и главныя его черты, и доставила возможность главѣ министерства оцѣнить по достоинству ту еще не оправленную „жемчужину", съ которой сравнилъ Туркестанъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, другой министръ.

Мы совершенно чужды какихъ-либо упрековъ и настоящей, и прежней туркестанской администраціи въ неуспѣшности эксплуатаціи мѣстныхъ богатствъ. Мѣстныя власти всегда прекрасно понимали, что Туркестанъ представляетъ неисчерпаемые рессурсы для всего государства, и всегда были озабочены вопросомъ объ эксплуатаціи этихъ рессурсовъ, но власти эти еще болѣе были озабо-

чены организаціей управленія, умиротвореніемъ страны, строительствомъ вообще и церковностроительствомъ въ частности и проч., и можно сказать, что время приступить къ пользованію мѣстными богатствами наступило только недавно. За 12 лѣтъ управленія Туркестаномъ ген. Кауфмана, территорія страны увеличилась почти вдвое; въ теченіе пятилѣтняго управленія краемъ ген. Розенбаха совершено безкровное завоеваніе Бухары и проведена желѣзная дорога въ самое сердце нашихъ средне-азіатскихъ владѣній. Туркестанъ теперь вполнѣ и, вѣроятно, навсегда умиротворенъ, и настала пора приступить къ его экономическому устройству и возмѣщенію понесенныхъ на него въ теченіе тридцати лѣтъ громадныхъ денежныхъ и всякихъ другихъ затратъ. Теперь остается ожидать, что проектъ устройства въ Туркестанѣ органа управленія государственными имуществами, разработанный подъ личнымъ руководствомъ министра А. С. Ермолова, не замедлитъ своимъ осуществленіемъ и найдетъ въ надлежащихъ сферахъ не только сочувствіе, но и необходимыя средства для выполненія предстоящихъ этому органу широкихъ задачъ; а затѣмъ, будемъ надѣяться, что дѣло не остановится за разработкой непочатыхъ богатствъ этой щедро одаренной окраины, и мы скоро отвыкнемъ отъ хроническихъ дефицитовъ, даваемыхъ именно страной, столь щедро одаренной отъ природы.

Ник. Дингельштедтъ.

„МОКРАЯ КУРИЦА"

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ такъ-называемой гостиной, на красномъ, узенькомъ и горбатомъ диванѣ лежалъ Филиппъ Ивановичъ Ѳеофановъ. Онъ живетъ у себя—какъ въ гостяхъ, ночуя въ проходной комнатѣ; днемъ убираютъ куда-то его подушку и одѣяло, и онъ работаетъ на простѣночномъ столѣ подъ зеркаломъ. Лѣтъ шесть тому назадъ Ѳеофановъ оставилъ казенную службу, обезпечившую небольшой пенсіей его дальнѣйшее существованіе, и со страстью предался литературному труду. Послѣ долгихъ хлопотъ удалось ему на склонѣ лѣтъ помѣстить въ иллюстрированномъ журналѣ свою повѣсть „Майскія розы", задуманную и начатую въ молодости; теперь онъ началъ другую, подъ заглавіемъ: „Райскія грезы", но продолжать не можетъ по болѣзни. Пять дней онъ не вставалъ съ дивана. Передъ его глазами стоитъ на этажеркѣ посѣрѣвшій отъ пыли огромный букетъ изъ сухихъ травъ. Желтый овесъ, колосья пшеницы и ржи, ковыль, трясучка, черныя тростниковыя шишки, колючіе, жесткіе вѣнчики какого-то хлопка, крупной породы репейникъ,—все это, составляя букетъ, торчитъ во всѣ стороны и высится почти до потолка, и все насквозь пропитано пылью. Филиппъ Ивановичъ увѣренъ, что онъ и кашляетъ благодаря этому сорному пучку, разсаднику нанесенной въ окна заразы. Третій годъ вбираетъ въ себя пыль этотъ букетъ, а вытряхнуть его нельзя: осыплется и обломается, а выбросить его не соглашается супруга. Это—подарокъ Мартына

Потаповича, очень нужнаго человѣка. Извѣстно, что подарки дѣлаются обыкновенно изъ самыхъ ненужныхъ вещей—тѣмъ не менѣе ихъ берегутъ иногда, чтобъ не обидѣть подарившаго. И вниманіе больного сосредоточено на букетѣ, никогда еще въ такой степени не тяготившемъ его. До невыносимой чуткости ослабѣвшими нервами онъ ощущаетъ на себѣ каждую испускаемую имъ пылинку, слѣдитъ за ея полетомъ въ столпѣ солнечнаго луча, чувствуетъ ее на своихъ легкихъ и кашляетъ. Съ выраженіемъ опасенія на болѣзненно сморщенномъ лицѣ онъ не спускаетъ глазъ съ букета, и видитъ онъ, при входѣ грузно топающей племянницы, сотрясеніе этажерки; отъ этого сотрясенія вылетаетъ ядовитая пыль изъ букета, и носится въ воздухѣ, и садится на все, забирается въ носъ.

— Кхе-кхе-кхе, Дуня!.. Онъ отдѣлилъ отъ подушки всклоченную сѣдую голову и, показавъ глазами дѣвушкѣ на дверь, сдѣлалъ ей знакъ, чтобъ она подошла къ нему и нагнулась.

— Убери ты этотъ вѣникъ, прошу тебя!—прошепталъ онъ. Рука его, костлявая и бѣлая, безсильно поднялась по направленію къ букету и упала на одѣяло. На рыхломъ широкомъ лицѣ дѣвушки, съ живыми бѣгающими глазками, явилось недоумѣніе. Онъ продолжалъ:

— Вѣдь я къ тебѣ привязанъ, я тебя маленькую баловалъ... Возьми ты эту гадость отсюда!

— Я, дяденька, не смѣю... тетенька не велитъ. Вотъ я вамъ платокъ носовой вымыла, плюйте въ него.

— Дуня! Неужели эта дрянь тебѣ дороже меня?

Дѣвушка погрозила ему пальцемъ, который затѣмъ приложила къ губамъ, и, подойдя на цыпочкахъ къ букету, тихонько вынула его изъ банки и унесла.

Съ облегченіемъ вздохнувъ, больной закрылъ глаза, и лицо его приняло выраженіе истомленнаго, суроваго спокойствія. Но не надолго.

Кромѣ гостиной и кухни, есть еще спальня въ квартирѣ, тѣсная, заставленная иконами и двумя кроватями, которыхъ никогда не успѣваютъ убрать. Скомканныя одѣяла на нихъ и груды старой одежды съ клочками ваты, торчащей изъ дыръ, заношенное бѣлье на полу, разбросанная обувь, зашлепанныя мокрыя юбки на стѣнѣ, все это представляетъ собой такое неприглядное неряшество, что не только посторонній глазъ никогда туда не заглядываетъ, но и самъ Филиппъ Ивановичъ не входилъ въ спальню болѣе года. Въ спальнѣ висятъ часы. Они ходятъ, стукая маятникомъ, и по мѣрѣ того, какъ приближается время имъ

бить, словно отъ нетерпѣнія стучать они стремительнѣе, рѣзче, и вдругъ изо всей силы съ рычаніемъ ударятъ разъ, ударятъ два и три, и сколько надо,—такъ громко и съ такимъ ожесточеніемъ, что заставляютъ вздрагивать больного. Рѣшительно съ ними сдѣлалось что-то особенное. Никогда съ такой назойливой отчетливостью маятникъ не выбивалъ однихъ и тѣхъ же настоящихъ, человѣческихъ словъ: „нѣтъ-такъ! нѣтъ-такъ! нѣтъ-такъ"! упрямо повторяютъ часы, исключая всякую возможность забыть о нихъ хоть на одно мгновеніе. Нельзя ни о чемъ другомъ думать, кромѣ часовъ. Большіе, съ тяжелыми гирями, они куплены всего за два рубля... „нѣтъ-такъ, нѣтъ-такъ". Надо, при первой же возможности, выкупить свои карманные... „нѣтъ-такъ"... а эти остановить... Ра-азъ!.. Вотъ пытка: начинаютъ бить. Филиппъ Ивановичъ заткнулъ пальцами уши и все-таки считаетъ, сколько пробьетъ. Онъ не можетъ не считать, хотя отлично знаетъ, что больше пяти ударовъ не будетъ. И мечтаетъ онъ о томъ, что стоитъ только дотронуться пальцемъ до маятника, чтобъ онъ остановился, и чтобъ наступила въ благодатной тишинѣ полнѣйшая свобода мысли. „Нѣтъ-такъ, нѣтъ-такъ",—говоритъ онъ себѣ вмѣстѣ съ маятникомъ...—О, чортъ возьми! Дуня!—зоветъ онъ голосомъ отчаянія, и кашляетъ, и слабо стонетъ.—Какъ трудно, какъ скверно мнѣ, Дунечка, какая смутная тоска меня грызетъ,—пожалѣй ты меня!

— Что вамъ, голубчикъ, дяденька?

— Вотъ что... родная... нельзя ли... Впрочемъ, не надо.

— Что такое?

— Остановить бы часы.

— А какъ же время-то узнавать?

— Я и говорю... кхе-кхе... не надо.

Въ это мгновеніе раздался трескучій женскій голосъ изъ кухни:

— Дунька, что ты тамъ дѣлаешь? Иди сюда! Не стоять же надъ нимъ цѣлый день—прихоти его слушать. Кажинный годъ этакимъ-то вотъ манеромъ сляжетъ и давай капризы выдѣлывать. Силъ моихъ не хватаетъ. Скипяти молоко. Небось, не умретъ. Осень пройдетъ, и онъ встанетъ какъ встрепаный. Нешто можно часы останавливать?

— Катя, Катюша! Катерина Антиповна!—взывалъ изъ гостиной супругъ:—сжалься ты надо мной!

— Тетенька, голубушка, я у васъ ручку поцѣлую, — присоединила къ его стонамъ свой умоляющій голосъ и Дуня:—не раздражите вы дяденьку—ужъ очень плохи они.

— А ну его совсѣмъ!—сказала Катерина Антиповна, махнувъ рукой, и, подумавъ, добавила наставительно:—Вѣдь ты мнѣ доводишься близкой родней, а ему ты чужая по крови, и всегда ты норовишь мнѣ же наперекоръ пойти. Вѣдь я тебя взяла послѣ сестры, а не онъ. Возьму да и прогоню тебя, а онъ, мокрая курица, и не заступится за тебя.

Въ кухнѣ, большой и свѣтлой, въ два окна съ кисейными занавѣсками—благо тепло въ ней всегда, а топить гостиную и спальню не разсчетъ— цѣлые дни проводитъ Катерина Антиповна. За ломбернымъ столомъ, покрытымъ зеленой шерстяной скатертью, она набиваетъ папиросы, куритъ или просто сидитъ, подперевъ указательнымъ пальцемъ подбородокъ, и приказываетъ племянницѣ, которая у другого окна, за еловымъ столомъ, возится надъ стряпней и посудой.

— Ты прежде кострюльку-то вычисти, а потомъ ужъ и ставь. Котелокъ-то не опрокинь. Не накладывай дровъ-то зря, вѣдь деньги это, каждое полѣно—деньги.

Трудно повѣрить, что обладательницей трескучаго, непреклоннаго голоса является эта маленькая, сухая женщина лѣтъ пятидесяти, съ измятыми и какъ бы стертыми чертами лица и съ краснымъ носомъ, отъ привычки пить рюмочку,—въ синихъ очкахъ. У нея кудерки надо лбомъ, наколка изъ бархатокъ на макушкѣ, и, судя по неловкости ея движеній, стѣсняемыхъ къ тому же и накидкой очень вычурнаго фасона, судя по безпомощному выраженію въ ея моргающемъ и косомъ взглядѣ за стеклами синихъ очковъ, скорѣе можно ее принять за угодливую безотвѣтную супругу, какою она впрочемъ и была въ первые годы своего сожительства съ Филиппомъ Ивановичемъ, до формальнаго брака.

По склоненной къ плечу головѣ, когда она говоритъ съ посторонними, по жеманнымъ улыбкамъ и жестамъ, по языку и костюму въ ней видна дама простого званія, не успѣвшая отстать отъ кухарокъ и не приставшая къ барынямъ. Не будь у нея мужъ „мокрая курица“, который никогда ни на кого не крикнетъ и не покажетъ себя, ей не приходилось бы иногда уступать сосѣдямъ свою очередь вѣшать бѣлье на чердакѣ или дожидаться, когда-то дворникъ соберется дровъ принесть—только такого рода неудобства и помрачаютъ, время отъ времени, ея совсѣмъ бы безпечальное существованіе, еслибъ не капризы, не прихоти хвораго мужа. И самъ не живетъ, и ей не даетъ. Да еслибъ еще племянница во всѣхъ домашнихъ препирательствахъ открыто или тайно не принимала его сторону.

Сходивъ зачѣмъ-то въ чуланчикъ, Катерина Антиповна вер-

нулась въ кухню до послѣдней степени раздосадованная, съ букетомъ въ рукѣ.

— Ахъ, ты, отпѣтая!—затрещала она на всю квартиру:—ты какъ же это посмѣла сдѣлать, оглашенная ты этакая, а? Въ чуланъ вдругъ выкинула пукетъ Мартына Потапыча! Рехнулась ты, что-ли? А ну какъ онъ придетъ насъ провѣдать... что̀ тогда?.. гдѣ пукетъ?.. Иди скорѣй поставь на мѣсто! Вотъ я тебя! Неси!

— Не раздражите вы дяденьку, они больнѣхоньки!—взмолилась племянница:—они пукета не хотятъ.

Өеофановъ съ трудомъ поднялся съ дивана и ждалъ окончанія этой сцены. Онъ слышалъ, какъ одинъ за другимъ прозвучали четыре полновѣсныхъ шлепка, и визгъ племянницы, сопровождаемый назиданіями его супруги.

— Жиру-то нагуляла на моихъ хлѣбахъ благодѣтельскихъ... Вотъ тебѣ! Спинища-то гладкая какъ матрацъ... Да ты задомъ-то ко мнѣ не вертись, я по рожѣ хочу тебя треснуть. На̀ тебѣ, толстомясая! А я таки-поставлю на своемъ!

Өеофановъ всегда придерживался нейтралитета въ подобныхъ столкновеніяхъ между супругой и племянницей, такъ какъ вмѣшательство его ни въ чемъ не измѣнило бы ихъ отношеній, но повлекло бы за собой множество лишнихъ бѣдъ въ его и безъ того несладостномъ существованіи. Пришлось бы ему долго ждать чаю утромъ, ѣсть не во-время простывшій обѣдъ, оставаться безъ табаку и газеты и слушать трескучій крикъ нѣсколько дней подъ-рядъ. На этотъ разъ, однако, уже достаточно раздраженный часами, онъ не можетъ больше терпѣть этихъ возмутительныхъ дѣлъ. Онъ досталъ туфли, засунутыя въ самую глубину подъ диванъ, и слабыми ногами, едва двигаясь, побрелъ за халатомъ, перекинутымъ черезъ спинку стула.

Въ эту минуту дверь отворилась, и показалась въ ея рамкѣ Катерина Антиповна съ букетомъ, при видѣ котораго имъ овладѣла неистовая злость. Попалась ему въ руку платяная щетка и полетѣла прямо въ физіономію Катерины Антиповны. Что̀ послѣ этого произошло—рѣшительно неописуемо по силѣ драматизма; но дверь въ гостиную во̀-время успѣлъ запереть Өеофановъ—поэтому онъ только слышалъ крикъ, ругательства, стукъ, но не могъ видѣть, какъ валялась по полу въ слезахъ оскорбленная супруга его. Затѣмъ послѣдовало притиранье ушибленнаго щеткой носа передъ зеркаломъ и звяканье стекляннаго горлышка по краямъ рюмки въ кухонномъ посудномъ шкапу; наконецъ стихло все, и букетъ былъ отнесенъ Дуней въ темный чуланъ.

— Нѣтъ, такъ невозможно,—говоритъ себѣ Филиппъ Ивановичъ.—„Нѣтъ-такъ, нѣтъ-такъ",—повторяютъ ему часы.

Дуня тихонько постучалась къ нему.

— Это я, дяденька, отопритеся!

— Не могу встать, усталъ я очень.

— Ахъ, дяденька, бѣдный вы мой!—Я супъ вамъ несу.

— Гдѣ вѣдьма?

— Спитъ. Напилась пьяная и улеглась; не бойтесь.

Больной, цѣпляясь руками за столъ и стулья, кое-какъ дошелъ до двери, отперъ ее и сѣлъ на стулъ отдохнуть. И, уронивъ голову на разстегнутую впалую грудь свою, онъ горько заплакалъ.

— Умру я, Дуня, тяжело вамъ будетъ безъ меня. Жаль мнѣ тебя, родная, ужасно жаль!

Дѣвушка, всплеснувъ руками, смотрѣла ему въ лицо; щеки ея плаксиво съёжились, задрожали, и покатились слезинки по лицу, и, шмыгнувъ носомъ, она съ рѣшительностью, сильными руками обвилась вокругъ старика, подняла его и, дотащивъ до дивана, заботливо уложила.

— Не умрете вы, дяденька,—по возможности весело заговорила она:—вѣдь вы всегда весной и осенью заболѣваете, а потомъ ничего... Супъ простынетъ,—сказала она.—Ѣшьте, ѣшьте, а то разсержусь! Тетенька правду говоритъ, что вы капризники. Какъ можно не кушамши цѣлый день! А я знаю, чѣмъ васъ разутѣшить. Хотите, въ редакцію сбѣгаю послѣ обѣда, сочиненіе ваше туда отнесу!—въ благомъ намѣреніи задѣваетъ она его за самое больное мѣсто. Онъ оттолкнулъ тарелку, и голова его погрузилась въ подушку. Давно уже онъ ни съ кѣмъ не говорилъ откровенно, и хочется ему излить свою душу, и кажется ему, что племянница способна его понять.

— Какъ я одинокъ!—произнесъ онъ со вздохомъ.

— Давайте ваше сочиненіе-то.

— Нѣтъ у меня и не надо... вздоръ... чепуха... какой я писатель! Писателями дѣлаются сразу или никогда. Во всю мою жизнь накропалъ я одну повѣстушку, и сейчасъ выпросилъ себѣ пособіе въ литературномъ фондѣ. Позорно это. Ты не можешь себѣ представить, Дуня, какъ я глубоко несчастенъ въ минуты просвѣтленія, когда смотрю на себя безъ всякихъ иллюзій... Жалкій я, безталанный старикъ, отнявшій пособіе у даровитаго, полнаго силъ бѣдняка, могущаго дать цѣнный вкладъ въ литературу, но не имѣющаго средствъ сосредоточиться, какъ слѣдуетъ, надъ своимъ дѣломъ. Я укралъ у него сто рублей...

— Ой, да что это вы, дяденька, говорите-то!—воскликнула дѣвушка.

— Погоди, ты не понимаешь меня. Я вреденъ, своимъ ненужнымъ и пошлымъ кропаньемъ, людямъ полезнымъ.

— Скушайте еще ложечку.

— Такіе, какъ я, пописухи для своего удовольствія расхищаемъ по мелочамъ суммы, предназначенныя для писателей; поэтому и писателямъ достается мелочь, и стало быть никакой поддержки.

Столько горечи и столько боли чуялось въ его не совсѣмъ понятныхъ для Дуни словахъ, что она закрыла ладонью его блѣдныя губы.—Не мучьте себя,—прошептала она, наклонившись:—полежите спокойно.

Но онъ оттолкнулъ ея руку и съ жаромъ, сильно дыша и кашляя, наговорилъ еще множество непонятныхъ ей словъ. Дѣвушка сочла за лучшее оставить его одного. Тогда онъ въ лихорадочномъ возбужденіи устремилъ сумрачно горѣвшій взглядъ на двѣ висѣвшія противъ дивана картинки, преміи къ иллюстрированному журналу, гдѣ была напечатана его повѣсть. Кромѣ овальнаго стола, зеркала и нѣсколькихъ стульевъ въ чехлахъ, не на что больше смотрѣть. И онъ смотритъ на преміи, приглядѣвшіяся ему до отвращенія. Всюду преслѣдуютъ онѣ его. Въ полпивной, въ дворницкой, въ табачной лавкѣ, во всѣхъ комнатахъ съ мебелью, обитаемыхъ его знакомыми, на пароходной пристани, въ трактирѣ, въ ссудной кассѣ, вездѣ, куда онъ часто заходилъ, вездѣ онъ принужденъ былъ видѣть тѣ же картинки, и принужденъ еще дома на нихъ смотрѣть. Вѣдь это казнь, которую больше нельзя выносить. Чувство, похожее на личную вражду къ этой машинной дряни, къ раскрашенному лоскутку, послужившему, какъ премія, приманкой для подписчиковъ журнала, въ которомъ, можетъ быть, не всѣми прочитана его повѣсть, усиливаетъ его страданіе; и съ возростающей злостью, со стонами, онъ восклицаетъ:

— О, какъ глупъ, какъ ничтоженъ современный читатель! Дуня! Куда ты ушла?

— Не кричите, дяденька, а то разбудите тетеньку!—предостерегаетъ его мгновенно появившаяся дѣвушка.—Ну, чего вамъ?

— Сорви со стѣны эту мерзость!—дрожащей рукой показываетъ онъ ей на преміи:—прошу тебя... скорѣй уничтожь ихъ!

Живые глаза дѣвушки, пробѣжавъ по стѣнѣ, съ большимъ недоумѣніемъ остановились на картинкахъ, потомъ вопросительно обратились къ больному. Лицо его хранило упорное требованіе; онъ стиснулъ зубы и стоналъ:—Скорѣй, скорѣй!

Она, качая головой, осторожно промолвила:

— Въ самомъ дѣлѣ, дяденька, вы капризничаете... Нешто мѣшаютъ картинки?

— Видѣть ихъ не могу! Сними и сожги. Кстати, холодъ какой нестерпимый! Затопи печку здѣсь и сожги.

— Я не велю печку топить! — послышался трескучій голосъ изъ спальни.

— Я приказываю! У меня сильный ознобъ... Кхе-кхе-кхе, я дрожу.

— А у меня голова болитъ отъ жары!

— Угорѣла барыня не въ топленой горницѣ!

— Самъ пьяница! А топить не позволю! Милліонеры скупятся дровами, не то что грошовники.

Старикъ поднялся блѣдный, задыхающійся и разразился хриплымъ кашлемъ. Дуня опрометью побѣжала за дровами, но только-что она дотронулась до нихъ, какъ наскочила на нее тетенька и, какъ разъяренная львица—дѣтенышей, заслонила грудью дрова. Каждое полѣно мило и дорого ей, и каждое ею отмѣчено по назначенію. Вотъ это, сухонькое, безъ сучьевъ, бережетъ она на лучины; короткія отложены для подтопки плиты; красное сосновое быстро должно разгорѣться подъ кофейникомъ утромъ; березовыя приготовлены подъ утюги; не сгубить же ихъ всѣ понапрасну. Взять ихъ у нея значило бы оторвать отъ нея частицу ея соображенія, ея воли и духа, не говоря уже объ ущербѣ хозяйству.

— Ни за что въ свѣтѣ не дамъ!—кричала она въ изступленіи.

— Для тебя охапка дровъ дороже человѣческой жизни!—въ изступленіи вторилъ ей больной мужъ. Косматая голова его просунулась въ дверь кухни, тогда какъ онъ впился обѣими руками въ косякъ, поддерживающій его тѣло, и босыми ногами онъ топалъ, крича:—вѣдьма! убійца!—Вдругъ онъ, скользя руками по дверному косяку, весь опустился и очутился на полу въ сидячемъ положеніи. Испуганная дѣвушка бросилась къ нему и залилась слезами. Въ полномъ непониманіи своихъ дѣйствій, она, растерявшись, тянула старика за плечи, за руки, силясь поднять. Она съ рыданіемъ невнятно шептала:

— Тетенька, кровь у нихъ изо рта... помогите мнѣ, Бога ради!

Но не менѣе ея испуганная тетка побѣжала за дворникомъ...

Ночь потянулась тяжелая, мучительно мрачная, безконечная. Филиппъ Ивановичъ, въ запачканной кровью рубашкѣ, слабо хрипѣлъ на диванѣ. Дуня сидѣла на полу, держа его холодную руку

и не спуская съ него глазъ. Его запекшіяся губы время отъ времени вытирала она мокрымъ полотенцемъ, и при тускломъ свѣтѣ догорающей лампы старалась уловить признаки оживленія на его лицѣ. Оно изъ блѣднаго постепенно дѣлалось синеватымъ, вытягивалось и холодѣло. Но вотъ блеснуло сознаніе въ его полураскрытыхъ глазахъ, зашевелились его губы. Дуня, вскочивъ, приложила къ нимъ ухо.

— Мнѣ лучше,—прошепталъ онъ.—Иди, Дуня, ложись, мнѣ, право, лучше.

Она такъ рада повѣрить этому, съ такой надеждой глядитъ ему въ полу-раскрытые глаза, что кажутся они ей такими же, какъ и всегда, только слегка утомленными, и синеватая блѣдность его лица не предвѣщаетъ ей ничего особеннаго.

— Завтра чѣмъ свѣтъ я побѣгу за докторомъ,—говоритъ она утѣшительнымъ тономъ,—а то дворникъ сейчасъ ходилъ, и ни одного не засталъ.

Но больной, очевидно, не слушалъ ее; ему нуженъ покой. Тогда она пошла и прилегла, одѣтая, въ спальнѣ, съ намѣреніемъ немного отдохнуть, чтобы вскочить при первомъ шорохѣ, при первомъ звукѣ въ гостиной. Тетка, выпивши съ горя, храпѣла; стѣнные часы постукивали въ тишинѣ, и далеко на большихъ улицахъ изрѣдка проносились по мостовой колеса, не нарушая покоя. Дуня старалась не спать. Ей послышался шопотъ въ гостиной: „мнѣ лучше, гораздо лучше“, и она хочетъ подняться, но дяденька вошелъ вдругъ въ спальню, совсѣмъ здоровый и одѣтый по лѣтнему въ парусину, вошелъ, протянулъ руку и остановилъ маятникъ часовъ. Часы перестали стучать, прекратилась ѣзда экипажей, замолкло храпѣніе тетки, здоровый молодой сонъ вступилъ въ свои права надъ дѣвушкой.

II.

Проснулась Дуня поздно и, разбудивъ тетеньку, объявила, что сейчасъ она за докторомъ пойдетъ. На это ей сквозь сонъ отвѣчала Катерина Антиповна, что не въ первый разъ у него кровохарканье,—авось такъ пройдетъ. Дѣвушкѣ не хотѣлось вставать, и, оправдываясь тѣмъ, что не слѣдуетъ мѣшать дяденькѣ спать возней въ кухнѣ, она смотрѣла въ окно на залитую дождемъ крышу сосѣдняго дома и думала о томъ, что еслибъ у нихъ была прислуга, то поставила бы самоваръ, сходила бы въ

булочную, а она бы лежала, пока все будетъ готово. Тетка ворчала между тѣмъ:

— Вотъ разогнала ты мнѣ сонъ, теперь ужъ никакъ не заснешь. Дворникъ до сихъ поръ дровъ не несетъ, не жечь же отборныя полѣнца. Ахъ, эти мужланы, сколько надо съ ними характеру имѣть! Тебѣ хорошо за моей-то спиной,—продолжала она наставительно:—а вотъ пожила бы ты съ нимъ, съ Филиппомъ съ однимъ, и увидала бы, потому что безъ меня всякая торговка тебѣ на ногу наступитъ. Это я себя поставить съумѣла, не то что дяденька твой: въ полпивной бражничаетъ съ кѣмъ ни попало, сидитъ въ дворницкой, растабарываетъ, никакого уваженія къ себѣ не чувствуетъ. Только за меня и почитаютъ его и тебя. Скверно во рту у меня и шумъ въ головѣ. Ты бы самоваръ ставила, что лежать-то.

„Встала бы да и поставила бы сама", подумала Дуня, и сказала:

— Дяденьку жалко будить.

— Ничего ему не сдѣлается.

— Ахъ, тетенька, какія вы! Вѣдь онъ чуть-чуть не умеръ вчерась.

— И пускай бы давно. По крайности, некому было бы щетками швыряться,—съ досадой проворчала Катерина Антиповна:—носъ у меня и посейчасъ болитъ.

— Вѣдь мы съ дворникомъ насилу донесли его до дивана.

— Да что-жъ ты въ самдѣлѣ лежишь, корова ты этакая!

— Какой я сонъ видѣла,—начала Дуня, съ намѣреніемъ продлить время въ постели.—Вижу я, будто дяденька вошелъ сюда совсѣмъ здоровый и остановилъ часы...

— Ну?—съ неожиданнымъ восклицаніемъ выскочивъ изъ-подъ одѣяла, загадочно поглядѣла Катерина Антиповна на племянницу и спросила:—Какъ одѣтъ былъ?

— Въ бѣломъ... Что̀ это съ вами?

Произошло молчаніе. Катерина Антиповна покрестилась на образъ, потомъ зарылась съ головой подъ одѣяло и оттуда глухо выходитъ ея замирающій голосъ.

— И я его видѣла въ бѣломъ... и будто онъ вошелъ сюда и остановилъ часы.

Дуня поглубже зарылась подъ груду одежды, чувствуя трепетный холодъ въ груди. Такъ, молча, лежали онѣ, пока не услышали стукъ въ наружную дверь. Тетка сказала:—Поди отопри, это дрова.—Дуня была одѣта, поэтому очень проворно впустила дворника и попросила его пойти посмотрѣть: живъ ли дяденька, а сама осталась въ передней и ждетъ, что̀ онъ скажетъ.

— Такъ надо полагать, что они ужъ скончались,—безстрастно произнесъ дворникъ, выходя:—теперь надо бы, для удостовѣренія въ смерти, частнаго доктора. Сходить, что-ль?

Дуня молча стояла какъ окаменѣлая. Тѣмъ временемъ Катерина Антиповна, поправивъ подушку, полежала на другомъ боку, подумала и, сообразивъ, какъ надо себя поставить въ такомъ случаѣ, закрыла глаза. По уходѣ дворника, опомнившись, Дуня съ рыданіемъ, съ визгомъ ужаса бросилась въ спальню:

— Тетенька! Слышали? Умеръ!

Но тетка не двигалась, лежа съ закрытыми глазами, лицомъ къ стѣнѣ. Кромѣ непреодолимаго страха, приковавшаго ее къ постели, руководилъ ея поступкомъ разсчетъ избавить себя отъ хлопотъ и расходовъ, а главное—отъ невыносимой необходимости взглянуть въ лицо покойника, передъ которымъ, каковъ бы ни былъ онъ, виновата она. Но вину свою она по-своему понимаетъ, и жалѣетъ, что не исполнила его послѣдней прихоти, напрасно не сожгла для него полѣнцевъ пять потоньше. Можно было бы выгрести жаръ весь на уголья, и онъ бы не разсердился. А теперь, пожалуй, будетъ приходить съ того свѣта и душить ее по ночамъ. Такого рода тревогами была обуреваема вдова, лежа въ постели. Дуня тянула съ нея одѣяло, но она рѣшила не сдаваться, лежать и молчать, что̀ бы ни продѣлывала надъ ней дошедшая до отчаянія племянница. И прежде прибѣгала старуха къ этой уловкѣ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ; на этотъ разъ, однако, дѣвушка приняла свои мѣры.

— Что вы притворяетесь-то, вѣдь я, пожалуй, и уйду отъ васъ,—сказала она, надѣвъ пальто и шляпку.—Прощайте, тетенька.

При этой угрозѣ, не выдержавъ роли, Катерина Антиповна заговорила.

— Охъ! охъ! Силъ моихъ нѣтъ никакихъ! Сходи ты, Дуничка, къ Мартыну Потаповичу, скажи ему, что меня ошеломило съ испугу, встать не могу, и упроси ты его придти намъ помочь. Охъ!

— Да будетъ вамъ притворяться-то!

— Ужъ я знаю, что̀ дѣлаю. Ты иди. Да пришли ко мнѣ прежде всего поденщицу Марѳу, теперь дома она. Одну меня не оставляй съ покойникомъ, слышишь? Умру отъ страха и буду приходить душить тебя по ночамъ.—Оханье ея возобновилось при появленіи обитательницы подвальнаго этажа того же дома, старухи Марѳы, которая намочила ей голову уксусомъ, напоивъ ее чаемъ. Послѣ чего Катерина Антиповна какъ будто впала въ забытье, какъ будто не слыхала она и не знала о приходѣ двор-

ника, околоточнаго, гробовщика, врача для констатированія смерти ея мужа; никого не допустила безпокоить ее поденщица. Только приведенному Дуней Мартыну Потаповичу со скрежетомъ зубовнымъ простонала вдова:

— Силъ моихъ больше нѣтъ никакихъ! Всю жизнь мою такъ! Капризы да прихоти, и самъ не живетъ, и мнѣ не даетъ. Помогите ему...

Заключивъ изъ этого, что она лишилась памяти и совсѣмъ не сознаетъ постигшаго ее несчастія, Мартынъ Потаповичъ вступилъ въ обязанности истиннаго христіанина и началъ съ того, что, написавъ прошеніе о выдачѣ пособія вдовѣ умершаго писателя Θеофанова, автора повѣсти „Майскія розы" и многихъ другихъ произведеній, отправилъ Дуню съ этимъ прошеніемъ къ предсѣдателю литературнаго фонда, а самъ пока закрылъ глаза покойнику, помолился надъ нимъ, заказалъ гробъ, панихиду и, сдѣлавъ все необходимое въ такихъ печальныхъ случаяхъ, счелъ лишнимъ оповѣстить о смерти Θеофанова его знакомыхъ, такъ какъ пользы отъ этого не предвидѣлось. Мартынъ Потаповичъ—человѣкъ дѣльный и опытный, всегда готовый на серьезныя услуги. Часто случается ему встрѣчаться въ полпивныхъ и трактирахъ съ бѣднѣйшими, но благороднѣйшими неудачниками въ жизни, которымъ онъ съ уступкой въ его пользу десяти процентовъ съ получки указываетъ пути къ изысканію денегъ. Поэтому ему извѣстны адреса всѣхъ членовъ, предсѣдателей и секретарей всѣхъ существующихъ въ городѣ благотворительныхъ обществъ, а также частныхъ доброхотныхъ жертвователей. Состоитъ онъ на службѣ въ конторѣ для заклада движимостей и связанъ съ семействомъ Θеофанова тѣмъ, что крестилъ его единственнаго, давно умершаго ребенка.

Скоро вернулась Дуня и принесла двадцать пять рублей. Вотъ, —сказала она:—это только задатокъ, а послѣ засѣданія еще обѣщалъ дать.

— Именно это-то и важно,—отвѣчалъ ей Мартынъ Потаповичъ, спрятавъ въ свой бумажникъ пособіе:—у нихъ каждый мѣсяцъ бываетъ по засѣданію, такъ ты не лѣнись, ходи, хлопочи, требуй каждый разъ денегъ, покуда не выдадутъ пенсію теткѣ, а я тебѣ сейчасъ выпишу всѣ адреса членовъ этого общества. Эхъ, заботъ-то сколько мнѣ съ вами! На службу манкировалъ.

— Не оставьте насъ, Мартынъ Потаповичъ, пожалуйста!—Дуня сложила просительно руки.

— Да что „пожалуйста"!.. Своего дѣла по горло. Завтра приду. Вижу, что безъ меня невозможно.

Рослый и слегка сгорбленный, съ большой головой, покрытой

короткими, щетинистыми, сѣдѣющими волосами, Мартынъ Потаповичъ похожъ на волка, что замѣтилъ ему въ дружеской бесѣдѣ за бутылкой его покойный кумъ, Филиппъ Ивановичъ Θеофановъ. „Такимъ Богъ меня создалъ,—отвѣтилъ тогда Мартынъ Потаповичъ шутливо:—стало-быть ѣсть я долженъ овецъ". У него продолговатое, съуженное книзу лицо, ротъ до ушей и длинные зубы, изъ коихъ два верхнихъ клыка никогда не закрыты губами. Прощаясь съ Дуней, онъ показалъ ее всѣ свои зубы, ласково улыбнувшись, и сказалъ, щипнувъ ее повыше локтя:

— Аппетитненькая! Понадоблюсь, такъ приходи ко мнѣ пораньше утречкомъ.

Покраснѣвъ, Дуня отвернулась; тогда онъ скользнулъ рукой по ея шеѣ, чего не дѣлалъ никогда при жизни дяденьки; и, трепеща подъ взглядомъ его желтыхъ и непріятно-острыхъ глазъ, дѣвушка спросила себя:—что это съ нимъ сдѣлалось?

Въ продолженіе дня ей прислуживала поденщица, и, пользуясь непривычнымъ досугомъ, она не переставала думать о томъ, что произошла какая-то перемѣна въ Мартынѣ Потаповичѣ. Она такъ живо представляла себѣ его улыбку, глаза и шутливо-ласковый шопотъ, что забывала минутами о смерти дяденьки, и только страхъ къ его трупу, когда, невольно отрываемая чтеніемъ дьячка отъ своихъ мыслей, она вникала въ происходящее,—холодный, безсмысленный страхъ тяготѣлъ надъ ней. Три дня суетливыхъ посѣщеній Мартына Потаповича и нетерпѣливыхъ ожиданій его прихода, похороны, сосновый гробъ на дрогахъ, кладбище, дождикъ и вѣтеръ, заунывное пѣніе дьячка и священника,—все стушевалось однимъ огромнымъ впечатлѣніемъ, поглотившимъ всѣ ея чувства, впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нее перемѣной въ Мартынѣ Потаповичѣ. Только онъ да она и проводили покойника. Никто не пришелъ его помянуть, кромѣ Мартына Потаповича,—онъ одинъ пожалѣлъ сироту и вдову. Добрый онъ человѣкъ. Онъ посадилъ ее въ крытую пролетку, когда разошелся дождь, и всю дорогу до самаго кладбища и на обратномъ пути обнималъ ее, уговаривая не плакать. Можетъ быть, это нехорошо, въ смущеніи думала дѣвушка, но вѣдь некому больше утѣшить ее. Тетенька все это время провела въ лежачемъ положеніи. Она при помощи Марθы запаслась штофомъ водки, который стоялъ у нея подъ кроватью, и, опоражнивая его понемногу, непробудно спала.

Прошла недѣля со дня похоронъ. Въ кухнѣ за ломбернымъ столомъ Дуня кроила для тетеньки траурную обнову, а Катерина Антиповна курила папироску, разговаривая съ монахомъ, при-

шедшимъ посовѣтовать ей сдѣлать вкладъ въ монастырь на поминъ души ея покойнаго мужа. Ей хотѣлось оправдать ожиданія монаха, тѣмъ болѣе, что онъ съ величайшимъ почтеніемъ къ ней относился, называлъ ее барыней и, какъ барынѣ, кланялся въ поясъ. И она обѣщала ему вкладъ, какъ только получитъ деньги послѣ слѣдующаго засѣданія литературнаго фонда. Монахъ ушелъ, очень довольный ею. Поденщица Марѳа, къ услугамъ которой Катерина Антиповна успѣла привыкнуть, была оставлена пожить, потому что жутко въ квартирѣ послѣ покойника, особенно по ночамъ. Все кажется, что онъ кашляетъ въ гостиной. А Дуня видѣла во снѣ, что онъ снялъ со стѣны картинки и сжегъ ихъ. Что же касается до Катерины Антиповны, то стоитъ ей заснуть, не положивъ десяти поклоновъ за упокой его души, какъ холодная рука придавитъ ей грудь. Поскорѣй надо сдать холостому мужчинѣ гостиную, съ обѣдомъ за такую же приблизительно сумму, какую вносилъ ежемѣсячно покойный Филиппъ Ивановичъ,—разсудила Катерина Антиповна,—и такимъ образомъ пополнить эту сторону ея утраты. Но приходятъ смотрѣть комнату по запискѣ на воротахъ, а цѣны не даютъ. Старуха Марѳа съ большимъ доброжелательствомъ сказала хозяйкѣ:

— Нешто можно такъ запрашивать за такую маленькую комнату?

— Вѣдь она съ мебелью,—возразила хозяйка.

— Да кому жъ такая мебель нужна: ни уюта, ни пріюта нѣтъ.

— Жилъ же покойникъ.

— И кошка живетъ, и собака живетъ...

— Ахъ ты, дура ты этакая!—разсердилась Катерина Антиповна:—развѣ ты смѣешь дерзости говорить! Пошла вонъ!

Марѳа ушла, сказавъ, что она чрезъ мирового потребуетъ свои поденныя деньги. Хорошо, что не наскочилъ на этотъ скандалъ вошедшій вслѣдъ затѣмъ Мартынъ Потаповичъ.

— Ну-съ, теперь, кажется, все я исполнилъ, что въ предѣлахъ, конечно,—такъ началъ онъ, поздоровавшись:—затратилъ не мало своихъ на васъ. Напишите-ка вы мнѣ росписочку, вотъ счетецъ. Дуня, чернилъ, бумаги, два пера! Вы росписочку, а я для покойнаго друга и кума напишу и подамъ прошеніе объ утвержденіи за его вдовой половины его пенсіи.

— Похлопочите, чтобъ всю.

— Нельзя. Смѣшной народецъ эти женщины,—замѣтилъ онъ снисходительно:—каждая думаетъ, что для нея одной можно законъ измѣнить.

— Вѣдь покойный Филиппъ Иванычъ переводы дѣлалъ съ греческаго для гимназистовъ, тетрадки имъ переписывалъ, потому что мало было и всей-то пенсіи.

Мартынъ Потаповичъ промолчалъ и взялся за перо. Катерина Антиповна съ видомъ неудовольствія и недовѣрія стала писать росписку. Кончивъ, она спросила:

— Неужто только шестнадцать рублей мнѣ дадутъ?

— Благодарить и за это должны,—спрятавъ ея росписку, отвѣтилъ Мартынъ Потаповичъ, послѣ чего минутъ пять тянулось молчаніе. Вдова, въ раздумьѣ опустивъ голову надъ коробкой съ табакомъ, набивала папиросы, а Мартынъ Потаповичъ выразительно смотрѣлъ на Дуню своими свѣтящимися желтыми глазами. Онъ былъ гладко выбритъ и надушонъ ѣдкимъ запахомъ, какимъ пропитываютъ обыкновенно волосы и бороды мужчинъ въ дешевыхъ парикмахерскихъ. Свѣтлый жилетъ и ярко клѣтчатый галстукъ придаютъ ему видъ моложавый, вмѣстѣ съ отложенными уголками воротничка. И прямой проборъ очень къ лицу ему, находитъ Дуня. И она одѣта тщательнѣе обыкновеннаго. На ней изъ темнаго ситца блузка съ пузырчатыми рукавами до локтей, черные каменнаго угля браслетки на обнаженныхъ рукахъ и такой же крестикъ на открытой спереди шеѣ. То въ смущеніи бѣгая живыми глазками по полу, то пріятно ими играя, украдкой взглядываетъ она на гостя и безсознательно улыбается.

— Сколько-жъ мнѣ будетъ пенсіи изъ литературнаго фонда?— спросила вдова.

— А?—разсѣянно отозвался Мартынъ Потаповичъ и, подумавъ, отвѣтилъ:—Надо за это съ умѣньемъ взяться, а то и совсѣмъ не будетъ.

— Ради Бога, Мартынъ Потапычъ!

— Да что „ради Бога“... Вѣдь я васъ училъ, какъ и что̀ и къ кому... Кстати: слѣдующую получку я себѣ возьму въ счетъ вашего долга. Еще за покойникомъ рублей двѣнадцать осталось. У меня росписочка есть.—Тутъ вдова съ гостемъ начали совѣщаться о денежныхъ дѣлахъ, и между ними было рѣшено отложить обѣщанное пожертвованіе на монастырь до четвертаго засѣданія литературнаго фонда, такъ какъ на выдачи послѣ ближайшихъ трехъ разсчитано сдѣлать для Дуни траурный туалетъ, заготовить наливки, благо дешевы сливы теперь, и пока яблоки и кизиль продаются четвериками, наварить варенья, закупить въ большомъ количествѣ сахарнаго песку и кстати взять по оптовой цѣнѣ у того же торговца голову сахару, запасъ чаю и кофе;

остальныя нужды приходилось покрыть послѣ пятаго, шестого и седьмого засѣданія. Сверхъ того Катерина Антиповна хотя и не высказывала, но про себя находила безотлагательной необходимостью продать за двадцать восемь рублей комодъ, загромоздившій спальню, и пріобрѣсть взамѣнъ его, рублей за сорокъ, зеркальный шкафъ, съ которымъ гораздо дороже можно сдать комнату. И чтобъ не жечь томпаковый самоваръ для жильца, надо другой купить. Однимъ словомъ, въ головѣ ея почти за цѣлый годъ впередъ распредѣлены всѣ получки изъ литературнаго фонда. Всѣ эти соображенія и совѣщанія вдругъ были прерваны приходомъ и громогласнымъ вопросомъ офицера: — Здѣсь комната отдается?

Катерина Антиповна ввела его въ гостиную, гдѣ побѣдоносно высился на этажеркѣ пережившій владѣльца букетъ изъ сухихъ травъ.

— Сколько стоитъ?—съ замѣтнымъ опасеніемъ задѣть однимъ локтемъ за лампу, другимъ за этажерку съ букетомъ спрашиваетъ офицеръ.

— Двадцать рублей.

Поднявъ глаза къ потолку, на четверть аршина отстоявшему отъ его головы, и, очевидно, ощущая своей крупной фигурой тѣсноту комнаты, офицеръ сказалъ:

— Конечно, со столомъ?

— За столъ тоже двадцать рублей.

Офицеръ окинулъ ее быстрымъ взглядомъ и полюбопытствовалъ:

— Какой же такой столъ у васъ?

— Обыкновенно: супъ и кусочекъ говядины съ картофелемъ или котлетка.

— Та-акъ,—протянулъ офицеръ.

Это ее ободрило, и она прибавила съ наивнымъ поползновеніемъ на участіе офицера къ своимъ разсчетамъ.

— Надо, чтобъ мы съ племянницей сыты были при этомъ, а то безъ выгодъ, вы понимаете, намъ нельзя.

Офицеръ круто повернулся и ушелъ.

— Безденежная пѣхтура!—проворчала, войдя въ кухню, вдова, и скорчила лицо въ презрительную усмѣшку, ибо никто такъ не презираетъ бѣдность, какъ сами бѣдные того типа, къ которому они принадлежатъ.

— Я полагаю, что гвардеецъ и не полѣзъ бы на вашу лѣстницу,—съ едва замѣтнымъ оттѣнкомъ того же презрѣнія возразилъ ей Мартынъ Потаповичъ.

— Все равно, артиллеристъ найдется или казакъ; здѣсь казармы кругомъ, а комнатъ нѣтъ,—всѣ разобраны.

Мартынъ Потаповичъ покачалъ головой.

— Напрасно вы это затѣяли, милѣйшая,—съ непритворнымъ участіемъ проговорилъ онъ:—право, напрасно. Совѣтую я вамъ распродать лишній скарбъ и переѣхать въ комнату, въ точно такую же, какъ вы сдаете, только сторгуйте ее за восемь рублей съ услугами и самоваромъ.

— Вотъ еще!—трескучимъ, обиженнымъ голосомъ заговорила вдова:—въ мои-то годы привычки мѣнять да стѣсняться... съ какой это кстати?

— Съ такой, что безъ мужа вы не удержитесь на квартирѣ.

— Почему это?

— Потому что какъ въ срокъ не внесете вы денегъ, такъ и откажутъ вамъ.

— Да мы никогда въ срокъ и не платили: съ насъ ждали до восемнадцатаго числа по полученіи пенсіи.

— Мы... вы... эхъ, Катерина Антиповна! Повѣрьте,—продолжалъ Мартынъ Потаповичъ, качая головой,—что какъ червь капустный въ одинъ день можетъ пропасть одинокая женщина безъ защитника...

— Да какой же онъ мнѣ защитникъ былъ: мокрая курица! Одно званіе, что мужчина...

— Все равно, какой бы ни былъ да мужъ онъ вамъ былъ. Набейте вы соломой чучелу, скажите, что это вашъ мужъ, и держите въ квартирѣ,—тогда васъ никто не обидитъ.

— Это довольно для меня оскорбительно, Мартынъ Потаповичъ, вотъ ужъ не ожидала! Ужъ будто я глупѣй соломеннаго чучела? Я, кажется, умѣла себя такъ поставить, что... въ жизнь мою никто... отъ васъ отъ перваго... Съ вашей стороны даже нехорошо... мнѣ не до шутокъ теперь, у меня мужъ умеръ.

Постепенно входя въ роль обиженной, Катерина Антиповна такъ прониклась ею, что не прочь была и заплакать, поднесла къ носу платокъ, поморгала немного, поморщилась и, забывъ всякую осторожность, уязвленно промолвила:

— Ужъ лучше оставьте меня въ спокоѣ. Совѣтчиковъ-то много найдется, да я безъ нихъ прожила до сихъ поръ.

Онъ значительно улыбнулся, показавъ волчьи зубы, и всталъ.

— Въ такомъ случаѣ извините меня,—сказалъ онъ и, не подавъ ей руки, вышелъ въ переднюю, куда послѣдовала за нимъ Дуня, чтобы подать ему пальто.

— Тетенька разстроены,—шептала она:—извините ихъ.

Онъ ущипнулъ ея рыхлую щеку, сказавъ ей въ самое ухо:

— Приходи же, смотри!

И прямо направился къ дворницкой этого дома. Тамъ какъ разъ въ это время между старшимъ дворникомъ и лакеемъ домовладѣльца возбужденъ былъ вопросъ о томъ, что завтра наступитъ срокъ платежа за квартиру Өеофанова, и что не лишнее будетъ напомнить объ этомъ вдовѣ его. Дворникъ былъ того мнѣнія, что деньги за ней не пропадутъ, такъ какъ она пользуется покровительствомъ важнаго господина, и потому лучше повременить ее безпокоить.

Въ эту минуту стукнулъ кто-то ногой въ окошечко дворницкой и вслѣдъ затѣмъ отворилъ дверь.

— Послушай ты!—окликнулъ Мартынъ Потаповичъ такъ повелительно, что лакей и дворникъ, вскочивъ передъ нимъ, вытянулись.—Ты присмотри за старухой Өеофановой въ случаѣ, если она заболѣетъ, или тамъ что-нибудь вообще. Я все, что̀ могъ, для нея сдѣлалъ, и больше къ ней не явлюсь.

Сказавъ это, Мартынъ Потаповичъ пошелъ къ воротамъ, сопровождаемый лебезящимъ сзади него дворникомъ и съ видомъ несокрушимой власти даже надъ тѣми, кто не подчиняется ей. Лакей между тѣмъ побѣжалъ доложить барину, что покровитель Өеофановой отступился отъ нея. На это баринъ ему отвѣтилъ, что держать даровыхъ квартирантовъ онъ не въ состояніи, и лакей стремглавъ понесся сообщить объ этомъ дворнику, а дворникъ со всѣхъ ногъ пустился къ воротамъ снять записку Өеофановой о томъ, что отдается у нея комната съ мебелью, со всѣми удобствами и со столомъ. И вернувшись въ дворницкую, онъ сказалъ лакею:

— Надо такъ повернуть, чтобы она мебель распродала; тогда я у ней возьму комодъ рубля за два; комодъ орѣховый, прочный.

— А я бы самоваръ у ней за рубль сторговалъ,—вмѣшался въ ихъ разговоръ младшій дворникъ:—давно собираюсь въ деревню послать самоваръ.

— А есть у нихъ шкапъ?—спросилъ лакей.

— Два шкапа у нихъ; одинъ съ полками, другой съ вѣшалками.

— Мнѣ бы шкапъ за безцѣнокъ для одежи: коптится въ кухнѣ, опять же мухи слѣдятъ.

Между тѣмъ Катерина Антиповна позвала къ себѣ, вмѣсто поденщицы Мареы, разбитную обитательницу того же подвала, ушедшую отъ мужа жену губернскаго секретаря, Пелагею Викторовну. Ее можно за столъ съ собою посадить и говорить съ ней

сколько угодно, потому что она благороднаго званія. Незамѣнимая женщина: и плиту развела, и помогла Дунѣ стачать черную юбку, и подала и убрала обѣдъ, все перемыла, и разсказала замѣчательную исторію о томъ, какъ злодѣй Николашка ее отъ мужа сманилъ. И все хвалитъ.

— Дрова у васъ превосходныя, сухія, такъ и гремятъ, прелесть что за дрова. Это англійскія ножницы,—любуется она тупыми черными ножницами, и для шику произноситъ по-французски: „ан“ въ носъ.—Катерина Antipovna, позвольте мнѣ поправить на васъ наколку. Волосы у васъ безподобные. Вы еще выдете замужъ, вотъ помяните мое слово, у васъ прекрасный цвѣтъ лица.—Говоря это, она оправляла на вдовѣ накидку, подсовывала ей подъ локоть подушечку-думку, пододвигала табакъ, ухаживала за ней. Катерина Антиповна млѣла отъ удовольствія. Ей начинаетъ казаться, что счастливѣй ея, пожалуй, немного и найдется женщинъ. Все у нея есть, что̀ надо, и все хорошее, сама она еще не стара, здорова, свободна и никому не кланяется,—чего-жъ ей еще? Жильцы вотъ только не приходятъ комнату смотрѣть, хотя погода совсѣмъ разгулялась.

— Успѣете сдать, — утѣшала ее Пелагея Викторовна,—и какого я вамъ жильца предскажу,—съ циническимъ подмигиваньемъ всплеснула она ладонями и расхохоталась такъ громко, что работавшая все время молча Дуня засмѣялась, не зная чему.

Оживившееся и по обыкновенію красное лицо Катерины Антиповны при этомъ предсказаніи покрылось еще болѣе густыми красками, носъ побагровѣлъ, и она предложила выпить по рюмочкѣ передъ ужиномъ. Но, пріятно хихикая, Пелагея Викторовна долго отказывалась отъ угощенія:—Въ ротъ не беру!—Губы она поджала и мотала головой съ матово-черной, сухой, по всей видимости, выкрашенной чолкой на лбу. Подвижное, смятое лицо ея густо смазано бѣлилами, на ногахъ ажурные чулки и стоптанныя желтыя туфли, и она не разстается съ плисовой пелериной, скрывающей продранные рукава на локтахъ.

— Дивная водка!—восклицаетъ она, опрокидывая въ ротъ рюмку за рюмкой:—вѣдь это кюммель?

— Нѣтъ, простая. А вотъ погодите, какой я васъ сливянкой угощу, и какимъ вареньемъ! Дуня, у насъ тамъ корюшка маринованная, и все что̀ есть подавай. Чокнемтесь, Пелагея Викторовна, вы мнѣ по душѣ пришлись.

— А вы мнѣ... Какъ только взглянула на васъ, сейчасъ увидала... Такой корюшки я не пробовала... одинъ восторгъ! Бож-же мой, какая у васъ великолѣпная лампа!—усердствуетъ гостья,

встрѣчая со стороны хозяйки полное подтвержденіе своихъ похвалъ.

— Дорогая лампа: изобрѣтеніе для глазъ. Еще когда покойникъ на службу ходилъ, купилъ себѣ. Я и зажгла ее, чтобъ Дунѣ не темно было черное шить.

Скоро закуска была съѣдена, графинчикъ допитъ, и опьянѣвшія женщины, подложивъ подъ головы локоть, покоились на столѣ въ одинаковой позѣ, невнятно бормоча.

— Я тоже счастлива была, и какъ любила... какъ лелѣяла...

— А я-то... бывало, не надышусь на покойника...

Вдругъ Пелагея Викторовна встрепенулась, встала и, таращà слипавшіеся глаза, оглядѣлась кругомъ.

— Николашка ждетъ,—сказала она:—надо бѣжать...

— Не пущу! Дуня, не пускай. Намъ жутко однѣмъ ночевать... оставайтесь. Съ тѣмъ вѣдь вы и пришли.

— Надо у Николашки спроситься... вотъ что!—почти отрезвясь, скороговоркой начала гостья:—надо снести ему что-нибудь, чтобъ отпустилъ меня... халатъ покойника... Что-нибудь этакъ изъ одёжи на поминъ души.

— Халатъ такъ халатъ,—съ рѣшительностью объявила Катерина Антиповна и, шатаясь, пошла въ спальню со свѣчкой. Но халата она не видитъ и, нагнувшись, ищетъ его на полу. Пользуясь этимъ, гостья незамѣтно подхватила подъ мышку штиблеты, и штука грязнаго бѣлья изъ-подъ кровати скрылась подъ ея пелериной. Она цѣлуетъ въ плечико вдову и говоритъ ей:

— Чудная женщина! Все равно что-нибудь... вѣдь у васъ много... вѣдь вамъ не нужно.

Катерина Антиповна отдаетъ ей брюки и жилетку, потомъ снимаетъ со стѣны крылатку Филиппа Ивановича, но, вмѣшавшись въ это дѣло, молчаливая Дуня съ неожиданной рѣзкостью заговорила:

— Тетенька, не дурите! Съ пьяныхъ-то глазъ вы пожалуй все отдадите.—И, толкнувъ тетку къ кровати, она положила ее сверхъ груды тряпья, затѣмъ выпроводила оторопѣвшую передъ ней гостью и заперла за ней дверь.

III.

Въ шестомъ часу утра, еще не разсвѣло какъ слѣдуетъ, поднялся такой стукъ въ наружную дверь и такъ задребезжалъ звонокъ, что поднялъ на ноги не только Дуню, но и вдову Ѳеофа-

ному. Дворникъ чуть не ушибъ ихъ обѣихъ, вломившись съ дровами за спиной, и, грохнувъ на полъ вязанку, сказалъ:

— Больше нѣтъ у васъ дровъ. Нате вотъ и замокъ отъ сарая.

Катерина Антиповна не повѣрила своимъ ушамъ и нѣсколько разъ переспросила:

— Чего нѣтъ? Вышли? Когда же?.. Какъ? Что такое?

— Мы за два дня до смерти дяденьки купили цѣлую сажень,—осторожно промолвила Дуня,—и берегли. Только двѣ вязаночки и сожгли. Куда жъ они дѣлись?

Дворникъ почесалъ у себя подмышкой и, стыдясь взглянуть ей въ лицо, мрачно проговорилъ:

— Не поѣлъ вѣдь я ихъ.—И какъ бы оправдываясь передъ своею совѣстью, нагнувшись, чтобъ поднять веревку, онъ продолжалъ:—Другіе-то жильцы по рублю и по два намъ платятъ, а отъ васъ жди... Нашему брату задаромъ на четвертый этажъ спину и ноги ломать тоже не очень-то...

Не разгибаясь, онъ быстро проскользнулъ въ переднюю и оттуда на лѣстницу.

— Охъ!—простонала Катерина Антиповна съ такимъ же чувствомъ боли, какъ еслибъ у нея вырѣзали кусочекъ живого мяса. Она выбѣжала на лѣстницу и закричала:—Воры, мошенники! сейчасъ я пойду, домовладѣльцу скажу!

— Иди, говори!—отвѣтилъ ей мрачный голосъ съ нижняго этажа.

— При дяденькѣ этого никогда не случалось, — печально проговорила дѣвушка и получила пощечину. Она хотѣла протестовать, она хотѣла высказать теткѣ, что больше не позволитъ ей срывать на себѣ злость, но голосъ замеръ у нея въ груди, и слезы горячія, ѣдкія хлынули изъ глазъ. Ни она, ни тетка не замѣтили, какъ вошелъ старшій дворникъ, и обѣ вздрогнули при его вопросѣ:

— Угодно будетъ внести деньги или очистить квартиру?

Минуту, дѣлая надъ собой неимовѣрныя усилія, вдова преодолѣла гнѣвъ, и пониженнымъ отъ волненія голосомъ, стараясь придать ему тонъ примирительный, она отвѣтила, потупившись:

— Вѣдь вы знаете, что мы платимъ восемнадцатаго числа... Какъ же можно дрова у насъ отнимать, за это вѣдь...

— Такъ, значитъ, показывать надо квартиру.

— Зачѣмъ... кому показывать? Ты думаешь, у насъ заступы нѣтъ? Дуня! Иди сейчасъ къ самому казначею... все равно, къ какому хочешь члену бѣги... приведи сюда. Пусть поглядитъ, какъ тутъ надъ нами измываются.

Чтобъ только куда-нибудь уйти отъ тетки хоть на короткое время, Дуня съ необыкновеннымъ проворствомъ исполнила ея приказаніе, и слѣдомъ за ней вышелъ дворникъ, рѣшивъ пріобрѣсть кабинетную лампу копѣекъ за пятьдесятъ. Понимая, что въ шесть часовъ утра никакихъ секретарей и казначеевъ нельзя видѣть и бродя по улицамъ, Дуня жевала копѣечный розанъ, взятый въ первой попавшейся булочной. Она думала о Мартынѣ Потаповичѣ, и сама не замѣтила, какъ дошла до его квартиры. У двери его она постояла съ минуту и послѣ нѣкотораго колебанія тихонько потянула ручку звонка. Самъ онъ, въ халатѣ, отворилъ дверь.

— Эге, овечка пришла,—радостно засмѣялся онъ, сажая ее, всю трепещущую, на кресло.

— Нѣтъ, Мартынъ Потаповичъ,—шептала она:—вѣдь я понимаю, что вы хотите...

— Еще бы не понять, ты не маленькая.

— Вы женатый...

— Все равно что холостой, потому что жену упряталъ въ сумасшедшій домъ,—отвѣтилъ онъ съ ужасающей веселостью.

— Нѣтъ! Не трогайте, ради Христа! Отпустите меня!

— Зачѣмъ же ты пришла ко мнѣ?

— Не знаю... Некуда больше.

— То-то и есть. Указаніе Божіе.

— У насъ дрова отняли дворники... съ квартиры сгоняютъ.

— Это не мое дѣло. Отъ своей судьбы, Дунечка, не уйдешь. Если Богу угодно, я съ тобой повѣнчаюсь, когда жена умретъ... Ну, не реви, не ломайся!—уговаривалъ онъ ее.— Не ной... Когда-нибудь надо же...

Часа черезъ два онъ былъ совсѣмъ одѣтъ, готовый идти на службу, и за самоваромъ обстоятельно разсуждалъ.

— Неудобно было мнѣ оставлять квартиру на чужого человѣка, вотъ поэтому прислугъ не держалъ я. А ты дѣвчонка небалованная, тебѣ можно довѣрить. Сиди тутъ, займись чѣмъ-нибудь... перештопай носки, орѣшками позабавься, вотъ тебѣ и карамельки отъ скуки. И чтобъ тетка твоя носа сюда не показывала! Впрочемъ, я приму мѣры. Какъ-нибудь я добуду твой паспортъ и пожитки. Пей чай.

Опухшими отъ слезъ глазами глядя въ полъ, Дуня, какъ будто не слыша его, съ глубокимъ вздохомъ прошептала, закрывъ руками лицо:

— Грѣхъ-то какой!

Мартынъ Потаповичъ, съ покорявшимъ дѣвушку видомъ не-

сокрушимой власти, посмотрѣлъ на нее, помолчалъ и сдѣлалъ внушеніе:

— Грѣхъ мнѣ будетъ, если ты у меня избалуешься, но этого не будетъ. Слышишь ты? Я за тебя передъ Богомъ отвѣтчикъ, и блудить тебѣ не позволю. Смотри сюда. Вотъ лежатъ книжки — есть и священная исторія съ картинками—почитай, развлекись, и можешь побреньчать на гитарѣ, только не громко. Обѣдать сегодня я поведу тебя въ трактиръ, а завтра ты сама что-нибудь приготовишь. И заживемъ мы съ тобой, право, недурно,— смягчая голосъ, улыбнулся онъ:—лучшей судьбы тебѣ и не выпало бы. Приду со службы, отдохну и въ театръ тебя свожу разика два въ мѣсяцъ, въ циркъ, на гулянье. Обновочку коекогда сдѣлаю: шляпочку, муфточку, все такое, не хуже чѣмъ у другихъ. Благодари Бога. Другой бы попользовался да и прогналъ тебя, а я по-христіански. Увидишь — оцѣнишь. Ты тутъ тихонько сиди, признаковъ о себѣ не давай. До свиданья.

Дуня, спохватившись, выбѣжала за нимъ въ переднюю.

— А какъ же тетенька-то тамъ одна?

Вмѣсто отвѣта щелкнулъ наружный замокъ. Уходя, Мартынъ Потаповичъ положилъ ключъ отъ квартиры въ карманъ и сказалъ себѣ:—Съ недѣльку надо ее, какъ украденную собаку, выдержать взаперти.

Катерина Антиповна переходила между тѣмъ отъ удивленія къ безпокойству и гнѣву въ своихъ усиліяхъ отгадать, куда Дуня дѣвалась. Сирота она круглая, подругъ у нея нѣтъ, а знакомые Филиппа Ивановича не стали бы съ ней долго разговаривать, еслибъ и зашла она къ нимъ. Не вздумала ли она, какъ года три тому назадъ, послѣ хорошей потасовки, уйти на весь день въ паркъ гулять, въ такую-то погоду. Во время этихъ размышленій вдова принуждена была впустить къ себѣ вмѣсто ожидаемой Дуни чужихъ людей, мужа съ женой, приведенныхъ дворникомъ и лакеемъ домовладѣльца. Она такъ растерялась, что молча исполнила требованіе показать имъ квартиру. Послѣ этого, понявъ по-своему свое положеніе, она не долго задумалась надъ нимъ. Выходъ одинъ изъ него: отдать сегодня же деньги и обѣщать платить дворникамъ по рублю въ мѣсяцъ,—они и оставятъ ее въ покоѣ. И дрова отдадутъ ей. Съ этими мыслями она отправилась за деньгами литературнаго фонда. Тѣмъ лучше, если Дунька ее не застанетъ; пусть погуляетъ еще по дождю-то безъ зонтика. Въ другой разъ будетъ умнѣе.

Осень наступила какъ слѣдуетъ. Льется сверху вода то косымъ, то прямымъ, то проливнымъ дождемъ, то равномѣрно и

мелко падаетъ, или разсыпается пылью, а вѣтеръ бросаетъ мелкую пыль въ лицо и рветъ дождевой зонтъ изъ красныхъ, узловатыхъ рукъ старушки, и повертываетъ ее вмѣстѣ съ зонтомъ. Она—такая жалкая, мокрая вся и неловкая, съ распустившимися кудерками на лбу, съ безпомощнымъ косымъ взглядомъ за синими стеклами запотѣвшихъ очковъ, что швейцаръ не рѣшился ворчать на нее въ передней, гдѣ она напустила цѣлую лужу съ зонта.

Одинъ изъ членовъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ только-что сѣлъ позавтракать, какъ ему доложили, что желаетъ его видѣть вдова умершаго писателя Өеофанова. Онъ вскочилъ изъ-за стола, не донеся до рта первую ложку супа, и, поспѣшно выйдя въ переднюю, пригласилъ Катерину Антиповну въ кабинетъ. Она не рѣшалась войти, робко кланялась, кашляла въ руку и, заикаясь, начала:

— Простите, извините меня за безпокойство, помогите! У меня отняли дрова и гонятъ съ квартиры.

— Вы, кажется, ужъ получили пособіе?

— Получила... на похороны... а теперь срокъ за квартиру.

— Сколько вы платите?

— Двадцать пять рублей, безъ дровъ.

— Почему бы вамъ не нанять подешевле?

Вдова подумала и жалостно промолвила:

— На переѣздку деньги нужны, а у меня нѣтъ. Ваше превосходительство!—внезапно упавъ на колѣни, всхлипнула она:—пенсію бы мнѣ хоть небольшую.

Поднявъ ее и бережно усадивъ на бархатное кресло въ кабинетѣ, членъ объяснилъ ей, что до засѣданія слѣдующаго мѣсяца онъ ничего не можетъ ей сказать относительно пенсіи; но если она до того времени желаетъ принять отъ него двадцать пять рублей на переѣздку, онъ очень радъ ей служить. Само собою разумѣется, что она не отказалась отъ этого; и съ нѣсколько утрированной вѣжливостью членъ проводилъ ее въ переднюю и самъ отворилъ передъ ней дверь.

Торжествуя въ душѣ побѣду, вдова вернулась домой на извозчикѣ и, войдя въ дворницкую, положила деньги на столъ.

— Получите,—сказала она съ достоинствомъ,—и по цѣлковому въ мѣсяцъ буду давать вамъ на чай. А дрова ты лучше добромъ мнѣ отдай; грѣхъ вдову обижать. Иванъ, а Иванъ?

— Сдадена ваша квартира, — грубо отозвался Иванъ, не вставая съ кровати, на которой только-что растянулся.—Въ трех-

дневный срокъ съѣзжайте, не то исполнительнымъ листомъ вынесутъ въ сарай ваше имущество, и за сарай вы заплатите.

— Самоварчикъ-то за мной оставьте, когда будете продавать, —умильно произнесъ младшій дворникъ, найдя этотъ моментъ удобнымъ обратиться съ просьбою къ вдовѣ.—Деньги ваши возьмите,—подалъ онъ ей ассигнацію. Она скомкала ее въ рукѣ и, стоя неподвижно, казалась до такой степени пораженной, что не понимала, гдѣ она. Оба дворника съ любопытствомъ на нее смотрѣли. Внезапно сорвавъ съ головы мокрую шляпку, она выбѣжала и закричала на весь дворъ:

— Никогда, никогда! Ни за что! Я заступу найду!

Дворники весело расхохотались, послѣ чего старшій замѣтилъ младшему:

— Ты чего съ ней толкуешь про самоваръ? Сами возьмемъ, чтò надо, когда свалимъ въ сарай, а потомъ ей заплатимъ. Нельзя же тоже.

Въ тоскливомъ страхѣ обойдя квартиру, Катерина Антиповна отчаянно крикнула:

— Дуня! Дуняша! Съ насиженнаго гнѣздышка гонятъ насъ!

Обильныя слезы облегчили ея волненіе. Вдругъ ей представилось, что кашляетъ ея мужъ, и со шляпкой въ рукѣ она выбѣжала на лѣстницу, постояла, прислушалась, спрятала скомканную ассигнацію за пазуху, заперла дверь и, надѣвъ шляпку задомъ напередъ, медленно спустилась съ лѣстницы.

У воротъ дома, гдѣ живетъ Мартынъ Потаповичъ, сидѣлъ какой-то человѣкъ въ клеенчатой курткѣ и смазныхъ сапогахъ. Онъ вглядѣлся въ подошедшую къ калиткѣ Катерину Антиповну и всталъ ей на встрѣчу съ вопросомъ:

— Кого вамъ?

— Мартынъ Потаповичъ не приходилъ еще со службы?

— Не живетъ ужъ онъ тутъ, съѣхалъ.

— Ахъ, ты, Господи! А я хотѣла ему записку оставить. Нѣтъ ли у васъ карандаша и бумажки?

— На кой лядъ записку, ежели нѣтъ его. Вѣдь я вамъ сказалъ.

Не повѣривъ, но не смѣя спорить съ этимъ человѣкомъ, упавшая духомъ вдова отправилась на мѣсто службы Мартына Потаповича. Но тамъ сторожъ не пустилъ ее дальше передней, сказавъ ей, что съ мѣсяцъ назадъ перешелъ на другую службу Мартынъ Потаповичъ,—кажется, въ правленіе ряжско-вяземской желѣзной дороги.

— На грязе-царицынской онъ дорогѣ,—подоспѣлъ, сбѣжавъ съ

лѣстницы, другой сторожъ, а третій утверждалъ, что онъ теперь служитъ въ страховомъ агентствѣ летучаго пароходства.

— Да что вы мнѣ врете!—забывшись, обнаружила она весь свой трескучій голосъ.

Только того и ждали сторожа. Они повернули ее къ двери и взявъ съ обѣихъ сторонъ подмышки, толкали въ спину и приговаривали:

— Кричать и скандальничать здѣсь нельзя. Приди-ка въ другой разъ, старушонка, не такъ еще угостимъ.

Она бѣжала бѣгомъ, пока извозчикъ съ хохотомъ не окликнулъ ее:

— Эй, купчиха! Взяли бы извозчика, чѣмъ на своихъ на двоихъ такъ лупить.

Она сѣла въ пролетку и велѣла везти себя на кладбище, и, задыхаясь, торопила извозчика.

— Скорѣй, скорѣй! сколько хочешь, возьми съ меня, только скорѣй! У меня деньги есть!—И, обернувшись назадъ, закричала: —Дунечка, Дуня, Дуняша!.. Нѣтъ, не она... Охъ, бѣдная моя! Не застала меня и теперь ходитъ голодная... Дуняша!—обернулась она въ другую сторону, слѣдя глазами за другой дѣвушкой.

Извозчикъ смѣялся:—Вонъ еще двѣ Дуняши идутъ!..

Осеннія сумерки быстро спускались, моросилъ мелкій дождь; она все толкала въ спину извозчика:—Поскорѣй, поскорѣй, дамъ цѣлковый. Два дамъ, только скорѣй.—И кладбищенскаго сторожа она удивила своей возбужденной, растерянной торопливостью.

— Могилку писателя Ѳеофанова мнѣ покажите поскорѣй!— упрашивала она, взявъ сторожа за локоть, а извозчику велѣла себя ждать. И, плутая по лужамъ между могилъ сзади сторожа, увѣряла его:

— У меня деньги есть, я заплачу и вамъ, и за панихиду. Скажите батюшкѣ. Я—супруга его, вдова.

Сторожъ показалъ ей глинистый, сверху размытый дождемъ, бугорокъ. Она упала грудью на могилу, раскинувъ руки, жалобно причитала съ рыданіемъ и стонами:

— Заступа моя, Филиппъ Иванычъ, Филюшка, Филя! Возьми ты меня къ себѣ, спрячь, схорони отъ обидъ! Свѣтъ ты мой ненаглядный! Всѣ твои пальчики перецѣлую и на рукахъ, и на ногахъ, возьми ты меня къ себѣ!

Вся безнадежность будущаго, нѣжность, раскаяніе, лучшія стороны ея существа ожили въ этихъ вопляхъ. Она обнимала могилу, въ глубокомъ отчаяніи прижимаясь къ мокрой глинѣ лицомъ подъ сѣтью дождя въ холодѣющемъ сумракѣ наступившаго вечера, ничего не чувствуя, кромѣ своего безпредѣльнаго горя.

Сторожъ сказалъ священнику, что какая-то женщина, не то пьяная, не то сумасшедшая, лежитъ на могилѣ Өеофанова и воетъ. Говоритъ: вдова его, а на похоронахъ не была. Панихидку хочетъ служить.

— А какъ она изъ себя?—спросилъ батюшка.

— Шальная. Шляпка не такъ надѣта, вся мокрая, ноги въ грязи.

Священникъ приказалъ ее убрать, если сама не уйдетъ, потому что къ ночи никто панихиду не служитъ. И такъ какъ на совѣтъ сторожа отправляться домой, пока несовсѣмъ еще темно, Катерина Антиповна объявила, что отъ своей мокрой курицы она никуда не уйдетъ, ее съ большимъ насиліемъ подняли съ могилы. При этомъ разорвали воротъ драповой кофты на ней, сбили съ носа очки, распахнули ей грудь и въ такомъ видѣ, всю измазанную мокрой глиной, доставили въ ближайшій полицейскій участокъ на взятомъ ею извозчикѣ.

Тамъ она съ горячечной дрожью, съ непроизвольными жестами какъ бы развинченныхъ рукъ заявила, что у нея одна только заступа: мокрая курица! Когда же, по требованію извозчикомъ платы, она сунула руку за пазуху, потомъ начала рвать на себѣ лифъ и судорожно хвататься за обнаженную грудь, испуская непрерывный пронзительный визгъ, и метаться съ необыкновенной силой къ двери, ее, со связанными руками и ногами, препроводили изъ участка въ больницу...

А. Виницкая.

НАРОДНАЯ ПЕРЕПИСЬ

ВО

ФРАНЦІИ *)

Въ теченіе послѣднихъ 25-ти лѣтъ въ Россіи въ правительственныхъ сферахъ, а отчасти и въ печати неоднократно возбуждался вопросъ о всеобщей переписи населенія [1]). Несмотря на настоятельную и общепризнанную необходимость подобной переписи, вопросъ этотъ все время оставался безъ движенія. Помимо разныхъ другихъ препятствій, задерживавшихъ рѣшеніе этого вопроса, порядочное затрудненіе представляла и сама матеріальная сторона предпріятія, требующаго для своего выполненія милліоновъ рублей и одновременной мобилизаціи нѣсколькихъ десятковъ тысячъ болѣе или менѣе грамотныхъ людей. Однако, препятствія эти оказались преодолимыми—и закономъ, отъ 5-го іюля прошедшаго года, постановлено о первой общей переписи населенія россійской имперіи.

Въ западной Европѣ общая народная перепись уже давно получила право гражданства и принята какъ обязательное пособіе для руководства во всѣхъ административныхъ учрежденіяхъ;

---

*) Матеріаломъ для настоящей статьи служили главнымъ образомъ: „La Population Française", par E. Levasseur, 3 vol. (Paris 1889—91, in-8), и оффиціальные отчеты о переписяхъ населенія во Франціи въ теченіе нынѣшняго столѣтія.

[1]) Вопросъ о томъ стоялъ на очереди еще 20 лѣтъ тому назадъ, какъ то можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ проф. Янсона, писанныхъ въ 1877 г.: „Послѣднія свѣдѣнія о численности наличнаго населенія имперіи изданы за 1870 г. и впредь, вѣроятно, издаваться не будутъ, въ виду намѣренія центральнаго статистическаго комитета произвести въ скоромъ времени однодневную перепись всего населенія имперіи" („Сравнительная статистика Россіи и зап.-европ. государствъ". Т. I, 1878, стр. 19).

Наиболѣе крупныя государства ввели у себя общую перепись еще въ началѣ столѣтія [1]). Во Франціи и въ Англіи она была произведена въ первый разъ въ 1801 г.; въ Пруссіи—въ 1810; въ Австріи, Саксоніи, Баваріи и Баденѣ въ 1815—1818 гг. Постепенно и остальныя государства послѣдовали этому примѣру; въ 70-хъ годахъ всѣ большія и малыя европейскія государства, за исключеніемъ Россіи [2]), Турціи и княжествъ и королевствъ Балканскаго полуострова, имѣли уже у себя, по крайней мѣрѣ, по одной переписи. Одновременно съ этимъ, рядомъ съ быстрымъ ростомъ и развитіемъ статистики, съ открытіемъ статистическихъ бюро и устройствомъ международныхъ статистическихъ конгрессовъ [3]), народная перепись все болѣе совершенствовалась въ своихъ пріемахъ, становясь постепенно всенародной, періодиче-

[1]) Народная перепись была извѣстна еще въ глубокой древности: китайская исторія упоминаетъ о народной переписи, которая была произведена въ Небесной имперіи за 2.300 лѣтъ до нашей эры, а потомъ, съ XII столѣтія (до Р. X.) она начала производиться болѣе или менѣе періодически. Въ Библіи мы находимъ разсказы о двухъ народныхъ исчисленіяхъ (при Моисеѣ и при Давидѣ). Въ древнемъ Римѣ переписи производились довольно часто. Сервій Туллій постановилъ даже, чтобы переписи производились каждыя 5 лѣтъ. Постановленіе это, впрочемъ, ни разу не было въ точности исполнено, и переписи производились крайне нерегулярно, но въ своихъ пріемахъ онѣ достигли порядочнаго усовершенствованія: записывалось имя, званіе, профессія и возрастъ всѣхъ гражданъ обоего пола и всякаго возраста. Позже стали вносить въ таблицу число и качество рабовъ каждаго владѣльца. Императоръ Августъ первый распространилъ перепись на всѣ провинціи имперіи. Въ теченіе его правленія было три переписи; о второй изъ которыхъ упоминается въ Евангеліи (Лука II, 1—3). Въ продолженіе среднихъ вѣковъ переписи производились гораздо рѣже и были почти исключительно мѣстными. Въ нѣсколькихъ кантонахъ Швейцаріи народныя переписи введены въ серединѣ XVIII-го вѣка (въ Цюрихѣ—въ 1634 г.); въ Швеціи—въ 1749 г.; Норвегіи—1760 г.; Даніи—1769 г. Въ Соединенныхъ-Штатахъ Сѣверной Америки первая перепись была сдѣлана въ 1790 г. и съ тѣхъ поръ производится періодически каждыя 10 лѣтъ.

[2]) Безъ царства польскаго и Финляндіи, гдѣ періодическая перепись производится съ середины 70-хъ годовъ.

[3]) Первое статистическое бюро было открыто въ Пруссіи въ 1810 г., и въ настоящее время всѣ европейскія государства, исключая Турціи, имѣютъ у себя эти учрежденія. Международные статистическіе конгрессы были основаны по иниціативѣ бельгійскаго статистика Кетле (Quetelet) въ 1851 г. Первый конгрессъ состоялся въ Брюсселѣ въ 1853. Послѣ него было еще 8 конгрессовъ (въ 1855 г.—въ Парижѣ; въ 1857—въ Вѣнѣ; въ 1860—въ Лондонѣ; въ 1863—въ Берлинѣ; въ 1867—во Флоренціи; въ 1869—въ Гаагѣ; въ 1872—въ Петербургѣ и въ 1876—въ Будапештѣ). На этихъ конгрессахъ, руководимыхъ, главнымъ образомъ, директорами статистическихъ бюро, разбирались и рѣшались многіе важные вопросы по статистикѣ. Петербургскій конгрессъ 1872 г. былъ посвященъ исключительно вопросу о народной переписи. Въ 1876 г. конгрессы прекратились. Вмѣсто нихъ въ 1885 г. въ Лондонѣ основалось общество: „Интернаціональный институтъ статистики". Первый его съѣздъ состоялся въ 1887 г. въ Римѣ.

ской, однодневной, и захватывая все бо́льшій и бо́льшій кругъ явленій человѣческой жизни. Во Франціи, Англіи, Ирландіи, Шотландіи, Германіи, Австріи, Венгріи, Италіи, Испаніи, Португаліи и Даніи переписи ужъ болѣе 20 лѣтъ производятся періодически каждыя 5 или 10 лѣтъ. Во Франціи періодическая перепись, каждыя 5 лѣтъ, началась съ 1831 года.

Въ виду интереса, который въ настоящее время представляетъ для насъ вопросъ о народной переписи, мы считаемъ нелишнимъ сдѣлать краткій очеркъ развитія этого дѣла во Франціи.

I.

Правители старой Франціи мало интересовались составомъ и численностью своихъ подданныхъ. Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, вплоть до начала XVIII-го столѣтія, во Франціи не было произведено ни одного общаго и сколько-нибудь серьезнаго исчисленія народонаселенія. Единственными источниками, по которымъ нынѣшній изслѣдователь можетъ гипотетически судить о численности и составѣ населенія Франціи въ различныя эпохи—до XVIII-го вѣка, являются для древнѣйшихъ временъ свидѣтельства нѣкоторыхъ древнихъ писателей, какъ Цезарь, Страбонъ и Діодоръ, да еще 4—5 рукописей, посвященныхъ этому вопросу и относящихся къ IX—XVI столѣтіямъ. Въ большинствѣ этихъ рукописей данныя имѣются лишь для какого-нибудь небольшого района или даже для одного только прихода и отличаются очень сомнительной точностью.

Первые достовѣрные документы подобнаго рода—это церковныя записи крещеній, браковъ и смертности; правильное ихъ веденіе было вмѣнено въ обязанность духовенству Францискомъ I (виллеръ-котретскій эдиктъ, отъ 10-го августа 1539 г.). Но до XVIII-го в. этими документами никто не пользовался и бо́льшая часть ихъ была уничтожена [1]). Въ общемъ, до начала XVIII-го вѣка ни обществу, ни правительству, не была извѣстно, даже приблизительно, численность населенія Франціи. До чего доходило невѣденіе общества въ этомъ отношеніи, можно судить потому, что еще въ 1685 г. одинъ писатель, Исаакъ Бассіусъ, серьезно утверждалъ, что населеніе Франціи не превосходитъ 5.000.000, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно доходило почти до 20.000.000.

[1]) Въ началѣ революціи всѣ церковныя записи были вытребованы у священниковъ и переданы въ распоряженіе муниципальной администраціи.

Въ исходѣ XVII-го ст., Людовикъ XIV, „желая быть вполнѣ освѣдомленнымъ о состояніи провинцій своего государства", предписалъ провинціальнымъ королевскимъ чиновникамъ, интендантамъ, составить мемуары объ управляемыхъ ими округахъ. Разосланный имъ вопросный листъ былъ составленъ герцогомъ де-Бовилье въ сотрудничествѣ съ Фенелономъ и Вобаномъ. Бовилье, котораго серьезно безпокоила сильная эмиграція гугенотовъ послѣ отмѣны нантскаго эдикта, обращалъ особенное вниманіе интендантовъ на численность населенія.

Вопросный листъ былъ необширенъ и далеко не удачно составленъ. Онъ заключалъ въ себѣ всего нѣсколько общихъ и не совсѣмъ опредѣленныхъ вопросовъ: число городовъ и приблизительная численность населенія въ каждомъ; общее число приходовъ и количество душъ въ каждомъ; число деревень и поселковъ. Кромѣ этого, интендантамъ было предписано сравнить данныя, которыя они получатъ, съ данными прежнихъ записей, и если окажется, что численность населенія уменьшилась, указать причины этого. Вопросный листъ заключалъ въ себѣ особый вопросъ о количествѣ эмигрировавшихъ гугенотовъ.

Инструкціи были разосланы интендантамъ въ концѣ 1697 г., но свѣденія изо всей Франціи были получены въ Парижѣ не раньше 1700 года. И несмотря на медленность, съ которой производилась эта первая перепись,—если можно назвать этимъ именемъ мемуары интендантовъ,—большинство отчетовъ не отличались ни обработанностью, ни точностью. Главный же ихъ недостатокъ заключался въ томъ, что они не были составлены по общей программѣ. Одни отчеты давали число всѣхъ жителей округа; другіе не считали нѣкоторыхъ категорій лицъ; третьи указывали лишь число дворовъ: для одного мѣста—всѣхъ дворовъ, для другого—лишь оброчныхъ; четвертые давали свѣденія лишь о податномъ населеніи и т. д.

Несмотря, однако, на всѣ эти крупные недостатки, мемуары интендантовъ составляютъ въ высшей степени интересныя и для своего времени единственно общія и наиболѣе достовѣрныя данныя о тогдашней Франціи [1]). Значеніе этихъ документовъ увеличивается еще вслѣдствіе того, что въ теченіе послѣдующихъ ста лѣтъ они были единственными оффиціальными данными объ общемъ населеніи страны. Въ продолженіе всего XVIII-го вѣка не только не было произведено ни одной общей переписи, но

---

[1]) По исчисленіямъ Вобана, на основаніи мемуаровъ, общее населеніе Франціи составляло тогда 19,064.146 душъ.

она даже считалась невозможною [1]). Незадолго до революціи, въ нѣкоторыхъ округахъ были произведены частныя переписи: въ 1786 г. была сдѣлана перепись въ Бургундіи, считающаяся лучшей изъ всѣхъ, предпринятыхъ при старомъ режимѣ; въ 1788 имѣли для себя переписи округи Монтабанъ, Аміенъ и др. Кромѣ этого, была сдѣлана попытка собирать свѣденія о рожденіяхъ, бракахъ и смертности черезъ интендантовъ, которымъ въ 1772 г. было предписано генеральнымъ контролеромъ финансовъ, Террэй, доставлять эти данныя не только за текущее время, но и за 1770 и 1771 года. Эти свѣденія доставлялись до 1789 г. Предполагаютъ еще, что нѣкоторые интенданты имѣли обыкновеніе посылать ежегодно генеральному контролеру полную роспись населенія ихъ округовъ. Росписи эти, однако, не сохранились.

Мемуары интендантовъ не были въ свое время опубликованы [2]), но многочисленныя рукописныя копіи съ нихъ циркулировали во дворцѣ и въ министерствахъ. Въ общество же новыя данныя проникли лишь благодаря нѣкоторымъ книгамъ и таблицамъ, составленнымъ на основаніи мемуаровъ. Въ 1707 г. Вобанъ издалъ книгу: „La Dîme Royal“; книжная торговля Согренъ издала въ 1709 и переиздала въ 1720 г. „Dénombrement du royaume de France“, а въ 1727—1728 вышла книга Буленвильера: „L'Etat de la France“ (въ 3 частяхъ). Эти три книги были до 1789 единственными источниками, доступными для публики [3]). Въ 1789 Неккеръ и Каллонъ составили, на основаніи частныхъ административныхъ отчетовъ, таблицы населенія Франціи. Отчеты эти, какъ нѣкоторыя другія данныя, были обрабо-

[1]) Въ 1785 г. Неккеръ писалъ: „Il n'était pas possible, sans doute, de faire le dénombrement général d'un si grand pays“. Это же мнѣніе высказалъ въ 1789 г. и Поммель: „Il n'existe et il n'a jamais existé aucun dénombrement général du royaume. Il est difficile de ne pas douter au moins de la possibilité et surtout de l'exécution d'une telle opération“.

[2]) Въ 1876 г. министръ нар. пр. сдѣлалъ распоряженіе о напечатаніи мемуаровъ. Въ 1881 г. вышелъ 1-й томъ, заключающій въ себѣ „Mémoire de généralité de Paris“.

[3]) На основаніи мемуаровъ интендантовъ, церковныхъ записей и частныхъ административныхъ отчетовъ въ XVIII в. было составлено нѣсколько замѣчательныхъ работъ по демографіи, изъ которыхъ особенное значеніе имѣетъ книга Мао (Maheau): „Recherches et considérations sur la population de la France“, изданная въ 1778 г., черезъ два года послѣ появленія кн. А. Смита: „О богатствѣ народовъ“. Мао считается основателемъ демографіи во Франціи. Слѣдуетъ упомянуть еще о книгѣ Мирабо (отца): „L'ami des hommes ou Traité de la population“ (5 томовъ, 1756—1758), надѣлавшей много шуму. Мирабо доказываетъ, что населеніе Франціи уменьшается, и что въ этомъ виновато одно лишь правительство. Въ отвѣтъ на другую книгу съ подобной же тенденціей, Мальтусъ написалъ въ 1808 г. свою знаменитую книгу: „Опытъ о законѣ населенія“.

таны нѣкоторыми другими писателями того времени. Съ началомъ революціи вопросъ о народонаселеніи начинаетъ все больше привлекать къ себѣ вниманіе общества. Среди безчисленнаго количества брошюръ этого времени, многія посвящены вопросу о народонаселеніи Франціи. Но насколько въ нихъ вопросъ этотъ трактуется гадательно, можно судить по тому, что обозначенная въ нихъ цифра населенія колеблется между 23 и 29 милліонами.

II.

Первыя попытки произвести общую правильную перепись населенія во Франціи были сдѣланы въ теченіе періода великой революціи. Если по смутности времени попытки эти остались безуспѣшными, онѣ во всякомъ случаѣ подготовили первую перепись и свидѣтельствуютъ, что революціонныя правительства уже ясно понимали всю государственную важность подобнаго акта.

28-го іюня 1790 г. учредительное собраніе предписало директорамъ составить таблицу всѣхъ муниципалитетовъ, съ указаніемъ ихъ населенія и обозначеніемъ цифры налоговъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого комитетъ нищенства (Comité de mendicité) потребовалъ также полную перепись населенія, чтобы имѣть возможность оріентироваться въ раздачѣ пособій нуждающимся. Таблица, разосланная директорамъ, заключала слѣдующіе вопросы: 1) численность населенія; 2) число дворовъ; 3) число лицъ, не платящихъ податей; 4) число лицъ, работающихъ на помѣщика 1—2 дня въ недѣлю; 5) число лицъ, по старости неспособныхъ къ труду, и т. д.

Ровно черезъ годъ послѣ этого конвентъ, закономъ отъ 20—21 іюля 1791 г. [1]), поставилъ муниципальнымъ учрежденіямъ въ обязанность привести въ извѣстность численность и составъ населенія, и потомъ ежегодно, при содѣйствіи муниципальныхъ чиновниковъ, коммиссаровъ полиціи или частныхъ лицъ, спеціально назначенныхъ провѣрять въ продолженіе ноября и декабря эти записи и производить въ нихъ надлежащія дополненія. Это же самое было потомъ повторено декретами отъ 11-го и 20-го августа 1793 г. и 2-го октября 1795 г. Въ послѣднемъ декретѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Въ каждой коммунѣ республики должна быть составлена таблица съ обозначеніемъ имени, возраста, положенія или профессіи всякаго

[1]) На этомъ законѣ опираются до настоящаго времени декреты о народной переписи.

обитателя коммуны старше 12-ти-лѣтняго возраста, также и мѣсто рожденія и время поселенія въ коммунѣ".

Несмотря, однако, на многочисленность этихъ декретовъ, переписи не было; по крайней мѣрѣ, центральная администрація не получила ея результатовъ.

Была еще одна попытка переписи, во время директоріи. Франсуа де-Нейшато, въ бытность свою министромъ, издалъ приказъ о производствѣ переписи во всей Франціи. Приказъ этотъ, какъ и предъидущіе, остался безъ результатовъ.

Первая всенародная перепись была произведена во время консульства, когда достаточно централизованное правленіе находилось уже въ рукахъ Наполеона, придававшаго большое значеніе статистикѣ; онъ называлъ ее: „le budget des choses". Усердныхъ сотрудниковъ для этого дѣла нашелъ онъ въ лицѣ Луціана Бонапарта и Шапталя, занимавшихъ, одинъ вслѣдъ за другимъ, постъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ 1800 г., Шапталь поручилъ одному монархическому публицисту временъ революціи, Пейше, выработать кадры общаго изслѣдованія Франціи, которая тогда только-что подверглась новому дѣленію на департаменты. Кадры были составлены, напечатаны [1]) и разосланы всѣмъ префектамъ, съ предписаніемъ произвести по этимъ кадрамъ изслѣдованіе департаментовъ и доставить точныя данныя о численности и составѣ населенія. Префекты, однако, не спѣшили присылкой свѣденій—и въ 1801 г. (28-го января) министръ издалъ новый, болѣе энергичный и болѣе опредѣленный приказъ о переписи, которая на этотъ разъ и была выполнена префектами весною того же года.

Главное и, пожалуй, единственное достоинство этой переписи состояло въ томъ, что она была всеобщей. Помимо этого, она отличалась очень невысокимъ достоинствомъ: ея данныя, по своему характеру и достовѣрности, стояли не выше тѣхъ, которыя вѣкомъ раньше были собраны интендантами: та же узость програмы, то же отсутствіе сколько-нибудь выработаннаго метода и, наконецъ, та же разнородность данныхъ по различнымъ департаментамъ. Послѣднее обстоятельство отняло у этой переписи, какъ у ея предшественницы 1700 г., возможность какихъ бы то ни было строго-научныхъ обобщеній. Есть основаніе полагать, что во многихъ департаментахъ никакой переписи и не было; префекты ограничились простымъ исчисленіемъ, прибавивъ къ старымъ гадательнымъ цифрамъ населенія излишекъ рожденій надъ смертностью.

---

[1]) „Essai d'une statistique générale de la France", Paris, an IX.

Но каковы бы ни были недостатки переписи 1801 г., она имѣетъ очень важное значеніе ужъ хотя бы по одному тому, что съ нея перепись становится какъ бы обязательной и начинаетъ повторяться болѣе или менѣе періодически.

Вторая перепись состоялась въ 1806 г., во время имперіи, и была произведена съ гораздо большей точностью и совершенствомъ, чѣмъ первая. Вмѣсто прежняго случайнаго исчисленія была введена методическая запись населенія по законному мѣстожительству. Рядомъ съ этимъ была нѣсколько расширена и сама программа переписи.

Слѣдующая перепись была произведена лишь черезъ 15 лѣтъ, въ 1821 г. Правительство реставраціи, боявшееся малѣйшей попытки освѣтить истинное настроеніе или положеніе страны, относилось крайне несочувственно къ народной переписи. Чтобы какъ-нибудь справиться съ необходимостью имѣть подъ руками точныя цифры, оно въ 1816 г. приказало сдѣлать простое исчисленіе народонаселенія, посредствомъ прибавленія къ даннымъ 1806 г. излишка рожденій надъ смертностью. Помимо того, что данныя подобнаго исчисленія довольно гадательны, они ограничиваются одной лишь численностью населенія, безъ опредѣленія его состава въ отношеніи возраста, общественнаго и гражданскаго положенія.

Въ 1817 г., при переписи населенія гор. Парижа, была введена, вмѣсто прежняго анонимнаго счета, система личныхъ именныхъ бланковъ (bulletin individuel), принятая въ настоящее время во всѣхъ европейскихъ государствахъ, какъ вѣрнѣйшее средство къ тому, чтобы избѣжать повтореній и пропусковъ.

Перепись 1821 г. была сдѣлана по кадрамъ 1806 г. безо всякаго улучшенія. Сенскій префектъ, гр. Шамброль, предложилъ тогда министру внутреннихъ дѣлъ примѣнить систему личныхъ бланковъ, но его предложеніе не было принято. Единственная особенность этой переписи заключалась въ томъ, что въ декретѣ о ней была узаконена пятилѣтняя періодичность переписи, при чемъ было указано, что только въ теченіе промежуточныхъ пяти лѣтъ цифры переписи будутъ считаться законными. Однако, въ 1826 г. правительство Карла X, вмѣсто переписи, опять ограничилось простымъ исчисленіемъ, какъ въ 1816 г.

Только съ начала іюльской монархіи перепись становится періодической de facto и начинаетъ серьезно усовершенствоваться. Въ 1831 г. были введены графы для обозначенія возраста и профессіи, а также и особые семейные бланки, послужившіе для опредѣленія гражданскаго (семейнаго) положенія населенія. Въ 1836 г. была, наконецъ, введена система личныхъ именныхъ

бланковъ, предложенная еще въ 1821 г. [1]). Въ 1841 г. былъ введенъ совершенно новый методъ переписи. Съ 1806 г. населеніе переписывалось по законному мѣстожительству. Теперь вмѣсто этого была введена перепись по мѣстонахожденію, причемъ подвижное населеніе стало записываться отдѣльно. Въ 1846 г. перепись этого подвижного населенія начала производиться въ одинъ день—и этимъ было положено первое основаніе общей однодневной переписи.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ двухъ методахъ переписи, чтобы выяснить ихъ различіе.

Счетчикъ, во время переписи, можетъ встрѣтить въ каждой коммунѣ населеніе трехъ категорій: 1) Мѣстные жители, находящіеся на лицо въ коммунѣ въ моментъ переписи. 2) Мѣстные жители, но отсутствующіе въ моментъ переписи, и 3) Находящіеся временно въ коммунѣ жители другихъ коммунъ. При переписи населенія по *законному мѣстожительству*, счетчикъ записываетъ только мѣстныхъ жителей, какъ наличныхъ, такъ и отсутствующихъ, т.-е. 1-ю и 2-ю категоріи. Что же касается лицъ 3-й категоріи, то предполагается, что они будутъ записаны въ мѣстѣ ихъ постояннаго жительства, какъ „мѣстные отсутствующіе". При переписи населенія по *фактическому мѣстопребыванію*, въ таблицы заносится все населеніе, находящееся въ коммунѣ въ моментъ переписи, безъ отличія постоянныхъ жителей отъ временно пребывающихъ, т.-е. записываются лица 1-й и 3-й категоріи. Вторая же категорія, мѣстные отсутствующіе, записываются въ мѣстѣ своего нахожденія, какъ временно-пребывающіе.

Каждый изъ этихъ методовъ имѣетъ свои достоинства и свои недостатки, и, въ общемъ, ни тотъ, ни другой не въ состояніи гарантировать полную точность данныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ каждой переписи, при провѣркѣ ея тѣмъ или инымъ способомъ, оказывались ошибки, иногда очень крупныя [2]). Этимъ и объяс-

---

[1]) Этотъ методъ, теперь общепринятый, подвергается сильной критикѣ. Указываютъ, напримѣръ, что многія лица, особенно женщины, не пожелаютъ выставить рядомъ съ своимъ именемъ ни точнаго числа своихъ лѣтъ, ни количества дѣтей, ни утвердительнаго отвѣта на вопросъ: разведенъ (а)? и т. д.

[2]) Въ неточности данныхъ, помимо метода, было въ большой степени виновно и враждебное отношеніе большинства самого населенія къ переписи. Видя въ переписи предпріятіе исключительно фискальнаго характера, масса, а иногда и низшая администрація, большей частью даетъ невѣрныя свѣденія, которыя она считаетъ для себя наиболѣе выгодными. Еще за 10 лѣтъ до первой переписи въ одномъ отчетѣ о мѣстномъ исчисленіи 1790 г. говорится: „Каждый значительный городъ преувеличивалъ число своихъ жителей, чтобы стать chef-lieu; каждая коммуна—чтобы увеличить жалованье своего священника, которое опредѣляется численностью населенія". Въ циркулярѣ о переписи 1806 г. рекомендуется „избѣгать ошибокъ, въ которыя авторы

няется, что лица, завѣдующія переписью, обратили главное свое вниманіе на усовершенствованіе ея пріемовъ, а не на расширеніе ея програмы. Однако, съ 1851 г., благодаря отчасти вліянію бельгійскаго статистика Кетле, а главнымъ образомъ трудамъ международныхъ статистическихъ конгрессовъ, началось постепенное расширеніе програмы переписи.

Въ 1851 г., въ личные бланки были внесены слѣдующіе пять вопросовъ: возрастъ, профессія, національность, религія, немощь [1]).

Вопросъ о религіи, несмотря на весь его интересъ, вызвалъ энергичный протестъ въ печати. Указывалось, главнымъ образомъ, на то, что вопросъ этотъ является вторженіемъ въ чужую совѣсть, что онъ способенъ возбудить религіозныя страсти, и что, въ концѣ концовъ, отъ него нельзя ожидать какихъ-нибудь существенныхъ результатовъ, такъ какъ нѣкоторая часть населенія, по тѣмъ или инымъ причинамъ, скроетъ свое вѣроисповѣданіе. Въ виду этого, въ 1856 г. вопросъ о религіи былъ вычеркнутъ изъ программы. Однако въ 1861 г. онъ былъ опять въ нее внесенъ и оставался въ программѣ до 1876 г., когда онъ былъ уже окончательно вычеркнутъ [2]).

Слѣдующія двѣ переписи, 1856 г. и 1861 г., прошли безъ измѣненій, но зато перепись 1866 г. выставила такую обширную програму, какой не имѣла ни одна не только изъ предъидущихъ, но и послѣдующихъ переписей. Въ именной бланкъ были внесены вопросы, опредѣляющіе гражданское положеніе

предшествующихъ переписей были вовлечены ложными, корыстными разсчетами. Одни преувеличивали численность населенія, надѣясь этимъ придать больше важности городу, въ которомъ они живутъ; другіе, напротивъ, уменьшали цифры, надѣясь такимъ путемъ ускользнуть отъ общественныхъ повинностей". Подобныя сѣтованія повторяются и въ отчетахъ позднѣйшаго времени. Предубѣжденіе массы противъ переписи иногда выражалось въ очень рѣзкой формѣ. Въ 1841 г. весь югъ Франціи волновался, не желая допустить переписи, которая была принята за повтореніе или продолженіе кадастровой ревизіи, бывшей въ 1838 г. Въ Тулонѣ произошло серьезное возстаніе: населеніе прогнало счетчиковъ и полицію — и правительству пришлось прибѣгнуть къ военной силѣ. Только когда наиболѣе активные бунтовщики были арестованы, на всѣхъ улицахъ и площадяхъ были разставлены пушки и у каждаго дома солдаты,—правительство получило возможность произвести перепись. Надо замѣтить, что въ этомъ возстаніи принимала участіе большая часть администраціи. Кромѣ того, оно поддерживалось оппозиціонными политическими партіями, какъ республиканской, такъ и легитимистической, которыя воспользовались возстаніемъ для своей агитаціи.

[1]) Первые два вопроса находились въ программѣ и раньше, но данныя по нимъ не публиковались.

[2]) Въ 1882 г. одинъ депутатъ внесъ предложеніе дѣлать религіозную перепись каждыя 5 лѣтъ въ день пасхи для вѣрующихъ (у церкви) и 14-го іюля для свободомыслящихъ. Это фантастическое предложеніе, конечно, не было принято.

(холостъ, женатъ, вдовъ, разведенъ), образовательный уровень и имущественное положеніе населенія. Кромѣ того въ программу была внесена особая графа для записи количества и рода домашняго скота, имѣющагося у каждаго хозяина [1]).

Война 1870—71 гг. не осталась безъ вліянія и на народную перепись. Помимо того, что, благодаря войнѣ, перепись не могла состояться въ установленное время и ее пришлось перенести на 1872 г., чѣмъ нарушилась ея пятилѣтняя періодичность,—перепись 1872 г. была произведена по программѣ гораздо болѣе узкой, чѣмъ предшествующая перепись 1866 г. Не было ни вопроса о профессіи, ни вопроса о семейномъ положеніи, хотя на этотъ разъ данные вопросы имѣли бы особенный интересъ.

Перепись 1872 г. показала въ первый разъ, вмѣсто прироста населенія, убыль его—и убыль рѣшительно потрясающую. Въ теченіе 70—71 гг. Франція потеряла $^1/_{19}$ часть своего населенія, около 2.000.000 гражданъ. Изъ нихъ $1^1/_2$ милліона было отторгнуто отъ Франціи вмѣстѣ съ Эльзасъ-Лотарингіей, а остальные 500.000 были убиты на войнѣ, умерли въ плѣну, эмигрировали и, вообще, исчезли изъ Франціи.

Перепись 1876 г. была произведена безъ измѣненій, если не считать того, что она состоялась не въ маѣ, какъ предъидущія, а въ декабрѣ, т.-е. въ такое время, когда передвиженіе населенія достигаетъ своего minimum'а.

Международный статистическій конгрессъ 1872 г., посвященный исключительно переписи, обратилъ особенное вниманіе на вопросъ о методѣ. Послѣ долгихъ дебатовъ было рѣшено рекомендовать одновременное примѣненіе обоихъ методовъ (переписи по мѣстожительству и по мѣстонахожденію). Кромѣ того было рекомендовано производить переписи каждыя 10 лѣтъ, и преимущественно въ годъ, кончающійся по лѣтоисчисленію на 0, а также стремиться къ тому, чтобы сдѣлать перепись однодневной. Программу вопросовъ конгрессъ выработалъ слѣдующую: имя, фамилія, полъ, возрастъ, мѣсто рожденія, время рожденія, мѣсто жительства, гражданское положеніе, языкъ, національность, религія, профессія, образованіе, немощь.

Этими указаніями Франція воспользовалась лишь въ переписи 1881 г. Коммиссія, назначенная въ 1880 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для выработки лучшихъ пріемовъ переписи, сообразуясь съ предложеніями конгресса, выработала два слѣдующихъ пункта:

[1]) При послѣдующихъ переписяхъ эта графа была вычеркнута, такъ какъ нашли неудобнымъ смѣшивать вопросы о населеніи съ вопросами чисто хозяйственнаго характера.

1) Перепись всего населенія должна быть произведена въ одинъ день.

2) Населеніе должно быть записано и по мѣстожительству, и по мѣстопребыванію, причемъ законными должны считаться цифры переписи по мѣстожительству.

Эти пункты были приняты, и перепись 1881 г. была произведена въ одинъ день и одновременно по обоимъ методамъ [1].

Послѣднія двѣ переписи, 1886 и 1891 гг., были сдѣланы по тому же плану и по той же программѣ, что въ 1881 г., съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями. Въ 1886 г. перепись опять почему-то была перенесена съ декабря на май и въ тому же еще была произведена въ ночь съ субботы на воскресенье, когда бываетъ особенно сильное передвиженіе населенія. Въ 1891 г. перепись была сдѣлана 12 апрѣля. На этотъ разъ наиболѣе важныя улучшенія были сдѣланы не въ самой переписи, а въ группировкѣ матеріала [2].

III.

Въ заключеніе упомянемъ о самомъ процессѣ переписи, какъ онъ былъ предписанъ мэрамъ инструкціей отъ 6-го марта 1891 г. для послѣдней переписи.

Мэры коммунъ, получивъ инструкціи министра внутреннихъ дѣлъ о переписи, дѣлятъ свои коммуны на небольшіе участки, приблизительно въ 100—200 душъ, и назначаютъ для каждаго такого участка особаго счетчика [3]. Счетчики эти начинаютъ свои

---

[1]) Эта система двойной переписи, практикуемая до сихъ поръ, не дала особенно благопріятныхъ результатовъ, подверглась рѣзкой критикѣ со стороны печати и вызвала жалобы администраціи, занимающейся переписью. Система эта осуждается главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что она, не давая особенно существенныхъ результатовъ, осложняетъ работу такого характера, въ которой каждое осложненіе можетъ повлечь за собою массу ошибокъ.

[2]) При этой переписи къ общей программѣ были прибавлены для большихъ городовъ или, можетъ быть, для одного лишь Парижа, еще слѣдующіе вопросы: 1) Есть ли и сколько въ домѣ свободныхъ квартиръ? 2) Проведена ли вода? 3) Есть ли при домѣ дѣйствующій колодецъ? 4) Сколько въ домѣ частныхъ и общихъ отхожихъ мѣстъ? 5) Сколько въ домѣ этажей, лѣстницъ? 6) Сколько комнатъ съ однимъ окномъ, или двумя, тремя и т. д.? 7) Сколько комнатъ съ каминами?

[3]) Парижъ былъ раздѣленъ на 1.600 участковъ (по 80 участковъ въ каждомъ изъ 20 арровдисменовъ). Среднимъ числомъ, на каждый участокъ пришлось 50 домовъ, 500 хозяйствъ (menage) и 1.500 душъ. Счетчики получали съ бланка: за личный бланкъ—3 сантима, за хозяйственный листъ 5 сант. и за роспись дома—10 сант., такъ что въ среднемъ счетчикъ получалъ почти за мѣсячный трудъ около 75 фр. Парижскій муниципалитетъ ассигновалъ на эту перепись 290.000 фр., но этой суммы не хватило, и муниципалитету пришлось вотировать еще добавочную сумму.

подготовительныя работы еще недѣли за двѣ до установленнаго для переписи дня. Они въ это время приводятъ въ извѣстность имущественную часть ихъ участковъ, какъ количество домовъ, этажей, распредѣленіе квартиръ и т. п. За нѣсколько дней до переписи [1]) они раздаютъ во всѣ квартиры въ достаточномъ количествѣ именные личные бланки, которые полагаются для всякаго человѣческаго существа, „отъ новорожденнаго до умирающаго старца". Бланки эти наполняются въ день переписи, самимъ лицомъ, главой семьи, сосѣдомъ или счетчикомъ, который во всякомъ случаѣ провѣряетъ бланки.

Бланки эти имѣютъ слѣдующую форму:

Департаментъ? Аррондисменъ? Кантонъ?	Модель № 1. Перепись 1891 года. Личный бюллетень.	Коммуна? Кварталъ? Улица? №
	Вопросы:	Отвѣты:
Имя и фамилія:	Какъ ваше имя? Какъ ваша фамилія?	
Полъ:	Мужчина или женщина?	
Возрастъ:	Сколько вамъ лѣтъ?	
Родина:	Гдѣ вы родились? { Во Франціи { Въ какомъ департаментѣ? Въ какой коммунѣ? Въ какой колоніи? За границей: въ какой странѣ?	
Національность:	Вы { имѣете родителей французовъ? натурализовались? иностранецъ: какой націи?	
Гражданское положеніе:	Вы { холостой? дѣвица? женатый? замужняя? вдовецъ? вдова? разведенный (ая)? Продолжительность брака?	
Число дѣтей въ семьѣ:	Сколько у васъ живыхъ законныхъ дѣтей (наличныхъ и отсутствующихъ)?	
Професія, положеніе или занятіе:	Какая ваша профессія? Вы { хозяинъ или начальникъ? служащій или приказчикъ? рабочій, поденщикъ, ремесленникъ? Состоите ли чьей-нибудь прислугой? Если вы не имѣете опредѣленнаго занятія или состоите прислугой, чѣмъ занимается глава хозяйства?	
Пребываніе:	Живете ли вы въ коммунѣ? Находитесь ли вы въ коммунѣ проѣздомъ или временно?	

[1]) Не позже какъ за два дня.

На оборотѣ этого бланка находится подробное объясненіе каждаго изъ выставленныхъ вопросовъ.

Вмѣстѣ съ личными бланками на каждое хозяйство дается еще „хозяйственный листъ“ (Feuille de menage), который частью наполняется главой семьи или постороннимъ, частью самимъ счетчикомъ, по личнымъ бланкамъ.

Хозяйственный листъ имѣетъ слѣдующую форму:

Департаментъ? Модель № 2. Коммуна?
Арронднсменъ? Перепись 1891 года. Кварталъ?
Кантонъ? Хозяйственный листъ. Улица?
№

Число душъ.	Фамилія.	Имя.	Возрастъ.	Національность.	Профессія.	Положеніе въ хозяйствѣ.
		1) Члены хозяйства наличные [1].				
1, 2 и т. д. до 10.						
		2) Члены хозяйства отсутствующіе.				
		(*Сюда входятъ*: путешествующіе, больные въ госпиталяхъ, рабочіе на отхожихъ промыслахъ. *Не входятъ*: дѣти у кормилицъ, солдаты на службѣ, ученики въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, общественныхъ и частныхъ, заключенные въ тюрьмахъ, находящіеся въ богадельняхъ и домахъ для умалишенныхъ.)				
1 до 5 графъ.						
		3) Временно-проживающіе (Hôtes de passage).				
1—10						

Листъ этотъ, составляющій резюме всѣхъ личныхъ бланковъ, съ прибавленіемъ данныхъ объ отсутствующихъ, имѣетъ форму обертки, куда вкладываются всѣ личные бланки даннаго хозяйства.

Помимо личныхъ бланковъ и хозяйственныхъ листовъ, счетчикъ имѣетъ еще по одному листу на каждый домъ, такъ называемую „Роспись дома“ (Bordeau de maison), которая наполняется самимъ счетчикомъ частью до переписи, частью по личнымъ бланкамъ и хозяйственнымъ листамъ каждаго дома.

---

[1]) Французъ или иностранецъ.

Эта роспись слѣдующая:

Департаментъ?	Модель № 3.	Коммуна?
Аррондисменъ?	Перепись 1891 года.	Кварталъ?
Кантонъ?	Роспись дома.	Улица?
	№	№

Число хозяйствъ? Число постоянныхъ жителей коммуны: Наличныхъ? Отсутствующихъ? Число временно-пребывающихъ?	
Частности относительно дома: Число свободныхъ квартиръ? Число помѣщеній, служащихъ мастерскими, магазинами, лавками (если одинъ хозяинъ занимаетъ нѣсколько помѣщеній, они считаются за одно)? Число этажей выше нижняго (Rez-de-chaussée), въ томъ числѣ и мансарды?	

Эти три листа даютъ полныя свѣденія о всемъ податномъ населеніи страны. Но помимо этого податного населенія существуютъ еще категоріи лицъ, стоящихъ въ нѣкоторомъ родѣ внѣ общественной жизни и не подлежащихъ платежу. Категоріи эти слѣдующія:

Военные корпуса, сухопутные и морскіе.

Смирительные и исправительные дома.

Воспитательно-исправительные дома (éducation-correctionnelle) и земледѣльческія колоніи для молодыхъ преступниковъ.

Тюрьмы, арестные дома, исправительные дома.

Дома призрѣнія, дома умалишенныхъ, богадельни, общинные лицеи и коллегіи, спеціальныя школы, семинаріи, воспитательные дома и школы съ пансіонатомъ.

Религіозныя общины.

Пришлые рабочіе, временно состоящіе при общественныхъ работахъ.

Всѣ эти категоріи лицъ записываются отдѣльно не счетчиками, а начальниками заведенія или войска, которымъ мэръ вручаетъ личные бланки и, вмѣсто хозяйственныхъ листовъ, повторительные листы (Feuille recapitulatives).

На слѣдующій послѣ переписи день счетчикъ обходитъ всѣ дома своего участка и отбираетъ личные бланки и хозяйственные листы. Онъ ихъ провѣряетъ [1]) или наполняетъ, если они не за-

[1]) За ложныя показанія налагается штрафъ въ размѣрѣ отъ 1 до 5 франковъ.

полнены. По этимъ листамъ онъ составляетъ роспись домовъ—и по окончаніи этой работы передаетъ всѣ листы своего участка мэру коммуны. Мэръ, при помощи тѣхъ же счетчиковъ, составляетъ, на основаніи собраннаго матеріала, таблицы по своей коммунѣ и пересылаетъ ихъ своему префекту. Послѣдній составляетъ различныя таблицы, которыя онъ отсылаетъ частью въ министерство внутреннихъ дѣлъ, частью въ министерство торговли и промышленности. Изъ этихъ таблицъ составляются сборники, которые публикуются (съ 1851 г.) обоими министерствами. Сборникъ министерства внутреннихъ дѣлъ („Dénombrement de la population de 1891") содержитъ въ себѣ таблицы населенія по коммунамъ, кантонамъ, округамъ и департаментамъ; сборникъ министерства торговли и промышленности („Résultats statistiques de dénombrement de 1891") даетъ таблицы домовъ и хозяйствъ и таблицы мѣстнаго населенія, по мѣсту рожденія, полу, возрасту, національности, гражданскому положенію, профессіи и т. д.

С. Ан—скій.

СОЛОМА

РАЗСКАЗЪ.

I.

На другой же день по возвращеніи изъ отпуска, Егоръ Егоровичъ рѣшилъ отправиться на службу. Онъ зналъ, что тамъ накопилось много дѣла и его ждутъ съ нетерпѣніемъ. А между тѣмъ онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо: послѣдняя поѣздка за границу почти не принесла ему никакой пользы. Въ Петербургѣ же, какъ на зло, его встрѣтила отвратительная погода. Еще вчера вечеромъ, разбираясь со своимъ секретаремъ въ накопившихся бумагахъ, онъ чувствовалъ уже приступы знакомыхъ болей, а впереди еще цѣлая осень, зима, весна—все это время онъ долженъ провести въ Петербургѣ, разстроивая день изо дня свое надорванное здоровье. Но вѣдь, все равно, дѣваться некуда, жизнь попала въ свою колею и не выбиться ей оттуда, не вернуть минувшаго, не задержать даже и настоящаго. Все въ немъ идетъ къ разрушенію, обваливается, умираетъ...

Курьеръ увезъ его портфель. Егоръ Егоровичъ окончилъ свой завтракъ — чашка бульону и яичница съ зеленью—и вопросительно взглянулъ на камердинера.

— Подано-съ,—отвѣтилъ тотъ, понявъ этотъ взглядъ.

Егоръ Егоровичъ одѣлъ теплое пальто, завернулъ худую шею черным шолковымъ кашнé, надѣлъ шляпу и, слегка покашливая, сталъ спускаться съ лѣстницы. У подъѣзда его ждала маленькая, одноконная каретка. Старикъ швейцаръ отворилъ дверцу и заботливо подсадилъ въ нее Егора Егоровича. Колеса мягко и

эластично запрыгали по мостовой. Осенній дождикъ, пополамъ съ мокрымъ снѣгомъ, залеталъ въ приподнятыя окна кареты. Дребезжа, проѣзжали на встрѣчу извозчики; тяжело громыхая, тащился ломовикъ; народъ шелъ по панелямъ, переходилъ улицы; мелькали блестящіе отъ дождя черные зонтики... Старая, знакомая картина. Егоръ Егоровичъ зналъ ее давно и хорошо. Онъ почти безошибочно могъ сказать, что̀ попадется ему на пути; онъ зналъ, что̀ и впереди ждетъ его. Много лѣтъ уже совершаетъ онъ переѣзды въ этой кареткѣ отъ своей квартиры до мѣста службы, зимою—дѣятельный, сосредоточенный; весною—усталый и разбитый, а осенью—нѣсколько подбодрившійся и отдохнувшій за каникулы. На этотъ разъ, впрочемъ, онъ чувствовалъ себя хуже даже, чѣмъ весной.

„Не пора ли на отдыхъ? Не пора ли и на покой?"—раздумывалъ онъ, покачиваясь на сидѣньѣ и сосредоточенно полузакрывъ глаза. „Всего не выслужишь. Конечно, умереть на своемъ посту, какъ воину, почтенно, что̀ и говорить"; но, во-первыхъ, онъ не воинъ, и во-вторыхъ, все равно, не сегодня-завтра силы ослабѣютъ окончательно и придется уйти съ этого поста. „Не лучше ли сегодня, чѣмъ завтра? Сегодня,—пока здоровье еще не разбито окончательно, когда оно на отдыхѣ, гдѣ-нибудь на югѣ,—можетъ еще и поправиться". Вотъ и Карлъ Өедоровичъ—докторъ Егора Егоровича, навѣстившій его вчера же,—настойчиво говорилъ объ отдыхѣ серьезномъ и продолжительномъ. Совѣтовалъ уѣхать къ сыну въ имѣніе и отдохнуть, хорошенько отдохнуть"...А онъ, вмѣсто того, ѣдетъ теперь на службу, гдѣ предстоитъ ему много дѣла и много непріятностей... Никогда еще осенью онъ не былъ въ такомъ состояніи, и, кажется, сама его природа подсказываетъ рѣшеніе. Вѣдь вотъ ему теперь надо бы обдумывать предстоящія объясненія и разговоры, какъ всегда онъ это дѣлалъ, ѣдучи на службу, а онъ между тѣмъ размышляетъ объ отдыхѣ. Вѣдь въ такомъ состояніи духа онъ можетъ произвести совсѣмъ не достодолжное впечатлѣніе на своихъ подчиненныхъ, съ нетерпѣніемъ ждущихъ его и его рѣшенія. А они вѣдь прозорливы и чутки, эти подчиненные,—вдругъ какъ начнутъ перешептываться: „усталъ, дескать, старикъ; пора ему и на покой". И начнутъ подбирать про себя подходящихъ ему преемниковъ. Тогда и дѣла всѣ пойдутъ вразбродъ... И сверху, пожалуй, начнутъ коситься... „Не лучше ли во̀-время"...

Вдругъ колеса кареты какъ-то странно зашуршали по мостовой. Егоръ Егоровичъ выглянулъ въ окно и вздрогнулъ: часть улицы, по которой онъ именно ѣхалъ, была устлана свѣжей,

ярко желтѣвшей, соломой. Два дворника, видимо, только-что окончившіе разстилку, поправляли и обрамляли ее. Испугала Егора Егоровича, конечно, не солома, возвѣщающая обыкновенно о тяжко больномъ, лежащемъ въ домѣ, передъ которымъ разостлана она—это явленіе въ Петербургѣ довольно обычное—Егоръ Егоровичъ испугался потому именно, что какъ разъ въ эту минуту онъ проѣзжалъ мимо дома Варвары Павловны. Домъ былъ особнякъ, и кромѣ семьи Варвары Павловны въ немъ никто не жилъ.

Егоръ Егоровичъ хотѣлъ-было уже остановить кучера и спросить у стоявшаго на подъѣздѣ швейцара: кто боленъ,—но не успѣлъ. Онъ видѣлъ, какъ швейцаръ, узнавшій, очевидно, карету Егора Егоровича, почтительно приподнялъ фуражку и блеснулъ своей лысиной, но тутъ сейчасъ же, какъ на зло, проѣхалъ одинъ извозчикъ, потомъ другой—Егоръ Егоровичъ и не успѣлъ.

„Кто боленъ?—раздумывалъ Егоръ Егоровичъ, чувствуя, какъ непріятная дрожь охватываетъ все его худое тѣло. „Старушка княгиня Елена Васильевна, матушка Варвары Павловны? Но ее, кажется, предполагали оставить на нынѣшнюю зиму въ Дрезденѣ у двоюроднаго брата, князя Петра. Племянница Нина? Но окна ея спальни выходятъ на дворъ. Георгій Борисовичъ? Тотъ живетъ на отдѣльной квартирѣ... Стало быть, сама Варвара Павловна?" И сердце Егора Егоровича мучительно заныло. Съ Варварой Павловной онъ былъ близокъ уже много лѣтъ. Овдовѣли они почти въ одно и то же время—мужъ Варвары Павловны былъ сослуживцемъ Егора Егоровича—и съ тѣхъ поръ дружба ихъ приняла болѣе интимный и сердечный оттѣнокъ. Ходили даже слухи о возможности брака между ними, но бракъ этотъ почему-то не состоялся, и Егоръ Егоровичъ, не ставъ мужемъ, продолжалъ быть не только самымъ вѣрнымъ другомъ молодой вдовы, но и опекуномъ ея дѣтей, и интимнымъ совѣтникомъ въ ея дѣлахъ.

Каждый разъ, отправляясь на службу и проѣзжая мимо оконъ ея красиваго, солиднаго особняка, Егоръ Егоровичъ выглядывалъ изъ кареты и всматривался въ окна верхняго этажа. Иногда онъ различалъ въ одномъ изъ нихъ высокую, осанистую фигуру этой милой женщины, и на ея поклонъ дѣлалъ привѣтственные знаки рукой. Часто по вечерамъ онъ ходилъ къ Варварѣ Павловнѣ пѣшкомъ—это былъ его моціонъ—и лысый швейцаръ, стоявшій почти все время на подъѣздѣ, еще издали замѣтивъ высокую, худую фигуру Егора Егоровича, медленно двигавшуюся по тротуару, обдергивалъ на себѣ ливрею и распахивалъ дверь.

Сегодня Егоръ Егоровичъ какъ-то фатально забылъ выглянуть въ окно кареты, и еслибы не шуршанье соломы, то, пожалуй, проѣхалъ бы совсѣмъ мимо дома Варвары Павловны, не взглянувъ на него.

„Кто же боленъ?“ —въ сотый разъ спрашивалъ себя Егоръ Егоровичъ, нервно подергивая плечомъ.—„Неужели сама Варвара Павловна?“

Онъ зналъ, что Варвара Павловна страдаетъ тою же болѣзнью, что и онъ. „Но для женщины это какъ-то менѣе опасно и менѣе мучительно. Наконецъ, весною она чувствовала себя, сравнительно, очень хорошо и не поѣхала даже въ Карлсбадъ, куда отправился Егоръ Егоровичъ, и гдѣ она сама провела нѣсколько курсовъ, а пожелала прожить нынѣшнее лѣто у себя въ имѣніи... Да и годами она моложе его лѣтъ на десять. Ей, кажется, и пятидесяти нѣтъ... Наконецъ, еслибы она,—его извѣстили бы телеграммой... Кто же боленъ?

Разстроенный и удрученный пріѣхалъ Егоръ Егоровичъ къ себѣ на службу. Выслушивая доклады, налагая резолюціи, онъ все раскаявался, зачѣмъ онъ не вернулся и не спросилъ, по крайней мѣрѣ, швейцара. Нѣсколько разъ хотѣлъ онъ позвонить въ телефонъ въ домъ къ Варварѣ Павловнѣ, но почему-то не рѣшался, говоря самъ себѣ: „буду возвращаться назадъ,—и заѣду, узнаю“.

А подчиненные, между тѣмъ, замѣтили, что старикъ плохо поправился и не только утомленъ, но и разсѣянъ, чего прежде въ немъ не замѣчалось. Передъ нимъ подкладывали то одинъ, то другой листъ исписанной бумаги, говорили ему что-то, докладывали, ждали его рѣшеній, а онъ часто задумывался, какъ бы забывался, и въ воображеніи его рисовалась сѣрая улица съ сѣрыми, скучными домами, а передъ однимъ изъ этихъ домовъ ярко желтое пятно свѣжей соломы. Онъ боялся мысленно заглянуть въ этотъ домъ и боялся рѣшить, кто боленъ. И боялся, главнымъ образомъ, потому, что зналъ, что и Варвара Павловна страдаетъ однимъ съ нимъ недугомъ.

„Неужели эта болѣзнь можетъ принять сразу такой дурной оборотъ, до такой степени дурной, что нужно разстилать солому?“ —думалъ онъ и почти машинально писалъ на бумагахъ: „утверждаю“; „считаю несвоевременнымъ“; „прошу сдѣлать экстрактъ изъ трудовъ коммиссіи“, и т. п.

Къ Егору Егоровичу заѣхалъ одинъ изъ сановниковъ, занимавшій съ нимъ равный постъ, но въ другомъ вѣдомствѣ. Сановникъ этотъ зналъ о болѣзни Варвары Павловны, но не ска-

залъ ничего, естественно предполагая, что Егору Егоровичу объ этомъ еще лучше извѣстно, а говорить о непріятныхъ для того вещахъ не счелъ умѣстнымъ. Егоръ Егоровичъ тоже не спросилъ навѣстившаго его сановника, потому что ему неудобно было спрашивать о томъ, что̀ ему должно быть извѣстно лучше, чѣмъ другимъ.

Провожая же сановника, Егоръ Егоровичъ, вдругъ совершенно неожиданно для самого себя, проговорилъ:

— Удивляюсь, что мнѣ не телеграфировали.

— Да вѣроятно потому, что ожидали васъ съ минуты на минуту,—отвѣтилъ сановникъ, относя это удивленіе къ одному чисто-служебному вопросу.

Проводивъ гостя, Егоръ Егоровичъ вдругъ спохватился и сталъ соображать: на какой вопросъ отвѣтилъ ему тотъ.

„Стало быть, онъ знаетъ... Отчего же я не спросилъ его?..—думалъ онъ.—Ну, да вотъ, поѣду домой"...

А дѣла накопилось такъ много и все такого неотложнаго, экстреннаго дѣла... Егоръ Егоровичъ началъ торопиться и сдѣлалъ двѣ-три несообразности. Это его раздражило, и онъ рѣшилъ уѣхать раньше обычнаго срока.

Усаживаясь въ карету, онъ приказалъ кучеру остановиться у подъѣзда Варвары Павловны. Теперь сердце его ныло и замирало хуже прежняго. Онъ зналъ, что черезъ нѣсколько минутъ ему будетъ все извѣстно, и это пугало его. Боли, утромъ было утихшія, возобновились, а впереди ему рисовалась знакомая улица и это кричащее, желтое пятно соломы. Ярко-желтое, блестящее, какого ему никогда еще не приходилось видѣть.

„Откуда это они достали такую свѣжую, золотистую солому? И какой это нехорошій обычай — смущать прохожихъ напоминаніемъ о тяжкой болѣзни! Развѣ нельзя это сдѣлать какъ-нибудь иначе? Ну, прекращать ѣзду по прилегающей къ дому части улицы... А то эта солома всегда производитъ такое удручающее впечатлѣніе. Хуже, чѣмъ похоронная процессія... Тутъ ужъ по крайней мѣрѣ знаешь, что все кончено, а солома кричитъ о страданіяхъ, о мукахъ, о борьбѣ между жизнью и смертью"...

Прежде на Егора Егоровича солома дѣйствовала непріятно еще потому, что нарушала обычный видъ и порядокъ улицы, какъ чернильный клаксъ на листѣ бумаги, какъ разсыпанный пепелъ на письменномъ столѣ, но теперь вопросъ о непорядливости какъ-то не приходилъ ему въ голову. Онъ просто былъ удрученъ какимъ-то невѣдомымъ ему еще, но возможнымъ несчастіемъ.

Карета остановилась, и сбѣжавшій съ крыльца швейцаръ распахнулъ ея дверцу.

— Кто боленъ?—спросилъ Егоръ Егоровичъ.

Швейцаръ какъ-то недоумѣвающе взглянулъ на него, какъ бы удивляясь, что тому неизвѣстно—кто, и тихо отвѣтилъ:

— Варвара Павловна-съ.

— И... и... серьезно?—съ трудомъ, послѣ нѣкоторой паузы, выговорилъ Егоръ Егоровичъ.

— Жестоко-съ, — отвѣтилъ швейцаръ и сдѣлалъ движеніе, какъ бы собираясь высадить Егора Егоровича изъ кареты.

Тотъ почти машинально приподнялся и вылѣзъ. Ему страшно не хотѣлось идти туда... наверхъ. Его пугало предстоящее свиданіе съ больной женщиной, та грустно-подавляющая обстановка, которая ее, вѣроятно, окружаетъ, и тотъ упрекъ, который, казалось ему, непремѣнно сквозитъ во взглядѣ больного, когда тотъ глядитъ на здороваго. Но онъ, медленно переступая ступеньку за ступенькой, поднимался вверхъ по лѣстницѣ.

Въ гостиной уже горѣла лампа. Какая-то женщина, вся въ темномъ, быстро поднялась съ дивана и исчезла въ смежной комнатѣ, а оттуда вышелъ высокій, статный офицеръ, мягко побрякивая шпорами. Это былъ Георгій Борисовичъ, сынъ Варвары Павловны.

— Что? — тихо спросилъ Егоръ Егоровичъ, протягивая ему руку.

— Плохо, — отвѣтилъ офицеръ, какъ-то ужъ слишкомъ холодно взглядывая на Егора Егоровича.

Они всегда не любили другъ друга. Какая-то затаенная непріязнь, почти вражда, была между ними уже много лѣтъ.

— Это такъ неожиданно!.. Я ничего не зналъ... — проговорилъ Егоръ Егоровичъ.

— Но вѣдь вамъ, кажется, телеграфировали?

— Да, вамъ телеграфировали,—проговорила, вошедшая при послѣднихъ словахъ въ гостиную, невысокая молоденькая женщина, жена Георгія Борисовича. — Я еще въ пятницу послала вамъ телеграмму, а сегодня уже среда.

— Но вы куда телеграфировали мнѣ?—спросилъ Егоръ Егоровичъ, забывъ даже поздороваться съ нею.

— Въ Виши,—отвѣтила та.

— Ахъ, какая досада!.. Ваша телеграмма уже меня не застала... „А я, какъ на зло, задержался на нѣсколько дней въ Берлинѣ“,—размышлялъ Егоръ Егоровичъ, какъ будто теперь въ телеграммѣ-то и было все дѣло.

— Мы не знали этого, — продолжала молодая женщина. — Георгій сказалъ, чтобы я телеграфировала въ Виши, ну, я и телеграфировала. А что вы уже выѣхали оттуда, это не было никому извѣстно.

Жена Георгія Борисовича относилась къ Егору Егоровичу тоже почему-то непріязненно.

— А княгиня-бабушка здѣсь?—спросилъ тотъ, все еще обходя главные, роковые вопросы.

— Здѣсь. Ее въ воскресенье еще привезли изъ Дрездена.

— Стало быть... очень плохо?—выговорилъ, наконецъ, Егоръ Егоровичъ.

Ни Георгій Борисовичъ, ни его жена сразу ему не отвѣтили.

— Неужели же... нѣтъ надежды?—повторилъ онъ вопросъ.

— Вчера былъ третій консиліумъ... Надежды мало,—почти сердито проговорилъ сынъ Варвары Павловны.

— Надежды очень мало,—повторила за нимъ его жена.

— Могу я видѣть больную? — рѣшился, наконецъ, спросить Егоръ Егоровичъ, всей душой желая, чтобы ему сказали:—нѣтъ.

— Не знаю, тамъ теперь Нина и докторъ,—отвѣтилъ Георгій Борисовичъ и, вынувъ изъ кармана портсигаръ, закурилъ папиросу прямо отъ лампы.

Жена его вышла изъ гостиной, а Егоръ Егоровичъ опустился въ кресло. Ему было не по себѣ. Ему казалось, что въ гостиной холодно и даже, какъ будто, дуетъ откуда-то. Раздражалъ его и Георгій Борисовичъ, и то, что онъ закурилъ папироску отъ лампы, чего, конечно, въ обычное время никогда бы не сдѣлалъ, и то, что онъ теперь ходитъ взадъ и впередъ по гостиной, эластично ступая своими длинными, красивыми ногами. Они оба молчали. Егоръ Егоровичъ по временамъ тихо вздыхалъ и въ то же время чутко прислушивался къ усилившимся у него обычнымъ болямъ. Ему хотѣлось все о чемъ разспросить, но онъ зналъ, что Георгій Борисовичъ отвѣтитъ ему небрежно, неточно, и онъ не спрашивалъ. Въ домѣ было все тихо; только на улицѣ, передъ окнами, время отъ времени глухо, благодаря настланной соломѣ, прокатывались экипажи.

— Георгій, съ тобой докторъ хочетъ поговорить, — сказала жена Георгія Борисовича, появляясь въ дверяхъ.

И Егоръ Егоровичъ остался одинъ.

„Какъ скучно, какъ томяще тихо“... И какъ странно чувствуетъ онъ себя въ этомъ домѣ, гдѣ провелъ столько прекрасныхъ часовъ, какъ самый близкій, желанный человѣкъ... „А что, если докторъ уйдетъ черезъ столовую, и ему не удастся съ нимъ

переговорить?" — подумалъ Егоръ Егоровичъ и, быстро приподнявшись съ кресла, подошелъ къ двери сосѣдней комнаты.

— Пожалуйста, обратился онъ къ сидѣвшей тамъ незнакомой ему дамѣ въ темномъ платьѣ:—пожалуйста, когда докторъ будетъ уходить, скажите ему, что мнѣ нужно бы... только на два слова... только на два слова...

— Слушаю-съ, — почтительно отвѣтила дама и вышла изъ комнаты.

А Егоръ Егоровичъ опять усѣлся на свое кресло.

„Чтò это, никого нѣтъ! Словно всѣ вымерли!" — соображалъ онъ, забывая, что именно эта-то ненарушимая тишина всего больше и нравилась ему въ домѣ Варвары Павловны. Но теперь ему хотѣлось бы, чтобы возлѣ него были люди и говорили бы что-нибудь, не громко, а такъ, въ полголоса,—но чтобы говорили.

Вошелъ докторъ. Это былъ не тотъ докторъ, который лечилъ постоянно Егора Егоровича, а другой, еще почти молодой человѣкъ. Егоръ Егоровичъ зналъ его, но довѣрялъ ему мало и нѣсколько разъ совѣтовалъ даже Варварѣ Павловнѣ обратиться къ его врачу, почтенному, заслуженному старику, съ небольшой, но солидной практикой. Теперь, вспомнивъ все это, Егоръ Егоровичъ даже какъ бы нѣсколько оробѣлъ передъ этимъ молодымъ докторомъ, не безъ основанія полагая, что тому можетъ быть это все извѣстно—Егоръ Егоровичъ не очень стѣснялся въ отзывахъ о немъ—и что тотъ имѣетъ право относиться къ нему не очень симпатично. Но вошедшій докторъ совсѣмъ просто и добродушно поздоровался съ Егоромъ Егоровичемъ. Прежде тотъ счелъ бы это за непочтительность и фамильярность, а теперь какъ бы даже обрадовался этому.

— Ну, чтò скажете, докторъ,—тихо началъ Егоръ Егоровичъ. —Какъ положеніе больной?

— Да чтò положеніе больной? Положеніе больной неважное,—раздумчиво отвѣтилъ докторъ, покручивая свою небольшую, красивую бородку.

— Но... надежда есть?

— Надежда, какъ говорится, на Бога. Вчера былъ послѣдній консиліумъ, ну, и того... Однимъ словомъ, надежда только на Бога.

— Ай-ай-ай!—соболѣзнуя, покачалъ Егоръ Егоровичъ головой.—Да чтò такое именно съ ней?

— Да все тоже, чтò и раньше было.—И докторъ назвалъ по-латыни недугъ Варвары Павловны.

— Но позвольте, но позвольте,—торопливымъ шопотомъ заговорилъ Егоръ Егоровичъ:—развѣ эта болѣзнь можетъ сразу и круто принять такой дурной оборотъ?

— Какъ видите—можетъ.

— Но она еще весной была почти совсѣмъ здорова.

— Не только весной, но и осенью, когда сюда пріѣхала, она чувствовала себя прекрасно. Недѣли двѣ тому назадъ.

— И вдругъ?...

— И вдругъ!... Да, почти совсѣмъ неожиданно. Въ двѣ недѣли такъ скрутило, что и...—докторъ не договорилъ.

— Но, вотъ, видите ли,—перебилъ его Егоръ Егоровичъ,—я, какъ вамъ, можетъ быть, извѣстно, страдаю тою же болѣзнью, и притомъ вѣдь говорятъ, что у мужчинъ она гораздо опаснѣе и мучительнѣе...

— Ну, и что же?—спросилъ докторъ, замѣтивъ, что Егоръ Егоровичъ замялся.

— Стало быть, и у меня... и у меня можетъ произойти такое внезапное ухудшеніе?—почти съ трудомъ выговорилъ тотъ.

Докторъ улыбнулся.

— Въ жизни человѣческой никто не воленъ,—тихо отвѣтилъ онъ послѣ маленькой паузы и приподнялся съ мѣста.

Егоръ Егоровичъ почувствовалъ, какъ мурашки побѣжали у него по затылку, по плечамъ, по спинѣ, и онъ тоже приподнялся съ мѣста, чувствуя, что какъ будто отъ этихъ словъ доктора и ноги у него ослабѣли.

— Да, да, это ужасно!—проговорилъ онъ.

И потомъ, видя, что докторъ протягиваетъ ему руку, торопливо спросилъ.

— А что, могу я видѣть больную?

— Сейчасъ—нѣтъ. Я ей только-что вспрыснулъ морфій, и она забылась. Завтра, можетъ быть.

И докторъ пошелъ изъ гостиной.

Егоръ Егоровичъ старческой, медленной походкой поплелся вслѣдъ за нимъ, забывъ даже проститься съ Георгіемъ Борисовичемъ, который въ это время былъ гдѣ-то во внутреннихъ комнатахъ.

Швейцаръ надѣлъ на него пальто, подсадилъ въ карету, захлопнулъ дверцу, и колеса зловѣще зашуршали по разостланной передъ домомъ соломѣ.

II.

Пріѣхавъ домой и пообѣдавъ безъ всякаго аппетита, Егоръ Егоровичъ сейчасъ же принялся писать письмо своему доктору:

„Дорогой Карлъ Ѳедоровичъ!—началъ онъ своимъ мелкимъ и красивымъ почеркомъ.—Сегодня я узналъ, что одна моя знакомая, впрочемъ хорошо извѣстная и вамъ, Варвара Павловна"... Выписавъ очень тщательно фамилію Варвары Павловны, Егоръ Егоровичъ остановился, потомъ, подумавъ немного, разорвалъ письмо и бросилъ въ корзинку. „Дорогой докторъ,—началъ онъ на другомъ листкѣ. — Можетъ ли болѣзнь, которой я страдаю, принять вдругъ, сразу, безъ особо видимыхъ причинъ"... Послѣднія четыре слова Егоръ Егоровичъ подчеркнулъ и, по небольшомъ размышленіи, разорвалъ и этотъ листокъ.

Кончилъ онъ тѣмъ, что написалъ просто записку, въ которой просилъ доктора пріѣхать къ нему немедленно. Отправивъ ее съ дежурнымъ курьеромъ, онъ принялся-было за просмотръ дѣловыхъ бумагъ, но работа не шла. Мысль, неотвязная мысль объ умирающей Варварѣ Павловнѣ—ему теперь казалось, что Варвара Павловна непремѣнно умираетъ—и о своей собственной болѣзни,—о своей собственной болѣзни даже больше, чѣмъ о Варварѣ Павловнѣ—мѣшала ему сосредоточиться. Онъ отложилъ бумаги и принялся ходить взадъ и впередъ по кабинету. Закурилъ-было папиросу, но вспомнивъ, что много курить вредно,—а онъ только-что кончилъ свою послѣобѣденную сигару,—бросилъ папиросу въ пепельницу. Подойдя къ большому книжному шкафу и порывшись немного, онъ вынулъ оттуда книжку въ старомъ кожаномъ переплетѣ. Раскрывъ ее на удачу и усѣвшись въ сафьяновое кресло подъ большой лампой, принялся читать.

„Не надѣйся ни на друзей твоихъ, ни на ближнихъ и не отлагай дѣла спасенія твоего вдаль. Ибо люди забудутъ тебя прежде, нежели ты думаешь",—читалъ онъ.

Книжка, попавшаяся ему, была: „О подражаніи Христу", Ѳомы Кемпійскаго.

„Посмотри, возлюбленный, отъ какой опасности, отъ какого ужаса можешь ты себя избавить единымъ страхомъ и непрерывнымъ ожиданіемъ смерти! Старайся нынѣ такъ жить, чтобы въ часъ смерти болѣе радоваться, нежели бояться",—продолжалъ онъ чтеніе, чувствуя, что вмѣсто успокоенія его обхватываетъ какой-то страхъ.—„Теперь, теперь, возлюбленный, спѣши дѣлать все, что

ты можешь, ибо ты не знаешь ни времени твоей смерти, ни ея послѣдствій".

Егоръ Егоровичъ закрылъ книгу и поставилъ ее обратно въ шкафъ, а вмѣсто нея выбралъ томъ сочиненій Гёте. Но и Гёте онъ читать не могъ... Время тянулось убійственно медленно, а душа его тосковала и ныла. Докторъ еще не скоро пріѣдетъ, и возлѣ никого нѣтъ, съ кѣмъ бы онъ могъ перекинуться какимъ-нибудь пустымъ, ничего незначащимъ словомъ. Въ такія минуты прежде Егоръ Егоровичъ обыкновенно уходилъ къ другу своему, Варварѣ Павловнѣ, а теперь именно Варвара-то Павловна и является виновницей этихъ минутъ, этого состоянія духа.

Тутъ же, на одномъ изъ столиковъ лежало нѣсколько большихъ томовъ одного художественнаго нѣмецкаго иллюстрированнаго изданія. Егоръ Егоровичъ подсѣлъ къ столику и началъ пересматривать гравюры. И это развлекло его. Рисунки художниковъ переносили его въ иные міры, въ иную обстановку. Вотъ уголокъ Венеціи: на ступенькахъ крыльца, уходящаго прямо въ воду, сидятъ нѣсколько молодыхъ женщинъ. Лица веселыя, здоровыя, красивыя. У одной юбка подобралась выше обыкновеннаго и обнажила почти до колѣна полную, стройную ногу въ пестромъ чулкѣ. Егоръ Егоровичъ залюбовался на эту ногу... А на слѣдующей гравюрѣ была изображена борьба тритоновъ изъ-за наяды. Наяда, вся обнаженная, сидѣла на скалѣ, почти равнодушно выжидая окончанія этой борьбы, готовая уже наградить побѣдителя. Красивые изгибы ея тѣла были исполнены мастерски, и Егоръ Егоровичъ, любуясь на нихъ, вдругъ вспомнилъ, что Варвара Павловна за послѣдніе годы сильно-таки отяжелѣла и замѣтно утрачивала былую красоту своей пластичной фигуры. Но это воспоминаніе скользнуло какъ-то легко, и онъ продолжалъ перелистывать страницу за страницей.

За этимъ занятіемъ засталъ его пріѣхавшій докторъ. Это былъ еще бодрый и плотный старикъ, съ веселымъ, почти свѣжимъ лицомъ и спокойнымъ, увѣреннымъ голосомъ. За этотъ-то голосъ Егоръ Егоровичъ больше всего и любилъ своего доктора. Докторъ быстро успокоилъ Егора Егоровича относительно его болѣзни, замѣтивъ, что недугъ Варвары Павловны осложнился другой болѣзнью, о чемъ онъ узналъ отъ одного изъ коллегъ, бывшихъ у нея на консиліумѣ. А такъ какъ у Егора Егоровича этой болѣзни нѣтъ, да и быть не можетъ, то стало быть и унывать нечего. Они вмѣстѣ напились чаю, и Егоръ Егоровичъ довольно спокойно улегся спать. Передъ сномъ, впрочемъ, онъ молился нѣсколько дольше обыкновеннаго, поминая въ молитвахъ

своихъ „болящую рабу Варвару“. И внутреннія боли у него какъ-то сами собой затихли, и спалъ онъ эту ночь безъ сновъ.

На другой день, часовъ около десяти, ему подали письмо отъ племянницы Варвары Павловны, Нины, въ которомъ молодая дѣвушка извѣщала, что больная хоть и очень слаба, но желаетъ непремѣнно повидаться съ Егоромъ Егоровичемъ—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Егоръ Егоровичъ тяжело вздохнулъ, но сейчасъ же приказалъ подать себѣ экипажъ.

Когда онъ подъѣзжалъ къ дому Варвары Павловны, онъ заранѣе уже выглянулъ въ окно, чтобы посмотрѣть на разостланную передъ домомъ солому.

„Можетъ быть, ей стало лучше и солому убрали“, мелькнуло у него въ головѣ.

Но солома лежала. За ночь она побурѣла, смялась проѣзжавшими экипажами и не имѣла уже того яркаго, кричащаго вида. И колеса, катясь по ней, не шуршали, а только слегка тонули въ чемъ-то мягкомъ.

Въ гостиной Егора Егоровича встрѣтила Нина, высокая красивая дѣвушка въ простенькомъ, домашнемъ платьѣ. Глаза ея смотрѣли и грустно, и утомленно. Носъ какъ бы поприпухъ и лоснился на кончикѣ. Крѣпко пожавъ Егору Егоровичу руку, она сказала, что больная ждетъ.

— Я сейчасъ... я сейчасъ... я только обогрѣюсь,—засуетился Егоръ Егоровичъ, потирая себѣ руками бока.

Черезъ минуту, онъ уже слѣдомъ за Ниной, тихо, почти на цыпочкахъ, шелъ въ спальню больной, чувствуя непріятную спазму въ горлѣ и почему-то съ трудомъ удерживаясь, чтобы не перекреститься. Онъ почему-то ожидалъ, что въ спальнѣ будетъ темно, душно и все пропитано запахомъ лекарствъ.

Но тамъ было и свѣтло, и даже прохладно. Больная лежала на большой, широкой кровати, покрытая бѣлымъ одѣяломъ, на большихъ бѣлыхъ подушкахъ. Лекарствами не пахло, воздухъ былъ чистъ и хорошъ. Но когда онъ взглянулъ на лицо своей умирающей подруги, почти ужасъ охватилъ его: это была совсѣмъ не она, не та Варвара Павловна, которою онъ такъ часто любовался, которую, какъ казалось ему, онъ такъ сильно любилъ. Изсиня-землистая кожа отвисла на ея когда-то полныхъ щекахъ; желтоватый лобъ провалился на вискахъ—Егоръ Егоровичъ никогда и не зналъ, что у Варвары Павловны такой высокій лобъ; полу-открытыя губы непріятнаго, синеватаго оттѣнка тихо шевелились. Но больше всего его изумилъ носъ Варвары

Павловны: онъ сталъ совсѣмъ не такимъ, какъ былъ прежде. Онъ сталъ шире въ верхней своей части, длиннѣе, а къ концу какъ будто нѣсколько расплюснутъ. Егоръ Егоровичъ приблизился къ кровати и не зналъ, что̀ ему дѣлать.

— Вы пріѣхали,—чуть слышно прошептала больная.

— Да, да, ma bonne amie, я здѣсь,—шопотомъ же отозвался Егоръ Егоровичъ, чувствуя, что у него подступаютъ слезы къ глазамъ.—А вы вотъ себя нехорошо ведете... не паинька... не паинька,—старался онъ шутить.—Ну, да ничего! Богъ милостивъ! Мы еще съ вами потанцуемъ...

Варвара Павловна молча и серьезно смотрѣла впередъ своими потухающими глазами. Егоръ Егоровичъ перегнулъ свою длинную сухую спину и, слегка приподнявъ лежавшую поверхъ одѣяла блѣдную руку больной, тихо приложился къ ней губами.

— Я умираю,—едва слышно произнесла Варвара Павловна.

Егоръ Егоровичъ задрожалъ отъ страннаго глухого звука ея голоса.

— Ну, полноте... ну, полноте, — началъ онъ опять:—Богъ милостивъ! Мы еще потанцуемъ...

— Нѣтъ, не потанцуемъ,—серьезно отвѣтила больная.

Нина стояла въ ногахъ кровати и какими-то жадными и тоскливыми глазами смотрѣла на умирающую тетку.

— А гдѣ Жоржъ?—спросила та.

— Онъ, вѣроятно, сейчасъ пріѣдетъ, ma tante, — отвѣтила Нина.

— А Сережа?

— Сережа здѣсь. Его еще вчера отпустили изъ корпуса.

Варвара Павловна какъ бы совсѣмъ забыла о присутствіи Егора Егоровича и, тихо шевеля губами, продолжала молча смотрѣть куда-то впередъ, черезъ плечо Нины. Егоръ Егоровичъ, слегка сгорбившись, стоялъ возлѣ ея кровати и не зналъ, что̀ ему дѣлать, что̀ сказать.

— Сережа пусть... въ корпусъ... не надо... Здѣсь... хочу быть,—послѣ длинной паузы, выговорила опять Варвара Павловна.

— Онъ и не поѣдетъ больше въ корпусъ, ma tante,—подтвердила Нина.

— А Marie здѣсь?

— Я здѣсь, maman,—откликнулась молоденькая женщина, жена Георгія Борисовича, выступая впередъ.

Егоръ Егоровичъ раньше не замѣтилъ ея присутствія въ спальнѣ.

— И... Жоржъ...—произнесла еще больная и закрыла глаза.

Минутъ пять длилось тягостное молчаніе, въ продолженіе котораго Егоръ Егоровичъ, не мѣняя позы, боясь даже шевельнуться, стоялъ возлѣ кровати, почти ничего не думая, ничего не сознавая.

— Забылась,—тихо прошептала Нина, какъ бы давая этимъ знать Егору Егоровичу, что ему можно выйти изъ спальной.

И онъ робко повернулся и робко, едва ступая ногами, пошелъ въ двери. До самой гостиной шелъ онъ, не поднимая головы и не распуская сплетшихся пальцами рукъ. Марiе слѣдовала за нимъ. Тамъ онъ вздохнулъ подавленнымъ вздохомъ и, тихо покачавъ головой, произнесъ только:

— Боже мой, Боже мой!

До самаго дома, сидя сгорбившись въ своей кареткѣ, повторялъ онъ эти два слова: „Боже мой, Боже мой". Но дома, за завтракомъ, онъ немного успокоился, и разныя мысли сами полѣзли ему въ голову. Чувство какой-то, едва сознаваемой, обиды зашевелилось въ немъ.

„Пятнадцать лѣтъ онъ знакомъ съ этой женщиной! Пятнадцать лѣтъ онъ любилъ ее и въ концѣ концовъ все-таки остался ей чужимъ. Она думаетъ о Жоржѣ, о Сережѣ, даже о Марiе, а о немъ не думаетъ. И когда дѣло дошло до большого, до серьезнаго, онъ сталъ вдругъ въ этомъ домѣ чужимъ. Въ домѣ, въ которомъ еще такъ недавно не только былъ своимъ, но и могъ сдѣлаться полнымъ хозяиномъ. Вѣдь только одна деликатность его помѣшала этому. А теперь, вотъ, онъ приходитъ туда совсѣмъ какъ чужой, какъ гость, какъ добрый знакомый... Его ни о чемъ не спрашиваютъ, не обращаются ни за какими совѣтами... Распоряжается одинъ, всевластно, Георгій Борисовичъ, а онъ, одинокій, забытый старикъ, онъ, посвятившій пятнадцать лѣтъ этой женщинѣ, сталъ ей чужимъ теперь...

— „Не потанцуемъ", — вздохнулъ онъ. — Не потанцуемъ... и только.—Вотъ и все, что̀ она нашла нужнымъ сказать ему.

И Егору Егоровичу стало обидно. Запоздалая ревность закралась ему въ душу. Но странное дѣло: обижаясь и огорчаясь, онъ въ то же время, въ глубинѣ души своей, былъ доволенъ этимъ чувствомъ.

„Что и жалѣть, коли нечѣмъ помочь",—процитировалъ онъ, вставая изъ-за стола.

— „Что и жалѣть, коли нечѣмъ помочь",—со вздохомъ повторилъ онъ, проѣзжая мимо дома Варвары Павловны, отправляясь къ себѣ на службу.

— „Что и жалѣть, коли нечѣмъ помочь",—въ третій разъ и

уже громко и успокоительно произнесъ онъ, приступая къ разбору бумагъ у себя въ директорскомъ кабинетѣ.

Началась обычная служебная процедура. Егоръ Егоровичъ забылся, забылъ о болѣзни Варвары Павловны и весь ушелъ въ государственныя дѣла, каковыми онъ считалъ свои служебныя занятія. Ему казалось, что онъ работаетъ хорошо и бодро. И онъ былъ доволенъ собой, но наблюдательные подчиненные и на этотъ разъ замѣтили не мало упущеній съ его стороны. Сегодня даже больше, чѣмъ вчера. А одна резолюція такъ прямо поразила ихъ: дѣло шло объ исходатайствованіи пособія вдовѣ одного недавно умершаго незначительнаго чиновника, и Егоръ Егоровичъ, къ немалому ихъ изумленію, на поляхъ этой бумаги сдѣлалъ очень странную надпись: „Что и жалѣть, коли нечѣмъ помочь, а впрочемъ выдать восемьдесятъ-три рубля, 75 коп.".

Но самъ онъ былъ совершенно доволенъ собой и, какъ ему казалось, окончательно вошелъ въ свою колею.

Возвращаясь домой, онъ сосредоточенно обдумывалъ тѣ возраженія, которыя имѣлъ въ виду сдѣлать сегодня вечеромъ, на предстоящемъ засѣданіи одной коммиссіи. Сидя въ каретѣ, онъ почти громко повторялъ тѣ фразы, которыя думалъ сказать, и дѣлалъ слегка даже соотвѣтствующіе словамъ жесты.

„Опираясь на выводы достопочтеннаго Степана Ивановича,— твердилъ онъ,—мы несомнѣнно пойдемъ впередъ довольно быстрыми шагами. Но несомнѣнно и то, что база эта сейчасъ же останется позади насъ, и мы лишимся точки опоры". Егору Егоровичу этотъ аргументъ показался очень вѣскимъ, почти неотразимымъ, и онъ заранѣе уже представлялъ себѣ, какъ запнется, запутается этотъ не въ мѣру торопливый Степанъ Ивановичъ, какъ, горячась, сбиваясь, начнетъ онъ возражать ему...

„А я-то тутъ его хладнокровіемъ... хладнокровіемъ"...—смаковалъ Егоръ Егоровичъ, слегка даже улыбаясь:—„Festina lente", скажу я: „chi va piano, va"...

Вдругъ звукъ колесъ его каретки сразу измѣнился. Егоръ Егоровичъ вздрогнулъ и выглянулъ въ окно. Онъ проѣзжалъ въ это время мимо дома Варвары Павловны. Давъ звонокъ кучеру, онъ приказалъ ему повернуть къ подъѣзду.

— Чтò, какъ здоровье ея превосходительства? — спросилъ онъ подбѣжавшаго швейцара.

— Въ забвеніи-съ, — отвѣтилъ тотъ, приподнимая фуражку и блестя лысиной.

III.

Варвара Павловна болѣе уже не приходила въ себя. Началась агонія и длилась около трехъ сутокъ. Егору Егоровичу по нѣскольку разъ на дню приходилось проѣзжать мимо дома Варвары Павловны, и каждый разъ звукъ колесъ, катившихся по соломѣ, заставлялъ его нервно и пугливо вздрагивать. Онъ даже хотѣлъ-было приказать кучеру ѣздить по другимъ улицамъ, но почему-то не рѣшился. На его вопросы, швейцаръ отвѣчалъ неизмѣнно: „все въ томъ же положеніи-съ". Разъ онъ даже, не снимая пальто, поднялся наверхъ и попросилъ вызвать къ себѣ Нину, но та была чѣмъ-то занята около умиравшей, и вмѣсто нея вышла Marie.

— Агонія... съ часу на часъ ждутъ смерти,—сухо отвѣтила ему молодая женщина.

Въ этомъ домѣ, гдѣ такъ долго былъ близокъ Егоръ Егоровичъ, очевидно, не только всѣ его забыли, но, какъ ему казалось, умышленно даже игнорировали. Въ тайникахъ своей души онъ былъ даже доволенъ тѣмъ, что его не безпокоятъ, не требуютъ его постояннаго и тягостнаго теперь для него присутствія возлѣ больной, но въ то же время онъ былъ и обиженъ этимъ невниманіемъ къ нему. Они какъ будто и не предполагали, что онъ глубоко огорченъ потерей своего единственнаго друга. Они какъ будто и не вѣрили его горю, и не считали нужнымъ пожалѣть его, посочувствовать ему. „Ну, что-жъ, Богъ съ ними", смиренно вздыхалъ Егоръ Егоровичъ, и сейчасъ же прибавлялъ: „что и жалѣть, коли нечѣмъ помочь".

Всѣ эти дни онъ былъ очень занятъ и много работалъ. И вездѣ, и у него на службѣ, и въ засѣданіи коммиссіи, и даже у него дома—всѣ замѣтили, что Егоръ Егоровичъ, несмотря на внѣшнюю бодрость, казался чѣмъ-то сильно удрученъ. Онъ забывалъ свои распоряженія, раздражался изъ-за пустяковъ, противорѣчилъ самому себѣ, а въ засѣданіи коммиссіи очень торжественно произнесъ одну латинскую цитату, совсѣмъ некстати. Вообще чувствовалось въ немъ что-то неладное, что-то изъ ряда вонъ. А между тѣмъ самъ Егоръ Егоровичъ этого не сознавалъ, и даже за все это время ни разу не безпокоилъ своего доктора.

На пятый день послѣ его пріѣзда изъ-за границы погода вдругъ круто перемѣнилась. Поднялся рѣзкій, холодный, сухой вѣтеръ. Грязь на улицахъ сразу просохла, и кружилась пыль. По

небу быстро неслись разорванные клочья сѣрыхъ облаковъ, термометръ показывалъ всего два градуса. Егоръ Егоровичъ надѣлъ мѣховое пальто и поѣхалъ на службу.

Вѣтеръ трепалъ и разносилъ солому передъ домомъ Варвары Павловны. Возлѣ его подъѣзда Егоръ Егоровичъ съ удивленіемъ замѣтилъ нѣсколько каретъ. Лысый швейцаръ, по обыкновенію, стоялъ на крыльцѣ, но былъ одѣтъ какъ-то странно и необычно. Егоръ Егоровичъ приказалъ кучеру подъѣхать къ крыльцу. Швейцаръ отворилъ дверцу каретки и протянулъ руки, чтобы высадить Егора Егоровича.

— Чтò... чтò случилось?—спросилъ тотъ, вглядываясь въ швейцара и все не понимая какого-то измѣненія въ его костюмѣ.

Тотъ тоже изумленно посмотрѣлъ на Егора Егоровича.

— Панихида-съ,—проговорилъ онъ въ отвѣтъ на его вопросъ.

— Какъ панихида?

— Такъ точно-съ. Скончались сегодня на разсвѣтѣ-съ.

Егоръ Егоровичъ похолодѣлъ и не могъ сдвинуться съ мѣста.

— На разсвѣтѣ?—переспросилъ онъ.

— Такъ точно-съ.

Съ трудомъ разгибая спину, вылѣзъ Егоръ Егоровичъ изъ кареты и, едва волоча ноги, пошелъ наверхъ по лѣстницѣ, убранной трауромъ.

„Какъ скоро... на разсвѣтѣ, а у нихъ уже все готово!" —думалъ Егоръ Егоровичъ, всматриваясь въ черныя кисти и бахрому на перилахъ лѣстницы.

Лакей, въ черномъ фракѣ, на верхней площадкѣ снялъ съ него пальто. Нѣсколько человѣкъ попалось ему на встрѣчу—кто, онъ не разглядѣлъ.

— Направо-съ,—сказалъ ему кто-то сзади.

И Егоръ Егоровичъ повернулъ направо. Сначала онъ, по привычкѣ, пошелъ-было въ гостиную.

Въ большомъ свѣтломъ залѣ стоялъ высокій катафалкъ, возлѣ него подсвѣчники и много, много цвѣтовъ. Свѣчи горѣли маленькими красно-желтыми огоньками. Дьячокъ, въ траурномъ облаченіи, раздувалъ кадило. Священникъ, обернувшись спиною къ катафалку, разговаривалъ съ какимъ-то военнымъ. Нѣсколько мужчинъ и дамъ толпились тутъ же. Кто-то въ черномъ стоялъ на ступенькѣ катафалка... Пахло ладаномъ... Было тихо...

Военный, говорившій со священникомъ, оставилъ того и подошелъ къ Егору Егоровичу.

— Матушка скончалась сегодня въ шесть часовъ утра, не приходя въ сознаніе,—проговорилъ онъ.

Егоръ Егоровичъ пожалъ ему руку. Онъ узналъ теперь въ военномъ Георгія Борисовича.

— А я ѣхалъ... вижу, солома... и думалъ, что значитъ еще ничего...—несвязно проговорилъ Егоръ Егоровичъ.

— Ахъ, солома! Ее забыли убрать... Надо распорядиться... И офицеръ вышелъ изъ залы.

Егоръ Егоровичъ остался одинъ, подавленный, удрученный. Онъ зналъ, что ему нужно сейчасъ пойти къ этому катафалку, перекреститься, сдѣлать нѣсколько земныхъ поклоновъ и приложиться къ покойницѣ. И это пугало его. Онъ какъ будто боялся взглянуть теперь въ лицо той, что лежитъ тамъ, на этомъ катафалкѣ. И въ то же время онъ замѣтилъ, что взоры всѣхъ обратились на него. Скрѣпя сердце и какъ-то раскачиваясь, сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ и, перекрестясь, опустился на колѣни.

„Сейчасъ я увижу ее,—подумалъ онъ, изгибая спину въ поклонѣ.—И она меня сейчасъ увидитъ"...

Возлѣ самыхъ его глазъ мелькнуло черное платье. Это была Нина, отошедшая отъ катафалка, чтобы дать ему мѣсто. Егоръ Егоровичъ поднялся на ноги и почувствовалъ при этомъ, что вокругъ его поясницы какъ будто обвилась какая-то веревка, придавливавшая его къ землѣ. Не разгибая спины, вступилъ онъ на низенькую ступеньку и взглянулъ въ лицо покойницы. Прозрачно-блѣдное, какъ восковое, съ закрытыми, ввалившимися глазами, съ желтымъ носомъ и лбомъ, оно было спокойно... Но это была не Варвара Павловна. Эта восковая маска такъ мало походила на ея полное, здоровое, улыбавшееся лицо. А между тѣмъ это несомнѣнно она. Вотъ и родинка подъ нижней губкой, правда, сильно поблѣднѣвшая, такъ что ее едва можно разглядѣть, но хорошо знакомая Егору Егоровичу родинка.

Робко сталъ онъ прикладываться къ ея худой восковой рукѣ и быстро отдернулъ отъ нея свои губы. Ощущеніе какого-то непріятнаго холода скользнуло по нимъ. Егоръ Егоровичъ зналъ, что ему слѣдовало бы поцѣловать еще покойницу и въ лобъ, но онъ не рѣшился и торопливо сошелъ съ катафалка.

„А вѣрно всѣ это замѣтили",—мелькнуло у него въ головѣ. „И теперь осуждаютъ. Ну, и пускай! Пускай осуждаютъ..." —съ какой-то дѣтской нервностью твердилъ онъ про себя, отступая назадъ.

Началась панихида. Егоръ Егоровичъ молился или, вѣрнѣе, старался молиться усердно, но самыя странныя, самыя неподходящія мысли лѣзли ему въ голову. Вспомнилось ему, что еще при жизни мужа Варвары Павловны, правда, тогда уже совер-

шенно больного, онъ впервые поцѣловалъ ее. Это было въ маленькой уютной гостиной, гдѣ они сидѣли вдвоемъ, дожидаясь Бориса Ѳедоровича, бесѣдовавшаго въ то время въ кабинетѣ со своимъ докторомъ.

— Вѣдь я васъ люблю, Варвара Павловна,—нерѣшительно проговорилъ онъ тогда.

— Да развѣ же я этого не замѣчаю!—отвѣтила она и сама протянула къ нему свои губки.

Поцѣлуй былъ быстрый, мимолетный, но едва ли не самый памятный. И какъ ласково и весело смотрѣлъ потомъ Егоръ Егоровичъ въ глаза своему другу, Борису Ѳедоровичу, вышедшему изъ кабинета видимо ободреннымъ и успокоеннымъ словами доктора. Егоръ Егоровичъ зналъ теперь, что Варвара Павловна его любитъ, и былъ спокоенъ... Помнитъ онъ, какъ всегда, бывало, любовался полной, пластичной рукой Варвары Павловны; особенно нравились ему ямочки возлѣ локотка... Бывали у нихъ и размолвки... всегда, впрочемъ, изъ-за Жоржа, старшаго ея сына.

Егоръ Егоровичъ не любилъ этого мальчика, своенравнаго и рѣзкаго, а Варвара Павловна отстаивала его. Изъ-за этого-то, можетъ быть, и разошлась ихъ свадьба...

Запахъ ладана становился все гуще и удушливѣе въ залѣ. Панихида тянулась долго, и Егоръ Егоровичъ чувствовалъ, какъ у него начинаютъ дрожать ноги. Священникъ служилъ мягко и пѣвуче; дьяконъ видимо сдерживалъ свой большой, но хрипловатый голосъ.

„О блаженномъ успеніи"!..—загремѣлъ онъ.

Егоръ Егоровичъ вдругъ понялъ, что панихида сейчасъ кончится, а онъ еще не успѣлъ помолиться, потому что, крестясь и кланяясь, онъ еще не молился, а развлекался совсѣмъ неподходящими къ мѣсту и даже грѣховными думами и воспоминаніями. Торопливо началъ онъ креститься и опустился на колѣни.

„И сотвори ей вѣчную память"!—мощно и торжественно провозгласилъ дьяконъ.

А Егоръ Егоровичъ, прижавшись лбомъ къ полу, уже не сдерживая слезы, твердилъ:

— Милая... прости... Господи, прости и помилуй!..

Когда, послѣ панихиды, Егоръ Егоровичъ двинулся къ катафалку, чтобы еще разъ приложиться къ покойницѣ, онъ едва держался на ногахъ, и голова его слегка кружилась. Почти не различая, кто стоитъ впереди него, кто возлѣ, поднялся онъ къ катафалку и на этотъ разъ смѣло поцѣловалъ покойницу въ лобъ. Онъ хотѣлъ-было даже поцѣловать ее въ губы, но взглянулъ и

вздрогнулъ: пѣнистая влага сѣрой полоской уже проступала между ними, и Егору Егоровичу показалось, что онъ слышитъ даже трупный запахъ.

Только выйдя изъ залы, могъ онъ вздохнуть глубокимъ, давно сдерживаемымъ, вздохомъ. Ни съ кѣмъ не простившись, Егоръ Егоровичъ сталъ спускаться съ лѣстницы внизъ, придерживаясь рукою за обтянутыя трауромъ перила. Швейцаръ издали, снизу, замѣтивъ, что Егоръ Егоровичъ ступаетъ какъ-то очень неровно, подгибая колѣни, бросился къ нему на встрѣчу и сталъ поддерживать его подъ локотокъ.

— Спасибо... спасибо...—твердилъ онъ, какъ-то совершенно уже по-старчески шамкая губами.

— Пальто, ваше превосходительство, изволили наверху оставить,—замѣтилъ торопливо швейцаръ, когда они уже спустились на нижнюю площадку.—Я сейчасъ, ваше превосходительство.

Но сверху уже бѣжалъ лакей, неся пальто. Егора Егоровича одѣли, и онъ вышелъ на крыльцо.

Карета его была заставлена другими, въ довольно большомъ количествѣ съѣхавшимися къ панихидѣ. Пока кучеръ выбирался, чтобы подъѣхать къ крыльцу, Егоръ Егоровичъ стоялъ и смотрѣлъ на улицу. Солома была уже сметена и лежала кучками. Два дворника сваливали эти кучки, одну за другой, на телѣгу, запряженную большой рослой лошадью. Порывистый вѣтеръ подхватывалъ солому, трепалъ ее, сорилъ по улицѣ и тротуарамъ. Еще не такъ давно свѣжая и желтая, она почти почернѣла и искрошилась.

„Какъ скоро сгнила эта солома!"—думалъ Егоръ Егоровичъ, тусклымъ и холоднымъ взглядомъ глядя на улицу.

Каретка подъѣхала, и швейцаръ усадилъ его въ нее...

И вдругъ Егору Егоровичу неожиданно вспомнилось, какъ онъ, совсѣмъ еще мальчикомъ, пріѣзжая къ отцу въ имѣніе на каникулы, любилъ забираться въ ригу и кувыркаться на мягкой, шуршащей и какъ-то особенно вкусно пахнувшей соломѣ. Какъ давно это было, какъ скоро прошло время, и онъ изъ свѣжаго, здороваго мальчика обратился въ разбитаго, хилаго старика... А пройдетъ еще нѣсколько времени—немного времени, несравненно менѣе, чѣмъ уже прошло—и его, когда-то свѣжаго и здороваго мальчика, тоже свезутъ, какъ и эту сгнившую и растрепанную солому... „Земля еси и въ землю отъидеши", вспомнилъ онъ изъ сегодняшней панихиды. „Земля—солома, старая, растрепанная солома; выросла изъ земли и вотъ опять превращается въ землю"—мелькало въ его мысляхъ.

Подъѣзжая къ дому, онъ выглянулъ изъ окна кареты, и сердце

его испуганно забилось: на свѣтло-сѣромъ фонѣ пыльной мостовой, передъ его окнами, выдѣлялось темное, блестящее пятно. Дернувъ звонокъ, онъ высунулся изъ окна кареты и почти крикнулъ кучеру:

— Чтò это?.. Чтò это такое темное тамъ? Солома?

Кучеръ пріостановилъ даже лошадь.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, улицу полили передъ нашимъ домомъ-съ,—отвѣтилъ онъ, взглянувъ впередъ.

Егоръ Егоровичъ опустился на сидѣнье, но сердце его продолжало испуганно биться.

Пріѣхавъ домой, онъ приказалъ сказать въ канцелярію по телефону, что сегодня на службѣ не будетъ, а проситъ своего вице-директора пріѣхать къ нему на домъ. Переодѣвшись въ домашній костюмъ, онъ сѣлъ къ своему письменному столу и глубоко задумался. Но о чемъ онъ думалъ въ эти минуты, онъ и самъ не могъ отдать отчета.

Не болѣе какъ черезъ полчаса пріѣхалъ и вице-директоръ.

— Что, ваше превосходительство, прихворнули?—вѣжливо, но съ оттѣнкомъ давно установившейся между ними фамильярности, спросилъ онъ, входя въ кабинетъ къ своему начальнику.

— Да, милѣйшій Евгеній Николаевичъ, простите, что потревожилъ васъ... Не совсѣмъ здоровится,—отвѣтилъ Егоръ Егоровичъ, указывая тому на кресло возлѣ письменнаго стола.

— Есть что-нибудь спѣшное?

— Двѣ-три бумаги есть.

И они начали заниматься.

— Чтò это такое?—спросилъ Егоръ Егоровичъ, разглядѣвъ на поляхъ одной бумаги желтоватое, блестящее пятнышко.

— Это? Солома, должно быть,—отвѣтилъ вице-директоръ.

— Солома?!—переспросилъ Егоръ Егоровичъ, почти испуганно взглянувъ на того.

— Да, солома,—повторилъ вице-директоръ и своимъ длиннымъ, блестящимъ ногтемъ сталъ сковыривать это пятно.—Или, вѣрнѣе даже, это—кусочекъ древесины. Бумага нынче отвратительная дѣлается—изъ дерева да изъ соломы. Ужасная гадость! Посмотрите, черезъ пятьдесятъ лѣтъ отъ нашихъ архивовъ ничего не останется—все прахомъ разсыплется. А тряпичная бумага дорога и зря ее расходовать не приходится.

„Солома... прахомъ разсыплется... Земля еси...“ — мысленно повторялъ за нимъ Егоръ Егоровичъ.

— Постойте, постойте, Егоръ Егоровичъ, чтò вы написали?—остановилъ его черезъ минуту вице-директоръ, взглянувъ на за-

головокъ одной изъ лежащихъ передъ Егоромъ Егоровичемъ бумагъ.

— А что̀ такое?—спросилъ тотъ.

И Егоръ Егоровичъ всмотрѣлся въ свою надпись.

— Ахъ, да!

И онъ спокойно, даже не улыбнувшись, перечеркнулъ написанное имъ и подъ этимъ подписалъ: „утверждаю“.

Прощаясь съ нимъ, вице-директоръ крѣпко пожалъ ему руку и почти дружескимъ голосомъ проговорилъ:

— Отдохнуть бы вамъ, Егоръ Егоровичъ!

Тотъ только молча кивнулъ головой.

А пріѣхавъ къ себѣ въ департаментъ, вице-директоръ зашелъ въ кабинетъ къ другому вице-директору и значительно проговорилъ:

— Посмотри-ка, какія резолюціи нашъ старикъ началъ налагать!.. Да нѣтъ, не здѣсь, а вотъ то, что̀ зачеркнуто.

Тотъ взглянулъ. Написано было:

„Солома, солома, солом...“

Влад. Тихоновъ.

ПИСЬМА
ГР. А. К. ТОЛСТОГО
КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Окончаніе.

Къ княгинѣ Зайнъ-Витгенштейнъ *).

L.

Пустынька (близь ст. Любань).—20-го февр. (4-го мар.) 1867 г.

Милѣйшая княгиня, вы имѣете право обвинять меня въ неблагодарности, такъ какъ я до сихъ поръ еще не отдалъ вамъ отчета о пріемѣ моей трагедіи, несмотря на столь благосклонный интересъ къ ней съ вашей стороны. Признаюсь, видимость—противъ меня, но есть смягчающія обстоятельства. Я самому себѣ не отдавалъ отчета въ впечатлѣніи на публику отъ моей пьесы, благодаря тому, что съ самаго начала она была жертвой разныхъ кулисныхъ тщеславій, вслѣдствіе чего главная роль выпала на долю второстепеннаго таланта, по крайней мѣрѣ, въ этомъ амплуа. Публика, газеты и сами актеры раздѣлились на два лагеря, и послѣдовала жестокая война. Такъ, много кричали, что Васильевъ, который игралъ Іоанна, добровольно отказался отъ своей роли въ пользу Самойлова, который былъ встрѣченъ криками восторга и осыпанъ

---

*) Эти письма доставлены для напечатанія кардиналомъ Гоэнлоэ, черезъ графа Г. С. Строганова, и всѣ писаны по-французски.

дождемъ цвѣтовъ и лавровыхъ вѣнковъ при своемъ появленіи. Съ 12-го (24-го) января пьеса дается два раза въ недѣлю, и зала всегда переполнена. Неслыханная до сихъ поръ вещь—дирекція открыла подписку и записываются 10 и 15 дней заранѣе, чтобъ получить ложу; нѣсколько человѣкъ пріѣхали изъ Москвы и не могли достать мѣстъ. Не вините меня въ лицемѣріи, но я въ большой мѣрѣ приписываю этотъ успѣхъ точности и красотѣ декорацій и костюмовъ; мнѣ въ этомъ отношеніи очень посчастливилось: во-первыхъ, было отпущено 31.000 р. на постановку трагедіи; затѣмъ, князь Гагаринъ, вице-президентъ академіи художествъ, сдѣлалъ рисунки главныхъ декорацій; академикъ Шварцъ—костюмовъ, и Сѣровъ написалъ музыку на танецъ скомороховъ. Къ тому же, г-нъ Костомаровъ, профессоръ исторіи, и другія лица, которыя спеціально занимались археологіей, принимали участіе въ усовершенствованіи постановки пьесы и отнеслись къ этому съ такимъ рвеніемъ, что тронули меня, тѣмъ болѣе, что я никогда не обратился бы къ нимъ изъ скромности. Что касается г-на Сѣрова, то я даже его еще не зналъ, когда онъ написалъ свою музыку, полную красокъ и оригинальности. Я его попрошу мнѣ дать копію, которую я пошлю нашему милому Листу. Сѣровъ намѣревается написать такъ же остальные антракты. Что касается меня, то я видѣлъ пьесу всего три раза,—два раза съ Васильевымъ и одинъ разъ съ Самойловымъ. Я даже не досталъ бы билета послѣдній разъ, еслибы министръ двора не далъ мнѣ свое кресло. Самойловъ великолѣпенъ, какъ наружность и манеры, но онъ не зналъ своей роли, когда я его видѣлъ,—и это испортило нѣкоторыя мѣста. Самый большой успѣхъ всегда—смѣлость: сцена посла, народная сцена (къ великому ужасу полиціймейстера) и сцена исповѣди царя съ колѣнопреклоненіемъ. Мои защитники противъ полиціймейстера и той части публики, которая plus royaliste que le roi, это—Государь и Государыня. Два раза они пріѣзжали смотрѣть пьесу и два раза мнѣ аплодировали и призывали въ свою ложу. Одинъ французъ, который перевелъ пьесу, приходилъ мнѣ ее читать вчера и говорилъ мнѣ, что узналъ изъ нѣмецкой газеты, что ее давали въ Веймарѣ; это мнѣ кажется мало правдоподобнымъ, такъ какъ мы получили недавно письмо изъ Веймара отъ баронессы М., въ которомъ она намъ пишетъ, что великій герцогъ *намѣревается* поставить эту трагедію. Я буду очень радъ, если ее поставятъ, но жалѣю, что не послалъ г-жѣ Павловой копіи костюмовъ.—Теперь довольно объ „Іоаннѣ", милая княгиня; я долженъ вамъ сказать нѣсколько словъ о его сынѣ. Я написалъ нѣсколько новыхъ сценъ, дѣлаю и пере-

дѣлываю прежнія,—все чтобъ приблизиться больше къ моему первоначальному плану, отъ котораго я чувствую, что всегда отдаляюсь, благодаря большому числу мотивовъ въ этой драмѣ. Я не стараюсь ее упростить, и это не такъ легко, какъ кажется; я не боюсь, чтобы мнѣ недостало красокъ, но линія даетъ мнѣ много хлопотъ. Вы, можетъ быть, помните, что если я себѣ представляю Іоанна какъ гору, которая подавляетъ страну, то сынъ его Ѳедоръ представляется мнѣ какъ какой-то оврагъ, въ который все проваливается. Вотъ тэма; теперь дѣло въ томъ, чтобъ сдѣлать ее понятной. Дѣятельное и страдательное начала —въ ихъ крайнихъ предѣлахъ. Я забылъ вамъ сказать, что въ сценѣ Бориса съ его женой онъ ее цѣлуетъ, по вашему отличному совѣту. Этотъ поцѣлуй дается два раза въ недѣлю госпожѣ Струйской господиномъ Нильскимъ, который отлично это исполняетъ и вамъ безконечно благодаренъ. Я ошибся: онъ цѣлуетъ не г-жу Струйскую, а г-жу Жулеву; что касается г-жи Струйской, она играетъ царицу, и ея мужъ ее не цѣлуетъ.

Мы получили письмо отъ Бобринскаго, со вложеніемъ маленькаго письма отъ васъ къ графинѣ С.,—я полагаю,—въ которомъ вы говорите обо мнѣ съ вашею обычною добротой. Моя жена все больна; она вамъ напишетъ длинное письмо, покамѣстъ же она проситъ прощенія за свое долгое молчаніе. Я думаю, что она можетъ жить только въ Римѣ, но къ несчастью un nume, un fato, di noi piu forte [1]), противится этому. All'idea di quel metallo, mi manca la voce, mi sento morir [2]). Vieni a Roma, o, cara, vieni!—говорю я ей, а она мнѣ отвѣчаетъ: Il cor mi li divide. Тогда мы повторяемъ вмѣстѣ: Cari luoghi, io vi ravviso.—Милая княгиня, я печатаю въ эту минуту всѣ мои стихотворенія, и какъ только они появятся въ печати, я буду искать случая вамъ ихъ переслать; я говорю—случая, потому что вы знаете, въ какія заблужденія впадаетъ наша почта. Я такъ же намѣреваюсь вамъ поднести новое изданіе „Іоанна", съ проектомъ постановки. Скажите, пожалуйста, нашему милому и доброму Листу, съ какой дружбой, съ какимъ уваженіемъ мы думаемъ о немъ. Скажите ему, что я его цѣлую отъ всего сердца, и что я его часто вижу во снѣ.

Прощайте и *до свиданія*, милая княгиня, да хранитъ васъ Богъ; сохраните добрую память вашему дружески-преданному—А.Т.

---

[1]) Нѣкое божество, нѣкій рокъ, болѣе сильный, чѣмъ мы.

[2]) При мысли объ этомъ *металлѣ* у меня захватываетъ голосъ, я чувствую, что умираю.

LI.

9-го мая 1869.

Дорогая и прекрасная княгиня, вы имѣете полное право считать меня за невѣжду или хуже этого,—за неблагодарнаго: я теперь лишь отвѣчаю на ваше декабрьское письмо,—а въ сущности, я только славянинъ. Вы составляете исключеніе въ этомъ племени, но вы его понимаете, также какъ и все остальное понимаете. Я не извиняюсь, мнѣ было бы это невозможно, я констатирую фактъ: я—славянинъ, и вотъ какъ я оказался онымъ по отношенію къ вамъ: ваше письмо дошло до меня въ ту минуту, когда я садился въ карету съ женой, чтобы ѣхать въ Одессу; ну хорошо, я себѣ сказалъ, изъ Одессы напишу княгинѣ! Когда я пріѣхалъ туда на короткое время, тысячу вещей захватили меня, и я себѣ сказалъ: напишу вернувшись. Между тѣмъ наше пребываніе въ Одессѣ продлилось, а по пріѣздѣ сюда, другія тысяча вещей стали меня дергать во всѣ стороны, такъ что вотъ я и оказался почти-что грубымъ по отношенію къ той, къ которой я чувствую столько же благодарности, сколько уваженія и преклоненія. Это не фразы, дорогая княгиня, я передъ вами очень искренно преклоняюсь за многое, а въ эту минуту, главное, за чрезвычайную тонкость и чрезвычайную проницательность вашего ума, который вполнѣ философическій, христіанскій и глубоко эстетическій . . . . . .

. . . .

Какъ вы съумѣли—вы, которая имѣете такъ рѣдко случай читать или слушать русскій языкъ—понять столь хорошо, столь тонко и въ такихъ подробностяхъ всѣ намѣренія моей трагедіи... Принимая въ соображеніе все, чтò вы, вашей добротой, можетъ быть, прибавили къ моимъ качествамъ, я все-таки нахожу *большую* награду для автора, когда его такъ понимаютъ и догадываются во всемъ, чтò онъ хотѣлъ сказать, во всемъ до малѣйшихъ оттѣнковъ! Языкъ этой драмы—архаическій, вы не могли понять всѣхъ выраженій; есть и русскіе, которые ихъ не поймутъ. Какое у васъ должно быть *чутье*, какимъ чувствомъ художества вы должны обладать, чтобы такъ умѣть прочесть между строками самыя сокровенныя складки моей души? Вы—самый большой критикъ нашего времени; не оттого, что вы меня хвалите (далеко отъ меня это фатовство), но оттого, что вашъ анализъ не уступаетъ вашему синтезу; и вы, какъ сибилла, которая едва увидитъ человѣка, и уже можетъ ему разсказать его про-

шедшее и можетъ повергнуть его въ смущеніе—тѣмъ свѣтомъ, которымъ она озаритъ все его существо.

Какъ я счастливъ, что вы придаете *архитектурѣ* драмы такую же цѣну, какъ и я! Да, княгиня, я преклоняюсь передъ колоритомъ, я его ищу, я его уважаю, но колоритъ *безъ линіи* не можетъ быть допущенъ: *линія*—главное дѣло во всѣхъ искусствахъ.

Вотъ отчего я всегда готовъ уничтожить сцены, даже когда онѣ удачны, если онѣ мѣшаютъ общей архитектурѣ.

Какъ бы ни былъ увлекателенъ и удаченъ эпизодъ, я его уничтожаю, безъ всякаго милосердія, когда я нахожу, что онъ безполезенъ. Если у меня есть достоинство, то это то, что я могу уничтожить цѣлыя дѣйствія, очень одобренныя при чтеніи, —уничтожить ихъ, несмотря на мнѣнія друзей, если въ душѣ и по совѣсти я чувствую, что они разстраиваютъ то единство, къ которому я шелъ. И какъ я счастливъ, что вы выражаете ту же вѣру! Въ драматическомъ искусствѣ, болѣе чѣмъ въ другомъ, главная цѣль, къ которой надо стремиться—не говорить ничего лишняго, но и не пропускать ничего необходимаго. Я не знаю, достигъ ли я этого, но я знаю, что я ничего не жалѣлъ для этой цѣли, и если всякая изъ моихъ трагедій содержитъ отъ 2.500 до 3.000 стиховъ, то, конечно, я уничтожилъ вдвое противъ этого во всякой изъ нихъ.

Мнѣ кажется, что главная заслуга художника, въ какомъ бы то ни было искусствѣ, состоитъ не въ томъ, чтобы создавать, а въ томъ, чтобы зачеркивать. Когда человѣкъ не лишенъ хоть какого-нибудь таланта,—невозможно, если онъ будетъ *много* работать, чтобы онъ не сдѣлалъ хоть что-нибудь хорошее.

И вотъ тутъ-то нужно умѣть понимать, что̀ сдѣлалъ хорошаго, и быть неумолимымъ для остального, уничтожать, зачеркивать все, до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаешь что-нибудь подходящее къ тому, что̀ по душѣ и совѣсти считаешь хорошимъ.

Только этимъ способомъ можно дойти до созданія чего-нибудь цѣльнаго,—не совершеннаго, можетъ быть, но соотвѣтствующаго тѣмъ силамъ, которыми обладаешь. Мнѣ кажется, что вообще причина упадка нашей современной литературы,—я говорю о литературѣ всѣхъ странъ,—это слишкомъ большая слабость, слишкомъ большое снисхожденіе, которое питаютъ къ самимъ себѣ.

Благодарю васъ, что вы признали во мнѣ отсутствіе этого снисхожденія!

Fiat justitia, pereat mundus!—вотъ мой девизъ въ мірѣ искусства.

При всемъ томъ, „Ѳедоръ“ не появится на сценѣ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ его *опаснымъ*.

Вы скажете, что это черезчуръ бояэливо. Я съ вами согласенъ; но что бы ни было, я продолжаю писать моего „Бориса", какъ будто онъ долженъ быть на сценѣ. Я написалъ еще только два акта, но моя жена ихъ одобряетъ, и я желалъ бы быть увѣренъ и въ вашемъ одобреніи.

Кромѣ этого, я написалъ еще четыре большія баллады изъ норманско-русской эпохи; я перевелъ двѣ баллады Гёте: „Коринѳская Невѣста" и „Богъ и Баядерка". Первую многіе изъ нашихъ поэтовъ начинали переводить, но никто не окончилъ. Говорятъ, что мой переводъ удаченъ. Потомъ я еще написалъ нѣсколько маленькихъ стихотвореній. Къ несчастію, я славянинъ, и пишу, какъ пьяницы пьютъ *запоемъ*,—можетъ быть, вы знаете, что̀ это значитъ. Я хочу сказать, я пишу только временами, но уже тогда всей душой. Такъ какъ вы очень добры ко мнѣ и такъ артистичны, то, можетъ быть, я найду силъ, чтобы побороть мою лѣнь, и перепишу эти баллады, чтобы вамъ послать. Я не боюсь, что вы ихъ не поймете,—*вы, которая все понимаете.* То, что̀ *архаично* въ выраженіяхъ, вы поймете вашею столь большою способностью *интуиціи*; я не могу достаточно вамъ повторять, насколько я пораженъ вашею способностью все понимать. Всѣ журналы напали на меня съ кулаками за „Царя Ѳедора". Они увѣряютъ, что такое слабое существо, какъ онъ, годится только для водевиля, и т. д... Но я вполнѣ награжденъ *вашимъ* сужденіемъ.

...Благодарю васъ тоже за ваше милое объясненіе нашего *непріѣзда* въ Римъ. Къ несчастію, я долженъ отвергнуть это объясненіе. Я не останусь въ Россіи—для того, чтобы поближе видѣть Россію. Страшно сказать,—но не только *любишь* больше свою страну издали, но *и видишь ее* лучше, и лучше *понимаешь*.

Вспомните, что нашъ наибольшій геній, Гоголь, тотъ, который полною справедливостью можетъ называться *всемірнымъ геніемъ*, написалъ свои „Мертвыя Души" именно въ Римѣ.

Римъ никому не чуждъ, всякій находитъ въ немъ свою родину, съ какого бы края свѣта онъ ни пришелъ... Вамъ, которая все понимаете, я могу сказать, что я не беру здѣсь Римъ въ смыслѣ религіозномъ, но въ смыслѣ универсальномъ, что̀ можетъ быть то же самое, но понято иначе, чѣмъ понимаетъ его католическій догматизмъ. Римъ—*роковое* мѣсто; я бы желалъ умереть въ Римѣ, не переставая при этомъ считать себя русскимъ; въ сущности я не знаю, обвините ли вы меня въ чувствѣ, которое я имѣю, а именно: я не принадлежу ни къ какой странѣ и

что я въ него вложилъ ту же добросовѣстность, какъ и въ мои первыя двѣ трагедіи, а сверхъ того у меня теперь—опытность. Вы будете довольны развитіемъ характера Бориса, но одобрите ли вы или будете порицать то, что лже-Дмитрій у меня не появляется? Бой, въ которомъ погибаетъ мой герой, это—бой съ призракомъ его преступленія, воплощеннымъ въ таинственное существо, которое ему грозитъ издалека, и разрушаетъ все зданіе его жизни. Я думаю, что я достигъ этимъ бо́льшаго единства, и вся моя драма, которая начинается вѣнчаніемъ Бориса на царство, не что̀ иное, какъ гигантское паденіе, оканчивающееся смертью Бориса, происшедшей не отъ отравы, а отъ упадка силъ виновнаго, который понимаетъ, что его преступленіе было *ошибкой*. Я вамъ писалъ и теперь вамъ повторяю, что если я обреченъ на то, чтобъ никогда не имѣть ни одного слушателя и ни одного зрителя, или еслибъ я сдѣлался посмѣшищемъ публики, какъ я теперь служу посмѣшищемъ критики,—я все-таки продолжалъ бы писать для двухъ людей, для васъ и для моей жены,—потому что ни отъ той, ни отъ другой, не ускользаетъ ни одно изъ моихъ намѣреній; я больше преклоняюсь передъ вами, чѣмъ передъ ней, потому что я не съ вами, чтобъ вамъ говорить, чего я хотѣлъ, когда писалъ, и все-таки вы отгадываете вашимъ чутьемъ, которому я не знаю равнаго.

Я думалъ ѣхать въ Вѣну этимъ лѣтомъ, чтобъ повидать княгиню Гоэнлоэ, но такъ какъ она была въ Ишлѣ, то я ей послалъ нѣмецкій переводъ „Смерти Іоанна“, основываясь на вашемъ разрѣшеніи. Она мнѣ отвѣчала прелестнымъ письмомъ, и въ почеркѣ дочери, мнѣ казалось, я узнаю почеркъ матери. „Царь Ѳедоръ“ великолѣпно переведенъ на нѣмецкій языкъ г-жей Павловой, и вы первая получите переводъ, какъ только онъ будетъ напечатанъ. Его читали въ Вартбургѣ, и великій герцогъ намѣревается поставить его въ Веймарѣ. Засимъ, милая княгиня, да хранитъ васъ Богъ,—до Одессы.

LIII.

Венеція.—25 марта 1872.

Какъ васъ благодарить за вашъ знакъ памяти, который дошелъ до меня черезъ г-жу М., и который я такъ мало заслужилъ моимъ долгимъ молчаніемъ! Что же касается вашего письма насчетъ „Бориса“, я вамъ отвѣчалъ длиннымъ письмомъ, какъ только получилъ ваше, и я въ отчаяніи (хотя не удивленъ), что вы его не получили.

Это случается слишкомъ часто. Что̀ меня особенно огорчаетъ, это то, что вы говорите: „можетъ быть, я недостаточно поняла?"... Еслибы вы получили мое письмо, вы бы увидѣли, насколько я *былъ счастливъ*, что вы меня такъ хорошо поняли. Только вы, какъ всегда, —вы прежде всего замѣтили все, что̀ есть хорошаго въ „Борисѣ", и немного закрыли глаза на его недостатки, изъ которыхъ главнѣйшій — *отсутствіе единства*. Вы хорошо сказали, что эта драма—пьедесталъ, воздвигнутый мною для „Бориса", но вы не захотѣли замѣтить, что подробности этого пьедестала затмѣваютъ статую, и что отъ этого главное лицо, т.-е. Борисъ, остается почти бездѣятеленъ.

Его историческая бездѣятельность не есть извиненіе для поэта, и если есть смягчающія обстоятельства для него, это лишь въ томъ, что его драма, въ сущности, не есть драма, а только катастрофа трилогіи, и имѣетъ лишь это одно достоинство, если таковое у нея есть.

Я не хочу унижаться паче гордости, и сознаю, что есть хорошія сцены въ „Борисѣ", и что эти сцены могутъ быть эффектны въ театрѣ; но онѣ безпорядочны и держатся между собой только тѣмъ, что всѣ относятся нѣкоторымъ образомъ къ главному лицу. Г-жа Павлова отнеслась болѣе строго къ „Борису", чѣмъ вы, и не хотѣла его переводить. Но зато я очень былъ удивленъ и пріятно пораженъ, получивъ здѣсь нѣсколько отрывковъ перевода князя Эмиля Витгенштейна, который уже дошелъ въ своемъ переводѣ до 4-го акта. Его переводъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ ошибокъ по отношенію техническихъ выраженій, и красивъ, и поэтиченъ.

...Я думаю, что до моего возвращенія въ Россію онъ его окончитъ и издастъ, и тогда я вамъ пошлю одинъ или два экземпляра для васъ, и главное—для Листа, котораго я не съумѣю достаточно благодарить за его память; эта память мнѣ дѣлаетъ честь и всякій разъ меня трогаетъ съ одинаковой силой, т.-е всякое дружеское заявленіе съ его стороны мнѣ такъ же дорого, какъ первое.

Вообще, очень трудно исчерпать мою благодарность—и меня не надо судить по моимъ припадкамъ молчанія.

Что̀ я вамъ скажу о моихъ занятіяхъ? Я написалъ много маленькихъ стихотвореній, балладъ и другихъ; нѣсколько изъ нихъ уже переведены по-нѣмецки; но моя главная работа (Hauptwerk), которую я началъ и которая прервана головными болями и отсутствіемъ нравственнаго спокойствія, это—новгородская драма XIII-го столѣтія; она будетъ называться: „Посадникъ".... Одно

дѣйствіе окончено, другія же только набросаны, и я жду „счастливой минуты“, чтобы засѣсть за работу.

Такъ какъ сюжетъ не историческій, а взятъ лишь изъ нравовъ того времени и того города, то у меня шире поле, и я могъ сдѣлать „ein regelrechtes Stück“ съ „Steigerung“, „Höhenpunkt“ и т. п.... Эта работа меня привлекаетъ; лишь бы наступилъ благопріятный часъ, я надѣюсь ее скоро докончить.

Но вы напечатали сочиненіе о буддійской религіи и о браминахъ, которыми вы были заняты при послѣднемъ нашемъ пребываніи въ Римѣ. Надѣюсь, что вы меня удостоите прочесть его, и что вы мнѣ его вышлете... Если ваша доброта ко мнѣ внушитъ вамъ желаніе написать мнѣ нѣсколько словъ, то благоволите адресовать ихъ въ Миланъ—до востребованія. Прежде чѣмъ закончить мое письмо, я вамъ скажу, что я очень счастливъ, и могу вамъ сказать, что я *вагнеризируюсь* все болѣе и болѣе, (конечно, музыкально), и что мой мозгъ, или мои уши, или мое сердце, отверзлись для многихъ красотъ, которыя до сихъ поръ не были мнѣ доступны; такъ что теперь итальянская музыка мнѣ кажется немного безцвѣтна, немного холодна; но зато я способенъ слушать „Лоэнгрина“ или „Тангейзера“ два раза сряду, въ одинъ присѣстъ, даже еслибы было возможно, то послѣ послѣдняго удара смычка готовъ начать снова слушать оперу. Я исключаю „Ночную Сцену“ Лоэнгрина до фразы: Es giebt ein Glück das ohne Reu, etc...

Эту сцену я еще не переварилъ. Въ Берлинѣ моя жена познакомилась съ m-me Schleinitz; онѣ почувствовали себя очень близкими другъ къ другу—и однихъ и тѣхъ же вѣрованій.

Да хранитъ васъ Богъ, а вы простите мнѣ и мое молчаніе, и мою болтовню.

LIV.

Красный-Рогъ.—26 мая (8 іюня) 1873.

Сейчасъ получилъ ваше доброе письмо отъ 26-го мая (н. ст.)...

Какъ я счастливъ, что моя баллада нравится Листу. Проѣзжая черезъ Дрезденъ, я ее отдалъ m-me Павловой, и она въ два дня уже перевела семь строфъ—великолѣпно. Какъ только переводъ будетъ готовъ, она пошлетъ одинъ экземпляръ Листу, одинъ мнѣ, и я сейчасъ же перешлю вамъ копію.

Вы спрашиваете извѣстія *о насъ*. Увы, они не важны. Моя жена опять не можетъ читать, а я отъ Рима до Краснаго-Рога

страшно мучился головными болями. Хотя по переѣздѣ черезъ Альпы онѣ не посѣщали меня всякій день—приходили и уходили; но отъ Варшавы до Краснаго-Рога у меня болѣла голова, не переставая, 44 часа, что почти меня свело съума. Теперь все это перешло въ невралгію, т.-е. не голова болитъ, а глаза, зубы, плечо, спина неистово болятъ. Но для меня это лучше, и я съ этимъ помирился бы, еслибы это не отнимало у меня всякую возможность заниматься.

Вы видите, что еще и рѣчи нѣтъ о „Посадникѣ".

Я думаю, что я начну съ того, что буду оканчивать маленькую поэму риомованными октавами; я написалъ ее этой зимой въ Флоренціи, и она не требуетъ столь серьезной работы, какъ драма. Сюжетъ немного идиллическій. Это что-то въ родѣ какой-то „Dichtung und Wahrheit", воспоминаніе дѣтства, на половину правдивое, любовь мальчика къ картинѣ. Da braucht man sich nicht anzustrengen [1]).

Наша племянница X. здѣсь со своими двумя дѣтьми, и завтра пріѣзжаетъ ея мужъ. Она мнѣ поручаетъ напомнить вамъ о себѣ; моя жена шлетъ вамъ тысячу дружескихъ привѣтовъ—и благодаритъ васъ за ваши, а я цѣлую вамъ руку и жму ее изо всѣхъ силъ... она не рискуетъ быть раздавленной въ эту минуту!

LV.

Флоренція.—7 апрѣля 1873.

Ваше доброе письмо меня не удивило, такъ какъ ничто хорошее не можетъ меня удивить съ вашей стороны, но оно меня тронуло и переполнило благодарностью...

Конечно, я вамъ пошлю другой экземпляръ „Серебрянаго"; я очень счастливъ, что вы этого желаете, но на какой языкъ хочетъ Капнистъ, чтобы его перевели? Прошлою зимою появился въ „Perseveranza" великолѣпный переводъ этого романа, сдѣланный Patuzzi, профессоромъ въ Веронѣ, съ содѣйствіемъ г. Задлера. По отношенію вѣрности это совершенный chef-d'oeuvre; жена и я мы были очень удивлены, съ какою легкостью переданы всѣ архаизмы и idiotismes русскаго языка.

Я, кажется, вамъ уже писалъ, что я началъ драму новгородскую изъ нашей хорошей русской эпохи XIII ст. Я написалъ три дѣйствія; но, несмотря на весь интересъ, который я чувствую,

---

[1]) Относится къ поэмѣ „Портретъ".

вотъ уже цѣлый годъ, какъ я до него не дотрогивался—„die Stimmung fehlt mir". Но зато я написалъ нѣсколько баллядъ и другихъ стихотвореній во Флоренціи. Черезъ два дня я буду въ Римѣ—увы! на одинъ день проѣздомъ въ Сорренто, куда Императрица имѣла доброту меня пригласить, когда она проѣзжала здѣсь. Я долженъ былъ уже давно выѣхать, но доктора меня задержали и мои головныя боли. Какой бы ни былъ короткій срокъ моего пребыванія въ Римѣ—мнѣ очень хочется вамъ что-нибудь прочесть. Моя жена не ѣдетъ со мной, она возвращается въ Россію черезъ Константинополь, чтобы видѣть нашу племянницу, которую вы знаете.

Будущій годъ, т.-е. эту зиму, мы надѣемся провести въ Римѣ, и тогда я васъ буду просить меня сильно пришпорить, чтобы подвинуть впередъ мою драму, если она до тѣхъ поръ не будетъ кончена.

LVI.

Флоренція. Віа Ферруччіо, № 5.—17 февраля 1875.

Какая вы добрая—и какой я отвратительный! Я никакихъ извиненій не нахожу, чтобы объяснить свое молчаніе, послѣ полученія вашего прелестнаго письма, переданнаго мнѣ Бутеневымъ въ Парижѣ,—*никакихъ*! Итакъ, я не буду стараться извинять себя, и пусть эпитетъ, которымъ я себя обозвалъ съ искренней убѣжденностью, будетъ мнѣ наказаніемъ. Я получилъ ваше письмо въ день моего отъѣзда, и до сихъ поръ я ношу его на себѣ. Вы меня спрашиваете о моемъ здоровьѣ. Послѣ того что я васъ видѣлъ, на моемъ пути изъ Сорренто, два года тому назадъ, я не переставалъ до прошлой осени очень страдать отъ моихъ невралгій въ головѣ и въ спинѣ. Я провелъ прошлую зиму въ Ментонѣ около Ниццы. Меня привезъ туда докторъ, такъ какъ я былъ въ деревнѣ, въ Малороссіи, чуть живымъ, и, какъ я узналъ впослѣдствіи, была минута, когда я былъ приговоренъ безнадежно. Вслѣдствіе того мой дядя Перовскій и мой превосходный другъ Алексѣй Бобринскій пріѣхали изъ Петербурга ко мнѣ, думая присутствовать при моемъ послѣднемъ издыханіи. Господь этого не захотѣлъ, и послѣ мучительной зимы въ Ментонѣ я поѣхалъ въ Карлсбадъ и оттуда въ Малороссію, гдѣ простой уѣздный врачъ, вашъ соотечественникъ, г. Корженевскій, принесъ мнѣ огромную пользу, давши мнѣ литіумъ, металлъ новооткрытый, который какъ будто волшебною силою прекратилъ всѣ мои страданія. Въ сентябрѣ я поѣхалъ въ Парижъ въ намѣреніи ждать тамъ мою жену и съ ней отпра-

виться въ Англію, чтобы провести зиму въ Торки. Но д-ръ Боткинъ, сопровождающій Императрицу, во время его проѣзда черезъ Парижъ, мнѣ рѣшительно это запретилъ и предписалъ мнѣ Флоренцію. Но въ теченіе этого времени невралгія вернулась еще сильнѣе и перешла въ странную болѣзнь, названную „зона“, которая состоитъ въ томъ, что половина торса точно подвергнута была настоящему обжогу раскаленнымъ желѣзомъ или кипяткомъ. Страданья невообразимыя, постоянныя, и продолжались болѣе мѣсяца, доводя меня иногда до крика.

...Видите, дорогая княгиня, какъ я позволяю себѣ пространно говорить вамъ о самомъ себѣ. Это не въ моихъ привычкахъ, но я убѣжденъ, что ваше сочувствіе искренно, и я у васъ не прошу прощенья за всѣ подробности.

Что касается моихъ литературныхъ занятій, увы!—они не существовали за эти послѣдніе два года. Я едва могъ написать письмо,—и то какихъ это усилій мнѣ стоило! Но со мной случилась странная вещь, которую я хочу вамъ разсказать: во время моей большой болѣзни въ деревнѣ, такъ какъ я не могъ ни лечь, ни спать сидя, я какъ-то ночью принялся писать маленькое стихотвореніе, которое мнѣ пришло въ голову. Я уже написалъ почти страницу, когда вдругъ мои мысли смутились, и я потерялъ сознаніе.

Пришедши въ себя, я хотѣлъ прочесть то, что̀ я написалъ; бумага лежала передо мной, карандашъ тоже, ничего въ обстановкѣ, окружающей меня, не измѣнилось,—а вмѣстѣ съ тѣмъ я не узналъ ни одного слова въ моемъ стихотвореніи. Я началъ искать, переворачивать всѣ мои бумаги, и не находилъ моего стихотворенія. Пришлось признаться, что писалъ *безсознательно*, а вмѣстѣ съ тѣмъ мною овладѣла какая-то мучительная боль, которая состояла въ томъ, что я непремѣнно хотѣлъ вспомнить что-то, хотѣлъ удержать какую-то, убѣгающую отъ меня, мысль.

Это мучительное состояніе становилось такъ сильно, что я пошелъ будить мою жену; она, съ своей стороны, велѣла разбудить доктора, который велѣлъ мнѣ сейчасъ же положить льду на голову и горчишники къ ногамъ—тогда равновѣсіе установилось. Стихотвореніе, которое я написалъ совершенно *безсознательно* (tout-à-fait sans conscience—nicht unverschämt, sondern unbereut), недурно, и напечатано въ январьской книжкѣ этого года „Вѣстника Европы“. Оно начинается слѣдующими словами:

Прозрачныхъ облаковъ спокойное движенье...

Во всякомъ случаѣ, это — явленіе патологическое, довольно

странное. Три раза въ моей жизни я пережилъ это чувство—хотѣть уловить какое-то неуловимое воспоминаніе—но я не желалъ еще разъ пройти черезъ это, такъ какъ это чувство очень тяжелое и даже страшное. Въ томъ, что̀ я написалъ, есть какого-то рода предчувствіе—близкой смерти. Но, какъ видите, это не сбылось, что̀ доказываетъ еще разъ, что нельзя вѣрить предчувствіямъ. Я далеко отъ всякихъ мрачныхъ мыслей, и мнѣ хочется пѣть тра-ла-ла!..

Относительно же моей нравственной „Stimmung" (настроенія), она—совершенно такая же, какъ была у меня въ 20 лѣтъ, и если только такъ продолжится, то я надѣюсь эту зиму не быть литературнымъ эвнухомъ...

...Я очень счастливъ, что могу вамъ послать „Слѣпого" въ переводѣ г-жи Павловой; я сперва было-отослалъ его ей обратно —въ припадкѣ кокетства, такъ какъ я его не нашелъ довольно хорошимъ, т.-е. довольно достойнымъ ея. Съ моей стороны это было „Hochmuth" (высокомѣріе), такъ какъ переводъ недуренъ, и иныя строфы, первыя, переведены великолѣпно; но я такъ привыкъ видѣть одни chef-d'oeuvre изъ-подъ ея пера, что я къ ней придрался... и просилъ болѣе точнаго перевода, котораго она не сдѣлала, и теперь я буду у нея съ повинной головой просить обратно переводъ, какъ онъ есть, и вамъ его доставлю, какъ только получу. Я не нахожу словъ, чтобы благодарить Листа за его желаніе употребить свой геній для изложенія пѣсни моего сердца, и честь, которую онъ хочетъ мнѣ сдѣлать, наполняетъ меня гордостью и радостью; я тоже не могу выразить ему, насколько я тронутъ и благодаренъ за его дружбу. Я его часто вижу во снѣ, и чувство, которое я тогда испытываю,—чувство *безграничнаго* преклоненія, которое меня возвышаетъ въ моихъ собственныхъ глазахъ.

Скажите ему, что я его люблю—вотъ все, что̀ я могу выразить словами. Вы меня спрашиваете, что̀ дѣлаетъ новгородскій мэръ? Онъ на бумагѣ не подвинулся ни на шагъ, изъ-за причинъ, которыя я вамъ уже говорилъ, но онъ крѣпко сидитъ у меня въ головѣ съ измѣненіями, которыми я обязанъ вашему поэтическому и артистическому чувству, т.-е. я рѣшительно заставлю его умереть въ послѣдней сценѣ. Что касается *до любви къ портрету*, это окончено и напечатано въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ „Вѣстника Европы, и оно имѣетъ большой успѣхъ между литераторами—не-газетчиками. Эти же послѣдніе, какъ всегда, забрызгали его пѣной. Это своего рода знакъ уваженія, который я принимаю съ нѣкоторою гордостью. Не имѣвъ возможности самому писать, я воспользовался въ Карлсбадѣ присутствіемъ одной моей кузины,

кн. Львовой, чтобы ей продиктовать мой послѣдній сборникъ стихотвореній. Я хотѣлъ его напечатать въ Берлинѣ, но, вѣрный моему славянскому характеру, откладываю дѣло со дня на день, и рукопись находится еще при мнѣ.

Можетъ быть это къ лучшему, такъ какъ если я буду продолжать въ такомъ же смыслѣ, я не просижу во Флоренціи сложа руки. Моя бѣдная жена очень страдаетъ глазами. Она прежде проводила дни и ночи за чтеніемъ, и потому чувствуетъ себя потерянной съ тѣхъ поръ, какъ не можетъ читать даже полчаса сряду. Она вамъ шлетъ свои дружескіе привѣты, самыя горячія выраженія дружбы, и надѣется васъ видѣть весной, такъ какъ она намѣрена ѣхать въ Римъ, чтобы искать квартиру для будущей зимы. Если мы найдемъ квартиру, я буду очень счастливъ и разсчитываю на васъ, что вы меня наэлектризируете. Прощайте—до свиданія, дорогая, добрая княгиня. Моя жена присоединяется ко мнѣ, чтобы сказать Листу—все, чт̀о мы къ нему чувствуемъ и чт̀о могло бы быть выражено музыкой, и то только музыкой, исходящей изъ него самого.

LVII.

Флоренція.—Віа Ферруччіо, 5.—19 мая 1875.

Я не знаю, какъ и чѣмъ я заслужилъ съ вашей стороны то горячее и *живительное* вниманіе, съ которымъ вы относитесь ко мнѣ, какъ къ поэту и человѣку, потому что для васъ и для меня эти два качества нераздѣльны. Мнѣ стыдно, что я васъ заставилъ ждать того, чт̀о я считаю вашимъ даромъ ко мнѣ, и чт̀о заставляло бы меня писать, даже еслибъ никто кромѣ васъ этимъ не интересовался. Какъ вы хотите, чтобъ я просилъ Гиллебрандта, котораго я знаю и котораго люблю, чтобъ онъ занялся копіей, когда у этого человѣка серьезныя занятія! Я вамъ все-таки перепишу мою балладу, и такъ какъ вамъ безразлична каллиграфія, то я, не стѣсняясь, буду перечеркивать въ моей рукописи. Но я все-таки передамъ Гиллебрандту вашу записку, и скажу ему, что я не имѣлъ храбрости къ нему обратиться.—Мои удушья идутъ дѣйствительно своимъ чередомъ; я думаю, что я покинулъ бы Флоренцію галопомъ, еслибъ не серьезная болѣзнь жены моего двоюроднаго брата...

Вы желаете имѣть мои терцины, но ихъ 580. Мнѣ было бы тяжело ихъ переписывать, а послать рукопись карандашомъ, перечеркнутую и замаранную, было бы безполезно. Я предпочитаю разсказать вамъ сюжетъ. Это „pastiche“,—якобы переводъ съ

итальянскаго [1]). Моя жена, у которой есть чутье къ этимъ вещамъ и которая вообще очень строга по отношенію ко мнѣ,—говоритъ, что это удалось.

Оружейникъ изъ Милана разсказываетъ, что онъ служилъ въ арміи гвельфовъ, во время войнъ съ Барбароссой, и послѣ проигранной битвы, гдѣ былъ убитъ ихъ вождь, ему было поручено этимъ умирающимъ вождемъ доставить вѣсть въ Кіавенну. Онъ отправляется въ горы съ своимъ ученикомъ и сбивается съ пути. Они влѣзають на вершину, чтобы осмотрѣться, и тамъ видятъ спящаго дракона, котораго они въ началѣ принимаютъ за изваяніе. Ученикъ бросаетъ въ него камнемъ; драконъ медленно просыпается, оживляется, спускается въ долину и начинаетъ съ того, что съѣдаетъ ихъ лошадь, которая привязана къ дереву. Затѣмъ онъ достигаетъ поля битвы и проглатываетъ тѣла ихъ убитыхъ товарищей,—все это они видятъ съ вершины скалы. Достигнувъ Кіавенны, они ее находятъ въ рукахъ гибеллиновъ; затѣмъ слѣдуетъ взятіе и разрушеніе Милана. Разсказчикъ объясняетъ появленіе дракона *знаменіемъ*, относящимся къ Барбароссѣ, и кончаетъ тѣмъ, что проклинаетъ тѣ города, которые перешли на его сторону. Все достоинство разсказа состоитъ въ *большомъ правдоподобіи невозможнаго факта*, которое моя жена, вполнѣ расходящаяся со мной въ литературномъ направленіи, называетъ *грандіознымъ*. На мой вопросъ, можетъ ли это сойти за переводъ поэмы временъ происшествія, моя жена отвѣтила: *да*. Что касается меня, то мнѣ оно нравится; но гдѣ такой авторъ, которому бы не нравилось произведеніе, только-что оконченное?!

Пока я вамъ еще не послалъ балладу „Blinder Sänger"; вотъ вамъ другая, написанная женской дружеской рукой, которая тоже можетъ интересовать Листа, и которая, можетъ быть, подошла бы подъ музыкальное изложеніе. Она тоже одобрена моей женой, которая меня не балуетъ; вслѣдствіе ея замѣчаній, я уничтожилъ болѣе тысячи стиховъ. Вообще, если я имѣю какое-нибудь достоинство—то именно способность уничтожать безъ милосердія.

Я не злоупотребляю вспрыскиваніями морфина и продолжаю уменьшать дозы. Но, все-таки, они не только останавливаютъ боли, но оживляютъ мои умственныя силы, и еслибъ они все это дѣлали даже (но этого нѣтъ!) въ ущербъ моему здравію,—къ чорту здоровье, лишь бы существовало искусство: нѣтъ другой такой вещи, для которой стоило бы жить, кромѣ искусства! Да хранитъ васъ Богъ.

---

[1]) См.: „Литературная исповѣдь гр. А. К. Толстого", въ его письмѣ къ Де-Губернатису („Вѣстникъ Европы", 1875 г., дек., 877 стр.).

LVIII.

Флоренція.—28 мая 1875.

Третьяго дня я рѣшился разрѣзать гордіевъ узелъ и послать вамъ рукопись карандашомъ—г-жи Павловой; я долженъ былъ бы это сдѣлать давно, но тутъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, я неудачно заупрямился, т.-е. я хотѣлъ вамъ переписать, но этого не вышло. У меня бывало по нѣскольку невыносимыхъ припадковъ удушья ежедневно, и я себѣ сказалъ, что это было бы слишкомъ сильнымъ наказаніемъ, и что вы, пожалуй, увидите неохоту тамъ, гдѣ было только желаніе доставить вамъ что-нибудь разборчивое. Дѣйствительно, рукопись г-жи Павловой не можетъ быть послана Листу въ такомъ видѣ; надѣюсь, что вы найдете въ Римѣ какого-нибудь хорошаго нѣмца, который возьмется сдѣлать болѣе возможную копію. Что касается меня, то я такого не знаю во Флоренціи; самъ же я не былъ къ тому годенъ, и не хотѣлъ воспользоваться вашей дружбой, чтобы нагрузить этимъ Гиллебрандта. Итакъ, простите и поймите меня. Нужно было бы быть безъ сердца и безъ ума, чтобъ не быть осчастливленнымъ предложеніемъ Листа и не схватиться за него обѣими руками, а я имѣлъ видъ, какъ будто меня должны просить, но вы, съ вашимъ чутьемъ, вы меня въ этомъ не обвините. Я вполнѣ понимаю, что другая баллада слишкомъ разбита на куски и слишкомъ саккадирована для музыки, и теперь я желаю только одного: это—чтобы переписчикъ хорошо прочелъ то, что̀ написано карандашомъ г-жей Павловой, и переписалъ бы безъ слишкомъ многихъ ошибокъ. Я хорошо помню, что при нашемъ послѣднемъ свиданіи вы имѣли мысль назвать балладу „Sänger's Legen" (Благословеніе пѣвца). Откровенно говоря, я не хотѣлъ бы этого заглавія, потому что оно отняло бы у баллады ея автоматическій характеръ и сдѣлало бы изъ нея, въ нѣкоторомъ родѣ, un pendant или отвѣтъ на стихотвореніе Уланда: „Sänger's Fluch" (Проклятіе пѣвца). Мнѣ кажется, что: „Der Blinde" (Слѣпой), или „Der Blinde Sänger" (Слѣпой пѣвецъ) подходитъ лучше и не содержитъ никакой полемической мысли. Милая княгиня, какъ я хотѣлъ бы подолгу съ вами бесѣдовать, но я долженъ отложить это желаніе и мою потребность до другого раза, потому что мнѣ тяжело писать. Чтобъ набросать на бумагѣ эти немногія строки, я садился и вставалъ по многу разъ. . . . .

Итакъ, мы уѣзжаемъ въ воскресенье, и ѣдемъ, съ остановками, въ Карлсбадъ, избѣгая путешествоватъ въ жару, которая—мой врагъ.

Мы думаемъ провести будущую зиму, увы!—не въ Римѣ, а

въ Парижѣ, гдѣ я предприму курсъ леченія массажемъ и пассивной гимнастикой. . . . .

Пишите мнѣ, пожалуйста, въ Карлсбадъ, и когда баллада будетъ переписана, верните мнѣ оригиналъ. Да хранитъ васъ Богъ, милая, милая княгиня. Сердечно вашъ—Алексѣй Толстой.

Дѣйствительно, часть лѣтняго сезона въ 1875 г. гр. А. К. Толстой провелъ, какъ и предполагалъ въ послѣднемъ письмѣ, въ Карлсбадѣ, гдѣ онъ читалъ И. С. Тургеневу и намъ черновую упоминаемой имъ въ предъидущемъ письмѣ легенды „Драконъ", и вскорѣ переслалъ намъ изъ Карлсбада на-чисто переписанную причетникомъ мѣстной церкви рукопись, съ письмомъ. Это было въ половинѣ іюня 1875 г., мѣсяца за три до смерти поэта, 28 сентября. Въ этотъ день онъ былъ такъ веселъ, разговорчивъ и, казалось, полонъ силъ, что никакъ нельзя было предполагать такой близости катастрофы. Получивъ отъ насъ скоро отвѣтъ на извѣщеніе о полученной отъ него рукописи, онъ писалъ намъ въ послѣдній разъ 22 іюня, какъ всегда, пересыпая серьезную рѣчь шутками. Вотъ, напримѣръ, его адресъ на этомъ письмѣ: „Carlsbad, Marienbaderstrasse, Haus „Stadt Wien". 4-го іюля (22 іюня). Свящ.-муч. Евсевія. Мчц. Юліаніи, Зины (Ап. Рим. V, 1—10; Ев. Матѳ. VI, 22—23). Отъ Р. Х. 1875.—Отъ сотвор. міра 7388.—Отъ основанія Рус. госуд. 1013.—Отъ употребленія морфины 1-й". Въ заключеніе этого письма (оно было напечатано въ извлеченіи въ „Вѣстн. Европы", 1875, ноябрь, 439—440 стр.), гр. А. К. Толстой говоритъ о томъ, что онъ только въ началѣ іюля будетъ въ Красномъ-Рогѣ, такъ какъ — пишетъ онъ — „мы съ Тургеневымъ затѣяли публичное чтеніе (въ Карлсбадѣ) въ пользу г. Моршанска, что̀ совершится въ будущую субботу. Мы, т.-е. я съ женой, предполагаемъ ѣхать (изъ Краснаго-Рога) въ Парижъ въ концѣ сентября"..... (Но 28-го сентября онъ скончался въ Красномъ-Рогѣ.)

„Быть можетъ, въ теченіе зимы я предложу вамъ въ „Вѣстникъ Европы" новую работу, а именно: „Охотничьи воспоминанія", въ прозѣ, которыя я началъ уже набрасывать. Туда войдетъ, сверхъ настоящихъ охотничьихъ приключеній, которыми я очень богатъ, множество анекдотовъ о живыхъ и мертвыхъ, и вообще все, что̀ взбредетъ въ голову. Оно, если удастся, можетъ выйти характерно и интересно"...

Помѣщенная у насъ переписка гр. А. К. Толстого съ друзьями ставитъ такое его предположеніе внѣ всякаго сомнѣнія.—*Ред.*

СКАЧКА СЪ ПРЕПЯТСТВІЯМИ

—„Steeple-Chase“, par Paul Bourget.

I.

Гости, одинъ за другимъ, спѣшили на террасу „виллы Верекіева“, или „Folie-Wérékiew“—такъ ее называли съ тѣхъ поръ, какъ ея владѣлецъ, князь, разорился.

Большой мраморный дворецъ, воздвигнутый по волѣ этого богача-маніака—какой-нибудь часъ ѣзды отъ Флоренціи—нанимала теперь молодая вдова, графиня де-Нансей.

Праздникъ, который она давала своимъ приглашеннымъ, совпалъ весьма удачно съ чуднымъ веселымъ днемъ, полнымъ свѣта и вешней прохлады.

Небесный сводъ ярко-синяго цвѣта раскинулся надъ широкой равниной, поросшей блѣднолиственными масличными и черными кипарисовыми деревьями; между ними, на нѣкоторомъ разстояніи, виднѣлись еще и другія виллы. Благодаря волнообразной линіи холмовъ, тянувшихся ближе къ горизонту, гдѣ-то далеко-далеко выдѣлялась Кампанилла, самая замѣтная точка древне-тосканской столицы и ея окрестностей. Еще дальше, на самомъ краю горизонта, сверкали серебристыя воды рѣки Арно, вьющейся между зеленью „Кашинъ“, словно металлическая полоска, разломанная на части...

Около ста человѣкъ прохаживались туда и сюда, частью на открытомъ воздухѣ, частью подъ сѣнью большой палатки, раскинутой въ концѣ террасы. Внутри ея помѣщался столъ, уже накрытый къ завтраку и украшенный цвѣтами.

Напротивъ палатки четверо музыкантовъ-неаполитанцевъ играли

и пѣли свои народныя пѣсни. Толстые, разжирѣвшіе, съ лоснящейся кожей на лицѣ, музыканты были одѣты вполнѣ прилично и въ то же время съ замѣтной претензіей на зажиточность. На нихъ были брюки и куртки, вѣроятно, съ плеча какого-нибудь щедраго благодѣтеля дилеттанта; цвѣтные галстуки, кольца съ большими фальшивыми сверкавшими камнями; на головѣ высокія шляпы. Одинъ изъ нихъ игралъ на мандолинѣ, двое на скрипкѣ и одинъ еще на віолончели. Пѣли они съ неутомимымъ усердіемъ, и пѣли не такъ, какъ простые люди, бѣдняки, по заказу, а какъ будто для себя, для своего собственнаго удовольствія, для того, чтобы слышать свой голосъ, и черезчуръ старались дополнять смыслъ пѣсни движеніями рукъ и головы. Порой, который нибудь изъ нихъ принимался танцовать, и тогда ихъ родные неаполитанскіе напѣвы казались еще болѣе оживленными, страстными. И еще рѣзче, громче раздавались они на большой террасѣ передъ домомъ, на краю сада, въ которомъ, трепеща, колыхались вѣтви сирени и, прячась въ нѣжной зелени, бѣлѣли очертанія статуй.

Между тѣмъ, свѣтское общество собравшихся тутъ же кавалеровъ и дамъ самыхъ разнообразныхъ національностей (какъ это часто бываетъ во Флоренціи, этой столицѣ космополитизма) продолжало свою обычную, повседневную болтовню. Болтали группами впятеромъ и вшестеромъ; болтали также и вдвоемъ, но тогда уже—въ аллеяхъ сада, болѣе уединенно. Это придавало общей картинѣ праздника видъ какого-то современнаго декамерона, въ которомъ не хватало только внушительныхъ нарядовъ того времени, поэтической душевной подкладки и обаянія ея наивныхъ сторонъ.

— А что̀, сэръ Арчеръ, какія вѣсти о размолвкѣ между Россіей и Англіей?—спросилъ, съ чашкой чаю въ рукѣ, одинъ изъ самыхъ изящныхъ гостей.—Высокій, тонкій, гость былъ одѣтъ въ изумительно-хорошо облегавшій его сюртукъ.

Лицо его было изъ разряда тѣхъ, для которыхъ нѣтъ возраста, и которыя своими неустанными попеченіями о своей внѣшности, изъ года въ годъ, доводятъ ее до высшей степени утонченнаго совершенства. Его типичный профиль, несмотря на современнаго покроя шляпу, какъ нельзя ближе напоминалъ старинные портреты вельможъ XVI-го вѣка. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ вельможа, Генрихъ де-Бонниве́, былъ знатнаго происхожденія,—одинъ изъ наиболѣе прямыхъ потомковъ знаменитаго друга короля Франциска I.

Тотъ господинъ, котораго Бонниве́ назвалъ сэромъ Арчеромъ, былъ англичанинъ, длинный, блѣднолицый, съ крупными, безцвѣт-

ными чертами и такими же крупными, ширококостными руками и ногами. Одѣтъ онъ былъ странно и казался бы смѣшнымъ, еслибы не держался такъ величественно, несмотря на свои слишкомъ широкія брюки, старомодную куртку и черезчуръ высокій стоячій воротникъ, благодаря которому онъ напоминалъ собою типъ француза временъ директоріи. И на лицѣ этого господина царило такое выраженіе надменнаго превосходства, изъ котораго можно было ясно заключить, что онъ, едва тридцатилѣтній человѣкъ, весьма высокаго мнѣнія о себѣ.

— „Смотрите на меня хорошенько!“—какъ бы говорила вся его наружность.—Я сэръ Арчеръ Страбэнъ, баронетъ. У меня двадцать-пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ годового дохода; я прихожусь сродни двумъ герцогамъ и Богъ знаетъ сколькимъ еще баронетамъ. Я получилъ ученую степень въ Оксфордѣ, а мускульная сила у меня развита какъ у атлета. Какъ же я, послѣ всего этого, не выше васъ всѣхъ“?!..

— Никакихъ вѣстей, маркизъ; никакихъ!—отвѣчалъ онъ на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ.—Никакихъ... если не считать игру словъ, которою, говорятъ, отличился русскій посолъ въ Лондонѣ, въ домѣ лэди Банбери:—„Пожалуй,—сказалъ онъ,—намъ можно будетъ драться, если Англія дастъ намъ въ долгъ денегъ, а мы ей—людей!“ Да! вотъ до чего довела насъ за послѣдніе годы политика этихъ господъ... Бѣдный лордъ Биконсфильдъ!.. О, еслибъ Англія не занимала первенствующее мѣсто въ этомъ мірѣ, она давно погибла бы стараніями Гладстона!..

— Это любезно съ вашей стороны по отношенію къ французамъ,—смѣясь, замѣтила молодая женщина, которая только-что подошла къ нимъ.—Но неужели вы воображаете, что я позвала васъ на чашку чаю только для того, чтобы вы говорили о политикѣ, какъ у себя въ клубѣ, и забившись въ уголокъ? Посмотрите: бѣдная графиня Соня никакъ не можетъ отдѣлаться отъ этого ужаснаго Карягина! Онъ ей разсказываетъ что-то изъ жизни императора Николая... Бѣгите поскорѣе спасать ее подъ предлогомъ провести въ буфетъ! А вы, маркизъ, скажите мнѣ, какъ вамъ нравится этотъ маленькій праздникъ, который сама придумала и устроила ваша ученица. Ну, что вы скажете мнѣ, дорогой наставникъ?

Во время разговора, графиня де-Нансей курила сигаретку изъ турецкаго табаку, вставленную въ мундштукъ изъ чернаго янтаря съ брилліантовымъ украшеніемъ, изображавшимъ трилистникъ.

Хотя Люси и минуло уже двадцать-пять лѣтъ и она вдовѣла уже четвертый годъ, но на видъ ее можно было принять за очень молодую дѣвушку,—до того она еще была нѣжна, до того

веселымъ лукавствомъ свѣтились ея голубые глаза. Бѣлокурая и какъ-то особенно стройная въ своемъ изящномъ свѣтломъ весеннемъ платьѣ, она стояла передъ маркизомъ, какъ робкая ученица, которая жаждетъ похвалъ своего учителя! Эта дѣтски-милая простота составляла ея неотразимую прелесть и не казалась притворствомъ или жеманствомъ, потому что была искренняя.

Полу-закрывъ глаза и пуская мѣрные клубы бѣлаго дыма, который словно сіяньемъ окружалъ ея головку, m-me де-Нансей подходила все ближе и ближе къ маркизу, опираясь одной рукой въ бокъ, а другой придерживая папиросу.

— Теперь, когда здѣсь нѣтъ англичанина, самолюбіе котораго могло бы возмутиться,—отвѣчалъ Бонниве́,—я могу вамъ сказать, что только истая парижанка способна устроить подобный праздникъ, слѣдить сама и за всѣмъ, — всѣми управлять и вести себя такъ, что никому и въ голову не придетъ объ этомъ догадаться.

— Но вѣдь и день сегодня такой чудный, голубой!—возразила молодая женщина, и на лицѣ ея выраженіе поэтическаго восторга смѣнило наивную гордость ученицы, счастливой, что ее похвалили.—Это все такъ устроило ужъ само небо... Вы смотрите на мой футляръ?—прибавила она, укладывая свой мундштукъ.—Узнали—русскій вкусъ? Все брилліанты, вездѣ брилліанты... Это я выиграла пари у одного русскаго... Есть ли на свѣтѣ другая страна, въ которой былъ бы такой небосклонъ и такая музыка?

И графиня запѣла романсъ, который пѣли неаполитанцы; затѣмъ вдругъ быстро (по обыкновенію) перескочила съ одной темы на другую:

— Ну, миленькій маркизъ, будьте любезны: разскажите мнѣ, про кого сложили свою послѣднюю сплетню флорентійцы?..

— Да про вашего же друга, князя Виталé,—отвѣчалъ маркизъ.—Говорятъ, что все его состояніе (или то, что̀ отъ него уцѣлѣло) хранится въ шкатулкѣ, съ которой онъ никогда не разстается. Третьяго дня князь переѣхалъ на новую квартиру и перевезъ туда все, за исключеніемъ своей шкатулки. А въ его бывшемъ помѣщеніи уже успѣли поселиться какіе-то мужчина съ дамой. Вдругъ, въ одиннадцать часовъ вечера, въ клубѣ, нашъ Виталé вспоминаетъ про свою разсѣянность... бѣжитъ въ отель, стучитъ въ дверь своей бывшей квартиры... Никакого отвѣта. Онъ стучитъ еще, и еще... Наконецъ, къ нему выходитъ какой-то господинъ, блѣдный какъ смерть. Оказывается, что путешествіе этого господина и его спутницы было секретное. Въ результатѣ—общія разъясненія и извиненія. Можете себѣ представить,

что это была за сцена! Князь вернулся домой съ своимъ ларчикомъ, но такъ и не видѣлъ въ глаза той дамы, которая даже расхворалась отъ испуга... Да! приблизительно двадцать пять тысячъ франковъ въ банковыхъ билетахъ. Еслибы онъ ихъ потерялъ,—ну, какъ потомъ ихъ разъискать?

— Мадамъ де-Нансей!... мадамъ де-Нансей!—закричало нѣсколько голосовъ за разъ въ то время, какъ молодая женщина, еще заливаясь хохотомъ надъ этимъ анекдотомъ, касавшимся молодого человѣка, который наиболѣе нравился ей изо всей свѣтской молодежи своей взбалмошной жизнью и такимъ же взбалмошнымъ складомъ ума.

— Они и пяти минутъ не дадутъ мнѣ повеселиться одной, —проговорила она.—Ну, что тамъ такое?

— Фотографъ ждетъ васъ для группы.

— Хорошо, сейчасъ прибѣжимъ...—отвѣчала она.—Ну, Бонниве́, вы сюда; и вы, Страбэнъ... и вы, и вы...—графиня разставляла присутствующихъ по мѣстамъ.—Ну, вы сюда, Витале́! —крикнула она князю, который только что пріѣхалъ.—Хотите, я пошлю за вашимъ ларчикомъ, чтобъ вы могли поставить его себѣ на колѣни?

— А! вамъ уже успѣли доложить?..

— Публика, тише!—скомандовала она.

Въ эту минуту всѣ ея приглашенные были въ сборѣ, и всѣ они расположились у входа въ палатку; каждый принялъ выраженіе, которое, по его мнѣнію, наиболѣе ему пристало: кто придалъ себѣ мечтательный видъ, а кто—веселый. Типы всѣхъ народностей отличались другъ отъ друга особенностями въ очертаніяхъ лица, въ цвѣтѣ волосъ, глазъ и кожи. Испанцы и поляки, русскіе и англичане,—даже датчане и американцы—всѣ здѣсь смѣшались, всѣ дружно стояли рядомъ подъ фокусомъ фотографическаго аппарата, который долженъ былъ увѣковѣчить въ ихъ памяти пріятное воспоминаніе о сегодняшнемъ днѣ. Пѣвцы-неаполитанцы примостились тутъ же въ уголкѣ и также придали своимъ лицамъ подходящее, по ихъ мнѣнію, выраженіе: драматическое и въ то же время любезное.

Водворилось полнѣйшее молчанье.

— Готово!—крикнулъ фотографъ и прибавилъ:—Прошу васъ, еще снимокъ!.. Готово!

И тотчасъ же вся группа распалась: музыканты вернулись къ своимъ пѣснямъ, а собесѣдники—къ прерванному разговору.

Начали подъѣзжать коляски съ запоздавшими гостями, о появленіи которыхъ давалъ знать колоколъ. Подъѣзжали къ крыльцу

также экипажи за тѣми изъ гостей, которые пріѣхали раньше другихъ и потому раньше уѣзжали. Проводы и прощанье были шумные: въ нихъ сказывалась жажда развлеченій, столь свойственная жителямъ веселой Флоренціи.

— Увидимся у Радецкихъ сегодня вечеромъ?

— Да; часовъ въ десять. Я обѣдаю у лэди Абрамъ, а потомъ приглашенъ къ синьорѣ Кьяравалле. Въ промежуткѣ забѣгу...

— Хотите, я сейчасъ васъ похищу и довезу до „Кашіно"?

— Забросьте меня по дорогѣ къ баронессѣ Нюрнбергъ!...

— Какъ подумаешь, что въ мірѣ все и идетъ такъ всегда, изо дня въ день...—замѣтилъ Бонниве́, усѣвшись рядомъ съ Арчеромъ Страбэномъ въ его красивый экипажъ.

Англичанинъ самъ правилъ своими прекрасными вороными, которые неслись по дорогѣ, окаймленной цѣлыми полями бѣлыхъ и сине-лиловатыхъ ирисовъ.

— Да!—продолжалъ маркизъ.—Жизнь во Флоренціи непрерывная масляница. Не понимаю, почему мы всѣ еще не умерли отъ переутомленія...

— А я, пожалуй, проведу въ Лондонѣ этотъ сезонъ,—возразилъ англичанинъ.—Но насъ, англичанъ, точно что-то влечетъ къ кочевой жизни. Одинъ изъ нашихъ путешественниковъ говорилъ, что онъ меньше уставалъ отъ переѣзда чрезъ пустыню, нежели отъ жизни въ Лондонѣ за три мѣсяца: іюнь, іюль и августъ... А скажите: замѣтили ли вы, какъ уединяются отъ общества г-жа де-Нансей и князь Витале́?

— Онъ прехорошенькій! — замѣтилъ маркизъ.—Нѣтъ ли у васъ сигары?

— Возьмите у меня въ правомъ карманѣ,—коротко отвѣчалъ Страбэнъ.

Его, повидимому, сильно раздражило замѣчаніе его спутника, и онъ слишкомъ усердно стегнулъ лошадей, а потому обѣ руки его и были заняты возжами.

Однако онъ продолжалъ говорить:

— Въ верхнемъ отдѣленіи портсигара есть спички, которыя горятъ на вѣтру и не чадятъ: это новость въ Лондонѣ... А вы развѣ и въ самомъ дѣлѣ считаете князя такимъ ужъ хорошенькимъ?

II.

Наконецъ уѣхалъ послѣдній изъ гостей—тотъ самый князь Витале́, котораго Бонниве́ хвалилъ нарочно, чтобы позабавиться досадою Страбэна. Г-жа де-Нансей осталась одна въ своей маленькой гостиной, гдѣ она принимала только самыхъ близкихъ.

Впрочемъ эта гостиная была мала лишь въ сравненіи съ обычными размѣрами итальянской виллы: отъ ковра до потолка было вѣрныхъ восемь метровъ, а всевозможная старинная мебель совершенно свободно помѣщалась въ ней отдѣльными группами и свидѣтельствовала о расточительности русскаго вельможи, который жилъ здѣсь до графини.

Графиня нѣсколько измѣнила общій обликъ старомодной гостиной. Она разбросала въ ней вездѣ понемногу куски легкихъ красивыхъ матерій; разставила множество мелкихъ бездѣлушекъ, которыя привезла съ собой; развѣсила и размѣстила по столамъ фотографическіе снимки въ модныхъ рамкахъ; въ уголкѣ поставила низенькую библіотечку, въ которой, рядомъ съ богатыми переплетами, чередовались папковые корешки со штампами „кабинета для чтенія" Віёссё. По стѣнамъ красовались многочисленныя картины, которыя приписывались тому или другому изъ знаменитыхъ художниковъ и покупались русскимъ богачомъ безъ разбора, на ряду съ плохенькими иллюстраціями. Среди этихъ картинъ, которымъ время (а можетъ быть и искусство подражанія) придало дѣйствительно колоритъ старины, выдавался большой портретъ, писанный яркими красками.

То былъ портретъ г-жи де-Нансей, работы художника Мирѐ, который былъ тогда въ модѣ. Онъ написалъ ее въ богатомъ нарядѣ и настолько спиной къ зрителю, чтобы яснѣе выступалъ ея хорошенькій профиль съ тонкими и почти мелкими чертами лица.

Люси де-Нансей любила эту картину, какъ воспоминаніе о той еще очень молодой женщинѣ, какою она уже перестала быть, и сегодня вечеромъ она засмотрѣлась на нее, лежа напротивъ, на диванѣ. Сумерки сгущались, но Люси нравилось лежать въ полутьмѣ неподвижно, и только въ самой крайности, когда уже дѣлалось совершенно темно, она звонила, чтобы зажгли лампу. Опьяненіе веселостью за цѣлый день сказывалось вечеромъ въ физической усталости, которая возбуждала въ ней мечтательность, и тогда Люси могла мечтать безконечно.

Въ этомъ портретѣ она видѣла себя... въ ту пору, когда ей не было еще двадцати лѣтъ. Тогда она только-что вышла замужъ за г. де-Нансей, молодого красавца, за котораго она пошла отчасти оттого, что онъ былъ хорошъ собою, а отчасти оттого, что онъ былъ стариннаго рода, хотя и не такъ богатъ, какъ она сама. Фамилія Люси въ дѣвушкахъ была попросту—Оливье, и это замужство давало ей высокое званіе двоюродной сестры г-жи де-Тильеръ—задушевной подруги графини де-Кандаль. Всѣхъ удивляло, что семья жениха не препятствовала ему въ этой же-

нитьбѣ; но никто не зналъ того, что̀ было хорошо извѣстно матери его, графини де-Нансей: ея несчастный сынъ былъ не въ своемъ умѣ. Смѣльчакъ и рыцарски-изящный, молодой человѣкъ страдалъ опасной маніей, вслѣдствіе чего въ его обращеніи иногда прорывалась какая-то странная рѣзкость. Онъ зналъ, что нѣкоторые изъ членовъ его семьи (съ материнской стороны) страдали маніей самоубійства, и это его приводило въ ужасъ. Чтобы избавиться отъ этой мысли, онъ иногда принимался пить, и опьяненіе влекло за собой припадки буйства и гнѣва, во время которыхъ онъ не помнилъ себя и грозилъ убить всякаго, кто ему сопротивлялся.

До сихъ поръ Люси еще не могла превозмочь содроганія, въ которое повергало ее одно воспоминаніе объ ужасныхъ сценахъ съ мужемъ-маніакомъ. Въ первый разъ случилась одна изъ такихъ сценъ, когда она вернулась отъ художника, писавшаго тогда ея портретъ.

Мужъ набросился на нее и съ такой силой стиснулъ ей руку, что она потомъ долго, недѣли двѣ, ходила съ синяками. Съ тѣхъ поръ подобныя выходки стали повторяться все чаще и чаще, и наконецъ непрерывно.

Она совсѣмъ расхворалась отъ страха, а онъ грозилъ ей убить ее, если только она кому бы то ни было разскажетъ про его припадки. Она повѣрила ему: до того свирѣпы были его взоры. И цѣлые мѣсяцы жила она подъ страхомъ смерти, страдая отъ дурного обращенія съ нею человѣка, который ее билъ и съ которымъ она была связана закономъ. Бѣдная женщина уже подумывала порой о томъ, чтобы или лишить себя жизни, или пойти въ монастырь... Но вдругъ, совершенно неожиданно овдовѣла, когда даже и въ помыслахъ не рѣшалась пожелать вырваться на свободу.

Однажды Викторъ де-Нансей катался верхомъ; лошадь вышибла его изъ сѣдла, и его безъ чувствъ на рукахъ принесли домой. Нѣсколько часовъ спустя, его ужъ не было на свѣтѣ. Люси заливалась слезами... отъ радости или отъ ужаса?—она и сама не знала. Знала она теперь только одно: что она свободна... свободна!

Да! Она свободна, ей только двадцать-два года, у нея около четырехъ милліоновъ состоянія: два наслѣдства подъ-рядъ значительно увеличили ея прежній капиталъ. Итакъ, отъ самыхъ тяжкихъ, бѣдственныхъ условій жизни она внезапно перешла если не къ самымъ счастливымъ, то по крайней мѣрѣ къ тѣмъ, которыя могутъ дать нѣкоторую долю счастья. Теперь ей представ-

лялся случай начать жизнь съ начала, и на этотъ разъ она поклялась себѣ, что не упустить его. По наружности безпечная и легкомысленная, она была въ сущности чрезвычайно порядочной женщиной. Она не рисовала себѣ въ будущемъ возможность любовныхъ приключеній, хотя ей это было бы не трудно. Но, испытавъ на себѣ ихъ сладость на первыхъ же порахъ замужства, она рѣшила быть впередъ осторожнѣе и больше не ошибаться. И вотъ, Люси принялась осматриваться вокругъ своими синими глазами, ясными, какъ у самой молодой дѣвушки, и не потускнѣвшими даже подъ гнетомъ бѣды. Развѣ только синева ихъ немного отливала теперь тихой грустью.

Прошло четыре года, и за это время ни глаза ея, ни сердце, не могли еще ни на комъ остановить свое вниманіе. Сама того не подозрѣвая, г-жа де-Нансей находилась въ крайне опасномъ положеніи. Она достаточно извѣдала жизнь для того, чтобы не быть уже наивной, какъ въ шестнадцать лѣтъ, но и жизненный опытъ ея былъ все-таки неполонъ. Ея критическое положеніе замужемъ вселило въ ней боязнь и недовѣріе ко всѣмъ мужчинамъ вообще и крайнюю способность пугаться, дичиться ихъ. И въ то же время, благодаря тому, что ее угнетали, она естественно должна была чутко воспринимать малѣйшую ласку и нѣжность. Такимъ образомъ, она легко могла ошибиться въ болѣе грубыхъ, рѣзкихъ проявленіяхъ искренняго чувства и отнестись благосклонно къ осторожному притворщику, которому было выгодно ея незнакомство съ жизнью.

Сумерки все больше и больше заволакивали портретъ графини де-Нансей, а она сама все еще продолжала отдаваться своимъ мечтамъ.

Благоуханіе букета розъ въ венеціанской хрустальной вазѣ ласкало ея обоняніе. Ей живо представлялось первое время ея вдовства, которое она провела въ Парижѣ, у своей матери, г-жи Оливье.

Никогда дочь не была съ нею особенно дружна. Мать тоже рано овдовѣла, но вела слишкомъ свѣтскую жизнь и не подозрѣвала о тайныхъ страданіяхъ, которыя терпѣла Люси при жизни мужа. Г-жа Оливье жалѣла ее по той же причинѣ, по которой она, собственно говоря, должна была бы радоваться, что та теперь свободна. Эта мысль невольно приходила въ голову молодой вдовѣ, которой не могло быть весело въ большомъ пустомъ отелѣ, на улицѣ Сенъ-Жерменъ, гдѣ жила ея мать, какъ разъ противъ зданія Инвалидовъ. Скука была смертная, и Люси съ восхищеніемъ ухватилась за случай поѣхать въ Италію съ одной

изъ тетокъ и съ больнымъ кузеномъ, Морисомъ, юношей лѣтъ двадцати. Люси всегда смотрѣла на него какъ на младшаго брата. Всю зиму они провели въ Римѣ, но здоровье Мориса (онъ былъ слабогрудый) стало нѣсколько лучше, и они переѣхали во Флоренцію, въ эту виллу, которую г-жа де-Нансей нанимала у Верекіева.

Ей нравилась безумная суета флорентійской жизни, ее приводила въ восторгъ свобода дѣйствій, исключительно свойственная итальянцамъ, и съ первыхъ же дней у нея оказался цѣлый легіонъ воздыхателей. Они бѣжали къ ней со всѣхъ концовъ, привлеченные ея милліонами и ея хорошенькимъ профилемъ, который особенно красила улыбка. Потомъ они уходили ни съ чѣмъ, одни разочарованные какъ влюбленные, которыхъ отталкивала ея манера порвать дружбу тотчасъ же, при первой ихъ попыткѣ къ фамильярности; другіе—какъ мужья, которымъ не нравилась ея веселость, ея любовь къ „флёрту"..., впрочемъ больше напускная.

— Если мужъ мой начнетъ ревновать меня еще до свадьбы, чтò-жъ это будетъ дальше?—шутя говорила она.

Въ настоящее время претендентовъ на это званіе было всего трое.

Первый изъ нихъ, англичанинъ, лордъ Арчеръ Страбэнъ, былъ человѣкъ очень богатый и знатнаго рода. Но зачѣмъ онъ одѣвался какъ его знаменитый предокъ временъ Георга III? Почему у этого рыжаго богатыря съ костлявымъ лицомъ мелькало въ глазахъ выраженіе суровости, отъ котораго становилось страшно? Впрочемъ и это не бѣда! Это былъ дѣйствительно добрый и честный человѣкъ. Его рослая фигура двигалась такъ ловко и проворно, что онъ видимо привыкъ вести жизнь могучаго кочевника, которому не страшны ни усиленное движеніе, ни длинныя путешествія. И, сверхъ того, съ какимъ неоспоримымъ совершенствомъ онъ занимался своими лошадьми и управлялъ своимъ домомъ! Только два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился во Флоренціи, а большой дворецъ, который онъ себѣ тамъ купилъ, поправилъ и отдѣлалъ съ настойчивымъ усердіемъ истаго богача-англичанина, уже считался однимъ изъ самыхъ красивыхъ въ городѣ. *Лэди Страбэнъ?*.. Что-жъ, это звучитъ недурно. Жилось бы съ нимъ роскошно... Да! Но любитъ ли она его?

Она живо представила себѣ молодого лорда и полу-дикій огонекъ, таившійся у него въ глазахъ. Дрожь пробѣжала у нея по тѣлу: она вспомнила своего мужа.

„Какая я глупая! — подумала она. — Этотъ вѣдь *чаепійца*, какъ ихъ называютъ: онъ не пьетъ ничего, кромѣ воды... Но къ чему тогда эти высокіе воротники, къ чему свирѣпые взгляды“?..

Сэръ Арчеръ вселялъ къ себѣ уваженіе. Ну, а князь Виталé?..

— О, князь Виталé былъ рѣшительно прелестенъ! У этого неаполитанца съ бѣлоснѣжнымъ лбомъ, съ голубоватымъ оттѣнкомъ на гладко-выбритыхъ щекахъ, были самые нѣжные, самые ласковые черные глаза, какіе только приходилось Люси встрѣчать на своемъ вѣку. Сколько изобрѣтательности въ его разговорѣ, сколько въ немъ самомъ никогда не изсякающаго добродушія, и что за голосъ!.. Онъ также пѣлъ свои народныя пѣсни, и тогда въ ней подымалось волненіе, которое она затруднилась бы назвать опредѣленно. Сверхъ того, подъ видомъ безпечнаго, веселаго малаго, что за изящество, что за тонкій вкусъ истаго итальянца! Когда онъ чуть замѣтно подмигивалъ правымъ глазомъ—вотъ такъ!—она ужъ понимала, что въ разговорѣ кому-нибудь да ужъ готовъ капканъ, въ который кто-нибудь да попадетъ непремѣнно... но только не самъ князь! Онъ вѣдь принадлежалъ къ разряду людей, которые склонны къ нѣгѣ и роскоши, но въ которыхъ самая ихъ небрежность и расточительность кажутся другимъ людямъ привлекательными и даже доходятъ до самаго безграничнаго, самаго геройскаго безкорыстія.

Ни для кого не было тайной, что князь разорился, или вѣрнѣе говоря, разсорилъ свое состояніе, раздавая его своимъ друзьямъ безъ счета, безъ разсудка. Онъ все-таки продолжалъ проѣдать богатое отцовское наслѣдство,—проѣдать его до тла, какъ нѣкій герой Альфреда де-Мюссе, съ которымъ она невольно, по наивности своей, сравнивала его мысленно.

И, наконецъ, развѣ она сама не достаточно богата, чтобъ позволить себѣ роскошь выбрать въ мужья человѣка разорившагося, если этотъ человѣкъ ей такъ ужъ нравился? А вмѣстѣ съ княземъ развѣ жизнь ея не пойдетъ легко и безпечно, и весело, какъ сплошной, непрерывный праздникъ? У Люси бывали часы, минуты, когда мысль пройти жизненный путь, какъ большую залу, подъ шумъ смѣха и музыки, въ оживленной толпѣ, казалась ей единственно благоразумной. Тогда сердце влекло ее въ Виталé; но Люси гордилась своимъ стремленіемъ къ идеалу, и хотѣла въ глазахъ другихъ (да и въ своихъ собственныхъ не менѣе того) быть женщиной возвышенной души, — женщиной, которая способна къ самымъ благороднымъ чувствамъ и стремленіямъ. Но въ такіе дни она уже не думала съ такою нѣжностью о князѣ.

„Значитъ, я не люблю его,—размышляла она,—если не чувствую, что люблю его утромъ и вечеромъ, и вчера, и сегодня,—не менѣе горячо, какъ наканунѣ".

Оставался еще маркизъ Боннивэ.

Ну, а этотъ, — влюбленъ онъ въ нее? Были дни, когда ей казалось, что она имѣетъ поводъ такъ думать, — до того непонятно было участіе, которое онъ выказывалъ ей въ разговорѣ, и которое нельзя было объяснить ничѣмъ другимъ, кромѣ страсти. Въ другое время его сдержанность заставляла ее отказываться отъ этой мысли. Впрочемъ онъ какъ будто и самъ считалъ невозможными между ними иныя отношенія, кромѣ дружескихъ. Ему, напримѣръ, нравилось шутить надъ товарищескими правами, которыя давалъ ему надъ нею его болѣе чѣмъ сорокалѣтній возрастъ. Но, собственно, насколько ему было больше сорока—она бы не могла сказать: до такой степени онъ сохранилъ свою моложавую, красивую и гордую осанку и лицо, полное тонкой и вмѣстѣ съ тѣмъ мужественной красоты.

До графини часто доходили слухи о его парижскихъ приключеніяхъ еще прежде; чѣмъ она познакомилась съ нимъ; но эти приключенія не оставили никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ на его невозмутимо безстрастномъ лицѣ. Боннивэ былъ прежде своего рода Донъ-Жуаномъ, и если вѣрить ходячей молвѣ, за нимъ уже являлся Командоръ въ образѣ долговъ. По крайней мѣрѣ, оффиціальныя о немъ свѣденія гласили, что въ одно прекрасное утро маркизъ созвалъ всѣхъ своихъ кредиторовъ, разсчитался съ ними, какъ ему только было возможно, а на остальное ему продолжили кредитъ.

Теперь онъ жилъ во Флоренціи — ради экономіи, какъ онъ говорилъ, умалчивая, однако, о томъ, что четверо изъ членовъ Jockey-Club'а взяли съ него слово не возвращаться болѣе въ Парижъ послѣ одного не совсѣмъ скромнаго поступка, въ которомъ они уличили его во время игры, но о которомъ они умолчали изъ уваженія къ такому старинному, уважаемому роду, какъ родъ маркизовъ Боннивэ.

— Мнѣ хочется состариться, какъ нѣкогда старились патріархи,—съ простотой и изяществомъ говорилъ маркизъ.

И въ самомъ дѣлѣ, не теряя своего прежняго щегольского вида, Боннивэ, этотъ царь моды, велъ жизнь безукоризненно-порядочную, полную достоинства.

Двѣ единственныя комнаты, которыя онъ занималъ въ старомъ дворцѣ на берегу Арно, были обставлены въ самомъ изящномъ, тонкомъ вкусѣ, исключительно уцѣлѣвшими обломками преж-

ней роскошной обстановки. Глубокое пониманіе общественныхъ условій сдѣлали изъ него знатока и судью въ этомъ дѣлѣ; главные аристократическіе дома во Флоренціи чуть не боготворили его за это. Онъ не искалъ роли судьи, но и не уклонялся отъ нея. Его естественнымъ занятіемъ было взвѣшивать и обсуждать тѣ или другіе законы аристократизма.

Чего ради такъ увлеклась Люси перечисленіемъ достоинствъ этого разорившагося кутилы? Она была честная женщина, но все-таки женщина; и можетъ быть преданіе о его таинственной интригѣ съ какой-то принцессой королевской крови и вліяло на ея воображеніе?

Она чувствовала какое-то смутное любопытство узнать, въ чемъ собственно состояла его притягательная сила, воспламенившая, напримѣръ, такое страстное чувство, какъ чувство бѣдной герцогини де-Лорэ. Во всѣхъ салонахъ Парижа прогремѣла молва объ отчаяніи этой бѣдной мученицы любви, которая лишилась разсудка оттого, что маркизъ ее бросилъ. Ужъ не воспоминаніе ли объ этомъ невольномъ преступленіи тревожило маркиза, порой заволакивало неопредѣленной грустью взоры этого щеголя, подвигающагося къ старости?

Звукъ шаговъ вывелъ г-жу де-Нансей изъ задумчивости. Въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, и въ полутьмѣ скорѣе можно было угадать, нежели видѣть его худобу, его тонкія, слабыя руки и ноги, его болѣзненный цвѣтъ лица.

На нѣсколько минутъ онъ пріостановился, глядя на Люси, фигурка которой свѣтлымъ пятномъ бѣлѣла въ темнотѣ. Но когда молодая женщина подняла голову, только эта же самая темнота могла помѣшать ей замѣтить, какъ вспыхнуло лицо ея кузена... Этотъ юноша и былъ Морисъ.

— Ну, какъ ты меня испугалъ!—смѣясь, прервала она свои мечтанья.—Ахъ, ты, дикарь, дикарь! Ты не сдержалъ слова, не принялъ участія въ моемъ праздникѣ!.. Кстати, не позвонишь ли ты, чтобы подали лампу? У какой это истерически-мечтательной англичанки провелъ ты сегодняшній день?.. Ну, что за чудные цвѣты!.. — воскликнула она, вдругъ замѣтивъ, что онъ держитъ въ рукахъ большой букетъ бѣлой гвоздики.

— Я ихъ нарвалъ для тебя въ саду у лэди Рильстонъ,— отвѣчалъ Морисъ.

— Какъ тебѣ жарко! — замѣтила г-жа де-Нансей, проводя рукой по лбу молодого человѣка, ласково и нѣжно, какъ добрая сестра.—Надо тебѣ пойти и все перемѣнить, дитя! — прибавила она, поглаживая ему волосы и стоя рядомъ съ нимъ.

Человѣкъ внесъ зажженную лампу, и ея свѣтъ упалъ на изящную, стройную фигуру молодой женщины.

— Да, да, дитя! Тебѣ не лишнее имѣть разомъ двухъ маменекъ, которыя о тебѣ заботятся. Слышишь, вонъ идетъ твоя настоящая маменька. Бѣги скорѣе, чтобы она тебя не забранила!.. Здравствуйте, тетя!—прокричала она, поспѣшно бросаясь къ одной изъ дверей въ то время, какъ Морисъ машинально выходилъ въ другую.

Въ рукахъ у него остался букетъ бѣлой гвоздики, который кузина по разсѣянности опять отдала ему назадъ, когда заслышала шаги его матери, а своей тетки.

Въ комнатѣ у него тихо пылалъ каминъ, горѣли свѣчи; на постели было приготовлено сухое бѣлье и платье; словомъ, все вокругъ говорило о тѣхъ удобствахъ и нѣжныхъ заботахъ, которыми его по обыкновенію окружали.

Морисъ бросился на постель и зарыдалъ.

— Она не взяла отъ меня цвѣтовъ и... какъ она сегодня веселилась!..

Ему живо представились лица его соперниковъ, которые, онъ зналъ, отъ нея не отходятъ.

— О, еслибъ она только могла подозрѣвать, кáкъ я ее люблю!—вздыхалъ онъ сквозь слезы.—Но она сама мнѣ сказала: я для нея... дитя!.. Какъ я ее люблю! И... какъ это ужасно больно!..

III.

Маркизъ Бонниво попросилъ, чтобы Страбэнъ высадилъ его у своего дома, великолѣпнаго зданія, построеннаго еще Микель-Анджело для какого-то племянника папы,—какъ гласила надпись, еще довольно хорошо сохранившаяся надъ его фронтономъ.

Оттуда маркизъ прошелся пѣшкомъ до своего клуба, но нарочно далъ кругъ, чтобы зайти туда, гдѣ красовалась вывѣска: *Мишель Гертбизъ, французскій фехтовальщикъ*. Вѣрно, какого-нибудь очень забавнаго вопроса коснулся онъ въ разговорѣ съ нимъ, потому что, уходя отъ него и по дорогѣ въ клубъ, *старый повѣса*—какъ величалъ его князь Виталé—весело улыбался и еще продолжалъ задумчиво усмѣхаться, подымаясь вверхъ по лѣстницѣ клуба.

Тамъ онъ съигралъ партію въ *рубиконъ* съ однимъ молодымъ французомъ, который былъ здѣсь, во Флоренціи, проѣздомъ и котораго родные поручили вниманію маркиза. Это былъ молодой

человѣкъ лѣтъ двадцати-четырехъ, сынъ негоціанта, и потому души въ себѣ не чаялъ отъ радости, что ему довелось играть въ карты съ человѣкомъ, имя котораго было однимъ изъ самыхъ старинныхъ во Франціи. Маркизъ выигралъ тридцать золотыхъ у г. Луи-Сервена де-Фигона, у котораго еще пока не хватало смѣлости сократить свои имена въ одно только С. съ точкой, чтобы выдвинуть впередъ свою фамилію на дворянскій манеръ: *де*-Фигонъ (съ приставкою *де*).

— Я, кажется, совсѣмъ васъ ограбилъ?—замѣтилъ счастливый игрокъ съ милой улыбкой.

— Вы играете, маркизъ, такъ же побѣдоносно, какъ дрались ваши предки!—возразилъ молодой франтъ, которому предстояло, вернувшись въ отель, написать матери подробный отчетъ въ минувшемъ днѣ и сообщить ей о своей фамильярности съ *маркизомъ* Боннивэ.

Маркизъ, какъ человѣкъ, наученный опытомъ, навсегда исцѣлился отъ своего желанія „поправлять несправедливости судьбы утонченной ловкостью“, какъ выражались когда-то. Теперь онъ игралъ только съ иностранцами и то какъ бы изъ снисхожденія. Его превосходство въ смыслѣ вниманія къ игрѣ почти всегда обезпечивало ему выигрышъ.

Кому бы въ умъ пришло, что эти немногіе золотые, полученные имъ случайно, составляли наиболѣе вѣрный изъ его доходовъ? Маркизъ, повидимому, былъ не веселѣе и не грустнѣе обыкновеннаго, когда ему удавалось получить въ игрѣ сумму—незначительную для прежняго Боннивэ и значительную для нынѣшняго.

Въ тотъ день, когда онъ игралъ съ Луи-Серваномъ, маркизъ зашелъ домой, чтобы переодѣться къ обѣду, на который онъ былъ званъ... какъ то бывало, впрочемъ, ежедневно. Утромъ же, онъ завтракалъ у себя дома парочкой яицъ и чашкой чаю, объясняя это желаніемъ похудѣть, хотя такую причину его разсчетливости врядъ ли можно было счесть основательной, глядя на него.

Изо всего серебрянаго туалетнаго прибора Боннивэ сохранилъ лишь немногіе предметы, съ которыми ловко управлялся его лакей (онъ же и поваръ), служившій ему вѣрой и правдой. Преданность господину выражалась у него въ манерахъ и даже въ оборотахъ рѣчи, являвшихся до смѣшного подражаніемъ маркизу.

— Ваше сіятельство изволите быть сегодня особенно довольны,—замѣтилъ лакей, причесывая Боннивэ со всѣмъ искусствомъ, которымъ только онъ одинъ владѣлъ въ совершенствѣ; онъ умѣлъ воспользоваться для прически остатками сильно порѣ-

дѣвшихъ волосъ маркиза и красотой его усовъ, все еще изящныхъ, какъ бывало.

— Ну, ты-то не очень будешь доволенъ, какъ узнаешь, что тебѣ придется прогуляться на виллу Верекіева съ запиской, и къ сэру Джону,—возразилъ маркизъ, говоря своему слугѣ „ты“, по примѣру прежнихъ временъ.

— Что-жъ такое? Я хоть пройдусь немного,—замѣтилъ Пласидъ.—Мнѣ такъ мало приходится ходить... У васъ въ услуженіи наживешь еще себѣ подагру...

— Ты недостоинъ имѣть подагру,—проговорилъ Боннивэ, и не могъ удержаться отъ улыбки, слыша на устахъ своего лакея тѣ самыя возраженія, которыя онъ самъ, маркизъ, зачастую употреблялъ въ видѣ оправданія своей привычкѣ ходить, изъ разсчетливости, пѣшкомъ. Впрочемъ весьма возможно, что и въ самомъ дѣлѣ это было полезно.

Такъ, по крайней мѣрѣ, подумалъ онъ, смотрясь въ зеркало, когда кончилъ одѣваться. Въ большомъ зеркалѣ съ рамкою изъ рисованныхъ цвѣтовъ, которое висѣло на одной изъ стѣнъ маленькой уборной, отразилась его стройная фигура, такъ обрисованная прекрасно сидѣвшимъ чернымъ сюртукомъ, что ей могъ бы позавидовать любой еще совсѣмъ молодой человѣкъ. Въ ней маркизъ узналъ того прежняго Боннивэ, съ которымъ, бывало, совѣщались насчетъ нарядовъ, и къ которому заходили еще неоперившіеся франты нарочно въ то время, когда онъ одѣвался; словомъ, такъ точно, какъ нынче это практикуется съ Реймондомъ Казаль или Филиппомъ де-Вардъ.

— Главное—не имѣть *прилизаннаго* вида!—говаривалъ онъ тогда.

Да и теперь, глядя на него, никто бы не сказалъ, что въ его нарядѣ замѣтно особое старанье выбрать именно этотъ самый широкій шолковый галстукъ, небрежно прихваченный къ жилету золотымъ крючкомъ, на которомъ держалось также и его пенсне́ въ старинной оправѣ; не видно было и тѣхъ трудовъ, которыхъ стоилъ ему безукоризненно бѣлый жилетъ, облегавшій его стройный станъ и застегнутый на кокетливыя золотыя пуговки съ машинкой.

Въ тотъ вечеръ Боннивэ казался до того побѣдоносно-молодымъ, что его слуга не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть:

— Ну, что̀ ни говорите, а господинъ маркизъ все-таки выше ихъ всѣхъ! Будь у меня деньги и такой же портной, какъ у нихъ, и я былъ бы не хуже ихъ, а они сравнялись бы съ нашимъ братомъ, лакеемъ!

Кого именно подразумѣвалъ Пласидъ подъ таинственнымъ наименованіемъ: *они*,—маркизъ такъ и не пожелалъ узнать, но наивныя похвалы вѣрнаго слуги были ему пріятны. Напѣвая веселенькій мотивъ Оффенбаха (воспоминаніе дней его юности), Боннивэ съ видимымъ оживленіемъ сѣлъ за столъ и принялся писать свои записочки. Одна изъ нихъ извѣщала г-жу де-Нансей, что рапиры и перчатки получены, что rendez-vous ей назначается въ 10 час. утра у фехтовальщика, и что она должна предупредить объ этомъ князя Виталé. Другая предназначалась Страбэну съ цѣлью освѣдомиться, угодно ли ему будетъ прокататься верхомъ въ половинѣ девятаго вмѣстѣ съ нимъ, маркизомъ, въ Кашины? Было ли между этими двумя записками какое-либо таинственное соотношеніе—неизвѣстно. Одно только вѣрно—что, прикладывая къ нимъ печать,—перстень, пожалованный адмиралу Боннивэ королемъ Францискомъ I,—бывшій повѣса лукаво ухмылялся себѣ въ бѣлокурый усъ такой усмѣшкой, которая не могла бы успокоительно подѣйствовать ни на Люси, ни на Страбэна. Но что за выгода была бы для него ихъ поссорить? Или онъ втайнѣ надѣялся жениться на богатой вдовушкѣ?

Какъ бы то ни было, въ глазахъ маркиза горѣлъ лукавый огонекъ въ то время, какъ онъ шелъ пѣшкомъ на званый обѣдъ, небрежно помахивая тросточкой съ набалдашникомъ, на которомъ достойный соперникъ Челлини изобразилъ борьбу Титановъ. Могъ ли человѣкъ, до такой степени поглощенный интересами своего мелочного тщеславія, слѣдовать какому-нибудь опредѣленному плану въ жизни? Конечно, Люси, читая его записку, ни на минуту объ этомъ не задумалась, равно какъ и сэръ Джонъ Страбэнъ, когда ему подалъ лакей письмо отъ маркиза въ маленькій кабинетъ, куда онъ удалился, чтобы побыть наединѣ съ самимъ собою.

Страбэнъ вернулся домой подъ грустнымъ и тяжелымъ впечатлѣніемъ уединенныхъ бесѣдъ Люси съ Виталé. Его это мучило и причиняло ему какую-то физическую боль, слишкомъ хорошо знакомую ревнивцамъ; а простое замѣчаніе маркиза мимоходомъ о красотѣ соперника еще болѣе усилило его тревогу. Онъ приказалъ откладывать, послалъ записку съ вѣжливымъ отказомъ отъ обѣда, на который онъ былъ званъ, и надѣлъ домашнюю куртку *для куренья*. Въ качествѣ вѣрноподданнаго ея величества королевы англійской, Страбэнъ доводилъ до тонкости умѣнье разграничивать моменты общественной и домашней жизни соотвѣтствующими случаю костюмами. Лежа на большомъ диванѣ, онъ курилъ крѣпкій табакъ изъ трубки съ короткимъ чубукомъ. Эта дурная привычка осталась у него отъ пребыванія въ юности въ

оксфордскомъ колледжѣ, и онъ прибѣгалъ къ ней въ минуты грусти и отчаянія.

По временамъ, Страбэнъ откупоривалъ бутылку содовой воды, выливалъ ее въ большой стаканъ и для разнообразія порой вливалъ туда порядочную дозу „whiskey". Не прикасаясь въ гостяхъ ни къ какимъ спиртнымъ напиткамъ, ни даже къ слабому вину или къ сладкому ликеру, онъ любилъ наединѣ напиваться до-пьяна этимъ ирландскимъ напиткомъ, который пахнетъ дымомъ и жестоко ошеломляетъ человѣка!

— Нѣтъ! — восклицалъ онъ порой: — эта мысль для меня просто нестерпима!

Такое восклицаніе вырывалось у него всегда, когда образъ Люси и ея улыбка князю представлялись ему слишкомъ опредѣленно. Онъ ясно видѣлъ очертаніе ея нѣжной щеки, покрытой тонкимъ пушкомъ, и родинку налѣво, надъ верхней губою, и взглядъ, которымъ она дарила князя... Вотъ передъ нимъ и самъ князь Виталé,—красивый, мужественный, бѣлолицый, напоминающій полные благородства портреты Тиціана и Моро. Въ глазахъ его свѣтится желаніе обладать г-жею де-Нансей... Мысль, что Виталé еще существуетъ, наполняла Страбэна такой яростью и такъ сжимала ему сердце, что имъ овладѣвала слѣпая и жестокая злоба, особенно, когда ему казалось, что онъ замѣчаетъ въ князѣ желаніе заставить Люси полюбить его и выйти за него замужъ.

Сэръ Джонъ только-что осушилъ стаканъ своего ѣдкаго напитка. Вмѣсто того, чтобы поставить стаканъ на столъ, онъ сердито швырнулъ его на полъ. Стаканъ разлетѣлся въ дребезги.

— Что за ребячество! — сказалъ англичанинъ самъ себѣ, и ему стало еще грустнѣе. Онъ только-что вынесъ униженіе передъ самимъ собою; а это ощущеніе особенно нестерпимо для каждаго благовоспитаннаго англичанина, въ которомъ съ малыхъ лѣтъ развиваютъ уваженіе къ себѣ.

Въ эту минуту ему принесли записку отъ Боннивэ, и сэръ Джонъ отвѣтилъ на словахъ, что будетъ ожидать маркиза въ назначенный часъ.

Этотъ незначительный инцидентъ произвелъ, такъ сказать, нѣкоторый перерывъ въ мысляхъ Страбэна.

Къ маркизу онъ чувствовалъ своего рода влеченіе, благодаря сочувствію многимъ его воззрѣніямъ. Еще будучи очень молодымъ, онъ имѣлъ счастіе въ первую свою поѣздку въ Парижъ привить Боннивэ моду носить лѣтомъ рубашки по-англійски, т.-е. съ бѣлыми нарукавниками и воротникомъ и съ цвѣтнымъ полотнянымъ

станомъ. Въ настоящее же пребываніе Страбэна во Флоренціи, маркизъ съ большимъ тактомъ выслушалъ его полу-признанія въ любви къ Люси де-Нансей. И, вдобавокъ, ему почему-то казалось, что Боннивэ имѣлъ на нее доброе вліяніе. Съ какой стати ему ревновать къ Люси маркиза? Ему казалось непреложнымъ, что Боннивэ никогда и въ умъ не приходило просить ея руки. Она и сама говорила, смѣясь:

— Маркизъ такъ умѣетъ стариться!..

Съ точки зрѣнія Страбэна, маркизъ не могъ быть ему соперникомъ, а союзникомъ—пожалуй. Помимо его воли, его умиляла мысль о тѣхъ услугахъ, которыя могъ оказать ему маркизъ.

— Да, да!—шепталъ онъ:—я поручу ему сказать ей, что пора приступить къ выбору, и скорѣй... сейчасъ же!

Разсуждая самъ съ собою, онъ ходилъ по комнатѣ большими шагами. Нѣтъ, больше онъ не въ силахъ выносить это невыясненное положеніе! Онъ влюбленъ какъ безумный и какъ безумный ревнивъ. Всѣ другія страсти меньше мучили его, чѣмъ ревность, смертельная, необузданная ревность! Крайнее воздержаніе въ юности и, напротивъ, разнузданность, которой онъ слѣдовалъ потомъ въ Парижѣ, сдѣлали изъ него нѣчто въ родѣ развращеннаго варвара. Отъ этого варвара и отъ аристократа-дворянина въ немъ еще уцѣлѣли: здоровое мускулистое сложеніе и ростъ, хорошій аппетитъ, страстная натура и чисто-физическія стороны воображенія.

Приливы крови къ головѣ вызывали въ немъ поразительно-живыя картины; а вмѣстѣ съ тѣмъ его печальный опытъ съ женщинами легкаго поведенія привилъ ему недовѣрчивость, свойственную также и животнымъ, съ которыми люди дурно обращались.

— А что̀, если она откажется опредѣлить свой выборъ?—размышлялъ онъ.—Да, что̀ тогда?.. Ну, тогда, значитъ, она пустая кокетка,—я такъ ей и скажу, и... навсегда уѣду подальше отъ нея... уѣду въ Африку, уѣду къ Герберту!

И онъ сталъ думать о своемъ любимомъ товарищѣ по школѣ и по университету.

Лордъ Гербертъ Мохенъ былъ дѣйствительно настоящимъ женофобомъ или *жено-ненавистникомъ*, какъ говорятъ въ Оксфордѣ.

Онъ велъ какую-то совершенно странную жизнь—то живя въ Парижѣ и наливаясь алкоолемъ, то странствуя по бѣлу-свѣту и занимаясь охотой. Что̀ это были за странствія и охоты!

Онъ трижды совершилъ кругосвѣтное путешествіе, и теперь былъ въ Египтѣ, въ ожиданіи экспедиціи на берегъ Занзибара.

А въ Англіи, на берегу одного изъ озеръ Уэстморлэнда, въ его большомъ домѣ, въ большихъ залахъ нижняго этажа была пропасть богатырскихъ птицъ и четвероногихъ, которыхъ онъ самъ убилъ на охотѣ: тигровъ, львовъ и пантеръ... Еще недавно сэръ Джонъ получилъ отъ него приглашеніе присоединиться къ нему.

Страбэнъ живо представилъ себѣ полное, загорѣлое лицо своего друга и тѣ бурные дни, которые пришлось имъ выдержать вмѣстѣ, когда они ѣздили на яхтѣ въ Исландію. Кто бы сказалъ тогда, что онъ, Страбэнъ, купитъ себѣ дворецъ во Флоренціи и поселится въ немъ какъ въ своемъ лондонскомъ домѣ, на Ганноверъ-Сквэрѣ, и будетъ до смерти изнывать по одной изъ тѣхъ француженокъ, которыхъ Гербертъ презиралъ еще больше, чѣмъ всѣхъ другихъ женщинъ на свѣтѣ?

„Кокетка"?.. Да, она кокетка; она кокетничаетъ съ такимъ фатомъ, про котораго даже нельзя сказать, что онъ джентльменъ.

Или, быть можетъ, она просто весела и легкомысленна, какъ молодыя дѣвушки вообще? Хоть она и замужняя женщина, но ея лицо и улыбка невольно такъ и тянутъ окружающихъ назвать ее „барышней"... Да нѣтъ же, не кокетка она: самое бо́льшее — легкомысленное, увлекающееся созданье. Улыбка ея чудилась ему какъ на яву... Увы! она одинаково улыбалась какъ ему, Страбэну, такъ и князю!..

Вечеръ наступилъ, приближалась ночь. Приближался конецъ бутылки „whiskey". Но алкооль былъ безсиленъ противъ нервовъ несчастнаго ревнивца. Глубоко вздохнувъ, сэръ Джонъ открылъ свою дорожную аптечку и вынулъ изъ нея пузырекъ съ опіумомъ,—его послѣднимъ прибѣжищемъ въ такіе вечера, убійственные для его здоровья.

Онъ позвонилъ, велѣлъ слугѣ себя раздѣть, и въ девять часовъ уже спалъ, удрученный тяжелымъ бременемъ двойного отравленія, къ которому онъ прибѣгалъ, лишь бы не чувствовать мученій ревности...

Въ это самое время Боннивэ болѣе чѣмъ когда-либо блисталъ своимъ остроуміемъ и, довольный, вставалъ изъ-за стола въ богатомъ домѣ графини Арденца; князь Виталé усаживался въ ложѣ позади прелестной г-жи де-Нансей, собравшейся послушать новаго Фауста въ оперѣ „Мефистофель" Бойто, а Морисъ Оливье читалъ въ постели, приподнявшись на локтѣ, чарующій сонетъ Цино де-Пистоджа:

Dove l'onesta pose la sua fronte...

Всѣ эти четверо мужчинъ думали въ сердцѣ своемъ о Люси, но для каждаго изъ нихъ она являлась предметомъ совершенно иныхъ интересовъ. Для Боннивэ она представляла собой интересную интригу; для князя—обаяніе наслажденій; для Мориса—нѣжную, дивную мечту; для сэра Джона... Увы! для сэра Джона она была — мрачный, тяжелый кошмаръ...

IV.

Большого труда стоило слугѣ разбудить своего господина въ восемь часовъ утра. Сэръ Джонъ очнулся отъ своего ужаснаго сна съ тяжелой головой, съ нервами, расходившимися еще больше, чѣмъ наканунѣ. Холодная вода, которой онъ по обыкновенію облилъ себѣ голову, на этотъ разъ не помогла ему. Онъ выпилъ чашку кофе покрѣпче и поспѣшилъ верхомъ на встрѣчу къ Боннивэ на то мѣсто, гдѣ они должны были съѣхаться. Все время мысли, тревожившія его наканунѣ, не оставляли его, и только очутившись рядомъ съ маркизомъ на большой аллеѣ, которая вела въ Кашины, онъ вздохнулъ нѣсколько свободнѣе.

Утро было ясное, вешнее; а вешнее утро особенно хорошо во Флоренціи.

Словно зеленою дымкой были подернуты вѣтви деревьевъ. По легкой и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокой небесной лазури, тянулась цѣпь холмовъ, а вѣтерокъ, то свѣжій, то теплый, трепеталъ въ утреннемъ чистомъ воздухѣ.

Вдоль аллеи скакали всадники и всадницы, и Боннивэ обмѣнивался съ ними замѣчаніями, которыя сегодня изобличали въ немъ мизантропическое настроеніе духа, и, вдобавокъ, то усыпляли, то пробуждали въ его спутникѣ мысли, волновавшія его наканунѣ.

— Вотъ вамъ и разъ! Графиня Нина ѣдетъ съ княземъ Андреемъ, значитъ акціи бѣдняги-Пеппе пошли на пониженіе!.. Эмилія очень мила сегодня, особенно если вспомнить, что ей ужъ за сорокъ перевалило, и что она выдержала столько кампаній. А вѣдь какъ былъ въ нее влюбленъ вашъ кузенъ Рандольфъ Рамсей! Онъ былъ счастливъ, а она—ему вѣрна... ровно шесть недѣль... Для такой переметчивой особы и того много!.. Вамъ кланяется вашъ пріятель Джэмсъ. Онъ вѣрно нашелъ средство не имѣть успѣха у Наташи. Можете сказать ему, что онъ—единственный...

Такого-то рода были мнѣнія и разговоры большинства свѣт-

скаго флорентійскаго общества, изощрявшагося въ подобныхъ сплетняхъ и злословіяхъ. Но сэръ Джонъ мало обращалъ на нихъ вниманія въ это утро: ему и безъ того жизнь была противна и казалась угрюмой. Ему хотѣлось уйти куда-нибудь подальше, подальше отсюда, чтобы только больше не вертѣться въ этой лживой, пустой толпѣ, къ которой также принадлежала и Люси де-Нансей.

Почемъ знать? Можетъ быть, которые-нибудь изъ этихъ франтовъ верховыхъ, катаясь по этой самой аллеѣ, глядя на него, обмѣниваются замѣчаніемъ:

— Бѣдняга — Страбэнъ! Ужъ и смѣется же надъ нимъ маленькая графиня де-Нансей!..

Нѣтъ, ни за что не позволитъ онъ сдѣлать изъ себя игрушку, —и кому же еще? Женщинѣ!..

Грусть опять овладѣла имъ, какъ вдругъ его озадачилъ голосъ Бонниво:

— Вернемтесь, голубчикъ! И то дай Богъ мнѣ во-время поспѣть на rendez-vous съ вашимъ „flirt'омъ"...

Ничто такъ не сердило Страбэна, какъ если этимъ легкомысленнымъ именемъ называли ту женщину, которую онъ хотѣлъ сдѣлать своей женой.

— Васъ ждетъ г-жа де-Нансей? — поправилъ онъ маркиза.

— А я вамъ, значитъ, еще не разсказалъ ея новой прихоти? — наивно спросилъ тотъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ сэръ Джонъ, и сердце его забилось сильнѣе.

— Вообразите: она хочетъ учиться фехтованью у Гертбиза, и начнетъ сегодня. Ѣдемте туда вмѣстѣ: это васъ развлечетъ хоть на часокъ.

— Хорошо, ѣдемъ! — коротко согласился сэръ Джонъ, и круто повернулъ свою лошадь назадъ.

Три четверти часа спустя они оба уже были у крыльца того дома, въ которомъ наканунѣ съ такимъ удовольствіемъ побывалъ маркизъ Бонниво.

Большая комната, единственнымъ украшеніемъ которой были рапиры, развѣшенныя вдоль по стѣнамъ, каждая на своемъ особомъ гвоздикѣ, представляла собою самую обыкновенную фехтовальную залу. Кромѣ рапиръ, было тутъ много перчатокъ, масокъ, нагрудниковъ; а посреди залы двѣ длинныя доски обозначали мѣсто для упражненій учащихся. Но въ этомъ просторномъ помѣщеніи не было ни души; зато за стеклянной дверью, въ глу-

бинѣ, раздавалось шарканье ногъ, лязгъ рапиръ и возгласы преподавателя:

— Шпагу справа!.. Шпагу слѣва!.. Переводъ!.. Отбить направо!.. Отбить налѣво!.. Конецъ выше!.. Выпадать!..

Фехтовальный жаргонъ прерывали взрывы смѣха. Сэръ Джонъ узналъ смѣхъ Люси и голосъ Виталé.

Когда онъ отворилъ первую дверь, раздался звонокъ, и въ отвѣтъ на него уже вышелъ изъ стеклянной двери самъ Мишель Гертбизъ, долговязый мужчина съ тощимъ, скуластымъ лицомъ, который всегда держался словно на парадѣ. Въ его странной фигурѣ, казалось, все было только къ тому и приспособлено, чтобы служить его искусству: ноги — чтобы лучше сгибаться; руки—чтобы лучше нападать, и почти не существующій, тощій станъ — чтобы уклоняться отъ ударовъ.

Во Флоренціи, куда онъ удалился по окончаніи войны, ему покровительствовалъ маркизъ Боннивэ.

Раскланявшись съ посѣтителями, Гертбизъ проговорилъ:

— Графиня уже здѣсь и беретъ урокъ вмѣстѣ съ княземъ. О, она далеко пойдетъ, если будетъ заниматься! Еще при жизни графа, какъ она говоритъ, она училась фехтовать, и ничего не забыла... Да вотъ, взгляните!

Сэръ Джонъ и маркизъ вошли въ слѣдующую комнату, гдѣ они на минуту пріостановились, чтобы полюбоваться страннымъ, но красивымъ зрѣлищемъ.

Люси стояла передъ ними, одѣтая въ бѣлое фланелевое платье съ широкимъ отложнымъ воротничкомъ, какія носятъ англичанки во время игры въ „теннисъ“. На ея стройныхъ ножкахъ были рыжіе тонкіе башмачки, яркій цвѣтъ которыхъ красиво выдѣлялся, благодаря той части чернаго чулка, которая виднѣлась изъ-подъ платья. Шляпа, вуаль, зонтикъ съ большимъ набалдашникомъ и сѣрый длинный ватерпруфъ лежали въ сторонѣ, на стулѣ.

Пряди ея бѣлокурыхъ волосъ выбились изъ-подъ маски и словно шевелились около нея; а подъ нею (можно было догадаться) скрывалось ея хорошенькое личико, свѣтившееся дѣтской радостью. Глаза ея блестѣли; бѣлые зубки сверкали сквозь сѣть забрала, и замѣтно было, что щеки ея, обыкновенно блѣдныя, немножко розовѣли. Спокойная гибкость движеній, которой не мѣшала правая рука, махавшая рапирой, давала поводъ предположить подъ ея свободнымъ костюмомъ молодое тѣло съ сильными мускулами, чего трудно было бы ожидать отъ женщины съ такой миніатюрной таліей и такими тонкими ручками, какою казалась Люси.

Напротивъ нея стоялъ князь Виталé, также въ маскѣ, затянутый въ короткую куртку изъ бѣлой кожи; твердо опираясь на ноги, онъ лѣвой рукою поддерживалъ равновѣсіе, съ замѣчательнымъ искусствомъ исполняя обязанности случайнаго преподавателя.

— А, здравствуйте! — проговорила Люси, продолжая брать руку къ себѣ и посылать руку впередъ, чтобы отбить и отвѣчать. Дайте мнѣ только кончить двойной репризъ, и я къ вашимъ услугамъ!

Вновь прибывшіе сѣли, и урокъ продолжался.

Лицо маркиза приняло выраженіе насмѣшки и въ то же время снисходительности, съ которой старшій братъ смотритъ на невинныя выходки своей сестрицы, всегда считавшейся балованнымъ ребенкомъ

— Браво! — приговаривалъ онъ. — Постойте, у васъ лѣвая нога недостаточно плотно стоитъ на землѣ. Вы позволите?..—и маркизъ подошелъ поправить собственными руками маленькій желтый башмачокъ безъ каблучка. Станъ неподвижно! Голову прямѣе! Вы позволите?..

И онъ почтительно, своими руками немного отклонилъ назадъ голову молодой женщины.

Страбэна мучили вовсе не эти фамильярности; а между тѣмъ его страданія были теперь еще сильнѣе, чѣмъ тѣ, когда онъ осушилъ рюмку темной снотворной жидкости. На этотъ разъ фантазія Люси, по его мнѣнію, перешла всякія границы. Ну, дѣло ли молодой лэди явиться въ фехтовальный залъ и скрещивать шпаги съ однимъ изъ своихъ претендентовъ на званіе мужа? Сэръ Джонъ смотрѣлъ на князя, и видя, что тотъ сохранялъ, даже въ движеніи, равновѣсіе и красоту линій подъ мужественными очертаніями своего фехтовальнаго костюма,—еще больше сердился на Люси за эту новую выдумку.

— Чтò скажете?.— спросила молодая женщина, послѣ того, какъ ея противникъ скомандовалъ обычное: „Спокойно“!

— Я не особенно забыла, — прибавила она, снимая маску; затѣмъ взяла подмышку свою рапиру съ никелированной рукояткой и протянула вновь прибывшимъ правую руку, которая скрывалась въ толстой сѣрой кожаной перчаткѣ съ лакированными отворотами.

— Рапиры очень хороши и легки,—сказала она маркизу.— А вы, сэръ Джонъ, тоже присоединитесь къ намъ? Это было бы такъ забавно. Но вѣдь вы, англичане, презираете фехтованье?.. Оно слишкомъ утонченно для нихъ,—прибавила она съ лукавою

улыбкой, обращаясь къ Виталѐ:—имъ нужны сильныя, тяжелыя, атлетическія упражненія.

— Прямые удары... такъ, сэръ Джонъ?—смѣясь, перебилъ ее Бонниво.

— Я вамъ не буду возражать,—сказалъ англичанинъ:—это не по моимъ силамъ. Но... не позволите ли вы, графиня, сказать вамъ пару словъ?

— Хоть сотню, если угодно!

— Но только вамъ одной, по поводу маленькаго порученья, которое вы мнѣ дали...

— Чтò за таинственность!—отвѣчала Люси, и брови ея нахмурились.—Пойдемте!

Она вошла въ сосѣднюю комнату.

— Чтò значитъ эта вольность?—вырвалось у нея, какъ только она очутилась наединѣ съ англичаниномъ. Она говорила тихо, но и въ ея пониженномъ голосѣ слышался подавленный гнѣвъ.

— Да ничего, кромѣ того, что я не могу равнодушно видѣть, какъ вы сами портите себѣ репутацію! Но такъ какъ никто другой вамъ не скажетъ правды въ глаза, то вы должны ее выслушать отъ меня! Умоляю васъ, вернитесь домой сію же минуту, и пусть этотъ необдуманный урокъ фехтованья будетъ первымъ и послѣднимъ! Неужели вамъ хочется сдѣлаться ходячей басней флорентійцевъ?

Люси посмотрѣла на него, рѣзко разсмѣялась и, проговоривъ на ходу: „благодарю!",—вернулась въ залу.

— Еще разокъ!.. Согласны? — воскликнула она, обращаясь къ князю.

Уходя, сэръ Джонъ слышалъ голосъ своего соперника, снова выкликавшій:

— Взять шпагу справа... разъ, два! Отбить направо... Хорошо!... Отбить налѣво!..

— О, безсердечная! безсердечная! — бормоталъ несчастный, возвращаясь къ себѣ въ палаццо пѣшкомъ, и вслухъ прибавилъ:

— Надо съ этимъ покончить!..

По уходѣ Страбэна, г-жа де-Нансей продолжала фехтовать по прежнему и даже съ минуту или двѣ нѣсколько оживленнѣе; потомъ вдругъ бросила рапиру:

— Посмотрите, не здѣсь ли моя карета? — попросила она маркиза.

Онъ отвѣчалъ утвердительно, и Люси взглянула на свои маленькіе часы, висѣвшіе у нея на кожаномъ поясѣ, какъ брелокъ.

— Двѣнадцатый часъ; пора мнѣ бѣжать!—И однимъ взмахомъ руки она надѣла шляпу, завязала вуалетку и накинула широкое сѣрое пальто на свой эксцентричный нарядъ. Ея слишкомъ длинныя рѣсницы приподнимали вуалетку, завязанную слишкомъ близко къ лицу.

— Ну, господа, прощайте! — проговорила она съ нервной улыбкой.

— Она недовольна,—замѣтилъ Виталé, когда графиня сѣла въ экипажъ.

— Милые бранятся...—отвѣчалъ Боннивэ.

— Велика важность! Кто-нибудь да найдется, чтобъ ихъ примирить!—и съ этими словами князь поглядѣлъ на своего собесѣдника лукавыми черными глазами.

— „А, маркизъ! — какъ бы говорили эти глаза. — Вамъ бы хотѣлось, чтобы мы этому повѣрили и приревновали, чтобы вамъ было удобнѣе узнать наши намѣренія? Но вы ничего не узнаете, кромѣ того, что намъ смѣшна ваша уловка и такъ же хорошо понятна, какъ и вамъ самимъ“!

А затѣмъ вслухъ прибавилъ:

— Хотите фехтовать?

V.

Экипажъ графини де-Нансей катился по городскимъ улицамъ, на мостовой которыхъ чередовались голубоватыя прохладныя тѣни и лучистыя полосы жгучаго солнца.

Люси проѣзжала мимо мрачныхъ старинныхъ дворцовъ, и ихъ грубыя громады, рѣшетчатыя окна и стѣны съ тяжелыми кольцами живо напоминали прежнія, опасныя времена. Внизу, у подножія этихъ дворцовъ, словно цвѣтущей полосой протянулись выставки цвѣточныхъ торговцевъ, которые цѣлыми пучками расположили здѣсь рядкомъ весенніе цвѣты: бѣлыя гвоздики, красные тюльпаны, пунцовыя и бѣлыя розы и блѣдные нарцисы съ золотымъ сердечкомъ... Рѣзкій переходъ отъ ихъ яркой окраски къ черноватымъ оттѣнкамъ старыхъ каменныхъ стѣнъ, однако, ни на минуту не занялъ взоровъ графини де-Нансей. Ея голубые глазки пристально смотрѣли куда-то вдаль изъ-подъ насупленныхъ бровей.

Одной изъ ребяческихъ чертъ ея характера была забота о мнѣніи другихъ. Какъ это часто случается съ жертвами такого мелочного чувства, Люси часто пренебрегала общественнымъ мнѣніемъ, часто возставала противъ него; а затѣмъ сама начинала

мучиться критикой, на которую сама же и вызывала. Такова обычная судьба наивнаго тщеславія; оно стремится выдѣлиться на показъ, и само страдаетъ отъ порицаній, которымъ подвергается обыкновенно все выходящее изъ общаго уровня.

„Какое право имѣетъ сэръ Джонъ меня осуждать и высказывать мнѣ свои воззрѣнія?—думала Люси.—Да: съ какой стати? Развѣ я дѣлаю что-нибудь дурное; да еслибы и дѣлала, такъ ему что за дѣло? Мужъ онъ мнѣ или женихъ что-ли“?

Но очевидная справедливость этого разсужденія не могла осилить ея безграничнаго гнѣва, при мысли, что молодой англичанинъ теперь сталъ о ней менѣе высокаго мнѣнія. Одинъ изъ тайниковъ ея души раскрылся какъ наболѣвшая рана и мучилъ ее.

„Но развѣ онъ мнѣ до того дорогъ, что его мнѣніе можетъ привести меня въ такое состояніе“?—спросила она вдругъ сама себя и тотчасъ же углубилась въ подробное изученіе своихъ собственныхъ чувствъ съ тоской и надеждой, которыя всегда овладѣвали ею въ подобныхъ случаяхъ. Она часто задавала себѣ такого рода провѣрку, которая, незамѣтно для нея, убивала въ ней холодными разсужденіями всѣ сердечныя чувства. Всякій разъ какъ она углублялась въ себя, ей приходилось убѣждаться въ несостоятельности того чувства, которое должно бы рости и крѣпнуть незамѣтно, для того, чтобы окончательно развиться. Тогда она говорила сама себѣ:

„Нѣтъ! Это все не то!“—и опять принималась задавать себѣ новые вопросы, какъ и теперь, когда, проѣзжая безучастно между рядами благоуханныхъ розъ, она все повторяла:

„Ну, неужели жъ я люблю его“?

Отдаваясь мѣрному покачиванью экипажа, она закрыла глаза, чтобы лучше слѣдить за своими думами, и продолжала:

„Какой самый вѣрный признакъ любви? — Необходимость видѣть всегда около себя того, кого любишь, для того, чтобы чувствовать себя счастливой.—Но отсутствіе сэра Джона вовсе не тревожило меня сегодня утромъ. Я фехтовала съ княземъ, вовсе не заботясь о томъ, существуетъ ли еще Страбэнъ на свѣтѣ?.. Нѣтъ, рѣшительно я не люблю его“!

И тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ задала себѣ вопросъ, который возникаетъ непремѣнно въ головѣ женщины, производящей себѣ подобнаго рода допросъ:

„Ну, а онъ? Любитъ ли онъ меня?.. Какъ загораются его глаза, когда онъ смотритъ на меня! Впрочемъ страсть и ревность у мужчинъ выражаются такими же симптомами, какъ и любовь“...

Невольно ей пришли на память глаза мужа, когда тотъ, бывало, собирался дѣлать ей бурныя сцены, которыя чуть не свели ее въ могилу. Ее пробрала пугливая дрожь:

„Нѣтъ, довольно съ меня и того!.. Никогда я не буду леди Страбэнъ".—Такъ заключила она, уже подъѣзжая къ своему дому.

Выйдя изъ экипажа, Люси пошла пройтись немного, прежде чѣмъ войти въ домъ.

Зеленый садъ дремалъ подъ лучами полуденнаго солнца, отъ котораго статуи сверкали бѣлизною, и казалась ярче окраска фасада.

Г-жа де-Нансей пошла по аллеѣ сиреневыхъ кустовъ, которые еще только готовились цвѣсти; лишь изрѣдка попадалась распустившаяся вѣтка, и тогда Люси срывала ее, вдыхая нѣжный запахъ сирени и любуясь яркой синевою неба. Непріятное волненье, которое осталось у нея отъ выходки сэра Джона, проходило, и въ памяти ея возникало лишь сознаніе, что она сегодня утромъ не скучала. Запахъ цвѣтовъ былъ такъ нѣженъ, что смягчилъ ея настроеніе и измѣнилъ оттѣнокъ ея думъ:

„А все-таки, какъ онъ чистосердеченъ!..—думалось ей.— Онъ дѣйствительно меня любитъ... Но придетъ ли онъ сегодня извиниться въ своей выходкѣ?.." Люси посмотрѣла на часы и вдругъ захлопала въ ладоши, какъ подростокъ-пансіонерка. „Если придетъ до половины третьяго, значитъ—любитъ, и я буду съ нимъ обходиться кротко; если же послѣ—буду очень неласкова!.." И сама улыбаясь своему ребяческому уговору, молодая женщина вошла въ домъ, гдѣ ее ждали завтракать г-жа Оливье и Морисъ.

За завтракомъ, по обыкновенію, Люси побранила кузена за то, что онъ мало ѣстъ; разсказала про свои утреннія похожденія, подшучивая надъ испуганной миной бѣднаго Мориса, котораго смущали ея нѣсколько рѣзкія выдумки; разспрашивала тетку о послѣднихъ газетныхъ новостяхъ. Когда Морисъ вышелъ, поднялась къ себѣ наверхъ и г-жа Оливье, которая въ своей комнатѣ у окна постоянно сидѣла за какими-то таинственными работами, которыя потомъ (дѣйствительно, сюрпризомъ) дарились племянницѣ, ничего не подозрѣвавшей о ихъ существованіи до самой послѣдней минуты.

Подъ предлогомъ писать письма, и г-жа де-Нансей ушла къ себѣ въ маленькую гостиную. Тамъ она принялась курить папиросы и поглядывать на стрѣлки своихъ дорожныхъ часовъ подъ стекляннымъ колпакомъ; они стояли въ тѣсной близости съ японской пепельницей, на половину разрѣзанной книжкой французскаго романа и двумя портретами, которые Люси считала наиболѣе на

себя похожими. Она отнеслась серьезно къ своему шуточному уговору и съ полнѣйшей важностью слѣдила за временемъ.

— Два часа... Два часа пять минутъ... Два часа десять...

Инстинктивно повинуясь кокетству, она перемѣнила свой утренній полу-мужской нарядъ на чисто-женское платье—все изъ бѣлыхъ кружевъ на розовомъ чехлѣ, перехваченное такими же бантами на рукавахъ и на поясѣ. Рукава, приподнятые до локтя, обнажали ея красивыя руки, которыя свидѣтельствовали о силѣ и твердости ея хрупкаго тѣла, которое она могла и умѣла подчинять своей волѣ.

— Два часа восемнадцать... Два часа двадцать минутъ...

Стрѣлка почти дошла до половины, когда раздался звонокъ и слуга вошелъ спросить, угодно ли будетъ ея сіятельству принять сэра Страбэна.

Торжествующая улыбка мелькнула у нея на губахъ.

— Конечно,—проговорила графиня и встрѣтила посѣтителя привѣтливой, ласкающей улыбкой.

Но у него въ глазахъ и на лицѣ лежало выраженіе твердой рѣшимости, которое даже самымъ безхитростнымъ женщинамъ нравится превращать въ болѣе счастливое и мирное.

— Какъ съ вашей стороны мило, очень мило не дуться на меня и принести мнѣ такъ скоро свои извиненія!—сказала Люси, приподнимаясь на подушкахъ дивана и указывая ему на стулъ кончикомъ своего вязальнаго крючка.—Садитесь сюда и ничего не говорите, не стоитъ того! Вы опять нашли меня слишкомъ *смѣлой*... не такъ ли? Вы дали мнѣ это понять, а затѣмъ почувствовали угрызенія совѣсти... Да? Ну, хорошо же: отпускаются вамъ грѣхи ваши, но впредь—не грѣшите! — заключила она, кокетливо грозя ему крючкомъ.

— Вы ошибаетесь, графиня!—возразилъ молодой человѣкъ такимъ серьёзнымъ тономъ, который рѣзко отличался отъ легкаго тона Люси.—Я пришелъ вовсе не съ цѣлью принести вамъ свои извиненія; да я и не чувствую, чтобы въ чемъ-либо провинился передъ вами.

— Ну что же, и прекрасно!—шаловливо отвѣчала Люси, положивъ въ сторону работу и зажигая папироску.—Вы, значитъ, явились сдѣлать мнѣ еще сцену? Сцена или извиненіе—вотъ единственный выборъ, который предстоитъ человѣку неправому... Начинайте, я слушаю!

— Парижанки очень остроумны...—не спѣша, началъ сэръ Джонъ, и въ то же время припомнилъ свое рѣшеніе покончить разъ и навсегда съ вопросомъ: любитъ она его или нѣтъ?

Смѣхъ Люси до крайности раздражалъ его. Ему казалось, что молодая женщина должна бы лучше понимать припадокъ ревности, жертвой котораго онъ такимъ образомъ являлся. Для него была просто невыносима рѣзкая разница между его глубокой и мучительной серьезностью и милой свѣтской шутливостью, съ которой къ нему отнеслась графиня.

— Да,—продолжалъ онъ.—Вы очень остроумны; но помните ли вы названіе одной изъ комедій Альфреда де-Мюссе?

— „La coupe et les levres...“—начала она лукаво; но вдругъ замѣтила въ глазахъ англичанина свирѣпое выраженіе, напомнившее ей мужа, и ея настроеніе мигомъ измѣнилось.

„И что это я, въ самомъ дѣлѣ?—подумала она про себя.— А! вамъ угодно было дать первый выстрѣлъ; что-жъ?! вамъ отвѣтятъ тѣмъ же. Васъ надо проучить,—и проучатъ... извольте“!

— Нѣтъ!—говорилъ между тѣмъ сэръ Джонъ серьёзно и печально.—Нѣтъ, не „La coupe et les levres“, а „On ne badine pas avec l'amour“. Позвольте мнѣ напомнить вамъ разговоръ, который былъ у насъ тогда, мѣсяца три тому назадъ, когда я имѣлъ честь просить вашей руки... Вы отвѣчали мнѣ...

— Чтобы вы подождали полгода,—перебила Люси.—Но теперь еще, кажется, только іюль мѣсяцъ?

— Я принялъ вашъ отвѣтъ,—продолжалъ Страбэнъ,—такъ какъ предполагалъ, что вы дѣйствительно хотите провѣрить свои чувства. Но я не могу допустить, чтобы вы назначили мнѣ этотъ срокъ единственно съ цѣлью меня мучить!

— Я, право же, добрая! — возразила Люси.—Мой урокъ фехтованья настроилъ меня на веселый ладъ; я вамъ и не противорѣчу! Но мучить васъ?! Да чѣмъ же, наконецъ?!

— Вашею близостью съ людьми, одинъ взглядъ которыхъ долженъ бы васъ оскорблять, Люси!—горячо продолжалъ онъ.— Если вы вовсе не имѣете намѣренія быть моею женою,—такъ и скажите! Это будетъ даже великодушно съ вашей стороны. Если жъ, наоборотъ, вы согласны,—пожертвуйте мнѣ тѣми людьми, которые мнѣ непріятны; я чувствую, что иначе я съ ума сойду отъ ревности!

— Ужъ не къ маркизу ли Бонниво вы такъ ревнуете?

— О, вамъ прекрасно извѣстно, что я говорю о князѣ,— возразилъ англичанинъ.—Онъ ухаживаетъ за вами... я это знаю, я это чувствую, я это вижу! И я не потерплю, чтобы вы, передъ тѣмъ, какъ сдѣлаться моей женой, прошли черезъ его ухаживанье!

Выраженіе его губъ сдѣлалось и грустнымъ, и жесткимъ. Но

эта грусть не тронула графиню де-Нансей: въ ней она видѣла лишь жестокость, вызванную ревностью. Изъ боязни, чтобы, выведенный изъ себя, онъ не сказалъ ей грубости, она встала.

Всталъ и онъ. Тогда Люси нажала пуговку звонка и проговорила:

— Вы, конечно, сами обсудите все хорошенько и увидите, что обиднѣе всего въ вашемъ обращеніи со мною, въ вашихъ словахъ. Простите, что я такъ скоро должна васъ оставить. Я приказала заложить карету къ тремъ часамъ, а мнѣ еще надо одѣться... До свиданья!

— Прощайте!—отвѣчалъ сэръ Джонъ, откланиваясь. Видимая холодность къ нему г-жи де-Нансей совершенно добила его.

— Она просто кокетка!—говорилъ онъ себѣ, возвращаясь въ городъ.—Даю себѣ слово послѣ-завтра же уѣхать отсюда, не повидавшись съ нею...—И дорогой приказалъ кучеру остановиться у телеграфа, чтобы послать своему другу Герберту депешу, что выѣзжаетъ.

„Ну, что онъ за дикарь!—повторяла Люси въ то время, какъ горничная приготовляла ей одѣваться.—Что за дикарь! Онъ мнѣ сказалъ: „прощайте!“... А самъ завтра же будетъ у моихъ ногъ, кающійся, покорный! Но все-таки это добромъ не кончится“...

И легкая дрожь пробѣжала по ея красивымъ плечамъ.

VI.

„Однимъ меньше! — облегченно вздохнулъ Бонниво, возвращаясь домой съ вокзала, гдѣ онъ провожалъ Страбэна, будто бы отозваннаго на родину спѣшной телеграммой. Знаю я этого господина: онъ писать не будетъ! Знаю и Люси: она мизинцемъ не пошевельнетъ, чтобы его вернуть. Самый удачный бракъ можно разрушить, если два гордеца наскочатъ другъ на друга. Ну, а теперь займусь *тѣмъ*... другимъ...“ И маркизъ глубоко задумался о молодомъ неаполитанскомъ князѣ.

Ему стоило только вспомнить его черные глаза, его взгляды— настолько же привѣтливые, насколько и неразгаданные, чтобы понять, что въ немъ не было ничего общаго съ горячимъ, но искреннимъ англичаниномъ.

„Надо будетъ держать ухо востро, — сказалъ онъ самъ себѣ.—Мы ужъ давно разгадали другъ друга“...

Шелъ дождь, и маркизъ, прячась подъ зонтикомъ, маневри-

ровалъ между грязными лужами съ ловкостью кошки, которая пробирается по столу между бездѣлушками, наваленными въ безпорядкѣ.

Неловко стукнувшееся колесо проѣзжавшаго мимо экипажа окатило его грязью и навело на мысли о томъ времени, когда онъ еще былъ богатъ.

„Когда я буду мужемъ г-жи де-Нансей, эти непріятности перестанутъ для меня существовать“, подумалъ онъ.

Положимъ, ему представлялся не одинъ случай разбогатѣть, если бъ онъ захотѣлъ дать кому нибудь свое имя; но на такой торгъ онъ пойдетъ не иначе, какъ въ случаѣ крайности. Въ силу необъяснимаго противорѣчія, маркизъ не задумывался поступать нескромно въ картежной игрѣ; и въ то же время его самолюбію было противно дать поводъ говорить, что онъ женился на уродѣ изъ-за ея двухъ милліоновъ приданаго. Его тщеславіе, его самолюбіе, какъ человѣка, которому съ женщинами всегда везло, возмущалось противъ возможности допустить, чтобы имя маркизы Бонниве носила некрасивая женщина. Бонниве переѣхалъ во Флоренцію единственно съ цѣлью намѣтить женщину, которая соединяла бы въ себѣ условія независимаго положенія въ обществѣ, богатства и привлекательной наружности. Все это соединяла въ себѣ Люси де-Нансей. Зато онъ и занялся наступленіемъ на нее—съ замѣчательнымъ искусствомъ, осторожностью и постоянствомъ.

„Какъ ни хитеръ Виталé, а я — не я буду, если не потоплю его!—говорилъ онъ самъ съ собою. —„Впрочемъ, и г-жа Аннеркова такъ хороша собой“!

Дама, которую такимъ образомъ маркизъ упомянулъ, была русская, разведенная со своимъ вторымъ мужемъ; она принадлежала къ высшему обществу и прибыла во Флоренцію двѣ недѣли тому назадъ. Она встрѣчалась съ княземъ и безъ памяти въ него влюбилась, въ чемъ и призналась своей соотечественницѣ, г-жѣ Денисовой, веселому бѣлокурому созданью, вѣчно въ движеніи, вѣчно готовому смѣяться и болтать. Блѣдная, худенькая, романической внѣшности, Денисова только и думала, что о любовныхъ приключеніяхъ, которыя она всѣ принимала за нѣчто-серьезное, подъ личиною чувства. Она боготворила маркиза Бонниве за его славу бывшаго волокиты.

— Да это идеально! Это очаровательно!—восторгалась она, бесѣдуя однажды съ Бонниве: — такой громовой быстротѣ позавидовалъ бы вашъ знаменитый писатель... ну, какъ тамъ его... Никакъ не припомню! А вѣдь, кажется, ужъ какъ люблю его ро-

маны... такіе восхитительные!..—Она видѣла его только два раза и уже полюбила его... да, полюбила!—Я по немъ просто съума схожу,—говоритъ она.—Познакомьте его со мной!..

— А были у нея когда-нибудь любовныя приключенія?— спросилъ Бонниво.

— Еще бы!—отвѣчала Денисова, уже увлекаясь. Да, помилуйте, голубчикъ, изъ-за нея застрѣлился Борисъ... Вы знаете, тотъ... Борисъ Өедоровичъ... ну, словомъ, Каратьевъ, о которомъ я вамъ говорила. Сидѣли мы однажды у княжны Софьи и забавлялись столоверченіемъ. Между нами были и такіе не вѣрующіе, какъ вы, напримѣръ. Ну, такъ вотъ, голубчикъ, столъ и говоритъ: „Я духъ Бориса!..“ — Какого это Бориса? — спрашиваетъ мой братъ. „Бориса Өедоровича“,—отвѣчаетъ столъ.—Да это невозможно!—кричитъ мой братъ.—Я былъ у него сегодня передъ обѣдомъ...

— Дѣло было въ Петербургѣ,—продолжала Денисова.—Мы тотчасъ же послали на квартиру къ Каратьеву... Онъ застрѣлился въ восемь часовъ вечера, а былъ уже одиннадцатый часъ. Изъ-за чего же? Изъ-за Ирины Аннерковой, которая бросила его и сошлась съ однимъ изъ его друзей, прелестнымъ господиномъ...

Эти странныя розсказни Денисовой приходили на умъ маркизу по дорогѣ домой и весь остальной день и вечеръ и даже у графини Арденца, гдѣ его протеже, де-Фигонъ (на этотъ разъ уже безъ С.) имѣлъ огромный успѣхъ. Онъ умѣлъ подражать семнадцати знаменитымъ парижскимъ актерамъ, которые пѣли извѣстную пѣсенку Мюссе:

Si vous croyez, que je vais dire...

Это былъ одинъ изъ способовъ, которыми молодой человѣкъ пробивалъ себѣ въ обществѣ дорогу.

— Сперва: я пропою самъ! — объявилъ онъ и совершенно просто и естественно изобразилъ свою пѣсенку. Но затѣмъ проговорилъ:

— А вотъ—Сара Бернаръ!—и тотчасъ же, склонивъ голову на бокъ, измѣнивъ свой голосъ на болѣе тонкій, принялся подражать мимикѣ и говору знаменитой трагической актрисы.

— Баронъ!.. Делонэй!.. Готъ!..—заявлялъ онъ поочередно и въ заключеніе надѣлъ накладной носъ, который вынулъ изъ кармана.

— Гіосентъ!..—пояснилъ онъ въ послѣдній разъ.

— Ну, ужъ эти французы! — восклицала Денисова среди шума рукоплесканій.—Да я ихъ просто обожаю!... Миленькій маркизъ, представьте мнѣ и этого тоже, чтобы онъ непремѣнно былъ

у меня на вечерѣ послѣ-завтра. Какъ вы думаете, согласится ли онъ изображать для насъ свои интересныя пѣсенки?

Вводя де-Фигона въ домъ Денисовой, маркизъ видѣлъ въ будущемъ возможность съ пользою употребить влеченіе Аннерковой къ князю. Въ качествѣ покровителя молодого де-Фигона, Бонниво согласился быть устроителемъ ужина, который тотъ хотѣлъ дать у Донэй передъ своимъ отъѣздомъ изъ Флоренціи. Денисова и ея пріятельница должны были принять въ немъ участіе, и Аннеркову, конечно, надо было посадить рядомъ съ княземъ. Да, она хороша собой,—не особенно строгой нравственности,—а онъ еще очень юнъ. Самая крохотная невѣрность со стороны Виталé подвинетъ дѣла Бонниво весьма значительно впередъ въ глазахъ Люси...

„Все-таки, это будетъ шагъ впередъ,—разсуждалъ маркизъ: —а тамъ придумаемъ и еще что-нибудь другое"...

Онъ сознавалъ прекрасно, что при выборѣ себѣ супруга г-жа де-Нансей будетъ главнымъ образомъ руководствоваться своей увѣренностью въ глубинѣ того чувства, которое она съумѣла внушить. Поэтому Бонниво, особенно съ тѣхъ поръ, какъ началъ приводить въ исполненіе свои планы, старался не подавать ни малѣйшаго повода къ сплетнямъ. Такое благоразуміе не стоило ему никакого труда; князю же приходилось бы въ этомъ случаѣ бороться съ сильнымъ искушеніемъ.

Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ соображеній было то важное обстоятельство, что десять дней спустя послѣ вечера у графини Арденца и по отъѣздѣ Страбэна, въ двѣнадцатомъ часу вечера, князь Виталé направился пѣшкомъ въ ресторанъ на улицѣ Торнабони, по пригласительной карточкѣ г. Луи-Сервена де-Фигонъ; наверху карточки скромно стояла баронская корона.

Неаполитанецъ зналъ, что еще есть время, и съ наслажденіемъ, не спѣша, брелъ себѣ вдоль по набережной Арно. Тихо струились воды рѣки, и шумъ ея объ запруду, возведенную со стороны Кашинъ, доносился къ нему непрерывно и глухо. Лавки, ютившіяся на пролетахъ Стараго моста, яснѣе виднѣлись при свѣтѣ луны, отъ которой еще чернѣе выступалъ пригорокъ Санъ-Миніато. Множество звѣздъ заполняло обширное небесное пространство...

Князю пріятно было идти не спѣша, останавливаться, облокачиваться на перила моста, любоваться видами. Онъ курилъ съ наслажденіемъ одну изъ тѣхъ длинныхъ виргинскихъ сигаръ, черныхъ и крѣпкихъ, которыя зажигаютъ съ помощью введен-

ной въ нихъ соломинки: на мѣдную машинку кладутъ сигару и, такимъ образомъ, подносятъ ее къ свѣчкѣ.

Князь тихо напѣвалъ неаполитанскую пѣсенку, которую слышалъ отъ музыкантовъ у г-жи де-Нансей, о перепелочкѣ, которая обманула охотниковъ.

„Нѣтъ!—возражалъ князь самъ себѣ на слова незатѣйливой пѣсенки! — Моя перепелочка-красавица меня не обманетъ; но очень хотѣлъ бы меня самого обмануть тотъ, другой охотникъ...“ И ему тотчасъ же представился тонкій, какъ у дипломата, профиль Бонниво, малѣйшія морщинки котораго выдавали его лукавство и постоянное наблюденіе за собою.

На минуту еще пылкое воображеніе неаполитанца занялось этимъ вопросомъ, и онъ продолжалъ разсуждать такимъ образомъ:

„Съ тѣхъ поръ, какъ англичанинъ уѣхалъ, эта „особа“ стала особенно медоточива... Но мухи, говорятъ, не падки на уксусъ; а донъ-Антоніо Виталé не падокъ и на медъ“...

Повторяя себѣ мысленно эти слова, князь подмигнулъ самъ себѣ, какъ это съ нимъ случалось, въ знакъ ироніи, причемъ выраженіе его глазъ становилось совершенно непередаваемымъ. Въ немъ можно было прочитать и жесткость, и притворство, чтò вызывало иной разъ злобное замѣчаніе со стороны Бонниво:

— Вижу, вижу, что у Виталé дурной глазъ... Только не знаю: который?

„Все вздоръ!—продолжалъ думать молодой человѣкъ:—слишкомъ глупо будетъ съ моей стороны мучиться объ этомъ съ этихъ поръ! Перестанемъ тревожиться и посмотримъ, чтò онъ будетъ дѣлать,—какъ совѣтуетъ всегда нашъ Гертбизъ... Чтò за дивная ночь“!..

Въ характерѣ князя была чисто-итальянская черта—умѣнье безъ задней мысли наслаждаться впечатлѣніемъ минуты, несмотря на то, что онъ былъ въ то же время поглощенъ стремленіемъ къ совершенно иной цѣли.

„А если я женюсь на Люси... — продолжалъ онъ. — Буду ѣздить туда на шесть мѣсяцевъ каждый годъ (*туда*—то-есть въ Неаполь и въ окрестности Отранто, гдѣ онъ провелъ свою раннюю молодость). И будемъ себѣ жить беззаботно. О, почему же я еще не тамъ?.. Да потому, князь, потому что у васъ всего нá-все осталось двадцать-двѣ тысячи триста франковъ... и ни сантима больше!.. До приключеній моихъ съ дядюшкой, мнѣ было бы и того довольно. Милый дядюшка добрякъ! И чтò мнѣ вздумалось тогда отбить у него танцовщицу Біанку и сдѣлать себѣ изъ него врага?.. Ну, да не все ли равно? Люси хо-

роша собой, она будетъ княгиней, а маркизъ останется ни при чемъ.

На ближайшей церковной колокольнѣ пробили часы; отчетливо и ясно раздавался ихъ бой въ чистомъ флорентійскомъ воздухѣ.

„Могу побродить еще минутъ десять а затѣмъ пойдемъ ужинать! Я голоденъ какъ волкъ сегодня... И къ чему этотъ Бонниво заставилъ своего французика пригласить меня къ себѣ? Самъ же онъ ежедневно выигрываетъ съ него горсть золотыхъ, подъ предлогомъ того, что покровительствуетъ ему. Онъ хочетъ помѣшать мнѣ подмѣтить его хитрость, и потому прикидывается любезнымъ... Онъ, какъ будто, принимаетъ меня за страшнаго дурака?.. Meno male!.. Въ томъ-то и есть хитрѣйшая изъ хитростей, чтобы слыть простакомъ...“ —разсуждалъ Виталé, бросая сигару и поднимаясь по лѣстницѣ ресторана, съ милою улыбкой на губахъ. Кто видѣлъ эту улыбку, тому невольно вспоминались изящные вельможи XVIII вѣка, единственное занятіе которыхъ было сначала забавляться самимъ и ужъ потомъ забавлять другихъ. Дорóгой князь продолжалъ напѣвать дальше все ту же пѣсенку:

Въ Позилиппо вечеркомъ
Я пойду, пойду:
Молодежи лучшій цвѣтъ
Тамъ найду, найду!..

VII.

— Аккуратенъ какъ солдатъ!—проговорилъ Бонниво, встрѣчая князя на порогѣ маленькой пріемной, черезъ которую надо было проходить въ залу, гдѣ былъ приготовленъ ужинъ.

— Маркизъ!—замѣтилъ ему Сервенъ, пожимая руку вновь прибывшему:—аккуратность—вѣжливость князей!

По одному только тону, съ которымъ де-Фигонъ произносилъ слова: *князь* и *маркизъ*, можно было догадаться, какую глубокую радость ему доставляло видѣть въ числѣ своихъ гостей настоящихъ высокорожденныхъ особъ.

Этотъ ужинъ, партіи „рубикона“ съ маркизомъ Бонниво, полу-любовное приключеніе съ графиней (хоть и пятидесятипятилѣтней, но все же *графиней*), которую онъ лишь изъ деликатности не пожелалъ пригласить къ себѣ на ужинъ въ этотъ разъ,—вотъ въ чемъ должны были заключаться главныя событія его пребыванія во Флоренціи, которое стоило ему не мало денегъ.

Пріѣхалъ онъ туда съ одной дамой полу-свѣта, нѣкоей Полиной Марли, которую, за ея отношенія къ разнымъ вельможамъ, Казаль прозвалъ „Готской“ Готонъ. Де-Фигонъ, тщеславія ради, увезъ ее изъ Парижа и того же тщеславія ради отправилъ ее обратно, изъ Флоренціи, довольно щедро одаривъ ее на прощанье, чтобы она только не мѣшала ему бывать у титулованныхъ особъ. Сначала онъ было-выдавалъ ее за великосвѣтскую даму передъ тѣми, кто видѣлъ ихъ вмѣстѣ,—но гдѣ ужъ ему было провести Бонниво!!...

— Но, милый графъ, мнѣ даже было некогда осмотрѣть здѣсь часовню Медичи!—возразилъ онъ на замѣчаніе одного изъ своихъ гостей, человѣка среднихъ лѣтъ, который совѣтовалъ ему остановиться въ Сіеннѣ, чтобы посмотрѣть на соборныя картины. —Помилуйте! Да тутъ у васъ безпрестанно зовутъ то туда, то сюда; вы, флорентійцы, такой радушный народъ, что ни минуты не принадлежишь себѣ за цѣлый день... И, наконецъ, вѣдь не могу же я пропустить скачки въ Пизѣ,—а тамъ тотчасъ же долженъ отправляться въ Парижъ, на представленіе Надской графини (о которой онъ зналъ лишь по газетамъ). Милая Іоланда! Неужели вы не были съ нею знакомы здѣсь же, во Флоренціи, два года тому назадъ?.. Ахъ, извините, господа: вотъ г-жа Аннеркова съ г-жей Денисовой... Вы меня извините, графъ?.. Вотъ и графиня Арденца!..

Послѣдняя вошла въ сопровожденіи своего друга Ванини, который никогда не отходилъ отъ нея ни на шагъ. Онъ исполнялъ всѣ ея порученія, заботился о разныхъ домашнихъ потребностяхъ и присматривалъ за воспитаніемъ ея сына. Связь съ нимъ продолжалась уже пятый годъ и мало-по-малу возвратила графинѣ то мѣсто, которое она прежде занимала въ обществѣ и которое одно время утратила, благодаря своему непостоянству.

— Мужъ мой очень извиняется, что нигдѣ не можетъ такъ поздно бывать: у него все мигрени. Ченчіо!—обратилась она къ своему вѣрноподданному:—вы приказали кучеру быть здѣсь къ половинѣ втораго?..

— Мы всѣ въ сборѣ,—сказалъ маркизъ своему протеже́:—предложите руку графинѣ!

Небольшая зала, въ которой происходили эти разговоры, представляла собой сколокъ въ миніатюрѣ съ разнороднаго флорентійскаго общества. Всѣхъ образцовъ его было десять: двѣ дамы—русскія; одна—англичанка, почтенная м-съ Браунъ, женщина лѣтъ уже за̀-сорокъ, съ грубымъ рябоватымъ лицомъ, страшно рыжая и головой выше любого мужчины; итальянка—графиня

Арденца; одинъ голландецъ, котораго считали почитателемъ Денисовой; Винченціо Ванини—возлюбленный (patito) графини; графъ—полякъ, восторженный поклонникъ достопримѣчательностей Сіенны и первобытныхъ художниковъ, претендентъ на руку м-съ Браунъ; затѣмъ—маркизъ Боннивэ, представитель своихъ предковъ, приближенныхъ Франциска I; Виталé—наслѣдникъ одного изъ самыхъ старинныхъ итальянскихъ именъ, и наконецъ самъ амфитріонъ, который представлялъ собою наглядное вторженіе современной демократіи въ аристократическія сферы. И въ самомъ дѣлѣ: дѣдушка Сервенъ, который вотъ ужъ лѣтъ шестьдесятъ подъ-рядъ только и зналъ, что обработывалъ землю, не мало бы удивился, видя, что его внукъ даетъ ужины такимъ высокопоставленнымъ и высокороднымъ гостямъ.

Двери распахнулись настежъ, и передъ гостями появился большой столъ, весь убранный цвѣтами и сверкающій хрусталемъ и серебромъ.

— Десять человѣкъ за столомъ—самое настоящее дѣло!—говорилъ де-Фигонъ своей сосѣдкѣ.—Можно разговаривать съ каждымъ въ отдѣльности и со всѣми вообще. Такъ думаетъ и маркизъ... О, графиня! Какъ я счастливъ, что маркизу угодно было сдѣлаться моимъ другомъ!

Въ то время, какъ вокругъ начинался шумъ, обычный за ужиномъ, — сначала при довольно-натянутой веселости,—князь, которому привычно было вниманіе женщинъ, замѣтилъ безъ труда, что онъ нравится Аннерковой. Ему очень мало приходилось съ нею встрѣчаться, но, благодаря его природному самомнѣнію, ему вовсе не казалось удивительнымъ, что эти немногія встрѣчи помогли ему заполонить сердце молодой женщины.

— Вы всегда живете во Флоренціи, князь?—говорила она, и по самому тону, съ которымъ она произносила слово *князь*, можно было догадаться, что она въ него вложила весь тотъ оттѣнокъ льстивой нѣжности, которой отличаются, главнымъ образомъ, женщины, желающія нравиться и дать это понять предмету своей страсти.

Вокругъ уже раздались вопросы и отвѣты:

— Были вы вчера на „Сельской чести“?

— А слышали, какъ хотятъ обмануть на 1-е апрѣля капитана Гарди? Ему пошлютъ телеграмму, будто его начальство немедленно вызываетъ его обратно. Онъ вѣдь еще въ Сициліи...

— Ну, какъ играли вчера въ клубѣ?—и т. д., и т. д...

— Право, не знаю, какъ и сказать,—отвѣчалъ между тѣмъ Виталé своей сосѣдкѣ:—не могу положительно утверждать, что я

я живу во Флоренціи или въ какомъ-либо другомъ городѣ... Скучно мнѣ здѣсь—я ѣду куда нибудь; скучно и тамъ—я опять возвращаюсь сюда...

— Ну, въ такомъ случаѣ, скажите: скучно вамъ или весело во Флоренціи?

Такимъ образомъ, послѣ перваго же блюда, молодая женщина, въ порывѣ сердечной откровенности, уже дошла до того, что принялась объяснять князю свои воззрѣнія на любовь.

— Я не допускаю мысли, что можно пойти на сдѣлку съ нравственными правилами общества!—говорила она.—Любовь должна быть или полная, или совсѣмъ не быть! За всю мою жизнь я читала только одну книгу, гдѣ говорилось о настоящей любви: это „Проступокъ аббата Мурэ", Золà... Вы знакомы съ этой книгой?

Въ ту минуту, какъ Виталé прислушивался къ ея словамъ, поддаваясь обаянію ея ласкающихъ взоровъ, онъ вдругъ замѣтилъ, что по ту сторону стола Денисова улыбнулась и черезъ столъ указывала маркизу на то, какую красивую пару представлялъ изъ себя онъ, князь, и его сосѣдка. Маркизъ отвѣтилъ ей улыбкой и подмигиваньемъ, которое ясно говорило:

„Что жъ дѣлать? Отъ судьбы не уйдешь"!

„А! вотъ оно что! — пронеслось въ головѣ Виталé съ быстротою молніи, и онъ поставилъ на столъ стаканъ вина, который хотѣлъ-было выпить.—Мы не попадемся въ вашу грубую ловушку, г. маркизъ: не придется вамъ завтра съ притворнымъ сожалѣніемъ разсказывать г-жѣ де-Нансей про мои любовные успѣхи у г-жи Аннерковой"!..

И тотчасъ же вслухъ проговорилъ, мѣняя направленіе, которое было-приняла ихъ бесѣда:

— Я никогда не читаю романовъ. Намъ, бѣднымъ итальянцамъ, за послѣднія двадцать лѣтъ, приходилось трудиться надъ возрожденіемъ нашего отечества... А вамъ самимъ хорошо извѣстно, что литература и война никакъ не вяжутся вмѣстѣ. Вамъ не случалось видѣть томикъ писемъ маркизы д'Азеліо?

Виталé пустился распространяться на тему о чудной роли женщинъ Пьемонта во время войны, пересыпая свою рѣчь анекдотами про Кавура, Виктора Эммануила, Гарибальди... Такъ что, вставая изъ-за стола, онъ былъ въ тѣхъ же отношеніяхъ со своей сосѣдкой, какъ и садясь за ужинъ.

— Сраженіе выиграно? — спросила свою пріятельницу Денисова.

— Даже и не начато!—непріятно засмѣялась Аннеркова ей

въ отвѣтъ.—Князь красавецъ мужчина; но эти итальянцы разучились понимать, что такое женщина. Толкуетъ себѣ о политикѣ, о королѣ, о германскомъ союзѣ... И скученъ же онъ, какъ газета!

— Какъ? Виталé говоритъ о политикѣ? Не можетъ быть!.. Мнѣ его просто подмѣнили.

Возвращаясь къ себѣ, въ свою квартиру, часу въ третьемъ утра, князь чувствовалъ полное довольство собою.

Онъ долго выжидалъ, чтобы очистилась эта меблированная квартирка, въ которой онъ познакомился съ ея прежнимъ жильцомъ — художникомъ-американцемъ, снимавшимъ копіи съ картинъ св. Марка.

Въ двѣ комнатки, изъ которыхъ она состояла, можно было попасть не иначе, какъ поднявшись въ четвертый этажъ; но зато онѣ выходили на южную сторону рѣки Арно, и съ балкона былъ чудесный видъ на колокольни, дворцы и красивыя виллы далеко, далеко... туда, гдѣ ихъ очертанія бѣлѣли на темномъ фонѣ листвы кипарисовыхъ деревъ.

Прислуживала князю простая женщина, произносившая звукъ *ч* на флорентійскій манеръ, въ родѣ придыханія: *x*. Хозяйка же старушка, вдова офицера, убитаго въ 1866 году, когда-то была богата, и обломки прежняго величія дали ей возможность кокетливо принарядить маленькую гостиную и спальню, за которыя она получала по четыре франка въ день.

Эти деньги, а равно и всѣ остальныя, необходимыя на расходъ, князь бралъ изъ своей неразлучной шкатулки, которая стояла у него тутъ же, на комодѣ, рядомъ съ дорожнымъ несессеромъ.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ всегда готовъ въ нѣсколько часовъ безъ малѣйшаго труда собраться хоть въ кругосвѣтное путешествіе.

Въ ту ночь, вернувшись домой, Виталé задумчиво оглядывалъ подробности всей своей обстановки и улыбался, мысленно представляя себѣ разочарованіе и досаду Боннивэ.

„Интересно знать, буду ли я лучше спать, когда буду владыкой и повелителемъ на виллѣ Верекіева? А что непремѣнно буду,—такъ ужъ это вѣрно, какъ вы ни хитрите, г-нъ маркизъ"!

Какъ ни былъ доволенъ собой молодой итальянецъ, онъ сталъ еще довольнѣе, когда Люси увидалась съ нимъ, нѣсколько дней спустя.

Въ то утро было очень холодно, а Виталé пришелъ къ ней въ одномъ сюртукѣ.

— Ахъ, да!—какъ будто спохватилась она.—Вы вѣрно оставили свой плащъ въ рукахъ прекрасной Аннерковой?

— О, графиня!—возразилъ онъ.—Если я и былъ на мѣстѣ Іосифа, то право же безъ моего вѣдома и согласія.

— Но вѣдь она такъ хороша собой! — продолжала графиня.

— Да, очень хороша! Но какой я ни кровный итальянецъ, а слѣдую (хотя это и смѣшно) твердому правилу не измѣнять, и если люблю одну женщину, то всѣ другія для меня не существуютъ!

Люси зарумянилась прелестнымъ румянцемъ, какимъ краснѣютъ исключительно блондинки, у которыхъ глаза становятся при этомъ еще красивѣе, синѣе. Князь пришелъ въ восторгъ отъ того, что она покраснѣла; тѣмъ болѣе, что и маркизъ, вдобавокъ, становился съ нимъ все менѣе и менѣе любезенъ. А это обстоятельство было для него какъ бы барометромъ, обѣщавшимъ ему, князю, несомнѣнный успѣхъ.

VIII.

Теперь князь фехтовалъ съ графиней обязательно три или четыре разъ въ недѣлю и обязательно въ присутствіи Боннивэ. Послѣдній, крайне искусный фехтовальщикъ, каждый разъ побѣждалъ князя, а тотъ съ чисто-дипломатическимъ изяществомъ признавалъ себя побѣжденнымъ, уступающимъ въ ловкости противнику; но зато, сознавая свое превосходство въ силѣ и гибкости молодыхъ мускуловъ, онъ умѣлъ, какъ никто, дать это замѣтить. Впрочемъ и самый цвѣтъ лица ихъ обоихъ настолько выдавалъ разницу въ ихъ лѣтахъ, что Люси не могла удержаться отъ невольнаго между ними сравненія.

— Ну, „Милъ-королевичъ",—говорила она князю въ перерывахъ:—спойте своей дамѣ романсъ!

И князь тотчасъ же садился на полъ, какъ и вставалъ—не помогая себѣ руками: пустой дѣтскій фокусъ, въ которомъ онъ могъ смѣло соперничать съ своимъ противникомъ, слишкомъ зрѣлымъ для такихъ проявленій гибкости.

Скрестивъ ноги и изображая изъ рапиры гитару, онъ съ ловкостью настоящаго актера извлекалъ изъ нея звуки, похожіе на струнные, напѣвая одну изъ тѣхъ уличныхъ неаполитанскихъ пѣсенъ, которыя такъ любила Люси. Голосъ Виталé былъ чистый и музыкальный, а мимика оживленная и ȯбразная, но не каррикатурная, потому что никогда не переходила въ уродливыя движенія или гримасы.

— Это для меня самая лучшая минута за весь день! —восклицала г-жа де-Нансей.—Ну же, „Милъ-королевичъ", ну еще разъ тотъ же куплетъ и точь-въ-точь, какъ сейчасъ!

И въ самомъ дѣлѣ, князь былъ очень „милъ" да вдобавокъ и самъ обвороженъ. Крайняя гибкость его характера помогала ему, какъ школьнику, ловить радости текущаго дня въ то время, какъ онъ съ холодной разсчетливостью думалъ о грядущемъ днѣ. Казалось, все слагалось такъ, чтобы только радовать его: и милыя улыбки Люси, и надежды разбогатѣть, и счастіе наслажденія физической жизнью, и даже неудача въ картахъ...

Въ одинъ прекрасный вечеръ, когда Люси была съ нимъ кокетливѣе обыкновеннаго, особенно во время прогулки въ экипажѣ въ картезіанскій монастырь, Виталé зашелъ въ клубъ.

Въ ту самую минуту, когда онъ входилъ, турецкій дипломатъ, недавно прибывшій во Флоренцію проѣздомъ, предлагалъ Бонниво съиграть партію въ „рубиконъ"; маркизъ отговаривался необходимостью идти съ визитомъ... Богъ знаетъ, почему князь не могъ воспротивиться искушенію унизить своего соперника, про котораго говорили, что онъ такъ же бѣденъ, какъ и князь, но никогда не играетъ иначе, какъ навѣрняка; Виталé вызвался замѣнить его, и партнеры усѣлись.

— Почемъ?—спросилъ князь.

— Хотите, по золотому фишка?—предложилъ дипломатъ, настроенный на расточительность примѣровъ блаженной памяти своего соотечественника Халимъ-Бея, который иначе не игралъ, какъ по золотому.

— Извольте. Идетъ по золотому! — согласился князь, явно кокетничая своимъ согласіемъ: такая ставка была для него слишкомъ не по средствамъ.

„Или онъ ужъ такъ увѣренъ въ своей женитьбѣ?" — подумалъ Бонниво.

Ему, однако, пришлось уйти, не видавъ конца партіи; но досада, которая отразилась у него на лицѣ, достаточно вознаградила князя.

„Этотъ арабъ сдалъ мнѣ отвратительныя карты! — думалъ онъ въ то же время:—ни одной бубновки, ни одного туза!.. Пріятно посердить маркиза, но только... я, кажется, сдѣлалъ глупость! Да: съ одного хода — двѣсти золотыхъ! Будемъ внимательны: я, кажется, проигрался!" —и ему вспомнился его незначительный капиталецъ, все его богатство...

Въ итогѣ, послѣ четвертой партіи оказалось, что Виталé сильно „нарубиконился". Еще два тура прошло съ такимъ же

результатомъ, и въ часъ ночи князь ушелъ съ проигрышемъ въ пятнадцать тысячъ франковъ, которыя и отнесъ на другой день побѣдителю.

„Да,—думалъ онъ, выходя отъ него:—другого исхода нѣтъ: или написать дядѣ и, примирившись съ нимъ, тамъ же и жениться; или... приняться за г-жу де-Нансей! Я, кажется, скоро впаду въ долги и пущусь на неблаговидныя ухищренія à la Бонниво... Надо дѣйствовать"!

Онъ позвалъ извозчика и поѣхалъ.

Въ сущности, князь Виталé былъ человѣкъ не особенно щекотливой совѣсти и подъ видомъ безпечности смотрѣлъ на вещи прямо и правильно.

„Я уже сватался за нее,—размышлялъ онъ,—и она отложила свой отвѣтъ на шесть мѣсяцевъ. Средствъ моихъ, пожалуй, хватитъ на это время и даже больше; но за полгода все можетъ измѣниться... Сегодня я въ милости у нея: воспользуемся же случаемъ попробовать счастья".

Онъ достаточно изучилъ Люси, чтобы быть увѣреннымъ, что она не потерпитъ у себя любовника: если и будетъ у нея такой —она выйдетъ за него замужъ.

— Да, выйдетъ... Любовникъ?.. А почему-жъ бы и нѣтъ?

Онъ вспоминалъ, какъ она была съ нимъ ласкова и близка за послѣдніе дни; какъ мило опиралась на его руку вчера, поднимаясь по лѣстницѣ монастыря; какъ улыбалась, прикрѣпляя къ поясу цвѣты, которые онъ самъ ей нарвалъ на заброшенномъ кладбищѣ...

„Погода сегодня грозовая, нервная, — думалъ онъ теперь, дорогой.—Если она одна, будемъ смѣлѣе".

И въ самомъ дѣлѣ, она была одна.

Когда Виталé вошелъ въ маленькую гостиную, Люси писала письмо, и ея тонкій профиль казался еще тоньше, благодаря пышному черному воротнику, отдѣлявшему черное кружевное платье отъ ея нѣжной шеи. Какое-то томленіе отражалось въ ея глазахъ, словно отблескъ томительной, предгрозовой погоды.

— Какъ это мило, что вы пришли!—сказала она, протягивая ему руку.—А я какъ разъ хандрю...

— И я могу служить вамъ тѣмъ же, — подхватилъ князь, цѣлуя ей руку и садясь рядомъ съ нею на низенькій диванъ.— Вся разница только въ томъ и есть, что причины вашей хандры —воображаемыя, а мои—настоящія!

— О, можно ли въ самомъ дѣлѣ когда-либо понять страданіе другого?

— По крайней мѣрѣ,—возразилъ князь,—мнѣ кажется, что я васъ понимаю. Вы страдаете оттого, что ведете жизнь, противную настоящей природѣ человѣка. Посмотрите вы на это небо...— и князь указалъ на синюю лазурь, которая виднѣлась сквозь кружевную тонкую занавѣску.—Взгляните на эти цвѣты...—и его рука коснулась нѣжныхъ чайныхъ розъ, которыя умирали въ венеціанскихъ вазахъ, наполняя комнату своимъ благоуханьемъ.— Взгляните на все, все вокругъ, залитое радостнымъ свѣтомъ весны... Видите, какъ все говоритъ вамъ о любви, какъ даже сердце ваше призываетъ васъ любить! Но вы приказываете ему молчать... и оно задыхается и душитъ васъ!.. Вотъ вамъ и весь секретъ вашего унынія...

— Любовь! — тоскливо, подавленнымъ голосомъ повторила Люси:—вѣчно одна только любовь!.. По вашему выходитъ, что мы, женщины, только для того и существуемъ?..

— Мнѣ жаль васъ!—очень серьезно проговорилъ Виталé, и рѣзкая разница между его обычнымъ веселымъ тономъ и этой серьезностью придала его словамъ еще больше значенія. Лобъ его былъ такъ блѣденъ, кудри вились такъ горделиво, а зубы такъ сверкали бѣлизною, что князь могъ смѣло своимъ красивымъ ртомъ произносить такія романическія рѣчи, не боясь показаться смѣшнымъ. Эти рѣчи имѣютъ свои привлекательныя стороны для женщинъ, которыя выслушиваютъ ихъ охотно даже изъ устъ людей съ сухимъ, дѣловымъ выраженіемъ лица.

— Да, мнѣ васъ жаль... и несмотря на мою отчаянную тоску, я считаю свою судьбу все-таки лучше вашей! Я страдаю, но зато я и живу... Я такъ васъ люблю!—продолжалъ онъ и взялъ ее за руку.

Люси повернулась къ нему лицомъ, растроганная его пѣвучимъ голосомъ, и взглядъ ея становился все нѣжнѣе и ласковѣе, на встрѣчу его взгляду.

Князь только того и ждалъ.

Продолжая говорить, онъ поддавался охватывающему его чувству и, не теряя, однако, изъ виду своей цѣли, обвилъ рукою станъ молодой женщины, притягивая ее къ себѣ такъ тихо и нѣжно, что она сначала и не замѣтила его объятій.

Но когда она почувствовала на своей щекѣ его дыханіе, когда услыхала его голосъ, говорившій: „О, Люси! полюби меня!“— она вдругъ вскочила и оттолкнула князя.

Вмѣсто того, чтобы оставить ее въ покоѣ, Виталé обнялъ ее еще горячѣе... Она стала отбиваться, и князь, теряя всякое самообладаніе, до боли сжималъ ей руки.

Она вскрикнула, и гнѣвъ, выразившійся у нея на лицѣ, далъ ему понять, что она защищалась непритворно.

— Я этого не заслужила... Нѣтъ, не заслужила!—говорила она и, окончательно вырвавшись у него изъ рукъ, убѣжала въ противоположный конецъ комнаты.

Но тамъ вдругъ остановилась и расплакалась, вмѣсто того, чтобы позвать къ себѣ на помощь. Нервное напряженіе ослабѣло, и она порывисто зарыдала:

— Вы поступили... какъ негодяй! Никогда больше... никогда не говорите мнѣ о своей любви!..

„Еще партія проиграна... Это ужъ такая полоса!"—думалъ князь, а вслухъ говорилъ:—О, графиня! Какъ мнѣ заслужить ваше прощенье?

— Никакъ и никогда!—былъ отвѣтъ.

Гнѣвъ Люси былъ тѣмъ сильнѣе, что она чувствовала искреннее волненіе, слушая князя; и все-таки, слушая его, она не переставала быть честной женщиной, чистой помыслами. Какъ и большинству женщинъ, несчастныхъ въ замужствѣ, ей была особенно противна грубость мужчины; ее отталкивали безумные порывы, подобные тому, которому только-что поддался князь Виталé и который совершенно разрушилъ его обаяніе, непрестанно окружавшее Люси со времени отъѣзда сэра Джона.

Звонокъ прервалъ тяжелое молчаніе.

Люси съ укоризной посмотрѣла на князя, какъ бы говоря:

— Вотъ видите, какимъ непріятнымъ неожиданностямъ вы меня подвергаете!

Явилась графиня Арденца, вялая и усталая отъ жары, и тотчасъ же принялась за свою обычную милую и оживленную болтовню:

— Ченчіо мнѣ сказалъ... Ченчіо показалъ мнѣ... Ченчіо—то, Ченчіо—другое...—Видно было, что ея пріятель и ея сынъ были для нея единственной заботой, и что Ченчіо дѣйствительно былъ для нея чѣмъ-то въ родѣ слуги и управляющаго. Въ любовныхъ отношеніяхъ есть у итальянцевъ своя, какъ бы мѣщанская, хозяйственная сторона, и ни въ чемъ они даже приблизительно не подходятъ къ тому, чтò мы, за-альпійцы, понимаемъ подъ словами любовь и любовная интрига.

Но Люси на этотъ разъ, вмѣсто того, чтобы найти неприличными подобнаго рода отношенія, была даже тронута ими.

„Ченчіо любитъ ее, но не можетъ на ней жениться, — думала она, — и обращается съ нею какъ съ женою. Виталé мо-

жетъ на мнѣ жениться, а поступаетъ со мной какъ съ непорядочной женщиной"!

Отвращеніе Люси къ поступку князя еще возросло, когда она, на другой день, узнала отъ Бонниве, что князь сильно проигрался.

„А, такъ, значитъ, съ его стороны это была даже не страсть, а холодный разсчетъ!—думала она:—а я-то поссорилась съ сэромъ Джономъ изъ-за этого негодяя"!!..

— А что ты думаешь о Бонниве?—спросила графиня своего кузена Мориса, нѣсколько недѣль спустя, гуляя съ нимъ въ саду. День былъ іюльскій—синій, жгучій.

Отъ Страбэна не было никакихъ вѣстей. Виталé оставилъ Флоренцію послѣ своей неудачи и уѣхалъ къ богатому дядюшкѣ въ его замокъ близъ озера Лекко. Бонниве сдѣлался завсегдатаемъ на виллѣ и уже не скрывалъ своихъ намѣреній.

Услыша вопросъ кузины, Морисъ почувствовалъ, что внезапная тревога сжала ему сердце.

Такая тайная и безмолвная страсть, какъ та, которая овладѣла имъ, имѣетъ даръ предвидѣнія. Задумчивость и уединеніе для такихъ людей полны непрерывныхъ размышленій о малѣйшихъ подробностяхъ, которыя касаются любимаго существа. Всѣ эти размышленія образуютъ цѣлый особый строй мысли, изъ котораго вытекаетъ поразительная дальновидность, весьма похожая на предвидѣніе. Тотъ, кто сильно любитъ, обладаетъ какъ бы особыми чувствами для того, чтобы наблюдать за жизнью любимаго человѣка и по-своему истолковывать связанныя съ нею явленія.

Морисъ очень рѣдко бывалъ на пріемахъ у г-жи де-Нансей, но мысленно участвовалъ во всѣхъ событіяхъ, которыя за послѣдніе мѣсяцы то приближали, то отдаляли отъ нея Страбэна и князя. Теперь же, по нѣкоторымъ, самымъ разнообразнымъ признакамъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что маркизъ вліялъ на нее часъ отъ часу сильнѣе и овладѣвалъ сочувствіемъ Люси.

Бонниве такъ ловко умѣлъ окружать молодую женщину своей предупредительностью, такъ нѣжно жалѣлъ ее послѣ грубыхъ выходокъ англичанина и разоблаченной низости неаполитанца; наконецъ, онъ такъ съумѣлъ убѣдить ее въ своемъ поклоненіи ей и съ такимъ пониманіемъ относился къ малѣйшимъ проявленіямъ смятенія въ ея наболѣвшей душѣ, что Люси уже начала представлять себѣ бракъ съ нимъ какъ наилучшій исходъ положенія,

которое не могло больше продолжаться. Дерзкая попытка князя, показавъ ей всю опасность неосторожной близости между мужчиной и женщиной, вылечила ее навсегда отъ пристрастія къ невинному „flirt'y".

„Что жъ за бѣда, что Боннивэ уже не тридцать, не сорокъ и даже не сорокъ-пять лѣтъ?—говорила она сама себѣ.—Онъ все-таки прелестенъ; онъ въ высшей степени хорошо изучилъ жизнь; онъ добръ... онъ такъ добръ! Боннивэ будетъ меня любить немножко по-отцовски, но зато и безъ грубыхъ выходокъ, которыя я такъ ненавижу. Я, можетъ быть, и не буду счастлива; но зато буду довольна... Быть любимой какъ въ романахъ — напрасная мечта! Надо мнѣ сдѣлаться практичной и разсудительной".

Подъ вліяніемъ такихъ думъ, она съ наслажденіемъ поддавалась сближенію съ маркизомъ. Хоть между ними и не было сказано ничего окончательнаго, но они оба слишкомъ хорошо понимали, къ какой цѣли они приближаются; а Боннивэ, въ обществѣ этой молодой и изящной женщины, умилялся душою, насколько ему позволяли его свойства устарѣвшаго и неразборчиваго донъ-Жуана.

Люси была такъ же цѣломудренна и скромна, какъ богата и хороша собою.

„Я закончу жизнь самымъ достойнымъ для меня образомъ", думалъ онъ.

Не дорываясь до самой глубины характера маркиза, Морисъ все-таки не пропускалъ безслѣдно оттѣнковъ его отношеній къ Люси; поэтому ему больно было слышать, съ какимъ настояніемъ она повторила свой вопросъ:

— Да! Что̀ ты думаешь о маркизѣ? Мнѣ кажется, ты не долюбливаешь его?

— Изъ чего ты могла заключить?—проговорилъ онъ, краснѣя. Онъ успѣлъ свыкнуться съ безумными порывами и муками затаенной страсти, и теперь его терзала мысль, что его чувство можетъ открыться. Признаться въ своей антипатіи къ маркизу развѣ не значило для него, въ то же время, признаться въ ея тайной причинѣ?.. И Морисъ отвѣчалъ:

— Я не настолько знаю г-на Боннивэ, чтобы о немъ судить; но мнѣ кажется, что это весьма милый и порядочный человѣкъ.

Хорошенькое личико Люси озарилось свѣтомъ, какъ это бывало, когда она чему-нибудь радовалась. Дѣтски-милымъ движеніемъ она схватила руку Мориса и погладила ее, какъ старшая сестра, роль которой ей нравилось играть.

— Какое удовольствіе ты мнѣ доставилъ своими словами!— сказала она.—А я-то такъ боялась! Значитъ, ты не прочь... чтобы онъ сдѣлался твоимъ кузеномъ?—И она въ свою очередь покраснѣла.

Морисъ посмотрѣлъ на нее и въ глубинѣ ея синихъ глазъ прочелъ, какую важность она придавала этому вопросу.

Ужъ много, много дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ приготовился къ той роковой минутѣ, когда она скажетъ ему: „я выхожу замужъ“! Но сколько именно—онъ не могъ бы ясно отдать себѣ отчета, равно какъ и не могъ бы сказать, когда именно началъ любить ее впервые. Но такая готовность играетъ ту же роль, что и бодрость родителей у одра умирающаго чахоточнаго ребенка; они знаютъ, что онъ осужденъ на смерть, но его агонія все-таки не разрушаетъ ихъ надежды.

Морисъ подумалъ, что лишится чувствъ,—такъ сильна была охватившая его боль; но тѣмъ не менѣе ему удалось проговорить:

— Неужели... нашему отрадному житью вмѣстѣ придетъ теперь конецъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Никогда въ жизни!—порывисто вырвалось у Люси. — Ты будешь, какъ и прежде, жить со мною. О, братъ, мой любимый!—продолжала она, притягивая его къ себѣ и цѣлуя въ лобъ: — какъ могъ ты подумать, что я съ тобой разстанусь? Первымъ условіемъ свадебнаго контракта будетъ, чтобы при мнѣ остался мой дорогой Морисъ.

— Да, ты такъ говоришь, а мужъ твой заговоритъ иначе.

— Но, дурачокъ, вѣдь для того-то я и выбираю маркиза! Еслибъ ты зналъ, съ какимъ участіемъ онъ говоритъ о тебѣ!..

Но сочувствіе Бонниво еще сильнѣе, чѣмъ все остальное, поразило молодого человѣка прямо въ сердце. Доброе отношеніе къ намъ людей, которыхъ мы ненавидимъ, или обезоруживаетъ нашу ненависть, или еще больше раздуваетъ ее. Морисъ отвернулся отъ кузины, сорвалъ двѣ розы и протянулъ ей, не глядя на нее.

Люси замѣтила его смущеніе, но могла ли она приписать его настоящей причинѣ? Могла ли она повѣрить, чтобы человѣкъ (вчера еще—сущій ребенокъ!), выросшій вмѣстѣ съ нею, полюбилъ ее иначе, нежели братъ—сестру?! Она знала, что сердце его до болѣзненности чутко; она говорила себѣ, что волей-неволей, въ силу обстоятельствъ, появленіе новаго лица въ ихъ мирномъ кругу, состоявшемъ—вотъ уже сколько мѣсяцевъ!—изъ г-жи Оливье, ея сына и ея самой, Люси, должно будетъ измѣнить ихъ мирную и тѣсную близость; говорила себѣ также, что

Морисъ видѣлъ, какъ это измѣненіе неизбѣжно, и что именно это сознаніе и мучаетъ его.

— Ну, ну, будь умникъ!—говорила она цѣлуя Мориса:— будь же умникъ!—и, улыбаясь, прибавила:—И, наконецъ, это еще не рѣшено!

„Да, это еще не рѣшено...—повторялъ молодой человѣкъ, оставшись одинъ:—и не должно рѣшиться"!

IX.

Онъ машинально вернулся въ домъ, въ то время, какъ Люси пошла встрѣчать какихъ-то гостей; но вслѣдъ затѣмъ опять вышелъ изъ дома и пошелъ по большой дорогѣ, не прерывая своихъ размышленій:

„Да! Это и *не должно* рѣшиться... но какъ этого избѣжать? Могу ли я сказать ей, что люблю ее? Она будетъ смѣяться надо мной и... не повѣритъ! А еслибъ и повѣрила, то было бы еще хуже: она меня не любитъ, и тогда не захотѣла бы больше меня видѣть. О, еслибъ она вышла за кого-нибудь, который былъ бы ея достоинъ... но только не за этого мерзавца Бонниво"!

И Морису являлся Бонниво въ самомъ неблагопріятномъ для него освѣщеніи. Хотя онъ даже и не подозрѣвалъ о настоящемъ позорѣ, запятнавшемъ честь древняго рода маркизовъ Бонниво, тѣмъ не менѣе, онъ зналъ достаточно подробно о любовныхъ приключеніяхъ маркиза, чтобы не презирать его за его прошлое. Морисъ сохранилъ почти дѣтскую невинность, несмотря на нѣкоторые грѣхи и слабости, свойственные молодымъ людямъ даже самымъ благопристойнымъ; и самая мысль о былой жизни маркиза, проведенной единственно въ любовныхъ приключеніяхъ, возбуждала въ Морисѣ отвращеніе. Умъ Бонниво, исключительно уходившій на свѣтскую болтовню и на насмѣшки, также былъ ему противенъ. Тысячи поводовъ къ ненависти и презрѣнію побуждали Мориса считать невыносимой мысль о женитьбѣ Бонниво на Люси. Но какъ же быть? Что̀ дѣлать?...

Весь этотъ день молодой человѣкъ тревожно бродилъ по дорогамъ, прилегающимъ къ Фіезоле. То онъ садился подъ сѣнью оливковыхъ деревъ, то уходилъ въ аллеи темнолиственныхъ кипарисовъ; и за все это время самыя безумныя рѣшенія чередовались у него съ порывами слезъ и рыданій. Наконецъ, онъ остановился на одномъ изъ нихъ, преимущество котораго только въ томъ и состояло, что оно было несовсѣмъ несбыточно.

„Маркизъ, прежде всего, человѣкъ изъ общества,—разсуждалъ Морисъ.—Если я оскорблю его публично, ему по неволѣ придется со мною драться. Онъ ли меня ранитъ, или я его—все равно, бракъ его въ этомъ встрѣтитъ большое затрудненіе: Люси меня слишкомъ любитъ для того, чтобы совершенно пожертвовать мною ради него,—а его она еще недостаточно для того любитъ. Но какъ оскорбить его?.. При этомъ все-таки необходимо, чтобы настоящую причину оскорбленія не могли заподозрить... Положимъ, Боннивэ относится ко мнѣ съ какимъ-то довольно дерзкимъ видомъ, къ чему я и могу привязаться"...

Однако Морисъ чувствовалъ нѣкоторое смущеніе при мысли о томъ, какой гадкій поступокъ онъ готовится совершить. Это чувство вообще свойственно людямъ одинокимъ или влюбленнымъ, у которыхъ болѣзненно развитая чувствительность отнимаетъ энергію. Мориса мучило сознаніе, что онъ долженъ будетъ нанести своему сопернику оскорбленіе публично, при другихъ. Такіе приливы робости въ человѣкѣ пробуждаютъ или полнѣйшій упадокъ воли, или же порывы безумной рѣшимости.

Послѣднее и случилось съ кузеномъ Люси.

Онъ повернулъ по направленію къ Флоренціи, весь поглощенный мыслью сегодня же встрѣтиться съ маркизомъ и покончить съ своими сомнѣніями.

„Только бы мнѣ увидѣть его, а тамъ—сами обстоятельства мнѣ помогутъ!"—думалъ онъ.

Съ замираніемъ сердца подошелъ онъ къ клубу и отворилъ дверь: изъ картежной доносился голосъ Боннивэ. Онъ произнесъ: —Король!..—очевидно, играя въ экарте́.

Партнеромъ его былъ какой-то французъ, которому онъ покровительствовалъ, какъ Сервену, и котораго объигрывалъ такъ же ловко, какъ Сервена. Въ залѣ, кромѣ игроковъ, было еще человѣкъ пять постороннихъ. Они расхаживали по комнатѣ, бесѣдовали между собою, слѣдили за ходомъ игры, свертывали и развертывали газеты.

— А, здравствуйте, Морисъ!—проговорилъ Боннивэ съ самой любезной улыбкой; но послѣдній какъ нельзя холоднѣе отвѣтилъ на его привѣтъ, и, чтобы сохранить самообладаніе, взялъ въ руки палку съ газетой, не переставая лихорадочно думать о способѣ осуществить свое намѣреніе.

„Ударить его по лицу я не могу: меня посадятъ въ домъ умалишенныхъ, а онъ откажетъ мнѣ въ удовлетвореніи"...

Глядя на своего соперника сзади, онъ замѣтилъ его кра-

сиво-причесанную голову; бѣлый воротникъ повыше—чтобы скрыть морщины на шеѣ—и красиво спускавшуюся линію плечъ...

Движеніе его изящной руки, съ золотой змѣйкой, украшенной изумрудомъ, который мелькалъ у него на мизинцѣ, вдругъ послужило Морису поводомъ къ искушенію.

Во время игры Боннивэ курилъ сигару, которую клалъ тутъ же, на пепельницу, когда ему приходилось сдавать. Морисъ прошелъ мимо и концомъ палки, въ которую была вставлена его газета, свалилъ на полъ сигару. Затѣмъ оглянулся на маркиза и пристально посмотрѣлъ на него, не извиняясь.

Боннивэ счелъ это простой разсѣянностью съ его стороны; спокойно взялъ изъ кармана другую сигару и продолжалъ игру. Но въ ту минуту, когда онъ положилъ ее на пепельницу, Морисъ опять прошелъ мимо и опять столкнулъ эту вторую сигару. Боннивэ не могъ удержаться отъ нетерпѣливаго движенія.

— Какой неловкій!..—пробормоталъ онъ сквозь зубы и прибавилъ вслухъ:—Ну, право же, Морисъ, можно подумать, что вы это дѣлаете нарочно!

— Господинъ маркизъ!—возразилъ тотъ съ дрожаніемъ въ голосѣ:—я запрещаю вамъ,—слышите: *запрещаю*!—говорить со мною такимъ тономъ!

Голосъ и манера, съ которыми Морисъ произнесъ эти слова, такъ рѣзко отличались отъ его обычной манеры,—а маркизъ считался такимъ щекотливымъ въ вопросахъ чести,—что всѣ присутствующіе съ крайнимъ любопытствомъ выжидали его отвѣта и вообще исхода этого неожиданнаго пререканія. Да и самъ Боннивэ былъ настолько изумленъ, что на мгновеніе какъ будто лишился дара слова. Молніей пронеслась у него въ головѣ мысль, что Морисъ любитъ и ревнуетъ къ нему свою кузину, и нарочно ищетъ ссоры, чтобы помѣшать его женитьбѣ.

„Попробуемъ сначала посмотрѣть, къ чему онъ клонитъ? Я же довольно въ этомъ дѣлѣ искусился... На этотъ разъ будемъ снисходительны!"—сказалъ онъ самъ себѣ и возразилъ вслухъ, съ необычайной мягкостью, какъ снисходительный учитель, обращающійся къ своему ученику:

— Или вы не владѣете собой, Морисъ, или вы плохо разслышали мои слова?

— Нѣтъ, я прекрасно разслышалъ и прекрасно владѣю собой,—отвѣчалъ тотъ;—но, повторяю: мнѣ не нравится вашъ тонъ —и это сегодня не въ первый разъ! Вижу, однако, что вы хотите его измѣнить... къ вашему счастію. Учиться никогда не поздно.

Гнѣвъ разбиралъ маркиза: онъ видѣлъ, что молодой человѣкъ хочетъ довести свою дерзкую выходку до конца.

— Господа! Прошу васъ извинить меня за эту нежелательную сцену!—обратился онъ къ остальнымъ.—А къ вамъ—и онъ повернулся къ Морису — черезъ часъ будутъ двое изъ моихъ друзей, чтобы имѣть честь узнать, какимъ тономъ вамъ угодно, чтобы я съ вами говорилъ.

— Я также буду имѣть честь дать моимъ друзьямъ возможность встрѣтить вашихъ! — отвѣчалъ Морисъ и, поклонившись, вышелъ.

— Мнѣ сдавать, — проговорилъ Боннивэ, закуривая свою третью сигару и обращаясь къ партнеру.—Ну, будемъ же кончать нашу партію!—Но, тасуя карты, въ то же время думалъ про себя:

„Глупѣйшая исторія! Этотъ сумасшедшій мальчишка не захочетъ мнѣ уступить! Надо будетъ драться... Но будто это уже такъ печально? Пустяки! Мой будущій кузенъ поплатится двумя-тремя каплями крови; мы тамъ же, на мѣстѣ, помиримся, а я объясню Люси, что пощадилъ его только изъ любви къ ней... Однако удары бываютъ такъ случайны... Мнѣ бы слѣдовало предвидѣть его безумную выходку. Этотъ мальчишка такъ и пожиралъ ее глазами... такой ребенокъ! „Всего не угадаешь", говоритъ пословица. Все равно,—меня ждетъ успѣхъ"!

Кончивъ партію, маркизъ всталъ изъ-за стола и условился съ двоими изъ господъ, бывшихъ тутъ же и видѣвшихъ все происшедшее.

— Шпаги. Перчатки обыкновенныя. До первой капли крови. Завтра утромъ.

Въ этихъ словахъ заключались его условія на тотъ случай, если ихъ попытки покончить дѣло миромъ не будутъ имѣть успѣха.

Боннивэ то-и-дѣло повторялъ про себя:

„Глупѣйшая исторія!.. Глупѣйшая исторія"!..

Эта исторія случилась во вторникъ, а вечеромъ въ четвергъ двѣ бѣдныя женщины, какъ безумныя, метались по комнатамъ виллы. То были г-жа Оливье и Люси.

Маркизъ былъ правъ, опасаясь „случайныхъ" ударовъ. Во время злополучной дуэли, Морисъ, довольно хорошій фехтовальщикъ, хоть рѣдко случалось ему упражняться, напалъ на противника слишкомъ сильно и тѣмъ вынудилъ его отвѣчать ему такъ же энергично.

Морисъ упалъ, раненный тяжело...

Мать его, обезумѣвъ отъ горя, едва находила въ себѣ силы наблюдать за уходомъ по предписанію доктора, который объявилъ, что еще не можетъ сказать ничего положительнаго. Съ нею сдѣлалось дурно въ ту минуту, когда ей слѣдовало идти смотрѣть за сыномъ.

— Такъ я пойду!—вызвалась Люси.

Когда она вошла къ нему, сонъ только-что сомкнулъ ему глаза; долго-долго смотрѣла молодая женщина на его блѣдное лицо, побѣлѣвшее отъ потери крови.

„Для чего онъ дрался“?—спрашивала она себя.

Маркизъ предупредилъ ее во-время, но тщетно умоляла она Мориса уладить это дѣло, а посмотрѣть прямо въ лицо ужасной истинѣ она не рѣшалась. Но по мѣрѣ того, какъ она стояла теперь въ его комнатѣ, оглядываясь вокругъ, самая внѣшность всей ея обстановки, казалось, прямо отвѣчала на этотъ вопросъ.

X.

На стѣнахъ, тѣсно увѣшенныхъ фотографическими снимками, Люси узнала воспоминанія о путешествіяхъ, которыя они совершали вмѣстѣ. Чьи портреты стояли на столахъ противъ окна и бокомъ къ окну—такъ, чтобы видно было въ садъ, гдѣ она, Люси, обыкновенно гуляла? Цѣлые десятки *ея* портретовъ, въ рамкахъ, которые она же дарила Морису и которые изображали ее въ различные моменты ея жизни. Вотъ она—еще совсѣмъ маленькой дѣвочкой, съ распущенными волосами,—сперва въ профиль, а потомъ en face; вотъ она еще дѣвушкой—въ костюмѣ, въ которомъ участвовала въ спектаклѣ, въ качествѣ „Перетты“; вотъ она—уже молодая женщина и, наконецъ, такая, какъ теперь, здѣсь, въ Флоренціи. Не было на столѣ ни одного предмета, который бы не былъ для него памятью о ней. Люси узнала вставочку для пера, которая фигурировала на балу, гдѣ она танцовала котильонъ съ Морисомъ. Бантикъ, который когда-то она носила, отцвѣталъ тутъ же, прикрѣпленный къ рамкѣ, въ которую былъ вдѣланъ указатель времени и чиселъ.

Люси присѣла къ столу и разсѣянно раскрыла бюваръ. Первое, что ей бросилось въ глаза, было письмо, запечатанное и надписанное на ея имя почеркомъ Мориса.

Сердце у нея сжалось, и она почти съ ужасомъ сорвала печать, въ которой опять-таки могла усмотрѣть память о себѣ: она

сама вѣдь выбрала когда-то для Мориса эту самую печать, изображавшую оттискъ Діаны. Ей больно было видѣть торопливый, неровный почеркъ, которымъ было написано это письмо...

Среда, 1 ч. пополуночи.

„Если когда-либо тебѣ придется увидѣть эти строки, то это будетъ лишь въ томъ случаѣ, когда твоимъ глазамъ, которые я такъ любилъ, будетъ суждено ужъ больше никогда, никогда въ жизни не встрѣчаться съ моими. Тогда тебѣ ужъ не придется на меня сердиться за то, что я написалъ тебѣ все, что теперь пишу. Мнѣ, все-таки, хоть разъ, — хоть въ первый и послѣдній разъ, — дозволено судьбой думать и чувствовать открыто предъ тобою.

„О, ты, „sweet lady of my heart“ (видишь, я даже не смѣю назвать тебя на нашемъ родномъ языкѣ, какъ называлъ мысленно ежедневно!)!..

„Послушай: я вѣдь умеръ бы прежде, чѣмъ рѣшился бы произнести хоть одинъ единый слогъ изъ всего, что я здѣсь пишу... Но если я ужъ буду мертвъ, когда ты прочтешь эти строки, и если я погибну, — какъ погибали нѣкогда рыцари изъ любви къ дамѣ своего сердца,—ты по неволѣ должна будешь думать обо мнѣ иначе, нежели просто какъ о больномъ ребенкѣ... Да, моя дорогая, именно *должна*!.. И одной этой мысли съ меня уже довольно для того, чтобъ сдѣлать для меня отрадной близость поединка.

„Видишь, я вѣдь пишу тебѣ безъ тѣни лихорадочнаго волненія, спокойно и основательно разъясняя тебѣ тайну всей моей жизни. Но изо всѣхъ этихъ непрерывныхъ, долголѣтнихъ страданій я почему-то не могу въ настоящую минуту, ничего, или почти ничего, высказать тебѣ. Теперь мнѣ кажется, что все это заключено въ одномъ только выраженіи (да и то потому, что это ужъ прошло):—Люси! я тебя любилъ такъ давно, давно!..

„Помнишь ты день твоей свадьбы? Ты проходила по церкви съ гордымъ и серьезнымъ выраженіемъ на лицѣ. Органъ игралъ торжественный, побѣдоносный маршъ. Взгляды твои искали въ толпѣ юношу, который потому только и не захотѣлъ участвовать въ свадебномъ поѣздѣ, что зналъ, какъ горько будетъ плакать. Онъ зналъ, что его слезы скорѣе всего подобало проливать не на глазахъ у безучастныхъ людей, а въ глубинѣ храма Господня!.. Да, я тебя любилъ тогда,—какъ и теперь,—отчаявшись, но все же продолжая боготворить тебя. Но что, главнымъ обра-

зомъ, мучило меня — пойми, душа моя, родная! — такъ это то, что и ты меня любила тоже, но такой любовью, которая никогда не могла видоизмѣниться! Когда же ты тихо улыбалась мнѣ; когда ты ласковой рукою касалась моей головы; когда ты заходила ко мнѣ въ комнату; когда ты всюду ѣздила со мной вдвоемъ,—я чувствовалъ мучительную и безумную отраду, сознавая, что эта нѣжность, которой ты меня дарила, должна остаться навсегда лишь нѣжностью сестры. Но я, я любилъ тебя не братскою любовью! О, какъ я горячо тебя любилъ!.. И несмотря на все, какъ мнѣ отрадно было жить въ такой близости съ тобою, во время твоего вдовства... да, несмотря на все... потому что хоть ты меня и не любила, зато ты не любила никого другого! Ревность, конечно, мучила меня; но въ сущности я зналъ, что ты была свободна... И только потому, что для меня невыносима мысль, что ты перестала ужъ быть свободной, рѣшился я на то, что̀ теперь совершилось...

„Однако, надо жъ мнѣ собраться съ мыслями...

„Да, такъ вотъ: меня побудилъ рѣшиться разговоръ, который былъ у насъ съ тобой на дняхъ. Любовь дѣлаетъ чуткимъ, прозорливымъ (объ этомъ часто говорятъ)—такъ и я съ перваго дня угадалъ, что тотъ, съ которымъ я завтра буду драться, самый опасный изъ соперниковъ въ любви. Часъ за часомъ прослѣдилъ я его планъ—приблизиться къ тебѣ—и ловкую тактику, съ помощью которой онъ поочередно отдѣлывался отъ каждаго изъ тѣхъ, которые могли стать на дорогѣ... не любви его, но честолюбія!.. Видѣть тебя замужемъ за другимъ,—это одно ужъ было больно для меня; но видѣть твоимъ мужемъ человѣка, который домогался лишь твоего богатства!!.. Нѣтъ, моя нѣжно-любимая! ты и представить себѣ не можешь, до какой степени подробно я изучилъ характеръ и прошлое маркиза, чтобы пріобрѣсти эту увѣренность. И ты была бы его... *его* женою, еслибъ я не рѣшился дѣйствовать! Нѣтъ, надо было между тобой и имъ воздвигнуть неприступную преграду... Я выбралъ самый быстрый для этого способъ. Пройдетъ еще двѣнадцать часовъ—и моя кузина, которая меня любитъ, уже не будетъ въ состояніи выйти за человѣка, котораго я раню, или который меня ранитъ... а можетъ быть и убьетъ.

„Но еслибы ты знала, какую я чувствую глубокую радость, подвергая свою жизнь опасности, лишь бы ты не сдѣлалась добычей того, кто хотѣлъ у тебя отнять всю *твою* жизнь!

„Правда, ты часто подсмѣивалась надъ моимъ сентиментальнымъ, романическимъ настроеніемъ. Что-жъ, правда: я въ са-

момъ дѣлѣ былъ непохожъ на другихъ. Все мое существованіе только въ томъ и проходило, что я, въ твоей же близости, мечталъ о тебѣ;—любилъ тебя до такой отчаянности и восторженности чувства, о какихъ ты и не подозрѣвала ничего и... никогда!

„По крайней мѣрѣ, теперь, если я умру, тайна моя не умретъ вмѣстѣ со мною и глаза мои не увидятъ, что далеко отъ насъ отторгнетъ тебя человѣкъ, котораго я презираю!..

„Увы! когда ты останешься одна, быть можетъ, мое признаніе и растрогаетъ тебя настолько, чтобы ты ужъ больше никогда, никогда въ жизни не поддавалась притворнымъ чувствамъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ любовью, кромѣ словъ пустыхъ. А я, твой бѣдный Гамлетъ, — какъ ты меня въ шутку называла,—я боролся бы, я охранялъ бы тебя, моя Офелія!..

„Если же я вернусь живымъ—можетъ быть, у меня и хватитъ тогда смѣлости дать тебѣ заглянуть ко мнѣ въ сердце, а ты... ты больше уже не будешь смѣяться надъ ребенкомъ, который доказалъ тебѣ, что онъ съумѣлъ бы умереть ради твоихъ прекрасныхъ глазъ...

„О, какъ же они были хороши, эти глаза, какъ я бы ихъ любилъ"!..

Люси де-Нансей читала и перечитывала это странное посланіе, ребяческія стороны котораго, послѣ дуэли, не могли больше вызывать въ ней улыбку.

Она откинулась на спинку кресла и задумалась...

Какъ молнія мигомъ освѣщаетъ небосклонъ, такъ мгновенно ей представилась ихъ совмѣстная жизнь, освѣщенная его признаніемъ, которое чуть-было не сдѣлалось загробнымъ, роковымъ. Ея жизнь явилась передъ нею въ новомъ свѣтѣ, и она поняла, что при ней неотлучно былъ человѣкъ, любившій ее самоотверженно, почтительно до благоговѣйности, нѣжно до смѣлости хранить молчаніе,—любившій ее той самой любовью, къ которой она чувствовала влеченіе, но о которой и не подозрѣвала...

Она снова принялась за письмо; она покрыла его слезами и поцѣлуями. Затѣмъ вернулась къ постели раненаго, который все еще спалъ, и провела рукой по его волосамъ такъ нѣжно, что даже на яву онъ не почувствовалъ бы этого прикосновенія. Потомъ она опять вернулась къ столу, и въ своемъ бюварѣ, который принесла съ собой, взяла другое, длинное письмо, на которомъ былъ гербъ Боннивэ. Это письмо маркизъ прислалъ ей въ то же утро съ просьбой повидаться самому, лично высказать ей всю тревогу, въ которой онъ будто бы самъ находился...

Люси поднесла листокъ къ свѣчкѣ и сожгла его; а потомъ вернулась къ раненому и проговорила:

— Какъ онъ еще молодъ! Я раньше его состарѣюсь... а все-таки...— и чувствуя, что слезы снова ее душатъ, прижала руку къ сердцу, чтобы удержать его порывы, и тихо-тихо прошептала:

— О, Боже! Не дай ему умереть! Я чувствую, что люблю его!..

А. Б—г—.

ГОГОЛЬ

Въ то время, когда совершалась дѣятельность Гоголя, его восторженнымъ и наилучшимъ истолкователемъ былъ Бѣлинскій, который въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, высказывалъ не только свои личныя впечатлѣнія и убѣжденія, но говорилъ и за цѣлый кругъ образованныхъ людей своего поколѣнія. Великое значеніе Гоголя въ русской литературѣ было уже теперь установлено и именно какъ значеніе не только художественное, но и общественное. Въ основныхъ чертахъ это опредѣленіе, дополненное потомъ авторомъ „Очерковъ Гоголевскаго періода русской литературы", сохраняетъ свою силу и до сихъ поръ; пробѣлы въ сужденіяхъ Бѣлинскаго произошли главнымъ образомъ потому, что современникамъ не могъ быть извѣстенъ тотъ ходъ внутренней жизни Гоголя, который сталъ раскрываться только впослѣдствіи, съ изученіемъ его біографіи.

Когда дѣятельность Гоголя завершилась, первые важные труды въ этомъ послѣднемъ отношеніи принадлежали г. Кулишу; его опытъ біографіи Гоголя и изданіе сочиненій, гдѣ было имъ собрано два тома переписки Гоголя, впервые открыли возможность біографическаго изученія писателя, которое было въ особенности необходимо для цѣльнаго пониманія исторіи его художественнаго творчества. Эти труды явились вскорѣ послѣ смерти Гоголя: не мудрено, что по этой близости времени, какъ въ біографіи, такъ особенно въ перепискѣ, были пока умолчаны многія обстоятельства и скрыты подъ произвольными иниціалами имена лицъ, съ которыми Гоголь былъ въ сношеніяхъ и въ перепискѣ. Понятно, что эти умолчанія не способствовали ясности біографіи, и были онѣ раскрыты уже долго спустя. Между тѣмъ все возростала масса біографическихъ извѣстій и новой переписки, и этотъ мате-

ріалъ продолжаетъ до сихъ поръ пополняться. За послѣднее время въ особенности два труда доставляютъ чрезвычайно важныя данныя для изученія Гоголя. Это, во-первыхъ, изданіе сочиненій Гоголя (10-е), исполненное Тихонравовымъ, гдѣ въ примѣчаніяхъ была съ величайшею точностью изучена исторія всѣхъ произведеній Гоголя въ ихъ различныхъ редакціяхъ,—но къ сожалѣнію не вполнѣ доведенное до конца. Во-вторыхъ, это—біографія Гоголя, составляемая г. Шенрокомъ на основаніи всего до сихъ поръ извѣстнаго, а также имъ вновь отысканнаго матеріала, при чемъ авторъ внимательно изслѣдуетъ всѣ данныя, имѣющія важность для объясненія внутренняго развитія писателя и его художественнаго творчества. Этотъ трудъ пока еще не законченъ: автору остается досказать послѣдніе годы жизни Гоголя.

Если начало столѣтія ознаменовано было появленіемъ могущественныхъ, иногда истинно геніальныхъ дарованій, если вслѣдъ за Жуковскимъ и Пушкинымъ явились тотчасъ Грибоѣдовъ и Гоголь, это какъ будто не было одною случайностью: литература XVIII-го вѣка была школою, въ которой подготовлены были литературныя формы, усвоены основныя понятія о художествѣ и затѣмъ, когда послѣ великихъ событій было сильно возбуждено національное и общественное чувство, первымъ явленіемъ наступавшей зрѣлости былъ блестящій разцвѣтъ поэзіи, съ котораго начинается новая русская литература. Въ этой литературѣ впервые послышались вполнѣ самостоятельные поэтическіе мотивы и затронуто было чисто русское содержаніе. Сколько было жизненнаго и органическаго въ этомъ новомъ движеніи, можно видѣть изъ поразительнаго ряда быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ литературныхъ поколѣній. Эти поколѣнія нарождались такъ: десятью годами моложе Пушкина былъ Гоголь (1809), а также и Кольцовъ, затѣмъ въ 1814 родился Лермонтовъ, въ 1818—Тургеневъ, въ 1826—Салтыковъ, въ 1828—гр. Л. Н. Толстой; все это были имена, съ которыми соединяются великіе факты русской поэзіи; когда наступало развитіе ихъ дѣятельности, русская литература совершала великія пріобрѣтенія вполнѣ самостоятельнаго національнаго значенія. Въ концѣ концовъ ими создано международное положеніе русской литературы.

Въ такихъ условіяхъ развитія явился послѣ Пушкина Гоголь. Въ сравненіи съ тѣмъ тономъ и стилемъ, какой образовывался въ твореніяхъ самого Пушкина, Гоголь представлялъ нѣчто совершенно своеобразное, какъ и позднѣе каждый новый великій

писатель нашей литературы приносилъ новую особенность дарованія, новую область творчества и, наконецъ, отражалъ собою новую ступень общественнаго сознанія. И какъ Гоголь вышелъ изъ совершенно иного круга, чѣмъ тотъ кругъ, который обыкновенно поставлялъ русскихъ писателей, такъ и послѣ руководящія силы нашей литературы собирались изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ русской общественной жизни и, наконецъ, жизни народной. Это свидѣтельствовало только, что литературная жизнь захватывала, наконецъ, все болѣе и болѣе широкій кругъ дѣятельности, переходя изъ замкнутой среды немногихъ любителей и жрецовъ искусства все въ болѣе многолюдную массу: писатель все болѣе удалялся отъ того высокомѣрія, съ какимъ жрецы отгоняли толпу, совершая художественныя таинства; онъ все больше стремился, напротивъ, узнать эту толпу, предчувствуя, что эта толпа есть *народъ* и что этотъ народъ есть именно основной предметъ изученій литературы, основной источникъ ея самобытной оригинальности, основная цѣль поэтическаго и нравственнаго воздѣйствія. Въ послѣдніе годы мы были свидѣтелями знаменательнаго явленія, что величайшій художникъ современной русской литературы отказывался, наконецъ, отъ той прежней поэтической дѣятельности, которая составила его славу, и захотѣлъ быть простымъ учителемъ народа и писателемъ для народа, съ пренебреженіемъ отвергая обычные условные, освященные самою тонкою эстетическою критикой, пріемы художественнаго творчества. Этотъ новый взглядъ писателя былъ диктованъ слишкомъ личнымъ настроеніемъ, въ немъ была большая доля произвола; но этотъ взглядъ остается тѣмъ не менѣе въ высшей степени характернымъ явленіемъ литературнаго развитія. Въ немъ именно отразилось упомянутое стремленіе литературы спуститься съ высотъ эстетическаго Олимпа въ шумную среду общественной и народной массы, но вовсе не измѣнять самому художеству: напротивъ, художество становилось неизмѣримо выше,—на мѣсто искусственнаго круга идей и пріемовъ выступала сама жизнь со всѣмъ богатствомъ ея содержанія, со всею глубиной ея нравственныхъ внушеній, наконецъ, со всѣмъ богатствомъ того языка, которому Тургеневъ посвятилъ свои послѣднія восторженныя строки...

Въ этомъ глубоко знаменательномъ процессѣ нашего литературнаго развитія однимъ изъ самыхъ могущественныхъ дѣятелей былъ Гоголь.

Мы замѣтили, что Гоголь не принадлежалъ къ тому кругу, въ которомъ по преимуществу воспитались писатели начала вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, у него не было никакой связи съ той тради-

ціей Дружескаго Общества, развитіе которой мы видѣли у Жуковскаго и Батюшкова и отдаленный отголосокъ которой можно было открыть у самого Пушкина. И напротивъ, у Гоголя сказывалось совсѣмъ иное преданіе, даже иной элементъ русской національной жизни, который до тѣхъ поръ еще не возъимѣлъ никакого дѣйствія въ нашей литературѣ—элементъ малорусскій... Мы видѣли раньше, что, правда, южныя и западно-русскія силы еще съ конца XVII-го вѣка дѣятельно вмѣшались въ образованіе новой русской литературы: такова была роль Симеона Полоцкаго, ученыхъ кіевлянъ, Стефана Яворскаго, Ѳеофана и пр., но это вмѣшательство было тѣсно ограничено церковно-схоластической областью; ихъ ученость была отвлеченная, вліяніе въ литературѣ—чисто схоластическое, и въ немъ не было тѣни, или одна только тѣнь, южно-русскихъ народныхъ элементовъ. Позднѣе, въ рядахъ русскихъ писателей мы видимъ настоящихъ малоруссовъ, но эти писатели—Богдановичъ, Капнистъ, новѣйшій Гнѣдичъ и пр.—шли въ той же обычной колеѣ и не выносили ничего изъ своей племенной особенности, изъ оригинальнаго южно-русскаго характера и историческаго быта. И однако эта особенность была унаслѣдованная отъ многихъ вѣковъ исторіи, отдѣльной отъ исторіи сѣвернаго русскаго народа. Каковы бы ни были источники и обстоятельства этого племеннаго раздвоенія, исторія снова связала сѣверъ и югъ въ политическомъ единствѣ, и если литература должна была служить выраженіемъ духовной жизни народа, то, очевидно, въ этомъ выраженіи цѣлаго должны были найти свою долю тѣ богатыя оригинальностью черты характера, быта, поэзіи, историческаго преданія, какія отличали Русь южную. Если этого не было раньше, въ теченіе XVIII-го вѣка—вслѣдствіе схоластическаго, а потомъ псевдо-классическаго стиля литературы, которые не давали раскрыться ея прямымъ жизненнымъ элементамъ,—то было, однако, предчувствіе, безсознательный интересъ къ тому, что̀ отличало малорусскую жизнь. Въ XVIII вѣкѣ, когда Малороссія имѣла своихъ гетмановъ, когда еще держалось Запорожье, когда въ средѣ духовенства играли роль епископы-„черкасы“, когда, наконецъ, при дворѣ явились фавориты изъ малоруссовъ, это малорусское чувствовалось какъ что-то близкое и родственное, но вмѣстѣ и какъ что-то чужое, но любопытное по своей близкой оригинальности. Малорусское бывало въ модѣ: въ первыхъ пѣсенникахъ, которые явились въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, цѣлый особый отдѣлъ заняли пѣсни малороссійскія, потому что и въ дѣйствительности онѣ были тогда распространены на ряду съ русскими. Собственно малорусская

литература, существовавшая тогда почти только въ рукописномъ видѣ, была мало извѣстна; но первыя книги, начиная съ „Перелицованной Энеиды", были встрѣчены съ любопытствомъ, какъ нѣсколько позднѣе возбуждало интересъ собраніе малорусскихъ пѣсенъ Цертелева. Впослѣдствіи Гоголь говорилъ, что когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, тамъ было въ ходу все малороссійское, что̀ и побудило его тогда обратиться въ своихъ первыхъ трудахъ къ изображенію малорусской жизни и преданій. Такимъ образомъ, въ общественной жизни и въ литературѣ были извѣстныя данныя, которыя указывали возможность болѣе широкаго интереса, и въ области малорусскихъ отношеній къ русской жизни было бы естественно ожидать, что историческая связь двухъ племенныхъ элементовъ, наконецъ, найдетъ себѣ органическое выраженіе. Такимъ выраженіемъ явилась дѣятельность Гоголя. Вслѣдъ за великимъ писателемъ, положившимъ основу самобытной русской поэзіи, явился другой великій писатель изъ чисто малорусской среды, который писалъ по-русски, но внесъ въ литературу такіе элементы, которыхъ мы напрасно искали бы у его русскихъ современниковъ. По природѣ малоруссъ до мозга костей, Гоголь носилъ въ самомъ талантѣ своемъ черты спеціально малорусской веселости и юмора, какъ въ своемъ духовномъ складѣ отличался особенностями малорусскаго ума и вкуса съ ихъ достоинствами и недостатками, напр. съ упрямымъ самолюбіемъ и лукавствомъ. Гоголь вступилъ въ русскую литературу прямо съ тѣмъ запасомъ содержанія и пріемовъ, какой усвоилъ на родинѣ. Его первыя произведенія (послѣ уничтоженной имъ „идилліи") сполна посвящены бытовымъ картинамъ и поэтическимъ преданіямъ его родины, и несмотря на эту этнографическую исключительность, онѣ были привѣтствованы съ великимъ сочувствіемъ въ русскомъ литературномъ кругу и въ обществѣ: признанъ былъ талантъ, но было признано и нравственное единеніе двухъ отраслей русской національности. Чѣмъ далѣе, тѣмъ многозначительнѣе становились произведенія новаго писателя: его проницательное наблюденіе все расширяло свой горизонтъ, и едва-ли сомнительно, что въ основѣ это была не безразличная сила таланта, но именно проявленіе племенной стихіи—глубокой поэтической вдумчивости, которая исторически нашла здѣсь свое могущественное выраженіе... Нѣкоторые критики высказывали соображеніе, что въ Гоголѣ главнымъ рычагомъ его творчества была именно его племенная особенность, что въ то время, какъ онъ съ явнымъ сочувствіемъ рисуетъ картины малорусской жизни, жизнь великорусская вызываетъ въ немъ только негодующее или презрительное отрицаніе

и что здѣсь такимъ образомъ сказалась извѣстная племенная антипатія, нелюбовь малорусса къ москалю. Но это соображеніе не подтверждается біографическими фактами. Безъ сомнѣнія, у Гоголя навсегда сохранилась теплая любовь къ родинѣ, которая влекла его и всѣми привязанностями семьи, и воспоминаніями дѣтства и юности, и южной природой, гдѣ онъ всегда чувствовалъ себя лучше, чѣмъ на холодномъ и мрачномъ сѣверѣ, и, наконецъ, красотами народной поэзіи, которая одна была близка ему непосредственно; мы увидимъ дальше, что у него вырывались даже слова, по которымъ онъ могъ бы быть признанъ за истаго украинофила,—но была и другая сторона. Покинувъ родину для Петербурга, Гоголь именно искалъ широкаго поприща для развитія силъ, какія онъ въ себѣ сознавалъ; всѣ его мысли были направлены на отысканіе этого поприща; вскорѣ оно и открылось для него и онъ окруженъ былъ успѣхомъ, какого едва могъ ожидать; въ его воображеніи строились все болѣе широкіе и самонадѣянные планы,—очевидно, что вся прежняя обстановка его жизни стала въ его глазахъ только тѣснымъ провинціализмомъ, надъ которымъ далеко возвышалось его настоящее. Онъ по прежнему любилъ своихъ земляковъ-нѣжинцевъ, какъ любятъ друзей юности, но для своихъ высшихъ стремленій онъ искалъ сочувствія, и находилъ его, въ иной средѣ, между людьми, стоявшими въ первомъ ряду русской литературы. Эти друзья, между которыми онъ находилъ опору для самаго своего творчества, были Жуковскій, Пушкинъ, Плетневъ, его московскіе друзья—Аксаковы, Погодинъ и т. д.; дружба съ Максимовичемъ или съ Щепкинымъ не перевѣшивала этихъ отношеній. Извѣстно, какъ впослѣдствіи онъ пристрастился къ Италіи, которую считалъ своею второю родиной и къ которой еще въ юности обращался съ восторженнымъ лирическимъ привѣтствіемъ: это была опять новая страсть, состоявшая въ разнообразныхъ эстетическихъ увлеченіяхъ, и ее опять невозможно примирить съ какимъ-либо тѣснымъ провинціализмомъ. Замыслы Гоголя были шире и—высокомѣрнѣе. Еще въ юности онъ стремился служить не только цѣлому русскому обществу и государству, но даже „человѣчеству", и впослѣдствіи онъ дѣйствительно хотѣлъ быть наставникомъ русскаго общества и думалъ, что отъ него ждетъ этого „Россія". Главный процессъ мыслей Гоголя былъ иной, чѣмъ предполагали упомянутые критики, а именно: первоначальный тѣсный кругъ его поэтическаго творчества, выразившійся картинами изъ быта и преданій его мѣстной родины, постоянно расширялся, обнималъ все болѣе широкій кругъ цѣлаго русскаго общественнаго быта и завершался,

наконецъ, мечтами о томъ грандіозномъ „Левіаѳанѣ“, который остался неисполненнымъ и на которомъ потерпѣли крушеніе и его художественное творчество, и его жизнь.

Въ біографіи Гоголя, которую предполагаемъ извѣстною, отмѣтимъ только существенныя черты, рисующія развитіе его творчества и съ нимъ тѣсно связанныя. Онъ родился въ глухомъ тогда краю Малороссіи около того Миргорода, „нарочито не великаго города“, именемъ котораго онъ назвалъ потомъ второй сборникъ своихъ повѣстей и о которомъ прибавилъ здѣсь эпиграфъ изъ географіи Зябловскаго, въ той мирной первобытной средѣ, изображеніе которой онъ далъ между прочимъ въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“. Въ семьѣ велась немудреная жизнь стараго помѣщичьяго быта съ простыми непосредственными преданіями старины, въ патріархальной близости съ крѣпостнымъ народомъ, и гдѣ юный членъ семьи окруженъ былъ тою массою этнографическихъ впечатлѣній, которыми наполненъ былъ потомъ первый сборникъ его повѣстей, и въ которыхъ кромѣ оригинальныхъ особенностей быта и народнаго характера хранились и богатства самой настоящей первобытной и задушевной поэзіи. Родители были впрочемъ, по мѣстнымъ размѣрамъ, люди образованные: отецъ — несомнѣнно талантливый человѣкъ, о чемъ можно судить по оставшимся отъ него малорусскимъ комедіямъ, — цитаты изъ нихъ Гоголь приводилъ въ эпиграфахъ къ своимъ „Вечерамъ“; мать—нервная, добродушная, чрезвычайно впечатлительная женщина. Многія черты въ характерѣ Гоголя были прямо унаслѣдованы: таковы были его малороссійскій юморъ, его чрезвычайная чуткость; но его личною особенностью былъ необычайный талантъ, сказавшійся очень рано. Родители позаботились объ его образованіи и послѣ первоначальнаго обученія онъ поступилъ въ „Гимназію высшихъ наукъ“ въ Нѣжинѣ. Учебныя заведенія тѣхъ временъ, даже нѣсколько привилегированныя, не отличались особымъ педагогическимъ благоустройствомъ: если былъ въ хаотическомъ состояніи даже Царскосельскій лицей, воспитывавшій Пушкина и находившійся прямо на глазахъ высшей власти, то еще болѣе былъ заброшенъ лицей въ небольшомъ провинціальномъ городѣ, или даже не заброшенъ, а не могъ быть болѣе благоустроеннымъ по самому положенію всей тогдашней русской науки и педагогическихъ силъ. Учащееся молодое поколѣніе было въ значительной мѣрѣ предоставлено самому себѣ; у Гоголя ученье шло вообще довольно плохо, конечно не потому, чтобы онъ не способенъ былъ одолѣть излагаемую премудрость, а потому, что она излагалась въ сухой отталкивающей формѣ. Въ замѣнъ того

или рядомъ съ этимъ шла довольно дружная товарищеская жизнь, въ которой развивалась любовь къ литературѣ и къ театру. До юныхъ нѣжинскихъ лицеистовъ дошла слава Пушкина и дошла романтическая литература и, разумѣется, возъимѣла свое дѣйствіе; съ театромъ Гоголь познакомился впервые въ Кибинцахъ, имѣніе извѣстнаго Трощинскаго, который жилъ тогда на покоѣ въ Малороссіи, и гдѣ нерѣдко гостила семья Гоголя,—съ Трощинскимъ они были въ дальнемъ родствѣ. Своеобразное дарованіе Гоголя выразилось прежде всего въ необычайномъ мастерствѣ его комическаго исполненія на лицейской сценѣ передъ всѣмъ образованнымъ кругомъ Нѣжина: этотъ комическій талантъ свидѣтельствовалъ о необыкновенной наблюдательности, объ умѣніи схватить и передать разнообразныя особенности характеровъ и ихъ внѣшнюю манеру и ухватку. Одинъ изъ знакомцевъ Гоголя разсказываетъ удивительную исторію о томъ, какъ Гоголь и на дѣлѣ умѣлъ играть людьми, схватывая психологію ихъ характера [1]). Другимъ свидѣтельствомъ задатковъ дарованія было то, что еще въ эту ученическую пору Гоголемъ овладѣваетъ неотвязчивая мысль о его будущемъ назначеніи: онъ пугается какого-нибудь сходства съ тѣми изъ товарищей, для которыхъ нѣтъ въ жизни никакой высокой задачи и которыхъ онъ съ презрѣніемъ называетъ „существователями"; напротивъ, онъ мечтаетъ о славѣ, которая покроетъ его будущую дѣятельность; эта дѣятельность будетъ направлена на какую-то великую службу обществу или государству; онъ чувствуетъ въ себѣ необыкновенныя силы, которыя сдѣлаютъ его способнымъ на совершеніе подвига; онъ убѣжденъ, что о немъ печется само Провидѣніе. Отецъ его умеръ, когда онъ былъ еще въ лицеѣ, и по окончаніи курса Гоголь долженъ былъ стать опорою своей семьи. Его мечтою былъ Петербургъ; туда еще раньше отправился одинъ изъ его товарищей, Высоцкій, съ которымъ онъ дѣлилъ надежды „отмѣтить свое существованіе" трудами на пользу общества. Поѣздка совершилась въ самомъ концѣ 1828 года. Гоголь былъ едва только двадцатилѣтнимъ юношей, когда изъ своей глухой провинціи прибылъ въ Петербургъ отыскивать свое поприще. Здѣсь онъ нашелъ небольшой кружокъ своихъ нѣжинцевъ, въ которомъ чувствовалъ себя дома, но затѣмъ передъ нимъ стоялъ чуждый незнакомый міръ... При отличавшей его всегда скрытности, — онъ не довѣрялся вполнѣ даже близкимъ повидимому друзьямъ,—многія подробности біографіи остаются очень смутными; извѣстно одно, что первое время его преслѣдовали не-

[1]) См. у Шенрока, т. I, стр. 244 и далѣе, разсказъ Стороженка.

удачи; онъ самъ не зналъ, какъ направить свою дорогу, на которой онъ будетъ служить обществу и составитъ свою славу. Сначала, еще дома, онъ полагалъ, что долженъ выбрать своимъ поприщемъ службу: онъ успѣлъ перемѣнить нѣсколько мѣстъ и занятій; былъ чиновникомъ, гувернеромъ, учителемъ, пытался даже поступить на сцену; за неудачами слѣдовали и нѣкоторые успѣхи, и онъ преувеличивалъ ихъ отчасти для успокоенія матери, въ помощи которой все еще нуждался, а отчасти тѣша и собственное самолюбіе... Но все это его не удовлетворяло: чиновническая служба внушала уже ему антипатію своимъ сухимъ механическимъ трудомъ,—какъ онъ изображалъ ее послѣ въ своихъ петербургскихъ повѣстяхъ; но истинный механизмъ бюрократіи, ея, особливо тогдашніе, недостатки тѣмъ не менѣе остались, кажется, Гоголю навсегда непонятны. Не удивительно, что въ чиновнической службѣ онъ оказался впослѣдствіи совершенно непригоднымъ: его влекло къ литературной дѣятельности, которая одна могла давать исходъ владѣвшему имъ идеализму. Въ первые же мѣсяцы по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ издалъ подъ псевдонимомъ извѣстную поэму или „идиллію", написанную еще въ Нѣжинѣ, но онъ быстро въ ней разочаровался и уничтожилъ самое изданіе. „Идиллія" въ прежнее время совсѣмъ забывалась и его критиками, — но по тому времени и по возрасту самого автора она была вовсе не такъ дурна, а вмѣстѣ съ тѣмъ очень характерна для его біографіи и исторіи его творчества. Она написана въ стихахъ въ той манерѣ, какая была введена тогда Пушкинымъ и его плеядой; форма мало выработана, что̀ признавалъ въ предисловіи самъ авторъ, скрывшійся за издателя, но есть оригинальные живые стихи и въ подробностяхъ есть настоящая поэзія; въ героѣ изображены именно тѣ идеальныя исканія, потребность вырваться изъ тѣсной среды мирнаго захолустья въ широкій свѣтъ, потребность какого-то великаго труда, который могъ бы „отмѣтить существованіе",—именно то, что̀ волновало и тревожило тогда самого поэта.

До какой степени доходило тогда его возбужденіе, объ этомъ свидѣтельствуетъ странная поѣздка за границу, въ 1829 (продолжавшаяся около мѣсяца). При своей скрытности онъ никогда не объяснилъ ея настоящимъ образомъ. Въ письмахъ къ матери, въ бесѣдахъ съ друзьями, онъ выдумывалъ для нея самыя странныя объясненія: то говорилъ о какой-то опасной болѣзни, то ссылался на какого-то небывалаго благодѣтеля, то говорилъ таинственно, но положительно о небывалой любви къ какому-то „божественному существу", то, наконецъ, о „высшей десницѣ",

которая уже съ этихъ поръ руководитъ дѣйствіями Гоголя, впрочемъ то такъ, то иначе, смотря по его личному вкусу. Но онъ писалъ и слѣдующее: „Богъ указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы тамъ воспиталъ свои страсти въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда бы былъ въ состояніи расѣевать благо и работать на пользу міра". Его влекло туда, „гдѣ каждая минута жизни не утрачивается даромъ, гдѣ каждая минута—богатый запасъ опытовъ и знаній"... „Нѣтъ, мнѣ нужно передѣлать себя, переродиться, оживиться новою жизнью, разцвѣсть силою души въ вѣчномъ трудѣ и дѣятельности, и если я не могу быть счастливъ, по крайней мѣрѣ всю жизнь посвящу для счастія и блага себѣ подобныхъ". Между прочимъ онъ тутъ же упоминаетъ, что готовитъ сочиненіе (повидимому посвященное Малороссіи), которое „если когда выйдетъ, будетъ на иностранномъ языкѣ"... Но онъ остался за границей не долго: если въ Петербургѣ, гдѣ все-таки были близкіе ему люди и гдѣ въ концѣ концовъ, по его собственному убѣжденію, могла открыться ему та или другая дорога, онъ тяготился неопредѣленностью своего положенія, то за границей онъ, конечно, долженъ былъ почувствовать себя не только одинокимъ, но и совершенно лишнимъ и безпомощнымъ. Но, повидимому, это путешествіе принесло свою пользу: оно вернуло Гоголя къ дѣйствительности,—съ этихъ поръ онъ обращается къ болѣе практическимъ планамъ устройства своихъ дѣлъ, пробуетъ поступать на службу, предпринимаетъ небольшія литературныя работы. Нѣкоторыя изъ этихъ работъ помѣщены были въ „Литературной Газетѣ", и вѣроятно въ связи съ этимъ онъ могъ явиться къ Жуковскому, который, съ своей стороны, поручилъ его заботамъ Плетнева. Это произошло вѣроятно, въ концѣ 1830 года, и съ этого времени въ жизни Гоголя наступилъ поворотъ, окончательно установившій его литературное поприще. Плетневъ, который былъ человѣкъ практическій и вмѣстѣ человѣкъ благожелательный и съ немалымъ литературнымъ вкусомъ, повидимому, теперь уже угадывалъ въ Гоголѣ оригинальное дарованіе, которому надо было дать возможность установиться и окрѣпнуть (онъ зналъ уже „Ганца Кюхельгартена"). Онъ позаботился о Гоголѣ въ двухъ существенныхъ отношеніяхъ: какъ инспекторъ Патріотическаго института, онъ уже вскорѣ доставилъ Гоголю уроки въ этомъ заведеніи, а затѣмъ искалъ случая „подвести" его „подъ благословеніе" Пушкина: этимъ навсегда рѣшены были литературныя отношенія Гоголя. Было дѣйствительно великимъ счастіемъ для 22-лѣтняго юноши вступить

въ эту высшую сферу тогдашней литературы, гдѣ именно могло утвердиться въ немъ окончательное рѣшеніе избрать себѣ то поприще, которое одно могло быть его назначеніемъ, гдѣ высокое представленіе объ искусствѣ было школой для его таланта, гдѣ авторитетъ и теплое дружеское участіе Пушкина послужили для него великой нравственной опорой. На всю свою жизнь онъ сохранилъ настоящее благоговѣніе къ личности Пушкина: къ чувству личной привязанности присоединилось удивленіе передъ геніальнымъ поэтомъ и великимъ умомъ, котораго проницательность разъясняла ему и вопросы искусства, и явленія жизни.

Въ кругѣ Пушкина Гоголь нашелъ и первое сочувствіе къ своимъ литературнымъ предпріятіямъ. Послѣ „Ганца Кюхельгартена" онъ оставилъ ту романтическую манеру, въ которой написана была эта идиллія; направленіе его творчества опредѣлилось тѣмъ настроеніемъ, какое овладѣло имъ въ Петербургѣ. Въ первое время, когда онъ не успѣлъ еще найти своего общественнаго положенія, когда приходилось испытывать неудачи, когда идеальные порывы не находили пока примѣненія и онъ отчасти въ фантастическомъ самомнѣніи, отчасти въ поспѣшномъ отчаяніи, что планы его не осуществлялись, бросался, наконецъ, за границу, имъ овладѣвала тоска по родинѣ. Уже въ началѣ 1829 года, только-что пріѣхавши въ Петербургъ, въ письмахъ къ матери Гоголь проситъ о присылкѣ ему различныхъ свѣденій о малорусскомъ бытѣ и нравахъ, о присылкѣ комедій его отца и т. п.: ему нуженъ былъ этотъ матеріалъ, чтобы подновить свои собственныя воспоминанія и дать имъ бо́льшую точность, потому что у него явился планъ цѣлаго ряда малороссійскихъ повѣстей. Дѣйствительно, онѣ были начаты опытомъ историческаго романа (оставшагося неконченнымъ) и „Вечеромъ наканунѣ Ивана Купала", за которымъ послѣдовали потомъ другіе разсказы. Это начало сдѣлано было еще до знакомства съ Жуковскимъ, Плетневымъ и кругомъ Пушкина; въ цѣломъ разсказы составили двѣ книжки „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки" и изданы подъ псевдонимомъ Рудаго Панька, придуманнымъ по совѣту Плетнева.

Это было настоящее начало художественнаго поприща Гоголя. Старый романтизмъ былъ уже заинтересованъ народнымъ преданіемъ; вслѣдъ за чужими образцами являлись попытки воспользоваться для поэзіи матеріаломъ народныхъ сказаній; тѣмъ не менѣе „Вечера" Гоголя явились какъ нѣчто единственное въ своемъ родѣ и такими навсегда остались. Первые читатели оцѣнили ихъ только какъ живой, занимательный разсказъ, оцѣнили въ нихъ поэтическое изображеніе мало извѣстнаго въ сущности

міра; позднѣйшая критика подвергла ихъ суровому осужденію, потому что не нашла въ нихъ настоящей этнографической точности; но если теперь намъ трудно вернуться къ первому непосредственному впечатлѣнію, то, съ другой стороны, намъ покажется излишней и мелочная этнографическая требовательность. Смыслъ „Вечеровъ" заключается не въ этнографіи и не въ одномъ веселомъ разсказѣ: онъ былъ въ любящемъ отношеніи къ народу, въ жизни котораго писатель нашелъ столько поэтическихъ мотивовъ, сколько до него не находилъ еще никто изъ нашихъ писателей. Это вовсе не была какая-нибудь сентиментальная идеализація въ старомъ Карамзинскомъ стилѣ, и Гоголь не думалъ скрывать ни отъ себя, ни отъ читателя, что въ этомъ быту есть не мало первобытно грубаго, но онъ умѣлъ найти тонъ, въ которомъ онъ даетъ читателю видѣть эту грубость, но рядомъ съ тѣмъ даетъ видѣть и то поэтически-прекрасное, что̀ заключалъ этотъ бытъ, какъ народъ передалъ это въ своей пѣснѣ. Новѣйшіе критики предпринимали поиски въ народныхъ преданіяхъ, собранныхъ въ настоящее время этнографами, и старались разыскать основы различныхъ повѣстей Гоголя: во всякомъ случаѣ, на такомъ пространствѣ времени это могли быть только болѣе или менѣе близкіе варіанты настоящихъ источниковъ Гоголя, но за всѣмъ тѣмъ главное въ этихъ повѣстахъ была самостоятельная обработка этихъ сюжетовъ, въ которую Гоголь вложилъ и бытовыя подробности, и весь тонъ своего юмора... Давно забыты и стали намъ чужды, за очень немногими исключеніями, всѣ старые опыты изображенія народной жизни, въ которыхъ присутствовала романтическая искусственность; „Вечера" Гоголя уцѣлѣли, потому что, хотя и ихъ тема сильно поэтизирована, но рядомъ съ этимъ въ нихъ несомнѣнно присутствуетъ также тотъ здоровый реализмъ, который составилъ потомъ великую силу Гоголя. Этотъ реализмъ, въ соединеніи съ неподражаемымъ юморомъ, являлся такой естественной, необходимой чертой этихъ произведеній, что его невозможно подвести ни къ какому чужому вліянію, ни къ какой литературной школѣ: это и былъ тотъ самобытный элементъ, который былъ у Гоголя не только личной, но и племенной особенностью его дарованія, и если гдѣ можно искать его антецедентовъ, то развѣ только въ народномъ малорусскомъ юморѣ и въ тѣхъ первыхъ писателяхъ, которые незадолго передъ тѣмъ начинали малорусскую литературу; въ числѣ ихъ былъ и Гоголь-отецъ.

Мы видѣли, что Гоголь очень быстро охладѣлъ къ своему первому поэтическому труду и самъ его уничтожилъ; онъ быстро

охладѣлъ и къ „Вечерамъ“ и говорилъ объ нихъ съ пренебреженіемъ, хотя они имѣли большой успѣхъ. Причина была несомнѣнно въ томъ, что въ головѣ его носились уже болѣе серьезные замыслы, и передъ ними для его безмѣрнаго самолюбія казался слабымъ уровень искусства въ „Вечерахъ“. Въ годъ-два, когда онъ сблизился съ кругомъ Пушкина, чрезвычайно измѣнилось его общественное положеніе и стало уже безмѣрно развиваться его высокомнѣніе: это не былъ уже юноша, отыскивавшій себѣ мѣсто „на тысячу рублей“ (по тогдашнему—ассигнаціями); черезъ Пушкина, Жуковскаго и Плетнева онъ вошелъ въ избранный литературный кругъ, который связанъ былъ и съ кругомъ аристократическимъ, и даже съ придворною сферой; къ этому времени относится, напр., его первое сближеніе съ фрейлиной А. О. Россетъ (впослѣдствіи Смирновой); первое время онъ еще дичился въ этомъ кругу, но уже вскорѣ сталъ держаться въ немъ, можетъ быть, даже слишкомъ самоувѣренно. Правда, матеріальное положеніе его было еще незавидно: служба въ Патріотическомъ институтѣ, частные уроки, доставленные Плетневымъ, литературный заработокъ не давали полнаго обезпеченія, но морально Гоголь поднялся такъ, что уже въ эти годы онъ отличается самомнѣніемъ, иногда поражавшимъ непріятно даже людей, къ нему лично расположенныхъ или высоко цѣнившихъ его, какъ писателя... Въ 1832, лѣтомъ, онъ могъ наконецъ отправиться на родину; проѣздомъ онъ въ первый разъ былъ въ Москвѣ, гдѣ провелъ нѣсколько времени и завязалъ новыя литературныя знакомства; такъ, въ это время начинаются его дружескія связи съ Погодинымъ, съ семействомъ Аксаковыхъ, съ Загоскинымъ, съ Максимовичемъ и Щепкинымъ; съ двумя послѣдними онъ сразу сталъ въ самыя близкія дружескія отношенія,—это были земляки, съ которыми соединяла его общая любовь къ малорусской родинѣ, ея языку, пѣснѣ и обычаю. Пребываніе на родинѣ принесло новыя впечатлѣнія,—онѣ были невеселыя. Свои домашнія дѣла онъ нашелъ очень разстроенными, какъ и вообще ему бросился въ глаза упадокъ заброшеннаго помѣщичьяго хозяйства. По этой одной причинѣ не могло уже быть прежняго беззаботно поэтическаго отношенія къ этой родинѣ, какое прежде диктовало ему „Вечера“. Малорусскія темы еще возвратились потомъ въ его творчествѣ, но тонъ ихъ уже другой; біографъ Гоголя замѣчаетъ, что эти новые разсказы носятъ слѣды печальнаго настроенія, на какое навело Гоголя это посѣщеніе родины; но было и другое. Эти новыя произведенія: „Старосвѣтскіе помѣщики“, „Повѣсть о томъ, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ

Иваномъ Никифоровичемъ", „Вій", „Тарасъ Бульба", указываютъ несомнѣнно на гораздо болѣе зрѣлую силу поэтическаго замысла. Это уже не однѣ непосредственныя бытовыя картины, внушенныя бытомъ и преданіемъ, но вмѣстѣ психологическія задачи; на сценѣ и другой слой общества... Біографы и критики Гоголя старались опять разыскать тѣ оригиналы, съ которыхъ Гоголь писалъ своихъ героевъ; такъ одни принимали, что въ изображеніи старосвѣтскихъ помѣщиковъ онъ думалъ о своей матери, другіе—что онъ взялъ оригиналомъ такихъ-то знакомыхъ, и ссылаются обыкновенно на признаніе самого Гоголя, что онъ никогда не могъ создать ничего изъ своего воображенія. Но понятно, что этого послѣдняго замѣчанія не надо преувеличивать: въ изображеніи бытовыхъ характеровъ нельзя не имѣть опоры въ наблюденіи живыхъ фактовъ—нравовъ и людей, и напримѣръ на вопросъ о томъ, гдѣ онъ взялъ Хлестакова, Гоголь объяснялъ, что его вездѣ можно встрѣтить; и старосвѣтскіе помѣщики существовали, безъ сомнѣнія, не въ одномъ и не въ двухъ экземплярахъ,—но была именно великая сила воображенія въ реальномъ возсозданіи цѣлой исторіи лица, въ разгадкѣ его психологическаго склада и судьбы.

Послѣ 1832 года художественная производительность Гоголя нѣсколько пріостанавливается. Причину этого видятъ отчасти въ томъ угнетающемъ впечатлѣніи, какое онъ вынесъ изъ поѣздки на родину, отчасти въ новыхъ планахъ, какіе развиваются у него въ это время. А именно онъ увлекается исторіей: во-первыхъ, ему показалось теперь, что онъ созданъ быть преподавателемъ, и Плетневъ думалъ, что Гоголь пойдетъ по его дорогѣ; во-вторыхъ, сближеніе съ Погодинымъ, а особливо съ Максимовичемъ и обновившаяся любовь къ родинѣ внушили ему мысль, что онъ долженъ сдѣлаться историкомъ Малороссіи; наконецъ, открывалась перспектива получить историческую каѳедру въ Кіевѣ, а потомъ въ Петербургѣ. Все это вмѣстѣ съ тѣмъ являлось средствомъ устроить его общественное положеніе. Исторія его профессуры извѣстна, и съ нынѣшней точки зрѣнія не можетъ не казаться крайней самонадѣянностью это исканіе каѳедры, когда Гоголь имѣлъ за собой только посредственно оконченный курсъ въ плохой „гимназіи высшихъ наукъ", и когда въ данную минуту онъ слишкомъ мало восполнилъ свои познанія, которыя все-таки были совершенно недостаточны, и когда наконецъ онъ былъ видимо неспособенъ къ научной работѣ, требующей настойчиваго труда. Объясненіемъ, если не извиненіемъ этого страннаго факта можетъ быть тогдашнее общее положеніе дѣла: неспособности Го-

голя къ профессурѣ не видѣлъ не только онъ самъ, но не видѣли его друзья Пушкинъ и Жуковскій, которые, напротивъ, бывши однажды на его лекціи (заранѣе подготовленной), пришли даже отъ нея въ восхищеніе; не видѣлъ наконецъ и Уваровъ, министръ народнаго просвѣщенія, вѣроятно подкупленный похвалами этихъ важныхъ друзей Гоголя. Не были вообще высоки и тогдашнія требованія отъ профессора: компетентныхъ судей учености было слишкомъ мало; въ самомъ петербургскомъ университетѣ профессура была обставлена такъ слабо, что когда вскорѣ вводился новый университетскій уставъ (1835), то найдено было нужнымъ устранить около дюжины профессоровъ, которые не могли удовлетворить его требованіямъ,—въ числѣ ихъ былъ и Гоголь. Собственная самонадѣянность Гоголя несомнѣнно связана съ упомянутымъ неяснымъ представленіемъ объ ученомъ преподаваніи, а кромѣ того, по всей вѣроятности, косвенно поддержана была приложенной некстати теоріей о великомъ превосходствѣ поэта-художника надъ толпой: если это превосходство не подлежало спору въ дѣлѣ художества и если здѣсь толпа считалась столь низменной, то считали возможнымъ заключить, что и въ такой наукѣ, какъ исторія, легко взять верхъ однимъ талантомъ надъ „вялыми профессорами", —объ нихъ Гоголь впередъ уже говорилъ съ пренебреженіемъ. Во время своей профессуры Гоголь прочелъ, кажется, только двѣ лекціи, надъ которыми онъ постарался и которыя были эффектны въ его чтеніи: одну онъ прочелъ при началѣ курса, а другую—внѣ связи съ другими лекціями—въ тотъ разъ, когда въ его аудиторію пришли Пушкинъ и Жуковскій; все остальное, по словамъ его тогдашнихъ слушателей, было именно сухо и вяло; самъ профессоръ видимо тяготился лекціями и часто пропускалъ ихъ совсѣмъ. Не удивительно, что при введеніи новаго устава онъ былъ просто устраненъ... Эти двѣ лекціи были тогда же напечатаны: ученаго достоинства онѣ не имѣютъ и не могли имѣть, но Гоголь собралъ рядъ эффектныхъ картинъ, громкихъ, часто преувеличенныхъ, эпитетовъ и выраженій, словомъ, постарался дать художественный очеркъ, что̀ было бы невозможно выдержать въ теченіе курса; притомъ это не была бы и исторія.

Профессура Гоголя вызывала у его біографовъ строгія обвиненія, а также и оправданія. Едва ли сомнительно, что въ этомъ случаѣ у Гоголя дѣйствительно не было сознательнаго шарлатанства; онъ самъ былъ простодушно увѣренъ, что профессура была бы по его силамъ; могли же думать это его старшіе и болѣе опытные друзья и покровители, которымъ онъ былъ не мало обя-

занъ въ полученіи каѳедры. Такое же искреннее заблужденіе онъ питалъ въ это самое время и въ другомъ дѣлѣ, именно, когда собирался писать многотомную исторію Малороссіи. Онъ восхищался малорусскими пѣснями, которыя казались ему живою лѣтописью, далеко превосходящею сухіе письменные памятники, потому что въ пѣсняхъ отражалась самая душа народа. Въ статьѣ о малороссійскихъ пѣсняхъ, написанной около этого времени, онъ говорилъ объ нихъ: „Онѣ—надгробный памятникъ былого, болѣе, нежели надгробный памятникъ: камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью—ничто противъ этой живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи". И почти тѣми же словами онъ писалъ Максимовичу въ ноябрѣ 1833: „Моя радость, жизнь моя, пѣсни! какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями?" Онъ видимо думалъ, что достаточно схватить главные внѣшніе факты и освѣтить народно-поэтическимъ колоритомъ, и исторія была бы готова. Онъ, конечно, глубоко заблуждался и вскорѣ долженъ былъ это сознать. Работа надъ сухими фактическими разысканіями была ему не по силамъ не только потому, что гораздо быстрѣе работала фантазія, но и потому, что историческое изслѣдованіе, даже въ этомъ близкомъ его сердцу предметѣ, требовало подготовки. Около того же времени писалъ онъ Погодину объ одной нѣсколько серьезной работѣ подобнаго рода, которую онъ предпринялъ, что у него „перо валится изъ рукъ",—потому что дѣйствительно голова была занята у него совсѣмъ другимъ. Наконецъ, онъ заблуждался и о значеніи самыхъ пѣсенъ. Если можно было назвать ихъ живою лѣтописью, то эта лѣтопись была слишкомъ отрывочная, передававшая только извѣстные моменты, непрочная, потому что множество старыхъ пѣсенъ несомнѣнно исчезло, наконецъ, передающая народныя настроенія, сохраняющая для потомства поэтическія краски, но въ концѣ концовъ неспособная разъяснить основныхъ реальныхъ условій народной исторіи... Гоголь былъ такъ самонадѣянъ, что думалъ въ одно и то же время писать многотомную исторію Малороссіи и многотомную среднюю исторію, и о первой изъ нихъ было даже публиковано: ни изъ того, ни изъ другого, конечно, ничего не вышло.

Но если было здѣсь хотя слишкомъ самоувѣренное, но искреннее заблужденіе, то остаются весьма несимпатичными тѣ пріемы, какіе употреблялъ онъ для устройства своихъ дѣлъ и его отношеній. Не будемъ повторять тѣхъ выраженій, въ какихъ онъ настроивалъ своихъ друзей дѣйствовать, когда шла рѣчь о кіевской или

петербургской каѳедрѣ. Столь же непріятна та грубая самоувѣренная манера, съ какой онъ говорилъ о своихъ ученыхъ затѣяхъ, когда, напримѣръ, онъ намѣревался „дернуть" исторію Малороссіи или „хватить среднюю исторію томиковъ восемь или девять", или „удрать" необыкновенное изданіе пѣсенъ, или когда о прекращеніи своей профессуры онъ говоритъ, что „расплевался съ университетомъ". Какъ изъ этихъ выраженій, такъ и изъ всего, что̀ онъ говорилъ тогда о наукѣ, очевидно, что онъ имѣлъ объ ней крайне странное понятіе, точнѣе—никакого: она представлялась ему какъ будто сухимъ педантствомъ, матеріаломъ котораго можетъ смѣло распоряжаться посторонній талантливый человѣкъ,—какъ онъ самъ; у него не было никакого представленія, что наука есть такое же священное дѣло, какъ и художество, что дѣло ея заключается вовсе не въ одномъ наборѣ голыхъ фактовъ, а—напримѣръ въ исторіи—оно заключается въ разысканіи внутренняго процесса жизни человѣческихъ обществъ, для чего она и требуетъ безконечно разнообразныхъ изысканій во всѣхъ областяхъ народной и общественной жизни... Впослѣдствіи, въ „Авторской Исповѣди" Гоголь самъ призналъ всю скудость своей научной подготовки: „...Я получилъ въ школѣ воспитаніе довольно плохое, а потому и не мудрено, что мысль объ ученіи пришла ко мнѣ въ зрѣломъ возрастѣ. Я началъ съ такихъ первоначальныхъ книгъ, что стыдился даже показывать, и скрывалъ свои занятія"...

Мы остановились на этихъ подробностяхъ потому, что онѣ даютъ весьма существенныя указанія для характеристики общаго міровоззрѣнія Гоголя и для самой исторіи его творчества. Оставимъ въ сторонѣ особенности и недостатки личнаго характера,—Гоголь самъ послѣ сознавалъ многія свои ошибки, какъ, напримѣръ, и ошибку своей профессуры. Но эта отдаленность отъ науки, это пренебреженіе къ ней не остались безъ своего неблагополучнаго результата. Мы упоминали, что вслѣдствіе эстетической теоріи, господствовавшей въ кругу Пушкина и, безъ сомнѣнія, въ особенности отсюда воспринятой Гоголемъ, художникъ получалъ столь высокое положеніе надъ чернью, надъ толпой, т.-е. надъ обществомъ, что писатель, ощущавшій въ себѣ дѣйствительно великую силу творчества и съ прирожденнымъ самомнѣніемъ, какъ Гоголь, легко могъ подпасть вліянію этой теоріи и внѣ собственно художественной области. Такъ это и случилось. Но Пушкинъ и Гоголь были очень непохожи въ пониманіи самыхъ задачъ искусства. Пушкинъ могъ остаться чистымъ художникомъ, онъ могъ сказать толпѣ: „Какое дѣло поэту мирному до васъ! Въ развратѣ каменѣйте смѣло: не оживитъ васъ лиры

гласъ"... Но Гоголь думалъ и чувствовалъ иначе. Вотъ слова тонкаго наблюдателя, Анненкова, который зналъ Гоголя отъ самой ранней поры его жизни въ Петербургѣ и говоритъ именно объ этой порѣ: „Важнѣе всего была въ Гоголѣ та мысль, которую онъ приносилъ съ собой въ это время повсюду. Мы говоримъ объ энергическомъ пониманіи вреда, производимаго пошлостью, лѣнью, потворствомъ злу съ одной стороны, и грубымъ самодовольствомъ, кичливостью и ничтожествомъ моральныхъ основаній съ другой... Въ его преслѣдованіи темныхъ сторонъ человѣческаго существованія была страсть, которая и составляла истинное нравственное выраженіе его физіономіи. Онъ и не думалъ еще тогда представлять свою дѣятельность, какъ подвигъ личнаго совершенствованія, да и никто изъ знавшихъ его не согласится видѣть въ ней намеки на какое-либо страданіе, томленіе, жажду примиренія и проч. Онъ ненавидѣлъ пошлость откровенно, и наносилъ ей удары, къ какимъ только была способна его рука, съ единственной цѣлью: потрясти ее, если можно, въ основаніи... Честь безкорыстной борьбы за добро, во имя только самаго добра и по одному только отвращенію къ извращенной и опошленной жизни, должна быть удержана за Гоголемъ этой эпохи, даже и противъ него самого, еслибы нужно было" [1]). Его влекло къ наблюденію общества и къ дѣйствію на него; на первыхъ шагахъ своего поприща онъ хватается за сатиру и комедію. Необычайный успѣхъ его произведеній долженъ былъ указывать ему, что цѣль достигается, и вмѣстѣ съ этимъ онъ все расширяетъ свои планы, его творенія должны были обнять самыя разнородныя и, по его мнѣнію, существенныя стороны русской жизни. Религіозно-мистическое настроеніе, развившееся наконецъ изъ задолго существовавшихъ данныхъ его жизни и характера, дало этому представленію о могуществѣ художника, какъ изобразителя и объяснителя жизни, новую окраску и еще болѣе притязательное значеніе. Гоголь думалъ, наконецъ что онъ призванъ быть учителемъ общества. Но для того, чтобы стать этимъ учителемъ, требовалось уже далеко не одно художественное ясновидѣніе: тѣ вопросы, которые хотѣлъ рѣшать Гоголь (каковы, напримѣръ, значеніе администраціи или администратора, помѣщичій бытъ, промышленность, споръ между „восточными" и „западными", значеніе Россіи въ человѣчествѣ и т. д.), нуждались уже прямо въ спеціальномъ изученіи; для уразумѣнія ихъ требовалось настоящее изученіе исторіи русской и общей, наукъ юридическихъ, финан-

[1]) Воспоминанія и очерки, I, стр. 190.

совыхъ и т. д.; чтобы подать голосъ въ помѣщичьемъ вопросѣ, надо было вникнуть и въ исторію крестьянскаго вопроса, и въ настроеніе лучшихъ людей тогдашняго общества; наконецъ, можетъ быть, надо было вспомнить и о болѣе правдивомъ и дѣятельномъ примѣненіи христіанскаго братолюбія. Не нужно было вовсе быть ученымъ спеціалистомъ, но надо было чувствовать по крайней мѣрѣ необходимость серьезнаго изученія этихъ сложныхъ явленій. Но такого отношенія къ этимъ труднымъ вопросамъ у Гоголя не было — онъ руководился только внушеніями своего личнаго чувства, жизнь и работа русской общественной мысли остались ему чужды: отсюда произошелъ потомъ тотъ страшный разрывъ между нимъ и его горячими поклонниками, видѣвшими въ немъ одного изъ величайшихъ писателей русской литературы,—разрывъ, произведенный „Выбранными Мѣстами изъ переписки съ друзьями".

Осталась ненаписанной и, кажется, даже неначатой и исторія Малороссіи. И здѣсь опять Гоголь искренно увлекался, мечтая возсоздать исторію своего родного края. Это увлеченіе совпадало по времени съ его мечтой получить каѳедру и основаться въ Кіевѣ. Ему представлялась уже завлекательная картина совмѣстной съ Максимовичемъ работы въ любимой малорусской старинѣ; Кіевъ уже рисовался въ его воображеніи Аѳинами, и въ перепискѣ съ Максимовичемъ мы не разъ встрѣчаемъ выраженія, которыя подобали бы только рьяному украинофилу. Зазывая Максимовича и собираясь самъ въ Кіевъ, онъ пишетъ ему въ іюлѣ 1833: „Дурни мы, право, какъ разсудить хорошенько. *Для чего* и *кому* жертвуемъ всѣмъ? Ѣдемъ!" Онъ не понимаетъ, чѣмъ держитъ Максимовича „старая баба Москва", совѣтуетъ ему бросить, наконецъ, „кацапію" для „гетманщины". Въ другомъ письмѣ онъ опять зоветъ Максимовича: „Туда, туда! въ Кіевъ! въ древній, въ прекрасный Кіевъ! Онъ *нашъ*, онъ не *ихъ*, не правда ли? Тамъ или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей" [1]). Ни исторія Малороссіи, ни дѣятельность въ Кіевѣ не осуществились, но эта пора страстнаго увлеченія малорусской стариной и народной поэзіей отозвалась новымъ знаменитымъ созданіемъ Гоголя, „Тарасомъ Бульбой". Здѣсь Гоголь опять не имѣлъ предшественниковъ: ни раньше, ни позже не было въ нашей литературѣ столь яркой картины героической эпохи Малороссіи. Позднѣйшая критика находила здѣсь разные недостатки и ошибки

[1]) Объ этой горячей любви Гоголя къ Малороссіи см. еще у Шенрока, т. II, стр. 51—53.

противъ исторіи и преувеличенія въ стилѣ (напримѣръ, въ описаніи буйнаго веселья запорожцевъ въ видѣ какого-то безконечнаго „бала“), но эти недостатки не мѣшаютъ поэтической прелести этого произведенія, представляющаго какъ бы реставрацію старой эпопеи.

Какъ ни былъ, однако, Гоголь занятъ своей профессурой и увлеченъ малороссійской стариной, у него роились также литературные планы совсѣмъ иного рода: въ это самое время или вскорѣ потомъ былъ задуманъ и частію исполненъ рядъ петербургскихъ повѣстей и рядъ комедій и комическихъ сценъ. Эти петербургскія повѣсти были результатомъ его новой жизни и новыхъ наблюденій. Была высказана мысль, что Пушкинъ навелъ Гоголя на эти изображенія картинъ повседневной жизни; указываютъ тотъ фактъ, что Гоголь пользовался сюжетами, указанными ему Пушкинымъ, но это соображеніе совершенно произвольно. Изобрѣтеніе сюжета, повидимому, представляло всегда для Гоголя нѣкоторую трудность, и онъ дѣйствительно охотно бралъ готовыя темы — въ народномъ преданіи, въ случайномъ разсказѣ, каковы были и разсказы Пушкина; но дѣло въ томъ, что въ ихъ развитіе онъ вносилъ ту громадную массу тонкихъ наблюденій, какихъ, по его собственнымъ словамъ, у него всегда былъ большой запасъ. Очевидно, что тема, выполненная такимъ образомъ, могла въ концѣ концовъ не имѣть ничего общаго съ тѣмъ голымъ разсказомъ, какой былъ ему сообщенъ. Извѣстенъ разсказъ о шутливой жалобѣ Пушкина, что съ Гоголемъ надо быть осторожнымъ, потому что этотъ хохолъ обираетъ его. По собственному показанію Гоголя, Пушкинъ уступилъ ему сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“, изъ котораго онъ „хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы“; но извѣстенъ также разсказъ, какъ былъ пораженъ Пушкинъ, когда Гоголь прочелъ ему первый очеркъ „Мертвыхъ Душъ“: очевидно, въ мысляхъ Пушкина не было ничего подобнаго той постановкѣ этого сюжета, какую онъ здѣсь нашелъ.

Глубокое впечатлѣніе, какое производили повѣсти Гоголя (появившіяся во второй половинѣ 1830-хъ годовъ и около 1840-го), уже въ то время указало ихъ великое значеніе въ развитіи русской литературы. Такого могущественнаго проявленія юмора она еще не знала. Сюжеты были очень разнообразны: исторія мелкаго чиновника, у котораго украли шинель; фантастическое повѣствованіе о коллежскомъ ассессорѣ или „майорѣ“, у котораго пропалъ, а потомъ нашелся носъ; исторіи художниковъ, передъ которыми стоялъ вопросъ о требованіяхъ искусства; шутовская исторія о помѣщикѣ, который въ пьяномъ видѣ зазвалъ къ себѣ

въ гости господъ офицеровъ, но забылъ объ этомъ, и когда они пріѣхали, спрятался отъ нихъ въ коляску; потрясающая исторія другого мелкаго чиновника, который сошелъ съ ума на томъ, что онъ испанскій король,—но въ эти темы вложено такое богатство реальныхъ подробностей, столько глубокой психологической проницательности, столько веселаго остроумія, столько изобличенія господствующей людской пошлости и, наконецъ, столько печальнаго и трагическаго, что рядомъ съ повѣстями „Миргорода" и рядомъ съ комедіями эти произведенія казались, и дѣйствительно были, еще небывалымъ откровеніемъ художественнаго творчества, захватывавшаго жизнь въ такомъ многозначительномъ анализѣ, какого русская литература еще не видѣла. Искусство не витало уже на высотахъ, недоступныхъ для массы; оно изображало самую жизнь этой массы, обращалось къ ней самой, и среди высокаго художественнаго наслажденія рождалось теплое человѣчное чувство и общественное сознаніе.

Столь же своеобразна и самобытна была комедія Гоголя. Мы напрасно искали бы антецедента, къ которому примыкала бы эта комедія какъ непосредственное продолженіе и развитіе. Русская комедія была вообще не богата, и особенно не богата такими произведеніями, которыя затрогивали бы серьезный общественный вопросъ. Комедіи фонъ-Визина были событіемъ для своего времени, когда сама литература въ общественномъ смыслѣ находилась въ зачаточномъ состояніи; ихъ тема состояла въ элементарномъ поученіи о вредѣ невѣжества, о нелѣпости слѣпого подражанія иноземнымъ обычаямъ,—поученіи, которое въ тогдашней „сатирической" литературѣ было общимъ мѣстомъ и въ концѣ концовъ не имѣло никакого особеннаго вліянія (еще многіе десятки лѣтъ повторялись потомъ тѣ же обличенія подражанія иноземцамъ и рекомендаціи просвѣщенія) между прочимъ потому, что оно не было поддержано какимъ-либо широкимъ идеаломъ, какъ будто внѣ этихъ частныхъ недостатковъ все остальное обстояло совершенно благополучно. Послѣ фонъ-Визина только знаменитая комедія Капниста была серьезнымъ опытомъ коснуться настоящаго общественнаго вопроса, а затѣмъ опять идетъ рядъ болѣе или менѣе безразличныхъ твореній съ поверхностными темами, и онѣ, остановивъ на минуту вниманіе общества или, точнѣе, немногихъ любителей литературы, тонули навсегда въ рѣкѣ забвенія... Причина понятна. Серьезная комедія требовала гораздо болѣе широкаго простора для общественной мысли, чѣмъ какой могъ найтись въ условіяхъ литературы, и безъ этого комедія становилась

только театральнымъ развлеченіемъ, весьма недолговѣчнымъ, потому что въ сущности она очень мало затрогивала господствующіе нравы и мало отвѣчала на дѣйствительные интересы. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ первой русской комедіей было только „Горе отъ ума", и внѣшняя судьба этой комедіи, которая могла быть напечатана только черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти автора, а въ своемъ полномъ текстѣ могла явиться лишь черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, даетъ наглядное указаніе о томъ, насколько комедія общественнаго характера могла получить право гражданства. Другими словами, комедія получала это право гражданства только тогда, когда ея непосредственный смыслъ терялся и становился устарѣлымъ: комедія сохранила и теперь свое значеніе благодаря только тому, что въ ея, теперь уже архаическихъ, подробностяхъ сберегло свою цѣну ея нравственно-идеалистическое настроеніе [1]). Комедія Грибоѣдова была неожиданностью, которой нельзя было бы пріурочить къ прежнему литературному развитію и какія мы имѣли случай указывать въ формаціи нашей новѣйшей литературы. Мы видѣли, что такою неожиданностью бывали произведенія Жуковскаго, Батюшкова, самого Пушкина, когда новый притокъ европейскихъ вліяній расширялъ горизонтъ самой русской поэзіи въ рукахъ первостепенныхъ дарованій. Грибоѣдовъ былъ въ нѣсколько другихъ условіяхъ: его настроеніе не было дано какимъ-либо „властителемъ думъ" изъ чужой литературы, но оно было дано извѣстнымъ возбужденіемъ умовъ, которое во второмъ и въ третьемъ десятилѣтіяхъ XIX вѣка было результатомъ особенныхъ условій русской жизни въ связи съ политическими событіями и броженіемъ умовъ на западѣ Европы. Комедія Грибоѣдова явилась несомнѣннымъ отраженіемъ того либеральнаго движенія, какое овладѣло молодыми поколѣніями около двадцатыхъ годовъ. Впослѣдствіи и особенно въ недавнее время не мало спорили о томъ, къ какой категоріи отнести направленіе Грибоѣдова—былъ ли онъ либераломъ, или, напротивъ, патріотомъ славянофильскаго стиля. Мы объясняли въ другомъ мѣстѣ, что это споръ безплодный. Въ то время вовсе не было подобнаго разграниченія партій: фактически Грибоѣдовъ имѣлъ близкихъ друзей именно въ средѣ тогдашнихъ „либералистовъ", такъ что сочли даже нужнымъ привлечь его къ дѣлу о 14-мъ декабря, но съ другой стороны въ числѣ его пріятелей (къ удивленію) былъ и Булгаринъ; самые настоящіе „либера-

---

[1]) Мы касаемся здѣсь Грибоѣдова только вкратцѣ, такъ какъ имѣли случай говорить о немъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ; см. „Вѣстн. Европы", 1890, январь.

листы“ могли только согласиться съ протестами Грибоѣдова противъ застарѣлаго невѣжества и тупого застоя, а съ другой стороны, если онъ, въ лицѣ Чацкаго, возставалъ противъ подражанія иноземцамъ и взывалъ къ русскому обычаю, то и эта черта не была бы исключеніемъ въ идеяхъ тогдашнихъ „либералистовъ“,—русская старина была тогда извѣстна довольно слабо и ее одинаково идеализировали и такіе дѣятели, какъ Шишковъ или архимандритъ Фотій, и такіе, какъ Рылѣевъ и Никита Муравьевъ; въ свое время предполагали даже, что въ Чацкомъ Грибоѣдовъ имѣлъ въ виду Чаадаева, который совсѣмъ непохожъ былъ на славянофила. У самыхъ крайнихъ либераловъ того времени мы найдемъ это стремленіе примкнуть къ преданіямъ старины, даже къ „Русской Правдѣ“, найдемъ заботу о національномъ достоинствѣ и самобытности, какъ для самого общественнаго строя они были убѣждены въ необходимости освобожденія крестьянъ... Великая заслуга и основной интересъ произведенія Грибоѣдова заключался именно въ изображеніи этой борьбы свѣжаго просвѣтительнаго идеализма противъ отжившаго по существу, но еще властвующаго въ обществѣ застоя и обскурантизма, въ изображеніи этихъ одушевленныхъ порывовъ просвѣщенныхъ людей къ лучшему будущему,—что̀ такъ вѣрно и краснорѣчиво объяснилъ Гончаровъ въ „Милліонѣ терзаній“.

Комедія Гоголя, очевидно, не имѣетъ съ Грибоѣдовымъ ничего общаго. Тому настроенію либерализма двадцатыхъ годовъ, среди котораго возникло „Горе отъ ума“, Гоголь былъ совершенно чуждъ. Его комедіи выростали на той же почвѣ, изъ которой произошли его петербургскія повѣсти: это было то наблюденіе бытовой мелочности и пошлости, которая была въ концѣ концовъ невѣжествомъ и несправедливостью; комедія была только другою формою для того же самаго содержанія. Что касается до мысли объ этой формѣ, и здѣсь мы напрасно искали бы образца, который могъ бы служить для Гоголя завлекающимъ примѣромъ: вся прежняя русская комедія, кромѣ „Горя отъ ума“, была слишкомъ незначительна, а комедія Грибоѣдова,—немного по-старинному въ стихахъ,—принадлежала къ совершенно иному стилю и по литературному характеру, и по содержанію. Форма дана была Гоголю его собственнымъ прошедшимъ: онъ былъ неподражаемый комикъ еще на сценѣ Нѣжинскаго лицея, и тогда уже развилась въ немъ любовь къ театру; мы упоминали, что по пріѣздѣ въ Петербургъ однимъ изъ его плановъ опредѣлить свое положеніе было намѣреніе поступить на сцену; въ это же первое время, когда онъ писалъ къ матери о присылкѣ ему описаній народ-

ныхъ обычаевъ, пѣсенъ и т. п., онъ просилъ также прислать малорусскія комедіи его отца. До какой степени занимала его мысль о комедіи еще въ это первое время жизни въ Петербургѣ, можно видѣть изъ словъ Плетнева въ письмѣ къ Жуковскому отъ декабря 1832: „у Гоголя вертится на умѣ комедія. Не знаю, разродится ли онъ ею нынѣшней зимой; но я ожидаю въ этомъ родѣ отъ него необыкновеннаго совершенства" [1]). Рѣчь шла, вѣроятно, о комедіи „Владиміръ 3-й степени", которая не была Гоголемъ закончена. Въ разсказахъ о Гоголѣ С. Т. Аксакова находимъ чрезвычайно любопытную замѣтку объ этомъ самомъ времени. Аксаковъ познакомился съ Гоголемъ въ упомянутый пріѣздъ Гоголя въ Москву [2]). Однажды у нихъ зашелъ разговоръ о Загоскинѣ; Гоголь хвалилъ его за веселость, но замѣтилъ, что онъ пишетъ не то, что нужно для театра.

„Я (С. Т. Аксаковъ) легкомысленно возразилъ, что у насъ писать не о чемъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно, гладко, прилично и пусто, что—

...даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

но Гоголь посмотрѣлъ на меня какъ-то значительно и сказалъ, что—„это неправда, что комизмъ кроется вездѣ, что, живя посреди него, мы его не видимъ; но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы же сами надъ собою будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его". Можетъ быть, онъ выразился не совсѣмъ такими словами; но мысль была точно та. Я былъ ею озадаченъ, особенно потому, что никакъ не ожидалъ ее услышать отъ Гоголя. Изъ послѣдующихъ словъ я замѣтилъ, что русская комедія его сильно занимала и что у него есть свой оригинальный взглядъ на нее". Гоголю было тогда только двадцать три года, и этотъ молодой писатель, едва начинавшій свое поприще, удивлялъ уже опытнаго литератора старыхъ временъ никогда неслыханными взглядами. Слова Гоголя, очевидно, передаютъ мысль, уже твердо установившуюся, и если свести мнѣнія обѣихъ сторонъ къ ихъ основному смыслу, то съ одной стороны окажется еще старая реторическая искусственность и ходули, съ другой—глубокій реализмъ и простота. Анненковъ, наблюденія котораго мы выше указывали, именно отмѣчаетъ у Гоголя эту исконную черту—антипатію ко

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III, стр. 522.

[2]) „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ". Со включеніемъ всей переписки съ 1832 по 1852 годъ. Сочиненіе С. Т. Аксакова (Р. Архивъ, 1890, кн. 8).

всему дѣланному и напыщенному, вслѣдствіе чего, напримѣръ, онъ съ юныхъ лѣтъ не терпѣлъ Кукольника. Если потомъ у него самого мы находимъ наклонность къ преувеличеннымъ картинамъ и къ высокопарности, она во всякомъ случаѣ имѣла другой источникъ, именно, въ его совершенно искреннемъ лирическомъ возбужденіи.

Мысль, высказанная Гоголемъ Аксакову, примѣнялась, очевидно, къ комедіи точно такъ же, какъ примѣнялась къ повѣсти. Его малорусскія повѣсти въ „Миргородѣ“, его петербургскія повѣсти точно также въ будничныхъ мелочахъ жизни находятъ предметъ художественнаго изображенія, способный служить и цѣлямъ эстетическимъ, и человѣчному пониманію жизни. Таковы были и его комедіи. Кромѣ драматической формы, комедія имѣетъ свои спеціальныя задачи, должна искать комическаго, но тамъ и здѣсь можетъ сохраняться и дѣйствительно сохранялось одно міросозерцаніе, одно стремленіе искать за мелочными или комическими чертами жизни или глубокой внутренней драмы, или отраженій цѣлаго характера общества. Комическая струя сказалась уже въ самыхъ первыхъ произведеніяхъ Гоголя; она изобильно присутствуетъ въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“ и все усиливается потомъ, переходя, наконецъ, въ многозначительную общественную сатиру. Съ такимъ широкимъ значеніемъ она должна была, повидимому, явиться въ первой недоконченной комедіи Гоголя „Владиміръ 3-й степени“; ея высшимъ пунктомъ былъ „Ревизоръ“. Всѣ безъ исключенія комедіи и комическія сцены Гоголя поражали своей необыкновенной жизненностью и простотой. Мы видѣли, что еще въ концѣ 1832 года, когда у Гоголя не было еще ничего написано, Плетневъ ждалъ отъ него необыкновеннаго: Плетневъ могъ судить пока только по его повѣстямъ и по примѣрамъ его обычной тонкой наблюдательности и умѣнья подмѣтить и удивительно передать комическія черты. Дѣйствительно, эти черты оказались въ комедіяхъ Гоголя въ чрезвычайномъ изобиліи; оправдалось и то замѣчаніе, какое Гоголь дѣлалъ въ томъ же году С. Т. Аксакову о томъ, сколько комическаго живетъ среди насъ, котораго мы только не видимъ и которое поразитъ насъ, когда будетъ перенесено въ искусство.

Какъ извѣстно теперь, Гоголь работалъ надъ своими произведеніями очень медленно: первоначальная форма подвергалась множество разъ пересмотру и переработкѣ; написанное по нѣскольку лѣтъ лежало въ его портфелѣ и потомъ снова исправлялось; вещи, даже разъ напечатанныя, онъ опять передѣлывалъ, такъ что въ новѣйшихъ изданіяхъ мы находимъ рядомъ эти ва-

ріанты. Онъ всегда потомъ настаивалъ на необходимости для художника этой медленной внимательной работы, которая одна можетъ дать вполнѣ законченное художественное цѣлое. Повидимому, эта величайшая требовательность явилась у него съ самой первой поры его художественнаго труда: такъ „Ганцъ Кюхельгартенъ“ былъ уничтоженъ; такъ давній отрывокъ историческаго романа остался отрывкомъ; о „Вечерахъ“ уже вскорѣ послѣ выхода ихъ въ свѣтъ онъ говорилъ съ пренебреженіемъ; комедія „Владиміръ 3-й степени“ совсѣмъ не вышла изъ своихъ передѣлокъ и т. д. Послѣ онъ самъ говорилъ, что сначала его подталкивала юность; теперь онъ не торопился, но „Ревизоръ“ тѣмъ не менѣе существуетъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Сближеніе съ Пушкинымъ, вѣроятно, съ своей стороны подѣйствовало на художественные взгляды Гоголя, между прочимъ, и въ этомъ отношеніи. „Служенье музъ не терпитъ суеты“, и художественный трудъ въ глазахъ Гоголя все больше получалъ характеръ священнодѣйствія: искусство должно быть высшей цѣлью художника; для достиженія ея онъ долженъ отвергнуть всѣ соблазны, повиноваться одному чистому вдохновенію и полагать усиленный трудъ на выработку самаго плана и подробностей формы. Параллельно съ этимъ стало развиваться высокое представленіе объ общественномъ долгѣ художника—и завлекло Гоголя въ лабиринтъ, изъ котораго онъ не нашелъ выхода.

Извѣстно далѣе, какихъ заботъ и волненій стоило Гоголю довершеніе „Ревизора“ и постановка его на сцену. Повидимому, пьеса изъ нравовъ мелкаго захолустнаго чиновничества могла бы не представить особенныхъ цензурныхъ затрудненій, но оказалось, напротивъ, что только особый интересъ высокопоставленныхъ лицъ могъ дать пьесѣ право гражданства. Таково было положеніе комедіи, которая не ограничивалась прежними шаблонными пустяками и затронула, напротивъ, хотя въ скромномъ уголкѣ, настоящую подлинную дѣйствительность. Въ то время, какъ толпа довольствовалась комическими подробностями, для читателей серьезныхъ стало ясно, что въ этой картинѣ захолустья отражаются и общія основы господствующаго быта, и общій низменный уровень нравственно общественныхъ понятій. Серьезное значеніе комедіи почувствовали и въ чиновничьемъ мірѣ; въ ней увидѣли непозволительное вольнодумство и, съ своей точки зрѣнія, не ошиблись. Комедія осмѣлилась коснуться стариннаго и крѣпкаго принципа чиновнической бюрократіи; это была неприкосновенность чиновническихъ дѣйствій для какихъ-нибудь вмѣшательствъ общественнаго мнѣнія: на бумагѣ все „обстояло благо-

получно", все продѣлывалось домашнимъ образомъ и было шито и крыто; разъ допустить вмѣшательство общественнаго мнѣнія въ лицѣ писателя значило сдѣлать опасную уступку,—за первымъ примѣромъ послѣдуютъ несомнѣнно другіе, и чѣмъ это должно было кончиться? Въ глазахъ чиновничества, осмѣяніе городничаго было нападеніемъ на правительственную власть.

Какъ будто въ связи съ этимъ комедія Гоголя, какъ и другія его сочиненія, приняты были недружелюбно въ томъ литературномъ лагерѣ, который тогда въ особенности представлялъ полу-невѣжественную толпу. Сюда присоединились и представители умиравшаго романтизма, какъ, напримѣръ, Полевой. Въ настоящее время не легко представить себѣ, какъ могъ быть непонятъ Гоголь при томъ богатствѣ жизненнаго содержанія, какое приносили его произведенія, при томъ блестящемъ дарованіи, которое въ своемъ родѣ было въ тогдашней литературѣ единственнымъ. Его веселость и юморъ считались малороссійскимъ шутовствомъ, „жартомъ", какъ тогда говорили; его реальныя изображенія казались грубыми и грязными; серьезная основа, какую можно было увидѣть особенно въ его послѣднихъ произведеніяхъ, осталась совершенно непонятой. Это непониманіе было, однако, характерно; оно отрицательнымъ образомъ свидѣтельствовало, что старый литературный періодъ отживалъ, а именно кончалось время той старой искусственности, которая такъ долго господствовала въ нашей литературѣ, какъ ученическій книжный пріемъ, и которой не могъ еще искоренить самъ Пушкинъ; въ литературное развитіе вступала новая идея—непосредственное изображеніе жизни, и хотя это изображеніе было глубоко правдиво, оно осталось невразумительно людямъ старой школы, даже присяжнымъ писателямъ показалось грубымъ, потому что они не привыкли думать, чтобы было возможно въ литературѣ такое открытое вторженіе настоящей дѣйствительности. Съ другой стороны крики противъ Гоголя были свидѣтельствомъ о низменности общественныхъ понятій,—которую незадолго передъ тѣмъ изображалъ Грибоѣдовъ. Въ произведеніяхъ Гоголя осталось замѣчательное свидѣтельство объ этомъ моментѣ нашей литературной исторіи; это—„Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи".

Вслѣдъ за созданіемъ „Ревизора" въ жизни Гоголя наступаетъ новый періодъ,—періодъ долгаго пребыванія за границей, когда имъ было написано его послѣднее великое произведеніе—„Мертвыя Души". Несмотря на довольно обширный матеріалъ въ его перепискѣ, на собственныя автобіографическія показанія въ „Авторской Исповѣди", на разсказы очевидцевъ, какъ Аннен-

ковъ, Аксаковы и пр.,—этотъ періодъ остается психологически недостаточно объясненнымъ. Природа Гоголя была чрезвычайно нервная и неуравновѣшенная; его настроеніе бывало крайне измѣнчиво: отъ чрезвычайнаго возбужденія, близкаго къ энтузіазму, онъ переходилъ въ болѣзненную апатію, отъ усиленнаго труда къ полному бездѣйствію. Характеръ его былъ столь скрытный, что его внутренней жизни не знали даже ближайшіе друзья; по разсказамъ людей, довольно хорошо его знавшихъ, онъ былъ всегда на-сторожѣ, закрытый для чужого наблюденія, но самъ всегда тонко наблюдательный, въ отношеніяхъ съ близкими пріятелями очень нервный, требовательный и даже грубый (какъ, напримѣръ, съ Погодинымъ), иногда вдругъ веселый и неистощимо, даже необузданно остроумный разсказчикъ. Въ личной жизни онъ оставался одинокимъ; его никогда, повидимому, не увлекала сердечная привязанность [1]... Прибавимъ, наконецъ, что уже въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ онъ сталъ жаловаться на разрушенное здоровье. По собственнымъ его словамъ, послѣ волненій, пережитыхъ имъ во время хлопотъ о „Ревизорѣ", онъ не могъ придумать иного средства отдохнуть и дать успокоиться своимъ нервамъ, кромѣ бѣгства. Это спокойствіе, впрочемъ опять нарушаемое внутренними тревогами, онъ нашелъ только въ Италіи. Еще въ ранней юности, въ стихотвореніи съ этимъ названіемъ онъ пишетъ восторженный диѳирамбъ Италіи, по которой тоскуетъ его душа: она представлялась ему раемъ съ чарующей природой, съ памятниками прошедшей славы, съ твореніями поэзіи и искусства, обѣтованной страной вдохновенія,— и именно такою представлялась ему Италія потомъ, когда онъ прожилъ тамъ многіе годы. Она казалась ему второю родиной, и дѣйствительно, онъ чувствовалъ тамъ себя какъ на родинѣ, упиваясь красотой природы, произведеніями искусства и—работая надъ произведеніемъ, тему котораго далъ ему въ Петербургѣ Пушкинъ. За исключеніемъ Анненкова, который одно время жилъ съ нимъ въ Римѣ, уже къ концу этой работы, Гоголю почти не съ кѣмъ было дѣлиться своими планами и впечатлѣніями: онъ былъ одинъ съ своимъ трудомъ, отдаваясь ему тàкъ, кàкъ по его идеѣ долженъ отдаваться ему художникъ, уразумѣвшій священное значеніе искусства,—такой художникъ долженъ всѣмъ пожертвовать искусству, отказаться отъ примановъ жизни, отъ общественной суеты, стать анахоретомъ. По его давнему мнѣнію, для русскаго художника, окруженнаго угрюмой природой и без-

[1]) См. Шенрока, I, стр. 328.

цвѣтными людьми, только Италія можетъ дать настоящую опору дарованію, одушевить его, надѣлить его воздухомъ, тепломъ и красками, т.-е. доставить необходимыя условія художественной работы. Повидимому, нѣчто подобное предполагалъ онъ для себя, художника писателя... Все увлеченіе Италіей не могло, однако, избавить его отъ настоящей тоски по родинѣ, потому что въ концѣ концовъ все это прекрасное было чужое, къ чему онъ не могъ приложить своей дѣятельности, и самъ онъ оставался ему чужимъ; тѣмъ не менѣе ему все-таки казалось, что для самой родины онъ можетъ работать только здѣсь, вспоминая о ней и обращаясь къ ней „изъ своего прекраснаго далёка"... Въ его исключительномъ состояніи здѣсь могла быть своя выгода—спокойствіе работы, не возмущаемое всякими тревогами, которыя дѣйствовали на него болѣзненно; но была въ этомъ, какъ уже вскорѣ оказалось, и своя роковая невыгода.

Исторія созданія „Мертвыхъ Душъ" есть одинъ изъ чрезвычайно знаменательныхъ фактовъ въ развитіи новѣйшей русской литературы. Мы имѣли уже случай замѣтить, что участіе Пушкина было здѣсь чисто внѣшнее и случайное; и вообще исторически было бы ошибочно думать (какъ нѣкоторые это говорили), что именно Пушкинъ направилъ Гоголя на изображеніе дѣйствительности. Для этого послѣдняго заключенія нѣтъ основанія ни въ самыхъ фактахъ литературной дѣятельности Гоголя,—мы видѣли, что въ этомъ отношеніи она развивалась вполнѣ самостоятельно,—ни въ собственныхъ показаніяхъ Гоголя въ „Авторской Исповѣди", которымъ нѣтъ основанія не довѣрять. Гоголь здѣсь прямо указываетъ, что Пушкинъ отдалъ ему „свой собственный сюжетъ", какъ отдалъ и сюжетъ „Ревизора"; но затѣмъ рѣчь шла только о томъ, что Пушкинъ побуждалъ его предпринять крупное произведеніе. „Пушкинъ,—говоритъ Гоголь,—уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе, и наконецъ, одинъ разъ, послѣ того, какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, но которое, однакожъ, поразило его больше всего мной прежде читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: „Какъ съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живого,—съ этой способностью не приняться за большое сочиненіе! Это, просто, грѣхъ!" Вслѣдъ за этимъ началъ онъ представлять мнѣ слабое мое сложеніе, мои недуги, которые могутъ прекратить мою жизнь рано; привелъ мнѣ въ примѣръ Сервантеса, который хотя и написалъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но еслибы не принялся за „Донкишота", никогда бы не занялъ того мѣста, которое

занимаетъ теперь между писателями, и, въ заключеніе всего, отдалъ мнѣ свой собственный сюжетъ". Это, безъ сомнѣнія, такъ и было. Пушкинъ видѣлъ уже въ Гоголѣ готовыми данныя для широкаго творчества и только побуждалъ его предпринять цѣльную обширную работу. Эта работа совершалась, однако, столь независимо, что самъ Пушкинъ былъ пораженъ — между прочимъ, неожиданностью сильнаго впечатлѣнія. Разсказывая самъ (въ иныхъ случаяхъ съ намѣренной недосказанностью) исторію „Мертвыхъ Душъ", Гоголь упоминаетъ о какомъ-то „необыкновенномъ душевномъ событіи", о „чудномъ высшемъ внушеніи", которое побудило его придавать своимъ героямъ свои собственные недостатки, чтобы отъ нихъ избавиться; и затѣмъ онъ говоритъ: „Съ этихъ поръ я сталъ надѣлять своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственною дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всѣмъ, чѣмъ ни попало. Еслибы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ-подъ пера моего въ началѣ для меня самого, онъ бы, точно, содрогнулся. Довольно сказать тебѣ только то, что когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ „Мертвыхъ Душъ", въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, а наконецъ сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: „Боже, какъ грустна наша Россія!" [1])

Достаточно этого разсказа, чтобы видѣть, что работа Гоголя была именно совершенно независимая и самостоятельная. Эти первоначальные наброски сдѣланы были еще въ 1835; первый томъ „Мертвыхъ Душъ" оконченъ былъ въ 1842. Какъ соб-

[1]) Четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу „Мертвыхъ Душъ", въ „Выбранныхъ Мѣстахъ". Гоголь прибавляетъ дальше: „Меня это изумило. Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это карикатура и моя собственная выдумка! Тутъ-то я увидѣлъ, что́ значитъ дѣло, взятое изъ души, и вообще душевная правда, и въ какомъ ужасающемъ для человѣка видѣ можетъ быть ему представлена тьма и пугающее *отсутствіе свѣта*. Съ этихъ поръ я уже сталъ думать только о томъ, какъ бы смягчить то тягостное впечатлѣніе, которое могли произвести „Мертвыя Души". Я увидѣлъ, что многія изъ гадостей не стоятъ злобы; лучше показать всю ничтожность ихъ, которая должна быть навѣки ихъ удѣломъ". Надо думать, однако, что „каррикатура" не показалась Пушкину невѣроятной, а иногда вовсе не была каррикатурой.

ственно шелъ процессъ этой работы, объ этомъ извѣстно мало, кромѣ показаній самого Гоголя въ „Авторской Исповѣди" и въ „Четырехъ письмахъ". Во всякомъ случаѣ въ теченіе этой работы во внутренней жизни самого писателя произошли событія, которыя отразились на его творчествѣ и замѣтны уже на первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ", и когда затѣмъ черезъ четыре года послѣ этого перваго тома явились „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями", онѣ произвели потрясающее впечатлѣніе, какъ свидѣтельство страшнаго перелома, который совершился въ писателѣ и говорилъ о томъ, что въ немъ погибъ прежній геніальный художникъ: самъ Гоголь отрекался здѣсь отъ своихъ прежнихъ произведеній; второй томъ „Мертвыхъ Душъ", изданный по черновой рукописи послѣ его смерти, какъ будто подтверждалъ это заключеніе. Что же произошло въ этомъ промежуткѣ времени?

Позднѣйшія біографическія изслѣдованія объяснили, что, строго говоря, во внутренней жизни Гоголя, въ его міровоззрѣніи, его литературныхъ и общественныхъ взглядахъ вообще не происходило никакого перелома и, напротивъ, шло послѣдовательное развитіе однѣхъ основныхъ началъ, и если въ послѣднемъ десятилѣтіи его жизни мы находимъ нѣчто исключительное, а именно, крайнее развитіе піэтизма, то его задатки были уже гораздо ранѣе, даже со временъ его первой молодости; если во взглядахъ общественныхъ у него сказался въ этомъ послѣднемъ десятилѣтіи узкій консерватизмъ, не помышлявшій ни о какихъ общественныхъ преобразованіяхъ и ожидавшій только нравственнаго исправленія людей, то онъ и раньше никогда не заявлялъ другихъ мыслей, и то возбуждающее дѣйствіе его сочиненій (еще до „Мертвыхъ Душъ"), о какомъ мы упоминали, произошло какъ бы независимо и сверхъ его намѣреній. Между писателемъ и обществомъ уже тогда произошло какъ бы нѣкоторое недоразумѣніе,—а именно, когда онъ считалъ дѣйствіе своихъ сочиненій (независимо отъ чисто эстетическаго впечатлѣнія) только лично нравственнымъ, на дѣлѣ оно гораздо въ большей степени было дѣйствіемъ общественнаго характера, и съ другой стороны, когда его восторженные поклонники приписывали ему протестъ противъ общественныхъ золъ эпохи, онъ былъ только художникомъ-моралистомъ. Недоразумѣніе разрѣшилось съ изданіемъ „Выбранныхъ Мѣстъ"; произошелъ разрывъ: когда Гоголь увидѣлъ, что его произведенія поняты были не въ томъ направленіи, какъ онъ ихъ задумывалъ, онъ отрекся отъ нихъ; то общество, которое раньше видѣло въ

немъ великаго писателя, пробуждавшаго общественное самосознаніе, увидѣло въ немъ ренегата [1]).

Такимъ образомъ, какого-либо перелома въ идеяхъ у Гоголя не было; было постепенное развитіе давнихъ особенностей его характера, его религіознаго, общественнаго и художественнаго міровоззрѣнія; тѣмъ не менѣе это развитіе еще съ конца тридцатыхъ годовъ стало принимать особенную складку, а въ сороковыхъ и прямо исключительный, даже болѣзненный характеръ. Въ періодъ работы надъ первымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ" симптомы новаго настроенія еще не успѣли возобладать надъ нимъ: онъ еще оставался прежнимъ; надъ нимъ еще сохраняла власть та основная художественная мысль, которая развилась изъ сюжета, даннаго Пушкинымъ. Это была эпоха „Ревизора", эпоха самаго сильнаго развитія его юмора и комизма, освѣщенныхъ глубокимъ человѣчнымъ чувствомъ, и тотъ рядъ картинъ и характеровъ, какой былъ вызванъ самой сущностью темы, изображенъ былъ здѣсь въ томъ же духѣ, въ какомъ Гоголь написалъ наиболѣе глубокія изъ повѣстей „Миргорода" и петербургскихъ повѣстей, и въ какомъ онъ писалъ „Ревизора"; въ тѣхъ же предъидущихъ твореніяхъ даны были и образцы того проницательнаго психологическаго анализа, который умѣлъ раскрывать среди смѣха печальныя и трагическія стороны человѣческой жизни; быть можетъ, здѣсь только сильнѣе онъ затрогивалъ эти мотивы и передавалъ ихъ еще съ бо́льшимъ художественнымъ матеріаломъ. Поэтому „Мертвыя Души" при своемъ появленіи,—которое опять стоило Гоголю большихъ тревогъ,—произвели на его почитателей то же самое дѣйствіе, какъ и прежнія его созданія; новая „поэма" только увеличила славу писателя и окончательно утвердила представленіе объ особенностяхъ его великаго таланта и о томъ значеніи, какое должно принадлежать ему въ судьбахъ русской литературы, въ которой онъ явился новымъ послѣ Пушкина великимъ преобразователемъ. Но чуткая наблюдательность Бѣлинскаго замѣтила, однако, въ этомъ новомъ произведеніи Гоголя одну особенность, которая оставила въ немъ извѣстное недоумѣніе: это были такъ называемыя „лирическія мѣста", которыя дѣйствительно бросались въ глаза частію тѣмъ, что не были довольно мотивированы въ общемъ ходѣ разсказа, частію тѣмъ, что при-

[1]) Мы имѣли раньше случай говорить объ общественномъ значеніи дѣятельности Гоголя (см. „Характеристики литер. мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ", 2-е изд. Спб. 1890, гл. VIII); здѣсь мы имѣемъ въ виду въ особенности развитіе его художественнаго творчества.

нимали слишкомъ личный, возвышенный, но вмѣстѣ какъ бы высокомѣрный тонъ.

Замѣтимъ, между прочимъ, что отношенія Бѣлинскаго къ Гоголю не были близки, и со стороны послѣдняго довольно странны; Бѣлинскій гордился тѣмъ, что одинъ изъ первыхъ, если не первый, объяснилъ все великое значеніе произведеній Гоголя, но онъ не любилъ, даже не уважалъ Гоголя какъ характеръ [1]). Такъ относился онъ къ Гоголю и наканунѣ выхода „Мертвыхъ Душъ", —но онъ всегда одинаково высоко цѣнилъ Гоголя художника, и „Мертвыя Души" привели его въ восторгъ. Онъ встрѣтилъ „поэму" большою статьей, въ которой снова защищалъ Гоголя отъ непониманія литературной толпы и указывалъ великія достоинства его новаго произведенія среди ничтожества обыденныхъ явленій тогдашней литературы... „И вдругъ, —писалъ онъ [2]), —среди этого торжества мелочности, посредственности, ничтожества, бездарности, среди этихъ пустоцвѣтовъ и дождевыхъ пузырей литературныхъ, среди этихъ ребяческихъ затѣй, дѣтскихъ мыслей, ложныхъ чувствъ, фарисейскаго патріотизма, приторной народности, —вдругъ, словно освѣжительный блескъ молніи среди томительной и тлетворной духоты и засухи, является твореніе чисто русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, столько же истинное, сколько патріотическое, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовію къ плодовитому зерну русской жизни; твореніе необъятно художественное по концепціи и выполненію, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта, —и въ то же время, глубокое по мысли, соціяльное, общественное и историческое". Въ частности, онъ ставилъ Гоголю въ великую заслугу двѣ вещи: во-первыхъ то, что въ „Мертвыхъ Душахъ" осязательно выступаетъ субъективность писателя, не та личная ограниченная особенность, которая можетъ только искажать художественную истину, а „та глубокая, всеобъемлющая и гуманная субъективность, которая въ художникѣ обнаруживаетъ человѣка съ горячимъ сердцемъ, симпатичною душою и духовно-личною самостію, —ту субъективность, которая не допускаетъ его съ апатическимъ равнодушіемъ быть чуждымъ міру, имъ рисуемому, но заставляетъ его проводить черезъ свою душу живу явленія внѣшняго міра, а черезъ то и въ нихъ вдыхать душу живу", —Бѣлинскій радовался именно вступленію элемента „соціяльнаго",

[1]) Жизнь и переписка Бѣлинскаго, II, стр. 252—253.

[2]) Въ 7-й книгѣ „Отеч. Записокъ" 1842; „Сочиненія", т. VI, изд. 2-е, стр. 407.

общественнаго; во-вторыхъ, важнымъ шагомъ впередъ онъ считалъ и то, что Гоголь въ новомъ произведеніи „совершенно отдѣлился отъ малороссійскаго элемента и сталъ русскимъ національнымъ поэтомъ во всемъ пространствѣ этого слова". Въ первую минуту, какъ отраженіе этой субъективности на него произвели сильное впечатлѣніе и лирическія отступленія „высокой вдохновенной поэмы",—„этотъ высокій лирическій паѳосъ, эти гремящіе, поющіе диѳирамбы блаженствующаго въ себѣ національнаго самосознанія, достойные великаго русскаго поэта", но уже и въ эту минуту онъ увидѣлъ недостатокъ мѣры, „излишество непокореннаго спокойно разумному созерцанію чувства, мѣстами слишкомъ юношески увлекающагося". „Мы говоримъ (продолжаетъ онъ) о нѣкоторыхъ,—къ счастію немногихъ, хотя къ несчастію и рѣзкихъ—мѣстахъ, гдѣ авторъ слишкомъ легко судитъ о національности чуждыхъ племенъ, и не слишкомъ скромно предается мечтамъ о превосходствѣ славянскаго племени надъ ними. Мы думаемъ, что лучше оставлять всякому свое, и, сознавая собственное достоинство, умѣть уважать достоинство и другихъ"...[1]). Позднѣе, когда впечатлѣнія установились и когда проявилось до нѣкоторой степени новое настроеніе, овладѣвшее Гоголемъ въ сороковыхъ годахъ, именно, когда явилась извѣстная статья объ Одиссеѣ въ переводѣ Жуковскаго и странное предисловіе ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ", Бѣлинскій (это было наканунѣ выхода „Выбранныхъ Мѣстъ") говоритъ уже съ сокрушеніемъ о потерѣ для русской литературы великаго дарованія. Онъ по прежнему думаетъ, что „Мертвыя Души" составляютъ „столько же національное, сколько высоко-художественное произведеніе", но болѣе настойчиво говоритъ объ ихъ недостаткахъ: „Важные недостатки находимъ мы почти вездѣ, гдѣ изъ поэта, изъ художника силится авторъ стать какимъ-то прорицателемъ и впадаетъ въ нѣсколько надутый и напыщенный лиризмъ". Къ счастью такихъ мѣстъ немного, и ихъ можно было бы пропускать при чтеніи, ничего не теряя въ художественномъ наслажденіи,—„но къ несчастію эти мистико-лирическія выходки въ „Мертвыхъ Душахъ" были не простыми случайными ошибками со стороны ихъ автора, но зерномъ, можетъ быть, совершенной утраты его таланта для русской литературы... Все болѣе и болѣе забывая свое значеніе художника, принимаетъ онъ тонъ глашатая какихъ-то великихъ истинъ, которыя въ сущности отзываются ни чѣмъ инымъ,

[1]) Тамъ же, стр. 414. Ср. другія замѣчанія въ „Объясненіи" по поводу брошюры К. Аксакова, „Отеч. Записки" 1842, кн. 11-я, и „Сочиненія", VI, стр. 534 и далѣе.

какъ парадоксами человѣка, сбившагося съ своего настоящаго пути ложными теоріями и системами, всегда гибельными для искусства и таланта" [1]). На эти мысли навели его упомянутая статья объ Одиссеѣ и предисловіе къ второму изданію „Мертвыхъ Душъ". Вскорѣ появленіе „Выбранныхъ мѣстъ" наполнило его величайшею скорбію и негодованіемъ, какія онъ высказалъ въ извѣстномъ письмѣ къ Гоголю.

Бѣлинскому было, конечно, неизвѣстно, что̀ совершалось въ эти послѣдніе годы съ писателемъ, произведенія котораго внушали ему такую высокую оцѣнку; это знали только ближайшіе друзья, которые были двоякаго рода—одни, не понимавшіе того, что̀ дѣлалось съ Гоголемъ или раздѣлявшіе и поддерживавшіе въ немъ его новое настроеніе, и другіе, которые видѣли крайность, пытались воздержать его, но были не въ состояніи этого сдѣлать. Это новое настроеніе, сказавшееся такъ рѣзко въ сороковыхъ годахъ, подготовлялось издавна, развивалось постепенно, и для новѣйшихъ біографовъ это обстоятельство уже не составляетъ вопроса [2]). Это настроеніе сложилось изъ различныхъ данныхъ въ характерѣ Гоголя, которыя дѣйствовали параллельно. Начать съ того, что религіозность Гоголя, которая приняла подъ конецъ крайній мистическій характеръ, была его всегдашней чертою, такъ что даже его постоянныя ссылки на высшія велѣнія, на особое попеченіе Промысла, управлявшаго его дѣлами, встрѣчаются уже въ юношескихъ письмахъ къ матери и притомъ съ тѣмъ же произволомъ, такъ что сегодня Провидѣніе указывало ему одно, а завтра совсѣмъ другое. Не скажемъ, что это было намѣренное злоупотребленіе, но при крайнемъ самолюбіи Гоголя, при его увѣренности, опять развившейся очень рано, что ему предназначено совершить въ жизни нѣчто необыкновенное, это могъ быть совершенно искренній самообманъ, а конечно также и самомнѣніе. Точно также съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ привыкъ покрывать свои поступки загадками и таинственностью (вспомнимъ, напримѣръ, первую странную поѣздку за границу); эта манера не оставила его и потомъ или даже развилась еще сильнѣе. Первые успѣхи сдѣлали его крайне высокомѣрнымъ: таковъ онъ былъ уже въ Москвѣ въ 1832. Потомъ, необычайный успѣхъ его повѣстей и комедій, особливо „Ревизора", заставилъ его еще болѣе думать,

[1]) Сочиненія, т. XI, стр. 69—72.

[2]) Въ первый разъ эта тѣсная связь между такъ называемыми двумя періодами во внутренней жизни Гоголя была обстоятельно объяснена Чернышевскимъ въ „Современникѣ" 1857, въ статьѣ по поводу изданія г. Кулиша. См. „Критическія Статьи" Спб. 1893, стр. 120—169.

что онъ призванъ быть учителемъ общества, что его поэтическій талантъ ставитъ его внѣ обычныхъ условій литературы, что онъ призванъ быть въ ней законодателемъ. Эта мысль овладѣвала имъ тѣмъ сильнѣе, что онъ самъ создалъ себѣ извѣстное одиночество. Въ тридцатыхъ годахъ, передъ большимъ путешествіемъ за границу, его литературныя отношенія ограничивались очень немногими людьми, можно даже сказать, только тремя лицами; это были Пушкинъ, Жуковскій и Плетневъ,—люди въ разныхъ отношеніяхъ очень авторитетные; но съ московскими друзьями онъ былъ гораздо дальше и держалъ ихъ на извѣстной дистанціи, напримѣръ даже такихъ искренно преданныхъ друзей, какъ были Аксаковы,—впослѣдствіи онъ самъ довольно странно сознавался въ этомъ въ письмѣ къ С. Т. Аксакову (въ августѣ 1847): „...я скорѣе старался отталкивать отъ себя, чѣмъ привлекать всѣхъ тѣхъ, которые способны слишкомъ сильно любить; я и съ вами обращался нѣсколько не такъ, какъ бы слѣдовало",—и Аксаковы должны были бы признать, что это правда. Отъ остального литературнаго міра Гоголь былъ уже совершенно далекъ и безъ сомнѣнія опять намѣренно. Нелегко сказать, почему это было; но извѣстно, напримѣръ, что какъ Пушкинъ имѣлъ малодушіе скрывать отъ своихъ друзей сношенія съ Бѣлинскимъ, такъ имѣлъ это малодушіе и Гоголь. Была ли это боязнь встрѣтиться съ независимымъ сужденіемъ, какого могло не выносить его самолюбіе, боязнь открыть свои слабыя стороны (какъ, напр., разсказываютъ подобное объ его опасеніяхъ относительно Шульгина, во времена его профессуры), или такъ велико было опасеніе передъ друзьями,—но во всякомъ случаѣ это отчужденіе отъ литературнаго круга, независимаго отъ его друзей и въ которомъ именно совершалась тогда страстная работа надъ художественными и общественными идеями, отразилось на Гоголѣ несомнѣннымъ ограниченіемъ его горизонта. Избѣгая этого общенія, Гоголь искусственно создавалъ свое одиночество, лишалъ себя возможности провѣрки своихъ мыслей, терялъ пониманіе не только литературныхъ идей своего времени, но въ сущности терялъ и возможность пониманія того, что̀ дѣлалось въ русской жизни,—какъ послѣ въ „Выбранныхъ Мѣстахъ" и оказалось.

Такъ было и до поѣздки за границу, и потомъ, когда онъ пріѣзжалъ въ Россію въ 1839 и въ 1841 г., и когда вернулся окончательно домой. За границей одиночество, о которомъ мы говоримъ, было полное: тамъ онъ бывалъ или буквально одинокимъ, или встрѣчался съ людьми, для которыхъ онъ былъ авторитетомъ или недотрогой, не терпѣвшимъ противорѣчій. Въ особенности не

допускались вопросы объ его литературномъ трудѣ. Составивши себѣ уже давно указанное нами раньше представленіе о высокомъ достоинствѣ художника, Гоголь развилъ его теперь до послѣдняго предѣла: это—жрецъ, учитель, прорицатель. Въ лирическихъ мѣстахъ „Мертвыхъ Душъ“ уже высказалось это представленіе въ извѣстныхъ восторженныхъ, но туманныхъ тирадахъ; но осталось и болѣе опредѣленное изображеніе этого возвышеннаго значенія художника въ повѣсти „Портретъ“. Эта повѣсть, написанная первоначально въ 1834 и напечатанная въ „Арабескахъ“, была потомъ передѣлана Гоголемъ около 1841 года, въ то самое время, когда онъ заканчивалъ первый томъ „Мертвыхъ Душъ“. Эти двѣ редакціи повѣсти весьма характерны для опредѣленія взглядовъ Гоголя на художественное творчество. Это—двѣ ступени, указывающія послѣдовательное развитіе его взгляда. Въ первой редакціи исторія портрета есть полу-фантастическій разсказъ, въ которомъ писатель поучаетъ, что трудъ художника долженъ быть преданнымъ служеніемъ искусству, отвергающимъ житейскіе соблазны и независимымъ отъ легкомысленныхъ вкусовъ свѣтской толпы: погоня за мишурной славой, за богатствомъ можетъ убить въ художникѣ священный огонь и обратить его въ ничтожество. Во второй редакціи это поученіе возведено въ торжественную проповѣдь, а художникъ, создавшій роковой портретъ подъ внушеніемъ злого духа и потомъ понявшій свое заблужденіе и въ монашескомъ отшельничествѣ возвысившійся до религіознаго энтузіазма,—этотъ художникъ, къ которому авторъ въ первой редакціи относился какъ спокойный, почти равнодушный разсказчикъ, теперь возведенъ въ апоѳеозъ. Нѣтъ сомнѣнія, что проповѣдь этого художника-отшельника представляетъ именно мысли самого Гоголя, какъ онѣ складывались во время работы надъ „Мертвыми Душами“.

Вотъ слова этого художника-аскета: „Блаженъ избранникъ, владѣющій высокою тайною созданья. Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ. Въ ничтожномъ художникъ-создатель такъ же великъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго, ибо сквозитъ невидимо сквозь него прекрасная душа создавшаго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души... Намекъ о божественномъ, небесномъ раѣ заключенъ для человѣка въ искусствѣ и по тому одному оно уже *выше всего*. И во сколько разъ торжественный покой выше всякаго волненья мірского; во сколько разъ творенье выше разрушенья; во сколько разъ ангелъ одной только чистой невинностью свѣтлой души своей выше всѣхъ несмѣт-

ныхъ силъ и гордыхъ страстей сатаны,—во столько разъ *выше всего, что ни есть на свѣтѣ, высокое созданье искусства...* Оно не можетъ поселить ропота въ душу, но звучащей молитвой *стремится вѣчно къ Богу*". Такимъ образомъ искусство становится прямо не только дѣломъ религіознымъ, но дѣломъ подвижничества, самымъ высшимъ дѣломъ человѣка на землѣ,—и это высокое постиженіе искусства достигнуто было въ данномъ случаѣ слѣдующимъ образомъ. Когда художникъ увидѣлъ, что, писавши тотъ портретъ, онъ подчинился губительному внушенію злого духа, онъ ушелъ въ монастырь; тамъ ему предложили написать главный образъ въ церковь, но онъ отказался, потому что его кисть была осквернена и онъ долженъ сначала очистить свою душу. „Онъ самъ увеличивалъ для себя, сколько было возможно, строгость монастырской жизни. Наконецъ уже и она становилась ему недостаточною и не довольно строгою. Онъ удалился, съ благословенья настоятеля, въ пустынь, чтобъ быть совершенно одному. Тамъ изъ древесныхъ вѣтвей выстроилъ онъ себѣ келью, питался одними сырыми кореньями, таскалъ на себѣ камни съ мѣста на мѣсто, стоялъ отъ восхода до захода солнечнаго на одномъ и томъ же мѣстѣ съ подъятыми къ небу руками, читая безпрерывно молитвы,—словомъ, изыскивалъ, казалось, всѣ возможныя степени терпѣнья и того непостижимаго самоотверженья, которому примѣры можно развѣ найти въ однихъ только житіяхъ святыхъ. Такимъ образомъ, долго, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, изнурялъ онъ свое тѣло, подкрѣпляя его въ то же время живительною силою молитвы". Въ результатѣ этого пустынничества, питанья сырыми кореньями, стоянья съ подъятыми къ небу руками и т. д., было то, что когда онъ наконецъ взялся за картину и написалъ ее, она поразила всѣхъ святостью фигуръ и умиленный настоятель произнесъ: „Нѣтъ, нельзя человѣку съ помощью одного человѣческаго искусства произвести такую картину: святая, высшая сила водила твоею кистью, и благословенье небесъ почило на трудѣ твоемъ". Самъ художникъ является въ иконописныхъ очертаніяхъ. Разсказчикъ ожидалъ встрѣтить отшельника изможденнымъ, высохшимъ отъ вѣчнаго поста и бдѣнія, но было иное. Это былъ „прекрасный, почти божественный старецъ! И слѣдовъ изможденія не было замѣтно на его лицѣ: оно сіяло свѣтлостью небеснаго веселья. Бѣлая, какъ снѣгъ, борода и тонкіе, почти воздушные волосы такого же серебристаго цвѣта разсыпались картинно по груди и по складкамъ его черной рясы и падали до самаго вервія, которымъ опоясывалась его убогая монашеская одежда".

Этотъ художникъ-аскетъ, нѣчто въ родѣ Беато Анджелико или старинныхъ иконописцевъ, несомнѣнно казался Гоголю идеаломъ художника вообще, какъ онъ представлялся ему теперь. Въ этомъ убѣждаютъ безпрестанныя указанія на высшую волю, которая повелѣваетъ его жизнью и его трудомъ,—указанія, какія мы видѣли у него издавна, но которыя теперь повторяются все съ большей настойчивостью; убѣждаютъ въ этомъ его тогдашнее религіозное настроеніе, возроставшее съ каждымъ годомъ; наконецъ убѣждаютъ тѣ выраженія, въ какихъ онъ говоритъ о самыхъ „Мертвыхъ Душахъ" и другихъ произведеніяхъ, какія онъ задумывалъ.

Трудно сказать, съ какого именно времени и при какихъ обстоятельствахъ религіозность Гоголя приняла это исключительное направленіе; но къ концу работы надъ первымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ" оно уже твердо установилось, а затѣмъ получало все болѣе рѣзкія формы. Переписка, собранная въ изданіи г. Кулиша и значительно обогащенная потомъ и особенно въ послѣднее время, доставляетъ множество подробностей объ этомъ настроеніи Гоголя, хотя и теперь остается неяснымъ, какъ оно образовалось и какія именно условія его создали. Въ сороковыхъ годахъ, къ которымъ относятся письма, помѣщенныя въ „Выбранныя Мѣста", мы видимъ Гоголя въ исключительномъ кругу его друзей и корреспондентовъ съ постоянною проповѣдью о молитвѣ, о путяхъ Провидѣнія, о покаяніи и смиреніи, при чемъ онъ самъ постоянно переходитъ отъ самообличенія и уничиженія къ высокомѣрному тону прорицателя и моральнаго руководителя, то елейнаго, то грубаго. Мы упоминали, что друзья и корреспонденты собрались изъ людей, которые при подобномъ же настроеніи не способны были держаться относительно его самостоятельно, даже когда онъ впадалъ въ явную крайность или даже противорѣчіе съ его собственною проповѣдью христіанскаго смиренія и братолюбія. Между тѣмъ крайностей и противорѣчій было не мало... Гоголь наконецъ давалъ не только нравственные и религіозные совѣты, но и практическія, житейскія наставленія, которыя бывали иногда по истинѣ поразительны, какъ поразительно было и то, что они, повидимому, принимались безъ всякаго возраженія, — напримѣръ, наставленія помѣщику, какъ онъ долженъ управлять своими крѣпостными и гонять ихъ на работу „съ Евангеліемъ въ рукахъ"; наставленія о томъ, что „нужно любить Россію"—пожилому и заслуженному человѣку, какъ неопытному юношѣ, хотя тотъ бывалъ уже губернаторомъ, а потомъ сдѣлался синодальнымъ оберъ-прокуроромъ; наставленія

А. О. Смирновой (жившей тогда въ Калугѣ, гдѣ мужъ ея былъ губернаторомъ) и т. д... На „Мертвыхъ Душахъ" это отразилось уже во второмъ томѣ.

Какъ извѣстно, издавая первый томъ, Гоголь обѣщалъ какое-то дальнѣйшее и широкое продолженіе своего труда: это продолженіе развивалось въ его фантазіи въ грандіозную трилогію, нѣчто въ родѣ „Божественной Комедіи" Данта [1]). Какъ доказываютъ новѣйшія изслѣдованія, этого широкаго плана совсѣмъ не было въ то время, когда Гоголь впервые задумывалъ свое произведеніе. Повидимому, сначала онъ имѣлъ въ виду только рядъ картинъ въ томъ духѣ, какой выработался передъ тѣмъ въ его повѣстяхъ и комедіяхъ, только болѣе широкій, захватывавшій болѣе разнообразные слои и области русской жизни. Такъ и были исполнены эти поразительныя изображенія въ первой части его труда; но къ концу работы въ его умѣ, въ его фантазіи и наконецъ въ его религіозномъ чувствѣ успѣлъ сложиться упомянутый образъ художника-аскета, который въ концѣ концовъ, очевидно, сполна имъ овладѣлъ. Тотъ восторженный пріемъ, какой встрѣтилъ первый томъ „Мертвыхъ Душъ", указалъ Гоголю совсѣмъ не то, что̀ хотѣли сказать ему его восхищенные почитатели. Онъ извлекъ изъ этого успѣха совсѣмъ не тотъ выводъ, что русское общество и литература цѣнятъ въ немъ великаго художника, правдиво изображающаго русскую дѣйствительность и наконецъ вложившаго въ это изображеніе свою субъективность т.-е. свое личное участіе въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія даетъ эта дѣйствительность, печаль о мрачныхъ явленіяхъ русской жизни или восторженное ожиданіе ея свѣтлаго развитія въ будущемъ. Гоголь сдѣлалъ другой выводъ — что онъ призванъ быть учителемъ общества, что онъ долженъ не только изображать данныя формы жизни, но давать уроки и для этого направить свое личное участіе на созданіе идеальныхъ лицъ, которыя могли бы служить нравственными и практическими образцами, а въ заключеніе ему мечталась какая-то блистательная картина, которая должна была принести „примиреніе", потому что въ „примиреніи" представлялась ему послѣдняя цѣль искусства. Съ точки зрѣнія художника-аскета ему стало казаться, что его прежнія произведенія заключали въ себѣ ошибку, что онѣ бывали легкомысленнымъ смѣхомъ, внушали раздраженіе и чуть ли не были внушены тѣмъ злымъ духомъ, котораго нужно было изгнать молитвой и аскетизмомъ, чтобы возвыситься до истинной, священной за-

[1]) См. объясненія Алексѣя Веселовскаго въ „Вѣстникѣ Европы", 1891, мартъ.

дачи искусства. Онъ потомъ и отвергъ свои прежнія сочиненія... Исполненіе второй части „Мертвыхъ Душъ", —которая должна была стать, по крайней мѣрѣ, переходомъ къ этой высшей степени искусства, — было истинной Сизифовой работой: если и раньше онъ чрезвычайно медленно работалъ надъ своими произведеніями, постоянно ихъ измѣняя и исправляя, то теперь онъ дошелъ въ этомъ до послѣдняго предѣла. Вторая часть „Мертвыхъ Душъ" была написана и—была уничтожена [1]). Послѣ того, какъ „Выбранныя Мѣста" были изданы и произвели бурю, которая такъ потрясла Гоголя, онъ писалъ въ „Авторской Исповѣди" въ 1847: „Какъ сравню эту книгу съ уничтоженными мною „Мертвыми Душами", не могу не возблагодарить за насланное мнѣ внушеніе ихъ уничтожить. Въ концѣ моихъ писемъ я все-таки стою на высшей точкѣ, нежели въ уничтоженныхъ „Мертвыхъ Душахъ". Темнота выраженія во многихъ мѣстахъ сбиваетъ только читателя, но еслибы яснѣе выразилъ ту же самую мысль, со мною бы многіе перестали спорить. Въ уничтоженныхъ „Мертвыхъ Душахъ" гораздо больше выражалось моего переходнаго состоянія, гораздо меньшая опредѣлительность въ главныхъ основаніяхъ и мысль двигательнѣй, а уже много увлекательности въ частяхъ, и герои были соблазнительны". Это „переходное состояніе" осталось навсегда. Гоголь поставилъ себѣ задачу, которая была невыполнима, потому что дѣйствительно невыполнимо было создать произведеніе въ духѣ „Выбранныхъ Мѣстъ" и сохранить въ немъ тѣ особенности его художественнаго творчества, которыя именно и дали ему его славу и его вліяніе на читателя. Примѣръ „Выбранныхъ Мѣстъ" могъ показать ему, что общество отнеслось къ нему совершенно иначе, когда онъ явился передъ нимъ самоувѣреннымъ моралистомъ, чѣмъ когда онъ былъ только художникомъ, и однако Гоголь, какъ видимъ, радовался, что уничтожилъ вторую часть „Мертвыхъ Душъ", которая еще не могла сравняться съ „Выбранными Мѣстами".

Сизифова работа заключалась не только въ томъ, чтобы найти для продолженія „Мертвыхъ Душъ" искомое „примиреніе" (т.-е. установить религіозно-консервативное направленіе), но и въ томъ, чтобы собрать для этого пригодный фактическій матеріалъ. Когда первый томъ „Мертвыхъ Душъ" былъ конченъ, началась мучительная работа по собиранію свѣденій, нужныхъ для продолженія книги, которое должно было заключать уже характеры

[1]) Это было въ первый разъ; а потомъ и во второй разъ онъ уничтожилъ другую рукопись второй части передъ смертью. Ср. четвертое письмо по поводу „Мертвыхъ Душъ" (1846, въ „Выбранныхъ Мѣстахъ").

другого рода. Въ это время уже составился планъ, по которому должны были выступать въ „Мертвыхъ Душахъ" характеры положительные, и мучительность работы была въ томъ, что когда у Гоголя съ давняго времени былъ богатый запасъ типовъ отрицательныхъ и картинъ мрачныхъ, для типовъ положительныхъ у него совсѣмъ не было этого запаса и ихъ надо было выдумывать. Во второмъ томѣ остаются еще проблески прежняго дарованія, гдѣ онъ затрогивалъ старыя темы, но очевидна и безжизненная натянутость, гдѣ онъ хотѣлъ изображать „примирительные" типы. Недоставало матеріала и въ другомъ отношеніи. Гоголю казалось, что онъ знаетъ Россію—только на этомъ основаніи онъ могъ имѣть притязаніе поучать и прорицать; но въ другія минуты, какъ видно по его собственнымъ признаніямъ, свѣденій недоставало, и онъ поручаетъ своимъ корреспондентамъ присылать ему всякія свѣденія, нужныя для его работы, и о крупныхъ вещахъ, какъ, напримѣръ, цѣлое общественное настроеніе, такъ и о мелкихъ подробностяхъ быта, администраціи и т. п. Самыя „Выбранныя Мѣста" онъ издавалъ затѣмъ, чтобы вызвать мнѣнія и возраженія, напр. письма къ помѣщикамъ и должностнымъ лицамъ напечаталъ затѣмъ, чтобы его „опровергнули приведеньемъ *анекдотическихъ фактовъ*". Живя за границей, онъ, по его словамъ, пріобрѣлъ даже „умѣнье выспрашивать" заѣзжихъ соотечественниковъ, „и часто въ одинъ часъ разговора я узнавалъ то, чего не могъ, живя въ Россіи, узнать въ продолженіе недѣли". Въ то же время онъ ставилъ себѣ самые широкіе вопросы о человѣкѣ. „Человѣкъ и душа человѣка сдѣлались больше, чѣмъ когда-либо, предметомъ наблюденій... Я обратилъ вниманіе на узнаніе тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣкъ и человѣчество вообще. Книги законодателей, душевѣдцевъ и наблюдателей за природой человѣка стали моимъ чтеніемъ". А затѣмъ его интересы поднялись еще выше: „Все, гдѣ только выражалось познаніе людей и души человѣка, отъ исповѣди свѣтскаго человѣка до исповѣди анахорета и пустынника, меня занимало, и на этой дорогѣ, нечувствительно, почти самъ не вѣдая какъ, я пришелъ ко Христу, увидѣвши, что въ Немъ ключъ къ душѣ человѣка, и что еще никто изъ душезнателей не выходилъ на ту высоту познанія душевнаго, на которой стоялъ Онъ. Повѣркой разума повѣрилъ я то, что̀ другіе понимаютъ ясной вѣрой, и чему я вѣрилъ дотолѣ какъ-то темно и неясно. Къ этому привелъ меня и анализъ надъ моею собственной душой"... „Итакъ, на нѣкоторое время занятіемъ моимъ сталъ не русскій человѣкъ и Россія, но человѣкъ и душа человѣка вообще"... „Жизнь я пре-

слѣдовалъ въ ея дѣйствительности, а не въ мечтахъ воображенія, и пришелъ къ Тому, Кто есть источникъ жизни. Отъ малыхъ лѣтъ была во мнѣ страсть замѣчать за человѣкомъ, ловить душу его въ малѣйшихъ чертахъ и движеніяхъ его, которыя пропускаются безъ вниманія людьми — и я пришелъ къ Тому, Который одинъ полный вѣдатель души и отъ Кого одного я могъ только узнать полнѣе душу".

Такъ расширялись запросы писателя. Не мудрено, что съ такой точки зрѣнія онъ впадалъ въ недовольство своимъ трудомъ и два раза сожигалъ второй томъ „Мертвыхъ Душъ". Но онъ тѣмъ не менѣе продолжалъ работать и рядомъ съ необозримостью поставленной задачи, передъ которой онъ чувствовалъ недостаточность своихъ силъ, онъ все-таки забывалъ о своемъ смиреніи и принялъ тонъ учительства, нерѣдко крайне высокомѣрный, который оказался въ „Выбранныхъ Мѣстахъ", и въ которомъ онъ самъ уже вскорѣ, въ „Авторской Исповѣди", призналъ „нелѣпицы". Къ сожалѣнію, онѣ тамъ дѣйствительно были... Писатель потерялъ дорогу. Если отъ простого изображенія жизни, какое диктовано было ему непосредственными внушеніями его дарованія и чувства, онъ переходилъ въ возвышенную область религіознаго созерцанія, странно было вообще усиливаться внести его въ произведеніе, задуманное въ совершенно иныхъ условіяхъ; призывать „вѣдателя дѣйствій человѣческихъ и всѣхъ малѣйшихъ нашихъ душевныхъ тайнъ" для того, чтобы изобразить простого мошенника, какъ Чичиковъ, могло быть наконецъ профанаціей высокаго чувства... Съ другой стороны, тяжелое впечатлѣніе производятъ и поиски Гоголя за тѣмъ фактическимъ матеріаломъ, который былъ ему нуженъ для продолженія труда, это собираніе мелкихъ свѣденій, выспрашиваніе случайныхъ знакомыхъ, встрѣчаемыхъ за границей, желаніе вызвать возраженія съ „анекдотическими фактами", эти жалобы на трудность изученія громадной Россіи, на разноголосицу мнѣній,—когда вмѣсто всего этого было бы проще собирать всѣ эти данныя не изъ прекраснаго далека, а среди самой русской жизни, въ общеніи съ просвѣщеннѣйшими людьми, которымъ вопросы о русской жизни и самые вопросы нравственные были столько же дороги и близки, при помощи тѣхъ изученій, которыя уже дѣлались даже въ тѣ мрачныя времена и могли бы, напримѣръ, указать совсѣмъ иную постановку крестьянскаго вопроса, чѣмъ та, какую дѣлалъ Гоголь въ упомянутомъ письмѣ къ помѣщику; но общества Гоголь избѣгалъ и особливо литературнаго и университетскаго;

наукѣ онъ былъ чуждъ, не вѣрилъ въ нее и не зналъ ея [1]), и, затрогивая, однако, самые коренные вопросы національной и государственной жизни, онъ оставался въ нихъ безпомощнымъ самоучкой.

И послѣ, когда съ полною неудачею „Выбранныхъ Мѣстъ" нанесенъ былъ жестокій ударъ его высокомѣрнымъ и вмѣстѣ наивнымъ мечтамъ, онъ жаловался: „Итакъ, всего того, что̀ мнѣ нужно, я не могъ достать. А не доставши его, мудрено ли, что я не могъ работать? Какъ воевать съ собою, если сдѣлался требователенъ къ самому себѣ? Какъ полетѣть воображеньемъ,—еслибъ оно и было,—если разсудокъ на всякомъ шагу задаетъ вопросъ: „зачѣмъ?"..... Зачѣмъ жажда знать душу человѣка такъ томила меня? Зачѣмъ, наконецъ, были такія обстоятельства, о которыхъ я не могу даже сказать, но которыя заставляли меня, противъ воли моей собственной, входить глубже въ душу человѣка? Зачѣмъ вѣнцомъ всѣхъ эстетическихъ наслажденій во мнѣ осталось свойство восхищаться красотой души человѣка вездѣ, гдѣ бы я ее ни встрѣтилъ? Зачѣмъ жажда знать душу человѣка такъ томила меня постоянно отъ дней моей юности?"

Въ послѣднее время этотъ заключительный періодъ дѣятельности Гоголя, обнимающій неизданную имъ самимъ вторую часть „Мертвыхъ Душъ" и „Выбранныя Мѣста", нашелъ ревностныхъ защитниковъ, которые отвергаютъ прежнюю точку зрѣнія на „Выбранныя Мѣста" какъ пустое легкомысліе, стараясь сдѣлать Гоголя послѣднихъ годовъ его жизни союзникомъ новѣйшаго обскурантизма! Задача весьма неблагодарная и исторически фальшивая. Въ извѣстномъ письмѣ Бѣлинскаго, написанномъ въ порывѣ страстнаго негодованія, можно при извѣстномъ стараніи указать крайности, но невозможно устранить тѣхъ недоумѣній и осужденій, которыя вызваны были книгой Гоголя у ея современныхъ читателей. Бѣлинскій былъ вовсе не одинъ съ его впечатлѣніями; таковы же были статьи Н. Ф. Павлова, Губера; таковы были возраженія самихъ Аксаковыхъ; приходили въ недоумѣніе даже друзья Гоголя, которымъ онъ поручалъ изданіе книги... Гоголю, при его складѣ мыслей, вѣроятно былъ просто непонятенъ основной источникъ многихъ возраженій,—слишкомъ различны были точки зрѣнія; это можно думать по содержанію его отвѣта Бѣлинскому и по „Авторской Исповѣди". Онъ остался, конечно, при своей системѣ мнѣній, потому что другой не было; но по

---

[1]) Еще въ 1834 году онъ говорилъ, ссылаясь на Плетнева: „всѣ теоріи совершенный вздоръ и ни къ чему не ведутъ"; безъ сомнѣнія, такъ думалъ онъ и теперь.

самому тону „Исповѣди" можно видѣть, что справедливость нѣкоторыхъ возраженій онъ призналъ. Еще раньше, чѣмъ онъ получилъ письмо Бѣлинскаго, вѣроятно по первымъ извѣстіямъ о впечатлѣніи, какое произвела его книга, онъ говорилъ, что „краснѣетъ отъ стыда" за нее, отвергалъ какъ нелѣпость то заключеніе, что онъ отрекся отъ искусства, и самъ отвергалъ возможность художественнаго произведенія, „примиряющаго съ жизнью": „Повѣрь, что русскаго человѣка, покуда не разсердишь, не заставишь заговорить. Онъ все будетъ лежать на боку и требовать, чтобы авторъ попотчивалъ его чѣмъ-нибудь *примиряющимъ съ жизнью* (какъ говорится). Бездѣлица! какъ будто можно *выдумать* это примиряющее съ жизнью" [1]).

Возвращаясь въ Россію, Гоголь совершилъ путешествіе въ Іерусалимъ, которое также считалъ необходимымъ для своего душевнаго дѣла и для своего писательства. Но путешествіе оставило, кажется, только прозаическія впечатлѣнія. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ въ Россіи, въ деревнѣ, въ Одессѣ, въ Москвѣ. Здѣсь онъ и кончилъ свою жизнь, истребивши передъ смертью второй томъ „Мертвыхъ Душъ", вѣроятно въ той послѣдней редакціи, надъ которой онъ еще работалъ... Указывая, какъ въ послѣдніе годы его жизни рядомъ съ утратою здоровья Гоголь терялъ и способность артистически наслаждаться жизнью, его біографъ говоритъ: „Считаемъ не лишнимъ указать на это въ виду тяжкихъ и суровыхъ обвиненій, которыя часто сыпались на голову Гоголя и теперь продолжаютъ тревожить его память. Между тѣмъ, если вспомнить всю горечь неудачно-сложившейся жизни, и эти тоскливыя сумерки преждевременнаго ранняго ея угасанія; если вспомнить болѣе, чѣмъ десятилѣтнюю упорную борьбу съ безпощаднымъ процессомъ разрушенія и временами сознаваемое роковое несоотвѣтствіе между взятой на себя колоссальной задачей и невозможностью исполнить ее, то трудно сказать, найдется ли не только въ русской, но и во всемірной литературѣ еще писатель, личная судьба котораго была бы такъ безпредѣльно несчастна. Въ ужасномъ увяданіи Гоголя въ послѣднее десятилѣтіе его жизни, по нашему мнѣнію, нисколько не менѣе трагизма, нежели въ его эффектномъ, сильно дѣйствующемъ на воображеніе истребленіи трудовъ многихъ лѣтъ въ порывѣ отчаянія, охватившаго его въ предсмертный часъ" [2]).

„Роковое несоотвѣтствіе" получало тѣмъ болѣе трагическій

---

[1]) Сочиненія и письма Гоголя, т. VI, стр. 375—377 и далѣе.

[2]) Шенрокъ, III, стр. 416.

характеръ, что писатель, не довольствуясь своимъ могущественнымъ, но непосредственнымъ и инстинктивнымъ творчествомъ, стремился возвысить его до христіанскихъ идеаловъ и въ своемъ произведеніи дать не только картину человѣческой испорченности, но и картину человѣческаго просвѣтлѣнія. Ему казалось, что эти различныя ступени нравственнаго состоянія онъ можетъ провести въ предѣлахъ русской жизни: онъ строитъ себѣ самое возвышенное идеалистическое представленіе о русскомъ народѣ въ его возможномъ будущемъ развитіи; настоящее его не удовлетворяло, но тѣмъ сильнѣе онъ вѣровалъ въ то великое будущее, на которое допускали надѣяться необыкновенные задатки русскаго народнаго характера. Еще въ первой части „Мертвыхъ Душъ“ онъ задавалъ себѣ эти мистическіе вопросы о томъ, куда стремится Русь: „остановился пораженный божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба?“ Онъ самъ вѣрилъ, что нѣкогда придетъ „грозная вьюга вдохновенія“ и послышится „величавый громъ другихъ рѣчей“.

Самого Гоголя недостало для исполненія такой задачи; самый идеалъ свой онъ понялъ односторонне; но никто изъ русскихъ писателей не ставилъ такъ высоко этого идеала, не былъ преданъ ему такъ страстно, не выносилъ для него такой мучительной борьбы. Онъ не хотѣлъ довольствоваться уступками и условными формами, съ которыми связано столько лжи, и искалъ въ жизни и въ искусствѣ настоящаго христіанства. Эти мечты владѣли имъ уже съ давнихъ поръ. Онѣ сказались въ первой части „Мертвыхъ Душъ“ извѣстными порывами лирическаго энтузіазма, но еще въ половинѣ 1838 года онъ говорилъ: „огромно, велико мое твореніе, и не скоро конецъ его“, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пишетъ, что „еще одинъ Левіаѳанъ затѣвается... Священная дрожь пробираетъ меня заранѣе, какъ подумаю о немъ“... Левіаѳанъ остался намекомъ и, вѣроятно, слился съ тѣмъ грандіознымъ планомъ, какой создавалъ Гоголь для продолженія „Мертвыхъ Душъ“. И этотъ планъ остался неисполненнымъ: Гоголь не далъ цѣльнаго изображенія русской жизни, не развилъ русскаго народнаго идеала, но его творенія, отмѣченныя глубокимъ реализмомъ и вмѣстѣ психологической проницательностью, горячей любовью къ человѣку и полу-сознаннымъ, но сильнымъ общественнымъ чувствомъ, стали завѣтомъ для дальнѣйшаго развитія русской литературы, гдѣ его преемниками явились Тургеневъ, Островскій, Некрасовъ, Достоевскій и гр. Л. Н. Толстой.

А. Пыпинъ.

СТАРЕЦЪ ВАННАИСЪ

ЭСТОНСКАЯ ЛЕГЕНДА *)

На своемъ высокомъ, ясномъ небѣ,
На янтарномъ неприступномъ тронѣ,
Долго, долго, въ думу погруженный,
Возсѣдалъ Ваннаисъ, вѣчный старецъ,
Величавый, словно Хаосъ древній.

По челу его бродили тучи
И съ чела сползали по морщинамъ
На его провидящія очи,
Какъ туманъ полночный по ущельямъ
На озёра свѣтлыя сползаетъ.

Вѣщимъ сердцемъ грусть отца почуялъ
Старшій сынъ владыки—Ваннемуйнэ.
Въ Кальовальдѣ дикой, межъ скалами
Возлежалъ онъ съ братьями, и сердцемъ,
Вѣщимъ сердцемъ грусть отца почуялъ.

Тихо съ ложа мшистаго поднялся
Ваннемуйнэ, взялъ съ собою арфу
И, разгладивъ волосы, сѣдые
Какъ морская пѣна послѣ бури,—
Старшій сынъ пошелъ къ отцу въ чертоги.

*) Мотивъ легенды заимствованъ изъ эстонскихъ сагъ Фальманна. Сага о Ваннамеесѣ, или Ваннаисѣ приведена на русскомъ языкѣ въ „Исторіи Ливоніи“, изданной въ Ригѣ.

Ваннемуйнэ былъ его любимецъ.
Онъ какъ вѣчность былъ премудръ, но сердцемъ,
Чуткимъ сердцемъ—словно юность молодъ;
Онъ владѣлъ могучимъ даромъ пѣсенъ
И умѣлъ имъ вторить звономъ арфы.

Вотъ пришелъ къ владыкѣ Ваннемуйнэ.
Тамъ, въ сѣняхъ державнаго чертога,
Гостя Солнце свѣтлое встрѣчаетъ.
Поклонился Ваннемуйнэ Солнцу,
Поклонился и проходитъ дальше.

На янтарномъ недоступномъ тронѣ
Недвижимъ сидитъ сѣдой Ваннаисъ.
По челу владыки бродятъ тучи
И съ чела сползаютъ по морщинамъ
На его провидящія очи.

Поклонился старцу Ваннемуйнэ,—
Но старикъ пѣвца и не замѣтилъ...
Заигралъ, запѣлъ подъ арфу пѣсню,—
Слушать пѣсню даже Солнце вышло,—
Но старикъ пѣвца и не замѣтилъ.

Огорчился добрый Ваннемуйнэ,
Поклонился старцу и съ печалью
Вновь повѣсилъ арфу за плечами.
Поклонился Солнцу Ваннемуйнэ
И пошелъ обратно въ Кальовальду.

Тамъ его родные ждали братья:
Ильмариннэ—мудрый и прекрасный,
Точно плодъ, налитый свѣжимъ сокомъ;
Онъ владѣлъ искусствомъ мертвый камень
Оживлять послушными перстами;

Леммекюннэ—юноша безпечный,
И стрѣлокъ Вибраннэ, и другіе...
Ждали всѣ сѣдого Ваннемуйнэ,
Но пѣвецъ ни слова не сказалъ имъ
И склонился ницъ на мшистый камень.

Ильмариннэ бросилъ бѣлый мраморъ,
Леммекюннэ позабылъ объ играхъ,
Уронилъ свой мощный лукъ Вибраннэ,
Молча всѣ они переглянулись
И склонили головы въ печали.

На своемъ высокомъ, ясномъ небѣ,
На янтарномъ недоступномъ тронѣ,
Долго-долго, въ думу погруженный,
Возсѣдалъ Ваннаисъ, вѣчный старецъ,
Величавый, словно Хаосъ древній.

Наконецъ, очнулся. Просвѣтлѣли
Старика всевидящія очи,
И, покинувъ тронъ свой, тронъ янтарный,
Онъ пошелъ, державный, величавый,
Въ Кальовальду, къ сыновьямъ героямъ.

Издали тѣ старца увидали:
По скаламъ, чрезъ бездны и ущелья
Онъ идетъ стопой неколебимой.
Кудри вьются облакомъ волнистымъ;
Застилаютъ пропасти одежды.

„Добрый день, герои!“—молвилъ старецъ.
„Добрый день!“—отвѣтили герои.
„Извѣщаю всѣхъ васъ, что рѣшился
Я въ своей премудрости предвѣчной
Новый міръ изъ Хаоса воздвигнуть“.

Изумились славные герои
И отцу отвѣтили всѣ въ голосъ:
„Коль рѣшилъ ты въ мудрости предвѣчной
Новый міръ изъ Хаоса воздвигнуть,
Значитъ, это благо и такъ надо!“

И отъ думъ тяжелыхъ успокоясь,
Задремали славные герои
На своемъ просторномъ, мшистомъ ложѣ,
И пока они спокойно спали,—
Создалъ міръ изъ Хаоса Ваннаисъ.

Создалъ міръ, и самъ почилъ усталый.
Пробудился первый Ильмариннэ;
Пораженный, оглянулся: видитъ
Міръ огромный, землю, океаны...
Но созданье грубо, голо, мрачно.

Встрепенулся мудрый Ильмариннэ,
Горячо взялся и онъ за дѣло.
Изъ куска чистѣйшей, звонкой стали
Онъ своалъ небесъ глубокій куполъ,
Распростеръ въ выси его надъ міромъ,

Прикрѣпилъ серебряныя звѣзды,
Прикрѣпилъ холодный круглый мѣсяцъ,
И съ такимъ искусствомъ, что поутру
Ихъ въ одно мгновенье было можно
Убирать съ сіяющаго неба.

Пробудился Ваннемуйнэ,
Увидалъ онъ міръ и небо,
И, схвативъ въ восторгѣ арфу,
Соскочилъ съ скалы на землю,
По струнамъ скользнулъ перстами
И запѣлъ подъ струны пѣсню.
Вслѣдъ за нимъ слетѣли птицы
Слушать пѣсню Ваннемуйнэ...
Онъ поетъ... все громче, громче
Струнамъ арфы вторитъ голосъ.
Пѣснь въ горахъ рождаетъ эхо,
Эхо мчится прямо къ небу...
Ваннемуйнэ, опьяненный,
По землѣ танцуетъ съ арфой.
Голубыя очи блещутъ,
И, какъ въ бурю пѣна моря,
Кудри плещутся по вѣтру.
Гдѣ ступаетъ Ваннемуйнэ,—
Тамъ цвѣты произрастаютъ;
Гдѣ на камень онъ присядетъ,—
Выростаютъ тамъ деревья.
Къ нимъ летятъ на вѣтки птицы
Стройнымъ хоромъ пѣнью вторить,
Пѣнью старца-Ваннемуйнэ.

Тутъ красавецъ Леммекюннэ
Пробудился. Видя землю,
Видя куполъ неба, звѣзды
И холодный полный мѣсяцъ,
Онъ подъ пѣсню Ваннемуйнэ
Сталъ носиться, точно вѣтеръ,
Съ громкимъ крикомъ по долинамъ,
По лѣсамъ, морямъ и горамъ.

Пробудился и сѣдой Ваннâисъ.
Оглянулся на дѣла героевъ
И съ улыбкой свѣтлою промолвилъ:
„Ну, спасибо, дѣти, вамъ: я создалъ
Міръ пустыннымъ, грубымъ, неуклюжимъ,—

Вы жъ его, любя, преобразили.
Хорошо! Коль такъ, его я вскорѣ
Населю животными и тварью;
А надъ ними полнымъ властелиномъ
Я поставлю всюду—человѣка.
Но создамъ я человѣка слабымъ,
Чтобъ онъ чтилъ божественную силу.
Васъ, затѣмъ, сродню я съ человѣкомъ:
Да родится племя молодое,
Силѣ зла противно, непокорно!

Зла же я не въ силахъ уничтожить
И не надо! Зло да будетъ жаломъ,
Мѣрой блага и его вѣсами!“

Скоро въ ясномъ небѣ засіяли
Зори двѣ, нѣжно-румяныхъ зори.
Эти зори нѣкогда служили
Во дворцѣ Ваннâиса—слугою
И служанкой вѣрною, изъ рода
Вѣчно-юнаго, какъ юно небо...
А гдѣ юность, тамъ любовь, и зори
Полюбили пламенно другъ друга.
Пожелалъ ихъ старецъ величавый
Сочетать ненарушимымъ бракомъ.
Но вѣдь грѣшный бракъ—источникъ смерти.
И остались для любви безсмертной

Въ небѣ зори женихомъ съ невѣстой.
Только разъ, лишь разъ въ году, счастливцы
Въ ясномъ небѣ сходятся другъ съ другомъ,
Въ голубыя сходятся полночи,—
И такихъ ночей бываетъ тридцать:
Тридцать нѣжныхъ, дѣвственныхъ свиданій.
И когда невѣста-зоря въ небѣ
Жениху погаснувшее Солнце
Подаетъ трепещущей рукою,—
Ей женихъ сжимаетъ крѣпко руку
И цѣлуетъ блѣдныя ланиты,
И щека красавицы алѣетъ,
Отражаясь въ зеркалѣ небесномъ.
Онъ же тихо Солнце зажигаетъ.
И любуется украдкой ими
Голубая дѣвственница—полночь.
Въ этотъ мѣсяцъ старый ихъ владыка
Къ неизмѣнной встрѣчѣ украшаетъ
Всѣ долины нѣжными цвѣтами,
И для брачныхъ гимновъ посылаетъ
Соловьевъ—любимцевъ зорь—весеннихъ.

А. М. Ѳедоровъ.

НОВЫЙ ИСТОРИКЪ
ВТОРОЙ ИМПЕРІИ

— Histoire du second Empire, par *Pierre de la Gorce*. T. I—II. Paris, 1895.

Возрожденіе Наполеоновской легенды во Франціи коснулось въ послѣдніе годы и второй имперіи. Вслѣдъ за многочисленными сочиненіями о первомъ Бонапартѣ стали все чаще повторяться попытки возстановить репутацію его племянника, Наполеона III, очистить его память отъ обвиненій и представить его личность въ новомъ, болѣе симпатичномъ, свѣтѣ. Нѣсколько книгъ въ такомъ родѣ вышло въ настоящемъ году. Сочиненіе Жиродò, „Napoléon III intime", изображаетъ хорошія душевныя качества покойнаго императора французовъ, его сердечную доброту, его щедрую благотворительность, его постоянство въ дружбѣ, его великодушіе и неразсчетливость въ денежныхъ дѣлахъ, подобно тому, какъ раньше Артуръ Леви, въ книгѣ „Napoléon I intime", надѣлялъ всевозможными добродѣтелями Наполеона I. Тирріà рисуетъ молодость Наполеона III, его увлеченія, планы и идеи въ періодъ скитальчества, до пріобрѣтенія власти („Napoléon III avant l'Empire"). Эмиль Олливье выпустилъ первый томъ своихъ этюдовъ о „либеральной имперіи" (L'Empire libéral), гдѣ вновь старается объяснить внутреннюю связь императорскаго режима съ великими демократическими движеніями вѣка.

Снисходительный, даже сочувственный взглядъ на Наполеона III поддерживается и писателями, не имѣющими ничего общаго съ бонапартизмомъ. Эмиль Золà, въ романѣ „La guerre", выстав-

ляетъ его несчастнымъ, слабымъ человѣкомъ, проникнутымъ глубоко гуманными чувствами и нечаянно, противъ воли, попадающимъ въ герои кровавыхъ событій. Болѣе двадцати пяти лѣтъ прошло со времени паденія второй имперіи; дѣятели ея давно сошли со сцены, и современное поколѣніе не можетъ уже раздѣлять вражды прежнихъ ея противниковъ и жертвъ, старыхъ бойцовъ свободы, ряды которыхъ рѣдѣютъ съ каждымъ годомъ. Когда въ эпоху буланжизма Жюль Симонъ пытался напомнить публикѣ ужасы личной диктатуры и съ этой цѣлью напечаталъ книгу „Souviens-toi du Deux-décembre", то краснорѣчивыя напоминанія его казались чѣмъ-то далекимъ и непонятнымъ большинству читателей: это былъ какъ будто голосъ изъ другого міра, отзвукъ давно пережитаго прошлаго, въ которомъ трудно отличить дѣйствительность отъ вымысла. „Преступленіе второго декабря", вызывавшее когда-то горячее негодованіе лучшихъ людей Франціи, потеряло способность волновать умы; оно даже сдѣлалось похожимъ скорѣе на сказку, повторяемую по традиціи, чѣмъ на историческую быль.

Для современныхъ французовъ вторая имперія есть уже достояніе исторіи, и къ Наполеону III можно отнестись вполнѣ исторически, точно такъ же, какъ, напр., къ королю Луи-Филиппу или къ Людовику XVIII. Образъ бездушнаго тирана и злодѣя, созданный Луи-Бланомъ и его единомышленниками, грѣшилъ чрезмѣрною односторонностью и слишкомъ явно противорѣчилъ впечатлѣніямъ позднѣйшей эпохи. Возникла обычная реакція противъ страстныхъ преувеличеній минувшаго, и подъ вліяніемъ этой реакціи многіе писатели готовы были впасть въ противоположную крайность. Вмѣсто рокового честолюбца, погубившаго Францію, выступила новая фигура мягкосердечнаго мечтателя, достойнаго болѣе сожалѣнія, чѣмъ осужденія. Въ немъ открывались качества, о которыхъ прежде не было и рѣчи, а жалкая роль его въ послѣднихъ неудачахъ франко-прусской войны заставляла забывать его виновность въ возбужденіи кровавыхъ событій. Притомъ, не считается ли рѣшеннымъ разъ навсегда, что отвѣтственность за войну падаетъ всецѣло на коварнаго Бисмарка, который даже умышленно исказилъ знаменитую депешу изъ Эмса, для ускоренія разрыва? Если Наполеонъ III и виновенъ, то заслуживаетъ снисхожденія: таковъ несомнѣнный выводъ, къ которому склоняется значительная часть современной французской литературы при оцѣнкѣ дѣяній и грѣховъ второй имперіи.

Оживившееся вообще вниманіе къ Бонапартамъ имѣетъ также свои причины. Отсутствіе выдающихся государственныхъ людей

въ нынѣшней Франціи и традиціонная потребность въ поклоненіи крупнымъ историческимъ личностямъ усиливаютъ интересъ къ тѣмъ дѣятелямъ прошлаго, которые съ наибольшею силою воплощали въ себѣ элементъ личнаго господства и личной инниціативы. При жизни Гамбетты французы имѣли въ своей средѣ человѣка, каждый шагъ котораго вызывалъ оживленные толки въ печати и въ обществѣ; каждое слово его комментировалось приверженцами и врагами; его рѣчи и дѣйствія всегда занимали общественное мнѣніе и давали богатую пищу журналистикѣ. Не только республиканцы, но и монархисты гордились могучимъ ораторомъ, героемъ народной обороны, тонкимъ политикомъ и парламентскимъ вождемъ, на котораго обращены были взоры всей Европы. Когда не стало Гамбетты, французское общество готово было удовлетвориться новымъ любимцемъ толпы, блестящимъ съ виду и ничтожнымъ по сущности генераломъ Буланже. Буланже исчезъ, успѣвши разочаровать въ себѣ даже ближайшихъ своихъ сторонниковъ, и ничто съ тѣхъ поръ не нарушало безраздѣльнаго владычества посредственностей, поглощенныхъ мелкою партійною борьбою. Кѣмъ увлекаться французамъ? Кому отдавать привычную дань поклоненія? Отъ кого ждать великихъ подвиговъ въ будущемъ? Не видя кругомъ подходящаго матеріала для патріотическихъ восторговъ и надеждъ, французы обратились къ прошедшему и опять занялись Наполеономъ I;—естественно, что нѣкоторыя крохи этого увлеченія выпали на долю злополучнаго создателя второй имперіи.

Трудъ Пьера де-ла Горса не принадлежитъ ни къ категоріи хвалебныхъ, ни къ числу обличительныхъ: это серьезная, добросовѣстная работа, имѣющая цѣлью изучить исторію второй имперіи по документальнымъ источникамъ и по свидѣтельствамъ очевидцевъ. Авторъ заявляетъ въ предисловіи, что по происхожденію и воспоминаніямъ онъ одинаково чуждъ царедворцамъ и противникамъ императорскаго режима, и что онъ имѣетъ поэтому право считать себя способнымъ судить безпристрастно о людяхъ и событіяхъ того времени. Онъ старается примѣнить обыкновенныя правила исторической критики къ изслѣдованію этого „блестящаго и пагубнаго, поверхностнаго и трагическаго царствованія". По пріемамъ и изложенію, по взглядамъ и симпатіямъ, Пьеръ де-ла Горсъ замѣчательно напоминаетъ Альбера Вандаля, историка Наполеона I,—съ той только разницею, что къ герою разсказа онъ относится болѣе свободно, безъ того благоговѣнія, отъ котораго не могутъ отрѣшиться французскіе писатели по отношенію къ первому Бонапарту. Автору вообще удается быть справедливымъ, насколько это позволяетъ спеціальная точка зрѣнія

французскаго патріотизма. Съ этой стороны интересно сравнить его книгу съ извѣстнымъ сочиненіемъ Таксиля Делора. Делоръ началъ писать свою исторію еще при имперіи, а кончилъ при республикѣ; онъ съ наибольшею обстоятельностью разбираетъ внутреннюю политику правительства и дѣятельность оппозиціонныхъ партій, останавливаясь гораздо меньше на внѣшнихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ Наполеона III. Пьеръ де-ла-Горсъ, напротивъ, удѣляетъ особенно много мѣста дипломатическимъ и военнымъ дѣйствіямъ, ограничиваясь краткимъ обзоромъ и оцѣнкою внутреннихъ мѣръ управленія. Делоръ полонъ гражданскаго чувства, которое побуждаетъ его подробно разоблачать вопіющія беззаконія наполеоновской администраціи; де-ла-Горсъ спокойно передаетъ факты, сопровождая ихъ критическими замѣчаніями и выводами. Изслѣдованіе Пьера де-ла-Горса доведено до начала итальянской войны 1859 года; въ немъ предполагается извѣстнымъ все предшествовавшее водворенію диктатуры, такъ какъ періодъ президентства принца Луи-Наполеона разсмотрѣнъ въ особомъ сочиненіи того же автора,—въ исторіи второй республики. У Таксиля Делора есть много наивнаго, чего нѣтъ у трезваго де-ла-Горса; но Делоръ несравненно симпатичнѣе, искреннѣе и проще.

Въ сужденіяхъ о диктатурѣ и имперіи второго Бонапарта обыкновенно упускаются изъ виду дѣйствительныя обстоятельства, способствовавшія его возвышенію. О государственномъ переворотѣ 2-го декабря 1851 года говорилось часто въ такомъ тонѣ, какъ будто принцъ Луи-Наполеонъ захватилъ въ свои руки власть при помощи войска, помимо воли и участія французскаго народа. Между тѣмъ онъ былъ уже законнымъ главою государства, въ качествѣ президента республики, когда задумалъ свой „coup d'état“, и еслибы онъ не былъ заговорщикомъ по натурѣ, то и безъ переворота утвердилъ бы свое владычество на широкой основѣ всеобщаго народнаго голосованія. Послѣ февральской революціи онъ находился еще въ Лондонѣ и не выступалъ вовсе кандидатомъ въ національное собраніе; тѣмъ не менѣе онъ сразу былъ выбранъ въ Парижѣ и въ трехъ другихъ департаментахъ. Толпы народа осаждали палату, когда стало извѣстнымъ нежеланіе ея утвердить его выборъ; имя Наполеона громко провозглашалось на улицахъ, и повсюду повторялся припѣвъ: „Nous l'aurons, nous l'aurons, Louis-Napoléon!“ Палата, послѣ долгихъ колебаній, признала его законно избраннымъ депутатомъ, но самъ принцъ заявилъ о своемъ отказѣ отъ депутатскихъ полномочій, чтобы не давать повода къ безпорядкамъ. Популярность его естественно усилилась послѣ этого добровольнаго отказа, ловко и скромно

мотивированнаго. Таксиль Делоръ полагаетъ, что событія пошли бы совершенно другимъ путемъ, еслибы національное собраніе строго примѣнило къ Бонапартамъ законъ объ изгнаніи представителей царствовавшихъ фамилій: „претендентъ, быть можетъ, не отрекся бы отъ своихъ плановъ, но буржуазія незамѣтно привязалась бы къ республиканскому принципу; правительство республики обезпечило бы себѣ содѣйствіе арміи въ лицѣ ея выдающихся вождей; бонапартизмъ, еслибы онъ осмѣлился предпринять борьбу, былъ бы уничтоженъ смертельнымъ ударомъ; между тѣмъ извороты правительства и палаты дали, напротивъ, новую силу популярной идеѣ народной диктатуры, лежащей въ основѣ бонапартистскихъ стремленій“. Другими словами, выборные представители самодержавнаго народа должны были, по мнѣнію Делора, бороться противъ свободныхъ выраженій народной воли и ограничивать ее посредствомъ произвола и насилія. На чемъ же держалась бы тогда республика, еслибы она отрицала такимъ образомъ свою собственную основу—народовластіе? Во имя какого принципа могли республиканцы запрещать народу подавать голоса въ пользу лицъ, пріобрѣвшихъ почему-либо его симпатіи? Противодѣйствіе народному выбору было бы не только невозможно для революціонныхъ дѣятелей 1848 года, но и вполнѣ безполезно; народныя массы не питали уже довѣрія къ людямъ, открыто нарушавшимъ ихъ права и интересы. Въ декабрѣ 1848 года всеобщее народное голосованіе сдѣлало принца Луи-Наполеона правителемъ Франціи. Принцъ былъ извѣстенъ своими покушеніями въ Страсбургѣ и Булони; дважды пытался онъ устроить военное возстаніе въ пользу имперіи при Луи-Филиппѣ; свои идеи о демократическомъ имперіализмѣ онъ проводилъ въ печати, въ брошюрахъ, прокламаціяхъ и газетахъ. Какъ наслѣдникъ Наполеона I, онъ высказывалъ твердую вѣру въ свое призваніе возстановить императорскую власть, опираясь на рабочую и крестьянскую демократію. Всѣ его знали, какъ претендента, готоваго добиваться осуществленія своей мечты съ оружіемъ въ рукахъ. Можно ли послѣ этого утверждать, что его избрали главою государства для чего-нибудь другого, а не для возстановленія имперіи? Какой вообще другой смыслъ могло имѣть это избраніе кандидата, олицетворявшаго собою династическія претензіи Бонапартовъ,—героя двухъ неудавшихся попытокъ поднять армію во имя Наполеона? Принцъ Луи Бонапартъ имѣлъ полное право считать, что пять съ половиною милліоновъ голосовъ, поданныхъ за него французскимъ народомъ 10-го декабря 1848 года, вопреки усиліямъ и убѣжденіямъ республиканскихъ властей, было подано за имперію, а

не за республику. Нельзя было иначе смотрѣть на этотъ выборъ, и такъ поняло его огромное большинство самихъ французовъ. Еслибъ избиратели стояли за сохраненіе республики, они выбрали бы одного изъ заслуженныхъ ея защитниковъ, генерала Кавеньяка или Ламартина, а не завѣдомаго ея противника, представителя царствовавшей и подвергнутой изгнанію фамиліи Бонапартовъ. Представимъ себѣ, что въ періодъ буланжистской агитаціи былъ бы назначенъ президентомъ республики генералъ Буланже: неужели кто-нибудь ожидалъ бы отъ него точнаго соблюденія конституціи и защиты ея отъ сторонниковъ личной власти? Не было ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ истинныхъ цѣляхъ и намѣреніяхъ принца Луи-Наполеона, когда народъ подавалъ за него свои голоса; напротивъ, именно эти цѣли и намѣренія, въ связи съ громкимъ именемъ, привлекали къ нему, съ одной стороны, монархистовъ и клерикаловъ, напуганныхъ вспышками соціальной революціи, а съ другой — рабочихъ, побѣжденныхъ буржуазною республикою въ кровавые іюньскіе дни. Послѣ выборовъ принцъ могъ сказать прямо: „въ моемъ лицѣ народъ выбралъ имперію, и для устраненія всякой фальши я требую пересмотра конституціи въ этомъ смыслѣ“; онъ не сказалъ этого только потому, что имѣлъ передъ собою враждебное національное собраніе, съ которымъ надо еще было поддерживать мирныя отношенія. Позднѣе, долженъ ли онъ былъ подчиняться законодательной палатѣ, стремившейся незаконно передѣлать конституцію и ограничить всеобщую подачу голосовъ подъ видомъ простого регулированія избирательныхъ правъ? Президентъ республики, какъ непосредственный избранникъ народа, сосредоточивалъ въ себѣ одномъ такую же силу, какъ все народное представительство въ совокупности; а такъ какъ палата была еще раздѣлена на партіи, то по здравой логикѣ онъ былъ выше парламентскаго большинства и могъ относиться къ нему вполнѣ независимо. Зачѣмъ же создано было президенту республики такое исключительное положеніе, дѣлавшее его истиннымъ главою народа? Казалось бы проще всего установить, чтобы президентъ былъ назначаемъ палатою; тогда сохранились бы отношенія подчиненности, которыя предупреждали бы возможность опасныхъ конфликтовъ. Но изъ главныхъ дѣятелей революціи одинъ только Кавеньякъ имѣлъ шансы быть выбраннымъ на постъ президента, еслибы рѣшеніе было предоставлено національному собранію; Ламартинъ утратилъ свой прежній авторитетъ въ палатѣ и надѣялся на свое избраніе только въ случаѣ плебисцита, полагаясь на свою популярность въ странѣ; поэтому онъ горячо ратовалъ за всенарод-

ные выборы. Тьеръ тоже разсчитывалъ на свой личный успѣхъ, тогда какъ въ палатѣ ему сочувствовало только меньшинство; генералъ Шангарнье и маршалъ Бюжо также думали попасть въ президенты при помощи всеобщей подачи голосовъ. Весьма характерно это ослѣпленіе выдающихся вождей буржуазіи: они были искренно увѣрены, что народъ не можетъ имѣть другихъ мнѣній и интересовъ, кромѣ тѣхъ, которые свойственны высшимъ и среднимъ классамъ. Наиболѣе вѣроятнымъ представлялся, однако, выборъ Кавеньяка, и чтобы помѣшать его ожидаемой побѣдѣ, монархисты и клерикалы рѣшились поддерживать кандидатуру принца Луи-Наполеона; въ его пользу энергически дѣйствовалъ въ послѣднюю минуту и Тьеръ. Принца считали ничтожествомъ, которымъ легко будетъ управлять; потомъ на него серьезно негодовали за то, что онъ оказался не тѣмъ пассивнымъ идіотомъ, какимъ его изображали. Своекорыстные разсчеты руководили всѣми партіями, прямо или косвенно участвовавшими въ возвышеніи Бонапарта; такіе же разсчеты вдохновляли и республиканскихъ предводителей.

Таксиль Делоръ восхваляетъ генерала Кавеньяка за его гражданскія чувства, за его вѣрность долгу и присягѣ, и въ то же время онъ ставитъ ему въ вину недостатокъ смѣлости и рѣшимости въ нарушеніи законовъ. „Республиканскіе министры, друзья Кавеньяка,—говоритъ онъ,—совѣтовали ему сдѣлать для спасенія свободы то, что̀ другія правительства такъ часто дѣлали для собственныхъ своихъ интересовъ, — избавить Францію отъ внутреннихъ смутъ посредствомъ войны. Французская республика могла тогда сдѣлать великое дѣло—создать Италію". Послѣ іюньскихъ дней Кавеньякъ, по мнѣнію Делора, могъ потребовать отъ національнаго собранія, чтобы оно назначило его президентомъ республики на пять лѣтъ, или могъ провозгласить себя самъ, не опасаясь встрѣтить сопротивленіе. Республиканецъ Делоръ ничего не имѣлъ бы противъ государственнаго переворота, еслибы послѣдній былъ совершенъ Кавеньякомъ, а не принцемъ Луи-Наполеономъ; онъ ничего не имѣлъ бы также противъ произвольнаго возбужденія внѣшнихъ войнъ, еслибы онѣ предпринимались подъ знаменемъ республики. Таксиль Делоръ не замѣчаетъ, что, исповѣдуя подобные принципы, республиканцы лишаютъ себя нравственнаго права осуждать преступленіе второго декабря и произвольныя войны второй имперіи; разница между ними и бонапартистами заключалась бы только въ томъ, что успѣхъ былъ на сторонѣ послѣднихъ. Но самая параллель, проводимая между Кавеньякомъ и принцемъ Луи-Наполеономъ, не выдерживаетъ критики: Ка-

веньякъ не имѣлъ за собою плебисцита, не былъ оффиціальнымъ избранникомъ народа, а былъ только временнымъ уполномоченнымъ національнаго собранія; слѣдовательно, онъ никакъ не могъ противопоставить свою личную волю рѣшеніямъ палаты, и его „coup d'état" былъ бы простымъ возстаніемъ противъ законной власти, безъ всякаго подобія права. Принцъ Луи-Наполеонъ присягалъ на вѣрность конституціи и черезъ три года нарушилъ эту присягу; республиканцы грозно называютъ его клятвопреступникомъ, забывая, что они сами никогда не придавали значенія вынужденной политической присягѣ и всегда ее нарушали при первой возможности. Знаменитые „пять" республиканскихъ депутатовъ въ законодательномъ корпусѣ позднѣйшаго періода не могли бы вовсе засѣдать въ палатѣ, еслибы не принесли присягу на вѣрность императору и имперіи; и всякій понималъ, что эта присяга есть для нихъ только непріятная, ни къ чему не обязывающая формальность. Какъ бы ни смотрѣлъ на свое избраніе принцъ Луи-Наполеонъ, онъ долженъ былъ по необходимости соблюсти обычныя условія для вступленія своего въ должность; а присяга, потребованная отъ него національнымъ собраніемъ, не имѣла для него болѣе серьезнаго значенія, чѣмъ для республиканцевъ. Отъ республики Кавеньяка и Ламартина онъ унаслѣдовалъ и правила политическаго поведенія, и способы обузданія такъ называемыхъ революціонеровъ. Республика честной буржуазіи жестоко расправилась съ десятками тысячъ рабочихъ, оставшихся безъ занятій; она сначала соблазнила ихъ устройствомъ мнимыхъ національныхъ мастерскихъ, а потомъ внезапно закрыла эти мастерскія, предоставивъ рабочимъ на выборъ—или высылку изъ Парижа въ провинцію для производства землекопныхъ работъ, или немедленное зачисленіе въ солдаты. А когда рабочіе заволновались по поводу этихъ неожиданныхъ и произвольныхъ мѣръ, то національное собраніе пустило въ ходъ военную силу; полуголодныхъ рабочихъ безпощадно разстрѣливали по улицамъ Парижа, подъ высшимъ руководствомъ нѣжнаго поэта Ламартина и добродѣтельнаго республиканца Кавеньяка; сотни и тысячи людей подвергались аресту или ссылкѣ безъ суда. Генералъ Кавеньякъ, провозглашенный диктаторомъ, одержалъ кровавую побѣду надъ нестройными сборищами своихъ согражданъ, бѣдняковъ, обманутыхъ ложными обѣщаніями временнаго правительства, и въ награду за эту побѣду онъ былъ назначенъ главою исполнительной власти. Правительство, вышедшее изъ междоусобной войны, какъ замѣчаетъ меланхолически Таксиль Делоръ, приноситъ съ собою неизбѣжныя послѣдствія своего происхожденія,—произвольные аресты, ссылки

безъ суда, прекращеніе свободы печати и свободы сходокъ. „Республика не безнаказанно подаетъ примѣръ нарушенія общественныхъ вольностей;—повидимому, она восторжествовала въ іюньскіе дни, но въ дѣйствительности это была реакція, и республика сама навлекла на себя удары своихъ враговъ". Національное собраніе разошлось, не объявивъ амнистіи сосланнымъ безъ суда участникамъ іюньскихъ безпорядковъ, хотя прошелъ почти годъ со времени этихъ событій. Консерваторы всѣхъ оттѣнковъ, въ томъ числѣ и Тьеръ, не сочли нужнымъ примѣнить къ рабочимъ и ихъ защитникамъ элементарныя правила человѣческаго правосудія; „тысячи лицъ приговорены были къ наказанію, столь же суровому, какъ смерть, и многіе изъ нихъ даже не знали, въ какомъ преступленіи они обвиняются; и республиканскіе депутаты отказали въ амнистіи этимъ побѣжденнымъ: сдѣлавшись въ свою очередь жертвами проскрипціи, они были удивлены равнодушіемъ народа". Таксиль Делоръ необычайно кратокъ, когда дѣло касается грѣховъ и преступленій ближайшихъ предшественниковъ принца Луи-Наполеона; но и онъ не можетъ скрыть отъ себя, что избранникъ 10-го декабря былъ не хуже и не лучше своихъ противниковъ, союзниковъ и покровителей. Принцъ въ первые два года своего президентства пользовался содѣйствіемъ и совѣтами наиболѣе выдающихся дѣятелей учредительнаго собранія и законодательной палаты; въ числѣ его министровъ были, кромѣ Одилона Барро, писатели Леонъ Фоше, Пасси, Токвиль, Парьё. Первое нарушеніе конституціи было допущено министерствомъ Одилона Барро по поводу римской экспедиціи, и въ отвѣтъ на шумные протесты, вызванные этимъ нарушеніемъ, кабинетъ принялъ крутыя мѣры противъ печати, закрылъ клубы и ввелъ осадное положеніе. Министръ внутреннихъ дѣлъ Дюфоръ, занимавшій тотъ же постъ при республиканцѣ Кавеньякѣ, прекратилъ существованіе шести оппозиціонныхъ газетъ, и не довольствуясь этимъ, онъ послалъ своихъ агентовъ въ подлежащія типографіи, чтобы „привести ихъ надолго въ состояніе негодности"; владѣльцы типографій, печатавшихъ изданія самыхъ разнородныхъ направленій на промышленныхъ договорныхъ началахъ, обратились съ жалобою въ судъ, но жалоба была оставлена безъ послѣдствій [1]).

Произволъ и беззаконіе были въ полномъ ходу въ правительственной системѣ Франціи при господствѣ парламентскихъ дѣльцовъ второй республики. Актъ второго декабря былъ только за-

---

[1]) См. Taxile Delord, Histoire du second Empire. Paris, 1869—72, T. I, стр. 162 и др.

вершеніемъ или итогомъ многихъ насилій и посягательствъ, съ тою только разницею, что предметъ ихъ отчасти измѣнился: на этотъ разъ ударъ былъ направленъ, между прочимъ, противъ тѣхъ именно дѣльцовъ, которые, подобно Тьеру и его единомышленникамъ, старались обуздать французскую демократію. Весь арсеналъ реакціонныхъ мѣропріятій былъ уже заготовленъ, образцы были уже даны для префектовъ и министровъ второй имперіи, и бонапартизму оставалось только внести послѣдовательность и порядокъ въ разрозненныя постановленія временъ республики. Административная опека надъ умственною жизнью общества получила достаточное развитіе незадолго до государственнаго переворота, помимо личнаго вліянія принца-президента. Учебное дѣло было вполнѣ подчинено клерикальному усердію и полицейскому контролю; министръ народнаго просвѣщенія Парьё, производя радикальную очистку личнаго состава въ среднихъ и высшихъ школахъ, не стѣснялся запрещать чтеніе лекцій такимъ профессорамъ, какъ историкъ Мишлѐ, а философъ Бартелеми Сентъ-Илеръ доказывалъ въ законодательномъ собраніи основательность и законность этого запрещенія. Имперія была готова гораздо раньше, чѣмъ провозгласилъ это Тьеръ; она утвердилась бы сама собою путемъ компромисса съ тогдашними партіями, еслибы большинство палаты не обнаружило такого упорства въ вопросѣ объ организаціи избирательныхъ правъ, — ограниченіи, грозившемъ уменьшить число избирателей на три милліона и, слѣдовательно, сократить въ соотвѣтственной мѣрѣ цифры будущаго плебисцита. Принцъ Луи-Наполеонъ, обязанный своимъ положеніемъ плебисциту, счелъ долгомъ вступиться за всеобщую подачу голосовъ; это былъ удобный предлогъ для государственнаго переворота, который въ сущности—повторяемъ—не былъ нуженъ для установленія имперіи и внесъ въ ея устройство нѣчто ядовитое и разлагающее. Всѣ ожидали перемѣны, и очень многіе ей сочувствовали, по разнымъ соображеніямъ, болѣе или менѣе прозаическимъ, но и сторонники принца были поражены тою солдатскою грубостью, съ какою совершено было дѣло второго декабря. Имѣя къ своимъ услугамъ просвѣщенныхъ парламентаристовъ, президентъ республики отдалъ правительство въ распоряженіе какъ бы шайки бандитовъ; собственные единомышленники и бывшіе сотрудники его, въ родѣ де-Фаллу̀ и Леона Фошѐ, невольно очутились въ непріязненномъ ему лагерѣ. Относительно „людей изъ общества“ неразсчетливо было поступать такъ, какъ принято было поступать съ простыми рабочими и съ соціалистами; буржуазія, даже парламентская, добровольно шла на встрѣчу новому властителю, и не было на-

добности отталкивать ее военно-политическимъ разгромомъ. Форма раздражала публику, но не сущность. Тѣмъ не менѣе второе декабря было встрѣчено общимъ подъемомъ биржевыхъ цѣнностей и оживленіемъ промышленныхъ дѣлъ; а вождь клерикаловъ, графъ Монталамберъ, поклонникъ и истолкователь англійской свободы, привѣтствовалъ „спасительный" подвигъ, долженствующій будто бы смирить враговъ отечества и успокоить благомыслящихъ.

Безсознательныя стремленія низшихъ классовъ доставили Бонапартамъ торжество, которымъ на первыхъ порахъ воспользовались для своихъ цѣлей консервативные и реакціонные элементы французскаго общества; реакція толкала принца дальше, чѣмъ это было въ его интересахъ, и кузенъ его, принцъ Наполеонъ, открыто заявилъ о необходимости оппозиціонныхъ парламентскихъ выборовъ для противодѣйствія неумѣреннымъ клерикально-монархическимъ вліяніямъ. Льстивые карьеристы, какихъ нашлось не мало между бывшими республиканцами, увѣрили президента, что Франція лежитъ покорно у его ногъ, что она „отдается ему всецѣло", какъ выразился предсѣдатель перваго законодательнаго корпуса, бывшій либералъ Билльо. Принцъ повѣрилъ этому и взялъ то, что̀ плохо лежало; онъ предоставилъ своимъ вѣрнымъ слугамъ распорядиться съ палатою и страною безъ всякихъ церемоній. Логика фактовъ не позволила остановиться на первомъ шагѣ; вслѣдъ за ночнымъ арестомъ вліятельныхъ депутатовъ и за разогнаніемъ остальныхъ, пытавшихся собраться внѣ палаты, возникли уличныя „военныя дѣйствія", появились баррикады, и въ теченіе нѣсколькихъ дней лилась кровь въ Парижѣ и въ разныхъ мѣстахъ провинціи. Около пятисотъ человѣкъ было убито въ одной столицѣ. Опасность и размѣры сопротивленія намѣренно преувеличивались исполнителями, и соотвѣтственно этому усиливалась строгость репрессіи. Изъ депутатовъ пять военныхъ, въ томъ числѣ генералы Шангарнье и Кавеньякъ, были заключены въ Мазасъ, откуда переведены въ крѣпость Гамъ; пятеро—сосланы въ Гвіану, 66 представителей, въ томъ числѣ Викторъ Гюго, подвергнуты изгнанію, подъ угрозою ссылки; восемнадцать человѣкъ, и между прочимъ Тьеръ, временно удалены изъ Франціи. Въ Парижѣ было арестовано, по приблизительнымъ даннымъ, не менѣе четырехъ тысячъ человѣкъ, въ провинціи—болѣе двадцати двухъ тысячъ. Надо было по возможности скорѣе устроить судьбу этой массы людей; для этого въ каждомъ департаментѣ (кромѣ Парижа) учреждалась смѣшанная коммиссія изъ трехъ лицъ—командующаго генерала, префекта и прокурора. Коммиссіи дѣйствовали быстро и рѣшительно, руководствуясь лишь полицей-

скими свѣденіями и предположеніями, безъ допроса обвиняемыхъ и свидѣтелей. Около 2.800 человѣкъ приговорено къ тюремному заключенію; болѣе 9.500—назначено къ ссылкѣ въ Алжиръ, до 240—въ Кайенну, свыше 1.500—выслано за границу. Послѣ смягченія многихъ приговоровъ оставалось еще къ началу 1853 года болѣе 6.000 осужденныхъ смѣшанными коммиссіями, и въ Гвіанѣ находилось 150 политическихъ ссыльныхъ. Эти вопіющія мѣры принимались и исполнялись секретно, при полномъ молчаніи печати и общественнаго мнѣнія; самые факты были долго неизвѣстны публикѣ; о нихъ узнавали только случайно, по слухамъ, а краткія сообщенія оффиціальныхъ газетъ убѣждали, что дѣло касается лишь злонамѣренныхъ нарушителей государственнаго спокойствія и безопасности. Временно арестованные депутаты изъ числа благонадежныхъ, примыкавшихъ такъ или иначе къ бонапартистамъ, легко приспособились къ новымъ обстоятельствамъ. „Всякое уваженіе къ человѣческому достоинству исчезаетъ,—говоритъ Пьеръ де-ла-Горсъ, — когда мы видимъ, что народные представители, недавно арестованные и затѣмъ выпущенные на свободу, являются къ принцу и требуютъ своей доли участія въ выгодахъ побѣды, одержанной надъ ними самими. Другіе полагали, что съ ихъ стороны было бы неумѣстно выказывать больше раздраженія, чѣмъ обнаруживали сами жертвы. Стремленіе присоединиться къ новому режиму возросло, когда внутренній миръ окончательно установился, и для всѣхъ стало ясно, что наступаетъ новое царствованіе. Нужно было торопиться привѣтствовать это будущее царствованіе, чтобы готовность служить ему сохранила нѣкоторую цѣнность и имѣла внѣшніе признаки преданности“.

Всенародное голосованіе 20-го декабря дало законную санкцію совершившемуся перевороту, большинствомъ семи съ половиною милліоновъ голосовъ противъ 640.000 отрицательныхъ. Этотъ второй плебисцитъ производился уже подъ давленіемъ властей, при отсутствіи противниковъ, устраненныхъ заранѣе со сцены, и, очевидно, онъ не имѣлъ уже такого нравственнаго значенія, какъ первый. Въ оффиціальныхъ сферахъ принято было превозносить важность достигнутаго результата; но, какъ справедливо замѣчаетъ Пьеръ де-ла-Горсъ, слѣдовало, напротивъ, удивляться числу неблагопріятныхъ голосовъ. „Такъ какъ принцъ Луи-Наполеонъ упразднилъ все, кромѣ самого себя, то приходилось высказаться за него, чтобы не остаться ни при чемъ. На океанѣ политики плылъ только его корабль, и надо было или путешествовать съ нимъ вмѣстѣ, отдавшись его счастью, или направиться вплавь къ неизвѣстному и невидимому еще берегу, подвергаясь всевозмож-

нымъ опасностямъ. Событія уже совершились, и нравственная свобода голосованія не существовала больше. Это объясняетъ численность утвердительныхъ голосовъ; это же умаляетъ ихъ цѣну".

Въ прокламаціи 2-го декабря были объявлены главныя основы конституціи, по образцу учрежденій, созданныхъ первымъ консуломъ, генераломъ Бонапартомъ. Правительственные юристы принялись обсуждать подробности этой программы; принцъ настаивалъ на скорѣйшей выработкѣ конституціи, и министръ Руэръ приготовилъ окончательный текстъ ея, какъ говорятъ, въ двадцать четыре часа. „Такова ужъ судьба конституцій въ нашемъ столѣтіи, что онѣ составляются второпяхъ: единственная, которая вырабатывалась долго,—это конституція 1848 года, и именно она была наименѣе долговѣчна". Общество все-таки сохраняло извѣстную долю участія въ государственныхъ дѣлахъ; выборный законодательный корпусъ, при всей скромности его роли, обладалъ, однако, существенными правами народнаго представительства—правомъ утвержденія законовъ и правомъ вотировать бюджетъ. Принцъ Луи-Наполеонъ, издавая декретъ о конституціи 14-го января 1853 года, заявлялъ, что она подлежитъ дальнѣйшимъ улучшеніямъ и измѣненіямъ, какія потребуются въ будущемъ, согласно интересамъ народа. Предполагалось, что свобода удалена только временно, подобно тѣмъ депутатамъ, которые были арестованы на извѣстный срокъ и затѣмъ выпущены обратно. Люди, изгнавшіе свободу, давали ей надежду вернуться черезъ нѣкоторое время; но не въ ихъ власти было измѣнить направленіе, данное политической жизни Франціи насильственнымъ актомъ 2-го декабря и послѣдовавшими за нимъ мѣропріятіями. Первоначальное клеймо беззаконія не могло быть отдѣлено отъ имперіи; оно связывало ее до конца, вызывая постоянныя заботы объ устраненіи возможныхъ обвиненій. Возвратить свободу—значило допустить разоблаченіе и обсужденіе того способа, какимъ принцъ Луи-Наполеонъ отблагодарилъ страну за свое избраніе въ президенты республики. Нельзя было бы закрыть ротъ противникамъ и обличителямъ, еслибы возстановлена была свобода выборовъ, свобода публичнаго слова и печати; а второе декабря безусловно требовало молчанія и забвенія. Въ тотъ день, когда въ законодательномъ корпусѣ и въ печати могъ быть поставленъ вопросъ о законныхъ основаніяхъ декабрьскихъ арестовъ, убійствъ и ссылокъ, поколебался бы весь фундаментъ правительственной системы; ибо плебисцитъ одобрилъ лишь продленіе и расширеніе политическихъ полномочій принца-президента, но не преступныя и самовольныя дѣйствія, о которыхъ ничего не было сообщено

народу передъ голосованіемъ. Народная воля, служившая легальнымъ источникомъ власти, не была призвана высказаться о насиліяхъ второго декабря, о расправѣ съ представителями народа, объ упраздненіи правосудія и законности смѣшанными коммиссіями. Всегда оставался открытымъ вопросъ объ отвѣтственности за эти беззаконія, и онъ неминуемо выступилъ бы самъ собою при первомъ опытѣ возвращенія свободы. Это была какъ бы вѣчно открытая рана, подтачивавшая жизненныя силы новаго режима; она дѣлала его тревожнымъ и безпокойнымъ, не давала ему принять обычныя легальныя формы, внушала недовѣріе къ обществу и боязнь гласности, порождала цѣлую систему оффиціальной лжи и лицемѣрія. Послѣ 2-го декабря, принцъ Луи-Наполеонъ не могъ повернуть на путь законности и свободы, еслибы даже и хотѣлъ, и этого рокового характера сдѣланной ошибки онъ не предвидѣлъ при первомъ увлеченіи своимъ внѣшнимъ успѣхомъ.

Къ сожалѣнію, Пьеръ де-ла-Горсъ, какъ и Таксиль Делоръ, не затрогиваетъ этой важной стороны вопроса о государственномъ переворотѣ 1851 года; онъ не останавливается надъ мыслью, что произведенныя насилія составляли, быть можетъ, политическую ошибку съ точки зрѣнія самой имперіи, что они были излишни и вредны для ея будущаго, такъ какъ подрывали въ корнѣ возможность ея правильнаго существованія и развитія. Кажется, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что народъ, избравшій принца Луи-Наполеона президентомъ республики, открылъ дорогу для имперіи, и что въ продолженіе трехъ лѣтъ со времени этого выбора была вполнѣ подготовлена почва для мирнаго перехода къ новому царствованію. Генеральные совѣты департаментовъ выражали желаніе, чтобы правительство утвердилось болѣе прочно при помощи пересмотра конституціи; о томъ же пересмотрѣ съ цѣлью продленія власти принца-президента хлопотали вліятельныя группы въ законодательномъ собраніи почти наканунѣ декабрьскихъ событій. Французское общество жаждало успокоенія и охотно примирилось съ перспективою водворенія твердаго порядка подъ знаменемъ Бонапартовъ. Еслибы принцъ Луи-Наполеонъ прямо обратился къ народу за плебисцитомъ на тѣхъ же основаніяхъ, какія были приняты послѣ 2-го декабря, и еслибы онъ при этомъ довольствовался лишь словесными нападками на законодательное собраніе, то благопріятный результатъ былъ бы обезпеченъ для него заранѣе; общественное сочувствіе было бы всецѣло на его сторонѣ, и судьба его имперіи была бы совершенно другая. Естественно возникаетъ поэтому вопросъ: какую роль играло „преступленіе второго декабря“ въ

дѣлѣ основанія второй имперіи? Дѣйствительно ли оно составляло существенный исходный пунктъ всей императорской эпопеи, или оно только дало сильный толчокъ событіямъ въ одну сторону, измѣнивъ характеръ и направленіе новаго режима? Государственный переворотъ сдѣлалъ принца Луи-Наполеона президентомъ на десять лѣтъ, но вовсе еще не рѣшалъ и не ставилъ прямого вопроса объ имперіи; переходъ отъ номинальнаго президентства республики къ формальному воцаренію Наполеоновской династіи— переходъ несравненно болѣе важный и рѣзкій—произошелъ уже мирно, годъ спустя, путемъ общественныхъ адресовъ и послѣдовавшаго затѣмъ плебисцита. Могутъ сказать, что послѣдняя перемѣна прошла тихо, безъ борьбы, только вслѣдствіе упраздненія оппозиціи предшествовавшими крутыми мѣрами; но и въ 1851 г. не было уже никакой серьезной оппозиціи противъ мирнаго продленія и расширенія президентскихъ полномочій, а напротивъ, многіе признаки указывали, что страна желаетъ этой перемѣны. Почему же употреблена была военная сила для достиженія того, чтò добровольно давалось въ руки правительству Луи-Наполеона?

Историки второй имперіи подробно излагаютъ факты, какъ они были, но не объясняютъ ихъ внутреннихъ причинъ, не отдѣляютъ случайныхъ и личныхъ элементовъ отъ общественно-историческихъ условій; оттого данное сцѣпленіе событій представляется чѣмъ-то фатальнымъ, именно такимъ, какимъ оно должно было быть по волѣ судьбы. Дѣло второго декабря было совершено, и слѣдовательно оно не могло не совершиться; оно предшествовало установленію имперіи и, слѣдовательно, было необходимо для ея установленія. Ограничиваясь анализомъ фактовъ въ томъ порядкѣ, какъ они происходили, и не вдаваясь въ оцѣнку мотивовъ, которыми они были вызваны, Пьеръ де-ла-Горсъ думаетъ быть объективнымъ изслѣдователемъ; но предметомъ изслѣдованія служатъ здѣсь человѣческія дѣйствія, вытекающія изъ извѣстныхъ побужденій, и если эти побужденія не выяснены, то и дѣйствія и событія остаются неясными. Личность Наполеона III рисуется внѣшними, поверхностными чертами, въ которыхъ не видно связи и смысла; это будто бы загадочная натура, состоящая изъ противорѣчій, и де-ла-Горсъ посвящаетъ цѣлую страницу живописному сопоставленію противоположныхъ качествъ и наклонностей, присущихъ этой натурѣ. Портретъ выходитъ эффектный, но совершенно фантастическій. Фигура не имѣетъ въ себѣ ничего реальнаго, жизненнаго; она стоитъ внѣ обычной психологіи и внѣ тѣхъ фактовъ, которые могли быть почерпнуты изъ біографіи Наполеона III. Вмѣсто того, чтобы довольствоваться

загадками и противорѣчіями, слѣдовало ближе подойти къ имѣющимся даннымъ о характерѣ героя и сдѣлать изъ нихъ извѣстные выводы, которые могли бы быть провѣрены и освѣщены разборомъ его историческихъ дѣйствій и рѣшеній. Тогда и государственный переворотъ получилъ бы, быть можетъ, свое простое объясненіе. Принцъ Луи-Наполеонъ съ юныхъ лѣтъ мечталъ пойти по слѣдамъ своего великаго дяди; онъ былъ проникнутъ духомъ и традиціями наполеоновской легенды; онъ копировалъ Бонапарта въ Булони и Страсбургѣ, а сдѣлавшись законнымъ президентомъ республики, онъ соблюдалъ такую же постепенность въ переходѣ отъ временной власти къ принятію императорскаго титула въ Сенъ-Клу, какъ и Наполеонъ I; въ этомъ рядѣ перемѣнъ переворотъ 18 брюмэра составлялъ необходимое звено, которое не только не умаляло величія Бонапарта, но окружало его особымъ ореоломъ. Принцъ Луи-Наполеонъ могъ опасаться, что возвышеніе его будетъ слишкомъ прозаическимъ и безцвѣтнымъ, если онъ обойдется безъ своего 18 брюмэра; онъ рѣшилъ устроить переворотъ не потому, что это было нужно, или что обстоятельства этого требовали, а единственно изъ подражанія великому образцу, въ смутной надеждѣ, что и эффектъ долженъ получиться такой же блестящій. Онъ вдвойнѣ ошибся въ этомъ случаѣ: онъ былъ въ другомъ положеніи, чѣмъ Бонапартъ передъ 18-мъ брюмэра, и не имѣлъ повода захватывать насиліемъ власть, которая ему уже законно принадлежала; и во-вторыхъ, этотъ ненужный роковой шагъ вовлекъ его въ жестокую борьбу, непоправимо испортилъ его отношенія къ народу и обществу и наложилъ свою печать на всю исторію второй имперіи. Чувствуя постоянное присутствіе невидимыхъ внутреннихъ враговъ, Наполеонъ III ищетъ опоры во внѣшнихъ предпріятіяхъ и побѣдахъ; онъ переходитъ отъ одной войны къ другой, какъ запутавшійся игрокъ, готовый ставить на карту все свое достояніе ради выигрыша; онъ играетъ обдуманно и ловко, и его игра принимается многими за высшее политическое искусство; но вѣчная удача невозможна, и дѣло кончается катастрофою.

Пьеръ де-ла-Горсъ весьма обстоятельно разъясняетъ ходъ переговоровъ и конфликтовъ, приведшихъ къ крымской войнѣ; онъ восторгается дѣйствіями французской арміи и называетъ „священными" кровавыя усилія ея одолѣть чужой народъ, не причинившій французамъ никакого зла. Весь этотъ періодъ онъ находитъ счастливымъ и блестящимъ для Франціи; въ итальянской кампаніи онъ уже видитъ зародышъ будущихъ бѣдствій, порожденныхъ національнымъ вопросомъ, и отвѣтственность за эту

кампанію онъ возлагаетъ на Кавура, который является у него какимъ-то коварнымъ демономъ-искусителемъ по отношенію къ пассивному и податливому мечтателю, императору французовъ. Другой злой духъ Наполеона, Бисмаркъ, былъ причиною его позднѣйшихъ несчастій: такъ просто понимается исторія новѣйшими французскими писателями, въ родѣ де-ла-Горса. Можно было бы наоборотъ сказать, что Наполеонъ III нашелъ въ Кавурѣ подходящее орудіе для исполненія своихъ давнишнихъ итальянскихъ плановъ и для увеличенія кстати французской территоріи со стороны Савойи; онъ думалъ и въ Бисмаркѣ найти союзника для округленія Франціи со стороны Бельгіи, но потерпѣлъ фіаско. Сужденія Пьера де-ла-Горса показываютъ, какъ крѣпко держатся до сихъ поръ во Франціи политическія идеи и традиціи, унаслѣдованныя отъ временъ имперіи,—несмотря на горькіе уроки прошлаго.

Л. Слонимскій.

ИЗЪ РОБЕРТА ГАМЕРЛИНГА

1.—ГОЛОСЪ ИСТИНЫ.

(Сонетъ.)

Пусть голосъ истины побѣдно
Надъ міромъ грянетъ, какъ раскатъ,
Пусть онъ гудитъ трубою мѣдной,
Иль раздается, какъ набатъ—

Призывъ его пройдетъ безслѣдно:
Борьбы и ненависти адъ,
Шипѣнье зависти зловредной—
Его на время заглушатъ.

Но чѣмъ озлобленнѣе крики,
Чѣмъ громче ревъ упорно дикій—
Тѣмъ онъ скорѣе отшумитъ;
А слово истины спокойной
Звучитъ разумно и достойно,—
Оно въ грядущемъ побѣдитъ.

2.—ЛИЛЕЯ И ЛЕБЕДЬ.

Эмблема чистоты, прекрасная лилея,
Ты—лебедь межъ цвѣтовъ,—поникла надъ ручьемъ
Ты въ одиночествѣ мистическомъ своемъ,
Небесную мечту въ душѣ своей лелѣя.

О, лебедь, свѣтлыхъ водъ роскошнѣйшій цвѣтокъ!
Вдали отъ суеты, одною думой полный,
Серебрянымъ крыломъ ты разсѣкаешь волны,
Въ своихъ возвышенныхъ мечтаньяхъ одинокъ.

Чей духъ, исполненный стремленіемъ высокимъ,
Его дорбгою свободною ведетъ—
Какъ лебедь, какъ цвѣтокъ на лонѣ свѣтлыхъ водъ,
Тотъ долженъ навсегда остаться одинокимъ.

3.—ДВА ОБЛАКА.

Свободно, радостно, легко,
Разставшись съ тучками другими,
Въ эѳирѣ синемъ высокѐ
Несется облако надъ ними.
Игрой лучей озарено
И яркимъ пурпуромъ блистая,
Въ лучахъ заката словно тая,
Исчезнетъ медленно оно.

За нимъ по небу голубому
Другое облако плыветъ;
Его, какъ первое, влечетъ
Къ красѣ и къ солнцу золотому,—
Но отгорѣть не суждено
Ему съ вечерними лучами:
Надъ нивой горькими слезами
Прольется дождикомъ оно.

4.—ЗВѢЗДЫ.

I.

Много звѣздъ во мракѣ ночи
Мнѣ сіяетъ съ вышины;
Много звѣздъ чаруетъ очи
Изъ подводной глубины.

Высоко̀ на небѣ чистомъ
 Льется ихъ волшебный свѣтъ;
Но къ созвѣздьямъ золотистымъ
 Для меня дороги нѣтъ.

Глубоко̀ въ пучинѣ водной
 Блещутъ звѣзды сквозь туманъ,
Но, увы, ихъ свѣтъ холодный—
 Только призракъ и обманъ.

Символъ счастія жестоко,
 Звѣзды, вами воплощенъ:
Все небесное—далёко,
 Все земное—тѣнь и сонъ.

II.

Еслибы сонмы плывущихъ въ эѳирѣ міровъ
Душу имѣли—въ теченіе многихъ вѣковъ
Правильный ходъ совершать не могли бы свѣтила.
Въ тѣхъ, кто душою страдать и бороться привыкъ—
Въ тѣхъ изсякаетъ безвременно жизни родникъ:
Долго живетъ лишь слѣпая, бездушная сила.

5.—ПОДЪ ГНЕТОМЪ.

Бываютъ дни, когда на всемъ просторѣ
Мы чувствуемъ необъяснимый гнетъ,—
Какъ будто бы невѣдомое горе
И тайный страхъ природу всю гнететъ.

Не дышетъ лѣсъ; текутъ безшумно воды;
На всемъ лежитъ уныніе и мгла;
И кажется, что жизнь самой природы
Въ предчувствіи тяжеломъ замерла.

И ждешь, среди зловѣщаго молчанья:
Когда жъ гроза надъ міромъ прогремитъ
И потрясетъ его до основанья,
Иль сердце намъ собой испепелитъ?..

6.—СОНЕТЪ.

Пришла весна; дарамъ ея богатымъ
Дивилися, ловя ихъ нарасхватъ.
Несла она: даръ пѣнія—пернатымъ,
Лазурь—волнѣ, и розамъ—ароматъ.

Пришла весна,—и вотъ, съ ея возвратомъ,
Одѣлись вновь: листвой зеленой—садъ,
И даль луговъ—въ весенній свой нарядъ;
Повѣяло красой и ароматомъ.

Когда жъ поэтъ, весною обдѣленъ,
Предсталъ предъ ней,—промолвила царица:
—Немногимъ здѣсь былъ каждый награжденъ,
Тебѣ, пѣвецъ,—даровъ моихъ кошница:
Разлитые кругомъ красу и свѣтъ—
Ты соберешь въ душѣ своей, поэтъ!

7.—КЪ ПТАШКѢ.

О, не пой, пѣвунья-пташка,
Подъ моимъ окномъ!
Замолчи,—мнѣ слышать тяжко
Пѣсню о быломъ.

И къ томящимся въ неволѣ
Ты не прилетай,—
Жажду счастья, жажду воли
Въ нихъ не пробуждай.

Не спускайся надъ дерновой
Насыпью могилъ
И не пой о жизни новой—
Тѣмъ, кто опочилъ...

Избѣгай страдавшихъ тяжко,
Тѣхъ, кто нелюбимъ:
Не садись, пѣвунья-пташка,
Подъ окномъ моимъ!

8.—ИЗЪ СТАРЫХЪ МЕЛОДІЙ.

I.

Пусть тобой внушены пѣснопѣнья—
Отъ тебя я внимать имъ не въ силахъ:
Эти пѣсни въ устахъ твоихъ милыхъ—
Сокровеннаго полны значенья.

И мое колебанье понятно:
На призывы я жажду отвѣта,
Но стрѣлу моихъ пѣсенъ обратно
Направляешь ты въ сердце поэта.

II.

Солнце любитъ нѣжный ропотъ набѣгающей волны,
И порой ее ласкаетъ съ недоступной вышины;
Для нея оно не кинетъ голубой небесный сводъ,
Но глубоко образъ солнца отраженъ лазурью водъ.

9.—ЗВУКЪ И СЛОВО.

Обрывки тучъ несутся,
Плыветъ созвѣздій рой,
И жаворонки вьются
Въ лазури голубой.

Влекомы вдохновеньемъ
Къ далекимъ небесамъ,
Небеснымъ пѣснопѣньямъ,
Они внимаютъ тамъ.

И вѣсти о чудесномъ
Намъ каждый принесетъ—
О дальнемъ, о небесномъ—
Съ заоблачныхъ высотъ.

И въ звонкихъ переливахъ
Разскажетъ ихъ ручьямъ,
И колосу на нивахъ,
И вѣтру, и цвѣтамъ.

Шепнётъ волнѣ залива
О томъ же лунный свѣтъ,
Услышитъ ихъ пытливо
Внимающій поэтъ,—

И, тайной неземного
Напѣва овладѣвъ,
Онъ музыкою слова
Переведетъ напѣвъ.

10.—ѲАЛЕСЪ.

Забывъ о земномъ, о его суетѣ и тревогѣ,
Любуясь сіяніемъ звѣздныхъ небесъ,
Споткнулся и въ лужу упалъ на дорогѣ Ѳалесъ.

И тутъ, обгоняя его на дорогѣ,
Вскричала торговка: „Ты лучше глядѣлъ бы подъ нôги,
О, мудрый учитель, чѣмъ звѣзды считать въ небесахъ!"
А такъ какъ на свѣтѣ не мало подобныхъ торговокъ,—
Отвѣтъ ея многимъ покажется ловокъ,
А мудрый Ѳалесъ, безъ сомнѣнья, смѣшонъ въ ихъ глазахъ?
И все же скажу я: покуда намъ сѣтью алмазной
Сіяютъ свѣтила на небѣ высокомъ—всегда
Мыслителя взоры скорѣй обратятся туда,
Чѣмъ къ лужѣ глубокой и грязной.

О. Михайлова.

САНДРО БОТТИЧЕЛЛИ

Изъ эпохи „Возрожденія".

Сандро Боттичелли—итальянскій живописецъ XV вѣка. Исторія искусства относитъ его къ такъ-называемымъ итальянскимъ „прерафаэлитамъ", обобщая подъ этимъ названіемъ всѣхъ художниковъ, предшествовавшихъ въ Италіи классическому періоду Рафаэля и его школы; эстетическая критика нашихъ дней видитъ, однако, въ этомъ прерафаэлитѣ нѣчто обособленное, выдѣляющее его изъ общей массы современныхъ ему художниковъ и роднящее его творчество съ настроеніями и идеалами нашего времени. Тотъ періодъ „возрожденія", къ которому принадлежитъ Боттичелли, имѣетъ нѣкоторое обаяніе для современнаго человѣка: на ряду съ развитіемъ гармоничныхъ идеаловъ красоты, достигшихъ полнаго воплощенія въ творчествѣ Рафаэля, другое мощное теченіе обозначилось въ искусствѣ: оно не ясно и не спокойно,—мятежно и полно диссонансовъ; оно отражаетъ душевный разладъ, сложный душевный міръ, въ которомъ сливаются всѣ крайности идеализма и невѣрія, въ которомъ вырвавшаяся на свободу человѣческая личность бросаетъ вызовъ всѣмъ традиціоннымъ вѣрованіямъ, разрываетъ всѣ связи съ условною святынею прошлаго и силится создать новый міръ красоты, построенной на созерцаніи внутреннихъ мистическихъ состояній души. Искусство это создано сложной идейной жизнью той эпохи, и полнѣйшимъ его воплотителемъ былъ Леонардо да-Винчи. Его картины полны какой-то сокровенной тайны и вводятъ въ странный міръ, гдѣ красота предрѣшаетъ вопросы высшей правды, гдѣ все волнуетъ душу двойственностью настроенія, безстрастно скептическаго и въ то же время пламенѣющаго мистической любовью къ небу. Недосягаемая высота этихъ настроеній возбуждаетъ въ созерцателѣ его картинъ какой-

то трепетный холодъ—какъ бы отъ сознанія божественнаго присутствія. Геній Леонардо, всеобъемлющій и сливающійся съ голосомъ вѣчности въ своемъ творчествѣ, весьма близокъ душѣ, какъ близко ей отраженіе божественнаго; но въ то же время онъ далекъ и загадоченъ въ своемъ духовномъ одиночествѣ. И потому, быть можетъ, нашему времени близокъ Боттичелли, какъ ступень, ведущая къ да-Винчи. Въ его менѣе совершенномъ творчествѣ намъ становится понятнѣе психологическій моментъ, породившій Леонардо, и яснѣе очерчиваются настроенія, которыя составляютъ для насъ главное обаяніе „возрожденія". Не достигая художественнаго совершенства своего великаго современника, не обладая его геніальнымъ свойствомъ возноситься чрезвычайно высоко надъ временемъ и надъ человѣческими чувствами, Боттичелли больше обнаруживаетъ свои намѣренія и свою душу. Онъ живетъ тѣми же сложными чувствами, какъ и Леонардо да-Винчи; творчество его отражаетъ тотъ же разладъ съ жизнью; но въ его болѣе робкой душѣ, съ ея оттѣнками настроеній и ея тревожными исканіями, этотъ общій идейный фонъ того времени становится близкимъ и понятнымъ. Все то, что̀ поражаетъ насъ своей недоступностью въ творчествѣ Леонардо, открывается намъ въ картинахъ близкаго ему по духу современника, и Боттичелли болѣе чѣмъ кто-либо другой роднитъ современное намъ искусство съ „возрожденіемъ" и объясняетъ намъ внутренній смыслъ эпохи. Это значеніе творчества Боттичелли, какъ живой связи между двумя далекими, но родственными по своимъ идеалистическимъ стремленіямъ эпохами, породило въ эстетической критикѣ нашихъ дней особый культъ этого давно забытаго художника. Починъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ англійскимъ „прерафаэлитамъ" и въ особенности недавно умершему англійскому эстетику, Вальтеру Пэтеру. Его книга „The Renaissance" пролила новый свѣтъ на значеніе искусства той эпохи, а находящійся въ книгѣ этюдъ о Боттичелли показалъ сущность и современность характера творчества у этого художника. Это главнымъ образомъ и положило начало популярности Боттичелли въ искусствѣ и въ литературѣ нашего времени. Послѣ этюда Пэтера посвящено было Боттичелли множество статей и изслѣдованій какъ англійскими, такъ нѣмецкими и французскими художественными критиками [1]). Въ новѣйшей французской литературѣ имя Боттичелли окружено ореоломъ особой

[1]) Кромѣ W. Pater, The Rennaissance. Studies in art and poetry. L. 1873, см. H. Ulmann, Sandro Botticelli, Münch. 1893, A. Warburg, Sandro Botticelli's „Geburt der Venus" und „Frühling". Jul. Mayer, Jahrb. der. k. preuss. Kunstsammlungen, 1890, XI; J. P. Richter, Italian art in the National Gallery. London, 1898 и т. д.

вдохновенной красоты, и по поводу его картинъ написана не одна художественная страница въ книгахъ Поля Бурже, М. Барреса, Ан. Франса и др.

I.

Нельзя, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые историки искусства, причислять Боттичелли къ общей группѣ прерафаэлитовъ и ставить его такимъ образомъ рядомъ съ Джіотто, фра-Анжелико и ихъ ближайшими учениками. Въ искусствѣ эпохи „возрожденія" были два, совершенно отличные по своему внутреннему характеру, періода: первый былъ временемъ наивной вѣры и соотвѣтствовалъ созидательному періоду гражданской жизни,—въ поэзіи его выразителемъ былъ Данте, въ искусствѣ — Джіотто и джіоттисты; второй—наступилъ въ моментъ разложенія гражданскихъ идеаловъ и осложненія духовной жизни. Далекое отъ всякой наивности и примитивности, искусство воплощало тогда міросозерцаніе извѣрившейся и уставшей отъ полноты жизни эпохи, утратившей прежніе критеріи и еще не создавшей новыхъ. Боттичелли всецѣло принадлежитъ къ этой второй эпохѣ, достигшей своего высшаго развитія въ Леонардо да-Винчи. На Боттичелли сказалась культурная жизнь нѣсколькихъ поколѣній и породила ту сложность и глубину настроенія, которая дѣлаетъ намъ его столь близкимъ и которая отсутствуетъ въ творчествѣ первыхъ итальянскихъ художниковъ. Чтобы понять Боттичелли, не нужно отождествлять его съ школой Джіотто, но нужно имѣть въ виду все, что далъ первый періодъ „возрожденія" и чѣмъ была Флоренція, когда Боттичелли началъ писать своихъ первыхъ загадочныхъ Мадоннъ. Благодатная природа Флоренціи, родины Боттичелли, дала художнику одну изъ самыхъ художественныхъ чертъ его творчества—проникновеніе тихою интимною поэзіей созерцательныхъ настроеній. Если чувство красоты было такъ сильно въ этой душѣ, не знавшей никакого другого критерія, то это потому, что съ дѣтства Боттичелли былъ окруженъ столь своеобразной красотой какъ въ зрѣлищахъ природы, такъ и въ произведеніяхъ искусства, украшавшихъ Флоренцію. Сама природа предназначала Флоренцію стать колыбелью великаго искусства. Спокойная, интимная красота тосканской природы создаетъ самую благопріятную атмосферу для возникновенія художественнаго таланта среди воспріимчивой націи. Страны съ болѣе грандіозной и яркой природой дѣлаются родиной героевъ, возбуждаютъ къ подвигамъ, къ бурному проявленію горячихъ страстей; тихая, чуждая всякой рѣзкости

природа Тосканы располагаетъ къ созерцанію, къ самоуглубленію и создаетъ особую атмосферу интимной поэзіи. Жизнь среди этой поэзіи, не сразу бросающейся въ глаза, а постепенно захватывающей душу, создаетъ особое проникновеніе внутренней красотой, отличающее тосканскихъ художниковъ. Сама Флоренція наиболѣе полно вмѣщаетъ въ себѣ красоту тосканскаго пейзажа. Далекая равнина, разстилающаяся до Каррарскихъ высотъ, ласкаетъ взоръ мягкой сѣдой зеленью оливковыхъ рощъ, изрѣдка чередующихся съ темными кипарисами; ослѣпительная бѣлизна маленькихъ деревушекъ, расположенныхъ узкими грядками, изъ которыхъ торчатъ верхушки колоколенъ, весело выдѣляется среди зелени и прозрачной атмосферы; а тамъ на горизонтѣ волнистая линія холмовъ, окружающихъ городъ огненной линіей въ часъ заката и гармонично замыкающихъ перспективу въ дневное время. Въ этомъ пейзажѣ ничто не поражаетъ воображеніе, но каждый день открываетъ въ немъ новыя красоты наблюдательному зрителю. Нешумный узкій Арно, мѣняющій цвѣтъ своихъ водъ отъ опаловыхъ тоновъ до совершенно золотистыхъ, неправильная линія холмовъ, мягкій, покрытый оливковыми кущами склонъ Санъ-Миніато, съ виднѣющимися на вершинѣ черными и бѣлыми полосами мраморной церкви въ джіоттовскомъ стилѣ; сады и безконечные цвѣты, дѣлающіе Флоренцію городомъ цвѣтовъ, преимущественно розъ и ирисовъ, — все это сливается въ общую картину вдумчивой, музыкальной красоты, особенно въ магическій часъ заката, когда особенно чувствуется скрытая красота тихаго пейзажа.

Среди этой поэтической природы искусство XIII и XIV вѣка воздвигло городъ, отвѣчающій художественному инстинкту обитателей. Флоренція того времени была уже по своей внѣшности такимъ же волшебнымъ міромъ красоты, какимъ маленькій тосканскій городъ представляется посѣтителю его и теперь. Тѣсный городокъ съ его узкими, длинными улицами, расходящимися отъ нѣсколькихъ площадей, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ своимъ устройствомъ тревожнымъ нравамъ обитателей. Трудно было жить обособленной жизнью въ этихъ монументальныхъ, построенныхъ на подобіе крѣпостей, домахъ, стоящихъ близко другъ противъ друга, какъ вооруженные съ головы до ногъ воины, глядящіе другъ другу въ глаза. Малѣйшей искры достаточно было, чтобы раздуть въ сильнѣйшій пожаръ страсти, таившіяся за тяжелыми затворами и бывшія отголоскомъ партійной вражды, которая расколола на два лагеря всю западную Европу того времени. Улицы между грозными дворцами то обагрялись кровью, когда враждующія партіи превращали каждый кварталъ города въ военный станъ,

то оглашались криками восторга, когда торжественныя и праздничныя процессіи приковывали къ себѣ взоры легкомысленной южной толпы. Изъ тѣсныхъ улицъ, до сихъ поръ хранящихъ еще отпечатокъ воинственныхъ вѣковъ въ монументальной архитектурѣ домовъ, въ гигантскихъ каменныхъ глыбахъ, одѣвающихъ непроницаемой броней нижнюю часть домовъ, въ рѣшетчатыхъ окнахъ и т. д., путь ведетъ на площади; онѣ тоже свидѣтельствуютъ о первыхъ временахъ республики, но отражаютъ не ея воинственность, а величавую спокойную красоту. Противъ древнѣйшаго памятника Флоренціи, невзрачнаго многоугольника баптистеріи, трогательно воспѣтой изгнанникомъ Данте, возвышается соборъ Santa Maria dei Fiori въ нарядномъ уборѣ разноцвѣтнаго мрамора, съ безконечными выступами, подавляющими зрителя своей причудливостью и разнообразіемъ; рядомъ съ соборомъ — одно изъ чудесъ флорентійской архитектуры — колокольная башня Джіотто. Она соединяетъ восточную пестроту мрамора съ благородствомъ простыхъ линій, богатство скульптурной отдѣлки съ строгостью замысла и проникнута во всѣхъ деталяхъ одной вѣрой въ безконечное совершенствованіе человѣческаго духа, возвышающагося отъ земной мудрости къ познанію божественнаго. Этотъ идеализмъ проникаетъ барельефы, изображающіе внизу памятника различные фазисы человѣческой культуры; онъ чувствуется въ самой архитектурѣ башни, медленно и равномѣрно поднимающейся до недосягаемой высоты, не съуживающейся къ вершинѣ на подобіе готическихъ башенъ, а повторяющей въ верхней галереѣ, окаймляющей вершину, архитектурную форму фундамента. Отдѣльныя статуи святыхъ въ оконныхъ нишахъ проникнуты тѣмъ же набожнымъ оптимизмомъ, какъ и вся постройка, ярко выдѣляющаяся на голубомъ фонѣ флорентійскаго неба. Неподалеку отъ центральной соборной площади возвышаются двѣ другія церкви, вмѣщающія не мало сокровищъ джіоттовскаго періода искусства: доминиканская церковь Santa Maria Novella, куда торжественно, при огромномъ стеченіи флорентійскаго населенія, перенесена была знаменитая мадонна Чимабуэ и францисканская Santa-Croce, покрытая внутри фресками Джіотто и его учениковъ, Андреа Орканьи, Таддео Гадди и др. Другой центръ флорентійской жизни, площадь синьоріи, имѣлъ уже въ концѣ XIII вѣка свой нынѣшній видъ: въ періодъ гвельфскаго могущества Арнольфо ди Камбіа, строитель собора, воздвигъ суровое зданіе ратуши, укрѣпленное выступами надвигающихся одинъ на другой этажей, окнами, разсчитанными на засаду войскъ, страшными plombière'ами, изъ которыхъ лилось расплавленное олово во время стычекъ съ

народомъ; всѣ эти средневѣковыя ухищренія напоминаютъ рыцарскій замокъ, но легкая, граціозная башня, возвышающаяся посреди зданія, принадлежитъ уже новому вѣку, вносящему красоту повсюду, гдѣ средніе вѣка искали только пользы и прочности. На той же площади, поодаль отъ ратуши, стоитъ сводчатая Loggia dei Lanzi, построенная Орканьей,—мѣсто, откуда именитые гости синьоріи глядѣли на всякія любопытныя зрѣлища, начиная отъ пріемовъ папъ и императорскихъ легатовъ и до костра, на которомъ сожженъ былъ Савонарола. Другія церкви, дворцы и общественныя зданія тѣснятся на улицахъ и площадяхъ, пестря панораму города, столь живописную и своеобразную для зрителя, глядящаго съ высоты Санъ-Миніато или болѣе отдаленнаго Фіезоле. Особенную оригинальность придаютъ зрѣлищу причудливые мосты, перекинутые черезъ Арно, то застроенные по срединѣ высокими, узкими домами, какъ Ponte Vecchio, то украшенные статуями, какъ мостъ Trinita, то наконецъ прямые, легкіе и изящные, какъ Ponte da Carrasa и другіе.

Въ такихъ рамкахъ красоты проснулась Флоренція уже въ XIII вѣкѣ къ высшей духовной жизни. Стряхнувъ съ себя пассивную покорность среднихъ вѣковъ, освободившись отъ долгаго феодальнаго рабства, она вступила въ періодъ сознательной національной жизни. Это былъ первый, подготовительный періодъ ренессанса. Значеніе его въ томъ, что онъ выработалъ идеалъ духовной свободы, не терпящей порабощенія ни во имя государственности того времени, ни во имя клерикальнаго догмата. Въ дальнѣйшемъ теченіи ренессанса, этотъ культъ свободы привелъ къ крайнему индивидуализму и создалъ тѣмъ самымъ великое искусство; но при своемъ возникновеніи въ XIII вѣкѣ онъ сосредоточенъ былъ всецѣло на гражданскихъ идеалахъ. Основными чертами перваго періода „возрожденія“ было широкое развитіе политическихъ страстей въ жизни, а въ области духовныхъ интересовъ—цѣльность и наивность религіознаго чувства, чуждаго сомнѣній и мистицизма. Внутренняя жизнь Флоренціи въ этомъ періодѣ была сплошной борьбой за политическую и духовную свободу; какъ центръ гвельфскаго союза въ Тосканѣ, она вовлечена была въ обще-итальянскую распрю гвельфовъ и гибеллиновъ; въ самыхъ же стѣнахъ города шла непрерывная борьба между народной партіей и аристократическими семьями, въ свою очередь расколотыми на множество враждебныхъ фракцій. Многосторонняя политическая жизнь захватывала всѣ слои населенія, никто не оставался безучастнымъ, для всякаго торжество той или другой партіи было вопросомъ жизни или смерти. Въ этой боевой жизни слагались особые типы

боевыхъ людей съ сильными, сосредоточенными страстями,—людей, умѣвшихъ сильно любить и сильно ненавидѣть, считавшихъ смиреніе слабостью, прощеніе врагу—постыднымъ малодушіемъ. Дантовскій адъ весь населенъ такими цѣльными людьми съ интенсивными чувствами и твердыми принципами. Фарината Уберти, глава флорентійскихъ гибеллиновъ, былъ однимъ изъ самыхъ гуманныхъ воителей своей эпохи; своимъ отношеніемъ къ Флоренціи, отвоеванной у гвельфовъ, онъ вполнѣ заслужилъ похвалы Маккіавелли, называющаго его „uomo di gran anima". Но Данте вѣрно отразилъ психологію этого великодушнаго флорентійца въ X пѣснѣ „Ада". Онъ является тамъ прежде всего непреклоннымъ человѣкомъ своей партіи: мысль о пораженіи его единомышленниковъ во Флоренціи больше мучитъ его, чѣмъ кара, постигшая его въ аду, а въ сошедшемъ къ нему пѣвцѣ онъ видитъ исключительно потомка ненавистныхъ ему гвельфовъ. Такимъ же истиннымъ флорентійцемъ является въ знаменитомъ эпизодѣ XXXIII пѣсни „Ада" графъ Уголино, великій страдалецъ, всѣ душевныя силы котораго сосредоточены на ненависти и мщеніи. Но самой яркой иллюстраціей этой интенсивности чувствъ, какъ нѣжныхъ, такъ и злобныхъ, можетъ служить самъ Данте. Онъ лишается сознанія отъ жалости, выслушавъ печальную повѣсть Франчески ди Римини, но въ другой разъ, очутившись въ одномъ изъ послѣднихъ круговъ ада, Данте съ яростью хватаетъ за волосы томящагося среди вѣчнаго льда мученика, узнавъ въ немъ измѣнника своей партіи; онъ глумится надъ своими политическими врагами, и чтобы вывѣдать отъ одного предателя тайну его происхожденія, обѣщаетъ облегчить его страданія и не исполняетъ обѣщанія; этотъ обманъ кажется ему законнымъ, потому что жалость къ наказаннымъ грѣшникамъ онъ считаетъ недовѣріемъ къ справедливости Божіей. Въ этомъ мірѣ сильныхъ, но несложныхъ страстей, любовь и ненависть одинаково достигаютъ апогея,—въ немъ нѣтъ только мѣста людямъ уравновѣшенныхъ настроеній, не находящихъ въ душѣ достаточнаго критерія для того, чтобы судить и осуждать другихъ. Данте, истинный представитель своего вѣка, клеймитъ такое настроеніе названіемъ индифферентизма. Это сочетаніе противоположныхъ чувствъ въ душѣ является отсутствіемъ полной вѣры рядомъ съ стремленіемъ вѣрить. Для отмѣченныхъ этимъ порокомъ людей онъ отводитъ особое мѣсто въ аду, назначая имъ въ наказаніе вѣчное томленіе безъ надежды на смерть!

Категоричности и силѣ политическихъ чувствъ соотвѣтствовала цѣльность и страстность религіозной жизни ранняго „возрожденія".

Основатели монашескихъ орденовъ внесли новую жизнь въ католическую церковь, смягчили ея условность непосредственной, наивной любовью, согрѣли церковный культъ энтузіазмомъ и беззавѣтностью вѣры. Францискъ Ассизскій съ своей проповѣдью Евангелія любви, Катерина Сьеннская, мудрая и кроткая руководительница интересовъ своей родины, фра Якопоне Тоди, воспѣвающій восторги мученичества съ нѣжностью влюбленнаго—всѣ они измѣнили духъ средневѣковой религіи, внесли въ нее элементъ личнаго отношенія къ Богу, расширили рамки церковныхъ ученій и подняли католичество на высоту свободнаго проявленія любви къ божественному, какъ къ его отраженію на землѣ. Ихъ вѣра особенная—ясная и спокойная—отражаетъ наивныя души, слишкомъ свѣтлыя и чистыя, чтобы въ нихъ вкралось сомнѣніе, слишкомъ проникнутыя всепоглощающимъ восторгомъ любви, чтобы предаваться созерцанію, вносящему въ религію мистицизмъ.

Идейное содержаніе этой цѣльной и прекрасной въ своей наивности эпохи способствовало возникновенію искусства, которое носитъ тотъ же характеръ непосредственности и полноты чувствъ. Творчество флорентійскихъ „примитивовъ“ полно своеобразной прелести и дѣйствуетъ успокоивающимъ образомъ архаичностью манеры и простотой своего восторженнаго душевнаго міра. Въ немъ нѣтъ родственныхъ намъ настроеній позднѣйшихъ художниковъ ренессанса, нѣтъ полноты пониманія жизни и глубины всеотрицанія, нѣтъ ничего волнующаго душу своей неразгаданностью и открывающаго новые горизонты для души; это—первые проблески искусства, а не вершины его развитія. Въ цѣльной наивной красотѣ первыхъ итальянскихъ художниковъ человѣкъ нашего времени не находитъ себя и своей душевной жизни, но, чувствуя своеобразную красоту нетронутой сомнѣніями души, мы не чужды, однако, обаянію этихъ не нашихъ, но прекрасныхъ настроеній, и видимъ, что когда къ этому непосредственному проникновенію красотой присоединится глубокое пониманіе жизни и смѣлость пытливой мысли, то это станетъ началомъ великаго и вѣчнаго искусства.

Самымъ полнымъ выразителемъ перваго періода „возрожденія“ въ искусствѣ былъ, какъ сказано выше, Джіотто. Основное настроеніе его творчества—наивная, не знающая сомнѣній, вѣра; чувства, проникающія его душу—апоѳеозъ любви, простая, цѣльная душевная жизнь, отраженная въ евангельскихъ сюжетахъ. Художникъ внутренняго душевнаго міра, а не внѣшнихъ событій, онъ болѣе всего вдохновлялся личностью Франциска Ассизскаго, преисполненной высокимъ паѳосомъ въ ея евангельской про-

стотѣ. Стѣны церкви въ Ассизахъ и въ францисканской церкви Santa-Croce во Флоренціи покрыты фресками Джіотто, воспроизводящими всѣ выдающіеся моменты изъ жизни святого. Въ этихъ фрескахъ отразился весь душевный складъ эпохи, всѣ ея нравственные и эстетическіе идеалы. Во всѣхъ картинахъ Джіотто—большинство изъ нихъ фрески—красота является не символомъ пытливой мысли, стремящейся постигнуть тайну бытія, а символомъ непосредственнаго откровенія, озаряющаго душу. Всѣ сцены изъ жизни Франциска полны этой вдохновенной простоты и отражаютъ нравственную силу чистоты и вѣры; просвѣтленныя лица спокойны, проникающая ихъ любовь свѣтится въ угловатыхъ наивныхъ линіяхъ лица, во внутреннемъ взорѣ узкихъ глазъ, въ полу-раскрытыхъ, какъ бы готовыхъ вѣчно пѣть осанну, устахъ. Самая прекрасная изъ работъ Джіотто—сцена смерти Франциска въ часовнѣ Бранкачи, въ церкви Санта-Кроче: умершій святой лежитъ на скамейкѣ среди монастырскаго покоя; его руки съ виднѣющимися на нихъ стигматами спокойно сложены; голыя ноги съ открытыми ранами видны изъ подъ монашескаго платья. Вокругъ него столпилось нѣсколько монаховъ, изъ которыхъ одинъ вглядывается въ его лицо глубокимъ взоромъ, какъ бы скорбя о тяжелой утратѣ и въ то же время торжествуя побѣду духа надъ прахомъ и раздѣляя блаженство освобожденной души; другіе припали въ нѣмомъ экстазѣ къ ногамъ и рукамъ святого, и только одинъ, обращенный спиной къ зрителямъ, монахъ хладнокровно и пытливо разглядываетъ рану въ боку у Франциска; внося скептическую ноту въ сцену всеобщаго умиленія, онъ тѣмъ сильнѣе оттѣняетъ религіозный замыселъ художника. Въ открытую дверь входитъ толпа монаховъ, впереди двое послушниковъ съ хоругвями въ рукахъ. На всей сценѣ лежитъ отпечатокъ свѣтлой вѣры, углубленной мыслью о смерти, трогательная и наивная въ лицѣ послушника, притаившаго дыханіе и полу-закрывшаго глаза подъ наплывомъ чувства, серьезная и спокойная въ лицѣ монаховъ, окружающихъ трупъ; эта вѣра проникнута грустью, столь же непосредственной и человѣчной, какъ и религіозное чувство этихъ людей, не носящихъ тайны въ своей свѣтлой душѣ. Скорби нѣтъ только на одномъ лицѣ—умершій святой лежитъ съ такой же безпредѣльной вѣрой на лицѣ, какъ и у его учениковъ, но грусть смѣнилась у него выраженіемъ глубочайшаго экстаза. Какой-то внутренній свѣтъ озаряетъ мертвое лицо аскета, свѣтится въ глубокой складкѣ рта, въ мягко опущенныхъ вѣкахъ, разливаетъ вокругъ атмосферу мира и отражаетъ спокойное блаженство души, погруженной въ созерцаніе чего-то несказанно прекраснаго. Бо-

лѣе вдохновенное и вмѣстѣ съ тѣмъ простое въ своей глубинѣ изображеніе религіознаго экстаза едва-ли найдется у какого-либо изъ позднѣйшихъ мастеровъ, и тайна этой особой красоты Джіоттовской фрески въ томъ, что внутреннее настроеніе сюжета слилось въ ней съ душевнымъ міромъ художника, что все въ ней дышетъ непосредственностью и цѣльностью чувствъ и вѣрованій.

На всей школѣ флорентійскихъ художниковъ, группирующихся вокругъ Джіотто, лежитъ тотъ же отпечатокъ цѣльности религіознаго міросозерцанія, доходящаго до догматизма по отношенію къ церковнымъ устоямъ. Въ самой старинной церкви Флоренціи, Santa Maria Novella, въ громадной часовнѣ degli Spagnoli, стѣны покрыты фресками учениковъ Джіотто, Таддео Гадди и братьевъ Мемми, Симона и Филиппо; сюжетъ этихъ фресокъ какъ нельзя полнѣе характеризуетъ идейный міръ эпохи Джіотто. На одной стѣнѣ изображено торжество церкви, къ которой стекаются всѣ народы, обращенные на путь истины вѣрными служителями церкви—доминиканцами; на противоположной стѣнѣ аллегорическое изображеніе всѣхъ наукъ и искусствъ, сгрупированныхъ вокругъ трона Ѳомы Аквинатскаго, къ которому обращены всѣ взоры, какъ къ источнику свѣта. Картины написаны съ великимъ мастерствомъ; аллегоричность замысла исчезаетъ за жизненностью исполненія; большинство лицъ являются портретами извѣстныхъ людей того времени; Флоренція начала XIV вѣка воскресаетъ въ деталяхъ архитектуры, въ оживленныхъ группахъ среди толпы. Чувствуется большая наблюдательность, смѣлый реализмъ въ стремленіи освободиться отъ всякой условности въ искусствѣ—и въ то же время, въ своемъ идейномъ содержаніи, искусство слѣдуетъ по уготовленнымъ церковью путямъ и обнаруживаетъ отсутствіе анализирующей мысли.

Переходомъ отъ перваго періода ренессанса ко второму было время Козимы Медичи, который, по простотѣ нравовъ и по своимъ гражданскимъ чувствамъ принадлежалъ еще къ старому поколѣнію, а по своей любознательности и пытливости, также какъ по принципамъ своей политики, былъ типичнымъ тираномъ позднѣйшаго ренессанса. Для пониманія исторіи Медичей нужно постоянно помнить, что тираннія въ итальянскихъ городахъ смѣняла коммунальное устройство. Духъ свободы оставался такимъ же сильнымъ при новомъ устройствѣ, и тираннія становилась возможной лишь тогда, когда захватывающій власть правитель воплощалъ вполнѣ духъ своего народа, осуществлялъ его идеалы, раздѣлялъ его стремленія и былъ близокъ подданнымъ даже своими пороками. Стоило кому-нибудь изъ тирановъ злоупотребить

врученной ему властью и потворствовать личному честолюбію въ ущербъ родному городу, какъ кинжалъ и ядъ являлись результатомъ насилія. Всѣ жестокіе герцоги миланскихъ династій, Сфорца и Висконти, умирали отъ рукъ своихъ подданныхъ, точно также какъ Бальони въ Перуджіи и мн. др. Долговременность могущества Медичей во Флоренціи объясняется тѣмъ, что они вполнѣ воплощали духъ Флоренціи и вызывали любовь и сочувствіе гражданъ какъ своей просвѣтительной дѣятельностью, своимъ глубокимъ интересомъ къ искусству и къ новымъ идеямъ во всѣхъ областяхъ знанія, такъ и своей широкой, необузданной натурой со всѣми ея пороками. Они привязывали къ себѣ лучшіе умы Флоренціи своимъ просвѣщеннымъ меценатствомъ, а народную массу—своимъ политическимъ тактомъ, обезпечивавшимъ Флоренціи первое мѣсто среди итальянскихъ городовъ.

При Козимѣ Медичи, и въ особенности при наступившемъ вскорѣ послѣ его смерти правленіи его внука, Лоренца Великолѣпнаго, жизнь Флоренціи радикально измѣнилась. На смѣну политическимъ страстямъ, подтачивавшимъ прежде внутреннюю жизнь республики, выступили интересы чисто-культурные. Политическія обстоятельства продолжали быть сложными и сдѣлались даже болѣе сложными, благодаря соперничеству городовъ между собою, запутанности папской политики и тому хаосу отношеній, который внесло въ итальянскую жизнь французское вторженіе. Но именно эта сложность политическихъ обстоятельствъ расшатала установившіеся принципы гражданственности. Когда интриги миланскаго и неаполитанскаго двора навлекли на Италію пагубное нашествіе Карла VIII, когда приходъ французскаго короля вызвалъ нескончаемый рядъ измѣнъ и предательствъ со стороны правителей отдѣльныхъ городовъ, когда на глазахъ у всѣхъ папскій престолъ сдѣлался ареной для честолюбцевъ и зрѣлищемъ безпримѣрнаго паденія нравовъ,—прежняя вѣра въ силу гражданственности, прежняя сосредоточенность въ любви и ненависти и преданность несокрушимому идеалу національнаго блага стали блѣднѣть при видѣ совершающихся вокругъ компромиссовъ и нарушеній основныхъ принциповъ справедливости и истины. Экстазъ вѣры смѣнился скептицизмомъ и анализомъ, цѣльныя гражданскія чувства уступили мѣсто философскому созерцательному отношенію къ фактамъ политической жизни. Идеалы гражданской свободы принесли съ собой разочарованіе, но разочарованіе это оказалось плодотворнымъ—оно породило стремленіе къ высшей свободѣ человѣческой личности, къ свободѣ духа. Политическіе идеалы смѣнились культурными; культъ гражданской

свободы—индивидуализмомъ, культомъ свободы личности и полнаго, не знающаго стѣсненій, развитія всѣхъ присущихъ человѣку силъ и стремленій.

Рѣшительный переломъ въ культурной жизни Флоренціи и возникновеніе новаго, болѣе сложнаго міросозерцанія, связано съ гуманистическимъ движеніемъ, открывшимъ Флоренціи невѣдомыя до того богатства древняго міра. Особенное значеніе для развитія гуманизма имѣлъ 1439-годъ, когда во Флоренціи состоялся церковный соборъ, привлекшій множество грековъ, представителей восточной церкви. Среди нихъ оказались выдающіеся ученые, начавшіе распространять среди флорентійцевъ любовь къ древней мудрости. Особенно плодотворной оказалась дѣятельность поселившагося на время въ Флоренціи грека Гемисто, прозваннаго Платономъ за его культъ Платона, и его ученика Виссаріона. Своими лекціями и трактатами они возбуждали въ флорентійцахъ интересъ къ философскимъ вопросамъ; возникшій же диспутъ между этими защитниками платоническаго ученія и другими греками, сторонниками Аристотеля, взволновалъ воспріимчивые умы флорентійцевъ и создалъ во Флоренціи фанатическій культъ платоновской философіи. По почину Гемисто и подъ покровительствомъ Козимы Медичи учреждена была „Платоновская академія" въ загородной виллѣ Медичей, Корреджи. Тамъ проповѣдовалъ свое спиритуалистическое ученіе нео-платоникъ Марчиліо Фичино, и слушавшая его молодежь проникалась критическимъ отношеніемъ къ прежнимъ вѣрованіямъ и стремленіемъ освѣтить ученія церкви свѣтомъ философіи. Религіозныя традиціи и вліяніе платоновской философіи образовали своимъ сліяніемъ особую духовную атмосферу во Флоренціи, отличную отъ прежняго энтузіазма вѣры, но соединявшую смѣлость разрушительной мысли съ идеалистическимъ направленіемъ умовъ, съ мистическимъ тяготѣніемъ къ божественному началу міра. Философское ученіе Марчиліо Фичино и его учениковъ, въ особенности одного изъ нихъ, Пико делла Мирандола, сводилось къ стремленію согласовать религію съ философіей, углубить вѣру обращеніемъ къ доводамъ разума.

На ряду съ увлеченіемъ философіей, породившимъ глубину настроеній въ искусствѣ этой эпохи, шло увлеченіе общей культурой древности. Начиная отъ Боккаччіо и Петрарки, цѣлый рядъ ученыхъ гуманистовъ знакомилъ флорентійцевъ съ памятниками классической литературы. Въ нихъ любознательность флорентійцевъ нашла новый міръ, нарушившій гармонію традиціонныхъ вѣрованій и создавшій для мысли новые, широкіе горизонты.

Все, что доставляло болѣе близкое знакомство съ этимъ новооткрытымъ источникомъ истины и красоты, возбуждало живѣйшій интересъ: во Флоренціи началось лихорадочное собираніе древнихъ рукописей, статуй, различныхъ мелкихъ предметовъ, находимыхъ при раскопкахъ, камней съ надписями, камэй, старинной утвари и т. д. Собиратели древностей составляли общирный классъ людей съ широкимъ образованіемъ и фанатическихъ поклонниковъ древности. Никколо Никколи, эксцентричный, въ своей одеждѣ и привычкахъ, другъ Козимы Медичи, составилъ драгоцѣнную библіотеку въ 800 старинныхъ рукописей и громадную коллекцію архаичныхъ драгоцѣнностей, собранныхъ съ громаднымъ трудомъ по всей Европѣ; его друзья, Леонардо Аретинскій и Амвросій Траверсари, изъѣздили множество странъ по его порученію, удовлетворяя въ то же время своей собственной любознательности и обогащая свои коллекціи. Знаменитый Поджіо Брачіоллини, папскій секретарь на констанскомъ соборѣ, видѣлъ главное значеніе собора въ томъ, что, пользуясь своимъ оффиціальнымъ положеніемъ, онъ смогъ изслѣдовать окрестные монастыри и напалъ на полный списокъ Institutiones Квинтилліана. Это открытіе вызвало неописуемый восторгъ въ немъ и въ его флорентійскихъ друзьяхъ, которыхъ онъ поспѣшилъ извѣстить письмомъ о своей находкѣ. Какъ ему самому, такъ и его корреспондентамъ, открытіе неискаженнаго текста Квинтиліяна казалось гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ рѣшеніе церкви о гусситахъ, и это видно по восторженному лирическому тону писемъ. Изученіе памятниковъ древней архитектуры и развалинъ, носящихъ слѣды античной культуры, сдѣлалось любимымъ занятіемъ флорентійцевъ; всѣ ѣздятъ въ Римъ изучать на мѣстѣ національное прошлое, и сочиненія гуманистовъ XV вѣка полны точныхъ и подробныхъ описаній различныхъ памятниковъ древности въ Италіи и за ея предѣлами. Языческая древность проникаетъ въ флорентійскую жизнь какъ своими идеями, такъ и своей бытовой стороной, одинаково привлекая чуткихъ къ красотѣ флорентійцевъ какъ высотой духа, такъ и широкимъ развитіемъ страстей. Но благодаря тому, что общеніе съ древней культурой свершилось при посредствѣ идеалистической философіи, прежнее религіозное чувство не исчезаетъ подъ вліяніемъ паганизма, а только становится менѣе гармоничнымъ и болѣе мистическимъ, общее же міросозерцаніе—болѣе широкимъ и болѣе скептическимъ. Выростаетъ новое поколѣніе людей съ сложной душевной жизнью, въ которой преобладаютъ любознательность и скептицизмъ. Страстное изслѣдованіе вопросовъ духа, увлеченіе философскими идеями вно-

ситъ особую лихорадочность въ умственную жизнь и создаетъ фанатиковъ спиритуализма. Но въ то же время религіозный скептицизмъ отражается и въ области нравственности. Всѣ традиціонныя этическія понятія смѣняются проповѣдью душевной свободы человѣка; все считается дозволеннымъ, и нѣтъ тѣхъ крайностей, страстей и пороковъ, которыхъ не извѣдали эти тонкіе цѣнители философскихъ отвлеченностей и страстные любители прекраснаго. Границы всѣхъ областей духовной жизни были раздвинуты; всѣ преграды оказались безсильными передъ проснувшейся жаждой знанія и безграничнаго пользованія жизнью. Двойственный характеръ новой культуры — философскій идеализмъ и языческая жизнерадостность—сдѣлали возможными всѣ противоположныя явленія этой эпохи, величайшій развратъ могучихъ по темпераменту и дерзновенію папъ, нравственное величіе и чистоту Савонаролы, мистическій характеръ искусства и интриги медицейскаго двора, среди котораго оно процвѣтало, и наконецъ, цѣлый рядъ людей, въ которыхъ уживались всѣ контрасты духа и страстей, которые соединяли крайне трезвое пользованіе жизнью съ возвышенными стремленіями духа. Таковъ былъ прежде всего самъ Лоренцо Великолѣпный, сынъ Козимы Медичи, сдѣлавшій изъ своего двора центръ культурной жизни Италіи. Въ немъ соединялись двѣ противоположныя натуры: вся его политика, искусная и честолюбивая, свидѣтельствуетъ о выдающемся умѣ, о весьма положительныхъ жизненныхъ идеалахъ, объ отсутствіи всякихъ этическихъ принциповъ и о страстномъ жизнерадостномъ темпераментѣ. Интриги и лесть передъ папой, обманная политика по отношенію къ неаполитанскому королю, жестокость къ завоеваннымъ городамъ, безжалостный разгромъ Вольтерры, возставшей противъ Флоренціи, наконецъ корыстолюбіе и произволъ въ управленіи самой Флоренціи, открытый захватъ фонда „бѣдныхъ невѣстъ", —всѣ эти факты насилія тяжелымъ пятномъ ложатся на память Лоренцо и объясняютъ ненависть къ нему такихъ людей, какъ Савонарола. Но этотъ типичный тиранъ жилъ среди высокихъ помысловъ, углубленный въ философскія задачи, занятый сочиненіемъ философскихъ сонетовъ, выдающихся по глубинѣ мысли и настроенія, окруженный изысканнымъ обществомъ поэтовъ и художниковъ, видѣвшихъ въ немъ не мецената, а товарища; его наклонность къ разгулу принимала тѣ же артистическія формы, —онъ сдѣлалъ Флоренцію городомъ вѣчныхъ праздниковъ, дававшихъ безграничный просторъ художественной фантазіи, самъ сочинялъ распѣваемыя во время маскарадныхъ процессій „Canto Carnevaliaschi", сочетая въ нихъ дерзновеніе моло-

дости и веселья съ большимъ поэтическимъ талантомъ и въ особенности артистичностью формы. Искусство и философія были главными интересами его жизни, но онъ пришелъ къ нимъ безъ наивной вѣры своихъ предшественниковъ, а искушенный знаніемъ жизни, скептикомъ въ душѣ, несмотря на свои идеалистическіе порывы, и потому склонный къ эпикурейскому пользованію жизнью.

Всѣ контрасты въ жизни и характерѣ Лоренцо не лишаютъ, однако, его своего рода цѣльности; она заключается въ томъ отпечаткѣ величія и свободы, которыя одинаково чувствуются какъ въ его творчествѣ и умственныхъ интересахъ, такъ и въ его порокахъ; ничего мелкаго и пошлаго онъ не допускалъ вокругъ себя, а во всѣхъ его сношеніяхъ съ могущественными правителями и папами видно, какъ велико его презрѣніе къ признаннымъ авторитетамъ, и съ какимъ сознаніемъ своего превосходства онъ дѣлаетъ всѣхъ орудіемъ своего величія, т.-е. торжества Флоренціи, гдѣ онъ мечталъ осуществить всѣ идеалы своей изысканной артистической натуры. Въ Лоренцо впервые сказалась сила индивидуализма, отмѣчающая эту эпоху ренессанса;—личность начинаетъ отстаивать свои права, стремленіе къ индивидуальной свободѣ вытѣсняетъ мало-по-малу общественные идеалы, и этотъ переломъ въ развитіи человѣческаго сознанія находитъ яркую иллюстрацію въ сценѣ смерти Лоренцо, когда несокрушимая гордыня тирана сталкивается съ христіанскимъ смиреніемъ, проповѣдуемымъ Савонаролой, и когда Лоренцо отказывается отъ примиренія съ церковью, чтобы не измѣнить себѣ и своему прошлому.

Люди, которыми Лоренцо окружалъ себя, представляютъ ту же интенсивность духовныхъ интересовъ на почвѣ недисциплинированной воли. Поэтъ Поліціанъ славословилъ Лоренцо въ героическихъ поэмахъ и былъ во многихъ отношеніяхъ придворнымъ пѣвцомъ шаблоннаго типа — и въ то же время въ большинствѣ его поэмъ и канцонъ чувствуется широкое вѣяніе свободы, чувство красоты и философскія настроенія; — онъ былъ воспитанъ учителями Платоновской академіи и исповѣдывалъ ихъ идеи, также какъ и всѣ поэты того времени, Луиджи Пулчи, авторъ „Morgante“, Баярдо и др. Характерными типами кружка Лоренцо были также молодой ученый Пико делла-Мирандола и подражатель Данте—Матео Пальміери. Пико делла-Мирандола былъ однимъ изъ тѣхъ фанатиковъ платонизма, которыхъ воспитывалъ вокругъ себя Марчиліо Фичино. Будучи въ то же время вѣрующимъ христіаниномъ —впослѣдствіи ученикомъ и другомъ Савонаролы, — Пико стремился доказать, что конечная цѣль философіи—подтвержденіе откро-

веній религіи. Онъ представилъ на обсужденіе римской церкви 900 положеній, которыя должны были быть сводомъ всѣхъ знаній той эпохи и въ которыхъ религія являлась прямымъ выводомъ философскихъ спекуляцій. Церковь нашла въ этихъ положеніяхъ ересь и предала автора отлученію, которое только увеличило славу Пико. Его знанія, такъ высоко чтимыя его современниками, подвергаются историками большимъ сомнѣніямъ; онъ утверждалъ, напр., что владѣетъ въ совершенствѣ 22 языками, что̀ не помѣшало ему попасться, когда еврею удалось продать ему списокъ общеизвѣстной каббалы за книги, написанныя по заказу Эзры. Но несмотря на эту поверхность знаній, Пико— крайне любопытный представитель научнаго духа своей эпохи. На его примѣрѣ видно, какимъ почетомъ окружена была наука во Флоренціи, и какъ знаніе интересовало пытливые умы ренессанса главнымъ образомъ своими философскими выводами. Факты изучались поверхностно, принимались на вѣру, безъ критики, но всякій спѣшилъ на основаніи ихъ рѣшать самые глубокіе вопросы, какъ это дѣлалъ Пико въ своихъ 900 положеніяхъ.

Подобно ему, поэтъ и гуманистъ Маттео Пальміери, подражавшій Данте въ своей громадной неуклюжей поэмѣ „La Città di Vita", старается включить въ свой планъ не только всѣ научныя знанія своихъ современниковъ, но и новую теорію происхожденія человѣческой души. Люди ведутъ свое начало,—учитъ онъ въ своей поэмѣ,—отъ тѣхъ ангеловъ, которые въ борьбѣ между Богомъ и Люциферомъ не стали ни на одну изъ воюющихъ сторонъ. Въ этой поэтической идеѣ характернѣе всего самое стремленіе къ оригинальному объясненію связи между человѣкомъ и божественнымъ началомъ міра; интересна въ поэмѣ также и психологическая сторона. Въ то время какъ Данте, представитель перваго періода „возрожденія", громилъ скептиковъ, не имѣющихъ твердаго критерія добра и зла, поэтъ времени, Лоренцо символизируетъ человѣка, и по преимуществу человѣка своей эпохи, въ ангелахъ, породившихъ скептицизмъ. Созданный имъ символъ какъ нельзя лучше опредѣляетъ духовную и нравственную атмосферу XV вѣка. Въ ней царствуютъ двойственность и скептицизмъ на ряду съ спиритуалистическими порывами. Изъ жизни исчезла прежняя наивность и уступила мѣсто широтѣ и многосторонности опыта. Кроткіе и жестокіе люди прежняго вѣка смѣнились сложными характерами, таящими въ себѣ способность и къ высочайшему подъему духа, и къ глубокимъ паденіямъ; если они уходятъ изъ жизни, то не съ наивной, ничего не вѣдающей душой, а искушенные опытомъ и съ яснымъ пониманіемъ жизни

и того, что она можетъ дать душѣ. Среди этой жизни и этихъ людей родилось искусство, сдѣлавшееся синтезомъ создавшихъ его идей. Оно должно было сдѣлаться разнообразнымъ, какъ сама эта жизнь, но во всѣхъ его проявленіяхъ сказались типичныя особенности эпохи. Каждый изъ художниковъ того времени испыталъ на себѣ вліяніе историческихъ условій, и какія настроенія это вызывало въ его душѣ—мы можемъ прослѣдить на примѣрѣ Боттичелли.

II.

Во всемъ литературномъ и артистическомъ обществѣ, окружавшемъ Лоренцо Медичи, не было человѣка, болѣе полно отразившаго идейный міръ своей эпохи, чѣмъ Боттичелли. Въ немъ языческая свобода духа слилась съ христіанскимъ мистицизмомъ и привела къ новому пониманію красоты, въ противоположность греческому идеалу гармоничности и совершенства внѣшнихъ очертаній. Боттичелли создалъ идеалъ чисто духовной красоты, служащей отраженіемъ душевной жизни, символомъ глубокихъ думъ и загадочныхъ настроеній. Его картины переносятъ насъ въ какой-то особый міръ, гдѣ основнымъ настроеніемъ является тихое и скорбное раздумье о тайнахъ міра, гдѣ жизнь души воплощается въ болѣзненныхъ, преисполненныхъ диссонансами образахъ. Слѣдуетъ ли онъ общему увлеченію древностью и избираетъ миѳологическіе сюжеты для своихъ картинъ, или же остается вѣрнымъ христіанскимъ традиціямъ, рисуя Мадоннъ и святыхъ, внутренній смыслъ картинъ—всегда одинъ и тотъ же, несмотря на различіе символовъ: повсюду художникъ отражаетъ двойственныя состоянія души, которая какъ бы останавливается въ раздумьѣ на границахъ вѣры и безвѣрія, и въ которой одинаково живы и скорбь по утраченной вѣрѣ въ человѣческія начинанія и силу человѣческихъ чувствъ, и влеченіе заглянуть въ тайну міра и достигнуть единенія съ его божественнымъ началомъ. Внѣшній драматизмъ и активная жизнь души отсутствуютъ въ творчествѣ Боттичелли; онъ воспроизводитъ лишь созерцательныя настроенія и отражаетъ моменты душевнаго разлада. Его Венеры—не спокойныя античныя богини вѣчной красоты; болѣзненно прекрасныя и тревожно мистическія, онѣ воплощаютъ любовь, въ которой кроется смерть, и обаятельны уживающимися въ ихъ чертахъ контрастами земныхъ страстей и небесныхъ порывовъ. Мадонну и ея божественнаго Сына Боттичелли сдѣлалъ символомъ вѣчной трагедіи человѣческой души, вѣчнаго разлада земного и боже-

ственнаго; земная мать ищетъ единенія съ божественнымъ Сыномъ, но слишкомъ тяжело легли ей на душу земныя страданія, слишкомъ глубоки сомнѣнія, состарившія ея душу, чтобы она могла постичь таинственную высоту своего Сына и проникнуться свѣтлымъ экстазомъ вѣры. Вѣчно чуждые другъ другу, они беззавѣтно жаждутъ единенія и скорбятъ, сознавая его невозможность. Міросозерцаніе переходной эпохи сказалось въ этомъ основномъ настроеніи художника, въ его скорбномъ пессимизмѣ, сливающемся съ неумолчнымъ призывомъ къ высшей правдѣ, съ вѣчно живымъ влеченіемъ къ божественному. Воплощая это міросозерцаніе въ художественныхъ образахъ, Боттичелли создалъ новый идеалъ красоты, изысканной, болѣзненной въ своей незаконченности. Красота эта чисто символическая, указывающая на міръ высокихъ настроеній, изъ которыхъ только сомнѣнія и разладъ ясны сознанію, между тѣмъ какъ таящійся подъ ними творческій идеализмъ отражается только въ мистической окраскѣ образовъ.

Жизнь Боттичелли отмѣчена тѣми частыми духовными кризисами, тѣми исканіями въ идейной области, которыя такъ характерны для людей эпохи „возрожденія". Онъ прошелъ чрезъ очень разнородныя вліянія и, начавъ съ утонченнаго скептицизма, закончилъ жизнь глубокимъ мистикомъ, слѣпымъ послѣдователемъ Савонаролы. По даннымъ, сообщаемымъ Вазари и провѣреннымъ различными позднѣйшими историками, установлено, что Алессандро или Сандро Филлипепи, къ которому перешло прозвище его брата, толстяка Боттичелли (Botticelli—боченокъ), родился въ 1446 году и былъ сынъ кожевника Маріанно ди Ванни Филлипепи. Въ школѣ, по свидѣтельству Вазари, онъ учился нехорошо, хотя его позднѣйшія работы, его пристрастіе къ литературнымъ сюжетамъ, близость съ учеными и поэтами, произведенія которыхъ онъ иллюстрировалъ,—все это показываетъ, что онъ получилъ солидное образованіе и далеко не былъ равнодушенъ къ ученію. Рано проснувшаяся склонность къ искусству побудила отца Сандро отдать мальчика въ обученіе къ золотыхъ дѣлъ мастеру; цехъ ювелировъ, какъ извѣстно, стоялъ въ то время очень близко къ художникамъ, и большинство живописцевъ и скульпторовъ ренессанса начали свою карьеру въ какой-нибудь изъ ювелирныхъ мастерскихъ (botega), ютившихся на Ponte Vecchio. Мальчикъ не долго оставался въ мастерской; знакомство съ художниками еще сильнѣе разожгло въ немъ природную страсть къ живописи, и, уступая его настойчивымъ просьбамъ, отецъ отдалъ двѣнадцатилѣтняго мальчика въ ученье къ одному изъ первыхъ живо-

писцевъ того времени—Фра-Филиппо Липпи. Обученіе это было менѣе всего правильнымъ, — оно заключалось въ томъ, что маленькій Сандро отправился за своимъ учителемъ въ Прато, гдѣ Фра-Филиппо заказаны были фрески въ соборѣ, и, исполняя всякія мелкія работы, присматривался къ манерѣ учителя. Подобнымъ же образомъ самъ Филиппо въ свое время учился у своего предшественника Мазаччіо, когда тотъ писалъ фрески въ церкви del Carmine. Ученье Боттичелли продолжалось во Флоренціи въ bottega Филиппо, пока ученикъ не усвоилъ вполнѣ манеру старшаго художника, который держался въ значительной части своихъ юношескихъ произведеній. Филиппо первый создалъ „божественную идиллію“ въ живописи и сдѣлалъ католическій культъ Мадонны предлогомъ для изображенія интимной поэзіи материнства и нѣжныхъ семейныхъ чувствъ; отъ него Боттичелли унаслѣдовалъ кротость и невинность своихъ первыхъ Мадоннъ, не имѣющихъ еще грустнаго взора всевѣденія, но уже далекихъ отъ величественной отвлеченности католической иконописи и какъ бы идущихъ на встрѣчу безпомощному человѣчеству. Вторымъ учителемъ Боттичелли былъ выдающійся скульпторъ, но посредственный живописецъ Вероккіо, принесшій много пользы техническому развитію молодого художника. Моделировка лицъ и распредѣленіе свѣта и тѣни на раннихъ картинахъ Боттичелли и на многихъ болѣе позднихъ прямо указываетъ на вліяніе Вероккіо; кромѣ того, занятія въ мастерской Вероккіо имѣютъ еще то значеніе для развитія индивидуальнаго таланта Боттичелли, что тамъ послѣдній сошелся съ другимъ изъ учениковъ стараго мастера, Леонардомъ да-Винчи; подъ его вліяніемъ Боттичелли сталъ задумываться болѣе глубоко о таинственной силѣ красоты, открывающей человѣку смыслъ его бытія.

Самостоятельное артистическое творчество Боттичелли началось въ 70-хъ годахъ XV вѣка, когда, освободившись отъ вліяній своихъ учителей, онъ внесъ въ искусство свой собственный душевный міръ. Это была самая блестящая пора дѣятельности Боттичелли; онъ пользовался громкой извѣстностью среди своихъ современниковъ, и до самаго конца вѣка слава его росла; заказы сыпались на него какъ въ самой Флоренціи, такъ и изъ другихъ городовъ. По примѣру другихъ мастеровъ онъ устроилъ у себя мастерскую—bottega, гдѣ ученики исполняли его идеи, повторяли его лучшія картины и работали по его указаніямъ, чтобы удовлетворять многочисленныхъ заказчиковъ. Такъ Лоренцъ Медичи заказалъ ему портреты участниковъ въ заговорѣ Пацци, епископа Сальвіати и др., которые должны были быть изобра-

жены казненными, чтобы вывѣшенные въ синьоріи портреты ихъ служили назиданіемъ народу. Другимъ доказательствомъ почетнаго положенія Боттичелли во Флоренціи было приглашеніе его въ Римъ папой Сикстомъ IV, поручившимъ ему часть фресокъ въ Сикстинской капеллѣ; исполненіе этого заказа и пребываніе въ Римѣ въ теченіе почти цѣлаго года не ознаменовалось, впрочемъ, ничѣмъ выдающимся въ дѣятельности художника. Его талантъ былъ лишенъ драматизма, и поэтому фрески, представляющія историческую живопись того времени, менѣе всего удавались ему; къ тому же вдумчивость и артистичность его натуры находили себѣ пищу только въ высоко интеллектуальной жизни Флоренціи. Широкій разгулъ папскаго двора и внѣшній блескъ римской жизни были слишкомъ шумливой и суетливой атмосферой для Боттичелли; исполнивъ заказъ, онъ поспѣшилъ вернуться на родину, гдѣ природа и жизнь находили откликъ въ его душѣ и создавали въ ней образы тихой красоты.

Во Флоренціи Боттичелли велъ далеко не замкнутую жизнь; онъ былъ однимъ изъ блестящихъ членовъ кружка, собиравшагося у Медичи въ его великолѣпномъ палаццо на Via Larga, въ загородныхъ виллахъ Корреджи и Поджіо-а-Каіано, въ садахъ академіи, въ гостепріимныхъ домахъ знатныхъ и богатыхъ флорентійцевъ, какъ Маттео Пальміери — поэтъ и тонкій цѣнитель красоты,—какъ родственники Медичей Торнабуони и др. Съ самимъ Лоренцо Боттичелли не былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ; глава дома Медичи былъ слишкомъ яркій представитель языческой жизнерадостности своего вѣка, чтобы сблизиться съ созерцательной натурой художника. Послѣдній чувствовалъ большую близость съ окружавшими Лоренцо поэтами и мыслителями. Платоническое ученіе Марчиліо Фичино находило въ немъ живой откликъ, а дѣятельность гуманистовъ, открывавшихъ невѣдомыя до того сокровища языческой красоты, дала воображенію художника новый міръ образовъ и формъ. Крайне воспріимчивый умъ Боттичелли пріобщилъ его къ идейной жизни эпохи, и постоянное общеніе съ литературнымъ и ученымъ міромъ втянуло его во всеобщее увлеченіе древностью. Ближайшимъ его другомъ былъ другъ Лоренцо, поэтъ Поліціанъ, имѣвшій вліяніе на Боттичелли своей поэзіей; онъ внушалъ художнику сюжеты его миѳологическихъ картинъ, возбуждалъ въ немъ интересъ къ древности, къ идеямъ, заимствованнымъ у греческихъ философовъ. Боттичелли поддавался его внушеніямъ, потому что теоретическое ученіе гуманистовъ отвѣчало его внутреннимъ настроеніямъ и потому что поэмы Поліціана и бесѣды съ академиками обо-

гащали его новымъ матеріаломъ новыми формами для воплощенія его индивидуальнаго пониманія красоты. Въ интересной „Книгѣ о живописи“ (Liber de pictura) современника Боттичелли, Леона Баттиста Альберти, болѣе замѣчательнаго теоретика искусства, нежели художника, встрѣчается, въ числѣ прочихъ совѣтовъ художникамъ, слѣдующій: „и поэтому совѣтую я всякому живописцу поддерживать сношенія съ поэтами, риторами и другими свѣдущими людьми этого рода; они, во-первыхъ, одарятъ его знаніемъ новыхъ научныхъ открытій, а, во-вторыхъ, навѣрное окажутся ему полезными для какой-нибудь прекрасной композиціи; оба эти преимущества помогутъ живописцу найти признаніе и славу своему творчеству“. Очень характерно, что эстетикъ XV вѣка понималъ, какъ важна для искусства идейная основа, и выразилъ это хотя бы и въ наивной формѣ приведеннаго совѣта; если кто-либо изъ современныхъ ему художниковъ послѣдовалъ его совѣту, то это былъ Боттичелли. Его общеніе съ литературной жизнью его времени было такъ велико, что онъ сдѣлался ея выразителемъ, и то, что̀ въ подражательномъ ученіи флорентійскихъ нео-платониковъ и въ поэзіи Полиціана и др. осталось бы мертвымъ и безплоднымъ для культурной жизни человѣчества, получило новую жизнь, пройдя черезъ художественный темпераментъ Боттичелли. Глубина его собственныхъ настроеній и то новое чувство красоты, которое было въ его душѣ, окрылились отъ соприкосновенія съ возрожденной древностью и создали новый міръ, гора̀здо болѣе глубокій, чѣмъ породившія его идеи флорентійскихъ ученыхъ.

Но міръ двойственныхъ настроеній и увлеченіе философско-эстетической жизнью медицейскаго двора смѣнились въ концѣ жизни Боттичелли новыми вліяніями. Въ 90-хъ годахъ XV вѣка вся Флоренція была потрясена вдохновенной проповѣдью Савонаролы и переродилась подъ вліяніемъ его пламенныхъ призывовъ къ истинѣ, къ Богу. Утопавшіе въ роскоши флорентійцы, презрѣвшіе всѣ нравственные устои во имя своей единственной святыни — красоты, увидѣли въ христіанскомъ паѳосѣ Савонаролы нѣчто болѣе прекрасное, чѣмъ все, что̀ имъ давало искусство и свободная жизнь души; во имя этой высшей красоты духа они жертвовали всѣмъ, что̀ составляло въ теченіе многихъ десятилѣтій сущность жизни Флоренціи. Внимая пророчествамъ Савонаролы, такъ изумительно предсказавшаго французское вторженіе, содрогаясь отъ его громовыхъ обличеній и проникаясь его высокими порывами, жители Флоренціи отказывались отъ роскоши, художники—отъ искусства, скептики—отъ своего

индифферентизма. Всѣхъ охватилъ экстазъ вѣры, но уже не свѣтлой и умиленной, какъ въ начальномъ періодѣ національной жизни, а глубоко скорбной, полной отчаянія на ряду съ проникающимъ въ умы мистицизмомъ. Боттичелли былъ глубоко захваченъ этимъ религіознымъ теченіемъ, созданнымъ Савонаролой. Преданіе гласитъ, что въ числѣ картинъ, принесенныхъ художниками на „костеръ суеты", устроенный Савонаролой, были и картины Боттичелли. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что, покоренный Савонаролой, Боттичелли почти пересталъ писать картины. Онъ не ушелъ въ монастырь, подобно другому послѣдователю Савонаролы, живописцу Фра-Бартоломео, но удалился отъ прежнихъ друзей и отказался отъ искусства. Онъ прожилъ до 1510 года, но послѣднія 10—15 лѣтъ жизни прошли почти безслѣдно въ его творчествѣ.

Благодаря разнородности вліяній, среди которыхъ Боттичелли прожилъ жизнь, въ творчествѣ его замѣтна та же смѣна различныхъ настроеній. Три послѣдовательныхъ, но различныхъ по своему характеру періода замѣчаются въ развитіи его художественныхъ идеаловъ. Первый изъ нихъ продолжается до начала семидесятыхъ годовъ. На всѣхъ картинахъ, оставшихся отъ этого времени, преобладаетъ подражательный тонъ, и какъ самые сюжеты, такъ и мотивы отдѣльныхъ подробностей обнаруживаютъ вліяніе то одного, то другого изъ учителей Боттичелли; лишь изрѣдка пробивается индивидуальная нотка въ настроеніи и освѣщаетъ картину новымъ свѣтомъ. Вѣрный требованіямъ своего времени и, быть можетъ, исполняя заказы, сдѣланные его учителями, Боттичелли рисуетъ преимущественно Мадоннъ; въ нѣсколькихъ музеяхъ Флоренціи, въ Неаполѣ, въ парижскомъ Луврѣ сохранились эти раннія Мадонны, имѣющія всѣ одинъ общій характеръ: это молодыя, очень молодыя женщины, уже не набожныя служительницы божественнаго Сына, какъ у художниковъ прежняго поколѣнія; онѣ не складываютъ молитвенно рукъ, преклоняясь передъ Младенцемъ, а непринужденно играютъ съ нимъ, при чемъ внѣшнее проявленіе благоговѣнія смѣняется выраженіемъ глубокаго внутренняго чувства любви. Мать съ кроткой нѣжностью держитъ на колѣняхъ Младенца, который тянется къ ея груди; или, сидя съ нимъ въ садовой нишѣ, окруженная цвѣтами, она протягиваетъ ему, какъ бы забавляя его, гранатовое яблоко, или же, изображенная сидящей на тронѣ среди облаковъ, съ глоріей херувимовъ надъ головой, она держитъ Младенца на колѣняхъ, глядя на него озабоченнымъ взоромъ земной матери. Въ этомъ пониманіи отношеній Мадонны и Младенца

Христа Боттичелли слѣдуетъ своему учителю Филиппо Липпи, и поэтому эти первыя Мадонны мало разнятся отъ типа, созданнаго Липпи; большинство ихъ—невинныя флорентійскія лица, на которыхъ строгость религіознаго культа смягчается интимной поэзіей искренняго человѣческаго чувства; глубина и таинственность взгляда позднѣйшихъ Мадоннъ Боттичелли еще отсутствуетъ въ открытыхъ, ласковыхъ взорахъ, но эти Мадонны интересны какъ начало психологической живописи, дѣлающей традиціонные сюжеты католической иконописи символомъ душевной жизни.

Оригинальныя черты, которыя Боттичелли вноситъ въ эту живопись ученическихъ лѣтъ, сосредоточены на фигурахъ ангеловъ, окружающихъ Мадоннъ; самое изображеніе ангеловъ въ живописи Филиппо Липпи и его ученика было уступкой религіознымъ традиціямъ. Мадонна, хотя болѣе жизненная и преисполненная человѣческихъ чувствъ, не представляется еще вполнѣ матерью и не изображается въ непосредственномъ общеніи съ Сыномъ. Они окружены группами ангеловъ, служащихъ посредниками между земной матерью и божественнымъ Младенцемъ; ихъ свѣтлыя, граціозныя фигурки вносятъ въ картины жизнь и движеніе. Ангелы то подносятъ матери Сына, то передаютъ ей его желанія, указывая на символическіе жесты Младенца, то глядятъ съ нѣжной заботой на мать, перенося на нее свою благоговѣйную любовь. У Филиппо это большей частью веселыя дѣтскія лица, не отмѣченныя отпечаткомъ индивидуальной психологіи,— Боттичелли же выработываетъ въ этихъ полу-дѣтскихъ идеальныхъ головкахъ особый типъ красоты, вполнѣ опредѣлившійся въ позднѣйшемъ творчествѣ художника и составляющій особенную, странную прелесть его картинъ. Каждый изъ ангеловъ на первыхъ картинахъ Боттичелли какъ бы живетъ своей особой духовной жизнью, независимой отъ его непосредственной роли въ изображаемой сценѣ; это создаетъ двойственность настроенія, обусловленнаго и внѣшними, изображенными на картинѣ происшествіями, и невидимымъ внутреннимъ міромъ, который чувствуется въ каждомъ изъ этихъ тонкихъ, нѣсколько удлиненныхъ, лицъ, окруженныхъ то свѣтлыми, то темными кудрями. Одинъ изъ нихъ, на картинѣ въ Santa Maria Nuova, во Флоренціи, стоитъ у кресла Мадонны, стройный и воздушный въ своемъ легкомъ одѣяніи, изъ котораго строго и твердо выступаетъ длинная шея и нѣсколько холодное, преисполненное только божественнымъ созерцаніемъ лицо; онъ чуждъ земной матери, и его спокойный „знающій“ взоръ покоится только на Младенцѣ и въ то же время полонъ затаенныхъ мыслей, безгрѣшныхъ, но и не понимающихъ грѣха,

недоступныхъ любви; рядомъ съ нимъ круглое дѣтское личико ангела, съ вѣнкомъ розъ на темныхъ кудряхъ: онъ весь—воплощеніе свѣтлой любви и экстаза; большіе сіяющіе глаза подняты на Мадонну, къ которой его влечетъ, какъ къ источнику любви. Это ангелъ-хранитель земныхъ существъ; его любовь проникнута не благоговѣніемъ, а жалостью. На другихъ картинахъ цѣлый рядъ ангеловъ воплощаетъ то мистическое созерцательное настроеніе, тихое и далекое отъ земного, то свѣтлую любовь, то грустное воспоминаніе о мірѣ, изъ котораго онѣ пришли. Юношескія фигурки ангеловъ не цѣльно передаютъ эти разнообразныя настроенія, а скорѣе намеками, но всѣ они сіяютъ духовной красотой, отраженіемъ внутренняго свѣта на странныхъ, угловатыхъ линіяхъ лица, чуть-чуть раскрытыхъ губахъ, продолговатыхъ, куда-то уходящихъ глазахъ и теплой желтизнѣ кожи, переходящей отъ болѣзненной блѣдности къ какимъ-то особымъ золотистымъ отливамъ, гармонирующимъ съ золотомъ кудрей и тканей.

Второй періодъ творчества Боттичелли относится къ семидесятымъ и восьмидесятымъ годамъ XV вѣка. Художникъ находился тогда подъ вліяніемъ философскихъ и литературныхъ идей, господствовавшихъ среди флорентійскихъ гуманистовъ, видѣлъ вокругъ себя сложную политическую и культурную жизнь общества, наблюдалъ самые яркіе и необычайные контрасты въ своихъ современникахъ; полнота жизни, характеризующая расцвѣтъ итальянскаго „возрожденія“, отразилась на творчествѣ Боттичелли, сдѣлавъ его болѣе глубокимъ и проникновеннымъ какъ по внутреннему содержанію, такъ и по оригинальной жизненности образовъ. Міросозерцаніе художника сдѣлалось болѣе широкимъ; онъ сталъ понимать всю полноту душевной жизни, обращенной на созерцаніе вѣчнаго въ преходящихъ моментахъ человѣческаго, и въ каждомъ движеніи души усматривалъ уживающіеся въ немъ контрасты чувствъ и настроеній, исходящихъ изъ свободной души, не стѣсненной узкими этическими принципами. Во всѣхъ картинахъ этого періода Боттичелли воплощаетъ оттѣнки настроеній, созданные избыткомъ культурности и утонченности жизни. Все рѣзкое исключено изъ его картинъ и драматизмъ сильныхъ чувствъ замѣненъ тонкостью переходныхъ ощущеній. Боттичелли изображаетъ преимущественно переходные моменты между созерцательными настроеніями и активными, потому что въ эти моменты наиболѣе выступаетъ наружу сложность душевной жизни, какъ ее понималъ Боттичелли, раздвоенность ея идеаловъ и стремленій. Аллегорія „Отваги“ (Fortitudo) изображена у него мощной, холодной и увѣренной въ

своей силѣ женщиной, твердо сжимающей въ рукѣ тяжелую палицу; но лицо у нея скорбное; задумчивый взглядъ устремленъ вдаль; воительница, олицетворяющая духъ сопротивленія, проникнута созерцательнымъ настроеніемъ, и предъ ея просвѣтленнымъ взоромъ война и вражда утратили смыслъ. Жрица войны, носительница смертоноснаго оружія какъ бы проповѣдуетъ миръ и прекращеніе насилія и говоритъ своимъ скорбнымъ взглядомъ о жалости и любви. Библейскую героиню, Юдиѳь, Боттичелли рисуетъ не торжествующей побѣду надъ врагомъ, а задумавшейся надъ смысломъ своего подвига послѣ его совершенія. Его интересуетъ исключительно психологическая сторона сюжета, то состояніе души, которое соединяетъ такое политическое убійство съ созерцаніемъ высшей правды, совершеніе подвига—съ пониманіемъ его безплодности передъ лицомъ вѣчности. Сложная душевная жизнь чувствуется въ странномъ образѣ молодой героини, которая легкими шагами направляется въ станъ своего народа возвѣстить о побѣдѣ и вдругъ останавливается на пути, повернувъ голову назадъ и уйдя мыслями въ прошлое; въ одной рукѣ она сжала рукоять обнаженнаго меча, другая благоговѣйно и нѣжно держитъ оливковую вѣтвь. Въ этой символической фигурѣ Боттичелли воплотилъ свое оригинальное пониманіе гражданской доблести, близкой его душѣ не своими воинственными страстями, а таящимися въ глубинѣ тонкими созерцательными настроеніями. Подвигъ, совершённый его Юдиѳью для освобожденія своего народа, вышелъ изъ кроткой, не-воинственной души; просто и спокойно, безъ участія личнаго чувства, исполнила она свой гражданскій долгъ; не возмущенной мстительницей пошла она въ станъ врага, тая кровавый умыселъ подъ праздничными уборами, а кроткой служительницей Бога, исполняющей его завѣты безпрекословно. Теперь, когда свершилось непоправимое, она возвращается къ своему народу съ той же простотой, какъ и вышла на подвигъ, такой же слугою Божіей, какъ и была; въ ней не было гордыни, когда она шла, повинуясь велѣнію свыше, и теперь, въ моментъ побѣды, она не испытываетъ торжества. Основной фонъ этой молодой души—простое и потому прекрасное отношеніе къ долгу, какъ къ чему-то высшему, лежащему внѣ человѣка, требующему всей его души и въ то же время не допускающему вмѣшательства личныхъ чувствъ. Эта простота этическаго чувства, почти сливающагося съ эстетическимъ, углублена къ тому же мыслью о смерти. Покорная слуга Господа увидѣла смерть и задумалась надъ ея тайной; она повернула голову назадъ и ея взору рисуется недавняя сцена убійства; теперь, когда долгъ совершёнъ,

въ ней просыпается созерцательное настроеніе, и, забывши настоящее, она думаетъ о вѣчномъ. Всѣ Мадонны у Боттичелли, относящіяся къ этому періоду, носятъ ту же печать раздвоенности, непримиренности съ земнымъ и безсилія слиться съ небеснымъ; въ нихъ сильнѣе всего чувствуются сомнѣнія и разочарованія, и только въ самой глубинѣ ихъ скорбнаго настроенія свѣтится нѣчто новое, ведущее вверхъ, къ недосягаемому, но близкому душѣ идеалу. Весь этотъ сложный міръ философскихъ настроеній Боттичелли отразилъ въ своихъ картинахъ символически, создавъ новый типъ красоты, наиболѣе полно выработанный имъ въ этотъ второй, лучшій періодъ его творчества. Благодаря своей близости къ гуманистическому движенію, Боттичелли не остался чуждъ вліянія античнаго искусства, но, изучивъ его очень близко, онъ заимствовалъ изъ него лишь то, что̀ соотвѣтствовало его собственному пониманію красоты. У грековъ Боттичелли заимствовалъ свой характерный пріемъ передавать быстроту движеній и даже внутреннее волненіе души развѣвающимися драпировками тканей, которыя придаютъ совершенно особую прелесть фигурамъ Боттичелли, дѣлаютъ ихъ какими-то непричастными землѣ, готовыми ежеминутно исчезнуть съ нея и въ то же время ласкающими глазъ болѣзненной граціей и особой, нѣсколько искусственной, изысканной гибкостью легкихъ формъ, смутно обрисованныхъ волнистыми движеніями тканей. Каждая складка одежды, каждое движеніе одухотворено и говоритъ о сильныхъ страстяхъ, о языческой жизнерадостности, объ избыткѣ жизненныхъ силъ. И вся красота Боттичеллевскаго типа—въ томъ, что эта страстность уживается съ созерцательнымъ выраженіемъ скорбныхъ лицъ, съ тонкими, уставшими отъ душевныхъ мукъ чертами, съ холодными, чужими землѣ, глазами, съ отраженіемъ святости и нетронутости души въ удлиненныхъ, нѣсколько аскетическихъ, линіяхъ лба и щекъ, съ мистическимъ отпечаткомъ смерти на самыхъ молодыхъ лицахъ. Эти контрасты, дѣлающіе картины второго періода символомъ раздвоенной, ищущей и глубоко разочарованной души, исчезаютъ въ третьемъ періодѣ творчества Боттичелли, когда художникъ подпалъ подъ вліяніе Савонаролы. Мало картинъ было написано имъ послѣ душевнаго кризиса, который привелъ его къ вѣрѣ; въ тѣхъ же, которыя сохранились отъ этой поры, чувствуется совершенно особый мистическій міръ. Всякіе слѣды прежняго паганизма исчезли, и съ ними исчезла легкая грація прежнихъ фигуръ; исчезли и прежнія сомнѣнія, не вернувъ, однако, ясности просвѣтленной душѣ, а повергнувъ ее въ безграничное отчаяніе, имѣющее лишь силу для жертвъ и страданій; красота формъ и

изысканная грація движеній смѣняются тяжелыми, почти безформенными фигурами Мадоннъ, прекрасныхъ, однако, чѣмъ-то инымъ, быть можетъ болѣе высокимъ, — экстазомъ отчаянія и мистическаго тяготѣнія къ вѣрѣ. Но, воплотившись въ двухъ, трехъ картинахъ, это новое настроеніе Боттичелли привело его къ полному отреченію отъ искусства, къ тому фазису вѣры, когда созерцательное настроеніе покидаетъ душу и символы теряютъ надъ нею силу.

III.

Картины Боттичелли, относящіяся къ различнымъ періодамъ его творчества, распадаются по своему содержанію на религіозныя и миѳологическія. Религіозныя темы занимали художника во всѣ періоды его творчества; миѳологическія—преобладали во второмъ. Подъ вліяніемъ гуманистовъ и, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ своихъ литературныхъ друзей, Боттичелли сталъ вдохновляться классическими темами, казавшимися ему матеріаломъ для отраженія его символическаго пониманія красоты. Такимъ образомъ возникли двѣ лучшія картины Боттичелли: его „Аллегорія Весны“ (Primavera) и „Рожденіе Венеры“ (Venere Nascente), въ которыхъ самымъ полнымъ образомъ отразилось все то, что̀ дѣлаетъ близкимъ нашему времени творчество Боттичелли.

Сюжетъ „Весны“—литературнаго происхожденія. Боттичелли заимствовалъ его изъ Полиціановской „Giostra“—поэмы, прославляющей брата Лоренцо, Юліана Медичи, и устроенный имъ блестящій турниръ. Геній художника и богатое воображеніе талантливаго поэта слились въ этой картинѣ и создали нѣчто по истинѣ великое. Это еще разъ доказываетъ тѣсную связь между искусствами и значеніе идейной, даже чисто литературной подкладки для живописи. Воспроизводя мысль поэта, художникъ вовсе не дѣлается простымъ иллюстраторомъ,—его собственныя настроенія и особенности его искусства углубляютъ внушенный ему сюжетъ, открываютъ въ немъ стороны, не затронутыя поэтомъ, быть можетъ, недоступныя ему, и символизируютъ въ краскахъ и линіяхъ то, что̀ въ замыслѣ поэта есть самаго глубокаго и несказаннаго. Конечно, только тогда единеніе художника съ поэтомъ оказывается благотворнымъ для живописи, когда оба связаны общимъ міросозерцаніемъ и общимъ настроеніемъ, когда намеки одного находятъ откликъ въ душѣ другого и вызываютъ въ немъ міръ однородныхъ образовъ, когда настроеніе, намѣченное поэтомъ,

идетъ, возвышаясь въ картинѣ художника, и достигаетъ въ ней своего апогея. Такимъ является отношеніе между поэмой Поліціана и картиной Боттичелли;—обѣ они проникнуты общей идейной основой и, въ частности, отражаютъ въ отвлеченномъ миѳологическомъ сюжетѣ чувства, вызванныя одними и тѣми же событіями ихъ общей флорентійской жизни. „Giostra"—одно изъ лучшихъ произведеній Поліціана; съ необыкновеннымъ искусствомъ съумѣлъ онъ превратить условную форму придворнаго панегирика въ источникъ истинной красоты и поэзіи. Стансы „Giostra" предназначены для описанія турнира и прославленія военнаго искусства Юліана; но поэма осталась незаконченной и останавливается на второй книгѣ, какъ разъ подойдя къ описанію турнира. Поэтъ интересовался своимъ сюжетомъ, насколько онъ давалъ простора фантазіи, и въ безконечныхъ отступленіяхъ преслѣдовалъ свои поэтическія цѣли,—создавалъ образы богинь и нимфъ, описывалъ, съ чисто флорентійскимъ вкусомъ, природу и произведенія искусства и написалъ такимъ образомъ описательную поэму, въ которой основная фабула теряется среди самостоятельныхъ поэтическихъ инцидентовъ; самое же описаніе турнира и его участниковъ слишкомъ грозило обратиться въ сухой перечень и въ придворный панегирикъ; поэтическая натура Поліціана одержала вверхъ надъ угодливостью придворнаго стихотворца, и онъ остановился тамъ, гдѣ въ сущности начиналась его задача. Въ законченныхъ двухъ пѣсняхъ (или книгахъ) описывается отважный охотникъ Юліанъ, предпочитающій свободную жизнь лѣсовъ чарамъ любви; Амуръ, раздосадованный его презрѣніемъ къ своимъ стрѣламъ, рѣшается хитростью разбудить любовь въ мужественномъ и холодномъ юношѣ; онъ посылаетъ на встрѣчу ему нимфу Симонету въ образѣ бѣлой лани, которая спасается отъ его преслѣдованій и заманиваетъ охотника въ чащу лѣса. Тамъ она показывается ему въ своемъ настоящемъ видѣ и возбуждаетъ въ Юліанѣ пламенную любовь своей красотой и граціей. Счастливый своей побѣдой, Амуръ летитъ къ матери обрадовать ее вѣстью о торжествѣ надъ самымъ храбрымъ и самымъ недоступнымъ изъ тосканскихъ юношей. Большая часть первой пѣсни посвящена описанію царства Венеры, куда направляется Амуръ—вѣчно царящей тамъ весны, цвѣтовъ и апельсинныхъ рощъ, хороводовъ грацій подъ деревьями и, наконецъ, самого дворца богини и украшающихъ его произведеній искусства. Описаніе царства Венеры—лучшая часть въ „Giostra" по красотѣ образовъ и поэтической передачѣ отдѣльныхъ миѳологическихъ эпизодовъ, изображенныхъ будто бы на стѣнахъ дворца. Вторая

часть поэмы болѣе искусственна и холодна: обрадованная торжествомъ сына, Венера хочетъ укрѣпить въ сердцѣ юноши проснувшуюся любовь и сдѣлать ее источникомъ еще болѣе доблестныхъ подвиговъ, чѣмъ все, совершённое Юліаномъ до того. Она внушаетъ ему мысль о турнирѣ въ честь Симонеты, которая будетъ наградой побѣдителю. На приготовленіяхъ къ турниру поэма обрывается.

Сюжетъ своей картины Боттичелли заимствовалъ изъ первой части, изъ описанія царства Венеры и нимфы Симонеты. Полиціанъ даетъ точное описаніе мѣстопребыванія богини,—„царства, гдѣ рѣзвятся граціи, гдѣ красота покрываетъ цвѣтами волосы, обращая ихъ въ цвѣтникъ; гдѣ шаловливый Зефиръ летитъ за Флорой и зеленая трава покрывается цвѣтами"; „гдѣ сіяетъ передъ входомъ большое дерево, съ изумрудными листьями и золотыми плодами"; „откуда никогда не уходитъ радостная Весна,—что развѣваетъ по воздуху свои свѣтлыя кудри,—и тысячи цвѣтовъ свиваетъ въ вѣнки". Эти описанія дали художнику рамку для его картины, а въ образѣ своей Весны (или, быть можетъ, Флоры) онъ слилъ Полиціановскую „Primavera" и его нимфу Симонету, которую поэтъ слѣдующимъ образомъ описываетъ въ сценахъ встрѣчи съ Юліаномъ: „Бѣла она и бѣлы ея одежды, хотя и разрисованы розами, цвѣтами и травами; волнистые волосы золотистой головы спускаются на лобъ ея, смиренный и въ то же время горделивый"... „И вѣнокъ ея былъ сплетенъ,—говоритъ Полиціанъ въ другомъ мѣстѣ,—изъ болѣе разнородныхъ цвѣтовъ, чѣмъ существующіе въ природѣ — и ими же было разрисовано ея платье". Все цвѣтетъ на лугу, когда она идетъ: „Она движется по травѣ медленными шагами, съ красивымъ выраженіемъ граціи и любви... И зеленая трава подъ сладостными шагами становится бѣлой, желтой, красной и голубой". Она идетъ, разсыпая вокругъ себя цѣлый дождь цвѣтовъ, приподнявъ бѣлой рукой край одежды. Она уходитъ съ передникомъ, полнымъ розъ".

Боттичелли точно воспроизводитъ всѣ описательныя подробности Полиціана въ своей картинѣ, и внѣшній видъ его Весны вполнѣ передаетъ черты Полиціановской Симонеты, и даже ея вышитую цвѣтами и перехваченную гирляндами розъ одежду. Картина изображаетъ царство Венеры, воспѣтое Полиціаномъ. Темная зелень померанцевой рощи, золотистые плоды на деревьяхъ и блѣдный лунный свѣтъ, пробивающійся сквозь стволы, образуютъ фонъ; въ центрѣ картины листва менѣе густа, и лунный свѣтъ проникаетъ въ нее полукругомъ, образуя свѣтлый ореолъ надъ головой высокой, медленно приближающейся женщины. Это

Венера, вступающая въ свое царство. На ней бѣлый хитонъ и перекинутая черезъ правую руку красная мантія. Она придерживаетъ ее одной рукой, а другою указываетъ вверхъ, гдѣ прямо надъ ея головой Амуръ прицѣливается изъ лука въ играющихъ подъ деревомъ грацій. Венера ступаетъ нерадостная; ея наклоненная голова и грустный взглядъ говорятъ о страданіяхъ, которыя являются въ ея свитѣ; она отягощена вѣковымъ опытомъ и видитъ внутреннимъ окомъ тлѣніе тамъ, гдѣ ея приближеніе вноситъ радость и жизнь. Эту мудрую Венеру, обозрѣвающую свое свѣтлое царство съ мыслью о тайнѣ любви и жизни, художникъ изобразилъ не язычницей, богиней легкомысленныхъ наслажденій, а скорбной женщиной, болѣе близкой къ типу Мадонны. Она готовится стать матерью, и таящаяся въ ней жизнь придаетъ мистическое выраженіе ея взгляду, говорящему о смерти.

Рядомъ съ Венерой, по лѣвую сторону, легкими молодыми шагами идетъ, по усѣянной цвѣтами травѣ, богиня весны. Въ ея странной красотѣ художникъ непонятнымъ образомъ соединилъ безуміе вакхической страсти и холодъ смерти. Высокая, до того тонкая, что кажется почти безплотной, она въ какомъ-то страстномъ порывѣ несется впередъ на своихъ стройныхъ, длинныхъ ногахъ. Прозрачная ткань ея расшитаго цвѣтами платья развѣвается по воздуху, обрисовывая полудѣтскія формы дѣвическаго тѣла. Одна рука приподнимаетъ спереди платье, въ складкахъ котораго она несетъ цвѣты; другая порывистымъ движеніемъ вынимаетъ горсти розъ, чтобы разсыпать ихъ по пути. Всѣ ея движенія, легкія и гибкія, говорятъ о молодости, о веснѣ, о всепобѣдной, сжигающей страсти. Но иное читается на длинномъ и узкомъ лицѣ, окаймленномъ золотистыми, разсыпанными по плечамъ, волосами. Вѣнокъ розъ и васильковъ украшаетъ ея голову и спускается на узкій, высокій лобъ; тѣми же цвѣтами обвита ея длинная шея, и въ этой рамкѣ весеннихъ цвѣтовъ выступаетъ блѣдное лицо, на которое жизнь наложила глубокій отпечатокъ. Лицо Весны, въ противоположность ея юношеской фигурѣ, изможденное и старое, или, вѣрнѣе, не старое, а вѣчное, все испытавшее, все знающее и безконечно уставшее. Черты лица удлиненны; тонкій и прямой носъ, рѣзкія линіи впавшихъ щекъ придаютъ выраженіе строгости и холодности, но полу-открытыя губы дышутъ страстью, а въ углахъ рта видна складка скорби. И въ этомъ лицѣ, выражающемъ всѣ оттѣнки страсти и скорби, свѣтятся холоднымъ блескомъ длинные блѣдные глаза, безстрастные и чуждые людямъ, ушедшіе въ созерцаніе своего внутренняго обособленнаго міра; неземные помыслы таятся въ ихъ глубо-

комъ, потухшемъ взглядѣ, и тяжелыя отъ вѣковыхъ страданій вѣки смыкаются отъ усталости. Если существуетъ красота типа переходной поры, когда исключительное и болѣзненное ближе и понятнѣе душѣ, чѣмъ нормальное, гармоническое и цѣльное, то величайшимъ воплощеніемъ этого типа является Боттичеллевская „Весна". Ея красота поражаетъ своей изысканностью, отсутствіемъ всего будничнаго, пошлаго и отраженіемъ раздвоенной души художника, утратившаго цѣльную вѣру, но полнаго—глубокаго тяготѣнія къ божественному.

Кромѣ Весны, въ свитѣ Венеры представлено еще нѣсколько группъ, символизирующихъ царствованіе богини на землѣ. Рядомъ съ Весной и ухватившись за нее, стоитъ полуобнаженная нимфа земли; она спасается отъ преслѣдующаго ее Зефира, который силится охватить ее; отъ его дуновенія изъ устъ нимфы появляются травы и цвѣты. Примитивная аллегорія этой группы прямо заимствована у Полиціана. По другую сторону отъ Венеры, подъ тѣнью померанцевъ, мѣрно и плавно движутся въ медленномъ хороводѣ три стройныя, прекрасныя граціи; пластическія движенія ихъ стройныхъ ногъ и переплетающихся, то поднятыхъ кверху, то опускающихся внизъ рукъ, соразмѣрность и выдержанность ихъ классическихъ, тонкихъ формъ, движеніе, переданное волнистымъ колебаніемъ прозрачныхъ тканей на ихъ тѣлѣ,—все это указываетъ на подражаніе античнымъ образцамъ. Но головы этихъ античныхъ грацій соотвѣтствуютъ уже вполнѣ типу Боттичеллевской красоты, тревожной и скорбной, и выраженіе всѣхъ трехъ лицъ отуманено какою-то общей печалью, полной благородства, и какой-то особой изысканностью. Онѣ празднуютъ приходъ Венеры и Весны своими танцами, но онѣ же и первыя жертвы ея роковой власти: въ среднюю изъ грацій прицѣлился Амуръ своей стрѣлой съ огненнымъ наконечникомъ, а двѣ другія смотрятъ на нее озабоченнымъ, любящимъ взглядомъ. Послѣднюю фигуру на картинѣ представляетъ темноволосый стройный юноша съ краснымъ плащомъ черезъ правое плечо; это Меркурій, судя по крыльямъ на сандаліяхъ. Онъ стоитъ отдѣльно отъ другихъ, не принимая участія въ происходящемъ вокругъ него; оперщись лѣвой рукой на бедро, онъ поднялъ правую вверхъ, раздвигая густую листву надъ головой.

Всѣ отдѣльныя фигуры на картинѣ Боттичелли полны индивидуальной жизни и воплощаютъ каждая сложный душевный міръ, но это не только не лишаетъ всю картину общаго настроенія, а напротивъ, дѣлаетъ его болѣе глубокимъ и сильнымъ. Все въ царствѣ Венеры привѣтствуетъ наступленіе весны; всѣ упиваются

цвѣтами, танцами, любовью; но въ этомъ праздникѣ обыкновенной жизни чувствуется трагическая нота; на лицахъ, предающихся веселью, лежитъ облако грусти; во внѣшней картинѣ весны чувствуется внутреннее настроеніе смерти. Это впечатлѣніе, производимое картиной, вполнѣ отвѣчаетъ замыслу художника. Подобно тому, какъ Полиціанъ воспѣвалъ, подъ видомъ нимфы Симонеты, возлюбленную Юліана Медичи, красавицу Симонету Катанео, Боттичелли тоже придалъ черты Симонеты своей Веснѣ; но настроеніе, въ которомъ онъ писалъ свою картину, иное, чѣмъ у Полиціана, воспѣвавшаго „бѣлолицую, радостную, быстроногую нимфу". Симонета Катанео умерла, и Боттичелли заказана была картина въ память объ умершей молодой красавицѣ. Такимъ образомъ, основная тема картины—смерть, и своеобразность художника заключалась въ томъ, что символомъ смерти у него является Весна, и что онъ объединяетъ два крайніе момента жизни—рожденіе и смерть въ одномъ общемъ мистическомъ настроеніи.

Родственной по духу Веснѣ является другая миѳологическая картина Боттичелли—„Рожденіе Венеры". Сюжетъ ея заимствованъ тоже изъ Полиціановской „Giostra" и воспроизводитъ одинъ изъ описанныхъ въ поэмѣ медальоновъ во дворцѣ Венеры: по бурному, покрытому волнами морю несется, приближаясь къ берегу, Венера; она стоитъ во весь ростъ въ большой морской раковинѣ, у самаго ея края, и подавшееся нѣсколько впередъ тѣло, а также приподнятая лѣвая ступня, указываютъ на быстроту, съ которой она несется; ей во слѣдъ дуютъ, направляя движеніе раковины, два Зефира, странныя, полу-фантастическія, полу-человѣческія существа, которыя летятъ, обнявши другъ друга; на берегу издали виднѣется темная листва рощи, напоминающей фонъ на картинѣ Весны, а у самаго берега стоитъ нимфа, держа наготовѣ расшитый цвѣтами плащъ—для приближающейся богини. Она одѣта въ совершенно такое же, усѣянное цвѣтами, платье, какъ Весна на первой картинѣ, и ея развѣвающіеся волосы и одежда восполняютъ общее впечатлѣніе движенія, которымъ полна картина. Центръ картины составляетъ Венера, одна изъ самыхъ цѣльныхъ воплощеній Боттичеллевскаго идеала красоты. Тонкія, удлиненныя формы, изысканность изящныхъ линій гибкой шеи, покатыхъ плечъ и сухихъ, угловатыхъ линій тѣла—показываютъ, какъ далекъ Боттичелли отъ классическаго идеала. Онъ изгоняетъ гармонію изъ своихъ фигуръ и замѣняетъ ее странной, но обаятельной изломанностью и подвижностью внѣшнихъ формъ, отражающихъ тревожную душу. Такова и эта Венера, нѣжная какъ родившая ее морская пѣна, съ монастырски чистыми и строгими

линіями юнаго тѣла и загадочными изгибами всей фигуры. Золотые волосы тяжелымъ снопомъ падаютъ на спину и ноги, разлетаются по вѣтру и освѣщаютъ металлическимъ блескомъ кроткое лицо богини, съ ея святымъ и печальнымъ, какъ у Мадонны, взглядомъ и съ выраженіемъ ожиданія и покорности въ чертахъ. Это та же Венера, какъ и на предъидущей картинѣ, но здѣсь она моложе; она только-что вышла изъ моря, и скорбное выраженіе ея лица создано не вѣковымъ опытомъ и пережитыми страданіями, а предчувствіемъ скорби, омрачающимъ ея первыя думы.

IV.

На ряду съ миѳологическими картинами, сложившимися подъ вліяніемъ гуманистическихъ идей ренессанса, цѣлый рядъ религіозныхъ картинъ свидѣтельствуетъ о высотѣ и своеобразности артистическихъ замысловъ Боттичелли. Изображеніе Мадоннъ играло крайне важную роль въ развитіи искусства. Католическая церковь, создавшая культъ Богородицы и окружившая ореоломъ божественности страданія Матери Христа и ея конечное торжество, создала для искусства высочайшій символъ для воплощенія самыхъ разнородныхъ міросозерцаній. Въ образѣ земной матери, противопоставленной божественному Сыну, и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ художники всѣхъ временъ христіанской живописи воплощали отношеніе человѣческаго къ божественному, пониманіе человѣкомъ тайнъ божества. Величайшее преимущество этого символа была необыкновенная простота и однообразіе сюжетовъ, отражающихъ его: два дѣйствующихъ лица, мать и Младенецъ на ея рукахъ, исчерпываютъ его; группы ангеловъ вокругъ нихъ являются уже украшеніемъ; онѣ могутъ быть или не быть,—сущность происходящей между двумя главными лицами драмы отъ этого не измѣняется. Во всѣхъ безчисленныхъ изображеніяхъ Мадоннъ содержаніе одно и то же, и именно благодаря этой внѣшней тождественности, этой символической простотѣ сюжета, возможно то безконечное разнообразіе пониманія, та глубина настроенія, которую мастера различныхъ школъ вносили въ своихъ Мадоннъ. Имѣя постоянно одинъ и тотъ же сюжетъ передъ собой, они могли углублять его до безконечности и воплощать въ немъ свой индивидуальный душевный міръ.

Это глубокое значеніе опредѣленной религіозной темы сказалось въ творчествѣ Боттичелли: въ его Мадоннахъ наиболѣе полно и глубоко воплотилась индивидуальность художника съ его свое-

образной красотой и сильнымъ мистическимъ чувствомъ. Въ одной изъ своихъ раннихъ картинъ, Боттичелли изобразилъ моментъ полнаго единенія между Сыномъ, провозглашающимъ истину, и внемлющей ему Матерью. Всѣ позднѣйшія его Мадонны какъ будто бы пережили этотъ моментъ, это мгновенное мистическое единеніе съ Сыномъ, постигли душой его тайну, значеніе его подвига, и вышли изъ этого созерцанія не успокоенныя, а съ надломленной, скорбной душой. Постоянная тема Боттичелли въ изображеніи Мадоннъ—разладъ земного чувства съ божественной тайной, которой онъ пріобщился. Мадонны его уже не такъ молоды, какъ на первой картинѣ. Жизнь углубила ихъ черты, а созерцаніе божественной тайны преисполнило ихъ мистической скорби. Художникъ рисуетъ ихъ въ различные моменты душевной жизни, то сіяющихъ въ сонмѣ славословящихъ ангеловъ, то скорбящихъ о неминуемыхъ страданіяхъ Сына, то задумчиво и печально совершающихъ долгъ земной матери—кормящихъ грудью еще не отнятаго у нихъ жизнью Младенца; но какъ ни различны ихъ настроенія въ ту или другую минуту, ихъ соединяетъ общее чувство странной отчужденности отъ Сына: онѣ постигли его божественную миссію, онѣ полны всепоглощающей любви къ нему, но въ нихъ говорятъ земныя чувства, божественный энтузіазмъ Младенца встрѣчаетъ въ нихъ сомнѣнія въ пользѣ его жертвы, въ которой онѣ видятъ только страданія и скорбь; а его вдохновенная любовь къ людямъ и стремленіе направить ихъ на путь небесный смѣняются въ чертахъ Мадоннъ жалостью къ людямъ и любовью къ нимъ, такими, какими они есть, со всѣми своими заблужденіями. И въ то время какъ всѣ помыслы Младенца направлены на неуклонное слѣдованіе завѣтамъ Небеснаго Отца, Мать не можетъ слиться съ его беззавѣтной вѣрой въ свой искупительный подвигъ; она принадлежитъ людямъ, ихъ сомнѣніямъ и ихъ слабостямъ; божественный лучъ, освѣтившій ея душу, открылъ въ ней источникъ безконечной любви и тяготѣнія къ небу, но оставилъ въ ней все земное, всю силу прежнихъ страстей и прежнихъ страданій непокорнаго духа.

Такимъ настроеніемъ проникнута самая вдохновенная изъ Мадоннъ Боттичелли, его знаменитая „Magnificat", одна изъ жемчужинъ флорентійскаго музея Uffizi. Картина представляетъ Мадонну въ моментъ провозглашенія ей вѣчной славы. Она сидитъ въ креслѣ, одѣтая въ богатыя восточныя ткани; прозрачная бѣлая фата покрываетъ ея золотистые волосы и низко спускается съ плечъ. Двое ангеловъ держатъ надъ нею тонкую золотую корону рѣзной работы и готовятся опустить ее на голову Маріи. На

колѣняхъ у нея сидитъ Младенецъ Христосъ; глаза его свѣтятся вдохновеніемъ и торжествомъ, — онъ предрекаетъ вѣчную славу матери. Властнымъ жестомъ касается онъ ея правой руки, какъ-то безсильно и безвольно держащей перо въ длинныхъ тонкихъ пальцахъ; онъ заставляетъ ее опустить перо въ чернильницу, которую держитъ одинъ изъ услуживающихъ ангеловъ, и начертать въ развернутой передъ нею книгѣ начало гимна „Magnificat“, славословящаго ея имя. Картина дышетъ неземнымъ, свѣтлымъ ликованіемъ, сопровождающимъ торжественный моментъ коронованія Богоматери; просвѣтленный, значительный взоръ Младенца проникнутъ экстазомъ; апоѳеозъ земной матери полонъ для него глубокаго смысла, говоритъ ему о торжествѣ божественнаго въ человѣкѣ; полу-открытыя уста какъ бы шепчутъ радостныя слова гимна, а поднятые на мать глаза ищутъ отклика въ ея душѣ. Ангелы, присутствующіе при сценѣ, обмѣниваются глубокими взглядами, раздѣляя ликованіе Младенца и преклоняясь передъ величіемъ матери. Въ этой торжественной и радостной сценѣ не участвуетъ только сама Мадонна—ея душа отсутствуетъ, она не чувствуетъ устремленнаго на нее взгляда Сына, и ростущую въ ней скорбь не могутъ заглушить пѣснопѣнія ангеловъ. Устало склонилась ея голова, какъ бы уже чувствуя тяжесть возлагаемаго на нее небеснаго вѣнца; тяжело сомкнулись вѣки надъ глазами, ушедшими въ созерцаніе незримаго внутренняго міра, и только на полу-открытыхъ губахъ, дышущихъ мятежной жизнью страстей, играетъ слабая тѣнь торжествующей улыбки. Рука ея медлитъ покориться повелѣнію Сына, — слова гимна лишены для нея своего торжественнаго смысла, потому что непонятенъ ей нераздѣльный восторгъ, и теперь, въ радостный моментъ торжества, разладъ въ ея душѣ сказывается во всемъ своемъ трагизмѣ. Съ своимъ божественнымъ Сыномъ она объединена лишь его скорбью и страданіями, будящими ея материнское чувство; его радости она не причастна; въ этотъ же мигъ небеснаго ликованія рука ея безучастно и холодно держитъ на колѣняхъ чуждаго ея раздвоенному сознанію Младенца, и душа ея витаетъ далеко, у слабыхъ, близкихъ ея сердцу людей, съ ихъ порывами и сомнѣніями. Ангелы восполняютъ картину своими выразительными, идеально-прекрасными головками и замыкаютъ своей художественной группировкой архитектурную форму rondo, законченную и полную настроенія.

Послѣднимъ аккордомъ въ творчествѣ Боттичелли являются Мадонны его третьяго періода. Особенно полнымъ отразился мистицизмъ художника, покореннаго Савонаролой, въ двухъ карти-

нахъ, написанныхъ Боттичелли, прежде чѣмъ онъ окончательно отказался отъ дѣла своей жизни. Одна изъ нихъ—„Благовѣщеніе" (Annunziazione): колѣнопреклоненный ангелъ съ какой-то скорбной торжественностью сообщаетъ вѣсть о грядущемъ Мадоннѣ, склоняющейся при его словахъ движеніемъ, полнымъ покорности и муки. На второмъ планѣ виднѣется открытая гробница — напоминаніе объ исходѣ божественной трагедіи. Въ этой картинѣ, написанной на одинъ изъ радостныхъ евангельскихъ сюжетовъ, все полно внутренней трагедіи и полно какимъ-то особымъ сознаніемъ неизбѣжности страданія, мистическимъ пониманіемъ скорби, какъ необходимаго элемента міровой жизни. Еще глубже и безотраднѣе другая картина этого періода: подавшаяся всѣмъ тѣломъ впередъ Мадонна, съ закрытыми глазами, отдаетъ сына, тоже нагнувшагося впередъ и закрывшаго глаза,—Іоанну, пріемлющему его. Сама мать, постигшая своего Сына, отдаетъ его страдающему человѣчеству, воплощенному въ лицѣ Крестителя. Картина проникнута глубокимъ экстазомъ вѣры, способнымъ вдохновить на подвигъ изстрадавшуюся въ борьбѣ душу. Отчаяніе и глубокая вѣра въ необходимость жертвы сливаются въ образъ высокой мистической красоты, замѣняющей красоту внѣшнюю, покинувшую черты этой уничтоженной скорбью женщины. Таковой была и душа Боттичелли, сдѣлавшагося мистикомъ въ концѣ жизни, но сохранившаго всю глубину пытливаго, не знающаго успокоенія духа.

Зин. Венгерова.

ЗНАЧЕНІЕ ГОСУДАРСТВА

I.

Всякое личное существо, въ силу своего безусловнаго значенія (въ смыслѣ нравственномъ), имѣетъ неотъемлемое право на существованіе и на совершенствованіе. Но это нравственное право было бы пустымъ словомъ, еслибы его дѣйствительное осуществленіе зависѣло всецѣло отъ внѣшнихъ случайностей и чужого произвола. Дѣйствительное право есть то, которое заключаетъ въ себѣ условія своего осуществленія, т.-е. огражденія себя отъ нарушеній. Первое и основное условіе для этого есть общежитіе или общественность, ибо человѣкъ одинокій, предоставленный самому себѣ, очевидно безсиленъ противъ стихій природы, противъ хищныхъ звѣрей и безчеловѣчныхъ людей. Но, будучи необходимымъ огражденіемъ личной свободы, или естественныхъ правъ человѣка, общественная форма жизни есть вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченіе этихъ правъ, но ограниченіе не внѣшнее и произвольное, а внутренно вытекающее изъ существа дѣла. Пользуясь для огражденія своего существованія и дѣятельности организаціею общественною, я долженъ и за нею признать право на существованіе и развитіе, и слѣдовательно подчинить свою дѣятельность необходимымъ условіямъ существованія и развитія общественнаго. Если я желаю осуществлять свое право или обезпечивать себѣ область свободнаго дѣйствія, то, конечно, мѣру этого осуществленія или объемъ этой свободной области я долженъ обусловить тѣми основными требованіями общественнаго интереса или общаго блага,

безъ удовлетворенія которыхъ не можетъ быть *никакого* осуществленія моихъ правъ и *никакого* обезпеченія моей свободы.

Опредѣленное въ данныхъ обстоятельствахъ мѣста и времени ограниченіе личной свободы требованіями общаго блага, или — что тоже—опредѣленное въ данныхъ условіяхъ уравновѣшеніе этихъ двухъ началъ, есть право положительное или *законъ*.

Законъ есть общепризнанное и безличное (т.-е. независящее отъ личныхъ мнѣній и желанія) опредѣленіе права, или понятіе о должномъ, въ данныхъ условіяхъ и въ данномъ отношеніи, равновѣсіи частной свободы и общаго блага, — опредѣленіе или *общее понятіе, осуществляемое чрезъ особыя сужденія въ единичныхъ случаяхъ или дѣлахъ.*

Отсюда три отличительные признака закона: 1) его *публичность*—постановленіе, не обнародованное во всеобщее свѣдѣніе, не можетъ потому имѣть силы закона; 2) его *конкретность*—законъ выражаетъ норму дѣйствительныхъ жизненныхъ отношеній въ данной общественной средѣ, а не какія-нибудь отвлеченныя истины и идеалы, и 3) его *реальная примѣнимость*, или удобоисполнимость въ каждомъ единичномъ случаѣ, ради чего съ нимъ всегда связана такъ называемая „санкція", т.-е. угроза принудительными и карательными мѣрами—на случай неисполненія его требованій или нарушенія его запрещеній.

Чтобы эта санкція не оставалась пустою угрозой, въ распоряженіи закона должна быть дѣйствительная сила, достаточная для приведенія его въ исполненіе во всякомъ случаѣ. Другими словами, право должно имѣть въ обществѣ дѣйствительныхъ носителей или представителей, достаточно могущественныхъ для того, чтобы издаваемые ими законы и произносимыя сужденія могли имѣть силу принудительную. Такое реальное воплощеніе права называется *властью.*

Требуя по необходимости отъ общественнаго цѣлаго того обезпеченія моихъ естественныхъ правъ, которое не подъ силу мнѣ самому, я по разуму и справедливости долженъ предоставить этому общественному цѣлому положительное право на тѣ средства и способы дѣйствія, безъ которыхъ оно не могло бы исполнить своей, для меня самого желательной и необходимой, задачи; а именно, я долженъ предоставить этому общественному цѣлому: 1) власть издавать обязательные для всѣхъ, слѣдовательно и для меня, законы; 2) власть судить сообразно этимъ общимъ законамъ о частныхъ дѣлахъ и поступкахъ, и 3) власть принуждать всѣхъ и каждаго къ исполненію какъ этихъ судебныхъ пригово-

ровъ, такъ и вообще всѣхъ законныхъ мѣръ, необходимыхъ для общей (а слѣдовательно и моей) безопасности и преуспѣянія.

Ясно, что эти три различныя власти — законодательная, судебная и исполнительная—суть только особыя формы проявленія единой верховной власти, въ которой сосредоточивается все положительное право общественнаго цѣлаго, какъ такого. Безъ единства верховной власти, такъ или иначе выраженнаго, не возможны были бы ни общіе законы, ни правильные суды, ни дѣйствительное управленіе, т.-е. самая цѣль организаціи даннаго общества не могла бы быть достигнута.

Общественное тѣло съ постоянною организаціею, заключающее въ себѣ полноту положительныхъ правъ, или единую верховную власть, называется *государствомъ*. Во всякомъ организмѣ необходимо различаются: 1) организующее начало; 2) система органовъ или орудій организующаго дѣйствія, и 3) совокупность организуемыхъ элементовъ. Соотвѣтственно этому и въ собирательномъ организмѣ государства различаются: 1) верховная власть; 2) различные ея органы или подчиненныя власти, и 3) субстратъ государства, т.-е. масса населенія, состоящая изъ единичныхъ лицъ, семействъ и болѣе широкихъ частныхъ союзовъ, подчиненныхъ государственной власти. Только въ государствѣ право находитъ всѣ условія для своего дѣйствительнаго осуществленія, и съ этой стороны государство есть *воплощенное право*. Однако этимъ основнымъ опредѣленіемъ понятіе государства не исчерпывается.

II.

Такая сложная организація, какъ государство, представляетъ, конечно, по различію временъ и мѣстъ, весьма разнообразные типы. Не входя въ вопросъ о формахъ правленія—вопросъ, который, начиная съ Аристотеля, былъ любимою темой писателей по политикѣ и по государственному праву и можетъ считаться теоретически исчерпаннымъ,—я припомню только, какъ идея государства отразилась въ главныхъ языкахъ образованнаго человѣчества. Коренное значеніе того слова, которое извѣстный народъ употребляетъ для обозначенія государства, содержитъ, конечно, если не прямое указаніе, то ясный намекъ на то, какую сторону или какую задачу собирательной жизни считалъ или считаетъ онъ для себя самою важною. Безъ сомнѣнія, ни одинъ великій историческій народъ не подчеркнулъ бы въ понятіи государства такой стороны или такого признака, который вовсе не

имѣетъ существеннаго значенія въ этомъ понятіи. Такимъ образомъ, сопоставленіе этихъ различныхъ національныхъ способовъ пониманія поможетъ намъ углубить и расширить наше собственное понятіе о смыслѣ государства.

Для древнихъ грековъ государство было *городомъ*, или самостоятельною гражданскою общиною (πολιτεια—отъ πολις). Это понятіе навсегда укоренилось въ памяти человѣчества, какъ о томъ свидѣтельствуютъ такія слова, какъ *гражданинъ*, *гражданская* доблесть, соотвѣтствующія которымъ встрѣчаются во всѣхъ европейскихъ языкахъ. Но какое же общее значеніе имѣетъ здѣсь городъ? Конечно, это значеніе не исчерпывается представленіемъ огороженнаго жилого мѣста. Городъ всегда былъ и есть средоточіе образованности умственной и матеріальной культуры живого движенія и прогресса [1]). Все это требуетъ организованнаго сотрудничества многихъ людей, а для этого нужно ихъ соединеніе въ одномъ мѣстѣ, т.-е. городъ. Никогда образованность не зарождалась и не преуспѣвала внѣ государственной организаціи, а сколько-нибудь значительныя государства всегда выходили изъ города, или были связаны съ городомъ. Великія восточныя деспотіи вышли изъ разросшихся городовъ—Вавилона, Ниневіи, Мемфиса, Ѳивъ и т. д.; величайшая въ свѣтѣ государственная организація выросла изъ города Рима, а раньше того долгое время очагами всемірной исторіи были два небольшихъ города—Іерусалимъ и Аѳины. Три величайшіе момента въ историческомъ процессѣ (съ внѣшней его стороны) ознаменованы основаніемъ городовъ: сочетаніе восточной и эллинской культуры (Александрія); явное торжество христіанства надъ язычествомъ (Константинополь), и выступленіе на всемірно-историческое поприще новой, посредствующей между западомъ и востокомъ, силы Россіи (Петербургъ).

Называя государство городомъ, греки—первые создатели чисто-человѣческой культуры—указали на существенное значеніе для государства его *культурной* задачи, и вѣрность этого указанія подтверждается разумомъ и исторіей. Если свободные роды и племена принимаютъ принудительную организацію, если частные интересы подчиняются условіямъ, необходимымъ для существованія цѣлаго, то это дѣлается не съ тѣмъ, конечно, чтобы поддерживать дикую, полу-звѣриную жизнь людей. Государство есть

[1]) Городской—значитъ образованный, какъ деревенскій—напротивъ, дикій, невѣжественный. И эта связь понятій, первоначально выяснившаяся въ сознаніи грековъ, перешла отъ нихъ и къ другимъ націямъ: urbanus, urbain, poli, civil, civilisé—и наоборотъ: agrestis, rudis, rusticus и т. д.

необходимое условіе человѣческой образованности, культурнаго прогресса. Поэтому принципіальные противники государственной организаціи бываютъ непремѣнно вмѣстѣ съ тѣмъ и принципіальными противниками образованности. Но такъ какъ прямо проповѣдовать дикость и простоту звѣринаго быта рѣшаются лишь немногіе, то придумано ad hoc софистическое раздѣленіе между внѣшнею, матеріальною культурою—и внутреннимъ, духовнымъ просвѣщеніемъ человѣка. Что эти двѣ стороны историческаго процесса различаются между собою и что высокое развитіе одной изъ нихъ не всегда совпадаетъ съ такимъ же развитіемъ другой въ единичныхъ случаяхъ,—объ этомъ нѣтъ спора, и останавливаться на этой очевидной истинѣ не было бы никакого интереса. Всѣ согласны, что мало-образованный праведникъ безъ сравненія лучше высоко-культурнаго негодяя, какъ драгоцѣнный камень есть предметъ гораздо болѣе желательный, нежели человѣческій палецъ, пораженный гангреной; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы образованность вообще была не нужна, и чтобы неорганическое вещество было вообще нѣчто лучшее, нежели тѣла органическія. Конечно, камень имѣетъ передъ человѣкомъ то преимущество, что не можетъ заболѣвать и не нуждается въ медицинѣ.

Противники культуры, воображающіе, что существованіе необразованныхъ праведниковъ доказываетъ что-нибудь въ пользу ихъ мнѣнія, закрываютъ глаза на то, что мы имѣемъ здѣсь примѣры необразованности лишь весьма относительной. Но именно рѣшающее значеніе имѣетъ здѣсь вопросъ: могли ли бы даже такіе праведники появиться въ средѣ безусловно-дикой? Могъ ли бы, напримѣръ, пресловутый Акимычъ изъ „Власти тьмы“ явиться среди каннибаловъ, и еслибы даже явился, то не былъ ли бы онъ ими немедленно съѣденъ, такъ что его мудрость осталась бы совершенно безполезной для публики русскихъ театровъ? Отчего историческій Будда проповѣдовалъ свое ученіе не полудикимъ арьямъ, для которыхъ коровье масло было высшимъ благомъ, а жителямъ культурныхъ индійскихъ государствъ? Отчего самъ Богочеловѣкъ могъ родиться только тогда, когда настала „полнота временъ“? Отчего Онъ явился лишь въ VIII-мъ вѣкѣ послѣ основанія вѣчнаго *города*, въ предѣлахъ великаго римскаго *государства*, среди *культурнаго* населенія Галилеи и Іерусалима? Когда твердятъ общее мѣсто о „галилейскихъ рыбакахъ“, то забываютъ, во-первыхъ, что „паче всѣхъ потрудился“ для христіанства (какъ по сознанію самой церкви, такъ и по сознанію ея враговъ) ученый книжникъ и образованный римскій

гражданинъ Павелъ, ссылавшійся на эллинскихъ поэтовъ и на римскіе законы; во-вторыхъ, и рыбаки-апостолы вовсе не были дикарями и невѣждами, а были воспитаны на Книгѣ Законовъ и Пророковъ; и, наконецъ, въ-третьихъ, для исполненія своего дѣла они должны были еще научиться писать по-гречески.

III.

Если величайшіе представители умственной и эстетической образованности—греки,—называя государство „городомъ", выдвигали на первый планъ создаваемую городомъ культуру, то люди практическаго характера—римляне—ставили выше всего другую сторону государства, именно его задачу объединять людей для *общаго дѣла*, или осуществлять ихъ солидарность въ этомъ дѣлѣ. Для нихъ государство было—res publica, т.-е. общее, или всенародное дѣло. Опредѣляя государство такимъ образомъ, римляне придавали ему вмѣстѣ съ тѣмъ безусловное значеніе, видѣли въ немъ верховное начало жизни; обезпеченность общаго дѣла, охраненіе общественнаго цѣлаго отъ распаденія есть высшій интересъ, которому все прочее должно неограниченно подчиняться: salus reipublicae summa lex.

Въ римскомъ понятіи государства какъ общаго дѣла, какъ воплощенія человѣческой солидарности, нравственный его характеръ выражается, конечно, болѣе прямымъ и тѣснымъ образомъ, нежели въ греческомъ понятіи культурнаго гражданства. Если типическій высококультурный аѳинянинъ, или коринѳянинъ, могъ быть съ моральной стороны негодяемъ, если названіе сибаритъ (гражданинъ Сибариса) стало нарицательнымъ именемъ для людей изысканно-эгоистическихъ и распущенныхъ, то типическій гражданинъ въ римскомъ смыслѣ, т.-е. человѣкъ, ставящій выше всего благо отечества и для его сохраненія всегда готовый пожертвовать своею жизнью и всѣми своими честными привязанностями, никакъ уже не можетъ быть названъ человѣкомъ безнравственнымъ. Не даромъ римская доблесть вошла въ поговорку, и никому не придетъ въ голову сказать про человѣка нравственно-негоднаго: вотъ настоящій римлянинъ! Это имя вызываетъ нераздѣльное представленіе о человѣкѣ, во-первыхъ, доблестномъ, или нравственно-сильномъ, затѣмъ о законникѣ и, наконецъ, о государственникѣ—наглядное доказательство тѣсной связи между нравственностью, правомъ и государствомъ.

IV.

Государство, какъ дѣйствительное историческое воплощеніе людской солидарности есть реальное условіе общечеловѣческаго дѣла, т.-е. осуществленія добра въ мірѣ. Этотъ реально-нравственный характеръ государства, подчеркнутый практическимъ духомъ римлянъ, не означаетъ, однако, что оно само, какъ думали римляне, уже есть безусловное начало нравственности, высшая цѣль жизни, верховное добро и благо. Ошибочность такого взгляда, обоготворявшаго государство, проявилась наглядно въ исторіи, когда выступило дѣйствительно безусловное начало нравственности въ христіанствѣ. Римскія власти должны были преслѣдовать новое ученіе не изъ религіозной исключительности, или фанатизма, отъ которыхъ онѣ вообще были свободны, а прямо въ силу римской политической идеи, того государственнаго абсолютизма, который, оставаясь самимъ собою, не могъ признать вмѣстѣ съ собою другое въ какомъ бы то ни было смыслѣ высшее начало. Съ своей стороны, христіанство никогда не отрицало государственной организаціи и нравственной обязанности подчиненія властямъ, какъ необходимому орудію промысла Божія; но, отводя, такимъ образомъ, государству должное мѣсто, христіане неизбѣжно сталкивались съ римскою идеей, обоготворявшею государство, т.-е. ставившею его на недолжное мѣсто. Столкновеніе должно было произойти, несмотря на искреннее желаніе христіанъ быть добрыми гражданами и подчиняться государству въ его сферѣ. Внутреннее преимущество христіанства, въ силу котораго оно должно было восторжествовать даже съ чисто-человѣческой точки зрѣнія, состояло въ томъ, что оно было шире, великодушнѣе своего противника, что оно могло, оставаясь себѣ вѣрнымъ, признать за государствомъ право на существованіе, и даже на верховное владычество въ мірской области, оно отдавало ему должное въ полной мѣрѣ, оно было справедливо; тогда какъ римскимъ властямъ по неволѣ приходилось отказывать христіанству въ томъ, что̀ принадлежало ему по праву, именно въ значеніи его какъ высшаго безусловнаго начала жизни. Побѣда осталась за болѣе широкою, гуманною, прогрессивною стороною, и съ тѣхъ поръ, каковы бы ни были историческія перемѣны, дѣйствительное возвращеніе къ римскому государственному абсолютизму есть дѣло невозможное.

На его мѣсто выступили въ средніе вѣка двѣ новыя политическія идеи общаго значенія: западно-европейская и византійская. Въ пер-

вой изъ нихъ, прошедшей множество фазисовъ развитія,—отъ феодальнаго королевства до современной французской или американской республики (съ временными и непрочными реакціями въ сторону абсолютизма),—подчеркивается въ особенности *относительный* характеръ государства. На всѣхъ главныхъ европейскихъ языкахъ понятіе государства обозначается словами, происшедшими отъ латинскаго слова status (которое, однако, самими римлянами *не* употреблялось въ этомъ смыслѣ): état, estado, Staat, state и т. д. Status значитъ *состояніе*, и, называя такъ государство, европейскіе народы видятъ въ немъ только относительное состояніе, результатъ взаимодѣйствія различныхъ соціальныхъ силъ и элементовъ. Такъ было въ средніе вѣка, когда государство въ Европѣ представляло собою лишь равнодѣйствующую враждебныхъ силъ и элементовъ: центральной королевской власти, духовенства, феодальныхъ владѣтелей и городскихъ общинъ; то же самое и теперь, когда это государство есть лишь равнодѣйствующая противоборствующихъ классовыхъ и партійныхъ интересовъ. Отличительный характеръ европейской цивилизаціи (впервые отчетливо указанный въ извѣстномъ сочиненіи Гизо),—именно сложный ея составъ изъ элементовъ не только разнородныхъ, но и приблизительно равносильныхъ, самостоятельныхъ, способныхъ и желающихъ постоять за себя,—опредѣлилъ и общій характеръ западнаго государства на всемъ протяженіи средней и новой исторіи.

Общее благо требуетъ, чтобы борьба противныхъ силъ не переходила въ непрерывное насиліе, чтобы онѣ были по возможности мирно уравновѣшиваемы, по общему согласію,—молчаливому, или же прямо выраженному въ договорѣ. Въ этомъ и состоитъ основной формальный смыслъ государства, именно его правовое значеніе. Право по самой идеѣ своей есть равновѣсіе частной свободы и общаго блага. Конкретное выраженіе, или воплощеніе этого равновѣсія со всѣми условіями, необходимыми для его осуществленія, и есть государство.

Но это воплощаемое въ государствѣ равновѣсіе противоборствующихъ силъ и интересовъ не есть постоянное, оно подвижно и измѣнчиво: измѣняются самыя силы дѣйствующія, измѣняется ихъ взаимоотношеніе, измѣняются наконецъ и самые способы ихъ государственнаго уравновѣшенія. Чѣмъ же опредѣляются эти измѣненія? Если правовыя отношенія совершенствуются по существу, становятся болѣе справедливыми, болѣе человѣчными, то спрашивается, какая сила управляетъ этимъ совершенствованіемъ? Полнота правовыхъ дѣятелей есть государство—но государство, по западному понятію о немъ, само есть только выраженіе даннаго

правового состоянія,—и ничего болѣе. Итакъ, нужно или признать, что прогрессъ права и связанное съ нимъ усовершенствованіе человѣчества не только происходило и происходитъ, но и всегда будетъ происходить *само собою*, какъ физическій процессъ, при чемъ теряется всякая увѣренность, что этотъ процессъ будетъ вести къ лучшему; или же нужно признать западно-европейское понятіе государства недостаточнымъ и искать другого.

V.

Византійская политическая идея характеризуется тѣмъ, что признаетъ въ государствѣ *сверхправовое* начало, которое, *не будучи произведеніемъ данныхъ правовыхъ отношеній, можетъ и призвано самостоятельно измѣнять ихъ согласно требованіямъ высшей правды*. Эта идея до новѣйшаго времени не была чужда и западной Европѣ, но здѣсь она была лишь собственно тенденціею одного изъ политическихъ элементовъ, на ряду съ другими боровшагося за преобладаніе—именно королевской власти. Торжество этого элемента надъ другими было лишь временно и неполно, и въ настоящее время идея абсолютной монархіи никакихъ корней въ жизни и сознаніи западно-европейскихъ народовъ не имѣетъ.

Въ Византіи хотя идея абсолютной монархіи или христіанскаго царства утверждалась въ отвлеченной формѣ, но не могла получить надлежащаго развитія ни въ сознаніи, ни въ жизни „ромеевъ", надъ которыми слишкомъ еще тяготѣли преданія римскаго государственнаго абсолютизма, лишь поверхностно украшеннаго христіанскою внѣшностью. Между тѣмъ по существу дѣла эти двѣ идеи не только не тождественны, но въ извѣстномъ отношеніи находятся другъ съ другомъ въ прямомъ противорѣчіи. По римской идеѣ государство, какъ высшая форма жизни, есть все, оно само по себѣ есть цѣль, и когда вся полнота государственной власти—вся res publica — сосредоточилась въ единомъ императорѣ, то онъ помимо всякой лести и рабскихъ чувствъ, а въ силу самой идеи былъ признанъ обладателемъ божественнаго достоинства, или человѣкобогомъ. Апоѳеозъ императоровъ составлялъ, безъ сомнѣнія, самую существенную и самую искреннюю часть римской религіи того времени. У этой религіи была своя терминологія, которая въ значительной степени перешла и въ Византію. И здѣсь все касавшееся монарха, или все отъ него исходившее (напр., письма, указы) назывались святыми или свя-

щенными. При всемъ томъ съ религіею Богочеловѣка не могла совмѣщаться идея человѣкобога. Въ христіанской Византіи императорская власть могла почитаться священною лишь какъ особое служеніе истинному Богу. Христосъ, передъ своимъ отшествіемъ изъ области видимаго міра, сказалъ ученикамъ Своимъ: „дана Мнѣ *всякая* власть на небѣ и на землѣ". (Матѳ. XXVIII). Слѣдовательно, съ христіанской точки зрѣнія, власть императора могла пониматься только какъ *делегація* власти Христовой, или порученіе отъ Христа управлять „вселенною" (οἰκουμένη), какъ эти преемники римлянъ называли свою имперію. Этимъ понятіемъ государственной власти, какъ делегаціи свыше, устраняется въ принципѣ возможность личнаго произвола, и утверждается верховенство безусловнаго нравственнаго идеала. Ясно, что порученіе должно исполняться въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно дано, или въ духѣ и въ интересѣ довѣрителя. Чтò соотвѣтствуетъ духу Христа, чтò должно быть, при данныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, сдѣлано въ Его интересѣ,—это для христіанина рѣшается его совѣстью съ достаточною опредѣленностью, и этому рѣшенію личной совѣсти принадлежитъ окончательное значеніе въ управленіи государствомъ, согласно христіанской идеѣ. Это есть то новое, чтò внесено христіанствомъ въ область политическую. Восточный деспотъ ограниченъ неподвижными традиціонными учрежденіями и полновластенъ только въ удовлетвореніи своихъ страстей. Римскій императоръ знаетъ только физическія границы своему произволу; не отвѣчая передъ людьми, онъ не отвѣчаетъ и передъ Богомъ, ибо самъ есть богъ, хотя довольно жалкій. Въ противоположность тому и другому представленію, христіанская монархія есть *самодержавіе совѣсти*. Носитель верховной власти, порученной ему отъ Бога правды и милости, не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ, кромѣ нравственныхъ; онъ можетъ все, чтò согласно съ совѣстью, и не долженъ ничего, чтò ей противно.

Онъ не долженъ зависѣть отъ „общественнаго мнѣнія", потому что общественное мнѣніе можетъ быть ложнымъ; онъ не есть слуга народной воли, потому что воля народа можетъ быть безнравственной; онъ не представитель страны, потому что страна можетъ быть поглощена мертвымъ моремъ. Онъ поставленъ выше всего этого,—онъ есть подчиненный, служитель и представитель только того, чтò по существу не можетъ быть дурнымъ—воли Божіей, и величіе такого положенія равно только величію его отвѣтственности.

VI.

Поступать по совѣсти и только по совѣсти есть право и обязанность всякаго человѣка, и въ этомъ смыслѣ *всякій человѣкъ есть нравственный самодержецъ*. Различіе между людьми не въ нравственномъ началѣ ихъ жизни и ихъ дѣйствій—это начало для всѣхъ одно и то же,—а только въ объемѣ, условіяхъ и способахъ примѣненія этого начала. Особая задача верховной государственной власти опредѣляется ея положеніемъ какъ посредствующаго дѣятеля между безусловнымъ нравственнымъ идеаломъ и данною правовою организаціей общества. Право есть, какъ мы знаемъ, равновѣсіе частнаго и общаго интереса. Но обѣ стороны заинтересованы не только въ поддержаніи своего существованія, или въ *сохраненіи* даннаго общественнаго состоянія, но и въ его *усовершенствованіи*. Право есть условное осуществленіе нравственнаго начала въ данной общественной средѣ. Какъ условное оно несовершенно; но какъ осуществленіе нравственнаго начала, которое само по себѣ безусловно, оно подлежитъ совершенствованію. Положительные законы, управляющіе жизнью общества, должны становиться все болѣе и болѣе сообразными закону нравственному, т.-е. все болѣе и болѣе справедливыми и человѣколюбивыми, какъ сами по себѣ, такъ и въ своемъ примѣненіи.

Чтобы этотъ прогрессъ правового состоянія въ нравственномъ смыслѣ или преобразованіе общественныхъ отношеній въ направленіи къ общественному идеалу было и успѣшно и достойно своей цѣли, оно должно быть дѣломъ человѣческой свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть предоставлено произволу частныхъ людей. Поэтому необходима делегація божественной власти христіанскому самодержцу съ его безусловною свободою и безусловною отвѣтственностью.

Но при настоящемъ состояніи человѣчества, раздѣленнаго на многія независимыя государства, задача верховной государственной власти не можетъ ограничиваться охраненіемъ и усовершенствованіемъ правовыхъ отношеній внутри даннаго общественнаго цѣлаго,—она необходимо распространяется и на взаимодѣйствіе отдѣльныхъ государствъ. Здѣсь она состоитъ въ томъ, чтобы примѣнять нравственное начало и къ международнымъ отношеніямъ, измѣнять и ихъ въ смыслѣ бо̀льшей справедливости и человѣколюбія. Делегація христіанскаго самодержца относится, конечно, и къ этому историческому дѣланію. И здѣсь онъ есть служитель правды Божіей и долженъ дѣлать то, что̀ при данныхъ усло-

віяхъ наиболѣе способствуетъ окончательному объединенію всего міра въ духѣ Христовомъ.

VII.

Если отъ этой идеи христіанскаго самодержавія, вытекающей изъ существа дѣла, мы обратимся къ ея исполненію въ византійской имперіи, то должны будемъ признать это исполненіе крайне недостаточнымъ. Дѣятельность императоровъ была главнымъ образомъ троякая: законодательная, военная и религіозная. Издававшіеся ими законы имѣли цѣлью охранять и упрочивать унаслѣдованный ими отъ Рима государственный и общественный строй, несмотря на языческую основу этого строя; рабство осталось неотмѣненнымъ, а варварскія казни дѣйствительныхъ и мнимыхъ преступниковъ были еще усилены. Въ войнахъ своихъ, которыя велись все съ бóльшею и бóльшею жестокостью и все съ меньшимъ и меньшимъ успѣхомъ, императоры старались охранять границы христіанскаго міра, особенно съ восточной стороны, сначала противъ языческихъ персовъ, а потомъ противъ мусульманства. Насколько эти войны уберегли сѣмена христіанской религіи отъ внѣшняго истребленія въ передней Азіи и на Балканскомъ полуостровѣ — онѣ составляютъ, конечно, историческую заслугу византійской имперіи; другая, бóльшая ея международная заслуга состоитъ въ передачѣ христіанства Россіи. Собственно религіозная дѣятельность императоровъ, кромѣ похвальныхъ примѣровъ личнаго благочестія, имѣла въ общемъ цѣль далеко не похвальную: приспособить по возможности христіанскую истину къ внѣшнимъ потребностямъ и временнымъ нуждамъ полу-языческаго государства; отсюда, между прочимъ, покровительство ради мнимой государственной пользы различнымъ ересямъ, частію собственнаго сочиненія, каковы монофелитство и иконоборчество.

Дѣло историковъ—оцѣнивать отдѣльныя заслуги „второго Рима" и находить смягчающія обстоятельства для его грѣховъ. Въ окончательномъ сужденіи должно сказать, что Византія не исполнила своего историческаго призванія. Во внутренней политикѣ она слишкомъ охраняла полу-языческое statu quo, не думая о христіанскомъ усовершенствованіи общественной жизни, вообще же подчиняла все внѣшнему интересу военной защиты. Но именно вслѣдствіе этихъ одностороннихъ заботъ она потеряла внутреннюю причину своего бытія, а потому не могла исполнить и внѣшней своей задачи и погибла печальнымъ образомъ...

Владиміръ Соловьевъ.

ИСПОЛНЕНІЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ
1894 ГОДА.

Мы имѣли уже случай, по предварительнымъ свѣдѣніямъ „Вѣстника Финансовъ", указать на вполнѣ удачное, въ фискальномъ отношеніи, исполненіе государственной росписи за 1894 годъ [1]). Опубликованный недавно отчетъ государственнаго контроля, подтверждая счастливые результаты этого исполненія, по обыкновенію дополняетъ и объясняетъ ихъ.

По отчету государственнаго контроля *обыкновенныхъ* доходовъ въ 1894 году было исчислено по росписи 1.004.823.277 р., а поступило дѣйствительно 1.153.785.812 р. Съ присоединеніемъ остатковъ отъ заключенныхъ въ отчетномъ году смѣтъ прежняго времени (9.507.571 р.) [2]) сумма эта доходитъ до 1.163.293.383 р., превышая предположеніе росписи на 158½ м. р. *Обыкновенныхъ* расходовъ произведено (или предстоитъ исполнить) на 991.197.437 р. Превышеніе доходовъ надъ расходами составляетъ 172.095.946 р., сумму, съ избыткомъ достаточную, какъ это и замѣчается въ объяснительной запискѣ къ отчету государственнаго контроля, для покрытія всѣхъ *чрезвычайныхъ* расходовъ, хотя въ числѣ ихъ значатся весьма крупныя суммы, около 50 м. р., составляющія собственно не расходъ, а выдачи,

---

[1]) „Вѣстн. Европы", іюнь, 820 стр.

[2]) Эта сумма считается принадлежностью отчетнаго года, въ данномъ случаѣ 1894 г., потому что она служитъ, приблизительно, возмѣщеніемъ остатковъ, которые впослѣдствіи могутъ оказаться отъ долгосрочныхъ кредитовъ 1894 г. (на строительныя надобности, на уплату процентовъ и погашеніе по госуд. долгамъ и пр.). Пока эти кредиты цѣликомъ исчислены въ суммѣ расходовъ.

каковы: воспособленія банкамъ государственному и дворянскому, разсчеты съ главнымъ обществомъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, и проч.

Чрезвычайныхъ доходовъ и поступленій, вмѣстѣ съ 5 м. р. остатковъ отъ заключенныхъ чрезвычайныхъ смѣтъ, было немногимъ болѣе 84 м. р., а расходовъ—около 164 м. р. Общая сумма доходовъ по всей росписи равняется 1.247 м. р. (1.163 м. р.+84 м. р.), а расходовъ 1.155 м. р. (991 м. р.+164 м. р.); въ результатѣ оказывается избытокъ доходовъ въ 92 м. р.

Результатъ этотъ повидимому, долженъ быть признанъ блестящимъ; но, тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе, произведенное бюджетомъ 1894 г. на большую часть органовъ русской печати, отзывается не столько радостью, сколько раздумьемъ.

„Эти,—говоритъ одна газета [1]),—обычные въ послѣднее время крупные избытки поступленій противъ того, что требуется для удовлетворенія текущихъ и даже чрезвычайныхъ потребностей государства, весьма естественно направляютъ мысль къ вопросу: нормально ли такое положеніе вещей?

„Основная задача финансоваго хозяйства состоитъ въ томъ, чтобы государственныя потребности удовлетворялись съ возможной полнотой безъ обремененія платежныхъ силъ страны. Съ этой точки зрѣнія большіе избытки поступленій могутъ означать одно изъ двухъ: или государственныя потребности удовлетворяются недостаточно, или съ населенія берется больше, чѣмъ сколько нужно".

Другая газета [2]), соглашаясь, что нашъ бюджетъ недостаточно удовлетворяетъ, напр., такую потребность населенія, какъ образованіе, находитъ въ то же время, что избытокъ доходовъ по исполненію росписи даетъ полную возможность коренного пересмотра системы нашихъ налоговъ съ цѣлью облегченія менѣе имущихъ слоевъ населенія.

Болѣе полно и обстоятельно касается тѣхъ же вопросовъ газета „Недѣля".

„Крупный перевѣсъ доходовъ надъ расходами,—говорится въ газетѣ,—невольно напоминаетъ заявленіе одного изъ предъидущихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ министра финансовъ о необходимости увеличивать государственные доходы въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ требуется для удовлетворенія текущихъ потребностей государства, дабы получилась возможность употреблять излишки на развитіе производительныхъ силъ страны. Выходило такъ, что надобно сперва взять

[1]) „Новое Время", № 7052.
[2]) „Новости", №№ 287, 290.

съ населенія излишекъ, а потомъ возвратить его тому же населенію въ болѣе косвенной формѣ.

„Доведеніе,—развиваетъ далѣе свою мысль газета,—общей суммы остатка доходовъ до 350 милліоновъ во всякомъ случаѣ представляетъ очень выдающійся фактъ. Еслибы параллельно съ такимъ кассовымъ благополучіемъ въ той же мѣрѣ возростало и благосостояніе населенія, то лучшаго трудно было бы и желать. Но такая солидарность, какъ извѣстно, еще не достигнута, и налоги увеличивались въ то самое время, какъ росли остатки. Поэтому, имѣя въ виду, что государственная казна и интересы населенія—не двѣ противоположныя стороны, а предметы, органически связанные между собою, нельзя не пожелать, чтобы благополучіе кассы болѣе прямо отражалось облегченіемъ тягостей населенія и помощью ему въ тѣхъ нуждахъ, съ которыми оно справиться не можетъ. Не много будетъ пользы, если выбираемые съ населенія излишки станутъ только оживлять банковыя операціи или покоиться въ кассахъ въ видѣ свободной наличности. Сказать это тѣмъ болѣе справедливо, что достиженіе блестящихъ финансовыхъ результатовъ стоило населенію не малыхъ жертвъ и какъ разъ въ то время, когда оно испытывало разные кризисы. Помимо возвышенія налоговъ и установленія новыхъ, слѣдуетъ помнить экономическое вліяніе новѣйшихъ перемѣнъ, вродѣ пониженія цѣны хлѣба, посредствомъ котораго живетъ большинство русскаго населенія, удешевленія труда и т. д. Понятно, что теперь каждый платежный рубль стóитъ бóльшаго противъ прежняго количества хлѣба, бóльшаго числа рабочихъ дней и т. под. Упущеніе изъ вида этихъ обстоятельствъ означало бы увеличеніе кассы за счетъ истощенія самыхъ источниковъ ея пополненія, т.-е. неразсчетливую политику. Трудность платежа признана даже оффиціально, выразившись, напр., въ ограниченіи земскихъ сборовъ, мотивомъ къ которому было именно приведено достиженіе этими сборами крайней высоты. Но земскіе сборы для большинства плательщиковъ составляютъ наименьшую долю налоговой тягости, слѣдовательно если наименьшая требуетъ облегченія, то пора вспомнить и о большей“, и т. д.

Въ тотъ періодъ, когда въ балансахъ по исполненію нашихъ росписей (даже обыкновенныхъ, не говоря о чрезвычайныхъ) являлись чуть не сплошные дефициты, мы всегда указывали на ненормальность такого положенія. Средство выйти изъ него мы усматривали въ нѣкоторомъ сокращеніи расходовъ, особенно такъ называемыхъ сверхсмѣтныхъ; въ приведеніи въ порядокъ хозяйства частныхъ желѣзныхъ дорогъ, долгъ которыхъ казнѣ ежегодно возросталъ на многіе десятки, а иногда на

сотню и болѣе милліоновъ рублей; наконецъ, въ измѣненіи системы нашихъ налоговъ; въ замѣнѣ наиболѣе тяжелыхъ изъ нихъ, упадающихъ на менѣе имущіе классы населенія, подоходнымъ налогомъ, проектъ котораго не только разработывался когда-то въ министерствѣ финансовъ, но одобрялся и другими вѣдомствами, въ томъ числѣ и государственнымъ контролемъ.

Равновѣсіе въ нашихъ бюджетахъ, какъ извѣстно, было достигнуто инымъ путемъ: возвышеніемъ съ половины 1887 года многихъ изъ существовавшихъ налоговъ и введеніемъ новыхъ. Соглашаясь, что какимъ бы то ни было способомъ, но устранить крупные дефициты изъ государственнаго бюджета было необходимо, мы указывали, что въ данномъ случаѣ это достигнуто крайнимъ напряженіемъ платежныхъ силъ страны, и не переставали напоминать о необходимости пересмотра системы налоговъ, къ чему, въ виду бюджета, на долгое время обезпеченнаго отъ дефицитовъ, представлялась полная возможность.

Относительно упоминаемаго въ „Недѣлѣ" предположенія министерства финансовъ объ увеличеніи налоговъ съ цѣлью образованія запасовъ для помощи въ нужныхъ случаяхъ населенію, мы неоднократно высказывали нашъ взглядъ: мы также находили эту мѣру недостигающею цѣли („Вѣстн. Европы", февраль 1893 г., стр. 867) и неразсчетливою въ смыслѣ оборотовъ народно-государственнаго хозяйства: она обратила бы въ мертвый запасъ государственнаго казначейства суммы, которыя въ рукахъ населенія составляли бы производительный капиталъ и содѣйствовали бы развитію народнаго благосостоянія и платежныхъ силъ страны. Впрочемъ о запасѣ государственнаго казначейства, о такъ называемой свободной наличности его, нужно оговориться. Если бюджеты послѣднихъ лѣтъ принимать во всей ихъ совокупности, съ чрезвычайными расходами, не исключая и такихъ, какъ помощь голодавшему населенію и крупныя траты на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, то изъ свободной наличности государственнаго казначейства, оказавшейся къ 1895 г. въ размѣрѣ 350 милл. р. (вѣрнѣе около 330 м. р.), лишь небольшая часть составляетъ результатъ избытка въ доходахъ при исполненіи росписей, бо̀льшая же часть получена путемъ займовъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Въ одномъ изъ предшествовавшихъ нашихъ очерковъ мы привели итоги доходовъ и расходовъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ за пять лѣтъ 1888—1892 гг., при чемъ изъ чрезвычайнаго бюджета исключили какъ поступленія, такъ и выдачи, имѣющія характеръ кредитныхъ операцій (займовъ, уплаты долговъ, разсчетовъ по конверсіямъ и т. д.). Теперь, повторяя итогъ за всѣ пять лѣтъ, приведемъ обороты двухъ послѣднихъ годовъ. Получится слѣдующее:

Года.	Обыкновенные доходы.	Расходы.	Чрезвычайные доходы.	Расходы.
	В ъ т ы с я ч а х ъ р у б л е й.			
1888—1892. . . .	4.668.142½	4.362.112	125.026	461.131
1893.	1.054.869	946.955	22.325	100.320
1894.	1.163.293	991.197	33.764	111.085
Итого	6.886.304½	6.300.264	181.115	672.536
	Избытокъ доходовъ.		Недоборъ.	
	586.040		491.421	

Избытокъ доходовъ по всей росписи за 7 лѣтъ=94.619.000 р.

Изъ этихъ цифръ видно, что въ составѣ свободной наличности, исчисленной къ 1895 году въ суммѣ 355½ м. р., избытокъ доходовъ за весьма удачный для исполненія государственной росписи семилѣтній періодъ вышелъ лишь въ размѣрѣ около 95 м. р., немногимъ болѣе избытка доходовъ по исполненію росписи 1894 года. Но въ числѣ расходовъ есть крупный расходъ, исключительный даже для чрезвычайныхъ расходовъ, на пособіе въ 1891 и 1892 гг. населенію, пострадавшему отъ неурожая, въ размѣрѣ безъ малаго въ 200 милл. рублей. Расходъ этотъ произведенъ въ видѣ ссуды, съ переводомъ его въ спеціальный продовольственный капиталъ, за которымъ онъ и записанъ долгомъ казнѣ. Въ виду, однако, сложенія, по Высочайшему повелѣнію, части долга и въ виду установленнаго такимъ же повелѣніемъ особеннаго льготнаго способа его возмѣщенія, правильнѣе признать его расходомъ безвозвратнымъ, съ тѣмъ, чтобы поступающія по этому долгу уплаты засчитывать доходомъ того года, когда онѣ поступятъ. Затѣмъ въ теченіе семи лѣтъ было израсходовано около 340 м. р. на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ. На сооруженіе портовъ затрачено въ семь лѣтъ около 45 м. р. Расходъ этотъ только случайно числился въ чрезвычайномъ бюджетѣ (какъ это мы давно уже указывали) и съ настоящаго года перенесенъ въ бюджетъ обыкновенный, точно такъ же, какъ и строительные расходы по желѣзнымъ дорогамъ, *кромѣ сооруженія новыхъ линій.* Если 200 м. р. (круглой цифрой) пособія населенію могутъ быть признаны, согласно приведенному взгляду министра финансовъ, страховымъ возмѣщеніемъ (въ равной суммѣ) населенію за излишне взимавшіеся съ него налоги и потому исключены какъ изъ доходной, такъ и расходной росписи, то все-таки расходы по сооруженію новыхъ желѣзныхъ дорогъ (за семь лѣтъ примѣрно въ суммѣ 150 м. р.), равносильному пріобрѣтенію въ казну вещественной цѣнности въ этомъ размѣрѣ, должны быть причислены къ избытку доходовъ. Такимъ образомъ, къ указанному превышенію доходовъ надъ расходами по исполненію росписей послѣднихъ семи лѣтъ, 95 м. р., должно прибавить расходъ на сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ, и это пре-

вышеніе составитъ около 240 м. р. Не только его, но и избытка доходовъ, полученнаго по исполненію росписи 1894 г., 95 м. р., достаточно на удовлетвореніе тѣхъ вопіющихъ потребностей, на которыя указывали цитируемые нами органы печати: прежде всего на увеличеніе числа учебныхъ заведеній, общихъ и спеціальныхъ, высшихъ, среднихъ и низшихъ; затѣмъ на воспособленіе производительности основныхъ классовъ населенія страны, какъ это недавно было нами указано.

По исполненію государственной росписи 1894 года, въ главной составной части ея—бюджетѣ обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ—бросается въ глаза несоотвѣтствіе поступившаго дохода съ предположеніемъ. Это несоотвѣтствіе проявлялось во все послѣднее семилѣтіе, за исключеніемъ 1891 года, но ни въ одномъ году оно не доходило до размѣра, въ какомъ оказалось въ прошломъ году. Сопоставленіе росписи обыкновенныхъ доходовъ съ ея исполненіемъ за періодъ 1888—1894 гг. представляется такимъ:

	Исчислено по росписи.	Дѣйствительно поступило.	Болѣе или менѣе.
		Милліоны рублей.	
1888	854½	901	+ 46½
1889	865½	944½	+ 79
1890	891½	951	+ 59½
1891	901	896	— 5
1892	886	976	+ 89
1893	961	1.055	+ 94
1894	1.005	1.163	+ 158
			Итого + 521½

Независимо отъ чрезмѣрной, какъ бы усиленной, скромности исчисленій, на что̀, начиная съ 1888 г., не переставала указывать печать, неточность доходныхъ смѣтныхъ предположеній происходитъ, повидимому, отъ того, что въ число необходимыхъ для нихъ данныхъ не принимается приростъ населенія, составляющій у насъ не менѣе 1¼ процента въ годъ. Правда, вліяніе прироста населенія на увеличеніе государственнаго дохода иногда можетъ стушевываться неблагопріятными экономическими условіями страны, какъ, напримѣръ, въ 1891 году; но когда эти условія устранятся, оно проявляется съ зачетомъ, такъ сказать, за прежнее время. Не всѣ доходы находятся въ прямой зависимости отъ численности населенія, но такихъ не менѣе двухъ третей: всѣ косвенные налоги со включеніемъ таможеннаго, торговые и промышленные налоги, пошлины, почтовый и телеграфный доходъ, сборъ съ оброчныхъ статей, съ желѣзныхъ

дорогъ, и пр. и пр. Основываясь на этомъ, слѣдуетъ предполагать, что въ удачномъ, въ экономическомъ отношеніи, 1894 году приростъ населенія отразился на приращеніи государственныхъ доходовъ не менѣе какъ на 50 милл. рублей противъ 1888 года. На томъ же основаніи можно думать, что если 1895 годъ будетъ не менѣе удаченъ, чѣмъ 1894 г., то доходы за настоящій годъ, вслѣдствіе прироста населенія, увеличатся еще на сумму около 9—10 милл. р.

Наиболѣе неточное, на 40%, исчисленіе оказалось въ таможенномъ доходѣ. По росписи, его предполагалось около 130 м. р., поступило около 184 м. р., болѣе на 54 м. р. и въ то же время болѣе противъ дохода 1893 года (съ уравненіемъ курса золотой валюты, въ которой поступаетъ таможенная пошлина) на 27 м. р. Неточность исчисленія росписи до нѣкоторой степени [1]) понятна, такъ какъ роспись составлена ранѣе торговаго соглашенія нашего съ Германіей (8-го марта 1894 г.) и съ Австріей (1-го іюля), оказавшаго, по мнѣнію государственнаго контроля, преимущественное вліяніе на развитіе нашего международнаго торговаго обмѣна въ 1894 году. Дальнѣйшими причинами увеличенія привоза къ намъ иностранныхъ товаровъ, а слѣдовательно и увеличенія таможеннаго дохода, государственный контроль указываетъ: общее улучшеніе экономическихъ условій имперіи, быстрые успѣхи нашей обработывающей промышленности (?), изготовленіе за границей для военнаго вѣдомства заказовъ, на которые начислено пошлины болѣе 4 м. р., и наконецъ предстоявшее (и дѣйствительно послѣдовавшее 20-го декабря 1894 г.) новое возвышеніе пошлины съ хлопка, вслѣдствіе чего торговцы спѣшили ввезти побольше хлопка въ запасъ на будущее время, и поэтому пошлины на него поступило $15^1/_2$ м. р., болѣе предъидущаго года на 5 милл. руб.

Опредѣляя вліяніе торговыхъ договоровъ на размѣръ пошлины, объяснительная записка къ отчету государственнаго контроля выводитъ, что пошлина въ 1893 году, при стоимости привоза въ 422 м. р. кред., составляла $20^1/_2$ процентовъ золотомъ, а въ 1894 г., при стоимости привезенныхъ товаровъ въ 515 м. р. кред. [2]), понизилась до $19^8/_{10}$ процентовъ золотомъ. При переводѣ золотыхъ процентовъ на

[1]) Говоримъ: до нѣкоторой степени, потому что цифра росписи была во всякомъ случаѣ слишкомъ низка. Разсматривая роспись тотчасъ вслѣдъ за ея обнародованіемъ, тамож. доходъ мы опредѣляли въ 141—150 м. р. („В. Европы", февраль, 1894 г., стр. 837).

[2]) По отчету департамента таможенныхъ сборовъ за 1894 г. стоимость привоза за 1893 годъ равнялась $463^1/_2$ м. р. кред. (при вывозѣ въ $618^1/_2$ м. р.), а въ 1894 г. $559^1/_2$ м. р. (при вывозѣ въ $684^1/_2$ м. р.). Очевидно, данныя контроля относятся лишь къ ввозу по нѣкоторымъ границамъ.

кредитные, по курсу росписи 1894 г. 1 р. 60 коп. кр. за золотой рубль, процентъ за 1893 годъ выразится приблизительно въ цифрѣ $32\frac{3}{4}$, а за 1893—въ цифрѣ $31\frac{3}{4}$. Нѣсколько странный способъ исчислять проценты въ одной валютѣ со стоимости въ другой вызванъ, очевидно, удручающей необходимостью возиться съ постояннымъ перечисленіемъ золотой валюты въ кредитную, не только по измѣняющемуся ежегодно курсу, но и по курсу въ одинъ и тотъ же годъ не одинаковому для разныхъ доходныхъ и преимущественно расходныхъ счетовъ.

Почти къ такому же точно выводу приводятъ и данныя отчета таможеннаго департамента о нашей внѣшней торговлѣ за 1894 годъ. По этимъ даннымъ за три послѣдніе года процентное отношеніе таможенной пошлины къ стоимости товаровъ оказывается такое.

	По всему привозу			По привозу по европ. границ.		
Года.	цѣнность привоза.	пошлина.	процентн. отношеніе.	цѣнность привоза.	пошлина.	процентн. отношеніе.
	Милліоны руб. кредитн.			Милліоны руб. зол.		
1892	404	$130\frac{1}{2}$	$32\frac{1}{4}$%	$219\frac{1}{2}$	$72\frac{1}{2}$	33%
1893	$463\frac{1}{2}$	$156\frac{1}{2}$	$33\frac{3}{4}$%	$252\frac{1}{2}$	$86\frac{1}{2}$	34%
1894	$559\frac{1}{2}$	184	33%	324	102	$31\frac{1}{2}$%

Изъ всѣхъ этихъ цифръ видно, что таможенная война 1893 года, доведшая нашъ охранительный тарифъ, повидимому, до кульминаціонной точки, повысила пошлины на одинъ процентъ противъ прежняго, а торговые договоры 1894 г. снова понизили ихъ до прежняго размѣра или немногимъ ниже. На этой точкѣ имъ навѣрное долго суждено остаться, и то если не часты будутъ такія повышенія тарифа, какъ повышеніе, напримѣръ, пошлины на хлопокъ, послѣдовавшее въ настоящемъ году.

Въ отчетѣ тамож. департамента приводятся интересныя цифровыя данныя, по тремъ видамъ привозимыхъ къ намъ товаровъ, показывающія, въ какомъ размѣрѣ за двадцатипятилѣтній періодъ 1869—1894 г. повышались у насъ таможенныя пошлины. Беремъ цифры за нѣкоторые года.

Процентное отношеніе пошлинъ къ цѣнности товаровъ представляется такимъ:

Года:	Жизненные припасы.	Сырые и полуобработ. матеріалы.	Издѣлія.
1869	31	5	9
1879	41	10	15
1889	71	19	28
1892	79	23	29
1894	73	24	27

Наибольшее увеличеніе размѣра пошлины, почти въ пять разъ, оказывается по группѣ сырыхъ и полуобработ. товаровъ; а такъ какъ

ихъ по цѣнѣ ввозится въ полтора раза болѣе, нежели товаровъ двухъ другихъ группъ, то вообще за двадцать пять лѣтъ, пошлины повысились приблизительно въ 3½—4 раза.

Слишкомъ скромнымъ, въ 268 м. р., оказалось также исчисленіе въ росписи питейнаго дохода. Обсуждая роспись, мы опредѣляли питейный доходъ 1894 г. по крайней мѣрѣ въ 192 м. р. [1]), но и наше предположеніе оказалось недостаточно: питейнаго дохода поступило около 297½ м. р., болѣе противъ росписи на 29 м. р. слишкомъ и противъ поступленія предшествовавшаго года (276 м. р. [2]) на 21 м. р. Это приращеніе дохода государственный контроль объясняетъ тѣмъ, что внутреннее потребленіе спирта, замѣтно сократившееся въ неурожайные годы (до 22 милл. ведеръ безводнаго спирта въ 1891 г. и до 22½ м. в. въ 1892 г.), затѣмъ снова пріобрѣло тѣ же размѣры, въ какихъ существовало до неурожаевъ, до 24½ милл. ведеръ, какъ это было въ 1889 году.

Сахарнаго дохода поступило 41 м. р., болѣе, сравнительно и съ исчисленіемъ росписи, и съ доходомъ предшествовавшаго года, на 10½ м. р. И то, и другое превышеніе записка къ отчету государственнаго контроля объясняетъ частію сильнымъ развитіемъ сахарнаго производства (до 35½ м. п.), частію возвышеніемъ, съ 1 сентября 1894 г., акциза съ сахара до 1 р. 75 к. съ пуда какъ съ песка, такъ и съ рафинада, вмѣсто существовавшаго до тѣхъ поръ акциза: 1 р. 40 коп. съ пуда рафинада и 1 р. съ песка. Въ сущности это объясненіе недостаточно ясно и полно, такъ какъ государственный контроль, къ сожалѣнію, не имѣетъ ключа къ уразумѣнію манипуляцій сахаропромышленности и сахаропромышленниковъ. Руководствоваться въ своихъ выводахъ догадками государственный контроль также лишенъ права, но мы его не лишены и постараемся имъ воспользоваться. Положенія такія: а) казна приняла на себя обязательство, въ случаѣ желанія повысить акцизъ на сахаръ, объявить объ этомъ за два года; о возвышеніи акциза съ 1-го сентября 1894 года было объявлено въ концѣ 1892 года [3]); б) учитывается, т.-е. оплачивается акцизомъ сахаръ по мѣрѣ выпуска съ заводовъ; в) потреб-

[1]) „Вѣстн. Европы", февраль 1894 г., стр. 836.

[2]) По отчету питейный доходъ 1893 г. показанъ въ 261 м. р., но, какъ это уже объяснялось, министерство финансовъ признаетъ правильнымъ присоединить къ нему 15 м. р. отъ дохода 1892 года.

[3]) Не легко понять, для чего понадобилось это одностороннее условіе, связывающее руки казнѣ и ни къ чему не обязывающее сахаропромышленниковъ. Если поводомъ служила забота о пользахъ сахаропромышленниковъ, то казна имѣла полную возможность не только за два, а за три, за пять лѣтъ объявить о своемъ намѣреніи. Но это былъ бы актъ свободнаго государственнаго усмотрѣнія общихъ пользъ и нуждъ, а не дѣйствіе, имѣющее оттѣнокъ потворства.

ность сахара на такъ называемомъ внутреннемъ рынкѣ опредѣлялась до сихъ поръ въ размѣрѣ около 24 м. п., вслѣдствіе чего и въ роспись 1894 г. акциза съ сахара, т.-е. съ сахарнаго песка, было внесено 24 м. р. (дополнительный акцизъ съ рафинада особо); между тѣмъ по отчету государственнаго контроля въ 1893—94 г. на 226 заводахъ *учтено* 35½ милл. пуд. сахара, съ которыхъ поступило акциза (независимо акциза съ рафинада) 35.842.000 р., т.-е. поступило цѣликомъ по прежнему размѣру акциза въ 1 р. съ пуда, а не тому въ 1 р. 75 к., который установленъ съ 1-го сентября 1894 года; за границу вывозилось обыкновенно отъ 4 до 7 милл. пудовъ; г) въ отчетѣ тамож. департамента за 1894 годъ, въ таблицѣ товаровъ, вывезенныхъ за границу, показано около 4 м. п. рафинада и вовсе не показанъ вывозъ песка. Но рафинадъ вывозится, какъ извѣстно, преимущественно по восточнымъ границамъ, по которымъ возвратъ акциза по большей части отмѣненъ. По западной, европейской границѣ вывозится, съ возвратомъ акциза, сахарный песокъ; его въ 1891 г. было вывезено болѣе 5½ м. п.; въ 1892 г.—болѣе 5 м. п. [1]); д) въ началѣ нынѣшняго года стали ходить толки о кризисѣ, ожидающемъ сахарную промышленность и о необходимости отвратить кризисъ разными мѣрами, въ числѣ которыхъ предполагалось правительственное запрещеніе устроивать новые сахарные заводы; въ чемъ именно долженъ былъ выразиться кризисъ, не объяснялось; подразумѣвалось, повидимому, такъ называемое перепроизводство; е) въ нынѣшнемъ году сдѣлано распоряженіе объ образованіи сахарозаводчиками неприкосновеннаго запаса сахара въ 5 милл. пудовъ.

Изъ приведенныхъ данныхъ слѣдуетъ заключить, что возвышеніе сахарнаго дохода въ 1894 году было слѣдствіемъ того, что сахарозаводчики спѣшили выварить и оплатить акцизомъ какъ можно большее количество сахара до наступленія 1-го сентября, т.-е. по пониженному акцизу; такимъ образомъ сахаръ, какъ оказалось, выпущенъ въ количествѣ далеко, милліоновъ на 5 пудовъ, превышавшимъ годовую потребность. Но весь излишекъ, выпущенный съ заводовъ и оставшійся къ 1 сентября на рукахъ у сахарозаводчиковъ, являлся какъ бы премированнымъ и, при дальнѣйшемъ его сбытѣ, могъ давать имъ премію въ 75 коп. на пудъ съ сахарнаго песка и въ 35 коп. съ рафинада. Эта премія въ сущности въ порядкѣ вещей и оспа-

[1]) Въ 1893 г. также не значится въ отчетѣ тамож. департам. вывозъ песка, но 1893 годъ былъ исключительный: мы сами, при посредствѣ казны, покупали сахаръ за границей, но, какъ сообразила печать, покупали за границей русскій же сахаръ при посредствѣ заграничныхъ — не сахарозаводчиковъ, а банкировъ и услужливаго кіевскаго отдѣленія какого-то услужливаго банка. См. „Вѣстн. Европы“, мартъ 1894 г. „Сахарная операція казны въ 1893 году“.

ривать право на неё у сахарозаводчиковъ было бы несправедливо. Она вытекала необходимо изъ принятаго на себя казною обязательства за два года оповѣстить о намѣреніи возвысить акцизъ. Впрочемъ это могло случиться и безъ такого долгаго срока. При возвышеніи акциза со спирта въ концѣ 1892 г. винные заводчики успѣли оплатить значительное излишнее количество его прежнимъ акцизомъ. Въ 1894 г. необычайно большой привозъ хлопка былъ слѣдствіемъ слуховъ о предстоявшемъ съ нынѣшняго года (что̀ и оправдалось) крупнаго возвышенія на заграничный хлопокъ таможенной пошлины. Повторяемъ, это въ порядкѣ вещей, но было бы не въ порядкѣ, еслибы сахарозаводчики, уплативъ акцизъ въ размѣрѣ рубля, за вывезенный за границу песокъ, получили бы въ возвратъ по 1 р. 75 коп. съ пуда. На возможность этого какъ будто бы намекаетъ отсутствіе вывоза въ 1894 г. сахарнаго песка. Значится вывезеннымъ около 4 милл. рафинада, судя по цифрамъ отчета государственнаго контроля—съ возвратомъ акциза. Но вывозъ рафинада по восточной границѣ—это торговая операція весьма желательная; вывозъ песка въ Европѣ—спекуляція, направленная противъ кармана потребителей. Изъ оффиціальныхъ источниковъ [1]) извѣстно, что во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ сахарозаводчики умудрялись, уплативъ въ казну акциза около 20 коп. за пудъ, получать обратно при вывозѣ по 80 к. съ пуда. Нѣчто подобное, конечно не въ такомъ размѣрѣ, могло повториться съ нынѣшней перемѣной размѣра акциза. Невольно закрадывается сомнѣніе, не потому ли и не вывезенъ сахарный песокъ за границу въ 1894 г., что эту операцію съ большею выгодою и съ большею благовидностью можно было произвести въ 1895 г. Можно, впрочемъ, разсчитывать, что противъ указаннаго нами акцизнаго qui pro quo будутъ или были уже приняты соотвѣтствующія мѣры; можетъ быть, одною изъ нихъ, нѣсколько героическою, и являлось вмѣненное сахарозаводчикамъ обязательство образовать неприкосновенный пятимилліонный запасъ сахара. Это поможетъ, пожалуй, отчасти и въ готовившемся кризисѣ. Онъ, повидимому, и долженъ былъ заключаться въ томъ, что, заготовивъ излишки сахара въ прошломъ году и не рѣшаясь усилить сбытъ добровольнымъ пониженіемъ цѣнъ, сахарозаводчики находятся въ страхѣ, что будутъ вынуждены къ этому силой обстоятельствъ.

Мнѣніе наше, что приращеніе сахарнаго дохода въ 1894 г. было искусственное, подтверждается тѣмъ, что доходъ за первое полугодіе 1895 составляетъ всего 11 м. р., при акцизѣ въ 1 р. 75 к., тогда какъ въ первое полугодіе 1894 г. онъ равнялся 13½ м. р.

---

[1]) См. „Фабрично-заводск. промышленность и торговля Россіи“; изд. д-та торговли и мануфактуръ, 1893 г. Сахарное производство, стр. 7.

Дохода *отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ* поступило въ 1894 г. около 116 м. р., болѣе, сравнительно съ предшествующимъ годомъ, на 31 м. р. Это увеличеніе объясняется внесеніемъ въ роспись оборотовъ по эксплуатаціи вновь перешедшихъ въ казну дорогъ: оренбургской, балтійской, донецкой и московско-курской. Но цифра 116 м. р. выражаетъ лишь итогъ суммъ, сданныхъ въ отчетномъ году въ доходъ казны частью изъ выручки 1894 г., а частью изъ выручки предшествовавшихъ лѣтъ; полная же выручка 1894 года достигаетъ 127½ м. р., болѣе противъ показаннаго въ отчетѣ на 11½ м. р.

Расширеніе сѣти казенныхъ желѣзныхъ дорогъ составляло главный предметъ крупнаго увеличенія цифръ какъ доходной, такъ и расходной государственной росписи за послѣднія десять лѣтъ. Въ 1885 году доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ не превосходилъ 10½ м. р.; въ 1894 г., чрезъ десять лѣтъ, онъ, какъ показано, достигъ 116 м. р.; но весь приростъ, даже съ избыткомъ, поглощается увеличеніемъ эксплуатаціонными расходами (около 70 м. р.) и срочными платежами по основнымъ капиталамъ дорогъ и по правительственнымъ облигаціямъ, выпущеннымъ для выкупа частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну (около 45 милл. рублей).

По прямымъ налогамъ поступило 102 м. р., болѣе—сравнительно съ предшествующимъ годомъ—на 1½ м. р.; но такъ какъ къ существовавшимъ прямымъ налогамъ въ 1894 году былъ присоединенъ новый—квартирный, поступленіе котораго было исчислено въ размѣрѣ свыше 4.600.000 р., то по прямымъ налогамъ оказывается не превышеніе поступленій, а напротивъ, крупный недоборъ. Онъ объясняется тѣмъ, что квартирнаго налога поступило на 2 милл. р. менѣе, нежели предполагалось. Затѣмъ, хотя *сборы съ торговли и промысловъ* и дали превышеніе на 2 милл. р. сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, вслѣдствіе оживленія торговли и промышленности и поступленія недоимокъ по закавказскому краю, но по третьей рубрикѣ прямыхъ налоговъ—*сбору съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ*—поступленіе оказалось менѣе 1893 г. слишкомъ на милліонъ рублей. Недоборъ этотъ, по объясненію государственнаго контроля, объясняется произведенными въ послѣднее время конверсіями государственныхъ займовъ.

Къ прямымъ налогамъ могутъ быть причислены *выкупные платежи* съ бывшихъ крестьянъ помѣщичьихъ, удѣльныхъ и государственныхъ. По росписи было исчислено поступленіе выкупныхъ платежей въ 82 м. р.; поступило около 93 м. р., съ превышеніемъ сравнительно съ росписью болѣе на 11 м. р., но менѣе поступленія предшествовавшаго года на 6 милл. р.

Переборъ выкупныхъ платежей противъ росписи,—говоритъ объ-

яснительная записка государственнаго контроля,—объясняется исключительно тѣмъ, что въ государственную роспись были занесены, въ видахъ осторожности, неполныя цифры годовыхъ окладовъ, и *за уменьшеніемъ ихъ на 16.977.746 р.* Если принять въ разсчетъ это обстоятельство, то окажется, что подъ видимо благопріятнымъ результатомъ исполненія росписи въ дѣйствительности скрывается недоборъ противъ суммы годовыхъ окладовъ на 6 м. р. слишкомъ. Эти недоборы и недочеты и служили поводомъ для печати нѣсколько скептически относиться къ блестящимъ бюджетнымъ успѣхамъ, не гармонирующимъ съ развитіемъ народнаго благосостоянія [1]).

По росписи на 1894 г. обыкновенныхъ расходовъ было назначено 981 м. р., въ томъ числѣ 10 м. р. на расходы, не предусмотрѣнные смѣтами на экстренныя въ теченіе года надобности, и $1^1/_2$ м. р. на покрытіе расходовъ въ случаѣ возвышенія цѣнъ на провіантъ и фуражъ. Произведено расходовъ 991 м. р., болѣе противъ 1893 г. на 44 м. р. Главное увеличеніе, на $22^1/_2$ м. р., произошло по *министерству путей сообщенія*, преимущественно на $19^1/_2$ м. р., по эксплуатаціи перешедшихъ въ казну дорогъ: оренбургской, балтійской, донецкой и московско-курской. *По системѣ государственнаго кредита* расходы увеличились (за уравненіемъ курса золотой валюты) на 10 м. р. и достигли почти 271 м. р. Увеличеніе это произошло главнымъ образомъ вслѣдствіе платежа процентовъ и погашенія по вновь выпущеннымъ 3% золотому займу 2-го выпуска и 4% золотому займу 6-го выпуска, а также оплаты перваго купона правительственныхъ облигацій желѣзныхъ дорогъ: риго-двинской, орловско-витебской, курско-харьково-азовской и двинско-витебской.

Увеличеніе расходовъ на 9 милл. рублей *по министерству финансовъ* объясняется затратами около 3 милл. р. на введеніе казенной продажи питей; 1.441.000 р. по устройству всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ; 1.150.000 на пріобрѣтеніе въ казну Михайловскаго дворца, 1 м. р. на приданое Е. И. В. Великой Княгинѣ Ксеніи Александровнѣ; 829.000 на пенсіи и постоянныя пособія и пр.

Нѣкоторое увеличеніе расходовъ оказалось вообще по всѣмъ вѣдомствамъ, за исключеніемъ министерства иностранныхъ дѣлъ [2]) и

---

[1]) Ознакомившіеся со статьей, въ октябрьской книгѣ „Вѣстника Европы", недавняго виднаго финансоваго дѣятеля, Ѳ. Г. Тернера, несомнѣнно вынесли убѣжденіе, что подобные недоборы только и могутъ быть результатомъ истощенія платежныхъ средствъ если не всего населенія, то значительной его части.

[2]) Уменьшеніе противъ 1893 г. на 130.000 оказалось вслѣдствіе случайно повысившихся расходовъ 1893 года.

министерства народнаго просвѣщенія. Въ росписи расходовъ по министерству народнаго просвѣщенія было назначено около 22.260.000 р.; израсходовано 22.145.000 р., менѣе предшествовавшаго года на 265.000 р. и приблизительно на столько же меньше, чѣмъ во все предшествовавшее пятилѣтіе [1]). Фактъ прироста населенія, какъ оказывается, и тутъ не принимается въ разсчетъ, а, сообразуясь съ нимъ, естественно было бы ожидать ежегоднаго приращенія бюджета министерства народнаго просвѣщенія хотя бы на $1^1/_2{}^0/_0$, т.-е. приблизительно на 300—350 тысячъ рублей,—не говоря о другихъ условіяхъ, требующихъ увеличенія этого бюджета. Прибавимъ, что *сбереженія* преимущественно оказываются въ суммахъ, отпущенныхъ на учебную часть; такъ въ 1894 г. закрыто кредитовъ на университеты 5.000 р.; на гимназіи 31.000 р.; на реальныя училища 9.000 р.; уѣздныя и городскія училища 8.000 р. и т. д. Еще бóльшая бережливость была въ 1893 году: по перечисленнымъ выше заведеніямъ—болѣе 68.000 р. Въ послѣднія шесть лѣтъ, не только такія вѣдомства, какъ военное, морское, путей сообщенія, но и всѣ остальныя замѣтно, а иныя и весьма замѣтно, увеличили свой расходный бюджетъ. Такъ было израсходовано:

	въ 1889 г.	въ 1894 г.
по м—ву финансовъ	$106^1/_2$ м. р.	132 м. р.
„ „ госуд. имущ. (земледѣлія) . .	$24^1/_2$ „ „	$27^3/_4$ „ „
„ „ юстиціи	$21^1/_2$ „ „	26 „ „
„ госуд. контролю	$3^1/_2$ „ „	около 5 „ „

Одно министерство народнаго просвѣщенія увеличило свой бюджетъ за это время всего лишь на 190.000 рублей!

Переходимъ къ чрезвычайному бюджету.

Въ роспись, какъ уже сказано, чрезвычайныхъ доходовъ было внесено $19^3/_4$ м. р.; по отчету чрезвычайныхъ поступленій значится около 79 м. р., но изъ нихъ только мéньшая половина можетъ считаться дѣйствительнымъ доходомъ, а именно:

а) военнаго вознагражденія съ Турціи 2.890.110 р. (1.806.319 р. зол.) и военнаго вознагражденія съ Хивы 150.000 р. Затѣмъ,—говорится въ объяснительной запискѣ,—осталось долга за турецкимъ правительствомъ 179.507.910 руб. зол. и за хивинскимъ 805.760 рублей кредитныхъ;

б) спеціальныхъ капиталовъ, обращаемыхъ въ общія средства государственнаго казначейства—1.351.987 р.;

---

[1]) Въ пятилѣтіе 1889—1893 гг. расходы по м—ву нар. просвѣщ. были: 21.955 т. р.; 22.640 т. р.; 22.769 т. р.; 21.746 т. р. и 22.410 т. р.

в) вкладовъ въ государственный банкъ на вѣчное храненіе 2.410.041 р. Со включеніемъ этой суммы долгъ государственнаго казначейства по вѣчнымъ вкладамъ достигаетъ 13¹/₄ м. р., изъ которыхъ 288.000 р. пятипроцентныхъ и около 13 м. р. четырехпроцентныхъ;

г) возвратъ позаимствованій желѣзныхъ дорогъ 21.835.572 руб.

Всего около 28¹/₂ м. рублей. Изъ нихъ двѣ послѣднія суммы, можетъ быть, съ бо̀льшимъ основаніемъ слѣдовало бы отнести къ кредитнымъ операціямъ, но мы причисляемъ ихъ къ доходамъ—вклады въ виду незначительности поступающихъ ежегодно суммъ и невыясненности ихъ назначенія, а возвратъ позаимствованій желѣзными дорогами—въ виду постоянныхъ воспособленій, выдаваемыхъ дорогамъ казною, а отчасти трудности вообще разобраться въ счетахъ желѣзныхъ дорогъ съ казною.

Несомнѣнно составляютъ кредитныя операціи такія суммы, какъ 80.000 р. за вышедшія въ тиражъ 400 облигацій 3% золотого займа и 5.669.093 р. отъ реализаціи облигацій 4% золотого займа, назначенные для расчета съ главнымъ обществомъ желѣзныхъ дорогъ и внесенные цѣликомъ въ расходный бюджетъ.

Остаются 44.542.571 р., получаемые отъ центральнаго банка русскаго поземельнаго кредита *портфелемъ этого банка и облигаціями одесскаго городского кредитнаго общества* въ обмѣнъ выданныхъ банку *облигацій вновь выпущеннаго для этой цѣли* (для разсчетовъ съ держателями закладныхъ листовъ банка) 3% *россійскаго золотого займа*. Эта цѣнность никакъ не подходитъ къ области бюджетнаго оборота и лишь условно можетъ быть отнесена къ кредитнымъ операціямъ бюджета. Всего ближе ей было бы занимать мѣсто въ ряду операцій государственнаго банка. О ней мы скажемъ дальше.

Чрезвычайные расходы составляли 111¹/₂ м. р.; изъ нихъ истрачено или подлежитъ отпуску:

а) на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ около 69 м. р., въ томъ числѣ 31 м. р. на сибирскую жел. дорогу и около 3 м. р. на закаспійскую;

б) на заготовленіе спеціальныхъ резервовъ продовольствія 1 м. р., и

в) на расходы по перевооруженію 41¹/₂ м. р. Всего на перевооруженіе въ теченіе семи лѣтъ (1888—1894 г.) было отпущено по чрезвычайному бюджету 141 милл. рублей.

Остальная сумма, числящаяся въ чрезвычайныхъ расходахъ 1894 г., около 52¹/₂ м. р., израсходована: 1) 24 м. р. слишкомъ на увеличеніе основного капитала государственнаго банка; 2) 18 м. р. на воспособленіе особому отдѣлу государственнаго дворянскаго земельнаго банка, на платежи по металлическимъ закладнымъ листамъ бывшаго обще-

ства взаимнаго поземельнаго кредита, и 3) на выкупъ дорогъ: лозово-севастопольской (1.796.400 р.), митавской (2.348.800 р.) и орловско-грязской (11.600 р.) Затѣмъ назначены въ расходъ упомянутыя въ рубрикѣ чрезвычайныхъ поступленій 5.669.000 р. для разсчета съ главнымъ обществомъ.

Намъ остается подвести общій итогъ исполненію государственной росписи за 1894 годъ. Подводя такіе итоги за прежніе годы, мы всегда имѣли въ виду такъ называемый балансъ бюджетный, т.-е. сопоставленіе періодическихъ государственныхъ средствъ съ срочными годовыми государственными потребностями. Поэтому изъ доходовъ мы постоянно исключали суммы, полученныя займомъ, а изъ расходовъ—суммы, служившія для уплаты долговъ. По бюджету 1894 г. такихъ суммъ весьма мало; къ нимъ по чрезвычайнымъ доходамъ и по чрезвычайнымъ расходамъ можно отнести лишь всего около 6 милл. руб., какъ это и упомянуто. Затѣмъ изъ расходовъ на первый взглядъ можно бы остановиться на крупныхъ выдачахъ — 24 м. р. и 18 м. р. — банкамъ. Къ чему, казалось бы государственному казначейству поступаться крупными, собранными съ населенія, суммами въ пользу предпріятій банковъ вообще и государственнаго въ частности? Можно было думать, что суммы эти отпущены заимообразно—но такъ какъ никакихъ указаній на это нѣтъ, то должно счесть эту выдачу расходомъ безвозвратнымъ. Расходы на выкупъ въ казну желѣзныхъ дорогъ еще менѣе составляютъ собою кредитныя операціи. Суммы такихъ операцій могутъ быть усмотрѣны лишь въ доходномъ чрезвычайномъ бюджетѣ.

Въ числѣ чрезвычайныхъ доходовъ значится, какъ показано ранѣе, на 44½ м. р. цѣнностей, полученныхъ отъ центральнаго банка русскаго поземельнаго кредита, по случаю ликвидаціи его дѣлъ. Казна приняла на себя получить причитающееся банку съ его должниковъ и взяла его портфель. Но у банка были и кредиторы—держатели его закладныхъ листовъ; для разсчета съ ними, взамѣнъ принятаго портфеля, казна передала банку въ стоимости портфеля (приблизительно) свои собственныя обязательства, облигаціи второго 3% золотого займа. Еслибы рядомъ 44½ м. р. по доходному бюджету въ расходномъ значилась бы передача облигацій золотого займа, одна сумма покрывала бы другую и балансъ не былъ бы нарушенъ. Но такъ какъ этого нѣтъ, то въ доходномъ бюджетѣ оказывается излишекъ въ 44½ м. р. Сводя дѣйствительный, бюджетный балансъ, ихъ должно исключить. Такимъ образомъ, по всей росписи перевѣсъ дѣйствитель-

ныхъ доходовъ надъ расходами составитъ не 92.207.000 рублей, а на 44.542.000 р. менѣе, т.-е. 47.335.000 р. Слѣдовательно, только на эту сумму и должна увеличиться за 1894 годъ свободная наличность государственнаго казначейства, такъ какъ *портфель* земельнаго банка, какъ бы ни велика была его цѣнность, ни въ какой наличности государственнаго казначейства, ни свободной, ни несвободной, не можетъ занимать мѣста.

О.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1895.

Рожденіе Е. И. В. Великой Княжны Ольги Николаевны.—Временныя правила объ арендованіи казенной земли крестьянскими товариществами.—Высочайшія отмѣтки на „Обзорѣ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ".—Предѣлы права ходатайства, въ связи съ предѣлами власти предсѣдателей земскихъ собраній. — Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ о дорожномъ капиталѣ.—Нѣсколько характеристичныхъ случаевъ.

3-го минувшаго ноября Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Θеодоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени дочерью, Великою Княжною Ольгою Николаевною. 14-го ноября, въ первую годовщину бракосочетанія Ихъ Величествъ, совершено, въ церкви большого царскосельскаго дворца, св. крещеніе Высоконоворожденной. Радость Царской семьи раздѣлила вся Россія; со всѣхъ сторонъ продолжаютъ доходить вѣсти о пожертвованіяхъ въ пользу народнаго образованія и о добрыхъ дѣлахъ, связанныхъ съ счастливымъ днемъ 3-го ноября. Въ г. С.-Петербургѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ предположено открытіе домовъ трудолюбія, во главѣ которыхъ стоитъ съ 1-го сентября Государыня Императрица Александра Θеодоровна. Ускоряется, такимъ образомъ, пополненіе пробѣла, давно уже чувствовавшагося въ нашей системѣ общественнаго призрѣнія.

Въ началѣ ноября распубликовано Высочайше утвержденное 16 іюня положеніе комитета министровъ, предоставляющее министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ, въ видѣ опыта, на три года: 1) сдавать казенныя земельныя статьи въ аренду товариществамъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, безъ торговъ, на срокъ до 12 лѣтъ, съ взаимнымъ ручательствомъ членовъ товарищества (въ суммѣ на каждаго до 30 руб.), и 2) оставлять, по соглашенію съ министромъ финансовъ, казенныя земли, безъ производства торговъ, на новый

срокъ, не свыше 12 лѣтъ, въ содержаніи тѣхъ изъ прежнихъ арендаторовъ, которые заявили себя исправными плательщиками оброка и произвели изъ собственныхъ средствъ затраты на улучшеніе бывшихъ въ ихъ содержаніи статей и на поднятіе доходности послѣднихъ. Арендная плата за такія статьи должна быть опредѣляема соотвѣтственно ихъ дѣйствительной доходности. Вмѣстѣ съ тѣмъ министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ предоставлено, къ концу трехлѣтняго срока, внести на разрѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ предположенія о пересмотрѣ нынѣ дѣйствующихъ правилъ эксплуатаціи казенныхъ земель.—Все это составляетъ дальнѣйшій шагъ впередъ по тому пути, на который наше законодательство вступило въ эпоху „новыхъ вѣяній". Въ 1881 г. сельскимъ обществамъ разрѣшено снимать въ аренду казенныя земли не стѣсняясь разстояніемъ ихъ отъ селеній и безъ представленія залоговъ, но не иначе, какъ съ торговъ. Въ 1884 г. отмѣнено это послѣднее ограниченіе; сдавать казенныя земли въ аренду сельскимъ обществамъ дозволено и безъ торговъ. Новыми правилами раньше установленныя льготы распространены на товарищества изъ мѣстныхъ крестьянъ. Въ качествѣ временной мѣры, принимаемой „въ видѣ опыта", эти правила не возбуждаютъ никакихъ возраженій; но нельзя не пожелать, чтобы они какъ можно скорѣе уступили мѣсто постоянному закону, обнимающему всѣ стороны казенной земельной аренды. Весьма важно, напримѣръ, регулировать взаимное отношеніе соискателей на одинъ и тотъ же участокъ земли, если между ними есть и сельскія общества, и крестьянскія товарищества; весьма важно установить условія, при которыхъ для казеннаго управленія *обязательна* сдача земли безъ торговъ, какъ прежнимъ, такъ и новымъ арендаторамъ. Едва-ли справедливо, далѣе, опредѣлять арендную плату по дѣйствительной доходности земли, если эта доходность увеличена затратами прежняго арендатора — товарищества или сельскаго общества; за такимъ арендаторомъ слѣдовало бы обезпечить долю прибыли отъ произведенныхъ имъ улучшеній, путемъ соотвѣтственнаго пониженія, собственно для него, размѣра арендной платы. Это было бы выгодно и для казны, поощряя арендаторовъ къ веденію хозяйства на основахъ болѣе раціональныхъ. Позволительно надѣяться, что все это и многое другое, вытекающее изъ тѣхъ же общихъ началъ, будетъ принято во вниманіе при составленіи новаго закона объ эксплуатаціи казенныхъ земель.

Мы основываемъ нашу надежду на обнародованныхъ недавно Высочайшихъ отмѣткахъ, сдѣланныхъ Государемъ Императоромъ при чтеніи „Краткаго обзора дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за первый годъ его существо-

ванія". „Въ дѣлѣ эксплуатаціи казенныхъ земель,—сказано, между прочимъ, въ „Обзорѣ", — министерство будетъ стремиться къ выполненію двухъ задачъ: съ одной стороны — къ извлеченію наибольшаго дохода изъ этихъ земель, а съ другой—къ возможному содѣйствію, при посредствѣ государственнаго земельнаго фонда, экономическимъ интересамъ крестьянскаго населенія и къ удовлетворенію нуждъ его въ расширеніи землепользованія, путемъ арендованія казенныхъ земель". Эти слова Государемъ Императоромъ отчеркнуты и противъ нихъ написано: *Да*. Въ другомъ мѣстѣ „Обзора", въ перечнѣ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію сельско-хозяйственнаго совѣта, подчеркнуты Его Величествомъ слова: „объ использованіи казенныхъ земель въ цѣляхъ разселенія скученнаго крестьянскаго населенія и огражденія его отъ вынужденнаго переселенія". Здѣсь вовсе нѣтъ рѣчи о полученіи казною возможно бо́льшаго дохода съ земли. Отсюда можно заключить, что и въ первомъ случаѣ стремленіе къ увеличенію дохода не будетъ идти въ разрѣзъ съ заботою о расширеніи крестьянскаго землепользованія, другими словами — что крестьянской, и притомъ общественной или товарищеской, арендѣ будетъ оказываемо предпочтеніе даже тогда, когда она не представляется наиболѣе выгоднымъ, съ чисто-финансовой точки зрѣнія, способомъ извлеченія дохода изъ казенной земли. Къ тому же выводу приводитъ и Высочайшая отмѣтка: *Конечно*, противъ того мѣста „Обзора", гдѣ говорится о расширеніи крестьянскаго землепользованія на казенныхъ земляхъ, какъ о „пути наиболѣе вѣрномъ и для извлеченія наивысшаго дохода изъ этихъ земель, съ устраненіемъ вредныхъ для дѣла посредниковъ".

Изъ числа другихъ Высочайшихъ отмѣтокъ, не касающихся вопроса объ арендованіи крестьянами казенныхъ земель, особенно отрадное впечатлѣніе производитъ еще одна. Противъ словъ „Обзора": „министерство имѣло прежде всего въ виду, что первенствующее значеніе въ дѣлѣ улучшенія сельскаго хозяйства должно принадлежать мѣстной иниціативѣ, по отношенію къ которой правительству надлежитъ играть роль могущественнаго покровителя, заступника и объединителя разрозненныхъ дѣйствій отдѣльныхъ учрежденій и лицъ" — Государемъ Императоромъ начертано: *Именно такъ*. Между мѣстными учрежденіями, заботящимися объ улучшеніи сельскаго хозяйства, первое мѣсто занимаетъ, безспорно, земство, иниціатива, т.-е. самодѣятельность котораго, въ этой, по крайней мѣрѣ, области, можетъ теперь, къ счастію, считаться обезпеченною.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ еще И. Н. Дурново, министерствомъ разосланъ былъ, по-

видимому, циркуляръ на имя предводителей дворянства, съ предложеніемъ не допускать, въ дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ, обсужденія вопросовъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе. Мы говоримъ: *по-видимому*, потому что текстъ циркуляра распубликованъ не былъ, и о содержаніи его возможны только догадки, основанныя на отдѣльныхъ фактахъ и газетныхъ сообщеніяхъ. Такъ напр., въ саратовскомъ губернскомъ земскомъ собраніи губернскій предводитель сослался на министерскій циркуляръ, когда зашла рѣчь о желательномъ пониженіи хлѣбныхъ тарифовъ. Нѣчто подобное произошло и въ саратовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. Когда одинъ изъ гласныхъ, Л. С. Лебедевъ, предложилъ ходатайствовать объ избавленіи отъ тѣлеснаго наказанія крестьянъ, окончившихъ курсъ въ сельской школѣ, предсѣдательствовавшій въ собраніи г. Кропотовъ (онъ же—и предсѣдатель уѣздной управы) воспротивился обсужденію этого вопроса, замѣтивъ, что его постановила возбудить коммиссія по народному образованію, но постановленіе ея не попало въ протоколы ея засѣданій, по „независящимъ отъ нея обстоятельствамъ". На возраженіе гласнаго Лебедева, что административная мѣра, принятая по отношенію къ докладу коммиссіи, не можетъ и не должна стѣснять собраніе, г. Кропотовъ отвѣчалъ: „я вполнѣ съ этимъ согласенъ... въ принципѣ; но... администрація противъ этого, а вѣдь я самъ принадлежу къ администраціи; въ данную минуту я исправляющій должность уѣзднаго предводителя"... Существованіе министерскаго циркуляра прямо подтверждается, наконецъ, „Московскими Вѣдомостями" (№ 296), ополчающимися, при этомъ, съ одной стороны—на „Русскія Вѣдомости", по мнѣнію которыхъ предсѣдатели земскихъ собраній въ правѣ допускать возбужденіе ходатайствъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, съ другой—на тѣхъ предводителей, которые не только не устраняютъ запретный, будто бы, вопросъ но иногда даже сами его поднимаютъ. „Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ,—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости",—мы были свидѣтелями особенно печальнаго зрѣлища въ нашей государственной жизни: старый, всѣмъ извѣстный законъ, несмотря на категорическое напоминаніе высшаго правительства, не только систематически не исполнялся, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ этимъ неисполненіемъ даже какъ бы бравировали, какъ бы желали выставить это неисполненіе на показъ. Если прибавить къ этому, что законъ и требованіе государственной власти не исполнялись должностными лицами, то-есть ея органами, и что это неисполненіе прошло безнаказанно, то, кажется, намъ нѣтъ надобности договаривать, къ какимъ печальнымъ выводамъ объ уваженіи къ закону и къ законности, къ какимъ печальнымъ выводамъ о нашей служебной дисциплинѣ все это приводитъ...

Министерскій циркуляръ говорилъ *о личной отвѣтственности* предсѣдателей собраній за допущеніе въ нихъ общегосударственныхъ вопросовъ. Едва-ли мы ошибемся, сказавъ, что это предостереженіе до сихъ поръ остается безъ примѣненія, несмотря на то, что, кажется, нѣтъ недостатка въ поводахъ къ его примѣненію. Такимъ образомъ можно сказать, что министерскій циркуляръ не имѣлъ никакихъ послѣдствій, а быть можетъ имѣлъ даже послѣдствія, обратныя тѣмъ, которыхъ отъ него ожидали, ибо едва-ли когда прежде общегосударственные вопросы разсматривались въ земскихъ собраніяхъ чаще, чѣмъ въ нынѣшнюю осень. Нельзя не пожалѣть о такомъ неожиданномъ результатѣ".

Изъ сказаннаго нами раньше видно, что московская газета ошибается: предостереженіе отнюдь не осталось „безъ примѣненія". Саратовъ, безъ сомнѣнія, не единственное мѣсто, гдѣ было пущено въ ходъ предсѣдательское veto... Чрезвычайно характеристично, во всякомъ случаѣ, обвинительное усердіе московскихъ „добровольцевъ". Имъ непремѣнно нужны жертвы, нужны, по выраженію нѣмецкихъ криминалистовъ, „устрашительные примѣры" (abschreckende Beispiele); они не могутъ примириться съ мыслью о безнаказанности ослушныхъ „должностныхъ лицъ", т.-е. предводителей, осмѣлившихся „имѣть свое сужденіе". Они забываютъ, въ пылу гнѣва, что низведеніе избранниковъ дворянства на степень обыкновенныхъ чиновниковъ плохо вяжется съ высотой, на которую, въ болѣе спокойныя минуты, тѣ же газетные „прокуроры отъ реакціи" стараются вознести „первенствующее сословіе" имперіи... Еслибы ихъ вопли были, паче чаянія, услышаны, еслибы былъ поставленъ—разумѣется, въ законномъ, а не въ какомъ-нибудь „особомъ" порядкѣ—вопросъ объ отвѣтственности предводителей, допустившихъ или предложившихъ ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, радость нашихъ accusateurs publics была бы, конечно, велика, но едва-ли продолжительна. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить законъ, въ нарушеніи котораго обвиняются недостаточно покорные предводители. По ст. 7 правилъ 1867 г. о порядкѣ производства дѣлъ въ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ, предложеніе одного или нѣсколькихъ членовъ собранія, которое предсѣдатель собранія признаетъ несогласнымъ съ *законами* или выходящимъ изъ круга предметовъ вѣдомства собранія, не подлежитъ дальнѣйшему обсужденію. По ст. 8, члены собранія, недовольные рѣшеніемъ предсѣдателя, имѣютъ право изложить о томъ свое мнѣніе письменно и пріобщить его къ журналу засѣданія. По ст. 19, предсѣдатель собранія, не закрывшій засѣданія, въ которомъ было предложено и состоялось постановленіе, нарушающее предѣлы правъ собранія, или допустившій какое-либо

другое существенное нарушеніе законнаго порядка въ собраніи, подлежитъ, по степени его вины, одной изъ мѣръ взысканія, опредѣленныхъ въ ст. 65 уложенія о наказаніяхъ (отъ замѣчанія до исключенія изъ службы); это постановленіе повторено буквально въ послѣдней части ст. 1424 уложенія о наказаніяхъ (изд. 1885 г.). По ст. 22, взысканія, означенныя въ ст. 19, налагаются по опредѣленію суда. Отсюда явствуетъ, прежде всего, что привлеченъ къ отвѣтственности, за бездѣйствіе власти, предсѣдатель собранія можетъ быть не иначе, какъ въ судебномъ порядкѣ. Только суду предоставлено опредѣлять, нарушаетъ ли данное постановленіе „предѣлы правъ собранія", и если нарушаетъ, то въ такой ли степени, чтобы на этотъ счетъ не могло и не должно было оставаться у предсѣдателя никакихъ сомнѣній. Въ самомъ дѣлѣ, предсѣдатель обязанъ устранить обсужденіе предложеній, *признанныхъ* имъ несогласными съ закономъ или выходящими изъ круга предметовъ вѣдомства собранія. Онъ долженъ, слѣдовательно, дѣйствовать не механически, а сознательно, повѣряя и взвѣшивая доводы въ пользу и противъ законности предложенія. Возможность ошибки въ одну сторону, т.-е. въ смыслѣ излишней строгости, предусмотрѣна правилами 1867 г., разрѣшающими членамъ собранія протестовать противъ распоряженія предсѣдателя; но столь же мыслима и ошибка въ другую, противоположную сторону. Демаркаціонная линія между законнымъ и незаконнымъ далеко не всегда поддается точному опредѣленію—и въ сомнительныхъ случаяхъ уклоненіе отъ нея не можетъ считаться проступкомъ. Недопустимо, во всякомъ случаѣ, установленіе ея разъ навсегда, административнымъ распоряженіемъ; недопустима регламентація, заранѣе предрѣшающая образъ дѣйствій предсѣдателя. Циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ, если онъ дѣйствительно былъ разосланъ, могъ имѣть только одно значеніе — значеніе *напоминанія* о законѣ, примѣненіе котораго къ каждому отдѣльному случаю по прежнему зависѣло и зависитъ всецѣло отъ усмотрѣнія предсѣдателя, отвѣтственнаго только передъ судомъ. О „служебной дисциплинѣ" здѣсь не можетъ быть и рѣчи; хотя предводитель дворянства и считается состоящимъ на службѣ, но въ качествѣ предсѣдателя собранія онъ не *подчиненъ* ни губернатору, ни даже министру внутреннихъ дѣлъ, какъ не подчинены имъ и остальные члены собранія. Невѣрно понимаютъ свои права и обязанности не тѣ предводители, которые допускаютъ возбужденіе ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія или берутъ на себя его иниціативу, а тѣ, которые, признавая, *въ принципѣ*, законность такого ходатайства, устраняютъ его обсужденіе лишь потому, что этого требуетъ администрація. Только недоразумѣніемъ можно объяснить, напримѣръ, образъ дѣйствій предсѣ-

дателя саратовскаго уѣзднаго земскаго собранія. Запрещая *печатаніе* той части доклада коммиссіи по народному образованію, въ которой говорилось о ходатайствѣ, губернаторъ не вышелъ, формально, изъ предѣловъ предоставленной ему власти—но запретить *обсужденіе* ходатайства въ *собраніи* онъ былъ не въ правѣ, а слѣдовательно не въ правѣ былъ ссылаться на подобное запрещеніе и предсѣдатель собранія. Аналогичный случай, только съ другой развязкой, произошелъ, годъ тому назадъ, въ Петербургѣ. Губернаторомъ не была пропущена къ печати та часть доклада земскихъ членовъ губернскаго училищнаго совѣта, гдѣ предлагалось ходатайствовать объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія всѣхъ окончившихъ курсъ въ народной школѣ—но губернскій предводитель дворянства не нашелъ въ этомъ препятствія къ обсужденію ходатайства въ губернскомъ земскомъ собраніи, съ значительнымъ, притомъ, расширеніемъ его предѣловъ [1]). Намъ кажется, что саратовскій инцидентъ объясняется, отчасти, совмѣщеніемъ въ одномъ лицѣ званій предсѣдателя собранія и предсѣдателя уѣздной земской управы. Менѣе чѣмъ когда-либо такое совмѣщеніе удобно именно въ настоящее время, въ виду зависимости, въ которой земскія управы, de jure и еще болѣе de facto, находятся отъ губернатора.

Обратимся теперь къ самому существу вопроса; посмотримъ, противорѣчитъ ли закону и выходитъ ли изъ предѣловъ вѣдомства земскихъ собраній предъявленіе такихъ ходатайствъ, какія не были допущены къ обсужденію саратовскими предводителями дворянства, губернскимъ и уѣзднымъ. Надъ ограничительнымъ толкованіемъ права ходатайства съ необыкновеннымъ усердіемъ трудится, съ нѣкоторыхъ поръ, наша реакціонная печать. Читая передовыя статьи и фельетоны „Московскихъ Вѣдомостей", можно подумать, что „повѣтріе ходатайствъ", охватившее, будто бы, Россію, угрожаетъ опасностью общественному спокойствію и должно быть пресѣчено столь же неукоснительно и энергично, какъ повѣтріе тифа или холеры. По истинѣ замѣчателенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ до крайности противенъ этотъ страхъ передъ всякимъ коллективнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія, хотя бы и облеченнымъ въ самую скромную, самую безобидную форму. Пародируя извѣстное изреченіе Талейрана: la parole est donnée à l'homme pour déguiser sa pensée, газетные охранители „тиши и глади" могли бы воскликнуть: „слово дано земству только для того, чтобы соглашаться и благодарить". Элементарное право *просить* — при извѣстныхъ условіяхъ равносильное еще болѣе элементарному праву

[1]) С.-петербургское губернское земское собраніе постановило, какъ извѣстно, ходатайствовать объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія, налагаемаго по приговорамъ волостныхъ судовъ, всего вообще крестьянскаго населенія губерніи.

говорить—они хотѣли бы заключить въ узкую сферу „интересовъ колокольни", безконечно малыхъ величинъ будничной жизни. Ходатайствовать о *мѣстныхъ* пользахъ и нуждахъ,—значитъ, съ этой точки зрѣнія, просить о субсидіи на починку той или другой дороги или моста, объ устройствѣ тамъ или здѣсь профессіональной школы, о присылкѣ „производителя" изъ государственной конюшни — однимъ словомъ, о чемъ-нибудь такомъ, въ чемъ заинтересована *исключительно* данная мѣстность и что̀ можетъ быть осуществлено собственною властью администраціи, безъ измѣненія дѣйствующихъ порядковъ и законовъ. Только при такомъ пониманіи закона возможно, по мнѣнію нашихъ буквоѣдовъ, разграниченіе дѣлъ *мѣстныхъ* отъ дѣлъ *общегосударственныхъ*. Отступить отъ него—значило бы предоставить земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ право „рядить и толковать о всѣхъ вопросахъ внутренней, а пожалуй и внѣшней политики". Мы говорили уже не разъ о полнѣйшей несостоятельности такого взгляда. Бо̀льшая или меньшая *общность* нуждъ не мѣшаетъ имъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и *мѣстными*; дѣло, полезное для одной губерніи, можетъ быть полезно и для всѣхъ остальныхъ; не соотвѣтствуютъ закону только такія ходатайства, которыя мотивированы не мѣстными потребностями, и основаны на фактахъ, къ данной мѣстности не относящихся. Признавать незаконнымъ всякое ходатайство, клонящееся къ измѣненію или установленію какого-нибудь *общаго* правила, значило бы идти не только въ разрѣзъ съ смысломъ обоихъ земскихъ положеній, прежняго и новаго [1]), но и съ многолѣтнею административною практикою. Не только земскія собранія ходатайствовали много разъ о предметахъ, теперь объявляемыхъ для нихъ запретными, но и правительство неоднократно разсматривало такія ходатайства по существу, а иногда даже ихъ удовлетворяло. Всѣмъ извѣстно, что первая мысль о необходимости положить конецъ отчужденію крестьянскихъ надѣловъ была подана ходатайствомъ одного изъ губернскихъ земскихъ собраній (если мы не ошибаемся—симбирскаго). Въ новый уставъ крестьянскаго поземельнаго банка, разсматриваемый теперь государственнымъ совѣтомъ, включено нѣсколько важныхъ постановленій, польза которыхъ была доказана земскими ходатайствами—да и въ самомъ учрежденіи крестьянскаго банка немаловажную роль съиграло земство. О пониженіи земскаго избирательнаго ценза, допущенномъ положеніемъ 1890 г., давно просили земскія собранія—и въ отвѣтъ на одно изъ такихъ ходатайствъ, представленное еще въ половинѣ

[1]) Новымъ земскимъ положеніемъ право ходатайства поставлено даже нѣсколько шире, чѣмъ старымъ; въ послѣднемъ (ст. 2, пун. 12) къ эпитету: *мѣстныя* (пользы и нужды) былъ прибавленъ еще другой—*хозяйственныя*, котораго нѣтъ въ положеніи 1890 г. (ст. 63, пун. 14, и ст. 64, пун. 3).

семидесятыхъ годовъ, прямо было объявлено, что оно будетъ принято во вниманіе при обсужденіи общаго вопроса о земскомъ цензѣ. Ходатайствами земскихъ собраній былъ вызванъ законъ о конокрадствѣ, состоявшійся въ 1880 г. Гораздо раньше питейной реформы 1885 г. земства просили о прекращеніи раздробительной продажи вина въ селеніяхъ, гораздо раньше пересмотра земскаго положенія—о недопущеніи гласныхъ къ торгамъ на сдаваемые земствомъ подряды [1]). Не измѣнилось, съ занимающей насъ точки зрѣнія, отношеніе правительства къ земскимъ ходатайствамъ и въ восьмидесятыхъ годахъ, несмотря на опалу, въ которой тогда находилось земство. Приведемъ этому нѣсколько примѣровъ, заимствуя ихъ изъ „Земскихъ Ежегодниковъ" за 1884 и за 1885-6 гг. Весьегонское (тверской губ.) уѣздное земство [2]) просило о предоставленіи опекунамъ и попечителямъ участвовать въ земскомъ представительствѣ за опекаемыхъ ими собственниковъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ представительствомъ отъ женщинъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ (гр. Д. А. Толстой) „затруднился" дать ходъ этой просьбѣ только потому, что въ виду министерства не имѣлось подобныхъ ходатайствъ со стороны другихъ земскихъ собраній, да и само весьегонское земство не привело фактическихъ данныхъ, которыя указывали бы на необходимость принятія мѣры, „подлежащей, между тѣмъ, осуществленію не иначе какъ въ законодательномъ порядкѣ, и притомъ въ смыслѣ общей мѣры". Къ этому министръ прибавилъ, что если возникнутъ такія же предположенія по другимъ губерніямъ или уѣздамъ, то ходатайство весьегонскаго земства будетъ принято въ соображеніе. Этотъ отвѣтъ какъ нельзя болѣе характеристиченъ. Онъ показываетъ, во-первыхъ, что за земскими собраніями признавалось право ходатайствовать о принятіи *общихъ* мѣръ, подлежащихъ осуществленію въ законодательномъ порядкѣ, т.-е. мѣръ, по терминологіи „Московскихъ Вѣдомостей", *общегосударственныхъ*; во-вторыхъ, что степень вниманія къ подобнымъ ходатайствамъ обусловливалась, съ одной стороны, достаточностью или недостаточностью фактической ихъ мотивировки, съ другой—*числомъ* собраній, возбуждающихъ однородное ходатайство. Итакъ, заявленіе одного и того же ходатайства одновременно нѣсколькими или многими земствами не только не считалось злоумышленною стачкой, дерзновенной агитаціей, но разсматривалось какъ презумпція въ

---

[1]) См. въ № 6 „Вѣстника Европы" 1880 г. статью о земскихъ ходатайствахъ въ 1876 и 1877 г.

[2]) По положенію 1864 г. право непосредственнаго ходатайства передъ правительствомъ принадлежало какъ губернскимъ, такъ и уѣзднымъ земскимъ собраніямъ; теперь ходатайства уѣздныхъ собраній получаютъ дальнѣйшій ходъ не иначе какъ по одобреніи ихъ губернскимъ собраніемъ.

пользу основательности ходатайства. Во что же обращаются, затѣмъ, всѣ страхи, искусственно, но далеко неискусно, раздуваемые реакціонною печатью? Чтó можетъ она противопоставить авторитетному именно для нея мнѣнію гр. Д. А. Толстого, такъ ясно установившаго, въ отвѣтѣ на весьегонское ходатайство, широкое толкованіе понятія о *мѣстныхъ* пользахъ и нуждахъ?

Пойдемъ далѣе. Таврическое губ. земство ходатайствовало о предоставленіи въ таврической губерніи казенныхъ участковъ земли мѣстнымъ малоземельнымъ и безземельнымъ земледѣльцамъ, съ выборомъ мѣстъ заселенія по соглашенію съ земствомъ. Хотя въ ходатайствѣ и шла рѣчь только о таврической губерніи, но удовлетворить его можно было, очевидно, только путемъ общей мѣры. Такъ посмотрѣло на дѣло и правительство, но тѣмъ не менѣе вошло въ разсмотрѣніе вопроса *по существу* и отклонило ходатайство не какъ выходящее за предѣлы земскихъ функцій, а какъ направленное къ ограниченію свободы дѣйствій администраціи въ распоряженіи государственными имуществами. На ходатайство псковскаго губернскаго земства о введеніи подоходнаго налога и о присоединеніи части доставляемыхъ имъ средствъ къ рессурсамъ земскихъ учрежденій былъ данъ отвѣтъ, что оно будетъ подвергнуто обсужденію въ учрежденной при министерствѣ финансовъ коммиссіи. Аналогичные отвѣты были получены симбирскимъ губернскимъ земствомъ—на ходатайства объ измѣненіи порядка раскладки земскихъ сборовъ, о введеніи общественныхъ запашекъ и объ усиленіи наказаній за лѣсныя порубки; костромскимъ губ. земствомъ—на ходатайство объ установленіи въ законодательномъ порядкѣ билетной системы продажи строевого лѣса; с.-петербургскимъ, смоленскимъ и рязанскимъ губ. земствами—на ходатайство объ измѣненіи порядка взысканія земскихъ сборовъ; с.-петербургскимъ—на ходатайство о привлеченіи казенныхъ фабрикъ и заводовъ къ земскому обложенію; смоленскимъ — на ходатайство объ организаціи государственнаго долгосрочнаго кредита. На ходатайство воронежскаго земства о распространеніи круга дѣйствій одного изъ законовъ, касающихся порядка отправленія воинской повинности, дано было знать, что въ такомъ распространеніи не усмотрѣно надобности (слѣдовательно, ходатайство было разсмотрѣно по существу), но для достиженія, въ извѣстныхъ случаяхъ, цѣли, къ которой стремилось земство, признано возможнымъ представлять эти случаи на Высочайшее усмотрѣніе. Не по формѣ, а по содержанію были признаны неподлежащими удовлетворенію и ходатайства екатеринославскаго губ. земства—объ обязательномъ страхованіи сельскихъ церквей, московскаго губ. земства—о признаніи церковныхъ приходовъ юридическими лицами и о возстановленіи ихъ права представлять своихъ избранни-

ковъ въ настоятели приходскихъ церквей. Ходатайство херсонскаго губернскаго земства о расширеніи правъ уѣздныхъ земскихъ собраній по опредѣленію содержанія участковымъ мировымъ судьямъ министръ юстиціи призналъ заслуживающимъ „особаго вниманія". Ходатайство смоленскаго губ. земства о введеніи въ учительскихъ семинаріяхъ обученія сельскому хозяйству и объ усиленіи преподаванія естественныхъ наукъ въ реальныхъ училищахъ министръ народнаго просвѣщенія обѣщалъ принять во вниманіе при пересмотрѣ положенія объ учительскихъ семинаріяхъ и устава реальныхъ училищъ. Аналогичный отвѣтъ былъ данъ министромъ финансовъ на ходатайство смоленскаго губ. земства о поощреніи сельско-хозяйственнаго винокуренія и о возвышеніи таможенныхъ пошлинъ на привозимые изъ-за границы сыръ и масло (еслибы объ этомъ зналъ саратовскій губернскій предводитель дворянства, онъ едва-ли воспротивился бы возбужденію въ земскомъ собраніи ходатайства о пониженіи хлѣбныхъ тарифовъ). Ходатайство с.-петербургскаго губ. земства о разрѣшеніи губернскимъ земскимъ собраніямъ издавать обязательныя постановленія нашло полное удовлетвореніе въ новомъ земскомъ положеніи 1890 г. Приведенныхъ примѣровъ вполнѣ достаточно для подтвержденія нашей мысли; прибавимъ только, что изъ 490 №№ ходатайствъ, помѣщенныхъ въ „Земскихъ Ежегодникахъ" 1884 и 1885-86 г., по крайней мѣрѣ двѣ трети касаются вопросовъ *общихъ*, не поддающихся пріуроченію къ *мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ* въ томъ узкомъ смыслѣ въ какомъ понимаютъ это выраженіе „Московскія Вѣдомости" [1]).

Для реакціонной печати неубѣдительны, конечно, соображенія, почерпнутыя изъ общихъ началъ интерпретаціи закона. Земскія ходатайства возмущаютъ ее, въ сущности, не потому, что въ основаніи ихъ лежитъ распространительное толкованіе понятія о *мѣстныхъ* нуждахъ и пользахъ, а по совершенно инымъ причинамъ. Первая изъ нихъ — это господствующее направленіе земскихъ ходатайствъ, идущее прямо въ разрѣзъ съ пожеланіями газетныхъ „регрессистовъ". Еслибы земскія собранія стали просить о расширеніи дворянскихъ привилегій, о льготахъ для крупнаго и средняго землевладѣнія, объ обостреніи протекціонизма, о новыхъ мѣрахъ строгости противъ сельскихъ и фабричныхъ рабочихъ, объ отмѣнѣ суда при-

---

[1]) Мы только-что узнали изъ „Недѣли" (№ 47) о слѣдующемъ интересномъ фактѣ: костромской губернаторъ опротестовалъ постановленіе одного изъ мѣстныхъ земскихъ собраній, рѣшившаго возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній — но губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, по большинству голосовъ, нашло, что собраніе не вышло за предѣлы своихъ правъ, и опредѣлило дать ходатайству дальнѣйшій ходъ. А между тѣмъ, въ губернскомъ присутствіи представителей администраціи больше чѣмъ представителей земства!

сяжныхъ, о распространеніи круга дѣйствій и власти земскихъ начальниковъ, объ увеличеніи числа проступковъ, влекущихъ за собою (конечно—для „низшаго рода людей") тѣлесное наказаніе, „Московскія Вѣдомости" и К° увидѣли бы въ этомъ, безъ сомнѣнія, не что иное, какъ проявленіе высшей мудрости и патріотизма и припомнили бы даже, быть можетъ, старинное изреченіе: vox populi — vox Dei. Повторилось бы то же самое, что мы видѣли, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по отношенію къ дворянскимъ ходатайствамъ: они восхвалялись и рекомендовались вниманію власти, когда предметомъ ихъ было дарованіе дворянамъ „властной руки" въ дѣлахъ мѣстнаго управленія—и провозглашались незаконными, чуть не преступными, когда клонились къ измѣненію учебнаго плана гимназій, хотя съ юридической, легальной точки зрѣнія ходатайства обѣихъ категорій рѣшительно ничѣмъ не отличались другъ отъ друга... Въ послѣднемъ сенгилеевскомъ (симбирской губ.) уѣздномъ земскомъ собраніи коммиссія, разсматривавшая вопросъ о нуждахъ сельскаго хозяйства, предложила ходатайствовать о включеніи въ число каръ за самовольный уходъ рабочихъ наказанія розгами. При голосованіи этого предложенія за него высказались гласные-земскіе начальники, а вслѣдъ за ними—и подчиненные имъ волостные старшины, засѣдающіе въ собраніи какъ гласные отъ крестьянъ; вопросъ получилъ, такимъ образомъ, утвердительное рѣшеніе (см. „Русскія Вѣдомости" № 308). Что же, навлекло ли на себя сенгилеевское земство суровое порицаніе со стороны „Московскихъ Вѣдомостей"? Нѣтъ; а между тѣмъ совершенно очевидно, что ходатайство объ увеличеніи числа проступковъ (или quasi-проступковъ), влекущихъ за собою тѣлесное наказаніе, столь же незаконно—или столь же законно—какъ и ходатайство объ ограниченіи или отмѣнѣ этого наказанія... Вторая причина, заставляющая реакціонную печать возставать противъ земскихъ ходатайствъ—это фальшивое представленіе о достоинствѣ и авторитетѣ правительственной власти. Съ этой точки зрѣнія—которую нельзя назвать иначе какъ рабской или, по меньшей мѣрѣ, крѣпостнической—ходатайство по „общегосударственному" вопросу является попыткой совѣта, вмѣшательства, указанія пути, въ которыхъ не нуждается и не можетъ нуждаться правительство, стоящее безконечно выше „ограниченнаго ума подданныхъ" (beschränkter Unterthanenverstand). Просить можно только о томъ, въ чемъ правительство прямо не заинтересовано или чего оно, вслѣдствіе отдаленности мѣста и незначительности предмета, въ точности не знаетъ. Обо всемъ остальномъ у правительства есть опредѣленныя мнѣнія, и стремиться къ ихъ измѣненію — столь же дерзко, сколько и безцѣльно. Исключеніе можетъ быть допущено только для немногихъ избранниковъ, благонамѣренность и благонадежность ко-

торыхъ стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній—да и то лишь до тѣхъ поръ, пока они плывутъ по теченію, рекомендуютъ угодное, домогаются заранѣе предрѣшеннаго. Подъ это опредѣленіе далеко не всегда подойдутъ даже дворянскія собранія — а къ земствамъ оно абсолютно непримѣнимо, вслѣдствіе чего ихъ ходатайства и не должны выходить изъ сферы „умывальниковъ и полотенецъ“ (зри „Новый Нарцисъ“ Салтыкова)... Конечно, въ силу тѣхъ же самыхъ соображеній слѣдовало бы наложить молчаніе на „неблагонамѣренную“ печать; но вѣдь наши послѣдовательные „регрессисты“ и не отступаютъ передъ такимъ выводомъ. Они давно уже рѣшили, что „право говорить всенародно о дѣйствіяхъ правительства“ должно принадлежать только людямъ „умнымъ, образованнымъ, дѣловитымъ и добросовѣстнымъ“— а соединеніе этихъ качествъ въ „либералѣ“ или вообще въ человѣкѣ „вреднаго политическаго направленія“ совершенно немыслимо: „либералы“ всѣ поголовно „либо недобросовѣстны, либо умственно ограничены“ [1])...

Насколько реакціонная печать теряетъ самообладаніе при встрѣчѣ съ словомъ: *ходатайство*, объ этомъ лучше всего можно судить по слѣдующему эпизоду. 1-го іюня нынѣшняго года состоялся, какъ извѣстно, законъ, освободившій земства отъ расходовъ на содержаніе губернскихъ статистическихъ комитетовъ и мѣстныхъ судебно-административныхъ учрежденій, съ тѣмъ, чтобы шедшія на этотъ предметъ суммы обращались на улучшеніе и развитіе путей сообщенія. Седьмая статья новаго закона предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ финансовъ, разрѣшать, по ходатайствамъ губернскихъ земскихъ собраній, обращеніе вышеупомянутыхъ суммъ *и на иныя* потребности земскаго хозяйства или на уменьшеніе земскихъ сборовъ. Въ виду этого правила, нѣсколько уѣздныхъ собраній (екатеринбургское — пермской губ., алексинское—тульской губ. и др.) постановили просить губернское земское собраніе возбудить ходатайство объ употребленіи освободившихся денегъ на увеличеніе числа земскихъ школъ, съ цѣлью скорѣйшаго введенія всеобщаго обученія. Судя по газетнымъ слухамъ, такое же ходатайство намѣрена предложить своему губернскому земскому собранію смоленская губернская земская управа. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что такія ходатайства вполнѣ законны. Отъ правительства зависитъ отнестись къ нимъ такъ или иначе, но земскія собранія не обязаны взвѣшивать шансы успѣха своихъ ходатайствъ: достаточно увѣренности, что ходатайство не противорѣчитъ закону и согласно съ интересами населенія. Еслибы даже въ законѣ 1-го

---

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 12 „Вѣстн. Европы“ за 1898 г.

іюня и не было приведенной нами оговорки, каждое отдѣльное земство, на основаніи общаго правила о ходатайствахъ, безспорно могло бы *просить* о допущеніи, по тѣмъ или другимъ причинамъ, изъятія изъ дѣйствія закона; тѣмъ меньше можетъ быть рѣчь о неумѣстности или некорректности такой просьбы теперь, когда возможность ея удовлетворенія прямо предусмотрѣна законодателемъ. Нужны очки совершенно особаго рода, чтобы увидѣть въ постановленіяхъ екатеринбургскаго и алексинскаго земства признаки „агитаціи", „своевольнаго уклоненія отъ требованія закона". Чтобы доказать свой невозможный тезисъ, „Московскія Вѣдомости" (№ 306) прибавляютъ, во-первыхъ, къ тексту ст. 7-й слова: *въ видѣ исключенія*, которыхъ въ ней вовсе нѣтъ [1]); во-вторыхъ, онѣ упускаютъ изъ виду, что каждое земство въ правѣ находить именно въ своей сферѣ дѣйствій основанія къ обращенію освобождающихся суммъ не на дороги, а на что-либо другое, при чемъ повѣрка и сравнительная оцѣнка этихъ основаній принадлежитъ всецѣло высшему правительству; въ-третьихъ, газета выражается такъ, какъ будто подобныя постановленія земскихъ собраній могли вступить въ силу безъ предварительнаго согласія администраціи („это свидѣтельствуетъ о крайнемъ легкомысліи земствъ, которыя деньги, предназначенныя на улучшеніе путей сообщенія, *тратятъ* на другіе предметы"). Не въ правѣ ли мы были утверждать, что вопросъ о земскихъ ходатайствахъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, о которыхъ извѣстные органы печати неспособны говорить разумно и спокойно?

Въ другой статьѣ на ту же тему (№ 309) „Московскія Вѣдомости" осыпаютъ похвалами циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, состоявшійся 11-го октября (т.-е. до перемѣны въ управленіи министерствомъ) и опредѣляющій порядокъ примѣненія закого 1-го іюня. Обращая вниманіе губернаторовъ на „необходимость самаго тщательнаго наблюденія губернскаго начальства за распоряженіями земскихъ учрежденій по расходованію суммъ дорожнаго капитала", статсъ-секретарь И. Н. Дурново признаетъ „крайне желательнымъ, чтобы крупное пожертвованіе государственнаго казначейства не получило, подъ вліяніемъ мѣстныхъ взглядовъ и соображеній, несогласнаго съ намѣреніями правительства назначенія". Эти слова московская газета старается истолковать въ смыслѣ осужденія и устраненія всякихъ ходатайствъ объ употребленіи освободившихся суммъ не на дорожное дѣло. Неправильность такого толкованія очевидна: бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ обращается къ *губернаторамъ*, говоритъ о наблю-

---

[1]) „Законъ,—сказано въ статьѣ московской газеты,—*въ видѣ исключенія* (курсивъ въ подлинникѣ) предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ" и т. д.

деніи *губернскаго начальства*—и слѣдовательно имѣетъ въ виду *нарушенія* закона, могущія произойти на мѣстѣ, со стороны земскихъ управъ или земскихъ собраній, а отнюдь не *изъятія* изъ закона, допускаемыя, по точному его смыслу, центральною властью. Этимъ и объясняется тотъ, съ перваго взгляда странный, фактъ, что въ циркулярѣ вовсе не упоминается о статьѣ 7-й закона 1-го іюня. Циркуляръ написанъ для губернскихъ властей, а примѣненіе ст. 7-й зависитъ отъ соглашенія двухъ министровъ; министру внутреннихъ дѣлъ незачѣмъ было, слѣдовательно, говорить губернаторамъ о правилахъ, которыми будутъ руководствоваться только онъ самъ и министръ финансовъ. Конечно, можно было бы указать губернаторамъ на необходимость представленія, одновременно съ ходатайствами земскихъ собраній, подробныхъ свѣденій по всѣмъ затронутымъ ими вопросамъ, а также мнѣнія по существу ходатайства; но эта необходимость разумѣется сама собою, такъ какъ всѣ вообще земскія ходатайства проходятъ, по закону, черезъ руки губернатора и сопровождаются, de facto, его заключеніемъ... Нельзя предполагать, чтобы судьба всѣхъ ходатайствъ о примѣненіи ст. 7-й была заранѣе предрѣшена циркуляромъ, и предрѣшена въ смыслѣ безусловно отрицательномъ—нельзя уже потому, что это было бы прямо противно закону, допустившему возможность изъятій.

Основная мысль циркуляра 11-го октября заключается въ томъ, что законъ 1-го іюня ни въ чемъ не измѣняетъ прежнихъ обязанностей земства по дорожной части, а суммы вновь образуемаго дорожнаго капитала являются особымъ фондомъ лишь для усовершенствованія и болѣе или менѣе коренного переустройства земскихъ дорожныхъ сооруженій. Подъ именемъ усовершенствованія понимается „существенное улучшеніе“ дорогъ и дорожныхъ сооруженій, напр. устройство гатей, замощеніе топкихъ мѣстъ, замѣна паромныхъ переправъ постоянными мостами. Изъ дорожнаго капитала можно также производить расходы на организацію техническаго надзора и на „приведеніе въ надлежащій порядокъ отбыванія натуральной дорожной повинности“. Нетрудно замѣтить, что между текстомъ закона и разъясненіями циркуляра существуетъ нѣкоторое различіе. „Обыкновенные расходы“ по дорожной части, лежавшіе до сихъ поръ на обязанности земскихъ учрежденій и не подлежащіе, съ точки зрѣнія циркуляра, покрытію изъ „дорожнаго капитала“, касались и касаются преимущественно *содержанія* земскихъ дорогъ—а по ст. 3-ей закона 1-го іюня дорожный капиталъ долженъ быть расходуемъ, между прочимъ, на сооруженіе и *содержаніе* шоссейныхъ и *грунтовыхъ* дорогъ, имѣющихъ значеніе для сельско-хозяйственныхъ, промышленныхъ и коммерческихъ интересовъ. Едва-ли, слѣдовательно, *содер-*

жаніе дорогъ должно, по прежнему, упадать *всецѣло* на текущія земскія средства. Слово: *улучшеніе* въ циркулярѣ слишкомъ, какъ намъ кажется, заслоняетъ собою слово: *содержаніе*. Буквальный смыслъ закона не даетъ первому изъ этихъ терминовъ столь рѣшительнаго преобладанія надъ вторымъ. Конечно, на *содержаніе* какой-нибудь дороги, имѣющей исключительно земско-административное значеніе и безразличной съ точки зрѣнія сельско-хозяйственныхъ, промышленныхъ и коммерческихъ интересовъ (если только существуютъ такія земскія дороги, въ чемъ позволительно сомнѣваться), не можетъ быть расходуемо ни копѣйки изъ дорожнаго капитала; но этого отнюдь нельзя сказать о земскихъ дорогахъ *вообще*. Еслибы часть расходовъ на ихъ содержаніе была обращена на дорожный капиталъ, то освободившаяся такимъ образомъ сумма могла бы быть употреблена съ гораздо бо̀льшей пользой на другія отрасли земскаго ходатайства, не менѣе важныя, чѣмъ дорожное дѣло, и не меньше страдающія отъ недостатка средствъ. Во всякомъ случаѣ нельзя утверждать безусловно, что производившіеся земствомъ до настоящаго времени расходы на дорожную повинность не должны быть относимы на средства дорожнаго капитала — нельзя именно потому, что часть этихъ расходовъ шла на *улучшеніе* путей сообщенія, признаваемое и въ циркулярѣ главнымъ предметомъ расходовъ, подлежащихъ покрытію изъ дорожнаго капитала. Еслибы при изданіи закона 1-го іюня имѣлось въ виду сохранить неизмѣнной цифру текущихъ земскихъ затратъ на дорожное дѣло, то это такъ и было бы сказано въ законѣ, подобно тому, какъ сохранена была въ земскихъ смѣтахъ, при упраздненіи мирового суда, вся цифра расходовъ на его содержаніе, съ переводомъ ея на новыя судебно-административныя учрежденія... Если циркуляръ признаетъ возможнымъ относить на дорожный капиталъ расходы „по приведенію въ надлежащій порядокъ отбыванія натуральной дорожной повинности“ (составленіе плана работъ, раздѣленіе дорогъ на участки, распредѣленіе приписаннаго къ участку населенія и т. п.), то тѣмъ менѣе, съ точки зрѣнія закона, можетъ встрѣтиться препятствіе къ производству изъ дорожнаго капитала нѣкоторой части расходовъ, которые теперь несетъ земство на дорожное дѣло... Объ отношеніи циркуляра къ натуральной дорожной повинности мы будемъ имѣть случай поговорить въ другой разъ, при обсужденіи общаго вопроса о способахъ улучшенія мѣстнаго дорожнаго дѣла.

Намъ не разъ случалось указывать на неудобства, сопряженныя съ участіемъ земскихъ начальниковъ въ земскихъ собраніяхъ. Чрезвычайно яркой иллюстраціей этого тезиса являются два факта, о ко-

торыхъ недавно было сообщено въ газетахъ. Сенгилеевскому (симбирской губ.) уѣздному земскому собранію была доложена просьба мѣстныхъ земскихъ начальниковъ о разрѣшеніи имъ безплатно пользоваться земскими пунктовыми лошадьми (что̀ было бы равносильно значительному увеличенію земскихъ расходовъ на подводную повинность). Въ собраніи раздались голоса: „разрѣшить, разрѣшить", исходившіе, по видимому, отъ большинства гласныхъ. Тогда одинъ изъ гласныхъ заявилъ собранію, что разъѣзды земскихъ начальниковъ оплачиваются казною, и удовлетвореніе ихъ просьбы было бы, въ сущности, прибавкою къ ихъ жалованью; поэтому онъ предложилъ разсматривать ее какъ денежный вопросъ, обязательно разрѣшаемый закрытою баллотировкой. Баллотировка была произведена—и результатомъ ея было отклоненіе, значительнымъ большинствомъ голосовъ, просьбы земскихъ начальниковъ (см. письмо г. Попова въ № 308 „Русскихъ Вѣдомостей"). Необходимо замѣтить, что эта просьба была не только неосновательна, но и противозаконна. Въ 1892 г. старобѣльское (харьковской губ.) уѣздное земское собраніе постановило предоставить земскимъ начальникамъ право безплатнаго разъѣзда на земскихъ лошадяхъ, въ виду того, что этимъ должностнымъ лицамъ часто приходится исполнять земскія порученія. Постановленіе собранія было опротестовано губернаторомъ, какъ незаконное, и отмѣнено губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ. На опредѣленіе присутствія была принесена, по уполномочію старобѣльскаго земскаго собранія, жалоба въ прав. сенатъ, который нашелъ, что земскіе начальники старобѣльскаго уѣзда хотя и принимали участіе въ дѣлахъ, касающихся непосредственно земскихъ интересовъ, но могли поступать такимъ образомъ не иначе, какъ по приказанію ихъ непосредственнаго начальства, а никакъ не по порученію земской управы; между тѣмъ, должностныя лица за исполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей службы не имѣютъ права пользоваться вознагражденіемъ, не установленнымъ закономъ. Руководствуясь этими соображеніями, сенатъ оставилъ жалобу земства безъ послѣдствій. Не трудно себѣ представить, до какой степени велико вліяніе земскихъ начальниковъ въ старобѣльскомъ земскомъ собраніи, если послѣднее не только предоставляетъ имъ, вопреки закону, немаловажную и отяготительную для земства денежную льготу, но и доводитъ дѣло до прав. сената, дѣйствуя прямо наперекоръ интересамъ населенія, охранителемъ которыхъ выступаетъ... прямое начальство земскихъ начальниковъ! Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что главная причина такихъ прискорбныхъ явленій—зависимость гласныхъ-крестьянъ (бо̀льшею частью—должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія) отъ земскихъ начальниковъ. При закрытой баллотировкѣ старобѣльское уѣздное собраніе едва-ли оказалось бы столь настойчивымъ

въ стремленіи къ улучшенію матеріальнаго положенія земскихъ начальниковъ, а при открытой баллотировкѣ сенгилеевскому земскому собранію едва-ли удалось бы отклонить незаконное ходатайство тѣхъ же должностныхъ лицъ. Нельзя же, однако, разрѣшать всѣ вопросы закрытою баллотировкой; нельзя быть увѣреннымъ и въ томъ, что губернская администрація всегда и вездѣ обнаружитъ такое безпристрастіе, какъ въ Харьковѣ. Единственное средство предупредить повтореніе такихъ инцидентовъ, какой произошелъ въ Старобѣльскѣ и чуть было не произошелъ въ Сенгилеѣ, это—признаніе несовмѣстимости званія гласнаго какъ съ должностью земскаго начальника, такъ и со всѣми должностями по крестьянскому управленію. Къ тому же выводу приводитъ и слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ послѣднемъ очередномъ саратовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. Гласный В. А. Шомпулевъ, земскій начальникъ, заявилъ, что въ с. Рыбушкѣ ограбили церковь, почему онъ, какъ земскій начальникъ, нашелъ необходимымъ командировать на мѣсто происшествія волостного старшину Мирошникова, и просилъ собраніе временно освободить г. Мирошникова отъ участія въ собраніи. Послѣднее согласилось съ этимъ, и г. Мирошниковъ оставилъ залу засѣданія. При чтеніи журнала этого засѣданія, гл. Л. С. Лебедевъ заявилъ, что считаетъ незаконнымъ какъ распоряженіе г. Шомпулева, такъ и постановленіе земскаго собранія: отдавать одного гласнаго въ распоряженіе другого—не соотвѣтствуетъ достоинству гласнаго и нарушаетъ установленное закономъ понятіе о равенствѣ правъ всѣхъ гласныхъ земскаго собранія. Вполнѣ соглашаясь съ этимъ заявленіемъ, мы прибавимъ къ нему только одно: еслибы земскимъ начальникамъ вздумалось удалить изъ собранія, для исполненія служебныхъ порученій или хотя бы подъ предлогомъ такого порученія, не одного, а всѣхъ волостныхъ старшинъ, засѣдающихъ въ собраніи, и удалить ихъ, притомъ, безъ разрѣшенія собранія, послѣднее оказалось бы совершенно безсильнымъ предупредить такое явное злоупотребленіе властью. При настоящемъ положеніи вещей ничто не мѣшаетъ земскимъ начальникамъ вліять на постановленія земскаго собранія не только косвенно, давленіемъ на гласныхъ-крестьянъ, но и прямо, удаленіемъ ихъ изъ собранія.

Къ разъясненію занимавшаго насъ недавно вопроса о томъ, какъ пользуются судебно-административныя учрежденія своею *судебною* властью [1]), можетъ служить слѣдующій фактъ, сообщенный „Биржевыми Вѣдомостями". Въ январѣ нынѣшняго года, во время мятели, по бѣжецкому тракту, въ тверскомъ уѣздѣ, ѣхали на встрѣчу съ

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 10 „В. Европы" за текущій годъ.

одной стороны, повозки пяти крестьянъ, съ другой—экипажъ, вез-шій г. Способина. Еще издали послѣдній кричалъ мужикамъ остановиться и пропустить его лошадей, но они, за бурей, криковъ не слыхали—и вотъ, барская тройка сталкивается съ первою клячей. По утвержденію хозяина ея, крестьянина Бурченкова, „баринъ" разсердился, принялся браниться и, наконецъ, ударилъ его на-отмашь въ шею. Фактъ этотъ подтвердили у земскаго начальника четыре товарища Бурченкова. Тѣмъ не менѣе земскій начальникъ оправдалъ г. Способина. Бурченковъ перенесъ дѣло въ съѣздъ, и здѣсь за обвиненіе г. Способина высказался, въ своемъ заключеніи, товарищъ прокурора. Въ результатѣ, однако—утвержденіе оправдательнаго приговора земскаго начальника. Дѣло это, по словамъ корреспондента, „привлекло въ залу суда много простонародной публики, которую оправдательный приговоръ, какъ было замѣтно, привелъ въ немалое смущеніе. Г. Способинъ—не только помѣщикъ, но и присяжный повѣренный". Прибавимъ къ этому, что онъ принадлежитъ и къ числу тверскихъ губернскихъ гласныхъ, и притомъ къ тѣмъ изъ нихъ, которые пользуются особымъ покровительствомъ „Московскихъ Вѣдомостей"; съ большимъ сочувствіемъ, если не измѣняетъ намъ память, отзывался о немъ г. Букѣевскій, извѣстный нашимъ читателямъ авторъ статей объ „образцовомъ земствѣ". Къ тому же г. Способину относится, повидимому, и слѣдующее сообщеніе бѣжецкаго (тверской губ.) корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей": „въ нынѣшнемъ году бѣжецкое собраніе представляло интересъ между прочимъ въ томъ отношеніи, что ожидалось нападеніе на дѣятельность управы со стороны гласнаго Способина, близко стоящаго къ тверской губернской земской управѣ, предсѣдателемъ которой по назначенію состоитъ бѣжецкій же гласный, бывшій земскій начальникъ Паскинъ. Ожиданія оправдались. Гласный Способинъ, въ длинной рѣчи и въ особой запискѣ, обвинялъ управу въ неумѣломъ веденіи денежнаго хозяйства и въ цѣломъ рядѣ незаконныхъ дѣйствій. Цифрами доказывалъ онъ существованіе на земствѣ огромнаго долга, погасить который земство не въ состояніи. Онъ указывалъ собранію, что управа безъ уполномочія заложила бумаги продовольственнаго капитала, трогать который по закону она не имѣла права, и это дѣйствіе свое скрыла, не упомянувъ о немъ въ своемъ отчетѣ. Эта рѣчь произвела на присутствующихъ удручающее впечатлѣніе. Но—гора родила мышь! Разъясненія, данныя въ собраніи предсѣдателемъ бѣжецкой управы К. Н. Невѣдомскимъ и ревизіонной коммиссіей, показали, что г. Способинъ не съумѣлъ, а можетъ быть не хотѣлъ разобраться въ отчетности управы. Ни особыхъ долговъ, ни незаконныхъ дѣйствій со стороны управы не было: бумаги продовольственнаго капитала оказались не заложенными, а просто находящимися въ конверсіи. Г. Спо-

собинъ работалъ надъ своими соображеніями одинъ и остался въ собраніи одинъ, никѣмъ не поддержанный". Не удалось, такимъ образомъ, сокрушить и разгромить земское управленіе въ одномъ изъ уѣздовъ тверской губерніи, виновныхъ... въ сочувствіи къ традиціямъ тверского земства.

Заключимъ наше обозрѣніе выпиской изъ „Гражданина", расположеннаго, съ нѣкоторыхъ поръ—вѣроятно, въ виду близкаго его конца, какъ ежедневной газеты—къ сжиганію прежнихъ своихъ идоловъ. „Я узналъ",—говоритъ кн. Мещерскій—„о трехъ вопіющихъ случаяхъ въ практикѣ земскихъ начальниковъ въ одной губерніи. Если они вѣрны, то ясно, что если я могъ объ нихъ узнать, то навѣрное подробнѣе и точнѣе меня объ нихъ узналъ губернаторъ, а между тѣмъ ни одинъ изъ этихъ трехъ земскихъ начальниковъ не устраненъ отъ должности. Эти случаи были слѣдующіе: одинъ земскій начальникъ взялъ подъ честное слово 400 рублей у одной сельской учительницы, то-есть все ея достояніе, и два года ей не платилъ; на первое требованіе денегъ онъ сказалъ, что ей ничего не долженъ, а когда просительница подала жалобу уѣздному предводителю дворянства, то онъ будто бы сказалъ предводителю, что дѣйствительно ей долженъ, но не потому, что занялъ эти деньги, а потому, что она была его любовницей. Второй случай былъ въ томъ же родѣ. Земскій начальникъ (состоятельный мѣстный помѣщикъ) пріѣхалъ послѣ смерти одного помѣщика къ его вдовѣ, и потребовалъ отъ нея, чтобы она продала ему пару лошадей, оцѣненныхъ вдовою въ 600 рублей, за 200 р., говоря: помните, что я вашъ земскій начальникъ,—и вынудилъ вдову ему этихъ лошадей продать. Наконецъ, третій случай довольно характеренъ: земскій начальникъ заставилъ цѣлую волость выстроить ему на *ея счетъ* дачу на берегу рѣки"... Три *такихъ* случая на *одну* губернію—это ужъ черезчуръ много: нужно ожидать, что сообщеніе „Гражданина" вызоветъ надлежащее разъясненіе въ печати.... Въ остерскомъ (черниговской губ.) уѣздѣ большую сенсацію, по словамъ „Недѣли", „произвела внезапная отставка одного изъ земскихъ начальниковъ, нѣкоего К—скаго. Съ самаго вступленія своего въ должность К—скій, заручившись сильнымъ покровительствомъ, отличался произвольными дѣйствіями, доходившими до большой беззастѣнчивости и постоянно вызывавшими жалобы населенія, но эти жалобы оставались безъ послѣдствій. Крестьяне наконецъ обратились къ жандармской администраціи, и тутъ дѣло получило иной исходъ, завершившись отставкой". Ненормально положеніе вещей, при которомъ желанный результатъ можетъ быть достигнутъ только такими окольными путями!..

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1895.

„Турецкія звѣрства" и армянскій вопросъ.—Странная перемѣна ролей въ политикѣ и журналистикѣ.—Англійскіе обличители турокъ и русскіе ихъ защитники.—Политика великихъ державъ.—Лордъ Сольсбери и турецкій султанъ.—Дворцовая партія въ Константинополѣ и мнимыя реформы.—Внутреннія дѣла въ Австріи.

„Турецкія звѣрства" опять наполняютъ собою цѣлые столбцы англійскихъ газетъ, какъ девятнадцать лѣтъ тому назадъ. Не проходитъ дня, чтобы не сообщались какіе-нибудь новые факты объ избіеніяхъ христіанъ въ азіатской Турціи. Въ Требизондѣ (Трапезунтѣ) турецкіе солдаты, по данному сигналу, начали правильную пальбу въ обывателей, убивали всѣхъ попадавшихся армянъ на улицахъ и площадяхъ, преслѣдовали убѣгавшихъ до берега, гнались за ними на лодкахъ и безжалостно топили ихъ ударами веселъ и камнями, на глазахъ пассажировъ двухъ европейскихъ кораблей, стоявшихъ на якорѣ,—русскаго и австрійскаго; трое армянъ, спасшихся отъ погони, были захвачены турками даже на русскомъ суднѣ, по свидѣтельству очевидца, описавшаго эти ужасы въ „Кельнской Газетѣ". Нѣсколько часовъ продолжалась жестокая расправа; груды человѣческихъ тѣлъ еще долго валялись на улицахъ; около двухъ тысячъ женщинъ и дѣтей нашли пріютъ въ іезуитскомъ госпиталѣ, двѣсти человѣкъ взялъ подъ свою охрану австрійскій консулъ, столько же было отправлено на судно „Азовъ" русскимъ консуломъ. Окрестныя армянскія села, гдѣ пытались спастись бѣглецы, были сожжены до тла. Всего погибло въ этотъ день до 800 человѣкъ и въ томъ числѣ лишь нѣсколько турокъ; армяне были безоружны и, очевидно, не ждали нападенія. Турецкое начальство не показывалось во время этихъ „военныхъ дѣйствій"; оно обнаружило свое существованіе уже послѣ того, какъ дѣло было кончено, и, по обыкновенію, послало въ Константинополь донесеніе объ армянскомъ бунтѣ, благополучно подавленномъ усиліями войска и полиціи. Судно „Азовъ" прибыло потомъ въ Одессу, и пассажиры его могли подтвердить ужасающія подробности происходившаго на ихъ глазахъ избіенія беззащитныхъ людей. То же самое случилось раньше въ Эрзерумѣ; и тамъ стрѣльба началась по заранѣе сдѣланному распоряженію, и отряды солдатъ поставлены были въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ христіане могли искать спасенія, — между прочимъ, около французскаго консульства, чтобы

закрыть доступъ къ больницѣ, и только угрозы британскаго консула побудили турокъ прекратить выстрѣлы въ этомъ направленіи. Солдатамъ дана была полная воля; многіе дома были разграблены, и даже съ убитыхъ снята была одежда; болѣе трехсотъ изуродованныхъ труповъ доставлено было на армянское кладбище, въ ихъ числѣ было нѣсколько женщинъ и до тридцати мальчиковъ разнаго возраста. Это было простое истребленіе, безъ борьбы, что̀ видно уже изъ того, что ни одного турка между убитыми не было. Турецкія власти совершенно отсутствовали; ихъ нигдѣ нельзя было найти, а впослѣдствіи составленъ былъ оффиціальный рапортъ, сообщавшій Высокой Портѣ какую-то фантастическую исторію о нападеніи армянъ на губернаторскій домъ и о происшедшемъ вслѣдствіе того кровопролитіи. Близъ Байбурта, между Эрзерумомъ и Требизондомъ, 500 вооруженныхъ мусульманъ внезапно напали на армянскія села, разорили и сожгли ихъ, истребили многихъ жителей, съ женщинами и дѣтьми, забрали скотъ и прочее имущество, и ушли спокойно, съ сознаніемъ исполненнаго долга. Въ самомъ началѣ нападенія обыватели обратились за помощью къ байбуртскому губернатору, который, въ отвѣтъ на эту просьбу, прислалъ черезъ нѣсколько часовъ трехъ жандармовъ, и послѣдніе прибыли на мѣсто только для обозрѣнія совершившагося разгрома. Губернаторъ телеграфировалъ затѣмъ высшему начальству, что армяне стрѣляли въ магометанъ и нѣкоторыхъ убили, вслѣдствіе чего турки въ свою очередь прибѣгли къ оружію, произошла всеобщая свалка, которую удалось однако прекратить соединенными усиліями полиціи, жандармовъ и солдатъ. По дорогѣ между Байбуртомъ и Эрзерумомъ одинъ европейскій путешественникъ встрѣтилъ значительную толпу женщинъ, въ числѣ не менѣе трехсотъ; замѣтивъ иностранца, онѣ бросились передъ нимъ на колѣни, умоляя о защитѣ; оказалось, что всѣ ихъ мужья и братья вырѣзаны турками. Въ Діарбекирѣ курды свирѣпствовали въ теченіе трехъ дней; рѣзня была колоссальная: погибло, какъ говорятъ, не менѣе пяти тысячъ человѣкъ. Солдаты, охранявшіе французское консульство, стрѣляли въ армянъ, убѣгавшихъ отъ преслѣдованія курдовъ. Цѣлые округа опустошены въ областяхъ эрзерумской и сивасской. Въ Сивасѣ убито 800 армянъ и десять турокъ; въ Гурунѣ вырѣзано курдами около четырехъ тысячъ христіанъ. Въ Харпутѣ было около 800 жертвъ; между прочимъ, большая часть зданій, принадлежавшихъ американскимъ миссіонерамъ, разграблена и предана огню. Въ Марашѣ и Хаджинѣ кровопролитіе было ужасное, но число погибшихъ неизвѣстно. Въ Карсъ прибыло трое армянъ съ заявленіемъ, что они— единственные, оставшіеся въ живыхъ обыватели мѣстечка, въ которомъ числилось свыше тысячи жителей. Только въ Зейтунѣ армяне

успѣли приготовиться къ отраженію турокъ и имѣли, повидимому, успѣхъ; мѣстный гарнизонъ вынужденъ былъ сдаться, и турецкія сообщенія объ армянскихъ „мятежникахъ“ заключали въ себѣ на этотъ разъ хоть тѣнь правдоподобія.

Всѣ приведенныя извѣстія взяты нами изъ четырехъ послѣднихъ нумеровъ лондонскаго еженедѣльнаго „Times“, съ 1-го по 22-е ноября (нов. ст.), и относятся, слѣдовательно, къ весьма непродолжительному періоду времени. Если сложить имѣющіяся приблизительныя цифры погибшихъ за эти три недѣли, оставивъ въ сторонѣ тѣ многочисленныя пострадавшія мѣстности, относительно которыхъ никакихъ точныхъ данныхъ не приводится, то получится крупная сумма —12,550 жертвъ,—столько же, сколько могла бы стоить въ такой короткій срокъ настоящая война регулярныхъ армій, снабженныхъ усовершенствованными орудіями. Но война распредѣляетъ потери между двумя странами и народами, а тутъ всѣ жертвы находятся на одной сторонѣ; на тысячи убитыхъ христіанъ едва насчитывается нѣсколько турокъ. Избіеніе почти не встрѣчаетъ отпора, ибо вооруженные и властвующіе нападаютъ на безоружныхъ, не только мужчинъ, но и женщинъ и дѣтей; притомъ эти безоружные принадлежатъ къ мирному, промышленному племени, которое никогда не отличалось храбростью или мужествомъ. Говорятъ, что свѣденія сильно преувеличиваются армянскими комитетами и что въ самомъ дѣлѣ погибло на половину меньше; гдѣ сказано „800 жертвъ“, надо считать *только* четыреста, гдѣ четыре тысячи,—тамъ *всего только* двѣ тысячи: таковы поправки, исходящія изъ турецкихъ или туркофильскихъ источниковъ. Эти же источники неизмѣнно указываютъ на то, что убито также много мусульманъ, и въ доказательство приводятся отдѣльные примѣры: въ одномъ мѣстѣ убитъ турецкій офицеръ, въ другомъ—пять или десять турецкихъ солдатъ, при чемъ молчаливо предполагается, что жизнь одного турецкаго офицера или солдата стоитъ сотенъ и тысячъ жизней ничтожныхъ армянъ. По разсчету, сдѣланному константинопольскимъ корреспондентомъ оффиціозной вѣнской „Politische Korrespondenz“, убито за все время армянскихъ бѣдствій только 15.000 человѣкъ, и эта цифра приводится именно для опроверженія преувеличенныхъ свѣденій армянскихъ комитетовъ. Только 15.000 убитыхъ, въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей! Сколько же нужно жертвъ для того, чтобы заставить волноваться великіе культурные народы? Говорятъ также, что зачинщиками въ большей части столкновеній были армяне, что во всемъ виноваты пресловутые революціонные армянскіе комитеты, руководимые англичанами, и что всю эту кровавую кашу заварила Англія ради эгоистическихъ цѣлей. Англія хочетъ будто бы создать подъ бокомъ Россіи новое

армянское государство, которое служило бы для насъ постояннымъ источникомъ затрудненій и хлопотъ; для этого она и бунтуетъ армянъ. Армяне волнуются и нарочно даютъ себя убивать, для того, чтобы побудить Европу осуществить ихъ мечту о національной независимости, съ особою европейскою династіею, на подобіе Болгаріи или Румыніи. Такъ утверждаютъ нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ. Но каковы бы ни были стремленія армянскихъ патріотовъ и ихъ англійскихъ покровителей, повторяющіяся массовыя убійства остаются фактомъ, отъ котораго отдѣлаться подобными указаніями невозможно. Кто бы ни былъ первоначальный виновникъ кровопролитій, но кровопролитія продолжаются и усиливаются, охватывая все болѣе обширные районы и обрушиваясь всею своею тяжестью на самыя глухія мѣстности азіатской Турціи. Изъ того, что нѣкоторые армяне и англичане дѣйствовали неправильно, вовсе еще не слѣдуетъ, что можно предоставить беззащитное населеніе многихъ городовъ и селъ на произволъ разсвирѣпѣвшихъ курдовъ. Если существуютъ честолюбивые армянскіе планы насчетъ будущаго армянскаго царства, то они не могутъ исполниться по волѣ одной Англіи, безъ согласія другихъ державъ и прежде всего Россіи; русская дипломатія всегда успѣетъ сказать свое veto противъ проектовъ, нежелательныхъ или неудобныхъ съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ. Зачѣмъ же примѣшивать эти преждевременныя заботы къ реальному и жгучему вопросу о кровавыхъ ужасахъ, безнаказанно совершаемыхъ надъ армянами въ ближайшемъ отъ насъ сосѣдствѣ?

Не мѣшаетъ напомнить, что насилія и избіенія въ армянскихъ округахъ Малой Азіи происходили гораздо раньше устройства англо-армянскаго комитета, которому приписывается теперь главная доля участія въ возбужденіи этихъ насилій. Первая политическая демонстрація, въ которой этотъ комитетъ игралъ несомнѣнную роль и которая привела къ уличнымъ безпорядкамъ въ Константинополѣ, была именно и вызвана страшными избіеніями въ Сассунскомъ округѣ, въ Битлисѣ и Мушѣ; волненія армянъ были вполнѣ понятны и естественны, въ виду отсутствія всякихъ серьезныхъ мѣръ для огражденія ихъ отъ фанатической злобы мусульманскихъ варваровъ. Курды дѣйствуютъ главнымъ образомъ въ тѣхъ областяхъ, куда едва-ли проникала какая-либо сознательная политическая агитація; опустошенныя ими села и деревни не находились, конечно, подъ вліяніемъ лондонскаго комитета и его агентовъ, и истребленные жители, ихъ жены и дѣти, едва-ли слыхали даже о существованіи людей, мечтающихъ о независимомъ армянскомъ государствѣ. Пострадавшимъ армянамъ было очень далеко до такого рода мечтаній; для нихъ, какъ и для соплеменниковъ ихъ, дѣло шло о простой охранѣ жизни и

имущества. Не до широкихъ политическихъ проектовъ тѣмъ злосчастнымъ обывателямъ Турціи, которые должны постоянно дрожать за жизнь свою и своихъ близкихъ; высшая ихъ мечта, предметъ ихъ стремленій и надеждъ—обезпеченіе безопасности личной и имущественной. Весь армянскій вопросъ заключается въ доставленіи турецкимъ подданнымъ этихъ элементарныхъ благъ, въ обезпеченіи этихъ первыхъ условій правильнаго общежитія.

Турки вообще—народъ добродушный и симпатичный; они во многомъ симпатичнѣе подвластныхъ имъ племенъ и въ томъ числѣ армянскаго. Въ обыкновенное мирное время они обнаруживаютъ терпимость и нѣкоторое благородство; они не вмѣшиваются въ дѣла и интересы подчиненныхъ народностей, не стѣсняютъ ихъ вѣры и совѣсти, не претендуютъ на роль назойливыхъ опекуновъ и руководителей, не задаются цѣлью „отуреченія" инородцевъ. Они смотрятъ на христіанскую „райю" какъ на существа низшей породы, отъ которыхъ надо держаться подальше; они относятся къ нимъ равнодушно, не заботясь объ ихъ чувствахъ и идеяхъ. Но тѣ же спокойные турки озлобляются противъ христіанъ, когда видятъ въ нихъ причину политическихъ волненій, связанныхъ съ иностраннымъ вмѣшательствомъ; они готовы тогда безпощадно осудить ихъ на гибель, какъ зловредныхъ „собакъ", которыхъ позволяетъ истреблять и религія. Турецкіе паши ничего не имѣли бы противъ того, чтобы какіе-нибудь баши-бузуки разъ навсегда избавили ихъ отъ народностей, изъ-за которыхъ Турція подвергается непріятнымъ столкновеніямъ съ великими европейскими державами. Турецкое правительство было безсильно остановить періодическія нападенія курдовъ на армянскія села; но когда вопли армянъ дошли до Европы и создали армянскій вопросъ, то сами турки прониклись ненавистью къ армянамъ и охотно истребили бы ихъ по мѣрѣ возможности. Это настроеніе, переходя отъ высшихъ къ низшимъ, отражается и на дѣйствіяхъ мѣстныхъ властей; оно объясняетъ ихъ прямое или косвенное участіе въ тѣхъ взрывахъ холоднаго ожесточенія, которые на первый взглядъ кажутся столь несвойственными турецкому характеру. Традиціонная фанатическая воинственность, поощряемая религіознымъ чувствомъ, вырывается наружу изъ-подъ оболочки пассивнаго добродушія; кровавыя стычки, бывшія прежде случайными и произвольными, становятся болѣе частыми и систематическими; даже набѣги курдовъ дѣлаются изъ простыхъ грабительскихъ предпріятій чѣмъ-то въ родѣ добровольческихъ патріотическихъ экспедицій. Проснувшаяся вражда къ невѣрнымъ распространяется, какъ эпидемія, въ разныхъ слояхъ мусульманскаго населенія, направляясь не противъ однихъ армянъ, а противъ христіанъ вообще. Кризисъ перестаетъ быть спеціально-

армянскимъ, а возростаетъ на степень обще-турецкаго; внутренняя связь различныхъ частей имперіи слабѣетъ, повсюду чувствуется шаткость государственнаго зданія, и администрація не можетъ справиться съ элементами разлада, даже еслибы добросовѣстно этого желала.

Преобразовать турецкое управленіе въ культурномъ западно-европейскомъ духѣ—немыслимо, ибо это значило бы передѣлать самихъ турокъ, ихъ вѣковыя понятія и привычки, ихъ отношенія къ побѣжденнымъ туземцамъ и къ чужимъ иновѣрнымъ народамъ. Если дипломаты говорятъ о необходимыхъ реформахъ въ Турціи и вырабатываютъ даже проекты такихъ реформъ для свѣденія Высокой Порты, то они дѣлаютъ это больше изъ вѣжливости или по рутинѣ, чѣмъ по убѣжденію. Сама Порта, согласившись принять предложенную великими державами реформаторскую программу, лучше всего охарактеризовала ее напоминаніемъ о торжественныхъ султанскихъ указахъ 1839 и послѣдующихъ годовъ, въ которыхъ были уже возвѣщены требуемыя нынѣ благодѣтельныя реформы; эти именно старинныя обѣщанія подтверждаются вновь турецкимъ правительствомъ. Будутъ ли такъ же исполняться эти хорошіе указы и впредь, какъ исполнялись до сихъ поръ, — это осталось, конечно, неразъясненнымъ. Между тѣмъ кровопролитія не прекращаются, и такъ или иначе надо положить имъ конецъ, не дожидаясь будущаго примѣненія благотворныхъ и никогда не примѣнявшихся реформаторскихъ указовъ. Англійскія газеты настаиваютъ на принятіи болѣе серьезныхъ и положительныхъ мѣръ для водворенія порядка въ турецкихъ земляхъ; глава британскаго кабинета публично заявляетъ, что нельзя придавать значеніе турецкимъ обѣщаніямъ и реформамъ, что слѣдовало бы ближе заняться обезпеченіемъ насущныхъ интересовъ жителей Турціи. Англичане пришли наконецъ къ сознанію, что постоянно повторяющіеся кризисы на Востокѣ не могутъ быть смягчены внѣшними полумѣрами; они признаютъ теперь ошибочность и безполезность односторонней охранительной политики, которой такъ долго придерживалась Англія по отношенію къ оттоманской имперіи. Мнѣніе Гладстона о неисправимости турокъ и о необходимости покончить съ владычествомъ ихъ на Босфорѣ начинаетъ рѣшительно преобладать въ Англіи; оно раздѣляется отчасти и самимъ правительствомъ. Что̀ же мы видимъ въ нашей печати? Тѣ самыя газеты, которыя когда-то обвиняли англичанъ въ бездушіи за ихъ отношеніе къ бѣдствіямъ турецкихъ христіанъ, нападаютъ теперь на Англію за ея недоброжелательство къ Турціи и къ турецкому султану. Англичанамъ ставится въ вину ихъ чрезмѣрная заботливость объ армянахъ, какъ прежде имъ ставили въ вину чрезмѣрную заботливость о туркахъ.

Любопытная перемѣна ролей замѣчается вообще въ современной политикѣ и журналистикѣ по восточному вопросу. Англичане и австрійцы, бывшіе до недавняго времени главнѣйшими защитниками Турціи, выступаютъ противъ нея съ неменьшею энергіею во имя поруганныхъ правъ человѣчности; они не останавливаются предъ мыслью о насильственной охранѣ турецкихъ подданныхъ, избиваемыхъ мусульманами. Туркофильскій противникъ Россіи въ Константинополѣ и на берлинскомъ конгрессѣ, маркизъ Сольсбери, открещивается отъ солидарности съ турецкимъ султаномъ и выражаетъ готовность дѣйствовать противъ турокъ въ защиту бѣдствующихъ христіанъ; а часть нашей печати, жаждавшая прежде разгромить Турцію и съ наибольшимъ усердіемъ занимавшаяся обличеніемъ коварнаго туркофильства англичанъ и австрійцевъ, сдѣлалась сама туркофильскою и старается теперь умалить и оправдать „турецкія звѣрства", взваливая отвѣтственность за нихъ на самихъ потерпѣвшихъ. Въ пользу Турціи и противъ Англіи повторяются теперь нѣкоторыми нашими патріотами такіе же точно аргументы, какіе приводились въ свое время англичанами и австрійцами противъ Россіи и ея заступничества за болгаръ. Тогда балканскія волненія приписывались агитаціи славянскихъ комитетовъ, поощряемыхъ закулисною русскою дипломатіею; теперь у насъ во всемъ обвиняются армянскіе комитеты, поддерживаемые англичанами. Тогда говорилось о честолюбивыхъ русскихъ замыслахъ, побуждающихъ Россію заступаться за болгаръ; теперь рѣчь идетъ объ англійскихъ планахъ и интригахъ, объясняющихъ заступничество Англіи за армянъ. Тогда за границей толковали о славянскихъ революціонерахъ и агитаторахъ, которыхъ турки должны были поневолѣ укрощать суровою военною расправою; теперь у насъ говорится объ армянскихъ мятежникахъ и честолюбцахъ, навлекшихъ на свою народность заслуженное возмездіе со стороны турецкой власти. Заграничные туркофилы возставали тогда противъ освобожденія болгаръ; наши новѣйшіе туркофилы возстаютъ теперь противъ оказанія активной помощи арманамъ. Какъ австрійскіе и англійскіе консерваторы проявляли тогда холодное равнодушіе къ избіеніямъ болгарской „райи", такъ теперь нѣкоторые наши газетные публицисты пренебрежительно отзываются о сообщаемыхъ цифрахъ вырѣзанныхъ армянъ.

Но между тогдашними обстоятельствами и нынѣшними есть огромная разница, которой напрасно не принимаютъ во вниманіе наши патріоты. То, что̀ было позволительно друзьямъ Турціи въ семидесятыхъ годахъ, совершенно непростительно со стороны нашихъ газетъ въ настоящее время. Въ ту эпоху существовалъ непримиримый антагонизмъ между отдѣльными державами, заинтересованными въ восточномъ вопросѣ; Англія и Австро-Венгрія стояли рѣшительно

противъ Россіи, и самое вмѣшательство русской дипломатіи въ пользу балканскихъ народностей было по существу своему одиночное, опиравшееся на соображенія религіознаго и племенного родства. Недовѣріе иностранцевъ къ цѣлямъ и стремленіямъ тогдашней русской политики вызывалось прямыми заявленіями нашихъ газетъ о правахъ Россіи на Константинополь и о необходимости устранить Англію и Австрію отъ участія въ разрѣшеніи восточнаго вопроса; недовѣріе поддерживалось не только дѣйствіями славянскаго комитета, рѣчами Аксакова и движеніемъ добровольцевъ, но и преждевременными оффиціозными проектами раздѣла Турціи. Ничего подобнаго не оказывается въ настоящее время: ни одна изъ великихъ державъ не заявляетъ особыхъ правъ на устройство судьбы турецкихъ христіанъ, ни одна не связана чѣмъ бы то ни было съ армянами, и едва-ли не въ первый разъ въ текущемъ столѣтіи установилась дѣйствительная солидарность между всѣми европейскими кабинетами относительно Турціи. Никакого принципіальнаго разлада не существуетъ между представителями Европы, дѣйствующими теперь въ Константинополѣ. Если Англія выдѣлялась на первыхъ порахъ, то только своею настойчивостью по отношенію къ Портѣ; точно такъ же Австро-Венгрія, въ лицѣ своего министра иностранныхъ дѣлъ графа Голуховскаго, готова была идти противъ Турціи дальше, чѣмъ находила возможнымъ Россія: вѣнскій кабинетъ предлагалъ предоставить посланникамъ великихъ державъ въ Стамбулѣ принимать, въ случаѣ надобности, чрезвычайныя мѣры по общему между собою соглашенію, т.-е. призывать крейсирующія невдалекѣ европейскія эскадры для входа въ Дарданеллы. Русская дипломатія совѣтовала не давать такого простора дѣйствій посламъ, имѣющимъ всегда возможность получить надлежащія инструкціи по телеграфу, и этотъ совѣтъ благоразумія былъ принятъ всѣми кабинетами, включая и вѣнскій, — разногласіе, очевидно, касалось здѣсь только способовъ извѣстныхъ рѣшеній, а не преслѣдуемыхъ цѣлей. До послѣдняго времени въ Константинополѣ дѣйствовали совмѣстно по армянскому вопросу три державы— Англія, Франція и Россія; остальныя только поддерживали ихъ, когда это требовалось обстоятельствами; теперь же дѣйствуютъ всѣ, подписавшія берлинскій трактатъ, и ни одинъ серьезный шагъ не будетъ сдѣланъ безъ единодушнаго ихъ рѣшенія. Лордъ Сольсбери еще недавно, въ своей рѣчи на банкетѣ лондонскаго лорда-мэра (9-го ноября, нов. ст.), категорически указалъ на это общее согласіе державъ, и еще сильнѣе подтвердилъ полную солидарность ихъ на банкетѣ въ Брейтонѣ (19-го ноября), при чемъ особенно выставилъ на видъ безусловную необходимость совмѣстнаго дѣйствія на Востокѣ и полное взаимное довѣріе между кабинетами въ политикѣ ихъ относительно

Порты. Никто не думаетъ теперь о войнѣ изъ-за армянъ или изъ-за турокъ, и самая мысль объ этомъ казалась бы странною и даже дикою; всѣ сознаютъ, что нужно сдѣлать что-нибудь для прекращенія повальныхъ убійствъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ разумной власти и порядка, и что скромныя преобразованія, обязательныя для Турціи въ силу международныхъ договоровъ, должны же быть когда-нибудь приведены въ исполненіе. Въ прежніе годы дипломатическое искусство Порты заключалось лишь въ проволочкахъ и обѣщаніяхъ, разсчитанныхъ на взаимное соперничество между державами; теперь существуетъ единство, не только внѣшнее, формальное, но и внутреннее, основанное на дѣйствительномъ отсутствіи предметовъ раздора и на безспорномъ миролюбіи народовъ и государствъ. Нѣтъ и рѣчи о чьихъ либо одностороннихъ притязаніяхъ на Константинополь или на власть надъ армянами; армяне никому не нужны, а на Босфорѣ нельзя себѣ представить ничего прочнаго безъ общаго соглашенія Европы, такъ какъ въ случаѣ паденія турецкаго владычества ни одна держава не могла бы сама по себѣ удержать наслѣдство въ своихъ рукахъ противъ всѣхъ другихъ европейскихъ націй. Если въ послѣднюю войну мы съ побѣдоносною арміею остановились въ почтительномъ разстояніи отъ Константинополя подъ вліяніемъ простой угрозы Англіи, то мыслимо ли, чтобы мы когда-нибудь стали воевать съ цѣлою западно-европейскою коалиціею ради сомнительнаго и непрочнаго счастія водвориться самостоятельно въ древней столицѣ Византіи? Такой случай, какой представился намъ въ 1878 году, не повторится больше, и мы едва-ли будемъ когда-либо стоять съ войскомъ, въ качествѣ побѣдителей, почти у воротъ Царьграда; рекомендовать же вновь подобный опытъ было бы безуміемъ, на которое вѣроятно не рѣшились бы самые предпріимчивые изъ бывшихъ славянофиловъ. По общему убѣжденію, въ Константинополѣ могла бы замѣнить турецкое господство только нейтральная международная власть, покоящаяся на точномъ соглашеніи заинтересованныхъ государствъ, и предвѣстникомъ и въ то же время доказательствомъ возможности такого соглашенія является нынѣшнее единство европейской дипломатіи въ области турецкихъ дѣлъ. Порта испытываетъ на себѣ практическія послѣдствія этого единства; для нея это новый и крайне неудобный фактъ, къ которому она не приспособилась,—а наши газетные патріоты, вмѣсто того, чтобы радоваться этой перспективѣ энергическаго воздѣйствія на Турцію въ интересахъ ея христіанскихъ подданныхъ, выбираютъ именно настоящій моментъ для усиленныхъ нападеній на Англію и на армянъ. Въ этомъ случаѣ они выказываютъ такой же недостатокъ политическаго пониманія и чутья, какъ и въ знаменитомъ походѣ въ защиту берлинскаго трактата послѣ „незаконнаго“ осущест-

вленія одного изъ главныхъ пунктовъ нашего же Санъ-Стефанскаго договора—объединенія Болгаріи съ Восточною Румеліею. По существу вполнѣ несправедливо утверждать, что англичане только изъ-за корыстныхъ разсчетовъ интересуются участью армянъ; наши газеты уже забыли, какую роль игралъ Гладстонъ въ возбужденіи западно-европейскихъ симпатій къ болгарскимъ бѣдствіямъ и какъ краснорѣчиво громилъ онъ турокъ за творимыя ими безобразія; забыли также наши патріоты почтенныя имена Макъ-Гахана и Арчибальдса Форбса, корреспондентовъ англійскихъ газетъ, оказавшихъ великія услуги дѣлу освобожденія балканскихъ народностей отъ турецкаго гнета. Неужели и тогда Гладстонъ и его единомышленники въ Англіи руководились своекорыстными политическими мотивами, разоблачая всѣ ужасы турецкаго управленія и башибузукскихъ звѣрствъ? Или наши газеты полагаютъ что мы одни способны увлекаться „сантиментальными“ побужденіями, и что у насъ не было или не могло быть никакихъ особыхъ намѣреній и плановъ при началѣ вмѣшательства въ балканскія дѣла? Въ дѣйствительности чувство человѣчности одинаково воодушевляло тогда Гладстона и Макъ-Гахана въ болгарскомъ вопросѣ, какъ вдохновляетъ и теперь горячихъ защитниковъ армянъ. При всей житейской разсчетливости англичанъ, нигдѣ идеи справедливости и гуманности не встрѣчаютъ такой общей поддержки и сочувствія, какъ въ Англіи. Когда возникъ вопросъ о притязаніяхъ Австріи на занятіе Босніи съ Герцеговиною, то Гладстонъ публично обратился къ австрійцамъ съ рѣзкимъ возгласомъ: „руки прочь!“—а потомъ мы же сами отдали босняковъ и герцеговинцевъ въ руки Австріи, не справляясь съ желаніемъ ихъ самихъ, возставшихъ противъ турокъ съ надеждою пріобрѣсть свободу отъ иноземнаго владычества. Чѣмъ руководствовались мы, предавая босняковъ и герцеговинцевъ,— чувствомъ человѣколюбія или какими-либо посторонними разсчетами? Послѣ ошибокъ и уроковъ прошлаго слѣдовало бы быть осторожнѣе въ обвиненіяхъ и нападкахъ, не имѣющихъ ни смысла, ни цѣли. Въ короткомъ письмѣ къ г-жѣ Новиковой, обнародованномъ въ лондонскихъ газетахъ, Гладстонъ повторяетъ свое старое мнѣніе, что надо покончить съ Турціею разъ навсегда, и это онъ высказываетъ, стоя уже почти на краю могилы, на что онъ самъ ссылается въ трогательной заключительной фразѣ. Наши патріоты нѣсколько разъ коренныиъ образомъ мѣняли свои мнѣнія относительно Турціи со времени войны, подчиняясь впечатлѣніямъ минуты и разнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ;—не нашимъ поэтому газетамъ уличать англичанъ въ непослѣдовательности и своекорыстіи. Англія дѣйствуетъ съ нами рука объ руку въ восточномъ вопросѣ и проявляетъ къ намъ полное довѣріе; она не берется пред-

принимать что-нибудь сама, безъ согласія остальныхъ державъ, и заподозривать ея побужденія и намѣренія при такихъ условіяхъ—значило бы только вредить тому единству, безъ котораго ничего нельзя достигнуть въ Константинополѣ.

Въ упомянутой выше рѣчи на банкетѣ лорда-мэра, лордъ Сольсбери заговорилъ объ этомъ единствѣ дѣйствій великихъ державъ еще съ другой точки зрѣнія, чрезвычайно важной и интересной; онъ высказалъ мысль, что „въ этомъ сознаніи необходимаго совмѣстнаго дѣйствія, вызываемаго опасностями и требованіями нашего времени, мы найдемъ рѣшеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ задачъ, тяготѣющихъ надъ нами, и, быть можетъ, мы въ состояніи будемъ въ надлежащее время ограничить и измѣнить то положеніе вооруженнаго мира, которое угнетаетъ теперь экономическіе интересы народовъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ британскій премьеръ выразилъ свое сомнѣніе въ серьезности предположенныхъ турецкихъ реформъ, указалъ на необходимость требовать преобразованія въ пользу всѣхъ вообще подданныхъ Турціи, а не только христіанъ, такъ какъ все населеніе имперіи одинаково страдаетъ отъ злоупотребленій и непорядковъ администраціи; заступничество же за послѣдователей одной религіи несправедливо само по себѣ и ослабляетъ притомъ нравственное значеніе и вліяніе европейскаго вмѣшательства. Обѣ эти идеи заслуживаютъ большого вниманія; онѣ какъ бы расширяютъ традиціонныя основы текущей международной политики и свидѣтельствуютъ о той важности, которая придается согласію державъ руководящими государственными людьми Англіи.

Между прочимъ, намеки лорда Сольсбери на безплодность реформаторскихъ попытокъ при нынѣшнемъ турецкомъ режимѣ имѣли одинъ совершенно неожиданный результатъ. Въ слѣдующей своей рѣчи, въ Брайтонѣ, премьеръ счелъ долгомъ прежде всего сообщить о полученномъ имъ письмѣ весьма высокопоставленнаго лица—самого турецкаго султана. Султанъ Абдулъ-Гамидъ нашелъ обиднымъ для себя недовѣріе къ его реформамъ, выраженное лордомъ Сольсбери на банкетѣ лорда-мэра, и онъ просилъ его поэтому произнести другую рѣчь, болѣе согласную съ всегдашними симпатіями британскаго премьера къ Турціи и къ ея повелителю. Лордъ Сольсбери счелъ долгомъ исполнить желаніе султана и съ этою цѣлью прочиталъ его письмо, съ нѣкоторыми пропусками, оговариваясь, что онъ долженъ былъ обнародовать это посланіе только изъ уваженія къ личности писавшаго. Султанъ даетъ честное слово, „что онъ исполнитъ реформы"; онъ „возьметъ къ себѣ бумаги, заключающія въ себѣ ихъ текстъ, и будетъ самъ слѣдить за точнымъ исполненіемъ каждой статьи". Въ концѣ письма султанъ прибавляетъ, что онъ „будетъ съ нетер-

пѣніемъ ждать результата своего посланія". Лордъ Сольсбери изъ вѣжливости не сдѣлалъ прямыхъ комментаріевъ къ этому оригинальному документу, но объяснилъ, что Англія есть только одна изъ державъ, согласившихся дѣйствовать совмѣстно, и что она сама по себѣ не можетъ дать такое или иное направленіе событіямъ; всѣ должны держаться условленнаго единогласія, и британское правительство не отступитъ отъ этой почвы. Косвенный отвѣтъ на письмо Абдулъ-Гамида содержится въ дальнѣйшихъ словахъ премьера, по поводу безнадежной болѣзни турецкаго посланника въ Лондонѣ, Рустема-паши. Чтобы привести реформы въ исполненіе, недостаточно изложить ихъ на бумагѣ и предписать ихъ въ руководство подданнымъ; необходимо еще, чтобы были подходящіе и добросовѣстные исполнители, подобные Рустему-пашѣ. Такіе люди были въ Турціи тридцать или двадцать пять лѣтъ тому назадъ, и къ ихъ числу принадлежалъ именно Рустемъ-паша (теперь уже умершій), бывшій губернаторъ на Ливанѣ во время тяжелыхъ замѣшательствъ въ этой области. Въ послѣдніе годы не видно такихъ людей около султана, и лордъ Сольсбери не считаетъ удобнымъ вдаваться въ объясненіе причинъ этого печальнаго факта. Причины эти, однако, ясно видны изъ разсказовъ и сообщеній газетъ о томъ, что происходитъ при дворѣ Абдулъ-Гамида. Султанъ лично заправляетъ государственными дѣлами, и дворцовая политика зависитъ отъ случайныхъ, перемѣнчивыхъ вліяній, которыхъ никто предусмотрѣть не можетъ. Не успѣли назначить Кіамиля-пашу великимъ визиремъ, какъ его постарались оклеветать соперники, и онъ былъ не только смѣщенъ, но подвергнутъ замаскированной ссылкѣ въ Смирну, куда его поспѣшно перевезли, больного, съ назначеніемъ на постъ губернатора. Его мѣсто занялъ Рифатъ-паша, человѣкъ другого закала, едва ли склонный къ реформаторству въ европейскомъ духѣ, и долго ли продержится онъ среди различныхъ интригъ, доносовъ и сплетенъ, господствующихъ въ Ильдизъ-кіоскѣ,—угадать не трудно. Политическія заботы султана нерѣдко замѣняются совершенно другими, по доброй волѣ усердныхъ слугъ: стоитъ кому-нибудь шепнуть ему объ открывшемся заговорѣ, и тотчасъ всякія реформы бросаются въ сторону. При такой системѣ управленія пессимизмъ лорда Сольсбери какъ нельзя болѣ основателенъ, и „честное слово" султана тутъ, къ несчастію, помочь не можетъ. Замкнутая дворцовая обстановка не годится для сознательной государственной дѣятельности, и одни добрыя желанія въ этомъ случаѣ безсильны.

Новое австрійское министерство, съ графомъ Бадени во главѣ, обнаружило пока одно только качество — энергію; но это качество

само по себѣ, какъ ни полезно оно при извѣстныхъ обстоятельствахъ, не удовлетворяетъ общественнаго мнѣнія, если идеи правительства неясны и намѣренія его неопредѣленны. Въ день открытія новой парламентской сессіи, 22 (10) октября, графъ Бадени изложилъ въ общихъ чертахъ свою министерскую программу, которую можно назвать вполнѣ бюрократическою; главною задачею своею онъ ставилъ соблюденіе порядка въ ходѣ государственныхъ дѣлъ и противодѣйствіе всему, что можетъ мѣшать этому порядку. Австрійскій премьеръ произвелъ на публику впечатлѣніе человѣка съ характеромъ, настойчиваго и рѣшительнаго; такое впечатлѣніе внушается и его статною, представительною фигурою, и его самоувѣреннымъ способомъ рѣчи. Въ скоромъ времени онъ получилъ возможность на дѣлѣ примѣнить свои принципы, но нельзя сказать, чтобы примѣненіе вышло удачное.

Вѣнскій городской совѣтъ (по нашему, дума) выбралъ бургомистромъ депутата Люгера, извѣстнаго своею антисемитскою пропагандою; само собою разумѣется, что этотъ выборъ былъ непріятенъ извѣстной части населенія, но выборъ былъ произведенъ законно, по значительному большинству голосовъ, и надо было съ нимъ помириться. Самъ Люгеръ, пріобрѣвшій большую популярность своими грозными рѣчами противъ владычества „еврейской биржи", старался принять другой видъ и тонъ послѣ своего избранія въ бургомистры; онъ отбросилъ обычные пріемы народнаго оратора, перестал говорить объ евреяхъ и обѣщалъ быть безпристрастнымъ представителемъ общихъ городскихъ интересовъ. Съ Люгеромъ произошло то, что обыкновенно случается при переходѣ отъ горячей оппозиціи къ спокойной практической дѣятельности; во Франціи постоянно наблюдается это постепенное превращеніе необузданнаго радикала въ весьма приличнаго республиканскаго сановника или министра, и такая же интересная „эволюція" грозила и депутату Люгеру. Пылкій обличитель еврейства невольно приспособлялся къ новому оффиціальному положенію; онъ желалъ показать, что онъ вполнѣ пригоденъ къ серьезной правительственной роли, и всѣмъ было любопытно видѣть, какъ онъ будетъ дѣйствовать на практикѣ, въ должности главы городского общественнаго управленія въ Вѣнѣ. Незаконнаго онъ ничего предпринять не могъ, потому что распоряженія его были бы тогда обжалованы заинтересованными лицами или остановлены подлежащею властью; слѣдовательно, и вреда отъ его возможныхъ увлеченій не произошло бы. Но графъ Бадени усмотрѣлъ какую-то опасность въ выборѣ антисемита на постъ бургомистра; онъ предложилъ императору отказать въ утвержденіи Люгера, и думалъ, что это произведетъ отличный эффектъ. Между тѣмъ именно эта произвольная мѣра привела къ волненіямъ и безпорядкамъ; городской совѣтъ вторично выбралъ Люгера и этимъ выразилъ протестъ не только противъ мини-

стерства, но косвенно и противъ императора Франца-Іосифа, имя котораго графъ Бадени такимъ образомъ впуталъ безъ всякой надобности въ страстную борьбу партій. Правительство не могло остановиться на полдорогѣ; оно вынуждено было распустить городское представительное собраніе и вызвало этимъ кризисъ гораздо болѣе значительный, чѣмъ тотъ, какого можно было опасаться отъ антисемитизма Люгера.

Въ ближайшемъ засѣданіи австрійской палаты депутатовъ, 16-го ноября (нов. ст.), министру-президенту пришлось выслушать много горькихъ упрековъ не только отъ единомышленниковъ Люгера, но и отъ своихъ собственныхъ друзей и союзниковъ. Въ умѣренно-клерикальной партіи, предводимой графомъ Гогенвартомъ, произошелъ изъ-за этой исторіи расколъ; группа барона Дипаули присоединилась къ противникамъ министерства. Баронъ Дипаули, пользующійся большимъ почетомъ при дворѣ, поставилъ правительству въ вину, что оно компрометтировало „священный авторитетъ императора", и это обвиненіе, исходившее отъ такого лица, должно было особенно чувствительно задѣть графа Бадени. Парламентскіе юристы объясняли ему, что дѣйствія его были незаконны; другіе—обращали его вниманіе на произведенное имъ вредное нарушеніе мирнаго порядка въ городскомъ общественномъ управленіи, которое нельзя безнаказанно передавать въ руки временныхъ правительственныхъ коммиссаровъ. Защита графа Бадени была очень слабая; она не выходила изъ круга общихъ фразъ и не отвѣтила ни на одно изъ возраженій оппозиціи. Министръ земледѣлія, графъ Ледебуръ, сталъ затѣмъ говорить длинную и малопонятную рѣчь о религіи и чести, о христіанскомъ смиреніи, и слушатели безнадежно уходили отъ него прочь, недоумѣвая, какимъ образомъ этотъ добродушный провинціальный проповѣдникъ могъ попасть въ министры земледѣлія. Истиннымъ героемъ дня былъ депутатъ Люгеръ; онъ вновь выступилъ горячимъ ораторомъ народныхъ сходокъ, говорилъ рѣзко и громко и на этотъ разъ въ высшей степени убѣдительно, и публика устроила ему шумную овацію. Президенту палаты, Хлумецкому, пришлось дважды прибѣгнуть къ удаленію шумѣвшихъ постороннихъ слушателей, и засѣданіе закрылось при общемъ волненіи, которое отчасти перешло на улицу.

Таковы первые плоды энергіи графа Бадени. Говорятъ, что онъ былъ очень хорошимъ намѣстникомъ Галиціи; но изъ хорошаго исполнителя не всегда выходитъ дѣльный самостоятельный министръ, такъ какъ административная дѣятельность и государственная—далеко не одно и то же.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1895.

— Художникъ В. В. Верещагинъ. Наполеонъ I въ Россіи. 1812.—Пожаръ Москвы.—Казаки.—Великая армія.—Маршалы.—Наполеонъ.—М. 1895.
— (Онъ же.) Иллюстрированныя автобіографіи нѣсколькихъ незамѣчательныхъ русскихъ людей. II приложеніе къ каталогу картинъ В. В. Верещагина. М. 1895.
— (Онъ же.) На Сѣверной Двинѣ. По деревяннымъ церквамъ. III приложеніе къ каталогу картинъ В. В. Верещагина. (Съ рисунками.) М. 1895.

Не такъ давно въ статьѣ, обратившей на себя вниманіе, однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ художниковъ была высказана мысль объ отношеніи нашего искусства къ литературѣ, довольно странная. Не помнимъ выраженій, но мысль заключалась въ томъ, что вліяніе литературы было для нашего искусства вредно; другими словами, что творчество нашихъ художниковъ было бы выше, еслибы они не подчинялись литературѣ или не обращали на нее вниманія. Мысль была и ложная, и не полезная, какъ вообще для представителей нашего художества, такъ въ особенности для художниковъ, начинающихъ свое поприще, которымъ предстоитъ еще выработать вообще свои понятія и направить свою художественную дѣятельность. Во-первыхъ, эта мысль несправедлива исторически. Какъ въ прежнія времена наше искусство было параллельно съ литературой въ школьномъ псевдо-классическомъ стилѣ, такъ что вліяніе литературы никакъ не могло ему повредить; такъ впослѣдствіи оно пріобрѣтало извѣстную романтическую складку и, наконецъ, стало интересоваться народностью,—и въ этомъ послѣднемъ направленіи (гдѣ, замѣтимъ, оно въ первый разъ получало и серьезный общественный интересъ, и національное значеніе) литература не только не могла помѣшать ему, но, напротивъ, могла очень ему помочь и дѣйствительно помогала. Въ самомъ дѣлѣ, когда выдвинутъ былъ вопросъ о народномъ интересѣ и содержаніи искусства, который былъ вмѣстѣ и вопросомъ реализма, этотъ вопросъ съ его теоретической стороны принадлежалъ

не одной области художества (живописи или скульптуры), но также и области поэзіи, и разъясненія этого вопроса въ литературѣ могли быть только полезны художникамъ. Конечно, художники могли выяснять этотъ вопросъ и самостоятельно, но имъ не могло быть никакого вреда отъ того, что въ это же время вопросъ былъ объясняемъ въ литературѣ съ примѣненіями собственно литературными, которыя могли быть относимы и къ художеству; напротивъ, могла быть и польза: дѣло въ томъ, что въ средѣ писателей во всякомъ случаѣ было гораздо больше, чѣмъ въ средѣ художниковъ, теоретическаго знанія и историческаго опыта для постановки общаго вопроса. Мало того, самый вопросъ о реализмѣ и изображеніи народной жизни возникъ въ нашей литературѣ гораздо раньше, чѣмъ въ художествѣ; а именно онъ былъ уже рѣшенъ произведеніями Пушкина и Гоголя, и господство реализма начинается въ литературѣ съ тридцатыхъ годовъ, когда старая школа была еще цѣла и невредима въ художествѣ, и едва-ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе въ томъ, что успѣхи реализма въ новомъ поколѣніи художниковъ произошли именно подъ литературными вліяніями. Еслибы упомянутый авторъ хотѣлъ сказать, что художники могутъ иногда ошибочно выбирать свои темы подъ вліяніемъ чего-нибудь вычитаннаго въ книгѣ, то странно было бы дѣлать изъ этого вину литературы, а не самого читателя: въ литературѣ бываютъ вещи умныя и глупыя, и для читателя во всякомъ случаѣ требуется извѣстная степень образованія и умственныхъ способностей, чтобы умѣть отличить въ литературѣ достойное отъ недостойнаго, и самому критику, судящему о литературѣ, слѣдовало вспомнить, что этой литературѣ принадлежатъ величайшія имена русской поэзіи, а также и русской мысли.

Совсѣмъ напротивъ: важнымъ историческимъ фактомъ и вмѣстѣ отраднымъ для національнаго чувства является именно эта параллельность и, какъ мы думаемъ, несомнѣнная солидарность сильнаго развитія реализма, соединеннаго съ интересомъ общественнымъ, какъ въ литературѣ, такъ и въ художествѣ. Одно другому не только не мѣшало, но напротивъ, литература и художество могли поддерживать другъ друга общимъ настроеніемъ въ различныхъ областяхъ творчества. Какъ въ прежнее время реализмъ въ художествѣ былъ бы непонятенъ и остался бы безплоденъ, такъ теперь онъ встрѣчалъ пониманіе и высокую оцѣнку, потому что въ то же время или даже раньше онъ утвердился въ эстетическихъ понятіяхъ подъ вліяніемъ литературы, какъ поэзіи, такъ и критики... Г. Верещагинъ, безъ сомнѣнія величайшій русскій художникъ въ области живописи по необычайной широтѣ его творчества, повидимому, ничего не имѣетъ противъ литературы. Въ трехъ книжкахъ, заглавія которыхъ мы

выписали, онъ даетъ комментарій къ своимъ произведеніямъ и, какъ увидимъ, не только не противорѣчитъ въ немъ лучшимъ стремленіямъ литературы, но совершенно совпадаетъ съ ними. Извѣстно, что въ настоящее время открывается или открылась въ Москвѣ обширная выставка новыхъ произведеній знаменитаго художника, надъ которыми онъ работалъ въ послѣдніе годы и которыя посвящены главнымъ образомъ изображенію двѣнадцатаго года, а затѣмъ бытовымъ картинамъ и очеркамъ изъ русской жизни. На первой изъ этихъ книгъ не означено, что она составляетъ приложеніе къ каталогу, но въ предисловіи авторъ замѣчаетъ, что она была результатомъ изученій, предпринятыхъ авторомъ для его картинъ изъ эпохи двѣнадцатаго года: „я выписалъ,—говоритъ онъ,—изъ свидѣтельствъ очевидцевъ и современниковъ то, чтó показалось мнѣ наиболѣе характернымъ, въ увѣренности, что эти замѣтки будутъ небезъинтересными и для общества". Автору для его цѣлей нужны были, конечно, только прямыя реальныя подробности событій. Общее настроеніе сторонъ и затѣмъ самыя сцены, въ особенности какъ онѣ были описаны очевидцами событій, только это и собрано въ его книжкѣ, которая представила такимъ образомъ цѣлый рядъ наглядныхъ и поразительныхъ разсказовъ, которые и послужили мотивами для картинъ, а вмѣстѣ и приготовятъ зрителя къ пониманію этихъ картинъ. Общіе историки той эпохи всего чаще минуютъ эти подробности или упоминаютъ о нихъ только кратко; здѣсь, напротивъ, онѣ только однѣ и собраны, такъ что книжка получитъ интересъ и для тѣхъ, кому уже достаточно извѣстна общая исторія двѣнадцатаго года. Въ предисловіи авторъ указалъ имена писателей, которыми онъ болѣе или менѣе пользовался; къ сожалѣнію, это дѣйствительно только имена, безъ указанія названій и времени изданія книгъ.

Второе приложеніе къ каталогу, которое авторъ назвалъ автобіографіями незамѣчательныхъ русскихъ людей, представляетъ рядъ автобіографическихъ разсказовъ тѣхъ лицъ „изъ народа", портреты которыхъ вошли въ галерею г. Верещагина. Портреты и самые разсказы—очень типическіе; передъ нами проходятъ: мастеровой маляръ, нищенка, странникъ богомолецъ, старый дворецкій, молодой солдатъ, старуха изъ богадѣльни, монахъ. Разсказы имѣютъ видъ стенографической записи, и мы не знаемъ, дѣйствительно ли это такая запись, или надо приписать передачу ихъ самому г. Верещагину. Во всякомъ случаѣ разсказы очень любопытны и по складу біографій, и по языку.

Наиболѣе любопытно третье приложеніе, которое сполна принадлежитъ автору. Г. Верещагинъ разсказываетъ, что ему давно хотѣлось поближе познакомиться съ деревянными церквами на сѣверѣ Россіи, которыя съ каждымъ годомъ безцеремонно разрушаются. „Чтобы

осмотрѣть тѣ, къ которымъ не нужно трястись по проселкамъ, на телѣгѣ,—говоритъ г. Верещагинъ,—я рѣшилъ построить себѣ барку и на ней спуститься до Архангельска, останавливаясь по Сѣверной Двинѣ не только тамъ, гдѣ пристаютъ пароходы, но и гдѣ Богъ на душу положитъ—гдѣ постройки или мѣстность окажутся почему-либо интересными". Онъ заказалъ себѣ небольшую барку-яхту въ Сольвычегодскѣ; на слѣдующую весну барка была готова, ее снабдили предметами первой необходимости, поставили двѣ печи въ каюту и на кухню, нанято было трое судорабочихъ, изъ которыхъ одинъ пошелъ за деньщика и повара, и въ маѣ 1894 г. Верещагинъ двинулся въ путь съ женой и маленькой дочкой. Они спустились по рѣкѣ Вычегдѣ въ Сѣверную Двину и по Двинѣ шли вплоть до Архангельска, то на парусахъ, то на веслахъ, то бичевой, останавливаясь въ селахъ и въ деревняхъ, гдѣ были интересовавшія г. Верещагина деревянныя церкви; иногда нашъ художникъ заѣзжалъ для осмотра церквей и въ сторону отъ рѣки. Эти остановки давали поводъ къ знакомствамъ, прежде всего съ мѣстными священниками; отъ нихъ и отъ другихъ деревенскихъ жителей г. Верещагинъ имѣлъ возможность получить не мало любопытныхъ свѣденій о краѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ могъ видѣть мѣстную жизнь во-очію. Поиски были вообще успѣшны. Г. Верещагинъ нашелъ нѣсколько интересныхъ построекъ, восходящихъ до XVII-го столѣтія, и срисовывалъ то, что̀ встрѣчалъ въ нихъ замѣчательнаго. Священники бывали обыкновенно очень гостепріимны; только одинъ изъ нихъ встрѣтилъ путешественника недовѣрчиво, предположивши, что онъ пріѣхалъ что-либо „извлекать" изъ церкви, и успокоился только тогда, когда художникъ объяснилъ ему, что онъ только срисовываетъ старину, и показалъ ему свои рисунки. Но церкви далеко не всегда сохраняли свою старину: обыкновенно онѣ повидимому сберегались только тамъ, гдѣ еще не было средствъ замѣнить ихъ новыми... У насъ очень распространено обвиненіе, направляемое противъ „общества", въ равнодушіи къ старинѣ, къ преданію; обвиненіе справедливо, но должно прибавить къ сожалѣнію, что въ этомъ равнодушіи повиненъ и самъ русскій народъ. Это полное равнодушіе къ старинѣ г. Верещагинъ наблюдалъ постоянно: какъ только собирались кое-какія средства для постройки новой церкви, старая разрушалась безъ малѣйшихъ помышленій о старинѣ, или же старина безвкусно подправлялась „по новѣйшимъ потребностямъ" и погибала для археологіи. Старыя постройки были вообще весьма прочны, но когда нижніе брусья подгнивали, то они не замѣнялись новыми, а церковь просто осаживалась внизъ... Г. Верещагинъ, въ одну изъ прежнихъ поѣздокъ на сѣверъ, въ разговорѣ съ вологодскимъ архіереемъ объяснялъ

археологическій интересъ этихъ старыхъ построекъ; объясненія были приняты съ большимъ сочувствіемъ, но въ существѣ были уже запоздалы... Въ одномъ селѣ нашъ художникъ уже не засталъ старой церкви: она была разрушена; уцѣлѣли только кое-какія старыя вещи, между прочимъ рѣзная скамья, служившая теперь потѣхой для ребятъ, которые скатывали ее съ горы. Г. Верещагинъ пожелалъ пріобрѣсти эту скамью, и когда онъ предложилъ священнику взамѣнъ ея двадцать пять рублей въ пользу церкви, это произвело величайшую сенсацію во всемъ селѣ.

„Въ деревнѣ скоро узнали, что я заплатилъ 25 рублей за ничего нестоющую скамеечку, которую деревенскіе ребята катали съ берега, и послѣдствіемъ этого было то, что со всѣхъ сторонъ стали являться мужики и бабы, преимущественно послѣднія, съ предложеніемъ купить то или другое: „слышали, что ты покупаешь старину, берешь ли старое серебро? старыя деньги? надо ли галуновъ на выжигу?“ Серегъ стали приносить цѣлыя дюжины. Я объяснилъ, что по ремеслу я не торговецъ, и если что̀ покупаю, такъ для себя.

— Знаемъ, знаемъ, для видимости, значитъ.

— Ну да, для видимости.

„Къ вечеру того же дня я былъ обладателемъ полудюжины паръ серегъ, нѣсколькихъ цѣпочекъ и перстней, рѣзного стула, помѣченнаго 1717-мъ годомъ, двухъ рѣзныхъ скамеекъ и нѣкоторыхъ другихъ вещей. Бабы такъ и валили. Каждый разъ, какъ я или жена моя сходили съ барки, онѣ толпой окружали насъ: изъ-за пазухи вытаскивались сверточки, и корявые, трудовые, дрожавшіе пальцы вынимали домашнія сокровища—сплошь и рядомъ порядочную дрянь: пуговицы, пряжки, сломанныя сережки, сверточки галуновъ, монеты Екатерининскаго, Александровскаго и Николаевскаго царствованій, неизвѣстно, какъ попавшіе въ ихъ руки франкъ и жетонъ какого-то Берлинскаго клуба, также разный ломъ. Приходилось возможно вѣжливо отказываться отъ этихъ рѣдкостей, но отдѣлаться было не всегда легко...

„Являлись со старыми деревянными, продырявленными ковшами, подойниками, кокошниками, сундуками и никакъ не хотѣли мириться съ тѣмъ, что вещи эти не требуются. Пришелъ крестьянинъ съ нѣсколькими трехногими тонетовскими стульями, и другой съ новенькой бороной—и мы невольно разсмѣялись, а продавцы огорчились“ (стр. 64—66).

Г. Верещагинъ со своей баркой былъ въ этомъ краѣ первымъ путешественникомъ своего рода: не торопясь, останавливаясь, гдѣ ему было интересно, онъ могъ близко присматриваться къ мѣстной народной жизни и вынесъ не мало любопытныхъ наблюденій. Между

прочимъ, разсказывая объ истребленіи лѣсовъ, въ томъ числѣ и казенныхъ по недостаточности и невозможности надзора при громадныхъ пространствахъ, г. Верещагинъ замѣчаетъ: „До досмотра ли за числомъ вырубаемыхъ бревенъ въ этомъ краѣ, когда верстахъ въ 40 отъ Бѣлой Слуды есть поселенія, въ которыхъ изъ властей *никто никогда* не бывалъ: знаютъ, что живутъ тамъ люди, но попасть туда не могутъ. Такъ какъ дорогъ нѣтъ, то лѣтомъ проѣхать за глубокими болотами нельзя, а зимой тотъ же, напримѣръ, лѣсничій хотѣлъ проѣхать, но никто не взялся везти, подъ предлогомъ, что не знаютъ пути, въ сущности же, конечно, изъ боязни обитателей этого медвѣжьяго угла, исправно доставляющихъ всѣ подати, но ревниво охраняющихъ свои палестины отъ присутствія фуражекъ съ кокардами. Жители этихъ невидимыхъ поселковъ зарабатываютъ на звѣриномъ промыслѣ—на бѣлкѣ, лисицѣ, куницѣ, медвѣдѣ и др. и живутъ въ довольствѣ, но провѣрить, не только сколько и какіе у нихъ лѣса, а и ихъ самихъ—до сихъ поръ не удавалось" (стр. 25—26).

Въ этихъ мѣстахъ очень распространенъ расколъ. Въ одномъ изъ приходовъ было, напримѣръ, на пятьсотъ жителей до двухсотъ раскольниковъ; иногда расколъ раздѣлялъ самую семью; священникъ разсказывалъ: „одна баба перешла въ расколъ, а мужъ ея продолжалъ держаться православія—такъ она съ дѣтьми никогда не сядетъ ѣсть вмѣстѣ съ нимъ, и всю посуду мужнину считаетъ за собачью, поганую—ни къ чашкѣ его, ни къ ложкѣ и сама не притронется, и дѣтямъ не позволитъ". Любопытно то, что для полученія гражданскихъ правъ здѣсь вѣнчаются и крестятъ дѣтей, но съ наступленіемъ зрѣлаго возраста большинство поступаетъ въ расколъ „для замаливанія грѣховъ православія". Насколько намъ извѣстно, въ средѣ самого раскола, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, благочестивые люди, достигая этого зрѣлаго возраста, для спасенія души налагаютъ на себя особенно строгую жизнь; у православныхъ то же побужденіе приводитъ въ этихъ мѣстностяхъ къ переходу въ расколъ, потому что расколъ строже ставитъ попеченіе о спасеніи души; нашъ путешественникъ былъ свидѣтелемъ неблагочинія въ церкви во время богослуженія и находилъ, что, между прочимъ, это и могло побуждать многихъ искать настоящаго благочестія въ расколѣ. Священникъ совершенно безсиленъ противъ распространенія раскола, не можетъ даже указать настоящаго положенія вещей. Напримѣръ, сплошь и рядомъ дѣйствительное число раскольниковъ гораздо больше, чѣмъ значится на бумагѣ; но, принявши отъ своего предшественника данную бумажную цифру, священникъ не можетъ открыть цифры настоящей, „потому что если онъ ее откроетъ, то его или назовутъ выскочкой, или отнесутъ увеличеніе числа раскольниковъ къ его же

нерадѣнію и недосмотру" (стр. 21—22). Одинъ священникъ разсказывалъ г. Верещагину, что именно испыталъ это на себѣ, и что только заступничество архіерея спасло ревнителя правды отъ преслѣдованія сотоварищей.

Когда нашъ путешественникъ могъ ближе всмотрѣться въ народный бытъ, его поражали, а затѣмъ поражаютъ и читателя факты страшнаго невѣжества, огрубѣнія и вмѣстѣ безпомощности народной массы. „Власть тьмы" господствуетъ сполна. Отъ мѣстныхъ священниковъ г. Верещагинъ слышалъ, напримѣръ, такіе обыкновенные факты: „Когда умираетъ раскольникъ, за рублевку или трешницу, смотря по большей или меньшей сомнительности случая, всегда можно получить свидѣтельство объ естественности смерти и правѣ на погребеніе—сплошь и рядомъ смерть отъ побоевъ въ пьяномъ видѣ, смерть беременной женщины отъ удара въ животъ и т. п. остаются въ этихъ случаяхъ неразъяснимыми" (стр. 41). Надо только думать, что это происходитъ не у однихъ раскольниковъ.

Санитарное состояніе населенія—отчаянное. Число больницъ таково, что больнымъ приходится идти къ доктору нерѣдко за нѣсколько сотъ верстъ, и тѣмъ не менѣе мы читаемъ:

„—Худо ли, хорошо ли,—говорилъ докторъ,—все-таки это еще губернія съ земскими порядками, а вотъ поѣдете дальше, гдѣ нѣтъ земства, тамъ еще хуже; тамъ есть кое-какая медицинская помощь только около города; въ уѣздѣ же, въ деревнѣ совсѣмъ нѣтъ никакой—повитухи, знахари и колдуны...

„По словамъ доктора, дурное питаніе и дурной уходъ выращиваютъ мѣстами настоящую породу дѣтей-кретиновъ—съ огромными вздутыми животами, кривыми ногами, блѣдными лицами, золотушными организмами, а отъ сифилиса цѣлыя деревни вырождаются—пора придти на помощь!"

Авторъ заключаетъ: „Когда, поѣздивши въ нашей провинціи, ознакомишься съ положеніемъ медицинскаго, школьнаго и др. „дѣлъ"—дѣлается совѣстно за то, что столько силъ и вниманія общества отдается столичнымъ сплетнямъ, картамъ и иностранной политикѣ. Бѣдствіе деревни отъ болѣзней, невѣжества, пьянства и неизбѣжнаго ихъ послѣдствія—бѣдности, такъ велики, что требуютъ полнаго и немедленнаго вниманія" (стр. 60—62). Прекрасное пожеланіе, чтобы общество обратило вниманіе на эти вопіющіе вопросы народной жизни, но что же можетъ сдѣлать „общество", когда всѣ эти „дѣла" прежде всего зависятъ отъ административныхъ мѣропріятій?

Другое впечатлѣніе нашего путешественника: „По общему отзыву, воровства здѣсь мало... Если воровства немного, то пьянство здѣсь, какъ и во всей Россіи, процвѣтаетъ: пьютъ неистово, дико, бѣшено,

на послѣдніе гроши, при чемъ, разумѣется, ругаются и сквернословятъ на всѣ лады.

„Чтò бы ни говорили о томъ, что образованіе не даетъ счастія, что неграмотный, неразвитой человѣкъ часто счастливѣе учившагося (модныя теперь рѣчи), я думаю, что единственнымъ шагомъ къ смягченію дикаго пьянства, разгула и сопряженныхъ съ ними преступленій, можетъ быть только „книжка“—другого средства не найдутъ—*свѣтская* учебная книжка“ (стр. 91—92).

Вотъ еще эпизодъ изъ мѣстной народной жизни:

„На одной изъ остановокъ вижу двухъ бабъ, лежащихъ на берегу, у костра.—Что вы тутъ дѣлаете?—Жду мужа на паромѣ, отвѣчаетъ одна.—Мужъ ея, оказывается, плыветъ на одномъ изъ тѣхъ паромовъ, чтó мы оставили за собою на дорогѣ; жена, услышавши, что онъ невдалекѣ и скоро подойдетъ, выбѣжала съ сосѣдкой и терпѣливо ждетъ, пока *онъ* соблаговолитъ выкинуть ей рублевую бумажку на пропитаніе семьи изъ пяти дѣтей... Дастъ ли еще рублевку —это вопросъ!.. Вездѣ и всюду здѣсь разгулъ, и мужъ обыкновенно пропиваетъ всѣ заработанныя деньги въ ущербъ семьѣ, иногда очень многочисленной, живущей или впроголодь, или нищенствомъ. Такъ какъ безграмотность здѣсь поголовная, то казалось бы, что хваленое счастіе патріархальнаго невѣжества должно бы было обитать тутъ, но на дѣлѣ—иное: счастія и въ поминѣ нѣтъ—нужда, пороки и бѣдность вопіющіе“ (стр. 99—100).

По немногимъ выдержкамъ, какія мы сдѣлали, читатель можетъ судить объ интересѣ книжки г. Верещагина. Независимо отъ ея отношенія къ спеціальной задачѣ художника, желавшаго изучить деревянныя церкви нашего сѣвера, представляющія любопытный памятникъ стараго русскаго искусства, эта книжка даетъ занимательное и поучительное чтеніе... Какъ быть въ этомъ случаѣ съ упомянутымъ выше мнѣніемъ, что литература будто бы бываетъ помѣхой для художества? Самъ художникъ является вмѣстѣ и писателемъ: неужели писатель Верещагинъ повредитъ Верещагину художнику? Вопросъ становится нелѣпымъ. Чѣмъ больше изученія, чѣмъ серьезнѣе отнесется художникъ къ той народной или общественной жизни, которая даетъ матеріалъ для его творчества, тѣмъ глубже могутъ стать и его произведенія. Литература и искусство совершаютъ одно дѣло, и художникъ, который отнесется равнодушно или даже враждебно къ литературѣ, не поможетъ, а повредитъ своему искусству. Нужно только понять, въ чемъ заключаются великія поученія литературы.

— Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Издана подъ редакціей К. Я. Грота ордин. профессора Импер. Варшавскаго университета. Томъ первый. Съ приложеніемъ портретовъ Грота и Плетнева. Спб. 1896.

По смерти Я. К. Грота (24-го мая, 1893) Высочайше дарованы были средства на изданіе его сочиненій и переписки. Вышедшій теперь первый томъ (до 700 большихъ страницъ) представляетъ начало этого изданія, которое должно заключать, кромѣ переписки, всѣ ученые и литературные труды Грота, разсѣянные на пространствѣ многихъ десятковъ лѣтъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ, академическимъ и инымъ,—кромѣ только его изданій писателей, а также историческихъ и литературныхъ матеріаловъ; все это предположено сгруппировать по отдѣламъ, какъ, напримѣръ, отдѣлъ, посвященный скандинавскому сѣверу, отдѣлъ историко-литературный, историческій, филологическій и т. д. По плану изданія сочиненій и переписки признано наиболѣе цѣлесообразнымъ начать изданіе съ матеріала совершенно новаго, представляющаго одинаково интересъ біографическій и историко-литературный, а именно съ переписки. Эта переписка Грота съ его лучшимъ другомъ Плетневымъ обнимаетъ болѣе двѣнадцати лѣтъ, именно время службы Грота въ Гельсингфорсѣ (1840—1853) до окончательнаго переѣзда его въ Петербургъ. Переписка была чрезвычайно дѣятельная; друзья писали каждый раза два въ недѣлю и очень обстоятельно, такъ что въ настоящій томъ вошли письма только съ половины 1840 до конца 1842 года. Издатель замѣчаетъ въ предисловіи: „Это—непрерывный, оживленный разговоръ —притомъ самый задушевный и искренній—о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, о своихъ трудахъ и думахъ, двухъ выдающихся дѣятелей литературы и общества, продолжавшійся всю эпоху 40-хъ и начала 50-хъ годовъ. Я. К. Гротъ былъ тогда профессоромъ русскихъ языка, литературы и исторіи въ гельсингфорсскомъ Александровскомъ университетѣ и по своей роли и дѣятельности стоялъ въ центрѣ тогдашняго взаимнаго духовнаго сближенія и ознакомленія русскаго и финляндскаго образованныхъ обществъ. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ и симпатіями въ Гельсингфорсѣ, и въ то же время, пріобрѣтя уже литературное имя, поддерживалъ живыя связи со многими представителями русскаго ученаго и литературнаго міра. П. А. Плетневъ былъ ректоромъ и профессоромъ с.-петербургскаго университета, издателемъ пушкинскаго наслѣдія—„Современника“ (1839—1846), близкимъ человѣкомъ ко Двору, особенно къ Наслѣднику В. К. Александру Николаевичу (состоявшему и канцлеромъ Александровскаго университета), наконецъ, по своему давно упроченному значенію талантливаго критика и по старымъ дружескимъ свя-

замъ съ корифеями литературы—занималъ почетное и авторитетное мѣсто въ кругу достойнѣйшихъ русскихъ писателей и новыхъ начинающихъ литературныхъ силъ".

Дѣйствительно, кромѣ того, что настоящая переписка доставляетъ много свѣденій для біографіи обоихъ писателей, въ ней разбросано много замѣтокъ, очень интересныхъ для характеристики общественной жизни и литературы того времени, особливо въ письмахъ Плетнева, который неизмѣнно извѣщалъ своего друга о петербургскихъ новостяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что доведенное до конца изданіе этой переписки составитъ очень важный матеріалъ, между прочимъ и для исторіи нашей литературы сороковыхъ годовъ. Трудъ редактора состоялъ, кромѣ выдѣленія изъ переписки подробностей слишкомъ случайныхъ или чисто домашнихъ, въ составленіи довольно обширныхъ объяснительныхъ примѣчаній и дополненій; въ концѣ переписки, послѣдующіе томы которой предполагается выпустить въ непродолжительномъ времени, будетъ приложенъ указатель личныхъ именъ.

— Н. В. Шелгуновъ. Очерки русской жизни. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1895.

Еще при жизни покойнаго писателя изданы были его „Сочиненія" въ двухъ большихъ томахъ, о которыхъ отданъ былъ подробный отчетъ въ „Вѣстникѣ Европы" (1891, май). Въ это собраніе вошло далеко не все писанное Шелгуновымъ, и въ настоящей книгѣ, представляющей большой томъ въ два столбца (а именно 1098 столбцовъ) того же формата, какъ первое собраніе, помѣщена цѣлая масса его собственно публицистическихъ статей, какія онъ писалъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", 1885, и въ „Русской Мысли", 1886—1891. Недорогая цѣна книги сдѣлаетъ ее доступною для большого числа читателей, и это будетъ немалой заслугой изданія, особливо въ наше время, въ томъ страшномъ разбродѣ, въ какомъ находятся „умы" нашего общества. Когда въ этомъ разбродѣ теряются нерѣдко даже элементарныя понятія о пользѣ просвѣщенія, о честномъ отношеніи къ вопросамъ общественнаго блага и т. д., когда этотъ разбродъ охватываетъ даже молодыя поколѣнія, которыя обыкновенно, и такъ естественно, бываютъ склонны къ благородному, хотя бы иногда простодушному идеализму, а теперь, какъ мы видимъ слишкомъ часто, обнаруживаютъ наклонность къ мертвому пессимизму, или къ фантастическому „недѣланію", или къ полоумному декадентству,—полезно напомнить о писателѣ, который при всѣхъ личныхъ испытаніяхъ и общественныхъ невзгодахъ, какія ему привелось пережить, сохранилъ лучшія преданія своей молодости и до конца остался идеалистомъ,

хотя былъ близко знакомъ съ условіями нашей жизни. Годы его молодости были тѣ шестидесятые годы, которые потомъ, и въ наше время особенно, подвергаются такъ часто злостнымъ осужденіямъ, не только со стороны закоренѣлыхъ и безнадежныхъ обскурантовъ, но и со стороны людей молодого поколѣнія, воображающихъ себя представителями новой мысли, новаго пониманія искусства и т. п., но въ сущности глубоко невѣжественныхъ... Статьи, собранныя въ настоящемъ изданіи, касаются самыхъ разнообразныхъ вопросовъ нашей общественной и народной жизни и литературы: отъ частныхъ предметовъ нашего быта писатель постоянно обращался къ общимъ положеніямъ, стараясь установить правильное принципіальное пониманіе явленій. Нѣсколько заглавій его статей, какъ напримѣръ: Деревня и подать; Провинція и провинціальная печать; Нравы провинціи; Земство; По поводу земской школы; Рѣшаются ли историческіе вопросы усовершенствованіемъ личности; Наша наука и консервативная печать; Моралистическая и общественная точка зрѣнія; Борьба поколѣній; По поводу письма одного толстовца, и т. д., даютъ понятіе о разнообразіи тѣхъ предметовъ, о которыхъ онъ высказывался.

Только немногое изъ этихъ публицистическихъ статей вошло въ прежнее собраніе и иногда въ нѣсколько различной редакціи (напр. ср. статью: „Свѣтлыя и темныя явленія“, стр. 711, и ту же статью въ „Сочиненіяхъ“ II, стр. 557 и далѣе). Заглавія статей помѣщены только въ оглавленіи и опущены въ самомъ текстѣ,—по нашему мнѣнію напрасно: заглавіе во всякомъ случаѣ указываетъ читателю тему статьи, и справляться о ней каждый разъ въ оглавленіи неудобно. Въ началѣ книги помѣщено нѣсколько личныхъ замѣтокъ издательницы о покойномъ писателѣ.

— Ив. Ивановъ. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Жизнь.—Личность.—Творчество.— Изданіе журнала „Міръ Божій“. Спб. 1896.

Прошло уже двѣнадцать лѣтъ по смерти Тургенева, и трудъ г. Иванова является первымъ опытомъ обширнаго біографическаго изслѣдованія: до сихъ поръ появлялись у насъ только краткія жизнеописанія или эпизодическіе разсказы и воспоминанія. Такое продолжительное отсутствіе цѣльной, нѣсколько обширной біографіи указываетъ, конечно, не на равнодушіе къ памяти великаго писателя, а скорѣе на трудность такой біографіи, такъ какъ не мало существенно важнаго матеріала еще не стало достояніемъ печати, а кромѣ того и время еще такъ близко, что многіе факты той общественной жизни, среди которой дѣйствовалъ Тургеневъ, еще не могутъ быть установ-

лены съ надлежащей полнотой. Факты еще продолжають накопляться и между прочимъ весьма характерные. Тѣмъ не менѣе необходимо было объединить и объяснить съ одной цѣльной точки зрѣнія по крайней мѣрѣ то, что было собрано до сихъ поръ, и предпріятіе г. Иванова заслуживаетъ поэтому всякаго сочувствія. Авторъ чувствуетъ, однако, всю трудность своей задачи.

„Дѣятельность Тургенева,—говоритъ онъ,—въ теченіе десятковъ лѣтъ волновала весь культурный міръ, возбуждала разнообразнѣйшія идеи и чувства. Для родины писателя она неизмѣнно исполнена была жгучихъ интересовъ современности, стремилась дать отвѣты на возникающіе вопросы, внести посильный свѣтъ въ смуту переживаемой дѣйствительности. Сколько страстей, сколько личныхъ, себялюбивыхъ, партійныхъ стремленій долженъ былъ затронуть такой писатель! Сколько разъ въ глазахъ его ближайшихъ современниковъ должны были меркнуть его истинныя заслуги, являть въ извращенномъ видѣ его истинныя намѣренія, — благодаря мимолетнымъ, частнымъ пристрастіямъ, даже настроеніямъ! Сколько разъ и съ какою силой эти *привходящія условія* врывались въ личную жизнь и творчество романиста и налагали свою окраску на цѣлые годы!

„Эти вліянія были могущественны при жизни писателя, но они не исчезли и послѣ его смерти и еще долго не исчезнутъ. Здѣсь заключается, можетъ быть, краснорѣчивѣйшее свидѣтельство, насколько дѣло Тургенева отличается высокообщественнымъ, захватывающимъ характеромъ,—но здѣсь также лежитъ главнѣйшій источникъ всѣхъ затрудненій будущихъ біографовъ писателя и критиковъ его произведеній...

„Тургеневъ еще нашъ современникъ, не только какъ писатель, а какъ человѣкъ — съ живыми опредѣленными симпатіями, вкусами, слабостями. Мы еще слишкомъ близко стоимъ къ великой личности, чтобы съ точностью разсмотрѣть и описать ея многочисленныя оригинальныя черты. Времени предстоитъ отодвинуть насъ на извѣстное разстояніе, чтобы весь образъ возсталъ предъ нами съ полной ясностью и отчетливостью".

Мы постараемся дать болѣе подробный отчетъ о любопытной книгѣ г. Иванова.—А. П.

Въ теченіе ноября мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Алферовъ, А. *Грузинскій*, Ф. *Нелидовъ*, С. *Смирновъ*.— Десять чтеній по литературѣ (Русскіе народные пѣвцы.—Максимъ Грекъ.—Хулители наукъ въ Екатерининской сатирѣ XVIII вѣка.—Д. И. Фонвизинъ.—С. Т. Аксаковъ.—Д. В. Григоровичъ.—В. Г. Бѣлинскій.—Петрушка.—Сервантесъ.—Дефоэ. Съ 29 рисунками. Изданіе А. И. Мамонтова. М. 95. Стр. 248.

Андреевская, В. П.—Черный Бизонъ. Разсказъ изъ жизни индѣйцевъ. Съ 5 раскраш. рис. Спб. 96. Стр. 141.

Барановъ, А. — Осенью, разсказы и сказки. Изд. 2-е. Вятка, 95. Стр. 332. Ц. 1 р.

Бартошевичъ, С. Т., д-ръ. — Краткій очеркъ научныхъ трудовъ Пастёра. Харьк., 95. Стр. 16.

Борисовъ, Н. И. — Вопросы школьной статистики. По даннымъ статист. отдѣл. Александрійской земской управы. Херсонъ, 95. Стр. 12.

Вагнеръ, Альфредъ.—Легенды о горномъ духѣ Рюбецалѣ. Съ нѣм. В. Смирновой. Съ 5 раскраш. рис. Спб. 96. Стр. 155.

Велецкій, С. Н.—Полтавская губернская сельско-хозяйственная выставка 1893 г. Полт. 95. Стр. 241.

Венгеровъ, С. А.—Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (1708—1893 г.). Изд. Г. В. Юдина. Вып. 1: А—Аддигонъ. Спб. 95. Стр. 48.

Верещагинъ, В., художн.—На Сѣверной Двинѣ. По деревяннымъ церквамъ. М. 95. Стр. 121. Ц. р. 50 к.

——— Наполеонъ I въ Россіи. 1812 г. М. 95. Стр. 274. Ц. 1 р. 25 к.

——— Иллюстрированныя автобіографіи нѣсколькихъ незамѣчательныхъ людей. М. 95. Стр. 153. Ц. 1 р. 50 к.

Витковскій, А. Г.—Аринушка, повѣсть. Спб. 95. Стр. 184. Ц. 1 р.

Глуховской, П. И.—Отчетъ генеральнаго коммиссара Русскаго отдѣла Всемірной Колумбовой выставки въ Чикаго. Спб. 95. Стр. 210.

Гнѣдичъ, П. П. — Черезъ Черное море на Босфоръ. Рис. М. Далькевича. Изд. А. Маркса. Спб. 96. Стр. 228. Ц. 2 р.

Гольдштейнъ, М. Л.—Впечатлѣнія и замѣтки. Кіевъ, 96. Стр. 294. Ц. 1 р.

Гриммы, братья. — Сказки, собранныя братьями Гриммами, иллюстр. Ф. Гротъ-Іоганномъ и Р. Лейнвеберомъ. Перев. съ нѣм. п. р. П. К. Полевого. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 96. Стр. 567.

Гринфельдъ, д-ръ А. И., и *Спичка*, д-ръ Ф. Ф.—Уходъ за кожей и ея придатками, съ указаніемъ необходимыхъ фармакотерапевтическихъ средствъ. Съ 9 рис. въ текстѣ. Спб. 95. Стр. 218.

Гротъ, Я. К. — Переписка его съ П. А. Плетневымъ. Т. I. Съ портрет. Грота и Плетнева. Спб. 96. Стр. 703. Ц. 3 р.

Гюго, В.—Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей, п. р. П. Тхоржевскаго. Вып. VII. Тифл. 95. Стр. 165—192. Ц. 20 к.

Демме, проф. — Вліяніе алкоголя на дѣтскій организмъ. Перев. вр. А. Коровина. М. 95. Стр. 123. Ц. 50 к.

Диксонъ, Чарльзъ.—Перелетъ птицъ. Опытъ установленія закона періодическихъ перелетовъ птицъ. Перев. съ англ. графини Е. П. Шереметевой, п. р. Дм. Кайгородова. Спб. 95. Стр. 269. Ц. 1 р. 50 к.

Дингельштедтъ, Н.—Законъ о водѣ для Крыма. Спб. 95. Стр. 66.

Загоскинъ, Н. П. — Спутникъ по Казани. Иллюстр. указатель достопримѣчательностей и справочная книжка города. Каз. 95. Стр. 691 и 82. Ц. 1 р.

Іерингъ, Руд. — Борьба за право. Перев. О. Верта, съ 11 нѣм. изд., п. р. М. И. Свѣшникова. Спб. 95. Стр. 90.

Кость Лирныкъ.—Писни Лирныка (написавъ въ Полтави въ 1887-мъ року). Спб. 92. Стр. 156.

Кропивницкій, М. Л.—Повный Сбирныкъ творивъ. Выдання трете. Харьк. 95. Стр. 384. Ц. 3 р. 50 к.

Кудрявцевъ, В. А., и *Чарнолуская*, Е. М. — Библіографическій Указатель книгъ и статей по народному образованію за 1894 г. (Годъ первый). Спб. 95. Стр. 667. Ц. 1 р.

Кузнецовъ-Красноярскій, И. П. — Поѣздка г. Адріанова по южнымъ частямъ Томской и Енисейской губерній лѣтомъ 1893 г. Съ приложеніемъ карты Алтайскаго хребта. Томскъ, 95. Стр. 21 in 4°.

Лейкинъ, Н. А. — Тщеславіе и жадность. Двѣ повѣсти. Спб. 96. Стр. 377. Ц. 1 р.

Липранди (А. Волынецъ), А. П.—Австрія, оккупація Босніи и Герцеговины. Спб. 95. Стр. 19. Ц. 30 к.

Лѣсеневичъ, В. М.—Очерки изъ исторіи медицины. Вып. 1. Кіевъ, 95. Стр. 90. Ц. 60 к.

Марковъ, А. А. — Стихотворенія и рисунки. Посмертное изданіе. Спб. 95. Стр. 416. Ц. 5 р. (Продается въ пользу правовѣдской кассы.)

Мебіусъ, А. Ф.—Астрономія. Съ 8 нѣм. изд., обработ. проф. Г. Кранцемъ. Перев. Л. Г. Малисъ. Съ 38 фиг. и картой сѣв. звѣзднаго неба. Спб. 95. Стр. 172. Ц. 80 к.

Мироновъ, Н. Н.—Изъ методики родного слова. Сознательное чтеніе, какъ главный предметъ обученія отечественному языку. Теорія, примѣры, образцы пробныхъ уроковъ. Рига, 94. Стр. 85. Ц. 75 к.

Никольскій, д-ръ Д. П. — Къ вопросу о вліяніи фабричнаго труда на физическое развитіе, болѣзненность и смертность рабочаго. Спб. 95. Стр. 27.

Павловскій, И. Я. — Русско-Нѣмецкій Словарь. Третье изд., совершенно переработанное. Первый выпускъ. Рига, 95. 192. Ц. 1 р. Всего 8 выпусковъ.

Пелль, Ф.—Синеморскіе рыболовные промыслы. Астрах. 96. Стр. 140 и XXX.

Покровская, М. И., ж.-врачъ.—О дѣтскихъ развлеченіяхъ, ихъ психологическое и гигіеническое значеніе. Спб. 95. Стр. 98. Ц. 50 к.

Пѣтухова, Е. В. — Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу. Второе изд. Кіевъ, 95. Стр. 60. Ц. 60 к.

Синицынъ, Н. А. — Педагогическіе курсы въ г. Чердыни съ 12 авг. по 12 сент. 1894 г. Пермь, 95. Стр. 170.

Слюнинъ, д-ръ Н.—Промысловыя богатства Камчатки, Сахалина и Командорскихъ острововъ. Отчетъ за 1892—93 гг. Спб. 95. Стр. 117.

Смирнова, В. — Честность дикаря. Разсказъ изъ индѣйской жизни. Перев. съ нѣм. Спб. 96. Стр. 82.

——— Дѣдушкины сказки, по Годену. Съ 5 раскраш. рис. Спб. 96. Стр. 170.

Станюковичъ, К. М. — Морскіе силуэты. Изъ далекаго прошлаго. Спб. 96. Стр. 316. Ц. 1 р.

Стенли, Г. М.—Въ царствѣ черныхъ. Сцены изъ жизни и природы Средней Африки. Съ англ. М. Гранстремъ, съ 50 рис. Спб. 96. Стр. 248.

Туткевичъ, Д. В.—Чтò есть торговая несостоятельность. Опытъ построенія

опредѣленія въ связи съ изложеніемъ признаковъ для объявленія торговой несостоятельности судомъ. Спб. 96. Стр. 38.

*Филиппов*ъ, М. М.—Философія дѣйствительности. Въ 4-хъ вып., ц. 7 рублей. Спб. 95. Вып. 1-й, стр. 132.

Фойницкій, И. Я.—Курсъ уголовнаго судопроизводства. Т. I. Изд. 2-е, пересмотрѣнное. Спб. 96. Стр. 594. Ц. 3 р. 50 к.

Царевскій. А. А. — С. Я. Надсонъ и его поэзія „Мысли и Печали". Каз. 95. Стр. 127. Ц. 1 р.

Черняевъ, Н. И.—О русскомъ самодержавіи. М. 95. Стр. 70. Ц. 75.

Шелгуновъ, Н. В.—Очерки русской жизни. Спб. 95. Столбц. 1098. Ц. 2 р.

Шепелевичъ, Л. — Кудруна. Переводъ II-й части поэмы (Гильда) и опытъ ея изслѣдованія. Харьк. 95. Стр. 127.

Шерръ, I.—Всеобщая исторія литературы. Перев. съ нѣм. п. р. П. И. Вейнберга. Вып. IV. За 20 вып. по подп. 6 р.

Шрейдеръ, Д. И.—Японія и японцы. Путевые очерки современной Японіи. Съ 145 рис. въ текстѣ и картою. Спб. 96. Ц. 4 р.

Экштейнъ, Эрнстъ.—Въ карцерѣ. Юмористическій очеркъ изъ гимназической жизни. Спб. 95. Стр. 32. Ц. 15 к.

Энгельсъ, Фр.—Происхожденіе семьи, частной собственности и государства. Перев. съ 4 нѣм. изд. Изд. 3-е, исправл. Спб. 95. Стр. 172. Ц. 1 р.

Bergmann, Eug. — Die Wirtschaftskrisen. Geschichte der nationalökonomischen Krisentheorien. Stuttgart, 95. Стр. 440.

— Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1894—95 гг. Приложенія. Кн. I. Спб. 95. Стр. 185.

— Изданіе Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. № 31: Братство въ юго-западной Руси, С. Р.—№ 32: На краю свѣта. А. Новицкой.—№ 33: Школа, О. Кайдановой. Москва, 95.

— Казанская справочная книга на 1895 г. Годъ II. Каз. 95. Стр. 108. Ц. 30 коп.

— Карта Китая, Японіи и Кореи. Спб. 95. Изданіе министерства финансовъ.

— Маленькая Антологія. № 1: Китай и Японія въ ихъ поэзіи. Спб. 96. Стр. 63.

— Mouvement commercial de la Bulgarie avec les pays étrangers, pendant le mois d'août 1895. Sophia, 95. Стр. 109 in 4°. Ц. 1 р. 50 к.

— Настольный Энциклопедическій Словарь, изд. Товарищ. А. Гранатъ и К°. Вып. 111, 112, 113 и 114 (Цимбалы—Эрмансдёрферъ). М. 95. Каждый вып. по 40 к.

— Новая игрушка. Подарокъ послушнымъ дѣтямъ. 12 раскраш. картинъ на картонѣ. Изд. Битепажа. Спб. 96. Ц. 1 р. 25 к.

— Отчетъ Общества взаимнаго вспомоществованія учителямъ и учительницамъ Нижегород. губ. 1894—95 г. Н.-Новг. 95. Стр. 47.

— Отчетъ о дѣятельности Комитета грамотности при Имп. Москов. Общ. Сельск. Хоз. за 1894 г. и Журналы засѣданій въ 1894—95 г. М. 95.

— Отчетъ о состояніи городскихъ начальныхъ училищъ, учрежденныхъ Московскою Город. Думою за 1894—95 г. М. 95. Стр. 94, съ приложеніями.

— Отчетъ Полтавской Уѣздной Земской Управы за 1894 г. Полт. 95.

— Отчетъ училищнаго врача Н. Ф. Михайлова за 1894—95 учебный годъ. Москва, 95. Стр. 27.

— Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владиміра. Спб. 95. Стр. 340. Ц. 2 р.

— Сборникъ для содѣйствія самообразованію. Программы чтенія для самообразованія. Съ приложеніемъ статей. Н. И. Карѣева, В. И. Семевскаго, М. О. Корелина и И. М. Сѣченова. Спб. 95. Стр. 154. Ц. 40 к.

— Симферопольское Общество исправительныхъ пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Отчетъ о дѣятельности за 1883—94 гг. Симфер. 95. Стр. 108.

— Энциклопедическій Словарь. Т. XVI: Конкордъ—Кояловичъ. Изд. Брокгаузъ и Ефронъ. Спб. 95. Стр. 480. Ц. 3 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Adolphe Brisson. Portraits intimes. Paris, Collin et C-ie. 95. Стр. 375.

Представить панораму умственной жизни Парижа въ серіи портретовъ типичныхъ и наиболѣе видныхъ парижанъ—такова задача Бриссона въ его интересной, живо написанной книгѣ. Она блещетъ не столько мѣткостью характеристикъ, сколько колоритностью общей картины. Одинъ за другимъ проходятъ предъ нами знаменитые писатели, представленные не въ апогеѣ славы, а въ трудные дни первыхъ попытокъ составить себѣ имя. За ними выступаютъ новыя имена на поприщѣ литературы и искусства, театра и политики, и книга заканчивается эскизами чисто парижскихъ типовъ „conférenciers“ и церковныхъ ораторовъ, вносящихъ элементъ свѣтской морали и свѣтской науки въ картину шумной, многосторонней жизни. Отдѣльныя статейки Бриссона не рисуютъ цѣльной физіономіи изображенной имъ личности, а въ большинствѣ случаевъ отмѣчаютъ лишь какую-нибудь характерную подробность, налагающую печать „парижанства“ на журналиста, писателя, актера. Изъ всѣхъ этихъ мелкихъ чертъ складывается любопытный очеркъ интеллектуальнаго Парижа со всѣмъ тѣмъ, чтò въ немъ есть отличнаго отъ всякаго другого европейскаго центра, съ его контрастами возвышеннаго и банальнаго, съ тонкимъ остроуміемъ его „boulevardiers“, съ неутомимостью въ работѣ всѣхъ стремящихся къ славѣ, и тѣхъ, кто достигъ ея, и въ то же время съ склонностью сводить работу мысли

къ внѣшнему блеску и проявлять въ жизни и искусствѣ скорѣе тонкій вкусъ, чѣмъ силу и широту идей.

Въ психологіи Парижа, намѣченной въ очеркахъ Бриссона, есть нѣсколько характерныхъ чертъ, особенно бросающихся въ глаза. Авторъ описываетъ истыхъ парижанъ, тѣхъ, которые создаютъ физіономію Парижа,—и оказывается, что большинство ихъ выросли и получили воспитаніе въ провинціи. Каждый изъ этихъ представителей чисто парижской атмосферы вноситъ въ нее свою оригинальную ноту, и эта оригинальность — наслѣдіе традицій его родины. Какъ часто говорится о томъ, что цѣлая пропасть отдѣляетъ Парижъ отъ Франціи, столь различной въ своихъ отдѣльныхъ провинціяхъ. А между тѣмъ оказывается, что совокупность провинціальныхъ вліяній и создаетъ то неуловимое нѣчто, которое составляетъ обаяніе Парижа въ глазахъ всей Европы. Французская провинція живетъ традиціями, вырабатываетъ поколѣнія суровыхъ, занятыхъ лишь матеріальными заботами людей, а сыновья этихъ жесткихъ и упорныхъ землепашцевъ или ограниченныхъ, погрязшихъ въ формалистикѣ чиновниковъ пріѣзжаютъ въ Парижъ съ неистощимымъ запасомъ жизненныхъ силъ, съ здоровой душой, открытой всѣмъ вліяніямъ. И какъ бы жизнь, проведенная на бульварахъ и въ различныхъ центрахъ парижской интеллигенціи, ни отозвалась на этихъ выходцахъ съ сѣвера и юга, какъ бы ни осложнялась и ни развращалась ихъ душевная жизнь, въ энергіи и жизнеспособности всѣхъ этихъ пессимистовъ, эстетовъ и мистиковъ чувствуется сила и здоровье цѣлыхъ поколѣній, жившихъ примитивными, близкими природѣ понятіями. Умственная жизнь Парижа порождаетъ непрерывную цѣпь болѣзненныхъ и сложныхъ до крайности теченій, и лихорадочность на всѣхъ отрасляхъ общественной жизни, политической и интеллектуальной, должна была бы пагубно дѣйствовать на жизнь націи. Но дѣло именно въ томъ, что провинція участвуетъ въ жизни Парижа, посылая ей здоровыхъ и сильныхъ людей. Вмѣстѣ съ этимъ здоровьемъ будущіе парижане сохраняютъ, однако, и другое наслѣдіе отцовъ—складку буржуазности, сказывающуюся въ большей или меньшей степени во всѣхъ французскихъ писателяхъ, какъ бы смѣлы и свободны ни были ихъ идеи.

Бриссонъ изображаетъ родину нѣкоторыхъ изъ парижскихъ знаменитостей, и эти картины провинціальной обстановки многое поясняютъ въ жизни Парижа. Вотъ, напр., Дурданъ, старинный галльскій городъ, родина самаго типичнаго выразителя вкусовъ парижской массы —Франциска Сарсэ. Жовіальный критикъ газеты „Temps", съ его широчайшей фигурой и добродушной улыбкой, не покидающей упитанное, жизнерадостное лицо, составляетъ отраду всей парижской буржуазіи,

восхищаетъ ее своимъ юморомъ и своей трезвостью,—а болѣе крайніе въ своихъ этическихъ и эстетическихъ воззрѣніяхъ писатели и художники любятъ Сарсэ, какъ постоянную мишень для своихъ нападокъ на буржуазію. Но и тѣ, и другіе, одинаково видятъ въ этомъ неутомимомъ журналистѣ воспріимчивость и остроуміе истиннаго парижанина, умѣющаго въ каждомъ явленіи отмѣтить его пикантность, найти „le mot de la situation", замѣняющее болѣе глубокій анализъ. Описывая юбилей Сарсэ, торжественно отпразднованный въ Дурданѣ, Бриссонъ рисуетъ тихую, глухую мѣстность и патріархальныхъ земляковъ Сарсэ, одѣтыхъ по-деревенски, трезвыхъ и дѣловитыхъ, пришедшихъ пожать руку бывшему товарищу дѣтства. Обстановка и жизнь этихъ людей скромная, тихая, почти мертвая,—отъ города, домовъ и людей вѣетъ чѣмъ-то затхлымъ, какъ на кладбищѣ или въ музеѣ. Но смерть эта только кажущаяся, какъ объясняетъ Бриссону мѣстный депутатъ. Въ жизни этихъ людей есть воодушевляющая ихъ цѣль — но, увы, цѣль самая невысокая. Въ этихъ скромныхъ жилищахъ — говоритъ депутатъ — „скрываются большія богатства, золото, накопленное цѣлыми поколѣніями и заботливо спрятанное въ шерстяные чулки. Посмотрите на крестьянина, который идетъ передъ нами, засунувъ руки въ карманы. У него два милліона движимости и милліонъ въ процентныхъ бумагахъ. А между тѣмъ, зайдите къ нему въ часъ ужина. Вы застанете его въ кухнѣ, съ миской супа на колѣняхъ; онъ ѣстъ при свѣтѣ очага, чтобы съэкономничать кусокъ свѣчи. И всѣ они таковы, разсчетливые до скупости и знающіе лишь одно наслажденіе—копить, выгодно помѣщать свои деньги, округлять унаслѣдованный капиталъ". Вотъ среда, изъ которой вышелъ безконечно веселый и благоразумный парижанинъ Сарсэ. Цѣлыя поколѣнія муравьевъ работаютъ, копятъ и живутъ растительной жизнью для того, чтобы возможна была легкомысленная артистическая жизнь Парижа, безумно расточающаго накопленныя тружениками богатства. Эти муравьи нужны для того, чтобы стрекозамъ вольно было пѣть—но эти парижскія стрекозы въ родѣ Сарсэ сохраняютъ природу своихъ предковъ-муравьевъ, и во всемъ его парижскомъ остроуміи нерѣдко чувствуется дурданскій землепашецъ, видящій идеалъ жизни исключительно въ разумномъ пользованіи ея матеріальными благами.

Нѣсколько другихъ писателей, создавшихъ „парижскій романъ", представлены Бриссономъ въ атмосферѣ ихъ родины: Терье, выросшій среди полей и внесшій сентиментальную ноту въ историческій романъ; Додэ, навсегда сохранившій въ душѣ любовь къ Провансу, и грустящій въ своемъ сѣверномъ помѣстьѣ, потому что—„ça manque un peu de cigales", и др.

Другая черта, выдѣляющаяся въ характеристикахъ Бриссона, это общая всѣмъ дѣятелямъ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ неутомимость въ работѣ. Если французы умѣютъ веселиться какъ ни одинъ народъ въ мірѣ, то ихъ выдержка въ работѣ еще болѣе заслуживаетъ вниманія и доказываетъ, сколько силъ еще таится въ этой якобы вырождающейся націи. Бриссонъ разсказываетъ исторію возникновенія нѣсколькихъ парижскихъ газетъ, и читатель—особенно иностранный—не можетъ не удивляться иниціативѣ и энергіи людей, создающихъ изъ ничего громадныя изданія, только благодаря умѣнію работать безъ конца, распознавать нужныхъ людей, группировать вокругъ себя столь же способныхъ работниковъ и не терять ни минуты времени. Вотъ, напр., исторія извѣстнаго журналиста Пессара: онъ началъ, какъ всѣ, очень скромно въ маленькихъ газетахъ, потомъ попалъ въ „Temps" и успѣлъ развернуть свой талантъ. На него обратилъ вниманіе Эмиль де Жирарденъ, искавшій сотрудниковъ для новой газеты, и вотъ разсказъ Пессара о его свиданіи съ Жирарденомъ: „Въ назначенный мнѣ день, я пришелъ, поклонился и ждалъ, что̀ мнѣ скажутъ. Знаменитый журналистъ подходитъ ко мнѣ, протягиваетъ длинную, холодную и сухую руку, и безъ дальнѣйшихъ предисловій, рѣзкимъ и почти грубымъ голосомъ, говоритъ мнѣ: „Я читалъ ваши статьи. Я только-что пріобрѣлъ „Liberté"... Если хотите быть моимъ сотрудникомъ, вашими товарищами будутъ Клеманъ Дювернуа и Верморель... Вы свободны?"—„Я буду свободенъ завтра",—отвѣтилъ я тѣмъ же тономъ.—„Что̀ вы можете взять на себя въ газетѣ?"—„Все, что̀ хотите".—„Сколько вы требуете гонорара?"—„Сколько хотите дать".—„Когда можете начать?"—„Сейчасъ". На слѣдующій день, въ шесть часовъ утра, я пришелъ къ Э. де Жирардену за инструкціями. Онъ уже написалъ статью, прочелъ всѣ газеты и размѣстилъ нужныя вырѣзки по безчисленнымъ картонамъ, загромождавшимъ комнату,—это были матеріалы для будущихъ полемикъ. Одѣтый въ красный халатъ, съ открытой шеей, выступавшей изъ широкаго ворота тонкой полотняной рубашки, онъ писалъ, покрывая своимъ женственнымъ почеркомъ маленькіе листки бумаги, торопясь закончить работу при свѣтѣ догорающей лампы".

Все въ этомъ разсказѣ характерно: и самъ Жирарденъ, рѣшительно и быстро отъискивающій людей и подающій своимъ сотрудникамъ примѣръ неутомимости, и его молодой сотрудникъ, полный иниціативы и бросающій не колеблясь вѣрное мѣсто для болѣе свободной и смѣлой борьбы въ молодомъ о̀рганѣ. Но интереснѣе всего отношеніе къ дѣлу обоихъ журналистовъ: не сказано ни одного лишняго слова, не потрачено ни одной минуты для разговоровъ „по душѣ", а послѣ пяти минутъ переговоровъ новый сотрудникъ работаетъ съ шести часовъ утра,

и общее дѣло кипитъ. Только при такой, между прочимъ, дѣловитости пресса и литература можетъ такъ широко развиться, какъ во Франціи. Многіе изъ разсказовъ Бриссона о различныхъ парижскихъ знаменитостяхъ свидѣтельствуютъ объ этой національной чертѣ, помогающей даже не особенно одареннымъ людямъ пробивать себѣ путь къ славѣ и энергіей, и выдержкой. Дебюты Мелъяка, Ришпена, Варьера и др. не менѣе характерны въ этомъ отношеніи.

Но помимо всѣхъ этихъ нѣсколько буржуазныхъ качествъ, есть еще одна черта, выдѣляющая интеллектуальную аристократію Парижа, а именно, тотъ особый видъ остроумія, который принято называть „esprit boulevardier". Какъ опредѣлить эту особенность французскаго ума? Она заключается прежде всего въ скептическомъ и легкомъ отношеніи къ жизни и въ стремленіи довольствоваться поверхностью явленій; она состоитъ также въ умѣньѣ быстро синтезировать и дѣлать выводы—поверхностные, но остроумные, смотрѣть на вещи не глубоко, но тонко. Бриссонъ рисуетъ нѣсколько типовъ такихъ „boulevardiers", остроумныхъ философовъ парижской жизни, и цитируетъ ихъ удачные „mots", разсказываетъ объ ихъ образѣ жизни, объ ихъ умѣньѣ справляться съ запутанными обстоятельствами жизни при помощи остроумія и находчивости. Орельенъ Шоль, извѣстный журналистъ, Мельякъ и др. являются у Бриссона представителями этого „esprit boulevardier". Въ статьѣ о Пессарѣ Бриссонъ приводитъ любопытный разсказъ о дуэли Пессара и Сарсэ, и въ этомъ разсказѣ какъ самыя событія, такъ и поступки дѣйствующихъ лицъ проникнуты тѣмъ юморомъ положеній, который составляетъ сущность бульварнаго остроумія. Приводимъ этотъ разсказъ цѣликомъ, какъ художественную картинку нравовъ и остроумія парижанъ, вносящихъ во все особую ноту несерьезности. Францискъ Сарсэ обидно задѣлъ въ газетѣ Эм. де Жирардена. Послѣдній принципіально не признавалъ дуэли, но сотрудники „Liberté" рѣшили отмстить за редактора; брошенъ былъ жребій, кому вызывать Сарсэ, и жребій выпалъ Пессару. Оказалось случайно, что Пессаръ и Сарсэ съ большой симпатіей относились другъ къ другу. Но долгъ чести прежде всего—приходилось повиноваться. Оба противника усѣлись въ коляски, въ одно холодное октябрьское утро, и направились въ Венсенскій лѣсъ. Тамъ, несмотря на свою оффиціальную непріязнь, противники обмѣнялись почти дружескими взглядами. Свидѣтели поставили ихъ другъ противъ друга, со шпагами въ рукахъ, и сами удалились, чтобы переговорить еще о какихъ-то подробностяхъ. Переговоры были длинные, потому что хотя противники были мирно настроены, но ихъ свидѣтели, напротивъ того, ненавидѣли другъ друга и съ ожесточеніемъ говорили между собою. Въ это время Сарсэ и Пессаръ, оставленные въ без-

дѣйствіи, мирно бесѣдовали, въ четырехъ шагахъ другъ отъ друга. —„Мнѣ холодно",—сказалъ Сарсэ. „Я одѣну пальто".—„Прекрасная мысль",—прибавилъ Пессаръ. „Мы успѣемъ еще заколоть другъ друга... И кстати, другъ мой Сарсэ, мнѣ хочется воспользоваться случаемъ и сказать вамъ, какъ я уважаю васъ и вашъ талантъ".— „И я того же мнѣнія о васъ... Но почему же мы здѣсь въ такомъ положеніи?"—„Право не знаю. Кажется, что вы нанесли мнѣ оскорбленіе".—„Вы въ этомъ увѣрены?"—„Всѣ меня въ этомъ увѣряютъ. Вотъ почему необходимо, чтобы я васъ убилъ, конечно, если вы не предпочтете убить меня".—„Чтó вы, дорогой Пессаръ! мнѣ лучше хотѣлось бы позавтракать съ вами у Вашета!"—„Чего захотѣли!.." Переговоры все еще длились. Секунданты угрожали другъ другу кулаками и палками. Тогда Сарсэ, котораго обуялъ гомерическій смѣхъ, обратился къ своему противнику съ знаменитой съ тѣхъ поръ фразой:—„Пойдемъ разнять нашихъ секундантовъ".—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1895.

Новѣйшая „эволюція" газетныхъ противниковъ свѣтской народной школы.—*Свое* и *чужое* въ области начальнаго обученія.—Попытки перенести вопросъ о всеобщемъ обученіи на политическую почву.—Полезная откровенность.—Ильинская школа.— Многозначительныя цифры.—„Вопросъ" о тужуркахъ.—Превращенія въ „Гражданинѣ".

Статьи „Московскихъ Вѣдомостей" о начальной школѣ слѣдуютъ одна за другою, въ послѣднее время, такъ же часто и аккуратно, какъ выстрѣлы въ Петербургѣ во время наводненія. И дѣйствительно, съ точки зрѣнія московской газеты увеличеніе числа земскихъ и вообще свѣтскихъ школъ, подготовляющее возможность всеобщаго обученія, является своего рода наводненіемъ, которому нужно противопоставить плотину, въ видѣ такъ называемаго „объединенія" школьнаго дѣла. Замѣчательно, однако, что по вопросу о формѣ и способахъ объединенія наша реакціонная печать не всегда высказывается рѣшительно и открыто, а иной разъ и прямо впадаетъ въ противорѣчіе сама съ собою. „Нужно не уничтоженіе школъ земскихъ или частныхъ, — читаемъ мы, напримѣръ, въ № 317 „Московскихъ Вѣдомостей",—не повсемѣстная замѣна ихъ школами церковно-приход-

скими, а законодательное обезпеченіе участія церкви въ охранѣ церковно-религіознаго воспитанія"... За „достодолжное состояніе этого воспитанія" настоятель прихода долженъ отвѣчать передъ архіереемъ, архіерей—передъ св. синодомъ, „безразлично, будутъ ли эти школы духовнаго или какого иного *вѣдомства*. Программы начальныхъ школъ въ отношеніи того, чтó необходимо для поддержанія церковно-религіознаго воспитанія, должны быть сближены между собою. Вотъ настоящій путь дѣйствій. Онъ никого и ничего не устраняетъ". Совсѣмъ не то московская газета говорила нѣсколькими днями раньше. Въ № 307 она громко объявляла, что стоитъ за *церковно-приходскую школу*, т.-е. за школу духовнаго *вѣдомства*, и самое распространеніе начальнаго обученія ставило въ зависимость отъ размноженія школъ именно этого типа. Она старалась установить, что доброе *качество* просвѣщенія обезпечивается только церковно-приходской школой, а „*количественное* поступательное движеніе школы ни на минуту не должно забѣгать за предѣлы, гдѣ пришлось бы жертвовать ея *качествомъ*". Еще раньше, какъ, можетъ быть, припомнятъ наши читатели [1]), „Московскія Вѣдомости" пытались доказать, путемъ крайне неудачной параллели, что начальныя школы не могутъ не быть сосредоточены, всѣ безъ исключенія, въ рукахъ духовенства. Чтó же означаетъ поворотъ, происшедшій если не въ взглядахъ, то въ выраженіяхъ московской газеты? Мы едва ли ошибемся, если объяснимъ его чисто дипломатическими соображеніями. Ставить вопросъ ребромъ, стремиться къ формальному торжеству одного „вѣдомства" надъ другимъ, значитъ вызывать противодѣйствіе послѣдняго и затруднять, этимъ самымъ, достиженіе цѣли. Лучше совершить обходное движеніе, проникнуть, безъ трубныхъ звуковъ и барабаннаго боя, въ лагерь противника и занять его владѣнія, оставивъ за нимъ только внѣшній ихъ „титулъ". Въ самомъ дѣлѣ, не къ этому ли сводится новый изворотъ „Московскихъ Вѣдомостей"? Хозяиномъ вездѣ и всегда является тотъ, на комъ лежитъ отвѣтственность за дѣло. Стóитъ только признать приходскаго священника отвѣтственнымъ за „достодолжное" состояніе воспитанія во всѣхъ школахъ прихода—и онъ неминуемо сдѣлается ихъ *начальникомъ*, сперва de facto, а потомъ и de jure. Прежде чѣмъ требовать отъ кого-нибудь исполненія извѣстной обязанности,—такъ будутъ разсуждать односторонніе приверженцы церковно-приходской школы,—нужно дать ему всѣ необходимыя для того средства; главное или, лучше сказать, единственное средство руководить школой—власть надъ учителемъ; ergo, такая власть должна быть предоставлена приход-

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ ноябрьской книжкѣ нашего журнала.

скому священнику, а такъ какъ ни въ одномъ дѣлѣ не можетъ быть двухъ распорядителей, независимыхъ другъ отъ друга, то рядомъ съ властью священника не должно быть никакой иной; ему, и только ему одному, должны быть подчинены всѣ начальныя школы. Результатъ, такимъ образомъ, получается тотъ же самый, какъ и при прямомъ переименованіи министерскихъ, земскихъ и частныхъ школъ въ церковно-приходскія... Насколько возможно право *надзора* одного вѣдомства надъ школами другого, настолько духовенство облечено имъ и теперь, въ силу положенія 25-го мая 1874 г.; но вѣдь это положеніе признается „Московскими Вѣдомостями" никуда негоднымъ и подлежащимъ радикальному измѣненію. Совѣтуемъ имъ отбросить ни къ чему не ведущія оговорки, никого не обманывающія и во всякомъ случаѣ запоздалыя, послѣ того какъ вопросъ былъ однажды поставленъ на чистоту и провозглашена неотложность *административной концентраціи* начальнаго обученія.

По словамъ „Московскихъ Вѣдомостей", система, составляющая продуктъ ихъ новѣйшей эволюціи, никого и ничего изъ школьнаго дѣла не устраняетъ. О степени довѣрія, котораго заслуживаетъ это увѣреніе, можно судить по фактамъ, которыхъ за время совмѣстнаго существованія различныхъ школьныхъ типовъ накопилось уже не мало. Защитники свѣтской школы, признавая, и въ теоріи, и на практикѣ, полную равноправность ея съ школой церковно-приходской, не стремятся къ распространенію первой *въ ущербъ послѣдней*, къ вытѣсненію, закрытію существующихъ училищъ духовнаго вѣдомства. Защитники церковно-приходской школы держатся, сплошь и рядомъ, діаметрально-противоположной, аггрессивной политики, стараясь овладѣть существующими свѣтскими школами и не допуская открытія ихъ не только тамъ, гдѣ есть церковно-приходская школа, но даже тамъ, гдѣ существуетъ школа грамоты. Въ виду громадной разницы между школой грамоты, даже сравнительно благоустроенной, и нормальной начальной школой, предпочтеніе, упорно оказываемое первой, не можетъ быть объяснено ничѣмъ инымъ, кромѣ соображеній, такъ сказать, *вѣдомственнаго* свойства—кромѣ желанія удержать *свое*, хотя бы и очень плохое, лишь бы только не уступить мѣсто *чужому*, хотя бы и хорошему. Мы видѣли уже, что въ богородицкомъ уѣздѣ (тульской губерніи) отдѣленіе епархіальнаго училищнаго совѣта не соглашалось на устройство земскихъ школъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ *предполагалось* открыть школы грамоты; мы знаемъ, что госпожѣ Штевенъ нижегородскій епархіальный совѣтъ поставилъ въ вину, между прочимъ, стараніе замѣнить школы грамоты (иногда—даже еще не существующія) земскими школами, другими словами—школы подвѣдомственныя духовенству школами ему неподвѣдом-

ственными. Тотъ же взглядъ выраженъ былъ недавно съ большою наивностью уполномоченнымъ духовнаго вѣдомства въ ардатовскомъ (нижегородской губерніи) уѣздномъ земскомъ собраніи, когда онъ, одинъ изъ всего собранія, отказался благодарить госпожу Штевенъ за ея труды по разработкѣ школьнаго вопроса въ ардатовскомъ уѣздѣ и мотивировалъ свой отказъ все тѣмъ же прегрѣшеніемъ А. А. Штевенъ — преимуществомъ, которое она отдаетъ школамъ земскимъ передъ школами грамоты. Въ „Недѣлѣ" (№ 47) повѣствуется о томъ, какія усилія употреблялъ священникъ села Вѣровки (конотопскаго уѣзда черниговской губерніи), чтобы склонить крестьянъ посылать дѣтей не въ земскую школу, а въ вновь открытую школу грамоты. Не ясно ли, что радѣніе о *своемъ* и нерасположеніе къ чужому разгорится еще сильнѣе, если духовенство будетъ поставлено надъ этимъ чужимъ и получитъ возможность имъ распоряжаться? Не ясно ли, что громадному большинству свѣтскихъ школъ предстоитъ, въ такомъ случаѣ, именно „устраненіе"—устраненіе существованія или, по меньшей мѣрѣ, устраненіе самостоятельности?

Когда въ воздухѣ носится идея „устраненія", это неизбѣжно влечетъ за собою нападенія на „устраняемое" не только въ его настоящемъ, но и въ его прошедшемъ. По этой программѣ ведется кампанія и противъ свѣтской школы, при чемъ меньше всего принимается въ разсчетъ историческая правда. „Когда и кѣмъ—спрашиваютъ „Московскія Вѣдомости" (№ 313)—выдвинуто дѣло скорѣйшаго развитія просвѣщенія и грамотности въ народѣ? Нашими либералами, что-ли? Вѣдь это дѣло сдѣлано именно въ царствованіе Императора Александра Александровича, и сдѣлано именно духовнымъ вѣдомствомъ. Именно имъ удвоено число русскихъ начальныхъ школъ. Именно дѣятели духовнаго вѣдомства, дѣйствуя въ національномъ духѣ царствованія, постоянно указывали на необходимость сплотить всѣ благонамѣренныя, годныя для просвѣщенія народа силы на дѣлѣ развитія начальной школы. А кто мѣшалъ этимъ усиліямъ? Кто подбивалъ земцевъ отворачиваться отъ предлагаемаго единенія? Кто, стало-быть, являлся тормазомъ болѣе широкаго развитія начальнаго обученія въ народѣ? Все тѣ же любители *эволюціи на чуждыхъ началахъ*, которые теперь, въ 1895 году, вдругъ воспылали такою страстію ко всеобщему, даже обязательному обученію — воспылали послѣ того какъ потерпѣли постыдное fiasco въ своихъ болѣе широкихъ планахъ *безсмысленныхъ мечтаній*"...

О „либералахъ", въ вопросахъ начальнаго обученія, можно говорить развѣ потому, что истинный либерализмъ столь же тѣсно и неразрывно связанъ съ сочувствіемъ къ народному образованію, какъ заправское ретроградство — съ мракобѣсіемъ. Не „либераламъ" приписывается

заслуга „скорѣйшаго развитія просвѣщенія и грамотности", а освободительнымъ реформамъ Императора Александра II и созданному ими земству. Нужно имѣть совсѣмъ особую „смѣлость", чтобы зачеркивать однимъ почеркомъ пера все сдѣланное земскими учрежденіями не только для поднятія уровня начальной школы, но и для широкаго ея распространенія—такого распространенія, о которомъ до половины шестидесятыхъ годовъ никто не думалъ и даже не мечталъ. Правда, въ концѣ семидесятыхъ годовъ поступательное движеніе земской школы нѣсколько замедлилось; но почему? Не только вслѣдствіе ограниченности средствъ земства, но и вслѣдствіе недостатка поддержки со стороны администраціи, граничившаго иногда съ прямымъ противодѣйствіемъ: припомнимъ хотя бы запрещеніе и преслѣдованіе, при гр. Д. А. Толстомъ, крестьянскихъ школокъ. Когда надъ Россіей пронеслась эпоха „новыхъ вѣяній" и, въ видѣ послѣдняго ея завѣта, состоялось, въ 1882 г., оффиціальное признаніе школы грамоты, дѣятельность земства тотчасъ же направилась и въ эту сторону, пролагая новые пути, на которые только по его слѣдамъ, и притомъ гораздо позже, вступило духовенство. Чего удалось бы достигнуть земству, еслибы правила 1884 г. не закрыли передъ нимъ доступъ къ школамъ грамоты — объ этомъ возможны лишь догадки; но всѣ существенныя условія для „скорѣйшаго развитія просвѣщенія и грамотности" несомнѣнно были уже на лицо, когда совершилось, актомъ правительственной воли, возрожденіе церковно-приходскихъ школъ. Почему духовенство до тѣхъ поръ не принимало почти никакого участія въ распространеніи начальнаго обученія, почему оно не пользовалось всегда принадлежавшимъ ему правомъ открывать свои начальныя училища, независимыя отъ свѣтской власти—это вопросъ, въ разсмотрѣніе котораго мы теперь не входимъ. Намъ достаточно установить, что дѣло „скорѣйшаго развитія" начальной школы начато не духовенствомъ, сдѣлано не имъ однимъ; оно примкнуло къ движенію, починъ котораго принадлежалъ другимъ—и, какъ крупная сила, конечно способствовало его дальнѣйшему распространенію. Что касается до объединенія элементовъ, работающихъ на пользу начальной школы, то ему духовенство не столько помогало, сколько противодѣйствовало. Добровольное объединеніе совершается на почвѣ равности и равноправности, а земству предлагалось сначала полное подчиненіе (эпоха стремленія къ передачѣ земскихъ школъ въ вѣденіе духовенства), потомъ—зависимая, второстепенная роль, слишкомъ рѣзко отличающаяся отъ положенія, пріобрѣтеннаго цѣлыми десятилѣтіями упорной работы... Давно уже земство не дѣлало такъ много для начальной школы, какъ въ послѣдніе годы—а его, въ лицѣ будто бы руководящихъ имъ „либера-

ловъ", рѣшаются называть „тормазомъ широкаго развитія начальнаго обученія"... Неразборчивые, по обыкновенію, въ выборѣ средствъ, наши газетные регрессисты выбиваются изъ силъ, чтобы доказать политически-неблагонамѣренную подкладку „либеральныхъ" стремленій къ увеличенію числа начальныхъ школъ. И вотъ, однимъ изъ доказательствъ является мнимая хронологическая послѣдовательность событій: сначала fiasco „болѣе широкихъ плановъ", потомъ, и въ связи съ нимъ—агитація въ пользу всеобщаго обученія! Мы не обинуясь назовемъ такой „полемическій" пріемъ подтасовкой фактовъ, и притомъ подтасовкой очень неудачной. Fiasco, о которомъ съ такимъ высокимъ благородствомъ и такою утонченною деликатностью говоритъ московская газета, относится къ январю нынѣшняго года, а мысль о всеобщемъ обученіи, въ земствѣ, литературѣ и ученыхъ обществахъ, возникла гораздо раньше, еще во время прошлаго царствованія. Полтавское губернское земство, напримѣръ, избрало коммиссію для разработки этого вопроса, зимою 1893-94 г.; еще прежде начались подготовительные труды московскаго губернскаго земства, весьегонскаго уѣзднаго и нѣкоторыхъ другихъ. Весною 1894 г. былъ прочитанъ въ московскомъ комитетѣ грамотности докладъ г. Вахтерова объ условіяхъ всеобщаго обученія и рѣшено, вслѣдъ затѣмъ, приступить къ собранію данныхъ для всесторонняго освѣщенія этого предмета. Аналогичная работа предпринята тогда же с.-петербургскимъ комитетомъ грамотности. Въ печати вопросъ о всеобщемъ обученіи также обсуждается съ особеннымъ усердіемъ съ начала или средины 1894 г. Во что́ обращается, затѣмъ, инсинуація „Московскихъ Вѣдомостей"—это не требуетъ дальнѣйшаго разъясненія.

Указаніе на связь между неудавшимися „широкими планами" и распространеніемъ всеобщаго обученія—далеко не единственное измышленіе, пущенное въ ходъ съ цѣлью положить конецъ этому дѣлу. Рядомъ съ тяжелой артиллеріей передовыхъ статей реакціонная печать выдвигаетъ легкіе партизанскіе отряды фельетоновъ и „бѣглыхъ набросковъ", меньше заботящихся о соблюденіи декорума и именно потому позволяющихъ заглянуть поглубже въ намѣренія нашихъ противниковъ. Обычный поставщикъ такихъ „набросковъ", г. Букѣевскій, отождествляетъ всеобщее обученіе съ правомъ на обученіе, „впервые внесеннымъ жирондистами и якобинцами 1793 г. въ декларацію правъ человѣка и гражданина"; обязательное обученіе—съ обязательствомъ государства обучать каждаго ребенка школьнаго возраста. Допуская существованіе у насъ „такихъ общественныхъ элементовъ, которые рады всякой неудачѣ и всякому затрудненію правительства", онъ приписываетъ „извѣстной части печати и общества"

сознательное желаніе „вовлечь государство въ расходъ, для него непосильный“ (!). Всего любопытнѣе, однако, въ статьѣ г. Букѣевскаго („Московскія Вѣдомости“, № 285) не эти историческія параллели, не это чтеніе въ мысляхъ, а нѣсколько откровенныхъ словъ, за которыя ему нельзя не быть благодарнымъ. Главное начальство арміи, въ авангардѣ которой сражается г. Букѣевскій, не возстаетъ, въ принципѣ, противъ всеобщаго обученія, доказывая лишь необходимость отложить его осуществленіе до болѣе широкаго распространенія церковно-приходской школы. А вотъ что̀ говоритъ по этому поводу г. Букѣевскій: „представляется не совсѣмъ понятнымъ, почему обученіе должно быть непремѣнно *всеобщимъ* (мы вездѣ сохраняемъ курсивъ подлинника). Мысль о пользѣ книжнаго просвѣщенія, о томъ, чтобы сдѣлать причастнымъ ему возможно бо̀льшее число обывателей, эта мысль, конечно, не требуетъ защиты; но между возможно большимъ числомъ и всѣми—громадная разница. Почему это вдругъ сдѣлалось необходимымъ, чтобы *ни одинъ* ребенокъ не ускользнулъ отъ школьнаго обученія, какъ настаиваютъ на этомъ сторонники пропагандируемой мѣры? Откуда явилась эта государственная надобность, чтобы сыновья *всякаго* пастуха, *всякаго* дровосѣка, *всякаго* бурлака и *всякаго* земледѣльца затерянной среди степей или дремучихъ лѣсовъ деревушки, чтобъ они умѣли читать книжки, чтобъ ихъ насильно стали принуждать къ этому, отрывая отъ добыванія скуднаго хлѣба насущнаго, отрывая отъ честнаго труда для обезпеченія семьи и старости,—каюсь, этого я рѣшительно не могу себѣ взять въ толкъ“. Въ этомъ „крикѣ души“ отразилось какъ нельзя лучше настоящее настроеніе нашихъ „регрессистовъ“. Обученіе *всякаго* ребенка, къ какой бы бѣдной и заброшенной семьѣ онъ ни принадлежалъ—вотъ что̀ пугаетъ единомышленниковъ г. Букѣевскаго, вотъ что̀ они хотятъ предотвратить, возставая, per fas et nefas, противъ приверженцевъ всеобщаго обученія. Они не хотятъ понять, что всеобщности обученія, *какъ только она становится возможной*, требуетъ самая элементарная справедливость. Есть извѣстная минимальная сумма благъ, матеріальныхъ и нравственныхъ, которую всякое благоустроенное государство стремится доставить каждому изъ своихъ гражданъ. Уровень этого минимума колеблется и измѣняется, сохраняя, однако—при нормальномъ ходѣ государственной жизни,—постоянную наклонность къ повышенію. Все больше и больше получая отъ своихъ членовъ, государство все больше и больше и даетъ имъ. То, что̀ сначала было доступно лишь въ видѣ исключенія, распространяется все дальше и дальше, и становится, наконецъ, общимъ достояніемъ. Было время, когда почтовыя сношенія обнимали собою только главные административные и промышленные центры; затѣмъ почта стала постепенно

придвигаться къ населенію, а теперь, по крайней мѣрѣ въ земскихъ губерніяхъ, она захватываетъ, черезъ посредство волости, самыя дальнія захолустья. Было время, когда медицинскою помощью могли пользоваться только жители городовъ, и то не всѣхъ; теперь во многихъ мѣстахъ Россіи нѣтъ деревни, которой бы не посѣщалъ докторъ, или которая не могла бы до него добраться. Тѣмъ же путемъ идетъ развитіе грамотности. Если въ послѣднее время такъ много говорятъ о всеобщемъ обученіи, то вовсе не потому, чтобы оно, по выраженію г. Букѣевскаго, „вдругъ сдѣлалось необходимымъ"—т.-е. кому-то показалось нужнымъ для достиженія какихъ-то побочныхъ цѣлей,—а просто потому, что стала виднѣться въ близкомъ будущемъ его *возможность*. Вопросъ о всеобщемъ обученіи у насъ далеко не новый: онъ возникалъ еще въ семидесятыхъ годахъ, надъ нимъ работали тогда не только въ земскихъ и литературныхъ, но и въ оффиціальныхъ сферахъ (вспомнимъ труды А. С. Воронова) — и если онъ заглохъ и только недавно возродился съ новою силой, то это объясняется именно громаднымъ шагомъ впередъ, сдѣланнымъ, за два послѣднія десятилѣтія, начальной школой. Пока несоразмѣрность между числомъ школъ и числомъ дѣтей школьнаго возраста была черезъ-чуръ велика, до тѣхъ поръ приходилось по неволѣ мириться съ невозможностью, для большинства крестьянъ, пользованія начальной школой, хотя бы и содержимой, отчасти, на средства всего населенія; но такое примиреніе становится неизвинительнымъ, какъ только перестаетъ быть немыслимымъ установленіе равновѣсія между спросомъ на обученіе и его предложеніемъ. Какъ только доказано, что число школъ, въ данной мѣстности, *можетъ* быть, совокупнымъ усиліемъ государства, земства и сельскихъ обществъ, доведено до нормы, то это усиліе *должно* быть сдѣлано, потому что нѣтъ болѣе причинъ отказывать кому бы то ни было въ удовлетвореніи потребности, по истинѣ насущной. *Всеобщность* начальнаго обученія есть не что иное, какъ доступность его для каждаго ребенка школьнаго возраста. Она можетъ быть осуществлена въ однихъ уѣздахъ, въ однѣхъ губерніяхъ раньше чѣмъ въ другихъ, потому что не вездѣ однородны внѣшнія условія, не вездѣ одинаково подготовлена почва; но стремиться къ ней, поставить ее цѣлью всего предпринимаемаго въ области начальной школы, слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, повсемѣстно. Только тогда, когда начальное обученіе сдѣлается всеобщимъ de facto, т.-е. *общедоступнымъ*, можетъ возникнуть вопросъ о признаніи его всеобщимъ de jure, т.-е. *общеобязательнымъ*.

Возвращаясь отъ вопроса о всеобщности начальнаго обученія къ вопросу о его организаціи, мы встрѣчаемся, прежде всего, съ инте-

ресной статьей „Недѣли“ (№ 47): „Недобрый пастырь“. Авторъ статьи, г. В. Поссе, сообщаетъ поразительные факты о священникѣ Ильинскаго погоста (галичскаго уѣзда, костромской губерніи), о. Дмитріи Норбековѣ, выгоняющемъ изъ своей церковно-приходской школы учащихся и учителя, отказывающемъ послѣднему въ чернилахъ и другихъ письменныхъ принадлежностяхъ для школьныхъ занятій, вырывающемъ у учениковъ пучки волосъ, плюющемъ въ глаза одной изъ учениць и доводящемъ крестьянъ до того, что они посылаютъ своихъ дѣтей въ другую школу, верстахъ въ десяти отъ погоста. Само собою разумѣется, что образъ дѣйствій одного лица не можетъ бросать тѣнь на цѣлое сословіе; такіе священники, какъ о. Норбековъ, составляютъ, конечно, рѣдкое исключеніе. Характеристична, въ нашихъ глазахъ, не возможность злоупотребленій въ родѣ тѣхъ, которыя творятся въ ильинской школѣ, а ихъ продолжительность и безнаказанность. „Крестьяне“—читаемъ мы въ статьѣ г. Поссе—„давно сознали невозможность такого священника и нѣсколько лѣтъ тому назадъ подавали жалобу, прося удалить его. Было назначено дознаніе, производившееся *исключительно* представителями здѣшняго духовенства. Дознаніе производилось, по словамъ крестьянъ, въ высшей степени пристрастно. Я слышалъ отъ сына одного изъ священниковъ-слѣдователей, о которомъ крестьяне отзывались несравненно лучше, чѣмъ о двухъ другихъ, что онъ *сочувствовалъ* о. Дмитрію, зная его семейное положеніе. Большое вліяніе на результатъ дознанія имѣло и то, что о. Дмитрій предварительно ночью объѣздилъ наиболѣе слабохарактерныхъ мужиковъ, упрашивая ихъ не показывать противъ него. Въ результатѣ о. Дмитрій получилъ легкое замѣчаніе, а у крестьянъ осталась память о дознаніи, какъ о какомъ-то шемякиномъ судѣ. Чтобы у народа была увѣренность въ безпристрастности дознанія, необходимо, чтобы его производило лицо независимое, ничѣмъ не связанное съ мѣстнымъ духовенствомъ“. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что ничего подобнаго не могло бы случиться въ свѣтской начальной школѣ. Не говоря объ общемъ ея духѣ, не благопріятствующемъ грубой расправѣ съ учениками, учитель не рѣшится позволить себѣ и малой доли того, что̀ приписывается о. Норбекову—не рѣшится уже изъ осторожности, изъ чувства самосохраненія. Онъ знаетъ, что за нимъ смотритъ множество глазъ, и что онъ не найдетъ опоры и защиты въ чувствѣ корпоративной солидарности, въ неохотѣ „выносить соръ изъ избы“. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, предположить, что инспекторъ народныхъ училищъ, члены уѣзднаго училищнаго совѣта и уѣздной земской управы, попечитель школы, мѣстныя крестьянскія и другія власти, наконецъ, приходскій священникъ—всѣ эти различные и далеко не во всемъ согласные на-

блюдатели за школой сойдутся въ желаніи отстоять учителя, въ рѣшимости скрыть или оправдать его неправильныя дѣйствія. Не таково, наконецъ, и самое положеніе учителя, чтобы его трудно было устранить или обуздать; слабой стороной свѣтской школы является, наоборотъ, скорѣе недостаточная обезпеченность учителя по отношенію ко всякимъ нападеніямъ и навѣтамъ. Совсѣмъ иное дѣло—священникъ, подчиненный только другимъ священникамъ (благочинному, наблюдателю за школами, предсѣдателю уѣзднаго отдѣленія епархіальн. училищнаго совѣта); противъ самыхъ основательныхъ жалобъ онъ вооруженъ гораздо лучше, чѣмъ обыкновенный учитель— противъ самыхъ неосновательныхъ. Еще непроницаемѣе, конечно, это вооруженіе будетъ тогда, когда священникъ явится единственнымъ начальникомъ всѣхъ школъ своего прихода. У крестьянъ не останется даже того послѣдняго, крайняго средства, которымъ пользуются теперь прихожане о. Норбекова—возможности посылать дѣтей въ другое училище, независимое отъ священника. Соперничество между различными типами школъ полезно, между прочимъ, именно тѣмъ, что оно оставляетъ выходъ для недовольства школой, освобождаетъ населеніе отъ тягостной дилеммы: или вовсе не учить дѣтей, или учить ихъ въ школѣ, не съумѣвшей пріобрѣсти довѣріе и расположеніе родителей. Другая выгодная сторона соперничества—это вызываемое имъ стремленіе къ усовершенствованію школьнаго дѣла, къ усвоенію школами одного разряда всего хорошаго, выработаннаго остальными. Въ этомъ именно смыслѣ мы говорили о пользѣ соперничества въ нашемъ ноябрьскомъ обозрѣніи, замѣчая, что оно должно выражаться *не въ стремленіи къ захвату всего дѣла, а къ возможно лучшей организаціи каждой его части*. „Московскія Вѣдомости", не приводя подчеркнутыхъ нами словъ, ставятъ коварный вопросъ: *„для кого* можетъ быть полезно соперничество?"—и отвѣчаютъ на него такъ: „есть *направленія* (кавычки въ подлинникѣ), для которыхъ оно очень *полезно* (id.), но для воспитанія русскаго народа въ національномъ духѣ оно *гибельно*". Замѣчательная вѣрность излюбленнымъ полемическимъ пріемамъ!

Не по разуму усерднымъ ревнителямъ церковно-приходской школы, всегда готовымъ возвести на своихъ противниковъ подозрѣніе въ „вредномъ направленіи", данъ былъ недавно очень хорошій урокъ петербургскими педагогами, собирающимися въ педагогическомъ музеѣ. Выслушавъ докладъ П. Ѳ. Каптерева о народной школѣ, они пришли къ заключенію, что не слѣдуетъ отдавать предпочтенія ни одному изъ существующихъ типовъ начальнаго обученія, а нужно содѣйствовать ихъ равномѣрному, совмѣстному развитію. Между лицами,

говорившими въ этомъ смыслѣ, были такія, которыхъ даже „Московскія Вѣдомости“ не рѣшатся отнести къ категоріи „неблагонадежныхъ“. Попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа, М. Н. Капустинъ, высказался противъ обязательнаго пріуроченія школъ къ приходу, на томъ основаніи, что приходовъ въ Россіи считается до 40 тысячъ, а школъ уже теперь около 60 тысячъ. Сколько бы ни старалась реакціонная печать ослабить значеніе этого аргумента, онъ сохраняетъ и сохранитъ свою силу, именно потому, что обнаруживаетъ наглядно невозможность обязательнаго, непремѣннаго *учительства* священника въ начальной школѣ. По отношенію къ *нѣсколькимъ* школамъ приходскій священникъ можетъ быть только *начальникомъ*—а неудобство такихъ начальственныхъ отношеній совершенно очевидно. Ничего, кромѣ формализма, они создать и развить не могутъ. Доказательствомъ этому служитъ, между прочимъ, положеніе школъ грамоты, *по имени* состоящихъ въ завѣдываніи духовенства, но на самомъ дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ, всецѣло предоставленныхъ самимъ себѣ, лишенныхъ всякаго руководства и всякой нравственной поддержки. Такъ напр., въ бѣльскомъ уѣздѣ (смоленской губерніи) школы грамоты существовали исключительно на земскія средства, о расходованіи которыхъ сообщались, притомъ, весьма недостаточныя свѣденія. Бѣльская уѣздная земская управа, указавъ на то, что земство, по общему правилу, поддерживаетъ только такія школы, на которыя что-нибудь тратятъ сами ихъ устроители, высказалась за исключеніе изъ земской смѣты 500 руб., которые до тѣхъ поръ назначались въ пособіе школамъ грамоты. Къ тому же заключенію пришли и гласные (за исключеніемъ трехъ), мотивируя его, между прочимъ, „полнѣйшимъ невѣденіемъ, куда и какъ расходуются ассигнованныя земствомъ деньги“. Лужскому (с.-петербургской губ.) уѣздному земскому собранію были доставлены свѣденія о школахъ грамоты съ одной стороны уѣзднымъ отдѣленіемъ епархіальнаго училищнаго совѣта, съ другой—уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ. Хотя и тѣ, и другія относились къ одному и тому же періоду времени (учебному 1894-95 г.), между ними оказалась значительная разница: отдѣленіе епархіальнаго совѣта насчитало въ уѣздѣ 42 школы грамоты, съ 698 учащимися, уѣздный училищный совѣтъ—55, съ 889 учащимися. По мнѣнію уѣзднаго училищнаго совѣта, на самомъ дѣлѣ школъ грамоты должно быть еще больше: въ семи волостяхъ (изъ 25) ихъ не показано вовсе, что̀ едва ли согласно съ истиной; есть, затѣмъ, селенія, гдѣ артельное обученіе на дому, поочередно то въ одномъ, то въ другомъ семействѣ, не считается школой грамоты. Итакъ, уѣздному училищному совѣту, не имѣющему никакого оффиціальнаго отношенія къ школамъ грамоты, удалось отыскать 13 школъ

этой категоріи, о которыхъ ничего не знало отдѣленіе епархіальнаго совѣта. Отсюда слѣдуетъ заключить, что не знали о ихъ существованіи и непосредственные ихъ начальники—приходскіе священники, или хотя и знали, но не упомянули о нихъ въ своихъ отчетахъ, чтобы не усложнять своей отвѣтственности передъ высшимъ начальствомъ. Такое отношеніе къ школамъ грамоты едва ли было бы возможно, еслибы право открытія ихъ и завѣдыванія ими принадлежало, наравнѣ съ духовенствомъ, и земскимъ учрежденіямъ.

Въ какой степени духовенство, еслибы ему была дана, въ той или другой формѣ, *власть* надъ всѣми начальными школами, соблюдало бы безпристрастіе по отношенію къ школамъ другихъ „вѣдомствъ" —объ этомъ можно судить по слѣдующему сообщенію „Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей": „священникъ самарскаго каѳедральнаго собора Матюшинскій совершилъ въ 1894 г. поѣздку по сектантскимъ селамъ николаевскаго уѣзда и вынесъ изъ этой поѣздки убѣжденіе, что въ настоящее время господствующею сектою въ уѣздѣ является евангелизмъ или молоканство донского толка, а главнымъ разсадникомъ этой секты—изданіе журнала „Братская помощь" въ Саратовѣ. Агенты этого изданія разъѣзжали по николаевскому уѣзду съ двумя тюками книгъ. О вредномъ направленіи журнала „Братская помощь" сообщено, въ сентябрѣ 1894 г., г. оберъ-прокурору св. синода отъ имени самарскаго преосвященнаго, причемъ указано, между прочимъ, на обширную связь изданія „Братская помощь" съ пашковскими изданіями": „Самарская Газета", перепечатавъ это сообщеніе, замѣчаетъ, что издатель „Братской помощи", членъ саратовской судебной палаты П. И. Устимовичъ, пользуется въ Саратовѣ общимъ уваженіемъ, и какъ издатель журнала, и какъ благотворитель. Прибавимъ къ этому, что г. Устимовичъ, если мы не ошибаемся, напечаталъ, подъ именемъ Полтавина, нѣсколько сочиненій, устраняющихъ возможность подозрѣвать его въ какомъ бы то ни было „вредномъ направленіи". Журналъ „Братская Помощь" существуетъ, кажется, и понынѣ. Разногласіе, обнаруживающееся, такимъ образомъ, между духовною властью и свѣтской администраціей, столь же возможно и въ области начальной школы...

Если вѣрить газетамъ, министерство народнаго просвѣщенія обратилось недавно къ университетамъ съ запросомъ о томъ, желательно ли введеніе тужурокъ, какъ формы для студентовъ, и если желательно, то въ какихъ случаяхъ должно быть разрѣшено ихъ ношеніе. Кіевскій университетъ, принимая въ соображеніе, что студентамъ уже дозволено носить тужурку при практическихъ занятіяхъ въ лабораторіяхъ и клиникахъ, высказался за допущеніе тужурки при посѣ-

щеніи аудиторіи, чтобы избавить студентовъ отъ необходимости возвращенія домой для переодѣванья и чтобы уменьшить ихъ расходы (тужурка—вдвое дешевле сюртука). Что отвѣтили министерству другіе университеты—мы не знаемъ, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что они не разошлись во взглядахъ съ кіевскимъ университетомъ: удобства тужурки слишкомъ очевидны, а основаній къ ея преслѣдованію нѣтъ никакихъ. Раздувать *вопросъ* (!) о тужуркахъ способенъ только „Гражданинъ", московскій корреспондентъ котораго наговорилъ недавно по этому поводу не мало... страннаго. „Тужурка,—восклицаетъ онъ,—это тотъ же халатъ, это домашнее платье, въ которомъ, безъ нарушенія приличія, нельзя появляться въ публикѣ. Студенты не сообразили этого, чѣмъ блистательно и подтвердили страшную невоспитанность студенческой массы. Мало того, что они появлялись въ тужуркахъ на улицѣ—они рѣшались являться въ ней на лекціи въ университетъ". Вся эта смѣшная болтовня не заслуживала бы, конечно, ни малѣйшаго вниманія, еслибы корреспондентъ не вмѣшивалъ въ дѣло новаго попечителя московскаго учебнаго округа (Н. П. Боголѣпова), не только восхваляя его за воспрещеніе, будто бы, студентамъ носить тужурки, но и сообщая слухъ о томъ, что отъ портныхъ будетъ отобрана подписка не шить студенческихъ тужурокъ [1]). По мнѣнію корреспондента, „это вполнѣ разумная, хотя и прискорбная мѣра. Ради чести московскаго университета не хотѣлось бы даже сообщать о такой унизительной для студентовъ мѣрѣ, но... что же дѣлать, если сами студенты сдѣлали ее необходимою"? Само собою разумѣется, что для студентовъ не было бы ровно ничего „унизительнаго" въ запрещеніи портнымъ шить студенческія тужурки; но оно, безспорно, было бы унизительно для университетскаго начальства, которое признало бы этимъ самымъ, съ одной стороны, что оно безсильно достигнуть, законными средствами, соблюденія студентами правилъ о форменной одеждѣ, съ другой стороны—что цѣлесообразному измѣненію этихъ правилъ (какое предлагаетъ, напримѣръ, кіевскій университетъ) оно предпочитаетъ актъ произвола не только по отношенію къ студентамъ, стѣсняемымъ въ правѣ заказа удобнаго и дешеваго домашняго платья, но и по отношенію къ портнымъ, стѣсняемымъ въ правѣ исполненія заказовъ. Желательно было бы знать, притомъ, какому взысканію и на основаніи какого закона могъ бы подвергнуться портной, отказавшійся дать подписку или изготовившій,

[1]) Иниціатива такого распоряженія прямо, en toutes lettres, не приписывается корреспондентомъ г. попечителю учебнаго округа, но вся корреспонденція посвящена мѣрамъ, принятымъ имъ для „упорядоченія" учебныхъ заведеній; отсюда невольно возникаетъ предположеніе, что ему же, въ глазахъ корреспондента, принадлежитъ и мысль объ ограниченіи дѣятельности портныхъ.

вопреки выраженному въ ней обязательству, преступную тужурку?!.. Нѣтъ, корреспондентъ „Гражданина" очевидно далъ волю своей фантазіи или принялъ на вѣру вздорную городскую сплетню. У университетскаго начальства слишкомъ много другихъ, серьезныхъ дѣлъ, чтобы оно могло заняться борьбой съ тужурками и портными.

Кстати о „Гражданинѣ". Около мѣсяца тому назадъ „Московскія Вѣдомости" сочли нужнымъ протестовать еще разъ противъ солидарности съ „Гражданиномъ", увѣряя, что у нихъ нѣтъ съ нимъ ничего общаго и что съ ихъ точки зрѣнія даже „Вѣстникъ Европы" и „Русскія Вѣдомости" „нерѣдко оказываются менѣе вредными для Россіи, нежели газета кн. Мещерскаго". По отношенію къ прошедшему, даже весьма недавнему, московской газетѣ никогда не удастся отгородить себя отъ своего петербургскаго двойника; точки соприкосновенія между ними—не выдумка „недобросовѣстной полемики", а несомнѣнный фактъ, въ свое время констатированный нами съ достаточною подробностью [1]). Другое дѣло—теперь: въ самое послѣднее время, приблизительно—съ конца октября или начала ноября, „Гражданинъ" безспорно перестаетъ быть похожимъ на самого себя, а слѣдовательно и на „Московскія Вѣдомости". Одно изъ доказательствъ этой перемѣны мы привели въ концѣ внутренняго обозрѣнія; нѣкоторыя другія сгруппированы въ „Недѣлѣ" (№ 47, „Разныя разности"),—но особенно характеристиченъ „Дневникъ" кн. Мещерскаго въ № 318 „Гражданина", гдѣ „Московскія Вѣдомости" не безъ основанія могли бы подмѣтить кое-что общее съ „Вѣстникомъ Европы". Правда, это кое-что говорится не самимъ авторомъ дневника, а его собесѣдницей, madame X.—но реплики кн. Мещерскаго отличаются, на этотъ разъ, особою нерѣшительностью и неувѣренностью. „На что вамъ",—восклицаетъ, напримѣръ, госпожа X., не встрѣчая отпора со стороны кн. Мещерскаго, — „на что вамъ усиленіе правительства? Ужъ, кажется, оно достаточно сильно? Если что-нибудь слабо, такъ это общественная сила, общественное саморазвитіе, общественное образованіе, а ужъ никакъ не правительство. Вы все толкуете про какое-то усиленіе власти. Да въ чемъ, Бога ради, она слаба? Я этого не вижу. У власти есть все: и законы, и полиція, и судъ, и всякія охраны, и цензура, и земскіе начальники, и войско, а у общества что̀? Земство? — Его затянули въ вицъ-мундиръ. Мы хотимъ заняться, хоть немного, просвѣщеніемъ народа—вѣдь это наша нравственная обязанность; — сейчасъ же начинаютъ кричать: караулъ"!.. „Я дышу

---

[1]) См. Общественную Хронику въ № 7 „Вѣстника Европы", за 1893 г.

свободнѣе—говоритъ та же madame X. нѣсколько раньше—„и всякій, кого я вижу, чувствуетъ, что онъ можетъ имѣть желанія... Я радуюсь хоть тому, что идеалъ счастья Россіи не будетъ уже заключаться въ городовыхъ, переодѣтыхъ въ земскіе начальники... Нельзя дѣлать изъ исторической эпохи стояніе на одномъ мѣстѣ; назадъ идти нельзя, слѣдовательно надо идти впередъ, а чтобы впередъ идти, надо, прежде всего, расширить горизонтъ мысли. Надо уважать свободную мысль; съ одними городовыми Россія далеко не уйдетъ"...

Въ появленіи подобныхъ рѣчей въ „Гражданинѣ", безъ противоядія въ видѣ бранныхъ словъ по адресу „либераловъ" и „либерализма", нѣкоторые склонны видѣть признакъ наступленія „новаго времени". Признаемся откровенно, что для такихъ оптимистическихъ догадокъ мы не видимъ достаточнаго основанія; гораздо вѣроятнѣе, что кн. Мещерскій просто находится въ „будирующемъ" настроеніи, чувствуя, что перемѣнились времена, если не вообще, то для „Гражданина"... Въ союзники какому бы то ни было *новому* теченію „Гражданинъ", во всякомъ случаѣ, не годится: слишкомъ уже неразрывна та связь, которою онъ связалъ себя съ извѣстнымъ теченіемъ мысли, съ извѣстнымъ комплексомъ теоретическихъ взглядовъ и практическихъ стремленій...

ПОПРАВКА.

Въ ноябрьской книгѣ слѣдуетъ исправить:

Стр.	*Строч.*	*Напечатано*:	*Вмѣсто*:
814	21 св.	соціалисты	специалисты
816	12 „	необыкновенномъ	обыкновенномъ
819	16 „	идея польза	идея пользы

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1895 году.

Въ 1895-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

		экз.			экз.			экз.
1.	Херсонск. .	235	23.	Тверская . .	67	45.	Витебская .	42
2.	Кіевская. .	222	24.	Обл. В. Дон.	66	46.	Минская. .	42
3.	Харьковск..	173	25.	Лифляндск.	66	47.	Псковская .	42
4.	Екатериносл.	158	26.	Рязанская .	64	48.	Кутаисская.	40
5.	Таврическ...	153	27.	Примор. об.	62	49.	Ярославская	40
6.	Саратовск. .	130	28.	Нижегород.	61	50.	Уфимская .	38
7.	Тифлисская.	128	29.	Новгородск.	60	51.	Астраханск.	37
8.	Варшавск. .	108	30.	Иркутская .	57	52.	Сыръ-Д. об.	35
9.	Полтавская.	107	31.	Гродненская	54	53.	Забайк. об.	35
10.	Черниговск.	92	32.	Могилевск..	52	54.	Ковенская .	34
11.	Орловская.	90	33.	Вятская. .	51	55.	Оренбургск.	33
12.	Курская . .	80	34.	Самарская .	51	56.	Закасп. об.	32
13.	Волынская .	79	35.	Московская.	51	57.	Пензенская.	32
14.	Бессарабск.	76	36.	Томская . .	50	58.	Амурск. об.	31
15.	Тамбовская.	76	37.	Костромская	50	59.	Акмол. об.	31
16.	Пермская. .	75	38.	Кубанск. об.	50	60.	Ломжинская.	28
17.	Владимірск.	73	39.	Симбирская.	50	61.	Люблинская	28
18.	Подольская.	73	40.	Виленская .	48	62.	Архангельск.	26
19.	Воронежск..	70	41.	Бакинская .	47	63.	Тобольская.	26
20.	Тульская. .	69	42.	Казанская .	46	64.	Эстляндская	24
21.	Смоленская.	69	43.	Калужская .	45	65.	Вологодская	23
22.	С.-Петерб. .	67	44.	Терская об.	43	66.	Енисейская.	23

67.	Плоцкая .	21	78.	Карсская об.	15	89.	С.-Михельск.	6
68.	Радомская .	21	79.	Дагест. обл.	15	90.	Кѣлецкая. .	3
69.	Курляндск.	20	80.	Семирѣч. об.	14	91.	Тургайск. об.	3
70.	Эриванская.	20	81.	Сѣдлецкая .	14	92.	Вазаская .	2
71.	Сувалкская.	19	82.	Петроковск.	14	93.	Тавастгусск.	2
72.	Самарк. об.	19	83.	Ферганская.	14			
73.	Ставропол. .	18	84.	Калишская.	13			4.671
74.	Нюландская	17	85.	Выборгская.	10			
75.	Елисаветпол.	17	86.	Якутск. об.	9			
76.	Олонецкая .	17	87.	Черном. окр.	8			
77.	Семипал. об.	17	88.	Уральск. об.	7			

II. Въ С.-Петербургѣ 1356

III. Въ Москвѣ. 559

IV. За границей 199

Всего: экз. 6.785

А. Хомиховскій

Управл. конторою журнала.

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1895.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

ПРИЛОЖЕНІЕ

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ

КАТАЛОГЪ

ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЗА ИСТЕКШЕЕ ПЯТИЛѢТІЕ

1891—1895 гг.,

СЪ АЛФАВИТНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ ИМЕНЪ АВТОРОВЪ.

Каталогъ журнала за предшествовавшія двадцать-пять лѣтъ (1866—1890 гг.) помѣщенъ въ приложеніи къ декабрьской книгѣ журнала 1890 года.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 20-го Октября 1895 г.

Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр. 5 л., 28.

1891 г.

Арсеньевъ, К. К.—Новый историкъ современной Франціи. H. Taine, Les origines de la France contemporaine, t. I (янв., 313; фев., 784). — Генрихъ Гейне, его критики и историки (мар., 336).—Новый романъ Зола „L'Argent" (апр. 770). — Новая книга Ренана: „Histoire du peuple d'Israël, t. III (май, 301). — Новые сборники судебныхъ рѣчей (іюнь, 777).

Брикнеръ, А. Г.—Архивъ кн. Куракина (сент., 310).

Буслаевъ, Ѳ. И.— Мои воспоминанія (апр. 469; май, 183; іюнь, 563; іюль, 177; окт., 612; нояб. 138).

В.—Теорія крупнаго концессіонерства (май, 379).

В., А.—Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ. Сборникъ въ память покойнаго (янв., 335).

Величко, В. — Силуэтъ, стих. (фев., 838).—Изъ Омара Кайяма, съ персид. (май, 319).

Веселовскій, Александръ, Н.—Учители Боккаччіо, очеркъ (нояб., 167).

Веселовскій, Алексѣй, Н.—„Мертвыя души". Глава изъ этюда о Гоголѣ (мар., 61).

В—нъ, А. — Народники и народъ. Собраніе сочиненій Н. Златовратскаго (фев., 655). — Новыя сочиненія Г. И. Успенскаго, т. III (мар., 290). — Люди сороковыхъ годовъ. „Мои воспоминанія", А. Фета (апр., 658).—Писатель 60-хъ годовъ. „Сочиненія Н. Шелгунова" (май, 218).—Новѣйшая русская литература, по поводу книги А. Скабичевскаго (іюль, 298). — Лермонтовская литература въ 1891 г. (сент., 341).

Вороноповъ, Ѳ. Ѳ. — Среди молдаванъ (апр. 792).

Герье, В. И.—Средневѣковое міровоззрѣніе, его возникновеніе и идеалъ (янв., 172; фев., 752; мар., 5; апр., 495).

Гиппіусъ, З.—Одинокій, этюдъ (май, 170).

Друцкой-Сокольнинскій, кн., Д. В. — Современное положеніе отечественной и сельско-хозяйственной промышленности (янв., 345).—Наше сельское хозяйство и его будущность (окт., 698).

Елисеевъ, Г. З.—Изъ далекаго прошлаго двухъ академій. По поводу смерти проф. казан. дух. академіи И. Я. Порфирьева (янв., 282).

Ефименко, Александра.—Малорусское дворянство и его судьба (авг., 515).

I. Внутреннее Обозрѣніе.

II. Иностранное Обозрѣніе.

тельные доводы нѣкоторыхъ нѣмецкихъ патріотовъ. — Разговоръ одного журналиста съ княземъ Бисмаркомъ.— Внутреннія дѣла Германіи.—Отношеніе печати къ бывшему канцлеру и вопросъ о свободѣ печатнаго слова. — Остатки культуркампфа и проектъ Госслера (883 стр.).—**Мартъ.**—Политическія перемѣны въ Германіи. — Экономическія и податныя реформы.— Особенности нѣмецкаго націонализма. —Оппозиція князя Бисмарка въ печати.—Странныя недоумѣнія по этому поводу.—Впечатлительность въ международной политикѣ.—Неудача франко-германскаго сближенія и ея причины (422 стр.).—**Апрѣль.**—Толки о князѣ Бисмаркѣ въ нѣмецкой печати.—Кандидатура его въ члены имперскаго сейма. — Политическая дѣятельность частныхъ лицъ въ Германіи.—Карьера Виндгорста.—Положеніе дѣлъ въ Италіи и задачи новаго министерства.— Смерть принца Наполеона. — Парламентскіе выборы и ихъ результаты въ Австріи.—Сербскія и болгарскія дѣла (846 стр.).—**Май.**—Соперничество между кн. Бисмаркомъ и сигарнымъ рабочимъ Шмальфельдтомъ.—Иллюстрація современнаго положенія народныхъ массъ въ Германіи. — Смерть графа Мольтке.—Внутреннія дѣла въ Австріи. —Дѣйствія кабинета Рудини. — Конфликтъ между Италіею и Соединенными Штатами. — Вопросъ объ европейской эмиграціи для американцевъ. —Международный конгрессъ каменноугольныхъ рабочихъ въ Парижѣ (385 стр.) —**Іюнь.**—Новѣйшія особенности политической дѣятельности въ Европѣ. Рабочее движеніе. — Первое мая во Франціи.—Вопросъ о протекціонизмѣ и свободѣ торговли во французской палатѣ депутатовъ.—Положеніе дѣлъ въ Бельгіи и Англіи.—Событія въ Сербіи (842 стр.).—**Іюль.**—Консервативныя партіи въ западной Европѣ. — Внутреннія реформы въ Пруссіи. — Новое положеніе консерваторовъ.— Консервативныя реформы въ Англіи. —Англійская политическая жизнь.— Процессъ сэра Гордона-Комминга. — Принцъ уэльскій и общественное мнѣніе (379 стр.).—**Августъ.**—Оживленіе международной политики въ Европѣ. —Пребываніе французской эскадры въ Россіи.—Вопросъ о франко-русскомъ союзѣ.—Газетныя толкованія и предположенія по этому предмету.—Споры о внѣшней политикѣ въ Италіи и во Франціи (827 стр.). —**Сентябрь.**—Военныя и политическія манифестаціи новѣйшаго времени.—Возможные суррогаты войны.—Франко-русскія фантазіи. —Французскіе патріоты и Англія.— Внутреннія дѣла Франціи. — Англійская политика.—Славянскія дѣла (395 стр.).—**Октябрь.** — Элементъ чувства и настроенія въ международной политикѣ.—Заявленія и дѣйствія Вильгельма II.—Патріотическія увлеченія французовъ. — Отмѣна паспортныхъ стѣсненій въ Эльзасѣ.—Практическое значеніе этой мѣры.—Политика нѣмецкой печати относительно Россіи. — Смерть Греви и Буланже (818 стр.).— **Ноябрь.**—Иностранная печать о Россіи и русскихъ. — Новые хвалители идей князя Бисмарка.—Положеніе дѣлъ въ Австріи и на Балканскомъ полуостровѣ. — Защита австрійскихъ славянъ въ сочиненіи русскаго автора.— Оригинальный „греческій проектъ".— Интересы грековъ и болгаръ въ Македоніи.—Трудъ г. Бендерева.—Посланіе болгарскихъ эмигрантовъ къ г. Стамбулову. — Смерть Парнелля (379 стр.). — **Декабрь.** — Политическія послѣдствія нашего неурожая.—Отношенія къ намъ заграничной печати.— Причины недовѣрія и опасеній. — „Славянскія Извѣстія", босняки и угроруссы.—Симптомы прочнаго мира, —Сочувствіе иностранцевъ по поводу голода и наши газетныя бестактности. —Событія въ Китаѣ и въ Южной Америкѣ (828 стр.).

III. Литературное Обозрѣніе.

Январь.—Н. В. Станкевичъ, Стихотворенія, трагедіи, проза.—Расколъ и его путеводители, К. Попова.—Крылатыя слова, С. Максимова.—Сарты, Н. Остроумова.—А. П.—Меліораціонный кредитъ, И. Бліоха,—Л. С.—В. Величко, Восточные мотивы.—Иберветъ-Гейнцъ, Исторія новой философіи.— В. С.—Новыя книги и брошюры (431 стр.).—**Февраль.**—Сборникъ свѣденій для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи, вып. II.—Историческое Обозрѣніе, т. I.—Лѣтопись Историко-филологическаго Общества при новороссійскомъ университетѣ. т. I.—И. Я. Порфирьевъ, біограф. очеркъ.—Русскіе писатели, В. Острогорскаго,— А. П.— Введеніе въ философію, Г. Струве.— В. С.—Новыя книги и брошюры (893 стр.).—**Мартъ.**—Государственное счетоводство, Н. Х. Бунге.—И. Я.—Матеріалы и замѣтка по литературной исторіи „Физіолога", А. Карнѣева. — Культурныя переживанія, Н. Ѳ. Сумцова. — А. П. — Соціальное законодательство германской имперіи, А. Голь-

денвейзера. — Л. С. — Новыя книги и брошюры (433 стр.).—**Апрѣль.**—Организація полевого хозяйства, А. С. Ермолова.—Акцизно-бандерольная система табачнаго налога въ Россіи и Соед. Штатахъ, Л. Першке.—И. Я.—Поэмы Оссіана, Дж. Макферсона.—Жанъ де-Лабрюйеръ, перев. П. Первоза.—Неплюевъ и Оренбургскій край, В. Витевскаго. — Алтай, П. Голубева. — Городъ Томскъ, А. Адріанова.—А. П.—Новыя книги и брошюры (861 стр.).—**Май.**—Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, Н. Булича, ч. II.—Сибирскіе инородцы, Н. М. Ядринцева.—Сибирская библіографія, состав. В. Межевъ, т. I. — Терскій Календарь на 1891 г.—Терскій Сборникъ.—А. П. — Новыя книги и брошюры (400 стр.). —**Іюнь.**—Историческое обозрѣніе, т. II, подъ ред. Н. И. Карѣева.— Итальянское искусство въ эпоху „Возрожденія“, А. ф.-Фрикена, ч. I.—Соловушка, сборн. русск. худож. и народн. пѣсенъ состав. М. Ледерле.—А. П.—Земля и земледѣлецъ, Л. В. Ходскаго.—Л. С. —Новыя книги и брошюры (858 стр.). —**Іюль.** — Сборникъ писемъ Герберта какъ историческій источникъ, Н. Бубнова. — Н. И. Карѣева. — Церковный расколъ въ Петербургѣ въ связи съ обще-россійскимъ расколомъ, Н. Н. Животова. — Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры, Н. М. Благовѣщенскаго.—Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709), И. А. Шляпкина.—А. П. (395 стр.).—**Августъ.**—Джіованни Боккаччіо, Декамеронъ; переводъ Александра Веселовскаго, томъ I.—Домрà и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа. Историческій очеркъ, Ал. Фаминцына.—О Студенческой жизни въ Дерптѣ.—А. П.—Сборникъ отвѣтовъ на вопросы церковной жизни, прот. А. А. Автономова.—М. Э. (839 стр.).—**Сентябрь.**—Шаховъ, Гете и его время. Всеобщая исторія литературы, В. Корша и А. Кирпичникова.—Сельская школа. Сборникъ статей С. А. Рачинскаго, съ предисловіемъ Н. Горбова.—А. П.—Новыя книги и брошюры (406 стр.).—**Октябрь.**—Бабья сторона, Д. Жбанкова.—Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области, М. Вруцевича.—Врачебный бытъ до-Петровской Руси, Ф. Германа. — Иркутскъ, В. С. Сукачева.—А. В. (835 стр.).—**Ноябрь.**—С. Т. Аксаковъ, В. Острогорскаго. — Сибирская Библіографія, т. II, В. И. Межева.—Киргизы Букеевской орды, А. Харузина.—Отчетъ Имп. Спб. Публ. Библіотеки.—Сочиненія В. П. Боткина, т. I: Путешествія; т. II: Статьи по литературѣ.—Очерки жизни населенія В. Сибири, Н. Астырева.—А. Б.—Новыя книги и брошюры (395 стр.).—**Декабрь.**—Пропозиціи Θ. Салтыкова.—В. Карцовъ, Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. — М. Грушевскій, Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV ст.—Смоленскій этнографическій сборникъ, В. Добровольскаго.—Потемкинъ, соч. А. Брикнера.—А. В.—М. Гюйо, Искусство съ точки зрѣнія соціологіи.—Л. С.—Новыя книги и брошюры (843 стр.).

IV. Новости иностранной литературы.

Январь.—I. Essai sur les origines de l'idée du progrès, par. L. Maury.—II. Kleine Schriften von Dr. C. Rodbertus-Jagetzow. — III. Die Bekämpfung der Socialdemocratie ohne Ausnahmegesetz, von A.-Fr. Schäffle.—Л. С. (452 стр.).—**Февраль.** — I. Liberty and a Living, by G. Hubert.—И. Я.—II. Naquet. Socialisme collectiviste et socialisme libéral.—III. Bulgarien, von Prinz v. Battenberg.—Л. С. (930 стр.).—**Мартъ.**—I. The Economic Review, vol. I. — И. Я. — II. L'évolution juridique dans les diverses races humaines, par Ch. Letourneau — Л. З. (446 стр.). — **Апрѣль.** — I. A. short history of political economy in England, by L. Price. — И. Я.—II. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, par Fustel de Coulanges.—III. Home-Rule und Föderation. Von einem Doktor der Medicin, Verfasser der „Grundzüge der Gesellschaftswissenschaft“.—Л. С. (887 стр.). —**Май.**—I. Fabian Essays in socialism, by G. Bernard Shaw etc.—Subjects of the Day, by J. Samuelson.—Socialism new and old, by W. Graham.—И. И.—II. Kaiser und Arbeiter, von F. Bauer. —Л. С. (422 стр.).—**Іюнь.**—I. Ed. Drumont, Le testament d'un antisémite.—II. H. v. Samson-Himmelstjerna, Revanche ou Ligue douanière. — Л. С. (878 стр.). — **Іюнь.**—I Emile Faguet. Politiques et moralistes du dix-neuvième siècle. — II. Leopold von Kunowski, Wird die Socialdemokratie siegen? Ein Blick in die Zukunft dieser Bewegung.—Л. С. (421 стр.). — **Августъ.** — I. Ein Rückblick aus dem Jahre 2037 auf das Jahr 2000. Aus den Erinnerungen des Herrn Julian West. Herausgegeben von Dr. Ernst Müller.

—II. „Die Weltgeschichte ein Zufall?“ Ein Wort an die Gebildeten des deutschen Volkes. von Prof. Dr. B. Kneisel. — Л. С. (858 стр.). — **Сентябрь.** — I. La philosophie du siècle. Criticisme —Positivisme—Evolutionisme. Par. E. de-Roberty.—II. Les idées morales du temps présent, par Edouard Rod.—Л. С. (417 стр.). — **Октябрь.** — I. Notions fondamentales d'économie politique et programme. économique, par M. G. Molinari.—II. Des Herrn Friedrich Ost Erlebnisse in der Welt Bellamy's Mittheilungen aus den Jahren 2001 und 2002. Herausg. von Conrad Wilbrandt. —Л. С. (855 стр.). — **Ноябрь.** — I. Die Staatsromane, von Dr. Fr. Kleinwächter—II. Bulgarische Politik, von ***. — II. Л. С. (411 стр.). — **Декабрь.** — I. Les sciences naturelles et l'éducation, par Th. Huxley.—II. Deutschland im Jahre 2000, von G. Erman.—Л. С. (861 стр.).

V. Изъ Общественной Хроники.

Январь. — Надгробное слово „либерализму“, варьируемое на всѣ лады реакціонной печатью. — Гдѣ слѣдуетъ искать движеніе и жизнь? — Саратовское дворянское собраніе. — Московское земство и Н. А. Алексѣевъ. — Перепись населенія въ Петербургѣ.— Нѣчто о „подтягиваньѣ“.—Неудачная параллель.—Г. П. Данилевскій † (466 стр.). — **Февраль.** — „Отжившія учрежденія“ Финляндіи и г. Коркуновъ: „низшая финляндская культура“ и „Недѣля“.—Открытіе сейма въ Гельсингфорсѣ.— Сессія московскаго и петербургскаго губернскихъ земскихъ собраній.—Нижегородское дворянское собраніе. — Похоронный вопросъ въ сенатѣ. — Юбилей А. Д. Шумахера.— Г. З. Елисеевъ и С. Я. Капустинъ † (940 стр.). — **Мартъ.** — Финляндское уголовное уложеніе, въ связи съ общимъ финляндскимъ вопросомъ. — Наука или публицистика? — Культура и „культурные люди“.—Два „истыхъ“, но мало другъ на друга похожихъ финна. — Нѣчто о „реакціонной печати“.—С. В. Ковалевская † (452 стр.). —**Апрѣль.**—Размноженіе „добровольцевъ“, разсматриваемое какъ признакъ времени.— Образцы „добровольческаго“ усердія по отношенію къ сектантамъ, къ „сепаратистамъ“, къ прибалтійской и финляндской прессѣ, къ польскому театру, ко всему русскому народу. — Реабилитація Скалозуба и до-реформенной полиціи. — П. Г. Рѣдкинъ † (895 стр.).—**Май.**—Продолженіе „школьнаго казуса“ въ саратовскомъ уѣздѣ. — Нормальное отношеніе между земскими и церковно-приходскими школами.—Городскіе выборы въ Дерптѣ. — Московскій комитетъ грамотности.—Еще о штундѣ. — Н. В. Шелгуновъ и П. А. Козловъ † (433 стр.).—**Іюнь.**—Новыя варіаціи на старую тему о „гніеніи Запада“. — „Вѣра въ учрежденія“, „упраздненіе государства“, господство буржуазіи, культъ „желательнаго“ и „смѣшеніе всего въ одну кучу“, какъ отличительныя черты западно-европейской жизни.—Еще о „добровольцахъ“. — Двадцатипятилѣтіе адвокатской дѣятельности В. Д. Спасовича. — Э. К. Ватсонъ †. — И. Е. Андреевскій † (882 стр.). — **Іюль.** — Практическіе выводы, къ которымъ приходитъ новѣйшее анти-западничество или псевдо-славянофильство.—Г. Астафьевъ и Иванъ Грозный, г Ярошъ и „званіе человѣка“, г. К. Леонтьевъ и „вовсе иной путь“.—Нѣчто объ „унаслѣдованныхъ навыкахъ“. — Законъ и „непосредственное чувство“; „право и справедливость“, „оставляемыя въ силѣ“, но теряющія руководящее значеніе (429 стр.).—**Августъ.**—Недостатокъ въ народномъ продовольствіи.—Распространеніе законоположеній 12-го іюля 1889 г. на новыя 12 губерній, съ нѣкоторыми измѣненіями въ нихъ и дополненіями.—Начало новаго учебнаго года въ столичныхъ начальныхъ училищахъ.—Училищное дѣло въ Одессѣ за послѣднія 15 лѣтъ и одесская городская публичная библіотека.—По поводу министерскаго каталога книгъ для общественныхъ библіотекъ, и его неудовлетворительность. — Новые толки въ западной печати о русской культурѣ (866 стр.). — **Сентябрь.** — Новыя мѣры къ обезпеченію народнаго продовольствія. — Сравненія между прошедшимъ и настоящимъ. — Удары, мимоходомъ наносимые земству.—Границы правительственной помощи; необходимость расширенія общественной помощи голодающимъ. — Земскія новости.—Два курьезныхъ „прожекта“ (426 стр.). — **Октябрь.** — Рѣчь министра народнаго просвѣщенія въ Москвѣ. — Статья Н. П. Вагнера и новый видъ университетскихъ курсовъ. — Начальныя школы по даннымъ оффиціальнымъ и неоффиціальнымъ. — Запоздалая откровенность. — Столѣтіе со дня рожденія С. Т. Аксакова — и похороны И. А. Гончарова (866 стр.).—**Ноябрь.**—Извѣстія изъ голодающихъ мѣстностей. —

Обстоятельства, затрудняющія правильную организацію помощи.—Нѣчто о „лѣности грубаго простонародья".—Новые слухи о мѣрахъ противъ штунды. — Перемѣна въ настроеніи приверженцевъ церковно-приходской школы.— Откровенность „Гражданина" и и обвинительное усердіе „Московскихъ Вѣдомостей". — В. Г. Трироговъ † (417 стр.).—**Декабрь.**—Настоящее положеніе вопроса о средствахъ къ борьбѣ съ голодомъ. — Статья гр. Л. Н. Толстого и московская печать.—Подозрительность ея, доведенная до крайнихъ предѣловъ.—Проектъ возвращенія къ временамъ Дракона. — Предложенія г. Д. Самарина.—Вопросъ объ экспропріаціи хлѣба. — К. Н. Леонтьевъ † (867 стр.).

VI. Библіографическій Листокъ.

Январь. — Изъ лекцій П. Г. Рѣдкина, т. VI.—Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ, т. VI. — Очеркъ 25-лѣтней дѣятельности И. В. Экон. Общества, А. Н. Бекетова. — Путешествіе по Св. Землѣ, Евг. Маркова. — Иллюстрированная исторія искусствъ, Любке.—**Февраль.**—Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ, Н. Бубнова, ч. II. — Мысли о воспитаніи, Дж. Локка. — Учебникъ русской исторіи, К. Елпатьевскаго. — Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова. — Словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова, вып. 28. — **Мартъ.** — Полное собраніе постановл. и распоряж. по вѣдомству правосл. исповѣданія Росс. Имперіи, т. VII. — Суздаль, гр. С. Шереметева. Военная географія и статистика Македоніи, кап. Бендерева. — Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлыки, т. V.—Типическія черты мѣстнаго самоуправленія, М. И. Свѣшникова.—Энциклопедическій словарь, п. р. И. Е. Людреевскаго, т. II.—Настольный Энциклопедическій словарь, изд. А. Гарбель и К°.—**Апрѣль.**—Сборникъ Русск. Истор. Общества, т. 75. — Физическая геологія. И. В. Мушкетова, ч. I. — Русскій лѣсъ, Ѳ. К. Арнольда, т. II.—Теорія и практика желѣзнодорожнаго права, И. М. Рабиновича.—Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ, д-ра М. И. Галанина. — Къ вопросу о преподаваніи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, А. Гартвига.—Словарь С. А. Венгерова, вып. 29.—**Май.**—Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, кн. 1 и 2, Ив. Барсукова.—Будда, его жизнь, ученіе и община, соч. Г. Ольденберга, перев. П. Николаева. — Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ, А. А. Исаева.—**Іюнь**—Изъ лекцій проф. П. Г. Рѣдкина, т. VII—Всеобщая исторія Г. Вебера, т. XIII. — Капитанская дочка, А. С. Пушкина, изд. В. Готье.—Стихотворенія И. С. Тургенева, изд. 2-е, С. Н. Кривенко.— Очерки городского благоустройства за границей. Путевыя замѣтки А. Н. Никитина.—**Іюль.**—Энциклопедическій словарь, п. р. И. Е. Андреевскаго, т. III, А.—Настольный энциклопедическій Словарь, изд. А. Гарбель и К°, вып. 16, 17 и 18.—Національный вопросъ въ Россіи, Влад. Соловьева, вып. 1.—Современные сельско-хозяйственные вопросы, А. С. Ермолова, вып. 1. — Государственный банкъ, изданіе Судейкина.— **Августъ.** — Что такое научная философія? Этюдъ В. Лесевича. — И. Иванюкова, Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени.—Джонъ Ингремъ, Исторія политической экономіи. Пер. съ англ. И. И. Янжула.—М. Горенбергъ, Теорія союзнаго государства въ трудахъ современныхъ публицистовъ Германіи. — Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова.— **Сентябрь.**—Быстрота желѣзнодорожныхъ сообщеній, В. С—овъ. — Владиміръ Соловьевъ, Національный вопросъ въ Россіи.—Листки изъ настоящаго и прошлаго Финляндіи. Нынѣшнее политическое положеніе великаго княжества Финляндскаго, Посторонняго наблюдателя. — **Октябрь.**—Ботаника для реальныхъ училищъ, Н. Раевскаго. — Очерки жизни населенія восточной Сибири. Н. Астырева.—Лекціи зоологіи, проф. Поля Бера.—Авторское право, Г. Шершеневича. — Отъ Берлина и Вѣны къ Петербургу и Москвѣ, состав. Антисарматикусъ.—**Ноябрь.**—Г. П. Сазоновъ, Вопросы о хлѣбной промышленности и торговлѣ, разработанные земскими учрежденіями (1865-1890 гг.)—В. В. Святловскій, Вопросы общественнаго здоровья.—М. Л. Песковскій, Роковое недоразумѣніе. Еврейскій вопросъ, его міровая исторія и естественный путь къ разрѣшенію. —Опытъ географіи Кавказскаго края, П. П. Надеждина. Національная система политической экономіи. Соч. д-ра Фр. Листа. Перев. съ нѣм. п. р. К. В. Трубникова. — **Декабрь.** — А. Дайси, Основы государственнаго права Англіи.— Л. Сакетти, Очеркъ исторіи музыки. — Н. Бородинъ, Уральское

казачье войско. — П. Бильдерлингъ, Удобреніе въ теоріи и на практикѣ.— О. Кирхнеръ, Болѣзни нашихъ с.-хоз. культурныхъ растеній. — А. Хлапониной, На жизненномъ перекресткѣ. — Энциклопедическій словарь, изд. Брокгауза, т. IV, А.

VII. Извѣщенія.

Отъ учредителей Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ (Январь 483). — Отъ Историко-филологическаго Общества при импер. новороссійскомъ университетѣ (Февраль 957). — I. Отъ Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ.—II. Отъ Историко-филологическаго Общества при император. новороссійскомъ университетѣ (Мартъ, 467).—Отъ Комитета Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ (Апрѣль, 910).—I. Отчетъ секретаря и казначея Общества для пособія нужд. литер. и учен. за первую четверть 1891 г., и отъ Кассы взаимопомощи при Обществѣ. — II. Отъ Комитета Историч. Общества при спб. университетѣ.—III. Отъ Общества охраненія народнаго здравія объ изданіи „журнала" (Іюнь, 898). — Отъ Комитета Историческаго Общества при императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ (Іюль, 444; авг., 882). —I. Отъ Россійскаго Общества Краснаго Креста,— II. Объ изданіи трудовъ Спб. Международнаго Тюремнаго Конгресса (Октябрь, 881).—I. Отъ Уѣзднаго Временнаго Благотворительнаго Комитета г. Шадринска, пермской губерніи — II. Отъ Попечительства вольскаго уѣзда, саратовской губерніи.—III. Отъ Саратовскаго Попечительства Общества Краснаго Креста.—IV. Извлеченіе изъ отчетовъ секретаря и казначея Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за апрѣль—сентябрь 1891 г. (Декабрь, 882).

1892 г.

Андреевичъ, В.—Литературныя впечатлѣнія. „Жерминаль", ром. Эм. Зола (іюль, 131).

Анненковъ, Н. М.—Успѣхи географіи, какъ основа эмиграціи и колонизаціи (янв., 407).

Арсеньевъ, К. К.—Изъ недавней поѣздки въ тамбовскую губернію (февр., 835).—„Цвѣтущая старость", собраніе стихотвореній А. М. Жемчужникова (окт., 879).

Бальмонтъ, К. — Мимоза, поэма Шелли (дек., 478).

Веръ, Борисъ.—Магали, провансальская пѣснь (май, 112).

Боборыкинъ, П. Д.—Василій Теркинъ, ром. въ 4 ч. (янв., 49; февр., 494; мар., 5; апр., 534; май, 5; іюнь, 441).

Боткинъ, С. П. — Письма изъ Болгаріи. 1877-й годъ (мар., 92; апр., 807; май, 246; іюнь, 747; окт., 526; нояб., 93, дек., 603).

Брандтъ, А. Ѳ.—На Аѳонѣ (февр., 745; мар., 195; апр., 511; май, 187). — Наша нервная система (сент., 262).

Булгаковъ, В.—Стихи: Изъ зимнихъ пѣсенъ (мар., 299).—На рубежѣ двухъ годовъ (апр., 805).—I. Призракъ счастья. —II. Возрожденіе природы.—III. Весенняя ночь (іюнь, 743).—I. Развалина. —II. Мимолетная дума (сент., 326).

Буслаевъ, Ѳ. И.—Мои воспоминанія (февр., 569; мар., 160).

Васильевъ, А.—Законы случайнаго и математическая статистика (окт., 630).

Величко, В. Л. — Стихи: I. Въ деревнѣ.—II. Серенада.—III. На мотивъ Микель-Анджело (апр., 758).—Изъ Микель-Анджело: I. Флоренція и изгнанники. — II. Сенатъ. — III. Отвѣтъ на

I. Внутреннее Обозрѣніе.

вареніе.—Вопросъ о назначеніи волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ. — Два способа производства городскихъ выборовъ (362 стр.).—**Декабрь.** —Оскудѣніе земскихъ кассъ.—Государственный кредитъ, какъ единственная правильная форма помощи земству.—Возможныя послѣдствія закрытія земскихъ школъ. — Процессъ въ харьковской судебной палатѣ.—Юридическое и бытовое превышеніе власти (795 стр.).

II. Иностранное Обозрѣніе.

Январь.—Политическія событія 1891 года.—Взаимныя отношенія великихъ державъ и франко-русскій союзъ. — Политическія дѣла въ Германіи и нѣмецкое общественное мнѣніе.—Старый и новый канцлеръ. — Торговые трактаты и ихъ значеніе.—Положеніе дѣлъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. — Дополнительныя свѣдѣнія о бернскомъ конгрессѣ географовъ (395 стр.).—**Февраль.**—Парламентскіе и политическіе вопросы въ Пруссіи. — Новый законопроектъ о народныхъ школахъ, его достоинства и недостатки.—Польскій вопросъ въ Познани и его особенности.—Французскія дѣла.—Жалобы „Славянскихъ Извѣстій" на несочувствіе къ нимъ австрійскихъ властей (886 стр.). — **Мартъ.** — Перемѣна министерства во Франціи. — Вопросы внѣшней политики и внутреннія французскія дѣла.—Политическія партіи и религіозный вопросъ.—Возможныя послѣдствія кризиса. —Пренія въ германскомъ имперскомъ сеймѣ, по поводу военныхъ злоупотребленій. — Застольная рѣчь имп. Вильгельма II (405 стр.). — **Апрѣль.** — Особенности новѣйшаго рабочаго движенія въ Германіи.—Паденіе школьнаго закона и министерскій кризисъ.—Новые министры и старый „курсъ". — Стачка углекоповъ въ Англіи. — Болгарскія и сербскія дѣла. —Новый органъ нашего славянофильства „Славянское Обозрѣніе". — Идеи гг. Будиловича и В. И. Ламанскаго (858 стр.).—**Май.** — Празднованіе перваго мая въ рабочемъ населеніи западной Европы. — Характеръ и смыслъ этого празднества. — Попытки крайнихъ элементовъ рабочаго движенія. —Анархисты и динамитныя покушенія. Дѣйствительная роль динамитчиковъ во Франціи и въ другихъ странахъ.—Министерскій кризисъ въ Италіи (395 стр.) —**Іюнь.** — Особенности политическаго настроенія въ Германіи.—Причины существующаго недовольства. — Личныя дѣйствія Вильгельма II и необходимыя уступки общественному мнѣнію.—Агитація по поводу дѣлъ Кунце и Люка. Избирательное движеніе въ Англіи.—Министерскіе кризисы въ Италіи и Греціи (829 стр.).—**Іюль.**—Свиданія въ Килѣ и въ Нанси.—Путешествіе князя Бисмарка. Заявленія бывшаго канцлера и ихъ особенности.—Критическія замѣчанія его о политикѣ Вильгельма II и объ отношеніяхъ съ Россіею.—Вѣнскіе поклонники кн. Бисмарка.—Русскій ораторъ въ Клермонъ-Ферранѣ (420 стр.). — **Августъ.** — Политическіе результаты англійскихъ выборовъ. — Дѣятельность Гладстона и его противниковъ.—Эпизоды избирательной кампаніи. — Князь Бисмаркъ и генералъ Каприви.—Отношеніе бывшаго канцлера къ парламентаризму. — Процессъ Караведова и значеніе его для Болгаріи. — Г. Стамбуловъ и „Московскія Вѣдомости" (860 стр.). — **Сентябрь.** — Либеральное министерство въ Англіи. — Политическая дѣятельность Гладстона. — Кабинетъ лорда Сольсбери и его значеніе. — Парламентскія пренія и новые министры. — Болгарскіе „документы".—Еще о г. Стамбуловѣ (374 стр.). — **Октябрь.** — Международная рознь и ея неизбѣжные результаты.—Чувство солидарности передъ опасностью холерной эпидеміи. — Вопросъ о международныхъ мѣрахъ санитарной охраны, и разсужденія нѣмецкихъ газетъ по этому предмету.—Недовольство нѣмецкихъ патріотовъ нѣкоторыми особенностями „новаго курса" въ Германіи.—Франкофильскія демонстраціи въ Генуѣ и ихъ значеніе. — Французскія дѣла (846 стр.). — **Ноябрь.** — Особенности французской политической жизни и вопросъ о Кальвиньякѣ.—Стачка каменно-угольныхъ рабочихъ въ Кармо. —Соціальный вопросъ во Франціи. — Внутреннія дѣла въ Италіи и Австро-Венгріи (382 стр.). — **Декабрь.**—Политическія дѣла въ Европѣ.—Настроеніе германской печати и новые военные законопроекты.—Вопросъ объ Эльзасѣ. — Полемика о „поддѣлкѣ" депешъ въ 1870 г. — Положеніе дѣлъ во Франціи. —Динамитные взрывы и законы о печати. — Разоблаченіе по дѣлу панамскаго общества, и паденіе кабинета Лубэ (830 стр.).

III. Литературное Обозрѣніе.

Январь.—Національная система политической экономіи, Фр. Листъ.—Л. С. —А. Харузинъ, По поводу брошюры „О студенческой жизни въ Дерптѣ".—Чтенія въ Обществѣ исторіи и древн

росс. при москов. университетѣ.—А. П. (418 стр.).—**Февраль.**—„Помощь голодающимъ". Научно-литературный сборникъ, изд. „Русскихъ Вѣдомостей". — П. В. Анненковъ и его друзья, т. I.— А. П.—Новыя книги и брошюры (902 стр.). — **Мартъ.** — Памятники древней русской письменности смутнаго времени, т. XIII.—„Историческое Обозрѣніе", т. III. — Черная вѣра, Д. Банзарова, п. р. Г. Н. Потанина. — Матеріалы для біографіи Гоголя, В. И. Шенрока, т. I. — Историческія чтенія М. Масперо.—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, кн. 5.—А. В.— Толковый тарифъ, Д. Менделѣева; вып. 2 и 3. — Л. С. — Новыя книги и брошюры (416 стр.).—**Апрѣль.**—М. Бобржинскій, Очеркъ исторіи Польши, перев. Н. И. Карѣева. — Вл. Штейнъ, Графъ Джіакомо Леонарди. — С. М. Середонинъ. Сочиненія Дж. Флетчера.—А. В. —Г. Е. Афанасьевъ, Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII в. — Л. С. — Новыя книги и брошюры (874 стр.).—**Май.**—Сочиненія Н. В. Гоголя. Дополн. томъ, вып. I. — Очерки Гоголевскаго періода, изд. М. Чернышевскаго.—Изъ эпохи великихъ реформъ, Гр. Джаншіева. — Кіевскій Сборникъ, п. р. И. Лучинскаго. — А. П. — Новыя книги и брошюры (405 стр.).—**Іюнь.**— Книга о книгахъ, п. р. И. И. Янжула. — Собѣстіанскій, И. М., Ученіе о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ.—Докучаевъ, проф. В. В., Наши степи прежде и теперь.—А. В.—Новыя книги и брошюры (843 стр.).—**Іюль.**— Памятная книжка воронежской губерніи на 1892 годъ. Вып. второй.—М. А. Дикаревъ, Воронежскій этнографическій Сборникъ. Изданіе воронежскаго губернскаго статистическаго комитета. —Пермскій край Сборникъ свѣденій о пермской губерніи, издаваемый пермскимъ губ. стат. комитетомъ, подъ редакц. д. члена секретаря комитета Смышляева. Томъ первый.—Очерки по исторіи византійской образованности, Ѳ. Успенскаго.—А. В.—Новыя книги и брошюры (431 стр.). — **Августъ.** — Исторія запорожскихъ казаковъ. Д. Эварницкаго. — Сибирь какъ колонія. 2-е изданіе, Н. Ядринцева.—Россія и Востокъ, царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ, П. Пирлинга.—А. В.—Новыя книги и брошюры (878 стр.).—**Сентябрь.** — Сочиненія Гёте, изд. Гербеля, 2-е изд. подъ редакціей П. И. Вейнберга. —Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, книга шестая. — Сборникъ Харьковскаго Историко - филологическаго Общества. Томъ 4-й.—Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области.—А. В.—Новыя книги и брошюры (386 стр.). — **Октябрь.** — Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. 4, гр. И. Толстого и Н. Кондакова.—А. Сорель, Европа и французская революція, т. I.—И. Я. Львовъ, Новое время, новыя пѣсни. — А. В.— Новыя книги и брошюры (861 стр.).— **Ноябрь.** — Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, Н. Покровскаго.—Очерки исторіи русской цензуры, А. М. Скабичевскаго.—Критическія статьи, изд. М. Н. Чернышевскаго.—А. В.—Новыя книги и брошюры (396 стр.).—**Декабрь.** —Опытъ русской историографіи, В. С. Иконникова, т I, кн. 1 и 2. — Всеобщая исторія литературы. В. Ѳ Корша. п. р. А. Кирпичникова, вып. 27 и 28. —Историческая географія Европы, Эд. Фримана, т. I и II. — Біографія А. И. Кошелева, т. II, Н. П. Колюпанова.— А. В.—Новыя книги и брошюры (846 стр.).

IV. Новости иностранной литературы.

Январь.—I. Le socialisme moderne, par M. Block, membre de l'Institut.— II.—Die Lügen unserer Socialdemokratie, von H. Blum. — Л. С. (436 стр.).— **Февраль.** — I. La femme du vingtième siècle, par J. Simon. — II. Histoire des doctrines économiques, par A. Espinas. —Л. С. (912 стр.).—**Мартъ.**—I. Le pessimisme, par L. Jouvin. — II. L'avenir de l'Europe, par C. E. Vigoureux. — Л. С. (435 стр.).—**Апрѣль.**—I. Religion, par G. de Molinari.—II. Agnosticisme, par E de Roberty. — III. Kaiser Wilhelm II und seine Leute. — Л. С. (894 стр.).—**Май.**—I. La démocratie libérale, par E. Vacherot.—La Transcaucasie et la péninsule d'Apcheron, par C. Guilbenkian.—Л. С. (424 стр.). — **Іюнь.** — I. La morale dans l'histoire, par R. Lavolée. — II. La femme au point de vue du droit public, par M. Ostrogorsky.— Л. С. (861 стр.). — **Іюль.** — I. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, par Fustel de Coulanges. — II. La papauté, le socialisme et la démocratie, par A. Leroy-Beaulieu.—Л. С. (446 стр.).—**Августъ.**—I. Leon. Tolstoj, sein Leben, seine Werke, seine Weltanschauung. Von Raphael Löwenfeld, Erster Theil. — К—дъ. — II. Paul Desjardins. Le devoir présent. — Л. С. (890 стр.).—**Сентябрь.**—I. Socialdemokratischen Zukunftbilder. Frei nach Bebel. Von Eugen Richter, Mitglied des Reichs-

tages.—II. La législation internationale du travail, par Paul Boilley. — Л. С. (406 стр.).—**Ноябрь.**—I. Ferdinand de Hénaut, par P. Laffitte. — II. Triple alliance et Alsace-Lorraine, par J. Heimweh.—Л. С. (412 стр.).

V. Изъ Общественной Хроники.

Январь.—Декабрьскія сессіи губернскихъ земскихъ собраній. — Нѣчто о докторскихъ „дощечкахъ" и о желѣзнодорожныхъ буфетахъ.—Опасный избытокъ усердія. — Неожиданный результатъ недавняго спора. — Церковная школа и г. Горбовъ. — Двадцатипятилѣтіе дѣятельности В. А. Манасеина и А. М. Унковскаго.—Начало дѣла въ здѣшней Думѣ о мукѣ (441 стр.).—**Февраль.**—Газетный походъ противъ частной помощи и даровой раздачи хлѣба. —Формула: caveant consules, въ новѣйшей передѣлкѣ гг. Шатохина, Семенковича и К°.—Взаимное отношеніе государственной и частной помощи. — Странный эпизодъ, связанный съ диспутомъ г. Гилярова (915 стр.).—**Мартъ.** —Миновала ли крайняя нужда въ неурожайныхъ мѣстностяхъ?—Организація помощи въ одной изъ волостей николаевскаго уѣзда. — Различные виды помощи и ихъ сравнительное значеніе. — „Гражданинъ" въ новой для него роли.—Земскіе выборы по новому закону. — Тридцать-первая годовщина 19-го февраля. — Ѳ. Л. Барыковъ †. — Окончаніе дѣла по хлѣбной операціи въ городской Думѣ (440 стр.).—**Апрѣль.** — Признаки нужды внѣ главной области неурожая.—„Крикуны" на сельскихъ сходахъ.—Новыя обмолвки реакціонной прессы. —Тверское губернское земство и „интересы мѣстнаго населенія". — Саратовскій инцидентъ и различныя его толкованія. — Новый перлъ добровольческаго усердія.—М. И. Семевскій † (899 стр.).—**Май.**—Новый видъ „откровеннаго направленія". — Проповѣдники „казенности" и „подчиненности".—Борьба противъ „формъ", ограничивающихъ „усмотрѣніе". — Вѣсти изъ неурожайныхъ мѣстностей.— Графиня Ел. В. Сальясъ † (428 стр.) —**Іюнь.** — Послѣдній фазисъ труднаго періода. — Отчеты уполномоченныхъ Особаго Комитета по губерніямъ тамбовской и казанской.— Разные виды частной помощи голодающимъ. — Продолженіе „лукояновской исторіи" и вызванная ею полемика съ „Гражданиномъ".—Авторитетное свидѣтельство о размѣрахъ прошлогодняго бѣдствія.— По вопросу объ экзаменахъ.—Отставка городского головы въ Петербургѣ. — Н. Е. Петропавловскій (Каронинъ) † (867 стр.).—**Іюль.**—„Еврейская колонизаціонная ассоціація". — Проектируемыя „общественныя крестьянскія лавки". — Еще о „лукояновской исторіи". — Отчетъ уполномоченнаго Особаго Комитета по пензенской губерніи. — Воспоминанія присяжнаго засѣдателя изъ сотрудниковъ „Московскихъ Вѣдомостей" (462 стр.). — **Августъ.**— Очеркъ хода пяти холерныхъ пандемій нынѣшняго вѣка и выводъ изъ него: борьба съ холерою должна быть международнымъ дѣломъ. — Отсталость нашихъ городовъ въ благоустройствѣ и причины того.—По вопросу о необходимости экстраординарныхъ мѣръ.—По поводу астраханскихъ и саратовскихъ звѣрствъ.—Отвѣтъ „Московскимъ Вѣдомостямъ".—О предложеніи гг. гласнымъ здѣшней Думы.—Печальное положеніе дѣла „городскихъ" училищъ (895 стр.). — **Сентябрь.** — Дальнѣйшій ходъ холерной эпидеміи. — Вопросы о „подчиненности" и о „фальшивой гуманности". — Различная административная практика по отношенію къ способамъ предупрежденія безпорядковъ. —Нѣчто о „либерализмѣ" и о панегирикахъ.—„Жестокіе нравы" (416 стр.). —**Октябрь.**—Судебное разбирательство по дѣлу о безпорядкахъ въ тамбовскомъ уѣздѣ.—Главныя причины безпорядковъ, насколько онѣ обнаружены этимъ процессомъ.—Земскіе выборы и земскія собранія на почвѣ положенія 1890 г.—Кое-что объ излюбленныхъ и не-излюбленныхъ людяхъ.—Смерть Ренана (886 стр.).—**Ноябрь.**—Положеніе мѣстностей, пострадавшихъ отъ прошлогодняго неурожая.—Письмо госпожи Сѣровой о селѣ Судосевѣ.—Земство и школы грамотности.—Школа или мѣры къ увеличенію „престижа" власти? — Интересный процессъ. — Характеристика двухъ газетъ (418 стр.).—**Декабрь.** — „Раздуты" ли у крестьянъ „аппетиты на казенныя пособія"? — Л. Н. Толстой о положеніи восточныхъ уѣздовъ тульской губерніи.—Походъ противъ вакантнаго времени въ начальныхъ школахъ въ г. Шуѣ. — Административныя мѣропріятія въ Харьковѣ. —Печальная газетная полемика и утѣшительное слово науки. — А. Д. Галаховъ и А. А. Фетъ † (869 стр.).

VI. Библіографическій Листокъ.

Январь.—Всеобщая исторія, Г. Вебера. Т. XIV.—Исторія англійскаго народа, Дж.-Рич. Грина, т. I. — Очеркъ

теоріи государственнаго кредита, А. Залшупина. — О сельскомъ хозяйствѣ, В. Д. Кренке.—Русскій Календарь на 1892 г. А. Суворина.—Наука о мысли, М. Миллера, перев. В В. Чуйко. — А. С. Гольтенвейзеръ, Соціальныя теченія и реформы XIX столѣтія въ Англіи.—**Февраль**.—Сочиненія С. Ѳ. Шарапова, кн. 1.—Исторія русской этнографіи, А. Н. Пыпина, т. IV.—Фабричная гигіена, В. В. Святловскаго.—Душа женщины, Ф. Фендта. — Синее знамя, разсказъ М. Гранстремъ — С. В Ковалевская, А. Столѣтова, Н. Е. Жуковскаго и Н. А. Некрасова.—**Мартъ**.—По Египту и Палестинѣ, Е. Э. Картавцова. — Педагогическія сочиненія В. Я. Стоюнина.—Изъ эпохи великихъ реформъ. Гр. Джаншіева.—Въ Сербіи, Г. И. Бобрикова. —Адресная книга г. С.-Петербурга на 1892 годъ.—**Апрѣль**. —Гр. А. К. Толстой, Князь Серебряный, роскошн. изданіе. — Имп. Марія Ѳеодоровна, т I, К. С. Шумигорскаго. — Энциклопедическій Словарь, изд. Брокгауза, п. р. К. К. Арсеньева и Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго, т. V, а. — А. Г. Лякидэ. Въ океанѣ звѣздъ.—А. В. Яворовскій, Сказки попугая.—Л. Бертенсона, Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ заводахъ и промыслахъ Урала. —**Май**. — Стихотворенія А. М. Жемчужникова.—О сношеніяхъ Россіи съ Франціей, П. В. Безобразова.—Этюды и очерки по общественнымъ вопросамъ, Э. К. Ватсона.—Сборникъ Русск. Истор. Общества, т. 81.—Крестовскій. В. (псевдонимъ). Собраніе сочиненій, т. I, II и III.—**Іюнь**.—Стихотворенія кн. Д. Н. Цертелева.—Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія, М. Корелина.—Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, т. IX. Состав. Ф. Мартенсъ.—Фортунатовъ, А., и В. В., Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. —Статистическое обозрѣніе Одессы за 1890 годъ. — **Іюль**. — Вильгельмъ I и Бисмаркъ. Историческіе очерки Е. И. Утина.—Собраніе сочиненій Гёте, второе изданіе, п. р. П. И. Вейнберга.— Дж.-Рич. Гринъ, Исторія англійскаго народа, т. III, перев. П. Николаева.— Сорель, А., Европа и французская революція, т. I и II, съ предисл. Н. И. Карѣева.—**Августъ**.—А. С. Іонинъ. По Южной Америкѣ. Въ двухъ томахъ. Изданіе „Русскаго Вѣстника".—Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ П. Николаева.—Г. Гефдингъ, проф. копенгагенскаго университета. Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Пер. съ нѣмец. — Слава Россійская. Комедія 1724 г., съ предисл. М. И. Соколова.— Педагогическій Календарь на 1892—93 годъ. Годъ третій. Составилъ В. А. Воскресенскій. — **Сентябрь**. — М. И. Галаннъ. Мѣропріятія противъ холеры русскаго и иностранныхъ правительствъ и ихъ научныя основы.—Холера. Предохранительныя мѣры противъ холеры. Д-ра В. Гольмстена.— Лекціи по уголовному праву, читанныя Н. С. Таганцевымъ.—К. Головинъ. Соціализмъ, какъ положительное ученіе. — **Октябрь**. — Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина, изд. А. Брикнера, т. VI. — Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, кн. III. Біографія А. И. Кошелева, т. II.—Вопросы дня и жизни, В. Гольцева.—М. В. Безобразова, Философскіе этюды —**Ноябрь**.—Кредитъ для земствъ и городовъ, М. Я. Герценштейна. — Жизнь животныхъ, А. Э. Брэма. Т. I.—Исторія западной Европы въ новое время, Н. И. Карѣева, т. II.— Христофоръ Колумбъ и открытіе Америки, Дж. Уинсора.—Суворовъ, Н. А. Орлова. — Записная книга на 1893 г., изд. К. Риккера.—**Декабрь**.—Основы и предѣлы самоуправленія М. И. Свѣшникова.—Методика грамоты, I. Паульсона.—Современныя задачи нравственнаго воспитанія К. Н. Яроша.—Поземельный кадастръ, Ѳ. Горбъ-Ромашкевича.

VII. Извѣщенія.

О съѣздѣ по пожарному дѣлу въ Россіи (январь, 459).—I. Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія. —II. Отъ С.-Петербургскаго Фребелевскаго Общества (мартъ, 455).—Отъ Бюро Всероссійской Гигіенической Выставки 1893 г. (іюль, 475; авг., 909).—Отъ Россійскаго Общества Плодоводства (октябрь, 897).—I. Отъ Коммиссіи по воскреснымъ, вечернимъ и т. п. школамъ въ Москвѣ. — II. Отъ Спб. Общества архитекторовъ въ Спб. о первомъ съѣздѣ русскихъ зодчихъ.—III. Уставъ Спб. Общества пособія потерпѣвшимъ отъ пожарнаго бѣдствія въ С.-Петербургѣ. (ноябрь, 434).

1893 г.

I. Внутреннее Обозрѣніе.

II. Иностранное Обозрѣніе.

стративная рутина.—Парижскіе безпорядки и „побѣда" Дюпюи.—Военный законопроектъ въ Германіи и отношеніе къ нему нѣмецкаго общества.—Билль объ ирландской автономіи и его внутреннія противорѣчія (831 стр.).—**Сентябрь.**—Таможенная война и ея особенности.—Экономическій антагонизмъ и покровительственная система. —Внутреннія противорѣчія.—Разсужденія и парадоксы сторонниковъ протекціонизма.—Отзывъ крупнаго фабриканта о русско-нѣмецкомъ конфликтѣ. —Практическое значеніе спорныхъ вопросовъ.—Международное соперничество въ рабочемъ классѣ.—Кровавыя стычки въ Эгъ-Мортѣ и ихъ послѣдствія.—Французскіе выборы (366 стр.). —**Октябрь.**—Берлинская конференція по таможенному вопросу и возможные ея результаты.—Примѣрныя битвы германскихъ войскъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи.—Ожиданіе русской эскадры въ Тулонѣ.—Международное положеніе въ Европѣ и франко-русскій союзъ. —Внутреннія дѣла Франціи.—Ирландскій билль и палата лордовъ.—Рабочее движеніе (797 стр.).—**Ноябрь.**—Франко-русскія празднества и ихъ реальное значеніе.—Возможныя недоразумѣнія со стороны французовъ.—Русскіе журналисты въ Парижѣ.—Новые факторы международной политики въ Европѣ.—Англійская эскадра въ водахъ Италіи.—Внутреннія дѣла во Франціи и Австро-Венгріи (893 стр.).—**Декабрь.**—Министерскій кризисъ и парламентскія пренія во Франціи.—Перемѣна кабинета въ Италіи.—Новые министры въ Англіи.—Кабинетъ Трикуписа въ Греціи.—Смерть принца Баттенберга и балканскія дѣла (863 стр.).

III. Литературное Обозрѣніе.

Январь.—Изъ исторіи христіанской проповѣди, Антонія Епископа Выборгскаго.—Индія: I. О неурожаяхъ въ Индіи. II. Современная Индія. Е. Ламанскаго.—Р.—Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. Время Имп. Маріи Θеодоровны. Е. Лихачевой.—Историческіе очерки и разсказы С. Н. Шубинскаго.—А. В.—Новыя книги и брошюры (423 стр.).—**Февраль.** —Историческое Обозрѣніе т. IV и V. п. р. Н. И. Карѣева.—Европа и французская революція. А. Сореля, т. III и IV.—Эстетика и поэзія, изд. М. Н. Чернышевскаго.—Литературныя сочиненія С. В. Ковалевской.—А. Б.—Новыя книги и брошюры (883 стр.).—**Мартъ.**—Волна, сборникъ русской художественной лирики, К. Геруца.—Р. —Матеріалы для біографіи Гоголя, В. Шенрока.—Записки и Дневникъ А. В. Никитенка.—Этнографическое Обозрѣніе. кн. XIII, XIV и XV.—Извѣстія Общества археол., исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ, т. X. А. П.—Очерки Сибири, С. Елпатьевскаго.—Д.—Новыя книги и брошюры (401 стр.).—**Апрѣль.**—Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ казанской и другихъ средне-волжскихъ губерніяхъ, А. П. Энгельгардта.—Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, В. В.—Урожаи ржи въ европейской Россіи, А. Фортунатова.—Крестьянское мірское хозяйство, М. Скибинскаго.—Л. С.—Семь мѣсяцевъ среди голодающихъ крестьянъ, А. Корнилова.—Гроза гимназіи, С Либровича,—Скамья и каѳедра, А. Желанскаго.—А. П.—Опытъ сравнительнаго этимологическаго словаря литературнаго русскаго языка, Н. Горяева.—С. Б. —Новыя книги и брошюры (848 стр.). —**Май.**—Я. А. Коменскій, В. И. Григоровича.—Собраніе рѣчей на 300-лѣтнемъ юбилеѣ Коменскаго.—Избранныя педагогическія сочиненія Коменскаго. —Астраханскіе калмыки, И. А. Житецкаго.—Сарты, Н. П. Остроумова.—А. П.—Новыя книги и брошюры (427 стр.).—**Іюнь.**—Записки и Дневникъ А. В. Никитенко, т. III.—Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ, П. Житецкаго.—Современная малорусская этнографія, Н. Θ. Сумцова, ч. I.—Очерки крайняго сѣверо-востока, И. Шкловскаго.—Д.—Новыя книги и брошюры (877 стр.).—**Іюль.**—Н. Гербель. Собраніе сочиненій Гёте, т. V-VII.—„Историческое Обозрѣніе", т. VI.—Въ интересахъ нашего юношества, В. Лапина. —Записка Ив. Ив. Неплюева.—Д.—Наука гражданскаго права въ Россіи, Г. Шершеневича.—П. Бедрисъ, Идеальное государство.—Л. С.—Новыя книги и брошюры (400 стр.). **Августъ.** —Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1889 г.—Тоже за 1890 годъ.—Очерки быта астраханскихъ калмыковъ. Ир. Житецкаго.—Пермскій край, сборникъ свѣдѣній о пермской губ., подъ ред. Д. Смышляева.—Саратовскій край, изданіе саратовскаго общества для вспомоществованія нуждающимся литераторамъ, вып. I.—А. В.—Новыя книги и брошюры (847 стр.).—**Сентябрь.**—Путь-дорога. Научно-литературный сборникъ въ пользу общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ.—Сочиненія Н. В. Го-

голя. Изданіе одиннадцатое. Редакція Н. С. Тихонравова. — Армянскіе беллетристы. Сборникъ, изданный подъ редакціей Юрія Веселовскаго и Минаса Берберьяна.—А. В.—Новыя книги и брошюры (378 стр.).—**Октябрь.** —Наказъ Е. И. В. Екатерины II.—II. А. Ѳедотовъ, Ѳ. И. Булгакова.—Этнографическое Обозрѣніе, № 1 и 2. —Алтайскіе инородцы, В. И. Вербицкаго.—Монголы-Торгоуты, А. А. Ивановскаго.—Русская поэзія, п. р. С. А. Венгерова, вып. I.—А. В. — Новыя книги и брошюры (811 стр.).—**Ноябрь.** —Наше дѣло въ с.-в. краѣ, свящ. I. Фудель.—Исторія экономическаго быта В.-Новгорода, А. И. Никитскаго.—Ам. Коменскій, Великая Дидактика.—Труды педагог. Отд. харьк. истор.-филолог. Общества, вып. I.—А. В.—Новыя книги и брошюры (405 стр.). — **Декабрь.**— Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголія, Г. Потанина.— Въ глуши, пов. М. Песковскаго.—Новыя книги и брошюры (875 стр.).

IV. Новости иностранной литературы.

Январь.—I. L'arbitrage international, par F. Dreyfus. — II. Aux montagnes d'Auvergne, par le comte de Chambrun.—Л. С.—III. La terre promise, par Paul Bourget.—С. II-ъ (439 стр.) —**Февраль.**—I. Mélanges inédits de Montesquieu. —В. Д-ій.—II. Souvenirs d'Egotisme, Stendhal (Henri Beyle). —З. В. (913 стр.).—**Мартъ.**—I. Cosmopolis, par P. Bourget.—С. II-нъ.—II. The Speeches and public Addresses of E. Gladstone, vol. X.—В. Д-ій. — III, L'Ennemi des lois, par M. Barres.—З. В. (425 стр.).—**Апрѣль.**—I. L'évolution sociale, par B. Lavergne.—Л. С.—Essais de littérature contemporaine, par G. Pellissier. — Vers et prose, par Mallarmé.—З. В. (857 стр.).—**Іюнь.**—I. Nihilisme et anarchie, par E. de Cyon.— II. Heures d'histoire, par M. de Vogué.— III. La Steppe, par Alex. d'Arch.— Л. С. (895 стр.).—**Іюль.**—I. H. Joly. Le socialisme chrétien. — II. Leroy-Beaulieu, Les juifs et l'antisémitisme.— Л. С.—III. M. J. Hérédia Les trophées. З. В. (419 стр.). — **Августъ.** — I. Les transformations du droit. Etude sociologique, par G. Tarde.—Л. С.—II. Alfred de Musset, par Arvède Barine.—III. The philosophy of the beautiful, by W. Knight.—Z. (684 стр.).—**Сентябрь.** — I. La recherche de l'unité, par E. de-Roberty.—Л. С.—II. Victor Hugo, par L. Mabillieau. — III. Jules Lemaître. Les Rois.—З. В. (394 стр.).—**Октябрь.** —I. Die sociologische Staatsidee, v. L. Gumplowicz.—II. Ueber das Verhältniss v. Arbeitslohn u. Arbeitszeit zur Arbeitsleistung, v. L. Brentano.—Л. С. (850 стр.).—**Ноябрь.**—I. Frankreich, Russland und Dreibund, v. H. Geffcken. — Л. С.—II. Arts and Crafts Essays, with a Preface by W. Morris. - III. Questions at Issue, by E. Gosse.—З. В. (224 стр.).—**Декабрь.**—I. Emile Deschanel. Lamartine.—II. Gustave Larroumet. Etudes de littérature et d'art.—З. В. (891 стр.).

V. Изъ Общественной Хроники.

Январь. — Положеніе мѣстностей, вновь постигнутыхъ неурожаемъ. — Принудительное улучшеніе крестьянскаго хозяйства.—Крестьяне, „пашущіе на себѣ“.—Псковское и борисоглѣбское земство.—Общество доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ.—Томское ученое общество (454 стр.).—**Февраль.**—Дѣло проф. Іегера и вызванные имъ толки.—Иностранцы и „судебные скорпіоны“.— Прекратившіяся юридическія изданія. —А. Е. Тимашевъ и Ад. Ант. Арцимовичъ †.—Post-scriptum (926 стр.).— **Мартъ.**—Развитіе борьбы съ послѣдствіями неурожая.—Усиленіе частной помощи; ея крайняя недостаточность. — Эксплуатація народной нужды. — Эпилогъ одного изъ лукояновскихъ дѣлъ. — Предложеніе черниговскихъ гласныхъ.—Еще о томскомъ обществѣ естествоиспытателей и врачей.—Ю. Э. Янсонъ † (438 стр.).—**Апрѣль.**—Итоги дѣятельности Особаго Комитета. — Частная помощь въ прошломъ и въ нынѣшнемъ году.—Одна изъ причинъ *невѣдѣнія* размѣровъ бѣдствія.—Трагическая смерть Н. А. Алексѣева въ Москвѣ.—П. Я. Александровъ †.— Юбилей В. Н. Герарда (863 стр.).— **Май.**—Попытка разъединить однородное и соединить несоединимое.—„Московскія Вѣдомости“ и „Гражданинъ“; „Гражданинъ“ и „либеральная“ печать. —Нѣчто о „свободѣ“. — Походъ на прежнюю русскую критику.—Два эпизода изъ жизни земской школы.—Сообщенная поправка (446 стр.).—**Іюнь.** —Рѣчи Зола и Олара къ французскимъ студентамъ; общіе вопросы, ими возбуждаемые.—Земскіе врачи и покровская „исторія“.—Травля „несогласномыслящихъ“.—До чего могутъ доходить оптическіе обманы (902 стр.).— **Іюль.**—Солидарность между различными оттѣнками консерватизма. —

„Равноправность инородцевъ" и „расчлененіе Россіи".—А. Н. Энгельгардтъ и г. Рачинскій.—Отголоски прошлогодняго неурожая (429 стр.).—**Августъ.**—Государственный квартирный налогъ, его существенныя черты и 136-я статья новаго Городового Положенія.—Газетныя извѣстія о трудахъ коммиссіи по пересмотру законовъ о призрѣніи бѣдныхъ въ имперіи.—Городское училищное дѣло въ Москвѣ за 25 лѣтъ и исторія порядка управленія имъ.—Девятое письмо г-на И. С. Дурново о „либеральномъ слабосиліи" (874 стр.).—**Сентябрь.**—Новый планъ организаціи государственнаго призрѣнія.—Составъ и характеръ дѣятельности участковыхъ попечительствъ.—Нужны ли особыя уѣздныя и губернскія попечительства по дѣламъ призрѣнія?—Новое объясненіе прошлогоднихъ холерныхъ безпорядковъ.—Мнимое противорѣчіе (403 стр.).—**Октябрь.**—Статья гр. Л. Н. Толстого о „Не-дѣланіи".—Толкованія, вызванныя ею въ печати.—Настоящій смыслъ нападеній, направленныхъ Л. Н. Толстымъ противъ „дѣла" и „труда". А. Дюма, какъ союзникъ Л. Н. Толстого.—Катастрофа 7-го сентября на Финскомъ заливѣ (855 стр.).—**Ноябрь.**—Критика и антикритика „либеральной идеи свободы".—„Правящій слой" прежде и теперь.—Вопросы, близко граничащіе съ „сыскомъ".—Газетная „утка".—Юбилей Д. В. Григоровича.—А. Н. Плещеевъ и А. Н. Апухтинъ † (437 стр.).—**Декабрь.**—Современные вопросы и г. Spectator.—Монополизированная печать и верховный трибуналъ чести.—Различные виды полемики.—Истый „шестидесятникъ" (904 стр.).

VI. Библіографическій Листокъ.

Январь.—Стихи и проза для дѣтей. Я. Гротъ.—По Индіи и Цейлону, княг. О. А. Щербатовой.—Критико-біографическій Словарь, т. III. С. А. Венгерова.—Биржа, спекуляція и игра, М. С. Студентскаго.—**Февраль.**—Курсъ національной и соціальной экономіи, Евг. Дюринга.—Исторія Бастиліи, Сем. Ахшарумова.—Энеида Виргилія, перев. Н. Квашнина-Самарина.—Елена-Робинзонъ, составилъ Э. Гранстремъ.—Адресная Книга г. С.-Петербурга на 1893 г.—**Мартъ.**—Родъ Шереметевыхъ, А. Барсукова, кн. 6.—Исправительно-воспитательныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, Е. Альбицкаго и А. Ширгена.—Исторія нѣмецкой литературы, В. Шерера, пер. съ нѣм. п. р. А. Н. Пыпина, ч. I.—Изъ зеленаго царства, Д. Кайгородова.—Въ странѣ контрастовъ, изъ жизни и природы туркестанскаго края, Л. П. Шелгуновой.—**Апрѣль.**—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова.—Германское торговое право, Карла Гарейса, пер. съ нѣм. п. р. Н. I. Нерсесова.—С. Ѳ. Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ.—М. И. Мышъ. Руководство къ русскимъ законамъ о евреяхъ.—Вопросы дня и жизни, В. А. Гольцева.—**Май.**—По Южной Америкѣ, А. С. Іонина, т. III.—Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній, москов. юридич. общества, т. I.—Русскія юридическія древности, т. II: Власти. Вып. 1: Вѣче и Князь. В. Сергѣевича.—Историческія статьи П. В. Безобразова, вып. I.—**Іюнь.**—Объ ученіяхъ уголовно-антропологической школы. Критическій этюдъ Игн. Закревскаго.—Письмо С. П. Боткина изъ Болгаріи 1877 г. Съ двумя портретами автора и видомъ болгарской хаты. Святая Земля и Библія. Описаніе Палестины и нравовъ ея обитателей. Д-ра К. Гейки, съ оригинальными рисунками Г. А. Гарпера. Вып. 6. Пересказъ англ. п. р. Ф. С. Комарскаго.—П. А. Никольскій. Бумажныя деньги въ Россіи.—**Іюль.**—Святая Земля и Библія, д-ра Гейки, вып. 6.—Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII-го и XIX-го ст., Е. Карновича.—Французская революція, Вик. де-Брока.—Исторія французской революціи, И. Карно.—Красоты природы, Дж. Леббока.—Полное собраніе пѣсенъ Беранже, вып. XXII и XXIII.—Энциклопедическій Словарь Брокгауза, т. IX.—**Августъ.**—Изъ эпохи великихъ реформъ. Гр. Джаншіева. Съ порт. В. А. Арцимовича и двумя библіотечными карточками. Изд. 4-е.—I. Каблицъ (I. Юзовъ). Основы народничества. Часть II. Изд. второе.—Разсказы изъ русской исторіи Б. А. Павловича. Изд. 4-е.—Моссо, проф. Анджело. Усталость. Перев. съ 3-го итальян. изд. и дополн. по нѣм. изд. М. М. Манасеиной.—**Сентябрь.**—Фабрично-заводская промышленность и торговля въ Россіи. Изд. департамента торг. и мануф.—Сергѣй Шараповъ. А. Н. Энгельгардтъ и его значеніе для русской культуры и науки.—Эрвинъ Нассе. Земледѣліе и аграрныя отношенія въ Англіи.—Кредитъ и его оборотныя средства, графа Августа Цѣшковскаго.—Русская поэзія. Собраніе произв. русск. поэтовъ. Вып. I—Учебникъ всеобщей исторіи. Сост. Павелъ Виноградовъ, проф. моск.

*

1894 г.

I. Внутреннее Обозрѣніе.

съ прежними губернскими комитетами. —Составъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. — Избраніе или назначеніе должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія.—Новый уставъ лечебныхъ заведеній.—Земство и губернскіе сельско-хозяйственные комитеты.—Земскій начальникъ и предводитель дворянства pro domo sua (378 стр.).—**Декабрь.** — Бракосочетаніе Государя Императора.—Милостивый манифестъ 14 ноября. — Положеніе дѣлъ четырнадцать лѣтъ тому назадъ.—Главнѣйшія мѣры прошлаго царствованія.—Русскій народъ и русское общество въ настоящее время на рубежѣ двухъ эпохъ (835 стр.).

II. Иностранное Обозрѣніе.

Январь.—Главнѣйшія событія истекшаго года. — Франко-русское сближеніе.—Внутреннія дѣла во Франціи и борьба съ динамитчиками —Политическія перемѣны въ Германіи, Австріи, Англіи, Италіи, Сербіи и Болгаріи (405 стр.).—**Февраль.**—Новыя политическія перемѣны въ Сербіи. — Недостатокъ свѣденій о балканскихъ дѣлахъ въ нашей печати.—Сербія и Болгарія. — Примиреніе Вильгельма II съ княземъ Бисмаркомъ.—Положеніе дѣлъ въ Германіи и Италіи (864 стр.).—**Мартъ.**— Экономическій миръ въ Германіи. — Отношеніе къ русско-германскому торговому трактату у нѣмцевъ и у насъ. —Разногласія и перемѣны въ отзывахъ нашей печати.—Подъемъ и упадокъ промышленнаго патріотизма. — Два мнѣнія о причинахъ вооруженій въ Европѣ (402 стр.).—**Апрѣль.** — Гладстонъ, его жизнь и дѣятельность. — Новый англійскій премьеръ. — Аристократія и демократическія идеи.— Смерть Кошута (842 стр.). — **Май.** — Причины безцѣльныхъ вооруженій. — Двойственность въ международной политикѣ.—Борьба изъ-за военныхъ расходовъ въ разныхъ странахъ.—Положеніе того же вопроса въ Германіи и Италіи.—Сессія германскаго имперскаго сейма (399 стр.).—**Іюнь.**—Внутренняя политика во Франціи.—Казиміръ Перье, его предшественники и вѣроятные преемники.—Причины недолговѣчности министерствъ.—Международный конгрессъ горнорабочихъ въ Берлинѣ. — Проектъ Жюля Геда во французской палатѣ. — Новое министерство Дюпюи и его программа.— Государственные перевороты въ Сербіи. — Паденіе Стамбулова и успѣхи принца Фердинанда (827 стр.).—**Іюль.** —Убійство Карно.—Жизнь и дѣятельность покойнаго президента.—Президентскіе выборы въ Версали. — Казиміръ Перье.—Борьба съ анархистами и динамитчиками (411 стр.).—**Августъ** —Внутренняя политика во Франціи. —Правительственные проекты и парламентская оппозиція. — Недоразумѣнія по поводу новаго закона объ анархистахъ. — Замѣчанія и выводы „Московскихъ Вѣдомостей".— Болгарскія дѣла и русскіе корреспонденты (866 стр.).—**Сентябрь.**—Современные международные вопросы.—Недавнія событія и перемѣны въ Сербіи. — Политическія дѣла Болгаріи.—Стамбуловскій режимъ и его послѣдствія. — Болгарское общественное мнѣніе.—Школьное дѣло и печать въ княжествѣ. — Вопросъ о русско-болгарскомъ сближеніи. — Странныя требованія нѣкоторыхъ газетъ. — Японско-китайская война и ея значеніе (367 стр.). — **Октябрь.** — Японскія побѣды и ихъ значеніе. — Самобытныя черты китайскаго могущества.—Военные опыты для европейцевъ.—Политическія особенности Японіи.—Западно-европейскія дѣла: смерть графа Парижскаго, рѣчи князя Бисмарка (839 стр.).—**Ноябрь.**—Отставка графа Каприви и ея значеніе.—Новый германскій канцлеръ. — Бельгійская избирательная реформа и ея результаты.—Письмо въ редакцію изъ Бѣлграда о сербскихъ дѣлахъ (400 стр.). —**Декабрь.** — Разсужденія и выводы иностранцевъ о русской политикѣ.— Похвала нашему миролюбію. — Преимущества свободы дѣйствій передъ системою союзовъ.—Циркулярная нота нашего министра иностранныхъ дѣлъ. —Новыя идеи старыхъ славянофиловъ.—Соображенія В. И. Ламанскаго о внѣшнихъ дѣлахъ. — Старые газетные патріоты и ихъ софизмы (854 стр.).

III. Литературное Обозрѣніе.

Январь. — В. Короленко, Въ голодный годъ.—И. И. Срезневскаго, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Т. I. — В. Н. Перетцъ, Современная русская народная пѣсня.—А. Шаховъ, Очерки литературнаго движенія въ первой половинѣ XIX в. — А. В.—Новыя книги и брошюры (418 стр.).—**Февраль.** — Этюды и характеристики, Алексѣя Веселовскаго.—Изученіе античнаго міра, проф. Ѳ. Г. Мищенка.—Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ, В. Васильева. — Матеріалы для изученія быта и языка русскаго

населенія с.-з. края, П. В. Шейна.—А. В.—Новыя книги и брошюры. (876 стр.).—**Мартъ.**—Замѣтки о современной литературѣ, 1856 — 1862 гг. Изд. М. Н. Чернышевскаго. — Безцѣльный трудъ, „не-дѣланіе" или „дѣло", В. А. Кожевникова.—„Землевѣдѣніе", кн. I, п. р. Д. Н. Анучина.—Травяныя степи сѣвернаго полушарія, А. Н. Краснова. Изв. имп. общ. люб. естествознанія, вып. I.—А. В.—Пособіе къ практическому изученію французскаго языка, состав. М. Бобрищева-Пушкина.—Р.—Новыя книги и брошюры. (419 стр.). — **Апрѣль.** — Письма и бумаги Петра В., т. III.—Пѣсни русскаго народа, собраны въ губ. Архангельской и Олонецкой. — Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, кн. VIII. —А. В.—Вырожденіе, М. Нордау.—Т.—Восточные мотивы, стих. В. Величко.—Второй сборникъ стихотвореній В. Величко.—К. А.—Новыя книги и брошюры (858 стр.). — **Май.**—Русскія былины старой и новой записи, п. р. Н. Тихонравова и В. Миллера. —Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, кн IV.—Сочиненія Петра Хельчицкаго, Ю. Анненкова. — Историческій обзоръ мѣръ по высшему образованію въ Россіи, вып. 1. Д. Ферлюдина.—А. В —Новыя книги и брошюры (410 стр.). —**Іюнь.** —Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ.—По бѣлу свѣту, Гр. Де-Волланъ, ч. I.—Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г., А. Слезскинскаго. — П. В. Постниковъ, монографія Е. Шмурло. — Т. — Новыя книги и брошюры (841 стр.). — **Іюль.**—Семеновъ, Крестьянскіе разсказы. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого.—„Историческое Обозрѣніе".—Собраніе сочиненій М. С. Куторги, томъ первый. — Т. — Новыя книги и брошюры (430 стр.).—**Августъ.** —И. А. Саловъ. Суета мірская. Очерки и разсказы. — Македонско-славянскій сборникъ, съ прилож. словаря. Составилъ П. Драгановъ. Вып. I.—Русская поэзія. Издается п. р. С. А. Венгерова. Вып. IV. — Т. — Русскіе символисты. Вып. I. Валерій Брюсовъ и А. Л. Миропольскій.—Вл. С.—Новыя книги и брошюры (880 стр.). — **Сентябрь.** — Сочиненія Д. И. Писарева. Полное собраніе въ шести томахъ.—Д. И. Писаревъ, его жизнь и литературная дѣятельность, Евг. Соловьева. —Т.—Празднованіе Имп. Казанскимъ университетомъ столѣтней годовщины дня рожденія Н. И. Лобачевскаго.—А. В.—Путешествіе на Востокъ Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, 1890—1891. Авторъ-издатель кн. Э. Э. Ухтомскій. Части 1—3.—Вл. С. Новыя книги и брошюры (382 стр.).—**Октябрь.** —Переселенцы и новыя мѣста, путевыя замѣтки, Дѣдлова.—Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Фонвизина, Н. С. Тихонравова, — С. М. Соловьевъ, его жизнь и учено-литературная дѣятельность, П. В. Безобразова, —Т.—Славянское Обозрѣніе. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, п. р. И. С. Пальмова. — Что̀ дѣлаютъ дворяне и что имъ слѣдовало бы дѣлать?—Л. С. —Новыя книги и брошюры (851 стр). —**Ноябрь.**—Собраніе сочиненій В. В. Стасова, три тома, и рисунки къ нему. —Н. Майковъ, Историко-литературные очерки. — В. И. Семеновъ. Забытый путь изъ Европы въ Сибирь.—Стихотворенія А. Н. Плещеева, 2-е изд.— Т.—А. П. Федорова. Данте Алигіери: Обновленная жизнь: Божественная Комедія—Адъ, Чистилище и Рай.—А. С. —Новыя книги и брошюры (415 стр.). —**Декабрь.**—Изъ эпохи великихъ реформъ, Гр. Джаншіева.—А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ, его же.—Библіотека и архивъ московскихъ государей въ XVI ст., Н. Лихачева.—Т.—Новыя книги и брошюры (865 стр).

IV. Новости иностранной литературы.

Январь.—I. Le Tolstoïsme, par F. Schröder.—Л. С.—II. Le théâtre d'hier, par H. Parigot.—III. Williers de L'Isle Adam, par Pontavice de Heyssey. — З. В. (434 стр.).—**Февраль.**—I. P. Sabatier, Vie de St. François d'Assise.—II. F. Brunetière, Etudes critiques sur l'istoire de la littérature française. — З. В. (894 стр.).—**Мартъ.**—I. J. Milsand, Littérature anglaise et philosophie. — II. J. Weisse, A proros du théâtre.—III. Fr. v. Reber, Geschichte der Malerei.—З. В. (139 стр.).—**Апрѣль.** — I. H. Amic, George-Sand. Mes souvenirs. —II. J. F. Brunetière, L'évolution de la poésie lyrique en France au XIX s. —III. P. Loti, Oeuvres complètes, t. I. —З В. (891 стр.)·—**Май.**—I. G. Brandes, Menschen und Werke, Essays. — II. J. Lemaître. Myrrha, Vierge et Martyre. — III. P. Gille. La Bataille littéraire. Cinquième série.—З. В. (426 стр.) — **Іюнь.**—I. H. Taine, Derniers essays de critique et d'histoire. — II. Em. Faguet. Seizième siècle.—III. Réné Doumic, Ecrivains d'aujourd'hui —З. В. (859 стр.).—**Іюль.**—I. Larroumet, Nouvelles études de littérature.—II. Filon, Merimée et ses amis.—З. В. (433 стр.). — **Августъ.** — I. A. de Lamartine.

Philosophie et littérature.—II. H. Beyle (Stendhal). Lucien Leuwen. Oeuvre posthume etc.—3. В. (900 стр.).—**Сентябрь.**—I Ginisty. L'Année Littéraire. —II. Journal des Goncourt. Tome 7-me. - 3. В. (419 стр.).—**Октябрь.**—I. Weiss, Le drame historique et le drame passionnel. — II. Annie Besant, Autobiography.—3. В. (875 стр).—**Ноябрь.**—I. R. Kipling, The Jungle Book.—II. St. Brooke, Tennyson, his art and relation to modern life—3. В. (131 стр.).—**Декабрь.**—I. G. Deschamps, La Vie et les Livres.—II. L. Bernardini, La littérature scandinave.—III. G Pellissier, Nouveaux essais de littérature contemporaine.—3. В. (883 стр.).

V. Изъ Общественной Хроники.

Январь.—Свобода личности и гражданская свобода.—Общество „разумно-разслоенное" и общество не сознающее своего разслоенія.—Что такое „старый историческій типъ"?—Сюрпризы, встрѣчающіеся иногда въ нашей печати (455 стр.). — **Февраль.**—Церковно-приходскія школы въ ю.-з. краѣ.—Дѣти штундистовъ въ начальной школѣ.—Ультра-націонализмъ, волостныя школы въ остзейскомъ краѣ и финляндскій сеймъ.—† А. М. Унковскій и Гайдебуровъ (917 стр.).—**Мартъ.** —75-лѣтіе спб. университета. — Четверть вѣка тому назадъ и теперь.—Новое нападеніе на литературный фондъ.—Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ (455 стр.).—**Апрѣль.** —Заключительное слово къ полемикѣ о свободѣ.—Проектъ новой организаціи городского общественнаго призрѣнія въ Москвѣ.—Сравненіе его съ проектомъ, составленнымъ въ коммиссіи ст.-секретаря К. К. Грота.—Еще о литературномъ фондѣ.—Общество вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на спб. высшихъ женскихъ курсахъ (903 стр.). — **Май.** — „Сословіе журналистовъ", какъ объектъ современнаго прожектерства.—Возможна ли и желательна ли его организація?—Отчетъ общества вспомоществованія студентамъ с.-петербургскаго университета. —Юбилей А. М. Скабичевскаго и рѣчь В. Д. Спасовича.- Открытіе памятника имп. Александру II въ Гельсингфорсѣ (438 стр.). — **Іюнь.** — Исторія одной школы и одного школьнаго района.—Школа-мать и школы-дочери какъ нормальный типъ развитія школьнаго дѣла.—Независимость суда и „партіи". — Оффиціальность, какъ синонимъ объективности и безпристрастія.—Еще объ одной профессорской рѣчи.—Юбилей П. Н. Обнинскаго (873 стр.).—**Іюль.**—Новыя правила объ офицерскихъ дуэляхъ.—Существуетъ ли какое-либо различіе между этими дуэлями и всѣми другими?—Предѣлы вѣдомства офицерскаго суда.—Громкія уголовныя дѣла и отношеніе къ нимъ ежедневной печати.—По поводу письма г. Тихомірова редактору журнала (449 стр.).—**Августъ.**—Дѣло сельскаго народнаго образованія 30 лѣтъ тому назадъ и сегодня.—Школы министерства государственныхъ имуществъ и церковно-приходскія того времени, ихъ численность и качество.—Примѣръ полтавской губерніи.—Школьная статистика московскаго земства; образцовое изслѣдованіе двухъ ея уѣздовъ, и практическіе его результаты.—Н. П. Колюпановъ и Н. М. Астыревъ † (912 стр.). —**Сентябрь.**—Наступилъ ли „добрый часъ" общей, дружной работы всѣхъ видовъ начальной школы?—Еще объ офицерскихъ дуэляхъ.—Процессъ Боготурова.—Городское самоуправленіе въ пермской губерніи.—Литературный фондъ.—Журналы и газеты (437 стр.). —**Октябрь** — „Балтійствующая зловредная сила", „послѣдній оплотъ польщизны" и финляндскія праздничныя рѣчи, какъ объектъ усердія не по разуму.—Модная эпидемія.—Процессъ Горшенина.—Еще два слова о судебной гласности.—Погребеніе Е. И. Утина и надгробное слово В. Д. Спасовича (884 стр.).—**Ноябрь.**- Высочайшіе манифесты 20 и 21 октября о кончинѣ Государя Императора Александра III, о вступленіи на престолъ Государя Императора Николая Александровича, и о св. мѵропомазаніи Е. И. В. Государыни Великой Княжны Александры Θеодоровны.—Положеніе о женскомъ медицинскомъ институтѣ въ г. Петербургѣ. — Пожертвованіе И. М. Сибирякова.—Вопросъ о платѣ за леченье и за ученье.—Раскольническій бракъ и двоеженство (461 стр.). —**Декабрь.** — Петербургъ въ первой половинѣ ноября.—Рѣчь проф. В. И. Ламанскаго въ славянскомъ обществѣ. —Манифестъ 25-го октября по дѣламъ финляндскимъ.—Дѣло „Владиміра" въ Одессѣ и приказы спб. градоначальника.—Оффиціозная газета.—Замѣчательное опредѣленіе сената.—А. Г. Рубинштейнъ и Ф. Н. Королевъ † (895 стр.).

VI. Библіографическій Листокъ.

Январь.—Начала политической экономіи, А. А. Исаева.—Общинное владѣніе въ Россіи, Ап. А. Карелина.—Восьмичасовой рабочій день, С. Веббе и Х. Кокса.—Исторія одного маленькаго человѣка, М. Гранстремъ.—Два героя по Фальвенгорсту.— Столѣтіе открытія по Шотту и др., Э. Гранстремъ.— **Февраль.**— Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, К. Д. Ушинскаго, 8-е изд.—Сочиненія В. Д. Спасовича, т. V и VI.—Пятьдесятъ лѣтъ въ Австраліи, Г. Паркса.—Второй сборникъ стихотвореній В. Л. Величко. -Стальная блоха, Н. С. Лѣскова.—**Мартъ.**—Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова, въ трехъ томахъ.—Крушеніе монархіи во Франціи, Н. Л. Любимова.—Крестьянское землепользованіе и хозяйство въ тобольской и томской губерніяхъ.—**Апрѣль.**—Сборникъ правовѣденія и общественныхъ знаній, т. II.—Святая Земля и Библія, д-ра Гейки, вып. 12.—По бѣлу свѣту, д-ра А. В. Елисѣева.—Исторія новой философіи, Фалькенберга, перев. п. р. А. И. Введенскаго. — Энциклопедическій Словарь, изд. Брокгауза и Ефрона, т. XI.—**Май.**—Исторія и теорія статистики, Л. В. Федоровича.—Е. Дюрингъ, Цѣнность жизни, перев. Ю. Антоновскаго.—Собраніе сочиненій В. В. Стасова, т. I и II.—Сельско-хозяйственная статистика Европ. Россіи, А. Фортунатова.—Призрѣніе бѣдныхъ и благотворительность, П. Георгіевскаго.—Замѣтки объ общественномъ призрѣніи.—Энциклопедическій Словарь, изд. Брокгауза и Ефрона. вып. 22.—**Іюнь.**—Основы государственнаго хозяйства, Л. З. Ходскаго.—Церковь и государство въ Женевѣ XVI в. Р. Виппера.—Государственное хозяйство Швеціи, Эд. Берендтса.—Военныя дѣйствія въ ц. польскомъ въ 1863 г., С. Геекета.—Матеріалы для изученія эконом. быта госуд. крестьянъ, вып. XXI.—Исторія русской словесности, А. И. Незеленова, ч. II.—**Іюль.**—Промышленные кризисы въ современной Англіи, ихъ причины и вліяніе на народную жизнь. М. И. Туганъ-Барановскаго.—Указъ и законъ. Н. М. Коркунова.—Государственное хозяйство Швеціи. Эдуарда Берендтса.—**Августъ.**—Стратегія въ эпоху Наполеона I и въ наше время. Капитана Мартынова.—Баронъ М. Таубе. Исторія зарожденія современнаго международнаго права. Средніе вѣка Т. I.—Настольный Энциклопедическій словарь. Т. VI (Муромъ-Побѣдоносцевъ). Изданіе А. Граната и К°, бывшее—А. Гербеля и К°.—Русское государственное право. Т. I. проф. Н. О. Куплеваскаго.—**Сентябрь.**—Бесѣды съ дѣтьми о природѣ, Арабелы Бёрклей.—Исторія германскаго народа. К. Лампрехта, т. I, ч. 1 и 2.—Рѣчь государственнаго обвинителя въ уголовномъ судѣ, А. Левенстима.—Законы о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ, состав. М. П. Шафиръ.—**Октябрь.**—Рыболовство и законодательство, В. И. Вешнякова.—Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. 8-е изд. Н. С. Таганцева.—Изъ эпохи великихъ реформъ. 5-е изданіе. Гр. Джаншіева.—Унковскій, А. М., и освобожденіе крестьянъ, его же.—Настольный энциклопедическій словарь, вып. 79 и 80.—**Ноябрь.**—Финляндія въ XIX столѣтіи п. р. З. Топеліуса.—Къ вопросу о будущемъ нашемъ уголовномъ законодательствѣ, В. Палаузова.—Сборникъ правовѣденія и обществ. знаній, т. III.—Краткое изложеніе политической экономіи, А. Карелина.—Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи, Д. Морена.—Собраніе повѣстей и разсказовъ Ѳ. Стулли.—Сочиненія А. Луговаго, три тома.—**Декабрь.**—Л. Сазоновъ, Ростовщичество-кулачество.—Е. Водовозова, Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ.—Витковскій, За океанъ.—Ж. Коломбъ, Дѣдушкина внучка.—К. Покровскій, Путеводитель по небу.—В. Баскинъ, Русскіе композиторы: П. И. Чайковскій.

VII. Извѣщенія.

От Главной Физической Обсерваторіи (январь, 467).—Отъ Спб. Комитета Грамотности (мартъ, 467; май, 452; авг., 922; окт., 905).—Отъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (іюнь, 888; дек., 910).

1895 г.

I. Внутреннее Обозрѣніе.

личные способы распредѣленія вызываемыхъ имъ расходовъ.—Возможность одновременнаго примѣненія его къ дѣвочкамъ и мальчикамъ. — Существуетъ ли неразрывная связь между всеобщностью обученія и его обязательностью? — Школа „низшаго типа". — Одна изъ причинъ, задерживающихъ ростъ начальной школы. — Уставъ лечебныхъ заведеній и „кодификаціонная ошибка" (770 стр.).—**Май.** —Русскій музей Императора Александра III. —Газетные слухи о пересмотрѣ одной статьи закона о земскихъ начальникахъ.—Почетные земскіе начальники и ихъ помощники.—Къ чему приводитъ избытокъ вмѣшательства въ дѣла сельскихъ обществъ. — Ходатайства съѣзда дѣятелей по печатному дѣлу. —Полемика о вексельномъ уставѣ.— Инспекторская часть гражданскаго вѣдомства. -И. А. Вышнеградскій (968 стр.). — **Іюнь.** — Законъ 10 апрѣля о льготахъ по взиманію пошлинъ крѣпостныхъ и съ безмезднаго перехода имуществъ.—Проектъ уголовнаго уложенія. — Отсрочка въ осуществленіи устава лечебныхъ заведеній.—Земство и проектъ продовольственнаго устава. —Взысканіе податей съ заработка фабричныхъ и земледѣльческихъ рабочихъ. — Десятилѣтіе фабричной инспекціи (840 стр.).—**Іюль.**—Газетный проектъ упраздненія губернскихъ земскихъ учрежденій.—Значеніе губернскаго земства въ дѣлахъ непосредственно ему ввѣренныхъ, въ дѣлахъ уѣзднаго земскаго хозяйства, въ государственной и въ народной жизни.— —„Двоевластіе" въ области земскаго дѣла.—Циркуляръ тамбовскаго губернатора (338 стр.).—**Августъ.** — Безсословная волость и мелкія земскія единицы.—Земское представительство въ уѣздѣ по положенію 1864—1890 гг.— Предположенія объ улучшеніи его и послѣдняя оффиціальная программа по этому дѣлу.—Мнѣнія земскихъ собраній въ началѣ 80-хъ годовъ.—Сельскій сходъ, волостной сходъ и мѣстный судъ. — Финансовая сторона реформы.—X. (808 стр.).—**Сентябрь.** — Полемика о „феодальномъ земствѣ". —Реорганизація или уничтоженіе остзейскаго земскаго строя?—Циркуляръ о земскихъ и городскихъ ходатайствахъ. —Новые законы: положеніе о всеобщей народной переписи, пониженіе страховыхъ пошлинъ, освобожденіе земства отъ участія въ содержаніи судебно-административныхъ учрежденій, измѣненіе правилъ объ инспекторской части гражданскаго вѣдомства.—Горные рабочіе и вопросъ о наймѣ рабочихъ вообще.—Разъясненіе положенія объ усиленной охранѣ (362 стр.). — **Октябрь.**—Попечительство о домахъ трудолюбія и рабочихъ домахъ.—Судебная дѣятельность земскихъ начальниковъ, по отзывамъ печати и заключеніямъ оффиціальныхъ ревизій.—Брошюра земскаго начальника г. Чернова о тѣлесномъ наказаніи по приговорамъ волостныхъ судовъ, и распоряженіе по тому же предмету смоленскаго губернскаго присутствія.—Еще о „феодальномъ земствѣ".—Н. А. Манассеинъ †.—Письмо г. А. Александрова изъ Риги (796 стр.).—**Ноябрь.** —Перемѣна въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. — Рѣчь г. министра юстиціи въ Ревелѣ и газетные къ ней комментаріи.—Новыя ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. — „Записка", направленная противъ свѣтской начальной школы.— Предполагаемое распредѣленіе суммъ, ассигнованныхъ на церковно-приходскія школы. — Отвѣтъ „Новому Времени" (366 стр.).—**Декабрь.**—Рожденіе Е. И. В. Великой Княжны Ольги Николаевны. — Временныя правила объ арендованіи казенной земли крестьянскими товариществами. — Высочайшія отмѣтки на „Обзорѣ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ".—Предѣлы права ходатайства, въ связи съ предѣлами власти предсѣдателей земскихъ собраній.—Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ о дорожномъ капиталѣ. —Нѣсколько характеристичныхъ случаевъ (832 стр.).

II. Иностранное Обозрѣніе.

Январь.—Политическія событія истекшаго года.—Настоящее положеніе дѣлъ въ Англіи, Франціи, Германіи, Австро-Венгріи и Италіи (395 стр.).— **Февраль.** — Политическая дѣятельность Н. К. Гирса и оцѣнка ея за границей и у насъ. — Миролюбіе и воинственный патріотизмъ. — Замѣчанія г. Татищева въ „Русскомъ Вѣстникѣ". — Президентскій кризисъ во Франціи.—Новое министерство въ Венгріи.—Перемѣна кабинета въ Греціи. — Армянскій вопросъ въ Турціи. — Японскія побѣды надъ Китаемъ (876 стр.) — **Мартъ.** — Землевладѣльческая агитація въ Германіи. — Союзъ сельскихъ хозяевъ и проектъ графа Каница.— Прусская аристократія и соціализмъ. — Мѣра противъ разрушительныхъ партій.—Положеніе дѣлъ въ

Англіи.—Турецкія и болгарскія дѣла (372 стр.).—**Апрѣль.** — Борьба партій въ Германіи и князь Бисмаркъ.—Возрожденіе популярности бывшаго канцлера, въ связи съ дѣлами внутренней политики.—Оригинальныя особенности въ дѣйствіяхъ и рѣчахъ Вильгельма II (800 стр.).—**Май.**—Заключеніе мира между Японіею и Китаемъ и вопросъ о вмѣшательствѣ европейскихъ державъ. — Газетныя нападки на японцевъ и отзывы свѣдущихъ лицъ. —Ходъ переговоровъ о мирѣ. — Возможныя послѣдствія японскихъ побѣдъ и наши задачи на дальнемъ Востокѣ. —Внѣшняя политика Англіи. — Положеніе дѣлъ въ Германіи (410 стр.).—**Іюнь.**—Увлеченіе японскими дѣлами. —Неумѣстное усердіе нѣкоторыхъ газетъ.—Равнодушіе къ дѣламъ Балканскаго полуострова.—Письмо изъ Бѣлграда о сербскихъ дѣлахъ.—Отставка графа Кальноки и внѣшняя австрійская политика.—Внутреннія дѣла Германіи (816 стр.). — **Іюль.** — Международныя празднества въ Килѣ.—Вооруженныя эскадры на праздникѣ мира. —Франко-русскій союзъ и его новѣйшіе результаты.—Перемѣна министерства въ Англіи.—Неудачи лорда Росбери и шансы кабинета Сольсбери.—Министерскій кризисъ въ Австріи.—Заявленія князя Бисмарка и нѣмецкая печать.—Побѣда Криспи въ Италіи.—Реформы въ турецкой Арменіи (358 стр.). — **Августъ.**—Смерть Стамбулова. — Запоздалыя манифестаціи и обвиненія. — Политическая дѣятельность бывшаго болгарскаго диктатора и ея общіе итоги.—Болгарская депутація. — Абиссинское посольство и его возможные результаты. — Парламентскіе выборы въ Англіи и торжество новаго министерства (827 стр.).—**Сентябрь.** — Международныя чувства и отношенія. — Конференція сторонниковъ мира въ Брюсселѣ и вопросъ о международномъ третейскомъ судѣ.— Мнѣніе Іокая.—Проектъ постояннаго международнаго судилища и его значеніе. — Пререканія между французскими и нѣмецкими „патріотами“.— Министерство Сольсбери и его либеральные принципы. — Турецкія и китайскія дѣла (386 стр.).—**Октябрь.**— Военныя демонстраціи въ Германіи и Франціи. — Политическое значеніе французскихъ маневровъ.—Нынѣшній миролюбивый характеръ франко-русскаго союза.—Интересные суррогаты войны. — Военно-бюрократическіе порядки во Франціи и разоблаченія Кавеньяка.—Дѣло фонъ-Гаммерштейна (821 стр.). — **Ноябрь.** — Особенности мадагаскарской экспедиціи и французскій бюрократизмъ. — Внѣшніе успѣхи и внутреннія неудачи министерства Рибо.—Защитники рабочаго класса въ парламентѣ.—Министерскій кризисъ во Франціи и его причины.— Перемѣна министерства въ Австріи. —Событія въ Константинополѣ и на дальнемъ Востокѣ (398 стр.).—**Декабрь.** —„Турецкія звѣрства“ и армянскій вопросъ.—Странная перемѣна ролей въ политикѣ и журналистикѣ.—Англійскіе обличители турокъ и русскіе ихъ защитники.—Политика великихъ державъ. — Лордъ Сольсбери и турецкій султанъ. — Дворцовая партія въ Константинополѣ и мнимыя реформы.— Внутреннія дѣла въ Австріи (852 стр.).

III. Литературное Обозрѣніе.

Январь.—Сочиненія Г. С. Сковороды, изд. проф. Д. И. Багалѣемъ.—Критическіе очерки Н. К. Михайловскаго. —Описаніе Амурской области, Г. Е. Грумъ-Гржимайло.—Т.—Русскіе символисты, вып. 2.—Вл. С.—Новыя книги и брошюры (407 стр.).—**Февраль.**— Антоній Радивиловскій, южно-русскій проповѣдникъ XVII-го вѣка, М. Марковскаго.—Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла, т. XXV. — Объ открытіи Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія При-Амурскаго отдѣла И. Р. Геогр. Общества.—Якутскіе разсказы, В. Сѣрошевскаго.—Т.—Стихотворенія Ек. Бекетовой, посмертное изданіе.—L.— Новыя книги и брошюры (891 стр.).— **Мартъ.**—А. С. Пругавинъ, Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. —А. П.—Матеріалы для біографіи Гоголя, В. И. Шенрока.—Иллиризмъ, П. Кулаковскаго.—Т.—Новыя книги и брошюры (385 стр.).—**Апрѣль.**—Ив. Ждановъ, Русскій былевой эпосъ.— Діонео, На крайнемъ сѣв.-востокѣ Сибири.—А. Я. Максимовъ, На далекомъ Востокѣ.—Т.—Новыя книги и брошюры (805 стр.).—**Май.**—„Починъ“, сборн. Общ. люб. русск. словесности.—Изъ путешествія по В. Сибири и т. д., А. В. Потаниной.—Письма Аксаковыхъ къ Тургеневу.—Историческій очеркъ русскаго книгопечатнаго дѣла, И. Божерянова.—Т.—Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію, Н. Бельтова.—Л. С.—Новыя книги и брошюры (424 стр.).—**Іюнь.**—Я. К. Гротъ.—Памяти Н. С. Тихонравова.— О народномъ театрѣ, Ив. Щеглова.— Т.—Новыя книги и брошюры (870 стр.).

—**Іюль.**—Н. Х. Бунге, Очерки политико-экономической литературы. — И. И. Янжула.—Е. А. Бѣловъ, Русская исторія до реформы Петра Великаго.— Собраніе сочиненій Гёте, въ переводѣ русск. писателей, п. р. П. Вейнберга.— Памяти Я. А. Коменскаго.—Т.—Реформа на очереди. И. П. Сокальскаго. —Л. С.—Новыя книги и брошюры (391 стр.).—**Августъ.**—Отчетъ Импер. Публичной Библіотеки за 1892 годъ.— Автобіографія Гервинуса. Перев. Эд. Циммермана.—Этюды о русской читающей публикѣ. Н. Рубакина.—Т.— Оттуда, разсказы Сергѣя Норманскаго (Сигмы).—В. Л. — Талицкій (Сергѣй Шараповъ). Бумажный рубль (его теорія и практика).—Л. С.—Новыя книги и брошюры (836 стр.). — **Сентябрь.**— Избранныя педагогическія сочиненія Песталоцци, ч. I-IV, перев. В. Смирнова.—Условія распространенія образованія въ народѣ, В. Н. Вахтерова.— Т.—Новыя книги и брошюры (399 стр.). —**Октябрь.**—Мнѣнія русскихъ людей о лучшихъ книгахъ для чтенія, М. Ледерле.—Великорусскія народныя пѣсни, А. И. Соболевскаго.—Востокъ и Западъ въ русской исторіи, Е. Шмурло. —Т.—Новыя книги и брошюры (831 стр.).—**Ноябрь.**—Отразительное писаніе о новоизобрѣтенномъ пути самоубійственныхъ смертей, сообщ. Хр. Лопарева.—А. П.—Програмы домашняго чтенія на первый годъ систематическаго курса.—Т.—Новыя книги и брошюры (422 стр.).—**Декабрь.**—В. В. Верещагинъ: 1) Наполеонъ I въ Россіи; 2) Иллюстрированныя автобіографіи; 3) На Сѣверной Двинѣ.—Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ.—Очерки русской жизни, В. В. Шелгунова.—Ив. С. Тургеневъ, Ив. Иванова.—А. П.—Новыя книги и брошюры (866 стр.).

IV. Новости иностранной литературы.

Январь.—I. The work of John Ruskin, its influence upon modern thought and life, by Charles Waldstein.—З. В. (429 стр.).—**Февраль.**—I. La Politique, par Charles Benoist. — II. Gedichtes von M. Lermontoff, im Versmass des Originals, von Fr. Fiedler. — В. (902 стр.). — **Мартъ.** — I. Jules Lemaitre, Impressions de théâtre.—II. Percy Russell. A guide to British and American novels.—З. В. (408 стр.).— **Апрѣль.**—Les littératures populaires de toutes les nations. J. Maisonneuve.— Ал. С-л-нъ (822 стр.).—**Май.**—I. Paul Bourget, Outre-Mer.—II. H. Oelsner, The influence of Dante on modern thought.—З. В. (443 стр.).—**Іюнь.**— Pierre Loti, Jerusalem.—В. (889 стр.). —**Іюль.**—A. Croabbon, La science du point d'honneur.—И. Ивановскаго.— II. Ad. Brisson, La Comédie Littéraire. —III. Ernst Gnad, Litterarische Essays. —З. В. (410 стр.).—**Августъ.** — I. F. Brunetière. Nouveaux essais sur la littérature contemporaine. — II. Laura Marholm. Das Buch der Frauen.—З. В. (861 стр.).—**Сентябрь.**—I. L. Johnson. The art of T. Hardy.—II. G. Deschamps, La vie et les livres.—З. В. (411 стр.). —**Октябрь.**—I. H. Bahr. Studien. Zur Kritik der Modernen.—II. T. de Wyzewa. Nos Maîtres. Etudes et portraits littéraires—З. В. (852 стр.).—**Ноябрь.** —I. The Green Carnation, London. W. Heinemann.—II. L. Daudet. Les „Kamtchatka". Moeurs Contemporaines.—III. J. Bois. Les petites religions de Paris. —З. В. (437 стр.).—**Декабрь.**—I. Portraits intimes, par. Ad. Brisson.—З. В. (881 стр.).

V. Изъ Общественной Хроники.

Январь.—Новая организація общественнаго призрѣнія въ Москвѣ.— Странный взглядъ на благотворительность.—Значеніе благотворительности для самихъ благотворителей.—Характеристичные процессы.—Земства грайворонское и весьегонское.—Любопытныя статистическія данныя.—Забавныя недоразумѣнія въ печати (441 стр.). —**Февраль.**—Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ полтавскомъ и московскомъ земствѣ.—Предубѣжденія, могущія помѣшать его дальнѣйшему движенію.— Столѣтняя годовщина дня рожденія Грибоѣдова (906 стр.).—**Мартъ.**—Совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ по вопросу о судѣ присяжныхъ.—Заключительная рѣчь А. Ѳ. Кони.—Дѣло объ убійствѣ студента Довнара.—Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ губерніяхъ саратовской, тверской, нижегородской.—Сообщеніе объ уличныхъ безпорядкахъ 8-го февраля (421 стр.).—**Апрѣль.**—Организація помощи, созданной Именнымъ указомъ 13-го января.—Попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ.—Оригинальная параллель между до-реформеннымъ судомъ и судомъ присяжныхъ.—Излишняя подробность уголовныхъ слѣдствій и ея причины. — „Церковный Вѣстникъ" о причинахъ неудовлетвори-

тельности преподаванія Закона Божія въ городскихъ начальныхъ училищахъ. —Post-scriptum (846 стр.). — **Май.**— Новые подвиги газетныхъ „добровольцевъ".—Митава, какъ „цитадель балтизма".—Люблинскій епископъ и польскій языкъ.—Обвинительный актъ противъ орловскаго комитета народныхъ чтеній.—„Добровольческая" театральная цензура.—Разногласіе въ адвокатской средѣ.—Несправедливое нападеніе на Петербургъ.—Главъ Фрейтагъ † (456 стр.).—**Іюнь.**—Организація академической коммиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ. — Предстоящее открытіе женскаго медицинскаго института.—Имѣетъ ли высшее медицинское образованіе женщинъ право на матеріальную поддержку государства?—Дальнѣйшія pia desideria высшаго женскаго образованія. — П. В. Павловъ †.—Post-scriptum: Новый эпизодъ изъ войны городского фильтра съ ключевою водою (895 стр.).—**Іюль.** —Современное молодое поколѣніе.— Полемика двухъ представителей его съ проф. Карѣевымъ, по поводу „Писемъ" послѣдняго къ учащейся молодежи.—Что мѣшаетъ у насъ устройству „бродячаго университета".—Еще нѣсколько словъ объ „образцовомъ земствѣ".—Отзывъ „Московскихъ Вѣдомостей" о Н. Х. Бунге.—Д. А. Ровинскій † (426 стр.).—**Августъ.**—По поводу ожидаемаго законопроекта по дѣламъ общественнаго призрѣнія.— Значеніе „попечительныхъ станцій" въ общей организаціи такого призрѣнія. — Подобный вопросъ въ другихъ странахъ: пренія въ прусской палатѣ депутатовъ.—Отношенія нашего земства и городовъ къ дѣлу общественнаго призрѣнія.—Проектъ дома труда въ С.-Петербургѣ и его недостатки.— Объясненія тверской губернской земской управы по Бурашевской психіатрической колоніи.—Н. Н. Буличъ † (873 стр.).—**Сентябрь.**—Вольныя и невольныя недоразумѣнія по вопросу о церковно-приходской школѣ.—Недавніе факты, способствующіе разъясненію этого вопроса.—Опредѣленіе нижегородскаго епархіальнаго училищнаго совѣта по дѣлу А. А. Штевенъ и различныя мнѣнія, вызванныя имъ въ печати. - Женскій медицинскій институтъ.—Недавнія потери, понесенныя обществомъ и литературой (423 стр.).— **Октябрь.**— Новые обвинители А. А. Штевенъ.—Судьбы народной школы въ арзамасскомъ уѣздѣ.—Письмо г. Рузскаго.—Черниговскіе крестьяне и земство.—Городскія начальныя училища въ Москвѣ —Полемическіе пріемы „охранительной" печати.—Н. А. Бѣлоголовый † (864 стр.).—**Ноябрь.**— „Поощреніе", худшее чѣмъ „оборваніе".—Шестидесятые годы; ихъ обвинитель—г. Рачинскій, ихъ лѣтописецъ В. П. Острогорскій, ихъ представительница—Н. В. Стасова.—В. Г. Короленко о „мультанскомъ" убійствѣ.— Полицейскія злоупотребленія. — Нѣсколько газетныхъ отзывовъ.—Юрьевскій университетъ (449 стр.).—**Декабрь.**—Новѣйшая „эволюція" газетныхъ противниковъ свѣтской народной школы.—*Свое* и *чужое* въ области начальнаго обученія.—Попытки перенести вопросъ о всеобщемъ обученіи на политическую почву. — Полезная откровенность. — Ильинская школа.— Многозначительныя цифры. — „Вопросъ" о тужуркахъ. — Превращенія въ „Гражданинѣ" (886 стр.).

VI. Библіографическій Листокъ.

Январь.—Промышленные синдикаты, И. И. Янжула.—Объ умѣ и познаніи, Ипп. Тэна.—Всеобщая исторія литературы, В. Ѳ. Корша, вып. 1.—Путешествіе по Туркестану, Сѣверцова и Федченки, излож. М. А. Лялиной.— Древняя исторія народовъ Востока, Ж. Масперо. — **Февраль.** — Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ государствъ, А. Д. Градовскаго. —Основные моменты въ развитіи новой философіи, Н. Я. Грота.—Земля, Эл. Реклю, вып. 1.—Эгоистъ, ром. Дж. Мередитъ. — Историко - философскіе этюды, Н. Карѣева.—Положеніе о надзорѣ за дѣятельностью страховыхъ учрежденій и обществъ.—Маленькій разночинъ, А. Женневрэ.—**Мартъ.**— „Habeas Corpus" Актъ, В. Ф. Дерюжинскаго.—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, т. IX. Матеріалы для женскаго образованія въ Россіи, Е. О. Лихачевой.—**Апрѣль.**— Современная Россія, Карлетти.—Домъ и хозяйство, М. Ределинъ. — Автобіографія Гервинуса.—Очерки с.-ам. Штатовъ, П. А. Тверского.—Настольный Энциклопедическій Словарь, изд. Гранатъ, вып. 97 и 98.—Изъ исторіи родной земли, Д. И. Тихомирова.— **Май.**—Вліяніе морской силы на исторію, А. Мэхэна, перев. Н. П. Азбелева.—Домашній бытъ русскихъ царей, Ив. Забѣлина, ч. I.—Происхожденіе современной демократіи, М. М. Ковалевскаго.—Очерки теоретической экономіи, В. В.—Судебная психопатологія

Р. Крафтъ-Эбинга. — Стихотворенія Бодлэра, изд. К. Бальмонта.—Іюнь.— Очерки политико-экономической литературы, Н. Х Бунге.—Нефтяная промышленность Соед. Штатовъ, Ст. Гулишамбарова.—Исторія русской литературы, ч. I, А. Незеленова.—Русская поэзія, вып. V, С. Венгерова.—Сочиненія Шелли, вып. 2, перев. К. Бальмонта. — Іюль. — Собраніе сочиненій Андерсена въ 4-хъ т. Пер. А. и П. Ганзенъ.—В. Г. Яроцкій, Страхованіе рабочихъ въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей.—Дж. В. Дрэперъ. Исторія умственнаго развитія Европы. Пер. М. В. Лучицкой, п. р. проф. И. В. Лучицкаго.—Историческое Обозрѣніе. сборн. Истор. общ. при Имп. спб. унив. —Эрнестъ Магаймъ, проф. Льежскаго университета. Профессіональные рабочіе союзы. Пер. съ франц. Н. Водовозова.—К. В. Назарьева. Драмы и комедіи.—Августъ.—Сочиненія Н. В. Шелгунова. Второе изданіе. Съ портретомъ автора и вступительною статьею Н. Михайловскаго. Т. I—II.—Краткій обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за первый годъ его существованія. — Гиббинсъ. — Промышленная исторія Англіи. Перев. съ англ., съ примѣч. и предисл. А. В. Каменскаго.— Эдуардъ Родъ. Вопросы жизни. Романъ. Перев. съ франц. О. Н. Хмѣлевской.—Сентябрь. — Э. Берендтсъ, О шведско-норвежской уніи.—Фюстель де-Куланжъ, Древняя гражданская община.—А. Мануиловъ, Аренда земли въ Ирландіи.—Учебникъ древней исторіи, вып. I. С. Зенченко.—В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Военно-уголовное право, часть общая. — Октябрь.—Ф. Мартенса, Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, т. I.—Кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго. Русская родословная книга, т. I и II. —А. Трачевскаго, Русская исторія, ч. I и II, 2-е изд.—В. Острогорскаго, Изъ исторіи моего учительства.—Н. Карѣева, Мысли объ основахъ нравственности.—Вл. Соловьева, Стихотворенія. —Ноябрь.—Изъ литературы и жизни, Е. И. Утина, 2 т.—Нѣкоторыя черты народнаго образованія въ С.-Штатахъ, Д. П. Маленькій милліонеръ, М. Ливингстонъ-Мооди, пер. М. Гранстремъ. Жуковскій, какъ переводчикъ Шиллера. Вл. Чешихина.—Мысли о сущности общественной дѣятельности, Н. Карѣева. — Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Т. II.—Декабрь. — А. Г. Рубинштейнъ, очеркъ С. Кавосъ-Дехтеревой. —Мелкое производство въ Россіи, В. П. — Государственное хозяйство Англіи, Г. Каменскаго. — Семейство Бранта, О. Петерсонъ. — Сборникъ правовѣденія и общ. знанія, труды моск. юридич. общества, т. V. — Возникновеніе брака и семьи, К. Каутскаго.

VII. Извѣщенія.

Отъ С.-Петербургскаго Фребелевскаго Общества для содѣйствія первоначальному воспитанію (январь, 456).— I. Изъ отчетовъ секретаря и казначея Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—II. Воззваніе о пожертвованіи на сооруженіе памятника Императору Петру Великому въ г. Таганрогѣ (февраль, 915).— Изъ отчета секретаря и казначея общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за январь—апрѣль 1895 г. (іюнь, 912).—I. Отъ Имп. Вольнаго Экономическаго Общества.—II. Отъ Комитета Грамотности при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства (августъ, 885).— Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія (сентябрь, 439; окт., 881).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ АВТОРОВЪ *).

*) Цифры при именахъ авторовъ обозначаютъ страницы дополнительнаго Каталога, на которыхъ указаны заглавія ихъ статей.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

А. Г. Рубинштейнъ. Біографическій очеркъ (1829—1894) и музыкальныя лекціи (курсъ фортепіанной литературы. 1888—1889). Съ 2 портретами и 35 нотными примѣрами. Софіи Кавосъ-Дехтеревой. Спб. 95. Ц. 2 р.

Авторъ воспользовался для своего, весьма обстоятельнаго, очерка жизни покойнаго Рубинштейна какъ автобіографическими воспоминаніями, такъ и всѣмъ, что сообщалось о его жизни въ нашей и иностранной литературѣ, а также личными воспоминаніями о покойномъ знавшихъ его болѣе близко. За краткимъ очеркомъ дѣтства и первой юности, авторъ болѣе подробно излагаетъ исторію музыкальнаго образованія А. Г. за границею до 1849 г., когда онъ поселился въ Петербургѣ, гдѣ впослѣдствіи ему предстояло присоединить къ его всесвѣтной славѣ память основателя музыкальнаго общества, а впослѣдствіи и консерваторіи. Въ приложеніяхъ, сверхъ 32 музыкальныхъ лекцій, записанныхъ лично авторомъ, помѣщенъ подробный списокъ всѣхъ произведеній Рубинштейна.

Мелкое производство въ Россіи. II. Артельныя начинанія русскаго общества. В. В. Спб. 1895. Стр. 103. Ц. 1 р.

Въ книгѣ г. В. В. собраны интересныя свѣдѣнія объ артельныхъ предпріятіяхъ, устроенныхъ по почину разныхъ лицъ и учрежденій, начиная съ 60-хъ годовъ. Послѣ крестьянской реформы живо чувствовалась въ нашемъ обществѣ потребность прийти на помощь народу въ организаціи мелкой промышленности и мелкаго кредита; многія попытки этого рода,—какъ замѣчаетъ авторъ,—канули въ Лету забвенія; „но двѣ изъ нихъ получили историческое значеніе, такъ какъ сдѣлались исходными пунктами широкаго движенія, имѣющаго общественный характеръ“: это именно устройство г. С. Лугининымъ въ 1865 году перваго въ Россіи сельскаго ссудосберегательнаго товарищества, и введеніе г. Н. Верещагинымъ артельнаго сыроваренія и маслодѣлія. Авторъ подробно объясняетъ значеніе искусственныхъ артелей въ отличіе отъ бытовыхъ и указываетъ на особенности ихъ организаціи и способовъ дѣйствія; въ книжкѣ приведены также любопытные факты относительно артелей въ заводской промышленности,—факты, доказывающіе примѣнимость артельныхъ началъ не только къ мелкимъ кустарнымъ промысламъ, но и къ крупному производству.

Государственное хозяйство Англіи за шесть лѣтъ управленія министерства тори: 1887—8 1892—3 гг. Г. П. Каменскаго. Спб. 1895. Стр. XX+376. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ желалъ представить въ своей книгѣ наглядную картину государственнаго хозяйства въ Англіи, и съ этою цѣлью онъ выбралъ періодъ шестилѣтней финансовой администраціи Гошена при торійскомъ министерствѣ лорда Сольсбери. Изображеніе подробностей финансоваго управленія Гошена—во многихъ отношеніяхъ образцоваго—даетъ автору возможность ознакомить читателей съ сложнымъ и цѣлесообразнымъ механизмомъ приготовленія, утвержденія и исполненія англійскихъ бюджетовъ, а также финансовой отчетности и контроля. Контроль „сопровождаетъ самое исполненіе смѣтъ во всѣхъ его стадіяхъ; расходующія вѣдомства подчинены ему въ каждой производимой ими затратѣ; это предохраняющій контроль, предупреждающій возможную неправильность въ самомъ исполненіи смѣтъ, именно когда это исполненіе происходитъ“. Дѣятельность Гошена сама по себѣ разобрана авторомъ весьма обстоятельно, причемъ справедливо выставлена на первый планъ наиболѣе характерная ея черта—подчиненіе чисто-фискальныхъ цѣлей и соображеній государственнымъ и народнымъ интересамъ, понимаемымъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Многолѣтнее пребываніе въ Англіи облегчило автору исполненіе предпринятой имъ работы.

Семейство Бронте (Керреръ, Эллисъ и Антонъ Белль). Съ портретомъ Шарлотты Бронтё. О. Петерсонъ Спб. 1895. Стр. 232. Ц. 1 р.

Подъ псевдонимами Керреръ, Эллисъ и Антонъ Белль прославились въ Англіи, въ сороковыхъ годахъ, три автора, относительно которыхъ долго существовала въ литературѣ и въ обществѣ полная неизвѣстность: никто не зналъ ни дѣйствительныхъ именъ ихъ, ни соціальнаго ихъ положенія, ни ихъ взаимныхъ отношеній, родственныхъ или иныхъ, на которыя указывала общность фамильнаго имени „Белль“. Романъ Керреръ Белль, подъ заглавіемъ „Дженни Эйръ“, имѣлъ въ свое время огромный успѣхъ; большой интересъ возбудили также романы Эллисъ Белль („Бурныя вершины“) и Антонъ Белль („Агнеса Грей“). Авторами, какъ обнаружилось позднѣе, были три сестры, дочери пастора Бронтё, скромныя провинціальныя гувернантки. Книга г-жи О. Петерсонъ посвящена описанію жизни и дѣятельности этихъ талантливыхъ, преждевременно умершихъ женщинъ. Доходы съ изданія, какъ значится на заглавномъ листѣ, предназначены въ пользу общества вспоможенія бывшимъ слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ.

Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Труды юрид. общества, состоящ. при имп. моск. университетѣ. Т. V. Спб. 95. Ц. 2 р. 50 к.

Вышедшій нынѣ пятый томъ „Сборника“ составленъ столь же интересно и разнообразно, какъ и предшествующіе томы; особенно обращаютъ на себя вниманіе статьи—г. Ник. Водовозова объ экономическихъ идеяхъ французскихъ католиковъ, г. М. Туганъ-Барановскаго о промышленныхъ кризисахъ, г. П. Обнинскаго о мировыхъ судьяхъ и ихъ преемникахъ, и г. В. Сторожева объ изслѣдованіи революціонной эпохи въ книгѣ М. М. Ковалевскаго. Въ отдѣлѣ хроники помѣщенъ, между прочимъ, отчетъ гр. Л. Камаровскаго о конференціи по частному международному праву въ Гагѣ въ 1894 году; затѣмъ идутъ обычные обзоры русскаго законодательства и литературы по государственному и административному праву, по вопросамъ экономическимъ и финансовымъ.

Карлъ Каутскій. Возникновеніе брака и семьи. Спб., 1895. Стр. 120. Ц. 50 к.

Въ небольшомъ этюдѣ г. Каутскаго изложены и разобраны новѣйшіе взгляды ученыхъ изслѣдователей на происхожденіе различныхъ формъ брака и семьи, при чемъ авторъ пытается объяснить извѣстные факты съ своей особой точки зрѣнія. Написанная бойко и талантливо, книжка во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ **1896** г.
(Тридцать-первый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ: Январь	Іюль	По четвертямъ года: Январь	Апрѣль	Іюль	Октябр.
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Принимается подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1896 г.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха; и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

